

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

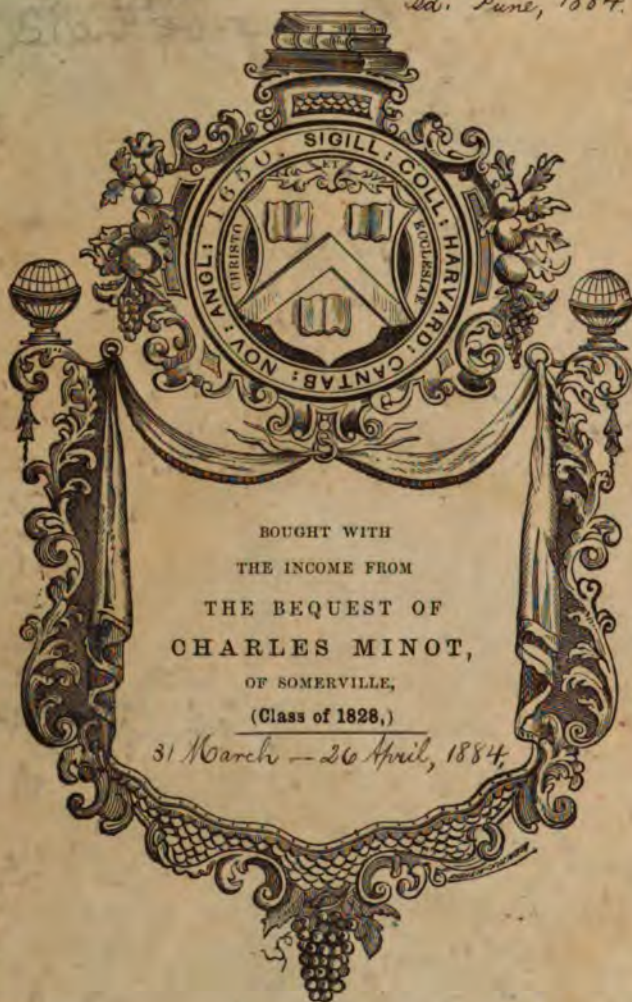
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav
17C
25

Ed. June, 1884.

31 March — 26 April, 1884.

КНИГА 3-я. — МАРТЪ, 1884.

Стр.

I.—ПЯТИХИНЫ ДѢТИ.—Изъ чужихъ воспоминаній.—Тетрадь № 1.—А. Н. Эртеля.	5
II.—РИХАРДЪ ВАГНЕРЪ.—Биографическій очеркъ.—I-II.—Н. А. Трифонова . . .	46
III.—СТИХОТВОРЕНИЯ.—I. Пазьма.—II. Пророку.—III. Нипоткъ.—С. Мосолова . . .	87
IV.—ЖИЛКА.—Изъ рассказовъ о золотѣ.—XV-XIX.—Д. Н. Мамина	91
V.—СТИХОТВОРЕНИЯ.—I. Сонеты.—II. Изъ путевыхъ замѣтокъ.—М. А.	143
VI.—КОНСТАНТИНЪ АЕСАКОВЪ.—1817—1860.—I.—А. Н. Пыпина	145
VII.—БЕЛИНДА.—Романъ, соч. Роды Браутоновъ.—Періодъ первый.—I.—А. Э.	178
VIII.—СТИХОТВОРЕНИЯ.—Вѣчный сонъ.—Д. Н. нтъ	230
IX.—ПО ИСПАНИИ.—Изъ путешествія.—X-XV.—Окончаніе.—Д. Л. Мордовцева . . .	233
X.—НЕГРЪ-ПАСТОРЪ ДЖОНЪ КРИДИ.—Разсказъ, съ англ.—А. Э.	271
XI.—СТИХОТВОРЕНИЯ.—А. М.—въ	288
XII.—ХРОНИКА.—РАЗЛУЧЕНІЕ СУПРУГОВЪ, какъ необходимый институтъ брач- наго права.—К. К. Арсеньева	290
XIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Мелкія вѣщинки въ земскомъ Положеніи, и крупный земскій пеурядиш.—Земская избирательная система, какъ главный ихъ источникъ.—Сословное прожектёрство, и его судьба.—Петербургское дворянское собраніе.—Сессія губернскихъ земскихъ собраній.—Новѣйшія законодательныя мѣры.—М. Е. Ковалевскій †	327
XIV.—ЗАВѢТЫЕ ПАХАРИ.—Замѣтка.—Ф. О. Воропенова	345
XV.—ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.—Тяжелъ.—Т.	362
XVI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Особенности внѣшней политики въ Европѣ въ настоящее время.—Преимущества отдѣльныхъ экспедицій и колоніальныхъ заботъ.—Египетскія дѣла и англійская дипломатія.—Нападки на Гладстона.— Общее положеніе дѣлъ въ континентальной Европѣ.—Кн. Бисмаркъ и Ласкеръ. —Оближеніе Германіи съ Россіею.—Исключительные законы въ Австріи.— Консерватизмъ въ Испаніи и Франціи	372
XVII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Сочиненія кн. П. А. Вяземскаго, т. IX.— Сочиненія Козьмы Пруткова.—Географическій словарь, Я. К. Голованскаго.— А. П.—О плебисцитѣ въ международномъ правѣ, Л. Лодигенскаго.—О проис- хожденіи и сущности вѣно-чиншевого права, Л. В. Гантовера, в. I.—Д. С. Описаніе славяно-русскихъ книгъ, И. Каратаева.—М. II.—II.—Понатіе о власти и народѣ въ пасажахъ 1783 г., В. Герье.—В. Александровъ, Задача и организация школьнаго дѣла въ уѣздѣ, кн. III.—Отчетъ о первомъ сѣздѣ учительницъ въ Твери, Д. Тихомірова.—К. К.	386
XVIII.—ЗАМѢТКА.—По поводу юбилея перваго русскаго печатника Ивана Федорова. —В. К.	413
XIX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Продолженіе явланокъ на судѣ.—Дѣло г. Зографа и „Московскія Вѣдомости“.—Судъ, администрація и печать.— Вопросъ о правахъ незаконнорожденныхъ дѣтей въ юридическомъ обществѣ.— 25-лѣтіе литературнаго фонда.—Рѣчь г. Вазина въ одесской думѣ.—Литера- турный судъ чести	420
XX.—ОТЪ РЕДАКЦІИ.—По поводу письма въ редакцію П. А. Висковатого	435
XXI.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Хроника петербургскихъ театровъ, ч. III. А. Н. Воляфа.—Очерки исторіи украинской литературы XIX стол., Н. И. Петрова.—Иллюстрація къ „Запискамъ сумасшедшаго“, К. Шаниро.—Соціаль- ный недугъ, Г. Дальтона.—Хлѣбъ насущный, Н. Неплюева.—Война въ Турк- меніи, т. III, Н. Н. Гродкова	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже, XVI стр.

См. объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1884 г., см. ниже, на оберткѣ.

98/
524
ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ XLVIII. — ТОМЪ CCLXXX. — 1/18 МАРТА, 1884.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ШЕСТОЙ ТОМЪ

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1884

Star-30.2

10-24-2016 31-01-2017

(877)

MAR 31 1884

ПЯТИХИНЫ ДѢТИ

ИЗЪ ЧУЖИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Посылается памяти Ивана Сергѣевича Тургенева.

Перебирая мои бумаги, я нашелъ въ нихъ цѣлую пачку тоненькихъ тетрадокъ и перелистовалъ ихъ. Это были довольно связные рассказы, съ странными отступленіями: не то рассказъ, не то письма къ кому-то. Чьи это тетрадки — не знаю. Какъ попали въ мои бумаги — не помню. Но содержаніе ихъ показалось мнѣ не безынтереснымъ. Тетрадки перенумерованы.

ТЕТРАДЬ № 1.

...Что же такое жизнь?

Жизнь есть садъ безплодный, говоритъ Гамлетъ. «Жизнь — шаръ стеклянный, на волосѣхъ висящій», вѣщаетъ знакомый мнѣ усманскій протопопъ. Что же ты-то мнѣ скажешь, ученый ты человѣкъ, біологъ, соціологъ... и какъ еще тамъ тебя? Научи, подумай тамъ, среди твоихъ книгъ, впитавшихъ въ себя такую гибель ума и познаній...

Шучу. Я тебя не спрашиваю. Да и не такой ужъ я Пилать, чтобъ задавать вопросы, растяжные какъ гуттаперча, — гуттаперчевые вопросы. Знаю и безъ тебя, что отвѣты возможны одни — декоративные, и что въ этомъ-то смыслѣ мой протопопъ, пожалуй, и не ниже Шекспира. А если это такъ, то и ты вѣдь выше протопопа не прыгнешь?

Но разъ отвѣтамъ указано вертѣться въ области иллюстраціи, я бы выбралъ старое клише, наивное клише,—клише во вкусѣ романтика Дорэ... Я выбралъ бы взволнованное, встревоженное море. И это такъ встаетъ, такъ идетъ ко мнѣ, къ неученому человѣку, затерянному въ степныхъ сугробахъ...

Оно волнуется, это море, и хлопочетъ гдѣ-то вдали... И мнѣ, стоящему на скучной отмели, по временамъ чудится шумъ его, смутный и грозный. И тоска обнимаетъ меня тогда,—непрестанный рокотъ волнъ внушаетъ странную тревогу. Все существо мое проникается жалостью... Къ кому?—я и самъ не могъ бы отвѣтить.

Но когда прихотливое море достигаетъ до меня не однимъ только рокотаньемъ своимъ, когда оно плеснетъ на мою отмель сѣдою и грязною пѣной и вышвырнетъ какую-нибудь жестоко изуродованную щепку въ видѣ истерзаннаго и разбитаго человѣка,—о, какой неутолимой болью загорается мое сердце!.. Вся внутренняя суть, все ненасытное жерло этого необузданнаго вѣтра, становится предо мной въ яркомъ и тѣмъ не менѣе мучительномъ освѣщеніи...

А между тѣмъ, другъ мой, говорятъ, въ старину изъ этого мутнаго жерла выходило что-то подобное ослѣпительно-прекрасной Афродитѣ: цѣлность монолита и гармонія струнъ равномерно натянутыхъ... Гдѣ она теперь эта благосклонная способность рождать Афродитъ? Или и способность эта—мнѣ, и повсюду, всегда, съ вѣчной и непреклонной неизмѣнностью волны то и дѣло, что рокотали непонятную и жестокую «сагу», и безжалостно разбивали въ дребезги все, что не укладывалось въ скучное и утомительно-однообразное теченіе?..

Хочется не вѣрить, хочется ждать новой «Афродиты», хочется отдохнуть, наконецъ, отъ этого подавляющаго изобилія отбросовъ, провозвѣщающихъ одну только жестокость, одно бессмысліе, пресловутаго «жизнейскаго моря»...

Дождемся ли? Отдохнемъ ли?

А пока слушай.

I.

Я ѣхалъ святками изъ Воронежа. Дорога была гладкая и торная. Соломенныя вешки такъ и рыбли въ глазахъ. Но въ небѣ низко бродили тучи, и подземка струилась надъ сугробами. Дѣло вклонилось къ вечеру. Мнѣ приходилось свернуть съ большой дороги и ѣхать верстъ пятнадцать проселкомъ, а минуя эти

пятнадцать верстъ, ночевать у знакомаго мужика Калистрата. Но вѣтеръ крѣпчалъ, тучи подозрительно сгущались... и не успѣлъ еще я свернуть на проселокъ, какъ запорошилъ твердый и жесткій снѣгъ. И чѣмъ ближе надвигались сумерки, тѣмъ все болѣе и болѣе снѣгъ усиливался; вѣтеръ игралъ имъ и крутилъ его медленными волнами. Вдали, точно пылъ стояла, сѣдая и таинственная. Заря горѣла сквозь тучи, освѣщая поле бронзовымъ, суровымъ свѣтомъ. Лошадь моя фыркала и поводила ушами.

Ты знаешь, въ душѣ я неисправимый степнякъ, и эти холодныя вьюги съ ихъ разгульнымъ завываніемъ милы мнѣ, но, признаюсь, на этотъ разъ я струсилъ: я былъ одинъ, и лошадь моя не знала этой дороги; жилье же было далеко. Но нужно было покориться. Я pokrѣпче подпоясалъ свой овчинный тулупъ, плотнѣе усьлся, надвинулъ шапку и зорко сталъ смотрѣть въ даль. Даль же эта темнѣла, мутнѣла, хмурилась безъ конца. Дорогу заметало. Подъ полозьями пищалъ сухой снѣгъ, волнообразными наносами улегшійся тамъ и сямъ. Сани ползли торопко и неровно.

И немного спустя свѣта стало не видно. Въ одномъ мѣстѣ лошадь пошла шагомъ; я въ нетерпѣніи ударилъ ее, и она, разсерженная, поскакала. Я натянулъ возжи, но сани прыгали, снѣгъ взвивался изъ подъ копытъ, и меня неудержимо влекло въ какое-то мутное пространство. Наконецъ, лошадь успокоилась и пошла шагомъ. И тогда я въ ужасѣ замѣтилъ, что дороги нѣтъ подъ саванами. Я поворотилъ влѣво, потомъ вправо, вѣтеръ ударилъ мнѣ въ глаза, и въ одну, и въ другую щеку, затѣмъ и въ спину... Дороги не было. Тогда я покорно опустилъ возжи и отдался на произволъ лошади.

И долго она шла вдоль поля, тяжело переступая по сугробамъ. Вьюга ревѣла тоскливо, снѣгъ кружился и падалъ... Сѣдая бедна глядѣла со всѣхъ сторонъ.

II.

И вдругъ глухо и рѣдко залаяла собака. Иногда этотъ свой лай она прерывала протяжнымъ завываніемъ, странно совпадавшимъ съ ревомъ вьюги, и тогда мнѣ казалось—неизъяснимая тоска витаетъ въ пространствѣ, и давить, и гнететь необузданными стихійными силами. И сердце мое сжималось, сжималось... Я не зналъ куда ѣхать: лай чудился тамъ и сямъ, звуки безтол-

ково переплетались въ моихъ ухахъ, и вмѣсто надежды найти жилье—во мнѣ выростало жуткое безпокойство.

Но впереди неясно зачернѣли постройки, блеснулъ огонь. Собачій лай раздался явственно и громко. И какими же привлекательными показались мнѣ теперь эти сипыне, захлебывающіеся звуки! Я подѣхалъ ближе. Растрепанная крыша обозначилась въ сторонѣ; въ узкое оконце брезжилъ свѣтъ. Я остановилъ лошадь, всталъ, подошелъ къ окну, постучалъ кутовичемъ. Собака невдалекѣ рвалась въ задорномъ визгѣ и лязгала цѣпью... Наконецъ, въ избѣ задвигались; на стеклѣ, густо запушенномъ инеемъ, заколебались тѣни. Скрипнула дверь, загремѣла щеколда... «Кто тамъ?» окликнулъ меня человекъ въ полушубкѣ, нагнутомъ на плечи. Я попросился почевать. Человекъ скрылся безъ отвѣта. На стеклѣ оконца снова зашевелились тѣни. А спустя минуту опять загремѣла щеколда. «Да ты кто такой будешь?» спросили меня настойчиво и грубо. Я сказалъ. «Ладно, держи въ воротамъ!» было отвѣтомъ, и высокій мужикъ выросъ предо мною. Я уже схватился было за уздцы, намѣреваясь вести лошадь, но бабій голосъ остановилъ насъ.

— Захаръ! Какъ же ты, Захаръ, не спрошѣ... Она, братъ, глаза-то тебѣ скоро выдеретъ!—произнесъ этотъ голосъ.

Захаръ, шедшій впереди меня, остановился.

— Это кто-жъ бы такой, напимѣрь?—спросилъ онъ задорно.

— Кто! барыня, вотъ кто.

— Много васъ тутъ чертей, — пробормоталъ Захаръ, однакоже, задоръ оставилъ его, и онъ въ задумчивости почесалъ поясницу. — Надо спроситься, — сказалъ онъ мнѣ, — тебя какъ звать-то? Я объяснилъ.

— Да кто ваша барыня?—спросилъ я.

— Барыня-то? Барыня наша—Пятыха.

— Пятова?

— Она. А у ей сынъ на болящемъ положеніи. Тоже ловежъ отвиливать!.. А еще дочь есть, барышня, въ лекаряхъ обучается... Слышалъ? Лекарки такія есть изъ господскихъ дѣтей.

— Слышалъ. Ну, ступай, докладывайся, я постою.

Захаръ еще нѣсколько подумалъ и завернулъ за уголъ. Я долго ждалъ его. У воротъ было ватныше. Только въ пеленѣ, съ тонкимъ и жалобнымъ пискомъ, крутилась вьюга... На дворѣ однообразно хрустѣли коровы своей жвачкой. Лошадь моя въ уныніи опустила голову.

— Ну, вамъ въ комнаты идти, — произнесъ внезапно появившійся Захаръ, и добавилъ: — вотъ жила-то!

— Кто?

— Да Пятыха-то наша! Какъ зашипить, зашипить на меня. «Ай постоялый дворъ», говорить, пусть, говорить, въ село ѣдетъ. «Много тутъ всякихъ, говорить... И что за человѣкъ? И за чѣмъ таскается объ эту пору?» И пошла!..—Что-жъ замерзаетъ, говорю!.. Ты посмотри, какая несетъ!..—А барчукъ услышалъ и повзвалъ. «Какъ такъ?» — такъ и такъ, молъ, замерзаетъ человѣкъ, просится ночевать, а барыня не допускаетъ. Она за мной. Вотъ ехида: завертѣлась, завертѣлась... «Что ты, Захарушка!.. Ты, Захарушка, перевралъ»... И пошла! Ахъ, ты жила... Нѣтъ, погоди, дай только до Егорія дотянуть, я тебѣ, жилѣ, пропишу грошцу!.. Ступайте въ комнаты. Барчукъ велѣлъ васъ въ комнаты, — и тутъ же закричалъ, подойдя къ оконцу:—эй, Марина, проводи вотъ въ комнаты поди!

III.

По снѣгу, мѣстами, доходившему выше коленъ, мы добрались съ Мариной до низенькаго строенія, которое она насмѣшливо назвала «хоромами». («То же хоромы—изъ лучинокъ составлены!») Ставни глухо запирали окна этихъ хоромъ и лишь въ расщелинахъ ставень тускло и трепетно мерцалъ огонь.

Въ передней,—необыкновенно низкой и затхлой комнатѣ, Марина толкнула меня и произнесла тихонько: «сама!» Я догадался, что предо мной была Пятыха. Она держала въ рукахъ недовязанный чулокъ и въ упоръ смотрѣла на меня злыми и подозрительными глазами. Все ея существо какъ бы насторожилось и напряглось въ чуткомъ вниманіи. Казалось, каждый мой жестъ внушалъ ей опасенія, и она, стоя въ дверяхъ, ведущихъ въ комнаты, ужасно напоминала мнѣ раздраженную насѣдку, защищающую дѣтенышей отъ коршуна. Огромный чепецъ, криво сидѣвшій на сѣдой головѣ, придавалъ ея морщинистому лицу, съ острыми и непріятными чертами, еще болѣе видъ задора и злости.

Я не успѣлъ еще изложить мою просьбу о ночлегѣ и развязать кушакъ, какъ она точно вцѣпилась въ меня (не могу подобрать другого выраженія) и забросала странными, отрывочными, вопросами. Голосъ ея дѣйствительно «шипѣлъ», по удачному выраженію Захара, и дрожалъ, захлебывался, волновался въ быстромъ и боязливомъ шептаніи. «Откуда ѣдешь? На что колокольчики подвязалъ? Есть у тебя такое предписаніе? По-

давай сейчасъ! — спрашивала она, и не получая отвѣта, возбужденно продолжала: — «А я не пущу! Я сама знаю законы... Ступай, куда Богъ несетъ... У насъ нѣту... У насъ занято... Нѣтъ такого положенія, чтобъ по ночамъ... Я дворянка!.. Я буду жаловаться!..»

Я стоялъ съ кушавомъ въ рукахъ, ошеломленный рѣчами старухи. А она накинута на Марину:

— Ты что! Ты рада слоняться... исекаріоты! Подстроила! Сговорила! Ты думаешь, я не видала—урядникъ-то къ тебѣ таскался!.. Я все, все видѣла... погоди ты мнѣ, сорока!.. Веди, веди его куда знаешь.

— Вы съ ума сошли! — сказалъ я громко, — за кого вы меня принимаете!

Она даже позеленѣла вся.

— Чего ты орешь! Замолчи, нельзя. Русскимъ языкомъ тебѣ сказано—нельзя... Что ты беспокоишь меня, старуху! Иди, иди съ Богомъ.

Я развелъ руками и повернулся—было къ двери, но въ это время за спиною Пѣтихи, появился молодой человѣкъ и вымолвилъ съ досадою:

— Мамаша! я вѣдь просилъ васъ...

IV.

— Раздѣвайтесь! Входите пожалуйста, — торопливо сказалъ онъ мнѣ, — извините... Мамашѣ во всемъ Лекоки чудятся... входите... Марина, дайте намъ, голубушка, чаю.

И вдругъ на лицѣ Пѣтихи изобразилась приторная, слащавая улыбка.

— Ахъ, Викторушка! — воскликнула она, — да развѣ я что... я только то имѣю въ виду—болѣзнь-то ваша безпоейная... А съ другой же стороны, мнѣ положительно одинаково... (Она пронизала меня недоброжелательнымъ взглядомъ). Но какимъ же образомъ вы запутались, говорите? (Марина! не переводи угли-то зря: на печивъ лучина есты!) Это очень интересно послушать, какъ вы запутались!

— Ахъ, оставьте! — нетерпѣливо произнесъ Викторъ.

— Молчу, молчу, Викторушка... Но я думаю имъ самимъ интересно рассказать, какъ они запутались... И при томъ же очень это вѣдь отрадно сознавать себя сохраннымъ по милости Божіей... Расскажите, расскажите!

— Но дайте ему хоть въ комнаты-то войти,—съ улыбкой возразилъ сынъ.

Пятиха даже съежилась отъ этихъ словъ и нерѣшительно отошла отъ двери.

— Ушли бы вы, Викторушка, — робко сказала она сыну, — вредно вѣдь вамъ отъ холода. — Ужасно это вредно, ежели человекъ съ мороза, — какъ бы извинилась она, обращаясь ко мнѣ.

Викторъ пожалъ плечами и скрылся. Я началъ раздѣваться: снималъ тулупъ, шарфъ, валенки... И раздѣваясь, рассказывалъ, откуда вѣхалъ и какъ сбился съ дороги. Пятиха слушала, не спуская съ меня глазъ и безпрестанно прерывая. Улыбка тотчасъ же сбѣжала съ ея лица, какъ только скрылся Викторъ. — «Такъ изъ Воронежа вѣхалъ? — спрашивала она. — Отчего же не по желѣзной дорогѣ? Отчего безъ кучера? Какъ-такъ — есть хуторъ, свое хозяйство, и вдругъ — на одной лошади? Кто же мнѣ лошадь запрягалъ въ Воронежъ? Какія у меня тамъ знакомства? Знаю-ли исправника? Часто ли заѣзжаетъ ко мнѣ становой?» — И на все на это я постарался обстоятельно ей отвѣтить. Исправника не знаю. Становой заѣзжаетъ только за недомкой. Знакомые — люди коммерческіе. Станція желѣзной дороги въ лѣсу, а въ лѣсу плохая дорога. Кучера не взялъ — на праздники отпросился.

Пятиха недовѣрчиво чмокала губами, задумывалась, чесала визальной спицей за ухомъ и вдругъ опять набросилась на Марину.

— Ты ослабла! — закричала она. — Чего ты поль-то прилила!.. Доски-то гниютъ или нѣтъ?.. Сырость-то заводится или нѣтъ?.. Бездомовница! — Она проворно сняла съ самовара трубу и заглянула внутрь. — Ошалѣла ты, дѣвка! Къ чему углей-то наворотила!.. полнешенько!.. Я тебѣ что, дурѣ, сказала: лучину жги, жги лучину. Тебѣ мало лучины? Тебѣ угли понадобились... Тебѣ пожрать ихъ хочется, а угольщикъ пріѣдетъ опять цѣлый возъ сваливай... Вѣдь они тридцать копѣекъ, неотеса, тридцать копѣекъ! Бери щипцы, вынимай, клади на сковороду, обливай водой! Ахъ, неотеса, неотеса!

Марина молчала, и только нахмуренныя брови изобличали ея досаду. Но когда ей пришлось вытаскивать изъ самовара раскаленные угли и заливать ихъ водою, — отчего по комнатѣ распространился дымъ и душливый запахъ гари, — она не вытерпѣла и воскликнула съ негодованіемъ:

— Крохами-то не соберете!

Я ожидалъ взрыва послѣ этихъ «грубыхъ» словъ, но къ удивленію моему Пятиха только пожевала губами, и, съ видомъ невнятной озабоченности, быстро шмыгнула въ комнаты.

— Вѣдьма полоумная! — насмѣшливо прошептала Марина. — И когда она, вѣдьма, перегорить со зла!

V.

Вслѣдъ за Пятихой я вошелъ въ «комнаты». Первая представляла изъ себя нѣчто въ родѣ залы, — расшатанные стулья по стѣнамъ, старенькое фортепьяно, ломберный столикъ съ ярко вычищенными подсвѣчниками, зеркало въ тяжелой рамѣ краснаго дерева... Изъ залы виднѣлась гостиная съ потертой и продавленной мебелью, неизбѣжнымъ альбомомъ на кругломъ столѣ и литографіями на стѣнахъ. Дальше дверь была затворена.

Низкіе потолки, блестящіе полы, отъ которыхъ слегка отдавало масломъ, гдѣ-то тикающіе звонко и поспѣшно часы, а пуще всего вьюга, смутно бушевавшая за стѣнами, — все это на первый разъ придавало «комнатамъ» видъ уютный. Но когда я всмотрѣлся пристальнѣй, на меня будто скукой повѣяло: ужъ очень было чисто и очень пустынно. Пахло нежилымъ. Казалось, никто не нарушалъ, ни чиннаго порядка мебели, ни холодной чистоты половъ; точно все застыло въ этомъ порядкѣ и въ этой чистотѣ.

Я остановился въ недоумѣніи. За дверью нѣсколько возвысились голоса.

— Вы бы бумажки-то свои спрятали, Викторущка, — говорила Пятиха, — въ душу-то всякому не влѣнешь. Нынче не гляди, что онъ дворянинъ, — до дѣла-то дойдетъ, пуще Каина себя окажетъ! — Да успокойтесь вы, пожалуйста, — тихо и съ замѣтнымъ раздраженіемъ отбѣчалъ Викторъ, — вотъ ужъ вовсе безопасны мои бумажки... И ради Бога не говорите такъ: вѣдь въ концѣ можно изобидѣть человѣка. Зовите его, распорядитесь на счетъ чаю... — «То-то безопасны... Бумажки безопасны, а становой проходу не даетъ!» — проворчала Пятиха и отворила скрипучую дверь.

— Идите, батюшка, въ кабинетъ къ Викторущѣ, — сказала она мнѣ, — Викторущка все пишетъ, счета мнѣ, старухѣ, сводить. Ужъ такъ задолжали мужичонки, такъ задолжали, — не придумаю что и дѣлать съ ними. Окончательно обезсовѣстись!

И она, быстро оглянувшись вокругъ, какъ будто примѣчая все ли на своемъ мѣстѣ, торопливо и безшумно проскользнула въ переднюю.

Я вошелъ къ Виктору. Не знаю, прибиралъ ли онъ «бумажки», но скудость и пустота его «кабинета» бросалась въ глаза. Голыя стѣны, голый полъ, маленькій столикъ, покрытый клеенкою, и во всему этому три неуклюжихъ стула да широкая клеенчатая софа, облупленная и продавленная, вотъ и все, что составляло обстановку. И развѣ что большая фотографія, висѣвшая надъ столомъ и изображавшая молодую дѣвушку съ милыми чертами лица и добрыми безконечно-пытливыми глазами, да чернильница, около которой были беспорядочно набросаны нумера газетъ и лежала развернутая книга, — вторгались въ эту обстановку чѣмъ-то теплымъ и жизненнымъ, и напоминали, что это не монастырская келья.

А между тѣмъ, самъ хозяинъ значительно напоминалъ отшельника. Блѣдное лицо съ вдавленными щеками, высокій лобъ, перерѣзанный морщинами, и, особенно, глаза, какъ будто мимо васъ устремленные въ какую-то глубокую и печальную даль, — все это обнаруживало, если не человѣка, носящаго желѣзныя вериги, то ужъ во всякомъ случаѣ изнывающаго отъ веригъ иного рода, — не менѣе тягостныхъ и еще болѣе скорбныхъ. Въ немъ не замѣчалось особеннаго сходства съ матерью, и даже мнѣ показались привлекательными манеры его, свободныя и мягкія. Можетъ быть потому и показались привлекательными, что ужъ очень утомили меня эти боязливые и подозрительные подходы Пятихи, эти ея взгляды, переполненные непонатной для меня злобой.

VI.

— Садитесь, пожалуйста, сейчасъ дадутъ намъ чаю, — сказалъ мнѣ Пятковъ и добавилъ, понижая голосъ: — и ужъ попрошу васъ: не обращайте вниманія на странности моей мамы.

— Да что съ ней? Что она подозреваетъ такое? — спросилъ я.

— А тонкій это и мудреный сюжетъ, — отвѣтилъ Викторъ. — Вы не повѣрите, если я вамъ вотъ что скажу: я уже годъ здѣсь живу, и ни одна душа изъ сосѣдей не вспомнила меня. Даже дорога къ хутору заросла травой, а зимой и совсѣмъ не проѣздна. Только становой навѣщаетъ, но за то слишкомъ ужъ часто.

— Быть можетъ, вы недостаточно знакомы съ вашими сосѣдами?

— Помилуйте, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я непрерывно красовался въ ихъ гостинныхъ. За мною даже ухаживали, если

хотите... А между тѣмъ, тогда еще «бурку не укутали крутыя горки», и запахъ я испускалъ самый наилиберальный.

— Тогда я васъ не понимаю.

— Ну, понять-то тутъ легко... Я былъ тогда не штемпе-леванный либераль — либераль-дилеттантъ, именно въ нѣхъ про-тивномъ салонномъ смыслѣ дилеттантъ. Ну, а подошли обстоя-тельства, наложившія на меня штемпель, они и вошли въ испугъ. Съ тѣхъ поръ только и дѣлаютъ, что обряжаютъ меня въ костюмъ страшилища... Но это не интересно... Однако, что же не несутъ намъ чаю! — онъ поспѣшно направился къ двери, но возвратился, встрѣтивъ Марину, которая, осторожно растопыривъ руки, несла подносъ съ чаемъ. — Понять это очень легко, но это не инте-ресно, — повторилъ Пятковъ.

— Вы хотѣли пояснить поведеніе вашей мамыши...

— Поведеніе, вы сказали? Поведеніе оттого у ней такое, что ее съ ума свели эти сосѣдскія пересуды. Разумѣется, купно съ визитами становаго пристава. Она, изволите видѣть, имѣетъ несчастье быть матерью, и потому на все смотреть въ лупу. Од-нако... — онъ остановился и потеръ лобъ, — вы понимаете меня?

— Совершенно, — поспѣшилъ я отвѣтить.

— Очень радъ. Я слишкомъ много говорю, не правда ли. Но вы ужъ должны простить меня. Мнѣ — простить мою говор-ливость, матери — подозрительность. Это уплата за ночлегъ. Вы понимаете, что я говорю? Вы учились гдѣ-нибудь? Читали? Вотъ и за нескромность эту простите... Я радъ вамъ просто какъ *человѣчку, одѣтому въ сюртукъ* — вотъ уже годъ, какъ я созерцаю лишь чуйки да сермяги, да серебряные жгуты на вздернутыхъ плечахъ... Вы войдите въ мое положеніе. И если вы понимаете меня, *можете* понимать, я вдвойнѣ радъ за вашъ сюртукъ.

Я успокоилъ его и даже, грѣшный человѣкъ, назвалъ твое знаменитое имя, чтобы онъ увидѣлъ съ кѣмъ я веду дружбу, и убѣдился, что я могу его «понимать». Онъ дѣйствительно убѣ-дился.

— А, это хорошо, — сказалъ онъ, — я не люблю вашего друга, но когда-то его розовые взгляды на прогрессъ мною раздѣля-лись...

— И не раздѣляются теперь? — рискнулъ я полюбопытство-вать.

— Не раздѣляются и теперь. Но это опять не интересно. Что въ Воронежѣ новенькаго? Не было ли концертовъ? Скандаль не сочинился ли какой? А впрочемъ, и это не важно... Покорнѣйше прошу, — онъ указалъ на чай.

VII.

Вдругъ съ обычнымъ своимъ шуриганіемъ влетѣла Пятиха.

— Вотъ вы говорите—вы еще на проселокъ не свернули, какъ поднялась погода,—торопясь и захлебываясь, сказала она,—какъ же это — дворники тутъ есть около свертка,—какъ это вы въ дворникахъ не ночевали?

— Мамаша!—укоризненно произнесъ Викторъ.

— Ахъ, Викторушка,—но согласитесь, что это очень странно не ночевать въ дворникахъ.

— О какихъ вы дворникахъ говорите,—возразилъ я,—дворники есть, но гораздо дальше, а на перекрестѣхъ жилья никакого нѣтъ.

— Вотъ видите!—сказалъ Пятовъ.

Пятиха погрузилась въ краткое размышленіе и припомнила, что дѣйствительно дворниковъ тамъ нѣтъ. Но она не вышла изъ кабинета, а присѣла въ столу и проворно стала вязать чулокъ.

— Получаете газеты?—спросилъ я Пятова.

— Что подѣлаешь!—какъ бы оправдываясь отвѣтилъ онъ:—тоже въ родѣ позыва къ сюртуку. Читаю этотъ мусоръ: органическій порокъ, привычка.

— Но развѣ только ради привычки?

— А для чего же еще? для руководства? Господи, я вѣдь не помѣщикъ Петуниниковъ, который воображаетъ, что всю Россію видитъ насквозь, ибо такую-то газету читаетъ...

— А самъ землишку распустилъ по шести цѣлковыхъ, къ цѣловальнику въ долги влѣзъ,—съ злорадствомъ замѣтила Пятиха.

— Вотъ видите: и въ долги влѣзъ! — произнесъ Викторъ; усмѣхаясь.

— Но знать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, быть на уровнѣ «вѣяній»...—началь-было я. Пятовъ перебилъ меня.

— О, да, это великое преимущество узнать во-время, что у алжирскаго бея подъ носомъ шишка вскочила!—насмѣшливо сказалъ онъ.

— Не одна шишка. Вы возьмите внутреннія дѣла: тутъ вамъ самая сердцевина общественной жизни раскрывается.

— Гнилая.

— Но это ужъ другое дѣло.

— Нѣтъ-съ, именно первое дѣло. Вы видите, что она неправдоподобно гнилая. Что эти факты, обнаруживающіе гнилость,

искусственно соединились въ одномъ фокусѣ... Но въ концѣ-то концовъ они такъ намозолятъ ваше воображеніе, что нервы тупѣютъ и довѣріе въ фокусу утрачивается. Или наоборотъ — болѣютъ нервы, все существо человека коверкаютъ, опутываютъ его сѣтью жесточайшихъ представленій...

Я выразилъ недоумѣніе. Патовъ рассердился.

— Ничего не надо—ни книгъ, ни газетъ. То есть, такого обилія книгъ и газетъ,—поправился онъ. —Онѣ вносятъ ружье, распложаютъ взгляды ходячіе, какъ патіалтынный... Отъ нихъ глупѣетъ человѣчество... О, эта разжеванная каша! Вы возьмите газету,—любую газету... вотъ хоть бы эту,—онъ взялъ и порывисто развернулъ газетный листъ; бумага дрожала въ его рукахъ. —Читайте. Убіеніе, кража, курьезный случай,—курьезный случай, кража, убійство. Согласитесь, что эти случайности не жизнь, а лишь судороги жизни. Да оно и естественно: газетѣ сообщаютъ только *интересное*; описывать жизнь какъ она есть — скучно да и безцѣльно: вѣдать, плодятся, лопаются другъ друга — какой же тутъ интересъ?.. Самый характеръ печальныхъ сообщеній рассчитанъ на факты случайные,—такіе факты, которые не мелькаютъ передъ глазами читателя, на манеръ обыкновенныхъ житейскихъ фактовъ. Но въ концѣ концовъ эти газетныя «случайности» опредѣляютъ взгляды читателя, составляютъ его мировоззрѣніе — либо требующее самого его въ жертву, либо обращающее его въ камень, который ничѣмъ не проймешь. И такъ, и этакъ газета—язва. А эти сужденія веривъ и вѣсь! А эта глубокомысленная водица въ передовыхъ статьяхъ! А эти размѣниванія солидныхъ идей,—наглые размѣниванія, на пятаки, на гривенники!..

— Неправедливо,—сказалъ я. —Газеты—все-таки піонеры солидныхъ идей, піонеры книгъ, науки, каеэдры...

— О, государь мой, святѣйшая германдада не оскотчала такъ человѣческій разумъ, какъ оскотчаютъ эти піонеры... Вы видѣли не въ мѣру развитыхъ дѣтей? Имъ всякіе результаты подаютъ на тарелочкѣ. Они ни о чемъ не думаютъ, но знаютъ много. Знаютъ! и попугай знаетъ, и медвѣдь знаетъ, какъ ребята горохъ воруютъ... Отчего исчезаютъ характеры? Отчего личность стала походять на стертый грошъ? Смѣю васъ увѣрить,—отъ этихъ піонеровъ, отъ этого необузданнаго изобилія печатныхъ листовъ. Встарину государство съѣдало фізіономіи, нынѣ это совершаетъ печатное слово. О, какая нужда въ новомъ Омирѣ, который свергъ бы, наконецъ, эту нелѣпую тираннію и снова пустилъ бы на волю искалѣченный, угнетенный шаблонъ, разумъ!

Пятиха, нѣсколько разъ, съ видимымъ безпокойствомъ взглядывала на Виктора, и наконецъ не выдержала.

— И охота вамъ, Викторуща, изъ газетъ въ безпокойство приходить, — сказала она. — Богъ съ ними, съ газетами. А ежели есть которыя дурныя, такъ ужъ во всякомъ случаѣ высшіе судьи не оставятъ ихъ безъ своего вниманія... Чего вамъ безпокоиться?

— Я попытаюсь объяснить вамъ мой взглядъ... — продолжалъ Викторъ, выжидая пока мать кончила и не обративши никакого вниманія на ея слова. Но Пятиха снова его перебила и притомъ съ такимъ выраженіемъ жалкой робости и вмѣстѣ рѣшимости отчаянной, что мнѣ даже жалко ее стало.

— Вы, батюшка, простите меня, старуху, — обратилась она ко мнѣ, — что я съ вами — какъ вы вошли — грубый разговоръ завела. Тулупъ на васъ нагольный, кушакъ — мужицкій... я и понять не могла, чтобъ въ такомъ-то костюмѣ и вдругъ — дворянинъ! И какія странныя фантазіи надѣвать на себя простой костюмъ...

— Вы напрасно намъ мѣшаете, мамаша, — мнѣ замѣтилъ Викторъ, но губы его непріязненно дрогнули, когда онъ говорилъ эти мягкія слова, и глаза внезапно напомнили мать злымъ и упорнымъ своимъ блескомъ.

Пятиха посмотрѣла ему въ лицо и вдругъ съ виноватымъ видомъ поднялась со стула.

— Какъ хотите, Викторуща, какъ хотите, — пробормотала она, — я пойду къ себѣ... Я только сомнѣваюсь за васъ, Викторуща, а по мнѣ положительно все равно... Какъ хотите! — и она вышла изъ комнаты уже не быстрой и шмыгающей походкой, а медлительно и достойно.

VIII.

Марина еще принесла намъ чаю, и мы нѣкоторое время пили его въ молчаніи, испытывая какую-то неловкость.

— Вы хотѣли объяснить вашъ взглядъ или, лучше сказать, вашъ парадоксъ, — напомнилъ я Пятову.

— Парадоксъ? Извольте. Отчего античный міръ былъ непримѣръ умнѣ нашего? Отчего такая теперь скудость умовъ и талантовъ? А вотъ отчего. Прежде думали, теперь только читаютъ. Прежде были люди съ убѣжденіями, въ которыхъ они могли дать себѣ отчетъ, теперь эти убѣжденія составляются на вѣру и

почти никогда не провѣряются. Знаній больше, пытливости меньше. Не успѣемъ еще мы научиться читать, какъ заклебываемся въ готовыхъ итогахъ. Отчего вы встрѣтите въ народѣ оригинальные характеры, оригинальные умы, и почти не найдете ихъ въ обществѣ? Отчего, наконецъ, старая жизнь представляется въ такихъ яркихъ, выпуклыхъ краскахъ; — вспомните: «Три портрета», «Войну и миръ», — между тѣмъ какъ нынче все такъ сѣро, однообразно, мелко?.. И вы посмотрите, всюду, гдѣ вторгается цивилизація съ типографскимъ станкомъ — личные особенности сглаживаются, мысль становится стереотипной, шаблоны получаютъ превозмогающее господство...

— Но я бы могъ указать вамъ примѣры умовъ глубочайшихъ и самобытныхъ, а между тѣмъ, несомнѣнно вкусившихъ вульгуры... Даже, можетъ быть, до пресыщенія вкусившихъ.

— Да если и уважете, такъ, чтобъ дойти до этой «самобытности», вспомните, какую массу страданій привелось такимъ людямъ испытать. Да я увѣренъ, что теперь и они сторонятся отъ печатной бумаги.

— Такъ съжечь всѣ книги? — сказалъ я, невольно разсмѣявшись, — вѣдь это прежде всего — не ново: такую мѣру еще покойникъ Фамусовъ рекомендовалъ.

— Во-первыхъ, я ничего не рекомендую, — возразилъ Пятковъ, — а только отмѣчаю и дѣлаю выводы, а во-вторыхъ — ей-Богу, Фамусовъ не такъ уже глупъ: я бы самъ отъ времени до времени очищалъ эту конюшню... Если бы было можно.

— Сами-то вы, кажется, теперь придерживаетесь этой теоріи «очищенія»: у васъ не видно книгъ, — замѣтилъ я.

— Да, я раздѣлялся. Хотя, какъ видите, почитываю иногда, — онъ указалъ на развернутую книгу, — но право, читаю ради чтенія, какъ Гоголевскій Петрушка.

Онъ закашлялся, раздражительно схватилъ себя за грудь и началъ бѣгать по комнатѣ. Пятиха высунулась въ двери.

— Вы бы, Викторущка, капелекъ... — нерѣшительно вымолвила она. Викторъ только руками махалъ въ отвѣтъ. Она скрылась.

— И какую массу хаотическихъ понятій вносить эти книги! — продолжалъ онъ, все болѣе и болѣе возбуждаясь. — Чтобъ уцѣлѣть, — необходимо или отупѣть окончательно, или зажмурить глаза и укрыться подъ сѣнь «готовыхъ итоговъ». Это необходимо, иначе вы сойдете съ ума... Или же, наконецъ, безповоротно отрѣшиться отъ этихъ ядовитыхъ воздѣйствій и обратиться къ простотѣ, къ первобытности, къ «зоологической правдѣ»...

Но вы сообразите, какую нужно волю, какой темпераментъ,— я не говорю объ умѣ, — чтобъ спустить съ себя эту пропитанную ядомъ шкуру и стать самимъ собою! До мозга костей мы «приспособлены» къ печатнымъ воздѣйствіямъ... Ваши нервы ежеминутно требуютъ этого воздѣйствія... Жгучая прелесть цивилизаціи пронизала васъ насквозь... Если вы еще не оступили и не превратились въ самодовольнаго болтуна, если вы способны, къ сомнѣніямъ, — самая мучительность сомнѣній вашихъ вамъ пріятна... И вотъ вамъ готовъ російскій дворянинъ Викторъ Пятковъ.

Онъ внезапно остановился предо мной и какъ-то желчно засмѣялся.

Я удивился.

— Вотъ! а по вашему разсказу о сосѣдскихъ отношеніяхъ, я думалъ найти въ васъ «прямолинейнаго» человѣка, — скажутъ я.

— И былъ имъ, государь мой. — Онъ хлебнулъ изъ стакана и опять быстро зашагалъ по комнатѣ. Мы оба помолчали нѣсколько минутъ.

— А знаете, я вижу о чемъ вы думаете, — неожиданно замѣтилъ онъ, внимательно посматрѣвъ мнѣ въ лицо.

— О чемъ?

— «Хорошъ ты гусь!» — думаете вы (я вѣдь ужъ знаю, что вы либералъ, по вашей дружбѣ знаю), — «и каково благородство твоихъ сосѣдей; они-де именно пренебрегаютъ тобой за твое отступничество, за твою измѣну «прямолинейности»... Это-де, обнаруживаетъ въ нихъ присутствіе гражданской сознательности, и это-де похвально». Такъ?

Я промолчалъ. Дѣйствительно, когда Пятковъ началъ говорить о чемъ я думаю, мнѣ показалось, что онъ отчасти угадалъ. Но мнѣ неловко было сознаться въ этомъ.

— Ну вотъ видите, — продолжалъ Пятковъ. — А между тѣмъ, смѣю васъ завѣрить — вы ошибаетесь. Въ томъ-то и фокусъ, что я въ ихъ глазахъ и до сихъ поръ санюлотъ необыкновенныхъ размѣровъ. Но такъ какъ этотъ мой санюлотизмъ въ прокурорскій реестръ занесенъ... — онъ развелъ руками и добавилъ язвительнымъ шепотомъ: — они и опасаются.

— Что это вы такое говорите! — воскликнулъ я въ отвѣтъ ему.

— А вы что же думаете? О, Господи, да повѣрьте, любое «преступное» теченіе будетъ пользоваться ихъ благосклонностью,

пока не поступить въ объектъ прокурорскаго надзора... Повѣрьте! И если бы изъ страха. О, вовсе не изъ страха, государь мой, а именно изъ стадности, изъ органическаго холопства. Нынче Болю спину лжемъ, завтра господину исправнику, и такъ безъ конца. А все отъ привычки не думать.

— Отъ книгъ?

— Ахъ, Россія въ этомъ случаѣ совсѣмъ бѣдственная страна. Впрочемъ, и во всѣхъ-то случаяхъ бѣдственная,—замѣтилъ онъ въ скобкахъ.—Московское государство и милѣйшій «Питенбрюхъ», о которомъ поется въ лакейской пѣснѣ, обезличили политическое мышленіе русскаго человѣка,—дворянина,—поправился онъ;—книга обезличила его нравы. И вотъ вамъ въ результатъ былинка, клонимая сѣмо и овамо, клонимая вѣтромъ, который тоже можетъ подуть въ пятницу—сѣмо, а въ субботу—овамо, ибо и у вѣтра, кромѣ необузданной силы, въ запасъ ничего «своего» не имѣется. Разбирайтесь тутъ! воздвигайте ваши убѣжденія!

— Но вы говорите о «дворяннѣ», а народъ?

— Народъ? Сказалъ бы я вамъ, что онъ сфинксъ, да стыдно: забыли это слово. Народъ, государь мой, это—переходное состояніе. Если есть въ немъ цѣльность, здоровье, свѣжесть,—такъ это именно въ связи съ той «зоологической правдой», въ которой онъ живетъ,—или нѣтъ, не живетъ, а растетъ, ботѣетъ, какъ жирный лопухъ. Но этой «правдѣ»-то растительной конецъ предвидится несомнѣнный. И добавлю—скорый, что бы тамъ ни говорили умиленные дѣятели на манеръ нашихъ нынѣ публицистовъ. Я помню гдѣ-то Тургеневъ сказалъ, что среди народа нарастаетъ новый типъ,—типъ деревенскаго Гамлета. И это совершенно вѣрно. Такъ погодите, этотъ самый Гамлетъ всю вашу растительную правду съ костями слопаеъ...

— Но взаимно дать правду *логическую*?—возразилъ я.

— Гамлетъ-то? Дожидайтесь! онъ дастъ вамъ зрѣлище терзаній безконечнѣйшихъ, и больше ничего вы отъ него не дождетесь...

— Я не говорю о «деревенскомъ Гамлетѣ», я говорю вообще о сознаниі, о логикѣ. Я съ вами, пожалуй, и согласенъ, что «Гамлетъ» выѣстъ сердцевину изъ «растительной правды», но вотъ тутъ-то «логика» и наполнить опустѣвшую форму. Создать *сознательную* правду.

— Вы думаете? Я этого не думаю. До сихъ поръ «логика» только разѣдала и ничего, такъ-таки положительно ничего не создала, т.-е. въ этой-то области. И повѣрьте безъ конца будетъ

разъѣдать, все что ни выпреть наружу изъ внутреннихъ глубинъ, — замѣтите, неразумныхъ, бессознательныхъ глубинъ, — чело-вѣческаго естества. Глубины эти выперли общину — логика ее жопаетъ; выперли религію, — логика ее жретъ; выперли понятія о добрѣ и злѣ — логика стрескала эти понятія... И на мѣсто всего-то этого только одинъ ядъ расплывается, съѣдающій все до чего ни коснется...

— Но что же дѣлать? Упразднить «логику»?

— Ахъ, еслибы можно было упразднить! Нельзя, государь мой: *c'est la fatalité*. Да и развѣ можно отвѣтить: «что дѣлать»? Мучиться, власть голову на плаху жизни и ждать неизбежнаго ея топора, вотъ что дѣлать.

— И нѣтъ спасенія?

— Нѣтъ. Въ частныхъ случаяхъ, не хочу спорить, можетъ быть и есть спасеніе. Огромный умъ, огромная воля могутъ выбраться изъ плѣна «логики» и потонуть въ морѣ «растительной» правды, самую эту правду претворивъ въ сознательно чело-вѣчную, сознательно добрую правду. Но это именно въ силу личныхъ своихъ свойствъ.. И претвореніе поэтому будетъ совершенно безрезультатно для «общаго», ибо возможно только для отдѣльной личности.

Пятовъ замолчалъ слегка взволнованный, и, долго, безъ нужды, мѣшалъ ложечкой въ стаканѣ. Взглядъ его былъ сосредоточенъ, лицо горѣло. Казалось какія-то волны подмывали его и не давали ему покоя...

— Ахъ, еслибы легко и возможно было это претвореніе, — заговорилъ онъ снова... еслибы для этого было достаточно только разума... Міръ былъ бы спасенъ во второй разъ, повѣрьте!.. Но передѣлать нервы, передѣлать способность восхищаться Шопеномъ и Пушкинымъ, — воспитать въ себѣ благосклонное отно-шеніе къ Пятницѣ преподобной и въ пѣсняхъ о Ванькѣ-ключ-никѣ, подчиниться стихійнымъ требованіямъ «власти земли» и «власти труда», о, какъ это трудно и какъ въ большинствѣ не-доступно для нашего брата, изъязвленнаго культурой!

Онъ вдругъ какъ бы сдохватился.

— Однако, хорошъ я хозяинъ! Ъсть не хотите ли? Спать?.. Впрочемъ, по совѣсти говоря, я не желалъ бы чтобы вы хо-тѣли спать. — Онъ засмѣялся и даже повеселѣлъ весь отъ этого смѣха.

— Ъсть буду, но спать не хочу. Да и кто же спитъ съ этихъ поръ?

— Мамаша моя спитъ. Правда, она всю ночь просыпается

безпрерывно и бродить, бродить по комнатамъ...—въ его голосѣ зазвучала грусть.—Несчастная! Вьюга ли зашумитъ, залаеетъ ли собака, вѣтеръ ли завоетъ въ трубу,—все ей чудится мнѣнскій колокольчикъ, и она стонетъ, охаетъ, ждетъ чего-то... О, еслибы она знала, какъ безопасны для меня эти колокольчики! Но ее не убѣдишь... Книги всѣ сбылъ—и то не убѣдилъ. Что подѣлаешь—мать!.. Такъ не хотите ли закусить?

Я изъявилъ желаніе. Пятювъ вышелъ и немного спустя возвратился, осторожно ступая.—Мамаша спитъ,—произнесъ онъ шопотомъ,—но Марина сейчасъ доставитъ намъ съѣдобнаго.—Затѣмъ удалился снова и принесъ графинчикъ съ водкой. За нимъ вошла Марина съ тарелками въ рукахъ. На столѣ появились холодныя закуски: неизбѣжный рождественскій поросенокъ, свиной фаршированный желудокъ, жирный пирогъ...

— Хорошенько притворите, Марина! И проходите тише,—сказалъ Пятювъ. Марина такъ и сдѣлала; тогда Пятювъ заговорилъ громко.

— Ужасно жалко мнѣ мать,—вымолвилъ онъ, сразу выпивъ двѣ рюмки и закусивъ крошечнымъ кусочкомъ пирога,—всю жизнь положить на дѣтей, весь запасъ тепла истратить на нихъ, ради этого стать жесткой, жадной, эгонистичной,—вѣдь ее, охъ, какъ не любятъ всѣ!—и въ концѣ-то концовъ ежеминутно дрожать за существованіе этихъ дѣтей... Повѣрьте, не веселая работа!

— Отчего ей дрожать-то, я не пойму.

— Дрожать-то отчего? Да вотъ видите меня... я вѣдь умирать пріѣхалъ подъ ее крыло...—Я невольно посмотрѣлъ на него: онъ усмѣхнулся съ натынутой ироніей и продолжалъ:—И въ глубинѣ-то души она сознаетъ это, ждетъ этого... то-есть, не то, что этого, а вообще ждетъ несчастія. И весь вѣкъ его ожидала, бѣдная. Господи, помню, сколько трепетала она за мое либеральное поведеніе!.. А женитьба моя...—и добавилъ неожиданно:—вы знаете, я вѣдь женатъ.

Я хотѣлъ спросить, гдѣ же его жена, но не спросилъ, а съ преувеличенной поспѣшностью взялъ поросенка. Пятювъ угадалъ однакоже замершій на моихъ губахъ вопросъ и, послѣ краткаго молчанія, промолвилъ:

— Жена не живетъ со мною. Мы не поладили.

Эти слова, произнесенныя холоднымъ и до странности официальнымъ тономъ, какъ будто подняли въ немъ чтó. Онъ задумался, выпилъ еще водки и, оперевшись лбомъ на руку, долго просидѣлъ въ молчаніи. Я старался не замѣчать его настроенія, и, съ видомъ беззаботности, работалъ ножомъ и вилокъ.

IX.

— Викторъ Михайлычъ!—внезапно прозвнѣлъ тихій и вкрадчивый голосъ. Я оглянулся: въ дверь просунулась лохматая голова Захара. Викторъ какъ будто вдрогнулъ (онъ даже поблѣднѣлъ весь).

— Что вамъ, Захаръ?—сказалъ онъ, быстро оправившись.

— Я на счетъ харчей, Викторъ Михайлычъ. Какъ намъ быть —завтра помы прійдутъ.

— Развѣ не выдано?

— Выдано-то оно выдано...—Захаръ почесалъ въ затылкѣ и снисходительно улыбнулся; — да барыня гусей-то отпустила... какъ будто отдастъ отъ нихъ душкомъ, какъ будто... Обыкновенно, какъ биты въ гнилое время...

— Ну, возьмите ключи и сходите въ амбаръ съ Мариной. Да тише, пожалуйста, не разбудите барыню. На дворѣ несетъ?

— Упаси Господи!

Захаръ-было скрылся, но появился снова.

— Я, баринъ, упокоилъ вашу лошадку,—умильно улыбаясь, сказалъ онъ мнѣ, — и овсеца и мякинки... Какъ надо быть!.. Бился, бился съ ней—всѣ пальцы переморозилъ отпрягавши... Ну, думаю, ужъ во всякомъ разѣ постараюсь для ихней милости.

— Ну, ступайте, пожалуйста, — нетерпѣливо прервалъ его Пытовъ,—ступайте да не разбудите барыню.

— Авось ужъ понимаемъ, — сказалъ Захаръ какимъ-то тономъ заговорщика и, осторожно наступая на носки, удалился.

Разговоръ съ Захаромъ согналъ съ лица Пытова слѣды его мрачнаго настроенія. Онъ опять оживился обычнымъ своимъ оживленіемъ—раздражительнымъ и безпокойнымъ.

— Вы замѣтили въ Захарѣ черточку этого противнаго подхализма, когда онъ сообщалъ о своемъ самоотверженіи?—вымолвилъ онъ.—Вотъ истинно русская черточка! Гдѣ-гдѣ ея нѣтъ... И савонникъ—подхалимъ, и помѣщикъ—подхалимъ, и земець, и мужикъ, и либералъ и консерваторъ... Вотъ онъ смыслъ исторіи-то всероссійской!

— Ужъ и исторіи!—усомнился я.

— А какъ же-съ! Вспомните-ка знаменитую пѣсню: «Вы наши отцы, мы—ваши дѣти!» Вѣдь подъ эту пѣсню вся Русь танцевала отъ какого-нибудь смерда Антипки и до пухлыхъ бояръ съ надменными животами... И теперь танцуетъ, повѣрьте! —и саркастически прибавилъ:—о, конечно, «прогрессъ» и пѣснѣ

этой далъ иную окраску: люди «прогрессивные» спину не гнуть передъ животомъ раззолоченнымъ, — за то передъ модной теоріей въ захватъ пресмыкаются... А завтра — хорошаго пинка этой теоріи, лишь бы новый «отецъ» объявился на горизонтѣ. Раздаваніе пинковъ такъ свойственно подхалимамъ... О, бѣдственная, развращенная, неумытая сторона!

— Пессимистъ вы, — замѣтилъ я, — слушать васъ горько. Только и утѣшенія, что вы въѣдъ краски-то берете не изъ жизни, а изъ собственного вашего нутра.

— Не изъ жизни! — воскликнулъ онъ; однакоже ономнился, притворилъ плотнѣе дверь и уже пониженнымъ голосомъ продолжалъ.

— Стихійная сторона! — сказалъ онъ. — Растительныя формы гибнуть, — все ищетъ переменъ, все, все! — Быть, религія, нравы... А въ виду этой томительной жажды, этого исканія, мучительнаго какъ потуги родовъ, — безпомощная интеллигенція и бессильная государственность!.. Видѣли вы картину Айвазовскаго въ Эрмитажѣ, — я не знаю, какъ она называется въ каталогѣ, но по моему несомнѣнно изображаетъ «хаосъ». Вотъ этотъ-то «хаосъ» и есть матушка Русь. Всюду, куда ни посмотришь, — расплывчатая, неопредѣленная пятна... Тамъ — вещество склонное горѣть; тамъ — улетать въ пространство; тамъ — заливать огонь... Есть и такое, что предъявляетъ въ себѣ почву. Но поверху этой смятенной бездны не замѣтно «духа божія». Его нѣтъ. Или, пожалуй, и есть, — ласковый, скорбный, истекающій любовью, но безсильный... Повѣрьте, въ его положеніи только и остается, что «скорбѣть»! Нашему «духу» не доступно быть организаторомъ... Онъ разольется въ печальныхъ жалобахъ и неголующихъ призывахъ, оставитъ свои святые слѣды въ поэзіи, въ музыкѣ, живописи, и — умереть съ Некрасовымъ, Глинкой, Рѣвнинымъ... И вѣчная ему будетъ память... въ чужихъ музеяхъ!

— Да, въ чужихъ музеяхъ! — повторилъ онъ сердито.

— Но Европа тоже начинала съ «хаоса» и однако...

— Съ «хаоса» весь міръ начинался, государь мой, и однако... немного уцѣлѣло изъ этого міра.

— Но уцѣлѣло.

— Да, что успѣло во время заостенѣть и ошетиниться. Кому безъ помѣхи можно было предаваться этому процессу вооруженія. А намъ ли нѣтъ помѣхи? Пока нашъ, якобы вжудущій, «духъ» печалится и негодуетъ и съ суетливостью безтолковаго повара мечется туда и сюда, безсильный совладѣть, то съ огнемъ, не въ мѣру пылающимъ, то съ водой, не въ мѣру заливающей

его, то съ воздухомъ, который вдругъ ни съ того, ни съ сего заволаеъ сирадомъ и гарью; — пока онъ суетится, говорю, вы взгляните на Западъ... Не чудится ли вамъ подозрительный трескъ въ заборахъ, огораживающихъ этотъ Западъ?.. То, заостенѣвшее, правильно выросшее, государство ломится на просторъ, распираемое избыткомъ жизненныхъ соковъ... И вы поручитесь, что заборы не слетать? Вы поручитесь, что они выдержатъ напоръ этого огромнаго тѣла, распираемаго извнутри съ невѣроятной настоятельностью? Полноте! Не шутите! Вѣдь заборы только что и состоятъ изъ паршивенькихъ книжонокъ Блунчли.

— Но за этими книжонками, страна пожравшая Наполеона Великаго!

— О, Ростопчинскія традиціи! Да развѣ Наполеона она пожрала, — она пожрала романтика, пришедшаго съ кулакомъ да съ мишурными идеями восемнадцатаго вѣка... Это къ курскимъ мужикамъ-то! И кулакъ-то былъ у него пожиже нашего, и идеи-то безъ костюма. Голыя идеи! А голенькую идею... Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Отвлеченную? Идею въ потенціи?

— Такъ, голенькую-то идею, курскій мужикъ всегда раздавить. Это я самъ испыталъ, государь мой, ибо въ семидесятыхъ годахъ «въ народъ» ходилъ... Говорятъ, будто мужички оттого-де не внимали льстивымъ Бонапартовымъ словесамъ касательно «братства и свободы» («liberté et fraternité» — перевелъ онъ въ скобкахъ), что ужъ очень ихъ патріотическій духъ обуялъ. А ежели итальянцы въ ладошки хлопали, когда Наполеонъ ихнихъ мучителей прогонялъ, такъ это потому, что они-де паршивцы... Не знаю. Я думаю, дѣло было проще. Я думаю, что совершалось оно именно въ силу «народной» нашей способности давить «голыя идеи», бессмысленно и беспощадно.

— Ну, а нѣмцы-то съ чѣмъ явятся — не съ кулакомъ? Не съ идеями? — полюбопытствовалъ я.

— Да, съ этимъ же. Но кулакъ-то нѣмецкій куда будетъ почище нашего, да и идеи-то въ костюмъ приодѣты.

— Въ какой же?

— «Бсть надо. Жить надо. Государство мы, нѣмцы, устроили, а намъ тѣсно. Эй, вы, стихійные народы! Подайтесь къ Енисею съ вашими печальнымъ богомъ... Пойте ваши пѣсни, въ которыхъ: «папироска, другъ мой милый» переплетается съ похождениями «удалыхъ добрыхъ молодцевъ» — пойте ихъ подъ рыданія сибирскихъ мятелей... Амфибія! Кисель гороховый! Дай дорогу, установившемуся, обросшему желѣзными когтами организму!..

Вотъ мои идеи, съ которыми иду на тебя, милѣйшій мой кисель. А если не вѣришь, тебя убѣдятъ эти желѣзные которты, сытые, грамотныя, сознательныя, влекомыя жаждою необузданныхъ стремленій и представленіями ясными, какъ стекло!»... Э, батенька!..

Пятовъ махнулъ рукой, какъ бы обезсиленный безнадежностью собственныхъ своихъ словъ, и, въ угрюмомъ молчаніи, уѣхалъ.

Х.

Спусти немного и какъ бы отдохнуть началъ снова медленно и грустно.

— Есть въ Саратовѣ «Барыкинскій вокзалъ». Это на берегу Волги. Высокія, толстыя сваи поддерживаютъ досчатую площадъ съ рестораниками и бесѣдкой для оркестра. На площади гуляетъ разфранченная публика. По вечерамъ тамъ музыка играетъ... Внизу разлита сѣрая, молчаливая Волга. Вправо и влѣво тянется берегъ съ пристанями, кулями, барками, дровами, — съ грязью, вонью, суетнею, народомъ, кричащимъ и толкующимся, извозчиками, бабами съ лотками, крючниками... Выше — громоздится городъ, оазисъ унылыми горами... Помню какъ-то въ маѣ былъ я въ Саратовѣ и вечеромъ сидѣлъ у перилъ «вокзала», безцѣльно осматривая окрестность. Пришелъ я туда веселый, довольный, — я тогда, изволите ли видѣть, любилъ, и отъ предмета моей страсти возжеланный отвѣтъ получилъ (онъ скривилъ губы, какъ бы желая изобразить саркастическую улыбку, но вмѣсто улыбки получилась жалкая гримаса)... Военный оркестръ игралъ какую-то громогласную чушь. Публика чинно расхаживала, присаживалась къ столикамъ, требовала пива, чаю, икры... Лакеи бѣгали какъ угорѣлые, распуская по вѣтру острѣнкія фалдочки замызганныхъ фраковъ... Былъ праздничный день. Шумъ на берегу утихалъ. Изрѣдка доносился съ Волги протяжный ревъ парохода и медленно замиралъ въ отдаленіи. Тамъ и сямъ недвижимо чернѣлись барки съ красными фонарями, вывѣшенными на мачтахъ. На баканахъ трепетно мигали огоньки... Я взглянулъ внизъ. Съ десятковъ крючниковъ, выбравъ пустынное мѣстечко среди кулей и дровъ и уѣвшійся на толстое бревно, угощались водкой. Малый въ ситцевой рубахѣ и жилетѣ, держа бутылъ подъ мышкой, подходилъ поочереды и подносилъ. Мнѣ было отлично видно ихъ. Все крупныя, одутловатыя лица, спутанные волосы, востроумныя странные и смѣшанные, — на одномъ, какъ сейчасъ помню, — ярко-красная рубаха и засмоленные штаны,

извиванные прорѣхами, и подвязанные мочалкой у щиколки... Напились они чрезвычайно быстро. Явилась гармонія. То тотъ, то другой изъ нихъ подымался съ бревна и пускался въ плясъ, неприлично дергался и взвизгивая какимъ-то необыкновенно дикимъ голосомъ. Одинъ улегся животомъ на песокъ и судорожно извивался подъ тактъ гармоніи. Нѣкоторые обнимались. Былъ такой, что, засучивъ рукава, лѣзъ къ другому въ морду... Въ концѣ и составила-таки драка. Никто и пальцемъ не шевельнулъ, чтобъ разнять дерущихся: сидѣвшіе на бревнѣ равнодушно смотрѣли на нихъ, плясуны аккуратно вырывали песокъ своими лаптишками, и только человекъ, прыгающій на животѣ, поднялся, посмотрѣлъ на драку, перевернулся на спину и снова задержался. Дрались жестоко и до крови (у одного, помню, весь глазъ былъ залитъ кровью)... Но дѣло не въ этомъ. Дѣло въ томъ, что все казалось въ этомъ сборищѣ натынутымъ и равнодушнымъ. Чувствовалось, что каждый изъ нихъ *старался* плясать, прыгать на животѣ, придираться, — однимъ словомъ, изображать «гульбище», — и каждый въ самомъ себѣ боролся съ какой-то вялостью. Точно нарочно все это выдѣливалось. Была какая-то сила, собравшая ихъ сюда, принуждавшая ихъ пить, казаться разухабистыми молодцами, но не способная поселить въ нихъ ничего кромѣ этого стремленія казаться. Они *притворялись*, что имъ весело... У Додѣ гдѣ-то описана фарандола въ Провансѣ, выпучая, страстная, искренняя... Такъ вотъ именно не было здѣсь того, что было въ той фарандолѣ, — искренности не было. Не было гармоніи, если можно такъ выразиться, было одно унылое, дѣланное ломанье... Ломанье само по себѣ, унылость — сама по себѣ... Да и кровь лилась то же сама по себѣ, какъ-то зря и совершенно не нужно.

XI.

— Не надоѣлъ я вамъ?—вдругъ спросилъ меня Пятковъ.

— Продолжайте, продолжайте!—сказалъ я.

— Они скоро всѣ распозались какъ отравленные мухи: обезсиленные и изнемогшіе. Дравшіеся ушли обнявшись. Лежачій плясунъ заснулъ въ неописанно отвратительной позѣ. Еще два человека, — одинъ-старикъ съ совершенно голымъ черепомъ, худой и растерзанный, — приникли около бревна. Парень въ жилетѣ долго еще расхаживалъ около заснувшихъ и пиналъ ихъ сапогомъ, а затѣмъ упалъ на песокъ и, полулежа, хрипиво затынулъ: «Ду-

бинушку», безпрестанно прерывая пѣніе икотой и налагая на себя крестъ колеблющейся рукою... «Что же это за сила, собравшая ихъ, заставившая въ самомъ безобразнѣйшемъ только *казаться*, и тогда только оставившая ихъ въ покоѣ, когда они уподобились скотамъ?» подумалъ я, доглядѣвъ до конца эту жанровую сценку. Само собою веселье мое улетѣло какъ дымъ, уступивъ сочетанію щемящихъ и гнетущихъ впечатлѣній. Я съ болью оторвался отъ «жанра» и сталъ смотрѣть на Волгу. Музыка играла. Изъ города доносился смутный шумъ. Вечеръ погасалъ... И вдругъ, первое наивернувшееся слово съ необъятной яркостью замкнуло въ себѣ мое недоумѣніе. «Тоска!» вымолвилъ я даже громко. «Тоска! вотъ она сила, собравшая эту голыдьбу... Тоска!» А Волга терялась вдали печальная и нѣмая. Лунный столбъ кропотливо мерцалъ въ мелкихъ волнахъ... Барки чернѣли, задумчиво опустивъ паруса... Вдали за «Увѣкомъ» мрачно висѣли горы... Звуки музыки погасали въ пространствѣ невыразимо печальнымъ и долгимъ отзвукомъ... «Тоска!» повторялъ я, ощущая слезы на глазахъ и невольно хватаясь за сердце, бившееся съ мучительной болью... Мнѣ хотѣлось броситься внизъ, разбить себѣ голову, — лишь бы отодвинуть эти надрывающія перспективы рѣки, пропадающей въ неясномъ и загадочномъ отдаленіи, — мнѣ казалось: — пропадающей въ вѣкахъ, гдѣ и Стенька Разинъ, и кровь, и мучительство, и буйный хмѣль, и опять-таки неизъяснимая, необузданная, неутрачивающая тоска! — «Соблаговолите, господинъ, столикъ вашъ — чайкомъ побаловаться намъ съ супружницей, хе, хе, хе!» обратился ко мнѣ толстый купчина, рыхлый, сдобный, лоснящійся, — и, быть можетъ, спасъ меня... отчего? я и самъ не знаю.

Пятовъ замолчалъ и опять самъ нарушилъ молчаніе.

— Я вотъ зачѣмъ представилъ вамъ этотъ пейзажикъ, — вымолвилъ онъ; — этотъ пейзажикъ — апофеозъ Россіи. Вся русская «суть» напряглась въ немъ и ошеломила меня видомъ какой-то сплошной боли... Эхъ, государь мой, — русская жизнь, русская исторія, стремленія русскія, — вѣдь на Волгу вечеромъ, смотри ихъ!.. Въ тоскѣ, въ печали они предстанутъ... Отдыху не дадутъ... Они тебя истомятъ подлиннымъ своимъ смысломъ, истерзаютъ!..

— Но позвольте, — подхватилъ я, — сами же вы говорили о «растительной» правдѣ, которая даже въ безсознательныхъ своихъ формахъ воздвигается какъ идеалъ желательный.

— Говорилъ.

— Кто хранитъ эту правду?

— Народъ.

— И его пожреть нѣмцы!

— Совершенно такъ же, какъ до сихъ поръ его правду «пожираетъ логика».

— Значить, «правда» не въ силахъ отстоять себя?

— Господи, да гдѣ же ей отстоять, коли она неалобива какъ голубица. Христось правдивъ какъ солнце, а и того распяли. Что вы ребенокъ, что ли... Сила въ господинѣ Крупшѣ, а вовсе не въ нашемъ Сютаевѣ. И всегда этотъ Крупшъ осѣдляетъ любвеобильнаго Сютаева! Да еще какой оскорбительный фокусъ получится — осѣдлать-то онъ его осѣдляетъ, а самъ знамя выкинетъ: «Да здравствуетъ Сютаевъ!» и за этимъ знаменемъ, за этой подмѣненной правдой, цѣлыя полчища дураковъ потянутся... Вспомните исторію! Всмотритесь въ вѣка! Развѣ не подмѣняли Христа прямые наслѣдники римской культуры? Развѣ крестоносцы не грабили Византію, такъ себѣ, между прочимъ... А вѣдь шли-то они въ первый разъ за Пустынникомъ, за человѣкомъ одѣтымъ въ рубище, босымъ, до мозга костей пронзеннымъ «правдой!»

Пятовъ проговорилъ это въ сильномъ задорѣ, но не получивъ возраженія на послѣднія слова, какъ-то сразу присмирѣлъ и будто устыдился. Такъ человѣкъ съ азартомъ ломится въ плотно притворенную дверь и останавливается внезапно сконфуженный, когда убѣждается, что затворовъ не было. Онъ замолчалъ и долго бѣгалъ по комнатѣ, задумчиво покручивая жиденькую бородку. Вьюга смутно шумѣла и билась въ ставни. Въ дальней комнатѣ торопливо тикали и спѣшили часы... Свѣча, нагорая, слабо потрескивала, и распространяла тусклый свѣтъ, не достигавшій до угловъ, въ которыхъ стояли сумрачныя тѣни. И какъ-то незамѣтно создавалось тягостное настроеніе. Я начиналъ чувствовать какой-то холодъ, затхлый и безотрадный, подобный холоду могилъ, когда надъ ними гуляетъ осенній вѣтеръ, шевеля поблекшими листьями, и косые солнечные лучи свѣтятъ печально.

— А впрочемъ, какъ это странно, что я заговорилъ о нѣмцахъ, — усмѣхаясь, сказалъ Пятовъ, точь въ точь передовая статья изъ московской «Руси».

— Ну не совсѣмъ точь въ точь, — замѣтилъ я.

— Не совсѣмъ? Да, да, вы правы. «Русь» увѣрена, что мы «шапками закидаемъ!» а я не вѣрю. Но такъ же какъ и «Русь», я убѣжденъ въ нѣмецкихъ стремленіяхъ «на Востокъ». Впрочемъ, повторяю, все это ужасно смѣшно и совсѣмъ, совсѣмъ не важно.

— Что же важно-то послѣ этого?

— О, сколько важнаго, государь мой! Жить не стоитъ, вѣровать не во что, — вотъ, что важно.

— Какъ! — прервалъ я: — а справедливость! прогрессъ! свобода!

— Прогрессъ! свобода! — съ горькой ироніей повторилъ Пятъ, — справедливость!.. Яркая мишура на гниющемъ трупѣ, какъ сказалъ бы цвѣтистый Шекспиръ. И былъ бы правъ, еслибъ сказалъ это, повѣрьте!

— Едвали это такъ, — не вытерпѣлъ я. Пятъ точно ужалилъ кто.

ХІІ.

— Вы думаете? — протянулъ онъ, прищуривъ глаза, и снова въ его взглядѣ появился жесткій и злобный блескъ, напомнившій мнѣ Пятиху. — Сядемъ, поговоримъ, не свихнувшійся человекъ. Что же такое, этотъ вашъ прогрессъ достохвальный, и какія благодати можетъ дать вѣра въ него? Дать «для души», какъ говорятъ мужики. Посмотримъ. — Прогрессъ есть безконечное, безпощадное, бессмысленное раздробленіе. По Спенсеру «дифференцированіе». Такъ-съ?

— Ну, положимъ.

— Раздробленіе въ фیزیологическомъ организмѣ, раздробленіе въ общественномъ, раздробленіе въ наукѣ... Тамъ и сямъ наилучше приспособленный органъ торжествуетъ. Замѣьте, государь мой, *приспособленный*! Теперь посмотримъ, что же торжествуетъ такое? А торжествуетъ вездѣ и повсюду Кятъ Китычъ. Въ человѣкѣ — кулакъ, или, виновать, — функція, представляемая господиномъ Бисмаркомъ. Въ обществѣ капиталъ, представляемый Ротшильдомъ, — крѣпкая, безнравственная, хотя и лакированная, сила. А въ наукѣ?.. — въ наукѣ, изволите видѣть, торжествуетъ анализъ. Анализъ, раздробившій каждую отрасль чуть не на тысячи вѣтвей и не соединившій ничего... Анализъ, подковавшій всѣ золотныя мечты, разогнавшій эти мечты, какъ вѣтеръ разгоняетъ облака, истерзавшій ихъ какъ тряпки, никому и ни на что не нужны... Анализъ, ушедшій въ мелочи, въ тонкости, въ детали, расплотившій массу кронотливыхъ познаній, — дремучій лѣсъ познаній, въ которомъ въ пору заблудиться Аристотелю, еслибы онъ имѣлъ наивность народиться въ наши времена... Вотъ вашъ прогрессъ! Я первый вѣрую въ *такой* прогрессъ, но что же даетъ мнѣ эта вѣра? О, въ крайнемъ своемъ выраженіи она даетъ неутолимое желаніе разбить себѣ голову въ дребезги... А въ выраженіи среднемъ, приспособленномъ для

нашего брата, средняго человѣка, она влагаешь въ уста поэта жестокой стихъ:

Живи, пока годишься—и смерти жди..

—пока годишься для тоски, для мученій, для терзаній, которыми конца нѣтъ...

— А нравственные идеалы? Справедливость?—спросилъ, я, заинтересованный рѣзкими опредѣленіями моего собесѣдника.

— Какая?—насмѣшливо произнесъ Пятовъ.

— Ну... высшая справедливость!

— Какая,—повторилъ онъ, не обративъ вниманія на мой отвѣтъ,—та ли, во имя которой феніи убиваютъ изъ-за угла, или та, во имя которой этихъ феніевъ вѣшаютъ? Тутъ нужно разобратся, государь мой. У меня былъ знакомый—справедливѣйшій человѣкъ! а всѣ сосѣди величали его извергомъ, и тоже, пожалуй, по справедливости величали. «Все въ томъ—какъ понимать!» говоритъ у Додэ одинъ изъ героевъ, и совершенную правду говоритъ. Что такое подлость, честь, зло, добро? Слова, годныя для риемы... Размалеванныя декораціи... Монеты, утратившія свою цѣнность отъ неумѣреннаго употребленія... И во всякомъ случаѣ туманныя пятна, не болѣе.—Въ какой-то повѣсти изъ народной жизни, мужички, будучи присяжными, двоюженца закатали и были совершенно правы, а вотъ «интеллигенція» охулила ихъ за это и тоже была права. Какъ тутъ быть? Или вотъ тихвинскіе пейзаны колдунью сожгли. Какъ вы полагаете, не по справедливости они поступили?—онъ нѣсколько помолчалъ и добавилъ:—Въ томъ-то и дѣло, что отвѣтить вамъ не легко: съ одной-то стороны какъ будто-то и такъ, а съ другой—вѣдь и въ самомъ дѣлѣ отъ колдуньи то имъ житья не было, точъ въ точъ, какъ ирландскимъ мужикамъ отъ англійскихъ лэндъ-лордовъ.

— Случалось мнѣ такъ слышать: то, молъ, и справедливо, и нравственно, что содѣйствуетъ прогрессу. Правда, говорившіе понимали прогрессъ въ романтическомъ смыслѣ, прибавляли къ нему слово «сознательный», рядили его въ перья райской птицы... Ну, ладно. А вотъ Маресь,—тоже въ своемъ родѣ человѣкъ изъ «райскихъ птицъ»,—говоритъ, что каждому обществу, прежде чѣмъ до благополучнаго «синтеза» дойти, до знаменитаго «обобществленія труда», нужно томительную «антитезу» на своихъ плечахъ вынести. Нужно, напримѣръ, рабочему воспитаться въ ежовыхъ рукавицахъ капиталиста, и тогда уже собственный огородъ городить. И въ этомъ-де прогрессъ и есть. Ладно. Какъ же, ежели я буду этой самой «антитезѣ» содѣйствовать, вмѣстѣ съ капиталистомъ на народной спинѣ верхомъ ѣздить (един-

ственно изъ-за того, чтобы «райская птица» скорѣй прилетѣла), то какъ это будетъ: нравственно или безнравственно, справедливо или несправедливо? Вѣдь я, какъ ни какъ, этой моей верховной «прогрессу» содѣйствую? Двигаю его, этотъ пресловутѣйшій прогрессъ?

— Тутъ-то не можетъ быть сомнѣній,—сказалъ я,—отвѣтственность развитого человѣка предъ народомъ ясна. Онъ обязанъ служить народу непосредственно, игнорируя всякія «анти-тезы». Это ужъ установлено твердо.

— Вы полагаете?—язвительно произнесъ Пятовъ и даже радость изъявилъ при этихъ моихъ словахъ, точно ему удалось поймать меня въ хитро разставленную засаду.—На чемъ же это мнѣніе утверждено, позвольте полюбопытствовать?

— Народъ своими усиліями вынесъ васъ на вершину, и вы обязаны по силѣ возможности долгъ ему возратить.

— Вотъ какъ-съ!.. Превосходно-съ! Въ высшей даже степени превосходно-съ!..—и онъ внезапно перемѣнилъ хихикающій тонъ свой на тонъ серьезный съ отблесками тоскливаго раздраженія, который былъ ему обычень.—Государь мой! Вѣдь съ этой-то вершины Манфредъ пытался броситься въ пропасть...—Пятовъ закашлялся, съ досадливой гримасой схватился за плечо, повыше ключицы, и продолжалъ:—Я вѣдь съ достаточной внимательностью проштудировалъ «Письма-то историческія», а надъ четвертымъ письмомъ (помните: «цѣна прогресса?») — надъ четвертымъ даже всплакнулъ въ оное время. Да такой степени чувствовалъ себя виноватымъ и сознавалъ свое безсиліе отдать «долгъ», который цѣлыми вѣками якобы громоздился на мои плечи. Но теперь я вотъ что думаю: да кто же васъ просилъ, голубчикъ, въ долгъ-то мнѣ давать? Никто вѣдь не просилъ... Правда, я за вашъ счетъ читаю Спенсера, упиваюсь Марксомъ, вотъ недавно увлекательнѣйшаго Ланге одолѣлъ... За вашъ счетъ слушаю оперу, ношу этотъ сюртучишко, намедни вотъ отъ Рауля дюжину мадеры выписалъ... Кстати, не хотите ли мадеры? Великолѣпнѣйшая!

— Не хочу. Говорите, говорите...

— Но вмѣстѣ съ этимъ я Достоевскаго выношу на своихъ нервахъ. Пилилъ онъ меня, пилилъ... «Послѣдній день приговореннаго къ смерти» читалъ и плакалъ... Надъ Байрономъ разрывался... Въ заботахъ о судьбахъ мужика, чуть до «одинадцатой версты» не дошелъ... Это-то что-же?.. Что же это такое, что я безъ мучительнаго содроганія Шопеновскіе полонезы слушать не могу, а «кредиторъ-то» мой въ простотѣ душевной эту же му-

зыку «свиннымъ плачемъ» называется... У меня душа надрывается надъ пейзажемъ, гдѣ паутинные мои нервы провидать трагическую суть, а «кредиторъ» плазѣтъ на этотъ пейзажъ, ковыряя пальцемъ въ носу, да сайку жуешь... Что же это такое? Проценты что-ль за долгъ? Да прежде чѣмъ въ долгъ-то давать, спросили бы меня, согласенъ ли я его брать, — проценты жидовскіе платить, сумму томленій невыносимыхъ вмѣщать въ своемъ воображеніи?.. Не удобнѣй ли мнѣ тихвинскую колдунью жечь да конокрада забивать на смерть, да молить «батюшку — Царьградъ», чтобы града не было... А то странное дѣло! Попортили человѣка, научили болѣть горестями «Бѣдной Лизы», изловчились Достоевскимъ до истеріи доводить, и вдругъ, вмѣсто всего-то этого — долгъ! Помилуйте, да за что же-съ?..

ХІІІ.

Я хотѣлъ-было возражать, хотѣлъ изъяснить ему, что эта «обязанность» вовсе не есть юридическая формула, а простое и естественное влеченіе «потерѣться около сосуда съ живой водой», какъ говорить гдѣ-то Тургеневъ. Но Пятковъ уже не слушалъ меня, онъ даже какъ будто испугался могущаго быть перерыва и тотчасъ же продолжалъ съ стремительностью.

— А свобода! Стыдно говорить о ней. Вотъ ужъ истасканная блудница-то. Гдѣ эти блага, которыя она сулитъ вотъ столько уже вѣковъ? Кто ихъ видѣлъ? А кто испыталъ, тотъ знаетъ, что это за ягода. — Ты свободенъ извозчикъ? — спрашиваютъ бульварные хлыщи. — «Свободенъ», — отвѣчаетъ извозчикъ въ радостномъ вожделѣніи сѣдковъ. — Ну, такъ кричи: да здравствуетъ свобода! — остроумствуютъ хлыщи. Такъ вотъ спросите у извозчика, что за штука эта свобода.

— Не объ этой свободѣ рѣчь, — успѣлъ я вставить.

— О какой-же-съ?

— Есть свобода совѣсти, есть...

— Свобода чувства... — хихикнулъ Пятковъ.

— Это вы оставьте. — Есть, наконецъ, политическая свобода со всѣми ея развѣтвленіями...

— А на это я вамъ вотъ что доложу. Есть у графа Толстого одно мѣстечко въ «Войнѣ и Мирѣ». Тамъ офицеръ Ростовъ, изъ распушеннаго и ужъ совершенно «свободнаго» барскаго общества, возвращается въ полкъ. Въ полку, сами знаете, все предрѣшено, все приказано, все поставлено на рельсы и ка-

тится по нимъ,—однимъ словомъ безпачатнѣйшая дисциплина! Апоеозъ всяческой зависимости! — и что же вы думаете, пожалѣлъ Ростовъ о домашней «свободѣ»? Нѣтъ-съ, онъ словно встрахнулся, словно ощутилъ свѣжесть среди безобразнѣйшаго июльскаго зноя,—онъ зналъ, что путь его въ полку обозначенъ ясными вѣхами,—и ему было необыкновенно легко. Вы скажете—Ростовъ—тряпка? Человѣкъ растрепанный, расплывчатый, однимъ словомъ, гусарскій ротмистръ и ничего болѣе?.. Да сообразьте же—не будь въ человѣкѣ этого наслажденія въ подвластн, этого упорнаго исканія узды, если хотите,—многое давно бы сдѣлалось анахронизмомъ. Повѣрьте! Вѣдь вся исторія только въ томъ и состоитъ, что люди, отвѣдавши одной палки, бѣгутъ сами искать другую,—извѣдавши Бурбоновъ, запрагаются въ ярмо конвента, испробовавъ конвентъ, протягиваютъ шею Бонапарту... Что же это—періодъ фетишей скажете? Нѣтъ, государь мой, это не фетиши, а исконная потребность естества, вложенная туда вмѣстѣ съ другими подлѣйшими потребностями насмѣшницей-природой. Ахъ, еслибы было иначе! Еслибы устранить, вытравить эту потребность, выдернуть ее какъ сорную траву!—Впрочемъ, достаточно останется другихъ, чтобъ омерзить наше малое существованіе,—прибавилъ онъ мрачно.

— Но что же остается?—прервалъ я Потова.

— Жить, пока годишься, и ждать смерти,—усмѣхаясь, повторилъ онъ.

— Какъ же жить?

— Какъ лопухъ живетъ.

— Но дѣлать-то, дѣлать-то что?

— Ощущать нѣгу своего существованія.

— Какъ ощущаетъ вошка, когда грѣется на лежанкѣ?

— Именно, какъ вошка.

— Хорошо выводъ!

— За то старинный. Въ Экклезіастѣ еще сказано: все суета суетъ.

— Патологія!

— Незабѣжная на той вершинѣ, гдѣ стынетъ кровь. А кто изъ крупныхъ людей, начиная съ Соломона, не побывалъ на этой вершинѣ—и, что курьезнѣй-то всего,—всякій бываетъ выпираемъ въ высь усиліями народа. Однихъ только русскихъ припомните—сколько. Вспомните Лермонтова, Тургенева, Льва Толстого... Да что я считаю,—конца имъ нѣтъ.

— Но эти же люди находили силы и для жизни.

— Да, когда снисходило на нихъ «забвеніе», о которомъ

такъ страстно молилъ Лермонтовъ... Однако, извините меня: — пойду обрѣвизую мамашинъ сонъ. Да и на васъ я, кажется, тоску нагналъ? Ничего, ничего, пусть это пойдетъ въ уплату за ночлегъ. Вѣдь мы съ вами договорились, не правда ли? — онъ засмѣялся короткимъ смѣхомъ и съ напускной развязностью прикоснулся къ моему плечу.

Возвратился онъ очень скоро. Вслѣдъ за нимъ Марина принесла подушки и постельное бѣлье и свалила на софу; Пятковъ самъ уже все это привелъ въ порядокъ. Меня онъ уложилъ въ своей спальнѣ, шутливо отклоняя возраженія тѣмъ, что онъ-де взялъ съ меня безбожную плату за ночлегъ, а потому и обязанъ доставить всевозможныя удобства.

Вообще же онъ чрезвычайно быстро осунулся и впалъ въ какое-то вялое настроеніе. Я уже не слыхалъ отъ него другихъ словъ, кромѣ самыхъ обыденныхъ: надо ли мнѣ воды на ночь, не будетъ ли холодно подъ однимъ одѣяломъ, и т. п.

Но съ чего онъ вообразилъ, что его спальня доставитъ мнѣ какое-то особенное удобство, — не понимаю. Эта тѣсная комнатка съ обильнымъ ковромъ и утробистымъ кресломъ, а главное, съ банками и пузырьками, переполненными лекарствомъ, производила рѣшительно угнетающее впечатлѣніе. Самый воздухъ былъ пропитанъ странной смѣсью аптеки и наркотическаго запаха жасмина, стоявшаго на окнѣ въ полномъ цвѣту.

Я долго не могъ заснуть. Наступившая тишина, въ которую по временамъ вторгался шумъ вьюги, похожій на рыданіе, внушала тревожное безпокойство. Сердце билось неровными морями, напряженные нервы на каждый, едва замѣтный звукъ, отзывались какой-то болью. Когда я закрывался одѣяломъ, невыносимая жара одолѣвала меня, раскрытый — я ощущалъ нестерпимый холодъ. — «Дѣйствительно, дороговъко взяли съ меня за ночлегъ!» — подумалось мнѣ невольно.

XIV.

Пятковъ долго не спалъ; онъ тяжело ворочался на своей софѣ, глубоко вздыхалъ и кашлялъ, заглушая кашель одѣяломъ, отъ чего онъ казался еще болѣе злобѣющимъ. Дверь спальни была открыта. Въ нее я видѣлъ голыя стѣны кабинета, край стола, залитый чаемъ, портретъ дѣвушки съ пытливыми глазами и лоснящійся полъ съ сѣрыми пятнами, предательски выдававшими ветхость краски. Ночная лампочка, привѣшенная къ стѣнѣ, обли-

вала всю эту скучную обстановку кроткимъ, точно меланхолическимъ, свѣтомъ.

Когда Пятковъ, наконецъ, заснулъ (и во снѣ иногда кашляя),—нѣсколько разъ показывалась Пятиха. Она проходила по комнатамъ, боязливо ступая; заглядывала подозрительно въ спальню; долго стояла на одномъ мѣстѣ, медленно переводя дыханіе и прислушиваясь къ чему-то, и, съ беззвучнымъ шопотомъ, удалялась. Огромная тѣнь падала отъ нея на бѣлую стѣну, колебалась тамъ, замирала въ странныхъ и угловатыхъ очертаніяхъ и таинственно исчезала. Старуха появлялась съ босыми ногами, при ходьбѣ прилипавшими къ полу, съ одѣяломъ, въ которомъ была завернута по самую шею, въ своемъ громадномъ чепцѣ, рюшъ котораго походилъ на рога...

Долго спустя впечатлѣнія мои отъ бесѣды съ Пятковымъ улеглись, и я смогъ, наконецъ, придать имъ кое-какую форму. Прежде всего отступила куда-то яркая рѣзкость этихъ впечатлѣній. Я вспоминалъ факты, отдѣльныя выраженія, слова, поступки,—все, что проходило предо мной прежде, въ моихъ долговременныхъ скитаніяхъ по російскимъ распутіямъ. И, странное дѣло, весь смыслъ этихъ, погребенныхъ гдѣ-то на днѣ души наблюденій вставалъ и оживлялся теперь, соединяясь неразрывными нитями съ рѣчами Пяткова. Вспомнилъ я Жураева,—человѣка, съ большимъ умомъ и огромнымъ образованіемъ, ушедшаго въ таинственныя дебри мистицизма и дѣловъ, закупоренныхъ въ стѣянки, —ушедшаго именно отъ того «пустого мѣста», на которомъ безпомощно топчется Викторъ Пятковъ. Вспомнилъ Карандышева съ его лучезарной теоріей «мессіанизма»... Вспомнилъ, наконецъ, и тебя, другъ, съ твоими восторженными призывами «смириться, приникнуть къ землѣ, вмѣстить въ себя жажду къ страданію»... И ты, Аристархъ Кошелевъ, всталъ предо мной уравновѣшенный своими надеждами осчастливить міръ посредствомъ электричества, согласить всѣ распри и водрузить всеобщее благоволеніе... Всѣ вы бѣжали отъ «пустого мѣста», и, благо вамъ, — вы, подъ защитой истерическихъ представленій, спасли въ себѣ «душу живу»...

Но сколько же такихъ, которые остались, точно каторжники, прикованные къ «пустому мѣсту». Сколько отравленій, сколько одинокихъ выстрѣловъ, раздающихся тамъ и сямъ, набранныхъ «петитомъ» въ газетахъ и безповоротно забытыхъ—на другой же день по прочтеніи! Сколько, наконецъ, преступленій... Уголовная лѣтопись судовъ загромождена ими, и развѣ не велика часть этихъ погибшихъ людей, обязанная своей гибелью именно

«пустому мѣсту»? Правда, иные изъ нихъ далеко не опредѣлили «опустошенности» своихъ душъ съ точностью Виктора Пятова. Они только не имѣли «вчерашняго дня», и въ этомъ вся вина ихъ.

Кто же виноватъ въ построеніи «пустого мѣста»? Русская ли дѣйствительность, до излишества смѣшившая идеалы, или «духъ вѣка», мрачный и скептическій до трагизма? Рѣшай ты, ученый человѣкъ...

XV.

На утро я всталъ поздно и нашелъ Пятова уже совершенно одѣтымъ. Онъ былъ скученъ, молчаливъ, страшно блѣденъ, кашлялъ чаще, чѣмъ вчера, и безпрестанно хватался за грудь. Очевидно вчерашнее возбужденіе не прошло для него даромъ. Онъ послѣдшне сталъ извиняться предо мной, говорилъ, что не знаетъ, что ему дѣлать съ нервами, которые въ вечеру, да еще во время дурной погоды, доводятъ его до какого-то — онъ выразился — пьянаго состоянія. Въ его голову точно хмѣль бьетъ, пульсъ стучитъ съ лихорадочной быстротою, — все существо повергается въ тревожное волненіе.

— Знаете, точно летѣть собираешься, — говорилъ онъ, — даже уши заложить, до того страшно... Ну, а тутъ давно невиданный «человѣкъ въ сюртукѣ», да еще книжныя слова понимаетъ... — добавилъ онъ, улыбаясь. — Вы ужъ простите. Вообще-то я угрюмъ и несообщителенъ.

Я, разумѣется, старался его успокоить.

На дворѣ утихло. Бѣлыя тучи облегали небо. Поле, усыпанное волнистыми сугробами, уходило въ даль, сливаясь съ бѣлымъ горизонтомъ. Бѣлый свѣтъ однообразно разливался по комнатамъ, придавая имъ еще болѣе видъ холода и непріятности.

Разговоръ даже трудно было поддерживать: такъ выло сочился онъ у насъ. Сидѣть молча и гремѣть ложечками въ стаканахъ было, однакоже, неловко. Поневоѣ приходилось изобрѣтать отрывочныя вопросы и въ свою очередь отвѣчать отрывочно.

— Вы были въ университетѣ? — спрашиваю я.

— Былъ.

— Гдѣ?

— Въ Петербургѣ.

— А факультетъ?

— Юридическій.

Молчаніе.

— А что, хлѣбъ дешевѣетъ въ Воронежѣ? — съ ненужной поспѣшностью вопрошаетъ Пятковъ.

— Да, немного сдаль.

— И овесъ?

— И овесъ сдаль.

И опять стучимъ ложечками.

— Чей это портретъ? — спросилъ я, случайно взглянувъ на стѣну и предварительно покопавшись въ головѣ — нѣтъ ли другого вопроса.

— А это сестра моя, Людмила.

— Гдѣ она?

— Лѣто жила въ Самарѣ, на урокахъ у какого-то туза. Теперь въ Питерѣ.

— На медицинскихъ? — сказалъ я, вспомнивъ слова Захара о барышнѣ, обучающейся въ лекаряхъ.

— Да.

Онъ замолчалъ и, повидимому, тоже порылся въ головѣ.

— Славный человекъ она, — вымолвилъ Пятковъ, — теплая, душевная, вѣрующая. Никакого сходства съ братцемъ! — онъ засмѣялся; однако же прибавилъ, послѣ нѣкотораго молчанія: — Наивна только очень; надобдаетъ; мы съ ней надѣли не можемъ прожить вмѣстѣ: я — разволюсь, она — разругается.

Я посмотрѣлъ на портретъ. Дѣйствительно, сходства у нихъ было мало. Только умный лобъ, да пожалуй еще рѣзко очерченный подбородокъ и ротъ съ укороченной нижней губой обнаруживали сродство. Все остальное было и добрее, и красивее, и, если можно такъ выразиться, яснее, чѣмъ у Виктора.

— Она не замужемъ? — спросилъ я.

— Кажется, нѣтъ. — Только вы, пожалуйста, не говорите о ней при матери, — добавилъ онъ, понижая голосъ, — между нами говоря, мать такъ не долюбливаетъ ее.

XVI.

Часа полтора спустя я распрощался съ Пятковымъ и уѣхалъ. Пятыхи не было. Только выѣзжая за хуторъ, я усмотрѣлъ ее: повязанная какой-то ветхой тряпичей, съ высоко приподнятымъ подоломъ, изъ-за котораго видѣлись грязные и мокрые шерстяные чулки, она шла изъ сада ко мнѣ на-встрѣчу, неся въ охапкѣ сухіе, обледенѣвшіе сучья. За ней переваливалась Марина

съ такой же охашкой. У Марины на всемъ лицѣ изображалась величайшая досада.

— До свиданья,—сказалъ я Пятихъ!

— Ступай, ступай, батюшка, съ Богомъ, — сердито отозвалась она и даже не заблагоразсудила поклониться.

Но Викторъ при прощаньи оживился и почти съ сожалѣніемъ отпустилъ меня.

— Теперь не зову, но прѣзжайте лѣтомъ,—говорилъ онъ, сжимая мою руку. — Лѣтомъ нашъ хуторъ точно островъ въ зеленомъ морѣ. И садъ, и поля, и тишина вопіющая,—все, что хочешь! Эхъ, государь мой, кабы не мать-природа съ своими бессловесными созданіями—тяжело дотягивать до гроба!

Ежели говорить по совѣсти, я долго остерегался провѣдывать Пятихинъ хуторъ. Изобиліе мрака, вынесеннаго мною оттуда, помимо моей воли, оставило во мнѣ горькій слѣдъ. Такъ видъ безнадежно больного внушаетъ томительное желаніе,—постыдное желаніе, прибавлю, — уйти отъ него, не слышать его надрывающихъ стонъ и растеряннаго шептанія его близкихъ, — забыть какъ-нибудь отъ мучительно тяжелыхъ впечатлѣній...

Но вмѣстѣ съ тѣмъ и интересно бываетъ узнать, не умеръ ли, какое оставилъ завѣщаніе,—посмотрѣть на холодную пустоту, оставленную покойникомъ, на измученныя лица его близкихъ... Или даже и не это, а просто предсмертныя терзанія посмотрѣть интересно, — ощутить жуткое трепетанье собственныхъ нервовъ, почувствовать въ себѣ шемашую боль, сладкую жалость, теплыя слезы на глазахъ—и, тайнѣ-то, внутри-то души, самодовольно сознать собственное свое безболѣзанное благополучіе. Скверно это, если хочешь; гадко даже; но «во грѣхахъ мы зачаты», братецъ мой, и ужъ какъ ни вертись... Ну, и такъ далѣе, и такъ далѣе.

А тутъ, по веснѣ, подоспѣли и нѣкоторыя новости. Пятиха умерла; Викторъ вплотную будто бы занялся хозяйствомъ. Но это бы еще ничего, — кромѣ хозяйства, онъ на скандалъ всего околота женился на своей кухаркѣ. Свадьба, какъ рассказывали, была необычайно торжественна: съ пѣвчими, съ попомъ, одѣтымъ въ парадныя ризы, съ зажженной большой люстрой... Знаюмая мнѣ попадья прибавляла къ этому, что молодые стояли на огромномъ кускѣ шелковаго фая, и что Марина такъ и прыгнула, «бесстыжая», на этотъ фая, опередивъ на добрый шагъ своего жениха.

Однимъ словомъ, вѣнчались съ помпой. Эта-то помпа главнымъ образомъ и скандализировала околота. Въ ней хотѣли

видѣть какъ бы новый вызовъ помѣщикамъ, отстранившимся отъ своего сосѣда, и даже болѣе чѣмъ помѣщикамъ, — въ ней видѣли «наглое» заявленіе какой-то идеи...

Какъ бы то ни было, въ концѣ мая я поѣхалъ къ Пятову.

И, первымъ долгомъ, не узнавъ хутора. Зеленныя, какъ лукъ, поля облегали его со всѣхъ сторонъ. Тамъ выколашивалась рожь, тамъ «ботѣль» овесъ, внушительно пошевеливая жирными, упитанными стеблями; тамъ сплошнымъ ковромъ разстилалось кудрявое просо... Самый «паръ» и тотъ былъ зеленъ отъ множества травъ и пестрѣлъ цвѣтами. И въ срединѣ-то этихъ зеленыхъ равнинъ бѣлѣлъ хуторъ. Эклога да и только!

И чѣмъ ближе подъѣзжалъ я къ нему, тѣмъ все чаще и чаще твердилъ: эклога! эклога!.. Радостное мычаніе быка, съ торжествующимъ видомъ озирающаго тучныхъ коровъ, точно соскочившихъ съ картины Поль-Поттера... Соловей... Иволга гдѣ-то вдали... Маленькій садикъ, словно обвѣшенный хлопьями бѣлоснѣжной ваты... Прудокъ, полузаросшій камышомъ, тихій и блистающій подъ солнцемъ... И странная мысль пришла мнѣ въ голову: да не сонъ ли приснился мнѣ зимою?—И еще такъ подумалось: не ломалъ ли тогда мой Викторъ комедию... и какъ онъ захохочетъ теперь при взглядѣ на мое лицо, на которомъ ужъ непременно отразится недоумѣніе. До такой степени не вязались эти веселыя, до излишества ликующія краски и эта необузданная тучность природы, съ непроходимыми сугробами и тоскливыми голосами вьюги, истерзавшими меня въ «святочный» вечеръ. И вообще не вязалась эта «эклога» съ искалѣченной фигурой «барчука на болящемъ положеніи».

XVII.

Принялъ мою лошадь тотъ же Захаръ. Но теперь ликъ у него былъ ясный, даже до непріятнаго лоска, и новая ситцевая рубаха гремѣла на немъ съ отвратительнымъ шикомъ.

— Что, скоронили барыню?—сказалъ я, отдавая ему возжи.

— Слава тебѣ Господи, отволокли!—отвѣтилъ онъ, не смогши сдержать веселой усмѣшки, но тутъ же какъ бы и поймалъ себя на этомъ и добавилъ съ кротостью:—Ужъ безъ этого никакъ невозможно. Особенно старому человѣку. Никакой ему возможности такой нѣтъ, чтобъ чужой вѣкъ заѣдать. Предѣлъ!

Онъ погладилъ мою лошадь около холки и видимо желалъ еще что-то сказать. И, наконецъ, сказалъ, горделиво выпятивъ грудь:

— У насъ ничего. У насъ супротивъ старой барыни такіе даже порядки пошли касательно хозяйства — поискать! И на счетъ поминокъ очень превосходно: гавѣскій Анфимъ такъ даже облопался съ эстаго винища. Важные поминки!

— Это по комъ же поминки, по барынѣ?

— Ужъ, конечно... Вслѣдствіе ейной души, значить... На поминовение... Одной воды четыре ведра потрескали, не считая всего прочаго!.. А тамъ пироговъ этихъ... убоины... Обстоятельные поминки!

И такъ какъ я не сѣвшилъ уходить, то Захаръ разговаривалъ больше и больше.

— Меня прямо призываетъ Викторъ Михалычъ и прямо говоритъ: такъ и такъ, молъ, Захаръ. Но я прямо ужъ скажу — я эти дѣла понимаю. И опять же сыновнее почтеніе ежели... И законъ взять, напимѣръ, по закону... Матушкѣ тоже нужно честь отдать, это ты какъ тамъ ни вертись. И опять же вода! Конечно, другой на моемъ мѣстѣ хлебиснулъ бы ведро, и дѣло съ концомъ. Но я этого не могу. Мнѣ первое дѣло, чтобъ честь! Я и по хозяйству теперь разсуждаю...

— Развѣ ты и по хозяйству? — полюбопытствовалъ я.

— А какъ же! — съ пущимъ достоинствомъ провознесъ Захаръ: — само собою барину никакой нѣтъ возможности съ мужичьемъ. А что касательно черныхъ работъ — у насъ есть малый. — И тутъ же закричалъ съ ненужной строгостью: — Макарка!

Макарка объявился въ одно мгновеніе. Въ противоположность Захару, онъ былъ облаченъ въ посконную рубаху съ разстегнутымъ воротомъ, изъ-за котораго видѣлась корявая, сожженная солнцемъ, шея. При видѣ этой шеи, я невольно посмотрѣлъ на шею Захара и поразился ея великодушнѣйшей дебелистью. «Когда онъ успѣлъ откормиться!» подумалось мнѣ. А Захаръ приказывалъ, заложивъ палецъ за поясокъ, изъ-за котораго выпячивалось жирное брюхо:

— Макарка! Лошадь вотъ отпряги. Сведи на конюшню. И овса чтобъ, и сѣна... Да ты живѣй копайся, а то я, братъ, съ вами... У меня чтобъ живо!

Онъ видимо щегольнулъ этой угрозой, ибо Макарка и безъ угрозы, какъ уторѣлый, вѣдѣлся въ мою лошадь и поволокъ ее съ великой поспѣшностью.

— Гдѣ же баринъ? Онъ женился, кажется? — спросилъ я.

— А какъ же! На Маринѣ Вонифатьевнѣ. Черезъ законный бракъ.

— Вонъ и Викторъ Михалычъ, — вымолвилъ Захаръ, пони-

живъ голосъ, и поспѣшно пошелъ къ амбарамъ, съ хлопотливымъ видомъ размахивая руками.

XVIII.

Изъ рѣшетчатой калитки сада выступилъ Пятовъ, съ Мариной Вонифатьевной и съ длиннѣйшей удочкой на плечѣ. Я пошелъ къ нимъ на-встрѣчу. Пятовъ, какъ только замѣтилъ, сразу узналъ меня.

— А! заблудшій путешественникъ!—воскликнулъ онъ.

Но прежде, чѣмъ обратилъ онъ на меня вниманіе, я успѣлъ на нихъ налюбоваться. И, тутъ же сознаюсь, посмѣялся внутри себя. Представь себѣ парочку, изъ которой, тонкій какъ глисть и вообще дохленькій мужичекъ, въ высокой соломенной шляпѣ и кокетливомъ костюмчикѣ изъ «чичунчи», пытитъ и обливается потомъ подъ напоромъ сдобной бабищи, размѣры которой только тѣмъ и можно опредѣлить, что во всю ширь развести руками и воскликнуть: «во!» Эта вопіющая противоположность оказалась еще нагляднѣй, когда я подошелъ къ парочкѣ вплотную. Даже смѣхъ мой замеръ и мнѣ ужасно стало жалко Пятова. Если можно, онъ еще болѣе похудѣлъ съ зимы. Глаза его ввалились и казались огромными отъ темныхъ подтековъ, лицо посинѣло и осунулось, вся фигура поражала своей беспомощностью и дряблостью, и поражала тѣмъ болѣе, что замѣтны были усилія придать ей видъ бодрый и развязный, превращавшіяся на дѣлѣ въ какую-то вздрагивающую нервность. Ко всему, онъ для чего-то сталъ подстригаться, и угловатая его борода положительно внушала отвращеніе.

Но Марина Вонифатьевна... Ахъ, потому-то въ особенности мнѣ и жалко стало Пятова: изъ Марины Вонифатьевны чуть не брызгали жизненные соки...

Итакъ, Пятовъ воскликнулъ:

— А! заблудшій путешественникъ! (въ тонѣ его слышалась нѣкоторая стѣсненность)—и, высвободивъ отъ жены свою руку, подалъ ее мнѣ. Затѣмъ глубоко вздохнулъ, сказалъ: «фу-у», снялъ шляпу и, крѣпко зажмурившись, отеръ потъ, градомъ казившій съ лица. Правая его рука, на которой возлежала Марина, слегка дрожала.

— Вы не знакомы?—вдругъ спохватился онъ, и сказалъ особенно строгимъ тономъ:—Маріанна Вонифатьевна. Жена моя. Прошу любить и жаловать.

«Маріанна!—подумалъ я:—ужъ успѣлъ такую бабищу въ «Маріанну» обрядить! Ахъ, декораторы, декораторы...» Но, ко-

нечно, это мнѣ не помѣшало раскланяться съ нею. Марина сложила «пукетникомъ» губы и тоже неумѣренно низко поклонилась. «Очень радъ» — сказалъ я. Марина осклабилась.

— Ну, вотъ, вотъ! — одобрительно вымолвилъ Викторъ и сразу утратилъ первоначальное свое стѣсненіе. — Чаю хотите? Закусить? Все есть въ исправности, — торопливо предлагалъ онъ.

Я захотѣлъ чаю.

— Ну и отлично. Мы пойдемъ пока въ сажинко, а Марианна приготовить намъ.

Такъ и сдѣлали. Но еще не вошли въ садъ, какъ насъ догналъ Захаръ. Видъ его былъ озабоченный.

— Викторъ Михайлыч! — сказалъ онъ, — вотъ ихнюю телѣжку я полагаю въ сарай поставить.

— Поставь.

— То-то, я думаю поставить. Тутъ первое дѣло, и солнце, и касательно птицы сумлѣніе, а ужъ въ сараѣ спокойно.

— Поставь въ сарай.

Мы вошли въ садъ.

— Хамъ, а между тѣмъ преползѣнѣйшій человѣкъ, — вымолвилъ Пятковъ, — о всякой малости доложить и вмѣстѣ придумаешь всякую малость. Понимаете, онъ меня дѣлаетъ «какъ будто» хозяиномъ, и мнѣ это, признаюсь, очень пріятно.

— Вы не самолюбивый человѣкъ, — замѣтилъ я.

— Вы думаете? (онъ сдѣлалъ паузу). А пожалуй и вправду не самолюбивъ. Все дѣло въ томъ, какъ удобнѣй. А я нахожу удобнѣй обходиться безъ самолюбія. Что въ томъ, что въ сущности-то хозяинъ Захаръ, — всѣ вѣдь великолѣпно притворяются и великолѣпно обходятъ эту «сущность», а мнѣ того и надо. Все дѣло въ декораціяхъ, повѣрьте!

Мы помолчали, и въ это время сошли къ берегу пруда, гдѣ подъ кустомъ сирени была преуютная скамеечка.

— Сядемте, — сказалъ Пятковъ, — право я очень радъ вамъ. Я теперь точно Робинзонъ — одинъ, одинъ... (въ его голосѣ мимолетно прозвучала грусть). Мать умерла — знаете? Съ сестрой мы окончательно разошлись...

— Это за что же? Впрочемъ, простите...

— Какъ-же, помилуйте-съ, демократы — *égalité, fraternité* и всякая сладость, а какъ пришло до дѣла, — не смѣй на кухаркѣ жениться... Демократы! — онъ раздражительно плюнулъ. — И что такое кухарка, позвольте васъ спросить? Кухарка — женщина, это прежде всего. А любовь что такое? Могушественный фیزیологическій порывъ, разрисованный господиномъ Фетомъ. Да позвольте-съ! это прежде всего неоригинально! Не хочу я вашего

Фета,—вашъ Фетъ аристократъ... У меня есть свои краски... Фетъ кухарку-то не раскраситъ, а я раскрашу... И раскрасилъ!— съ торжествомъ воскликнулъ онъ, и закашлялся.

— Вы все болѣете?—участливо спросилъ я.

— О, нѣтъ. Напротивъ, я положительно здоровъ. Помните, какой я былъ зимою—онъ улыбнулся,—теперь ужъ я не тотъ. Нервы превосходны. И вообще, я точно ребенокъ, убаюканный въ люлькѣ. Вы посмотрите эти поля (онъ указалъ рукою за прудъ), поля эти чего стоятъ. А Маріанна!..—Помните мать? Какъ она мучила меня! Эти пузырьки, капли, мушки, клзмы, эти таинственныя патанія по ночамъ вокругъ постели, доносы, дозоры, страхи... И все, какъ по волшебству, вонъ! Тѣмъ до отвалу, сплю чертовски... Вдыхаю вотъ этотъ удивительно сладкій ароматъ...—онъ глубоко вздохнулъ и замолкъ, блаженно зажмуривъ глаза. Дѣйствительно, пахло хорошо: цвѣла сирень и яблони стояли, точно невѣсты, разубранныя подъ вѣнецъ.

— Кто это сказалъ—«сладчайшая жизнь та, которая свободна отъ всякаго мудрствованія»...— очнулся Патовъ,—да, Софокль сказалъ. И умнѣйшій, я вамъ доложу, человекъ этотъ Софокль. Повѣрьте! И вообще древніе—молодцы. Я недавно совершенно случайно наткнулся на одну такую «древнюю» мысль. Какъ она свѣжа, батенька!—«Во многой мудрости много печали, и кто умножаетъ познанія, умножаетъ скорбь». Прочтите въ Экклезіастѣ. Великолѣпіе! я бы золотыми буквами во всѣхъ академіяхъ напечаталъ!—А впрочемъ, ну ихъ къ чорту всѣ эти и «древнія», и «новыя» мысли, и вообще «мысли»... Пойдемте чай пить.

— Представьте, а я вѣдь думалъ, что теперь вы освѣжились и забыли вашу вражду къ «мыслямъ»,—сказалъ я.

— Это вы вѣрно сказали, что «освѣжился». Дѣйствительно освѣжился,—съ живостью отвѣтилъ Патовъ,—я нашелъ счастье.

— Въ природѣ? Въ любви?

— Въ простотѣ. Все осложненіе, весь этотъ ворохъ изыскательныхъ рефлексій, всю нажитую, наболѣвшую шкуру—все долой. Простота въ любви, простота въ ощущеніяхъ, простота, наконецъ, въ мысляхъ, если ужъ вы хотите, чтобы было употреблено это слово,—и въ концѣ концовъ полнѣйшая гармонія.

XIX.

Столъ съ чаемъ былъ накрытъ подъ тѣнью густой липы. За нимъ Марина Вонифатьевна гремѣла посудой, безпрестанно оправляя мѣшавшіе ей кисейные рукава рубахи.

И всякій слѣдъ раздраженія исчезъ у Виктора, когда мы усѣлись за самоваръ. Онъ смотрѣлъ на Марину, помогая ей оправлять рукава, причемъ непремѣнно съ сладостной ужимкой проводилъ ладонью по ея обнаженной рукѣ; пилъ чай, поминутно подливая въ него коньяку, и, то и дѣло, обращалъ мое вниманіе на окрестности. «Смотрите какъ неподвиженъ этотъ камышъ! точно заворожилъ его кто.» — «А вонъ тѣнь отъ облака прошла надъ полемъ...» — «Волны-то, волны-то пробѣжали во ржи, словно шелковая матерія всколыхнулась!» — Не правда ли, хорошо у насъ? не то, что зимою: тишина, батенька, теплота...» Соловей звенѣлъ въ лознякѣ. Около крышъ весело стрекотали воробьи. Малиновка щебетала въ вустахъ сирени... Правда, было хорошо.

Марина Вонифатьевна была въ испаринѣ, утиралась рукавомъ, опивалась чаемъ и упорно, настоятельно, молчала.

Послѣ чая мы съ Пятовымъ гуляли по полямъ, прислушивались къ пѣснѣ про «степь моздокскую», что тянулъ пробѣзжій мужичокъ, смотрѣли какъ закатывалось солнце и на поля ложились влажныя тѣни... Вечеромъ возвращалось на хуторъ стадо, мычали коровы, звонко игралъ пастушій рожокъ, бойко и задорно разносилось лошадиное ржаніе... Еще поздне, мы опять обошли хуторъ. Въ камышахъ трещалъ коростель; лягушки квакали, мелодично бульбая въ сонной водѣ; въ саду гремѣлъ и въ истомѣ замиралъ влюбленный соловей...

— Вотъ она жизнь! Вотъ счастье! Вотъ простота! — восклицалъ Пятовъ, кутаясь въ пледъ и вздрагивая отъ вечерней свѣжести; — и какое мнѣ дѣло, что кулакъ тамъ сожретъ мужика... Пусть всякій беретъ отъ жизни, что она даетъ ему, и пусть въ этой подачѣ отыскиваетъ элементы наслажденія... Я же напелъ ихъ!...

Улеглись, однако, мы рано. Я снова — въ спальнѣ Пятова.

Была невыносимая духота. Правда, съ вечера мнѣ удалось уснуть, но среди ночи я проснулся, и, ужъ какъ ни бился, уснуть не могъ. Тогда я закурилъ папиросу, открылъ окно, и легъ съ открытыми глазами. Изъ сосѣдней комнаты доносилось до меня хрипливое дыханіе спящаго Виктора. Со двора несло прохладой и сыростью. На травѣ лежала густая роса.

А. ЭРТЕЛЬ.

РИХАРДЪ ВАГНЕРЪ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

- Richard Wagner's Leben und Werken in sechs Büchern, dargestellt von Carl Fr. Glasenapp. Neue Ausgabe. 2 Bände. Leipzig, Breitkopf und Härtel. 1882.
- Richard Wagner, von Richard Pohl. Leipzig, Breitkopf und Härtel. 1888.
- Richard Wagner, sein Leben und seine Werke, von Wilhelm Tappert. Elberfeld, S.-Lucas. 1888 ¹⁾.
- Gesammelte Schriften und Dichtungen von Richard Wagner. 9 Bände. Leipzig, E. W. Fritzsch. 1871—1873.

Небольшой старинный городъ Байрётъ (Bayreuth) въ Баваріи, недавно еще ничѣмъ не отличавшійся отъ массы ему подобныхъ германскихъ городковъ, неожиданно и совершенно случайно сдѣлался мѣстомъ поклоненія нѣмецкихъ музыкантовъ и любителей музыки. Въ Байрётъ находится каменный двухъ-этажный домъ, носящій названіе «Wahnfried» и принадлежавшій знаменитому германскому композитору Рихарду Вагнеру. Въ этомъ домѣ авторъ «Тангейзера» жилъ съ 1873 года; здѣсь онъ писалъ свои послѣднія произведенія, тутъ же въ Байрётъ, въ загородной мѣстности, находится театръ, извѣстный Вагнеровскій «Bühnenfestspielhaus», выстроенный специально для торжественныхъ представленій «Кольца Нибелунговъ», колоссальнаго музыкально-драматическаго произведенія Вагнера; наконецъ, въ тѣмъ же

¹⁾ Названныя три сочиненія представляютъ преимущество, какъ позднѣйшія изданія по біографіи Вагнера, но страдаютъ общимъ, весьма существеннымъ недостаткомъ: крайнимъ пристрастіемъ къ личности Вагнера и отсутствіемъ критическаго отношенія, какъ къ его произведеніямъ, такъ и къ его дѣятельности; поэтому для настоящаго очерка эти сочиненія могли дать исключительно только фактическій матеріалъ.

саду, окружающемъ «Wahnfried», погребенъ въ началѣ 1883 г. прахъ композитора. Итакъ, незначительный самъ по себѣ городокъ Байрѣтъ тѣсно теперь связанъ съ памятью о Рихардѣ Вагнерѣ, который въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій обаятельно дѣйствовалъ на своихъ соотечественниковъ, видѣвшихъ въ немъ великаго реформатора оперы и творца «музыки будущности».

Твердо и неуклонно идя къ намѣченной цѣли, храбро и побѣдоносно преодолевая встречаемыя препятствія, но не стѣсняясь и выборомъ средствъ къ достиженію желаемого,—Вагнеръ, въ сферѣ своей дѣятельности, если не всегда возбуждаетъ въ себѣ симпатію, то во всякомъ случаѣ заставляетъ признавать геніальность его натуры. Начиная съ 1842 г., съ постановки въ Дрезденѣ его оперы «Риенци», Вагнеръ сумѣлъ постоянно обращать на себя вниманіе,—то какъ композиторъ оперъ, идущихъ въ разрѣзъ съ традиціоннымъ направленіемъ, то какъ бѣжавшій изъ отечества революціонеръ, то какъ талантливый публицистъ, смѣло затрогивающій животрепещущіе вопросы эстетики и общающій создать искусство будущности,—то, наконецъ, какъ другъ короля баварскаго, вносящій раздоръ между королемъ и его подданными. Въ теченіе сорока лѣтъ, въ Германіи не переставали постоянно писать и говорить о Вагнерѣ; полемика между его приверженцами и противниками постоянно поддерживала «Вагнеровскій вопросъ» открытымъ: съ одной стороны, ему расточались величайшія восхваленія, съ другой—на него сыпались порицанія и брань, какія врядъ ли обращались къ кому-нибудь другому изъ общественныхъ дѣятелей,—и въ результатъ это привело къ тому, что Вагнеръ достигъ такого значенія, такой славы, какими не пользовался при жизни ни одинъ изъ композиторовъ.

Задумавъ произвести реформу оперы на самыхъ рациональныхъ началахъ, Вагнеръ смѣло шелъ впередъ, не дѣлая никакихъ уступокъ ни требованіямъ большинства, ни господствующему направленію, и настойчиво проводилъ свои принципы, какъ въ теоретическихъ сочиненіяхъ, такъ и въ своихъ музыкально-драматическихъ произведеніяхъ. Послѣдовательно появлялись его оперы: «Риенци», «Морякъ - скиталецъ» (*Fliegende Holländer*), «Тангейзеръ», «Лоэнгринъ», «Тристанъ и Изольда», «Нюрнбергскіе мастерзингеры», и вездѣ онъ послѣдовательно все болѣе и болѣе удалялся отъ господствовавшаго опернаго жанра. Сначала театры не хотѣли ставить его оперъ, публика не хотѣла слушать его произведеній; но, мало-по-малу, Вагнеръ покорилъ и театры, и публику, подчинивъ ихъ своему вліянію и своимъ требованіямъ, и, наконецъ, на устроенныхъ имъ въ 1876

году торжественныхъ представленийъ своихъ оперъ цикла «Кольца Нибелунговъ» достигъ такого триумфа, послѣ котораго и Европа, и Америка, преклонилась передъ нимъ, какъ передъ величайшимъ реформаторомъ. Фактъ безпримѣрный въ исторіи музыки; несравненно болѣе крупныя музыкальныя таланты, чѣмъ Вагнеръ, гораздо болѣе его обогатившіе искусство дѣйствительно гениальными произведеніями, переживающими столѣтія, никогда при жизни не достигали такого торжества, какъ авторъ «Кольца Нибелунговъ», — произведенія только-что теперь вступающаго въ жизнь, и вопросъ о долговѣчности котораго представляется для музыкантовъ весьма сомнительнымъ. Что личная энергія Вагнера и его умѣнье не только пользоваться благоприятными обстоятельствами, но и создавать эти обстоятельства, чрезвычайно много содѣйствовала успѣху Вагнеровскихъ произведеній — врядъ ли то можетъ быть оспариваемо въ виду тѣхъ данныхъ, которыя представляетъ его біографія и разборъ его дѣятельности. Со смертію композитора обаяніе его личности окончилось, и только теперь его произведенія выступаютъ на безпристрастный судъ общественнаго мнѣнія; конечно, время лучше всего докажетъ, имѣлъ ли Вагнеръ въ искусствѣ то высое значеніе, какое ему стараются придать его многочисленныя поклонники; задача же критики: содѣйствовать разрѣшенію этого вопроса, разборомъ не только произведеній Вагнера, но и всей его совокупной дѣятельности, какъ композитора, писателя и организатора общественныхъ художественныхъ учрежденій.

I.

Рихардъ Вагнеръ происходилъ изъ бюргерской семьи. Дѣдъ его умеръ въ 1795 г., состоя главнымъ акцизнымъ сборщикомъ (General-Accise-Einnehmer) въ Лейпцигѣ. Тамъ же родился въ 1770 г. Фридрихъ Вагнеръ, отецъ композитора, служившій въ послѣднее время своей жизни актуариусомъ въ лейпцигскомъ городскомъ судѣ; отъ его брака съ Іоганной-Розиной, урожденной Бертцъ, изъ Вейсенфельса, было восьмеро дѣтей ¹⁾, изъ которыхъ

¹⁾ Трое изъ нихъ избрали сценическую карьеру; старшій сынъ Альбертъ былъ актеромъ и пѣвцомъ въ Вюрцбургѣ и въ Дрезденѣ и режиссеромъ въ Берлинѣ, гдѣ умеръ въ 1871 г. Старшая дочь Розалія пользовалась извѣстностью какъ талантливая драматическая актриса въ Лейпцигѣ; третья дочь Клара была до замужества пѣвицей. Дочери Альберта Вагнера, Іоганна и Франциска, также посвятили себя сценѣ, и Іоганна считалась хорошею оперною пѣвицею.

въ настоящее время нивого нѣтъ въ живыхъ. Вильгельмъ-Рихардъ Вагнеръ, младшій изъ всѣхъ дѣтей, родился въ Лейпцигѣ 10-го (22-го) мая 1813 г. Черезъ пять мѣсяцевъ послѣ появленія его на свѣтъ, отецъ умеръ, и вся семья малолѣтнихъ дѣтей (старшему сыну было всего 14 лѣтъ) осталась на попеченіи матери, въ очень незавидномъ положеніи, такъ какъ у нея кромѣ весьма ограниченной пенсіи не было другихъ средствъ. Вдова Вагнера вскорѣ вторично вышла замужъ за актера дрезденскаго театра Гейера и переселилась со всей семьей въ Дрезденъ. Но и со вторымъ мужемъ она жила не долго; Гейеръ умеръ въ 1821 г.

Въ дѣтскомъ возрастѣ Рихардъ Вагнеръ не обнаруживалъ никакихъ особенныхъ способностей; его учили между прочимъ и музыкѣ, и рисованію; но эти занятія оставались безъ результатовъ. Девяти лѣтъ онъ поступилъ въ школу въ Дрезденѣ и скоро заявилъ себя прилежнымъ способнымъ ученикомъ, рано обнаруживъ притомъ поэтическія дарованія, такъ что, будучи всего 11-ти лѣтъ, онъ уже дѣлалъ дѣтскіе опыты въ поэзіи, переводилъ стихами Гомера и считался въ школѣ «für einen guten Kopf in litteris». Учителя смотрѣли на него какъ на будущаго филолога и поощряли его усердіе. Но въ 1827 г. семейныя дѣла заставили мать Вагнера переѣхать обратно въ Лейпцигъ, и переводъ мальчика изъ дрезденской школы въ лейпцигскую вредно повліялъ на его учебныя занятія. Изъ усерднаго, подающаго надежды ученика, онъ сдѣлался лѣнивымъ, безпечнымъ; единственно, что его занимало—была задуманная имъ, подъ вліяніемъ Шекспира, большая трагедія, которую онъ началъ еще въ Дрезденѣ и писалъ цѣлыхъ два года. Впослѣдствіи онъ рассказывалъ про эту трагедію, вѣроятно, съ юмористическими преувеличеніями: «планъ былъ въ высшей степени великолѣпный; сорокъ два дѣйствующихъ лица умираютъ въ серединѣ пьесы, и мнѣ необходимо было заставить большую часть изъ нихъ являться въ видѣ тѣней въ послѣднихъ двухъ актахъ».

Въ Лейпцигѣ Вагнеръ началъ посѣщать концерты «Гевандъ-Гаузъ» и, однажды, прослушавъ Бетговенскую музыку къ Гётевской драмѣ «Эгмонтъ», пришелъ къ заключенію, что и его трагедія, въ то время уже ововченнная, должна непремѣнно сопровождаться подобной же музыкой, которую онъ рѣшилъ написать самъ, нисколько не сомнѣваясь въ своей способности къ музыкальному творчеству; но понималъ однако, что предварительно необходимо ознакомиться съ нѣкоторыми правилами гармоніи, для чего и досталъ себѣ, на восемь дней, специальное руковод-

ство Ложье. Скоро убѣдившись, что въ столь короткое время невозможно приобрести необходимыхъ познаній, онъ однакоже нисколько не колебался и, какъ уже однажды намѣревался сдѣлаться поэтомъ, такъ и теперь рѣшалъ стать музыкантомъ. Это рѣшеніе онъ скрывалъ отъ своихъ родныхъ, помня, какъ печалилась его мать, когда сочиненіе трагедіи вредило ходу его школьныхъ занятій; поэтому онъ рѣшилъ не обнаруживать своихъ стремленій къ музыкѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ въ правѣ явными доказательствами заявить о своемъ призваніи. Тайкомъ отъ всѣхъ онъ написалъ сонату, квартетъ и арію, и тогда только признался въ своихъ композиторскихъ работахъ. Выдержавъ предвидѣнную имъ борьбу со своими домашними, онъ получилъ, наконецъ, разрѣшеніе заниматься у хорошаго музыканта Готлиба Мюллера. Но бѣдному учителю было много труда; Вагнеръ занимался небрежно, беспорядочно, и Мюллеръ опасался, что изъ всѣхъ его трудовъ не выйдетъ ровно никакого толку. Тѣмъ не менѣе, желаніе композиторствовать не прекращалось, и въ 1830 г. Вагнеръ отважился написать увертюру для оркестра. При его знакомствѣ съ бывшимъ въ то время директоромъ театра, Генрихомъ Дорномъ, легко было устроить публичное исполненіе увертюры въ театрѣ, во время антракта. Курьезное произведеніе неумѣлаго композитора привело публику сначала въ недоумѣніе, которое перешло потомъ въ явное негодованіе, и закончилось при-сворбнымъ для автора смѣхомъ. Послѣ этого Вагнеръ убѣдился въ необходимости болѣе правильныхъ и серьезныхъ подготовительныхъ занятій и на время оставилъ музыку.

Окончивъ курсъ въ школѣ, Вагнеръ началъ посѣщать университетъ; но не отдавался спеціальнымъ факультетскимъ занятіямъ, а слушалъ только общеобразовательные предметы, преимущественно философію и эстетику, которые считалъ необходимыми для своей будущей карьеры. Вскорѣ онъ нашелъ и хорошаго руководителя въ музыкальныхъ занятіяхъ; то былъ канторъ въ лейпцигской Thomasschule, хорошій контрапунктистъ Теодоръ Вейнлигъ (Weinlig). Подъ руководствомъ Вейнлига Вагнеръ занимался всего около полугода, и уже тогда могъ съ увѣренностью и легкостью рѣшать труднѣйшія контрапунктическія задачи. Этимъ и ограничились учебныя музыкальныя занятія Вагнера; онъ самъ иногда говорилъ въ шутку: «ich bin ja kein gelernter Musiker!» Вейнлигъ познакомилъ своего ученика съ произведеніями Моцарта и заставилъ ихъ полюбить. Подъ его руководствомъ Вагнеръ въ 1831 г. написалъ для фортепіано сонату B-dur въ 2 руки и полонезъ D-dur въ 4 руки; обѣ эти

шесть, изданныя у Брейтшопфа и Гертеля, не обнаруживают и слѣда Вагнеровской индивидуальности; въ этомъ отношеніи, по словамъ Тапперта, болѣе интересна относящаяся къ тому же времени фортепианная же фантазія Fis-moll, оставшаяся не напечатанною ¹⁾. Затѣмъ въ томъ же 1831 г. была написана концертная увертюра C-dur съ фугой (исполненная въ 1833 г. въ концертахъ Гевандъ-Гаузъ), въ которой проглядывала нѣкоторая самостоятельность, но преимущественно сказывалось вліяніе Бетговена. Въ то время Вагнеръ со страстью изучалъ Бетговенскія произведенія, за партитурами которыхъ онъ проводилъ цѣлыя ночи. «Я сомнѣваюсь,—говорилъ Дорнъ,—встрѣтить другого молодого музыканта, который былъ бы такъ преданъ произведеніямъ Бетговена, какъ 18-ти лѣтній Вагнеръ. Его увертюры онъ имѣлъ болѣею частью въ собственноручно списанныхъ партитурахъ; съ сонатами онъ ложился спать, съ квартетами вставалъ». Въ слѣдующемъ 1832 г. Вагнеръ окончилъ симфонію для оркестра ²⁾ и написалъ оперное либретто: «Die Hochzeit», подвергнувшееся строгой критикѣ сестры Вагнера за слишкомъ мрачное содержаніе текста и потому оставленное имъ безъ музыки.

Въ май 1833 г. Вагнеръ поѣхалъ въ Вюрцбургъ, гдѣ его старшій братъ, Альбертъ, состоялъ актеромъ, пѣвцомъ и режиссеромъ, и опредѣлился въ тамошній театръ въ качествѣ дирижера хоровъ. Въ Вюрцбургѣ онъ написалъ трехъактную романтическую оперу: «Die Feen»; отрывки оперы исполнялись въ концертахъ, и успѣхъ возбуждалъ въ авторѣ столь лестныя надежды, что въ началѣ 1834 г. онъ возвратился въ Лейпцигъ, для переговоровъ съ директоромъ лейпцигскаго театра о постановкѣ оперы на сцену. Въ ожиданіи результатовъ, Вагнеръ начиналъ новую оперу: «Das Liebesverbot», сюжетъ которой онъ заимствовалъ изъ Шекспировской драмы: «Мѣра за мѣру», и обработалъ его съ значительными измѣненіями; опера эта была окончена только черезъ два года, зимою 1835—1836 г. Между тѣмъ еще въ 1834 г. онъ получилъ мѣсто директора музыки въ городскомъ театрѣ въ Магдебургѣ. Обязанности директора сначала вполнѣ его удовлетворяли, представляя при томъ прелесть новизны; практическое же примѣненіе музыкальных способностей къ капельмейстерской дѣятельности дѣлали 21-го лѣтняго дирижера вполнѣ счастливымъ. Вагнеръ пробылъ въ

¹⁾ См. R. Wagner, von W. Tappert, стр. 5.

²⁾ Ненапечатанная; исполнялась въ 1838 г. въ конц. Гевандъ-Гаузъ.

Магдебургѣ два зимнихъ сезона (1834 — 1836); но финансовое положеніе театра приходило все въ больший и больший упадокъ и заставило Вагнера оставить дирижерскую дѣятельность, которую онъ закончилъ 29 марта 1836 г. исполненіемъ только-что оконченной имъ въ то время оперы: «Das Liebesverbot» ¹⁾. Опера была разучена на-скоро, и потому исполненіе было весьма плохое и притомъ послѣднее. Кромѣ окончанія оперы, Вагнеръ, въ теченіе 1835—1836 г., написалъ три увертюры и кантату, состоящую изъ увертюры и двухъ хоровъ; всѣ четыре труда не изданы.

Въ Магдебургѣ Вагнеръ познакомился съ красивой и талантливой драматической актрисой магдебургскаго театра, по имени Минна Планеръ, и обвѣнчался съ нею осенью 1836 г. Денежныя дѣла молодой четы находились въ плачевномъ состояніи, и Вагнеру пришлось принять незначительное мѣсто капельмейстера въ маленькомъ театрѣ въ Кёнигсбергѣ; но тамъ онъ не оставался и года: театръ скоро обанкротился и прекратилъ свое существованіе. Въ это время у Вагнера явилась смѣлая идея написать произведеніе для сцены парижской Большой-Оперы, что казалось ему весьма простымъ и легкимъ. Не долго думая, онъ выбралъ нѣмецкій романъ Кёнига: «Die hohe Braut», и, составивъ по этому роману планъ большой драматической оперы, послалъ его Скрибу, съ просьбой написать для него, Вагнера, либретто. Не получивъ даже и отвѣта Скриба, Вагнеръ все-таки не оставилъ своей идеи: онъ выбралъ другой романъ: «Рівенци, послѣдній трибунъ», Бульвера, и уже самъ принялся за составленіе либретто большой оперы въ 5-ти актахъ, съ 5-ю блестящими финалами, съ гимнами, торжественными шествіями, съ наибольшимъ сценическимъ и музыкальнымъ великолѣпіемъ и пышностью, однимъ словомъ, оперу, вполне соответствующую требованіямъ парижской сцены.

Но это только давало надежды въ будущемъ; настоящее же положеніе Вагнера было весьма незавидное. Къ счастью, въ концѣ 1837 г., онъ былъ приглашенъ, по рекомендаціи Дориа, принимавшаго въ Вагнерѣ живѣйшее участіе, въ Ригу, въ качествѣ перваго капельмейстера вновь сформированной въ то время на частныя средства оперы. Это приглашеніе вполне соответствовало желаніямъ Вагнера, такъ какъ онъ и прежде, по примѣру многихъ своихъ соотечественниковъ, собирался въ Россію попы-

¹⁾ Опера эта не издана; одинъ номеръ „Carnivalslied“ для ф.-п. съ гнѣиентъ, напечатанъ въ Брауншвейгѣ въ 1846 г.

таться и тамъ счастья, и потому поѣхалъ въ Ригу весьма охотно; къ тому на рижскую сцену были приглашены также его жена на драматическія роли и ея сестра, Тереза Планеръ, какъ оперная пѣвица. Въ первый годъ пребыванія въ Ригѣ, Вагнеръ относился къ своему дѣлу очень ревностно и, кромѣ постановки на сценѣ нѣсколькихъ оперъ, устроилъ шесть симфоническихъ концертовъ, въ которыхъ, между прочимъ, исполнилъ двѣ свои увертюры изъ написанныхъ въ Магдебургѣ. Но тутъ театральное дѣло ему наскучило, и онъ началъ таготиться тѣми мелочами, которыя вообще неразлучны съ капельмейстерскою обязанностию въ небольшомъ театрѣ провинціального города; такъ что, когда лѣтомъ 1839 г. контрактъ его съ рижскимъ театромъ окончился, и два акта новой оперы: «Ріенци», были уже написаны, Вагнеръ отказался отъ своего мѣста и рѣшилъ ѣхать въ Парижъ, гдѣ сразу рассчитывалъ пріобрѣсть положеніе, деньги и славу. вмѣстѣ съ своею женою онъ поѣхалъ моремъ на парусномъ суднѣ, которое должно было доставить ихъ въ Лондонъ. Путешествіе, продолжавшееся цѣлыхъ три недѣли, при очень бурной погодѣ, производило на Вагнера сильное впечатлѣніе; сѣверная природа норвежскихъ шхеръ, корабельная обстановка, рассказываемыя матросами старинныя морскія преданія невольно вызвали въ его воображеніи мрачный образъ «Моряка-Скитальца». (Fliegende Holländer), легенда о которомъ еще прежде привлекала его вниманіе какъ благодарный, казалось ему, сюжетъ для оперы.

Наконецъ, утомительный переѣздъ окончился, и наши путешественники, отдохнувъ съ недѣлю въ Лондонѣ, снова сѣли на пароходъ и поѣхали во Францію. Одно обстоятельство задержало ихъ на цѣлый мѣсяцъ въ Boulogne-sur-Mer. Это обстоятельство заключалось въ томъ, что въ то время въ Булони находился ни болѣе ни менѣе какъ самъ Мейерберъ. Вагнеръ понималъ, какъ важно для него заручиться знакомствомъ и рекомендаціею автора «Гугенотовъ», потому пожертвовалъ цѣлыхъ четыре недѣли на ухаживанье за знаменитымъ маэстро и добился своего. Мейерберъ заинтересовался личностью невѣстнаго еще, но слишкомъ снѣлаго композитора, ѣзавшаго въ Парижъ, въ этотъ городъ всемірной конкуренціи, составлять себѣ карьеру, не имѣя ни связей, ни знакомства, ни даже достаточно денегъ для болѣе или менѣе продолжительнаго независимаго существованія; поэтому онъ охотно сдѣлалъ для Вагнера, по пріѣздѣ его въ Парижъ, все что могъ: познакомилъ его со многими выдающимися лицами художественнаго и театральнаго парижскаго міра и отрекомендо-

валъ его директору театра de la Renaissance, Антенору Жолли (Jolly), которому настойчиво совѣтовалъ поставить на сценѣ Вагнеровскую оперу: «Das Liebesverbot». Неоконченнаго «Риенци» Вагнеръ отложилъ пока въ сторону, прилагая всѣ старанія, какъ можно скорѣе приобрѣсть извѣстность. Не сомнѣваясь, что А. Жолли исполнитъ желаніе Мейербера, тѣмъ болѣе, что уже былъ предпринятъ переводъ либретто его оперы на французскій языкъ, Вагнеръ заранѣе предвкушалъ удовольствіе сообщенія въ Германію о постановкѣ его произведенія на парижской сценѣ и мечталъ о томъ, что послѣ успѣха на небольшой сценѣ ему легче будетъ, когда окончитъ «Риенци», провести его на сцену Большой-Оперы. Но внезапное банкротство А. Жолли, зимою 1839 г., разрушило всѣ эти радужныя надежды.

Однако, Вагнеръ не терялъ мужества. Не удалось на сценѣ — онъ вздумалъ попытать счастья въ другомъ мѣстѣ и, рассчитывая легко приобрѣсть расположеніе салонной публики, написалъ музыку на сдѣланный для него самимъ Гейне французскій переводъ: «Двухъ Гренадеровъ», и три романса на французскія стихотворенія; но ни одинъ изъ этихъ романсовъ успѣха не имѣлъ, и врядъ ли кто-нибудь въ Парижѣ обратилъ вниманіе на эти произведенія. Послѣ того Вагнеръ рѣшился-было писать музыку къ какому-то ничтожному водевилю для одного изъ бульварныхъ театровъ, но и тутъ монополисты музыки этого жанра, которымъ онъ думалъ представить опасную конкуренцію, отбили у него и эту работу. Тогда только понялъ Вагнеръ неосновательность своихъ надеждъ на быстрый и легкій успѣхъ въ Парижѣ; такого разочарованія онъ не предвидѣлъ и не предполагалъ. Положеніе Вагнера въ Парижѣ было дѣйствительно весьма печальное и ухудшалось еще тѣмъ, что онъ не сходилъ близко ни съ кѣмъ изъ парижскихъ музыкантовъ; единственное исключеніе составлялъ, кажется, только извѣстный скрипачъ Вьетанъ. Уже почти въ концѣ пребыванія въ Парижѣ, въ 1841 г., Вагнеръ познакомился съ Листомъ, но это знакомство ограничилось только двумя визитами; Вагнеру не понравился гениальный пианистъ, котораго онъ считалъ въ то время работъ публики и чуждымъ высокимъ музыкальнымъ стремленіямъ, не предвидя, конечно, то значеніе, какое впоследствии имѣлъ Листъ въ пространствѣ и успѣхъ его, Вагнеровскихъ, произведеній.

Потерпѣвъ неудачи во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, Вагнеръ принялся за продолженіе оставленной оперы «Риенци»; кромѣ того, тамъ же въ Парижѣ, положено имъ основаніе одному изъ замѣчательныхъ оркестровыхъ произведеній Вагнера, происхожде-

ніе котораго его біографъ описываетъ такъ. Однажды Вагнеръ случайно зашелъ въ парижскую консерваторію, гдѣ оркестръ репетировалъ девятую симфонію Бетгоvena. Чудесные звуки геніальнаго произведенія глубоко взволновали Вагнера и перенесли изъ области его парижскихъ музыкальных заблужденій къ тому прекрасному воодушевленію его юношескихъ лѣтъ, когда онъ со страстью просиживалъ ночи надъ Бетгоvenскими партитурами. Эти звуки дали другое направленіе его художественнымъ стремленіямъ, направляемымъ въ послѣднее время исключительно къ достиженію быстрого и легкаго успѣха, и вызвали его творчество на произведеніе родственное съ девятой симфоніей. Вагнеръ задумалъ написать большую симфонію «Фаустъ» ¹⁾ (по Гёте); очень скоро (въ январѣ 1840 г.) онъ написалъ первую часть симфоніи, но дальше, неизвестно почему, не продолжалъ. Въ послѣдствіи (1855 г.) эта первая часть была передѣлана и издана подъ заглавіемъ: «Eine Faust-Ouverture», которую мы считаемъ самымъ глубокимъ и наиболее прочувствованнымъ изъ всѣхъ произведеній Вагнера.

Быстрому окончанію оперы «Риенци» препятствовало то, что Вагнеръ могъ посвящать творчеству только свободное время отъ платной работы, выручавшей его изъ крайней нужды. Работа эта была крайне непривлекательна и заключалась въ изготовленіи «Melodien-Arrangements aus beliebten Opern», для cornet à pistons и другихъ инструментовъ. Кроме того, Вагнеръ писалъ журнальныя статьи для «Revue et Gazette musicale de Paris». Однако, въ ноябрѣ 1840 г., всѣ пять актовъ «Риенци» были окончены, и партитура оперы немедленно отправлена въ Дрезденъ, гдѣ для новаго роскошно-выстроеннаго театра была собрана блестящая оперная труппа. Мейерберъ и въ этомъ случаѣ также много помогъ Вагнеру, написавъ главному интенданту театровъ въ Саксоніи письмо, въ которомъ рекомендовалъ Вагнера какъ композитора съ большою фантазіею и съ хорошимъ музыкальнымъ и общимъ литературнымъ образованіемъ. «Отдѣльные нумера оперы, которые онъ мнѣ игралъ», — прибавлялъ Мейерберъ, — «я нахожу phantasienreich und von vieler dramatischer Wirkung» ²⁾. Благодаря этой рекомендаціи, «Риенци» былъ принятъ для постановки на дрезденской сценѣ.

Весной 1841 г., Вагнеръ переехалъ въ Медонъ; тамъ онъ писалъ журнальныя статьи для «Revue et gaz. musicale» и коррес-

¹⁾ См. Gesam. Schrift., томъ IV: „Eine Mittheilung an meine Freunde“, стр. 328.

²⁾ См. R. Wagner, von W. Tappert, стр. 20.

понденціи въ вечернюю дрезденскую газету и въ газету «Еуропа»; дѣлалъ фортепіанныя переложенія оперъ Галевы для музыкальнаго издателя Шлезингера, и, наконецъ, приступилъ къ новой оперѣ «Морякъ-скиталецъ» (*Fliegende Holländer*). Первоначально онъ рассчитывалъ написать эту оперу для парижской Grand Opéra, директоръ которой, Леонъ Пилле, опять-таки по настоянію Мейербера, обещалъ Вагнеру поставить на сценѣ его оперу, но не болѣе какъ въ двухъ или трехъ актахъ; такъ какъ пяти-актный «Ріенци» не подходилъ подъ это условіе, то Вагнеръ задумалъ написать новую оперу, и, составивъ сценаріумъ «Моряка-скитальца», передалъ его Пилле, чтобы тотъ поручилъ кому-нибудь изъ парижскихъ литераторовъ написать по этому сценаріуму либретто. Черезъ нѣкоторое время Вагнеръ узналъ, что составленное по его плану либретто «*Vaisseau Fantôme*» передано «старѣйшему кандидату Б.-Оперы» Дитшу (*Dietsch*) ¹⁾. Не желая даромъ уступать своего проекта, Вагнеръ потребовалъ съ Пилле вознагражденіе въ 500 фр., но сохранилъ за собою право утилизировать свой сценаріумъ внѣ Парижа и принялся самъ за составленіе либретто въ нѣмецкихъ стихахъ. При этой новой концепціи у него явились совсѣмъ другія требованія, чѣмъ три года назадъ при составленіи либретто «Ріенци», на которое онъ смотрѣлъ какъ на оперный текстъ, въ общепотребительномъ смыслѣ, заполняющій традиціонныя оперныя формы: интродукцію, финалы, хоры, аріи, дуэты, терцетты и т. д. Въ новомъ же либретто онъ старался выдержать общій легендарный характеръ, не особенно заботясь о деталяхъ, которыя придавали бы блескъ и пышность его оперѣ. Въ короткій срокъ всего семи недѣль, либретто и партитура оперы были уже окончены, и Вагнеръ не замедлилъ отправить свое новое произведеніе въ Лейпцигъ и Мюнхенъ; но тамошніе театры отказали ему въ постановкѣ его оперы. Тогда Вагнеръ снова обратился за содѣйствіемъ къ Мейерберу. «Морякъ-скиталецъ» былъ принятъ на сцену въ Берлинѣ. Устроивъ, такимъ образомъ свои дѣла, Вагнеръ выѣхалъ изъ Парижа 7-го апрѣля 1842 г. въ Дрезденъ, гдѣ его присутствіе было необходимо въ виду приближающейся постановки на сценѣ «Ріенци».

Въ Дрезденѣ Вагнеръ началъ съ того, что написалъ свою автобіографію ²⁾, напечатанную въ началѣ 1843 г. въ одномъ

¹⁾ Опера Дитша: „*Vaisseau Fantôme*“ была поставлена на сценѣ Б.-Оперы 9-го ноября 1842 г.

²⁾ См. Wagner's *Gesam. Schriften*, томъ I, стр. 7—24.

изъ дрезденскихъ журналовъ и изданную впоследствии отдельной брошюрой. Автобіографія начиналась такъ: «Я называюсь Вильгельмъ-Рихардъ Вагнеръ и родился 22-го мая 1813 г. въ Лейпцигѣ»; затѣмъ слѣдовало довольно подробное описаніе всей тридцатилѣтней жизни Вагнера, мало удачной дѣятельности его въ Германіи и въ Ригѣ, и всѣхъ его приключеній въ Парижѣ. Заканчивая это описаніе выѣздомъ изъ Парижа и возвращеніемъ въ Германію, Вагнеръ заключилъ свою біографію слѣдующею напыщенною фразою: «Въ первый разъ увидѣлъ я Рейнъ;—съ свѣтлыми слезами на глазахъ влялся я, бѣдный художникъ, въ вѣчную вѣрности моему нѣмецкому отечеству».

Вскорѣ начались въ театрѣ репетиціи «Ріенци» и похвальные отзывы участвующихъ артистовъ возбуждали въ публикѣ живѣйшій интересъ къ новой оперѣ. Первое представленіе, состоявшееся 20 октября 1842 г., имѣло успѣхъ, превзошедшій всѣ ожиданія. Длинные пять актовъ оперы тянулись цѣлые шесть часовъ, но никто не выказывалъ никакого утомленія, такъ что когда Вагнеръ, убоявшись размѣровъ оперы, намѣревался значительно поубавить свою партитуру, то сами исполнители протестовали противъ сокращенія. Въ послѣдствіи «Ріенци» исполнялся въ два приѣма: первые два акта шли въ одинъ вечеръ, а остальные три — въ слѣдующій. При второмъ и дальнѣйшихъ представленіяхъ успѣхъ и оваціи были еще больше, такъ какъ Вагнеръ самъ дирижировалъ оркестромъ, замѣнивъ на эти представленія придворнаго капельмейстера Рейсигера.

Изъ всѣхъ напечатанныхъ оперъ Вагнера, «Ріенци» условно слабѣйшая. Либретто этой оперы (составленное самимъ Вагнеромъ по роману Бульвера), если смотрѣть на него, какъ вообще на оперное либретто, не претендующее на особенныя литературныя достоинства, можно назвать весьма удачнымъ, по его интересному сюжету и недурной драматической завязкѣ, хотя его утомительная растянутость обнаруживаетъ недостаточно умѣлую и мало опытную руку автора; къ тому же текстъ написанъ, какъ и вообще всѣ поэтическія произведенія Вагнера, крайне тяжеловѣсными стихами. Вообще «Ріенци» чрезвычайно благодарный сюжетъ для опернаго композитора, какъ представляющій цѣлую массу эффектнѣйшихъ сценъ, и потому весьма возможно, что Мейерберу, столь заботившемуся объ эффектности своихъ оперъ, очень нравилось либретто «Ріенци», о чемъ сообщаетъ и Глазенапъ. Но Вагнеръ плохо воспользовался этимъ благодарнымъ сюжетомъ. Музыка «Ріенци» безцвѣтна въ высшей степени, а главное, лишена какой-либо индивидуальности; въ ней

собственно Вагнеровскаго нѣтъ и слѣда, она вся написана въ традиціонномъ стилѣ итальянскихъ оперъ, все сплошь итальянскія кантилены съ избитой рутинной гармонизаціей, арія, авсамбли напыщенные финалы,—и все въ шаблонныхъ формахъ. Если у итальянцевъ рутинна ихъ оперныхъ формъ, хотя отчасти, скрашивается богатствомъ и красотою (хотя бы тривиальною, грубою) мелодій,—то въ «Ріенци» и этого нѣтъ. Бѣдность мелодической изобрѣтательности—существеннѣйшій недостатокъ творчества Вагнера; его не только нельзя сравнивать съ Верди или Россини, но въ этомъ отношеніи онъ бѣднѣе Беллини и Доницетти. Хотя опера «Ріенци» сплошь мелодична, но ея мелодіи сухи, безжизненны, лишены увлеченія, не рельефны, шаблонно-однообразны, и потому несамостоятельность музыки «Ріенци» выступаетъ еще сильнѣе. Слушая эту оперу на сценѣ или просматривая за фортепіано, невольно удивляешься, какимъ образомъ Вагнеръ, учившійся музыкѣ на произведеніяхъ Моцарта, зачитывавшійся со страстью партитурами Бетговена, высоко цѣнившій оперы Вебера, могъ писать музыку въ стилѣ, совсѣмъ чуждомъ воспитавшему его вліянію; какъ могъ онъ преклоняться передъ девятой симфоніей Бетговена и въ то же время писать шарманочныя кантилены, наполняя столь ничтожною музыкою большую пяти-актную оперу. Подобное противорѣчіе представляло бы неразгаданное психологическое явленіе, если бы не объяснялось весьма просто тѣмъ, что Вагнеръ писалъ «Ріенци» съ цѣлью достиженія возможно быстрого и легкаго успѣха, а разъ задавшись такою цѣлью, конечно, выбралъ для своей оперы стиль, господствовавшій въ то время въ театрахъ и наиболѣе удовлетворявшій вкусамъ публики. Разсчетъ оказался вѣрнымъ; Вагнеръ достигъ желаемого, правда, пока въ одномъ только Дрезденѣ. «Ріенци», потерпѣвъ въ 1844 г. фіаско въ Гамбургѣ, не появлялся на другихъ сценахъ до 1847 г., когда былъ поставленъ въ Берлинѣ; болѣе же широкое ея распространеніе началось только съ 1870 г., несмотря на то, что Вагнеръ, вскорѣ послѣ перваго представленія отпечаталъ эту оперу на собственные средства и усердно разсылалъ ее дирекціямъ театровъ, преспокойно возвращавшимъ его партитуру часто даже нераспечатанною.

Сенсаціонные успѣхи «Ріенци» въ Дрезденѣ вывалили немедленную постановку на дрезденской же сценѣ и «Моряка-скитальца» (*Der fliegende Holländer*), исполненнаго въ первый разъ 2 января 1843 г. и имѣвшаго только succès d'estime, благодаря еще неосытившему въ публикѣ увлеченію первой оперой Вагнера и превосходному исполненію г-жею Шредеръ-Девриентъ

роли Сенты. Однако, въ томъ же году «Морякъ-скиталецъ» былъ поставленъ въ Касселѣ и въ Ригѣ, тоже безъ особеннаго усилія; въ слѣдующемъ году исполнялся въ Берлинѣ, выдержавъ тамъ всего три представленія, и затѣмъ, въ теченіе почти десяти лѣтъ не появлялся ни на одной сценѣ. Эта опера, какъ упомянуто выше, написана всего въ семь недѣль, и подобная спѣшность работы отражается и въ либретто, и въ музыкѣ. Текстъ какъ бы составленъ на скорую руку, спитъ на живую нитку, такъ что видны швы. Сюжетъ взятъ изъ стариннаго преданія, по которому морякъ обреченъ со своимъ кораблемъ на вѣчное скитаніе по океану, и только «вѣрность до смерти» любящей его женщины даруетъ ему искупленіе. Этотъ сюжетъ, годный развѣ только для баллады, растянутъ на три длиннѣйшихъ акта. Въ первомъ актѣ зачарованный корабль подѣвается къ другому кораблю, капитанъ котораго, увлеченный богатствами Моряка-скитальца, соглашается на его просьбу выдать за него свою дочь Сенту. Во второмъ актѣ Сента томится передъ висящимъ въ ея комнатѣ портретомъ Моряка-скитальца, въ котораго она влюблена заочно, и о судьбѣ котораго поетъ балладу; входитъ отецъ съ гостемъ; Сента узнаетъ оригиналъ портрета и соглашается немедленно съ нимъ обвѣнчаться. Въ третьемъ актѣ Морякъ-скиталецъ подслушиваетъ невинные разговоры своей молодой супруги съ ея бывшимъ женихомъ, укоряетъ ее за невѣрность и уходитъ на свой корабль, чтобы снова пуститься въ скитаніе; Сента, въ доказательство своей «вѣрности до смерти», бросается со скалы въ волны; Морякъ получилъ искупленіе, и его корабль вмѣстѣ съ нимъ и со всѣмъ экипажемъ погружается въ пучину. Апофеозъ: Морякъ и Сента, обнявъ другъ друга, появляются на поверхности моря. Дѣйствія, движенія въ оперѣ мало; она вся состоитъ изъ длинныхъ разсказовъ и потому не сценична и, при растанутости, скучна и утомительна. Музыка представляетъ сравнительно большій интересъ, чѣмъ «Риенци»; правда, итальянскій оперный стиль преобладаетъ по-прежнему, но видно уже стремленіе сблизить музыку съ текстомъ, придать музыкѣ колоритность, соответствующую сюжету и дѣйствию, дать дѣйствующимъ лицамъ музыкальную характеристику. Хотя отъ рутинныхъ оперныхъ формъ Вагнеръ здѣсь еще не отступился, но всѣ отдѣльные нумера оперы связаны между собою; введена, посредствомъ интродукцій, связь между актами, такъ что въ оперѣ существуетъ нѣкоторая цѣльность, и нѣтъ той непріятной разрозненности итальянскихъ оперъ, какъ бы спитыхъ изъ разноцѣтныхъ лоскутковъ. Въ гармоническомъ отношеніи тоже

замѣтно нѣсколько болѣе разнообразіа; склонность Вагнера къ хроматизму, составляющему одно изъ характернѣйшихъ свойствъ его музыки, проявляется здѣсь въ чрезмѣрномъ изобиліи хроматическихъ гаммъ — весьма легкій и скорый способъ сочиненія музыки, но обнаруживающій скудость изобрѣтательности. Въ общемъ въ музыкѣ «Моряка-скитальца» много ординарнаго, рутиннаго, безсодержательнаго; партитура весьма бѣдна по своей фактурѣ, и если имѣетъ нѣкоторое значеніе, то единственно только какъ переходная ступень въ дальнѣйшему развитію направленія и стиля Вагнеровскихъ произведеній.

Въ началѣ 1844 г., Вагнеръ былъ назначенъ вторымъ капельмейстеромъ дрезденской оперы, на одинаковыхъ правахъ съ Рейсигеромъ, и вскорѣ приобрѣлъ уваженіе какъ даровитый дирижеръ. Постановка оперы подъ его управленіемъ представляла событіе для дрезденскихъ любителей музыки, такъ какъ онъ выбиралъ лучшія оперы и всегда достигалъ наиболѣе совершеннаго исполненія. Свою капельмейстерскую дѣятельность онъ началъ «Евриантой», Вебера, и «Армидой», Глюка; за этими операми слѣдовали: «Донъ-Жуанъ», «Волшебная Флейта», «Фрейшюцъ», «Фиделіо» и «Ифигенія въ Авлидѣ»; далѣе, «Гансъ-Гейлингъ», Маршнера, «Иессонда», Шпора, «Весталка», Спонтини. Глюковскую «Ифигенію» онъ подвергнулъ значительной передѣлкѣ: пересмотрѣлъ текстъ, сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ инструментовкѣ, написалъ вставные нумера оперы и измѣнилъ окончаніе ¹⁾. Этотъ трудъ Вагнера, относящійся къ его дѣятельности 1846—47 гг., напечатанъ въ послѣдствіи въ фортепіанномъ переложеніи Г. Бюлова и примѣняется почти вездѣ при исполненіи Ифигеніи. Также пользовались успѣхомъ и имѣли значеніе два ежегодныхъ концерта подъ управленіемъ Вагнера, въ которыхъ были исполнены прежде всего симфонія Бетговена, въ томъ числѣ и девятая, которую слышали тогда (1846 г.) въ Дрезденѣ въ сущности въ первый разъ, такъ какъ прежде, хотя она и была однажды исполнена Рейсигеромъ, но, по его собственному признанію, провалилась. Объ этой послѣдней симфоніи Вагнеръ въ послѣдствіи написалъ комментарий ²⁾, который вполне справедливо считается одной изъ лучшихъ статей въ этомъ родѣ. Въ Вагнеровскихъ концертахъ, между прочимъ, впервые въ Дрез-

¹⁾ Относительно этихъ измѣненій, Р. Шуманъ помѣстилъ въ своей „Theaterbüchlein“ (см. *Gesam. Schriften v. Sch.* т. II, стр. 363), такую замѣтку: „Это собственно неопозволительно. Глюкъ относительно Вагнеровскихъ оперъ предпринялъ бы, можетъ быть, обратный процессъ—wegnehmen, herausausschneiden“.

²⁾ См. *Gesam. Schr. von R. W.*, томъ IX, стр. 275—306.

дѣя была исполнена (въ 1844 г.), тогда еще совсѣмъ новая, музыка: «Сонъ въ лѣтнюю ночь», Мендельсона, и увертюра «Фаустъ» самого Вагнера.

Къ творческой дѣятельности Вагнера 1843—1844 г. относятся слѣдующія небольшія произведенія: двѣ кантаты, написанныя одна въ торжественному открытію монумента покойнаго короля Фридриха-Августа ¹⁾, и другая—по случаю возвращенія короля изъ Англіи ²⁾; библейская сцена «Das Liebesmahl der Apostel» для мужского хора съ оркестромъ, написанная въ честь умершаго въ 1842 г. учителя Вагнера, Вейнлига, и посвященная его вдовѣ; «Похоронный маршъ», на мотивы изъ Евріанты, для духовыхъ инструментовъ, и гимнъ для мужскихъ голосовъ (Doppelquartett)—обѣ вещи по случаю перевезенія изъ Лондона въ Дрезденъ праха К. М. Вебера, на могилѣ котораго Вагнеръ произнесъ рѣчь ³⁾, горячую, прочувствованную, въ которой выразился, что Веберу могутъ удивляться и другія націи, но любить его могутъ только нѣмцы, которымъ онъ принадлежитъ всецѣло; что онъ—прекрасный день ихъ жизни, горячая капля ихъ крови, часть ихъ сердца, и потому кто же можетъ порицать ихъ за желаніе, чтобы прахъ Вебера сдѣлался частью ихъ земли, дорогой германской земли?

Въ то же время Вагнеръ трудился надъ новой романтической оперой: «Тангейзеръ», или Составленіе пѣвцовъ въ Вартбургѣ. Сначала онъ задумывалъ писать оперу съ историческимъ сюжетомъ, избравъ героемъ оперы Манфреда, сына Фридриха II-го; но фантастическіе сюжеты всегда болѣе привлекали его воображеніе, и Тангейзеръ былъ предпочтенъ Манфреду. Планъ новой оперы Вагнеръ составилъ еще въ 1842 г., во время кратковременнаго пребыванія въ Теплицѣ, и принялся за свой трудъ немедленно послѣ постановки «Моряка-скитальца», окончилъ же его только черезъ три года. «Тангейзеръ» въ первый разъ былъ поставленъ въ Дрезденѣ 19 октября 1845 г.; исполнители были превосходные, избранные самимъ авторомъ, постановка чудесная, режиссеромъ былъ Фишеръ, личный другъ Вагнера, оркестромъ дирижировалъ самъ авторъ,—однимъ словомъ—исполненіе оперы состоялось при наиболѣе благоприятныхъ условіяхъ; но «Тангейзеръ» успѣха не имѣлъ, и уже при второмъ представленіи театръ былъ на половину пустъ. Дрезденская критика отнеслась

¹⁾ Gelegenheitscantate.

²⁾ Gruss an den König.

³⁾ См. Gesam. Schr. v. R. W., томъ II, стр. 61—63.

къ новой оперѣ неодобрительно, и только, благодаря благосклонности театральнаго интендантства и стараніямъ исполнителей, «Тангейзеръ» до конца года, въ теченіе девяти недѣль, выдержалъ семь представленій. Ни одна сцена не послѣдовала примѣру Дрездена, несмотря на всѣ старанія Вагнера. Съ этою цѣлью онъ даже хлопоталъ о разрѣшеніи посвятить партитуру «Тангейзера» прусскому королю Фридриху-Вильгельму IV-му, рассчитывая, что тогда его опера навѣрное будетъ поставлена въ Берлинѣ; но хлопоты эти не увѣнчались успѣхомъ. Въ Берлинѣ «Тангейзеръ» былъ поставленъ въ 1-й разъ только въ 1856 г., уже послѣ того, когда обошелъ большинство германскихъ сценъ; въ Вѣнѣ—еще позднѣе, именно въ 1859 г.

Вскорѣ послѣ «Тангейзера», Вагнеръ принялся опять за новую оперу: «Лоэнгринъ», планъ которой у него созрѣлъ еще лѣтомъ 1845 г., когда полу-больной, усталый отъ усиленной работы по окончанію партитуры «Тангейзера» онъ пріѣхалъ на нѣсколько недѣль въ Мариенбадъ. Здѣсь онъ сперва набросалъ планъ комической оперы: «Нюрнбергскіе Meisterzinger»; давно уже у него было желаніе написать оперу въ легкомъ жанрѣ, доступную даже и для маленькихъ сценъ, но въ то время далѣе наброска плана онъ не пошелъ и осуществилъ свою идею только спустя двадцать лѣтъ. Весьма характеристично, замѣчаетъ при этомъ Р. Поль ¹⁾, что когда у Вагнера созрѣвалъ какой-нибудь планъ, который онъ считалъ удачнымъ, то онъ не оставлялъ его и не отказывался отъ него, несмотря ни на какія перемѣны въ своей жизни; точно также никогда не являлся у него одинъ планъ, но всегда въ его головѣ создавалось одновременно нѣсколько плановъ вмѣстѣ. Такъ, въ Мариенбадѣ, въ 1845 г., вмѣстѣ съ «Meisterzingerami» явился планъ «Лоэнгрина», на которомъ онъ тогда и остановился, а въ связи съ этимъ послѣднимъ зародилась идея о Парсивалѣ; вступивъ же въ міръ средне-вѣковыхъ германскихъ легендъ, онъ скоро занялся «Nibelungen», и уже въ 1848 г. написалъ либретто «Смерть Зигфрида»; тогда же у него былъ въ виду и другой планъ, именно, исторической оперы: «Фридрихъ Барбаросса», но и на этотъ разъ снова мнѣніескій сюжетъ взялъ перевѣсъ.

Либретто и партитура «Лоэнгрина» написаны въ теченіе приблизительно двухъ лѣтъ; зимою 1847—48 гг., всѣ три акта зовой оперы были окончены и инструментованы. Однако постановкой «Лоэнгрина» театральное интендантство медлило; помня

¹⁾ R. Wagner, v. R. Pohl, стр. 152.

неуспѣхъ Тангейзера, оно сдѣлалось осторожнѣе и, — пользуясь требованіемъ Вагнера объ увеличеніи въ оркестрѣ числа духовыхъ инструментовъ, необходимыхъ для его Лоэнгрина, — различными отговорками старалось отклонить постановку на сценѣ новаго произведенія. Осенью 1848 г. въ большомъ историческомъ концертѣ въ день празднованія въ Дрезденѣ трехъ-сотлѣтняго существованія придворной капеллы (22 сентабря), былъ исполненъ финалъ 1-го акта «Лоэнгринъ»; вотъ все, что удалось тогда Вагнеру исполнить изъ своей новой оперы, и прошло дѣлныхъ тринадцать лѣтъ прежде чѣмъ онъ услышалъ всю оперу на сценѣ.

Въ настоящее время «Тангейзеръ» и «Лоэнгринъ» наиболѣе распространенныя изъ всѣхъ оперъ Вагнера, и именно тѣ оперы, съ которыхъ онъ началъ свою реформаторскую дѣятельность. Либретто для нихъ онъ писалъ самъ и выказалъ здѣсь значительное поэтическое дарованіе, способность владѣть стихомъ для выраженія лирическихъ настроеній, но не обнаружилъ особеннаго таланта драматическаго писателя. При легендарныхъ сюжетахъ и той, и другой оперы, герои которыхъ чувствуютъ, мыслятъ и дѣйствуютъ не такъ, какъ чувствуютъ, мыслятъ и дѣйствуютъ обыкновенные смертныя, въ содержаніи и текстѣ этихъ оперъ нельзя, конечно, искать ни драматической правды, ни строго логической послѣдовательности, ни вѣрной обрисовки характеровъ, а слѣдовательно, нельзя и смотрѣть на ихъ либретто какъ на серьезныя драматическія произведенія и, какъ таковыя, подвергать болѣе или менѣе строгой критикѣ. Если же смотрѣть на нихъ съ традиціонной точки зрѣнія, просто какъ на оперныя либретто, не требуя ничего большаго, то по своему содержанію они представляютъ благодарный матеріалъ для музыки: «Тангейзеръ» эффектный оперный сюжетъ, а «Лоэнгринъ» при излишней растянутости дѣйствія, при отсутствіи въ немъ движенія и жизни, менѣе сцениченъ и вслѣдствіе длинныхъ монологовъ и повторяющихся однообразныхъ торжественныхъ процессій довольно монотоненъ.

Въ «Тангейзерѣ» новаторство проявлено тѣмъ, что здѣсь Вагнеръ впервые отступилъ отъ прежняго дѣленія оперы на аріи, дуэты, терцетты и т. п., и каждый актъ дѣлитъ онъ на сцены, сообразно съ ходомъ драматическаго дѣйствія и съ содержаніемъ текста, такъ какъ это вообще дѣлается въ драмахъ и комедіяхъ; въ этомъ нововведеніи видно уже стремленіе автора дать своему тексту большую самостоятельность, освободить его отъ стѣсняющихъ условныхъ музыкальных формъ и сдѣлать оперу болѣе

удовлетворяющаго требованіямъ музыкально-драматическаго произведенія, предназначеннаго для сцены. Въ «Тангейзерѣ» мы еще находимъ отдѣльные закругленные музыкальные нумера, правда, не въ прежней рутинной формѣ, а въ формѣ болѣе свободной, соотвѣтствующей содержанію; въ «Лоэнгринѣ» же Вагнеръ шелъ по новому пути съ болѣе послѣдовательностью и совершенно исключилъ сольное пѣніе въ законченной формѣ. Единственно отъ чего онъ не могъ отречься ни въ той, ни въ другой оперѣ,—это грандіозные ансамбли, какъ напримѣръ, сѣтеть въ концѣ 1-го акта и финаль 2-го акта въ «Тангейзерѣ», или финаль 1-го акта въ «Лоэнгринѣ», являющіеся въ полномъ блескѣ рутиннѣйшихъ оперныхъ ансамблей въ худшемъ ихъ значеніи и со всѣми ихъ дурными свойствами. Также въ «Лоэнгринѣ» Вагнеръ въ первый разъ ввелъ свой приемъ «руководящихъ мотивовъ» (Leitmotive), заключающійся въ томъ, что музыкальныя темы, предназначенныя характеризовать дѣйствующія въ оперѣ лица, ихъ чувства или происходящіе на сценѣ эпизоды, возвращаются въ оркестрѣ всякій разъ какъ только появляются тѣ лица, или зайдетъ рѣчь о чувствахъ и положеніяхъ соотвѣстныхъ этимъ темамъ; однако въ Лоэнгринѣ этотъ приемъ еще не имѣетъ такого обширнаго и строгаго примѣненія, какъ въ послѣднихъ Вагнеровскихъ операхъ, гдѣ онъ какъ бы возведенъ въ принципъ сочиненія оперной музыки.

Избѣгая для пѣнія законченныхъ музыкальныхъ формъ, Вагнеръ естественно долженъ былъ обратиться къ декламационному стилю, тому стилю, для котораго отъ композитора требуется особенное богатство тематической изобрѣтательности. Въ произведеніяхъ съ законченною формою, одна и таже музыкальная тема, развиваясь гармонически и контрапунктически, появляясь въ различныхъ тональностяхъ съ различнымъ сопровожденіемъ, подвергаясь вообще разносторонней разработкѣ, можетъ заполнять цѣлыя страницы партитуры; хорошая мастерская разработка скрываетъ недостатки темы, и композиторъ, хорошо владѣющій музыкальной техникой, можетъ съ ограниченнымъ числомъ даже посредственныхъ темъ писать превосходныя вещи въ законченной формѣ. Въ декламационномъ стилѣ совсѣмъ другое: здѣсь разработка темы имѣетъ мѣсто только въ исключительныхъ случаяхъ, но каждая фраза текста требуетъ соотвѣтствующей музыкальной фразы, соотвѣтствующей мелодіи, темѣ; чтобы удовлетворительно писать музыку въ декламационномъ стилѣ, композиторъ долженъ имѣть неистощимый родникъ мелодической изобрѣтательности, онъ долженъ быть мелодистъ по преимуще-

ству. Въ русской музыкѣ мы имѣемъ изумительнѣйшіе образцы декламационнаго стиля въ речитативахъ «Жизни за Царя» и «Русланъ и Людмила», въ операхъ и романсахъ Даргомыжскаго и Мусоргскаго; въ ихъ речитативахъ каждая фраза — характерная красивая мелодія, имѣющая музыкальный смыслъ, музыкальную выразительность и вѣсть съ тѣмъ тѣсно связанная съ текстомъ, чудесно его воспроизводящая, слившаяся съ нимъ въ одно цѣлое. Но Глинка, Даргомыжскій, Мусоргскій были композиторы, одаренные замѣчательною тематическою изобрѣтательностью. Вагнеръ представляетъ совсѣмъ другое явленіе; онъ много пользуется речитативомъ; но въ своихъ речитативахъ онъ нисколько не отличается отъ предшествовавшихъ и современныхъ ему оперныхъ композиторовъ Западной Европы: въ нихъ такая же избитая, казенная декламація, тѣ же сухія, безжизненные фигураціи аккордовъ, лишенные всякаго музыкальнаго интереса и характерности, неспособны ни къ какой выразительности; единственно тѣмъ они отличаются отъ речитативовъ прежнихъ композиторовъ, — болѣе богатыми, и то только въ звуковомъ отношеніи, оркестровымъ сопровожденіемъ. Вагнеръ не принадлежитъ къ числу тѣхъ композиторовъ, которые, какъ напримѣръ Верди, видя цѣль и сущность своихъ оперъ въ сладковучныхъ кантиленахъ, не придаютъ речитативу никакого значенія, примиряются съ нимъ какъ съ неизбежнымъ зломъ и даже въ антимузыкальности ихъ находятъ благородный контрастъ для своей кантиленной музыки. Нѣтъ, Вагнеръ сознательно перешелъ отъ арій къ декламационному стилю, и если нисколько не прогрессировалъ въ этомъ стилѣ, то по причинѣ отсутствія въ своихъ творческихъ способностяхъ достаточной для того тематической изобрѣтательности, бѣдность которой обнаруживается въ обѣихъ рассматриваемыхъ нами операхъ. Въ нихъ, вообще, вполне хорошихъ тѣмъ нѣтъ, даже счастливыхъ, удачныхъ весьма мало. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ автору удается остроумно придуманными комбинаціями небольшихъ тѣмъ и пикантныхъ гармоній, а въ особенности хорошо рассчитаннымъ звукомъ оркестра, скрыть недостатки мелодій, и тогда онъ достигаетъ такихъ интересныхъ въ музыкальномъ отношеніи моментовъ, какъ напр., въ «Тангейзерѣ» вакханалія въ гротѣ Венеры; но гдѣ по содержанію оперы требуется широкая мелодія, тамъ Вагнеръ является совершенно безпомощнымъ и пишетъ или банальныя вещи въ родѣ гимна въ честь Венеры и септета въ концѣ 1-го акта Тангейзера, или музыку безсодержательную, сухую, неприводящую никакого впечатлѣнія, какъ напримѣръ, музыка сцены составленія пѣвцовъ, которые

въ оперѣ Вагнера поютъ такую ничтожность, что если бы они пѣли въ такомъ же родѣ въ своемъ Вартбургѣ, то никогда не сдѣлались бы знаменитыми пѣвцами и не попали бы въ фантастическій разсказъ Гофмана, изъ котораго Вагнеръ заимствовалъ матеріалъ для либретто Тангейзера. При отсутствіи непосредственнаго мелодическаго творчества, Вагнеръ очень часто ищетъ спасенія въ хроматизмѣ и ведетъ свои мелодіи полутонами, въ родѣ, напр., романса въ 3-мъ актѣ «Тангейзера», гдѣ въ одномъ четырехтактномъ предложеніи: «O du, mein holder Abendstern», расположены подъ-рядъ пять полутоновъ: это приѣмъ чисто искусственный, дѣланный, натянутый; подобныя хроматическія мелодіи не имѣютъ самостоятельнаго происхожденія, а вызываются послѣдовательностью аккордовъ въ аккомпаниментѣ, онѣ представляютъ характеръ какой-то болѣзненности, приторной мечтательности, неопредѣленности, и потому нравятся сентиментальнымъ барышнямъ и могутъ удовлетворять развѣ только крайне нетребовательныхъ музыкантовъ.

Въ гармоническомъ отношеніи обѣ разсматриваемыя нами оперы несравненно богаче, чѣмъ въ мелодическомъ. Въ нихъ много самаго чудеснаго гармоническаго матеріала; сколько разнообразнѣйшихъ аккордовъ и ихъ сочетаній, какія смѣлыя модуляціи, часто въ самыя отдаленныя тональности! Но весь этотъ матеріалъ израсходованъ безцѣльно, несистематично, необдуманно; въ одномъ мѣстѣ увлекательнѣйшіе аккорды тѣсняются цѣлыми массами въ самыхъ замысловатыхъ комбинаціяхъ, въ другомъ — аккомпаниментъ поражаетъ бѣдностью, ничтожностью, напоминая оперы Доницетти и Россини. Поразительнѣе всего, что Вагнеръ, безусловно богатый гармонистъ, страстно стремящійся къ реформамъ оперы и особенно къ драматизму въ музыкѣ, — является крайне рутиннымъ, безсильнымъ, безсодержательнымъ музыкантомъ именно тамъ, гдѣ въ его операхъ, по содержанію текста, требуется наиболѣе сильное выраженіе драматическаго чувства; въ такихъ случаяхъ у него единственный приѣмъ: тремоло оркестра на гармоніи уменьшеннаго септаккорда ¹⁾. Приѣмъ не новый, изобрѣтенъ онъ не Вагнеромъ, имъ злоупотребляли и его предшественники, но ни у кого злоупотребленіе это не достигало такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какъ у Вагнера; не огра-

¹⁾ Уменьшенный септаккордъ, состоящій изъ трехъ малыхъ терцій, (напримѣръ h—d—f—as), принадлежитъ къ диссонирующимъ аккордамъ и при способности модулировать въ нѣсколько различныхъ тональностей, не имѣетъ опредѣленнаго характера, излюбленъ дилеттантами, отваживающимися, не зная гармоніи, фантазировать на фортепiano.

ничиваясь изобиліемъ уменьшеннаго септакорда въ оркестрѣ, онъ вводилъ его даже въ вокальныя фразы, и можно указать массу речитативовъ, — (притомъ въ наиболѣе драматическихъ по содержанію мѣстахъ), построенныхъ на интервалахъ этого аккорда. Трудно придумать болѣе банальный приѣмъ музыкально-драматической декламации.

Лучшее украшеніе Вагнеровскихъ оперъ составляетъ инструментовка, которою Вагнеръ владѣлъ мастерски и умѣлъ достигать чудеснѣйшихъ оркестровыхъ эффектовъ. Инструментовка «Тангейзера» и «Лоэнгрина» очень богатая, колоритная, но нѣсколько грубоватая и мѣстами слишкомъ тяжеловѣсная, особенно въ «Лоэнгринѣ», гдѣ неумѣренность въ употребленіи силъ оркестра и несоразмѣрность мѣдныхъ и ударныхъ инструментовъ доходитъ до крайняго излишества, противорѣчащаго основнымъ началамъ оперы и тѣмъ болѣе «музыкальной драмы», къ которой стремился Вагнеръ. Въ одномъ мѣстѣ, ревъ оркестра изображаетъ собраніе могучихъ германскихъ рыцарей; въ другомъ, онъ сопровождаетъ происходящій на сценѣ поединокъ; дажѣ, онъ нуженъ для выраженія чувствъ; наконецъ, тамъ и сямъ онъ является не мотивированнымъ, а просто какъ звуковой эффектъ, такъ что въ общей совокупности шумъ оркестра почти не умолкаетъ, и совершенно заглушаетъ пѣніе; поэтому то, что поется на сценѣ, слушатели ничего не слышатъ, и такимъ образомъ текстъ либретто, которому, по намѣренію Вагнера, должно быть предоставлено существеннѣйшее значеніе, приносится въ жертву внѣшнимъ звуковымъ эффектамъ.

Взвѣсивъ вышесказанное, очевидно, мы должны прійти къ заключенію, что бѣдность тематической изобрѣтательности, рутинный речитативъ, неспособный къ какой-либо выразительности, безразборчивое употребленіе богатаго гармоническаго матеріала, сводящееся въ концѣ-концовъ къ избитому эффекту уменьшеннаго септакорда, злоупотребленіе силою оркестра, — не представляютъ тѣхъ данныхъ, которыя обуславливали бы за «Тангейзеромъ» и «Лоэнгриномъ» дѣйствительно то высокое художественное значеніе, какое приписываютъ имъ приверженцы Вагнера, увлеченные принципами, примѣняемыми имъ въ своихъ произведеніяхъ. Въ этихъ операхъ видно стремленіе автора къ достиженію весьма благихъ намѣреній: художественной правды, драматизма въ музыкѣ, сліянія музыки съ текстомъ. Но эти намѣренія такъ и остались только намѣреніями; осуществленіе ихъ требовало болѣе сильнаго, болѣе богатаго музыкальнаго творчества. Какъ музыкантъ, Вагнеръ стоялъ ниже своей самимъ имъ данной задачи;

спеціально музыкальные средства, которыми онъ могъ располагать, оказывались недостаточными для достиженія тѣхъ цѣлей, къ которымъ онъ стремился. Поэтому, волей неволей, ему приходилось уклоняться отъ предначертаннаго пути, противорѣчить своимъ намѣреніямъ, и, при всемъ его желаніи, создать нѣчто новое, ему удалось написать только оперы, которыя, кромѣ внѣшней формы, въ сущности мало чѣмъ отличаются отъ оперъ его предшественниковъ.

Вагнеръ, несмотря на свое офиціальное положеніе въ дрезденскомъ королевскомъ театрѣ, не могъ добиться постановки на сценѣ «Лоэнгринъ», во всякомъ случаѣ, самаго зрѣлаго изъ всего, что было тогда имъ написано. Это обстоятельство, въ связи съ общимъ нерасположеніемъ Вагнера къ своей капельмейстерской обязанности, обязывающей его примѣнять музыкальную дѣятельность къ исполненію оперъ, противорѣчащихъ его вкусу и его взглядамъ на искусство, вызвало въ немъ желаніе искать какого-нибудь исхода тогдашнему положенію. Между тѣмъ, съ наступленіемъ 1848 г., въ Дрезденѣ, какъ и вездѣ въ Европѣ, появились предвѣстники революціоннаго движенія: образовывались политическія общества, назначались собранія, произносились рѣчи, высказывались желанія, проектировались всевозможныя реформы, было много надеждъ на улучшеніе государственныхъ порядковъ и общественной жизни. Вагнеръ находился въ средѣ движенія; въ собраніи Vaterlandsverein'a, 14-го іюня 1848 г., онъ, какъ членъ этого общества, произнесъ горячую, довольно туманную, недостаточно опредѣленную рѣчь¹⁾, въ которой высказывалъ если и не особенно радикальныя, но во всякомъ случаѣ республиканскія идеи. Въ то же время онъ находилъ, однако, возможнымъ улучшеніе своего положенія черезъ посредство правительства и, когда возбужденъ былъ вопросъ объ исключеніи изъ государственнаго бюджета субсидіи на королевскій театръ, онъ выработалъ проектъ организаціи національных саксонскихъ театровъ²⁾ и представилъ его министру внутреннихъ дѣлъ, въ вѣденіи котораго находилось управленіе саксонскими художественными учрежденіями. Въ своемъ проектѣ, болѣе идеальномъ, чѣмъ практическомъ, Вагнеръ проводилъ особыя заботы въ спеціально музыкальномъ отношеніи, направленные къ достиженію наиболѣе совершеннаго исполненія на сценѣ оперныхъ произведеній; въ связи съ организаціей театра находился также проектъ

¹⁾ См. R. Wagner, von W. Tappert, стр. 33.

²⁾ См. Gesam. Schr. von R. Wagner, томъ II, стр. 307—359.

о перемѣщеніи изъ Лейпцига въ Дрезденъ музыкальной консерваторіи, съ цѣлью сдѣлать Дрезденъ центромъ музыкальнаго образованія. Нѣтъ сомнѣнія, что Вагнеръ надѣялся, если его проектъ будетъ утвержденъ и приведенъ въ исполненіе, то, при новой организаціи, онъ займетъ видное положеніе, которое дастъ ему возможность имѣть вліяніе не только на театръ, но и вообще на все направленіе музыкальнаго искусства. Планъ этотъ не осуществился; представленный Вагнеромъ проектъ реформъ встрѣтилъ оппозицію и въ администраціи, и въ лейпцигской прессѣ, и при дворѣ, и возвращенъ ему обратно. Новая неудача окончательно сдѣлала Вагнера революціонеромъ; но какую именно роль игралъ онъ во время дрезденскихъ безпорядковъ 1849 г. — осталось неизвѣстнымъ. Мнѣніе, что Вагнеръ былъ на дрезденскихъ баррикадахъ, что онъ давалъ совѣтъ поджечь королевскій замокъ въ Дрезденѣ и т. п., — его біографы относятъ въ области сказокъ, ничѣмъ не подтвердившихся. Остается только тотъ фактъ, что Вагнеръ находился въ близкихъ отношеніяхъ съ вожаками возстанія, слѣдуя ихъ примѣру, бѣжалъ изъ Дрездена въ май 1849 г., и былъ объявленъ изгнанникомъ. Таппертъ говоритъ ¹⁾, что послѣ смерти Вагнера, опубликована масса различныхъ о немъ воспоминаній, но нигдѣ не встрѣтилъ онъ доказательствъ непосредственнаго участія Вагнера въ революціи. Дѣлая изъ одной дрезденской газеты выписки, касающіяся этихъ событій, Таппертъ нашелъ слѣдующія указанія ²⁾: 5-го мая 1849 г. былъ назначенъ, съ благотворительною цѣлью, концертъ королевской капеллы, подъ управленіемъ Рейссигера и Вагнера; но концертъ этотъ не состоялся. Газета отъ 5-го мая начиналась словами: «Сограждане! король и министры бѣжали!» Понятно, что всѣ флейты должны были замолкнуть. Бѣжалъ также Вагнеръ, и уже 19-го мая печатно объявлено о возбужденіи противъ него преслѣдованія. Объявленіе это, въ теченіе іюня, повторялось три раза. Въ послѣдній разъ Вагнеръ фигурировалъ въ «Полицейскомъ Указателѣ» въ 1853 г., въ качествѣ «политически опаснаго индивидуума» (als politisch-gefährliches Individuum). Преслѣдованіе, быть можетъ, было возбуждено безъ особыхъ серьезныхъ поводовъ, единственно вслѣдствіе внезапнаго его бѣгства, причина же бѣгства остается неразъясненною; полагаютъ даже, что это было сдѣлано Вагнеромъ необдуманно-поспѣшно, и бѣгство его было совершенно излишнее.

¹⁾ R. Wagner, von W. Tappert, стр. 38.

²⁾ Тамъ же, стр. 42.

Спустя нѣсколько лѣтъ, Вагнеръ въ слѣдующихъ выраженіяхъ описывалъ состояніе своего духа послѣ пережитыхъ имъ въ то время впечатлѣній¹⁾: «Ни съ чѣмъ не могу я сравнить того удовольствія, которое меня охватило, когда я, преодолевъ первыя тяжелыя впечатлѣнія, почувствовалъ себя свободнымъ отъ никогда не исполнявшихся желаній, свободнымъ отъ отношеній, въ которыхъ эти желанія составляли единственное, подтверждающее меня питаніе! Меня, гонимаго, преслѣдуемаго, ничто не связывало болѣе съ ложью какого бы то ни было рода; всякое желаніе, всякую надежду на этотъ побѣдоносный теперь міръ, я бросилъ позади себя и могъ громко и открыто, съ полнѣйшею откровенностью, закричать: что я, художникъ, отъ глубины сердца презираю этотъ міръ, который такъ лицемерно заботится объ искусствѣ и культурѣ; я могъ имъ сказать, что во всѣхъ артеріяхъ ихъ тѣла нѣтъ ни одной капли настоящей художественной крови, что въ нихъ нѣтъ и малѣйшаго признака человѣческой нравственности и человѣческой красоты. Тогда, въ первый разъ моей жизни, я почувствовалъ себя совершенно и совершенно свободнымъ, счастливымъ и веселымъ, хотя не зная гдѣ бы могъ укрыться въ ближайшіе дни, чтобы остаться на свободѣ».

II.

Убѣжавъ изъ Дрездена, Вагнеръ провелъ нѣсколько дней въ Веймарѣ. Революціонное движеніе не коснулось этого города, и тамъ онъ нашелъ радушный приѣмъ въ домѣ Франца Листа, бывшаго въ то время въ Веймарѣ въ качествѣ директора придворной капеллы. Затѣмъ, въ половинѣ мая 1849 г., Вагнеръ направился въ Парижъ, съ цѣлью снова попытаться тамъ счастья, но скоро убѣдился, что, какъ и прежде, ему не удастся добиться постановки своихъ оперъ на парижской сценѣ; поэтому въ іюлѣ того же года онъ переселился въ Цюрихъ и основался тамъ уже на продолжительное время. Свиданіе въ Веймарѣ съ Листомъ имѣло для Вагнера существенное значеніе. Припомнимъ, что Вагнеръ познакомился съ Листомъ еще въ Парижѣ, но находилъ его тогда чуждымъ себѣ и непріязненнымъ²⁾, и измѣнилъ свой взглядъ только послѣ того, какъ Листъ въ 1848 г.

¹⁾ См. Gesam. Schr. von R. Wagner: „Mittheilung an meine Freunde“ т. IV, стр. 406.

²⁾ См. Gesam. Schr. von R. Wagner, т. IV. „Mittheilung an meine Freunde“, стр. 412.

поставилъ въ Веймарѣ «Тангейзера». Когда же теперь Вагнеру удалось присутствовать на репетиціи «Тангейзера» и услышать свою оперу подъ управленіемъ Листа, то, по собственному его выраженію ¹⁾, онъ нашелъ въ Листѣ свое второе я. «Что я чувствовалъ, когда изобрѣталъ эту музыку,—писалъ Вагнеръ,—то чувствуетъ и онъ когда ее исполняетъ; то, что я хотѣлъ сказать, когда писалъ свою оперу, то же самое говоритъ и онъ, когда дирижируетъ. Удивительно! Въ то самое время, когда я лишился своего отечества, я приобрѣлъ настоящее, давно желанное, всюду искуемое и нигдѣ ненаходимое отечество для моего искусства». Дѣйствительно, Листъ очень много способствовалъ распространенію Вагнеровскихъ произведеній. Въ то самое время, когда ни одинъ театръ въ Германіи не рискнулъ бы поставить произведеніе преслѣдуемаго революціонера, Листъ выхлопоталъ разрѣшеніе поставить на сценѣ веймарскаго придворнаго театра нигдѣ еще не исполняемаго «Лоэнгрина», и совершенствомъ исполненія привлекалъ слушателей, сѣзжавшихся по желѣзнымъ дорогамъ не только изъ ближайшихъ окрестностей, но даже изъ довольно отдаленныхъ городовъ. Вскорѣ онъ поставилъ также «Моряка-скитальца» и настойчиво поддерживалъ Вагнеровскія оперы въ репертуарѣ веймарскаго театра. Примѣру Листа послѣдовали скоро и другія сцены, такъ что съ начала пятидесятихъ годовъ распространеніе произведеній оперъ Вагнера пошло весьма успѣшно. Кромѣ того, Листъ сдѣлалъ чудесныя фортепіанныя транскрипціи лучшихъ частей Вагнеровскихъ оперъ, и, наконецъ, онъ же первый положилъ начало литературному «Вагнеровскому движенію» своими брошюрами о «Тангейзерѣ» и «Лоэнгринѣ».

Въ то время вышедшія въ свѣтъ большія статьи самого Вагнера, въ которыхъ онъ рѣзко нападалъ на современное состояніе искусства, волновали противниковъ новаго направленія; когда же Францъ Брендель, редакторъ лучшаго, наиболѣе вліятельнаго въ то время музыкальнаго журнала: «Neue Zeitschrift für Musik», примкнулъ къ Вагнеровской партіи, и бывшую Шумановскую газету, издаваемую въ Лейпцигѣ, въ этомъ «Мендельсонскомъ городѣ», сдѣлалъ органомъ «веймарской школы», то такой фактъ произвелъ сильныя сенсаци и подалъ сигналъ къ бурнымъ нападамъ. Начался періодъ продолжительной ожесточенной полемики, все болѣе и болѣе обостравшей враждебныя отношенія обѣихъ сторонъ; не приводя къ какому-нибудь опредѣленному

¹⁾ Тамъ же, стр. 418.

рѣшенію, полемика эта была, однако же, весьма полезна самому Вагнеру. Благодаря полемикѣ, вопросъ объ операхъ Вагнера, о его статьяхъ, его принципахъ, его направленіи, стараніями его приверженцевъ и враговъ, постоянно поддерживался открытымъ; журнальная борьба возбуждала сначала любопытство, потомъ побуждала публику интересоваться такъ горячо оспариваемыми вопросами, создавала партіи вагнеріанцевъ и, наконецъ, косвенно заставляла театральныя дирекціи ставить на сценѣ Вагнеровскія оперы. Дѣйствительно, наибольшее распространеніе оперъ Вагнера совпадаетъ съ періодомъ сильнѣйшаго разгара этой борьбы.

Въ первое время жизни Вагнера въ Цюрихѣ, его дѣятельность была почти исключительно литературная; тамъ онъ написалъ крупнѣйшія изъ своихъ теоретическихъ сочиненій объ искусствѣ. Въ 1850 г., были изданы (у Виганда въ Лейпцигѣ) двѣ книги: «Kunst und Revolution» и «Das Kunstwerk der Zukunft»; въ томъ же году напечатана небольшая журнальная статья «Kunst und Klima», а въ концѣ слѣдующаго года вышелъ въ свѣтъ самый большой изъ его литературныхъ трудовъ «Орег und Drama» (изданіе помѣчено 1852 г.) Эти книги доказываютъ большую начитанность автора, много знанія, знакомство съ научными философскими приѣмами; въ нихъ не мало очень вѣрныхъ и мѣткихъ замѣтокъ о недостаткахъ современнаго искусства, много энергическаго стремленія открыть новый путь, сказать новое слово; но, увлекаясь новою идеею и стараясь доказать ея истинность, во что бы то ни стало, Вагнеръ не замѣчаетъ въ своихъ выводахъ дѣлаго ряда натяжекъ, парадоксовъ, чуждыхъ логикѣ и не рѣдко, подъ маской философскихъ приѣмовъ и выраженій, скрываетъ полнѣйшую безсодержательность. Слогъ Вагнеровской прозы тяжелъ, неясенъ, и его книги читаются съ трудомъ, тѣмъ болѣе, что онѣ испещрены высокопарными, запутанными выраженіями, претендующими, мѣстами, на глубокомысліе и ученость, мѣстами—на особенную поэтичность изложенія. Во всѣхъ своихъ теоретическихъ сочиненіяхъ Вагнеръ преимущественно нападаетъ на современное положеніе искусства, онъ отвергаетъ почти сплошь все, что создано даже лучшими художниками, и часто впадаетъ въ преувеличенія и крайности; поэтому его сочиненія скорѣе всего—полемическія, несмотря на то, что по своей формѣ и своему содержанію имѣютъ видъ научныхъ сочиненій по общимъ вопросамъ искусства. Постараемся въ краткомъ изложеніи этихъ книгъ дать понятіе какъ о ихъ содержаніи, такъ и характерѣ тѣхъ приѣмовъ, которые употребляетъ Вагнеръ для своихъ выводовъ и доказательствъ.

Въ «Kunst und Revolution» ¹⁾ Вагнеръ начинается съ того, что указываетъ на высокое значеніе трагедій въ древней Греціи, гдѣ народъ стекался массами въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ на представленіе глубокомысленнѣйшей изъ всѣхъ трагедій—«Прометей». Но это, такъ-называемое Вагнеромъ, «совокупное художественное произведеніе» (Gesamtkunstwerk) пришло въ упадокъ, когда распалось на свои составныя части, и мѣсто искусства заняла философія, господствующая двѣ тысячи лѣтъ со времени упадка греческой трагедіи. Затѣмъ Вагнеръ проводитъ ту идею, что хотя искусство по временамъ и посылало свои лучи въ темноту неудовлетворенной человѣческой мысли, но никогда не достигало своего прежняго величія, такъ какъ ни одна эпоха изъ всей исторіи человѣчества не представляла условій благоприятныхъ для развитія искусства: ни римское владычество надъ всѣмъ міромъ—когда цирки и гладиаторы замѣняли искусство; ни христіанство, проповѣдующее ничтожность и тѣньность земной жизни; ни средніе вѣка, представляющіе постоянную борьбу свѣтской власти противъ деспотизма церкви. Эпоха возрожденія тоже не принесла пользы, и трудно рѣшить, замѣчаетъ Вагнеръ, кто болѣе лицемеръ: Людовикъ XIV, допускавшій на своей придворной сценѣ читать развязные стихи о ненависти грековъ къ тираніи, или Корнель и Расинъ, влагавшіе въ уста своихъ театральныхъ героевъ пылкія рѣчи о свободѣ и гражданскихъ доблестяхъ древнихъ грековъ и римлянъ. Съ особеннымъ ожесточеніемъ нападаетъ Вагнеръ на искусство позднѣйшаго времени, когда, освободившись отъ своихъ прежнихъ, все же респектабельныхъ господъ, какъ церковь и короли, оно продавалось индустріи и свою жизненную силу черпаетъ въ денежной спекуляціи. Онъ указываетъ на отсутствіе въ современномъ искусствѣ дѣйствительно художественной драмы и на неспособность театра къ тѣсному соединенію всѣхъ отраслей искусства, обуславливающему, по его мнѣнію, высшую, наиболѣе законченную художественную выразительность; онъ сѣтуетъ на существующее раздѣленіе сценическихъ произведеній на комедію и на оперу, вслѣдствіе чего въ первой отвергается столь безконечно возвышающая выразительность слова—музыка, а во второй—не признаются лучшія напѣвенія дѣйствительной драмы; онъ порицаетъ, что наши театры сдѣлались исключительно мѣстомъ для пустого, легкаго развлеченія и отдыха, и потому тѣ великіе художники, которые въ своихъ произведеніяхъ не удовлетворяютъ

¹⁾ См. Gesam. Schr. v. R. Wagner, т. III, стр. 9—50.

именно только такимъ требованіямъ, — исключаются изъ общественной жизни; тогда какъ для созданія истинно художественнаго произведенія необходимо содѣйствіе всего общества, и трагедіи Софокла и Эсхила были произведеніями Аѳинъ. Далѣе Вагнеръ дѣлаетъ сравненіе общественнаго искусства современной Европы съ общественнымъ искусствомъ грековъ; послѣднее онъ признаетъ дѣйствительнымъ искусствомъ, а наше художническимъ (künstlerisch) ремесломъ, и приходитъ къ заключенію, что истинное искусство въ современной общественности не существуетъ, но живетъ только въ сознаніи отдѣльныхъ личностей. Во время своего процвѣтанія въ Греціи, оно служило наиболѣе дѣйствительнымъ и соотвѣтствующимъ выраженіемъ общественнаго сознанія, и потому было консервативно; у насъ истинное искусство наоборотъ революціонерно, такъ какъ оно существуетъ только въ противорѣчіе дѣйствительной общественной жизни. Только въ революціи видитъ Вагнеръ спасеніе искусства; намъ надо освободиться отъ безчестнаго рабскаго ига индустріи, и изъ трудящихся, обремененныхъ поденщиковъ этой послѣдней, сдѣлаться «красивыми сильными людьми». Силу дастъ революція, а красоту искусство; и когда индустрія изъ властительницы обратится въ слугу, то цѣли жизни мы будемъ видѣть въ радостяхъ жизни, и тогда трагедія будетъ твердиной человѣчества, и искусство снова сдѣлается консервативнымъ. Въ заключеніе, Вагнеръ указываетъ ближайшее средство достиженія этихъ цѣлей, а именно: освобожденіе театра, какъ наиболѣе вліятельнѣйшаго художественнаго учрежденія, отъ ига промышленности, для чего государство и общество должны хорошо обезпечить артистовъ и пускать публику въ театръ бесплатно. По его мнѣнію, если театръ не можетъ существовать иначе какъ только промышленное предпріятіе, то лучше совсѣмъ его закрыть, по крайней мѣрѣ, до того времени, пока потребность въ сценическихъ представленіяхъ не проявится настолько сильно, что для ея удовлетворенія понудитъ къ необходимымъ общественнымъ жертвамъ.

Гораздо значительнѣе была вторая работа Вагнера: «Das Kunstwerk der Zukunft» ¹⁾ въ которой воззрѣнія, изложенныя въ предъидущей книгѣ, онъ развиваетъ далѣе, и пытается возвести ихъ въ теорію, придаетъ своему изложенію характеръ научнаго философскаго трактата. Стараясь вывести идеалъ искусства изъ естественной природы человѣка, Вагнеръ начинаетъ положеніемъ: какъ человѣкъ относится къ природѣ, такъ искусство относится

¹⁾ Тамъ же стр. 51—210.

въ человѣку. Человѣкъ есть высшее проявленіе природы, потому что только въ человѣкѣ природа достигаетъ самопознанія; на томъ же основаніи искусство есть высшее проявленіе человѣческихъ способностей. Искусство, какъ и все въ природѣ, должно обуславливаться необходимостью; необходимо однако только то, что вызывается потребностью и именно потребностью дѣйствительною, общою. Потребности роскоши и моды, которыя управляютъ въ настоящее время міромъ,—призрачны и эгоистичны; дѣйствительныя общественныя нужды и общественныя потребности живутъ только въ народѣ; поэтому народъ представляетъ силу, обуславливающую произведеніе искусства. Это составляетъ содержаніе перваго отдѣла книги.

Во второмъ отдѣлѣ Вагнеръ доказываетъ непосредственную связь искусства съ природою человѣка. Въ человѣкѣ мы отличаемъ внѣшнюю сторону и внутреннюю, духовную (*der Mensch ist ein äußerer und innerer*); первая представляется нашему глазу, вторая—уху. Глазъ охватываетъ тѣлесный образъ человѣка, уху передается звукъ его голоса, а посредствомъ звука передается содержаніе и выраженіе его рѣчи. Отсюда Вагнеръ выводитъ происхожденіе—какъ въ первоначальномъ художественномъ произведеніи—въ лирическомъ, такъ и въ позднѣйшемъ высшемъ его развитіи—въ драмѣ,—трехъ первообразныхъ родственныхъ родовъ искусства: танцы, музыка и поэзія (*Tanz, — Ton und Dichtkunst*), появленіе которыхъ въ нераздѣльномъ соединеніи вмѣстѣ мы тотчасъ видимъ тамъ, гдѣ вообще возникаютъ условія появленія искусства. Изъ своей первобытной совокупности они выдѣлялись вслѣдствіе эгоистическихъ стремленій образовать изъ себя особый самостоятельный родъ искусства. — Танцы въ драмѣ, давая возможность посредствомъ мимики и жестикуляціи достигать разрѣшенія идей поэзіи въ ея стремленіи къ дѣйствительному воплощенію человѣка, достигаютъ высокаго значенія; отдѣленные же отъ драмы, безъ содѣйствія родственныхъ искусствъ, они въ своемъ самостоятельномъ существованіи въ хореографіи доходятъ до самаго плачевнаго состоянія и должны перебѣгать отъ проституціи къ смѣшному, отъ смѣшнаго къ проституціи. О, чудесная хореографія! О, жалкая хореографія!—такимъ восклицаніемъ кончаетъ Вагнеръ главу о танцахъ, какъ объ отдѣльномъ искусствѣ. — Переходя затѣмъ къ музыкѣ, онъ дѣлаетъ такое сравненіе: море раздѣляетъ и соединяетъ страны; точно также музыка раздѣляетъ и соединяетъ два крайніе противоположные берега искусства — танцы и поэзію. Эллины, плавая по морю музыки, никогда не теряли изъ виду обоихъ береговъ; христіане

же довѣрились безконечному морю абсолютной музыки. Неземлемую способность инструментальной музыки открылъ Бетго-вентъ и неслыханными до него средствами музыкальнаго языка проникъ туда, гдѣ еще никто не былъ. Не прихоть моря заста-вила великаго художника пуститься въ далекое плаваніе; онъ стремился къ новой землѣ. Бодро забросилъ онъ якорь и этотъ якорь— было слово: «Freude!»¹⁾, которымъ онъ взывалъ къ че-ловѣчеству: «Seid umschlungen, Millionen! Diesen Kuss der gan-zen Welt!». Слово это будетъ языкомъ художественнаго произ-веденія будущности; послѣдняя симфонія Бетговена освобождаетъ музыку отъ ея специальныхъ элементовъ и дѣлаетъ ее всеобщимъ искусствомъ; послѣ нея непосредственно можетъ слѣдовать только законченное художественное произведеніе будущности, всеобщая драма, ключъ къ которой далъ намъ Бетговенъ.—Разсматривая поэзію, какъ отдѣльное самостоятельное искусство, Вагнеръ съ раздраженіемъ возстаетъ противъ «литературной поэзіи» (Literaturpoesie) и осуждаетъ ея направленіе, приведшее поэтовъ къ тому, что они охотнѣе пишутъ для бумаги, чѣмъ для сцены, и доходятъ до неслыханнаго: сочиняютъ драмы, предназначенныя только для чтенія. Какъ на единственную попытку вновь соеди-нить разрозненныя искусства, Вагнеръ указываетъ на оперу. Но достигнутое въ ней соединеніе только кажущееся: въ сущ-ности же опера сборный пунетъ самолюбивыхъ стремленій от-дѣльныхъ искусствъ, совокупный компромиссъ ихъ эгоистическихъ намѣреній. Дѣйствительное же художественное произведеніе мо-жетъ осуществиться только при общемъ совокупномъ стремленіи всѣхъ родовъ искусства къ строгому содѣйствію высшимъ цѣ-лямъ драмы. Когда исчезнетъ упорное стремленіе каждаго от-дѣльнаго рода искусства въ самостоятельному существованію, когда каждый изъ нихъ будетъ любить себя только въ другомъ, когда они перестанутъ существовать какъ отдѣльныя искусства, —только тогда они сдѣлаются способными создать вполнѣ закон-ченное художественное произведеніе; ихъ исчезновеніе въ этомъ смыслѣ будетъ уже это самое художественное произведеніе, ко-торого жизнь обуславливается ихъ смертію.

Въ третьемъ отдѣлѣ своей книги Вагнеръ разсматриваетъ архитектуру, скульптуру и живопись. Архитектура, говоритъ онъ, обязана своимъ происхожденіемъ не физическому требова-нію простого жилища, но художественному требованію челоувѣка, стремящагося достигъ, для созданнаго имъ идеальнаго художе-

¹⁾ Финалъ 9-й симфоніи, написанный на Шиллеровскую оду „An die Freude“.

ственного представленія самого себя, такой же художественной обстановки (Hintergrund). Въ древней Греціи, откуда беретъ начало все наше искусство, архитектура примѣнялась преимущественно къ сооруженію храмовъ и театровъ. Но съ тѣхъ поръ какъ поклоненіе Зевесу и Аполлону замѣнилось поклоненіемъ Плутосу, богу богатства, архитектура служить простому утилитаризму или роскоши, и потому ея типы измѣлялись и утратили красоту. Только художественное произведеніе будущности вновь доставить архитектурѣ достойное содержаніе для ея формъ, и тогда она опять въ состояніи будетъ изобрѣтать, ибо безъ дѣйствительной потребности такое изобрѣтеніе немислимо. — Скульптура достигла своего полнаго развитія также въ Греціи и именно въ то время, когда трагедія спустилась съ своей высоты и раздробилась на составныя части. Ея произведенія, холодныя, лишеныя движенія, какъ бы окаменѣлыя воспоминанія греческаго мировоззрѣнія. Ея спасеніе въ новомъ превращеніи камня въ плоть и въ кровь человѣка, въ переходѣ изъ состоянія покоя въ движеніе, изъ монументальности въ современность. Живопись, по мнѣнію Вагнера, достигла своего высшаго пункта въ такъ называемомъ историческомъ направленіи, въ которомъ онъ видитъ какъ бы воспоминаніе о совокупномъ художественномъ произведеніи, трагедіи. Для художественнаго произведенія будущности онъ ожидаетъ, что пейзажная живопись научитъ устройству сценъ и декорацій.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ указаны основныя черты того идеала въ искусствѣ, который, по мнѣнію Вагнера, долженъ осуществиться въ «совокупномъ художественномъ произведеніи» (Gesamtkunstwerk), достигшемъ полнѣйшаго своего развитія при общемъ совокупномъ участіи всѣхъ родовъ искусства, въ ихъ высшемъ проявленіи. Въ этомъ произведеніи богато разившіяся спеціальныя способности каждаго искусства не останутся безъ примѣненія, но именно только въ немъ достигнуть полнаго значенія. Такимъ произведеніемъ, спасеніемъ искусства, будетъ драма, которой поэзія даетъ текстъ; музыка — декламацию и оркестровое сопровожденіе (на оркестръ возложены особенно большія надежды); хореографія — мимику, жестикуляцію и пластическія позы; живопись — декорація; архитектура — зданіе театра; одной только скульптурѣ не отведено опредѣленной роли и предоставлено помогать общему дѣлу по мѣрѣ силъ и возможности. Въ заключеніе Вагнеръ задаетъ вопросъ — кто будетъ «художникъ будущности»: поэтъ, музыкантъ или актеръ? и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ коротко: народъ; тотъ народъ, на который онъ указывалъ

въ первомъ отдѣлѣ своей книги, какъ на представителя общественной нужды и общественной потребности и потому какъ на силу, обуславливающую прогрессъ въ искусствѣ.

Въ этомъ сочиненіи мы имѣемъ полное изложеніе воззрѣній Вагнера на искусство, — откуда видно его стремленіе къ осуществленію чудеснѣйшихъ и лучшихъ задачъ оперной музыки, — сдѣлаться дѣйствительнымъ сценическимъ художественнымъ произведеніемъ, — въ которомъ драмѣ предоставлено бы было первенствующее значеніе, и музыка шла бы рука объ руку съ поэзіей. Но не Вагнеръ первый указалъ на эти задачи; ихъ прекрасно понималъ еще Глюкъ, который съ изумительною для того времени послѣдовательностью проводилъ эти принципы въ свои произведенія и въ очень опредѣленной формѣ высказалъ ихъ въ предисловіи къ партитурѣ своей оперы «Alceste» ¹⁾. Что же касается до взглядовъ Вагнера на значеніе отдѣльных родовъ искусствъ и на ихъ роль въ дальнѣйшемъ будущемъ, то при недостаткѣ строгой логичности и опредѣленности въ выводахъ и разсужденіяхъ, которыми Вагнеръ пытается подтвердить эти взгляды, они остаются слишкомъ проблематичными и крайне тенденціозными.

Непосредственно послѣ окончанія только что рассмотрѣнной работы, Вагнеръ написалъ небольшую статью: «Kunst und Klima», напечатанную въ апрѣлѣ 1850 г. въ одномъ изъ періодическихъ нѣмецкихъ изданій ²⁾. Статья эта служила возраженіемъ на замѣчанія, сдѣланныя по поводу первой изъ его книгъ, что имъ упущено изъ виду влияніе климата на развитіе художественныхъ способностей, и что онъ допускалъ въ будущемъ у современныхъ сѣверно-европейскихъ націй художественныя воззрѣнія и способности, не соотвѣтствующія естественнымъ условіямъ климата. Въ своей статьѣ Вагнеръ высказывалъ, что вездѣ, гдѣ климатъ не препятствуетъ развитію сильныхъ и свободныхъ людей, тамъ не можетъ быть препятствій къ развитію потребности въ искусствѣ, и въ подтвержденіе своего правильнаго соображенія приводитъ слѣдующее — крайне натянутую фразу: «не въ роскош-

¹⁾ Вотъ что писалъ еще въ 1769 г. Глюкъ въ этомъ предисловіи: — Je cherchai à réduire la musique à sa véritable fonction, celle de seconder la poésie pour fortifier l'expression des sentiments et l'intérêt des situations, sans interrompre l'action et la refroidir par des ornements superflus; je crus que la musique devait ajouter à la poésie ce qu'ajoute à un dessin correct et bien composé la vivacité des couleurs et l'accord heureux des lumières et des ombres, qui servent à animer les figures sans en altérer les contours.

²⁾ Deutsche Monatsschrift f. Politik, v. Ad. Kolatschek.

ныхъ тропическихъ странахъ, не въ цвѣтушей полной страстной нѣгѣ Индіи зародилось истинное искусство, но ея колыбель стояла на голыхъ (?), омываемыхъ моремъ скалистыхъ берегахъ Элады, на каменистой почвѣ и подъ скудной (?) тѣнью масличныхъ деревьевъ Аттики». По его мнѣнію, именно неблагоприятный (?) климатъ и скудость жизненныхъ условій Греціи способствовали художественному творчеству, и потому мы не имѣемъ причины терять надежды осуществить въ новомъ и въ большемъ видѣ то, чего прежде достигали Эллыны.

Въ 1850 г., Вагнеръ написалъ и другую журнальную статью: «Das Judenthum in der Musik» ¹⁾, направленную противъ Мендельсона и особенно Мейербера, котораго «Пророкъ» въ томъ году былъ поставленъ въ Берлинѣ и съ большимъ успѣхомъ распространялся на многихъ другихъ нѣмецкихъ сценахъ. Въ этой статьѣ затронуты и внѣшній видъ еврея, сразу обличающій его національность, и характеристическій еврейскій жаргонъ, и другія неприглядныя стороны быта евреевъ; сущность статьи заключается въ томъ, что Вагнеръ отвергаетъ у евреевъ способность творчества въ области искусства и печалится о распространяющемся влияніи еврейскаго направленія въ музыкѣ. Статья не была подписана Вагнеромъ и появилась, помѣченная псевдонимомъ: «K. Freigedank», въ музыкальномъ журналѣ «Neue Zeitschrift für Musik», редакторъ котораго, Брендель, взялъ на себя отвѣтственность за ея вызывающій характеръ.

Въ этой статьѣ Вагнеръ, порицая дѣятельность Мейербера, между прочимъ говоритъ: «Мы дѣйствительно вѣримъ, что онъ хотѣлъ творить художественныя произведенія, и въ то же время знали, что творить ихъ не можетъ; чтобы выпутаться изъ этого тѣсного конфликта между Wollen и Können, пишетъ онъ для Парижя оперы, и потомъ легко проводить ихъ по всему свѣту, — въ настоящее время это вѣрнѣйшее средство, не будучи художникомъ, все-таки создать себѣ славу въ искусствѣ». Читая эти ѣдкія строки, конечно, думаешь, что и самъ Вагнеръ, безъ сомнѣнія, не меньше стремился въ достиженію такой легкой славы, и уже забылъ, что онъ дважды тщетно домогался постановки своихъ произведеній въ Парижѣ; но какъ угадать всѣ тѣ противорѣчія, которыя гнѣздятся въ человеческой натурѣ? Во время такого гордаго обличенія Мейербера, самого Вагнера не покидала надежда быть предметомъ овацій въ блестящей столицѣ Франціи; въ началѣ 1850 г., онъ повезъ въ Парижъ написанный имъ

¹⁾ См. Gesam. Schr. v. R. Wagner, т. V, стр. 88.

планъ трехъ-актной оперы, съ мнѣстическимъ содержаніемъ, «*Wie land der Schmiedt*»¹⁾, специально предназначенный для парижской сцены; но и на этотъ разъ его попытки не увѣчились успѣхомъ, и Вагнеръ, возвратясь въ Цюрихъ, вновь принялся за литературу, а именно за свое большое сочиненіе: «*Oper und Drama*»²⁾.

Эта весьма объемистая книга, въ трехъ частяхъ, представляетъ специальную разработку того же вопроса о музыкальной драмѣ будущности, который разбирался въ предыдущемъ сочиненіи: «*Das Kunstwerk der Zukunft*». Въ новомъ трактатѣ Вагнеръ оставляетъ въ покоѣ архитектуру, живопись, танцы, и сосредоточивается исключительно на двухъ основахъ драмы будущности—на поэзій и музыкѣ. Основнымъ пунктомъ его трактата служить слѣдующій тезисъ: «заблужденіе опернаго художественнаго жанра заключается въ томъ, что одно изъ средствъ выраженія (музыка) сдѣлалось цѣлью, а цѣль выраженія (драма) сдѣлалась средствомъ». Исходя изъ этого положенія, Вагнеръ дѣлитъ свою книгу на слѣдующія части: 1) опера и сущность музыки; 2) драматическое представленіе и сущность драматической поэзій; 3) поэзій и музыка въ драмѣ будущности.

Въ первой части авторъ рассматриваетъ историческое развитіе оперы съ перваго ея появленія въ Италіи до настоящаго времени и пользуется случаемъ для самыхъ яростныхъ нападокъ на всѣхъ оперныхъ композиторовъ, а больше всего на ненавистнаго ему Мейербера, блестящій успѣхъ произведеній котораго положительно не давалъ ему покоя. Вагнеръ доказываетъ, что опера съ самаго своего происхожденія постоянно шла въ разрѣзъ съ намѣреніями и условіями драмы, и потому между художественными факторами оперы установились самыя нераціональныя отношенія: композиторъ всецѣло служитъ пѣвцу, а поэтъ—композитору.—Прославленная революція Глюка, по мнѣнію Вагнера, въ дѣйствительности послужила только къ тому, что композиторъ предохранялъ себя отъ произвола пѣвца и старался придавать своимъ мотивомъ выраженіе, соответствующее сопровождавшему ихъ тексту; но ни формъ оперной музыки, ни отношеній композитора къ поэту реформа эта не коснулась. Только послѣдователи Глюка позаботились извлечь изъ новаго своего положенія дѣйствительную пользу; Керубини, Мегюль и Спонтини внесли въ оперную музыку драматизацію настолько

¹⁾ См. *Gesam. Schr.* т. III, стр. 211—250.

²⁾ Тамъ же, т. III, стр. 269—394, и т. IV, стр. 3—284.

полную, сколько позволяли традиціонныя музыкальныя формы. При этомъ поэтъ приобрѣлъ нѣсколько большее значеніе, но въ той только степени, въ какой поднимался въ драмѣ самъ композиторъ, отъ самостоятельныхъ экспериментовъ котораго поэтъ оставался въ полнѣйшей зависимости. — Моцартъ тоже ничего не сдѣлалъ въ этомъ отношеніи; это былъ наивный художникъ, выливавшій огненную струю своей музыки въ готовыя уже формы, вмѣщать которыя онъ не имѣлъ никакого намѣренія; поэтому онъ имѣетъ столь существенное значеніе въ исторіи музыки вообще, но отнюдь не въ оперной въ частности. — Самый рѣшительный поворотъ оперы произошелъ въ ея отечествѣ, въ Италіи; тамъ Россини снова напомнилъ, какимъ именно требованіямъ искусства опера обязана своимъ происхожденіемъ и существованіемъ. Пренебрегая «педантическимъ партитурнымъ хламомъ», онъ признавалъ въ оперѣ только то, что «невольнѣйшимъ образомъ остается въ памяти изъ всего опернаго аппарата: голую, пріятную для уха, абсолютную мелодическую мелодію, которая была ничѣмъ другимъ, какъ именно только мелодію, которая проникаетъ въ ухо — неизвѣстно зачѣмъ, — которую мы напѣваемъ — неизвѣстно зачѣмъ, — которою мы сегодня замѣняемъ слышанную вчера, и завтра опять забудемъ — также неизвѣстно зачѣмъ, — которая звучитъ тоскливо, когда мы веселы, которая звучитъ весело, когда мы разстроены, и которую мы все-таки мурлыкаемъ про себя — опять же неизвѣстно зачѣмъ. Эту мелодію Россини выставилъ на первомъ планѣ, и — смотрите! тайна оперы сдѣлалась ясной». Такъ какъ Россини, такимъ образомъ, фактически совершенно устранилъ какое бы то ни было преимущество драмы, то съ нимъ собственно исторія оперы оканчивается, и нынѣ существуетъ еще только исторія оперной мелодіи. — Сознавая поверхность и бездушіе Россиніевскихъ мелодій, Веберъ началъ вводить въ свои оперы нѣмецкіе народныя мотивы; вслѣдъ за нимъ всюду началась погоня за народными мелодіями. Изъ Неаполя и Портучи французскій композиторъ вывозитъ тематическій матеріалъ для «Muette de Portici»; Россини среди снѣжныхъ Альповъ Швейцаріи находитъ національный колоритъ для своего «Телля», и эти оперы составляютъ двѣ оси, около которыхъ нынѣ вращается весь міръ оперной музыки. Найдена была новая тайна, которая могла сохранить оперѣ жизнь, и потому начали изслѣдовывать всѣ страны, и у каждаго народа высасывать послѣднюю каплю его музыкальной крови. — Какъ по пятамъ, слѣдовалъ одинъ музыкантъ за каждымъ послѣднимъ шагомъ развитія оперной музыки. Онъ сочинялъ въ Италіи оперы à la Rossini, до тѣхъ

поръ, пока вѣтеръ не измѣнилъ направленія въ Парижъ послѣ «Нѣмой» и «Телія». «Какъ скоро очутился Мейерберъ въ Парижѣ! Тамъ онъ нашелъ въ офранцузенномъ Веберѣ (вспомнимъ Robin des bois) и въ оберлюоженномъ (verberliozten) Бетговенѣ моменты, непримѣченные ни Оберомъ, ни Россини, но которые онъ, благодаря своей космополитической способности (Allerwelts-saracität), сумѣлъ оцѣнить очень вѣрно. Онъ обхватилъ все, что ему представлялось, вмѣстѣ въ одной громадной пестрой смѣшанной фразѣ, за произвольнымъ восклицаніемъ которой всецѣло заглохли и Оберъ, и Россини: лютый «Робертъ Дьяволъ» поглотилъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ».

Въ какомъ же положеніи находился поэтъ во время всѣхъ этихъ событій? На этотъ вопросъ Вагнеръ отвѣчаетъ, что въ итальянскихъ мелодическихъ операхъ Россини—онъ былъ нулемъ, а въ Парижѣ, какъ въ комической оперѣ, такъ и въ Большой Оперѣ, дѣйствительно заботились о содержательности и интересности сценическаго дѣйствія, и въ «Нѣмой изъ Португалии» очевидно можно признать хорошо составленную сценическую пьесу. Но Мейерберъ выказывалъ громадное вліяніе на автора либретто своихъ оперъ, Скриба, который для другихъ композиторовъ писалъ вообще удовлетворительныя либретто, а для Мейербера «изготовлялъ самую болѣзненную напыщенность, самую изуродованную галиматью, сцены безъ дѣйствія, и ситуаціи самой бессмысленной запутанности, характеры самой смѣшной каррикатурности». «Скрибъ долженъ былъ самъ свихнуться, прежде чѣмъ произвелъ на свѣтъ «Роберта»; онъ долженъ былъ лишиться всякаго здравого пониманія драматическаго дѣйствія, прежде чѣмъ спуститься въ «Гугенотахъ» до простаго компилятора декоративныхъ нюансовъ и контрастовъ; онъ долженъ былъ насильно посвятить себя во всѣ мистеріи историческаго плутовства (historischer Spitzbubenshaft), прежде чѣмъ рѣшиться для какаго-нибудь «Prophet'a» сдѣлаться мошенникомъ». Критика порицала эти либретто, но за то тѣмъ болѣе возвеличивала музыку Мейербера. «Такъ достигнуть полнѣйшій триумфъ музыки: композиторъ совершенно разорилъ поэта и на развалинахъ оперной поэзіи былъ увѣнчанъ музыкантъ, какъ настоящій поэтъ».

Изложивъ подобный взглядъ на исторію развитія оперы, Вагнеръ возвращается къ основному тезису своего сочиненія и говоритъ, что корень заблужденія или даже сумасбродства, доведшаго оперный жанръ до смѣшного, заключается въ томъ, что музыка, будучи только однимъ изъ средствъ выраженія, при-

яла на одну себя выполнение всѣхъ намѣреній драмы. Затѣмъ въ концѣ первой части своей книги, въ сжатомъ разсужденіи о сущности музыки, Вагнеръ высказываетъ, что музыка составляетъ женственный элементъ въ искусствѣ, что ея организмъ можетъ породить настоящую живую мелодію только тогда, если онъ оплодотворенъ идеею поэта, и что велико заблужденіе музыки, если она хочетъ не только рождать, но и производить.

Во второй части книги Вагнеръ разбираетъ драматическую поэзію, къ которой также относится отрицательно. По его мнѣнію, послѣ Шиллера, парящаго въ воздухѣ между небомъ и землею, вся новая драматическая поэзія виситъ между небомъ англійской художественной формы и землею правительскаго романа, и живетъ сдѣлавшимися литературными памятниками, попытками Гёте и Шиллера. Съ этими драмами настоящей музыки во всякомъ случаѣ нечего создавать. Истиннымъ, дѣйствительнымъ драматическимъ матеріаломъ Вагнеръ признаетъ «миѳъ» (Mythos), создавшій уже однажды, въ греческой драмѣ, ту классическую форму, въ которой снова стремятся; но не прежній старый миѳъ, а вновь созданный, соответствующій новымъ воззрѣніямъ современной жизни и облеченной въ форму драмы, предназначенной для сценическаго представленія.

Въ третьей части книги Вагнеръ трактуетъ о поэзіи и музыкѣ въ драмѣ будущаго, слѣдовательно, здѣсь мы находимъ всю суть его ученія. Передать въ краткомъ изложеніи этотъ обширный и слишкомъ спеціальныи трудъ весьма затруднительно, тѣмъ болѣе, что авторъ расплывается въ спеціальныхъ деталяхъ и какъ бы уклоняется отъ опредѣленныхъ выводовъ; но все же постараемся, насколько возможно, дать хотя общее понятіе о содержаніи и этой части. Въ первой главѣ разсматриваются существующія художественныя формы въ поэзіи и въ музыкѣ, и идетъ рѣчь объ ихъ элементахъ, о размѣрѣ стиха, о римѣ, о мелодіи, о ритмѣ; Вагнеръ указываетъ, что въ средніе вѣка размѣръ стиховъ вполне согласовался съ мелодіей; позднѣе же, когда зависимость стиха отъ какой-нибудь стереотипной мелодіи обратилась уже въ педантическую подчиненность, — начали употреблять размѣръ стиха, независимый отъ какой бы то ни было мелодіи, находя для этого образцы у грековъ и римлянъ. Этотъ приемъ, вслѣдствіе различія языковъ, Вагнеръ считаетъ несчастливѣйшимъ и неудачнѣйшимъ, совершенно несоответствующимъ природнымъ свойствамъ нѣмецкаго языка, и съ этой точки зрѣнія возстаетъ противъ употребленія пятистопнаго ямба. Въ то же время и мелодія, будучи отдѣлена отъ словъ стиха,

продолжала развиваться самостоятельно; когда же ей снова приходилось соединяться со словомъ, то довольствовалась выраженіемъ, въ самыхъ отдаленныхъ общихъ чертахъ, общаго содержанія текста; поэтому понятно, что нѣкоторые стихи Гёте считаются музыкантами «слишкомъ хорошими, слишкомъ совершенными» для музыкальной композиціи. Прямимъ результатомъ этого было то, что поэзія и музыка разошлись въ разныя стороны, и появилась «Lied ohne Worte», въ которой музыкантъ какъ бы говоритъ поэту: «Дѣлай, что тебѣ нравится, а я буду дѣлать то, что мнѣ нравится; такъ мы поладимъ наилучшимъ образомъ».—Въ слѣдующей главѣ указываются преимущества акцентированныхъ стиховъ въ приемахъ и важность удареній въ нѣмецкомъ языкѣ на коренномъ слогѣ, а въ третьей—въ детальныя подробности разсматривается отношеніе этого стиха къ музыкальной модуляціи. Здѣсь уже Вагнеръ переходитъ въ специальную область музыки, и въ четвертой главѣ подробно говоритъ о гармоніи, какъ объ элементѣ музыки и о полифоніи. Высшая задача гармоніи, по мнѣнію Вагнера, заключается въ инструментальной полифоніи, т.-е. въ оркестрѣ. Особенная способность оркестра къ выраженію (Sprachvermögen), въ силу которой онъ призванъ выражать то, что невыразимо словомъ, составляетъ предметъ пятой главы, гдѣ авторъ указываетъ, что оркестръ передаетъ нашему уху невыразимое словами, точно также какъ мимика передаетъ это глазу; точку сопоставленія мимики и оркестра онъ видитъ въ ритмѣ и выводитъ способность оркестра сопровождать мимическія движенія изъ оркестрового сопровожденія плясовыхъ движеній. Также онъ указываетъ, что способность оркестра въ выразительности имѣетъ еще и другую сторону; она можетъ служить также для напоминанія идеи или вѣрнѣе, не самой идеи, а содержанія, заключающагося въ ней чувства, посредствомъ введенія опредѣленныхъ мотивовъ, какъ воспоминаніе или предчувствіе, что будетъ способствовать пополненію общей связи и лучшему пониманію ситуаций.

Шестая глава обсуждаетъ условія наиболѣе лучшаго выполненія драматическаго дѣйствія. При этомъ является вопросъ объ общемъ единствѣ художественной формы драмы. Существенная опера съ ея шаблонными, разъ навсегда выкроенными формами, конечно, не соответствуетъ настоящей драмѣ. Единство художественной формы возможно только при единствѣ содержанія. Содержаніе, требующее, какъ въ оперѣ, двойкаго способа выраженія, одного—дѣйствующаго на чувство, и другого—дѣйствующаго на мышленіе, не заключаетъ въ себѣ единства; полное

единство содержанія будетъ обусловлено только тогда, если выраженіе, въ каждый данный моментъ, заключаетъ въ себѣ намѣренія поэта. На этомъ основаніи не могутъ быть допущены никакія искусственныя звуковыя приправы, помѣщенные въ оркестръ, по произволу музыканта, въ родѣ ригурнелей и интерлюдій, но и они должны быть опредѣляемы единственно согласно съ намѣреніями поэта, такъ какъ въ противномъ случаѣ подобныя моменты, не имѣя связи съ драматической ситуацией, или уклоняясь отъ содержанія, будутъ нарушать единство выраженія. Наконецъ, въ послѣдней главѣ разсматриваются отношенія въ драмѣ будущности между поэтомъ и музыкантомъ. «Долженъ ли поэтъ ограничивать себя для музыканта, или, наоборотъ, музыкантъ для поэта?» Разбирая этотъ вопросъ, Вагнеръ приходитъ къ тому заключенію, что высшія художественныя цѣли драмы будутъ достигнуты не самоограниченіемъ обоихъ художниковъ-производителей, а посредствомъ высшаго развитія ихъ индивидуальныхъ способностей, при стремленіи къ самопожертвованію для блага дорогого имъ предмета. Поэтому онъ допускаетъ, что въ драмѣ будущности поэтъ и музыкантъ могутъ быть два различныхъ лица, но осуществить эти цѣли въ настоящее время, по его мнѣнію, можетъ только одинъ художникъ, именно тотъ, который предчувствуетъ жизнь будущности и жаждетъ съ нею слиться; а тотъ, кто питаетъ эту жажду своими собственными способностями, тотъ живетъ уже и теперь въ лучшей жизни, и онъ-то и есть производитель художественнаго произведенія будущности.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ сочиненій Вагнера, къ тому же періоду времени относится еще одинъ литературный его трудъ, именно большое предисловіе къ вышедшему въ концѣ 1851 г. въ Лейпцигѣ изданію: «Drei Operndichtungen», въ которомъ были помѣщены либретто оперъ: «Морякъ-скиталецъ», «Тангейзеръ» и «Лоэнгринъ». Въ этомъ предисловіи, извѣстномъ подъ заглавіемъ: «Сообщеніе моимъ друзьямъ» (Mittheilung an meine Freunde)¹⁾, Вагнеръ помѣстилъ подробное описаніе своей дѣятельности за весь истекшій періодъ жизни и изложеніе своихъ взглядовъ, намѣреній и цѣлей; въ заключеніе онъ сообщаетъ, что предполагаетъ написать очень обширное музыкальное произведеніе, содержаніе котораго будетъ имѣть о Нибелунгахъ (Nibelungenmythos). «Я намѣреваюсь», — писалъ Вагнеръ, — «изложить мой мѣръ въ трехъ законченныхъ драмахъ, которымъ будетъ

¹⁾ См. Gesam. Sch. v. R. Wagner. T. IV стр. 284—218.

предшествовать большой прологъ. (Я болѣе не пишу оперъ: такъ какъ я не желаю давать моимъ работамъ какое-нибудь произвольное названіе, то и называю ихъ драмами). Для этихъ драмъ, хотя каждая изъ нихъ должна составлять законченное цѣлое, я не имѣю въ виду какихъ-нибудь «репертуарныхъ вещей» (Repertoirestücke) въ современномъ театральномъ смыслѣ, но для ихъ исполненія держусь слѣдующаго плана: мои три драмы и прологъ я рассчитываю исполнить на специально для нихъ устроенномъ праздникѣ, въ теченіе трехъ дней и одного предвечерія (Vorabend); если мнѣ и моимъ товарищамъ, артистамъ, настоящимъ авторамъ, удастся передать мои намѣренія такъ, что собравшіеся въ эти четыре вечера зрители поймутъ ихъ чувствомъ (не критически),—то цѣль этого исполненія будетъ достигнута. Мои друзья, конечно, увидятъ, что въ этомъ предпріятіи мнѣ нечего дѣлать съ нашимъ нынѣшнимъ театромъ; если же они хорошо себя это усвоятъ, то мы вмѣстѣ догадаемся, какъ и при какихъ обстоятельствахъ можетъ быть выполненъ изложенный планъ, и, вѣроятно, явится также ихъ, единственно-возможная въ этомъ дѣлѣ, помощь. Теперь же предоставляю вамъ,—обращается Вагнеръ къ своимъ друзьямъ,—досугъ и время поразмыслить объ этомъ:—потому что только съ моимъ произведеніемъ увидите вы меня опять!»

Сколько самонадѣянности и высокомерія въ этихъ немногихъ словахъ! Планъ произведенія еще только въ фантазіи композитора, а онъ уже заранѣе требуетъ,—именно требуетъ,—особеннаго праздника для торжественнаго исполненія задуманныхъ имъ какихъ-то мифологическихъ драмъ и специально устроеннаго для этого театра, и при этомъ угрожаетъ вовсе лишиться человечество плодовъ своего творчества, если ему не будетъ доставлена возможность осуществить его предпріятіе. Несмотря на всю страстность и кажущуюся съ перваго взгляда невозможность подобныхъ требованій, тѣмъ не менѣе смѣло задуманное предпріятіе было выполнено; хотя черезъ двадцать-пять лѣтъ, но Вагнеръ, благодаря своей энергіи и упорной настойчивости, все-таки, въ концѣ концовъ, добился устройства задуманнаго имъ торжественнаго, единственнаго въ своемъ родѣ праздника.

II. Трифоновъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ПАЛЬМА.

Гордо поднявши вершину, стоитъ одинокая пальма,
Выпрямивъ станъ свой высокій,—и мнится, что хочетъ достигнуть
Неба она головою; но корни, разросшися сѣтью,
Держать ее на землѣ съ распростертыми къ верху вѣтвями.
Ропщеть на нихъ пышноверхая пальма, качая главою;
Слышатся съ листьевъ и жалобы, шопотъ немолчный, и пени.
Такъ человекъ въ своемъ сердцѣ и ропщеть, и сѣгуеть тщетно:
Мысли его въ небесахъ—самъ онъ прикованъ къ землѣ.

II.

ПРОРОКУ.

Когда за праведную рѣчь
Надъ головой сверкаетъ мечъ
И на тебя клевету брата,
Не торопись, пророкъ, изречь
Слова суровыя проклятья.

Когда душа твоя чиста,
 Не страшны лживыя уста;
 Взгляни тѣмъ окомъ, грозный мститель,
 Какимъ съ Голгоесскаго креста
 Взиралъ на грѣшниковъ Спаситель.

Судимъ, поруганъ и распятъ:
 — «Они не знаютъ, что творятъ,
 «Прости ихъ Отче!» — Онъ вѣщаетъ.
 Тебѣ-ль, пророкъ, низринуть въ адъ
 Того, кого Христосъ прощаетъ?

III.

НИНОЧКЪ.

«Die kleine, die feine, die reine, die eine».
 Heine.

Нѣтъ, ангелы полночные,
 Я впрямъ сердить на васъ!
 Зачѣмъ въ часы урочные,
 Когда ужъ день погасъ,

По комнатамъ, усталые,
 Всѣ разошлись мы,
 И сонные хозяине
 Бьютъ въ доски среди тьмы;

Когда надъ дѣтской спальной
 Святая тишина,
 Кроватка Нины маленькой
 Такъ чисто убрана,

Подушечка не скатится
 Подъ розовымъ локтемъ,
 Коричневое платьице
 Повисло подъ гвоздемъ;

Надъ чистенькой подушкою
Висятъ воротнички,
Любуются другъ дружкой
Подъ стуломъ башмачки,

И—Грёзова картиночка —
Какъ ангелъ хороня,
Лежить въ постелькѣ Ниночка,
Святынею дыша;

Звѣзда лучемъ растроганнымъ
Глядитъ, какъ спитъ она
Подъ одѣяльцемъ стеганнымъ,
Румяная отъ сна;

Витаютъ сны надъ русыми
Кудрями въ тишинѣ
И все пятерки съ плюсами
Ей грезятся во снѣ;

Видѣньями веселыми
Дарить ночная тѣнь
Головку, что глаголами
Терзаютъ каждый день.

Зачѣмъ въ часы урочные,
Влюбленные какъ я,
Вы, ангелы полночные,
Сердечный жаръ тая,

Дозоръ свой повидаете,
И съ неба улётѣвъ,
Тѣмъ возбудить дерзаете
Архистратига гнѣвъ?

Надъ милою кроваткою,
Во мглѣ ночныхъ тѣней,
Вы въ очередь украдкою
Склоняетесь въ ней;

Лучей звѣзды минуете
Вы робко, не спроста,

Вы набожно цѣлуете
Открытыя уста!

Лобзанія мятежныя
Ланиты милой жгутъ,
И ямки щечекъ нѣжныя
Васъ утромъ выдають.

Тѣ знаки—знаки точные,
Ночной не скрылъ ихъ часъ.
Нѣтъ, ангелы полночные,
Я выпрямъ сердить на васъ!

С. Мосоловъ.

ЖИЛКА.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О ЗОЛОТѢ.

XV *).

Примиреніе съ Пятовыми точно внесло какую благодать въ Брагинскую семью; всѣ члены ея теперь вздохнули какъ-то свободнѣе. Гордѣй Евстратычъ совсѣмъ «стишалъ», и началъ походить на прежняго Гордѣя Евстратыча, за исключеніемъ своего новаго костюма, съ которымъ ни за что не хотѣлъ разстаться. Михайло и Архипъ выѣзжали теперь съ принска раза три въ недѣлю, и невѣстки вздохнули свободнѣе. Точно къ довершенію общаго благополучія, у Дуни родилась прехорошенькая дѣвочка.

— Мнѣ мальчишекъ больше не надо, — говоритъ счастливый Гордѣй Евстратычъ. — Дѣвочка не въ примѣръ лучше...

Татьяна Власьева поняла послѣднія слова, какъ утѣшеніе Дуни, которой хотѣлось имѣть первенцомъ сына; но Гордѣй Евстратычъ говорилъ совершенно серьезно, и цѣловалъ маленькую Таню даже больше, чѣмъ своего внука Степушку. Когда Татьяна Власьева предложила въ кумовья Нила Поликарпыча, Гордѣй Евстратычъ точно испугался и сказалъ, что у него уже есть кумъ, знакомый золотопромышленникъ, а кумой будетъ сестрица Алена Евстратьевна. Теперь Пятовы часто бывали у Брагиныхъ и Брагины у Пятовыхъ. Вообще все шло какъ по маслу и только въ общемъ довольствѣи не принималъ никакого участія одинъ Зотушка, который въ самый моментъ примиренія

*) См. выше февр., 520 стр.

Гордѣя Евстратыча съ Ниломъ Поликарпычемъ перебрался со-всѣмъ изъ Пятовскаго дома подъ крылышко Агнии Герасимовны, гдѣ и проживалъ все время. Какъ ни старались залучить Зо-тушку, чтобы помирить съ братцемъ Гордѣемъ Евстратычемъ,— все было напрасно. Оня нарочно ѣздила къ Колобовымъ, чтобы выпытать у Зотушки, почему онъ не хочетъ мириться, но ничего не могла добиться. Зотушка плакалъ отъ радости, когда видѣлъ свою барышню, но на всѣ распросы говорилъ самыя непонятныя слова: «Такъ ужъ лучше будетъ, моя барышня...» «Погоди, вотъ ужъ соберусь...» и т. д.

— Вѣдь это грѣшно, наконецъ, Зотушка,—увѣщевала упрямаго божьяго человѣка Оня.—Бабушка Татьяна много слезъ изъ-за тебя пролила...

— Я самъ, барышня Оениюшка, плачу обо всѣхъ, часто плачу... А бабушкѣ Татьянѣ скажи отъ меня, что ея слезы еще впереди, большія слезы.

— Чтѣ ты, Зотушка, Господь съ тобой! Какія ты слова говоришь?..

— А ты думаешь мнѣ легко ихъ говорить? И тебѣ, барышня моя распрекрасная, тоже слезы будутъ... Да.

— Ну, ужъ я-то не заплачу, ты это напрасно говоришь...

— А вотъ и заплачешь, вмѣстѣ съ бабушкой Татьяной заплачешь... Покудова сестрица Алена Евстратьевна будетъ гостить—Зотушка не придетъ. Такъ и бабушкѣ Татьянѣ скажи, Оня.

— Ахъ, какой ты неговорный, Зотушка. Ну стоить на тетку Алону сердиться? Ты знаешь, вѣдь, какая она, значить и толковать о ней нечего...

— Знаю, все знаю, чего и вы не знаете. Да... А мнѣ тебя жалъ Оня, касаточка, вотъ какъ жалъ.

Зотушка дѣйствительно нѣсколько разъ начиналъ плакать и со слезами цѣловалъ бѣлыя ручки барышни Оениюшки.

— Вадоръ мелеть!—сердито отрѣзала Татьяна Власьевна, когда Оня передавала ей свои разговоры съ Зотушкой.—Этого его Колобовы да Савины настраиваютъ... Чтѣ ему скажутъ, онъ то и мелеть.

Передъ самымъ Рождествомъ Зотушка жестоко закутилъ, и его оставили въ покоѣ.

Благодаря неутомимымъ хлопотамъ о. Крискента, Гордѣя Евстратычъ былъ, наконецъ, избранъ церковнымъ старостой. Когда Савины и Колобовы узнали объ этомъ, они на-отрѣзъ отказались ходить въ единоувѣрческую церковь и старались также

смутить и Пазухинныхъ. Такія проявленія человѣческой злобы сильно смущали о. Крискента, но онъ утѣшалъ себя мыслью, что поступалъ совершенно справедливо, радѣя не для себя, а для церковнаго благолѣпія.

— Савины и Колобовы не ко мнѣ въ церковь ходятъ, а къ Богу, — говорилъ о. Крискентъ со смиреніемъ. Всю мятутся легковѣрніи...

Но Савины и Колобовы думали нѣсколько иначе и даже послали на о. Крискента два доноса — одинъ преосвященному, а другой въ консисторію, находя выборы новаго старосты неправильными. Узнавъ объ этомъ, о. Крискентъ не только не смутился, но выказалъ большую твердость духа и полную готовность претерпѣть въ борьбѣ съ раздѣлительными силами, волновавшими теперь его словесное стадо.

А Гордѣй Евстратычъ уже вступилъ въ отправленіе своихъ старостинскихъ обязанностей, и всѣ прихожане не могли имъ нахвалиться. Первымъ его подвигомъ въ новой обязанности было то, что онъ пожертвовалъ въ новую церковь весь иконостасъ, т. е. заказалъ его на свой счетъ, а затѣмъ помогалъ вездѣ, гдѣ только показывалась церковная нужда: спилъ церковнымъ каморникамъ новые кафтаны, купилъ новое паникадило, сдѣлалъ новыя праздничныя ризы и т. д. Эти пожертвованія на худой конецъ стоили тысячъ пять, и всѣ преклонялись предъ благотворительностью новаго тысячника, Гордѣя Евстратыча. Истиннымъ любителямъ церковнаго благолѣпія, какіе встрѣчаются только въ единовѣрческихъ церквахъ, больше всего нравился самъ Гордѣй Евстратычъ, когда онъ стоялъ за старостинскимъ прилавкомъ въ своемъ старостинскомъ кафтанѣ. Это былъ такой осанистый красивый старикъ, точно на-заказъ. Все, что онъ дѣлалъ, выходило у него такъ торжественно и благочестиво, что даже о. Крискентъ любовался изъ алтаря новымъ старостой, когда онъ съ степенной важностью ставилъ свѣчи предъ образами, откладывая широкіе единовѣрческіе кресты. Послѣдняя бабенка, ставившая копѣчную желтую свѣчку — и та чувствовала, что ея жертва точно будетъ пріятнѣе Богу, если пройдетъ черезъ руки Гордѣя Евстратыча... И Нилъ Поликарпычъ, конечно, былъ отличный староста, но у него былъ одинъ очень непріятный недостатокъ: Нилъ Поликарпычъ, по своей разсѣянности, часто забывалъ, кому заказаны были свѣчи и ставилъ ихъ на-угадъ. Впрочемъ, при особенной ревности единовѣрцевъ ставить свѣчи предъ образами, трудно было и не перемѣшать, когда, напримѣръ, у старосты на рукахъ за-разъ являлось свѣчъ

пятнадцать или двадцать. Но Гордѣй Евстратычъ въ этомъ случаѣ обладалъ исключительной счастливой памятью и скоро совершенно затмилъ своего предшественника.

— Тебѣ и книги въ руки, Гордѣй Евстратычъ,—сознавался самъ Пятовъ, когда они вечеркомъ сидѣли въ гостиной о. Крискента за ставаномъ чая.—Экая у тебя память... А меня часто-таки браковали бабѣнки, особенно которая по зубастѣе. Закажетъ Фролу и Лавру, а я мученику Митрофану поставлю.

Вообще Гордѣй Евстратычъ оказался какъ разъ на своемъ мѣстѣ и отнесся къ своимъ новымъ обязанностямъ съ особенною ревностью, такъ что удивлялъ даже о. Крискента.

Благодаря новому старостѣ праздничная служба на Рождествѣ отличалась особенной торжественностью. Единовѣрческая церковь, низенькая и тѣсная, передѣланная изъ старинной раскольничьей молебни съ палатами и перегородкой посрединѣ, была вычищена до послѣдняго уголка; множество свѣчъ, новыя ризы на священникѣ и дьяконѣ, наконецъ, самъ новый староста въ своемъ форменномъ кафтанѣ—все дышало благолѣпьемъ. Вся Брагинская семья была въ церкви. Впереди другихъ, у лѣваго клироса стояла въ бѣломъ кисейномъ платьѣ Оеия Пятова; она была необыкновенно хороша, какъ распустившаяся роза. Гордѣй Евстратычъ часто поглядывалъ на нее и, когда ходилъ ставить свѣчи къ мѣстнымъ образамъ, проходилъ мимо нея такъ близко, что задѣвалъ ее локтемъ. Дѣвушка опускала глаза и едва замѣтно улыбалась: Гордѣй Евстратычъ чувствовалъ эту тихую улыбку, которая мѣшала ему молиться, и даже сердился на Оеию и другихъ дѣвокъ, которыя выпятились впередъ. Не даромъ прежде молебня была раздѣлена глухой деревянной перегородкой на двѣ половины, мужскую и женскую: соблазну никакого. Даже Татьяна Власевна замѣтила, что Гордѣй Евстратычъ молится какъ будто не совсѣмъ истово и сдѣлала ему строгій выговоръ.

Святки для Брагиныхъ на этотъ разъ прошли необыкновенно весело, хотя особенныхъ гостей и не было, кромѣ Порфира Порфирьича, Шабалина, Липачка и Плинтусова. Молодежи набралось столько, что устраивали святочные игры, пѣли пѣсни, гадали и т. д. Порфиръ Порфирьичъ оказался самымъ подходящимъ человѣкомъ, чтобы топить олово, ходить по улицамъ и спрашивать у встрѣчныхъ, какъ зовутъ жениха, играть въ жмурки и вообще исполнять безчисленныя причуды развеселившейся молодежи. Оеия и Нюша одѣвали Порфира Порфирьича въ сарафанъ бабушки Татьяны и въ ея праздничную сорочку и въ такомъ

видѣ возили его по всему Бѣлоглинскому заводу, когда ѣздили наряженными по знакомымъ домамъ. Даже Нюша, и та замѣтно «отопшла» и, кажется, начинала по-маленьку забывать своего Алешку. Зотушка устранивалъ костюмы, но самъ не участвовалъ въ общемъ весельѣ, ссылаясь на головныя боли и какое-то «трасеніе» послѣ недавняго пьянства. Вообще веселье шло черезъ край, и всякъ куралесилъ въ свою долю. Ариша была мастерица заводить пѣсни, Оеня плясать и т. д. Старики больше любовались на молодежь, прохаживались по закускамъ и каялись о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Разъ, подгулявшій Гордѣй Евстратычъ сильно тряхнулъ стариной, т.-е. прошелся съ Оеней русскую.

— Только для тебя, Оеня, и согрѣшилъ!..—говорилъ расхолодившійся старикъ, вытирая вспотѣвшее лицо платкомъ.— По крайности, буду знать, въ чемъ попу каяться о великомъ постѣ... А у меня еще есть до тебя большое слово, Оеня.

— Какое слово?

— А ужъ такое... Давно собираюсь переговорить, да все какъ-то время не выбирается. Неоставляй ты, Оеня, моей-то Нюши...

— Чтѣ вы Гордѣй Евстратычъ! Да развѣ я... мы душа въ душу съ Нюшей живемъ. Сами знаете...

— Всѣ вы дѣвки, такъ-то душа въ душу живете, а тутъ подвернулся женихъ—и поминай, какъ звали. Такъ и твое дѣло, Оеня: того гляди выскочишь, а мы и остались съ Нюшей—горюшкой.

— Я замужъ не пойду...

— Ладно, ладно... У всѣхъ у васъ одна вѣра-то!

Гордѣй Евстратычъ дружески похлопалъ Оеню по плечу и подумалъ про себя: «Экая дѣвка уродилась, подумаешь... а?»

Конечно, отъ бдительности Татьяны Власевны и о. Крискента не ускользнуло особенное вниманіе, съ какимъ Гордѣй Евстратычъ относился къ Оенѣ. Они по своему взглянули на дѣло. По мнѣнію Татьяны Власевны всѣ обстоятельства такъ складывались, что теперь можно было бы помириться съ Сазинными и Колобовыми—не доставало маленькаго толчка, какихъ-нибудь пустяковъ, изъ какихъ складываются большія дѣла въ жизни. Именно, она съ этой точки зрѣнія и взглянула на отношенія Гордѣя Евстратыча къ Оенѣ.

— Онъ-то ее даже очень уважаетъ, — говорила бабушка Татьяна о. Крискенту:—вотъ, я и думаю, ежели бы Оеня замол-

вила словечко, можетъ, Гордѣй-то Евстратычъ и совсѣмъ стиснулъ...

— Гласъ дѣвственницы имѣетъ великую силу надъ мужскимъ поломъ,—глубокомысленно изрекъ о. Крискентъ. — Сему есть много даже историческихъ примѣровъ...

— А ужъ какъ бы хорошо-то было... Сначала бы на счетъ Савиныхъ да Колобовыхъ, а потомъ и на счетъ Пазухиныхъ. То-есть я на тотъ конецъ говорю, о. Крискентъ, что Нюшу-то мнѣ больно жалъ, да и Алексѣя. Сказываютъ, парень-то самъ не свой ходить... Можетъ, Гордѣй-то Евстратычъ и стиснаетъ.

Ободренные первымъ успѣхомъ борьбы съ раздѣлительной силой злого духа, когда они помирили Гордѣя Евстратыча съ Пятовымъ, старики порѣшили теперь воспользоваться «гласомъ дѣвственницы». Бабушка Татьяна сама переговорила съ Оней, и та съ жаромъ ухватилась за это предложеніе, только просила объ одномъ, что сначала переговорить съ Гордѣемъ Евстратычемъ о Нюшѣ, а потомъ ужъ о Савиныхъ и Колобовыхъ.

— Ну, какъ знаешь, милушка, — говорила бабушка Татьяна, крестя дѣвушку.

— Такъ лучше будетъ... Гордѣй-то Евстратычъ самъ мнѣ намекалъ маленько, да я мимо ушей пропустила тогда.

Оня рассказала, какъ Гордѣй Евстратычъ говорилъ ей, что у него до нея есть «великое слово» и въ чемъ оно заключается.

Бабушка Татьяна не совсѣмъ поняла объясненія Оней.

— Да ты, бабушка, не сумлѣвайся: онъ *это* и хотѣлъ сказать. Я теперь только поняла... Все выйдетъ какъ по писанному.

— Стара я стала, милушка, загадки-то разгадывать, а сдается мнѣ, какъ будто оно и не совсѣмъ такъ...

— Нѣтъ, ужъ такъ, бабушка Татьяна.

Онѣ вмѣстѣ выбрали и время, когда переговорить Оней съ Гордѣемъ Евстратычемъ — за день до крещенскаго сочельника, когда у Пятовыхъ будутъ приглашены гости на вечеръ.

Дѣйствительно, къ Пятовымъ съѣхалось много гостей и въ томъ числѣ былъ Гордѣй Евстратычъ. Оня выждала, когда гости подкрѣпятся закуской и Гордѣй Евстратычъ совсѣмъ развеселится. Онъ уже закидывалъ къ ней дѣ-три своихъ жесткихъ шуточекъ и весело разглаживалъ свою подстриженную бороду.

— А мнѣ съ вами, Гордѣй Евстратычъ, поговорить надо... — заговорила Оня, улучивъ удобную минуту.

— Вотъ какъ... Что такое случилось?

Оня немного смутилась и, опираясь платокъ, который держала въ рукахъ, вопросительно подняла свое лицо на Гордѣя

Евстратича. Это дѣвчье лицо съ ясными, чистыми глазами было чудно хорошо теперь своимъ колеблющимся выраженіемъ: въ немъ точно переливалась какая-то сила. Гордый Евстратичъ улыбнулся, и Оеня доказалось, что онъ не хорошо какъ-то улыбнулся. Но время было дорого и, послѣ минутнаго колебанія, она проговорила:

— Здѣсь неловко разговаривать, Гордый Евстратичъ. Я васъ провожу въ свою комнату.

До комнаты Оени было всего нѣсколько шаговъ — перейти залу и гостиную. Хозяйка, указала гостю на стулъ около тумача краснаго дерева, а сама помѣстилась по другую его сторону.

— Ну, въ чемъ дѣло, Оеня? — ласково спрашивалъ Гордый Евстратичъ, медленнымъ оглядывая закрытую пологомъ односпальную кровать.

— Помните, Гордый Евстратичъ, какъ вы мнѣ тогда сказали про великое слово о Нюшѣ... Вотъ я хочу поговорить съ вами о немъ. Зачѣмъ вы ее губите, Гордый Евстратичъ? Посмотрите, что изъ нея стало въ полгода: кула какая-то, а не живой человѣкъ... Ежели еще такъ полгода пройдетъ, такъ, пожалуй, въ веснѣ и совсѣмъ она ноги протянетъ. Я это не къ кому говорю, чтобы мнѣ самой очень нравился Алексѣй... Я и раньше всегда смѣялась надъ Нюшей, ну, а оно вышло вонъ какъ. Если онъ ей нравится, такъ...

— Такъ и ждать ее Алешкѣ? — докончилъ Гордый Евстратичъ и тихо такъ засмѣялся. — Такъ вотъ зачѣмъ ты меня завела въ свою горницу... Гмъ... Ежели бы это кто мнѣ другой сказалъ, а не ты, такъ я... Ну, да что объ этомъ говорить. Можетъ, еще что на умѣ держишь, такъ ужъ говори разомъ, и я тебѣ разомъ отвѣтъ дамъ.

— А не рассердитесь на меня?

— Глядя по словамъ, какія говорить будешь. И муха не безъ сердца...

Оеня посмотрѣла на своего собесѣдника. Лицо у него было такое доброе сегодня, хотя онъ смотрѣлъ на нее какъ-то такъ странно... «Э, самъ бѣдъ — одинъ отвѣтъ!» рѣшила про себя дѣвушка и храбро докончила все, что у ней лежало на душѣ...

— Есть и еще Гордый Евстратичъ... — заговорила она уже смѣясь. — Помните, какъ вы ссорились съ тятинькой? Ну, кому отъ этого легче было — никому. А помирились и всѣмъ праздники. Вонъ какъ святки-то отгуляли...

Оеня весело засмѣялась и даже тряхнула своей русой голо-

вой. Гордѣй Евстратычъ тоже засмѣялся и дрогнувшей рукой схватился за край рѣзного туалета, точно смѣхъ Оени укололъ его.

— Однимъ словомъ, я на вашемъ мѣстѣ давно бы помирилась съ Савинными и Колобовыми... Ей-Богу!.. А то, Богъ знаетъ, что у васъ теперь въ семьѣ дѣлается: невѣсткамъ-то, не бойсь, весело глядѣть, какъ вы волками другъ на дружку глядите, да и бабушкѣ Татьянѣ тоже. Вотъ бы этапъ же и помирились, какъ съ татинькой... Лихо бы закутили!.. Ужъ если у васъ самихъ языкъ не ворочается, такъ я сама бы все оборудовала: поѣхала бы къ Савиннымъ да къ Колобовымъ и сказала, что вы сокрушаетесь очень, а самимъ приѣхать какъ-то неловко, а потомъ же самое сказала бы вамъ... Вѣдь, только бы и всего?.. Право... А то теперь тѣ даже въ церковь перестали ходить, о. Крискенту дѣлають неприятности... Охъ, ужъ эти мужчины: чистые пѣтухи...

— Какъ ты сказала?

— Чистые пѣтухи, сказала. Тѣсно вамъ, подумаешь, въ Бѣлоглинскомъ-то заводѣ.

Гордѣй Евстратычъ сначала улыбался, а потомъ, опустивъ голову, крѣпко о чемъ-то задумался. Оения съ замиравшимъ сердцемъ ждала, чтó онъ ей отвѣтитъ, и со страхомъ смотрѣла на эту красивую старческой сановитой красотой голову. Поправивъ спустившіеся на глаза волосы, Гордѣй Евстратычъ вдохнулъ какъ-то всей своей могучей грудью и, не глядя на Оению, заговорилъ такимъ тихимъ голосомъ, точно онъ самъ боялся теперь своей собесѣдницы. Въ первую минуту Оени показалося, что это говорить совсѣмъ не Гордѣй Евстратычъ, а кто другой.

— Хорошее ты мнѣ слово сказала, Оения... отъ сердца сказала. Чувствую я это, даже очень чувствую... И самъ объ этомъ, можетъ, не одну сотню разъ подумалъ. Да... Только вотъ ты-то какъ сказала мнѣ, такъ я и вижу, все какъ на ладонѣ, чтó и гдѣ оно неладно. А много неладно... Эхъ, Оения, Оения!.. Самъ вижу свой-то неполадки, ну, да оно ужъ одно къ одному все пусть... Ты вотъ со стороны-то глядишь на насъ, да и думаешь про себя: дескать съ жиру старики-то бѣсятся. Такъ? А ты разбери-ка... Оно совсѣмъ другая статья выходить. Оно, видишь ли, и раньше въ семьѣ-то у насъ сучки да задоринки выходили, тоже взять хоть этихъ же Савинныхъ да Колобовыхъ. Гордо они держали себя противъ насъ, въ томъ родѣ, какъ благодѣтели какіе... Ну, я это переносилъ, никому ни слова. А какъ подвернулась эта самая жилка, оно все и выплыло наверхъ, какъ масло на водѣ. Видишь, куда оно погнуло-то... Да!.. Это тебѣ

разъ. Объ Алешѣ Пазухинѣ вторая статья подошла... Тутъ ужъ напрямки сказать, золото насъ раздѣлило, хоть Алешка парень и подходящий бы, и семья ихняя тоже. Пожалѣлъ я Нюшу отдать за него, думалъ жениха лучше ей найти... Такъ вѣдь? Не выродокъ, вѣдь, Нюшка-то моя, не недоносокъ какой, да и одна дочка у родимаго батюшки... А изъ этого вонъ оно што выросло-то: дѣвка на глазахъ моихъ чахнетъ.

Послѣ короткой паузы Гордѣй Евстратычъ провелъ по лбу рукой, точно стирая какую-то постороннюю мысль, которая мѣшала ему вполне ясно высказаться, а потомъ продолжалъ:

— Я тебѣ на-чистоту все скажу Оени... За те тебѣ скажу, что душа у тебя добра. Люблю... Да... Такъ вотъ обзатылилъ я Пазухинныхъ, Зотушку прогналъ отъ себя. Это ужъ моя вина: съ сердца сорвалось у меня. Послѣ-то самъ гляжу, я на себя и дивлюсь: зачѣмъ я это родного брата изъ родительскаго дома выгналъ... А тутъ родная дочь на глазахъ начала сохнуть. Легко мнѣ это по твоему? Своя-то кровь всегда скажется... она пройма... Разъ я ослѣпъ? Нѣтъ, голубушка, все видѣлъ я и все на сердцѣ держалъ, да только подѣлать ничего не могъ... Не разъ и не два думалъ я помириться со всѣми, какъ вотъ съ твоимъ тятинькой помирися, такъ поди же ты—руки не подымались! Даже словъ такихъ у меня точно не было на языкѣ, чтобы на мировую пойти... А тутъ еще новыя дружки да приятели, имъ надо тоже большое спасибо сказать. Зачалъ я сируживаться совсѣмъ, и все мнѣ тяжелѣе да тяжелѣе, потому старые-то дружки всѣ отшатились, а новыхъ не нажилъ. Вѣдь новыя-то благопріятели къ золоту нашему льнутъ—видимъ и это... Хорошо. Только и началъ я думать, пошто, да какъ, да зачѣмъ. Жили бѣднѣе—было лучше въ дому, а съ богатствомъ пошла какая-то разнота да сумятица. Можетъ, слышала какъ Михалко-то жену свою колотилъ? Вотъ оно куда пошло... Внжу дѣло дрянъ и чѣмъ дальше, тѣмъ оно хуже. Съ богатствомъ-то соблазнъ вездѣ, грѣхъ... Водкой началъ я зашибать въ хорошей компаніи и всякое прочее. Тебѣ, дѣвушкѣ, это не гоже все знать... Такъ, въ слову пришлось... Ну, я и надумалъ, наконецъ... т. е. не самъ даже надумалъ, а въ родѣ какъ осянило меня. Ужъ старостой я былъ... Стою за своимъ прилавкомъ, продаю свѣчи, а самъ въ умѣ держу свои-то не поладки, какъ я што. Даже такъ горько мнѣ стало... А тутъ я сразу все до корня постигъ.

Гордѣй Евстратычъ тяжело перевелъ духъ и еще разъ обвелъ глазами помнату Оени, точно отыскивая въ ея обстановкѣ не-

обходимое подтвержденіе. Дѣвушка больше не боялась этого гордаго старика, который такъ просто и душевно рассказывалъ ей все, что лежало у него на душѣ. Ея молодому самолюбію льстило особенно то, что старій человѣкъ, настоящій большой человѣкъ, точно совѣтуется съ ней, какъ съ бабушкой Татьяной.

— Ну, такъ я сразу всю причину и нашелъ,—продолжалъ Гордѣй Евстратычъ, соображая что-то про себя.—Я ужъ тебѣ все до конца до скажу...

— А я знаю, какая причина?

— Какая?

— Золото...

— Нѣтъ... Тутъ совсѣмъ особенная статья выходитъ: не хватаетъ у насъ въ дому чего-то, отъ этого и всѣ неполадки. Раньше-то я не замѣчалъ, а тутъ я замѣтилъ... Всѣ какъ-то шальные бродить по дому и другъ дружку не понимаемъ да добрыхъ людей смѣшимъ. У меня разъ иружина въ часахъ лопнула: пошуршала — пошуршала и встала, значить, концы всему дѣлу... Такъ и у насъ. Не догадывались!

— Нѣтъ...

— Ну, такъ я поправлю тебѣ скажу: жены Гордѣю Евстратычу недостаетъ!.. Кабы была у него молодая жена, все шло бы какъ по маслу... Я и невѣсту себѣ присмотрѣлъ, только вотъ съ тобой все хотѣлъ перетоворить. Все сумѣвался, можетъ, думаю, старъ для нея покажусь... А ужъ какъ она мнѣ по сердцу пришлась!.. Эхъ, на рукахъ бы ее носилъ... омолотилъ бы... Въ шелку да въ бархатѣ сталъ бы водить.

Она инстинктивно поднялась съ мѣста; она совсѣмъ не ожидала такого оборота разговора и почувала что-то недоброе. Гордѣй Евстратычъ тоже поднялся. Лицо у него было блѣдное, а глаза такъ и горѣли.

— Оня, выходи за меня за-мужъ... все будетъ по твоему... — глухо прошепталъ онъ, дѣлая шагъ къ ней.

— Гордѣй Евстратычъ... Господь съ вами... опомнитесь...

— Я?... Нѣтъ, поздно немножко... Послушай, Оня: все для тебя сдѣлаю... и помирюсь со всѣми, и Нюшу за Алешку отдамъ, только выходи за меня... Люба ты мнѣ, къ самому сердцу пришлась...

— Гордѣй Евстратычъ... въ умѣ ли вы?..

— Ласочка моя, въ умѣ... Ты всѣхъ насъ спасешь, всѣхъ до единаго, а то весь домъ врозь расплзется. Старикъ я... не люблю тебѣ, да вѣдь молодость да красота до время, а сердце на вѣкъ.

— Не пригоже жь, Гордѣй Евстратычъ, такіе ваши рѣчи выслушивать...

Вмѣсто отвѣта Брагинъ схватилъ дѣвушку и поднялъ вверхъ какъ перышко, а потомъ прицалъ къ ней своей большой сдѣвшею головою, которая вся горѣла какъ въ огнѣ.

— Я закричу... пустите... — шептала Олена освобождаясь изъ давившихъ ее жалбанныхъ объятий. — Я сейчасъ все бабушки Татынѣ раскажу... все...

Она рванулась изъ дверей, но Гордѣй Евстратычъ, ухватившись за ея платье, на коѣннѣхъ поползъ за ней. Лицо у него было даже страшно въ настоящую минуту: столько въ немъ стояло безысходной муки, отчаянія и мольбы...

— Ради Бога... Олена... одну минуточку...

Дѣвушка въ нерѣшительности остановилась, хотя у самой глаза были полны слезъ: она еще чувствовала на себѣ прикосновеніе его головы.

— Олена... пожалѣй старика, который ползаетъ передъ тобой изъ коѣннѣхъ... — молилъ Гордѣй Евстратычъ, страстнымъ задыхавшимся шопотомъ, хватая себя за горло, точно его что душило. — Погоди... не говори никому ни слова... обдумайся... Не хотѣлъ тебя обижать, Олена... прости старика!

Эта патетическая сцена была прервана шагами въ сосѣдней комнатѣ: Алена Евстратьевна опискивала хозяйку по всемъ комнатамъ. На призывъ женщины, она прямо вошла въ комнату Олены и застала какъ разъ тотъ моментъ, когда Гордѣй Евстратычъ поднимался съ полу. Олена закрыла лицо руками и горько заплакала.

— Что съ тобой, Олена? — съ участіемъ спрашивала Алена Евстратьевна, дѣлая видъ, что ничего не замѣтила.

— Ахъ, оставьте меня... всё оставьте... — шептала дѣвушка, тихо рыдая.

Между братомъ и сестрой произошла выразительная кѣмая сцена: Гордѣй Евстратычъ стоялъ съ опущенной головою, а модница улыбалась двусмысленной улыбкой, дескать, что уши-то развѣсиль, развѣ не видишь, что дѣвка ломается просто для шорядку.

— Не надо было больно круто наступать-то на нее для перваго разу... — выговаривала Алена Евстратьевна, когда Олена убѣжала отъ нихъ. — Этакъ все дѣло можно извести!

Гордѣй Евстратычъ вмѣсто отвѣта, только безсильно махнулъ рукой; руки и ноги у него дрожали, а въ головѣ точно рабо-

тала цѣлая кузница, — такъ стучала въ жилахъ расходившаяся стариковская кровь.

XVI.

«Глазъ дѣвственницы» привелъ къ такому результату, ка-кого ни о. Крискентъ, ни Татьяна Власьева совсѣмъ уже не ожидали. Они только теперь сообразили всю нелѣпость своего предпріятія, а также и то, что все это могли и даже должны были предвидѣть.

— Нѣтъ, я-то какъ затмилась... — съ тоской повторяла про себя Татьяна Власьева, когда Оня рассказала ей все на-чисто, ничего не утаивъ. — Гдѣ у меня глаза-то раньше были? И хотъ бы даже разъ подумала про Гордѣя Евстратыча, чтобы онъ откололъ такую штуку... Вотъ тебѣ и стишало!.. Онъ вонъ какіе узоры придумалъ... Ахъ, грѣхи, грѣхи!.. У самого внуки давно, а онъ — жениться...

По лицу «мамыньки» Гордѣй Евстратычъ видѣлъ, что ей извѣстно рѣшительно все, и даже потемнѣлъ отъ злости. Такъ онъ ходилъ дня три, а потомъ взялъ да и угналъ съ золотомъ въ городъ. Между нимъ и бабушкой Татьяной не было сказано ни единого слова, точно ихъ раздѣлила раздавшаяся подъ ногами пропасть. Съ неожиданно налетѣвшаго горя Татьяна Власьева слегла въ постель и крѣпко разнемоглась; крѣпка была старуха, точно сколоченная, а тутъ не выдержала. Она походила теперь на контуженнаго человѣка, который сторяча не можетъ хорошенько сообразить настоящую величину разразившейся грозы. Лечилась она, конечно, своими домашними средствами и слышать не хотѣла о докторѣ. На сцену появились разныя мази, настои на травахъ, коренья, святая крещенская вода и т. д. Изъ домашнихъ больная позволяла ухаживать за собой только одной Нюшѣ; у невѣстокъ своей работы было довольно, а модницу Алену Евстратьевну старуха даже на глаза не пускала.

— Что это бабушка такъ огорчилась? — соображала про себя Нюша; она была не прочь имѣть такую матиху, какъ Оня.

Оня была въ Брагинскомъ домѣ всего только разъ, когда все рассказала Татьянѣ Власьевнѣ, и больше не показывалась: ей было стыдно и Нюши, и невѣстокъ, точно она сама была виновата во всемъ. За-то Алена Евстратьевна не дремала, а повела правильную осаду, по всѣмъ правиламъ искусства настоящихъ записныхъ свахъ. Она рѣдкій день пропускала, чтобы не побывать у Пятовыхъ. Пріѣдетъ и разсядется съ своими без-

конечными разговорами. Глядя на нее, Оения часто удивлялась, какіе на свѣтѣ «бестыжіе» люди бываютъ, а модница точно не замѣчала внушаемаго своей особой отвращенія и разливалась рѣка-рѣкой. Сначала она вела все постороннія рѣчи, ни однимъ словомъ не обмолвившись о случившемся, потомъ принялась вдыхать и жалѣть огорченную дѣвушку, которую такъ напугалъ братецъ.

— Велика бѣда...—говорила модница въ утѣшеніе Оени.— Вѣдь ты не связана! Силкомъ тебя никто не выдаетъ... Братецъ тогда на-веселѣ были, ну, и ты тоже, завела его къ себѣ въ спальню съ разговорами, а братецъ хотъ и старикъ, а еще за молодого отвѣтитъ. Вонъ, въ немъ какъ кровь-то заходила... Молодому-то еще далеко до него!.. Эти мужчины пребѣдовые, имъ только чуточку позволъ... Они всегда нашей женской слабостью пользуются. Ну, о чемъ же ты кручинишься-то? Было да сплыло, и весь сказъ...

— Совѣстно, Алена Евстратьевна... Зачѣмъ онъ тогда схватилъ меня на руки?.. Развѣ я какая-нибудь, чтобы такъ меня обижать...

— Ахъ, какая ты, Оения, непонятная... Братецъ совсѣмъ ума рѣшился, а ты: «зачѣмъ схватилъ»... Можетъ, онъ руки на себя теперь готовъ положить. Тоже вѣдь не деревянный. А вотъ я тебѣ лучше расскажу про нашего верхотурскаго купца Чуктонова. Это недавно было. Видишь, былъ этотъ Чуктоновъ одинъ сынъ у отца, богатый, молодой, красавецъ. Хорошо. А въ Верхотурѣ жилъ одинъ чиновникъ Коробкинъ, а у Коробкина была дочь Наташя. Одна всего дочь, какъ зѣница въ глазу. Только въ этой Наташѣ и присватывался одинъ богатый старикъ, т.-е. онъ еще не старикъ, человѣкъ еще въ порѣ, ну, а въ годахъ. Хорошо. Извѣстно, дѣвичье дѣло, Наташа даже обидѣлась, какъ это онъ посмѣлъ такіа мысли къ ней имѣть, а отецъ-то Коробкинъ даже непріятность сдѣлалъ старику. Такъ это дѣло и разошлось, а къ Наташѣ присватался Чуктоновъ, она за него и выскочила. Глупый дѣвичій разумъ: радуется Наташа, что нашла мужа молодого, да красиваго, да развертнаго. Только радость-то больно недолгая была... Наша бабья красота короче воробынаго носа: на первомъ же ребенкѣ Чуктоновъ-то и разлюбилъ жену. Ну, обыкновенно дѣтки не красятъ матери. Сначала-то по любви все было, а потомъ пошло ужъ другое. Мужъ на другихъ молодыхъ сталъ заглядывать, а жена его ревновать. И пошло, и пошло... Мало-за-мало началъ Чуктоновъ жену колотить да еще любовницу себѣ завелъ. Изъ синяковъ бабѣнка

не выходить, а мужъ гуляетъ да ее же тиранить. И какъ онъ ее тиранить—истинно страсти Господни! Возьметъ, раздѣнетъ до-нага, привяжетъ зазади руки къ ногамъ, а самъ ногойшей ее и поблосуетъ, пока руку не вымочаетъ... А то заломитъ лопатки, привяжетъ жену къ оглобѣ да на царь по всему городу и катаится. Такъ до самой до смерти ее тиранили... А другая-то дѣвушка, которая вышла за старика, живетъ себя да какъ сыр въ масле катается.

— Не всё же такіе, Елена Евстратѣвна, какъ этотъ вашъ Чуйковъ, — возражала Оени. — Это какой-то въбрь, а не человекъ.

— Я и не говорю, что всё такіе, а только въ слову пришлось: всѣе бывають и молодые мужья... А мужъ постарше совсѣмъ ужъ другое: онъ ужъ не надѣнется на жену, на рукахъ ее носить. Ого и спойонѣе, и куда лучше, хоть ты какъ поверни. Вонъ мамышка тоже за стараго мужа выходила, а развѣ хуже другихъ прожила? Прежде и совсѣмъ не спрашивали дѣвоки за кого замужъ отдають да жили не хуже нашего-то...

Всѣ эти доводы и завѣщанія были слишкомъ избиты, чтобы убѣдить кого-нибудь, и Елена Евстратѣвна переходила въ другой тонъ: она начинала раскрывать брата Гордѣя Евстратича, какъ только умѣла, а потомъ развивалась въ жалобы на неполадки въ Брагинскомъ дому — какъ раздѣлились снохи изъ-за подарковъ Гордѣя Евстратича; какъ балуются ребята на присѣбѣ, хоть Татьяна Власьевна и стоитъ за нихъ горой; какъ сохнетъ и таетъ Нюша; какъ всѣ отступились отъ Брагинской семьи. Въ общемъ модница повторала то же, что высказала Гордѣй Евстратичъ, но она умѣла все это раздѣлить своей специально бабьей логикой и въ этой формѣ сдѣлала доступнымъ неопытному уму Оени. Мало-по-малу, противъ собственной воли, и дѣвушка стала вникать въ смыслъ этихъ предательскихъ словъ, и ей все дѣло начало казаться совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, а главное Гордѣй Евстратичъ явился совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ она его представляла себѣ раньше. Это былъ еще полный силъ и энергіи старикъ, который желалъ спасти семью отъ грозившаго ей разрушенія и компромисей свѣй выбрать ее, Оени. Такой бракъ былъ почти благоугоднымъ дѣломъ, потому что отъ него зависѣла участь и счастье столькожъ людей. Оени душой любила всю Брагинскую семью; сердце у ней было действительно доброе, хорошее, жаждавшее привязанности, а теперь ей представилась такая возможность осчастливить десятокъ людей. Елена Евстратѣвна слишкомъ хорошо поняла Оени и именно съ этой длабой сто-

Юны веда свою стаю, постыдовательно и неутонно, какъ какой-нибудь стратегъ, осаждающій неприступную вѣрность. Какъ Осянн на вѣрность, но замѣтно поддавалась на «челестныя рѣчи» своего неотступнаго искусителя и даже «начала по почамъ отъ совнанія своего безсилія и неопытности. Ии не съ вѣрнѣ было посовѣтоваться, кругомъ были все чужіе люди, а бабушки Татьяна она какъ-то начинала, бояться. Эта внутренняя работа смущалась особенно тѣмъ фактомъ, что въ средѣ знакомыхъ было ивсѣмъо такихъ неравныхъ браковъ, и никто не находилъ въ этомъ чего-нибудь нехорошаго; про оициально раскольничій міръ, державшійся старозавѣтныхъ уставовъ, и говорить нечего — тамъ сплошь и рядомъ шестидесятилѣтніа дѣвушки выходили за шестидесятилѣтнихъ стариковъ.

— Бабушка Татьяна мнѣ прямо тогда сказала, что она меня не благословляетъ... — пускала Осянн въ ходъ свой послѣдній, самый сильный аргументъ. — А я противъ ея воли не могу идти, потому что считала бабушку Татьяну всегда второй матерью. Она худа не научить, Алена Евстратьевна. Не даромъ она вонъ какъ разнемоглась съ горя... Нѣтъ, нѣтъ, и не говорите лучше. Я и слышать ничего не хочу!

— Видишь, Осянн, о бабушкѣ Татьянѣ свои рѣчи... Бабушкѣ-то Татьянѣ на восьмой десятокъ перевалило, вотъ она и судить обо всѣхъ по-своему. Конечно, ей настоящую сноху въ домъ не расчесть пускать. Она теперь въ дому-то сама большая — сама маленькая — какъ хочеть, такъ всѣми и поворачиваетъ. Внучатиня-то снохи пикнуть не смѣютъ, а женись Гордѣй Евстратичъ, тогда другіе бы порядки пошли... Уже это вѣрно!.. Старуха просто боится, а ты ее слушаешь. Спроси-ка у снохъ да у Нюши, желаютъ онѣ тебя мачихой своей величать? То-то вотъ и есть!.. Совсѣмъ другой разговоръ выходить. То же и про ребятъ скажу, про Михалка да про Архипа... Да чего лучше, спроси ихъ сама.

— Съ чего это вы взяли, Алена Евстратьевна, что я стану спрашивать ихъ о такихъ глупостяхъ? — обижалась Осянн.

— Въ томъ-то и дѣло, что не глупости, Осянн... Ты теперь только-то посуди, что въ Врагинскомъ домѣ въ этотъ годъ дѣлалось, а потомъ-то, что будетъ? Дальше-то и подумать страшно... Легко тебѣ будетъ смотрѣть, какъ Врагинская семья будетъ дѣлаться: старики врозь, сыновья врозь, снохи врозь, Нюшу столкнуть съ рукъ за перваго прощальну. Не они первые, не они послѣдніе. Думаешь, даромъ Гордѣй-то Евстратичъ за тобой на

когда... Не бери на свою душу грѣха!..

— Почему же непременно я, а не другая? Развѣ мало стало невѣстъ Гордѣю Евстратычу по другимъ заводамъ или въ городу... Онъ теперь богатый, любая съ радостью пойдетъ.

— Вотъ, и проговорилась... Любая пойдетъ да еще съ радостью, а Гордѣй Евстратычъ никого не возьметъ, потому что всѣ эти любия-то на его золото будутъ лѣститься. А тебя-то онъ съ измальства знаетъ, знаетъ, что не за золото замужъ будешь выходить... Добрая, говоритъ, Оenea-то, какъ ангелъ. Ей-Богу...

Въ самый разгаръ этихъ переговоровъ прїѣхалъ изъ города самъ Гордѣй Евстратычъ и круто повернулъ все дѣло. По совѣту Алены Евстратыевны онъ прежде всего завербовалъ на свою сторону податливаго о. Крискента. Какъ онъ его обошелъ — трудно сказать, но только въ одно прекрасное утро о. Крискентъ явился въ Пятовскій домъ, когда не было сомого Нила Поликарпыча, и повелъ душеспасительную рѣчь о значеніи и святости брака вообще, какъ таинства, потомъ о бракѣ, какъ неизбежной формѣ несквернаго гражданскаго житія, и, наконецъ, о бракѣ какъ христіанскомъ подвигѣ, въ которомъ человѣкъ меньше всего долженъ думать о себѣ, а только о своемъ ближнемъ. Противъ этого противника Оenea защищалась еще слабѣе, чѣмъ противъ Алены Евстратыевны, потому что о. Крискентъ не такой былъ человѣкъ, чтобы болтать зря. Притомъ та «божественная форма», въ которую онъ облакалъ свою бесѣду, уснащая ее текстами священнаго писанія и примѣромъ изъ житія святыхъ, совершенно обезоруживали Оeneю, такъ что она могла только плакать укордкой. Дѣвушка получила религіозное воспитаніе, — увѣщанія о. Крискента производили на нее подавляющее впечатлѣніе.

— Необходимо присовокупить еще слѣдующее, — говорилъ о. Крискентъ, расстегивая и застегивая пуговицы своего подрясника. — Кто есть истинный рабъ Христовъ? Неусумнительно тотъ, который несетъ крестъ... Всѣ мы должны нести крестъ. А твой крестъ, дитя мое, заключается въ томъ, чтобы спасти не только цѣлую семью, но еще черезъ сокровища своего будущаго супруга превзыбыточно дѣлать добрыя дѣла многимъ другимъ людямъ... Можетъ быть, черезъ тебя возрадуются десятки сирыхъ, вдовицъ и убогихъ. Умѣняя сердце своего супруга, ты научишь его благотѣльному расточенію сокровищъ... Это будетъ христіанскій подвигъ, и онъ тебѣ зачтется тамъ, на небеси, гдѣ — ни

старыхъ, ни молодыхъ, ни богатыхъ, ни убогихъ. Молодость быстротечна, какъ вся наша жизнь, нужно заботиться о будущемъ, прозирать въ загробную жизнь.

— Батюшка, я боюсь... — откровенно признавалась Оения со слезами на глазахъ.

— Хорошихъ дѣлъ не нужно бояться... Ты смотришь на братья съ земными мыслями, забывая, что въ этомъ мірѣ мы временные гости, какъ путники въ придорожной гостинницѣ.

— А бабушка Татьяна, о. Крискентъ? Она меня проклинаетъ...

— Татьяна Власьевна, конечно, весьма благомысленная и благоугодная женщина, но она все-таки человѣкъ, и каждый человѣкъ въ состояніи заблуждаться, особенно, когда дѣло слишкомъ близко затрогиваетъ насъ... Она смотритъ земными очами, какъ человѣкъ, который не думаетъ о завтрашнемъ днѣ. Старушка уже въ преклонномъ возрастѣ, не сегодня-завтра призывается къ суду божію, тогда что будетъ? Съ своей стороны, я не осуждаю ее нисколько, даже согласенъ съ ней, но нужно прозирать въ самую глубину вещей.

Эти переговоры настолько утомили и разстроили Оению, что она поблѣднѣла и ходила съ опухшими глазами отъ слезъ. Въ ея головѣ всѣ мысли нутались, какъ спущенныя съ клубка нитки; безсонныя ночи и слезы привели ее въ такое состояніе, что она готова была согласиться на все, только оставили бы ее въ покоѣ. Даже Зотушки около нея не было; онъ пьянствовалъ опять, справляя «попразднство», какъ передъ Рождествомъ справлялъ «предпразднство». Нилъ Поликарпичъ точно не замѣчалъ ничего и появлялся дома только къ обѣду и ужину; у него всегда было много дѣла и хлопотъ по заводу, чтобы еще замѣчать, что дѣлается дома; притомъ онъ постоянно лечился и составлялъ какія-то мази и декокты. Да и вообще отцы, какъ обманутые мужья, послѣдними замѣчаютъ то, что уже видать всѣ другіе люди. Около Оении не было любящей женской руки, которая раздѣлила бы съ ней ея тревоги и огорченія. Если бы была жива мать Оении, тогда, конечно, совсѣмъ другое дѣло; но Оения выросла сиротой и никогда такъ не чувствовала своего сиротства, какъ именно теперь, когда рѣшался такой важный шагъ.

Когда, такимъ образомъ, Оения оказалась достаточно подготовленной, Алена Евстратьевна приказала братцу Гордѣю Евстратичу объясниться съ ней самому. Дѣвушка ждала этого визита и со страхомъ думала о томъ, что она скажетъ Гордѣю Евстратичу. Онъ пришелъ къ ней блѣдный, но спокойный и важный, какъ всегда. Извинившись за старое, онъ повелъ степенную и

обстоятельному рѣшѣ, хотя въ сказанному у насъ Аленой Евстратовной и о. Присенкомъ трудно было прибавить что-нибудь новаго.

— Все для тебя сдѣлаю, Оени, — шепталъ онъ нѣсколько разъ съ особенной частотностью: — а безъ тебя пропасть мнѣ только... Ужъ я знаю!.. Ты, можетъ, думаешь, что вотъ, можешь старикамъ глаза разтерѣться и на твою молодость да на твою красоту, — вѣдь думаешь? А развѣ бы я не напелъ, (окромя твоей) ежели бы закотился?.. Ты, вотъ это и рассуди. А безъ тебя мнѣ запутъ, какъ Богъ свѣтъ. Потому, такая тѣнь наша, ежели разобрать: кельство, безобразие... Въ томъ родѣ какъ у Вукла Шабалина. Развѣ это порядокъ? Лучше душъ разомъ покончить съ собой, чѣмъ вѣнать-то наматывать на шею смертные грѣхи...

Оени слушала это съ опущенными глазами, стрессая и блѣдная, какъ мученица. Только ея соболѣнная брови вздрагивали да высоко поднималась блѣлая лебизья грудь. Гордый Евстратичъ не видалъ ее краше и теперь вивался глазами въ каждое движеніе, отдававшееся въ немъ рѣзущей болью. Она владѣла всѣми его чувствами, и въ этой крѣпкой желѣзной натурѣ ходило разгоравшаяся страсть.

— Можеть ты сумѣлаешься на счетъ тятиньки? — спрашивалъ Гордый Евстратичъ, стараясь по своему объяснить раздумье Оени. — Такъ онъ не пойдетъ супротивъ насъ... Мы съ нимъ старинные друзья-пріятели... Эхъ, Оени, Оени!.. За одно твоё словечко всего за одно, да я бы, кажется, весь Вилегдѣйскій заводъ верхъ ногами повернуть... Ей-Богу... Птичьего молока дебуду, только скажи... а?.. А ужъ какъ бы я тебя баловалъ да миловалъ... Э-эхъ!!..

— Гордый Евстратичъ, ради Бога, повремените немножко... Дайте мнѣ съ мыслями собраться, а то я ровно ничего не понимаю...

— Значить, можно надѣяться? Да?.. Скажи-ка, Оени, какъ это ты выразила-то?

— Нѣтъ... я ничего!.. — испуганно зашептала дѣвушка. — Я сказала только, что дайте мнѣ съ мыслями собраться...

— Ну, ну... Вотъ это самое!.. Ахъ ты, касаточка... голубушка... А я тебѣ и гостинца изъ города на всякій случай навѣсилъ. Это за старое должокъ...

Брагинъ подаль закрытую коробку, но Оени обѣими руками отодвинула ее отъ себя, точно этотъ подарокъ могъ обидеть ее.

— Да ты посмотри... а?.. А то сейчасъ за окномъ, вывину: никому не доставайся... Для тебя припасено, — тебѣ и владѣть.

Чтобы вывести дѣвушку изъ затрудненія, Брагинъ самъ раз-

крыл каробку: внутри на бархатной подушечкѣ жарѣ горѣли три изумруда, точно алмазы, осыпанные настоящими бриллиантами. Это былъ цѣлый приборъ изъ броши и серегъ. Дорогой подарокъ, однако, не произвелъ надлежашаго дѣйствія; а только заставилъ Оеню покраснѣть, точно эта каробка была отъята для нея изъ чужого-то другаго.

— Дайте подумать, Гордѣй Евстратычъ... — цѣпала она, не нѣвъ селъ сопротивляться.

— Ну, думай, думай... Только не короче думай! Да вотъ, этотъ гостинецъ для начала прими, съ нимъ легче, можетъ быть, думать-то...

— Напрасно вы, Гордѣй Евстратычъ, беспокоитесь...

— Напрасно?...

Врагъ порывисто схватилъ каробку съ гостинцемъ и побѣжалъ въ фертчкъ.

— Гордѣй Евстратычъ... постойте... — остановила его Оеня, когда онъ занесъ уже руку, чтобы вынуть гостинецъ на улицу.

Татьяна Власьева все еще была больна. По лицу модницы она замѣчала, что опять что-то вѣтается, но что — она не знала хорошенько. Нюша находилась неотлучно при больной и тоже не могла ничего знать; неистки отмалчивались, хотя, вѣроятно, и слышали что-нибудь изъ нятаго въ деовое. Ариша знала больше всѣхъ, но молчала про себя; въ душѣ она желала, чтобы Гордѣй Евстратычъ женился на Оени, потому что она какъ-то инстинктивно начинала бояться свекра, особенно, когда онъ такъ ласково смотрѣлъ на нее. Она хорошо помнила, какъ онъ обнялъ и поцѣловалъ ее передъ своимъ отъѣздомъ въ ярмарку.

— Что это Оеня-то нейдетъ провѣдать? — нѣсколько разъ спрашивала Татьяна Власьева. — Тоже и о. Крискентъ глазъ не кажетъ... Совсѣмъ забыли старуху!

— У Оени, бабушка, горло болитъ... лгала Нюша, чтобы успокоить больную, которая дѣлала видъ, что вѣрить этому.

— Долго ли простудиться... Охъ-хо-хо!..

Однажды подъ вечеръ, когда Татьяна Власьева въ постели пила чай, а Нюша сидѣла около нея на низенькой скамеечкѣ, въ комнату вошелъ Гордѣй Евстратычъ. Взглянувъ на лицо сына, старуха выпустила изъ рукъ блюдечко и обнялась горячимъ чаемъ: она почувствовала разомъ, что «милушка» не съ добромъ къ ней пришелъ. И видъ у него былъ какой-то такой, совсѣмъ особенный... Во время болѣзни Гордѣй Евстратычъ заходилъ провѣдать больную мать раза два, и то на минуту. Нюша догадалась, что она здѣсь лишняя и вышла.

— Ну, какъ, мамынька, твое здоровье?—спросилъ неровнымъ голосомъ Гордѣй Евстратычъ, перебирая пальцами бортъ своего сюртука.

— Не можется все, милушка... залежалась я что-то.

— Вставать надо, мамынька...

Пауза. И сыну, и матери одинаково тяжело; они стараются не смотрѣть другъ на друга.

— Мамынька, я пришелъ къ тебѣ за благословеньемъ: жениться хочу...—съ искусственной твердостью проговорилъ Гордѣй Евстратычъ.

Эта фраза точно ужалила больную. Она поднялась съ подушки и быстро сѣла на постели; отъ этого движенія платокъ на головѣ сбился на сторону, и жидкіе сѣдые волосы рассыпались по плечамъ. Татьяна Власьевна была просто страшна въ эту минуту: искаженное морщинистое лицо все тряслось, глаза блуждали, губы перекосились.

— Какъ... ты сказалъ Гордѣй?

— Жениться хочу, мамынька...

— Въ добрый часъ... На комъ же это, милушка?

— На Оенѣ...

Старуха глухо застонала и упала въ полушнѣ; съ ней сдѣлалось дурно, и глаза закрылись какъ у мертвой.

— Мамынька...

— Милушка... нельзя... не могу...

— Мамынька, все ужъ дѣло слажено... Мы съ Ниломъ Поливарпычемъ и по рукамъ ударили.

— Не мм... нѣтъ тебѣ моего благословенія... не мм...

— Я пошла о. Крискента къ тебѣ. Пусть онъ съ тобой поговорить...

— Зачѣмъ о. Крискента!..

— Такъ... Вѣдь онъ уговаривалъ Оеню, ну, и тебя уговорить. Я не таюсь ни отъ кого, мамынька...

— Такъ ты вотъ какъ, милушка... не спросясь матери... Нѣтъ, это не ты придумалъ... нѣтъ... это та... змѣя подкольная устроила... Алена всѣхъ смутила... и о. Крискента она же подвела, змѣя...

— Это ужъ все равно, мамынька... Дѣло сдѣлано. Я насчетъ твоего благословенія пришелъ...

— Не могу...

Гордѣй Евстратычъ замолчалъ, подавляя душившую его злобу. Онъ боялся наговорить лишняго, надѣясь уломать старуху болѣе

мирнымъ путемъ. Начинать свадьбу ссорой съ матерью все-таки было неудобно.

— Какъ знаешь, мамынька...—проговорилъ онъ едва сдерживаясь.—Только, вѣдь, мы и такъ обвиняемся, ежели ты будешь препятствовать. Такъ и знай... Я къ тебѣ еще зайду.

— И на глаза лучше не показывайся...

Когда Нюша вошла въ комнату, она даже вскрикнула отъ страха: Татьяна Власьевна лежала, какъ пласть, и только страшно горьшіе глаза говорили о тѣхъ страшныхъ мукахъ, какія она переживала.

— Бабушка... Господи, что же это такое?—заплакала дѣвушка, бросаясь къ постели.—Бабушка... милая...

— Нюша... о! змѣя, змѣя, змѣя...

— Бабушка... Христось съ тобой!

— Тетка Алена змѣя... Нюша, голубушка... сейчасъ же бѣги къ Пятовымъ... и чтобы непременно Оеня была здѣсь... Слышишь?.. Да чтобы сейчасъ же... а если... если... она не захочетъ... я сама въ ней приползу... Слышишь?.. Нюша, ради Христа, скорѣе... Охъ, Аленка змѣя подколодная... Нюша, скорѣе... въ чемъ есть въ томъ и бѣги...

Накинувъ свою заячью шубейку, Нюша пѣшкомъ побѣжала въ Пятовскій домъ. Черезъ полчаса она вернулась вмѣстѣ съ Оеней, которая шла за ней пошатываясь, какъ послѣ тяжелой болѣзни.

— Ну, теперь ты оставь насъ однихъ,—проговорила Татьяна Власьевна Нюшѣ, когда дѣвушки вошли въ ея комнату.—Оеня, голубка, садись вотъ сюда... ближе... плохо слышу... охъ, смерть моя...

Дѣвушка опустилась на низенькую деревянную скамеечку-подножку, на которой обыкновенно сидѣла Нюша, и, закрывъ лицо руками, тихо плакала.

— Разсказывай все... все, какъ было... — глухо шептала Татьяна Власьевна, дѣлая усиліе подняться на своей подушкѣ и опять падая въ нее.—Нѣтъ... не надо... я знаю все... змѣя Аленка... она, она, она... Охъ, Господи Ісусе Христе! Оеня, голубка лучше я... сама тебѣ все расскажу... все... какъ на духу...

Не утаивая ничего, съ рыданіями бабушка Татьяна разсказала Оенѣ про свой страшный грѣхъ съ дѣдушкой Поликарпомъ Семеновичемъ, а также и про Зогушку, который приходился Оенѣ роднымъ дядей.

— Мой грѣхъ, мой отвѣтъ...—хрипѣла Татьяна Власьевна, страшная въ своемъ отчаяніи.—Всю жизнь его не могу замолить...

идти сноваю моею душевнѣю, жидѣ... уйти лучше мнѣ одной въ аду мучиться, а ты-то не губи себя... Оеия, голубка, прости меня многогрѣшную... Идти, предъ образомъ мнѣ подаянись... передъ образомъ... затопи свѣчку... а то добьютъ тебя... Аленка собьѣтъ съ пути... она и ю. Ерискента обила, и всѣхъ...

Черезъ минуту передъ стариннымъ образомъ нерукотворнаго Спаса теплилась свѣча, и Оеия трислась всѣмъ тѣломъ и повторала за бабушкой Татьяной слова молитвы, что никогда даже послѣ смерти рабы божіей Татьяны, она, двѣница Оедосѣя, не выйдетъ замужъ за раба божіа Гордѣя.

XVII.

Отказъ Оеии привелъ Гордѣя Евстратыча въ настоящее бѣшенство. Хотя двѣница ничего не высказала, что могло бы бросить тѣнь на Татьяну Власьевну, но Гордѣй Евстратычъ былъ убѣжденъ, что это именно мать разстроила все дѣло. Онъ нѣсколько разъ наступалъ на Татьяну Власьевну съ угрозами и проклятіями, но старуха покорно отмалчивалась; убитый Гордѣй Евстратычъ иногда принимался умолять ее на колѣняхъ, со слезами, но старуха оставалась по прежнему непреклонна. Разъ вернувшись пьяный отъ Шабалина, онъ бросился на мать съ кулаками, и только Нюша спасла бабушку отъ диваго насилія. Произошла страшная сцена, вставившая ошѣпенѣть весь домъ. Татьяна Власьевна собственно не должна была бы вынести всѣхъ этихъ испытаній, которыя валились на ея сѣдую голову одно за другимъ, но она, наперекоръ всему, быстро начала поправляться, гочно въ это семидесятилѣтнее дряхлое тѣло была вдолкнута новая жизнь и сила, которая живила и укрѣпляла его; наоборотъ, Оеия слегла въ постель и разнемогалась съ каждымъ днемъ все сильнѣе. Когда бабушка, наконецъ, встала съ постели — это былъ совсѣмъ другой человекъ, въ которомъ нельзя было узнать прежней Татьяны Власьевны. Гордѣй Евстратычъ успѣлъ въ это время немного ономниться и пришелъ къ матери съ повинной.

— Прости, маминька... умелалъ онъ, ваяясь у старухи въ ногахъ.

— Богъ тебѣ проститъ, а я еще подумаю... — отбѣчала Татьяна Власьевна. — Ты меня хотѣлъ убить, Гордѣй Евстратычъ, да Господь не допустилъ тебя. Знаю, кто тебя научалъ... все знаю. И вотъ мой славъ тебѣ: чтобы Аленѣ Евстратычѣ и

духу не было, и чтобы наперед она носу сюда не смѣла показывать...

— Мамынька, какъ же я буду выгонять сестрицу?..

— Умѣлъ принимать, умѣй и выгнать... Не велико кушанье!.. А ежели не выгонишь, сію же минуту уйду изъ дому и прокляну васъ обонхъ... По-міру пойду на старости лѣтъ!

Вся высохшая, съ поблѣвшимъ восковымъ лицомъ и страшно горькими глазами, Татьяна Власьева походила на одну изъ тѣхъ подвижницъ, какихъ рисуютъ на старинныхъ образахъ. Превжней мягкости и податливости въ ней не было больше и слѣда; она смотрѣла гордой и неприступной. И раньше рѣдко улыбавшіяся губы теперь сложились сурово, какъ у схимницы; это высохшее и изможденное лицо потеряло способность улыбаться. Даже Нюша, и та боялась грозной старухи.

— Я всѣхъ васъ распустила... вездѣ непорядки...—говорила Татьяна Власьева сыну. — А теперь будетъ не такъ; Гордѣй Евстратычъ...

— Мамынька, да, вѣдь, я хозяинъ въ дому, — возвращалъ иногда Гордѣй Евстратычъ.

— Какой ты хозяинъ!.. Брата выгналъ и меня хотѣлъ пустить по міру... Нѣтъ, Гордѣй Евстратычъ, хозяйка здѣсь я. Ты налаживай свой домъ да въ немъ и хозяйничай, а этотъ домъ батюшковъ... И о. Крискенту закажи, чтобы онъ тоже не ходилъ къ намъ. Вы съ нимъ меня живую бы закопали въ землю... Дескать, пускай только старуха умретъ, тогда мы все по своему повернемъ.

Обиженная и огорченная Алена Евстратьевна принуждена была на скорую руку сложить свои модные наряды въ чемоданы и отправиться въ Верхотурье, обозвавъ братца на прощанье дуракомъ. Старуха не хотѣла даже проститься съ ней. О. Крискентъ проникновенно понималъ то, что Гордѣй Евстратычъ боялся высказать ему прямо, и съ своей обычной прозорливостью самъ не заглядывалъ больше въ Брагинскій домъ.

Зотушка опять вернулся къ Пятовымъ: какъ только Оня слегла, такъ онъ и заявился блѣдный, худой, съ трясущимися руками, но съ такимъ же кроткимъ и любящимъ сердцемъ и почти женской мягкостью въ характерѣ. Теперь Оня была рада ему вдвойнѣ: это былъ не чужой человѣкъ, хотя Зотушка и самъ этого не подозрѣвалъ. Болѣзнь дѣвушки, сначала неопредѣленного характера, вдругъ рѣзко перешла въ нервную горячку: молодая натура не выдержала всѣхъ испытаній и теперь жестоко боролась съ тяжелымъ недугомъ. Зотушка ходилъ

за больной, какъ сидѣлка, и больная инстинктивно искала его руки, когда нужно было переменить мѣсто на подушкѣ или приподнять голову; никто не умѣлъ такъ угодить ей, какъ Зотушка. Она изъ его рукъ принимала и лекарство, которое прописывалъ привезенный изъ города докторъ.

«Замучили дѣвку, замучили...» думалъ Зотушка, когда сидѣлъ длинную зимнюю ночь въ комнатѣ Оени, гдѣ теперь все было преспитано запахомъ лекарствъ.

Больная не могла лежать спокойно и часто металась, придавленная нестерпимымъ гнетомъ. Въ горячечномъ бреду она все умаливала кого-то посодить, потомъ начинала громко молиться и повторяла обрывки произнесенной клятвы. Эта пестрая путаница недавнихъ впечатлѣній проходила чрезъ ея воспаленный мозгъ съ мучительной болью, заставляя съ новой силой пережить тысячи разъ всѣ вынесенныя испытанія. Мысль работала съ лихорадочной торопливостью; призраки и фантастическія представленія нарастали, переплетались и заканчивались страшными галлюцинаціями. Главнымъ образомъ, дѣвушка страдала отъ неотступнаго преслѣдованія трехъ людей, явившихся ей въ тысячѣ всевозможныхъ превращеній — это были Гордѣй Евстратычъ; бабушка Татьяна и дѣдушка Поликарпъ Семенычъ. Они не отходили отъ Оениной кровати и мучили ее своимъ постояннымъ присутствіемъ, какъ тяжелый кошмаръ. Старая-старая, страшная-страшная бабушка Татьяна особенно пугала больную. Оени даже вскрикивала каждый разъ, когда грозный призракъ наклонялся къ ней и холодными костлявыми руками чего-то искалъ въ ея мозгу... «Бабушка, оставь меня!» кричала больная, отрывая глаза, но передъ ней вмѣсто бабушки стоялъ уже Гордѣй Евстратычъ — весь золотой — съ золотымъ лицомъ, съ золотыми руками, съ сверкавшими золотыми глазами. Онъ даже дышалъ какой-то золотой пылью, которая наполняла всю комнату и отъ которой Оени начинала задыхаться. Это золото жгло ее, давило, а Гордѣй Евстратычъ ползалъ около кровати и плакалъ золотыми слезами. Больная видѣла себя уже женой этого золотого Гордѣя Евстратыча и сама постепенно превращалась тоже въ золотую: и руки, и ноги у ней были настоящія золотыя и такія тяжелыя, что она не могла ими пошевелить. Налитыя золотомъ вѣки не поднимались, даже мысли въ головѣ были золотыя и шевелились въ мозгу золотыми дѣпочками, кольцами, браслетами и серьгами — все это звенѣло и переливалось, какъ живая чешуя. Опять крикъ, опять новыя грезы, но теперь бабушка Татьяна и Гордѣй Евстратычъ смѣнялись худенькимъ дѣдушкой Поликар-

помъ Семенычемъ, который все искалъ Зотушку, а Оения прятала его то у себя подъ подушкой, то въ коробей съ гостинцомъ Гордѣя Евстратича.

Иногда къ этимъ, вполне опредѣленнымъ впечатлѣніямъ, прибавлялось что-то новое, неясное и смутное, расплывавшееся какъ туманъ; но Оения чувствовала присутствіе этого неопредѣленнаго, потому что оно заставляло ее дрожать въ лихорадкѣ. Испытываемое ею ощущеніе можно сравнить съ тѣмъ, какое переживаетъ человѣкъ ночью въ глухомъ лѣсу, когда знаетъ, что опасность въ двухъ шагахъ, но не можетъ ее разглядѣть. Сухія губы бабушки Татьяны въ этихъ случаяхъ шептали: «Оения, голубушка! змѣя, змѣя, вонъ она!» И бабушка Татьяна дрожала и протягивала руки впередъ, точно хотѣла защищаться отъ настоящей живой змѣи, которая вотъ-вотъ живой петлей захлестнетъ ее. Это была Алена Евстратьевна, которую больная не видала, но слышала ее походку и верадчивый голосъ.

— Зотушка... мнѣ страшно... — шептала Оения, хватаясь за руку Зотушки. — Говори что-нибудь... спой. Ты никого не видишь?

— Нѣтъ, касаточка, никого не вижу... Христось съ нами, ласточка.

— Ты не оставляй меня одну... Золото... звездъ золото...

Оения страстно прислушивалась къ звукамъ Зотушкина голоса, стараясь на нихъ сосредоточить все свое вниманіе и тѣмъ вырвать себя изъ фантастической области, гдѣ блуждала ее больная мысль. Она точно хваталась за стихъ Зотушки, чтобы не унестиcя опять въ безбрежное море своихъ галлюцинацій. Но дѣйствительность переплеталась съ грезами, и ее уносила темная волна впередъ, въ темную бездну, гдѣ ее снова окружали ее мучители. Прислушиваясь къ бреду больной, Зотушка многого не понималъ, особенно, когда Оения начинала заговариваться о бабушкѣ Татьянѣ и Поликарпѣ Семенычѣ. Какую связь имѣлъ этотъ Поликарпъ Семенычъ со всѣмъ случившимся — для Зотушки оставалось загадкой. Только разъ, когда Оения особенно сильно металась и бредила, все дѣло разъяснилось: больная выболтала все, что сама знала о страшномъ грѣхѣ бабушки Татьяны и о самомъ Зотушкѣ, называя его своимъ дядей. Отъ этихъ рѣчей Зотушку прошибъ холодный потъ и предъ его глазами запрыгала цѣлая дюжина проворныхъ бѣсенятъ, безобразно задиравшихъ мышинные хвосты. Когда больная очнулась отъ своего забытья, она по лицу Зотушки угадала, что онъ знаетъ тайну бабушки Татьяны; она закрыла глаза отъ охватившаго ее ужаса.

— Что съ тобой, ласточка? — спрашивалъ Зотушка.

— Что?.. Ты слышалъ?

— Слышалъ...

— Ну... такъ это правда... Все равно, я умру, Зотушка... по крайней мѣрѣ не на чужихъ рукахъ...

— Христосъ съ нами, ласточка... Зачѣмъ помирать, еще проживемъ въ свою долю.

— Нѣтъ, нѣтъ... я знаю... Зотушка, я не виновата.

Зотушка наклонился къ рукѣ Оени и на эту горячую руку посыпались изъ его глазъ крупныя слезы... Вотъ почему онъ такъ любилъ эту барышню — Оению, и она тоже любила его!.. Вотъ почему онъ сердцемъ слышалъ сгущавшуюся надъ ея головой грозу, когда говорилъ, что ей вмѣстѣ съ бабушкой Татьяной будутъ большія слезы... А Оению, точно облегчило невольное сдѣланное признаніе. Она дольше обыкновеннаго осталась въ сознаніи и ласкала своего дядю какъ ушибившагося ребенка.

— А гдѣ Ньюша? — Что она не придетъ ко мнѣ? — спрашивала больная.

— Она заходила, не одинъ разъ, да ты-то все не узнавала ее...

— И бабушка Татьяна была?

— И бабушка была...

— Зотушка, держи меня... крѣпче держи...

Наступившій бредъ былъ сильнѣе прежняго, и Зотушка одно время совсѣмъ всполошился, думая, что барышня Оени отходитъ. Онъ побѣжалъ къ Нилу Поликарпычу и приволокъ его за руку въ комнату Оени. Старикъ Пятовъ иногда смѣнялъ Зотушку, когда тотъ уходилъ въ кухню «додернуть» часикъ на горячей печкѣ, а большую часть ходилъ изъ угла въ уголъ въ сосѣдней комнатѣ; онъ какъ-то совсѣмъ потерялся и плохо понималъ, что происходило кругомъ. Страшная мысль лишиться Оени нагоняла на него столбнякъ, и онъ только ощупывалъ свою плѣшивую голову, напрасно стараясь что-то припомнить. Иногда онъ принимался со слезами упрашивать доктора-старичка спасти его Оению и предлагалъ свою домашнюю аптеку. Докторъ разсѣянно выслушивалъ этотъ бредъ на яву, записывалъ что-то въ своей карманной книжкѣ и повторялъ: «хорошо, хорошо. Скоро наступитъ кризисъ, тогда все выяснится...» Больная рѣдко узнавала отца и старалась скрыть отъ отца свои страданія. Онъ такъ всегда любилъ ее, и она жалѣла его. Кто замѣнитъ ее больному старику? Кто будетъ предупреждать, какъ это дѣлала она, его скромныя желанія и угождать его привычкамъ. Не

одинъ разъ глаза Оени наполнились слезами, когда она смотрѣла на отца: ей было жаль его больше, чѣмъ себя, потому что она слишкомъ изстрадалась, чтобы чувствовать во всемъ объемѣ опасность, въ какой находилась.

Гордѣй Евстратычъ, пока разыгрывалась въ Пятовскомъ домѣ эта тяжелая драма, постѣ перваго порыва отчаянія, бросился въ разгулъ и не выходилъ изъ Шабалинскаго дома, гдѣ стоялъ день и ночь пиръ горой. Вуколъ Логиннычъ посылалъ въ городъ нарочно двѣ кошевыхъ, чтобы привести подходящихъ гостей изъ «настоящей компаніи». Варвара Тихоновна угощала всѣхъ на славу, такъ что Липачекъ и Плинтусовъ не разъ просыпались въ своему удивленію въ ея парадной спальнѣ. Это безобразіе нравилось Гордѣю Евстратычу, который хотѣлъ въ винѣ утопить свое горе, и пьяный принимался нѣсколько разъ плакать.

— Ну, горе не велико... — утѣшала Варвара Тихоновна. — Нашелъ о чемъ сокрушаться? Не стало этого добра... Все равно женился бы на Оени, стала бы она тебя обманывать.

— Врешь!... — кричалъ Гордѣй Евстратычъ.

— А ты не очень кричи... Не у себя дома.

— Эхъ, Варвара Тихоновна, Варвара Тихоновна... разъ ты можешь что-нибудь понимать? Ну, какое у тебя понятіе?.. Ежели у меня сердце кровью обливается... обидѣли меня, а взять не съ кого...

Порфиръ Порфирычъ, конечно, былъ тутъ же и предлагалъ свои услуги Брагину: взять да увести Оению и обвиняться убійствомъ. Этому мудреному человѣку никакъ не могли растолковать, что Оени лежить больная, и онъ только хлопалъ глазами, какъ зачумленное животное. Иногда Гордѣя Евстратыча начинало мучить самое злое настроеніе, особенно, когда онъ вспоминалъ, что о его неудачномъ сватовствѣ теперь галдитъ весь Бѣлоглинскій заводъ и навѣрно радуются эти Савины и Колобовы, которые не хотятъ его признать законнымъ церковнымъ старостой.

Чтобы провѣтрить пьяную компанію, раза два ѣздили въ кошевыхъ на Смородинку, гдѣ устраивалось сугубое пьянство. Работы на принскѣ теперь было мало, и Михалео съ Архимомъ пропадали со скуки; ребята, отъ нечего дѣлать, развлекались по своему, при чемъ въ Полдневской была устроена специальная квартира, которой завѣдывала Лапуха. Пестерь и Кайло сначала возмизались на такіе порядки, но потомъ махнули рукой, потому что примиряющимъ элементомъ являлась водка. Съ другой стороны, эти блюстители патриархальныхъ нравовъ жестоко попла-

тились за свою строгость: Ояса навсегда сбѣжала не только изъ Полдневской, но и со Смородинки.

Однажды, когда пьяная компанія только что вернулась со Смородинки, Шабалина лавей вызвалъ въ переднюю. Тамъ смиренно стоялъ Зотушка.

— А, святая душа на костыляхъ!..—обрадовался Шабалинъ.—Въ самую линію попалъ... Иди въ комнаты-то, чего тутъ торчишь. Я тебя таковой наливкой угошу...

— Я не принимаю теперь этого состава, Вуколъ Логиннычъ... Мнѣ бы братца, Гордѣя Евстратыча, повидать.

— Ну, и пойди туда. Чего корячишься?—говорилъ Шабалинъ, подхватывая Зотушку подъ руку.—Вотъ я тебѣ покажу какъ не принимаешь... Таковой составъ у меня есть, что рога въ землю съ двухъ рюмокъ.

— Нѣтъ, ужъ ослобоните, Вуколъ Логиннычъ. Дѣльце есть до братца. Ужъ, пожалуйста, ослобоните.

— Ну, чортъ съ тобой!..

Когда Гордѣй Евстратычъ, пошатываясь, вышелъ въ переднюю, Зотушка смиренно поклонился братцу и дрогнувшимъ голосомъ проговорилъ:

— Вамъ, братецъ, Федосья Ниловна приказали долго жить...

— Что? Какъ?.. Умерла?

— Точно такъ... Онѣ просили меня сказать вамъ, что заочно васъ прощаютъ и съ вами, братецъ, тоже попрощались.

Гордѣй Евстратычъ зашатался на мѣстѣ, огланулся кругомъ и, какъ былъ, безъ шапки выбѣжалъ изъ Шабалинскаго вертепа. Зотушка смиренно поплелся за нимъ, торопливо откладывая широкіе кресты.

Смерть Оени произвела потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ, потому что эта безвременно погибшая молодая жизнь точно являлась какою-то жертвой искупленія за тѣ недоразумѣнія, какія были созданы Брагинской жилкой. Всѣ на мгновеніе позабыли о своихъ личныхъ счетахъ около гроба мертвой красавицы, за которымъ шелъ обезумѣвшій отъ горя старикъ-отецъ. На похоронахъ Оени встрѣтились всѣ враждебныя партіи, т.-е. Савины, Колобовы, Пазухины и Брагины. Гордѣй Евстратычъ плакалъ вмѣстѣ съ женщинами и не стыдился своихъ слезъ; Зотушкѣ пришлось даже утѣшать братца, а также и плакавшаго отца Крискента. Только двое въ этой толпѣ оставались безучастными и неподвижными, точно они застыли на какою-то одной мысли—это были Нилъ Поликарпычъ и Татьяна Власевна. Нилъ Поли-

карпичъ не могъ плакать, потому что горе было слишкомъ велико, а Татьяна Власьева думала о томъ, что эта смерть — наказаніе за ея страшный грѣхъ. На свѣжей могилѣ о. Крисентъ сказалъ прочувствованное слово, пользуясь случаемъ, чтобы напомнить своей паствѣ о ничтожности и тлѣнности всего земного, о нашей неправдѣ и особенно о тлетворномъ значеніи раздѣлительной силы. Добрый старикъ хотѣлъ на могилѣ Оени примирить враждовавшихъ овецъ; овцы слушали его, въ душѣ во всемъ соглашались, многіе даже плакали, и всѣ разошлись по своимъ домамъ, чтобы съ новыми силами продолжать старые счеты и дѣйствовать въ духѣ крайняго раздѣленія.

— Это Брагинны убили Оению, — говорили у Савинныхъ и Колубовыхъ. — Ужъ эта Татьяна Власьева... Да и Гордѣй-то Евстратичъ тоже хорошъ! Правду говорятъ: сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро.

Послѣдними остались на Оениной могилѣ Нилъ Поликарпичъ, бабушка Татьяна и Зотушка. Они долго молились и точно боялись уйти съ кладбища, оставивъ здѣсь Оению одну.

— Нилъ Поликарпичъ, пойдите домой... — говорилъ Зотушка, осторожно стараясь оттащить старика отъ могилы. — Еще простудитесь...

— Ахъ, я дуракъ... дуракъ!.. — дико вскричалъ Нилъ Поликарпичъ, ударивъ себя по лбу кулакомъ. — Вѣдь, нужно было только напоить Оению дорогой травой, жива бы осталась...

Этой мыслью разрѣшились, наконецъ, благодатныя слезы! Старикъ заплакалъ еще въ первый разъ послѣ смерти дочери, онустившись на снѣгъ коленями. Онъ былъ безъ шапки, и остатки мягкихъ волосъ развѣвались на его головѣ отъ рѣзкаго зимняго вѣтра, но онъ не слышалъ и не чувствовалъ ничего. Поблѣвныя губы шептали какую-то бесвязную чепуху о дорогой травѣ и другихъ не менѣе вѣрныхъ средствахъ. Каждый изъ троихъ думалъ, что ему слѣдовало умереть, а не Оени, но смерть имѣетъ свою логику и сваливаетъ самые цвѣтущіе колосы на человѣческой нивѣ, оставляя для чего-то массу нетронутого человѣческаго сора.

— Куда теперь? — спрашивалъ Нилъ Поликарпичъ, дико озираясь по сторонамъ. — Домой... зачѣмъ?

Дѣвушка передъ смертью взяла слово съ Зотушки, что онъ не оставитъ отца и замѣнитъ ему хоть отчасти ее; Зотушка помыслился, и теперь окончательно переселился въ Пятовскій домъ, чтобы ухаживать за Ниломъ Поликарпичемъ, который иногда крѣпко начиналъ задумываться и даже совсѣмъ заговаривался, какъ сумасшедшій.

XVIII.

Весной работы на Смородинѣ оживились съ новой силой: ставили вторую паровую машину. Били двѣ новыя шахты, потому что въ старой золото уже «пообилось» и только шло богатыми гнѣздами тамъ, гдѣ отдѣльныя жилы золотоноснаго кварца выклинивались, т.-е. сходились въ одну. Зимній заработокъ былъ меньше прошлогодняго, потому что работы вообще велись черезъ пень колоду, благо самому хозяину было не до жили. Но и весной, хотя Гордѣй Евстратычъ часто бывалъ на Смородинѣ, можно было уже замѣтить, что у него точно не лежало сердце къ прииску, и его постоянно тянуло въ Бѣлоглинскій заводъ. Онъ часто жаловался, что совсѣмъ уронилъ батюшкину торговлю панскимъ товаромъ и предполагалъ поднять ее на широкихъ основаніяхъ, для чего думалъ поставить двѣ большихъ каменныхъ лавки, на городской манеръ. Эта затѣя была продолженіемъ непремѣннаго желанія построить себѣ домъ въ родѣ Шабалинскаго. Дѣло пока стояло за мѣстомъ. — Гордѣй Евстратычъ все еще не рѣшался переселиться окончательно съ насиженнаго пепелища на православную сторону, гдѣ было подсмотрѣно самое подходящее мѣстечко.

— Мы, мамынька, наладимъ лавки-то подъ домомъ, какъ въ городѣ, — нѣсколько разъ говорилъ Гордѣй Евстратычъ.

— Нѣтъ, милушка, это не годится: съ рынка уйдешь и покупателей растеряешь... Батюшка-то не глуше былъ насъ съ тобой, а сидѣлъ да сидѣлъ себѣ на рынкѣ.

Послѣдній аргументъ имѣлъ неотразимую силу, и Гордѣй Евстратычъ утѣшался пока тѣмъ, что хоть домъ поставить по своему вкусу. Онъ привозилъ изъ города двухъ архитекторовъ, которые мѣряли нѣсколько разъ мѣсто и за рюмкой водки составляли проекты и смѣты будущей постройки.

— За деньгами не постоемъ, а чтобы главное все было форменно, на господскую руку, — упрашивалъ Гордѣй Евстратычъ.

— Будетъ форменно, — увѣряли архитекторы и, забравъ задатки, укатили въ городъ.

По послѣднему зимнему пути, Брагинъ началъ производить заготовку матеріаловъ: лѣсу, бутоваго камня, желѣза, глины, кирпичу и т. д. Въ верстѣ отъ Бѣлоглинскаго завода Брагинъ строилъ кирпичный заводъ, такъ какъ готового кирпича въ большомъ количествѣ въ Бѣлоглинскомъ заводѣ достать было негдѣ; подражены были двѣ плотничныхъ артели, артель бат-

ских каменщиковъ, пильщики, столяры и кровельщики. Гордѣй Евстратычъ хотѣлъ поднять домъ непремѣнно въ одно лѣто, чтобы на другое лѣто приступить къ его внутренней отдѣлкѣ, т.-е. выштукатурить, настлать полы, выкрасить, вообще привести въ форменный видъ. Какъ тронется снѣгъ, рѣшено было приступить къ подготовительнымъ работамъ—рыть канавы подъ фундаментъ, обжигать кирпичъ, пилить лѣсъ. Эти хлопоты отнимали все свободное время Гордѣя Евстратыча, и за ними онъ забывалъ о своемъ недавнемъ горѣ, которое миновало, какъ тяжелый сонъ. Только иногда ему становилось очень жутко, точно камнемъ придавить: въ эти минуты Брагинъ или уѣзжалъ въ городъ или попадалъ въ Шабалинскій домъ, что было равносильно, потому что тамъ и здѣсь Гордѣй Евстратычъ разрышалъ на водку и кутилъ безъ просыпу нѣсколько дней подрядъ. Вообще онъ за послѣдній годъ порядкомъ пристрастился къ веселому житію и «принималъ водку» въ большомъ количествѣ, извиняя себя компаніей. Только въ церкви Гордѣй Евстратычъ былъ исправенъ по прежнему и велъ церковныя дѣла такъ, что комаръ носу не подточить.

Чтобы поднять запущенную батюшкову торговлю, Гордѣй Евстратычъ самъ «сгонялъ» въ ирбитскую армарку и поворотилъ тамъ цѣлую уйму панскаго товара, чтобы разомъ заткнуть всѣхъ остальныхъ бѣлоглинскихъ торговцевъ. Онъ теперь часто бывалъ въ лавкѣ и собственноручно приводилъ всѣ товары въ порядокъ, при помощи невѣстовъ и Ньюш; впрочемъ, послѣдняя главнымъ образомъ вела торговую книгу. Случалось какъ-то такъ, что Гордѣй Евстратычъ приходилъ въ лавку какъ разъ тогда, когда тамъ сидѣла Ариша. Сначала сноха побаивалась этихъ посѣщеній, но Гордѣй Евстратычъ совсѣмъ не обращалъ на нее никакого вниманія и даже покрикивалъ, когда находилъ въ чемъ непорядки. Такое поведеніе успокоило молодую женщину, и она начала относиться къ свекру съ большимъ довѣріемъ.

— Ну, ну, поворачивайся, сношенька, — покрикивалъ на нее Гордѣй Евстратычъ, когда Арина мѣшкала.

Разъ Гордѣй Евстратычъ заѣхалъ въ лавку навеселѣ; онъ обѣдалъ у Шабалина. Дѣло было подвѣчеръ, и въ лавкѣ, кромѣ Ариши, ни души. Она опять почувствовала на себѣ ласковый взглядъ старика и старалась держаться отъ него подалѣе. Но эта невинная хитрость только подлила масла въ огонь. Когда Ариша нагнулась къ вырубкѣ, чтобы достать портмоне съ деньгами, Гордѣй Евстратычъ крѣпко обнялъ ее за талію и долго

не выпускалъ изъ рукъ, забавляясь, какъ она барахталась и выбивалась.

— Тятинька... пустите... Христосъ съ вами!

— А... испугалась!.. Ну, ну, повертись еще... ишь, какая круглая стала.

— Я бабушкѣ Татьянѣ скажу, тятинька!..

— Ну, ну, дура, я пошутилъ.

Ариша отошла въ уголъ лавки и, поправляя сбившееся платье и платокъ на головѣ, тихонько заплакала. Гордѣй Евстратычъ сначала улыбался, а потомъ подошелъ къ невѣсткѣ и сильно толкнулъ ее локтемъ въ бокъ.

— Чего ты реवेशь, корова!.. — закричалъ онъ, схватывая Аришу за руку. — Ишь, распустила нюни-то... Ласки не понимаешь, такъ пойми, какъ съ вашимъ братомъ по настоящему обращаются.

Проспавшись, Гордѣй Евстратычъ немного одумался и, чтобы загладить свой грѣхъ потихоньку отъ другихъ пообѣщалъ Аришѣ, что привезетъ ей изъ города такого гостинца, какого она и во снѣ не видывала.

— Мнѣ тятинька ничего отъ васъ не нужно... — твердо объявила Ариша, собирая всю свою храбрость. — Я ничего больше не возьму отъ васъ, хоть меня на части рѣжьте...

— А... такъ ты вотъ какіе разговоры съ отцемъ заводишь? — зарычалъ Гордѣй Евстратычъ. — погоди, я тебя такъ проучу, что ты у меня узнаешь, какъ грубить...

— Я Михалкѣ все скажу...

— Говори... Я васъ и съ Михалкомъ-то обонхъ въ одинъ узелъ завяжу. Слышишь?

Подъ первымъ впечатлѣніемъ Ариша хотѣла рассказать все мужу, но Михалко былъ на пріискѣ; пожаловаться бабушкѣ Татьянѣ Ариша боялась, потому что старуха въ послѣднее время точно воскладе на нее; пожалуй, ей-же Аришѣ и достанется за извѣтъ и клевету. Но какъ же опять не сказать? И стыдно ей было, да Ариша и сознавала, что такой оборотъ не принесетъ ей никакой пользы, а только лишнія слезы отцу съ матерью да домашнія непріятности. Все равно, Гордѣй Евстратычъ не послушаетъ нѣмого, а только еще пуще озлобится на беззащитную сноху. Въ крайнемъ случаѣ Ариша придумала два выхода: убѣжать со Степушкой къ роднымъ, а если ее оттуда добудутъ черезъ полицію — повѣситься или утопиться... Все это обдумывалось въ безсонную ночь и было полито горькими слезами, которыя Ариша должна была глотать про себя. Она припомнила къ слу-

чаю разные исторіи, гдѣ свекры добывали невѣстоѣ правдами и неправдами; въ раскольничьихъ семьяхъ такихъ снохачей было еѣскольکو, всѣ это знали, всѣ объ этомъ говорили, а дѣло оставалось шитымъ и крытымъ. Особенно врѣзалось ей въ память исторія купцовъ Кокиныхъ, которую она слышала еще въ дѣтствѣ. Старикъ Кокинъ увязался за своей снохой и, не добившись отъ нея ничего, звѣрски убилъ ея ребенка, дѣвочку лѣтъ четырехъ; старикъ завелъ маленькую жертву въ подполье и тамъ отрѣзывалъ ей одинъ палецъ за другимъ, а мать въ это время оставалась на верху и должна была слушать отчаянные вопли четвертуемой дочери. Страшное преступленіе потомъ раскрылось, и старикъ Кокинъ былъ наказанъ плетью — это было еще при старыхъ судахъ, — а сноха сошла съ ума. Мысли одна страшнѣе другой одолѣвали бѣдную Аришу, и она то принималась безумно рыдать, уткнувшись головой въ подушку, то начинала молиться, молиться не за себя, а за своего Степушку, который спалъ въ ея коморѣ дѣтски-беззаботнымъ сномъ, не подозрѣвая разгнѣвавшейся около него драмы.

Успокоившись немного, Ариша рѣшилась еще подождать, что и оказалось самымъ лучшимъ. Гордѣй Евстратычъ оставилъ ее въ покоѣ, не приставалъ съ своими ласками, но за то постоянно преслѣдовалъ всевозможными придирками, ворчаньемъ и руганью. Ариша покорно сносила всѣ эти невзгоды, и была даже рада имъ: авось на нихъ износится все горе, а Гордѣй Евстратычъ одумается. На ея счастье подвернулся такой случай, который перевернулъ въ Брагинскомъ домѣ все вверхъ дномъ.

Городскіе архитекторы составили планъ Брагинскаго дома и явились въ Бѣлоглинскій заводъ, чтобы начать постройки. Матеріалы были всѣ заготовлены и даже канавы подъ фундаментъ вырыты, оставалось приступить къ самой закладкѣ. Брагинъ пригласилъ о. Крискента помолобствовать, какъ это водится у добрыхъ людей, чтобы все было честь честью; какъ разъ случился Порфиръ Порфирычъ въ Бѣлоглинскомъ заводѣ, однимъ словомъ, закладка дома совершилась при самой торжественной обстановкѣ, въ присутствіи Порфира Порфирыча, Шабалина, Плинтусова, Лапачка и другихъ. Послѣ молебствія всѣ, конечно, были приглашены въ старый Брагинскій домъ откушать хлѣба-соли и вспрыснуть новую постройку, чтобы она крѣпче стояла.

— Безъ вспрысковъ какой же домъ, — говорилъ Шабалинъ. — Вонъ, я строилъ свой, такъ можетъ не одну бочку съ своими благопріятелями роспилъ. За то крѣпко вышло.

— И мы отъ добрыхъ-то людей не въ уголъ рожей, Бу-

воль Логиничъ, — обижался Брагинъ. — Милости просимъ, господа... Только не обезсудьте на нашей простотѣ: живемъ просто, можно сказать, безъ всякаго понятія. Развѣ, вотъ, домъ поставимъ, тогда ужъ другіе-то порядки заведемъ... Порфиръ Порфиръ, пожалуйста!

Въ Брагинскомъ домѣ была приготовлена роскошная закуска, а потомъ настоящій богатый обѣдъ, какъ «у другихъ». Татьяна Власьева была великая мастерица по части такихъ торжественныхъ «столовъ» и на этотъ разъ особенно потщиалась, чтобы не ударить лицомъ въ грязь предъ настоящей компаніей. Правда, модныхъ кушаній не было съ французскими соусами и разными мудренными приправами, но за то были художественно состряпанные пироги, всевозможные разносолы, вареное и жареное. На закуску Гордѣй Евстратычъ прихватилъ изъ городу салфеточной икры, омаровъ, страсбургскихъ пироговъ, астраханскихъ балыковъ, провѣсной бѣлорыбцы и всякой прочей снѣди, которую ѣлъ у Шабалина и другихъ золотопромышленниковъ. Въ винахъ, конечно, тоже недостатка не было, потому что народъ, бывавшій въ Брагинскомъ домѣ, любилъ «мочить губу», какъ говорилъ Зотушка. Обстановка въ Брагинскомъ домѣ за послѣдній годъ значительно измѣнилась, потому что изъ Нижняго и Ирбита Гордѣй Евстратычъ навезъ домой всякой всячины: ковровъ, столового серебра, новой мебели, посуды и т. д. Конечно, все это въ обыкновенное время было припрятано по сундукамъ и шкафамъ, а мебель стояла подъ чехлами, но теперь другое дѣло — для такого торжественнаго случая можно было и развернуться: чехлы съ мебели были сняты, на окнахъ появились шелковые драпировки, по полу французскіе ковры, столъ сервированъ былъ гарднеровской посудой и новымъ столовымъ серебромъ. Камчатныя дорогія скатерти и салфетки дополняли столовый уборъ. Вообще, все было устроено форменно, дескать, и мы не лѣвой ногой сморкаемся, хотя Гордѣй Евстратычъ и прикидывался предъ гостями Якимомъ-простотой, а Татьяна Власьева съ низкими поклонами приговаривала:

— Ужъ не обезсудьте дорогіе гости, на нашемъ убожествѣ!

— А ты вотъ что, спасеная душенька, — говорилъ Шабалинъ своимъ обычнымъ грубымъ тономъ: — когда во мнѣ-то въ гости соберешься?

— Собираюсь, давно собираюсь, Вукозь Логиничъ, да вотъ все какъ-то не могу собраться... Стара стала я, вѣдь, на восьмой десятокъ. Въ чужой вѣкъ зажила...

— Ладно, ладно, бабушка, насъ всѣхъ переживешь... А ты

приходи все-таки, я тебѣ такую штучку покажу, не за хлѣбомъ-солью будь сказано.

— Охъ, ужъ ты Вуколъ Логиничъ, всегда... разговоръ-то у тебя...

— Чего разговоръ? Разговоръ настоящій... хозяйственный. Въѣзъ живи — въѣзъ учись. Нарочно мастера себѣ изъ городу привозилъ, чтобы мнѣ одну штучку наладилъ, понимаешь — теплую... Коветъ называется.

Этотъ «коветъ» особенно занималъ Шабалина въ послѣднее время, и онъ нарочно привозилъ гостей изъ другихъ заводовъ, чтобы показать имъ нѣмецкую выдумку.

— Отстань, грѣховодникъ... отплевывалась Татьяна Власьевна, когда Шабалинъ подробно объяснилъ назначеніе нѣмецкой выдумки.

— Сіе дѣйствительно весьма предусмотрительно устроено, — вставилъ свое слово о. Крискентъ, большой любитель домашности.

— Вотъ, съ о. Крискентомъ и приходи, бабушка, — говорилъ Шабалинъ. — Мы хотъ и не одной вѣры, а не ссорились еще... Такъ, о. Крискентъ?

— Затѣмъ ссориться, Вуколъ Логиничъ... Богъ одинъ для всѣхъ, всѣхъ видитъ, и благодать его преисбыточествуетъ надъ нами, поелику ни единъ властъ съ главы нашей не спадетъ безъ его воли. Да...

Около закуски гости очень скоро развеселились, такъ что до обѣда время пробѣжало незамѣтно. Порфиръ Порфиричъ успѣлъ нагрузиться и, какъ всегда, съ блаженной улыбкой несъ всевозможную чепуху; Шабалинъ пилъ со всѣми и не пьянѣлъ. Липачекъ едва мигалъ слепавшимися глазами, а Плинтусовъ ходилъ по комнатѣ, выпячивая грудь, какъ индѣйскій пѣтухъ. Архитекторы сначала стѣснялись въ незнакомой компаніи, но потомъ устроили разрѣшеніе вина и елѣя и быстро познакомились. Даже о. Крискентъ не избѣгъ общей участи и, пропустивъ рюмку какой-то завѣтной наливки, лихорадочно растегивалъ и застегивалъ пуговицы своего подрясника.

Когда Татьяна Власьевна начала накрывать обѣденный столъ, Порфиръ Порфиричъ наступилъ на нее.

— Бабушка... кто же съ нами обѣдать будетъ? — спрашивалъ онъ, стараясь сохранить равновѣсіе колебавшагося тѣла.

— Какъ кто? Всѣ будутъ обѣдать, Порфиръ Порфиричъ: о. Крискентъ, Вуколъ Логиничъ, Гордѣй Евстратычъ...

— Ахъ, не то, бабушка... Понимаешь? Господь когда сотворилъ всякую тварь и Адама... и когда посмотрѣлъ на эту тварь

и на Адама, прямо сказали: «Не хорошо жить человѣку одному... сотворимъ ему жену»... Такъ? Ну вотъ я про это про самое и говорю...

— Что-то не въ домекъ мнѣ будетъ, Порфиръ Порфирычъ... Стара я стала.

— Ну, ну... Экая ты, бабушка, упрямая! А я еще упряме тебя... Отчего ты не покажешь намъ невѣстокъ своихъ и внучку? Знаю, что красавицы... Вотъ мы съ красавицами и будемъ обѣдать. Я толстенькихъ люблю, бабушка... А Дуня у васъ, какъ огурчикъ. Я съ ней хорюваты водилъ на святкахъ... И Ариша ничего...

— Перестаньте грѣшить-то, Порфиръ Порфирычъ... У насъ молодымъ женщинамъ не пригоже въ мужской компаніи однимъ сидѣть. Ежели бы другія женщины были, тогда другое дѣло: вотъ вы бы съ супругой пріѣхали...

— Одолжила, нечего сказать: я съ своей супругой... Ха-ха!.. Бабушка, да ты меня уморить хочешь. Слышишь, Вуколы: мнѣ пріѣхать съ супругой. Нѣтъ, бабушка, мы сегодня все-таки будемъ обѣдать съ твоими красавицами... Нечего имъ взаперти сидѣть. А что касается другихъ дамъ, такъ вотъ о. Крискентъ у насъ пойдетъ за даму, пожалуй, и Липачекъ.

Шабалинъ и другіе гости присоединились къ желанію Порфира Порфирыча и представили свои резоны.

— А ежели ты, спасеная душа, не покажешь намъ своихъ невѣстокъ,—говорилъ Шабалинъ,—кончено—сейчасъ всѣ по домамъ и обѣдать не станемъ.

— Такъ, такъ!—подхватили всѣ.

— Да развѣ мы ихъ съѣдимъ?—объяснялъ Плинтусовъ.— Ахъ, Боже мой... За кого же вы въ такомъ случаѣ насъ принимаете? Надѣюсь, что за порядочныхъ людей... Вотъ и о. Крискентъ только что сейчасъ говорилъ мнѣ, что не любитъ обѣдать въ одной холостой компаніи и что это даже грѣшно.

— Господа, да что мы тутъ разговариваемъ по-пусту въ самомъ-то дѣлѣ,—заговорилъ Порфиръ Порфирычъ.— Прощай, бабушка... А мы обѣдать къ Вуколу поѣдемъ.

Дѣло приняло такой оборотъ, что Татьяна Власевнѣ, наконецъ, пришлось согласиться на все, а то этотъ блаженный Порфиръ Порфирычъ и въ самомъ дѣлѣ уѣдетъ обѣдать къ Вуколу и всю компанію за собой увезетъ. Скрѣпя сердце, она велѣла невѣсткамъ одѣваться въ шелковые сарафаны и свои расшитые золотомъ кокошники, а Нюшѣ достала изъ сундука свою дѣвичью повязку, унизанную жемчугами и самоцвѣтнымъ камнемъ. Въ

этих старинныхъ нарядахъ всё трое были красавицы на подборъ, хотя Ариша сильно похудѣла за послѣдніе дни, что Татьяна Власьева замѣтила только теперь. Нюша была вообще какая-то вялая и апатичная; послѣ смерти Оени она окончательно измѣнилась и о прежней стрекотунѣ Нюшѣ, которая расшѣлала по всему дому, и помину не было. Лучше всѣхъ была Дуня, въ своемъ аломъ глазетовомъ сарафанѣ и кисейной рубашкѣ: высокая, полная, съ румянцемъ во всю щеку и съ ласково блестящими глазами, она была настоящая русская красавица. Когда всё трое вышли къ столу, гости приняли ихъ съ самыми шумными проявленіями своего восторга.

— Ахъ, ты мой бутончикъ... пупочка...—говорилъ Порфиръ Порфирычъ, цѣлуя руки у Дуни.—Вотъ такъ красавица... ну-ко, повернись-ко маленько... Ну, братецъ мой, пышная бабенка, чортъ тебя возьми! Аришенька, матушка, здравствуй... Что это ты нахохлилась, какъ курица передъ ненастьемъ?

Порфиръ Порфирычъ помѣстился за обѣденнымъ столомъ между Дуней и Аришей, а напротивъ себя усадилъ Нюшу и былъ, кажется, на седьмомъ небѣ.

— Вотъ, теперь отлично...—говорилъ Порфиръ Порфирычъ, стараясь обнять разомъ обѣихъ дамъ.

— Не балуй, Порфиръ Порфирычъ... — строго замѣтила Татьяна Власьева.—А то я всѣхъ уведу.

— Не буду, не буду.

Обѣдъ начался самымъ веселымъ образомъ, хотя дамы немножко и конфузились съ непривычки къ компаніи. Сама Татьяна Власьева не садилась за столъ, наблюдая за порядкомъ и за подававшей кушанья кривой Маланьей. Гости ѣли и хвалили хозяйку, Гордѣй Евстратычъ хлопоталъ на счетъ винъ. Говорили о новомъ домѣ и его отдѣлѣ; высчитывали его стоимость, кричали, спорили,—однимъ словомъ, обѣдъ вышелъ, какъ всѣ парадные обѣды: все было «форменно». О. Крискентъ, разрывая на своей тарелкѣ кусокъ пирога съ осетриной, благочестиво говорилъ о домостроительствѣ вообще и даже привелъ въ примѣръ Соломона, тонко сплетая льстивыя слова тароватому хозяину. Наконецъ провозгласилъ тостъ за здоровье хозяйки, и когда всѣ поднялись съ полными бокалами, чтобы чокунуться съ нимъ, — Гордѣй Евстратычъ вдругъ поблѣднѣлъ и уронилъ свой бокалъ: онъ своими глазами видѣлъ, какъ Порфиръ Порфирычъ, поднимаясь со стула съ бокаломъ въ одной рукѣ, другою обнявъ Аришу.

— Порфиръ Порфирычъ... ты это какъ же?..—глухо спро-

силъ Гордѣй Евстратычъ; онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, а губы у него тряслись отъ внутреннего бѣшенства, которое онъ напрасно старался сдержать.

— Я?.. я ничего...—какъ ни въ чемъ не бывало отвѣтилъ Порфиръ Порфирычъ, съ изумленіемъ оглядываясь кругомъ.

— Ариша, ступай къ себѣ...—приказалъ Гордѣй Евстратычъ дрожащимъ отъ бѣшенства голосомъ.

— Вотъ тебѣ и влюбва!..—засмѣялся Порфиръ Порфирычъ. — Какъ же это такъ, Гордѣй Евстратычъ?.. Я, пожалуй, на одинъ бокъ наѣлся...

Эта маленькая сцена на мгновеніе остановила общее веселье, гости переглядывались, о. Крискентъ попробовалъ было вступить, но его никто не слушалъ.

— Да ты, никакъ, осердился на меня? — спрашивалъ Порфиръ Порфирычъ хозяина.—Я, кажется, ничего не сдѣлалъ...

— Ну, мнѣ на свои-то глаза свидѣтелей не надо,—отрѣзалъ Гордѣй Евстратычъ и прибавилъ:—Всѣ люди, какъ люди, Порфиръ Порфирычъ, только тебя, какъ кривое полѣно въ полѣнницу, никакъ не уладишь...

Порфиръ Порфирычъ ничего не отвѣтилъ на это, а только повернулся и, пошатываясь, пошелъ къ двери. Татьяна Власьевна бросилась за нимъ и старалась удержать за фалды сюртука, о. Крискентъ загородилъ было двери, но былъ безмолвно устраненъ; Гордѣй Евстратычъ догналъ обидѣвшагося гостя уже на дворѣ; онъ шелъ безъ шапки и верхняго пальто, какъ сидѣлъ за столомъ, и никому не отвѣчалъ ни слова.

— Голубчикъ, Порфиръ Порфирычъ... прости ради Христа, на нашемъ глупомъ словѣ!—умолялъ Брагинъ, хватая гостя за руки.—Хочешь, при всѣхъ на колѣнкахъ стану у тебя прощенья просить!.. Порфиръ Порфирычъ...

Порфиръ Порфирычъ вырвалъ свою руку, безъ шапки вышелъ за ворота и нетвердой походкой пошелъ вдоль Старой-Кедровской улицы; за нимъ безъ шапки бѣжалъ Шабалинъ, стараясь догнать. Брагинъ постоялъ-постоялъ за воротами, посмотрѣлъ, куда пошли его гости, а потомъ, махнувъ рукой, побрелъ назадъ.

— А вѣдь, дѣло-то, пожалуй, выйдетъ табакъ...—замѣтилъ Плинтусовъ, когда Брагинъ вернулся къ гостямъ.

Гордѣй Евстратычъ самъ видѣлъ, что все дѣло испортилъ своей нетерпѣливой выходкой, но теперь его трудно было поправлять. Торжество закончилось неожиданной бѣдой, и конецъ обѣда прошелъ самымъ натянутымъ образомъ, какъ поминки, не-

смотря на всѣ усилія о. Крискента и Плинтусова оживить его. Сейчас послѣ обѣда Гордѣй Евстратычъ бросился въ Шабалинскій домъ, но Порфира Порфирыча и слѣдъ простылъ: онъ укатилъ неизвестно куда.

— Что же теперь дѣлать?—спрашивалъ Гордѣй Евстратычъ своего благопріятеля Шабалина.

— А ужъ не знаю, Гордѣй Евстратычъ,—уклончиво отвѣчалъ тотъ.—Съ Порфиромъ Порфирычемъ шутки плохія, пожалуй, еще и жилку отберетъ...—Оно такъ и вышло.

Черезъ недѣлю на Смородинку пріѣхалъ горный чиновникъ, осматривалъ работы и составилъ протоколъ, что разработка золота производилась неправильная: частныя лица могутъ промывать только рассыпное золото, а не жильное, которое добывается казеннымъ изживеніемъ. Смородинка, въ качествѣ коренного мѣсторожденія, должна была поступить въ казенное вѣдомство, а Гордѣй Брагинъ подвергся надлежащей отвѣтственности за неправильное объявленіе пріиска. Работы были прекращены, контора опечатана, рабочіе и служащіе распущены по домамъ, и это какъ разъ въ самый развалъ лѣтней работы въ первыхъ числахъ мая. Ударъ былъ страшный и, конечно, онъ былъ нанесенъ опытной рукой Порфира Порфирыча.

— Вотъ тебѣ и кривое полѣно... Ха-ха!..—заливался Шабалинъ, когда услышалъ о закрытой Смородинкѣ.—Прощайся, Гордѣй Евстратычъ, съ своей жилкой, коли не умѣлъ ей владать...

XIX.

Брагинъ полетѣлъ хлопотать въ Екатеринбургъ, въ надеждѣ уладить дѣло помимо Порфира Порфирыча. Посоветовался кое съ кѣмъ изъ знакомыхъ золотопромышленниковъ, съ двумя адвокатами, съ горными чиновниками—всѣ качали только головами и совѣтовали обратиться къ главному ревизору, который какъ разъ случился въ городѣ. Гордѣй Евстратычъ отыскалъ квартиру главнаго ревизора и со страхомъ позвонилъ у подъѣзда маленькаго каменнаго домика въ пять оконъ; на дверяхъ блестяла мѣдная дощечка—«Ардalionъ Ефремычъ Завиваевъ».

— Баринъ дома?—спрашивалъ Брагинъ высочившую на звонокъ горничную.

— Дома-съ...

Черезъ минуту Гордѣй Евстратычъ осторожно вошелъ въ кабинетъ, гдѣ его встрѣтилъ самъ хозяинъ—вылитый двойникъ

Порфира Порфирыча, такъ что въ первую минуту Брагинъ даже попытался со страху.

— Что прикажете, какъ васъ звать?

— Да, вотъ, дѣльце, Ардаліонъ Ефремычъ, вышло...

— Это на счетъ Смородинки?.. Не могу, не могу, не могу!.. — закричалъ Завиваевъ, отмахиваясь обѣими руками. — Я семнадцать лѣтъ служу на Уралѣ главнымъ ревизоромъ... Да!.. Это беззаконіе... Я и Порфира Порфирыча отдамъ подъ судъ вмѣстѣ съ тобой!

Хотя Завиваевъ и кричалъ на Брагина, но это былъ не злой человѣкъ. Онъ даже пошутилъ надъ умолявшимъ его Гордѣемъ Евстратычемъ и, ласково потрепавъ по плечу, проговорилъ:

— У меня подъ надзоромъ девятьсотъ пріисковъ, милочка, и ежели я буду всякому золотопромышленнику уступать, такъ меня Богъ камнемъ убьетъ, да!.. Дѣло твое я знаю досконально и могу сказать только то, что не хлопочи по-напрасну... Вотъ и все!.. Ваятокъ никому не давай, даромъ послѣднія деньги издержишь, потому что пролитого не воротишь.

— Ардаліонъ Ефремычъ, спасите... не погубите!..

Брагинъ ушелъ отъ Завиваева ни съ чѣмъ, проваливая на свѣтъ все и всѣхъ. Дѣло было дрянъ, какъ его ни поверни. Не довѣряя совѣту Завиваева, Гордѣй Евстратычъ принялся усиленно хлопотать и лѣзъ въ каждую щель, чтобы только воротить Смородинку. Эти хлопоты стоили ему большихъ денегъ и ровно ни въ чему ни привели: жилка пропала навсегда!.. Вернуться домой съ пустыми руками Гордѣю Евстратычу было тошнехонько, и онъ проживался въ городѣ цѣлый мѣсяцъ. У него все-таки былъ въ рукахъ кругленькій капиталчикъ тысячь въ сто, и друзья-пріятель утѣшали его, что горевать еще не о чемъ, когда такой капиталъ шевелится въ карманѣ. Его познакомили съ такими дѣльцами, которые сулили золотыя горы, — только стоило пустить капиталъ въ оборотъ. Съ горя Брагинъ закутилъ въ хорошей компаніи, которая утѣшала его на всѣ руки. Однажды онъ сидѣлъ въ гостяхъ у знакомаго золотопромышленника, гдѣ набралось всякаго народа; тутъ же сидѣлъ какой-то господинъ въ золотыхъ очкахъ и съ толстой золотой цѣпочкой у часовъ. Онъ все время точно присматривался къ Гордѣю Евстратычу, а потомъ отвелъ его въ сторону и таинственно проговорилъ:

— Эхъ, вы, Гордѣй Евстратычъ... Нашли о чемъ горевать?.. Я вамъ скажу, что мы еще не такое золото отыщемъ. Пріѣзжайте ко мнѣ потолковать, а вотъ вамъ моя карточка.

На карточкѣ неизвѣстнаго Гордѣй Евстратычъ прочиталъ: «Владиміръ Петровичъ Головинскій, техникъ».

— Чортъ его знаетъ, можетъ быть, какая-нибудь жулябія... — подумалъ Брагинъ, перевертывая въ рукахъ атласную карточку. Наслышался, что у Брагина деньги еще остались въ карманѣ—вотъ и подсыпается мелкимъ бѣсомъ.

Прежде чѣмъ отправиться къ Головинскому, Гордѣй Евстратычъ навелъ о немъ кое-какія справки черезъ общихъ знакомыхъ, изъ которыхъ оказалось, что Головинскій вообще человѣкъ хорошій, хотя опредѣленныхъ занятій не имѣетъ. Его видали въ клубѣ, въ театрѣ, въ концертахъ—вообще, вездѣ, гдѣ собиралась хорошая публика; онъ былъ знакомъ со всѣмъ городомъ и всѣхъ зналъ, имѣлъ пару отличныхъ вятковъ, барскую квартиру и жилъ на холостую ногу. Самая наружность Головинскаго имѣла въ себѣ много подкупающаго: высокій, среднихъ лѣтъ, съ окладистой бородой и выхоленнымъ дворянскимъ лицомъ, съ приличными манерами, всегда безукоризненно одѣтый, онъ вездѣ являлся замѣтнымъ человекомъ. Особенно дамы были отъ него въ восхищеніи.

— Ну, что-же, не съѣсть онъ меня, прахъ его поberi... — рѣшилъ Брагинъ, отправляясь отыскивать квартиру Головинскаго, который жилъ на главной улицѣ.

Кабинетъ въ квартирѣ Головинскаго былъ устроенъ на дѣловую ногу съ той спеціальной роскошью, какую устраиваютъ себѣ люди, умѣющіе быть богатыми. Гордѣй Евстратычъ не ожидалъ ничего подобнаго: въ самомъ воздухѣ точно пахло тысячами, не тѣми шальными мужицкими тысячами, какъ у Шабалина, напримѣръ, а настоящими, господскими тысячами. И самъ Головинскій совсѣмъ не походилъ на жулябію, а держался съ большимъ гоноромъ. Ужъ совсѣмъ не походилъ на этихъ горныхъ чинушекъ въ родѣ Порфира Порфирыча или Завизаева. Принялъ онъ Брагина очень любезно, но съ вѣсомъ. Усадивъ гостя въ кресло, Головинскій нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, поправилъ рѣдѣвшіе на головѣ волосы и мягкимъ голосомъ заговорилъ:

— Васъ, уважаемый Гордѣй Евстратычъ, вѣроятно удивило мое приглашеніе... Да?.. Очень понятно. Конечно, вы подъ рукой собрали кое-какія справки обо мнѣ... Опять-таки понятно, потому что идти толковать о дѣлѣ въ совершенно незнакому человеку очень сомнительно, хоть до кого доведись. Я вамъ скажу, что вамъ другіе сказали обо мнѣ... Но это все равно: я хотя и вездѣ здѣсь бываю, но меня никто не знаетъ. Хорошо.

Головинскій мягко потеръ свои выхоленные бѣлыя руки, подыскивая слова и мелькомъ взглядывая на сидѣвшаго въ креслѣ Брагина.

— Сначала я вамъ скажу о себѣ, Гордѣй Евстратычъ, — продолжалъ Головинскій послѣ короткой паузы. — Родился и выросъ я въ Москвѣ, служилъ нѣсколько лѣтъ на частной службѣ, сколотилъ небольшой капиталчикъ, а потомъ получилъ наследство послѣ дяди... Сначала думалъ завести какое-нибудь дѣло въ Москвѣ, но съ моими средствами тамъ трудно пробить дорогу: тамъ миллионныя дѣла обдѣлываются, какъ здѣсь пироги бабы стряпаютъ, а у меня только нѣсколько тысячъ. Вотъ я и задумалъ попытать счастья въ провинціи и пріѣхалъ на Уралъ, года два-три назадъ. Мѣсто дѣйствительно богатое, и дѣло можно себѣ подыскать, да только, не спросаясь броду, я не люблю соваться въ воду. Жилъ, присматривался къ людямъ... и подыскалъ одно дѣльце. Только нужно вамъ сознаться — ужъ извините меня за откровенность, Гордѣй Евстратычъ! — народъ здѣсь — не кладь пальца въ ротъ.

— Ужъ что говорить, самые первостатейные плуты живутъ... Это вы вѣрно, Владиміръ Петровичъ!

— Да, на Уралѣ люди вообще немного странные, — мягко поправилъ Головинскій своего собесѣдника. — Взять хоть вотъ случай съ вами, какъ у васъ отняли пріискъ...

— Охъ, вѣрно, вѣрно... зарѣзали безъ ножа!

— Я слышалъ всю эту исторію и отъ души васъ пожалѣлъ... Вижу, человекъ вы скромный, бонтесть всякаго начальства, вотъ они васъ и крутятъ въ бараній рогъ. Теперь вы остались безъ всякаго дѣла, деньги у васъ кое-какія еще есть, ну, долго ли попасть на какого-нибудь прощальгу, который оберетъ у васъ послѣднія крохи. Вѣдь, вамъ дѣлали всевозможныя предложенія? Да, я слышалъ... Вотъ, я и хотѣлъ съ одной стороны предохранить васъ отъ разныхъ плутовъ, а потомъ предложить вамъ одно дѣльце. Вообще, кажется, мы сойдемся, по крайней мѣрѣ я полюбилъ васъ съ перваго раза. Я человекъ прямой и говорю откровенно.

— Какое же дѣльцо-то, Владиміръ Петровичъ? Оно, конечно, мы люди простые, а тоже можемъ чувствовать... Взять хоть того же Порфира Порфирыча — обидѣлъ онъ меня, вотъ какъ обидѣлъ!..

— И главное, Шабалинъ работаетъ на такой же жилкѣ, какъ и ваша.

— Вѣрно, все вѣрно... — Погорячился я немного, — а Ша-

балинъ, лукавый его задери, хоть верхомъ на немъ катайся, даромъ что самъ-то плутъ.

— Въ томъ-то и дѣло, Гордѣй Евстратычъ, что люди здѣсь все фальшивые, ни на кого положиться нельзя. А кстати,— прибавилъ Головинскій, вынимая изъ кармана золотые часы:— мы сейчасъ червячка заморимъ. Пойдемте въ столовую...

Комнаты въ квартирѣ Головинскаго были убраны на барскую ногу, особенно столовая, гдѣ стоялъ рѣзной буфетъ отличной работы. На накрытомъ столѣ, какою-то невидимой рукой былъ приготовленъ завтракъ и кипѣлъ серебряный кофейникъ на спиртовой лампочкѣ. «Не такъ какъ у насъ: какъ ѣсть, такъ и столарню цѣлую поднимуть»,— думалъ Брагинъ, усаживаясь за столъ. Головинскій самъ налилъ два стакана кофе и пригласилъ поддержиться рюмочкой водки. Гордѣй Евстратычъ выпилъ и невольно удивился: такой водки онъ никогда не пивалъ. Вытеревъ салфеткой губы, Брагинъ заговорилъ:

— А ужъ вы извините насъ, Владиміръ Петровичъ, на нашей простотѣ... Глажу я на васъ, все у васъ по формѣ, а одного какъ будто не прихватываетъ...

— Именно?

— Хозяйки въ дому нѣтъ... Такъ-съ?

— Вы угадали, Гордѣй Евстратычъ, сердцемъ угадали, потому-что сердце у васъ доброе... Да, хозяйки у меня нѣтъ.

— Отчего же не женитесь? За невѣстами у насъ, слава Богу, дѣло не станеть... Али, можетъ, столичная на примѣтъ держится?

— Есть и такой грѣхъ, Гордѣй Евстратычъ... Только за откровенность я вамъ заплачу откровенностью, именно, объясню, почему я не женился до сихъ поръ. Дѣло вотъ въ чемъ: хочется мнѣ сначала дѣлишки свои привести въ настоящій порядокъ, этакъ кушъ зашибить порядочный, а потомъ ужъ и жениться. По нынѣшнимъ временамъ да не заработать деньгу— грѣшно отъ Бога будетъ, передъ собственными дѣтьми послѣ совѣстно будетъ. Я такъ полагаю: ужъ если стоить жить, такъ жить по настоящему, какъ добрые люди живутъ, и для этого сначала нужно потрудиться, поработать.

— И мы въ своей темнотѣ тоже думаемъ, только вотъ деньги-то добывать плохо умѣемъ... съ понатіемъ надо жить на свѣтѣ, по всей формѣ. А какъ вы насчетъ дѣльца-то, Владиміръ Петровичъ?

— Сейчасъ, сейчасъ, Гордѣй Евстратычъ.

Головинскій, не торопясь, налилъ рюмку водки, поднесъ ее къ свѣту и, причмокнувъ губами, проговорилъ:

— Видите?

— Отличная водка...

— Да... А вотъ въ этой самой водкѣ богатство сидитъ, вѣрное богатство, какъ дважды два четыре. Не чета вашему золоту... Вотъ и дѣльце, о которомъ я хотѣлъ съ вами поговорить.

— Это, значитъ, водкой заняться?

— Именно... Самое вѣрное дѣло, Гордѣй Евстратычъ. Отчего раздвужаются всѣ эти наши здѣшніе тузы?..

Головинскій назвалъ нѣсколько громкихъ именъ денежныхъ тузовъ и въ какихъ-нибудь полчаса объяснилъ всѣ извороты, ходы и выходы специально-винной торговли. Гордѣй Евстратычъ слушалъ съ разинутымъ ртомъ заваленный самыми краснорѣчивыми цифрами.

— Гдѣ вы найдете другое такое дѣло, которое давало бы триста процентовъ на капиталъ? И не ищите... Если взять золотопромышленность, наконецъ, такъ здѣсь все зависитъ отъ случая, отъ счастья, а на водкѣ еще никто не прогорѣлъ.

— Это-то вѣрно, только необычное оно дѣло, Владиміръ Петровичъ... Даже какъ будто маненько претить: нечистая денежка идетъ.

— Э, батенька, нашли что... А вы такъ разсудите: чѣмъ мы грѣшнѣе другихъ? Дѣло самое законное... Нажили капиталъ, тогда можно и водку по боку. А ужъ съ настоящимъ-то капиталомъ можно руки расправить. Порфиръ Порфирычъ теперь думаетъ, что утопилъ васъ, однимъ словомъ, утопилъ, а тутъ выйдетъ наоборотъ: вы миллионеромъ сдѣлаетесь, а тогда... Да что тутъ говорить!..

Въ теченіе двухчасовой бесѣды Головинскій совсѣмъ заговорилъ Гордѣя Евстратыча и на прощанье, крѣпко пожимая руку, прибавилъ:

— Объ одномъ только попрошу васъ, дорогой Гордѣй Евстратычъ: согласитесь со мной или не согласитесь—молчокъ... Ни единой душѣ ни одно слово!.. Это дѣло наше и между нами останется... Я васъ не везю, а только предлагаю войти въ компанію... Дѣло самое чистое, изъ копѣйки въ копѣйку. Хотите—отлично, вѣтъ—ваше дѣло. У меня у одного не хватитъ силы на такое предпріятіе, и я во всякомъ случаѣ не останусь безъ компаньона.

Брагинъ ушелъ отъ Головинскаго точно въ туманѣ: передъ нимъ развертывались новыя, широкія перспективы, а возмож-

ность насолить Порфиру Порфирычу кружила голову. Всѣ теперь думаютъ, что Гордѣй Евстратычъ пропалъ со своей жилкой, а Гордѣй Брагинъ вдругъ въ миллионы залѣзаетъ... Тогда и Порфиру Порфирычу, и Ардальону Ефремычу, и Вуколу Логиничу—всѣмъ носъ утремъ... Всю дорогу изъ города Брагинъ раздумывалъ завязанную Головинскимъ думушку и чѣмъ больше думалъ, тѣмъ сильнѣе убѣждался въ справедливости всего, что слышалъ отъ этого необыкновеннаго человѣка. И, вѣдь, какъ говорить, шельма этакая: какъ по писаному, такъ и рѣжетъ... Ловкачъ, ужъ што и говорить. Съ понятіемъ, форменный человѣкъ. Не бойсь, ему надо въ миллионъ вогнать, а не то, чтобы валадаться на тыщонкахъ, какъ другіе прочіе. Брагинъ теперь съ сожалѣніемъ думалъ о своей батюшкиной торговлѣ панскими товарами: ужъ именно темнота,—темнота она и останется. И понятія настоящаго въ этой торговлѣ нѣтъ: ублажай полдневскихъ бабенокъ, раздавай въ долгъ, гонись за моднымъ товаромъ, всякому угоди... Сколько одного грѣха на душу наберешься!..

Домой Гордѣй Евстратычъ вернулся въ самомъ веселомъ настроеніи, чѣмъ удивилъ всѣхъ, а Татьяна Власьева даже обидѣлась и сердито проговорила:

— Нашелъ чему радоваться, нечего сказать... Вѣдь принскъ-то все-таки отобрали?

— Ну, отобрали, такъ что же?.. Пусть ихъ, мамынѣка... Порфиръ-то Порфирычъ съ Шабалинымъ теперь думаютъ, что по міру насъ пустили... Ха-ха!..

— Милушка, надъ чѣмъ ты хохочешь-то?..

— Да надъ ними, мамынѣка, надъ Порфиромъ Порфирычемъ... Вотъ ужъ, погоди, мы имъ такъ утремъ носъ, что чертѣтъ покажется тошно.

— Значить, Смородинка-то опять къ тебѣ отойдетъ?—обрадовалась Татьяна Власьева.

— Ахъ, мамынѣка, совсѣмъ не то... Скажу тебѣ только одно: придетъ къ намъ одинъ человѣкъ, тогда сама все увидишь... Ужъ такой человѣкъ, такой человѣкъ...

— Можетъ, опять какой-нибудь пьяница... Всѣ эти городскіе на одну колодеу!..

Гордѣй Евстратычъ не сталъ спорить, а только махнулъ рукой, дескать, погоди, мамынѣка, вотъ сама увидишь. Теперь у Гордѣя Евстратыча было много хлопотъ съ постройкой дома, которая повалялась съ этой передрагой; пока онъ хлопоталъ въ городѣ, едва успѣли сложить фундаментъ, хотя и было вому,

смотря за рабочими. Михалко и Архипъ теперь болтались дома безъ всякаго дѣла. Успокоившись послѣ своихъ неудачныхъ хлопотъ, Брагинъ съ особеннымъ стараніемъ занялся домомъ: ѣздилъ на кирпичный заводъ, наблюдалъ за всѣми работами и живыми жилъ на постройкѣ, точно хотѣлъ всѣмъ показать, что ему все ни почемъ, какъ съ гуся вода. Пусть посмотрятъ и Савины, и Колобовы, какъ онъ испугался Порфира Порфирыча да съ горя началъ домъ строить. Въ лавку Брагинъ заглядывалъ со всѣмъ рѣдко, потому что тамъ сидѣлъ теперь Михалко, надежный человѣкъ, не то что снохи. Пожалуй, Брагинъ прикормилъ бы свою панскую торговлю, если бы не была она поставлена батюшкой, ну, да и ребятамъ все таки задѣлье какое ни-на-есть, чтобы задарма на печѣѣ не сидѣли.

Недѣли черезъ двѣ, какъ былъ уговоръ, пріѣхалъ и Головинскій. Онъ остановился у Брагинныхъ, занявъ тотъ флигелекъ, гдѣ раньше жилъ Зотушка со старухами. Татьяна Власьевна встрѣтила новаго гостя сухо и подозрительно: дескать, вотъ еще медъ-сахарычъ выискался... Притомъ, ее не мало смущало то обстоятельство, что Головинскій поселился у нихъ во флигелѣ: человѣкъ еще не старый, а въ дому цѣлыхъ три женщины молодыхъ, всего наговорять. Взять хоть ту же Марфу Петровну: та-ра-ра, ты-ры-ры...

— Куда же Владимиру Петровичу дѣваться, ежели онъ ко мнѣ по дѣлу пріѣхалъ? — успокоивалъ Гордѣй Евстратычъ. — Кабы у насъ въ Бѣлоглинскомъ заводѣ гостиницы для пріѣзжающихъ были налажены, такъ еще десятое дѣло, а то не на постояломъ же дворѣ ему останавливаться, этакому-то человѣку.

— Оно, конечно, такъ, милушка, да все таки... Что ужъ больно его захваливаешь? Кругомъ, видно, обошелъ тебя... на-стоящая приворотная гривенка, этотъ твой Владиміръ Петровичъ, такъ медомъ-сахарычемъ и разсыпается.

— Обнаковенно, мамынька, ежели человѣкъ съ настоящимъ понятіемъ, такъ онъ никогда не будетъ вочевряжиться, какъ Порфиръ Порфирычъ... А обходить меня тоже нечего: дѣло чистое — какъ на ладонѣ.

— Ой, смотри, милушка, чтобы не обошелъ хваленый-то!...

Татьяна Власьевна крѣпко не довѣряла гостю, потому что ужъ очень милушка-то на него обнадежился: не ладно что-то, скоро больно...

Первымъ дѣломъ Головинскій устроилъ свой флигелекъ, хотя пріѣхалъ всего на нѣсколько дней. Полъ и стѣны были устланы коврами, окна завѣшены драпировками, на столѣ, за которымъ

работалъ Головинскій, появились дорогия бездѣлушки, онъ даже не забылъ захватить съ собой складной желѣзной кровати и дорожного погребца съ серебрянымъ самоваромъ. Съ нимъ пріѣхалъ его камердинеръ, сѣдой благообразный старикъ, Егоръ; это былъ слуга высшей школы—молчаливый, степенный, сосредоточенный. Насколько баринъ былъ ласковъ и обходителенъ, настолько великолѣпный Егоръ былъ сухъ и важенъ, точно онъ былъ замороженъ. Кривая сердитая Маланья крѣпко не любила его и называла темной копѣйкой, хотя и не могла не удивляться умѣнью Егора устроить барина по своему.

— Ужъ такъ у нихъ устроено, такъ устроено...—докладывала Маланья подозрительно слушавшей ея рѣчи Татьянѣ Власевнѣ.—И сказать вамъ не умѣю какъ!.. Въ родѣ какъ въ церкви... Ей-Богу! И духъ у нихъ съ собой привезенъ... Своимъ глазомъ видѣла: каждое утро темная-то копѣйка возьметъ какую-то штуку, надо полагать изъ золота, положить въ нее угольковъ, а потомъ и поливаетъ какою-то мазью. А отъ мази такой духъ идетъ, точно отъ роснаго ладона. И все-то у нихъ есть, и все дорогое... Ровно и флигелекъ-то не нашъ!..

Эти рассказы настолько возбудили любопытство Татьяны Власевны, что она, улучивъ минуту, когда Головинскій съ Гордѣемъ Евстратычемъ были на постройкѣ, а Егоръ ушелъ на базаръ—нарочно сходила въ флигелекъ и проверила восторги Маланьи. Дѣйствительность поразила старуху, особенно бѣлье и платье гостя, разложенное и развѣшенное Егоромъ въ такомъ необыкновенномъ порядкѣ, какъ коллекція какаго-нибудь архимѣцкаго музея. Другимъ обстоятельствомъ, сильно смутившимъ Татьяну Власевну, было то, что Владиміръ Петровичъ былъ у нихъ въ домѣ всего одинъ разъ—вернулся съ полчаса, поговорилъ, поблагодарилъ за все и ушелъ къ себѣ. Такой обходительный человѣкъ, что старухѣ, наконецъ, сдѣлалось совѣстно предъ нимъ за свои подозрѣнія.

— Хоть бы ты его объѣдать позвала!...—вскользь замѣтила Татьяна Власевна сыну.—Какъ-то неловко, все же человѣкъ живетъ въ нашемъ домѣ, не объѣсть насъ...

— Ахъ, маминька!.. Да развѣ это такой человѣкъ, что сталъ онъ тебѣ чужіе обѣды собирать... Это настоящій баринъ, съ понятіемъ, по всей формѣ. Не чета тѣмъ объѣдаламъ, которые раньше насъ одолѣвали... Онъ вонъ и въ постройкѣ-то все знаетъ, какъ началъ все разбирать, какъ началъ разбирать—архитектора-то совсѣмъ въ уголъ загналъ. А я развѣ ослѣпъ, самъ вижу, что Владиміръ Петровичъ настоящее дѣло говорить. И все онъ знаетъ,

мамынька, о чемъ ни спроси... Истинно сказать, что его послалъ намъ самъ Господь за нашу простоту!..

Расхваливая гостя, Гордѣй Евстратычъ, однако, не обмолвился ни однимъ словомъ, за какимъ дѣломъ этотъ гость пріѣхалъ, и не любилъ, когда Татьяна Власьева стороной заводила объ этомъ рѣчь.

Ближайшее знакомство съ Головинскимъ произошло какъ-то само собой, такъ что Татьяна Власьева даже испугалась, когда гость сдѣлался въ домѣ совсѣмъ своимъ человѣкомъ, точно онъ вѣкъ у нихъ жилъ. Какъ это случилось—никто не могъ сказать, а всякій только чувствовалъ, что именно Владимира Петровича и недоставало въ дому; у всѣхъ точно отлегло на душѣ, когда Владимиръ Петровичъ появлялся въ горницѣ. А приходилъ онъ всегда кстати и уходилъ тоже, никому не мѣшалъ, никого не стѣснялъ; даже невѣстки и Нюша какъ-то сразу привыкли къ нему и совсѣмъ не дичились. Однимъ словомъ, свой человѣкъ—и конецъ всему дѣлу! Торжествомъ поведения Владимира Петровича было его умѣнье ѣсть и пить, чѣмъ любовался даже самъ Гордѣй Евстратычъ. Въ Брагинскомъ домѣ возобновились прежнія трапезы и самыя торжественныя чаеванья. Въ страпнѣ Владимиръ Петровичъ зналъ такой толкъ, что даже поразилъ Маланью: онъ не пропускалъ безъ похвалы самаго дѣлаго торжества кухоннаго искусства, что льстило Татьянѣ Власьевнѣ, какъ опытной хозяйкѣ. Онъ даже научилъ ее какъ слѣдуетъ по настоящему солить огурцы и готовить ихъ въ прокъ, именно, нужно заказывать съ Гордѣемъ Евстратычемъ, когда онъ поѣдетъ въ Нижній, привести дубоваго листа, и огурцы будутъ цѣлый годъ хрустѣть на зубахъ, какъ свѣжепросольные.

— Давно я хочу, Владимиръ Петровичъ, спросить васъ, да все какъ-то не смѣю...—нерѣшительно проговорила однажды Татьяна Власьева:—Сдается мнѣ, что какъ будто вы раньше къ старой вѣрѣ были привержены... Ей-Богу! Ужъ очень вы хозяйство всякое производили... Въ Москвѣ есть такіе купцы на Рогожскомъ!.. Извините ужъ на простомъ словѣ...

Оказалось, что хотя Владимиръ Петровичъ и не былъ приверженъ къ старой вѣрѣ, но выходило какъ-то такъ, что Татьяна Власьева осталась при своей прежней догадкѣ.

— Нѣтъ, ты, мамынька, замѣть, какъ онъ за обѣдомъ сидитъ или чай пьетъ!—удивлялся въ свою очередь Гордѣй Евстратычъ.—Сразу видно человѣка... Не бойсь, не набросится, какъ тѣ торопыги-мученики, въ родѣ хотъ Плинтусова взять!..

Собственно, настоящее дѣло, за которымъ пріѣхалъ Голо-

винскій, было давно кончено, и теперь въ Зотушкиномъ флигельѣ шла разработка подробностей проектируемой винной торговли. У Владиміра Петровича въ головѣ были такіе узоры нарисованы, что Гордѣй Евстратычъ каждый разъ уходилъ отъ него, точно въ чаду. Брагина поражало особенно то, что Владиміръ Петровичъ всякаго человѣка насквозь видитъ, такъ-таки всѣхъ до единого. Только Гордѣй Евстратычъ зайнется, а Владиміръ Петровичъ и пошелъ писать, да, вѣдь, такъ все расскажетъ, что Гордѣй Евстратычъ только глазами захлопаетъ: у него въ головѣ читаетъ, какъ по книгѣ, да еще прибавить отъ себя всегда такое, что Гордѣй Евстратычъ диву только дается, какъ онъ самъ-то раньше этого не догадался... А винную часть Владиміръ Петровичъ такъ провозмелъ, что и говорить было нечего: все по копѣйкѣ впередъ рассчиталъ, на все своя смѣта, вездѣ первымъ дѣломъ расчетъ, даже гдѣ и кому колеса подмазать и всякое прочее, не говоря ужъ о томъ, какъ приговоры отъ сельскихъ обществъ забрать и какъ съ другими виноторговцами конкуренцію повести.

Головинскій зорко присматривался къ Брагинской семьѣ, особенно къ Татьянѣ Власевнѣ, и, конечно, не могъ не замѣтить того двойшагося впечатлѣнія, которое онъ производилъ на старуху: она хотѣла вѣрить въ него и не могла, а между тѣмъ она была необходима для выполненія великихъ плановъ Владиміра Петровича. Послѣ долгаго раздумья и самаго тщательнаго изслѣдованія вопроса со всѣхъ его сторонъ и со всѣхъ точек зрѣнія, Головинскій пришелъ къ тому заключенію, что теперь можно нанести послѣдній рѣшительный ударъ, чтобы «добыть старуху», какъ выражался про себя дѣлецъ. Однажды когда Владиміръ Петровичъ остался съ глазу-на-глазъ съ Татьяной Власевной, они разговорились:

— Давно я хочу вамъ сказать одну вещь, бабушка... Можно мнѣ такъ называть васъ, Татьяна Власевна?

— Зови, коли глянется...

— Я простой человѣкъ, бабушка Татьяна, и люблю другихъ простыхъ людей. Такъ вотъ я смотрю на васъ и часто думаю, что у васъ чего-то недостаетъ въ домѣ... Такъ? Не денегъ, не вещей, а такъ... поважнѣе этого.

— Да чего же еще-то, милушка?.. Слава Христу, не можемъ, кажется, пожаловаться...

— Нѣтъ, не то... Постороннему человѣку, бабушка Татьяна, это видѣсь. Я часто думаю объ этомъ и рѣшился высказать все вамъ откровенно. Вы не обидѣтесь на меня? Я въ этомъ былъ

увѣренъ... Видите ли какая вещь... Гмъ... Однимъ словомъ, я думаю о васъ, бабушка Татьяна. Вѣдь, вамъ подчасъ очень не весело приходится, и я знаю отчего. Виноватъ... Сначала я скажу вамъ, какъ вы ко мнѣ лично относитесь и что думаете теперь. Вы мнѣ не совсѣмъ довѣряете... Да? Дескать, чортъ его знаетъ, что у него на умѣ, у этого стрекулиста: прїѣхалъ изъ городу, поселился и хочетъ подмазаться къ нашимъ денежкамъ...

— Что вы, Владиміръ Петровичъ, Христось съ вами?!.. Да я, милушка... Ахъ, какія вы слова выговариваете!

— Будемъ-те на чисто говорить, и я прямо вамъ скажу, что вижу все это, понимаю и не обижаюсь. Для васъ я, дѣйствительно, посторонній человѣкъ, а чужая душа—потемки... Такъ? Да вы не стѣсняйтесь, бабушка Татьяна, дѣло житейское: я говорю только, что вы думаете. Ну, такъ и запишемъ... Васъ особенно смущаетъ то обстоятельство, что мы затѣваемъ съ Гордѣемъ Евстратычемъ. Да? Онъ не говоритъ никому ничего потому, что далъ мнѣ честное слово не болтать. Вотъ и все... Я человѣкъ осторожный и не люблю бросать словъ на вѣтеръ, а тѣмъ больше хлопотать напрасно. Гордѣя Евстратыча я зналъ въ городѣ какъ хорошаго человѣка, потому ему и довѣрился, а теперь призналъ васъ, бабушка Татьяна, и, кажется, могу вамъ довѣриться вполне.

Головинскій подробно рассказалъ свою встрѣчу съ Гордѣемъ Евстратычемъ и свои намѣренія на счетъ винной части. Онъ ничего не скрылъ, ничего не утаилъ и съ свойственнымъ ему великимъ тактомъ тонко расшевелилъ дремавшую въ душѣ бабушки Татьяны корыстную жилку. Заманчивая картина съ одной стороны, а съ другой—самыя неопровержимыя цифры сдѣлали свое дѣло: бабушка Татьяна пошла на удочку и окончательно убѣдилась, что Владиміръ Петровичъ, дѣйствительно, хорошій человѣкъ.

— Теперь возвратимся къ тому, съ чего начали, т.-е. что я хотѣлъ давно сказать, бабушка Татьяна, — продолжалъ Головинскій, переводя духъ. — Я съ перваго раза замѣтилъ, что у васъ есть какое-то горе, а теперь знаю его и могу вамъ помочь, если вы хотите. Однимъ словомъ, васъ мучатъ, бабушка Татьяна, ваши натянутыя отношенія къ вашимъ родственникамъ, т.-е. къ Савинымъ и къ Колобовымъ. Вы считаете себя правыми, и они тоже; они мучатся отъ этого за своихъ дочерей, а вы вдвое, потому что эти дочери у васъ постоянно передъ глазами. И Гордѣй Евстратычъ давно бы помирился съ ними, да только случая не выпадало. Собственно, и не ссорились, вѣроятно, а такъ, ваше золото всѣхъ смутило... Такъ? Я былъ въ этомъ увѣренъ.

Вотъ самимъ и не помириться никогда, а тутъ нужно посторонняго человѣка, который на все взглянулъ бы здраво, безъ всякаго предубѣжденія. Хотите, я все устрою? Помирю и васъ и Гордѣя Евстратыча со всей вашей родней?

— Владиміръ Петровичъ, милушка, да какъ это тебѣ на умъ-то все это пришло... а?... Вѣдь ты бы насъ всѣхъ облагодѣлствовалъ?...

— Мнѣ просто жалъ вашихъ невѣстокъ, жалъ Гордѣя Евстратыча, а, главнымъ образомъ, жалъ васъ, бабушка Татьяна... Для васъ специально все и устрою!.. Не легко это достанется, а устрою...

Старуха испытующе посмотрѣла на своего собесѣдника, покачала своей сѣдой головой и рѣшительно проговорила:

— Нѣтъ, милушка, ничего тебѣ не устроить...

— Да ужъ вы только мнѣ позвольте, а тамъ мое дѣло: моя голова въ отвѣтъ...

— А какъ ты это устроишь?

— Опять мое дѣло...

Тронутая этимъ участіемъ и прозорливостью Владиміра Петровича, бабушка Татьяна рассказала ему подробно о томъ, какъ она, вкупѣ съ о. Крискентомъ, хотѣла устроить такое примиреніе, воспользовавшись «гласомъ дѣвственности», а вмѣсто того только загубили Оеню. При этомъ воспоминаніи, Татьяна Власьевна, конечно, всплакнула и сквозъ слезы, вытирая свои потухшіе глаза кончикомъ передника, проговорила:

— Ты еще не знаешь Матрeвы-то Ильинишны, такъ и говоришь такъ, а попробуй-ка. И Агнія Герасимовна: она только на видъ простой прикидывается. У насъ тутъ есть одна старая дѣвушка, Марea Петровна, какъ она мнѣ все рассказывала, что говорятъ про насъ у Колобовыхъ-то да у Савинныхъ.

— Ага... Такъ. А я вамъ скажу, что эта дѣвушка Марea Петровна, вѣроятно, страшная сплетница, она васъ и разорила окончательно: вамъ наговорить про Колобовыхъ да про Савинныхъ съ три короба, а имъ про васъ. Вотъ сыръ-боръ и загорѣлся. Да ужъ вы только позвольте мнѣ...

Послѣ долгаго колебанія, Татьяна Власьевна, наконецъ, изъявила свое согласіе, чего Головинскій только и добивался. Онъ на той же ногѣ отправился къ Колобовымъ и Савиннымъ, а вечеромъ пришелъ къ бабушкѣ Татьянѣ и немного усталымъ голосомъ проговорилъ:

— Ну, бабушка Татьяна, говорите: слава Богу! все устроилъ... Завтра съ Гордѣемъ Евстратычемъ вмѣстѣ поѣдемъ, сначала къ

Колобовымъ, а потомъ къ Савинымъ. Матрена Ильинишна кланяется вамъ, и Агния Герасимовна тоже... Старушки чуть меня не расцѣловали и сейчасъ же къ вамъ пріѣдутъ, какъ мы съѣздимъ къ нимъ съ визитомъ.

Это извѣстіе такъ поразило Татьяну Власьевну, что она въ нѣмомъ изумленіи минутъ пять смотрѣла на улыбавшагося Владимира Петровича, точно на нее напелъ столбнякъ. Даже было мгновеніе, что старушка усомнилась, ужъ не оборотень ли предъ ней... И такъ просто: съѣздила, поговорила — и все, какъ по маслу.

— Только для васъ, бабушка Татьяна! — повторялъ Головинскій, потирая руки.

Д. Маминъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

СОНЕТЫ.

I.

О, дивный ангель Смѣхъ, съ сестрой своей Улыбкой,
Кто васъ родилъ—боговъ и хижинъ, и палатъ —
Когда, какъ валъ морской, промчался мощный братъ,
И нѣжная сестра мелькнула гладью выбкой?
Иль утромъ въ день седьмой васъ въ міръ произвели
Нетлѣнные уста Зиждителя вселенной,
Когда Онъ съ высоты, твореньемъ освященной,
Довольный кинулъ взглядъ на юный рай земли?
Возвала въ бытію васъ, можетъ статья, Ева?
Иль змѣй лукавый васъ впервые породилъ?
Иль духъ изгналъ людей изъ рая смѣхомъ гнѣва?
Иль Каинъ хохоталъ, какъ въ первый разъ убилъ?..
Могучій ангель Смѣхъ, съ Улыбкою сестрою,
Вы такъ порою злы, вы такъ добры порою!..

II.

Уже за небосклонъ ушелъ Эдемъ прекрасный,
Вокругъ изгнанниковъ лежалъ безвѣстный край;
Но мнилось имъ: вдали Іеговы гласъ ужасный
Еще не умолкалъ и повторялъ: «страдай!..
И головы склоня, рука въ рукѣ дрожащей,
Вѣжали въ трепетѣ отецъ и мать людей...
Но неужель изъ всей толпы духовъ блестящей
Никто не пожалѣлъ вчерашнихъ двухъ друзей?..

О, нѣтъ! Малютѣ рой, крылатыхъ херувимовъ,
 Сіяя радугой, за ними вслѣдъ летѣль,
 Ласкался къ нимъ шута, въ сердца проникъ незримо,
 И горе ихъ тушилъ и про надежду пѣлъ...
 Когда-жъ спросилъ Адамъ, уже смѣясь сквозь слезы:
 «Кто вы, прекрасные?» — и былъ отвѣтъ: «Мы? — грѣшны».

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

...Зима спросила: «Эй! Откуда
 Ты родомъ будешь, молодецъ?»
 — Я съ юга, бабушка, оттуда,
 Гдѣ царству твоему конецъ.
 «Такъ, такъ!.. У васъ тамъ, ходятъ слухи,
 Тепло бываетъ — экій грѣхъ! —
 И людямъ спать мѣшаютъ мухи,
 И вѣчный говоръ, вѣчный смѣхъ»...
 — Не вѣрь клеветникамъ, старуха!
 Чтѣ годъ, то холоднѣй теперь.
 Еще не родилась та муха,
 Что русскій сонъ смутить, повѣрь!
 Все, все молчить — и не съ боязни,
 А отъ спокойствія умовъ —
 И смѣху нѣтъ. Все это басни,
 Все это выдуми враговъ.
 «Ну, дай-то Богъ!» сказала снова
 Зѣвая бабушка Зима:
 «Но ты изъ-подъ родного крова
 Зачѣмъ пожаловалъ сюда?»
 — Я ѣду... Ахъ! Меня послали
 Сюда лечиться, видишь ты.
 Но я боюсь, что опоздали:
 Мою болѣзнь зовутъ — мечты...
 «Ну, въ добрый часъ!» она прервала:
 «Какъ знать, поправишься у насъ.
 Я не такихъ еще видала.
 Ну, въ добрый часъ! Ну, въ добрый часъ!»

М. А.

КОНСТАНТИНЪ АКСАКОВЪ

1817—1860.

I.

Сороковые годы.—Труды по русской исторіи и литературной критикѣ.

Константинъ Аксаковъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ лицъ въ нашей новѣйшей литературѣ, на долю которыхъ достаются не только горячія восхваленія въ своемъ лагерѣ, но и болѣе или менѣе теплое сочувствіе людей другихъ направленій. Причина этого заключается, однако, не столько въ содержаніи его идей, сколько въ личныхъ свойствахъ его дѣятельности: у насъ, къ сожалѣнію, не часто встрѣчается ни такая беззаветная убѣжденность, ни такая правдивость, которыя и въ свое время умѣряли его злѣйшихъ литературныхъ противниковъ. Было и другое обстоятельство, которое закрѣпило за нимъ сочувственное отношеніе и друзей, и враговъ. Онъ умеръ сравнительно молодымъ, въ полномъ развитіи силъ—въ такое время, когда едва только выступать на сцену тотъ новый порядокъ вещей, которому суждено было произвести и столько добра, и столько смуты въ жизни общества и народа. Константинъ Аксаковъ могъ оставаться идеалистомъ до конца своей дѣятельности: ему не привелось съ людьми своей партіи дѣйствовать въ тотъ послѣдующій періодъ времени, когда реформы, а потомъ реакція, должны были вызвать ту или другую опредѣленную постановку вопроса; онъ могъ не впадать въ явные противорѣчія, не впадать въ ложь, прикрываемую фразами,—какъ это не разъ случилось дѣлать его школь, и всего

Томъ II.—Мартъ, 1884.

10

больше въ послѣднее время, когда вопросы ставятся уже болѣе опредѣленно. Онъ остался передъ нами представителемъ того, такъ сказать, юношескаго идеализма, каковымъ жила русская литература въ свои прежнія времена, въ тяжелые тридцатые и сороковые года, и которому еще не приходилось выступать изъ міра теорій и мечтаній и сталкиваться лицомъ къ лицу съ жестокой или дикой дѣйствительностью. Печать этого идеализма лежитъ на всѣхъ произведеніяхъ К. Аксакова и сглаживаетъ въ значительной степени впечатлѣніе тѣхъ противорѣчій, которыми отличается все ученіе, и которыя къ нашему времени достигли до такихъ рѣзкихъ и антипатичныхъ проявленій.

Мы не имѣемъ въ виду ни біографіи, ни полного разбора сочиненій Аксакова ¹⁾. Мы хотѣли указать только нѣкоторыя главныя черты его литературныхъ и историческихъ взглядовъ въ связи съ ихъ общественными примѣненіями. Эти взгляды играли немалую роль въ повдѣйшемъ развитіи славянофильскаго ученія и частію вошли въ новѣйшую «народническую» школу. Какъ историкъ, К. Аксаковъ былъ; и до сихъ поръ остался, главнѣй-

¹⁾ Подробная біографія К. Аксакова, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не написана. Отдѣльныя біографическія свѣденія и некрологи находятся въ слѣдующихъ изданіяхъ:

- „Русская Бѣда“, 1860, кн. II, прил., ст. Погодина (нѣсколько словъ некролога).
- „Русская Рѣчь“, 1861, № 3.
- „Соврем. Лѣтопись“ Русскаго Вѣстника, 1861, № 1, стр. 23.
- „Спб. Вѣдом.“, 1861, № 19, ст. Гильфердинга.
- „Литературныя воспоминанія“, Панаева (первоначально въ „Современникѣ“ 1860—61). Спб. 1876, стр. 197 и далѣе.
- „О значеніи критическихъ трудовъ К. Аксакова по русской исторіи“, Н. Костомарова, Спб. 1861. (Наз. „Русскаго Слова“).
- Энциклопедическій словарь, составленный русскими учеными и литераторами, Спб. 1861, т. II, стр. 392—393 (статья М. Михайлова и К. Бестужева-Рюмина).
- „Университетскія воспоминанія“ Г. Г., „День“, 1863, № 42.
- „Портретная Галерея“, Мюнстера, т. 2, Спб. 1869.
- „Русскій Архивъ“, 1870, ст. 675, 678 (въ „Воспоминаніяхъ о Герценѣ“, Свербѣева). 1875, вып. 1, стр. 69. вып. 11, стр. 373.
- „Былое и Думы“, т. 2 и „Дневникъ“ того-же автора (изд. 1875).
- „Иллюстрированная Недѣля“, 1875, № 50.
- „Вѣдическій, его жизнь и переписка“, Спб. 1876, 2 т.
- „Русскій Архивъ“, 1878, вып. 2, стр. 131; вып. 5, стр. 61—64 (въ письмахъ Боданскаго къ Шевыреву); вып. 6, стр. 206—210, 215, 269.
- „Русскій Архивъ“, 1880, т. II, стр. 241—330.
- Письма Вѣдинскаго къ К. Аксакову, „Русь“, 1881, № 8.
- По поводу записки К. Аксакова, „Отголоски“, 1881, № 13.
- „Сборникъ русск. отдѣленія Акад. Наукъ“, 1883, т. XXXI (упоминанія объ Аксаковѣхъ въ письмахъ Погодина къ Максимовичу), и друг.

шимъ авторитетомъ своей школы. Его публицистическія мнѣнія повторяются до сихъ поръ въ славянофильской литературѣ, хотя черезъ двадцать лѣтъ по смерти писателя требовали бы, наконецъ, болѣе точнаго объясненія.

К. Аксаковъ родился въ 1817 г. въ довольно богатой помѣщичьей семьѣ и съ дѣтства, въ деревенской жизни, встрѣчался съ тѣми впечатлѣніями народности, какія давала въ то время подобная обстановка. Наперекоръ тому, что такъ упорно повторяла впоследствии школа объ окончательной и роковой оторванности высшихъ классовъ отъ народа и отъ источниковъ русскаго духа, оказывалось, что въ дѣйствительности, напримѣръ, самъ К. Аксаковъ, родившійся въ средѣ высшаго класса, не былъ оторванъ отъ этихъ источниковъ народнаго духа и впоследствии не одинъ разъ ссылался на живыя народныя преданія, запечатлѣвшіяся въ его памяти съ дѣтства, и которыя, конечно, были непосредственнымъ свидѣтельствомъ, что «оторванность» имѣла по крайней мѣрѣ много исключеній. Отецъ Аксакова, впоследствии патриархъ славянофильской семьи и замѣчательный писатель, самъ былъ живымъ доказательствомъ противъ этой оторванности. Послѣ появленія его охотничьихъ разсказовъ и «Семейной Хроники» онъ былъ, какъ извѣстно, прославленъ какъ великій знатокъ русской жизни, глубоко понимающій ея духъ и старину, и изображающій ее съ высокимъ художественнымъ совершенствомъ; между тѣмъ вся прежняя дѣятельность С. Т. Аксакова шла въ полномъ разгарѣ старыхъ направленій, которыя обыкновенно сурово осуждались славянофильской школой, какъ фальшивыя и рабскія копіи европейскихъ образцовъ. С. Т. Аксаковъ былъ романтикъ въ старомъ вкусѣ, впоследствии, между прочимъ, великій поклонникъ Пушкина, что иногда не совсѣмъ совпадало съ тенденціями юнаго славянофильскаго поколѣнія, которое не всегда жаловало Пушкина. Его старинный романтизмъ не помѣшалъ ему позднѣе нарисовать дѣйствительно прекрасныя картины русскаго быта, съ большимъ мастерствомъ языка, какъ только онъ взглянулъ на дѣло проще, безъ притязаній, съ тѣмъ реализмомъ наблюденія, къ какому именно и стремилась русская литература, проходя различные опыты въ свои «учебные годы».

Въ тридцатыхъ годахъ К. Аксаковъ поступилъ въ московскій университетъ по «словесному отдѣленію» и тогда же применилъ, какъ младшій сочленъ, къ кружку Станкевича. Характеръ и исторія этого кружка достаточно извѣстны и нѣтъ надобности

на немъ подробно останавливаться. Довольно сказать, что Аксаковъ былъ въ это время въ тѣсной дружбѣ съ Бѣлинскимъ, какъ это еще разъ подтверждено изданными недавно письмами къ нему Бѣлинскаго. Какъ цѣлый кружокъ, такъ и К. Аксаковъ, былъ тогда весь погруженъ въ Гегелевскую философію. Къ ней присоединялся уже съ тѣхъ поръ тотъ особый московскій патріотизмъ, который впоследствии былъ доведенъ имъ до послѣдней крайности, и въ ту пору не составлялъ, однако, его исключительной особенности: извѣстная переписка Станкевича, различныя статьи Бѣлинскаго, рассказы другихъ современниковъ свидѣлствуютъ, что подобнымъ настроеніемъ отличались и вообще члены молодого кружка. Но у другихъ этотъ мѣстный патріотизмъ былъ дѣломъ юношеской восторженности и позднѣе заслоненъ иными болѣе серьезными теченіями мысли ¹⁾; у Аксакова, оставшагося въ условіяхъ одной обстановки, онъ все болѣе развивался, былъ возведенъ въ квадратъ и сталъ непрепрекаемой руководящей идеей. Весьма естественно, что тогда же этотъ исключительный московскій патріотизмъ получилъ и философскую подкладку: Москва являлась олицетвореніемъ народнаго духа, и вѣровать въ ея провиденціальную роль значило именно уразумѣть самую сущность національнаго начала. К. Аксаковъ не вдругъ, однако, дошелъ до крайностей своего ученія. Какъ ни смотрѣли потомъ свысока на гегелианскія увлеченія его и цѣлаго кружка, философское построеніе національнаго взгляда долго уравнило его историческія понятія: Москва при всемъ ея глубоко-національномъ значеніи, долго еще, до половины сороковыхъ годовъ, казалась ему только одной стороной русскаго историческаго содержанія, а Петровская реформа понималась имъ въ ту пору какъ естественное логическое отрицаніе этой односторонности, изъ котораго долженъ былъ произтечь новый, болѣе полный фазисъ развитія.

Отношенія съ Бѣлинскимъ удержались недолго ²⁾. Увлекаемый броженіемъ своей мысли, Бѣлинскій обыкновенно со всѣмъ увлеченіемъ отдавался каждому новому своему взгляду; извѣстно, что это увлеченіе очень часто становилось необузданностью: увидѣвъ свою ошибку, онъ прежде всего безжалостно каралъ самого себя, а затѣмъ, конечно, никакъ не могъ мириться съ той же точкой зрѣнія у другихъ, и если эти другіе

¹⁾ См. переписку Станкевича, въ книгѣ Анненкова, стр. 90—91; статью Бѣлинскаго о Бородинской годовщинѣ и проч.

²⁾ Ср. „Жизнь и переп. Бѣлинскаго“, II, гл. VII—IX.

не менѣе упорно оставались при своемъ, то разрывъ становился неизбежнымъ. Къ К. Аксакову онъ былъ очень привязанъ, но противорѣчіе взглядовъ доходило, наконецъ, до того, что личные отношенія должны были прерваться.

«Я по натурѣ жидъ», писалъ однажды Бѣлинскій, и теоретическіе противники казались ему филистимлянами.

Это броженіе идей въ кружкѣ Станкевича и въ смежномъ съ нимъ сначала кружкѣ первыхъ славянофиловъ исполнено величайшаго историческаго интереса. Среди самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій ¹⁾ въ этой группѣ людей ставились глубочайшіе вопросы нашего общественнаго и народнаго развитія: стоя внѣ официальнаго хода жизни, едва имъ замѣчаемые, а потому едва терпимые, эти люди совершали за общество работу сознанія и ставили ему задачи, которыя вскорѣ сдѣлались ясными и для массы людей образованныхъ. Личныя отношенія этого круга имѣютъ поэтому вовсе не одинъ только анекдотическій интересъ, важный для ихъ біографій, но и гораздо болѣе широкій интересъ историческій: ихъ первоначальное согласіе указывало, что характеристическіе оттѣнки ихъ мысли еще не выдѣлялись изъ области теоретическаго идеализма; ихъ начавшіеся столкновенія были признакомъ возникавшаго различія направленій ²⁾; ихъ полный разрывъ былъ свидѣтельствомъ, что мысль окончательно разошлась въ разныя стороны, и они разбились на два враждебные лагеря. Исторія этихъ отношеній рассказывалась не однажды, и нѣтъ надобности повторять извѣстныхъ подробности; тѣмъ не менѣе полный рассказъ о нихъ еще заставляетъ себя ждать. Такъ, еще мало извѣстны и оцѣнены тѣ въ высокой степени любопытныя подробности, какія сообщаются объ этомъ времени въ «Дневникѣ» первыхъ сороковыхъ годовъ, принадлежащемъ автору «Былого и думъ» и напечатанномъ послѣ его смерти. «Дневникъ» обнимаетъ четыре года (1842—45) и захватываетъ именно то время, когда отношенія двухъ лагерей, сначала мирныя, все болѣе и болѣе обо-

¹⁾ Ко множеству извѣстныхъ раньше фактовъ укажемъ, изъ напечатанныхъ въ «Русѣ» писемъ Бѣлинскаго къ К. Аксакову, курьезный рассказъ о встрѣчѣ Бѣлинскаго съ Скобелевымъ (дѣдомъ знаменитаго новѣйшаго героя), который обращался къ Бѣлинскому, при первой встрѣчѣ, съ „ты“ и „братецъ“ и не стѣснялся съ угрозами.

²⁾ Напомнимъ, для примѣра, участіе въ Валуевскомъ сборникѣ (1845) Грановскаго и К. Д. Кавелина; участіе въ „Московскихъ Сборникахъ“ (1846, 1847, 1852) Соловьева, который, между прочимъ, помѣстилъ въ первомъ изъ нихъ статью „о родонихъ отношеніяхъ между князьями древней Руси“, — съ тѣмъ взглядомъ, который послѣ такъ страстно опровергался К. Аксаковымъ, какъ взглядъ нерусскій.

страются, и, наконецъ, наступаетъ разрывъ. Бѣлинскій былъ въ то время уже давно въ Петербургѣ и уже возставалъ на филистимлянъ; авторъ «Дневника» жилъ въ Москвѣ и встрѣчался нерѣдко съ славянофилами, уже вступалъ съ ними въ пренія и уже чувствовалъ, какими неблагополучными осложненіями начинается этотъ споръ. Нѣсколько эпизодовъ тогдашняго спора обоихъ кружковъ объяснять намъ, почему этотъ споръ съ самаго начала сталъ представлять такіа неблагополучныя свойства, почему, не смотря на то, что съ обѣихъ сторонъ были люди высокаго и чистаго характера, глубокихъ и искреннихъ убѣжденій, какъ Грановскій, Бѣлинскій, самъ авторъ «Дневника», или какъ братья Кирѣевскіе и К. Аксаковъ,—столкновение двухъ точекъ зрѣнія уже вскорѣ теряетъ свой чистый теоретическій характеръ и способно было вызвать раздраженіе не только у Бѣлинскаго, но и у болѣе спокойнаго автора «Дневника». Дѣло въ томъ, что далеко не всѣ изъ принявшихъ участіе въ спорѣ стояли на научной высотѣ вопросовъ, что славянофильство скоро оказалось узкой нетерпимости и неразборчивости — въ дружбахъ и союзникахъ. Такъ, оно не было достаточно отдѣлено и само себя не отдѣляло отъ другой точки зрѣнія, имѣвшей въ сущности иное происхожденіе, именно, точки зрѣнія тогдашней официальной народности и официального патріотизма, представителями которыхъ въ ученой средѣ являлись тогда въ особенности Погодинъ и Шевыревъ. Какова была эта точка зрѣнія, довольно извѣстно. Впоследствии (и донинѣ) партизаны славянофильства стараются рѣшительно отграничить его отъ Погодина и Шевырева; и дѣйствительно, разница между ними есть: это были люди разныхъ поколѣній, различнаго пути развитія, разныхъ положеній и дѣятельности, — и, на примѣръ, Погодинъ бывалъ часто слишкомъ грубымъ патріотическимъ практикомъ, — тѣмъ не менѣе между ними было и много общаго, и славянофилы того времени не только не выдѣляли себя достаточно отъ Погодинской точки зрѣнія, но и сами на нее становились. Вмѣстѣ съ тѣмъ, славянофильство стало вскорѣ принимать характеръ крайней нетерпимости: оно выставало свои положенія съ рѣзкостью, не допускавшей возраженія и переходившей въ фанатизмъ. Это было, разсуждая исторически, довольно понятно: славянофилы, какъ кружокъ западнической, были одинокими оазисами въ пустынѣ общественнаго мнѣнія; въ этомъ положеніи людямъ, поставившимъ тѣсно національную точку зрѣнія, мало вообще способную къ критическому безпристрастію, легко было счесть себя за посвященныхъ, за носителей великой истины, скрытой отъ толпы,

а въ тѣсныхъ кружкахъ, каковъ и былъ славянофильскій, это не способствуетъ терпимости.

Серььзная литературная дѣятельность К. Аксакова начинается въ половинѣ сороковыхъ годовъ ¹⁾. Въ 1846 г. вышелъ

¹⁾ Сочиненія К. Аксакова, вышедшія отдѣльными книгами и брошюрами:

— „Домоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка“, М. 1846.

— „Освобожденіе Москвы въ 1812 г.“. Драма въ 5 д., М. 1848 (Объ этомъ: „Литерат. Газета“, 1848, № 21; „Москвитинъ“, 1848, т. 8, № 5, стр. 27; „Современникъ“, 1848, № 5, т. 9, отд. 3, стр. 49—54; „Сиб. Вѣдомости“, 1848, № 105).

— „О русскихъ глаголахъ“, М. 1855 (См. „Отеч. Зап.“ 1855, № 8, ст. Буслаева; „Изв. II Отд. Акад. Наукъ“, вып. 7, т. 4, ст. Срезневскаго; „Современникъ“, 1855, № 7).

— „Князь Луковичій“, комедія (писано въ 1851), М. 1856 (первоначально въ приложеніи къ „Русск. Вѣст.“. 1856, кн. I). Лейпцигъ 1857.

— Замѣчанія о Псковской радной записи XIII в., Спб. 1853 (изъ 1-го тома „Изв. Арх. Общества“).

— „Олеги подъ Константинополемъ“, драматическая пародія съ эпилогомъ, въ 3 д., въ стихахъ, Спб. 1858 (См. „Моск. Обзоръ“, 1859, № 1, отд. 3, стр. 25—26).

— „Опытъ русской грамматики“, вып. I, М. 1860 (См. „Изв. II Отдѣленія Акад. Наукъ“, 1860, т. 9, вып. I).

— „Замѣчанія на новое административное устройство крестьянъ въ Россіи“. Лейпцигъ, 1861.

— Полное собраніе сочиненій К. Аксакова, Т. I (сочиненія историческія), М. 1861; т. II-III (сочиненія филологическія), М. 1875, 1880 (См. „Современникъ“, 1862, № 1 и 2; „Отеч. Зап.“ 1862, № 1—3, ст. К. Бестужева-Рюмина; „Время“, 1862, № 8; „Свѣтъ“, 1862, № 7). Полное собраніе должно завершиться еще томами IV-V, которые должны заключать поэтическія и публицистическія труды К. Аксакова. Изданіе замедлилось, по объясненію издателя, г. И. Аксакова, сомнѣніи въ возможности дать полный текстъ этихъ сочиненій. Нельзя не раздѣлить вполне сожалѣній издателя, что условія нашей литературы до сихъ поръ ставятъ подобное предпріятіе ея историческому изученію.

Отдѣльныя историческія, критическія и проч. статьи и стихотворенія, послѣ „Телескопа“ и „Моск. Наблюдателя“, помѣщались въ „Моск. Сборникахъ“, „Русской Вѣстѣ“ и „Молѣ“.

— Критическія статьи о сборникѣ гр. Соллогуба: „Вчера и сегодня“, о книгѣ Никитенко: „Опытъ исторіи русской литературы“, о „Петербургскомъ Сборникѣ“, Некрасова, въ „Московскомъ литер. и ученомъ сборникѣ“, 1846, съ подписью „Ипрекъ“.

— Статьи „О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и русскихъ въ особенности“ (Моск. Сборн., 1852) и другіе историческія труды, помѣщенные въ „Русской Вѣстѣ“, собраны въ I т. собранія сочиненій.

— „О русскомъ воззрѣніи“, Р. Вѣстѣ, 1856, кн. I и II.

— Обзоръ современной литературы, тамъ же, 1857, кн. I.

— О повѣсти г-жи Кохановской: „Послѣ обѣда въ гостяхъ“, тамъ же, 1858 кн. IV.

— Замѣтка по поводу перевода г. Кроненбергомъ лѣтописи Кая Тацита, тамъ же, 1858 кн. IV.

первый крупный его трудъ, диссертация о Ломоносовѣ, въ которой онъ еще только наполовину стоитъ на славянофильской точкѣ зрѣнія, а на половину сохраняетъ къ ней критическое отношеніе. Къ этому времени, однако, полемическія страсти окончательно разгорѣлись, и можно было предвидѣть, что К. Аксаковъ будетъ поглощенъ самымъ исключительнымъ славянофильствомъ. Любопытно видѣть, по разсказамъ «Дневника», какъ уже въ то время, въ первыхъ сороковыхъ годахъ, когда школа едва заявляла себя нѣкоторыми литературными трудами, ближайшимъ наблюдателямъ ясны были тѣ крайности, которыя потомъ и дѣйствительно отмѣтили ея дѣятельность рѣзкими фальшивыми нотами. Въ концѣ 1842 г., авторъ «Дневника» жалуется уже, что людямъ его круга приходится защищать возможность существованія своихъ мнѣній не только отъ внѣшняго притѣсненія, но и отъ самой литературы, а именно, отъ славянофильства. «Славянофильство, — пишетъ онъ въ ноябрѣ 1842, — приноситъ ежедневно пышные плоды; открытая ненависть къ Западу есть открытая ненависть ко всему процессу развитія рода человѣческаго, ибо Западъ, какъ преемникъ древняго міра, какъ результатъ всего движенія и всѣхъ движеній, — все прошлое и настоящее человѣчество (ибо не арифметическая цифра, счетъ племенъ или людей — человѣчество). вмѣстѣ съ ненавистью и пренебреженіемъ къ Западу — ненависть и пренебреженіе къ свободѣ мысли, къ праву, ко всѣмъ гарантіямъ, ко всей цивилизаціи. Такимъ образомъ, славя-

— Статья объ «Опытѣ исторической грамматики русскаго языка», г. Буслаева, тамъ же, 1859, кн. V и VI.

— Примѣчанія на народную повѣсть о бражничѣ, тамъ же, 1859, кн. VI и друг.

— Рядъ передовыхъ статей въ газетѣ „Молва“, 1857 (см. указаніе самого Аксакова въ № 19, стр. 226), критическихъ замѣтокъ и очерковъ: по поводу статьи В. Ламанскаго „О распространеніи знаній въ Россіи“ (№ 10); о сочиненіяхъ Жуковскаго (№ 11, 14); замѣчанія на статью Дала о народной грамотности (№ 36); „Разсказъ изъ деревенской жизни“ (№ 35 — 36) и проч., и нѣсколько стихотвореній.

Послѣ его смерти напечатаны:

— „Студенческія воспоминанія“, „День“, 1862, № 39—40.

— О современномъ челоѣкѣ, въ изданіи Петерб. Славянскаго комитета „Братская помощь“, 1876, а потомъ въ „Руси“, 1883, №№ 8, 12, 13.

— Записка, представленная Государю Императору въ 1855 г., „Русь“, 1881, № 26—28.

— Письмо къ Хомякову въ концѣ 1857, „Русь“, 1883, № 3.

— Письмо къ кн. В. А. Черкасскому (въ 1859), „Русь“, 1883, № 3.

— Замѣчанія на доклады редакціонныхъ комиссій, „Русь“, 1883, № 3, 5.

— О современномъ литературномъ спорѣ (писано въ 1847), „Русь“, 1883, № 7.

вошли само собою становятся со стороны вѣшняго давленія... Нѣтъ настолько образованныхъ шпионовъ, чтобъ указывать всякую мысль, сказанную изъ свободной души, чтобъ понимать въ ученой статьѣ направление и пр. Славянофилы взялись за это. Отвратительные доносы Булгарина не оскорбляли, потому что отъ Булгарина нечего ждать другого, но доносы «Москвитянина» повергаютъ въ тоску. Булгаринъ работаетъ изъ одного гроша, а эти господа? Изъ убѣжденія! Каково же убѣжденіе, позволяющее прямо дѣлать доносы на лица, подвергая ихъ всѣмъ бѣдствіямъ?... «То, что въ «Отеч. Зап.» печатается, — замѣчаетъ онъ дальше, — то здѣсь страшно говорить при многихъ. Слава Петру, отрекшемуся отъ Москвы! Онъ видѣлъ въ ней замуошіе корни узкой народности, которая будетъ противодействовать европеизму и стараться снова отторгнуть Русь отъ человѣчества». Какъ видимъ, авторъ не отдѣляетъ здѣсь «Москвитянина» (т.е. Погодина и Шевырева) отъ славянофиловъ: они сами не отдѣлились.

Около того же времени авторъ «Дневника» записываетъ свое впечатлѣніе послѣ бесѣды съ Ив. Кирѣевскимъ. Иванъ Кирѣевскій, по словамъ его, замѣчательный человѣкъ; онъ фанатикъ своего убѣжденія, такъ какъ Бѣлинскій—своего. «Такихъ людей нельзя не уважать, хотя бы и былъ діаметрально противоположенъ въ воззрѣніи; ненавистны тѣ люди, которые не умѣютъ рѣзко стоять въ своей системѣ, которые хитро отступаютъ, боятся высказаться, стыдятся своего убѣжденія и остаются при немъ. Кирѣевскій *coeur et âme*—свое убѣжденіе, онъ нетерпящъ, онъ грубо и дерзко возражаетъ, вѣрить своимъ началамъ и, разумеется, одностороненъ. Человѣкъ этотъ глубоко перестрадалъ вопросъ о современности Руси, слезами и кровью купилъ разрѣшеніе — разрѣшеніе нежеланное, однако не такъ отвратительное, какъ пѣстическій оптимизмъ Аксакова (т.е. Константина). Онъ вѣритъ въ славянскій міръ — но знаетъ гнусность настоящаго... Таковъ онъ показался мнѣ; натура сильная и держащаяся всегда въ какой-то экзальтаціи, которая, полагаю, должна быть неразрывна съ фанатической односторонностью».

Въ январѣ 1843, авторъ «Дневника» снова записываетъ любопытныя впечатлѣнія того умственного и нравственнаго броженія, которое овладѣвало тогда болѣе живыми и возбужденными умами, производило оригинальную пеструю смѣсь мнѣній, и въ запутанностяхъ котораго возникало само славянофильство. Вопросъ національно-общественный былъ уже связанъ и даже подчиненъ вопросу религіозному, исповѣдному. Рядомъ съ разви-

тѣмъ ультра-православной точки зрѣнія, которую еще ранѣе славянофиловъ (но только въ тонѣ официальной народности) заявлялъ Шевыревъ, а вскорѣ возвелъ въ цѣлое всеобъемлющее ученіе Хомяковъ, — съ конца тридцатыхъ годовъ, какъ извѣстно, неожиданнымъ образомъ выставлена была точка зрѣнія католическая. Она не имѣла успѣха въ кругахъ литературныхъ (своихъ прозелитовъ находила она только среди аристократическихъ баръ и особливо барынь), но ее нельзя не отмѣтить какъ симптомъ, какъ одинъ изъ аргументовъ, выставленныхъ въ тогдашней борьбѣ философскихъ и общественно-національных мнѣній. Новымъ горячимъ адептомъ католичества явился теперь кн. Гагаринъ, извѣстный впоследствии *père-jésuite* и католическій полемистъ. По мнѣнію кн. Гагарина, Чаадаевъ, авторъ извѣстной статьи въ «Телескопѣ», былъ человекъ отсталый. Остановливаясь на этомъ столкновеніи въ Москвѣ православія и католичества, авторъ «Дневника» указываетъ причину страннаго броженія идей въ условіяхъ времени: «общая связь одна — всѣ убѣждены въ тѣлѣ настоящего, но выходъ находить каждый молодецъ на свой образецъ». Но партія нашихъ «католиковъ» — «всѣхъ дальше въ неаѣности»: она неаѣна въ самой Франціи, — но каково же въ нашъ вѣкъ сдѣлаться католикомъ *par affinité élective* ¹⁾, сдѣлаться иезуитскимъ пропагандистомъ. Жаль откровенность, съ которой бросаются въ эти мертвые пути». Аксаковъ въ это время еще не дошелъ тогда до своей послѣдующей точки зрѣнія, былъ «полу-гегеліанцемъ, полу-православнымъ» и не заботился даже примирять этихъ сторонъ своихъ мнѣній, считая, что философія и религія двѣ совершенно разныя области. Авторъ «Дневника» находилъ, что изъ этихъ двухъ спорившихъ сторонъ Кирѣевскій и его союзники имѣютъ передъ «католиками» важный шагъ впередъ, потому что они родились въ православіи, связаны съ нимъ воспитаніемъ, народными воспоминаніями etc. Сверхъ того, вообще, православіе никогда не имѣло такого торжественнаго финала, какъ реформація; оно покойнѣе, никогда не шло ни впередъ, ни назадъ, и потому это безжизненное, но и не мертвое бытіе въ самомъ дѣлѣ имѣетъ нѣчто проблематическое, о чемъ мечтать можно. Почемъ знать, — размышляетъ онъ, — чѣмъ оно разовьется, такъ какъ можно ждать еще византійскаго водчества, а уже готическаго нельзя. Кирѣевскій отвергаетъ все западное, не хочетъ даже знать, боится знать, т.-е. боится углубиться въ себя, чтобъ не найти тамъ зароды-

¹⁾ Намекъ на „Wahlverwandschaft“ Gëte.

пей скептицизма. «Типъ этихъ споровъ одинъ (замѣчаетъ далѣе авторъ): откуда вѣдьмы — изъ Кіева или изъ Чернигова? Для людей, не вѣрящихъ въ вѣдьмъ, остается зѣвать и жалѣть расточенія силъ. Эти господа дѣлали преспеціальныя изученія исторіи церкви, знаютъ подробности ненужныя и мелочныя, дающія пищу ихъ контроверзѣ, и совершенно незнакомы съ краугольными истинами историческаго развитія до смѣшнаго. Кн. Гагаринъ однажды доказывалъ, что въ XVI, что-ли-то, вѣвѣ было незаконное избраніе русскаго патріарха, и отсюда выводилъ заключеніе о мѣрѣ законности постановленій и пр.; но развѣ греко-россійская церковь не есть событіе, которое требуетъ только признанія? и что поможетъ доказательство, что она не имѣетъ въ такомъ-то смыслѣ такого-то оправданія? Тутъ еще не все. Есть и протестанты, улыбающіеся надъ тѣми и другими, какъ надъ отсталыми, смѣющіеся надъ невѣждами, утверждающими, что вѣдьмы изъ Кіева или изъ Чернигова, а сами они знаютъ навѣрное, что вѣдьмы идутъ изъ Житомира...

«И на это расточается большая дѣятельность — хотѣ плода ждать нельзя; но какъ бы то ни было, нельзя не признать, что самая дѣятельность эта утѣшительна; безъ нея Москва была бы гробъ; привычка заниматься всеобщимъ, переносить свои вопросы въ сферу вопросовъ религіозныхъ — хороша. Привычка собираться для споровъ, излагать, защищать свое profession de foi становится въ люди насъ, все-таки безличныхъ рабовъ. Итакъ спасибо и на томъ!»

Источникъ всего этого броженія авторъ «Дневника» находилъ въ томъ, что въ обществѣ жило болѣе или менѣе ясное или темное сознаніе тяжелой дѣйствительности, и въ лучшихъ его людяхъ все сильнѣе волновалось стремленіе къ выходу, къ примиренію въ какомъ-нибудь высшемъ началѣ, хотя бы это примиреніе было самообольщеніемъ, лишь бы только это высшее начало заставило забыть о дѣйствительности и обѣщало лучшее будущее ¹⁾.

Въ октябрѣ того же года авторъ «Дневника» опять обращается къ своимъ противникамъ и даетъ новыя черты выроста-

¹⁾ «Когда народъ ощущаетъ одинъ темный трепетъ призванія, одно броженіе чего-то неяснаго, но влекущаго его въ сферу шари, тогда мыслище, не имѣя общей силы, начинаютъ метаться во всѣ стороны. Страшное сознаніе гнусной дѣйствительности, борьбы, заставляетъ искать примиренія во что-бы ни стало, примиренія во всякой негнѣности, себя-обольщенія — лишь бы была дѣйствительность мысли, лишь бы оторваться отъ дѣйствительности и найти причину, почему она такъ гадка. Вотъ причина этого множества партій, самыхъ непонятныхъ, въ Москвѣ».

шей славянофильской теоріи. На этотъ разъ онъ говоритъ о Петрѣ Кирѣевскомъ, котораго ставитъ очень высоко, и роль котораго въ выработкѣ ученія до сихъ поръ не достаточно опредѣлена, хотя была, повидимому, значительнѣе, чѣмъ обыкновенно думали. Петръ Кирѣевскій также, конечно, дѣлилъ тѣсную вѣроисповѣдную точку зрѣнія, отвергалъ совершенно западное христіанство, не признавалъ движенія исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ, наконецъ, въ виду фактовъ считалъ ненормальнымъ состояніе самой восточной церковности—положеніе, впоследствии развитое (больше, впрочемъ, въ заграничной печати) Хомяковымъ и Самаринымъ. По словамъ автора «Дневника», «исторія, какъ движеніе человѣчества къ освобожденію и себяпознанію, къ сознательному дѣянію, для нихъ не существуетъ, ихъ взглядъ на исторію приближается ко взгляду скептицизма и матеріализма съ противоположной стороны. Вся жизнь человѣчества—болѣзненное, аномальное явленіе».

Упомянувъ объ этомъ критическомъ отношеніи Петра Кирѣевского къ современной восточной церкви, авторъ «Дневника» замѣчаетъ: «неужели христіанство, въ началѣ имѣвшее 12 апостоловъ, черезъ 1800 лѣтъ оканчивается двумя или тремя лицами, знающими какую-то подъ спудомъ хранящуюся истину въ церкви, живущей по ихъ сознанію во лжи? Дѣятельность и стремительное движеніе европейское они называютъ мелочной хлопотливостью и находятъ единымъ идеаломъ вѣстическое спокойствіе какой-то созерцательной жизни на индійскій манеръ... Внутренній страхъ, что ихъ мысль не признана, дѣлаетъ ихъ фанатически нетерпимыми; въ нихъ, какъ во всѣхъ фанатикахъ, недостаетъ любви. Они на Западъ смотрятъ съ ненавистью. Это также пошло и нелѣпо, какъ воображать, что все наше національное грустно и отвратительно. Оттого, что Руси общечеловѣческое начало прививать неестественно, насильственно, они ополчились противъ общечеловѣческой цивилизаціи Европы, считая ее однимъ блескомъ пустымъ и ложнымъ. Присутствуя при прививкѣ формъ, они проглядѣли, что долго на родной почвѣ въ этихъ формахъ обитала прекрасная сущность».

При всей «уродливости» взгляда Петръ Кирѣевскій былъ въ глазахъ автора «Дневника» человѣкъ талантливый, восторженный и благородный. Противникъ признавалъ ихъ большую послѣдовательность, но замѣчалъ уже тогда характерныя обстоятельства, которыя потомъ не разъ можно было видѣть въ дѣятельности славянофильства, а именно, что опору своей точки зрѣнія они не подвергаютъ анализу, даже минуютъ ее выска-

зывать. Послѣдователи школы въ это время еще не вполне сошлись въ одну цѣльную систему. Но вообще точка зрѣнія школы была вѣрованіе, слѣдовательно, дѣло чисто субъективнаго чувства, и въ этомъ отношеніи Кирѣвскіе казались болѣе послѣдовательными, чѣмъ былъ Ю. Самаринъ и К. Аксаковъ, которые въ тѣ годы хотѣли еще строить славяновизантійское зданіе на основахъ современной науки. Новѣйшіе славянофилы съ негодованіемъ отвергаютъ мысль, будто бы въ постройкѣ ихъ системы участвовала Гегелевская философія. Но, не говоря о томъ, что въ трудахъ самого К. Аксакова, какъ увидимъ дальше, эта философія заявлена самымъ категорическимъ образомъ, мы находимъ здѣсь и свидѣтельство компетентнаго современника, который могъ слѣдить за самымъ формированіемъ взгляда. Онъ именно замѣчаетъ о Самаринѣ и К. Аксаковѣ, что они «по Гегелю доходятъ до православія, и по западной наукѣ до отрицанія западной исторіи». Именно, эти, болѣе молодые, члены кружка и опирались положительно на западную науку и Гегелевскую философію; въ ту пору они имѣли многія точки соприкосновенія со своими противниками—напримѣръ, вѣру въ прогрессъ и будущность человѣчества. По словамъ самаго новѣйшаго издателя сочиненій, К. Аксаковъ и до конца своей дѣятельности сохранилъ старую философскую складку мыслей и изложенія,—вѣдь не даромъ же и не безъ причины.

Въ февралѣ 1844, авторъ «Дневника», по поводу книги Штура: «Untergang der Naturstaaten», ставитъ тѣ вопросы объ исторической роли племенъ, именно западныхъ и восточныхъ, которые въ то время были въ числѣ предметовъ полемическаго спора. Славянофильство считало Западъ отжившимъ, не дававшимъ надеждъ на будущее, и напротивъ—славянству и въ частности русскому народу предоставлялось внести въ жизнь человѣчества новое оживляющее начало. Основаніе къ этому видѣли и тогда какъ послѣ, кромѣ православія—въ общинѣ. И уже тогда, сорокъ лѣтъ тому назадъ, поставлено было возраженіе, не отвергнутое славянофильской школой и по сію минуту. Западная исторія есть исторія развитія личности, и въ этомъ отношеніи она достигла громадныхъ результатовъ; «но было ли какое-нибудь основаніе думать, что она остановится: но имѣли ли мы право сказать, что грядущая эпоха, которая на знамени своемъ поставитъ не личности, а общину, не свободу, а братство, не абстрактное равенство, а органическое распредѣленіе труда, не принадлежитъ Европѣ? Въ этомъ весь вопросъ».

Въ маѣ 1844 г., авторъ «Дневника» отмѣчаетъ возникавшіе

въ то время планы приобрѣтенія славянофилами Погодинскаго «Москвитянина», и въ разсказѣ опять обнаруживаются любопытныя черты тогдашнихъ отношеній между двумя кружками и недостаточнаго единства и согласія въ самомъ славянофильствѣ. Сдѣлаемъ тутъ небольшую оговорку. Однимъ изъ центровъ, гдѣ собиралось тогда литературное общество и гдѣ встрѣчались люди обоихъ направленій, былъ домъ Свербѣевыхъ. Въ воспоминавіяхъ о Герценѣ ¹⁾ г. Свербѣевъ, разсказывая объ этихъ встрѣчахъ, упоминаетъ, что Герценъ въ особенности любилъ Хомякова. Можно было сказать развѣ то, что Герценъ любилъ съ нимъ спорить: самъ ловкій остроумный спорщикъ, онъ находилъ въ Хомяковѣ такого же блестящаго говоруна, съ которымъ было пріятно помѣряться силами; но, кажется, совершенно невозможно сказать, чтобы онъ особенно любилъ Хомякова: напротивъ, въ его сочиненіяхъ остались несомнѣнные слѣды того, что Хомяковъ былъ, собственно говоря, ему весьма антипатиченъ. Подобное впечатлѣніе, сколько извѣстно, Хомяковъ, производилъ особенностями своего характера и на многихъ другихъ лицъ западническаго кружка. Какъ можно думать по нѣкоторымъ выраженіямъ «Дневника», онъ не встрѣчалъ полнаго сочувствія и въ своемъ собственномъ кружкѣ. Авторъ «Дневника» именно разсказываетъ, что предложеніе Хомякова о «Москвитянинѣ», подтверждаемое опасеніемъ, что этотъ журналъ можетъ быть приобрѣтенъ ихъ противниками, Кирѣевскій отклонилъ и спрашивалъ: кто эти противники — не Грановскій ли съ его друзьями, и замѣчалъ, что въ такомъ случаѣ онъ имѣетъ въ нихъ больше симпатіи, чѣмъ во всѣмъ славянофиламъ... Подробность весьма любопытная. Возвращаясь по этому поводу къ своимъ отношеніямъ съ славянофильскимъ кружкомъ, авторъ «Дневника» пишетъ: «но они фанатики и нетерпѣлице люди. Они создали міръ химеръ и оправдываютъ его двумя-тремя порядочными мыслями, на которыхъ они выстроили не то зданіе, которое слѣдовало. Всѣхъ ближе изъ нихъ къ общечеловѣческому взгляду — Самаринъ; но и у нихъ еще много твердо и исключительно славянскаго. Лесяковъ во вѣки вѣковъ останется благороднымъ, но и не поднимется дальше Москофиіи».

«Огромное письмо въ видѣ диссертациі отъ Бѣлинскаго, — пишетъ дальше авторъ «Дневника»: — возраженіе на мое, писанное къ Ивану Павловичу; энергія и невозможность дѣла сломили его. Возможность внутренняя и невозможность внѣшняя превра-

¹⁾ Напечатанный въ „Русскомъ Архивѣ“ 1870 г., стр. 676 и далѣе.

щаютъ силы въ ядѣ, отравляющій жизнь; онѣ загниваютъ въ организмѣ, бродятъ и разлагаютъ, отсюда взглядъ гнѣва и желчи, односторонность въ самомъ мышленіи. Бѣлинскій пишетъ: «я жидъ по натурѣ и съ филистимлянами за однимъ столомъ ѣсть не могу»; онъ страдаетъ, и за свои страданія хочетъ ненавидѣть и ругать филистимлянъ, которые вовсе не виноваты въ его страданіяхъ. Филистимляне для него славянофилы; я самъ не согласенъ съ ними, но Бѣлинскій не хочетъ понять истину въ fatras ихъ негѣпостей. Онъ не понимаетъ славянскій міръ; онъ смотритъ на него съ отчаяніемъ и не правъ, онъ не умѣетъ *чаять жизни будущаго сына*, а это чаяніе есть начало возникновенія будущаго. Отчаяніе—умерщвленіе плода во чревѣ матери. Буду писать въ нему такое же длинное письмо. Странное положеніе мое, какое-то невольное *juste-milieu* въ славянскомъ вопросѣ: передъ ними я—человѣкъ Запада, передъ ихъ врагами—человѣкъ востока. Изъ этого слѣдуетъ, что для нашего времени эти одностороннія опредѣленія не годятся».

Къ концу 1844 г., по «Дневнику» замѣтно все большее раздраженіе его автора противъ славянофильскаго кружка. Онъ пишетъ желчныя слова противъ Хомякова, «просмѣивавшагося всю свою жизнь и погубившаго въ себѣ великую способность», и противъ К. Аксакова, «безумнаго о Москвѣ, ожидающаго не иначе—завтра воскресенія старинной Руси, перенесенія столицы и чортъ знаетъ чего». Начинаютъ появляться случаи настоящихъ столкновеній. Однимъ изъ такихъ случаевъ была вѣдѣстная исторія съ диссертацией Грановскаго: «Волинъ, Іомсбургъ и Винета», которой не хотѣли было принять въ московскомъ университетѣ за то, что въ ней находилось отрицаніе одного изъ славянскихъ преданій. Дѣло было собственно университетское; главными противниками Грановскаго были Шевыревъ и Бодянский, но авторъ «Дневника» распространяетъ вообще на славянофиловъ свое негодованіе противъ такого негѣпаго стѣсненія научной мысли. Доходило до рѣзкихъ споровъ, при личныхъ встрѣчахъ, и авторъ «Дневника» окончательно убѣждался въ невозможной нетерпимости своихъ противниковъ (особенно Хомякова и К. Аксакова). Въ ноябрѣ 1844, онъ пишетъ: «Болѣе и болѣе расхожусь съ славянами; кажется, ихъ удивилъ прямой языкъ... И Аксаковъ становится скученъ отъ фанатизма московщины; мой разговоръ за недѣлю тому назадъ озлобилъ и удивилъ многихъ. Когда люди начинаютъ сердиться, они позволяютъ всплыть многому, что лежитъ на днѣ души, и въ чемъ неохотно себѣ сознаются. Изъ манеры славянофиловъ видно, что еслибы матеріальная власть

была ихъ, то намъ бы пришлось жариться гдѣ-нибудь на лобномъ мѣстѣ». Въ декабрѣ 1844, новый поводъ къ враждѣ былъ поданъ извѣстными стихами Языкова, направленными противъ Грановскаго, Герцена и въ особенности Чаадаева¹⁾ и справедливо возмущившими западниковъ, какъ злобный доносъ. Послѣ этого, отношенія уже не могли удержаться, и въ январѣ 1845 г. авторъ «Дневника» говоритъ о разрывѣ. Единственными людьми, которые при этомъ сохраняли однако его уваженіе, были Кирѣевскіе и К. Аксаковъ. «Личное отдаленіе,—замѣчаетъ онъ,—сдѣлалось необходимымъ. Аксаковъ торжественно расстался съ Грановскимъ и мною; видно было, что ему жалъ; онъ благороденъ, чистъ, но одностороненъ, ограниченъ въ своемъ расколѣ. Мы дружески сказали другъ другу, что служили инымъ богамъ, и что потому должны разойтись одинъ направо, другой налѣво; уваженіе ему, какъ характеру, я не могу отказать. Онъ и, можетъ, оба Кирѣевскіе, уносятъ личное уваженіе, а остальные—чортъ съ ними. Самаринъ, не думаю, чтобы ихъ былъ»²⁾.

Оканчиваемъ на этомъ извлеченіи изъ «Дневника», тѣмъ особенно цѣннымъ для литературной исторіи этихъ годовъ, что мы находимъ въ немъ непосредственныя впечатлѣнія фактовъ. Изъ всего кружка тогдашнихъ западниковъ, авторъ «Дневника» былъ едва ли не болѣе всѣхъ способенъ относиться къ противникамъ справедливо и благодушно: онъ не былъ такъ вспыльчивъ и раздражителенъ какъ Бѣлинскій; онъ понималъ возможность широкаго разнообразія философскихъ и историческихъ идей; наконецъ, самъ былъ наклоненъ къ чему-то славянофильскому своимъ демократическимъ идеализмомъ,—но, если и для него сношенія съ противниками становились невозможны, значить, дѣйствительно въ ихъ способѣ дѣйствій, истекавшемъ изъ способа мыслей, была невыносимая нетерпимость. Припомнимъ опять, что славянофильская школа едва начинала высказываться въ литературѣ; но по ея источникамъ и первымъ проявленіямъ авторъ «Дневника» вѣрно угадывалъ тѣ свойства, которыми она впослѣдствіи и отличалась: иной разъ, у лучшихъ людей—дѣйствительное исканіе истины съ горячимъ интересомъ къ народу; но въ другой разъ, едва ли не чаще, страшная исключительность и нетерпимость,

¹⁾ Эти стихи приведены въ статьѣ г. Жихарева о Чаадаевѣ въ «Вѣстникъ Европы», 1871, сентябрь, стр. 43 и далѣе; «Жизнь и переп. Бѣлинскаго, II, стр. 235 и слѣд.

²⁾ Въ упомянутыхъ воспоминаніяхъ о Герценѣ г. Свербѣева, въ разсказѣ объ этой послѣдней ссорѣ, время появленія стиховъ Языкова смѣшано съ появленіемъ извѣстной статьи Чаадаева въ «Телескопѣ».

доходившая до степени наглости. Школа все больше принимала видъ секты, гдѣ не допускается ничего чужого, гдѣ не выносить и не желаютъ критики, и гдѣ второстепенные члены кружка всѣмъ его духомъ обязываются безпрекословно принимать его догматы. Въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ этотъ кружокъ еще не сплотился: авторъ «Дневника» постоянно выдѣляетъ Кирѣевскихъ, К. Аксакова — отъ другихъ славянофиловъ, а Самарина даже почти не считаетъ въ ихъ кругу; но со второй половины сороковыхъ годовъ, съ «Московскихъ Сборниковъ», славянофильство принимаетъ все болѣе опредѣленные очертанія и исключительный сектантскій характеръ. К. Аксаковъ въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ еще остается гегеліанцемъ, у котораго есть общая почва съ западниками въ приѣмахъ разсужденія и въ общихъ положеніяхъ; затѣмъ онъ больше и больше теряетъ эту почву, и съ конца сороковыхъ годовъ вступаетъ въ ту общую колею, гдѣ ничто уже въ общихъ положеніяхъ не отдѣляетъ его отъ остальныхъ членовъ кружка.

Характеристическимъ выраженіемъ этой переходной эпохи служить извѣстная диссертация его о Ломоносовѣ (1846). Въ тогдшнемъ ученомъ вкусѣ, изслѣдованіе вопроса литературнаго и филологическаго поставлено здѣсь на философскую подкладку: общія части разсужденія пересыпаны гегеліанской терминологіей, построены по гегеліанскимъ приѣмамъ. Вопросъ о Ломоносовѣ, поставленный въ параллель съ вопросомъ о Петрѣ, понимается въ самомъ широкомъ философско-историческомъ смыслѣ; то и другое лицо является олицетвореніемъ «историческаго момента», дѣятельность его сводится въ историческую формулу. Мы не будемъ останавливаться на разборѣ этой книги, которая потеряла свою непосредственную важность при дальнѣйшемъ, болѣе точномъ изслѣдованіи этого предмета; но она остается весьма любопытна, какъ эпизодъ въ развитіи славянофильской теоріи и, въ частности, взглядовъ самого К. Аксакова. Зная его позднѣйшіе труды, почти съ недоумѣніемъ встрѣчаешь въ этой книгѣ его сужденія о московскомъ царствѣ и о Петровской реформѣ. Петръ не только не является, какъ впоследствии, человекомъ, который съ деспотическимъ произволомъ попираетъ существо, святыню русской народности, но, напротивъ, является необходимою силою въ дѣлѣ ея развитія. По извѣстной діалектической формулѣ, Петръ выступаетъ въ нашей исторіи какъ глубоко-необходимое жизненное отрицаніе той національной исключительности, въ которой старое московское царство дошло до послѣдняго предѣла, и гдѣ предстояла или гибель, или выходъ изъ нея путемъ

отрицанія. Правда, съ другой стороны, въ книгѣ Аксакова можно встрѣтить и то высоекое полу-мистическое представленіе о значеніи Москвы, которое впослѣдствіи стало у него исключительнымъ, — такъ что уже здѣсь можно отмѣтить исходную точку его позднѣйшаго поклоненія Москвѣ, — но здѣсь оно все еще остается въ историческихъ предѣлахъ, и московская старина считается одно-сторонностью ¹⁾.

Книга о Ломоносовѣ была послѣднимъ трудомъ К. Аксакова въ смыслѣ его переходнаго направленія. Въ томъ же 1846 году появился первый «Московский Сборникъ» — начало славянофильскихъ изданій. Аксаковъ принялъ въ нихъ самое дѣятельное участіе — и уже въ новомъ, чисто славянофильскомъ направленіи. Съ тѣхъ поръ открывается послѣдній 15-лѣтній періодъ его дѣятельности, гдѣ онъ сталъ въ особенности представителемъ историческихъ воззрѣній школы. Труды его появлялись въ упомянутомъ «Сборникѣ», отчасти въ недолго существовавшей «Молевѣ» (1857), въ «Русской Бесѣдѣ», и, наконецъ, послѣ его смерти, какъ выше отмѣчено, многія неизданныя его работы напечатаны въ новѣйшихъ изданіяхъ, какъ «День» и «Русь». Работы К. Аксакова были довольно разнообразны: онъ дѣлалъ беллетристическія попытки, въ трехъ драматическихъ пьесахъ; много работалъ надъ русской грамматикой; написалъ рядъ критическихъ статей и публицистическихъ трактатовъ и, наконецъ, рядъ историческихъ изслѣдованій. Для насъ наиболѣе интересны два послѣдніе разряда, гдѣ особенно рельефно выразились его взгляды на русскую исторію, на русскую литературу и современную общественность.

Выше мы говорили о внутреннемъ состояніи кружка въ первой половинѣ 40-хъ годовъ. Вся обстановка мало способствовала развитію спокойнаго критическаго взгляда на вещи. Совсѣмъ напротивъ: обѣ стороны выставляли въ упоръ свои крайнія мнѣнія; обѣ бывали часто совершенно неправы; обѣ въ разгарѣ полемическаго спора не хотѣли сознаваться въ ошибкахъ и готовы были усиливать ее на зло противнику; теоретическая подкладка

¹⁾ Съ диссертацией К. Аксакова случилась какая-то цензурная исторія. Книга вышла въ свѣтъ съ перепечатанными стр. 57—60, гдѣ вмѣсто первоначальнаго текста (возстановленнаго теперь въ новомъ изданіи диссертации въ „Сочиненіяхъ“, т. II, стр. 66—70), помѣщено не совсѣмъ вѣстническое изложеніе преданій объ Ильѣ Муромцѣ, тогда какъ въ первоначальномъ текстѣ продолжалось разсужденіе о значеніи Петровской реформы и о необходимости новаго поворота къ національному направленію; это разсужденіе видимо и было поводомъ къ цензурной строгости. Сюда относится письмо Бодянского къ Шевиреву, напечатанное въ „Русскомъ Архивѣ“, 1878.

становилась все болѣе исключительной; личные темпераменты съ обѣихъ сторонъ довершали раздоръ. Если съ одной стороны заявлялъ свои католическія мнѣнія Чаадаевъ, то съ другой — еще болѣе рѣзко и исключительно выступалъ Хомяковъ, и являлся съ стихотворными ругательствами Языковъ; если съ одной стороны — былъ Бѣлинскій, то на другой — ему не уступали въ нетерпимости даже Кирѣевскіе. Авторъ цитированнаго выше «Дневника», изъ всѣхъ спорившихъ едва ли не наиболѣе склонный къ терпимости мнѣній, не могъ понять этой вражды къ европейскому просвѣщенію, которое считалъ просто общечеловѣческимъ, и самъ, наконецъ, убѣдился въ невозможности спора, въ невозможности даже личныхъ сношеній. К. Аксаковъ окончательно принялъ всѣ положенія славянофильской школы со всей ея исключительностью. И это было весьма естественно. Силой мысли онъ едва ли равнялся съ людьми, которые были столпами школы; онъ, повидимому, безъ особенной борьбы принялъ всю ея теоретическую подкладку, которая и отвѣчала его увлекающейся идеалистической натурѣ. Съ тѣхъ поръ мы видимъ въ немъ уже исполнѣ опредѣлившуюся точку зрѣнія, которая и составляетъ характерную черту его историческаго значенія.

Въ извѣстной статьѣ о значеніи историческихъ трудовъ К. Аксакова, Н. И. Костомаровъ указываетъ его основную и великую заслугу въ томъ, что онъ былъ въ нашей исторической наукѣ представителемъ «русскаго воззрѣнія», и въ объясненіе этого положенія проводитъ параллель между двумя русскими народностями — одной, подлинной и первобытной, народностью огромной массы русскаго народа, долго забытою и пренебрегаемою, и другою — названною у него «народностью Евгенія Онѣгина», народностью высшаго общества, послѣ Петровской реформы забывшаго о русскомъ народѣ. Подъ вліяніемъ послѣдней, и именно въ рабскомъ подчиненіи нѣмецкой наукѣ шла, по словамъ почтеннаго историка, и разработка русской исторіи, вслѣдствіе чего она изображалась по чужимъ образцамъ, и въ ней оставались непонятыми самыя отличительныя особенности, сущность русскаго историческаго развитія; и заслуга К. Аксакова состояла именно въ отверженіи чужой точки зрѣнія и въ примѣненіи того «русскаго воззрѣнія», которое смотрѣло на исторію въ условіяхъ и въ смыслѣ русской жизни и русской народности. Итакъ, дѣло было, повидимому, ясно и рѣшено: искомая точка зрѣнія найдена, таинственный смыслъ русской исторіи разоблаченъ, — но, какъ дальше увидимъ, по мнѣнію самого Н. И. Костомарова, «русское воззрѣніе» этихъ цѣлей не достигло: историческія объясненія

К. Аксакова не вполне удовлетворяли критика, казались ему слишком общими и поспѣшными. Какъ же быть съ этимъ «русскимъ воззрѣніемъ», если оно, долженствовавшее принести истину, все-таки еще не приносило ея?

Въ первые годы нашего литературнаго возрожденія, въ началѣ прошлаго царствованія, поднятъ былъ и долго не замолкалъ споръ о русскомъ воззрѣніи въ наукѣ. Одна сторона, славянофилы, настаивала на необходимости національнаго взгляда въ наукѣ, другая—считала присутствіе этого взгляда немислимымъ, потому что наука есть дѣло логическаго изслѣдованія, не подлежащаго никакимъ національнымъ ограниченіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, немислима національная математика, физика, химія, астрономія и т. д., которыя и могутъ служить образцомъ дѣйствительной чистой науки. Національность писателя, напротивъ, сказывается въ другого рода изслѣдованіяхъ—въ наукахъ нравственныхъ, какъ исторія и другія общественныя науки, и вносить въ ихъ разработку много своеобразнаго, бросающаго нѣрѣдко новый свѣтъ на прежнее пониманіе предмета; но, собственно говоря, присутствіе національнаго элемента въ подобныхъ случаяхъ не только не принадлежитъ къ существу науки, но, напротивъ, увеличиваетъ односторонности и плодитъ ошибки. Католикъ - французъ, протестантъ - нѣмецъ или англичанинъ будутъ совершенно различно излагать исторію среднихъ вѣковъ, папства, реформаціи и т. д.; каждый будетъ—въ узкомъ смыслѣ—націоналенъ; но очевидно, однако, что если для этихъ вещей явится настоящая исторія, заслуживающая имени науки, она не можетъ принять рядомъ мнѣнія тѣхъ и другихъ писателей и найдетъ истину, только отвергнувши именно крайности и односторонности, внушенныя узкой національностью. Кромѣ того, какъ свести къ національному принципу солидарныя мнѣнія католика-француза и католика-нѣмца; или мнѣнія католика или нѣмца-піетиста и свободнаго мыслителя; или вообще, какъ свести къ этому принципу абсолютно противоположныя идеи философскія, религіозныя, историческія, общественныя, борющіяся въ одномъ и томъ же обществѣ, и вмѣстѣ имѣющія себѣ параллели въ обществахъ совсѣмъ иной національности? Присутствіе національнаго чувства въ писателѣ можетъ имѣть высокую цѣнность именно тѣмъ, что это чувство поможетъ писателю сильнѣе ощутить черты народной старины, народныхъ настроеній, близкихъ и сочувственныхъ самому писателю; но оно же можетъ крайне повредить его сужденію, дѣлая его тугимъ на ухо для другихъ теченій исторіи, для другихъ настроеній общества, для истори-

ческаго движенія идей. Такъ мы дѣйствительно и видимъ: католическій писатель, быть можетъ, сильнѣе съумѣетъ почувствовать мистическое настроеніе среднихъ вѣковъ, историческій смыслъ папской теократіи, но едва ли съумѣетъ быть безпристрастнымъ въ тѣмъ новымъ запросамъ религіознаго и умственнаго движенія, какія создали Возрожденіе и Реформацію?.. Костомаровъ считалъ упомянутый споръ бесполезнымъ, полагая, что онъ долженъ былъ рѣшиться самимъ дѣломъ, именно научными трудами въ смыслѣ «русскаго воззрѣнія»; но вопросъ, очевидно, имѣетъ и свою чисто теоретическую важность, и, выяснивъ себѣ его съ этой стороны, точнѣе можно было бы понять значеніе русскаго воззрѣнія въ историческихъ трудахъ Аксакова.

Дѣло въ томъ, что вся постановка противоположности К. Аксакова съ другими нашими историками, какъ вообще постановка противоположности между славянофилами, какъ мнимыми спеціальными представителями русскаго національнаго начала, и ихъ противниками, какъ мнимыми представителями не-русскаго начала, покоится на недоразумѣніи. Что славянофилы выставляли «русскія начала» на своемъ знамени, изъ этого еще вовсе не слѣдовало, чтобы ихъ предшественники или противники въ самомъ дѣлѣ были не русскіе: это было бы слишкомъ грубое, аляповатое изображеніе нашей умственной и общественной исторіи. Ихъ предшественники, говорятъ намъ, были подъ вліяніемъ не-русской—нѣмецкой науки; но изъ исторіи самого славянофильства, которую мы считали нужнымъ напомнить цитированнымъ выше «Дневникомъ», достаточно видно, что славянофилы сами полною рукою черпали изъ этой не-русской науки, черпали самый складъ своей мысли и свои общія положенія. Самое существо ихъ стремленій, желаніе изучить русскую жизнь, желаніе поднять нравственное и матеріальное достоинство членовъ русскаго народа, принадлежить вовсе не этой одной школѣ, и теоретически — вовсе не одному «русскому началу». Было бы грубой исторической ошибкой и неблагодарностью ко многимъ прежнимъ дѣателямъ русскаго просвѣщенія забыть, что тѣ же мысли и стремленія высказывались въ другой формѣ, въ понятіяхъ своего вѣка, задолго до тѣхъ, кто вздумалъ присвоивать себѣ исключительный патентъ на «русское чувство» и на любовь къ народу. Если что-нибудь значать имена Ломоносова, Новикова, Радищева, Грибоѣдова, Пушкина, Гоголя,—они означаютъ исторію этой мысли о русскомъ народѣ и о защитѣ его достоинства.

Обращаясь собственно къ толкованію русской исторіи, мы

опять найдемъ, что эти нападки на нѣмцевъ, на нѣмецкія воззрѣнія русскихъ ученыхъ и т. д. крайне легкомысленны. Да гдѣ же, какъ не у европейской науки, мы научились самымъ элементарнымъ приемамъ историческаго изслѣдованія? Нѣмцы, худо ли, хорошо ли, первые стали примѣнять къ русской исторіи выработанные на Западѣ приемы критическаго изслѣдованія и положили много памятнаго труда на собираніе матеріаловъ для русской исторіи. Неужели можно забыть и выбросить изъ прошлаго нашей исторіографіи имена Шлѣдера, Штриттера, Миллера, Круга, Лерберга, Френа, Эверса? Были случаи, что у иныхъ изъ этихъ нѣмцевъ выказались кое-гдѣ нѣмецкое самодовольство и задоръ, некстати внесенный въ исторію; это было нелѣпо съ ихъ стороны, но столь же нелѣпо изъ-за этого отвергать сущность сдѣланнаго ими дѣла. Что они не видѣли многихъ сторонъ русской исторіи, и именно народной стороны, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ то время вообще мало видѣли эту сторону и не у насъ однихъ: французы во французской исторіи и нѣмцы—въ нѣмецкой. Вниманіе къ народной стихіи въ исторіи было результатомъ развитія самой науки; и у насъ роль народной стихіи, безъ сомнѣнія, была бы объяснена раньше, если бы этому не мѣшали слишкомъ повелительныя внѣшнія препятствія: мысль о народѣ бродила въ головѣ Новикова, она высказывалась идеалистически у Радищева; она занимала Болтина. Кромѣ того, прежняя исторіографія (и русская, какъ европейская) слишкомъ занята была внѣшними историческими вопросами, которыхъ и дѣйствительно нельзя было миновать: сборомъ и послѣдовательнымъ изложеніемъ внѣшнихъ фактовъ, задачами археологіи, генеалогіи, собираніемъ и изданіемъ самихъ памятниковъ и ихъ первоначальной критикой и т. д. и т. д. Въ пятидесятыхъ годахъ, послѣ Карамзина, Погодина, послѣ первыхъ трудовъ Соловьева, послѣ изданій археографической комиссіи, не трудно было вновь вчитываться въ лѣтописи и другіе памятники русской старины, не думая объ этихъ первыхъ работахъ историческаго знанія,—но справедливо ли бросать камень въ старыхъ тружениковъ, впервые расчищавшихъ почву науки, за то, что они еще не затронули вопросовъ, въ которыхъ могла придти только послѣдующая эпоха нашей исторіографіи, бросать въ нихъ кличкой «рабскаго подчиненія не-русской наукѣ» и т. п.? К. Аксакову ставить въ особую заслугу болѣе вѣрное объясненіе древнихъ формъ нашего быта; но кто первый поднималъ вопросъ объ этихъ формахъ? Нѣмецкій ученый Эверсъ. Откуда понята была важность этого изученія бытовыхъ формъ,

налагающихъ печать на развитіе народной исторіи? Изъ европейской, а у насъ особенно изъ нѣмецкой, науки. Въ концѣ концовъ при сколько-нибудь внимательномъ разборѣ дѣла окажется, что самъ К. Аксаковъ былъ очень много, прямо или косвенно обязанъ нѣмецкой наукѣ, что мнимое чисто-русское воззрѣніе было однимъ изъ естественно явившихся результатовъ предвѣдущаго развитія: разъ возникшая мысль о необходимости вести въ объясненіе исторіи бытовныя формы народа—естественнымъ научнымъ путемъ должна была больше и больше развиваться и выясняться; прежняя неточность уступать мѣсто болѣе ясному представленію и т. д. Въ сущности здѣсь вовсе не было никакого поворота или скачка отъ воззрѣнія не-русскаго къ русскому, отъ «рабскаго подчиненія» къ «самобытности» и т. п. Такая похвальба еще понятна у самихъ славянофиловъ, — на этомъ они строятъ репутацію своей школы, — но для критики, стоящей внѣ этой самодовольной похвальбы, должно бы быть видно настоящее положеніе дѣла.

Мы не будемъ входить въ подробности о возраженіяхъ К. Аксакова противъ теоріи родового быта, о выставленномъ имъ общинномъ началѣ, о принятомъ имъ дѣленіи земли и государства въ древней Россіи, объ его взглядѣ на національное значеніе Москвы и т. д. Въ упомянутой статьѣ Н. И. Костомарова указано, сколько въ этихъ мнѣніяхъ К. Аксакова сдѣлано дѣйствительныхъ приобрѣтеній для нашей исторіографіи и что въ нихъ есть ошибочнаго и преувеличеннаго. Костомаровъ справедливо объясняетъ ошибки К. Аксакова его крайнимъ идеализмомъ. Здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, кроется источникъ всѣхъ преувеличеній К. Аксакова. Первая мысль объ элементѣ «Земли», противоположномъ элементу «Государства», такъ имъ овладѣла, что онъ сталъ притягивать къ ней факты, забывая обо всемъ, что къ ней не совсѣмъ подходило. Ему понравилась идеалистическая сторона этого явленія, и онъ построилъ на ней все свое представленіе русской исторіи, гдѣ будто бы шло параллельное развитіе земли и государства; а впослѣдствіи, какъ увидимъ, построилъ на томъ же и свое представленіе о современномъ положеніи Россіи. Костомаровъ указывалъ какъ непрочно эта теорія относительно среднихъ вѣковъ нашей исторіи, какъ ошибочно было считать добровольнымъ и любовнымъ присоединеніе русскихъ земель къ Москвѣ, какъ преувеличено было мнѣніе К. Аксакова о значеніи земскихъ соборовъ и т. д. Факты были гораздо болѣе сложны, чѣмъ желала теорія, и чѣмъ дальше

идеть ихъ изученіе теперь, тѣмъ все меньше становится возможнымъ признавать эту теорію.

За Аксаковымъ остается заслуга настойчиваго указанія на извѣстныя стороны древней русской жизни; но его собственное объясненіе ихъ очень часто окажется идеалистической мечтой. Увы, любовнаго отношенія земли и государства не знала уже и старая Русь, и тѣ красивыя рѣчи объ этомъ, которыя такъ старательно выискивалъ К. Аксаковъ въ старыхъ лѣтописяхъ и грамотахъ, уже тогда мало отвѣчали дѣйствительности. Петровская реформа, которую Аксаковъ все еще признавалъ нѣкогда какъ исторически необходимую реакцію противъ національной исключительности, теперь отвергается имъ безусловно, и его идеалистической теоріи ничего не стоитъ считать двѣсти лѣтъ исторіи огромнаго народа ошибкой, которую слѣдуетъ, и будто бы возможно, просто вычеркнуть изъ его судьбы. По его простодушному мнѣнію, Петербургу слѣдовало бы провалиться сквозь землю со всѣми его дѣлами, т.-е. со всѣми приобрѣтеніями русской жизни со времени Петровской реформы,—хотя въ то же время и онъ не отказывался гордиться громаднымъ развитіемъ русскаго народа, которое могло совершиться въ большой степени только благодаря средствамъ, даннымъ этою реформой. Костомаровъ отмѣтилъ еще одну черту историческихъ взглядовъ К. Аксакова, составляющую, впрочемъ, общую отличительную черту московскаго славянофильства, именно особый московскій патріотизмъ. Источниками его служатъ двѣ вещи: во-первыхъ, фальшивое историческое понятіе о прошломъ значеніи Москвы, и затѣмъ новѣйшій провинциализмъ, раздражаемый воспоминаніями о старомъ значеніи Москвы, какъ столицы. «Порфиноносная вдова» давно не можетъ помириться съ своимъ второстепеннымъ положеніемъ, и въ новѣйшее время, когда въ опору этому чувству явилась еще историческая теорія, это недовольство доходитъ до крайней степени раздраженія. Нечего говорить, какъ странно вообще отождествленіе громаднаго народа съ судьбой и характеромъ какого-нибудь одного города; еще страннѣе это отождествленіе, когда исторія этого народа въ теченіе уже двухъ сотъ лѣтъ идетъ подъ вліяніемъ другого правительственнаго пункта, внѣ тѣхъ мѣстныхъ вліяній, какія представляла старая столица. Мы цѣнимъ высокаго мѣстный патріотизмъ и ничего не имѣли бы противъ этого спеціальнаго «москволюбія», если бы оно не вырождалось въ самую узкую нетерпимость, которая, ради старыхъ преданій, будто бы обязательныхъ для всего русскаго народа, проповѣдуетъ застой и отрицаніе новыхъ приобрѣтеній этого народа. Въ нашей

литературѣ указано было много разъ на различныя странныя проявленія этого исключительнаго московскаго патріотизма, доходившаго до совершенно каррикатурныхъ преувеличеній; такихъ преувеличеній найдется не мало и у К. Аксакова. Исключительный московскій патріотизмъ существенно повредилъ и самымъ историческимъ взглядамъ К. Аксакова: вмѣсто русскихъ началъ, онъ является проповѣдникомъ началъ старо-московскихъ, а это большая разница. Нѣкогда онъ самъ безпристрастнѣ видѣлъ качество старой національной исключительности: ее-то и выражала Москва, которая въ эпоху объединенія набралась элементовъ не только византійскихъ, но и татарскихъ, и, такимъ образомъ, нельзя сказать, чтобъ была чистѣйшимъ олицетвореніемъ русской народной стихіи. Впослѣдствіи К. Аксаковъ забылъ объ этихъ соображеніяхъ, но факты остаются фактами. Исключительный московскій патріотизмъ оставляетъ вообще довольно равнодушными не-москвичей; самымъ образованнымъ москвичамъ, не принадлежащимъ къ сектѣ, онъ не представляется симпатичнымъ въ его славянофильской формѣ: дѣло въ томъ, что эта послѣдняя, требуя невозможнаго восстановленія старины, въ которой далеко не все было сочувственно, въ духѣ этой старины проповѣдуетъ обскурантизмъ. Но поставить этотъ московскій патріотизмъ во главу историческаго построенія было просто грубой исторической ошибкой. Москва была только одной стадіей въ развитіи русскаго народа и народности; извлекать изъ нея одной законъ для всего цѣлаго и послѣдующаго логически неправильно ¹⁾).

Съ такой же исключительностью составлялись литературныя идеи К. Аксакова. Въ рядѣ критическихъ статей, съ перваго «Московского Сборника» до «Русской Бесѣды», онъ относился вообще мало сочувственно къ новѣйшей поэтической или беллетристической литературѣ. Основаніе его взглядовъ было одно: отдаленіе этой литературы отъ народа. Новая, послѣ-Петровская литература подвергалась тому же осужденію, какое вообще навлекалъ петербургскій періодъ. Это было рабское подчиненіе чужеземному, служившее не народу, а только верхнему слою, оторвавшемуся отъ народа, пустая мода, безсодержательное препровожденіе времени. Какъ это началось въ XVIII-мъ столѣтіи, такъ оно продолжалось и въ XIX-мъ: направленія смѣнялись одно другимъ безъ всякой внутренней причины, а просто потому, что

¹⁾ К. Аксаковъ мечталъ, что столица государства снова будетъ въ Москвѣ; недавно московское славянофильство прямо высказывало эти желанія. Но припомнимъ, что передъ тѣмъ (во время послѣдней войны) оно же мечтало, что будущей столицей, достойной величія русскаго народа, долженъ быть—Константинополь.

мѣнялась мода, господствующая на Западѣ, а внутри оставалась та же пустота, то же отчужденіе отъ народа, та же бесполезность. Вотъ нѣсколько подлинныхъ словъ К. Аксакова изъ «Обозрѣнія современной литературы» (1857), которыя дадутъ понятіе объ его историческомъ взглядѣ:

«Полтораста лѣтъ тому назадъ, когда въ Россіи тяжелый трудъ самобытнаго дѣла замѣнялся легкимъ и веселымъ трудомъ подражанія, тогда и литература возникла у насъ на тѣхъ же условіяхъ, то-есть на покорномъ перенесеніи на русскую почву, безъ вопроса и критики, иностранной литературной дѣятельности. Подражать легко, но для самостоятельнаго духа тяжело обречь всѣ свои силы и таланты на наиболѣе удачное переняніе чужой наружности, чужихъ нравовъ и обычаевъ. Несмотря на то, дѣло, хотя и не вполне, удалось. Вольность нравовъ европейскаго Запада, новыя средства къ удовольствію личнаго эгоизма, наконецъ, блестящая сторона европейскаго просвѣщенія, и уже готовая, чужими руками изготовленная, умственная пища, которую, казалось, оставалось только глотать,—все это подѣйствовало, и отъ самостоятельности въ Россіи отказались, впрочемъ, только верхніе классы. У нихъ-то и явилась наша новая литература.

«Возникшая въ эпоху западно-европейскаго классицизма, заемная литература наша служила ему вѣрнымъ отраженіемъ. Европейскій классицизмъ былъ въ свою очередь безжизненное поклоненіе древнему міру, который Европа поняла по-своему, и который мы поняли по-европейски. Эта классическая литература Европы, подражая древнему міру, уже лишенному жизни, была неподвижна; перемѣнялись только авторы, различіе являлось только въ ихъ личныхъ талантахъ. Наша послушная литература была въ ту эпоху тоже неподвижна. Въ такомъ положеніи оставалось дѣло до Карамзина. Между тѣмъ въ европейской литературѣ произошелъ переворотъ; призракъ классицизма, хранимый преимущественно во Франціи, разлетѣлся; литература европейская двинулась своимъ путемъ. Въ это время въ русской литературѣ явился Карамзинъ. Карамзинъ уничтожилъ это двойственное подражаніе и предложилъ подражать лучше самой Европѣ. Тяжесть двойныхъ оковъ была крайне неудобна, и съ радостью вяла наша литература гласу новаго дѣятеля, новаго подражателя. Съ этой эпохи, съ Карамзина, литература наша, наоборотъ, сдѣлалась подвижна въ высшей степени, ибо элементъ подражанія былъ не классицизмъ европейскій, а сама западная Европа, въ совокупности всѣхъ своихъ народовъ. Подражать было здѣсь гораздо легче, пріятнѣе и интереснѣе,—и вотъ дѣло пошло живѣе. Перенимчивость составила съ этихъ поръ характеристику нашей литературы. Достаточно этой быстроты перемѣнъ для того, чтобы оцѣнить и понять смыслъ и достоинство нашей словесной дѣятельности. Мы знаемъ, что серьезный и самобытный ходъ иначе движется, что, при глубинѣ общаго основанія, не легко отдѣляются отъ одного убѣжденія и принимаютъ другое. Но литература наша—собраніе чужихъ формъ, разныхъ отголосковъ, и только. Вотъ почему такъ быстро мѣняются формы, не утвержденныя на прочной мысли; вотъ почему безпрестанно переливаются отсвѣты и отблески, лишенные собственнаго свѣта и блеска. Таланты, разумѣется, у насъ есть; но мы говоримъ не объ отдѣльныхъ талантахъ, а объ общемъ ходѣ литературы, котораго не измѣняютъ и таланты» ¹⁾.

¹⁾ Русскія Бесѣды. 1857. I, „Обозрѣніе“, стр. 1—2.

Здѣсь, какъ прежде во взглядахъ славянофиловъ и ихъ критика на развитіе русской исторіографіи, поражаетъ опять отсутствіе самой элементарной исторической оцѣнки прошедшаго. Только въ 50-хъ годахъ К. Аксаковъ замѣчаетъ поворотъ къ лучшему. Обзорѣвая произведенія русской литературы тѣхъ годовъ, онъ замѣчаетъ съ одной стороны упадокъ поэзіи (т.-е. прежней—перенятой и искусственной) и возникновеніе интереса къ народу. Не вполне сочувствуя той формѣ, въ какой проявлялось это новое настроеніе, Аксаковъ, однако, видитъ въ немъ, какъ и въ упадкѣ поэзіи, признакъ завершенія стараго подражательнаго періода. Такимъ образомъ, въ теченіе полуторасти лѣтъ существованія новой русской литературы онъ находитъ только два факта: господство подражательной лжи со временъ Кантемира и Ломоносова, и начинающееся обращеніе къ русской жизни ¹⁾. Нѣтъ нужды много говорить о томъ, какъ странно у историка-специалиста такое историческое наблюденіе á vol d'oiseau. Длинная исторія усилій русскаго общества въ стремленіи къ просвѣщенію, въ концѣ которыхъ все-таки стояло благо русскаго народа,—усилій, на которыя потрачено много искреннаго чувства, много умственного труда и настоящаго самоотверженія,—эта исторія превратилась въ глазахъ наблюдателя въ безразличную полосу безсодержательной суеты, для которой онъ нашелъ только квалификацію: «лжи». Напрасны были всѣ изысканія историковъ общества и литературы, объяснявшія тѣсную связь и послѣдовательность явленій этого полуторацѣвковаго періода; указывавшія постепенное развитіе новыхъ формъ научнаго и художественнаго труда, развитіе языка, обогащеннаго небывалымъ прежде обиліемъ средствъ для выраженія научныхъ и поэтическихъ идей; отмѣчавшія, среди подражательности, постоянное усиленіе русскихъ элементовъ, какъ въ формѣ, такъ и въ содержаніи литературы, въ результатѣ котораго являлись, наконецъ, созданія высокаго, художественнаго и вмѣстѣ уже національнаго значенія. Славянофильскій историкъ не хочетъ знать ничего этого, какъ раскольниковъ продолжаетъ писать: «Исусъ»,

¹⁾ Въ статьѣ „Московского Сборника“ Аксаковъ указываетъ еще одинъ пунктъ въ этой исторіи. По его тогдашнимъ словамъ, „возвращеніе—истинный шагъ впередъ—къ своему народу, освобожденіе отъ умственного ига“ начинаются послѣ 1812 года; но тогда это стремленіе было долго неясно, „пока наконецъ теперь не начала спадать чужая съ глазъ нашихъ, и бодро и молодо раздается могущественный голосъ народа въ нашихъ душахъ“ и т. д. (Моск. Сб. 1847, отд. критики, стр. 10). Какъ это произошло, отчего и гдѣ раздался могущественный голосъ народа, и здѣсь остается невыяснено.

хотя первыя страницы грамматики могли бы объяснить ему ошибку, и ставить эту ошибку въ число догматовъ своего исповѣданія. К. Аксаковъ самъ, однако, отступалъ въ одномъ случаѣ отъ своего взгляда. Какъ ни была фальшива вся русская литература (приблизительно до пятидесятихъ годовъ, до появленія упомянутого интереса къ народу) было въ ней одно явленіе, предъ которымъ онъ самъ преклонялся безусловно: это былъ Гоголь. Какъ извѣстно, Гоголь сталъ предметомъ настоящаго поклоненія еще въ кружкѣ Станкевича: друзья восторгались имъ и провидѣли въ немъ уже тогда начало новаго періода русской литературы. Бѣлинскій, строго судя прошедшее русской литературы съ своей тогдашней точки зрѣнія, приходилъ въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» къ выводу, что у насъ «нѣтъ литературы», съ восхищеніемъ повторялъ этотъ выводъ, — потому что изъ этого вывода вытекалъ для него другой: что у насъ начинается литература въ томъ серьезномъ и глубокомъ смыслѣ, гдѣ она уже дѣйствительно заслуживаетъ своего названія. Это было, пожалуй, нѣчто параллельное съ тѣмъ взглядомъ К. Аксакова, какой мы выше приводили; но была и большая разница. Въ тѣхъ сужденіяхъ о нашей литературѣ, которыя привели Бѣлинскаго къ упомянутому выводу, было, однако, ясное представленіе объ историческомъ развитіи, о связи явленій, такъ что прошедшее все-таки не было для Бѣлинскаго такимъ безразличнымъ рядомъ явленій, каковымъ оно представляется у К. Аксакова; впоследствии болѣе подробныя изученія (напр., въ статьяхъ о Пушкинѣ) составили у Бѣлинскаго цѣльную исторію нашей новѣйшей литературы съ точки зрѣнія ея національно-художественнаго развитія. Гоголь для Бѣлинскаго былъ именно логическимъ завершеніемъ всего предъидущаго, послѣдовательно созрѣвшимъ результатомъ всѣхъ предшествовавшихъ стремленій литературы, чѣмъ и объясняется его высокая оцѣнка Гоголя, восторженное увлеченіе его произведеніями. К. Аксаковъ вынесъ свое поклоненіе Гоголю еще изъ кружка Станкевича; при появленіи «Мертвыхъ душъ» онъ, какъ извѣстно, превзошелъ своимъ энтузіазмомъ самого Бѣлинскаго: онъ проводилъ серьезно параллель между Гоголемъ и Гомеромъ и видѣлъ въ поэмѣ Гоголя настоящую эпопею¹⁾. Это поклоненіе онъ сохранилъ навсегда (впоследствии

¹⁾ Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: „Похожденіи Чичикова, или Мертвыхъ душъ“. Сочиненіе Константина Аксакова. М. 1842. (Отзывъ Бѣлинскаго, въ „Отеч. Зап.“, 1842, кн. 8, или Сочин. Бѣл., т. VI, изд. 2, стр. 438—444. Отзывъ Аксакова въ „Москвитинѣ“, 1842, кн. 9; и вторая статья Бѣлинскаго, въ „Отеч. Зап.“, кн. 11, или Сочин. VI, стр. 528—557. Отзывъ Библіотеки для чт., 1842, сентябрь, Литер. Извѣстія, стр. 12).

сюда присоединились личные отношенія къ Гоголю славянофильскаго круга и въ частности семейства Аксаковыхъ, и неопредѣленные сочувствія этого круга къ позднѣйшему мистицизму автора «Мертвыхъ Душъ»); но оно не повліяло на общія понятія о нашей литературѣ: появленіе и дѣятельность Гоголя остаются не мотивированными; Гоголь, при всемъ великомъ значеніи его дѣятельности, остается внѣ связи съ историческимъ ходомъ литературы; создавшая его литература продолжаетъ казаться Аксакову рабскимъ повтореніемъ европейскихъ формъ и содержанія, какъ за полтора ста лѣтъ предъ тѣмъ; словомъ, историческая оцѣнка явленій отсутствуетъ. Подобнымъ образомъ въ изложеніи Аксакова остается непонятнымъ и возникновеніе тѣхъ стремленій къ народу, въ которыхъ самъ онъ замѣчалъ поворотъ къ лучшему. Въ самомъ дѣлѣ, эти стремленія возникли въ томъ самомъ кругѣ литературы, который, по мнѣнію Аксакова, былъ зараженъ рабскимъ подражаніемъ, пустымъ повтореніемъ европейской моды: какимъ же образомъ въ этомъ безнадежномъ источникѣ могли зародиться тѣ произведенія, которыми самъ Аксаковъ не могъ не отдать своего искреннаго сочувствія, — какъ, напр., повѣстаніе г. Григоровича и особенно разсказы Тургенева? Одно изъ двухъ: или въ самихъ этихъ писателяхъ совершился переворотъ, какъ будто въ сторону славянофильства (которое только въ идеяхъ своего кружка находило истинное пониманіе народнаго вопроса); или же К. Аксаковъ не видѣлъ настоящаго характера ихъ дѣятельности. Но переворотъ усмотрѣть довольно трудно: Тургеневъ (остановимся на немъ, какъ на самомъ характерномъ примѣрѣ) и въ началѣ, и въ серединѣ, и въ концѣ своей дѣятельности одинаково былъ, что называется, упорнымъ «западникомъ»; никогда не отказывался отъ уваженія къ западной наукѣ и литературѣ, которое славянофилы честать «рабскимъ подчиненіемъ Западу», или даже «лакействомъ предъ Европой»; впослѣдствіи онъ сталъ и въ личные дружескія отношенія со многими первостепенными представителями западнаго просвѣщенія — онъ не опасался за цѣлость своихъ русскаxъ стремленій и, напротивъ, былъ именно цѣннымъ, какъ русскій человекъ и писатель, и внушалъ уваженіе къ національнымъ мотивамъ своей дѣятельности. Въ кругу современниковъ и сотоварищей разсказы Тургенева изъ народной жизни показались именно желаннымъ проявленіемъ его таланта, драгоценнымъ вкладомъ въ ту область идей, гдѣ вращались ихъ лучшія литературныя и общественныя сочувствія; «Записки Охотника» привѣтствованы были въ кругѣ товарищей его дѣятель-

ности, какъ прекрасное выраженіе ихъ собственныхъ стремленій. Эти произведенія были неожиданны по своему художественному совершенству, по могущественному проявленію дарованія, но вовсе не по самой идеѣ, ихъ проникавшей: напротивъ, эта идея, сочувственное отношеніе къ народнымъ массамъ, стремленіе послужить признанію за ними ихъ нравственно-человѣческаго и общественнаго права, были давней мыслью такъ-называемой западнической литературы, заявленной еще со второй половины прошлаго вѣка. Въ разныхъ оттѣнкахъ и въ разныхъ оболочкахъ, эта мысль высказывалась Новиковъ и Радищевымъ, Н. Тургеневымъ и Рылѣвымъ, кружкомъ декабристовъ, наконецъ Пушкинымъ; въ сороковыхъ годахъ, наканунѣ появленія «Записокъ Охотника», эта мысль прозрачно была высказана въ извѣстномъ политико-экономическомъ трактатѣ Заблоцкаго и въ книгѣ Н. Тургенева («La Russie et les Russes») и т. д., и т. д. Итакъ, мысль была не нова; она была издавна мечтой и заботой лучшихъ людей общества и литературы; безъ сомнѣнія это была мысль, глубоко отвѣчавшая истинному національному чувству,—хотя укрѣпленію ея въ умахъ русскаго общества содѣйствовалъ не одинъ національный инстинктъ, но вмѣстѣ и вліяніе проклинаемой славянофилами западной литературы. Слѣдовательно, для Тургенева не нуженъ былъ никакой переворотъ, чтобы на первыхъ же шагахъ своей дѣятельности явиться авторомъ «Записокъ Охотника»: это произведеніе было новой ступенью не въ его общемъ «западническомъ» мировоззрѣніи, а только ступенью въ развитіи его дарованія; послѣ, какъ и прежде, онъ остался дѣятелемъ одного литературнаго круга. Съ другой стороны, Тургеневъ,—несмотря на одобренія, вызванныя «Записками Охотника», никогда особенно не сочувствовалъ славянофиламъ, да и имъ никогда не внушалъ особенной симпатіи; свидѣтелями послѣдняго мы были еще недавно, когда и смерть знаменитаго писателя оставила господъ этой школы довольно равнодушными.

Свои мнѣнія о новой русской литературѣ К. Аксаковъ высказалъ въ первый разъ въ извѣстныхъ статьяхъ во второмъ «Московскомъ Сборникѣ» (1847 г.) подъ псевдонимомъ «Имрекъ». Въ замѣтѣхъ къ этимъ статьямъ и въ самомъ изложеніи Мосеева уже противопоставляется Петербургу, точно другое государство: Петербургъ дѣлаетъ то-то, а Москва то-то; Петербургъ дѣлаетъ хуже, а Москва гораздо лучше; Петербургъ легкомысленъ, а Москва серьезна; Петербургъ не русскій, а Москва русская. Соотвѣтственно и литература дѣлится на два лагеря, и лагерь московскій выставляетъ себя представителемъ истинно-русскихъ

началъ въ опроверженіе легкомысленной петербургской цивилизаціи и литературы. К. Аксаковъ довольно остроумно подсмѣивается надъ повѣстью кн. Одоевскаго: «Сиротинка», героиня которой, взятая изъ деревни, воспитывается въ петербургскомъ дѣтскомъ приютѣ и, вернувшись опять на родину, цивилизуетъ свою деревню — учитъ ребятишекъ грамотѣ, умываетъ ихъ и чешетъ, учитъ молиться и т. п., словомъ, преобразовываетъ ребятишекъ на удивленіе. Онъ зло подсмѣивается и съ негодованіемъ говорить о вышедшей тогда книжкѣ Никитенко: «Опытъ исторіи русской литературы: Введеніе», — наполненной извѣстнымъ малосодержательнымъ краснорѣчіемъ этого профессора. Онъ подшучиваетъ надъ стихотворными опытами Тургенева, разбираетъ весьма справедливо первыя повѣсти Достоевскаго и т. д. Личныя антипатіи заострили его критику, которая нерѣдко удачно нападаетъ на слабыя стороны противниковъ; постоянное требованіе народной стихіи выше и прежде всего сообщаетъ его критикѣ единство и цѣльность, — но нельзя было бы сказать, чтобы его вѣрныя замѣчанія были именно результатомъ его точки зрѣнія, чтобы Москва его устами опровергла Петербургъ, какъ ему, конечно, хотѣлось. Весь крупный вопросъ литературнаго развитія оставался въ сторонѣ, нетронутымъ; критикъ изощрялся всего больше надъ явленіями второстепенными: нетрудно было подшутить надъ кн. Одоевскимъ, какъ послѣ шутилъ на ту же тему Некрасовъ въ своемъ «Филантропѣ», какъ были уже въ то время извѣстной басней «помѣщики — отцы своихъ крестьянъ» или нѣсколько позднѣе идеальныя чиновники, въ родѣ изображеннаго гр. Соллогубомъ и т. д.; о стихотворныхъ опытахъ Тургенева всѣ забыли очень основательно, когда начался рядъ его зрѣлыхъ произведеній; мелкимъ повѣстускамъ и петербургская критика не придавала никакого особеннаго значенія, и еще гораздо раньше защищала повѣсти изъ народнаго быта съ настоящими, а не кукольными мужиками, какъ полноправный и необходимый элементъ литературнаго содержанія. Во всякомъ случаѣ надо отдать справедливость К. Аксакову за его настойчивое требованіе внимательныхъ изученій народной жизни и характера; но все-таки въ его критикѣ оставался невыясненнымъ существенный вопросъ; откуда же въ проклинаемой и осмѣиваемой имъ петербургской литературѣ взялось то настроеніе, которое продиктовало «Записки Охотника» и другія произведенія, внушавшія сочувствіе самому славянофильскому критику, пробившія броню его явной вражды и недовѣрія? Онъ говоритъ «о прикосновеніи къ народу», но откуда почувствовалась необходимость этого при-

восновенія? Если бы критикъ нашелъ въ себѣ достаточно спокойствія, чтобы разобрать этотъ вопросъ безъ своей предвзятой исключительности, онъ нашелъ бы путь къ болѣе вѣрному представленію всего положенія вещей—напримѣръ, могъ бы вспомнить, что мысль о народномъ достоинствѣ и свободѣ была очень близка тому «западническому» оппоненту славянофиловъ, котораго «Дневникъ» мы цитировали... Къ сожалѣнію, спокойствія не нашлось, и съ сороковыхъ годовъ продолжаютъ понинѣ гулять въ славянофильской литературѣ фразы о глубинахъ народного духа, открытыхъ славянофилами, о народной истинѣ, засѣвшей въ Москвѣ и т. п.

Московский провинціализмъ, какъ мы замѣтили, высказался столько же и въ литературныхъ, сколько въ историческихъ понятіяхъ К. Аксакова. Разница Москвы и Петербурга во многихъ отношеніяхъ не подлежитъ, конечно, сомнѣнію: въ тѣ самые годы она послужила тѣмой для извѣстной остроумной параллели, —но это разница бытовая и разница старыхъ историческихъ преданій, а вовсе не національнаго существа. Въ Петербургѣ нѣтъ до-петровскихъ преданій и памятниковъ и т. п., потому что онъ выстроенъ позднѣе; съ другой стороны, въ Москвѣ нѣтъ тѣхъ бытовыхъ особенностей и нравовъ, которые необходимо возникали въ Петербургѣ вслѣдствіе присутствія двора, высшихъ правительственныхъ учреждений, лучшей части арміи и т. д.; отъ этого присутствія правительства въ новой столицѣ (а также вслѣдствіе торговаго положенія ея на окраинѣ) въ ней всегда былъ сильнѣе притокъ иностранцевъ, — точно такъ же, какъ во времена до-петровскія они собирались въ Москвѣ, гдѣ населили цѣлую «нѣмецкую слободу». Всѣ эти чисто бытовые условія не могли не придать Петербургу иной физіономіи; но смѣшно было бы распространять эту разницу на сущность умственной политической жизни общества, совершающейся въ Петербургѣ или въ Москвѣ: и тамъ, и здѣсь шла одна русская жизнь, съ общими чертами вѣка и общественными стремленіями, —и съ разнициами только въ частностяхъ. Тамъ и здѣсь одинаково были свои старовѣры и ретрограды, свои свободные мыслители и либералы; «Петербургъ» имѣлъ и имѣетъ до нынѣ своихъ рьяныхъ приверженцевъ въ Москвѣ; «Москва» —своихъ въ Петербургѣ; люди, воспитавшіеся въ Москвѣ (какъ Бѣлинскій, Кавелинъ и проч. и проч.) продолжали и продолжаютъ дѣйствовать въ Петербургѣ; петербуржцы (какъ Грановскій и др.) дѣйствовали и приобрѣтали огромную популярность въ Москвѣ; Петербургъ производилъ и производилъ славянофиловъ, которые по своей рьяности никакъ не усту-

пять московскимъ, и т. д. Такъ было и тогда, и послѣ, и въ настоящее время московское славянофильство имѣетъ въ самой Москвѣ весьма несомнительныхъ противниковъ. Съ другой стороны, иные думаютъ, и не безъ основанія, что если ужъ приписывать отдѣльнымъ пунктамъ народной территоріи какое-нибудь символическое представительство, то въ этомъ смыслѣ Петербургъ имѣетъ явное преимущество передъ Москвой: какъ правительственный центръ, какъ наиболее богатый пунктъ высшихъ учебныхъ и ученыхъ учреждений, Петербургъ привлекаетъ изъ всей Россіи массу практически-дѣятельныхъ и образовательныхъ силъ; — здѣсь не дѣйствуетъ на нихъ никакой особенный провинціализмъ, и они остаются только подъ вліяніемъ господствующей политической системы, — вліяніемъ, отъ котораго не взята, конечно, и сама Москва. Но рядомъ съ этимъ въ умственной и литературной жизни Петербурга именно получаютъ мѣсто разнообразнѣйшіе элементы мѣстной жизни изъ всѣхъ краевъ нашего обширнаго отечества, т.-е. именно въ Петербургѣ соединяются данныя для образованія болѣе широкой національной точки зрѣнія, не подавляемой провинціальною и археологической исключительностью.

К. Аксаковъ никогда не вышелъ изъ этой исключительно московской, провинціальной точки зрѣнія, и это существенно повредило его историческимъ и литературнымъ взглядамъ.

Перейдемъ теперь къ его сочиненіямъ, имѣющимъ спеціально публицистическія задачи, гдѣ опять тотъ же крайній идеализмъ и нетерпимость очень много помѣшали болѣе широкому дѣйствию тѣхъ благородныхъ мыслей, которыя его постоянно одушевляли.

А. Пининъ.

БЕЛИНДА

Романъ, соч. Родн Броутонъ.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

I.

„Along the crisped shades and bowers
Revels the spruce and jocund Spring“.

Такъ же весело, какъ и повсюду, линовала веселая и радостная весна въ большомъ Дрезденскомъ саду въ майскій день, когда начиналась наша исторія. И хотя, сквозь ея игривость, просвѣчивало порою желаніе ущипнуть, и въ самой улыбкѣ замѣчался какой-то капризъ, однако толпы обрадованныхъ ея подданныхъ явились привѣтствовать возвращеніе своей царицы. Да, толпы; въ такой день дрезденцы, согласно ежегодному обычаю, какъ извѣстно, стремятся, пѣшіе и конные, поклониться веснѣ. Въ честь ея устраивается цвѣточное торжество: всѣ бросаютъ другъ другу букеты. Надъ головами деревья шумятъ новой зеленью; по боковымъ дорожкамъ толпятся пѣшеходы; вдоль широкихъ аллей весело несутся экипажи. Нынѣшній разъ внезапно въ толпѣ произошло какое-то движеніе. Должно быть, король появился съ королевой? Во все нѣтъ. Это графъ С. проѣзжаетъ въ большой колымагѣ, заваленной великолѣпными букетами, которую онъ занимаетъ одинъ; колымага запряжена четверкой рыжихъ лошадей, съ фореяторомъ въ красной бархатной ливреѣ и выѣзднымъ лакеемъ въ такой же ливреѣ на запяткахъ. Англичанинъ чувствовалъ бы себя не-

ловко на его мѣстѣ, но далеко не таковы ощущенія этого великолѣпнаго и благополучнаго германца.

Вотъ, наконецъ, и самъ король съ королевой, съ кучеромъ и лакеемъ въ ливреѣ мышиннаго цвѣта. Они раскланиваются и улыбаются такъ же привѣтливо, какъ еслибы и всаправду были великими вѣнценосцами. Никто не сторонится на ихъ пути; не видно ни одного шуцмана; никто не расчищаетъ имъ дороги, подобно тому, какъ это водится, когда принцесса уэльская въѣзжаетъ на прогулку. Солдатъ кругомъ много; но эти солдаты не думаютъ ни о войнѣ, ни даже о пивѣ; ихъ воинственные лани полны невинныхъ нарциссовъ и левкоевъ; конные гвардейцы, въ свѣтло-голубыхъ мундирахъ и плоскихъ голубыхъ фуражкахъ, снуютъ взадъ и впередъ на стройныхъ коняхъ, держа въ рукахъ букеты изъ розъ, азалей, гіацинтовъ и розыскивая серьезными, сѣрыми глазами тѣхъ счастливыхъ красавицъ, которымъ предназначаются эти букеты.

Два хора военной музыки весело гремятъ, а большой турецкій барабанъ заставляетъ даже лошадей вздрагивать и гарцовать. Наконецъ появляется, какъ бы для разнообразія, вереница настоящихъ англійскихъ экипажей. Стоитъ только взглянуть на нихъ, чтобы опредѣлить ихъ національность. Чопорные, неподвижные слуги въ темнаго цвѣта ливреяхъ, простая, но блестящая упряжь, гвѣзды въ яблокахъ лошади, ступающія какъ одна,—кто можетъ усомниться въ томъ, что это дѣйствительно англичане? Но вотъ появляются и другіе—въ наемныхъ коляскахъ! Добрые саксонцы! не судите по нимъ о насъ! это далеко не самые блестящіе представители англійской націи! И однако въ одной изъ этихъ наемныхъ колясокъ сидятъ двѣ молодыхъ женщины, которыхъ Англіи никоимъ образомъ не приходится стыдиться, что, впрочемъ, онѣ сами прекрасно сознаютъ, хотя въ настоящую минуту и являются не въ авантажѣ. Лицо одной сердито, а другой тревожно.

— Не вернуться ли намъ домой, Белинда?—спрашиваетъ угрюмо сердитая.

— Но вѣдь мы только-что пріѣхали,—замѣчаетъ Белинда.

Проѣзжаетъ русскій экипажъ съ кучеромъ въ шляпѣ, напоминающей какую-то птицу, и въ длинномъ кафтанѣ со сборами у талія. Затѣмъ проѣзжаютъ снова германцы съ букетами нарцисовъ, украшающими уши ихъ лошадей и приволотыми къ груди ихъ кучеровъ и лакеевъ. Вотъ конногвардеецъ, усѣвшійся на козлахъ мальпоста, запряженнаго шестеркой лошадей, катаетъ доврчивую даму въ розовой шляпкѣ, спокойно возсѣдающую

съ нимъ рядомъ и наслаждающуюся своимъ положеніемъ, не смотря на отчаянную путаницу, воцарившуюся въ безчисленныхъ возжахъ ея автомедона. Другой конногвардеецъ бросаетъ ей букетъ, но онъ плохо прицѣлился: букетъ падаетъ на дорогу и вслеса переѣзжаютъ его. Это зрѣлище окончательно выводитъ изъ себя сестру Белинды.

— Я должна прибѣгнуть къ какому-нибудь отчаянному дѣйствию, чтобы привлечь на себя вниманіе, — сердито говоритъ она не безъ примѣси однако юмора, смягчающаго ея досаду; — что ты посоветуешь мнѣ? Не испугаться ли мнѣ турецкаго барабана и не закричать ли во все горло? Или можетъ быть ты закричишь?

— Разумѣется, не я!

— Не могу понять, что съ ними сдѣлалось! Они должно быть помѣшались! Вѣдь никто изъ нихъ не бросилъ намъ ни одного букета!

— Зачѣмъ они станутъ бросать намъ букеты? — отвѣчаетъ Белинда. — Мы никого изъ нихъ не знаемъ.

— Хотя бы даже они и не знали насъ, они могли бы бросить намъ нѣсколько цвѣтковъ, — ворчитъ Сара. Я увѣрена, что они видятъ, какъ намъ этого хочется, и для этого вовсе не нужно особенно долгаго знакомства.

— Я бы сочла крайне дерзкимъ съ ихъ стороны, если бы они это сдѣлали, — отвѣчаетъ холодно Белинда.

Другая надула губы.

— Съ своей стороны, я бы желала, чтобы они немедленно проявили хоть столько дерзости!

Но очевидно, что саксонская армія не расположена къ такой дерзости. Забытые всѣми дѣвушки молча ѣдутъ далѣе. Солнце ярко свѣтитъ, восточный вѣтеръ дуетъ, турецкій барабанъ гремитъ, и большіе мѣдные инструменты грохочутъ, а онѣ объѣзжаютъ медленно вокругъ пруда, вдоль прямыхъ аллей мимо античнаго музея. Кругомъ нихъ сыплется дождь букетовъ, но ни одинъ изъ нихъ не предназначается для ихъ ландо; ни одинъ даже случайно не попадаетъ къ нимъ.

Лицо Сары омрачается еще больше, а въ глазахъ Белинды тревога свѣтится еще сильнѣе. Но если она никого здѣсь не знаетъ, то кого же она ждетъ?

— Впрочемъ, — заговорила Белинда, — ты вѣдь знала, Сара, когда захотѣла сюда ѣхать, что мы не встрѣтимъ здѣсь знакомыхъ, кромѣ профессора Форта и...

— Прекрасно, а почему его здѣсь нѣтъ? — закричала Сара со взрывомъ искренней досады, который какъ будто ее облег-

чилъ.—Вѣдь я приказала ему непремѣнно придти сюда? Даже и онъ былъ бы хорошъ за неимѣніемъ другого!

Белинда иронически улыбается.

— Какой восторженный панегирикъ человѣку, за котораго ты собираешься выйти замужъ.

Но Сара не слушаетъ ее. Глаза ея устремлены на боковую дорожку, гдѣ толпятся пѣшеходы.

— Вонъ онъ!—кричитъ она съ отвращеніемъ въ голосъ;— его нельзя проглядѣть! видѣла ли ты когда въ жизни такую походку? Погляди, какъ онъ волочить свои большія плоскія ноги!

Белинда глядитъ въ указанномъ направленіи, и въ толпѣ высокихъ, стройныхъ воиновъ безъ труда различаетъ неряшливую, пожилую фигуру, клерикальнаго вида, если судить по востюму; ученаго,—если принять во вниманіе очки. Заложивъ руки за спину, сдвинувъ шляпу на затылокъ, онъ разсѣянно плетется по дорожкѣ.

— Возможно ли?—кричитъ Сара, полуприподнимаясь съ мѣста, голосомъ, почти задыхающимся отъ гнѣва. Да! чудовищно! невѣроятно! но тѣмъ не менѣе вѣрно, вѣрно: онъ не принесъ мнѣ букета!

— Нѣтъ, онъ принесъ,—спокойно отвѣчаетъ Белинда,—но онъ такъ малъ, что его трудно сразу замѣтить.

Въ то время, какъ онѣ это говорятъ, предметъ ихъ наблюденій замѣчаетъ ихъ присутствіе и, оборотивъ къ нимъ свои близорукіе, ученые глаза, неловко бросаетъ въ ихъ сторону маленький букетикъ не особенно свѣжихъ фіалокъ. Онъ падаетъ на колѣни его невѣсты, но не долго тамъ остается. Гнѣвнымъ жестомъ, и прежде, нежели Белиндѣ удастся удержать ее, она страхиваетъ его на дорогу, и конногвардеецъ, правящій шестеркой, и его довѣрчивая спутница, снова проѣзжающіе мимо нихъ какъ-разъ въ эту самую минуту, переѣзжаютъ черезъ него. Благодаря своей близорукости, владѣлецъ букета не замѣтилъ, однако, этого печальнаго зрѣлища.

— Я боюсь, что промахнулся,—невинно объясняетъ онъ, въ то время, какъ коляска останавливается около него, и говоря это, ищетъ глазами съвозъ очки отсутствующій букетъ въ коляскѣ. —Я боюсь, что букетъ, который я вамъ кинулъ, упалъ мимо и не попалъ къ вамъ.

— О, нѣтъ, онъ попалъ,—отвѣчаетъ Сара съ свирѣпой шутливостью,—но такъ какъ онъ былъ слишкомъ великъ для меня, то я его выкинула.

— Какъ вы запоздали!—торопливо перебиваетъ Белинда, стараясь замаять этотъ разговоръ и доброй, ласковой улыбкой загладить рѣзкія слова сестры. Мы такъ васъ заждались, что невольно пришли въ дурное расположеніе духа.

— Я былъ случайно задержанъ,—отвѣчаетъ раздражительно поклонникъ ея сестры;—я нашелъ, что вѣтеръ гораздо рѣче, чѣмъ я ожидалъ,—прибавляетъ онъ съ дрожью, плотнѣе застегивая пальто на своей узкой груди;—а такъ какъ я легко простужаюсь, то и вынужденъ былъ вернуться на квартиру и надѣть теплое пальто. Сара знаетъ,—сердито взглянулъ онъ на невѣсту,—что я очень легко простужаюсь.

Но Сара обращаетъ столько же вниманія на него, какъ и на вѣтеръ, на который онъ жалуется.

— Ахъ! браво!—весело кричитъ она, въ то время, какъ другой букетъ, на этотъ разъ настоящій, величиной съ большой кругъ сыра и составленный изъ рѣдкихъ оранжерейныхъ цвѣтовъ, какъ настоящая дань любви, влетаетъ въ коляску.

Она протягиваетъ обѣ руки, чтобы поймать его; никакое сомнѣніе на счетъ его предназначенія не смущаетъ ея торжества, хотя посторонній зритель и подумалъ бы, что онъ скорѣе предназначается ея сестрѣ, Белиндѣ, которая тоже протанула-было руки, но поспѣшно отвела ихъ и съ терпѣливой внимательностью, хотя и съ разсѣяннымъ немного взглядомъ стала выслушивать сердитые сарказмы профессора на счетъ нелѣпости устраивать гулянье въ такую холодную погоду. Но хотя она и слушала профессора, хотя лицо ея обращено къ нему и отвернуто отъ сестры, однако она не проронила ни одного слова изъ восторженныхъ благодарностей, которыми осыпала ея сестра виновника торжества.

— Подойдите ближе, я хочу поблагодарить васъ!—слышитъ она кокетливый возгласъ. Я не могу протянуть вамъ руки, потому что обѣ заняты; но это по вашей собственной винѣ. Какой колоссальный букетъ! какой прелестный и свѣжій... Онъ примиряетъ меня съ этой скучной прогулкой. Увѣряю васъ, что я никогда въ жизни такъ не скучала! Какіе они всѣ несносные! какая была бы разница, будь это французы! и пр. и пр.

Быть можетъ, ея словоохотливость не позволяетъ отвѣчать тому лицу, къ которому она обращается. Но несомнѣнно, что онъ удивительно молчаливъ. Не странно ли такое полное безмолвіе, въ виду такой восторженной благодарности. Углубленная въ разрѣшеніе этой задачи, Белинда теряетъ нить профессорскихъ жалобъ; когда она вышла изъ задумчивости, то уви-

дѣла, что онъ глядитъ на нее съ оскорбленнымъ удивленіемъ, затѣмъ отходить, и его мѣсто у дверцы экипажа занимаетъ кто-то другой, кто не носитъ очковъ, не боится простуды и не ѣжится отъ восточнаго вѣтра, словомъ, кто-то такой, кто молодъ, молодъ! великое слово! Да. Онъ молодъ; не той условной молодостью, какая признается обществомъ за каждымъ неженатымъ мужчиной, моложе восьмидесяти лѣтъ, но дѣйствительно молодъ; короче сказать, этого человѣка еще не было на свѣтѣ двадцать три года тому назадъ.

Кто, какъ не молокососъ, сталъ бы такъ въ упоръ глядѣть на нее, обидчиво укоряя:

— Затѣмъ вы его не поймали? Вѣдь вы знаете, что онъ предназначался вамъ?

Она взглянула на него: счастливая, радостная улыбка согрѣла лицо, которое мужчины часто находили холоднымъ и надменнымъ.

— Я пробовала!

— О чемъ вы тамъ толкуете? — безпечно закричала Сара, безцеремонно перебивая на полусловѣ своего жениха. — Вы прохаживаетесь на мой счетъ? Ага! у васъ у обоихъ виноватыя лица.

Ни тотъ, ни другая не опровергаютъ ее.

Четверть часа спустя обѣ дѣвушки направляются домой къ бабушкѣ, въ свою квартиру на Lüttichau Strasse, оставляя позади себя короля, королеву, графа С. въ волымагѣхъ и храбрыхъ вояновъ въ голубыхъ и зеленыхъ мундирахъ. Белинда наклонила голову и нѣжно прикоснулась щекой къ цвѣтамъ, покоившимся на колѣняхъ сестры.

— Пожалуйста не мни ихъ, — нетерпѣливо кричитъ Сара, заслоня ихъ. — Ты всегда какъ будто воображаешь, что цвѣты созданы на то, чтобы ихъ ѣсть.

И увидя, что въ глазахъ сестры промелькнуло неудовольствіе, великодушно прибавила:

— Еслибы онѣ не были на проволокахъ, то я бы пожертвовала тебѣ одну или двѣ орхидеи.

— Неужели? — иронически вопрошаетъ Белинда.

Но дальше этого, не пошло ея великодушное разоблаченіе своихъ и сестринныхъ правъ на букетъ.

II.

Ночь протекла съ тѣхъ поръ, какъ униженныя и оскорбленныя профессорскія фіалки были выброшены на мостовую. Теперь уже утро, и у окна спальни въ Lüttichau Strasse сидитъ Белинда, распахнувъ его настежь (къ великому удивленію германской Dienstmädchen, для которой воздухъ дупной комнаты, пропитанный вчерашними сосисками и пивомъ, такъ же милъ, какъ и для всей ея націи), и солнце грѣетъ ея волосы, а прохладный вѣтеръ освѣжаетъ лицо. Она пристально глядитъ на грушевое дерево въ маленькомъ садикѣ, разбитомъ подъ окнами, которое съ недѣлю тому назадъ начало цвѣсти и теперь все побѣлѣло подъ бременемъ своихъ бѣлоснѣжныхъ цвѣтовъ. Однако, сомнительно, чтобы она его видѣла.

— Неужели?—спрашиваетъ она себя почти со страхомъ, — тѣмъ страхомъ, который рождается отъ большого счастья, — неужели?

Легкій шумъ заставляетъ ее повернуть голову, и она видитъ, какъ большая бѣлая дверь открывается и пропускаетъ ея сестру.

— Ты одна?—спрашиваетъ послѣдняя, осторожно заглядывая въ дверь.

— Разумѣется, одна,—отвѣчаетъ Белинда сердито. — Я не имѣю привычки принимать гостей въ спальнѣ.

Это не особенно любезный отвѣтъ, но Сара не обращаетъ на него вниманія и влетаетъ въ комнату, веселая, какъ птичка, свѣжая и красивая, какъ весенній цвѣтокъ.

— Должно быть я пришла нестати,—смѣется она и придвигаетъ стулъ къ колымажѣ сестры,—но такъ какъ я въ большой бѣдѣ, то и не могу долѣе ждать. Я пришла, моя дорогая, просить милости у тебя.

— Если такъ, то можешь уйти, — отвѣчаетъ Белинда съ суровой рѣшительностью,—потому что объявляю разъ навсегда, что отказываю тебѣ.

— Какъ! даже не выслушавъ, о чемъ я хочу тебя просить?

— Неужели ты думаешь, что я не знаю въ чемъ дѣло? — строго вопрошаетъ Белинда. — Я ужъ столько разъ слышала это отъ тебя. Я увѣрена, что ты хочешь, чтобы я сказала профессору Форгу, что ты водишь его за носъ.

— Ты грубо выражаешься,—спокойно замѣчаетъ Сара,—но я слыхала и худшее.

— Ну такъ знай, что я безусловно и напрямки отказываюсь отъ этой роли, — твердо отвѣчаетъ Белинда. — Во-первыхъ, къ чему ты обручилась съ нимъ?

— Къ чему, въ самомъ дѣлѣ? — перебиваетъ та, поднявъ руки и глаза къ небу. — Вотъ спроси поди!

— А между тѣмъ, — продолжаетъ Белинда, глядя на сестру съ суровымъ удивленіемъ, — въ письмѣ, которымъ ты извѣщала меня о вашей помолвкѣ, ты говорила, что не знаешь, чѣмъ служила такое счастье.

— Нѣтъ, нѣтъ, я этого не писала! — закричала Сара, покраснѣвъ отъ искренняго стыда и закрывая лицо руками. — Не говори этого; это неправда! Я писала это не про него, а про кого-то другого!

— *Кого-то другого!* — повторяетъ Белинда, презрительно морща свой красивый носъ. — Какъ это мило и похвально! *Кого-то другого!*

— Быть можетъ это и непохвально, — безстыдно отвѣчаетъ Сара, хотя отъ укоризненныхъ словъ сестры у нея даже шея покрывается краской, — но за то весело.

— Ты знаешь, — продолжаетъ Белинда сурово, — что я дала клятву не виѣшиваться больше въ твои дѣла, послѣ той тягостной сцены съ бѣднымъ Маннерсомъ, который ползалъ на колыняхъ за мной по комнатѣ и рыдая хваталъ меня за платье.

— Онъ вѣчно рыдалъ! — восклицаетъ жестокосердая Сара. — Я видѣла, какъ онъ плакалъ въ три ручья!

— Я уже шестерымъ мужчинамъ сообщила, что ты насмѣялась надъ ними, — продолжаетъ старшая сестра, презрительно пропуская мимо ушей слабую попытку младшей къ оправданію.

— Шестерымъ! Ну полно, ты преувеличиваешь!

— Повторяю, шестерымъ! И думаю, что я кого-нибудь пропустила. Не хочу говорить это седьмому!

— Седьмому?!

— Если ты утверждаешь, что я преувеличиваю, то я готова пересчитать по пальцамъ. Во-первыхъ, — она отдѣлила одинъ изъ своихъ длинныхъ, бѣлыхъ пальцевъ, — во-первыхъ, Маннерсъ...

— Мы уже его считали.

— Во-вторыхъ, — она отдѣлила другой палецъ, — полеовникъ Гринъ. Бѣдный человекъ! онъ тоже проливалъ слезы!

— Тѣмъ стыднѣе для него! — слышится дерзкій отвѣтъ.

— Въ третьихъ, молодой пасторъ, котораго ты поддѣлила на морскомъ берегу, и имени котораго я нивакъ не припомню.

— И я тоже! — кричитъ Сара съ оживленіемъ. — Не правда

ли, какъ странно! Какъ бишь его звали. Кажется его фамилія начиналась съ Б?

— Въ четвертыхъ, — продолжаетъ безпощадно перечислять по пальцамъ Белинда, — лордъ Блѣчеръ, который былъ такъ глупъ, что я долго не могла втолковать ему въ чемъ дѣло.

Но легкомысленная Сара продолжаетъ припоминать фамилію своего поклонника.

— Я почти увѣрена, что она начиналась на Л! — задумчиво говорить она.

— Въ пятыхъ, м-ръ Брабатонъ.

— Ты считала его раньше!

— Нѣтъ, не считала.

— Я увѣрена, что считала.

— А я увѣрена, что нѣтъ; но для большей вѣрности готова начать съизнова. Во-первыхъ, бѣдный Маннерсъ...

— Стой! — громко кричитъ Сара, затыкая уши, — согласна, что ихъ было шесть, шестнадцать, шестьдесятъ, сколько угодно, только брось ты пожалуйста свою нестерпимую ариметику!

Белинда готовилась пустить въ ходъ пальцы другой руки, но при этой уступкѣ опустила обѣ руки на колѣни и перестала считать. Наступило молчаніе.

— Не могу постичь, чѣмъ ты руководствовалась въ настоящемъ случаѣ, — сказала наконецъ Белинда, обращаясь къ сестрѣ, — ужъ, конечно, тутъ не могло быть ни выгоды, ни удовольствія.

— Разумѣется, нѣтъ, — отвѣчала Сара, — глубоко вздыхая и качая головой, — всякій, кто только на него взглянетъ, скажетъ, что у меня не могло быть такихъ мотивовъ.

— Подобная побѣда не могла даже льстить твоему тщеславію, — продолжаетъ безжалостно Белинда.

— Нѣтъ! она льстила моему тщеславію! — вступается Сара съ оживленіемъ, доказывающимъ, что она не желаетъ, чтобы въ конецъ унижали ея послѣднюю жертву; — ты можешь быть и невысокаго о немъ мнѣнія, но увѣряю тебя, что въ Оксфордѣ его считаютъ свѣтиломъ науки. Въ домѣ, гдѣ я встрѣтилась съ нимъ, его носили на рукахъ: онъ написалъ, говорятъ, книгу о дигаммѣ!

— А что такое дигамма? — спрашиваетъ коротко Белинда, нисколько не трогаясь такой эрудиціей.

— Какъ? ты не знаешь, что такое дигамма? — кричитъ Сара, поднимая брови, съ видомъ оскорбленнаго удивленія, и продолжаетъ съ хохотомъ: — если хочешь знать правду, то и я этого не знаю!

— Но ты не можешь, полагаю, всю жизнь интересоваться одной дигаммой?—спрашивает угрюмо Белинда, не заражаясь веселостью сестры.

— И не желаю пробовать!—хохочет та.

— Въ такомъ случаѣ я все-таки ничего не понимаю.

— Ну, если хочешь, то, конечно, дѣло не въ одной только дигаммѣ,—отвѣчает неохотно Сара,—хотя сколько я могла замѣтить, это и есть его cheval de bataille; но его вообще считали гениемъ. Ты бы поглядѣла, какъ они всѣ пресмыкались у его ногъ — какія у него, замѣтила ты, ножищи!—и ловили каждое его слово. Тамъ была одна барышня, такъ та ухаживала за нимъ, какъ Богъ знаетъ что; грѣла для него пальто и подавала калоши!

— Что-жъ изъ этого?

— Ну, знаешь, — нетерпѣливо отвѣчала Сара, досадуя на такое непониманіе,—надо быть не женщиной, чтобы видѣть все это и не вмѣшаться. Я тоже пустилась вслѣдъ за другими. Я то же стала грѣть его пальто и подавать ему калоши! Уфъ! какого они были объема! Я удобно могла бы помѣститься вся въ одной изъ нихъ!

— Прекрасно!

— *Прекрасно*, какъ не такъ! Я совсѣмъ не нахожу этого прекраснымъ! Я нахожу это сквернымъ.

— На этотъ разъ имѣю счастье быть съ тобой согласной.

— Ну вотъ, какъ я уже говорила, я пустилась вслѣдъ за другими. И одержала побѣду, тяжкую побѣду! Ты понимаешь, что изъ этого вытекаетъ, какъ говорится въ книжкахъ.

— Не понимаю, что изъ этого вытекаетъ; понимаю только одно, что не хочу больше играть во всемъ этомъ никакой роли.

— Нѣтъ? а между тѣмъ, — вкрадчиво замѣчает Сара, — если ты съ ними объясняешься, то выходитъ гораздо лучше.

— Лучше или хуже, а я больше не стану съ ними объясняться.

— Когда ты объясняешься съ ними, это ихъ не такъ обижаетъ! Мнѣ кажется, право, что имъ это бываетъ даже пріятно.

Нѣтъ отвѣта. Безмолвіе прерывается только свистомъ отъѣзжающаго паровоза.

— Къ чему же во всякомъ случаѣ было тащить его за собою сюда? — спрашивает, наконецъ, Белинда, не трогаясь, какъ гранитная скала, умилными взглядами и словами сестры.

— Боюсь, что ничѣмъ не могу оправдать этого,—отвѣчает Сара виноватымъ голосомъ и снова повѣсивъ носъ,—но, говоря

правду — что я всегда стараюсь дѣлать — времена были такія скучныя; подъ руками никого другого не было, и я подумала, что онъ можетъ быть полезенъ и занимателенъ.

И тутъ переѣхавъ тонъ и съ крайнимъ раздраженіемъ, прибавила: — Я жестоко ошиблась; онъ слишкомъ неслужливъ, чтобъ быть полезнымъ, и слишкомъ носится съ собой, чтобы быть занимательнымъ.

Наступила новая пауза. Небольшой порывъ вѣтра въ окно осыпалъ дождемъ бѣлыхъ лепестковъ колѣни Белинды.

— Еслибы дѣло было наоборотъ, — начинаетъ Сара, становясь на колѣни передъ старшей сестрой и складывая руки съ умоляющимъ видомъ, — еслибы ты была въ затруднительномъ положеніи...

— Я никогда не бываю въ затруднительномъ положеніи.

— Не вижу причины этимъ хвастаться! — отрываетъ Сара, вскакивая съ колѣнъ.

— И я также, — отвѣчаетъ Белинда сухо. — Я никогда не бываю въ затруднительномъ положеніи, какъ ты это называешь, потому что мнѣ никогда не представляется случая попасть въ него; быть можетъ, еслибы такой случай представился, то я бы и воспользовалась имъ; но ты хорошо знаешь (съ легкимъ вздохомъ), что я не нравлюсь мужчинамъ.

— Не правда ли какъ это странно? — отвѣчаетъ Сара, не пытаясь опровергать сестру, но глядя на нее съ выраженіемъ сострадательнаго удивленія. — Не знаю чѣмъ это объяснить. Иногда мнѣ кажется, что вся бѣда отъ твоего носа.

— Отъ моего носа? — повторяетъ торопливо Белинда, невольно ища глазами зеркала и ощупывая лицо руками, — что такого особенно дурного въ моемъ носѣ?

— Ничего особенно дурного, напротивъ того, я нахожу, что онъ слишкомъ хорошъ. Но не могу представить себѣ, чтобы мужчина могъ влюбиться въ такой носъ. Онъ слишкомъ красивъ и великъ, чтобы внушать что-либо кромѣ чувства уваженія.

— Онъ вовсе не такъ великъ! — кричитъ послѣшно Белинда, и вынимая платокъ изъ кармана, уголкомъ его измѣриваетъ свой носъ.

— Вотъ, — прибавляетъ она, показывая мѣрку сестрѣ, — видишь какой онъ.

— Тутъ дѣло не въ мѣркѣ, — важно замѣчаетъ Сара, — я видала носы побольше твоего, но которые далеко не были такъ внушительны. Это дѣло ощущеній. Твой носъ какъ будто выражаетъ пренебреженіе къ мужчинамъ. Замѣть мои слова, — при-

бавляетъ она съ хитрымъ взглядомъ, —единственное, чего мужчины не выносятъ и не прощаютъ, это —пренебреженія.

Белинда съ горечью усмѣхается.

— Ясно значить, что ничто кромѣ ампутаціи не можетъ сдѣлать меня привлекательной, да и то я боюсь, что это ни къ чему бы не повело; но я не понимаю въ чему мы объ этомъ толкуемъ.

— У меня былъ маленькій планъ, —говорить Сара, причемъ веселость ея снова смѣняется мрачностью при воспоминаніи объ ея личныхъ заботахъ, —но ты спугнула его.

— Что такое?

— Знаешь, — медленно становясь на колѣни и принимая прежній вкрадчивый тонъ, говоритъ Сара, —что мы сегодня ѣдемъ въ Морицбургъ, ты и я; само собой разумѣется (съ гримасой), что профессоръ Фортъ послѣдуетъ туда за нами, да и молодой Райверсъ, который, повидимому, составилъ, нельзя сказать, чтобы особенно непохвальную привычку слѣдовать за нами по пятамъ.

— Ну? —спрашиваетъ Белинда, слегка отворачивая голову.

— Ну вотъ я думала —но ты не на столько любезна, чтобы содѣйствовать такимъ планамъ — я думала, что хоть на этотъ разъ ты согласишься заняться моимъ женихомъ и осторожно сообщить ему, что никто —я менѣе всѣхъ —не помѣшаетъ ему вернуться обратно въ Оксфордъ.

— А ты въ это самое время... —спрашиваетъ Белинда тихимъ, подавленнымъ голосомъ, все еще отвернувъ лицо.

— А я въ это самое время, — весело отвѣчаетъ Сара, — воспользуюсь случаемъ убить однимъ ударомъ двухъ зайцевъ, то-есть, выражу мою благодарность за эту кошку гарденій и прогуляюсь подъ ручку...

Но этой фразѣ не суждено быть досказанной.

Белинда вскакиваетъ съ своего мѣста такъ неожиданно и рѣзко, что чуть не опрокидываетъ сестру, безопасно прислонившуюся къ ней, и высовывается головой и всѣмъ туловищемъ въ окно, какъ будто она задохлась въ этой прохладной комнатѣ и ищетъ свѣжаго воздуха.

Черезъ минуту она заговорила, но и тогда ея голосъ звучалъ тихо.

— Я уже сказала тебѣ, что безусловно отказываюсь вмѣшиваться въ твои затрудненія. Я запрещаю тебѣ снова упоминать мнѣ объ этомъ предметѣ.

— Что-о-о-о? — произносить, наконецъ, Сара протяжно, приходя въ себя отъ удивленія, возбужденнаго въ ней по-

веденіемъ сестры. — Запрещаю! какое гадкое слово! Въ сущности, — задумчиво прибавляетъ она, — я не удивляюсь, что мужчины тебя боятся. Я сама иногда боюсь тебя, а поэтому неудивительно, что они бѣгаютъ отъ тебя.

— Сколько разъ ты намѣрена повторять мнѣ это? — кричитъ Белинда, оборачиваясь къ ней съ внезапнымъ гнѣвомъ. — Неужели ты думаешь, что мнѣ пріятно слышать, что я ничего не могу внушать, кромѣ страха и отвращенія? Я это такъ же хорошо знаю, какъ и ты, но мнѣ надѣло это слышать.

— А между тѣмъ, ты могла бы внушать совсѣмъ инныя чувства, — замѣчаетъ Сара тономъ чисто артистическаго сожалѣнія; — какая жалость видѣть, что такіе богатые дары природы, которые, будь они у меня, прославили бы меня, у тебя пропадаютъ даромъ. Я предполагаю (со вздохомъ), что это повтореніе старой исторіи о людяхъ съ большимъ аппетитомъ, и которымъ нечего ѣсть, и о тѣхъ, у которыхъ пища вдоволь, а аппетита совсѣмъ нѣтъ.

III.

Онѣ однако отправляются въ Морицбургъ, когда полдневное солнце уже высоко стоитъ въ небѣ и проливаетъ теплый свѣтъ на землю, и отправляются красивыя, веселыя, и на всей своей волѣ. Конечно, ихъ бабушка, крѣпкая и здоровая старуха, прекрасно могла бы сопровождать ихъ, но ей шестьдесятъ-пять лѣтъ отроду, она не рассчитываетъ встрѣтить на прогулѣ поклонника и совершенно равнодушна къ красотамъ германскихъ замковъ, а потому благоразумно остается дома.

— Если вы не можете вести себя какъ прилично благовоспитаннымъ дѣвушкамъ безъ того, чтобы я не слѣдовала за вами по пятамъ, то я могу сказать одно только: что мнѣ васъ очень жаль, мои милыя.

Вотъ фраза, которою она постоянно напутствуетъ ихъ и успокоиваетъ свою совѣсть.

Результатъ оказывается, однако, не хуже того, какой могъ бы получиться отъ болѣе пространныхъ нотаций: дѣвушки, сознавая, что отпущены, такъ сказать, на честное слово, ведутъ себя вполне благопристойно; по крайней мѣрѣ, Белинда всегда такъ ведетъ себя, а Сара — очень часто.

Онѣ быстро и ловко усаживаются въ коляску, бросая тревожные взгляды на домъ, стоящій на противоположной сторонѣ улицы и мимо котораго имъ нужно проѣзжать.

— Сара, — внушительно говорит Белинда, безсознательно понижая голосъ, — если ты услышишь, что отерывается окно, смотри не поворачивай головы: она способна прыгнуть къ намъ въ коляску съ балкона и потребовать, чтобы мы непременно везли ее съ собой.

— Если она заберется сегодня въ нашу коляску, то только по моему трупу, — твердо отвѣчаетъ Сара.

И коляска ѣдетъ дальше.

Старательно закрываясь зонтиками и задерживая дыхание пробѣгаютъ онѣ мимо опаснаго дома. Опасенія оказываются напрасными. Въ домѣ ничто не шелохнется.

Сестры не разговариваютъ другъ съ другомъ. Белинда про себя твердитъ одинъ и тотъ же припѣвъ: «его тамъ не будетъ! да я совсѣмъ и не жду его».

Она говоритъ это въ суевѣрной надеждѣ, что умиловитъ капризную судьбу, увѣривъ ее, что не рассчитываетъ на то, чтобы она исполнила ея желаніе. Но сильно бьющійся пульсъ и ярко рдѣющія щеки говорятъ иное. Иное говорятъ и щебечущія птицы на деревьяхъ, и шелковистая трава на лужайкахъ, и раскрывающіеся бутоны цвѣтовъ. Они всѣ твердятъ одно:

— «Онъ будетъ тамъ! онъ будетъ тамъ»!

Онѣ выѣхали уже за городъ и лѣниво грѣются на солнышкѣ, откинувшись на подушки коляски, какъ вдругъ Белинда пробуждается отъ своихъ мечтаній испуганными восклицаніями Сары, торопливо слѣдующими одно за другимъ:

— Белинда! она тутъ! съ твоей стороны! скорѣе! скорѣе закройся зонтикомъ! можетъ быть она насъ не увидитъ!

Съ быстротой молніи Белинда повинуется. Въ полномъ невниманіи къ положенію солнца зонтикъ ея склоняется на другую сторону.

Но тщетны всѣ усилія! Бываютъ такіе зоркіе глаза, что видятъ не только сквозь зонтикъ, но даже кажется и сквозь толстыя каменные стѣны.

Кучеръ сдерживаетъ лошадей, и Сара, сердито приказывающая ему ѣхать скорѣе, убѣждается, что для этого ему нужно было бы переѣхать черезъ плотную, пожилую женщину, которая, стоя посреди дороги съ поднятыми руками, размахиваетъ зонтикомъ, крича во все свое здоровое горло:

— Стой, кучеръ!

— Безполезно! — говоритъ дѣвушка съ унылымъ отчаяніемъ, откидываясь назадъ въ коляску. — Отъ нея нельзя никогда уйти!

Въ одну минуту дама, о которой идетъ рѣчь, просовывается въ

коляску красное, потное лицо съ сѣдоватой гривкой волосъ, и туловище, облеченное въ вѣтчатое бѣлое съ чернымъ платье.

— Я боялась, что вы меня не увидите!—говоритъ она, съ жаромъ пожимая имъ руки. — Какъ поживаете? Куда это вы ѣдете? Я нарочно остановила васъ, чтобы узнать куда вы ѣдете? Въ Морицбургъ? ахъ какъ весело! я бы желала тоже поѣхать въ Морицбургъ!

И такъ какъ за этимъ прозрачнымъ намекомъ не послѣдовало никакого приглашенія, то прибавляетъ:

— Мнѣ кажется, у васъ такъ просторно въ коляскѣ, что вы могли бы удѣлить мнѣ въ ней мѣстечко.

— Мы были бы очень рады, — съ подозрительной поспѣшностью замѣчаетъ Белинда, — но я боюсь...

— Ахъ, мнѣ все-равно гдѣ сидѣть; я могу отлично помѣститься и на передней скамейкѣ. Еслибы вы такъ же много путешествовали какъ я, то и вамъ было бы все равно.

— Еслибы Белинда путешествовала такъ же много, какъ вы, — саркастически замѣчаетъ Сара, — то я увѣрена, что единственнымъ желаніемъ ея было бы сидѣть дома во весь остатокъ жизни. Мы очень рады были бы взять васъ съ собой, но такъ какъ мы уже условились встрѣтиться съ нѣкоторыми знакомыми...

— Съ знакомыми? съ какими знакомыми?—повторяетъ та назойливо. Одного, я думаю, что знаю: это—профессоръ Фортъ, неправда ли? (съ многозначительной улыбкой). Я видѣла, какъ онъ вышелъ сегодня изъ дому; и догадывалась, что онъ отправляется на какую-нибудь экскурсію, только не знала куда именно. Я освѣдомилась объ этомъ на его квартирѣ, но служанка то же этого не знала. И Райверсъ, молодой Райверсъ? неправда ли, вы съ нимъ ожидаете встрѣтиться. А пророз, изъ какихъ онъ Райверсовъ? я хотѣла бы знать изъ какихъ онъ Райверсовъ; я знаю столькоихъ Райверсовъ.

— Я непременно спрошу его объ этомъ, — отвѣчаетъ Сара, серьезно.—Я такъ прямо и скажу ему:—изъ какихъ вы Райверсовъ? Au revoir! Кучеръ, ступай.

— Куда вы отправитесь завтра? Не хотите ли ѣхать въ Везенштейнъ? Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы всѣ пріѣхали въ Везенштейнъ! Потѣснившись, мы могли бы всѣ уѣхать въ одной коляскѣ. Что вы скажете о томъ, чтобы забраться на цѣлый день въ Везенштейнъ? или еще лучше въ Тарандтъ?..

Но коляска безжалостно уѣзжаетъ, и послѣднія слова теряются въ пустомъ пространствѣ.

Сара посылает рукой ироническій поцѣлуй фигурѣ обиженной пріятельницы, постепенно исчезающей изъ виду.

Теперь онѣ уже у цѣли своего путешествія. Онѣ проѣзжаютъ, мимо гостиницы «Au bon Marché». Белинда закрываетъ глаза. Если онѣ здѣсь, то долженъ показаться теперь же. Если его нѣтъ, то она не узнаетъ этого до самой послѣдней минуты. Она закрываетъ глаза; но минуту спустя саркастическое восклицаніе Сары:—Боже мой! Боже мой!—заставляетъ ее ихъ открыть, и она видитъ, что ей удалось обезоружить судьбу, что онѣ здѣсь и что, судя по его взгляду, онѣ тоже закрывали глаза и боялся, что не увидитъ ихъ.

— Какъ вы поживаете? — весело говоритъ Сара, подавая ему руку;—у меня есть къ вамъ порученіе отъ миссъ Уатсонъ; она желаетъ знать, изъ какихъ вы Райверсовъ; я такъ боялась позабыть объ этомъ, что рѣшила лучше сразу объявить вамъ это; подумайте хорошенько объ этомъ, совѣтую вамъ, прежде нежели встрѣтитесь съ нею!.. Ба! да онѣ не слышатъ ни одного слова изъ того, что я ему говорю!

Четверть часа спустя они всѣ сидятъ на сосновыхъ некрашенныхъ стульяхъ, вокругъ сосноваго некрашеннаго стола, подъ простымъ навѣсомъ, играющимъ роль бесѣдки, и вѣжливая, хотя и деревенскаго вида, служанка, подаетъ имъ бифштексы. Но двое изъ компаніи не чувствуютъ никакого аппетита. И сомнительно даже, чтобы кто-нибудь, за исключеніемъ Сары, радъ былъ собственно завтраку. Профессоръ сомнѣвается въ удобоваримости поданной къ завтраку ветчины и находитъ неосторожнымъ завтракать въ началѣ мая на открытомъ воздухѣ при рѣзкомъ вѣтрѣ. Онѣ даже предлагали позавтракать въ небольшой пріемной гостиницы, насквозь пропитанной запахомъ пива и табаку. Но его невѣста рѣшительно объявила, что если онѣ вздумаетъ завтракать въ комнатѣ, то долженъ обойтись безъ ихъ компаніи, и онѣ вынуждены были подчиниться, мрачно и молчаливо протестуя тѣмъ, что надѣлы, одно сверхъ другого, два теплыхъ пальто, которыя онѣ, какъ увѣрила впоследствии миссъ Уатсонъ, запасливо захватили съ собой. Но хотя вѣтеръ и силенъ, но не рѣзокъ. Онѣ игриво качаютъ высокіе олеандры въ кадкахъ и скворешницы, прицѣпленныя къ деревьямъ, которыя скворцы очевидно находятъ хорошей замѣной гнѣздъ, такъ какъ изъ отверстія скворешницъ весело выглядываютъ шустрыя и умныя головки этихъ птицъ.

Какъ бы то ни было, съ опасностью для пищеваренія въ частности и для здоровья вообще, или нѣтъ, но завтракъ оконченъ,

и профессоръ Фортъ просматриваетъ поданный счетъ сквозь очки.

— Шесть марокъ, шестьдесятъ пфенниговъ!—говорить онъ, провозглашая итогъ такимъ тономъ, который доказываетъ, что онъ вовсе имъ недоволенъ,—одна марка шестьдесятъ-пять пфенниговъ на человѣка. Это очень дорого по моему! должно быть цѣны на все удвоились послѣ войны въ Германіи «Viermal Bistek!»—читаетъ онъ вслухъ,—довольно было бы и двухъ, такъ какъ у всѣхъ оказался такой плохой аппетитъ. «Zweimal Kartoffeln»...

Но онъ принужденъ остановиться, потому что Сара вырываетъ счетъ у него изъ рукъ.

— Бога ради, пощадите насъ,—кричитъ она.—Можетъ ли что-нибудь быть ужаснѣе, какъ перебирать то, что разъ уже съѣдено. По моему это все-равно какъ еслибы начать съезнова завтракать. А я въ настоящую минуту предпочла бы лучше умереть!

Наконецъ, они идутъ осматривать замокъ.

— Ради самого неба остановимся на минуту у этой водокачки,—шепчетъ Райверсъ, на ухо Белиндѣ.—Собственно говоря, глядѣть не на что, въ жизнь свою не видѣть болѣе безобразной водокачки, по такимъ образомъ мы отстанемъ отъ нихъ и оставимъ ихъ вдвоемъ!

— Увѣрены ли вы, что имъ хочется остаться вдвоемъ?—спрашиваетъ Белинда, бросая многозначительный взглядъ на Сару, которая безпрестанно оглядывается назадъ и пользуется всѣми возможными предлогами, чтобы замедлить свои шаги, такъ что если ей желателенъ tête-à-tête съ женихомъ, то она отлично скрываетъ это желаніе.

— Я вовсе въ этомъ не увѣренъ,—отвѣчаетъ молодой человѣкъ съ сухимъ смѣхомъ.—Я увѣренъ только въ томъ, что мнѣ этого хочется.

— Какъ вы думаете, судя по ея спинѣ, любезно она говорить съ нимъ или нѣтъ?—продолжаетъ торопливо и нервно Белинда,—по спинѣ можно иногда заключить о многомъ. Я боюсь, судя по тому, какъ она часто оглядывается, что ей скучно съ нимъ.

— Быть можетъ, когда они останутся вдвоемъ, ей станетъ весело,—отвѣчаетъ Райверсъ.

— Сомнѣваюсь.

Они дошли до замка съ его широкой террасой. Белинда облокачивается на старинную каменную балюстраду, источен-

ную временемъ и непогодой. Глаза ея устремлены на высѣченныя изъ камня фигуры, тоже пострадавшія отъ времени: жирныхъ купидоновъ, невозможныхъ животныхъ и гирляндъ изъ каменныхъ лилій и розъ.

Белинда глядитъ на купидоновъ, Райверсъ глядитъ на нее съ тѣмъ восторженнымъ самозабвеніемъ, съ каимъ способенъ глядѣть на свою первую любовь физически и нравственно здоровый двадцатидвулѣтній молодой человѣкъ. Для него въ настоящую минуту ничего не существуетъ, кромѣ бѣлой, плотной щеки, хорошенкаго, презрительнаго носика, которому Сара приписываетъ всѣ любовныя неудачи Белинды, стройной, красивой фигуры, по сравненію съ которой всѣ остальные женщины кажутся неуклюжими. Для него все, что не Белинда: солнце, звѣзды, луна, замокъ, профессоръ Фортъ, бифштексы — все это невнятные и лишніе подробности во вселенной.

— Въ сущности,—произноситъ онъ съ дрожью въ своемъ молодомъ, звучномъ голосѣ,—мнѣ было бы все равно какъ обращается со мной женщина, которую я люблю, при постороннихъ, лишь бы наединѣ со мной она была бы такой, какъ мнѣ хочется.

— Въ самомъ дѣлѣ?—возражаетъ Белинда—внезапно покраснѣвъ отъ этихъ словъ, въ которыхъ ей чудится намекъ на ея собственную рѣзкость, и, сердясь на себя за то, что покраснѣла, прибавляетъ съ холоднымъ, неприятнымъ смѣхомъ.—Я отвѣчу вамъ на это вмѣстѣ съ поэтомъ:

„Perhaps it was right to dissemble your love,
But why need you kick me down stairs? “).

Бѣдный мальчикъ совсѣмъ опѣшилъ; да и какой юный и пылкій поклонникъ не былъ бы сраженъ такимъ оборотомъ, приданнымъ его нѣжному объясненію? А между, тѣмъ въ глубинѣ ея души гнѣздится такая же нѣжность, какъ и у него, но только никто не можетъ объ этомъ догадаться.

Въ эту минуту въ саду подъ ними показываются двѣ медленно двигающіяся фигуры.

— Вотъ и они, — кричитъ Белинда, указывая на нихъ и радуясь предлогу переимѣнить разговоръ и вмѣстѣ съ тѣмъ прервать тягостное молчаніе, послѣдовавшее за ея выходкой. — Неужели она взяла его подъ руку? Нѣтъ; то-то я и думала, что

¹⁾ Быть можетъ, я и въ самомъ дѣлѣ не похожъ на вашу любовь, но за это еще не стоитъ меня спускать съ лѣстницы.

этого не можетъ быть. Желала бы я знать, успѣла ли она ему сообщить, что не намѣрена выходить за него замужъ.

— Развѣ она это собирается сообщить ему?—спрашиваетъ Райверсъ, вниманіе котораго возбуждается сочувствіемъ въ чужой несчастной любви, и вытягиваетъ шею, чтобы поглядѣть на нихъ; —бѣдный старый дуракъ!

Белинда киваетъ головой.

— Да; я думаю, что это самое она намѣревалась ему сказать, и если я не ошибаюсь, то его поведеніе за завтракомъ нанесло ему *coup de grâse*.

Послѣ этого они тоже сходятъ въ садъ.

— Должно быть эта обязанность въ концѣ-концевъ выпадетъ опять-таки мнѣ,—говоритъ Белинда со вздохомъ.

— Какая обязанность?—мечтательно спрашиваетъ Райверсъ.

Онъ совсѣмъ позабылъ о профессорѣ Фортѣ и занятъ мыслью: былъ ли когда на свѣтѣ такой ротикъ, какъ у Белинды.

— Объявить профессору Фортѣ, что ему не суждено быть моимъ зятемъ,—отвѣчаетъ она улыбаясь.

— Вы полагаете, что миссъ Чорчилъ оставитъ его съ носомъ?—разсѣянно вопрошаетъ ее собесѣдникъ.

Профессоръ все еще представляется ему какимъ-то туманнымъ пятномъ. Онъ занятъ теперь ея подбородкомъ. Ну видалъ ли кто когда такой прелестный, круглый подбородокъ?

— Да, полагаю; это вообще ея манера.

— *Вообще?*—повторяетъ, Райверсъ, просыпаясь подъ вліяніемъ негодующаго удивленія.—Развѣ это такъ часто повторялось?

— Я нечаянно обмолвилась,—отвѣчаетъ она, смѣясь;—это бывало уже раза два или три.

— А вы?

Смѣлый вѣтеръ растрепалъ ей волосы и завернулъ небольшую прядь ихъ ей на щеку. Сколько лѣтъ своей жизни... десять? пятнадцать? двадцать?—онъ отдалъ бы, чтобы ему позволили откинуть ее назадъ.

— А я? О! я осушаю глаза жертвъ и наставляю ихъ, что свѣтъ не клинномъ сошелся.

— А это осушаетъ глаза вашихъ жертвъ?

— Имъ не приходится ихъ осушать,—послѣшнно отвѣчаетъ она.—Я не хочу этимъ сказать, что они слѣпы, но только такихъ людей не бываетъ... ихъ вовсе нѣтъ на свѣтѣ.

— Вы хотите, вѣроятно, сказать,—говоритъ онъ, краснѣя, что я не имѣю права спрашивать васъ объ этомъ?

— Я хочу сказать только то, что сказала, ни больше, ни меньше; таких людей нѣтъ на свѣтѣ.

Тонъ ея холоденъ и рѣзокъ, какъ у человѣка, желающаго прекратить непріятный разговоръ. Въ сущности это происходитъ отъ страшной застѣнчивости; въ особенности, когда ей приходится говорить о себѣ, да притомъ еще съ намъ; но слушателю это кажется холоднымъ высокомеріемъ, вызваннымъ желаніемъ осадить непрощенную фамиллярность. Она сама съ горечью сознаетъ это.

— «Мудрено ли, что никто никогда не любилъ меня?»—говорить она сама себѣ.

Ясно, что и онъ такъ понялъ ея слова.

— Я оскорбилъ васъ!—кричитъ онъ въ отчаяніи.—Ахъ! зачѣмъ я только сюда пріѣхалъ! Мнѣ сегодня совсѣмъ не везетъ! Вы дали профессору Форту высадить васъ изъ коляски; вы позволили ему передать вамъ картофель...

Она невольно улыбается.

— Напротивъ того; онъ совѣтовалъ мнѣ не брать его, говоря, что онъ гнилъ...

— Вы позволили ему поднять вашъ носовой платокъ.

Тутъ она улыбается еще веселѣе.

— Онъ, однако, не воспользовался позволеніемъ. Я думаю, что его когти недостаточно гибки для того, чтобы онъ захотѣлъ поднять платокъ даже своей невѣстѣ.

Говоря это, она безпечно закидываетъ за ухо выбившуюся прядь волосъ, но маленький завитокъ снова выбивается и щекочетъ ея щеку.

Онъ торопливо засовываетъ руки въ карманы, чтобы не поддаться неудержимому, хотя и ни съ чѣмъ несообразному желанію помочь ей справиться съ непослушными волосами.

— Знаете ли,—говоритъ онъ торопливо,—какъ я мучился, когда вы подъѣзжали къ гостинницѣ, какъ я страшно боялся, чтобы вы не сочли меня за нахала, за то, что я присоединился къ вашей компаніи, чтобы вы не зарѣвали меня своими убійственными, ледяными взглядами.

— Моими убійственными ледяными взглядами?—повторяетъ она съ удивленнымъ видомъ. Право, какъ это странно! желала бы я знать, какъ это я ухитрюсь такъ глядѣть.

— Вы можете считать меня глупцомъ, если вамъ угодно,—торопливо продолжаетъ онъ,—но даю вамъ честное слово, что въ первую минуту я не посмѣлъ на васъ взглянуть. Я закрылъ глаза!

На это она хитро улыбается.

— Скажите ради самого неба, какъ это вы сдѣлали, что я такъ ужасно боюсь васъ,—продолжаетъ юноша съ возрастающимъ волненіемъ.—Вы никогда не бываете грубы; вы не насмѣхаетесь; никогда не сердитесь, говорите всегда ровно, и однако...

— И однако,—доканчиваетъ она за него съ горькой улыбкой,—и однако вы меня трепещете! Я знаю, что всѣ вы меня боитесь. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я выросла; нѣтъ, раньше того, право, кажется уже съ четырнадцати-лѣтняго возраста, я стала внушать страхъ... мнѣ постоянно твердятъ, что меня бояться. Какъ это пріятно слышать! Признайтесь, что вамъ говорили, что я страшная, прежде, нежели вы познакомились со мной?

Въ волненіи, съ какимъ она задаетъ ему этотъ вопросъ, она останавливается и прямо взглядываетъ ему въ глаза, причемъ краска заливаеъ ей щеку, а глаза повелительно сверкаютъ.

Онъ не тотчасъ отвѣчаетъ. Онъ съ восторгомъ глядитъ на ея разгорѣвшееся лицо, спрашивая себя: есть ли въ свѣтѣ другая женщина съ такимъ очаровательнымъ, нѣжнымъ румянцемъ на бѣлыхъ, какъ лиліи, щекахъ. Она настойчиво повторяетъ свой вопросъ:

— Вѣдь говорили?

— Мнѣ... мнѣ говорили, что вы обрываете людей.

— И вы убѣдились, что это правда?—спрашиваетъ она тихимъ и какъ бы тревожнымъ голосомъ.—Развѣ я... развѣ я обрывала васъ?—прибавляетъ она съ колебаніемъ.

На этотъ вопросъ она по чести ждала отрицательнаго отвѣта, а потому особенно поражена немедленно послѣдовавшимъ энергическимъ подтвержденіемъ:

— О, да! сто разъ.

— Я... обрывала васъ?—повторяетъ она съ искреннимъ удивленіемъ.—Какимъ образомъ? когда? гдѣ? Какъ же я это дѣлаю?

Онъ не отвѣчаетъ.

— Ужъ не кажется ли вамъ,—спрашиваетъ она, вспоминая обвиненіе Сары въ презрительномъ обращеніи обидномъ для мужчинъ,—что я презираю васъ?

— Презираете? Да, да,—воскликаетъ онъ съ напыщенной торжественностью,—при васъ чувствуешь себя такимъ маленькимъ, такимъ ничтожнымъ. Но не въ этомъ сила. Я былъ приготовленъ къ этому, я слыхалъ, что такова ваша манера.

Она мрачно смѣется.—Какая пріятная манера!

— Бываютъ дни, когда я чувствую васъ далеко, далеко

отъ себя, не знаю отъ чего это происходитъ, но мнѣ кажется иногда, что вы стоите высоко надо мной, какъ...

— Какъ что?

— Какъ какое-нибудь небесное явленіе.

— Небесное явленіе?—повторяетъ она съ досадою,—короче сказать, ангелъ. Неужели мнѣ всю жизнь суждено разыгрывать роль ангела или богини? Еслибы кто-нибудь зналъ, какъ мнѣ надоѣло быть богиней! Право, я рада была бы еслибы меня назвали для разнообразія фуріей или вѣдьмой!

Говоря это, она поворачивается къ нему спиной и идетъ далѣе, и въ разсѣянности, забывая о десятигрошевомъ штрафѣ, грозящемъ всякому неосторожному смертному, покинувшему проторенную дорожку, сходитъ съ нея на сосѣднюю лужайку и принимается рвать полевые цвѣты.

Послушно слѣдуя за ней, онъ тоже рветъ цвѣты, и вскорѣ его букетъ превосходитъ ея по величинѣ.

— Хотите взять ихъ?—застѣнчиво предлагаетъ онъ, потому что ея послѣднее обидчивое замѣчаніе лишило его послѣдней капли мужества, или... или хотите, я понесу ихъ за васъ.

— Благодарю васъ, я сама понесу ихъ, — отвѣчаетъ она, протягивая хорошенькую руку, безъ перчатки, за цвѣтами. Они вознаграждать меня за гарденіи, которыхъ я лишилась по чистой случайности,—прибавляетъ она съ улыбкой. Знаете ли, что мнѣ не позволили даже ихъ понюхать? развѣ я не перенесла свою потерю, какъ герой?

Затѣмъ съ легкимъ колебаніемъ подаетъ ему набранный ею маленькій букетикъ.

— Помѣняйтесь, хотите, — прибавляетъ она съ кроткимъ взглядомъ.—Хотите ихъ взять или...—передразнивая его испуганный тонъ...—или хотите я понесу ихъ за васъ.

Онъ не отвѣчаетъ; не въ силахъ отвѣчать. Слезы навертываются у него на глазахъ. Онъ очень молодъ, любить впервые, и ему кажется, при видѣ протянутой бѣлой ручки съ букетомъ, что небо разверзлось для него.

Бываютъ дни, когда всѣмъ намъ кажется, что небо разверзлось для насъ, но по болѣе части уже на другой день оно снова закрывается.

— Гдѣ вы? куда вы запропастились? Мы искали васъ все время,—кричитъ голосъ Сары.—А вы искали насъ?—очевидно, —иронически смѣется она, вы тоже искали насъ. Ну какъ бы то ни было, а вамъ удалось, наконецъ, насъ найти.

Этотъ возгласъ Сары переноситъ ихъ съ неба опять на землю.

— Известно ли вамъ, что за то, что вы сошли съ дорожки, вамъ придется заплатить десять грошей штрафа, — кричитъ издали профессоръ, но никто его не слушаетъ.

— Вы рвете цвѣты? — спрашиваетъ Сара, — какіе хорошенькіе; нарвите мнѣ.

Затѣмъ обращаясь къ Райверсу, плутовски замѣчаетъ: — я не жадна; я удовольствуюсь тѣмъ жалкимъ маленькимъ букетикомъ, который вы держите такъ крѣпко. Дайте мнѣ его.

Но при этихъ словахъ къ нему возвращается даръ слова.

— Не отдамъ, хотя бы вы на колѣняхъ просили меня объ этомъ! — трагически кричитъ онъ, высоко поднимая правую руку съ дорогимъ ему призомъ надъ ея маленькой, капризной головкой.

— Хотя бы я просила васъ на колѣняхъ? — повторяетъ она тономъ глубочайшаго недовѣрія. — Послушайте однако, *c'est trop fort!* Стоить поймать васъ на словѣ.

И говоря это, медленно падаетъ на колѣни на примятую траву, и сложивъ руки какъ на молитвѣ, глядитъ на него и дѣтскимъ, умильнымъ голосомъ, съ кокетливыми ужимками, силу которыхъ она не разъ уже испытывала, провозноситъ: — прошу васъ, дайте!

Но она могла бы съ такимъ же успѣхомъ обращаться къ одной изъ сосѣднихъ высокихъ сосенъ. Онъ даже не отворачивается отъ нея, какъ бы боясь при взглядѣ на нее, смѣгнуться. Напротивъ того, онъ прямо смотритъ ей въ глаза и неумолимо выговариваетъ:

— Не дамъ, хотя бы вы простояли на колѣняхъ до скончанія міра!

— Что вы дѣлаете, Сара? — снова доносится голосъ профессора съ дорожки, на которой удерживаетъ его страхъ десятигрошевой пени. — Развѣ вы не знаете, что хотя трава и кажется сухой на поверхности, но почва все еще содержитъ большое количество влаги!

Но и тутъ голосъ его остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Хотя бы я простояла на колѣняхъ до скончанія міра? — повторяетъ Сара, все еще не вѣря собственнымъ ушамъ.

Затѣмъ благоразумно избирая единственный остающійся ей исходъ, замѣчаетъ насколько возможно при такихъ обстоятельствахъ, спокойно: — если такъ, то, конечно, я встану съ колѣнъ тотчасъ же!

Говоря это, она встаетъ, повидимому, ни мало не смутясь, и отряхаетъ съ платья травинки, приставшія къ нему.

— Хотите вы посмотреть какъ будутъ кормить королевскихъ медвѣдей?—вѣдь вы, кажется, говорили, что желаете поглядѣть какъ будутъ кормить королевскихъ медвѣдей?—взываетъ профессоръ въ третій разъ съ явнымъ недовольствомъ въ голосѣ, исходящимъ отъ невниманія къ его предъидущимъ замѣчаніямъ.

— Королевскихъ медвѣдей?—повторяетъ Сара *«sotto voce»*, съ выразительнымъ взглядомъ въ сторону Райверсу;—какъ вы думаете, есть у короля мѣсто въ его взѣринцѣ еще для одного медвѣдя? если есть, то я ему приведу своего! Да *(возвышая голосъ и направляясь къ своему жениху)*, конечно идемъ!

Но не пройдя двухъ шаговъ, одумалась, и вернувшись къ сестрѣ, рѣшительно беретъ ее подъ руку.

— Белинда, — говоритъ она твердо, — ты не видѣла малаго замка! — ты не видѣла малака! — не видѣла фазаньяго двора! — ты должна поглядѣть на медвѣдей.

И говоря это, торопливо тащитъ ее за собой, а Райверсъ, внутренно проклиная Сару, вынужденъ послѣдовать за ней вмѣстѣ съ профессоромъ.

Въ этотъ вечеръ, когда обѣ дѣвушки возвращались домой въ коляскѣ, Сара первая прервала молчаніе, длившееся въ продолженіе нѣсколькихъ миль.

— Белинда, — объявила она внезапно, — по всѣмъ человѣческимъ и божескимъ законамъ тотъ будетъ твой! Гарденіи уже завяли и стали цвѣта старой кожи, и пахнутъ скорѣе дурно, нежели хорошо, но каковы онѣ ни есть, а я ихъ возвращаю тебѣ по принадлежности.

Но бѣдная Белинда рада получить свой букетъ даже и при такихъ условіяхъ.

V.

Надъ прекраснымъ городомъ Дрезденомъ взошло новое утро, солнечное, веселое, радостное. Грушевое дерево еще пышнѣе одѣлось цвѣтами.

Конечно, Белинда не могла вырасти въ одну ночь, но и она сегодня утромъ какъ будто ожила и разцвѣла.

Обѣ дѣвушки сидятъ въ хорошенькой англазированной гостиной, окна которой выходятъ на улицу. Эта сторона дома въ тѣни, а потому комната кажется темной; но не смотря на то, всѣ сторы на окнахъ спущены до самаго низу.

— Итакъ, ты ничего ему вчера не сказала? — спрашиваетъ Белинда тономъ укоризненного удивленія.

Сара качаетъ головой.

— Нѣтъ; цѣпи любви все еще связываютъ насъ, — отвѣчаетъ она съ гримасой.

— Но ты скажешь сегодня.

— Нѣтъ.

— Значить, завтра?

— Не думаю.

— Послѣ завтра?

— Это мало вѣроятно.

— Если ты ждешь, — прерываетъ Белинда штопанье чулка, чтобы строго взглянуть на сестру и отчеканивая каждое слово, — что я сдѣлаю это за тебя, то, повторяю, ты этого не дождешься.

— Я это знаю, — спокойно отвѣчаетъ Сара. — Съ тѣхъ поръ какъ я увидѣла, что ты составила свой собственный планъ дѣйствія, я отказалась отъ этой мысли!

— Планъ дѣйствія! — кричитъ Белинда съ негодованіемъ и вся вспыхивая. — Ты первая особа, осмѣлившаяся сказать, что у меня есть планъ дѣйствія.

— Ты была бы гораздо милѣе, еслибы онъ у тебя былъ, — возражаетъ холодно Сара. — Ну не будемъ спорить о словахъ. Я вѣдь не говорю о томъ, какую роль ты играешь въ завязавшейся охотѣ: роль охотника, или роль зайца!

Но Белинда сердито уткнула свою бѣлокурую головку въ чулокъ и молча съ раздраженіемъ штопаетъ его.

— Въ сущности, — продолжаетъ Сара, невѣжливо сбрасывая дремлющаго шпица съ кушетки и сама растягиваясь на ней, — съ моей стороны это чистѣйшее самоотверженіе; никто не признаетъ за мной никакихъ добродѣтелей, а между тѣмъ, я дѣйствую въ твоихъ собственныхъ интересахъ!

Она останавливается на минуту и ждетъ, чтобы Белинда попросила ее объясниться. Но Белинда не удостоиваетъ ее ни звукомъ. — Предположимъ, что я прогону моего нареченнаго жениха, что буду я дѣлать въ продолженіе тѣхъ нескончаемыхъ сельскихъ прогулокъ, которыя я предвижу? Вѣдь нельзя же предоставить тебѣ гулять съ Райверсомъ, en tête-à-tête! рѣшительно нельзя! Это превзошло бы долготерпѣніе бабушки, да и мое также. Я тщетно ищу на горизонтѣ паруса... я подразумеваю товарища для себя! Мнѣ пришлось бы все время отворачиваться отъ насъ или же перехватывать нѣжные взгляды, предназначенные не мнѣ.

— И такимъ образомъ, — говоритъ Белинда приподнимая лицо,

которое продолжает пылать,—ему придется еще некоторое время провисеть на крючкѣ? Нелзя ли узнать, какъ долго это продлится?

— Какъ долго?—повторяетъ Сара съ лукавымъ взглядомъ,—тебѣ на это легче отвѣтить чѣмъ мнѣ! До тѣхъ поръ, пока Райверсъ будетъ висѣть на твоёмъ крючкѣ?

Белинда вздрагиваетъ.

Да и кто изъ влюбленныхъ, переживающихъ первую восторженную фазу любви, не содрогнулся бы отъ такой фразы.

— Ну, послушай, — говоритъ Сара, сползая съ кушетки, переходя въ умильный тонъ и усаживаясь на полу у ногъ сестры,—разскажи мнѣ про него! Я столько трогательныхъ чертъ сообщала тебѣ о своихъ поклонникахъ, и если ты будешь добра, то разскажу еще больше; но довѣріе должно быть взаимное: что онъ здѣсь дѣлаетъ?—Зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Дрезденъ?

— Онъ учится нѣмецкому языку,—неохотно отвѣчаетъ Белинда.

— Гмъ!—Желала бы знать много ли онъ успѣлъ научиться—съ сухимъ смѣхомъ вопрошаетъ Сара.

«His only books were woman's looks,
And folly what they taught him» ¹⁾.

Въ отвѣтъ на эту шутку Белинда отъѣзжаетъ на стулѣ отъ сестры и оставляетъ ее одну на полу.

— Чѣмъ онъ занимается у себя дома?—продолжаетъ Сара свой допросъ, не обращая вниманія на явное неудовольствіе сестры.

— Онъ только что вышелъ изъ Оксфорда,—слышится угрюмый отвѣтъ.

— Гдѣ, безъ сомнѣнія, подвизался съ честью!—иронически улыбаются Сара.

— Онъ взялъ привѣтъ въ прошлагодной университетской гонкѣ, —поспѣшно и краснѣя говоритъ Белинда.

— Есть у него отецъ или онъ уже самостоятельный человѣкъ?

— У него есть отецъ.

— А кто такой его отецъ? — то-есть я хочу сказать, чѣмъ онъ занимается?

— Кажется, что онъ ведетъ какія-то промышленныя дѣла.

¹⁾ «Единственными книгами ему служатъ взгляды женщины, которые учатъ его глупостямъ».

— Промышленные дѣла? — повторяетъ Сара, приподнявъ брови съ видомъ удивленія и неудовольствія. Ну чтожъ, — продолжаетъ она успокоительно, — дѣло дѣлу рознь! — Имѣешь ты понятія, какого это рода дѣла?

— Ни малѣйшаго.

— Чтожъ, мы живемъ въ либеральную эпоху, — философствуетъ Сара, — но все-таки любопытно было бы знать, какого рода это дѣло? — Предположимъ, что онъ приготовляетъ искусственное удобрение! — Что ты скажешь на это? — Есть ли у тебя основанія думать, что онъ занятъ искусственнымъ удобрениемъ?

— Никакого; — я его объ этомъ не спрашивала.

— Помнишь того маленькаго французика, увѣщаннаго орденами, котораго мы встрѣтили на балѣ въ Каннѣ, и который общалъ намъ *qu'il est dans le commerce*, и когда я спросила, въ какой именно отрасли и предположила, что, быть можетъ, *il est dans les vins*, съ какимъ величіемъ онъ отвѣчалъ мнѣ: — *Non, mademoiselle, je suis dans les bougies*.

Наступаетъ молчаніе.

Шпицъ поднимается съ холоднаго паркета и, потягиваясь съ зрссонковъ, направляется къ Сарѣ и осторожно вскакиваетъ въ ней на колѣни, гдѣ и укладывается съ глубокимъ медленнымъ вздохомъ.

— Судя по виду, нельзя думать чтобы твой пріятель былъ *dans les bougies*, — продолжаетъ Сара великодушно, еще менѣе *dans le...* я не знаю какъ по-французски искусственное удобрение! — Какъ однако бабушка мало позаботилась о нашемъ образованіи?

Но Белинда не слушаетъ ее. Она приподняла голову и лицо ея просіяло. Ея тонкій слухъ уловилъ шаги въ передней, хотя даже самый шпицъ еще не услышалъ ихъ, — шаги, которые она сразу отличаетъ отъ тяжелаго топанья служанки Густель.

— Ахъ, это вы? — говорятъ Сара не особенно привѣтливо, поднимаясь съ полу въ то время, какъ маленькій англійскій пажъ, раздѣляющій вмѣстѣ съ Густель хлопоты по хозяйству, вводитъ Райверса.

Она презрительно подаетъ ему два пальца.

Стоитъ ли подавать даже и два пальца человѣку, который беретъ ихъ такъ, какъ если бы это были какія-то палки. Она могла бы подать ему всѣ десять пальцевъ или ни одного, онъ бы этого не замѣтилъ. Глаза его устремлены на ту, которая всю ночь преслѣдовала его въ радужныхъ сновидѣніяхъ, и радостно вопрошаетъ: неужели это она сама на-аву и живая.

— Быть может, вы поможете намъ, — говоритъ Сара съ невиннымъ взглядомъ. — Мы только-что соображали, какъ по-французски искусственное удобреніе?

Онъ не слышитъ. Рука Белинды въ его рукѣ и зажигаетъ его кровь, а счастливые глаза утопаютъ въ ея неменѣе счастливымъ взглядѣ. Но Белинда слышитъ.

— Сара говоритъ съ вами, — постыпно и тихо замѣчаетъ она.

Онъ вздрагиваетъ и неохотно поворачивается къ Сарѣ.

— Извините, я не разслышалъ, что такое вы сказали?

— Я спрашивала васъ: — не знаете ли вы, какъ по-французски искусственное удобреніе?

— Искусственное удобреніе? — повторяетъ онъ съ удивленіемъ. — Конечно нѣтъ! — Почему я долженъ это знать? — Что это — загадка?

И даже для этого разъясненія онъ поворачивается къ Белиндѣ, неотразимо, какъ подсолнечникъ къ солнцу.

— Мы говорили про... про земледѣліе, спросите у Белинды, — отвѣчаетъ Сара, лукаво забавляясь смущеніемъ сестры, совершенно непонятнымъ для Райверса.

Онъ видитъ только, что Белинда вспыхнула какъ огонь, и одну минуту у него мелькаетъ блаженная мысль, что можетъ быть онъ причина этого румянца и смущенія, но тутъ же смиренно (такъ какъ искренняя любовь всегда бываетъ смиренна) прогоняетъ эту мысль, которая кажется ему слишкомъ прекрасна, чтобы быть справедливой.

Быть можетъ, его пристальный взглядъ и молчаніе смущаютъ ее. Конечно, онъ долженъ что нибудь сказать. Нельзя же молчать, — когда пришелъ съ визитомъ.

— Отчего вы сидите въ потемкахъ? — спрашиваетъ онъ, глядя на старательно спущенныя шторы. — Солнца съ этой стороны не бываетъ.

— Неправда ли, какъ скучно въ этихъ потемкахъ; въ тому же мы такъ любимъ свѣжій воздухъ, — отвѣчаетъ Белинда, постепенно приходя въ себя, — но дѣлать нечего; мы вынуждены спускать шторы изъ-за миссъ Уатсонъ.

— Изъ-за миссъ Уатсонъ? Я васъ не понимаю.

— Она живетъ на противоположной сторонѣ улицы и устроила у себя на окнѣ какую-то подворную трубу или телескопъ, въ который шпионить за нами. Она сама торжественно объявила намъ во вторникъ, что видитъ рѣшительно все, что мы дѣлаемъ. Я думаю, что по движеніямъ нашихъ губъ, она догадывается о томъ, что мы говоримъ.

— Еслибы я это думала, — замѣчаетъ злостно Сара, — какіе-бы ужасы я стала про нее говорить.

— Кончится тѣмъ, что мы должны будемъ перемѣнить квартиру, — продолжала Белинда, пожимая плечами. — Одна наша знакомая вынуждена была это сдѣлать. Она наняла такую, которая выходитъ на высокую глухую стѣну, и только теперь считаетъ себя въ безопасности.

— Миссъ Уатсонъ соединяетъ въ себѣ худшія качества носорога и комара, — сурово изрекаетъ Сара: — но худшимъ ея свойствомъ я считаю то, что она вѣчно пристаётъ къ намъ, чтобы мы ѣздили съ ней за-городъ.

— Когда такъ, то я боюсь, что вы сочтете меня вторымъ изданіемъ миссъ Уатсонъ — говоритъ Райверсъ, краснѣя, — потому что я какъ разъ съ такимъ же предложеніемъ явился къ вамъ сегодня.

— Опять ѣхать за-городъ? — кричитъ Сара педовольнымъ тономъ. — Господи! да мнѣ кажется, что мы всего пять минутъ какъ вернулись съ послѣдней прогулки.

— Было бы, слѣдовательно, пустой вѣжливостью спрашивать васъ: весело ли вамъ было? — отвѣчаетъ Райверсъ досадливо. — А вамъ? поворачиваясь снова, какъ подсолнечникъ, къ своему солнцу.

— Мнѣ не было скучно, — отвѣчаетъ Белинда принужденнымъ голосомъ. — Я люблю загородныя прогулки, мнѣ понравился Моррицбургъ.

Вотъ все, что она удостоиваетъ сказать про часы, проведенныя имъ въ неопisanномъ блаженствѣ, и повторить которые ему безумно хочется.

Онъ глядитъ на нее умоляющимъ взглядомъ, но она не отвѣчаетъ на этотъ взглядъ. Можетъ ли она рѣшиться взглянуть на него, когда она знаетъ, изъ долгаго опыта, что у Сары есть глаза на затылкѣ, хотя въ эту самую минуту она повернулась къ нимъ спиной, и, какъ онъ воображаетъ въ невинности души, совершенно поглощена своимъ занятіемъ, а именно, поднесеніемъ къ носу бѣднаго шпика, — которому будто бы дурно, какъ она увѣряетъ, — флакона съ солями.

— Я думалъ, — говоритъ онъ унылымъ голосомъ, — что хорошо было бы съѣздить сегодня въ Везенштейнъ, или, если хотите, въ Тарандтъ.

— Вы, право, должны быть сродни миссъ Уатсонъ, — хохочетъ Сара, — Везенштейнъ! Тарандтъ! Это ея коньки! Если мы не хотимъ ѣхать въ Везенштейнъ, то отправимся въ Тарандтъ, а не хотимъ въ Тарандтъ, то въ Везенштейнъ! Боже мой! — Вдругъ пе-

рестаетъ она хохотать:—накивали бѣду! я слышу ея голосъ на лѣстницѣ. Только у ней можетъ быть такой голосъ, который слышенъ изъ-за двойныхъ дверей.

— Она пришла звать насъ ѣхать съ ней въ Везенштейнъ!—говорить Белинда съ отчаяніемъ.

— Это перстъ провидѣнія!—кричитъ Сара, опять принимаясь хохотать.—М-ръ Райверсъ, вы желаете ѣхать въ Везенштейнъ. Она тоже хочетъ ѣхать въ Везенштейнъ. Почему бы вамъ не поѣхать туда вмѣстѣ? хотите я это для васъ устрою!

— Если вы это сдѣлаете,—говоритъ молодой человекъ, съ утровою подхожда къ ней и такимъ тономъ, въ которомъ слышится искренній испугъ, я....

— Не пугайте, я не изъ трусливыхъ.

На минуту всѣ умолкаютъ и прислушиваются.

— Кажется, что это была фальшивая тревога,—говоритъ Белинда, съ облегченіемъ переводя духъ.

— Нѣтъ,—замѣчаетъ Сара, качая головой.—Развѣ можно не узнать этого привычнаго голоса. Она теперь остановилась на лѣстницѣ и спрашиваетъ Томми о томъ, сколько онъ получаетъ жалованья и не моритъ ли его бабушка голодомъ.

VI.

Увы! это слишкомъ вѣрно. Еще Сара не успѣла договорить, какъ уже дверь открывается и пропускаетъ красное лицо, съ сѣдватою бахромой волосъ на лбу, клѣтчатое черное съ бѣлымъ платье.

— Можно войти?—кричитъ оглушительно громкій голосъ, и особа, которая обладаетъ этимъ органомъ, входитъ, не дожидаясь отвѣта на свой вопросъ.

— Всѣ живы и благополучны.

— Мы всѣ живы,—мрачно отвѣчаетъ Сара,—еще небрежнѣе подавая ей руку, чѣмъ передъ тѣмъ Райверсу:—что же касается благополучія.....

— Почему вы сидите въ потемкахъ? Почему всѣ сторы у васъ спущены?—перебиваетъ та послѣшно, не будучи въ состояніи скрывать долге любопытство, которое душило ее все время, какъ она поднималась по высокой, каменной лѣстницѣ.

Наступаетъ моментъ удручающаго безмолвія, такъ какъ присутствующіе съ горестію убѣждаются, что черезъ-чуръ перехитрили.

— Я взглянула на окна, проходя мимо, — продолжает допытываться миссъ Уатсонъ, — и увидѣла, что всѣ сторы спущены. Я подумала, что лучше немедленно справиться о причинѣ; но не могла добиться удовлетворительнаго отвѣта отъ вашего нажа; Томми, кажется, его зовутъ. Я поговорила съ нимъ на лѣстницѣ, идучи сюда, но кажется, что онъ не очень-то смышленъ, вашъ Томми, не такъ-ли?

— Мы нарочно взяли его изъ пріюта для идіотовъ, чтобы платить дешевле, — серьезно отвѣчаетъ Сара — и Райверсъ, какъ онъ ни былъ подавленъ духомъ, раздражается громкимъ хохотомъ.

— Бабушка здорова?

— Вы, можетъ быть, думаете, что она умерла, и что поэтому у насъ сторы спущены? — иронически замѣчаетъ Сара. — Благодарствуйте, она совсѣмъ здорова, но еще не вставала. Теперь вѣдь еще довольно ранній часъ.

При этомъ косвенномъ намежѣ, Райверсъ вздрагиваетъ. Не направленъ ли этотъ укоръ въ его сторону? Но особа, которую онъ прямо имѣетъ въ виду, рѣшительно его не замѣчаетъ.

— Изъ Англіи нѣтъ худыхъ вѣстей?

— Нѣтъ.

— Я боялась, — и глаза ея вопросительно обѣгаютъ всѣхъ присутствующихъ, — видя, что сторы спущены, не получили ли вы извѣстія о смерти кого нибудь изъ родственниковъ. Нѣтъ? Прекрасно, такъ почему же всѣ сторы спущены?

Минутное молчаніе. Какъ, повидимому, легко было бы отвѣтить на этотъ вопросъ, а между тѣмъ, нельзя. Наконецъ Сара сухо произноситъ:

— Во всякомъ случаѣ нѣтъ причины теперь не поднять ихъ. М-ръ Райверсъ поднимите сторы.

М-ръ Рейверсъ повинуется. Домъ на противоположной сторонѣ улицы снова дѣлается видимъ, и въ комнатѣ становится свѣтло.

— Я очень рада случаю познакомиться съ вами, м-ръ Райверсъ! — говоритъ миссъ Уатсонъ, идя за нимъ къ окну и радушно протягивая свою большую руку. — Какъ только что я услышала ваше имя, такъ сейчасъ же хотѣла спросить, изъ какихъ вы Райверсовъ? Я знаю столькоихъ Райверсовъ. Я увѣрена, что знакома со всей вашей родней?

Молодой человѣкъ повернулся къ ней, все еще держа въ рукахъ шнурокъ отъ сторы, лицо у него стало почти такъ же красно, какъ и у нея, хотя краска эта гораздо красивѣе.

— Вотъ мудреный вопросъ, — проговорилъ онъ съ смущен-

нымъ смѣхомъ—причемъ англійская неохота говорить о самомъ себѣ усиливалась еще отъ сознанія, что Белинда жадно прислушивается;—какъ могу я описывать самого себя?

— Всѣ рѣки ¹⁾ текутъ въ море, но море отъ этого не переполняется!—замѣчаетъ Сара небрежно, и Райверсъ видимо раздосадованъ.

Никто изъ насъ, какъ бы благоравуменъ, добръ и скромнъ онъ ни былъ, не любитъ, чтобы подпучивали надъ его фамиліей.

— Я знаю лорда Райверса,—продолжаетъ миссъ Уатсонъ, немудимо сверля его взглядомъ.—По крайней мѣрѣ я могу сказать, что знаю его по виду; мы стояли въ одномъ отелѣ въ Каирѣ въ продолженіе двухъ сутокъ, и хотя никогда не встрѣчались, такъ какъ онъ не обѣдалъ за *table d'hôte*, но между людьми, стоящими въ одномъ отелѣ, устанавливается родъ франмасонства! Какъ поживаетъ лордъ Райверсъ? онъ здоровъ? пріѣдетъ онъ сюда?

— Не имѣю ни малѣйшаго понятія,—отвѣчаетъ Райверсъ рѣзко. Онъ мнѣ вовсе не родня.

— Ахъ! значить (съ просвѣтленнымъ взглядомъ), вы значить изъ другихъ Райверсовъ, изъ фамиліи сэра Эдуарда Райверса. Скажите мнѣ поскорѣй, который вы изъ братьевъ? я ихъ всегда смѣшиваю! Вы Гумфри или Рандольфъ? или одинъ изъ самыхъ младшихъ?

— Я и не Гумфри и не Рандольфъ и не одинъ изъ младшихъ братьевъ,—отвѣчаетъ сердито Райверсъ, причемъ его юношеское, обычно доброе и всегда красивое лицо становится угрожающимъ въ виду такого несноснаго пристаиванья.—Я вовсе не родня сэру Эдуарду Райверсу и никогда не слыхивалъ про него.

— Ну, въ такомъ случаѣ, я не знаю изъ какихъ вы Райверсовъ,—отвѣчаетъ его мучительница.

Но такъ какъ глаза ея продолжаютъ быть устремленными на него, и она очевидно не намѣрена отстать, пока не добьется какого-нибудь отвѣта, то онъ произноситъ застѣнчиво, но сердито, глядя въ окно:

— Я не знаю изъ какихъ мы Райверсовъ. Ихъ много, и мы живемъ Йоркширѣ, гдѣ у моего отца дѣла.

Такъ какъ онъ повернулся спиной къ комнатѣ, а у него кѣтъ въ затылкѣ глазъ, какъ у Сары, то пожалуй она ничѣмъ не рискуетъ, приложивъ руку къ губамъ, въ видѣ трубы, и без-

¹⁾ Тутъ не передаваемая по-русски игра словъ. *River* по англійски рѣка. *Rivers* (Райверсъ—фамилія героя)—рѣки.

шумно произнося въ сторону сестры:—Искусственное удобрение! Какъ бы то ни было, а она позволила себѣ это.

— Она въ самомъ дѣлѣ ушла!—говоритъ Сара полчасу позднѣе, отходя отъ окна, послѣ осторожной рекогносцировки и съ облегченіемъ перевода духъ.—Обыкновенно она врывается вторично въ комнату, подъ предлогомъ, будто забыла зонтикъ, чтобы подслушать то, что про нее говорятъ. Но теперь на наше счастье проходили Гринны, и она уцѣпилась за нихъ, такъ что имъ никакъ нельзя было ускользнуть отъ нея.

— Удивляюсь, какъ она не отучилась отъ этой привычки,—замѣчаетъ Белинда серьезно:—вѣдь ей не приходится слышать много хорошаго о себѣ.

— Надежда всегда торжествуетъ надъ опытностью!—отвѣчаетъ Сара.—Ну что-жъ,—продолжаетъ она, весело взглядывая на Райверса:—приятно по крайней мѣрѣ знать, что она, наконецъ, открыла нѣзъ вакихъ въ Райверсовъ.

— То-есть, вѣрнѣе сказать, она открыла одно: въ какихъ Райверсамъ я не принадлежу,—сухо отвѣчаетъ онъ,—а это не одно и то же.

— И не Гумфри, и не Рандольфъ—какое въ самомъ дѣлѣ несчастіе!—замѣчаетъ Белинда съ счастливой, застѣнчивой и нѣсколько поддразнивающей улыбкой.

— Однако желала бы я, въ самомъ дѣлѣ, узнать, какъ васъ величаютъ по имени?—выѣшивается Сара.—Ну, иди, иди сюда, она ушла,—зоветъ она въ тоже время своего шпица.—Слютти всегда забивается подъ столъ, когда приходитъ миссъ Уатсонъ; она ее страшно ненавидитъ! Я сама старалась приучить ее кусать миссъ Уатсонъ за ноги, но ненависть ея еще не доходитъ до этого... Ну-съ, такъ какъ же васъ крестили при рожденіи?

— А какъ вы думаете?—весело отвѣчаетъ онъ; сердце его сильно бьется отъ ласковаго взгляда, которымъ только-что поразила его богиня.—Какъ меня зовутъ, по вашему мнѣнію?

— Вы можете быть *Артуромъ*,—говоритъ Сара, держа Слютти на колѣняхъ и мѣрая Райверса взглядомъ съ головы до ногъ:—не вижу также причины, почему бы вамъ не быть *Реджинальдомъ*; нѣтъ также основанія вамъ особенно жаловаться на судьбу, если васъ зовутъ *Гай*.

— Не такъ, не такъ, совсѣмъ не такъ,—отвѣчаетъ онъ, выдерживая ея взглядъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ и даже отвѣчая ей такимъ же жесткимъ, холоднымъ взглядомъ.—Вы за сто верстъ отъ истины. А вы, какъ вы думаете?—и тонъ его

сразу ибняется и дѣлается почтительнымъ, а смѣлыя глаза смягчаются и становятся застѣнчивыми.

— Постараюсь угадать сразу, — весело отвѣчаетъ она. — Васъ зовутъ *Давидъ*!

— *Давидъ*! — повторяетъ Сара презрительно. — Какъ похоже! почему бы уже прямо не Голяеъ?

Но Райверсъ, въ восторгѣ отъ радости, что его «предметъ» такъ догадливъ, кричитъ:

— Какъ вы догадались? Почему вы узнали? я вамъ не говорилъ своего имени.

— Не правда ли, какъ я догадлива? Но нѣтъ, это не догадка, я прочитала ваше имя — помните вы сидѣли впереди насъ на скамейкѣ въ прошлое воскресенье — на заглавномъ листѣ вашего молитвенника.

Она покраснѣла какъ китайская роза, дѣлая это признаніе, доказывавшее, что она разсѣянна молилась въ церкви и была занята посторонними предметами.

— *Давидъ*! — повторяетъ Сара, съ сильнымъ сомнѣніемъ въ голосъ. — Гмъ!

— Это наше фамильное имя, — объясняетъ онъ, — т.-е. со стороны моей матери.

Наступаетъ минутное молчаніе. Въ первый и послѣдній разъ въ своей жизни Сара жалѣетъ, что миссъ Уатсонъ ушла, такъ какъ она навѣрное спросила бы какъ фамилія его матери. Но такъ какъ у самой у ней не хватаетъ на это духа, то этотъ фактъ остается покрытымъ такимъ же мракомъ неизвѣстности, какъ и характеръ торговыхъ предпріятій его отца.

— Ну, однако, мнѣ пора, я думаю, уходить, — говоритъ молодой человѣкъ, тяжело вздыхая и неохотно спуская съ колѣнъ Слютти. (Слютти любитъ его; онъ открылъ на ея нѣжной спинкѣ какъ-разъ то мѣстечко, которое слѣдуетъ почесать, и она, измѣнивъ Сарѣ, вскочила на его колѣни, хотя была вообще очень дурного мнѣнія о мужскихъ колѣняхъ, находя ихъ жесткими и неудобными). — Я боюсь, что и то уже надобѣзъ вамъ.

Онъ умоляетъ, глядя съ мольбой на Белинду, которая сидитъ съ опущенной головой. Но ни одна изъ дѣвушекъ не опровергаетъ его словъ: одна потому, что вполне съ ними согласна, другая потому, что думаетъ совсѣмъ противное. Онъ неохотно идетъ къ двери, но вдругъ останавливается.

— А... а Везенштейнъ? — съ отчаяніемъ восклицаетъ онъ.

— Ну вотъ еще! — отвѣчаетъ Сара, капризно. — Развѣ вы не слышали, какъ мы призывали при миссъ Уатсонъ всѣхъ боговъ

въ свидѣтели, что такъ утомлены поѣздкой въ Морицбургъ, что не въ состояніи пальцемъ пошевелить?

— Я слышалъ только, что вы говорили это, — дерзко говорить онъ, напирая на мѣстоименіе «вы».

— Ну, такъ предупреждаю васъ, — грозить она ему пальцемъ, — что заткну уши, если вы еще разъ упомянете про Везенштейнъ.

— Есть и другія мѣста, кромѣ Везенштейна, — настаиваетъ онъ. Что-то такое въ фигурѣ Белинды — не въ ея словахъ, конечно, потому что она молчитъ, — но быть можетъ въ томъ неестественномъ рвеніи, съ какимъ она шьетъ — придаетъ ему мужество настаивать.

— Разумѣется, — капризнымъ тономъ замѣчаетъ Сара: — Тарандтъ, напримѣръ?

— Нѣтъ, не Тарандтъ; есть другія мѣста, кромѣ Тарандта. Лохъ-Мюле, напримѣръ; вы видали когда-нибудь Лохъ-Мюле?

— Нѣтъ, — раздраженнымъ тономъ, говоритъ Сара, — и смѣю надѣяться, что никогда не увижу. Къ чему намъ ѣхать куда бы то ни было? — продолжаетъ она, пряча свое недовольное лицо въ подушку дивана; — оставьте меня въ покоѣ, дайте мнѣ отдохнуть; мнѣ нисколько не хочется ѣхать куда бы то ни было.

— А вы всегда дѣлаете только то, что вамъ хочется? — саркастически спрашиваетъ Райверсъ, весьма немилостивымъ окомъ взирая на ея оживленную, хорошенькую фигурку. Ему она все не кажется хорошенькой.

— Всегда, если только могу, — отвѣчаетъ она, поднимая голову, удивленная и слегка раздосадованная его тономъ. — А вы нѣтъ?

Онъ сухо смѣется.

— Конечно, когда могу, но въ большой семьѣ это не всегда бываетъ возможно.

— Въ большой семьѣ, — повторяетъ она, — у васъ большая семья?

— Это зависитъ отъ того, что вы называете большой. Насъ всѣхъ шестеро.

— Пять по моему лишнихъ, — быстро возражаетъ она. — А вы, позвольте, третій или четвертый братъ?

— Я — старшій.

— Ты, кажется, заимствовала манеру миссъ Уатсонъ? — строго замѣчаетъ Белинда, впервые вмѣшиваясь въ разговоръ.

— Да, кажется, — отвѣчаетъ та спокойно. — Если угодно, мы заключимъ такой договоръ: я не буду больше задавать вамъ во-

просовъ, а вы дадите мнѣ обѣщаніе не заговаривать больше ни о какихъ прогулкахъ, хотите?

Говоря это, она снова и уже на этотъ разъ окончательно прячетъ голову въ подушку, а такъ какъ Белинда не прибавляетъ больше ни слова, то онъ вынужденъ, наконецъ, уйти.

Съ минуту послѣ того, какъ онъ исчезъ, Белинда продолжала шить съ азартомъ, щеки ея рдѣли, а въ сердцѣ шла жестокая борьба между любовью и гордостью. Въ первый разъ въ жизни гордость ея оказывается побѣжденной. Она бросаетъ свой чулокъ и бѣжитъ къ двери.

— М-ръ Райверсъ,—зоветъ, она дрожащимъ голосомъ,—м-ръ Райверсъ.

Должно быть онъ очень медленно сходилъ съ лѣстницы, потому что еще не дошелъ до входной двери.

— Что прикажете?—отвѣчаетъ онъ съ волненіемъ.

— Ничего ровно,—говоритъ она, снова охваченная страшной застѣнчивостью и опуская глаза подъ его выразительнымъ взглядомъ.—Я хотѣла только сказать вамъ, что... что я тутъ не причемъ, что я съ своей стороны очень бы желала поѣхать въ Лохъ-Мюле.

— Если такъ, то ради Создателя, почему ты не говорила этого раньше?—спрашиваетъ Сара, «длинные» уши которой снова сослужили ей важную службу.—Я очень жалѣю,—прибавляетъ она задумчиво, въ то время какъ онъ уходилъ радостный, спѣша устроить задуманную прогулку,—что его зовутъ *Давидъ*. Я боюсь, что это худой знакъ; всѣ бѣдные люди очень любятъ заимствовать имена изъ священнаго писанія.

Солнце стоитъ уже высоко въ небѣ и обливаетъ землю теплыми, мягкими лучами; западный вѣтеръ, прохлажденный ночнымъ дождемъ, обдуваетъ массы плодовыхъ деревьевъ; селенія точно потонули въ бѣлыхъ цвѣтахъ; громадные грушевыя деревья какъ будто гнутся подъ ихъ тяжестью. Белинда разрѣшила Райверсу, сидящему въ коляскѣ напротивъ нея, держать надъ ней зонтикъ. Мудрено ли послѣ этого, что Райверсъ позабылъ, что уже скоро три часа пополудни и въ этотъ часъ большинство людей уже плотно позавтракало, а онъ и его компанія все еще находятся на тощакъ? Но *онъ* этого не забываютъ. За послѣдніе полторы мили онъ былъ засыпанъ сердитыми вопросами на счетъ того: знаетъ ли кучеръ дорогу; и далеко ли еще ѣхать; да и есть ли тамъ, куда они ѣдутъ, гостинница, и увѣренъ ли онъ, что

такое мѣсто какъ Ломенъ (они должны завтракать въ Ломенѣ) вообще существуетъ?

— Я полагаю,—говорить, наконецъ, профессоръ, надѣвая очки, чтобы взглянуть на него убійственно-пристальнымъ взглядомъ:—я полагаю, вы сознаете, что вся отвѣтственность за эту экскурсію лежитъ на васъ?

— Да, сознаю,—отвѣчаетъ Райверсъ, невнимательно и мечтательно.

Белинда только что удостоила принять отъ него вѣтку, всю покрытую бѣлыми цвѣтами, и осторожно махаетъ ею, чтобы прогнать надоедливыхъ лѣтнихъ мухъ.

У профессора есть пять причинъ быть не въ духѣ, а для большинства людей довольно бываетъ и одной. Во-первыхъ, онъ вовсе не желалъ ѣхать; во-вторыхъ, онъ предвидитъ простуду, схваченную имъ еще въ Морицбургѣ; въ-третьихъ, онъ терпѣть не можетъ сидѣть спиной къ лошадямъ—и его поклонники и поклонницы обыкновенно и недопускаютъ его до этого,—но въ настоящемъ случаѣ никто не подумалъ предложить ему сѣсть на передней скамейкѣ; въ-четвертыхъ, пищевареніе у него такое трудное, что не дозволяетъ никакой неправильности въ ѣдѣ; въ-пятыхъ и въ послѣднихъ, Сара три раза явно притворилась, что не слышитъ того, что онъ ей говоритъ, и дерзко попросила его подвинуться и не толкать ее, потому что Сара была еще злѣе его, если это только возможно.

Тихія, нѣжныя слова, которыя вѣтеръ доноситъ до Сары, но которыя предназначены не ей; пылкій взоръ сѣрыхъ, большихъ глазъ, которые она случайно встрѣчаетъ, и которые немедленно при взглядѣ на нее теряютъ весь свой жаръ; пыль, потому что, несмотря на ночной дождь, есть пыль; ощущение физическаго голода, не скрашиваемое польщеннымъ самолюбіемъ и не согрѣтое страстью,—все это привело ее, къ тому времени, когда коляска остановилась, наконецъ, у дверей простой, но не лишенной претензій гостиницы, въ такое гнѣвное состояніе духа, передъ которымъ блѣднѣло раздраженіе ея жениха.

— Какіе они оба сердитые!—говоритъ Райверсъ, сообразивъ, наконецъ, этотъ достаточно очевидный фактъ, и глядя съ блаженнымъ удивленіемъ имъ вслѣдъ, между тѣмъ какъ профессоръ спѣшилъ въ гостиницу заказать завтракъ, а Сара поспѣшно шла за нимъ.

— И какіе жадные!—прибавляетъ Белинда.

Охарактеризовавъ такимъ спокойнымъ манеромъ пороки своихъ спутниковъ, они прохаживались въ небольшомъ садикѣ и

совершенно о нихъ забыли. Но ихъ недолго оставляютъ въ покоѣ, и недовольный голосъ профессора, достигшаго, очевидно, крайнихъ предѣловъ раздраженія, доносится къ нимъ изъ раскрытыхъ дверей гостинницы.

— Мнѣ казалось, м-ръ Райверсъ, что вы говорили намъ, что здѣсь можно найти хорошую гостинницу?

— А развѣ нѣтъ?— вопрошаетъ разсѣянно молодой человѣкъ.

Онъ только что сорвалъ вѣтку шиповника для своей богини и обрывалъ на ней всѣ шипы.

— Полагаю,—продолжаетъ голосъ,—что врядъ ли можно назвать хорошею гостинницу, въ которой нельзя достать никакихъ овощей, ни даже картофеля!

— Конечно нельзя, — безмятежно возражаетъ Райверсъ, весело указывающій своей спутницѣ на красивую бабочку, опустившуюся на цвѣтокъ.—Неправда ли какая хорошенькая? Это первая бабочка, которую я видѣлъ нынѣшней весной.

— И гдѣ,—продолжаетъ голосъ, съ усиливающимся раздраженіемъ,—нельзя достать рѣшительно ничего изъ съѣстнаго, кромѣ телятины.

— Кромѣ телятины?—повторяетъ Райверсъ, дѣлая усилія надъ собой, чтобы казаться заинтересованнымъ этимъ вопросомъ;—неужели? но развѣ это такая бѣда?—продолжаетъ онъ, снова впадая въ прежнее блаженное состояніе.—Нѣмецкая телятина очень хороша. Надѣюсь,—улыбаясь озирается онъ кругомъ,—никто ничего не имѣетъ противъ телятины?

Хмурое молчаніе служитъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ, прерываемое только шопотомъ Белинды, увѣряющей, что она любить телятину, и замѣчаніемъ профессора, что всѣ бѣлыя мяса болѣе или менѣе неудобоваримы. Но любятъ они ее или нѣтъ, а дѣлать нечего; дальнѣйшія развѣдки подтверждаютъ, что имъ слѣдуетъ помириться на телятинѣ или совсѣмъ обойтись безъ завтрака.

За то теперь, когда было рѣшено обратиться къ телятинѣ, послѣдняя что-то очень долго заставляетъ себя ждать. Мѣшковатая служанка исподволь накрываетъ столъ грубою скатертью и приносить ножи и вилы въ такъ называемый ею «бавильонтъ»,—нѣчто въ родѣ безхитростной бесѣдки, въ концѣ сада, куда профессоръ перебирается немедленно и, усаживаясь передъ пустымъ столомъ, кладетъ передъ собою часы; онъ находитъ, повидимому, грустное утѣшеніе въ томъ, что считаетъ протекающія минуты и возвѣщаетъ о нихъ Райверсу, который его не слышитъ.

— Уйдите подальше отъ нихъ,—говоритъ онъ нѣжнымъ,

умоляющимъ голосомъ Белиндѣ,—въ томъ состояніи духа, въ какомъ они находятся, возлѣ нихъ опасно оставаться.

— Знаете, вѣдь сегодня не первое апрѣля, а вы насъ одурчили,—отвѣчаетъ она, нѣсколько сухо.

— Вы голодны?—воскликнулъ онъ,—вдругъ теряя все свое хладнокровіе.

Голодъ профессора и Сары не возбуждалъ въ немъ ровно никакого участія.

— Умираю отъ голода!—отвѣчаетъ она, но съ такой очаровательной улыбкой, которая доказываетъ, что она вполне хорошо себя чувствуетъ и его—опасенія разсѣваются.

Наконецъ, телятина подана.

— Ее невозможно есть!—объявляетъ профессоръ, кладя вилку и ножикъ на столъ, съ убійственнымъ спокойствіемъ глядя на подходящаго Райверса.

— Не можете быть!—кричитъ молодой человѣкъ, и смѣло беретъ въ ротъ кусокъ.—Фи!—это правда! какая гадость!

Такое выраженіе было вовсе не слишкомъ сильно для обозначенія блюда, стоявшаго передъ этими голодными людьми. Во-первыхъ, теленокъ очевидно умеръ естественной смертью, и хотя, съ цѣлью замаскировать эту маленькую непріятность, его подвергли всевозможнымъ операціямъ: варили, жарили, пѣрили, душили, но все же не успѣли скрыть естественной его смерти.

Наступаетъ мрачное, зловѣщее молчаніе. Всѣ глядятъ на Райверса.

— Мнѣ казалось,—говоритъ профессоръ злобнымъ шопотомъ,—что вы намъ говорили...

— Что за дѣло, что онъ говорилъ, — кричитъ Сара въ ярости, грубо перебивая его. — Тѣмъ глупѣе, съ нашей стороны, было ему вѣрить! Гораздо будетъ умнѣе, если вы или онъ, или кто другой надоумитъ насъ, какимъ образомъ намъ живыми вернуться въ Дрезденъ!

Новое убійственное молчаніе, прерываемое на этотъ разъ Белиндой, съ трудомъ выговаривающей слово: «яйца въ сматку».

— Разумѣется,—кричитъ Райверсъ, хватаясь за этотъ счастливый намекъ, и устремляя благодарно-влюбленный взглядъ на ту, которая его сдѣлала.—Какъ глупо, что мы сразу не догадались велѣть подать себѣ яицъ! ничто въ мірѣ не можетъ быть лучше и питательнѣе свѣжаго яйца!

Въ одну минуту онъ скрывается въ домѣ, и черезъ секунду возвращается оттуда сіяющей.

— Разумѣется, у нихъ есть яйца; сколько угодно яицъ, и черезъ три минуты они будутъ сварены.

Но три минуты проходятъ, и еще три минуты, и еще, а яицъ нѣтъ, какъ нѣтъ.

— Я бы желала,—говорить Сара сердитымъ до послѣдней крайности тономъ, обращаясь къ Райверсу, — чтобы вы сѣли такъ, чтобы мнѣ васъ не было видно. Мнѣ кажется, что я тогда легче перенесу все это. У васъ такой нелѣпо-счастливый видъ!

Въ то время какъ она говоритъ это, служанка появляется съ блюдомъ, на которомъ раскатывается десятокъ яицъ. Развязная походка ея и явное отсутствіе всякой симпатіи къ голодающимъ ясно доказываютъ, что сама она уже успѣла плотно пообѣдать.

При видѣ яицъ профессоръ слабо улыбается, и даже нахмуренный лобъ Сары нѣсколько разглаживается. Но, увы! они поторопились радоваться. Одного взгляда на яйца достаточно; чтобы видѣть, что это не свѣже-снесенныя, молочно-бѣлыя теплыя яйца, только — что вынутыя изъ-подъ курицы, нѣтъ! это старыя ветераны, какъ то ясно доказываетъ ихъ грязный, бурый цвѣтъ. Одному только можно подивиться: какимъ образомъ въ одномъ домѣ могло появиться сразу столько залежалыхъ яицъ.

— Осторожнѣе разбивайте ихъ,—говоритъ Райверсъ, нервно смѣясь и нехотая пытаться пошутить въ то время, какъ профессоръ уже разбилъ одно изъ яицъ:—какъ бы его не взорвало.

Но никто не улыбается.

VII.

— Я погубилъ себя окончательно въ ихъ мнѣніи,—говоритъ Райверсъ, жалобно вынимая изъ кармана шесть испорченныхъ яицъ, которые онъ нарочно унесъ съ собой, чтобы помѣшать хозяевамъ снова подать ихъ другимъ довѣрчивымъ путешественникамъ.

Дѣло происходитъ уже нѣсколько часовъ спустя послѣ неудачной попытки позавтракать въ Ломенѣ. Всѣ они отрясли прахъ Ломена отъ ногъ своихъ и побрели молча и угрюмо вдоль очаровательной дорожки, не обращая вниманія на придорожныя цвѣты; дорожка вела вдоль длинной деревни, остроконечныя крыши которой и общая живописность возбуждали въ нихъ одно только негодованіе,—въ Лохъ-Мюле, куда по непрости- тельной довѣрчивости, они отослали свой экипажъ. Они спусти-

лись съ небольшого холма и нашли у его подношья мельницу, стоявшую на быстрой рѣчкѣ. Мельничиха подала имъ отличнаго молока, кофе, сухарей и яицъ безупречно, безукоризненно свѣжихъ, и они поѣли всего этого, сидя за столомъ, накрытымъ бѣлой какъ снѣгъ скатертью, при шумѣ воды, сбѣгавшей съ мельничныхъ колесъ, и щебетаньѣ птицъ. Подъ предлогомъ осмотра плотины, но въ сущности стремясь съ пристрастіемъ, свойственнымъ всѣмъ подобнымъ счастливымъ дуракамъ къ tête-à-tête, хотя бы только затѣмъ, чтобы сказать:—ахъ, какая пыль! или:—ахъ, какъ много мухъ!—Белинда и Райверсъ оставили своихъ спутниковъ и теперь стояли на берегу рѣчки.

— Они, быть можетъ, простили бы мнѣ телатину,—говоритъ Райверсъ, задучиво глядя на яйца, которые онъ держитъ въ рукѣ, собираясь перебросить ихъ съ мстительнымъ движеніемъ на другой берегъ рѣки.

— Никогда!—перебиваетъ Белинда съ пафосомъ.

— Но вотъ что нанесло мнѣ coup de grâce!—прибавляетъ молодой человѣкъ, яростно прицѣпляясь послѣднимъ яйцомъ въ противоположную скалу, о которую оно разбивается съ глухимъ трескомъ.—Я думаю, что они больше никогда не согласятся ѣхать за городъ съ нами.

— Никогда!—повторяетъ Белинда, съ еще ббльшей энергіей.—Я знаю, что на ихъ мѣстѣ я бы тоже не согласилась.

— Если такъ,—поспѣшно замѣчаетъ Райверсъ, глядя въ сторону,—мы отправимся гулять безъ нихъ.

Это самыя смѣлыя слова, какія онъ до сихъ поръ дерзалъ говорить ей, и голосъ его дрогнулъ отъ страха ли за свою смѣлость, или отъ радостной картины, вызываемой этими словами. Какая картина! Цѣлый длинный лѣтній день, проведенный съ нею вдвоемъ! Ему можно будетъ долго не спускать съ нея глазъ, а вечеромъ, если только онъ сдумѣетъ угодить ей и она будетъ въ хорошемъ расположеніи духа, она, быть можетъ, дастъ ему поцѣловать свою руку, одинъ разъ, всего только одинъ разъ! Въ воображеніи ему уже чудится прикосновеніе его губъ къ этой бѣлой атласной ручкѣ, какъ вдругъ ея отвѣтъ разрушаетъ весь его картонный домикъ.

— О, какъ это правдоподобно!—коротко замѣчаетъ она, отворачиваясь отъ него.

— Вамъ, конечно, было бы скучно!—говоритъ онъ, хотя съ униженіемъ, но слегка вопросительнымъ тономъ.

Ей было бы скучно! Она чуть не смѣется въ душѣ. Неужели онъ не догадывается, что она отвернулась отъ него только по-

тому, что боится, чтобы онъ не прочиталъ на ея лицѣ волненіе и радость отъ одного только предположенія провести съ нимъ цѣлый день!

Но ему слѣдовало бы быть гораздо проникательнѣе или гораздо самонадѣяннѣе, чтобы вывести это заключеніе изъ ея рѣзкихъ, насмѣшливыхъ словъ.

— Я никогда не теряю времени, — продолжаетъ она холодно, — надъ изслѣдованіемъ вопроса: понравилось бы мнѣ, или нѣтъ, то, что я считаю совершенно невозможнымъ.

Наступаетъ молчаніе. Райверсъ чувствуетъ, что его облили холодной водой. Белинда сама прислушивается съ горькой досадой къ непріятному тону своего голоса. Почему она никакъ не можетъ уловить настоящее *juste milieu* между холодностью и дружеской любезностью? Отчего сердце ея бьется такъ горячо, въ то время, какъ слова ея холодны, какъ ледъ? Глаза ея, избѣгая его укоризненного взгляда, разсѣянно оглядываютъ окрестность.

— Какая вы ледяная! — говоритъ молодой человѣкъ тихимъ голосомъ, не будучи въ силахъ скрыть свою досаду.

— Ледяная! — повторяетъ она. — Да, мнѣ это часто говорили. Я думаю даже, — прибавляетъ она послѣ минутнаго молчанія, — что мнѣ надобно это слышать.

— Вамъ надобно *быть* собою? — спрашиваетъ Райверсъ еще тише.

Вмѣсто отвѣта она поспѣшно отходитъ отъ него и направляется къ другой парѣ влюбленныхъ, съ такой поспѣшностью, точно за ней гнался разъяренный быкъ. Райверсъ слѣдуетъ за ней съ отчаяніемъ въ сердцѣ — тѣмъ легкимъ отчаяніемъ влюбленныхъ, которое возникаетъ отъ вельасковаго взгляда и пропадаетъ отъ улыбки.

Но судьба милостивѣе къ нему, нежели онъ этого ожидалъ. Профессоръ и Сара оказываются задремали. О кофе вообще говорятъ, что онъ прогоняетъ сонъ, но въ этомъ частномъ случаѣ, благодаря усталости, досадѣ и скукѣ, онъ произвелъ обратное дѣйствіе. Голова профессора склонилась на грудь; — положеніе невыгодное для всякаго, кто уже вышелъ изъ розоваго дѣтства; жилы на его лбу напряглись, длинный носъ побагровѣлъ, а нижняя губа оттопырилась. Ясно, что сонъ захватилъ его врасплохъ, вопреки его правиламъ и гигиеническимъ принципамъ. Съ другой стороны, Сара, очевидно, сознательно рѣшила, что сонъ лучшее средство пережить такіа скучныя минуты жизни, какія выпали ей на долю. Ноги ея старательно закутаны шалью и

протянуты на сосѣдній стулъ; затылокъ покоится на ватерпруфѣ, свернутомъ въ видѣ подушки, а голова такъ закинута назадъ, что даетъ полную возможность перерѣзать ея хорошенькое бѣлое горло.

Улыбка появляется на лицѣ Белинды.

— Жалко было бы помѣшать имъ,—шепчетъ она.

— Ужасно жалко, — ревностно подтверждаетъ онъ. — Не лучше ли, — робко замѣчаетъ онъ, помня о недавнемъ щелчкѣ — намъ уйти подальше отъ нихъ.

Она глядитъ сначала на мельницу, потомъ на него.

— Какъ вы думаете, есть ли за мельницей удобная тропинка?

И вотъ они проходятъ мимо шумной, бѣлой мельницы, дружески кивая осыпанному мукой мельнику. По мѣрѣ того какъ они удаляются отъ мельницы, Райверсъ приободряется.

— Я надѣюсь, въ интересахъ профессора Форта, — говоритъ онъ, — что онъ проснется первый. Если миссъ Чорчиль проснется раньше и увидитъ его такимъ, какъ мы его сейчасъ видѣли, я убѣжденъ, что ему не одобровать.

— А я увѣрена, что ему не одобровать ни въ какомъ случаѣ, даже если онъ проснется раньше ея, — отвѣчаетъ Белинда, зловѣщимъ тономъ.

Пройдя еще нѣсколько шаговъ, они находятъ нужнымъ прѣсѣсть, хотя и не устали.

— Я хочу объясниться съ вами, если вы согласны меня выслушать, — начинаетъ Белинда.

Если онъ согласенъ ее выслушать! Еслибы онъ могъ когда-либо подумать, что его богиня говорить вздоръ, то подумалъ бы это теперь. *Если онъ согласенъ ее выслушать!* Онъ, который ловитъ каждое ея слово, точно небесную музыку, хотя бы она только просила его передать ей соль за столомъ.

— Я знаю, — продолжаетъ Белинда, — что я какъ будто несовсѣмъ любезно отвѣчала иногда на ваши комплименты, но это происходитъ только отъ того, что я къ нимъ не привыкла.

— Не привыкли къ комплиментамъ? — повторяетъ онъ тономъ глубочайшаго удивленія, — такъ трудно ему повѣрять этому, когда самъ онъ долженъ постоянно держать себя на уздѣ, чтобы не превозносить ее до небесъ.

Она качаетъ головой.

— Нѣтъ, не привыкла, — задумчиво подтверждаетъ она; — вамъ это кажется страннымъ. Можетъ быть это происходитъ отъ моей рѣзкой манеры!

— Но зачѣмъ же у васъ такая манера?—спрашиваетъ онъ съ новымъ взрывомъ удивленія.

Даже онъ не можетъ опровергнуть этого факта; а между тѣмъ этотъ фактъ такъ не вяжется со всей ея особой. Рѣзкая манера при такой прелестной фигурѣ, такихъ хорошенькихъ ушахъ; такой бѣлой шейкѣ, такихъ красивыхъ завиткахъ на затылкѣ. Она носитъ высокую прическу и часто поворачивается къ нему спиной, такъ что онъ имѣлъ много случаевъ разглядѣть ея затылокъ.

— Зачѣмъ у меня такой вздернутый носъ? — спрашиваетъ она не безъ юмора, пожимая плечами. — Одно столько же отъ меня не зависитъ, какъ и другое,—это несчастіе, съ которымъ я родилась!

И такъ какъ онъ ничего не отвѣчаетъ, бѣдняга!—онъ такъ сильно влюбленъ, что поглупѣлъ отъ страсти и только умѣетъ пламенно глядѣть на нее, — она снова дѣлается востѣнчива и серьезна.

— Это несчастіе *bonâ fide*, — говоритъ она, слегка качая головой:—Я вовсе не желаю быть рѣзкой. Мнѣ кажется, что я желала бы нравиться такъ же, какъ и всякая другая; я признаюсь даже вамъ (съ нервнымъ, короткимъ смѣхомъ), что мнѣ было бы пріятно слышать, входя въ гостиную, лестный гулъ похвалъ! Нѣтъ, нѣтъ!—внезапно перемѣняетъ она тонъ, съ угрожающимъ жестомъ вытягивая обѣ руки въ его сторону, — пожалуйста не угѣшайте меня своими комплиментами, а то я сейчасъ вернусь на мельницу.

— Не стоить вамъ сердиться на мои неловкіе комплименты, — сухо замѣчаетъ онъ;—встать я вовсе не хотѣлъ говорить вамъ ихъ — такъ какъ вы сами сказали, что мы въ послѣдній разъ гуляемъ вмѣстѣ.

Она мучительно покраснѣла при мысли, что хотѣла отдѣлаться отъ комплиментовъ, которыхъ ей вовсе не собирались говорить; но старается мужественно перенести это.

— Быть можетъ и не въ послѣдній разъ,—весело отвѣчаетъ она,—у насъ есть одинъ ресурсъ: мы можемъ пригласить миссъ Уатсонъ сопровождать насъ. Я еще не слыхивала, чтобы она когда-нибудь отказалась ѣхать съ кѣмъ угодно и куда угодно.

Онъ засмѣялся, но тотчасъ же замѣтилъ задумчиво и серьезно:

— Лучше съ ней, чѣмъ совсѣмъ не ѣхать.

— И кромѣ того она получить, такимъ образомъ, возможность пополнить нѣкоторые пробѣлы въ томъ вопросѣ, которому она подвергла васъ въ тотъ день. Она можетъ подробнѣе рас-

просить васъ о вашихъ предкахъ, общественномъ положеніи и проч.

— Я буду очень радъ отвѣтить на всѣ ея вопросы, но боюсь, что она уже выжала изъ меня весь сокъ. Я, кажется, все разсказалъ ей. Вѣдь я сказалъ ей, что только что вышелъ изъ Оксфорда?

Белинда качаетъ головой.

— Нѣтъ, вы ей этого не сказали, потому что въ противномъ случаѣ она не приминула бы спросить васъ: увѣрены ли вы въ томъ, что васъ оттуда не выгнали?

— Что мы живемъ въ Йоркширѣ,—продолжалъ онъ, потирая рукой лобъ для освѣженія памяти,—что насъ шестеро въ семьѣ, и что отецъ мой желѣзный заводчикъ?

— Желѣзный заводчикъ? — повторила Белинда, съ внезапнымъ оживленіемъ. — Нѣтъ, конечно, вы ей этого не говорили. Такъ онъ желѣзный заводчикъ?

— Да,—отвѣчаетъ онъ,—желѣзный заводчикъ. А вы думали, кто онъ?

Но это такой вопросъ, на который она не считаетъ возможнымъ отвѣтить. Можетъ ли она сообщить ему унизительныя предположенія Сары и свою собственную радость по поводу ихъ неосновательности. Итакъ, онъ желѣзный заводчикъ! Да вѣдь въ этой самой отрасли промышленности и создаются торговые магнаты! Поэтому она замѣчаетъ только:

— О, конечно, нѣтъ... я ничего не думала! не имѣла понятія!

Еслибы она всегда говорила такимъ мягкимъ, ласковымъ тономъ! Видя ее такой кроткой, доступной, человѣчной, всѣ его надежды вдругъ снова воскресаютъ. Онъ будетъ трусомъ, если не воспользуется счастливымъ случаемъ для ихъ осуществленія.

— Я надѣюсь, — говоритъ онъ, не осмѣливаясь, впрочемъ, прямо взглянуть на нее и дотрогиваясь до развѣвающейся ленты ея платья, чтобы придать себѣ мужества, — я надѣюсь... — голосъ его дрожитъ, — что вы со временемъ познакомитесь съ моимъ отцомъ.

— Вы думаете? — коротко отвѣчаетъ она.

Внезапно она снова вся оцѣпенѣла. Сердце ея бьется такъ же сильно, какъ и у него; ей очень бы хотѣлось выслушать то, что ему такъ хочется ей высказать, но ея сухой тонъ и холодное лицо — въ сущности объясняемые приливомъ дикой застѣнчивости, которую она такъ же не въ силахъ контролировать какъ и обращеніе крови въ своихъ жилахъ — заставляютъ его

думать, что этими словами онъ преступилъ отведенныя ему границы.

Онъ умоляетъ съ чувствомъ горячей обиды и униженія. Затѣмъ, подумавъ, что будетъ рѣшительнымъ трусомъ, если откажется отъ своего намѣренія при первой же неудачѣ, и черпая мужество въ тѣхъ словахъ, которыми она объясняла ему свою рѣзкую манеру, рѣшается сдѣлать еще одну попытку:

— Я бы желалъ, право, очень желалъ бы, чтобы вы по-знакомились со всей моей родней.

— Неужели?—сухо спрашиваетъ она. Усиліе, дѣлаемое ею, чтобы придать твердость своему голосу, сильное волненіе, которое она испытываетъ, — все это придаетъ рѣзкость и даже нѣкоторую жесткость ея голосу. И въ довершеніе она заключаетъ невѣрливымъ, короткимъ смѣхомъ:—боюсь, что этого никогда не будетъ!

Наступаетъ мертвое молчаніе. На сегодняшний день уже нечего опасаться, чтобы онъ преступилъ отведенныя ему границы. Онъ сидитъ, мрачно уставя глаза въ пространство. О, слибы въ критическіе моменты, происходящіе въ жизни безразсудныхъ женщинъ и мужчинъ, имѣлись подъ рукой какіе-нибудь посторонніе истолкователи! Но такихъ никогда не бываетъ!

Впродолженіе нѣсколькихъ минутъ рѣва шумно течетъ и птицы оглушительно щебечутъ, но человѣческій голосъ не примѣшивается къ этому концерту. Наконецъ Белинда, съ угроженіемъ совѣсти поглядывавшая на меланхолическій профиль своего поклонника, застѣнчиво пытается умиловить его:

— Сколько у васъ сестеръ?—мягко спрашиваетъ она.

— Двѣ,—отвѣчаетъ онъ коротко и не глядя на нее,—но, —прибавляетъ онъ съ принужденной улыбкой,—я уже достаточно, кажется, надобдалъ вамъ сегодня своей родней.

Белинда слишкомъ задѣта, чтобы отвѣчать, и разговоръ, который до тѣхъ поръ шло съ такою же легкостью, какъ рѣва или рулады жаворонка, совсѣмъ прекращается. Подъ ихъ ногами скалы бросаютъ длинныя тѣни. Лучи солнца, болѣе не вертикальныя, ложатся косыми снопами на воду.

— Должно быть поздно, — говоритъ Белинда неохотно, взглядывая на него,—не лучше ли намъ вернуться назадъ.

Она надѣялась, что онъ будетъ протестовать, попроситъ продлить еще на нѣсколько минутъ ихъ блаженное одиночество. Нисколько! Онъ не только не возражаетъ, но, напротивъ того, немедленно встаетъ съ мѣста и извѣявляетъ готовность за ней слѣдовать. И вотъ они молча возвращаются на мельницу.

VIII.

— Какъ пріятно для переменны побыть однимъ, безъ гостей, — говоритъ Сара, — неправда ли? Ты поддакиваешь мнѣ, однако, не съ такимъ жаромъ, какъ я ожидала? А еще пріятнѣе, что мы не тащимся по жарѣ цѣлыхъ двадцать миль, чтобы получить въ вознагражденіе по приѣздѣ гнилыя яйца!

Теперь около полудня, и сестры гуляютъ въ «Grosse Garten», въ этомъ обширномъ и тѣнистомъ убѣжищѣ дрезденскихъ бюргеровъ, съ его высокими деревьями и широкими аллеями, предназначенными для экипажей.

— Эти прямыя аллеи тѣмъ хороши, — продолжаетъ Сара, задумчиво глядя на длинную перспективу деревьевъ, уходящую въ даль, — что васъ никогда не могутъ захватить въ нихъ врасплохъ; никто не наскочитъ на васъ изъ-за угла; весь вопросъ тутъ въ дальноворости. Еслибы я увидѣла своего поклонника издали, я бы мигомъ спряталась за одно изъ этихъ спасительныхъ деревьевъ. А ты, какъ поступила бы при видѣ своего?

— Я не знаю кого именно ты подразумеваешь, — отвѣчаетъ Белинда съ напускной веселостью, такъ какъ сегодня она со всѣмъ не весела. — У меня такъ много поклонниковъ.

— Нѣтъ, у тебя не много поклонниковъ, — спокойно возражаетъ Сара, — но одинъ есть. Какъ долго ты его сохранишь — это другой вопросъ. Судя по убитому и разстроеному виду, въ какой ты привела его вчера вечеромъ, я полагаю, что недолго.

— Во всякомъ случаѣ, — восклицаетъ Белинда, которую этотъ случайный наметъ задѣваетъ глубже, чѣмъ хотѣла Сара, — я не привела его въ то состояніе ярости, въ какое ты привела профессора Форта. Онъ сказалъ, — прибавляетъ она невольно смѣясь, — что еслибы онъ не зналъ, что ты искренно къ нему привязана, то съ трудомъ простилъ бы твое поведеніе.

— Неужели ты думаешь, что онъ откажется отъ меня, — говоритъ Сара восхищеннымъ голосомъ и съ сіяющей улыбкой. — Нѣтъ, — продолжаетъ она, качая головой, — этого счастья мнѣ не дожидаться. Мое поведеніе было дурно, — прибавляетъ она съ невиннымъ видомъ, — но для него есть оправданіе — онъ заснул!

— Но вѣдь и ты тоже.

— Но развѣ я была похожа на него, — сухо замѣчаетъ Сара. — Кажется, — продолжаетъ она, — что у него есть мать.

— *Есть? была* — хочешь ты сказать?

— *Есть*. Я боюсь, что дала ему замѣтить, что считаю его

матушку удивительно долговѣчной. Она живетъ съ нимъ; имѣть собственныя средства; поминутно задаетъ различные вопросы, и, кажется, главнѣйшей радостью въ жизни его жены должны быть отвѣты на эти вопросы.

— Должно быть, когда его признанія дошли какъ разъ до этого пункта, ты закричала: «Ceci est insupportable!» и ушла отъ него?—сухо спрашиваетъ Белинда.

— Должно быть, что такъ,—скромно отвѣчаетъ Сара.—Онъ не понималъ цитаты, но не одобрилъ чувства ее внушившаго. Какъ бы то ни было (пожимая плечами), я больше не буду этого дѣлать ради тебя и въ твоихъ интересахъ, и еслибы даже онъ опять заснулъ и выпятилъ впередъ нижнюю губу, то я думаю, что выдержу искусь до нашего отъѣзда. Вѣдь ты знаешь, что черезъ пять... нѣтъ меньше, черезъ четыре недѣли мы вернемся въ Лондонъ.

— Черезъ четыре недѣли!—повторяетъ Белинда, останавливаясь и блѣднѣя, между тѣмъ, какъ глаза ея съ расширенными зрачками выражаютъ настоящій ужасъ.

— Черезъ четыре недѣли!—подтверждаетъ Сара, кивая головой.—Я слышала, какъ бабушка говорила Густель, что ея услуги не понадобятся больше ей послѣ перваго юня, и любезно прибавила, что она будетъ рада отъ нихъ избавиться. Ну! не приходи въ такое отчаянiе, — прибавляетъ она, кладя руку на плечо сестры и глядя на нее добродушнымъ, но хитрымъ взглядомъ; все дѣло только въ томъ, чтобы ускорить развязку.

Отвѣтомъ Белинды служить жестъ отвращенiя. Она быстро идетъ впередъ.

— Я грубо выражаюсь, — говоритъ ея сестра, торопясь за нею,—но повѣрь мнѣ, что совѣтъ мой разуменъ.

Она права, конечно, но совѣтъ дается такой особѣ, которая совершенно неспособна имъ воспользоваться, и потому остается втунѣ, какъ большинство всякихъ совѣтовъ вообще.

Ускорить развязку! Дни за днями звучить эта низкая фраза въ ея ушахъ. Всякій разъ,—а это случается часто—какъ ужасъ, охватившій ее въ «Grosse Garten», снова овладѣваетъ ею, ей припоминается грубое утѣшенiе сестры. И по мѣрѣ того, какъ безцѣнные дни протекаютъ неумолимо, фраза эта приобретаетъ для нея ироническiй смыслъ. Неумолчно звучить она въ безсонныя ночи, которыя частенько навѣщаютъ ее теперь, когда она по цѣлымъ часамъ лежитъ безъ сна, прислушиваясь къ свистку паровика. А дни бѣгутъ, бѣгутъ! О, какъ они бѣгутъ! Ускорить развязку? Какъ можетъ она ускорить ее? Она въ отчаянiи во-

прошаетъ себя объ этомъ по ночамъ, невольно цѣпляясь за ненавистную фразу. Что можетъ она сдѣлать будучи такою, какою она есть? Какъ можетъ она, скованная своей натурой, своей дѣвической гордостью, самой силой своей нѣмой, беззащитной страсти помочь сама себѣ? Развѣ она виновата, что всѣ сильныя душевныя движенія проявляются у нея холоднымъ, рѣзкимъ голосомъ и застывшимъ ледянымъ выраженіемъ лица? У другихъ женщинъ они выражаются ямочками на щекахъ, нѣжной краской въ лицѣ и мило опущенными глазами. Ахъ! но развѣ онѣ чувствуютъ такъ, какъ она? Сара, напримѣръ! Когда бывало, чтобы мужчина отходилъ отъ Сары такимъ уничтоженнымъ, обиженнымъ и мрачнымъ, какъ Райверсъ не разъ отходилъ отъ нея? Напротивъ того, они уходятъ всегда охарашиваясь и сіяя отъ польщеннаго тщеславія.

«Я не изъ тѣхъ женщинъ, которыя могутъ нравиться мужчинамъ!»! думаетъ она съ завистливымъ уничтоженіемъ поглядывая на граціозныя ужимки сестры. Но какъ поправить бѣду? Послушно подражать манерѣ сестры? «Но вѣдь такое обезьянство выйдетъ неловко и неуязжело!» горько сознаетъ она.

А что же онъ? Онъ бросилъ всѣ свои занятія, онъ слѣдитъ за нею какъ тѣнь и не сводитъ съ нея глазъ, но до сихъ поръ не просилъ ее стать его женой.

А между тѣмъ на сколько ближе къ цѣли привелъ бы его этотъ практическій вопросъ, чѣмъ всѣ его искусныя маневры, которыми онъ стремится доказать ей свою любовь, чѣмъ всѣ тѣ громадныя букеты, которыми завалена ея комната, такъ какъ она не рѣшается выкидывать ихъ даже и тогда, когда они завали...

— Бабушка, — объявляетъ Сара, — бабушка, знаете ли вы, что мы отправляемся завтра на цѣлый день въ Везенштейнъ?

— Счастливаго пути, моя милая, лишь бы вы меня не тащили съ собой.

— Бабушка, мнѣ кажется, что еслибы мы объявили вамъ, что отправляемся къ сѣверному полюсу, то вы бы сказали: — хорошо, моя милая, только вы меня не тащите съ собою, — замѣчаетъ Сара, вглядываясь въ старушку съ хладнокровнымъ вниманіемъ.

Старушка весело смѣется, какъ будто бы внучка сказала ей нѣчто очень лестное.

— Вы берете съ собой своихъ поклонниковъ, своихъ двухъ попугаевъ, конечно?

— Своихъ попугаевъ! — кричитъ Сара въ восторгѣ. Нѣтъ, бабушка, я не беру своего. Кстати, бабушка, такъ какъ онъ мнѣ больше не нуженъ, то я задумала женить его на васъ. Вы подходите другъ къ другу по возрасту, и хотя вы красивѣе его, зато онъ гораздо ученѣе васъ.

— Нѣтъ, милочка, благодарю! — отвѣчаетъ старушка съ энергій; я предпочитаю попугая Белинды.

— Мы всѣ его предпочитаемъ! — замѣчаетъ сухо Сара.

При этихъ словахъ, Белинда, которая вообще выказывала тревогу и беспокойство послѣ того, какъ было произнесено слово «Везенштейнъ», внезапно встаетъ съ мѣста и переходитъ въ гостиную, гдѣ немедленно подходитъ къ окну, пользуясь тѣмъ, что она одна въ комнатѣ и никому наблюдать за ней, и зорко оглядываетъ скучную и пустынную улицу. Но это длится недолго, потому что чья-то рука опускается къ ней на плечо, и насмѣшливый голосъ раздается въ ея ухахъ:

— Полно!.. онъ еще не придетъ такъ скоро!.. Онъ, конечно, будетъ настолько добръ, что дастъ намъ спокойно выпить кофе.

Белинда вздрагиваетъ и сердито отталкиваетъ руку сестры.

— Не могу понять, какое тебѣ до этого дѣло, — раздражительно говоритъ она, досадуя, что ее поймали на ея сторожевомъ посту; — вѣдь онъ кажется тебя не трогаетъ.

— Въ этомъ-то вся и бѣда, — возражаетъ Сара, спокойно; — въ противномъ случаѣ мой носъ, вѣроятно, тоже прилипалъ бы къ оконному стеклу; но, серьезно говоря, я бы не протестовала противъ его частыхъ посѣщеній, — по крайней мѣрѣ примирилась бы съ ними, — хотя я и терпѣть не могу, когда при мнѣ ухаживаютъ за другими, а не за мной, — еслибы видѣла, что это къ чему-нибудь приведетъ. Но я не вижу, что дѣло хоть сколько-нибудь подвинулось впередъ съ того дня, какъ мы, помнишь, говорили съ тобой въ «Grosse-Garten» три недѣли тому назадъ. Ну скажи сама, развѣ это неправда?

Съ минуту Белинда молчала. Быть можетъ, она сама въ глубинѣ сердца не разъ задавала себѣ этотъ вопросъ и не могла отвѣтить на него удовлетворительно.

Теперь въ отвѣтъ на слова сестры она крѣпко сжала руки и раздражительно сказала:

— Ахъ, еслибы ты занималась своими собственными дѣлами и предоставила мнѣ быть счастливой по-моему.

— Быть счастливой по-твоему? — повторяетъ Сара съ лукавымъ взглядомъ. — Хорошо, а когда онъ кончитъ свои занятія нѣмецкимъ языкомъ и уйдетъ домой, къ папашѣ, желѣзному

заводчику,—вѣдь его папаша желѣзный заводчикъ, кажется? —
Что, ты будешь очень счастлива по-твоему?

Руки Белинды разжимаются и бессильно падаютъ вдоль тѣла, и смертельная блѣдность внезапно смѣняетъ румянецъ, вызванный въ лицѣ предыдущими гнѣвными словами.

— Я согласна,—говоритъ она медленно,—что въ твоихъ словахъ есть доля грубаго и пошлаго здраваго смысла, но, — тутъ голосъ ея становится еще тише,—но меня удивляетъ, что ты не хочешь принять во вниманіе, что такъ какъ я—я, а не ты...

— Бабушка и я,—перебиваетъ ее Сара, мы обѣ согласны, что никогда въ жизни не видывали болѣе скучнаго ухаживанія. У бабушки *idée fixe*, что дѣло должно быть улажено прежде нежели мы уѣдемъ, и что онъ долженъ сопровождать насъ и сдавать нашъ багажъ; но съ своей стороны, я сомнѣваюсь, чтобы онъ сзумѣлъ, даже послѣ многихъ уроковъ, взять намъ билеты и нанять квартиру; покрайней мѣрѣ (съ *хохотомъ*) мой поклонникъ этому не научился, даромъ что находится въ перепискѣ съ половиной ученыхъ въ Германіи.

Белинда опять отвернулась къ окну, но, чтобы мотивы ея оставались внѣ всякаго сомнѣнія, глядитъ въ сторону противоположную той, откуда долженъ придти Райверсъ. Только легкая дрожь, пробѣгающая по временамъ по ея плечамъ, показываетъ, какъ ей больно врывательство сестры въ святая-святыхъ ея души.

— Мы не порицаемъ его, — продолжаетъ Сара съ невиннымъ видомъ,—по совѣсти скажу, что мы не порицаемъ его. Онъ постоянно силится высказаться; а ты, по причинамъ, тебѣ одной извѣстнымъ, постоянно мѣшаешь ему. Повѣрь моему слову, ты когда-нибудь такъ напугаешь его, что онъ и совсѣмъ уйдетъ!

— Какимъ образомъ я его пугаю? — восклицаетъ бѣдная Белинда жалобнымъ тономъ, внезапно поворачиваясь къ сестрѣ. — Что такое я дѣлаю?.. Если бы ты хоть разъ объяснила мнѣ это толкомъ!.. Я думаю, что ты хочешь мнѣ добра, ну, хорошо: научи, что мнѣ дѣлать.

— Я всегда говорила тебѣ, что твой надменный видъ погубитъ тебя, — отвѣчаетъ Сара, не особенно тронутая смиреніемъ сестры: — еслибы ты могла отбросить его прочь и вмѣстѣ съ тѣмъ принизить свой вздернутый носъ, то была бы гораздо счастливѣе!

— Но я не могу, — съ сожалѣніемъ заявляетъ Белинда.

— Сознаюсь, — говоритъ Сара, послѣ минутнаго молчанія, разглядывая кончики своихъ башмаковъ, непомѣрно высокіе каблуки которыхъ свидѣтельствуютъ объ ихъ модности, — я немного

разочарована тѣмъ, что извѣстіе о нашемъ близкомъ отъѣздѣ не произвело на него должнаго впечатлѣнія.

— Да онъ не знаетъ, что мы скоро уѣзжаемъ, — шепчетъ Белинда, — я еще ему этого не говорила.

— Нѣтъ? — кричитъ Сара, радостно вскакивая съ мѣста и начиная вертѣться по комнатѣ. — Ну, такъ мужайся! нашъ лучший козырь еще не сыгранъ!

Но вдругъ переставъ вертѣться, она подходитъ къ сестрѣ и говорить ей съ величайшей серьезностью:

— Ты должна сказать ему объ этомъ завтра въ Везенштейнѣ.

— Я скажу, — покорно заявляетъ Белинда.

— Если въ Везенштейнѣ дѣло не будетъ покончено, — продолжаетъ Сара рѣзко, — то предупреждаю тебя, что я сама спрошу его объ его намѣреніяхъ. Я старалась подвинуть на это бабушку, но ты знаешь, что она всегда уклоняется отъ всякихъ обязанностей. Конечно, еслибы она спросила его, было бы гораздо приличнѣе; но такъ какъ она не хочетъ сдѣлать этого, то я сама это сдѣлаю. Я скажу ему, что ты сохнешь отъ любви къ нему! Желала бы я знать, — прибавляетъ она, оглядывая здоровую, цвѣтущую и красивую сестру: — неужели онъ будетъ такой идиотъ, что повѣрить мнѣ.

А. Э.

ВѢЧНЫЙ СОНЪ.

Пали зимнія сумерки мутною мглой
И, сгущаясь, расплылись тѣнями;
Межъ высокихъ домовъ въ суетѣ городской
Засверкала столица огнями.
А матель цѣлый день все мела и мела,
Но сильнѣй разыгралася къ ночи,
И морозно-волючая снѣжная мгла
Залѣпляла рѣсницы и очи.
Онъ толкался не разъ и къ крыльцу богачей,
Но при взглядѣ одномъ, безъ разспроса,
Не пускалъ его гордый, сердитый лакей,
Дверь захлопнувъ у самого носа.
Заходилъ онъ и къ братьямъ своимъ бѣднякамъ,
Ничего не добился однакожъ и тамъ:
Тамъ особая милость Господня,
Если сами поѣли сегодня.
Съ горя даже являлся онъ въ самый кварталъ,
Говорилъ: «я—преступникъ ужасный...
Заберите!..» Но—фокусъ напрасный,
И блюститель порядка его не пускалъ,
Замѣчая довольно ехидно:
«Убирайся! Намъ братъ не завидно
Тѣхъ, что сами идутъ... Нѣтъ, мы ловимъ подъ часъ
Только тѣхъ, что отъ насъ убѣгаютъ...
И тебя, другъ любезный, поймають,
Но тогда, какъ ты прятаться будешь отъ насъ...»
А матель все сильнѣй завывала,

Горы снѣга по улицамъ всѣмъ намела;
 Тьмы каретъ проносились какъ будто стрѣла;
 Въ окнахъ лавокъ сіянье сверкало;
 Мчалось въ пубахъ епотовыхъ много господъ;
 Онъ все шелъ безсознательно, шелъ все впередъ,
 Коченѣли и ноги, и руки
 Вотъ и жизни вечерніе звуки
 Затихаютъ за нимъ; яркій газъ фонарей
 Ужъ потухъ вдаль. А мятель все сильнѣй
 Воетъ, будто бы полная злобы...
 Вотъ уже и застава; какъ горы, за ней
 Намело снѣговые сугробы.
 И куда онъ пришелъ? Самъ, должно быть, не зналъ.
 Вдругъ тепло горемычному стало,
 Такъ легко... Даже голодъ какъ будто пропалъ...
 Только чувствовалъ онъ, что немного усталъ,
 И дремота такъ сладко обьяла...
 Снѣгъ же—мягкій, пушистый и рыхлый такой...
 Отдохнуть въ сторонѣ отъ дороги
 Такъ и тянетъ... Ослабили и ноги...
 Сладко дремлетъ... Чуждые, милые сны
 Передъ нимъ пролетаютъ чредою;
 Снятся блескъ и сіянье далекой весны
 Подъ лазурью небесъ голубою...
 Снятся прошлое: будто онъ, снова дитя,
 Межъ цвѣтовъ, на полянѣ, безопасно шутя,
 Въ травѣ ярко-зеленой играетъ...
 Вотъ родная съ ласкающимъ взоромъ своимъ
 Наклонилась любовно и нѣжно надъ нимъ
 И цвѣты на ребенка бросаетъ...
 Бездна бѣлыхъ какъ снѣгъ и прелестныхъ цвѣтовъ...
 И откуда ихъ столько набрала?
 Вотъ всего ужъ его закидала.
 — «Ну, тепло ли сыночекъ?» Неба яснаго кровь
 Такъ лазурно безоблачно свѣтелъ...
 «О, тепло!» Онъ родимой отвѣтилъ,
 Засыпая отраднымъ, младенческимъ сномъ.
 И казалось ему въ томъ бреду золотомъ,
 Что не явь, а одно сновидѣнье—
 Всѣхъ прожитыхъ скорбей и лишеній хаосъ,
 Холодъ, ночь и мятель, и трескучій морозъ,
 И столицы большой оживленье,

Гдѣ лишь не было мѣста ему одному,
Гдѣ отъ свѣта его всѣ толкали во тьму...
И лепечетъ онъ: «вздоръ вѣдь, родная?
Это сонъ лишь одинъ? Сонъ одинъ лишь пустой?
— Да, сыночекъ мой! Тепло ли? Спи, милый ты мой!
Мать отвѣтила, тихо лаская.
А сама такъ и сыплеть, и сыплеть двѣты...
Мягко въ нихъ какъ въ пуховой постели...
И заснулъ вѣчнымъ сномъ средь ночной темноты
Онъ подъ пологомъ снѣжной мятели...

Д. П—инъ.

ПО ИСПАНІИ

Окончаніе.

X *).

Испанки.

Когда я возвратился изъ Испаніи, меня часто спрашивали: дѣйствительно ли красивѣе испанокъ нѣтъ на свѣтѣ женщинъ? Правда, красивѣе испанокъ я не видалъ, но все же я предпочитаю на вопросъ о красотѣ испанокъ—отвѣчать словами такого авторитета, какъ напримѣръ, Байронъ.

«О, не говорите мнѣ больше о климатахъ сѣвера и англійскихъ дамахъ!—воскликаетъ Байронъ въ «Чайльдъ-Гарольдѣ»:—вамъ не суждено было, какъ мнѣ, видѣть милую дѣвушку Кадекса. Нѣтъ у ней голубыхъ глазъ и бѣлокурыхъ англійскихъ локоновъ, но какъ превосходенъ ея выразительный взоръ—лазурь томныхъ очей!

«Подобно Прометею, она похитила у неба огонь, темнымъ блескомъ сверкающій сквозь длинныя шелковистыя рѣсницы ея глазъ, которые не могутъ удержать своихъ молній. Смотря, какъ на бѣлую грудь ея падаютъ волнующіяся пряди черныхъ волосъ, вы сказали бы, что каждый ихъ локонъ одаренъ чувствомъ и, згибъся по этой груди, ласкаетъ ее.

«Прелести нашихъ молодыхъ англичанокъ обольстительны на видъ, но уста ихъ очень медленны на признаніе въ любви. Рожденная подъ болѣе пламеннымъ солнцемъ, испанка создана

*) См. выше, февраль, 21 стр.

для любви, и если васъ полюбила она—кто восхититъ васъ такъ, какъ дѣвушка Кадикса!

«Молодая испанка не кокетлива... Въ любви ли, въ ненависти ли—она не знаетъ притворства. Ея сердце не можетъ быть ни куплено, ни продано: если оно бьется, оно бьется искренно, и хотя его нельзя купить золотомъ—оно будетъ васъ любить долго и нѣжно.

«Молодая испанка, которая принимаетъ вашу любовь, не огорчитъ васъ никогда притворными отказами, потому что каждая мысль ея устремлена къ тому, чтобъ доказать вамъ всю свою страсть въ часъ искуса. Если чужеземные солдаты угрожаютъ Испаніи, она бросается въ бой, раздѣляетъ опасности, и, когда любезный ея падаетъ, она схватываетъ коня и мститъ за него.

«Когда при вечерней звѣздѣ она выѣшивается въ веселое болеро, или поетъ подъ звонкую гитару о христіанскомъ рыцарѣ и мавританскомъ воинѣ, или когда при мерцающихъ лучахъ Геспера перебираетъ она прекрасною ручкою свои чотки, или присоединяетъ голосъ свой къ набожному хору, поющему сладостные, священные гимны вечерни,—словомъ, что бы она ни совершала, невозможно видѣть ее безъ сердечнаго волненія.

«Пусть же женщины, менѣе ея прекрасныя, не порицаютъ ее за то, что грудь ея не наполнена холодомъ! Я бродилъ подъ разными климатами, видѣлъ много милыхъ, чарующихъ женщинъ, но нигдѣ въ другой землѣ не встрѣчалъ подобную черно-овой дѣвушкѣ Кадикса», и т. д., и т. д.

Такъ аттестуетъ испановъ Байронъ, великій знатокъ и души человѣческой, и красоты.

А вотъ что говорить еще объ испанкахъ другой знатокъ и любитель женской природы—В. П. Боткинъ.

Заговоривъ объ испанкахъ, собственно мадритянкахъ, онъ съ негодованіемъ порицаетъ ихъ за то, что онѣ портятъ свою красоту парижскими шляпками. Но, вѣрно, это было такъ прежде въ Мадридѣ, и я не помню, чтобы видѣлъ на горожанкахъ хотя одну шляпку. Впрочемъ, эти несчастныя шляпки не помѣшали покойному ихъ ненавистнику высказать о мадритянкахъ слѣдующее: «Мантілья, сквозь которую такъ очаровательно просвѣчивается могучая черная съ синью коса, мантілья, которая, слегка прикрывая свѣжіе цвѣты на лѣвой сторонѣ головки, прозрачно падаетъ на открытыя грудь и руки,—увы! эта чудесная мантілья оставляется для убора, придуманнаго для безволосыхъ старухъ. Вы не можете представить себѣ, какъ печально видѣть

эти матовыя, горячо блѣдныя лица, эти яркія фizioноміи заключенными въ ужасныя шляпки «по парижской модѣ» (al estilo de Paris)! Я былъ бы, конечно, равнодушнѣе къ нимъ, еслибъ онѣ не показывались возлѣ мантильи. Вы знаете великолѣпный эффектъ, производимый на московскихъ гуляньяхъ костюмами провинціальныхъ барынь и русскихъ купчихъ; но тамъ безвкусіе костюма гармонируетъ, по крайней мѣрѣ, съ неподвижностію фizioномій, тупостію чертъ, или лимфатическою тучностію; а здѣсь подъ этою противною шляпкою блестятъ огненные глаза, и матовая, прозрачная, свѣжая блѣдность лица исполнена такой сверкающей игры. Многія носятъ мантилью сверхъ шали! Національная короткая *basquina* (юбка), которая выказывала изящныя ножки, смѣнилась длиннымъ французскимъ платьемъ. Любимый испанскій цвѣтъ — черный — оставляется для какихъ-то дурныхъ пестрыхъ цвѣтовъ. Слава Богу (еще бы не благодарить Бога!), что онѣ хоть сберегли свой національный *abanico* (вѣеръ). Вѣеръ рѣшительно никогда не выходитъ у нихъ изъ рукъ, у самой бѣдной крестьянки, какъ у королевы, и искусство владѣть имъ дано тѣлько испанкамъ. На Прадо, въ театрѣ, въ церкви, постоянно слышится шумъ и шелканье вѣеровъ; онѣ кланяются ими, привѣтствуютъ, дѣлаютъ знаки, наконецъ — говорятъ ими, потому-что меня увѣрили, что женщина можетъ сказать вѣеромъ все, что захочетъ. Въ этомъ пламенномъ климатѣ, словно по какому-то женскому капризу, черный цвѣтъ есть единственный цвѣтъ національнаго женскаго костюма. Если встрѣчаешь толпу женщинъ, одѣтыхъ со всѣмъ испанскимъ изяществомъ, то это непременно андалузки. Эти черныя, иногда бѣлыя покрывала на головахъ, падающія на плеча и руки, молодымъ придаютъ видъ какихъ-то фантастическихъ монахинь, волнующихъ *святскими* страстями, старымъ — видъ древнихъ прорицательницъ», и т. д.

Въ другомъ мѣстѣ Боткинъ хвалитъ «естественность» испанки, отсутствіе въ ней всякой жеманности, дѣланности, а вслѣдствіе того и фальши. «На меня, — говорятъ онъ, — особенно пріятно дѣйствуетъ здѣсь естественность женщинъ. Вамъ, можетъ быть, эти слова покажутся неясными, но чтобъ понять ихъ, надобно долго жить въ Парижѣ, гдѣ женщина искусственна съ головы до ногъ... Француженка — кокетка по природѣ, умѣетъ съ удивительнымъ искусствомъ выставить все, что въ ней есть красиваго; она глубоко изучила всѣ позы, всѣ движенія; это воинъ страшно вооруженный, бдительный и лукавый. Испанка какъ будто не знаетъ

о красотѣ своей; по глубокому чувству стыдливости, она скорѣе скроется, нежели обнаружить красоту своихъ формъ».

Въ Испаніи есть свои гризетки, и называются онѣ тамъ «маньола (mañola)». Но маñола... увѣ!.. весьма настойчиво вытѣсняется въ Испаніи сильнымъ французскимъ вліяніемъ; это типъ уже исчезающій, но въ высшей степени оригинальный, исполненный страннаго соединенія прелести и буйной дикости, цѣломудренной красоты формъ и откровенной наглости, происходящей не отъ разврата, а отъ стремительно вспыхивающихъ страстей, не знающихъ себѣ никакого предѣла, и на которыя ни религія, ни общественныя формы не имѣли никакого вліянія. Это природа во всей своей цѣлости. Лица ихъ почти всѣ блѣдно-коричневые, взглядъ большихъ черныхъ глазъ смѣлый и удалой, массивная коса, собранная въ одинъ огромный узелъ, слегка прикрыта мантилейю, короткое платье... Но вамъ лучше меня опишетъ маñолоу народная пѣсня о ней:

«Широкая бархатная кайма на перевязанной крестомъ мантильѣ, станъ сильный, жестъ рѣзкій, душа хищная, испанская ловкость... стоитъ цѣлаго міра моя маñола!

«Какъ горитъ она, какъ хруститъ, когда танцуетъ хоту или фанданго; какая энергія въ каждомъ взмахѣ,—и что за удивленіе, какъ встряхивается у ней платье при самомъ легкомъ прыжкѣ... стоитъ цѣлаго міра моя маñола!»

«Деликатно обута ножка, достойная царскаго ковра, и не знаю, что за прелесть въ этомъ рубцѣ, что на шеѣ у ней... стоитъ цѣлаго міра моя маñола!»...

Все сказанное выше относится больше къ мадритской испанкѣ. Но вотъ и испанка Андалузін, по словамъ того же Боткина: «Какія тонкія черты, что за чудный очеркъ головы и лица; какая невыразимая живость фисіономіи! Въ манерахъ и движеніяхъ андалузянокъ есть какая-то ловкость, какая-то удалая грація... Это-то и называютъ испанцы своимъ непереводаемымъ *sal esrapola* (соль испанская)... Это не французская грація, не наивность и простодушіе нѣмецкія, не античное спокойствіе красоты итальянской, не робкая и скучающая кокетливость русской дѣвушки.... это въ отношеніи вѣншности то же, что остроуміе относительно ума. Разумѣется, не всѣ женщины отличаются этою *sal esrapola*, но за-то у всѣхъ увлекательно-дерзкій взглядъ и горячо-блѣдные лица».

Такова—женщина Кордовы, въ которой остается доселѣ нѣчто мавританское въ крови. То же относится и ко всѣмъ андалузянкамъ.—«Въ Андалузін часто встрѣчается у женщинъ особенный

цвѣтъ кожи—бронзовый. Эти темныя женщины (*mogenas*) составляютъ здѣсь аристократію красоты; романсы и пѣсни андалузскіе всегда предпочитаютъ *морену*: и дѣйствительно, этотъ африканскій колоритъ, лежащій на нѣжныхъ, изящныхъ чертахъ андалузскаго лица, придаетъ ему какую-то особенную, дикую прелесть. У испановъ румянца нѣтъ; матовая, прозрачная блѣдность—вотъ обыкновенный цвѣтъ ихъ лица... Вся гордость андалузянки состоитъ въ ея ногахъ и рукахъ, и потому онѣ носятъ только полуперчатки à jour, чтобъ виднѣе было тонкое изящество ихъ рукъ. Походка ихъ обыкновенно медленна, движенія быстры, живы и вмѣстѣ томны: эти крайности слиты въ севильянкахъ, какъ въ опалѣ цвѣта»...

«Здѣсь женщины ничего не читаютъ,—замѣчаетъ В. Боткинъ въ другомъ мѣстѣ,—и это отсутствіе всякой начитанности придаетъ андалузянкамъ особенную оригинальность: ихъ не коснулись книжность, вычитанныя чувства, идеальныя фантазіи, претензіи на образованность. Въдѣ остроумное невѣжество лучше книжнаго ума. Невѣжество севильянки при ея живомъ воображеніи, при огненной подвижности ея чувствъ, при этой врожденной, свойственной однимъ южнымъ племенамъ тонкости ума, исполнено прелести увлекательной, передъ которою такъ называемая образованность европейскихъ дамъ кажется приторною книжностію. Нигдѣ не встрѣчалъ я такого страннаго сліянія дѣтской наивности съ дерзостью и удалью: это и ребенокъ, и вакханка вмѣстѣ. Въ наружности севильянки нѣтъ и тѣни того спокойствія, которое болѣе или менѣе отличаетъ женщинъ всѣхъ націй въ Европѣ; это въ высшей степени нервическая натура, но только не въ болѣзненномъ, сѣверномъ смыслѣ этого слова. Я думаю, никакая женщина въ Европѣ не можетъ возбудить въ себѣ такого энтузіазма, какъ андалузка. Въ глазахъ ихъ нѣтъ выраженія кротости, какъ въ глазахъ сѣверныхъ женщинъ: въ ихъ глазахъ блеститъ смѣлый духъ, рѣшительность, сила характера. Того, что мы называемъ женственностью, сердечностью—не ищите у нихъ. Въ кокетствѣ андалузовъ проступаетъ что-то тигровое, въ ихъ улыбкѣ есть что-то дикое; чувствуешь, что самое прекрасное лицо тотчасъ можетъ принять выраженіе свирѣпое... и что-жъ удивительнаго! эти обаятельныя головки, эти женщины съ невообразимою нѣгою движеній, эти глаза, о выразительности которыхъ невозможно имѣть понятія, не бывши въ Андалузіи,—онѣ нынче утромъ наслаждались убійствомъ, равнодушно смотрѣли на лошадей, которыхъ внутренности влячили по землѣ, онѣ знаютъ до тонкости всѣ подроб-

ности смертныхъ судорогъ, онѣ смотрѣли на смерть съ увлеченіемъ, со страстію... А вечеромъ вы слышите здѣсь, какъ слышалъ я вчера, поздно возвращаясь къ себѣ домой, меланхолическіе аккорды гитары, и тѣ же съ дикою улыбкою уста задумчиво поютъ:

«Лучше промѣнять радость на горе, чѣмъ жить безъ любви. Въ счастіѣ и умереть сладко; жить въ забвеніѣ — все равно, что не жить; лучше переносить страданіе и печаль, чѣмъ жить безъ любви.

«Жизнь безъ любви — погибшая жизнь, а умѣнье употребить жизнь — важнѣе самой жизни. Лучше томиться, перенося горести, чѣмъ жить безъ любви».

Женщинѣ Кадикса не только Байронъ и Боткинъ отдають предпочтеніе передъ всѣми другими женщинами Испаніи, но и сами испанцы. Боткинъ вообще находитъ, что «между парижскими женщинами и андалузскими такая же разница, какая между комическою оперою Обера и лирическою Россини или Беллини, между вдохновеніемъ и капризомъ, энтузіазмомъ и простымъ ощущеніемъ».

Послѣ такихъ восторженныхъ, не «блѣдно-горячихъ», а добѣла раскаленныхъ похвалъ, относимыхъ къ красотѣ испанки и даже, повидимому, продиктованныхъ субъективнымъ чувствомъ, нужна ли будетъ новая похвала съ моей стороны? Да и не наскучить ли этотъ акаэистъ мадритянкамъ, да севилянкамъ, да гренадянкамъ? — Полагаю, что новый акаэистъ будетъ скученъ, да я лично и не желаю быть пѣснопѣвцемъ прекрасной испанки: признаюсь, мнѣ удалось лучше рассмотреть мадонну Мурильо, чѣмъ живую, но смертную головку, съ которой, быть можетъ, онъ рисовалъ или писалъ свои безсмертныя головки на полотнѣ.

XI.

Отъ Севильи до Гранады. — Гранадскіе студенты. — Альгамбра.

Утро было чудное, когда я выѣзжала изъ Севильи по направленію къ Кадиксу. Дорога шла тою же роскошною долиною Гвадалквивира, между оливковыхъ садовъ, а потомъ перекинулась черезъ протекающую здѣсь рѣчку Гадаира.

Противъ меня въ вагонѣ сидѣлъ какой-то плотный красивый господинъ, южнаго пламеннаго типа, но, повидимому, не испанецъ, такъ какъ онъ былъ не въ альмавивѣ, а въ красной турецкой

фескѣ, и имѣлъ небольшую, черную какъ смоль окладистую бороду. Сначала онъ дремалъ, не успѣвъ, вѣроятно, выспаться въ Севильѣ. Мы были только двое въ вагонѣ, собственно въ нашемъ отдѣленіи.

Черезъ часъ не болѣе мы проѣхали мимо Утреры, гдѣ дорога раздѣляется на двѣ линіи: одна—въ Кадиксъ, другая—въ Гранаду, съ развѣтвленіями на Малагу вправо, и на Кордову влѣво.

Утрера небольшой, но красивый городъ съ древними башнями и церквами—это центръ самой производительной мѣстности въ Андалузій. Пока раздѣляли поѣздъ на двѣ линіи, я вышелъ изъ вагона, чтобы взять себѣ для питья бутылку вина. Вышла за мною и феска. Изъ Бобадиллы (Bobadilla), гдѣ мы обѣдали, феска поѣхала на Малагу, куда отъ этой станціи отдѣляется особая линія.

Отъ Бобадиллы дорога поворачиваетъ прямо на востокъ. Мѣстность становится гористѣе и красивѣе. Это уже предгорья сіерра-Невады. Справа непрерывною цѣпью тянутся горные хребты. Вотъ величественная Антекера (Antequera)—городъ римскаго происхожденія: тутъ время доканчиваетъ остатки укрѣпленій со временъ еще римскаго владѣнія; тутъ же еще до сихъ поръ цѣла римская арка, которая называется «аркою Геркулеса», или «аркою гигантовъ». Въ настоящее время Антекера считается однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ провинціи Гренады. За Антекерой, въ долинѣ Гадалгурсе, бросается въ глаза исполинская, совершенно уединенно стоящая скала, которая называется Пенья-де-лосъ-Энаморадосъ (Pena de los Enamorados): сколько вы идете, она долго не сходитъ съ главнаго плана общей картины.

За Пеньей слѣдуютъ Арчидона (Archidona) и Лоха (Loja).

Между тѣмъ солнце клонится къ закату. На уступы горъ ложатся все болѣе и болѣе удлиняющіяся тѣни. Дорога идетъ въ междугорьѣ, и одна прелестная картина сѣняется другою, еще болѣе роскошною. Какъ было маврамъ не отстаивать, съ потерей тысячи жизней, этой дивной мѣстности и своей свободы, своего счастья! Сколько здѣсь пролито испанской и мавританской горячей крови!

Послѣднія передъ Гранадой станціи мелькаютъ одна за другою. Совсѣмъ вечерѣетъ. Мы ѣдемъ уже поэтическою «долиною Гранады» (vega de Granada). Здѣсь происходили послѣднія кровавыя схватки за обладаніе дивной столицей Абенсерраховъ. Но «шлемъ храбрыхъ» не отстояло своего сокровища... И арабы доселѣ оплакиваютъ «городъ фонтановъ»...

Было уже совсѣмъ темно, когда нашъ omnibusъ, нагружен-

ный путешественниками, стучалъ по камнямъ узкихъ улицъ Гранады, подымаясь все въ гору и въ гору, къ самой Альгамбрѣ, въ *fonda* «Washington Irwing». — Въ темнотѣ я смутно различалъ мрачныя силуэты Альгамбры. Вотъ она наконецъ!...

Едва я вошелъ въ отведенный мнѣ номеръ, выходявшій окномъ на Альгамбру, какъ тотчасъ же поспѣшилъ на балконъ. Было тихо, такъ тихо, что слышно было, какъ гдѣ-то въ темнотѣ плескались фонтаны и невидимая вода чуть-слышно, точно заставивъ дыханіе, журчала и шепталась гдѣ-то въ темной зелени. Внизу, передъ отелемъ, ярко горѣли фонари, а за ними выселись какія-то темныя гигантскія деревья, точно и они прислушивались къ таинственному шопоту фонтановъ. Еще выше — Альгамбра чертила по темному фону усѣяннаго звѣздами неба ломаную линію стѣнъ, причудливыхъ карнизовъ, башенъ... Въ душѣ невольно вставали, и такъ ярко, такъ живо, образы далекаго, поэтическаго прошлаго этого дивнаго уголка нашей планеты... Во всей исторіи, въ исторіи всего міра не было ничего подобнаго печальной судьбѣ этого поэтическаго, богато-даровитаго народа, такимъ яркимъ метеоромъ пролетѣвшаго въ исторіи Европы, освѣтившаго его своими знаніями, чудною поэзією, и угасающаго такъ плачевно, такъ безслѣдно...

Послѣ обѣда я снова вышелъ на балконъ. Попрежнему тихо и уныло кругомъ. Подъ горою чуть-чуть мерцаютъ огоньки Гранады. Фонтаны и каскады продолжаютъ свой нескончаемый таинственный шопоть, словно они робко шепчутся въ ночной тиши о прежнемъ величій города... «Наши святилища стали нѣмыми камнемъ — и плачутъ; наши аналогіи — деревомъ безжизненнымъ — и тоскуютъ», — какъ говорится въ поэтическомъ плачѣ мавровъ о своемъ погибшемъ царствѣ.

На слѣдующій день я рано вышелъ изъ отеля, оставивъ вѣхо Альгамбру, которая при утреннемъ освѣщеніи не казалась такою угрюмою, хотя и смотрѣла изъ-за зелени словно обрыганная почернѣвшею, запекшеюся кровью — такою темноокрасною цвѣтъ ея стѣнъ и башенъ — и пошелъ въ гору, по направленію къ *Los Martires*. Утро было такое же дивное какъ все время, что я пробылъ въ Испаніи — хоть бы облачко, хоть бы пятнышко на бирюзовомъ небѣ. У ногъ Альгамбры раскидывалась Гранада, подернутая дымкой утра и вставленная въ чудную рамку долины Генилы и Дарро, утопающей въ роскошной зелени и точно унизанной бѣлыми домиками селеній. Всю картину замыкала другая гигантская рамка — темныя предгорья и взлобья *sierra*-Невады

съ ея свѣтлою оторочкой, которая вся казалась исполненнымъ алмазомъ, упирающимся въ бирюзовое небо.

Съ высотъ Los Martires мнѣ хотѣлось обнять общій видъ Гранады съ Альгамброю, Хенералифе и ихъ окрестностями, и я все поднимался выше по гладкой каменистой дорогѣ съ роскошною зеленью алеѣ, кактусовъ и апельсиновъ по сторонамъ. За мною шли два казихъ-то путника въ альмавивахъ. Поровнявшись со мной, они приподняли шляпы въ знакъ привѣтствія, на что я отвѣтилъ имъ тѣмъ же. Я часто останавливался, чтобы оглянуться назадъ и глубже запечатлѣть въ памяти то, что я видѣлъ, и путники дѣлали, повидимому, то же, и, какъ видно, наблюдали за мной. Когда я уже достаточно насмотрѣлся на всю картину, отдохнулъ и покурить, путники, которые ушли дальше меня, стали возвращаться, и, поровнявшись со мной, снова поклонились, говоря что-то по-испански и, повидимому, спрашивая меня о чемъ-то. Я отвѣчалъ по-французски, что могу говорить съ ними только на этомъ нарѣчїи или по-нѣмецки. Но они, видимо, не понимали меня. Меня выручили Цицеронъ и Саллюстій — это было первое и единственное въ жизни практическое примѣненіе моея латыни. Обрадовались юноши, услышавъ латинскую рѣчь.

— Studiosi sumus, отвѣчаютъ.

И мы — ну болтать, перебирая роды, падежи, склоненія, спряженія.

Когда я объяснилъ имъ, что только-что прїѣхалъ въ Гранаду и знаю ее только по книжкамъ да по плану, они съ радостью вывалялись сопутствовать мнѣ, все показать, объяснить. Я, конечно, самъ былъ радъ такимъ милымъ гдамъ, и мы тотчасъ же отправились въ Альгамбру по дивной алеѣ невѣдомыхъ мнѣ испанскихъ деревьевъ, названіе которыхъ хотя и сказали мнѣ милые студіозы, однако я не записалъ того, довѣрившись своей коварной памяти, а потому и забылъ.

Аллея упирается въ высокую, массивную башню, охранявшую входъ во дворецъ мавританскихъ владѣнъ Гранады. Недалеко отъ башни — большой фонтанъ, подъ названіемъ Pilar de Carlos V, украшенный статуями и хвастливою надписью въ честь этого скудоумнаго ханжи: Plus oultre. Въ башню ведутъ ворота — «ворота судныя» (Puerto del juicio): здѣсь когда-то великій кади совершалъ правосудіе — кому голову отрубить, кого помиловать. Вѣроятно, какъ эмблема высочайшаго правосудія, судныя ворота украшены бѣлою каменною рукою, которая указываетъ на небо, а выше такой же каменный ключъ — символъ могущества пророка и Аллаха. На аркѣ воротъ мавританская

надпись: «Хвала Богу. Нѣтъ Бога кромѣ Бога, и Магометъ про-
рокъ его. Крѣпость ничто безъ Бога». За первой, наружной
аркой этой башни слѣдуетъ вторая, внутренняя арка съ колон-
нами, испещренная арабскими надписями. Далѣе, въ той же
башнѣ третьи ворота — и они-то уже вводятъ во внутренность
Альгамбры: черезъ узкій проходъ вы вступаете на Plaza de los
Algibes. Направо высится старая, полуразрушенная временемъ
мавританская башня, или портикъ, необыкновенно изящной работы.
Тутъ же возвышаются башни Quebrada, del Homenaje, de la
Argmeria, de Vela.

Юноши провели меня на стѣны этой площади... Я онѣмѣлъ
отъ изумленія: подъ нашими ногами разстилалась необыкновенно
величественная картина — и городъ, и безконечная даль, сливаю-
щаяся съ горизонтомъ. Юноши молча глядѣли на меня, любуясь
моимъ изумленіемъ.

— Нѣтъ! — отъ этого вида голова закружится! — невольно
вырвалось у меня по-русски.

— Quid dicis — полюбопытствовали юноши.

— Carut — говорю — закружится. — И показавъ имъ рукою,
какъ вкружится carut.

По другую сторону этой площади тяготеетъ землею своею мас-
сивностью богатѣйшее и въ то же время безобразное, недостроен-
ное зданіе, съ роскошнѣйшими украшеніями и барельефами,
щедро разсѣпанными по всему фасаду зданія. Это затѣя Карла V,
который велѣлъ разрушить одинъ изъ лучшихъ дворцовъ Альгамбры
и на этомъ мѣстѣ воздвигнуть себѣ дворецъ, который, конечно,
тотчасъ же и брошенъ былъ этимъ несчастнымъ, погибшимъ подъ
тяжестью своего величія. Время какъ червь мало-по-малу подта-
чиваетъ и этотъ памятникъ былого могущества Испаніи, которая
вся покрыта теперь руинами.

Отсюда уже входъ на главный дворъ Альгамбры. Но что
за жалкій входъ! — Прежній, мавританскій въѣздъ въ главный
ворота былъ разрушенъ при сооруженіи дворца Карла V, и
теперь вы входите въ самую середину дворцовъ и ихъ пяти ос-
дѣльныхъ дворовъ черезъ узенькій, темный корридорчикъ.

Мы вошли въ первый дворъ — «дворъ мيرтъ» (patio de los
Agtaupes) или «дворъ резервуара» (patio de la Alberca), или,
наконецъ, «Мезонагъ» — дворъ купанья женщинъ. Дворъ этотъ
весь вымощенъ бѣлымъ мраморомъ. Посреди двора — огромный
резервуаръ, наполняемый водою изъ фонтановъ, возвышающихся
по обѣимъ его сторонамъ. Легкія арки, покоящіяся на тонкихъ
двойныхъ мраморныхъ колоннахъ, обхватываютъ этотъ миртовый

дворъ словно вънзюмъ съ гипсовыми гирляндами, темная зелень кипарисовъ среди этого мраморнаго двора увеличиваетъ прелесть его и необыкновенную легкость архитектуры.

Въѣвъ отъ «двора мнръ» возвышается массивная башня Comares, въ которой находится знаменитая «зала посланниковъ». Аванзала ея соединяетъ въ себѣ, кажется, всѣ типы причудливой и фантастической восточной архитектуры — и лѣпные узорные сталактиты на плафонѣ, и легкія, почти воздушныя аркады, и гипсовыя гирлянды, и какую-то мозаичную ткань, точно ткань персидскихъ шалей, и узоры — узоры безъ конца. Въ самой залѣ васъ поражаетъ недостатокъ свѣта — такъ ревниво оберегали свои внутренніе апартаменты низѣженные владыки Гранады отъ лучей африканскаго солнца — ихъ родного, знойнаго солнца: окна чуть-чуть синѣютъ въ глубочайшихъ, словно пещеры, амбразурахъ, откуда льется такой нѣжный, такой робкій свѣтъ и на эти вьющіеся какъ змѣи арабески, и на эту канвовую ткань гипса, и на рѣзные потолки тончайшей, словно изъ темнаго воску, работы.

Изъ этой волшебной залы мы уйдимъ корридоромъ пробрались еще въ болѣе волшебные уголки этого по-истинѣ фантастическаго зданія, полнаго поэзіи, причудъ Востока, восточной пестроты и какой-то восточной безтолковщины — такъ все это далеко отъ нашихъ дворцовъ, отъ всего, что мы привыкли видѣть! Прежде всего — «reinador» — кажется, уборная красавицъ восточныхъ владыкъ Гранады. За нею — «esador», имѣвшая тоже какое-то назначеніе для прекрасныхъ затворницъ: мраморный полъ этого женскаго убѣжища весь какъ бы исколотъ маленькими отверстіями, сквозъ которыя проходилъ въ это убѣжище дымъ куреній изъ кадилъницъ, помѣщавшихся подлѣ мраморнымъ поломъ. Можно ли придумать что-либо болѣе восточное! Воспекъ — родина ароматовъ — и розъ, и ладона, и мирры. — Наконецъ, третье волшебное убѣжище — «mirador». Дѣйствительно, это что-то дивное какъ грѣза. Изъ оконъ этого волшебнаго угла такой видъ на Хенералифе, на зелень ея садовъ, на дальнія горы, что трудно оторваться отъ него: докучная мысль такъ и сверлитъ мозгъ — «гляди, гляди не отрываясь — ничего подобнаго уже не увидишь на землѣ»... Вадоръ! есть лучшіе виды, но не всегда душа поддается собственнымъ чарамъ, какъ она отдается имъ всецѣло здѣсь, настроенная прошлымъ и волшебствомъ своего собственнаго воображенія.

Изъ «тонадора» мы прошли въ «patio de la Mezquita». Это небольшой садикъ, заключенный въ высокихъ стѣнахъ, вдоль

которыхъ тянется роскошная зелень миртъ, акацій, жасминовъ, лимонныхъ и апельсинныхъ деревьевъ. Посреди этого «patio» прекрасный фонтанъ, основаніе котораго испещрено звѣздами. Это также женское убѣжище для купанья: все рассчитано на удовлетвореніе жадныхъ, ненасытныхъ побужденій восточной нѣги и наслажденій.

Отсюда ходъ въ самыя купальни и въ опочивальни послѣ купанья. Онѣ состоятъ изъ двухъ залъ. Первая освѣщается сверху небольшими окошечками въ формѣ звѣздъ. Посерединѣ большіе бассейны изъ бѣлаго мрамора. Тутъ же по сторонамъ маленькіе бассейны для купанья маленькихъ султаншъ и ихъ дѣтей. Изъ этой залы прямо входите въ полутемную залу покоя: въ ней мраморныя ложи для султаншъ. Стѣны покрыты причудливыми мозаичными узорами, а между ними надписи — одна арабская («Богъ единъ побѣдитель»), другая, позднѣйшая, временъ владычества испанцевъ—старофранцузская (*plus ultre*). Въ сторонѣ—помѣщеніе для музыкантовъ, которые должны были улаждать слухъ дремлющихъ красавицъ гарема.

Я не говорю уже о «sala de Secretos», о «sala de las Ninfas» — съ мраморными нимфами: описать этотъ безвечный лабиринтъ залъ, комнатъ, корридоровъ, разныхъ «patio» и галерей — нѣтъ никакой возможности; да и описаніе выйдетъ слабое, блѣдное, изъ котораго читатель все-таки не пойметъ всего волшебства и всей причудливости этого жилища бывшихъ повелителей испанскаго Востока, испанской Африки.

Какими-то непонятными переходами юноши провели меня снова въ «patio de los Atayanes». Я имъ положительно заявить, что не могу больше ходить.

— *Fatigatus es, domine?*—спрашиваютъ.

— *Maxime fatigatus*—говорю—*fumandi tempus est*.

— *Bene, bene!*—засмѣялся одинъ изъ нихъ:—*Horatius dixit*—стырилъ юноша:

Nunc est fumandum, vel bibendum!

Nunc pede libero

Pulsanda tellus! Nunc saliaribus...

— *Benel benel optime!*

Они ввели меня въ знаменитый «дворъ львовъ» (*patio de los leones*), гдѣ мы и расположились въ тѣни одной изъ прелестнѣйшихъ галерей, окружающихъ дворъ—чудо Востока.

А въ это время подъ галерею заглядывало на насъ чудное южное небо. Ослѣпительно яркіе лучи солнца, уже подходившаго къ зениту, разбивались о множество колоннадъ и аркъ

изъ бѣлаго мрамора и словно переплетались и скрещивались съ стѣнами, падавшими на мраморный полъ двора отъ тонкихъ колоннъ и аркадъ. Чувствовалось присутствіе смерти, заустѣнія на этомъ дворѣ, но въ этомъ заустѣніи было столько поэзіи, столько жгучей, страстной меланхоліи, что невольно на языкъ вышло жесткое, горькое слово: «проклятое, проклятое время! — что оно убиваетъ, все разрушаетъ своимъ вѣчнымъ шествіемъ»...

Чѣмъ-то дѣйствительно кладбищнымъ, могильнымъ вѣетъ отъ всей этой волшебной реликвіи — и отъ этихъ стѣнъ молчаливыхъ, отъ этого лѣса бѣлыхъ, словно тонкія березы, колоннъ, чѣмъ до 130, поддерживающихъ карнизы галерей и словно жмущихся другъ къ другу по три и по четыре колонны, какъ жмутся темные, печальные кипарисы на кладбищахъ Востока... Отъ этихъ мраморныхъ группъ колоннъ отдѣляются два другіе вида такихъ же бѣлыхъ, тонкихъ колоннадъ, словно распростертыя объятія, которыя встали, окаменѣли отъ времени. Только въ фонтановъ, пріютившихся подъ колоннадами, брызжутъ холодныя слезы на холодный мраморъ. Посередѣ двора — знаменитый «фонтанъ львовъ». Бассейнъ его покоится на спинахъ 12-ти мраморныхъ грубой работы львовъ, которые поддерживаютъ массивный мраморный чанъ съ пологими краями — это «el tag». Изъ него поднимается другая, меньшая мраморная чаша — «taza», и надъ нею уже бьетъ фонтанъ, вода котораго, падая съ значительной высоты въ «taza», сверкаетъ на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги, и, переливаясь черезъ края этой «taza», падаетъ въ «el tag», откуда уже львы выбрасываютъ эту воду изъ своихъ отъкрытыхъ пастей.

Вокругъ el tag'a полустершіяся арабскія надписи, которыя для насъ, живущихъ далеко позже тѣхъ, чьи руки дѣлали эти начертанія, и знающихъ, что случилось съ тѣми, въ кому относились эти гордыя изреченія, имѣютъ глубоко-печальный смыслъ: «Да будетъ благословенъ давшій повелѣтію Мохамеду жилище это, по красотѣ своей — украшеніе всѣмъ жилищамъ человѣческимъ».

«Если же ты сомнѣваешься въ этомъ, то взгляни на все тебя окружающее: ты увидишь такіа чудеса, что Богъ не дозволитъ, чтобы равныя имъ существовали въ самыхъ даже храмахъ».

«Эта масса прозрачныхъ перловъ блеститъ и сіяетъ въ паденіи своемъ».

«Посмотри на воду и посмотри на чашу: невозможно отличить — вода ли стоитъ неподвижно, или то струится мраморъ».

«Посмотри, съ какииъ смятеніемъ бѣжитъ вода — и, однажды, все непрерывно падаютъ новыя струи...

«Можетъ быть и все существующее не болѣе какъ этотъ бѣлый, влажный паръ, стоящій надъ львами.

«О, ты, смотрящій на этихъ львовъ, которымъ только отсутствіе жизни не допускаетъ предаться своей злобѣ! о, наслѣдникъ крови бенъ-Нассеровъ! нѣтъ славы и могущества равныхъ твоимъ, поставившимъ тебя выше всѣхъ сильныхъ владыкъ!

«Да будетъ непрерывно миръ Божій надъ тобой! да сохранится твое потомство и да торжествуешь ты надъ своими врагами!»

Такия надписи дѣйствительно можно прочесть только на кладбищахъ: и этотъ «струящійся мраморъ», и эти «прозрачныя перлы», блестящія въ своемъ паденіи, и львы, и самъ наслѣдникъ крови бенъ-Нассеровъ, и его потомство, и самая Альгамбра, «украшеніе всѣмъ жилищамъ человѣческимъ», и все-все существующее — все это «не болѣе какъ этотъ бѣлый, влажный паръ, стоящій надъ львами»...

Отдохнувъ и осматрѣвъ «дворъ львовъ» со всѣми его прекрасными реликвіями, вызывающими въ душѣ только скорбь, ми, слѣдуя портиками, прошли въ «залу трибунала», гдѣ мои спутники обратили мое вниманіе на три картины, сохранившіяся отъ того времени, въ которому принадлежать всѣ эти запустѣлые дворы и одинокіе покои. Картины нарисованы на потолкѣ, и нельзя сказать, чтобы очень изящно. На одной изображенъ самый «дворъ львовъ» съ его поэтическимъ фонтаномъ; на дворѣ происходитъ нѣчто въ родѣ военной игры или охоты. На другой представленъ восточный диванъ съ сидящими на немъ мавританскими царями Гранады. На третьей — битва рыцарей въ присутствіи дамы, конечно, дамы ихъ сердца.

Воротась изъ «залы трибунала» на «дворъ львовъ», ми прошли отсюда въ смежную со дворомъ «залу сестеръ» (dos hermanas). Хотя она не велика, но считается лучшею, изящнѣею во всей Альгамбрѣ. Куполъ ея, который испанцы называютъ «половиною апельсина» (media naranja), дѣйствительно представляетъ нѣчто удивительное по тонкости работы, по украшеніямъ, по фантастическому освѣщенію, пробивающемуся въ куполъ черезъ крошечныя окошечки и окрашивающему и стѣны изъ нихъ мозаикою, и лѣпныя украшенія, и глубокіе узоры прорѣзы въ какой-то неуловимый цвѣтъ. Тутъ же неизбежно и фонтанъ. Арабъ дышать не можетъ безъ воды, безъ фонтана — такъ научили его цѣнить воду африканскія пустыни да его родная каменистая Аравія.

Отсюда дверь ведетъ въ новый *mirador* — въ *mirador de hindaraja*: здѣсь открывается видъ на сады Альгамбры.

Но особенно порывались мои молодые спутники показать мнѣ «залу Абенсерраговъ» и въ ней—кровь этихъ самыхъ Абенсерраговъ, окрасившую мраморъ фонтана.

— *Sanguis*—толковали они торопливо:—*sanguis Abencerregum, Granadae regum*.

И они потащили меня къ занимавшей ихъ «крови Абенсерраговъ».

Но вотъ мы и въ залѣ этихъ Абенсерраговъ. Она не велика тоже и освѣщается такъ же фантастично, какъ и «зала сестеръ». Съ этою залою связано очень драматическое, кровавое преданіе изъ послѣднихъ дней независимости Гранады, и преданіе это относится именно къ фонтану этой залы. Въ большомъ мраморномъ бассейнѣ, вѣланномъ въ такой же мраморный полъ, и въ то время, когда я осматривалъ Альгамбру, стоявшемъ безъ воды, намъ показываютъ темно-красноватые пятна какъ бы отъ лужъ запекшейся и давно смытой съ мрамора крови. Тутъ же виднѣтъ такого же цвѣта какъ бы кровавый отпечатокъ руки, опиравшейся въ предсмертной агоніи на мраморное дно бассейна. Преданіе, записанное испанскими историками, гласитъ, что это—кровь Абенсерраговъ. Въ Гранадѣ, въ послѣдніе годы ея независимости, какъ это всегда бываетъ передъ паденіемъ государствъ (такъ было въ Греціи и Римѣ, такъ было въ Польшѣ и въ Малороссіи), велась ожесточенная вражда между разными владѣтельными родами, какъ между родами Монтекки и Капулетти. И въ томъ, и въ этомъ случаѣ не послѣднюю роль играла женщина и, конечно, любовь. Царемъ Гранады—послѣднимъ царемъ этого поэтическаго царства—былъ Абу-Абд-Мелек, или, какъ его называли испанцы, Боабдиль. У него была молодая, и, конечно, прелестная «какъ майскій день» жена. Тамъ же, въ Гранадѣ, находились два, близко стоявшіе къ престолу, но враждовавшіе между собою рода—родъ Абенсерраговъ и родъ Сегриевъ (*Zegries*). И вотъ однажды Сегрии доносятъ Боабдилью, что прекрасная жена его (вѣроятно, одна изъ женъ) измѣняетъ ему (такъ же какъ и онъ измѣняетъ ей для другихъ женъ), и что она любитъ одного изъ Абенсерраговъ, съ которымъ водится по ночамъ подъ однимъ изъ роскошныхъ кипарисовъ Хенералифе, лѣтней резиденціи владыкъ Гранады, расположенной тутъ же рядомъ съ Альгамброю, только выше ея, на зеленыхъ высотахъ у рѣчки Дарро. Ревнивый Боабдиль повѣрилъ доносу шпіоновъ его жены, тѣмъ легче повѣрилъ, что ему хо-

тѣлось совсѣмъ отдѣлаться отъ Абенсерраговъ, которые держали не его сторону, а сторону его отца, тоже враждовавшаго съ своимъ сыномъ-царемъ. Но Абенсерраги были слишкомъ сильные враги и истребить ихъ можно было только посредствомъ обмана, заманивъ въ ловушку. Такою ловушкою и была зала, въ которой мы теперь находимся. Подъ предлогомъ какого-то торжества, Боабдиль пригласилъ къ себѣ во дворецъ знатнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ изъ Абенсерраговъ, и, по мѣрѣ того какъ они являлись въ роговую залу, дворцовый палачъ ихъ тотчасъ же обезглавливалъ у этого самаго фонтана. Ихъ-то кровь мы и видимъ теперь на мраморномъ днѣ и по краямъ бассейна. Обезглавлено было такимъ образомъ 36 Абенсерраговъ. Но оруженосецъ послѣдней изъ жертвъ, увидавъ нечаянно какъ схватили палачи его господина, ушелъ тайно изъ дворца и предупредилъ остальныхъ Абенсерраговъ объ ожидавшей ихъ участи. Тогда Боабдиль назначаетъ надъ своею несчастною женой судъ—«судъ божій». Обвиняемая должна была избрать себѣ четырехъ защитниковъ, которые обязаны за ея невинность сразиться съ четырьмя изъ доносчиковъ—съ Сегріями. Но хорошенькая обвиняемая была, вѣроятно, себѣ на умѣ, и тайно послала къ знаменитому тогда испанскому рыцарю де-Калатрава, умоляя его быть ея рыцаремъ. И вотъ въ назначенный для «суда божія» день являются въ Гранаду четыре неизвестныхъ воина, одѣтые турками, и принимаютъ бой. Всѣ Сегріи пали въ этомъ бою, а прекрасная султанша провозглашена была невинною и чистою изъ чистыхъ.

XII.

ОПЯТЬ АЛЬГАМБРА.—ХЕНЕРАЛИФФ.—СОВОРЬ.—ПРОЩАНІЕ СЪ «ГОРОДОМЪ
ФОНТАНОВЪ».

Послѣ я снова отправился въ Альгамбру уже одинъ, съ «Гидомъ», де-Лавинь. Съ той площади, на которой стоитъ обреченный на разрушеніе дворецъ Карла V, я пробрался къ основанію башенъ la Vela и Alcazaba. Послѣдняя стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, говорятъ, во времена владычества римлянъ въ Испаніи, возвышался капиталій римской Гранады. Какъ умѣли, однако, римляне избирать въ завоеванныхъ ими странахъ лучшія, живописнѣйшія мѣста для своихъ крѣпостей и для водруженія на стѣнахъ ихъ своихъ непобѣдимыхъ орловъ!

По извилистой темной каменной лестницѣ я поднялся на высокую платформу башни la Vela. Это, кажется, самая высокая башня въ Альгамбрѣ; надъ платформой башни la Vela возвышается меньшая башня, на которой подвѣшенъ колоколъ—и этотъ-то колоколъ и есть вѣчевой колоколъ Гранады. Ночью онъ возвѣщаетъ часы; во время народныхъ движеній въ странѣ голосъ этого колокола призывалъ всѣхъ на рѣшеніе какого-нибудь общественнаго дѣла; наконецъ, въ день взятія испанцами Гранады—12 января 1492 года (годъ открытія Америки), колоколъ этотъ, ежегодно, гудитъ неумолкая цѣлый день. Видъ съ этой платформы на всѣ четыре стороны свѣта, какъ и съ севильской башни Гиральда—поразительный.

У подножія башни Alcazaba, гдѣ теперь часть садовъ Альгамбры видны остовы мавританскихъ зданій: это были—дворецъ великаго муфтія, дворецъ мусы, арабская мечеть;—прежняго величія не осталось и слѣда. Тутъ же не далеко находилось и кладбище Альгамбры—Пантеонъ мавританскихъ царей, отъ котораго уцѣлѣло лишь нѣсколько надгробныхъ надписей. Тамъ же остатки мавританской часовни—Mihgab—гдѣ когда-то хранился коранъ, какъ десять заповѣдей въ скриніи завѣта. Все это свнесено съ земли временемъ и злобою побѣдителей.

Грустно смотрѣть на эти обрушивающіяся стѣны, на эти ветшающія и осыпающіяся башни. Вонъ, вправо, еще три башни: Torre del Cautivo, de los Carreles и los tiete Suelos. Воротами послѣдней башни вышелъ въ послѣдній разъ изъ своей милой Альгамбры побѣжденный Боабдиль, когда сдавалъ свою столицу испанцамъ. Дальше еще три башни: torre del Agua, torre de la Infanta и torre de los Picos, воротами которой проходили и теперь проходить къ Хенералифѣ.

Но изъ всего перечисленнаго мною, что я видѣлъ и на что я обратилъ вниманіе, далеко еще нельзя заключать, что въ этомъ—вся Альгамбра. Нѣтъ, я указалъ только на главныя, такъ сказать, очертанія этого одного изъ средневѣковыхъ архитектурныхъ чудовищъ, которыхъ такъ много разсыяно по Испаніи, и которые стояли и пожрали у этой страны столько жизней, столько слезъ и крови. Всѣ эти стѣны, башни, куполы, всѣ эти глыбы мрамора, гранита и камней—все стаскано и нагромождено въ груды волшебныхъ зданій большею частью руками христіанскихъ невольниковъ, цѣлыми табунами сгонявшихся сюда изъ Испаніи и изъ всѣхъ странъ и невольничьихъ рынковъ Европы, Азіи и Африки. Тутъ были и наши братья славяне, и наши поляне, и древляне, и дреговичи, и радимичи, захваченные въ полонъ при

Калѣй и бывшіе предметомъ купли и продажи на всѣхъ невольничьихъ рынкахъ. Я не перечисляю да и не въ силахъ перечислить всего лабиринта отдѣльныхъ комнатъ, комнатокъ, закулковъ, переходовъ, нишей, подземельевъ и всего, чего я называть не умѣю, и назначеніе чего мнѣ неизвѣстно.

По внѣшнему виду Альгамбры совершенно нельзя судить о томъ, что она такое внутри, за этими стѣнами и башнями. Снаружи она—безобразная масса построекъ, не то крѣпость, не то громадная тюрьма, или же наконецъ чистилище инквизиціи. Оконъ нѣтъ—только кое-гдѣ вѣютъ черныя пасти воротъ внизу башенъ да пріютилось гдѣ-нибудь богъ-вѣсть для какой цѣли маленькое окошечко, словно орлиная или совиная нора на высокихъ скалахъ. Все безуміе роскоши, причудъ фантазій, вся необузданная изобрѣтательность Востока, все для нѣги, лѣни, наслажденій, прохлады и тому подобнаго—все это запрятано внутрь, за эти массивныя стѣны, за эти грозныя башни. А зелень, а вода—фонтановъ, бассейновъ, ручьевъ, канавокъ—все это брызгало, шумѣло, журчало, хотя продолжаетъ литься и журчать даже и теперь, но конечно въ меньшихъ размѣрахъ. Я понимаю, почему мавры такъ любили свою Гранаду и Альгамбру и такъ долго оплакивали ее, когда потеряли. Безспорно—это нѣчто волшебное въ цѣломъ, въ массѣ, во всемъ этомъ кускѣ земли, очерчиваемомъ высотами сіерры-Невады, этими ближайшими горами и этою роскошною гранадскою долиною. Очарованію помогаетъ и неподобный климатъ и такая буйная, могучая растительность, которая, кажется, совокупила въ себѣ и переплела въ одинъ исполинскій букетъ всѣ флоры Европы и Африки, средней полосы Европы, ея сѣвера и самого пламеннаго юга. Я понимаю тотъ порывъ страстной жалости, съ которою созерцалъ красоту Гранады полу-дикарь мавръ, въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія явившійся въ Испанію посланцемъ отъ мароккескаго императора и возвращавшійся черезъ Гранаду въ свои африканскія степи, въ выжженную солнцемъ пустыню. Когда его ввели въ Альгамбру, онъ такъ былъ пораженъ, что сталъ молиться, заплакалъ, и, волота себя въ грудь, горестно воскликнулъ: «Какъ могли мои предки потерять такое блаженство!»

Но я еще ничего не сказалъ о Хенералифе.

Когда я во второй разъ воротился изъ Альгамбры, у подъяда нашего отеля продолжалъ сидѣть гидъ, который еще утромъ предлагалъ мнѣ свои услуги, но я не взялъ его, думая обойтись безъ всякаго чичероне, потому что въ рукахъ у меня былъ

болѣе умный и менѣе болтливый, совсѣмъ ненадобный чичероне (эти чичероне ужасно надобѣаютъ своей влищливой услужливостью и болтливостью)—г. de Lavigne, членъ испанской академіи. Но теперь мнѣ предстояло идти въ дѣйствительные, чисто-американскіе лѣса Хенералифе, и потому я предпочелъ отправиться туда вдвоемъ. Къ тому же и гдѣ оказался довольно скромнымъ, не то что въ Венеціи, на котораго я тамъ попался да и жизни не радъ былъ: и теперь слышу его назойливое, осанное или пчелиное жужжанье около каждой картины, около каждаго портрета и эти нескончаемые «тузуръ» (вмѣсто toujours), «замэ» (jamais), «зурнэ» и т. п.

Изъ отеля мы должны были воротиться въ Альгамбру, чтобы оттуда, черезъ puerta de Hierro, пройти въ Хенералифе. Отсюда ведетъ очень крутой спускъ черезъ ручей los Molinos, а за ручьемъ опять начинается подъемъ къ вершинѣ холма или горы, на которой расположены эти Армидины сады Гранады. — «Rien n'est plus ravissant à suivre—говоритъ де-Лавинь—que le chemin, qui a l'air d'être tracé à travers une forêt vierge d'Amérique». Дѣйствительно, здѣсь недостаетъ только американскихъ лианъ, обезьянъ и попугаевъ, чтобы этотъ путь былъ похожъ на пути въ дѣйствительныхъ лѣсахъ южной Америки; но своего рода лианы и здѣсь есть: все такъ переплелось, такъ перевито разнообразною зеленью, такъ живописно спуталось, что недоумѣваешь, какъ это такая гущина зелени, стволовъ, вѣтвей, кустовъ, гирляндъ не задушитъ сама себя, не задохнется подъ тяжестью своего изобилія: мирты, лавры, гигантскіе кактусы и такія же исполинскія алоэ, гранаты, фиги, олеандры, и тутъ же, вперемежку, точно взапуски тянутся къ солнцу наши липы, серебристые тополи, каштаны, плакучія ивы, дикій виноградъ, а изъ-за него темнѣютъ вглы кипариса, зеленѣютъ апельсины, благоухаютъ жасмины. А ручьи журчатъ какъ бѣшеные—тотъ по бѣлому мраморному ложу, тотъ свачетъ подъ навѣсами непролазной зелени.

Но что меня поразило, какъ и всегда поражало на дальнемъ югѣ—это отсутствіе пѣнія птицъ въ лѣсахъ. Здѣсь лѣса кажутся молчаливыми, мертвыми. Кто проводитъ весну, напр., въ Малороссіи, на нашей поэтической Украинѣ, тотъ знаетъ, какой немолчный концертъ природы звенитъ и заливается отъ утра до утра, отъ зари и до зари: эти пернатые Маріо и Мазини—соловьи, золотыя яволги, кукушки, щеглы, чижики, малиновки, орлянки, очеретянки, квашечки, удои, дятлы, скворцы, перепела, воробьи, жаворонки, вертиголовки, синички, дрозды, сиво-ракши, вобчики и эти точно на сходѣ галдащіе мужики—вороны и грачи

однодворцы—все это стономъ стонетъ, одно другого перекрываетъ, подъ окнами трещить, въ окна залетаетъ и продолжаетъ гудѣть въ комнатахъ, пока кошка не съѣла; все это поетъ и дѣлаетъ всю природу участницей какого-то дивнаго хора—этой поистинѣ «пѣсни торжествующей любви».... А здѣсь этого нѣтъ—здѣсь тихо, не смотря на всю гордую пышность и величавость природы и растительности.

Хенералифѣ, впрочемъ, не дало мнѣ тѣхъ сильныхъ ощущеній, какія я испытывалъ въ Альгамбрѣ. Тѣ же ряды тонкихъ колоннъ съ аркадами, тѣ же почти безъ оконъ стѣны, длинные съ таинственнымъ полусвѣтомъ переходы, въ которыхъ прятались отъ солнца и отъ людей прекрасныя затворницы, какъ укрывались когда-то по такимъ же переходамъ въ своихъ теремахъ московскія затворницы—боярини и боярышни. Здѣсь я, конечно, вспомнилъ и ту хорошенькую жену Боабдила, которая, какъ утверждали сплетники Сегріа, ходила будто-бы по ночамъ цѣловаться съ однимъ изъ Абенсерраховъ подъ кипарисомъ.

Альгамбра подавляетъ своимъ дивнымъ хаосомъ снаружи, и чарующею легкостью, узорностью и необыкновенною воздушностью внутри, а въ Хенералифѣ всего этого мало—это только частица Альгамбры, одинъ ея уголокъ, утопающій въ зелени, которая одна и придаетъ нѣчто къ красотѣ всего, что видать въ Гранадѣ. Но я видалъ другую зелень, другую растительность, еще болѣе могучую чѣмъ эта; а ея никто и не замѣчаетъ, потому что она не въ Испаніи, не въ Гранадѣ, не за тридевять земель, куда ѣздить съ «Гидами», а тамъ, у насъ, въ Россіи, куда никто не ѣздитъ, потому что у насъ нечего смотрѣть: сюда, въ эти Испаніи и въ Италіи ѣздить смотрѣть «исторію», эту старую, престарую сплетницу и лгунью, которая оставила намъ разные анекдоты о короляхъ и герояхъ, о которыхъ мы когда-то сдавали экзамены, о злодѣяхъ, которыхъ было такъ много, и о геніяхъ, которыхъ было такъ мало,—оставила разные музеи, галереи, старыя картины, статуи, города, башни, дома, соборы; вотъ что ѣздить смотрѣть—исторію; а у насъ исторіи нѣтъ и не было—у насъ и смотрѣть нечего кромѣ царь-пушки да царь-колокола, пушки, которая не стрѣляетъ, и колокола, который не звонитъ.... Оттого къ намъ никто и не ѣздитъ. А у насъ есть зелень и виды не хуже Хенералифѣ—въ одной Сибири сколько видовъ!—а на Кавказѣ, за Кавказомъ!—Тамъ-то я и видѣлъ такую буйную, такую могучую растительность, какой вы не найдете ни въ Гранадѣ, ни въ Севильѣ—и что за красота! Это именно за Кавказомъ, туда, далеко, за Карагской пустыней, когда вы подѣзжаете къ

Малому Кавказу и вступаете въ живописное ущелье Акъ-стафы и Делижана—тамъ растительность поражающая. Правда, тамъ нѣтъ ни кактусовъ, ни гигантскихъ алоэ, ни апельсиновыхъ и лимонныхъ рощъ, ни пальмъ, но за то такія могучія деревья, которыя не уступятъ кедромъ ливанскимъ, такая гущина, такое смѣшеніе всего вьющагося, ползущаго, переплетающаго, загораживающаго путь, что тамъ пройти нѣсколько шаговъ можно только съ топоромъ, какъ и среди лѣанъ дѣвственныхъ лѣсовъ Америки.

Но я отклонился отъ Гранады и Хенералифа. Осматривать въ послѣднемъ почти нечего. Здѣсь меньше сохранилось слѣдовъ испанской жизни, чѣмъ въ Альгамбрѣ—одни колоннады, аркады да стѣны съ полувисчезнувшими украшеніями. За то осталась галерея портретовъ испанскихъ королей, до того закоптѣлыхъ, что они напоминаютъ скорѣе наши старинныя лики церквей, чѣмъ живопись Мурильо и Веласкеса. Я съ большей охотой бродилъ по узкимъ, тѣнистымъ дорожкамъ сада, безсознательно, автоматически какъ-то срывалъ лепестки и листочки съ разной зелени «на память» (и куда все это разлетѣлось въ моихъ дальнѣйшихъ странствіяхъ!—высохло, сжалось, полиняло, обсыпалось, какъ тѣ капризные арабески на стѣнахъ и потолкахъ Альгамбры...) какъ-то невольно переносился мыслью на сѣверъ—какой тамъ сѣверъ!—Ментона!—и для Гранады это былъ далекій сѣверъ, какъ и Петербургъ, который мнѣ представлялся какъ бы на краю свѣта.

Солнце начинало спускаться къ горамъ, когда я воротился въ отель. До обѣда еще оставалось много времени, и я, отдохнувъ въ глубокомъ креслѣ у открытой на балконъ двери, снова вышелъ, чтобы съ высотъ Альгамбры спуститься внизъ, къ Гранадѣ. Спускъ этотъ необыкновенно живописенъ; когда вы минете верхній фонтанъ, васъ обступаютъ, по обѣимъ сторонамъ широкаго, гладкаго шоссе съ каменными сидѣніями по бокамъ, такіе гиганты растительнаго царства, съ такою гущиною зелени въ вершинахъ, что изъ-за нея, кажется, совсѣмъ не видно неба. По сторонамъ пути неумолкаемо журчатъ ручьи, стремясь къ Гранадѣ по каменистому ложу, бока котораго затканы гирилами зелени. Деревья кажутся тѣмъ болѣе исполинскими, что они встаютъ амфитеатромъ по боковымъ террасамъ, очень крутымъ и очень высокимъ, а дорога спускается внизъ въ самой глубинѣ этого зеленого амфитеатра.

Утромъ слѣдующаго дня, когда еще было совсѣмъ не жарко, я вышелъ изъ отеля, и лѣвой, нагорной дорогой пошелъ на знаменитое гранадское Alameda, которое много эффектнѣе севиль-

скаго, такъ-какъ не заключено въ узкія рамки высокихъ домовъ. Оно раскинулось вдоль берега Хениля и ведетъ къ другому мѣсту прогулокъ гранадинъ, къ лѣтнему гулянію или весеннему (*raséo de verino*). Оно обсажено великолѣпными деревьями и даетъ густую тѣнь даже въ знойные дни. Оттуда я прошелъ на мавританскую площадь—*Vibrambla*. Къ сожалѣнію, на ней ничего не осталось мавританскаго, кромѣ названія, да и то теперь передѣлано въ *constitution*. Но зато мое скитанье по самой древней улицѣ Гранады—*Zacatin*—вполнѣ удовлетворило моему любопытству: эта толкучая, узкая и длинная щель напомнила мнѣ мизыя, безтолковыя, до головокруженія оживленные улицы Каира, Александріи и отчасти Яффы и Іерусалима. Солнце туда не заглядываетъ. Дома обѣихъ сторонъ улицы тѣсно жмутся одинъ къ другому. Это самая торговая улица и потому самая оглушительная. Не менѣе шумна и «новая площадь» (*plaza nueva*), въ которую упирается Савагинъ. Площадь эта вполнѣ роскошна: она могла бы служить украшеніемъ всякой столицѣ.

Но я заранѣе зналъ, гдѣ найду испанскую гордость. Гордость эта, по обыкновенію—соборъ. Я скоро отыскалъ его, тѣмъ болѣе, что онъ высоко и массивно возносится надъ всѣми домами и церквами Гранады. Двери, какъ почти вездѣ, украшены статуями и барельефами. Внутренность—величественна, хотя нѣсколько мрачна. Кругомъ, за колоннами, масса придѣловъ или капеллъ. Есть и въ Гранадѣ, какъ и въ Москвѣ, своя Иверская или Казанская. Она и помѣщается въ этомъ соборѣ. Это—*Neustra senora del populo*—«народная». Ее «поднимаютъ» каждый годъ въ день взятія Гранады—12 января. Есть тутъ и «явленная» Богородица, совершенно какъ въ Москвѣ. Икона эта, по преданію, принадлежитъ времени готевъ въ Испаніи и найдена была между Авилою и Сеговіею, когда христіанское войско шло на Гранаду. Но мнѣ особенно любопытно было видѣть «королевскую капеллу» (*capilla real*). Въ ней повоятся тѣла знаменитой въ исторіи Испаніи четы—Фердинанда и Изабеллы. Они находятся подъ богатымъ мавзолеемъ изъ каррарскаго мрамора. По четыремъ угламъ его—четыре сфинкса съ головами орловъ и львиными лапами. Мраморныя тѣла короля и королевы лежатъ на саркофагѣ: Фердинандъ въ своихъ достѣхахъ, съ королевскою мантиею на плечахъ, съ короной на головѣ и съ мечомъ въ рукахъ; Изабелла—тоже въ коронѣ и со скипетромъ. У ногъ ихъ лежатъ два мраморныхъ льва, какъ бы сторожа ихъ сонъ... Не проснутся и такъ. Тутъ мавзолей и другой знаменитой четы—Филиппа Красиваго и Іоанны Безумной.

Особенно величественна въ этомъ соборѣ *capilla mayor*, вся въ колоннахъ и статуяхъ, особенно статуи 12-ти апостоловъ, величавость которыхъ такъ внушительна, что невольно останавливаешься передъ всей этой грандіозностью, которая — увы! — поражаетъ теперь удивленіемъ однихъ только путешественниковъ, но совсѣмъ не тѣхъ, въ назиданіе которымъ воздвигались эти внушительные монументы.

Остальную часть этого дня, послѣ завтрака, я провелъ въ осмотрѣ того, чего еще не видѣлъ, а потомъ — въ послѣднемъ пріемномъ созерцаніи общей панорамы этого безпорно самаго поэтического уголка той части вселенной, которую мнѣ суждено было видѣть въ моей жизни. Большого, быть можетъ, мнѣ уже не удастся увидѣть.

Черезъ паркъ Альгамбры я отправился въ ту часть Гранады, которую называютъ Альбаисинъ (*Albaicín*) и которую здѣсь, говорятъ, посѣщать не безопасно. Это довольно грязные и запыльные кварталы, но въ нихъ проявляется вся неуловимая своеобразность жизни этого полуафриканскаго уголка. Какіе типы, какіе костюмы, что за нестерпаемый источникъ для вѣсти художника! Бродишь въ этой каменной сѣтѣ улицъ, улочекъ, переулочковъ; тонетъ слухъ въ этомъ омутѣ непонятнаго говора, перемѣшанныхъ, часто дикихъ, иногда чарующихъ мелодій, видишь много горячій блескъ глазъ, эти сверкающіе бѣлизной зубы, эти жесты — и чувствуешь, что это осколокъ отъ какой-то другой планеты, не нашей, а между тѣмъ надъ ухомъ раздается знакомая болтовня: — тѣ же люди, да не та природа, не то солнце, не то небо выростили ихъ, не та исторія воспитывала.

XIII.

Кордова.—Ональ Мадридъ.

Было еще совсѣмъ темно, когда на слѣдующее утро насъ, путешественниковъ, захлопнули въ омнибусъ и помчали съ горы Альгамбры внизъ, въ городъ, по направленію къ станціи желѣзной дороги. У всѣхъ на лицахъ каретные фонари освѣщали сонливость, усталость. Въ окна видѣлись темныя профили арабскихъ деревьевъ аллеи Альгамбры.

Мой путь лежалъ теперь на Кордону — я уже долженъ былъ подниматься мало-по-малу къ сѣверу въ поэтическаго юга; но въ самой Ла-Роды, гдѣ севильская линія отдѣляется отъ себя

связующую вѣтвь къ Кордовѣ, долженъ былъ ѣхать по знакомой уже мнѣ дорогѣ, на разстояніи болѣе 150 верстъ. Долина Вегги или гранадская долина вся еще лежала въ утреннемъ туманѣ, когда я оставилъ за собою милую Гранаду. Было свѣжо, воздухъ былъ влажный. Оросительныя канавки журчали по сторонамъ дороги, прятаясь въ роскошной зелени. По линіи горизонта синѣли горы, верхушки которыхъ уже сіяли первыми лучами солнца.

Въ Бабадильѣ мы завтракали, ѣли всякіе «комидасть» и «альмуэрсось», и въ Ла-Родѣ перешли на кордовскую линію.

Кордова была нѣкогда средоточіемъ мусульманскаго міра въ Испаніи. И что это былъ за дивный городъ, что за громадина! До взятія его испанцами, городъ этотъ имѣлъ 200,000 домовъ, 90,000 дворцовъ и 12,000 деревень-предмѣстьевъ. Однихъ общественныхъ бань 900. Стоявшій на берегу Гвадалквивира дворецъ мавританскихъ царей упирался своими арками и карнизами на 4,300 колоннъ. Все это—величіе баснословное, сказочное. Одинъ каталогъ кордовской публичной бібліотеки состоялъ изъ 44 томовъ, въ 50 листовъ каждый. А во всей Испаніи было 70 публичныхъ мавританскихъ бібліотекъ. И все это погибло—все истребилъ, уничтожилъ, разрушилъ, сжегъ и развѣялъ прахомъ католическій фанатизмъ. Ауто-дафе мавританскихъ книгъ въ Кордовѣ представляло нѣчто болѣе, чѣмъ возмутительное: это такое ужасное святотатство, которому нѣтъ имени—такъ оно гнусно! На этомъ ауто-дафе сожжено было до милліона книгъ! Медицина, астрономія, ботаника, математика, поэзія, музыка—ничто не пощажено. А кому не извѣстно, на какой высотѣ стояла арабская наука въ Испаніи! Труды знаменитыхъ математиковъ, астрономовъ, путешественниковъ—все погибло.

Кордова и была центромъ научныхъ силъ мусульманскаго міра.—И вдругъ все исчезло!—ученый мавръ—историкъ, поэтъ, математикъ, астрономъ, путешественникъ—опять превращается въ кочующаго бедуина,—въ того бедуина, о которомъ говорить поэтъ:

Бедуинъ забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ,
И поэтъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ...

Такія мысли бродили въ моей головѣ, когда я стоялъ въ изумленіи, точно заблудившійся въ лѣсу—въ лѣсу колоннъ бывшей мавританской мечети въ Кордовѣ. Это дѣйствительно лѣсъ изъ колоннадъ, мрачный лѣсъ, едва освѣщаемый кое-гдѣ

пробивающимся сквозь узенькіе окошечки дневнымъ свѣтомъ. Колоннъ этихъ — болѣе 900, и всѣ онѣ изъ рѣдкихъ, разноцвѣтныхъ мраморовъ, порфира, ашмы—желтыя, зеленныя, бѣлыя. При арабахъ въ этомъ храмѣ горѣло отъ 7,000 до 10,000 лампадъ. Но всего больше поражаетъ этотъ лѣсъ колоннъ: въ Альгамбрѣ ихъ много, но здѣсь они точно растутъ изъ земли у васъ на глазахъ, тѣмъ болѣе, что у нихъ нѣтъ пьедесталей, и они, словно деревья изъ земли, выползаютъ изъ гладкаго каменнаго пола, и растутъ, буквально растутъ при каждомъ вашемъ движеніи, потому что за бѣлыми вырастаютъ зеленныя, тамъ желтыя, тамъ опять бѣлыя—и это безъ конца. Я не говорю о причудливости архитектуры—Востокъ въ этомъ отношеніи не поддается никакому описанію; но все это до того эффектно, до того воздушно и изящно, что удивляешься, откуда это у степеннаго бедуина взялся этотъ геній, эта изобрѣтательность, неистощимость въ разнообразіи.

Мнѣ кажется, будто этотъ лѣсъ колоннъ и теперь стоитъ передъ моими глазами, хотя я очень не долго могъ оставаться въ храмѣ, ибо спѣшилъ въ мадритскому поѣзду; а можетъ быть потому и впечатлѣніе осталось во мнѣ болѣе сильное, что оно было внезапное, мимолетное, такъ что я почти не успѣлъ придти въ себя.

Изъ Кордовы мой путь лежалъ по тѣмъ мѣстамъ, по которымъ я уже проѣзжалъ, когда ѣхалъ изъ Мадрита въ Севилью, но которыхъ не видалъ, такъ какъ проѣзжалъ ихъ ночью. Теперь я видѣлъ эти мѣста.

Поѣздъ мчится по пути, оторочкой которому служатъ испанскіе алоэ-агавы, апельсины и пальмы. Кордова, раскинувшаяся на равнинѣ Гвадалквивира, скрывается изъ глазъ медленно, скромно, не бросая прощальному взору путешественника на память ни высокихъ башенъ, ни гордыхъ своими зубцами и древностью стѣнъ, ничего выдающагося подобно Севильѣ или Гранадѣ. Только въ сторонѣ торчитъ одинокая, остроконечная скала съ развалинами древняго мавританскаго замка Альмодоваръ. За то впереди сибѣтся уже мрачная сіерра-Морена съ сибговой оторочкой. Тамъ, за этими сибгами, сѣверъ, пустыни Кастиліи. Туннели все удлиняются. Горы и скалы растутъ все выше и выше. Тѣни отъ Морены вытягиваются все дальше и дальше на юго-востокъ. Солнце все ближе и ближе подходитъ къ сибговымъ вершинамъ горъ.

Валля-дель-Ріо, Мармолехо, Архонилья, Андухаръ — тѣни отъ Морены все гуще ложатся на эти мѣста. Вечерѣетъ очень

быстро. Вотъ Виллануэва-де-ля-реина, Эспелун, Менхибаръ, Хавальинто—больше ничего уже не видать. На горы сошла ночь, а съ нею — о, чудо! — дождикъ: это сказывался уже съверъ съ холодными вершинами сиерра-Морены.

Наконецъ, по простествіи ночи, вдали, при поворотахъ поѣзда на извилинахъ пути, мы завидѣли Мадритъ. На этотъ разъ столица Испаніи представилась мнѣ въ болѣе рельефныхъ очертаніяхъ, чѣмъ прежде. У подножія снѣжныхъ горъ, которыя откинулись далеко на сѣверъ, на востокъ и на западъ, разстился огромный городъ, весь залитой лучами утренняго солнца. Отъ снѣговыхъ горъ его отдѣляла темная полоса зелени и взгорьевъ, лишенныхъ снѣгу. Мадритъ, казалось, шелъ навстрѣчу жаркому югу, отвернувшись отъ зимнихъ картинъ сиерра-Гвадаррамы. Панорама была такъ заманчива, что я не могъ не набросать ее въ мой дорожный альбомъ, конечно, съ слабымъ и блѣднымъ подобіемъ того величія и той разметанности, съ какою она раскидывалась передъ вами.

Изъ Мадрита я долженъ былъ направиться по аррагонской линіи—на Сарагоссу, Барселону и далѣе къ восточнымъ Пиринеямъ.

Въ девять часовъ мы были уже въ Гадалахаръ.

Никогда я не воображалъ, чтобъ Испанія была такъ богато, такъ роскошно культивирована, какою вы съ удивленіемъ видите ее, когда проѣзжаете провинціями Гадалахарою, Аррагонією и Каталонією. По отзывамъ старинныхъ путешественниковъ и по общему впечатлѣнію, какое вы выносите изъ заочнаго знакомства съ этою, мало извѣстною Европѣ страной, Испанія представляется вамъ чѣмъ-то запущеннымъ, не обработаннымъ, хотя съ природными богатствами, а народъ ея—лѣнливымъ и полубандитскимъ.

Правда, обѣ Кастиліи и Ла-Манча значительно пустыны; но это далеко не та пустыня, которую себѣ воображаютъ не видавшіе Испаніи. Въ Кастиліяхъ и Ла-Манчѣ вы не видите только роскоши въ природѣ и въ ея обработкѣ, потому что тамъ почва суровая. Но Андалузія и Гранада поражаютъ васъ необыкновенною роскошностью природы и образцовою ея культивировкою. Гадалахара, Аррагонія и Каталонія—эти цвѣтущіе сады, чудныя плантаціи, гдѣ каждая пядь земли водѣлана надиво. Богатое орошеніе горными источниками позволяетъ испанцу сдѣлать изъ своего поля что-то замѣчательно богатое и выколенное: это словно какіе-то узоры, цвѣтники, гдѣ все размѣрено, подчищено и полито, но не Господомъ Богомъ, какъ у насъ, не

дождемъ, котораго спасительной влаги просить у неба съ водосвятіемъ и коленопреклоненіемъ, а здѣсь этой влагой распоряжается самъ испанецъ, ибо бываютъ такіе знойные и сухіе сезоны подъ вѣчно-яснымъ небомъ Испаніи, что всѣ патеры и іезуиты съ святымъ отцомъ во главѣ не могли бы вымолить капли дождя у скупого испанскаго неба.

За Гадалахарой всѣ междугорья, по которымъ извивается нашъ поѣздъ, усыпаны богатыми, цвѣтущими городками въ чудномъ, живописномъ мѣстоположеніи: Эгиноса, Хардаке, Сичуэнса съ богатѣйшимъ готическимъ соборомъ, Алькунеса съ роскошными плантаціями, Мединасели.

Здѣсь кончается Старая Кастилія и начинается Арагонія. Сколько грозныхъ замковъ на неприступныхъ скалахъ разбросано здѣсь! Многіе изъ нихъ полуразрушены, другіе грозно торчатъ на одинокихъ горныхъ шпичахъ словно разбойничьи притоны. Все это остатки далекой, средневѣковой жизни, когда кругомъ лилась кровь и люди не знали другого права, кромѣ жельза, которымъ можно было зарѣзать сосѣда, а себя не дать зарѣзать. Сколько дикой поэзіи во всемъ, что видишь!

Вотъ Алагамъ д'Арагонъ (Alhama d'Agagon) съ монастыремъ Педра, съ минеральными водами. Поѣздъ мчится живописными излучинами рѣчки Халонъ (rio Jalon), впадающей въ Эбро. Горы, туннели, сады, плантаціи.

Другія лица, другіе костюмы; но Санхо-Панчу вездѣ видишь на своемъ осликѣ, только здѣсь онъ драпируется не альмазивою, а кускомъ пестрой шерстяной ткани, въ родѣ одѣяла.

Въ Калатайудѣ (Calatayud) была продолжительная остановка, и мы обѣдали. Это городъ довольно большой и богатый. Многія зданія и церкви поражаютъ своимъ величіемъ, особенно епископскій дворецъ, театръ, коллегія и циркъ для боя быковъ. И это все—съ небольшимъ на десятитысячное населеніе. Надъ верхнимъ городомъ еще цѣлы арабскія укрѣпленія.

Снова начинаются туннели. Между Калатайудомъ и Парануэльсъ ихъ насчитывается семь да восемь мостовъ—и это на тринадцати верстахъ! Въ городѣ Моратъ васъ поражаютъ жилища въ землѣ—точно у татаръ Карагской степи за Кавказомъ. Далѣе поѣздъ идетъ дефилеями сіерра-де-Викоръ—и опять то и дѣло туннели. Въ Салильсъ—опять земляныя норы вмѣсто жилищъ. Между тѣмъ, мѣстность богатая, великолѣпно обработанная; картины, одна другой живописнѣе, чередуются то съ правой, то съ лѣвой стороны.

Быстро наступающая ночь закрываетъ всю эту панораму.

XIV.

Изъ Сарагоссы въ Барселону.

Я въ Сарагоссѣ. Надъ балкономъ моего отеля, выходящимъ на дворъ, слышится тихое пѣвiе. Я и радъ, что возвращаюсь на сѣверъ, къ Франціи, и грустно мнѣ, что то, чѣмъ полна была душа моя всѣ эти дни, уже далеко отъ меня. Гранада, Севилья представляются уже какъ исчезнувшія видѣнія... А впереди еще цѣлая Италія—Генуя, Римъ, Неаполь, Помпеи, можетъ быть Сицилія, Флоренція, Венеція, а ужъ потомъ Петербургъ...

Музеевъ и картинныхъ галерей въ Сарагоссѣ нѣтъ—такъ что же я буду осматривать? Дома, дома и церкви!—все это надѣло. Лучше пусть отдыхаетъ душа на картинахъ природы, на этихъ грозныхъ скалахъ, на горахъ съ чудною зеленью;—природа не повторяется, она никогда не наскучитъ. А все-таки завтра ѣду въ Барселону.

На слѣдующій день утромъ я и нѣсколько испанцевъ и испанокъ съ букетами въ рукахъ усаживаемся въ омнибусъ. Утро свѣжее. На площади, у фонтана агуадоры наливаютъ воду въ свои водоносы. Черезъ полчаса я былъ уже въ вагонѣ. Тутъ меня ожидалъ сюрпризъ. Спутникъ, котораго я принялъ за нѣмца, оказался моимъ соотечественникомъ, путешествующимъ, какъ я думалъ сначала, съ семейю.

Это былъ А. С. К.—ій, архитекторъ, изъ Москвы, а сидѣвшая съ нами вмѣстѣ дама—супруга другого архитектора В. Благодаря этому обстоятельству, я очень пріятно провелъ свой путь отъ Сарагоссы до Барселоны въ обществѣ пріятныхъ знакомыхъ. Но не могу скрыть—это было въ ущербъ моему дѣлу, моей наблюдательности. Изъ всей моей поѣздки по Испаніи дорога отъ Сарагоссы до Барселоны наименѣе всего врѣзалась въ мою память: весь этотъ путь стоитъ передо мною въ дымкѣ какаго-то тумана, въ полной разбросанности. Я не могу съ полной ясностью отличить картины мѣстности Монсоны съ замкомъ «ужаснаго вида» («d'aspect formidable», какъ выражается de-Lavigne) отъ Лериды съ ея полувизантійскимъ, полумаавританскимъ соборомъ, Белльпуихъ (Bellpuig) съ гробницею «нетлѣннаго» Рамона-де-Кардона, отъ Серверы (Servera) съ знаменитымъ испанскимъ университетомъ. Отлично помню общій характеръ этихъ провинцій Арагоніи—Гуэска, Лериды и Каталоніи—эти

чудныя и граціозныя картины горъ, замковъ, городовъ, всю эту грозную и величественную природу, которая почти во всей Испаніи такъ и сыплеться какъ изъ рога изобилія красотою мѣстностей, одна другой поразительнѣе, хотя бы около Манресы, гдѣ капризное творчество подземныхъ силъ нагромодило изъ скалъ такія зданія, такіе исполинскіе замки, что-то такое уму непостижимое, подобнаго чему, вѣроятно, нѣтъ во всемъ мірѣ, на всей нашей планетѣ, нѣтъ и быть, кажется, не можетъ,—что приходишь въ изумленіе, въ трепетъ, въ непередаваемый экстазъ души: какъ это могла природа создать такія чудеса, и какъ жалки всѣ соборы и дворцы міра передъ этимъ соборомъ самой природы, самого «невѣдомаго бога»! Положительно, при переѣздѣ черезъ горы Каталоніи къ Средиземному морю, вы постоянно натываетесь на потрясающія своимъ величіемъ картины, врѣзываетесь въ такой лабиринтъ горъ, скалъ, поставленныхъ такъ непостижимо и такъ эффектно, что невольно въ умѣ встаетъ вопросъ: да не лучшая ли это, по своему величію и строгой, пугающей красотѣ, мѣстность во вселенной?—И этой мѣстности почти никто не знаетъ: кому же охота ѣхать въ Сарагоссу, хотя бы черезъ прекрасную Барселону, когда есть Мадридъ, Кордова, Севилья, Гранада!

Помню еще, что по всей Аррагоніи, на каждой станціи, поѣздъ встрѣчала аррагонская гитара и брэнчала все время, пока поѣздъ стоялъ. Игралъ обыкновенно слѣпой старикъ, онъ же и пѣлъ подобно тому, какъ поютъ наши украинскіе кобзарь и лирники, а водила его отъ вагона къ вагону дѣвочка, которая и подбирала летѣвшую изъ оконъ вагона и звякавшую о каменную платформу всякую мѣдную мелочь — «мараведисъ», «куартосъ», «очавосъ».

Помню Олесу съ ея богатыми минеральными водами, зданіями для ваннъ и для наѣзжающихъ преимущественно изъ Барселоны больныхъ бронхитиковъ, фтизитиковъ, гемоптизитиковъ и «катаральныхъ хроникѣровъ». Помню Сабаделью—большой городъ, весь закопченный, съ цѣлою сотнею фабрикъ шерстяныхъ и хлопчатобумажныхъ издѣлій. Онъ называется каталонскимъ Манчестеромъ. Помню замокъ на такой высокой конической горѣ, что казалось бы безуміемъ строить зданіе на такой высотѣ, а жить въ немъ—сугубое и трепубое безуміе. Но чего не выдумаютъ глупые люди!

XV.

„Испанская Украина“. — Испанское „украиннофильство“ и „сепаратизмъ“. — Заключение.

Въ Барселону мы пріѣхали въ 7-мъ часу вечера, когда было еще совсѣмъ свѣтло. Городъ этотъ съ перваго взгляда на него даетъ понять, что это — одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ, самыхъ цвѣтущихъ, самыхъ богатыхъ и наиболѣе такъ-сказать цивилизованныхъ городовъ Испаніи. Онъ, пожалуй, богаче и оживленнѣе Мадрита. Судьба же Барселоны очень интересна и очень поучительна.

Позволю себѣ маленькое отступленіе. Н. И. Костомаровъ не рѣдко выражалъ мнѣ опасенія, что изъ попытокъ удержать украинскую письменность, украинскую рѣчь и создать самостоятельную, параллельную великорусской, украинскую литературу — ничего не выйдетъ, что всяческія усилія небольшого кружка украинскихъ писателей не приведутъ ни къ чему, что произведенія Нечуя-Левицкаго, Рудченковъ, Старицкаго, Кулиша и другихъ, какъ живыхъ, такъ и умершихъ дѣятелей украинскаго слова, такъ и останутся достояніемъ небольшого кружка украинской интеллигенціи, а въ народъ не перейдутъ — не станутъ вкладомъ въ народную жизнь, въ народное развитіе. Опасенія эти, конечно, могутъ быть не чужды каждому изъ насъ. Маститый историкъ и въ то же время самъ украинскій писатель, современникъ и другъ Шевченка, основывалъ свои опасенія на наблюденіяхъ текущей жизни въ Украинѣ, на народныхъ симпатіяхъ и такъ-сказать на «народной модѣ». Теперь, дѣйствительно молодые украинскіе парни, «парубки», побывавшіе «въ москаляхъ», т.-е. отбывшіе воинскую повинность, а за ними и ребяташки, имѣющіе тоже попасть «въ москаля», считают «модою», шиемъ — пѣть «московскія», конечно солдатскія пѣсни, гдѣ бы и «барабаны били», и «гулялъ маѣръ молодой», и «гусаръ набиралъ», и «лети, мой конь, стрѣлой», и «ой калина!» Хотя изъ ихъ «моднаго» пѣнія и выходитъ иногда то, что, какъ подмѣтилъ очень ловко еще Квитка-Основьяненко, —

При данилуси стояла,
Калину ломала, —

какъ поютъ «хлопцы» въ «Солдатскомъ портретѣ», однако они стараются и говорить «по-московски», и одѣваться не въ «свиту», а въ кафтанъ, и носить не «бриль», а картузъ, и презираютъ «дівочьія» и «жіноцькія», т.-е. народные пѣсни, даже бра-

нятся «хохлою - мужикомъ». Но видно это не вездѣ такъ бываетъ.

Обратимся, напримѣръ, къ «испанской Украинѣ» — къ Каталоніи вообще и къ Барселонѣ въ частности. Вотъ что говоритъ о современномъ состояніи Барселоны одинъ русскій ученый, посѣтившій Испанію года два тому назадъ: «Барселона, по выраженію Сервантеса, «городъ единственный, мѣстопробываніе любезности и отечество храбрыхъ людей», дѣйствительно очень красивый городъ. По внѣшнему характеру своему Барселона совершенно современный европейскій городъ, съ широкими прямыми улицами, обсаженными громадными платанами, съ блестящими кафе и магазинами, съ необыкновенно роскошнымъ базаромъ цвѣтовъ и съ постояннымъ уличнымъ оживленіемъ всѣхъ большихъ городовъ юга. Барселонскій портъ, по движенію своему первый въ Испаніи, замѣчателенъ также по чистотѣ и порядку, которые въ немъ господствуютъ. Онъ могъ бы служить примѣромъ для другихъ большихъ приморскихъ городовъ юга, напр., Марсели или Генуи, которые въ этомъ отношеніи далеко отстали отъ Барселоны. Но главная слава Барселоны — это ея художественное и умственное движеніе. Театры ея — первые въ Испаніи не только по величинѣ, но и по качеству артистовъ; университетъ всегда переполненъ студентами; медицинскій факультетъ стоитъ на уровнѣ современнаго знанія, чего нельзя сказать объ остальныхъ медицинскихъ факультетахъ Испаніи, сравнительно очень многочисленныхъ. Число литературныхъ обществъ и клубовъ довольно значительно и нѣкоторые изъ нихъ обладаютъ прекрасными помѣщеніями и очень хорошими библіотеками, какъ я могъ въ томъ убѣдиться лично, такъ какъ иностранцы съ величайшей любезностью допускаются къ занятіямъ ¹⁾.

Но по отношенію къ нашей Украинѣ гораздо знаменательнѣе въ прошедшихъ судьбахъ и въ настоящемъ «испанской Украины» то, что предстоитъ намъ сказать. На основаніи ученыхъ изслѣдованій Victor'a Balagner'a и Salvador'a Sanpere y Miguel ²⁾, г. С. П.—скій сообщаетъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія: «ходъ политической и экономической жизни Каталоніи въ общемъ соотвѣтствовалъ ходу развитія ея литературы. Собственно же Барселона, будучи вообще однимъ изъ важнѣйшихъ

¹⁾ Изъ поѣздки въ Испанію, С. П.—скаго („Русская Мысль“, 1882 г., № 31).

²⁾ Перваго: *La literatura catalana*. Madrid. 1875. — Второго: *Barcelona. Son present, present y porvenir*. Barc. 1879.

научныхъ и литературныхъ центровъ въ Испаніи, была главнымъ пунктомъ и возрожденія литературы специально каталонской (испанско-украинской). Судьба этой литературы, нѣсколько разъ падавшей и потомъ опять возрождавшейся, тѣсно связана съ очень сложной исторіей каталонской народности, замѣчательной по той энергіи и тѣмъ примѣрамъ самопожертвованія, которые каталонцы всегда обнаруживали при отстаиваніи своей мѣстной независимости. Сколько живучести въ этомъ народѣ, видно изъ того, что въ нѣсколько десятковъ послѣднихъ лѣтъ, при облегчившихся обстоятельствахъ, каталонская литература, совершенно было погибшая послѣ разрушенія Барселоны въ 1714 году, достигла снова такого процвѣтанія, что насчитываетъ до трехсотъ нынѣ живущихъ писателей. При этомъ тутъ вовсе не входятъ въ счетъ литераторы каталоно-провансальскаго языка, живущіе во Франціи, но только испанцы, пишущіе на трехъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ: каталонскомъ, валенсійскомъ и баlearскомъ.

Первыми народными литераторами «испанской Украины» были трубадуры, гитара которыхъ аккомпанировала пѣнію первыхъ провансальско-каталонскихъ романсовъ на рыцарскихъ турнирахъ и подъ балконами красавицъ, скучавшихъ въ своихъ неприступныхъ замкахъ. Это были своего рода украинскіе козари и бандуристы, которые не всегда же были слѣпными стариками, какъ теперь у насъ на Украинѣ и въ Испаніи, но и молодыми «козаками» и «лицарями» (какъ и въ Испаніи же), которые рядомъ съ боевымъ оружіемъ носили съ собою и бандуру, какъ это до сихъ поръ можно видѣть на извѣстной украинской старинной картинѣ, изображающей запорожца, играющаго на бандурѣ, съ характерною подписью: «А чого ты на мене дивишся?..»

Эти трубадуры уже тѣшили своею поэзіею народное чувство, когда еще ни Испанія, ни Франція не существовало въ смыслѣ государственномъ. Тоже было и на нашей Украинѣ: пѣвецъ «Слово о полку Игоревѣ» бряцалъ на своихъ вѣщихъ струнахъ, когда еще совсѣмъ не было нынѣшняго государства.

По свидѣтельству названныхъ испанскихъ ученыхъ, не только поэзія, но и весь общій уровень цивилизаціи въ «испанской Украинѣ» стоялъ гораздо выше уровня остальной Испаніи. То же можно и должно сказать о кievской древней Русѣ. Въ «испанской Украинѣ» города имѣли свою автономію, какъ и города нашей Украины. Положеніе женщины здѣсь было особенно замѣчательно: «Почти раба въ сѣверной Франціи, а также въ мавританскихъ калифатахъ, женщина пользовалась уваженіемъ и

независимостью вездѣ, гдѣ господствовали языкъ трубадуровъ. Женщины председательствовали на праздникахъ, на турнирахъ, на «судахъ любви» и были даже судьями въ литературныхъ состязаніяхъ». Это опять-таки до нѣкоторой степени примѣнимо и къ украинской женщинѣ, но всего менѣе къ московской, запертой въ теремѣ.

Съ начала XVIII-го столѣтія, со времени разрушенія Барселоны, положеніе «испанской Украины» стало очень печальнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ умолкла и испанско-украинская поэзія. Начало XVIII столѣтія не менѣе знаменательно и въ историческихъ судьбахъ нашей Украины: — напомнимъ только Мазепу, судьбу Полуботка и послѣдующія ватѣмъ событія.

Цѣлое столѣтіе молчала каталонская литература, и хотя были слабыя попытки вызвать ее снова къ жизни, но все было напрасно: весь этотъ вѣкъ Каталонія и Барселона «были лишены всякаго политическаго вліянія въ Испаніи и такъ велико было ихъ униженіе, что горожане сами какъ милости просили уничтоженія своихъ послѣднихъ муниципальныхъ правъ». Не то же ли было и въ нашей Украинѣ въ теченіе всего XVIII вѣка?

XIX-й вѣкъ былъ счастливѣе для «испанской Украины»: «Въ нынѣшнемъ столѣтіи первому удалось Антонию-де-Кампани-и-Манналау своими «Историческими Записками» — плодомъ многолѣтнихъ трудовъ — снова возбудить интересъ къ литературѣ и исторіи Каталоніи. Нужно отдать также справедливость академіи историческихъ наукъ, которая, издавъ «Библіотеку каталонскихъ писателей» и давши этимъ путемъ сильный толчокъ въ знакомству съ старой литературой, способствовала наступившему, при облегченныхъ политическихъ условіяхъ нынѣшняго столѣтія, возрожденію современной каталонской литературы. Какъ мы уже видѣли, возрожденіе это пошло такъ быстро, что въ настоящее время существуетъ самостоятельно политическая и литературная пресса на каталонскомъ языкѣ, періодически назначаются литературно-поэтическія состязанія (*inegos florales*), какъ во времена процвѣтанія трубадуровъ, пишутся на каталонскомъ языкѣ даже научныя и спеціальныя сочиненія, — однимъ словомъ, существуютъ всѣ признаки, подающіе надежду, что самостоятельное существованіе этой провинціальной литературы теперь обезпечено».

Почти съ начала нынѣшняго столѣтія, какъ извѣстно, началось возрожденіе и нашей украинской литературы, хотя, конечно, не въ тѣхъ солидныхъ размѣрахъ, какъ на «Украинѣ испанской».

Насколько подняло духъ страны и экономическое благосо-

стояніе «испанской Украины», можно судить по слѣдующимъ даннымъ: «Во время кратковременнаго существованія въ Испаніи федеративной республики, послѣ отказа короля Амедея отъ престола, вліяніе каталонцевъ въ правительствѣ стало преобладающимъ. Предсѣдатель совѣта Пи-и-Маргалъ и четверо изъ министровъ были изъ Каталоніи. Такое явленіе, невиданное со времени объединенія и полнаго административнаго господства кастильцевъ, возбудило сильное негодованіе мадритской печати, стремившейся доказать, что каталонцы желаютъ завоевать Испанію, сдѣлать Барселону столицей на мѣсто Мадрита» и т. д.

При всемъ томъ, экономическій ростъ Каталоніи идетъ гигантскими шагами не въ примѣръ прочимъ провинціямъ Испаніи, кромѣ, конечно, Валенсіи.

Не обошлось и въ Испаніи безъ того, чтобы мадритскій Страстной бульваръ и Охотный рядъ не обвинили каталонцевъ въ «украинофильствѣ» — въ «каталонизмѣ», въ «сепаратизмѣ» и т. д. Въѣдъ во всѣхъ странахъ есть такіе умники, призванные вредить своему государству подъ видомъ яко бы охраненія оного, которые и достигаютъ именно обратнаго тому, за что они ратуютъ. — «Не удивительно — говорить тотъ же писатель — что при подобномъ оживленіи экономической стороны общественной жизни въ Каталоніи, началось движеніе и въ литературѣ, въ наукѣ, въ искусствѣ. Во всемъ этомъ движеніи теперь замѣчается сильное стремленіе сохранить и развить специально каталонскія черты, поднять жизнь провинціальную, оберечь себя отъ нивелирующаго вліянія всякой централизаціи. Посему движеніе это совершенно справедливо зовется каталонизмомъ, такъ какъ оно не есть ни собственно политическое, или научное, или литературное движеніе, а именно совокупность всѣхъ движеній, во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни, составляющихъ оригинальность каталонской культуры. Мнѣ пришлось присутствовать на конференціи, читанной по поводу основанія большой ежедневной газеты на каталонскомъ языкѣ, «*Diari Catalá*», и эту конференцію, вмѣстѣ съ первымъ номеромъ самой газеты, можно считать за программу болѣе или менѣе общую всему теперешнему каталонизму. Читавшій конференцію, одинъ изъ редакторовъ «Каталонскаго ежедневника», началъ съ разсмотрѣнія *обвиненія каталонцевъ въ сепаратизмѣ*, въ стремленіи отдѣлиться отъ Испаніи и основать отдѣльное государство, быть можетъ даже ей враждебное. Онъ указалъ на всю неосновательность подобныхъ обвиненій, происходящихъ отъ непониманія вопроса или отъ недоброжелательнаго смѣшиванія понятій о мѣстной автономіи, о свободномъ раз-

вѣтѣ языка и литературы, съ понятіемъ объ отдѣльномъ политическомъ существованіи. По его словамъ, каталонская передовая партія вовсе не желаетъ отдѣленія отъ родственныхъ племенъ, составляющихъ вмѣстѣ съ нею общее отечество, Испанію, но только желаетъ добиться полной свободы для развитія тѣхъ изъ народныхъ особенностей каталонцевъ, которыя, какъ, напримеръ, языкъ и литература, необходимы для сохраненія ихъ народной оригинальности. Во всемъ остальномъ каталонизмъ сливается съ обыкновеннымъ понятіемъ о федерализмѣ и демократіи. Мы хотимъ—говорится въ программѣ—идти впередъ рѣшительно во всемъ, въ наукѣ и въ религіи, въ искусствахъ и въ политикѣ, но въ то же время мы всегда будемъ имѣть въ виду и спеціальную цѣль—возрожденіе нашей провинціальной жизни».

Таково въ настоящее время положеніе испанскаго такъ-сказать украинфильства. Какъ изъ всего видно, и въ настоящемъ и въ прошедшемъ между нами и ими не мало общаго, подобнаго и даже равносильнаго. Въ прошломъ—наша Украина должна была вести столѣтнія войны съ татарами, съ мусульманскимъ міромъ; южная Испанія, не покладая рукъ, воевала съ тѣмъ же мусульманскимъ міромъ—съ арабами, владѣвшими южными окраинами Испаніи и моремъ, какъ у насъ татары и турки—Крымомъ и Чернымъ и Азовскимъ морями. Въ настоящемъ—тѣ же политическія заподозрѣванія и каталонцевъ, и нашихъ украинцевъ въ какомъ-то сепаратизмѣ, и то же стремленіе сохранить свою мѣстную рѣчь, свою литературу. Каталонія съ честью выходитъ изъ вѣковой борьбы, хоть и у нея есть и своя «Москва», и своя общая воинская повинность, и свои каталонскіе «парубки», побывавшіе въ «москаляхъ» и поющіе иногда, какъ и «гусаръ набирали», и какъ «гулялъ майоръ молодой» и «аррагонскую хоту» вмѣсто каталонской. Культурныя народности, равно какъ и рѣчь ихъ—не вымираютъ.

Но я еще ничего не сказалъ о Барселонѣ. Впрочемъ, говорить о ней почти нечего:—это городъ прекрасныхъ зданій, прекрасныхъ улицъ, прекрасныхъ площадей, обширныхъ театровъ, роскошныхъ аллей, богатыхъ фонтановъ, великолѣпныхъ магазиновъ; но въ немъ нѣтъ чего-то такого, что особенно дорого такимъ, какъ я, бродягамъ:—въ немъ нѣтъ поэзіи. Она, конечно, и есть, но я ее не вижу, не слышу, какъ она чувствуется въ Гранадѣ, въ Севильѣ, даже въ Мадридѣ. Въ немъ нѣтъ и музеевъ. Все это, конечно, и было въ немъ когда-то, но погибло въ разныя несчастныя годы борьбы за независимость. Одно, что есть у Барселоны и чего недостаетъ и Гранадѣ, и Севильѣ, и Мад-

риту, это — голубое, безбрежное море, о которомъ я успѣлъ соскучиться, бродя по Испаніи. Поезія Барселоны — въ ея окрестностяхъ и горахъ, подобно тому, какъ горы и Днѣпръ составляютъ поэзію нашего Кіева.

Я, впрочемъ, много, до утомленія толкался по Барселонѣ, вышедши изъ отеля раннимъ утромъ и возвратившись въ полудню. Прежде всего я, конечно, прошелъ во всю длину улицы Rambla — гордость Барселоны — отъ моря и порта до самаго ея конца. Это Невскій Барселоны; но нашъ Невскій далеко уступаетъ этому по красотѣ и чистотѣ, по изяществу магазиновъ, по той массѣ цвѣтовъ, отъ которыхъ ломятся кіоски, и по роскоши исполненныхъ платановъ, идущихъ серединою этой необыкновенно широкой улицы и составляющихъ ея бульваръ, который необыкновенно оживленъ. Густая тѣнь, бросаемая платанами, дѣлаетъ это гулянье прелестнымъ даже во время зноя.

На Рамбля же выходитъ и театръ Liceo, который считается самымъ обширнымъ въ Европѣ; въ немъ можетъ помѣститься до 5,000 зрителей. По внѣшности — это великолѣпное зданіе. На площади Конституціи бросается въ глаза древнее, величественное зданіе — палата депутатовъ (casa de la diputacion). Соборъ Барселоны красуетъ его высокія готическія башни; но въ грандіозности онъ далеко уступаетъ другимъ соборамъ Испаніи.

Сохранились въ Барселонѣ и остатки глубокой древности — это римскія колонны.

Но меня уже тянуло на сѣверъ. Лучшее, что есть въ Испаніи, я видѣлъ; найти болѣе сильныя, болѣе глубокія ощущенія, какія далъ мнѣ югъ Испаніи, конечно, не предвидѣлось; Барселона же менѣе всего могла побѣдить царившія въ душѣ воспоминанія о видѣнномъ и пережитомъ, — и потому я рѣшилъ въ тотъ же день проститься съ этимъ городомъ, напоминавшимъ собою всѣ богатые, оживленные, красивые, но слишкомъ ординарные города Европы. Еслибъ я попалъ въ этотъ городъ не черезъ Бургосъ, не черезъ Мадридъ, не черезъ Севилью, Гранаду и Кордову, а прямо изъ Россіи или Ментоны, то, конечно, этотъ первый большой испанскій городъ занялъ бы въ моемъ вниманіи и въ душѣ больше мѣста, чѣмъ когда я попалъ въ него уже что называется на-излетѣ.

Въ половинѣ третьяго пополудни я выѣхалъ изъ Барселоны. Поездъ шелъ дивнымъ морскимъ побережьемъ, усѣяннымъ бургами, городами, замками, башнями еще отъ временъ римлянъ и арабовъ. Видно, что здѣсь кипитъ жизнь богатая, культурная, и кипитъ столѣтія, тысячелѣтія. Голубая даль моря не сходитъ

съ картины: тѣ же туннели, скалы, торчащіе изъ моря камни, рыбацкія лодки, бѣлые паруса кораблей, темная зелень и бѣлоснѣжныя, блестящіе носыми лучами солнца Пиринеи, тѣ же изломы ближнихъ горъ и та же неотразимая красота, что и на Корнишѣ. Корнишъ—это продолженіе береговой Испаніи.

Здѣсь только можно понять всю силу природныхъ, культивированныхъ богатствъ всей юго-восточной Испаніи. «Громадное различіе сельско-хозяйственной культуры—говоритъ С. П-скій, повидимому, знатокъ этого дѣла—порадившее меня при вѣздѣ въ департаментъ Восточныхъ Пиреней, становится въ Каталоніи еще замѣтнѣе. На всемъ разстояніи до Барселоны, кромѣ высочайшихъ вершинъ, я не видалъ пространства не воздѣланной земли величиною въ десятину. Виноградники доходятъ до такой высоты и притомъ на самыхъ крутыхъ склонахъ, что часто трудно бываетъ рассмотреть, гдѣ они прекращаются. Между тѣмъ, въ южной Франціи, даже въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Монпелье, небольшіе холмы, покрытые соснами, такъ-называемыя пинеды, или особымъ кустарникомъ *chêne bîge*, и въ такомъ случаѣ именуемые гартами, остаются безъ всякой культуры. Долины въ Каталоніи также сплошь засажены частью виноградомъ, частью фруктовыми деревьями, остальное же засѣяно хлѣбомъ, обыкновенно пшеницей чистой или смѣшанной съ рожью. Не рѣдко грядка винограда чередуется съ грядкой пшеницы; но особенно поражаютъ сравнительно большія пространства, засаженныя бобами, люпинусами и другими растеніями изъ семейства мотыльковыхъ. Много также прекрасныхъ сѣнокозовъ изъ эспарцета и клевера, частью обыкновеннаго пурпурнаго, частью же другого, кровавокраснаго, котораго прежде мнѣ не случалось видѣть. Красота каталонскихъ пейзажей необыкновенно разнообразна, и это зависитъ отъ того, что между горами, острыми и крутыми, пролегаютъ не узкія долины, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, но болѣе или менѣе обширныя равнины. Такимъ образомъ, почти вездѣ одновременно съ горнымъ характеромъ мѣстности все-таки есть обширныя открытыя виды. При вполнѣ южномъ характерѣ растительности, въ Каталоніи нѣтъ и слѣда того раскаленнаго, высушеннаго тона, какой встрѣчается въ южной Франціи и Италіи; напротивъ, здѣсь зелень густая и свѣжая, какъ на сѣверѣ, только своими свѣтлыми оттѣнками, на большомъ разстояніи, когда нельзя различить породъ, изобличаетъ свой южный характеръ... Проѣзжая по желѣзной дорогѣ у самаго подножія послѣднихъ отроговъ Пиреней, любуешься прекрасною картиной. Съ одной стороны блестящее синее море

глубокими заливами врѣзывается въ материкъ, окаймленный круто спадающими въ воду красными скалами. Съ противоположнаго бока, сколько глазъ обхватить, всѣ холмы и горы покрыты до половины своей высоты свѣтлою зеленью виноградниковъ, а выше вдругъ, безъ всякаго перехода черезъ иную растительность, слѣдуютъ, почти черные отъ контраста, сосновые лѣса. Между Перпьяномъ и Жероной (Gegona) на каждой почти изъ большихъ вершинъ—зѣмокъ, сторожевая башня противъ сарациновъ, или каплица, и невольно удивляешься настойчивости и искусству населенія, которое на такихъ высотахъ, частью почти недоступныхъ, могло воздвигнуть столько зданій, замѣчательныхъ не только по величинѣ, но и въ архитектурно-художественномъ отношеніи.

Съ каждой станціей болѣе и болѣе чувствовалось, что уже покидаешь Испанію.

Горы, скалы, туннели, пропасти непроходимы—это Церберъ Франціи. Дѣйствительно, это страшный песъ, стерегущій Францію со стороны ея племенной сосѣдки, Испаніи. Мнѣ казалось, что я уже пріѣхалъ домой...

Д. Мордовцевъ.

НЕГРЬ-ПАСТОРЬ ДЖОНЪ КРИДИ

СЪ АНГЛІЙСКАГО.

I.

«Въ будущее воскресенье, 14-го числа, достопочтенный Джонъ Криди, изъ коллегіи Мардалинны въ Оксфордѣ, произнесетъ проповѣдь въ церкви Уолтонъ Магна въ пользу миссіи, отправляемой на Золотой Берегъ».

Въ этомъ объявленіи не было, повидимому, ничего необыкновеннаго, а между тѣмъ, при всей своей обыденности оно до глубины души потрясло Этель Берри. Дѣло въ томъ, что воспитавшая ее тетушка Эмилиа приучила ее глядѣть на иноземныя миссіи какъ на единственную вещь въ мірѣ, заслуживающую уваженія и вниманія. Кромѣ того, достопочтенный Джонъ Криди, былъ истиннымъ миссіонеромъ, и исторія его была настолько оригинальна, что могла заинтересовать и въ наши дни, когда соприкосновеніе между крайнею дикостью и самой передовою цивилизаціей нисколько не можетъ удивить.

— Только подумайте,—говорила Этель своей тетушкѣ, когда онѣ читали объявленіе, прибитое къ дверямъ школы:—онъ вѣдь настоящій африканскій негръ, какъ мнѣ рассказывалъ викарій; его отобрали ребенкомъ у одного торговца невольниками на Золотомъ Берегу и привезли въ Англію, гдѣ онъ и получилъ свое образованіе. Онъ учился въ Оксфордѣ и получилъ ученую степень и теперь снова отправляется въ Африку просвѣщать сво-

ихъ единоплеменниковъ. Въ среду онъ прїѣдетъ въ гости къ викарію.

— По моему мнѣнію, — замѣтилъ старикъ дядя Джемсъ, братъ тетушки Эмили, удалившійся на покой корабельный шкиперъ, ему лучше навсегда остаться въ Англіи. Я въ свое время ѣзжалъ на этотъ Берегъ за пальмовымъ масломъ и другими подобными предметами, и, по моему мнѣнію, негръ вездѣ останется негромъ; но все же въ Англіи онъ чуть-чуть цивилизованнѣе, нежели тамъ у себя въ Африкѣ. Привезите его въ Англію и вы сдѣлаете изъ него джентльмена; отправьте его на родину, и негръ въ немъ снова проснется вопреки всѣмъ вашимъ стараніямъ.

— О, Джемсъ! — вѣспыалась тетушка Эмили, — какъ можешь ты проповѣдывать такіа нехристіанскія воззрѣнія и возставать противъ миссій, когда мы знаемъ, что всѣ народы на землѣ — братья.

— Я всегда самъ жилъ какъ подобаетъ христіанину, Эмили, — отвѣчалъ дядя Джемсъ, — хотя и довольно крейсировалъ долго вдоль Золотого Берега, гдѣ христіанство не процвѣтаетъ, но я считаю, что негръ останется негромъ, что бы вы съ нимъ ни дѣлали. Эѳіопъ не можетъ измѣнить своей черной кожи, говорить Писаніе, какъ и леопардъ своей пятнистой шкуры, и негръ пребудетъ негромъ до конца дней своихъ, — попомни мои слова, Эмили.

Въ среду, въ назначенное время, достопочтенный Джонъ Криди прибылъ въ домъ викарія, и сильное любопытство царствовало въ селеніи Уолтонъ Магна всю эту недѣлю, такъ какъ всѣмъ хотѣлось поглядѣть на такое непривычное зрѣлище: на чернаго, какъ сажа, пастора. На слѣдующій день, въ четвергъ, почти такое же необычное событіе произошло и въ жизни Этель Берри: къ своему великому удивленію она получила по утру коротенькую записку, съ приглашеніемъ на партію «lawntennis», устраиваемую въ тотъ же день въ домъ викарія. До сихъ поръ, хотя самъ викарій и бывалъ довольно часто у тетушки Эмили и охотно принималъ ея помощь въ устройствѣ всякихъ школьныхъ и иныхъ сельскихъ празднествъ, однако семейство Берри не принадлежало къ тому слою общества, какой обыкновенно приглашался на приходскія партіи «lawntennis». И причину того, почему Этель была приглашена въ этотъ четвергъ, слѣдуетъ искать въ благочестивомъ заговорѣ между викаріемъ и секретаремъ евангелическаго общества Золотого Берега. Когда эти двое знаменитыхъ миссіонерскихъ сподвижники встрѣтились двѣ недѣли раньше

въ Эксетеръ-Голлѣ, секретарь поставилъ на видъ викарію, какъ было бы желательно, чтобы молодой Джонъ Криди женился на англичанкѣ, прежде нежели отправиться въ Африку.

— Это подкрѣпить его въ вѣрѣ и будетъ служить опорой на Золотомъ Берегу,—говорилъ онъ,—и кромѣ того возвыситъ его значеніе въ глазахъ туземцевъ.

На что викарій отвѣчалъ, что знаетъ какъ разъ подходящую для этого дѣвушку, свою собственную прихожанку, которой вдобавокъ само Провидѣніе внушило глубокий интересъ къ иностраннымъ миссіямъ. Такимъ образомъ, эти два добрыхъ человека въ невинности души составили заговоръ предать бѣдную Этель въ африканскую неволю; и викарій пригласилъ Джона Криди въ Уольтонъ Магна нарочно затѣмъ, чтобы познакомить съ нею.

Въ этотъ день Этель надѣла свое самое хорошенькое платье и свою самую нарядную бѣлую шляпку, къ которой приколола съ боку двѣ живыхъ розы, и, гордая и счастливая, отправилась къ викарію въ гости.

Достопочтенный Джонъ Криди уже находился тамъ, не въ полномъ клерикальномъ одѣяніи, но въ фланелевомъ костюмѣ, который требуется для игры въ «tennis», и только бѣлый широкій галстухъ, повязанный подъ фланелевымъ воротникомъ, указывалъ на его недавно прибрѣтенный духовный санъ. Это былъ довольно красивый негръ, съ чернымъ, но не особенно широкимъ и плоскимъ африканскимъ лицомъ; и когда онъ игралъ въ «tennis»,—его атлетическое сложеніе и стройная, красивая фигура устраняли всякое представленіе о томъ, что онъ принадлежитъ къ низшей расѣ. Его голосъ былъ голосомъ всякаго оксфордскаго студента, мягкій, пріятный, цивилизованный, а манеры вполне благовоспитаннаго человека. Когда онъ разговаривалъ съ Этель—а жена викарія употребляла всѣ усилія къ тому, чтобы они побольше были другъ съ другомъ,—то разговоръ его былъ такого рода, какой ей рѣдко приходилось слышать въ Уольтонъ Магнѣ. Онъ вертѣлся исключительно на лондонскихъ и оксфордскихъ событіяхъ, на гонкахъ въ Ифли и партіяхъ крокета у лорда; на людяхъ и книгахъ, самыя имена которыхъ она слышала въ первый разъ въ жизни—одно имя, изъ тѣхъ, какія она запомнила, было Милль, а другое Аристотель—и это заставило ее смутно понять, что она приобщена къ болѣе высокому умственному уровню, нежели тотъ, на какомъ постоянно пребывала. При этомъ его пріятеля, о которыхъ онъ вскользь упоминалъ, вовсе не съ видомъ человека, который бы хвастался

своими знатными знакомствами, всё принадлежали въ лучшему обществу. Въ одной коллегіи съ нимъ учился настоящій, живой лордъ, а молодого баронета, помѣстье котораго находилось здѣсь по близости, онъ называлъ по просту безъ затѣи «Гаррингтонъ изъ коллегіи Christchurch», безъ всякихъ «сэръ Артуръ», — дѣло, которое самъ викарій врядъ ли бы себѣ позволилъ. Она знала также, что онъ очень образованъ; онъ былъ изъ лучшихъ студентовъ въ Оксфордѣ и восхиительно толковалъ о поэзіи и о романахъ. Сказать по правдѣ, Джонъ Криди, несмотря на свое черное лицо, ослѣпилъ бѣдную Этель, такъ какъ походилъ на ученаго и на джентльмена болѣе, чѣмъ кто другой, съ кѣмъ ей приходилось до сихъ поръ разговаривать по-товарищески.

Когда Этель заговорила объ Африкѣ, молодой пасторъ оказался такимъ же краснорѣчивымъ и обаятельнымъ. Ему по многимъ причинамъ не особенно хотѣлось разставаться съ Англіей, но онъ радовался, что можетъ принести пользу своимъ бѣднымъ братьямъ. Онъ въ восторгѣ говорилъ о миссіяхъ: это былъ общій у нихъ интересъ, — и такъ страстно желалъ поднять и улучшить положеніе своихъ братьевъ-негровъ, что Этель невольно подумала, какъ съ его стороны благородно приносить себя въ жертву и ѣхать ему, образованному джентльмену, поселиться въ тростниковой хижинѣ, среди своихъ языческихъ единоплеменниковъ! Вообще она ушла въ этотъ день изъ дома викарія совершенно очарованная Джономъ Криди. Она нисколько не была въ него влюблена — какое-то непреодолимое, инстинктивное, племенное чувство воздвигало между ними непреодолимую преграду, но она восхищалась имъ и сильнѣе интересовалась, чѣмъ какимъ-либо другимъ изъ доселѣ ей встрѣчавшихся мужчинъ.

Что касается Джона Криди, то онъ натурально былъ плѣненъ Этелью. Во-первыхъ, онъ былъ бы очарованъ всякой другой англійской дѣвушкой, которая бы выказала такое же живое участіе къ его особѣ и его планамъ, такъ какъ, подобно всѣмъ неграмъ, былъ наивно эгоистиченъ и восхищался тѣмъ, что встрѣтилъ бѣлую женщину, которая такъ высоко его ставила. Во-вторыхъ, Этель была на самомъ дѣлѣ милая, простая деревенская англійская дѣвушка съ тихими, скромными манерами, восхиительно краснѣвшая, и могла бы понравиться и болѣе требовательному человѣку, чѣмъ юный пасторъ-негръ. Такимъ образомъ, что касается Джона Криди, то онъ искренно влюбился въ Этель. Но какъ бы то ни было, Джонъ Криди былъ по всѣмъ правиламъ благовоспитанный англійскій джентльменъ и питалъ такіа же рыцарскія чувства къ хорошенькой и привлекательной дѣвушкѣ, какъ и всякій другой англійскій джентльменъ.

Въ воскресенье утромъ, тетушка Эмилиа и Этель отправились въ приходскую церковь, гдѣ достопочтенный Джонъ Криди произнесъ ожидаемую проповѣдь. Это была чуть ли не первая его проповѣдь, но знатоки несомнѣнно признали бы ее превосходной. Джонъ Криди не былъ застѣнчивъ—для негровъ это слово не имѣетъ смысла—и говорилъ горячо, краснорѣчиво и убѣдительно о необходимости отправить миссію на Золотой Берегъ. Быть можетъ, въ томъ, что онъ говорилъ, не было ничего оригинальнаго или поразительнаго, но онъ говорилъ увлекательно и живо. Негры, подобно многимъ другимъ низшимъ расамъ, владѣютъ даромъ слова, и Джонъ Криди считался однимъ изъ самыхъ бойкихъ и краснорѣчивыхъ ораторовъ на оксфордскихъ собраніяхъ. Когда онъ заговорилъ о необходимости сочувствія и содѣйствія въ великомъ дѣлѣ проповѣди евангелія и о необходимости привлечь къ этому дѣлу какъ можно болѣе соотечественниковъ, тетушка Эмилиа и Этель позабыли про его черныя руки, протянутыя къ народу, и почувствовали только, что сердца ихъ забились восторгомъ отъ этого краснорѣчиваго и трогательнаго жеста.

Результатомъ всего этого было то, что вмѣсто недѣли Джонъ Криди провелъ въ Уолтонъ Магнъ два мѣсяца, и во все это время часто видѣлся съ Этель. По прошествіи первыхъ двухъ недѣль онъ гулялъ разъ съ нею въ одно утро вдоль рѣки и серьезно толковалъ о предстоящей ему миссіи.

— Миссъ Берри,—сказалъ онъ, когда они присѣли отдохнуть на парапетѣ небольшого моста, подѣ плакучими ивами,—я не боюсь ѣхать въ Африку, но мнѣ тяжело ѣхать туда одному. У меня будетъ совершенно самостоятельная станція у рѣки Ангобры, гдѣ я годы не увижу христіанскаго лица. Я бы желалъ имѣть товарища, который бы сопровождалъ меня туда.

— Да, вы будете очень одиноки,—отвѣчала Этель.—Я бы тоже желала, чтобы вы нашли себѣ товарища.

— Въ самомъ дѣлѣ?—продолжалъ Джонъ Криди.—Не доброговѣнку быть единому. Онъ нуждается въ подругѣ жизни. О! миссъ Этель, могу ли я надѣяться, что вы согласитесь быть моей женой, если я заслужу это счастье?

Этель была непріятно удивлена. М-ръ Криди былъ очень внимателенъ, очень добръ, и она съ удовольствіемъ разговаривала съ нимъ, но къ этому она не была готова. Что-то неизъяснимое, лежащее въ крови, противилось такой мысли. Предложеніе поразило ее какъ громомъ, и она могла только сказать:—О, м-ръ Криди, какъ это вамъ пришло въ голову?

Джонъ Бриди увидѣлъ тѣнь, набѣжавшую на ея лицо, не намѣренное вздутіе ея тонкихъ ноздрей и легкое дрожаніе оного угла рта, и съ чувствостью негра понялъ, что это значить.

— О! миссъ Этель! — проговорилъ онъ, съ искренней горечью въ голосъ: — неужели и вы презираете насъ. Я не прошу у васъ немедленнаго отвѣта и не хочу его. Я прошу васъ подумать о моихъ словахъ. Подумайте и испытайте себя: можете ли вы современемъ полюбить меня. Я не стану торопить васъ, не стану надоедать вамъ, но скажу вамъ разъ навсегда, что я чувствую. Я люблю васъ и всегда буду любить, каковъ бы ни былъ вашъ отвѣтъ. Я знаю, что вамъ будетъ стоить большихъ усилій взять меня въ мужья, гораздо большихъ усилій, чѣмъ еслибы дѣло шло о самомъ ничтожномъ и недостойномъ единоплеменникѣ вашемъ. Но если вы можете побѣдить себя, то обещаю вамъ крѣпко и вѣрно любить васъ, какъ только женщина можетъ быть любима. Не отвѣчайте теперь, — просилъ онъ, увидя, что она открываетъ ротъ, чтобы что-то сказать, — подождите и подумайте. Помолитесь Богу и, если черезъ двѣ недѣли, начиная отъ сегодняшняго дня вы увидите, что не можете сказать *нѣтъ*, и скажете *нѣтъ*, я дамъ вамъ честное слово джентльмена, что никогда больше не заговорю съ вами объ этомъ. Но унесъ съ собой въ могилу вашъ образъ, запечатлѣнный въ моемъ сердцѣ!

И Этель поняла, что онъ говоритъ это отъ всей души.

Вернувшись домой, она увела тетюшку Эмилию въ свою спальню и рассказала ей обо всемъ. Тетюшка Эмилія расплакалась и разрыдалась такъ, какъ будто бы у нея сердце разрывалось, но могла отвѣтить только одно:

— Тутъ виднѣтъ перстъ Всевышняго, моя дорогая, — сказала она, — твой отвѣдъ разобьетъ мое сердце, Этель, но тутъ виднѣтъ перстъ Всевышняго.

И хотя она чувствовала, что утратитъ всѣ радости жизни лишившись Этель, но съ этой минуты стала непрерывно убѣждать ее выдти замужъ за Джона Бриди и ѣхать въ Африку. Бѣдная женщина! она дѣйствовала по своему крайнему разумѣнію.

Что касается дядюшки Джемса, то онъ совсѣмъ иначе взглянулъ на это дѣло.

— Ея инстинктъ возмущается противъ этого, — наставлялъ онъ, — а инстинктъ насъ никогда не обманываетъ. Онъ данъ намъ чтобы руководить и просвѣщать насъ въ такихъ темныхъ вопросахъ. Бѣлая дѣвушка не должна выходить замужъ за негра!

хотя бы онъ былъ и пасторъ. Это неестественно; это противно нашему инстинкту. Бѣлый человѣкъ можетъ жениться на негритянкѣ, если это ему вздумается. Я ничего не скажу противъ этого, хотя самъ бы не женился ни за какія деньги. Но, чтобы бѣлая женщина вышла замужъ за негра, да при этой мысли вся кровь ваша возмущается, въ особенности, если вамъ доводилось крестировать вдоль Золотого Берега.

Но викарій и его жена были въ восторгѣ при мысли, что планъ ихъ можетъ увѣнчаться успѣхомъ и серьезно говорили объ этомъ съ Этель. По ихъ мнѣнію, Богъ указывалъ ей путь и ей не слѣдовало отъ него уклоняться. Сами они побѣдили въ себѣ тѣ крѣпкіе, племенные инстинкты, которые такъ справедливо цѣнили дядюшка Джемсъ, и желали, чтобы и Этель съ ними справилась. Что могла сдѣлать тутъ бѣдная дѣвушка? Тетушка и викарій съ одной стороны, а Джонъ Криди съ другой: — съ такими оппонентами ей было бороться не подъ силу. И когда по истеченіи двухъ недѣль, Джонъ Криди спросилъ у нея только: «да или нѣтъ?» Она противъ воли отвѣтила: «да». Джонъ Криди взялъ осторожно ея ручку и съ жаромъ поцѣловалъ самые кончики ея пальцевъ.

Какой-то внутренній голосъ подсказалъ ему, что онъ не долженъ цѣловать ее въ губы. Она вздрогнула отъ его поцѣлуя, но ни слова не сказала.

Джонъ Криди замѣтилъ ея испугъ и сказалъ себѣ: «я буду такъ любить ее и лелѣять, что заставлю полюбить себя, несмотря на мою черную кожу».

При всѣхъ своихъ негритянскихъ недостаткахъ Джонъ Криди былъ честный и добрый человѣкъ.

И Этель дѣйствительно до нѣкоторой степени уже любила его. Въ ней была самая странная смѣсь чувствъ. Съ одной стороны, онъ былъ джентльменъ по своему положенію, духовное лицо, человѣкъ ученый и набожный, и съ этой точки зрѣнія Этель была не только довольна, но даже гордилась имъ. Во всѣхъ же остальныхъ отношеніяхъ она приняла его, какъ инныя добрыя католички принимаютъ постригеніе: по призванію.

И вотъ такимъ образомъ не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ Этель Берри уже была женой Джона Криди, и оба отправились въ Соутгемптонъ, чтобы тамъ сѣсть на корабль и плыть въ Аксмиъ. Тетушка Эмили плакала и надѣялась, что Богъ благословитъ ихъ начинанія; но дядюшка Джемсъ все наставлялъ на дурномъ вліяніи, какое Африка должна оказать на прирожденнаго африканца.

— Инстинктъ—великое дѣло,—говорилъ онъ, качая головой, когда пароходъ отчалилъ отъ берега:—онъ возвращается въ среду своихъ иноплеменниковъ, и инстинктъ возьметъ верхъ въ немъ надо всѣмъ остальнымъ, помяните мое слово. Это такъ же вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Джемсъ Берри.

II.

Маленькая миссіонерская станція въ Бутабуэ, деревянный домикъ, съ красивой кровлей изъ вѣрныхъ пальмъ, былъ выстроенъ и отдѣланъ туземнымъ перекрестомъ изъ Аксима и его женой передъ прибытіемъ миссіонеровъ, такъ что Этель послѣ долгаго плаванія въ лодкѣ по быстрой рѣкѣ Анкобрѣ нашла обитаемое жилище, приготовленное для нея. Тамъ наша чета, соединенная такимъ страннымъ образомъ, поселилась для проповѣди евангелія и обращенія въ христіанство туземцевъ, изъ которыхъ одинъ, какъ уже выше сказано, былъ ранѣе наставленъ въ новой вѣрѣ и сдѣланъ даже законоучителемъ, а многіе другіе охотно желали перейти въ нее. Въ первые десять или двѣнадцать мѣсяцевъ письма Этель на родину были полны похвалъ и любви къ милому Джону. Теперь, когда она хорошо узнала его, она удивлялась, какъ могла она бояться выйти за него замужъ. Ни одинъ мужъ не могъ быть нѣжнѣе, добрѣе, внимательнѣе. Онъ ухаживалъ за ней и нянчился съ ней, когда ей случалось бывать нездоровой, точно женщина; она видѣла въ немъ крѣпкую опору для себя, какъ и всякая другая жена видитъ ее въ своемъ мужѣ. И при этомъ онъ былъ такъ уменъ, такъ образованъ, такъ ученъ. Ея единственной заботой было опасеніе, что она его недостойна и никогда не будетъ достойной. Конечно, хорошо было, что они жили вдали отъ всѣхъ бѣдъ въ Бутабуэ, и ей не съ кѣмъ было сравнивать своего Джона кромѣ полуголыхъ дикарей, окружавшихъ ихъ. Благодаря такому поразительному контрасту, добрый Джонъ Криди съ его образованными приемами и мягкими манерами могъ идти вполнѣ за англичанина.

Съ своей стороны, Джонъ Криди не менѣе восхищался своею Этель. Онъ былъ нѣжно почтителенъ къ ней, и, быть можетъ, болѣе церемонно относился къ ней, нежели это принято между мужемъ и женой, но это происходило отъ врожденной деликатности чувствъ, заставлявшей его полу-безсознательно признавать ту бездну, которая ихъ раздѣляла. Онъ чтилъ ее какъ нѣчто

священное. И при этомъ Этель была его правой рукой во всѣхъ дѣлахъ и вполне мужественно переносила лишения, нераздѣльныя съ ихъ жизнью, охотно питалась бананами и перенимала отъ негритянокъ всѣ таинства туземной кухни. Никакая тропическая жара не выводила ее изъ себя и даже ужасную мѣстную лихорадку она переносила съ такой кроткой покорностью, что Джонъ Криди чувствовалъ въ глубинѣ души, что охотно отдастъ за нее жизнь, и это будетъ не очень большой жертвой ради такого воспитательнаго созданія.

Однажды, вскорѣ послѣ прибытія въ Бутабуэ, Джонъ Криди говорилъ по-англійски съ перекрестомъ-негромъ о лучшемъ способѣ научиться мѣстному языку. Онъ оставилъ родину, будучи девяти лѣтъ отъ роду, говорилъ онъ, и совсѣмъ позабылъ свой языкъ. Туземецъ быстро отвѣтилъ ему на языкѣ племени фанти. Джонъ Криди удивленно взглянулъ на него и вздрогнулъ.

— Что онъ говоритъ?—спросила Этель.

— Онъ говоритъ, что я скоро выучусь, если только буду вслушиваться въ то, что говорится вокругъ меня; но любопытнѣе всего то, Этти, что я его понимаю.

— Ты припомнилъ свой языкъ, Джонъ, вотъ и все. Тебѣ вообще такъ легко даются языки, и вотъ, когда ты услышалъ свой родной языкъ, то и припомнилъ его.

— Можетъ быть,—отвѣчалъ миссіонеръ, задумчиво,—но я не помнилъ ни одного слова во всѣ эти протекшіе годы. Удивляюсь: неужели же я вспомню такъ-таки весь языкъ.

— Разумѣется, милый,—отвѣчала Этель;—ты вѣдь знаешь какъ тебѣ все это легко дается. Ты вѣдь почти выучился португальскому языку, когда намъ приходилось слушать прїѣзжихъ изъ Бенгуэлы.

И дѣйствительно, это легко далось ему. Не прошло и шести недѣль послѣ прибытія Джона Криди въ Бутабуэ, какъ онъ уже могъ такъ же бѣгло говорить на языкѣ фанти, какъ и окружающіе его туземцы. Но вѣдь наконецъ ему было уже девять лѣтъ, когда его увезли въ Англію, и ничего не было мудренаго въ томъ, что онъ могъ припомнить языкъ, которымъ говорилъ отъ рожденія и до девятилѣтняго возраста. Несмотря на то, онъ не безъ нѣкоторато смущенія наблюдалъ, какъ всѣ слова и выраженія и даже самыя языческія заклинанія и молитвы припоминались ему отъ слова до слова и безъ малѣйшаго усилія.

Четыре мѣсяца спустя послѣ ихъ прибытія, Джонъ увидѣлъ однажды высокую и уродливую негритянку въ скудномъ туземномъ одѣяніи, стоявшую на рынкѣ, на которомъ туземные мяс-

ники били и продавали копченое козьиное мясо. Этель увидѣла снова, что онъ вздрогнулъ и съ страшнымъ предчувствіемъ въ сердцѣ не могла не спросить его: отчего онъ вздрогнулъ.

— Я не могу сказать тебѣ этого, Этти, — жалобно проговорилъ онъ, — пожалуйста не спрашивай меня. Я хочу пощадить твои чувства.

Но Этель не отставала.

— Это твоя мать, Джонъ? — рѣзко спросила она.

— Нѣтъ, славу Богу, не моя мать, Этти, — отвѣчалъ онъ, причемъ черныя щеки его какъ будто нѣсколько поблѣднѣли; — нѣтъ, это не моя мать, но я припоминаю ее.

— Она твоя родственница?

— О! Этти, не приставай ко мнѣ. Да; это сестра моей матери. Я помню ее нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Не будемъ больше объ этомъ говорить.

И Этель, глядя на эту тощую и грязную негритянку, содрогнулась въ душѣ, но ничего больше не сказала.

Но вотъ, однако, по мѣрѣ того какъ время шло себѣ да шло, Этель стала замѣчать странную переѣмку во взглядахъ и замѣчаніяхъ Джона на счетъ негровъ. Сначала онъ приходилъ въ ужасъ и отчаяніе отъ ихъ дикости и языческихъ понятій, но чѣмъ болѣе вглядывался въ нихъ, тѣмъ естественнѣе находилъ это въ ихъ положеніи, и начиналъ даже въ нѣкоторомъ родѣ симпатизировать имъ и извинять ихъ. Разъ утромъ, мѣсяца два позже, онъ самъ вдругъ заговорилъ съ ней о своемъ отцѣ. Этого съ нимъ никогда не случалось въ Англіи.

— Я припоминаю, — говорилъ онъ, — что отецъ былъ предводителемъ своего племени и великій военачальникъ. У него было много женъ, и моя мать въ томъ числѣ. Онъ былъ разбитъ на войнѣ, и я былъ взятъ въ плѣнъ. Но у него былъ красивый дворецъ въ Квантѣ и много невольниковъ, носившихъ за нимъ опахала.

Этель замѣтила съ тайнымъ ужасомъ, что онъ какъ будто съ гордостью и съ удовольствіемъ говорилъ о предводительствѣ своего отца. Она снова содрогнулась и подивилась: неужели африканскіе инстинкты въ немъ берутъ верхъ надъ чувствами христіанскаго джентльмена?

Когда сухое время года миновало и кокосовые орѣхи были собраны, негры устроили большое празднество. Джонъ проповѣдывалъ на открытомъ воздухѣ утромъ этого дня, на самомъ рынкѣ, а вечеромъ сидѣлъ въ своей хижинѣ вмѣстѣ съ Этель, дожидаясь пока законоучитель съ женой вернутся, чтобы проче-

тать вечернія молитвы, что они всегда дѣлали съ большой торжественностью и по утрамъ, и по вечерамъ. Вдругъ они услышали звуки дикой музыки и шумъ, производимый большой толпой народа, которая смѣялась и ликовала на улицѣ. Джонъ прислушивался съ удвоеннымъ вниманіемъ.

— Слышишь, Эtti! — вскричалъ онъ. — Это тамъ-тамъ. Я знаю, что это значитъ, это воинственный пиръ жатвы.

— Какъ ужасно! — отвѣчала Этель, блѣднѣя.

— Не бойся, дорогая, — замѣтилъ Джонъ, улыбаясь ей. — Тутъ нѣтъ худого, это только народъ веселится.

И началъ бить ладонями въ тактъ съ тамъ-тамомъ.

Музыка приближалась, и Джонъ очевидно приходилъ все въ большій и большій экстазъ.

— Слышишь, Эtti? — началъ онъ опять. — Это салонга. Какъ эта музыка воодушевляетъ! Она похожа на барабанный бой и на мѣдныя трубы. Она напоминаетъ военный маршъ. Ей-Богу, подъ нее хочется плясать.

И, говоря это, онъ, въ своемъ англійскомъ клерикальномъ костюмѣ, (онъ носилъ этотъ костюмъ даже въ Бутабуэ) пустился въ плясъ по маленькой горенкѣ.

— О! Джонъ! перестань! — кричала Этель. — Ну, вдругъ войдетъ законоучитель.

Но кровь Джона расходилась.

— Вотъ, гляди! — кричалъ онъ въ азартѣ, — это такъ дѣлается! Вотъ ты прицѣливаешься изъ ружья! вотъ ты стрѣляешь! вотъ ты бросаешься на врага съ копьемъ, вотъ рубишь враговъ, вотъ держишь въ рукахъ голову врага, а вотъ бросаешь ее въ толпу женщинъ! О! это величественное зрѣлище!

И въ его черныхъ глазахъ загорѣлся дикій огонь, а сжатые руки затрепетали.

— Джонъ! — закричала Этель, умирая отъ ужаса, — это не христіанское, нечеловѣческое, недостойное тебя дѣло! Я совсѣмъ перестану тебя любить, если ты когда-нибудь повторишь это.

Въ одинъ моментъ лицо Джона измѣнилось и руки его опустились, точно его ударили ножомъ въ грудь.

— Эtti, — сказалъ онъ тихимъ голосомъ, подползая къ ней точно провинившаяся собачка. — Эtti, моя дорогая, милая, радость моя, что я такое сдѣлалъ? О, небо! я никогда больше не стану слушать этого проклятаго тамъ-тамъ. О, Эtti! прости меня, ради самого неба.

Этель положила свою дрожащую руку ему на голову. Джонъ опустился передъ ней на колѣни и закрылъ лицо руками, какъ

виноватый и наказанный мальчикъ. Этель крѣтко подняла его съ колѣнъ, и въ эту минуту вошелъ законоучитель съ женой. Джонъ твердо всталъ, взялъ Бибію и молитвенникъ и прочиталъ всѣ вечернія молитвы своимъ обычнымъ, выразительнымъ тономъ. Въ этотъ моментъ онъ снова превратился изъ дикаря фанти въ приличнаго оксфордскаго клерджмена.

Недѣлю спустя послѣ этого, Этель, разбираясь въ своей маленькой кладовой, замѣтила случайно тяжелый деревянный ящикъ, старательно прикрытый. Она съ трудомъ приподняла крышку, такъ какъ она была приперта туземнымъ замкомъ и къ своему ужасу нашла внутри скрытый боченокъ крѣпкаго негритянскаго рома. Она вынула боченокъ, поставила его на виду посреди кладовой, но ничего не сказала. Въ ту же ночь она услышала какъ Джонъ стучалъ въ рошцѣ позади двора и, выглянувъ въ окно, увидѣла сквозь темноту, что онъ разбиваетъ топоромъ боченокъ на куски. Послѣ этого онъ былъ съ ней всю послѣдующую недѣлю еще добрѣе и нѣжнѣе обыкновеннаго, но Этель смутно припоминала, что уже разъ или два раньше онъ казался ей нѣсколько страннымъ, и что въ эти самые дни она замѣтила въ немъ проблески натуры дикаря. Быть можетъ, подумала она съ трепетомъ, его цивилизація не что иное какъ одинъ лоскъ, и достаточно стакана крѣпкаго рома, чтобы смыть ее.

Двѣнадцать мѣсяцевъ спустя послѣ ихъ прибытія, Этель вернулась разъ вечеромъ домой изъ школы для дѣвочекъ, чувствуя сильный припадокъ лихорадки, и не нашла Джона въ жилищѣ. Разыскивая стѣлканки съ хининомъ, она снова нашла боченокъ съ ромомъ, но на этотъ разъ онъ былъ пустъ. Невыразимый ужасъ привлекъ ее въ ихъ маленькую спальную. Тамъ на кровати лежали разорванные въ мелкіе клочки черныя скотку и европейская одежда Джона Криди. Комната заходила вокругъ нея ходункомъ, и хотя она никогда и не слыхивала раньше о чемъ-нибудь подобномъ, но страшная истина мелькнула въ ея смущенномъ мозгу, точно страшный сонъ. Она вышла изъ дому ночью, одна, чего никогда еще не дѣлала съ тѣхъ поръ какъ пріѣхала въ Африку, на широкую дорогу, которая шла между жилищами и составляла главную улицу въ Бутабуэ. Такъ далеко отъ родины, такъ безусловно одинока среди всѣхъ этихъ черныхъ лицъ и съ такой мучительной тоской, и невыразимымъ ужасомъ въ сердцахъ! Она брела по улицѣ, сама не зная какъ и куда, пока въ концѣ улицы вдругъ не увидѣла подъ двумя высокими финиковыми пальмами зажженный костеръ и не услышала шума голосовъ и хохотъ. Толпа туземцевъ, мужчины и женщины пла-

сали съ ревомъ вокругъ пляшущаго и тоже ревущаго негра. Центральная фигура была одѣта на туземный манеръ, съ голыми руками и ногами и вопила громкую пѣсню на языкѣ фанти, потрясая тамъ-тамомъ. Въ горлѣ его слышалась силасть пьянаго человѣка, а ноги казались нетвердыми. Великій Боже! Неужели этотъ ревущій, и пляшущій черный дикарь—Джонъ Криди?!

Да! инстинктъ побѣдилъ цивилизацію; дикарь проснулся въ Джонъ Криди; онъ разодралъ свою англійскую одежду и принялъ обличье негра фанти. Этель глядѣла на него, побѣлѣвъ отъ ужаса, стояла неподвижно и глядѣла, не выпуская ни одного звука, безъ словъ, точно приросла къ мѣсту. Толпа негровъ раздѣлилась направо и налево, и Джонъ Криди увидѣлъ свою жену, стоявшую какъ мраморное изваяніе. Съ страшнымъ крикомъ онъ пришелъ въ себя и бросился къ ней. Она не оттолкнула его, какъ онъ этого ожидалъ; она ни слова не говорила и была нѣма и холодна, какъ трупъ, и не похожа на живую женщину. Онъ взялъ ее въ свои сильныя руки, положилъ ее голову къ себѣ на плечо и отнесъ ее домой вдоль всего ряда хижинъ, такимъ же твердымъ шагомъ, какимъ нѣкогда входилъ въ церковь въ Уолтонъ Магнѣ. Затѣмъ положивъ ее осторожно на кровать, подозвалъ жену законоучителя.

— У нея лихорадка,—сказалъ онъ на языкѣ Фанти;—посиди съ ней.

Жена перекреста поглядѣла на него и сказала:

— Да; у нея желтая лихорадка.

И такъ оно и было. Уже прежде нежели она увидѣла Джона, лихорадка сообщилась ей, а послѣ такого ужаснаго открытія вдругъ проявилась въ полной силѣ. Она лежала безъ сознанія на кровати, съ открытыми глазами, выпученными какъ у припадчившаго, и въ лицѣ ея не было ни кровинки, ни признака жизни.

Джонъ Криди написалъ нѣсколько словъ на клочкѣ бумажки, которую сжалъ въ рукѣ, далъ нѣсколько инструкцій женщинѣ, оставленной при больной, и снова ринулся въ темное пространство.

III.

Ближайшая миссіонерская станція въ Эффуэнтѣ находилась въ разстояніи тридцати миль и къ ней вела туземная тропинка черезъ лѣсъ. На станціи жили два миссіонера методиста, какъ это было извѣстно Джону Криди, такъ какъ онъ ѣздилъ раньше на лодкѣ новидаться съ ними. Когда онъ только что пріѣхалъ

въ Африку, онъ бы не могъ найти дороги въ чужомъ лѣсу, но теперь, босой, полу-голый, подъ давленіемъ всепоглощающаго чувства онъ пробирался въ темнотѣ сквозь ліаны и другія вьющіяся растенія, какъ истый африканецъ. Гдѣ ползкомъ, гдѣ бѣгомъ промахалъ онъ, ни разу не остановившись, всѣ тридцать миль и на разсвѣтѣ постучался въ дверь миссіонерской хижины въ Эффуэнтѣ.

Одинъ изъ миссіонеровъ осторожно пріотворилъ дверь, запертую засовомъ.

— Что нужно? — спросилъ онъ на языкѣ фанти у босоногого дикаря, стоявшаго у порога.

— Я пришелъ съ порученіемъ отъ миссіонера Джона Криди, отвѣчалъ босоногій дикарь на томъ же языкѣ. — Ему нужно европейское платье.

— Онъ прислалъ письмо? — спросилъ миссіонеръ.

Джонъ Криди подаль бумажку, зажатую въ его рукѣ. Миссіонеръ прочиталъ записку. Въ ней коротко сообщалось о томъ, что негры въ Бутабуэ ограбили ночью хижину Джона и украли его платье, и что теперь онъ не можетъ выходить изъ дому, пока не добудетъ европейскаго платья.

— Странно, — замѣтилъ миссіонеръ. — Братъ Фельтонъ умеръ три дня тому назадъ отъ лихорадки. Отнеси, пожалуй, его платье брату Криди.

Босоногій дикарь кивнулъ въ знакъ согласія. Миссіонеръ пристально поглядѣлъ на него и ему показалось, что онъ уже раньше видѣлъ это лицо. Но ему даже ни на минуту не пришло въ голову, что онъ говоритъ съ самимъ Джономъ Криди.

Платье покойнаго брата Фельтона было связано въ узелокъ, и босоногій дикарь, взявъ его въ руки, собирался бѣжать обратно въ Бутабуэ.

— Ты ничего не ѣлъ дорогой, — сказалъ осиротѣлый миссіонеръ. — Не хочешь ли взять съ собой пицци для поддержанія себя во время пути?

— Дайте мнѣ немного банановаго тѣста — отвѣчалъ Джонъ Криди. — Я поѣмъ дорогой.

И когда миссіонеръ далъ ему тѣста, онъ въ забывчивости сказалъ ему по-англійски: — благодарю.

Миссіонеръ удивился, но подумалъ, что, вѣроятно, это единственная фраза, которой онъ научился въ Бутабуэ, и подобно всѣмъ неграмъ спѣшить пощеголять своимъ знаніемъ.

Съ узелкомъ въ рукахъ снова ринулся Джонъ Криди черезъ лѣсъ, пробираясь по немъ точно змѣя или тигръ, безъ отдыха и остановки, пока не добѣжалъ до селенія Бутабуэ. Тутъ онъ

остановился и за кустами дикаго вибрия переодѣлся съ головы до ногъ въ англійское духовное платье. Послѣ этого смѣло и гордо пошелъ по главной улицѣ и сповойно вошелъ въ свой домъ. Былъ уже полдень, палящій африканскій полдень.

Эгель по прежнему лежала безъ сознанія на кровати. Негритянка прилегла на полу и дремала послѣ безсонной ночи. Джонъ Криди поглядѣлъ на свои часы, стоявшіе на маленькомъ деревянномъ столикѣ. — Шестьдесятъ миль въ четырнадцать часовъ, — сказалъ онъ громко; — перещеголялъ наши бѣга изъ Оксфорда въ Уайтъ-Хорсъ, полтора года тому назадъ.

И затѣмъ молча сѣлъ у постели Эгель.

— Огкрывала ли она хоть разъ глаза? — спросилъ онъ у негритянки.

— Ни разу, Джонъ Криди, — отвѣчала женщина.

До прошлой ночи она всегда называла его «мистеръ».

Онъ часъ или два глядѣлъ въ безжизненное лицо. До четырехъ часовъ пополудни въ немъ не появлялось никакого намѣненія; затѣмъ глаза Эгель приняли постепенно иное выраженіе. Джонъ увидѣлъ, что расширенные зрачки сократились и понялъ, что сознаніе постепенно къ ней возвращается.

Еще минутой и она поглядѣла на него и вскричала съ выраженіемъ надежды въ голосѣ:

— Джонъ! откуда ты взялъ это платье?

— Это платье? — мягко отвѣчалъ онъ, — ты, должно быть, бредишь, дорогая Этель, что спрашиваешь меня объ этомъ. Конечно, у Стандена въ Оксфордѣ, моя милая.

И провелъ тихонько своей черной рукой по ея распущеннымъ волосамъ.

Эгель громко вскрикнула отъ радости.

— Значить, это былъ сонъ, ужасный сонъ, Джонъ, или же жестокая ошибка! О! Джонъ, скажи, что это былъ сонъ!

Джонъ тихо провелъ рукой по лбу.

— Дорогая Эгги, — сказалъ онъ, — я боюсь, что ты бредишь. У тебя сильная лихорадка. Я не понимаю, что ты хочешь сказать.

— Значить, ты не разодралъ своего платья, не одѣлся какъ фанти и не плясалъ съ тамъ-тамомъ въ рукахъ на улицѣ? О, Джонъ!

— О, Эгги! Нѣтъ! какой страшный бредъ посѣтилъ тебя!

— Ну тогда все хорошо, — сказала она. — Теперь я не боюсь умереть.

И снова погрузилась въ изнеможеніе въ лихорадочную дремоту.

— Джонъ Криди, — торжественно произнесла жена законо-

учителя, — ты отвѣтишь своей душой за эту ложь, сказанную умирающей женщиной!

— Душой! — страстно вскричалъ Джонъ Криди, — моей душой! Неужели ты думаешь, жалкая негритянка, что я не отдамъ тысячу разъ свою несчастную, ничтожную, черную душу на вѣчную муку, если могу этимъ доставить ей бѣдному бѣлому сердцу хотя минуту успокоенія передъ смертью?

Еще дней пять пролежала Эгель въ злой лихорадкѣ, иногда приходя въ себя на минуту или на двѣ, но большую часть въ бреду или въ забытѣ. Она больше ни словомъ не упоминала Джону про свой страшный сонъ, и Джонъ тоже не упоминалъ о немъ. Но сидѣлъ около нея и ухаживалъ за ней какъ женщина, дѣлая все, что только возможно было для нея сдѣлать въ бѣдной, маленькой хижинѣ, и таѣ про себя гнетущее чувство раскаянія, слишкомъ сильное для того, чтобы его можно было передать словами или изобразить перомъ. Въ сущности все же цивилизація для Джона Криди не была простымъ виѣшнимъ лоскомъ, и хотя дикіе инстинкты и могли по временамъ просыпаться въ немъ, но такіе взрывы столько же могли повліять на его воспитанную натуру вообще, сколько веселая пирушка или попойка въ коллегіи можетъ измѣнить характеръ образованныхъ англійскихъ юношей. Въ сущности Джонъ Криди былъ мягкій, кроткій, англійскій клерджиментъ.

Въ то время, какъ онъ просиживалъ безъ сна и въ смертельной тоскѣ у постели Эгель, продолженіе пяти долгихъ сутокъ, одну только молитву шептали время отъ времени его уста: — дай Богъ, чтобы она умерла!

Цивилизованная сторона его натуры была настолько глубока, что онъ понималъ, что это единственный для нея исходъ изъ жизни, которая отнынѣ могла представляться ей только позорной.

— Если она выздоровѣетъ, — говорилъ онъ самъ себѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ, — я немедленно оставлю эту проклятую Африку. Я наймусь простымъ матросомъ на корабль, чтобы заработать свой проѣздъ въ Англію, а ее отошлю на пароходъ на тѣ деньги, что у меня еще остались. Я больше никогда не покажусь ей на глаза, потому что, если она выздоровѣетъ, то ее нельзя будетъ увѣрить, что она не видѣла меня босоногимъ азычникомъ фанти, съ проклятымъ тамъ-тамомъ въ рукахъ. Самъ же я достану себѣ работу въ Англіи... не въ качествѣ священника, нѣтъ... имъ я уже больше не могу быть, но я поступлю въ клерки, въ сельскіе рабочіе или въ матросы, все-равно куда! У меня здоровыя руки: я былъ первымъ гребцомъ въ коллегіи

Магдалины. Я буду работать какъ волъ и отдавать ей всѣ деньги, чтобы она жила госпожей, хотя бы и самъ умиралъ съ голоду и никогда не покажусь ей на глаза, если она выздоровѣетъ. Она все равно и такъ будетъ несчастна, бѣдный мой ангелъ! Для нея только одно спасеніе... дай Богъ, чтобы она умерла!

На пятый день она раскрыла глаза. Джонъ увидѣлъ, что его молитва услышана.

— Джонъ, — слабо проговорила она, — Джонъ, поклянись мнѣ честью, что это былъ только бредъ.

И Джонъ приподнявъ руку къ небу, — отвѣчалъ твердымъ голосомъ: — клянусь.

Этель улыбнулась и закрыла глаза.

И больше ихъ не открывала. На слѣдующее утро Джонъ Криди, не проронивъ ни одной слезы, но съ пересохшимъ ртомъ и горломъ, какъ у человѣка, убитаго горемъ, взялъ заступъ и вырылъ могилу въ мягкомъ грунтѣ близъ рѣки. Послѣ того собственными руками изготовилъ гробъ изъ плетенаго бамбука и благоговѣнно положилъ въ него дорогое тѣло. Онъ никому не позволялъ помогать себѣ, ни даже своимъ единовѣрцамъ христіанамъ: законоучителю и его женѣ. Этель была слишкомъ священна для него, чтобы допустить коснуться ея ихъ африканскимъ рукамъ. Затѣмъ онъ надѣлъ свой бѣлый стихарь и въ первый и въ послѣдній разъ въ жизни совершилъ погребальный обрядъ по правиламъ англиканской церкви надъ открытой могилой. Окончивъ это, онъ вернулся въ свою осиротѣлую хижину и громко воугласилъ въ порывѣ безнадежнаго горя:

— Единственное существо, которое меня связывало съ цивилизаціей, оставило меня. Огньнѣ не скажу больше ни одного слова по-англійски. Я возвращаюсь къ своему народу.

Онъ торжественно разодралъ вновь свое европейское платье, обвязавъ вокругъ бедръ ситцевый лоскутъ, поспалъ голову землею и засѣлъ въ своей хижинѣ плача и стная, какъ убитый горемъ ребенокъ, отказываясь отъ всякой пищи.

Въ настоящее время старый португальскій креоль, торгующій ромомъ въ Бутабуэ, показываетъ иногда англійскимъ піонерамъ, которыхъ иногда туда заноситъ вѣтромъ, — среди толпы оборванныхъ негровъ, на одного, валяющагося въ мягкой пыли у порога своей хижины; нѣкогда онъ былъ пасторомъ, изъ коллегій Магдалины въ Оксфордѣ.

А. Э.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

НЕАПОЛИТАНСКАЯ ПѢСНЯ.

Солнце садилось въ лазурное море,
Берегомъ тихимъ я грустно бродилъ;
Злое со мной приключилось тамъ горе:
Сердце я тамъ обронилъ.

Кроткая ночь надъ землей опустилась;
На берегъ моря ты ночью пришла,
Милой головой, взглянувши, склонилась,
Сердце мое ты нашла.

Долго и хлопотно будетъ судиться,
Дорого будетъ ходить по судамъ;
Лучше съ тобою самой сговориться,
Миромъ покончить бы намъ.

Мы сговорились легко бы и скоро,
Милая, съ радостью сердце мое
Я уступилъ бы навѣки, безъ спора,
Дай лишь въ обмѣнъ мнѣ твое.

II.

Небогаты мы сильными волей,
 Такъ поклонимся-жъ тѣмъ, что безъ слезъ
 Уживаются съ тяжкою долею,
 Подъ ударами жизненныхъ грозъ
 Остаются недвижны и тверды
 И къ намѣченной цѣли идутъ
 Непреступны, спокойны и горды,
 И поддержки не ищутъ, не ждутъ.

Передъ маской склонимся безстрастной,
 Если въ ней мы подмѣтимъ слѣдъ
 Силы духа кипучей и страстной,
 Жгучей боли и прожитыхъ бѣдъ.
 Передъ гордымъ склонимся молчаньемъ
 Тѣхъ, кто въ горѣ умѣетъ быть нѣмъ,
 И души наболѣвшей рыданьемъ
 Подѣлиться не хочетъ ни съ кѣмъ.

Но предъ силой, что можетъ смириться,
 И страданья, и крестъ свой любить,
 Мы должны горячо помолиться
 И чело до земли преклонить.
 Преклонимся-жъ предъ силой святою
 Всепрощающей женской любви:
 Не оставь, примири насъ съ судьбою,
 Слабыхъ духомъ наставь, оживи!

III.

Новою зорькою солнце свѣтилось,
 Роща одѣлась листвою молодой;
 Старой любовію сердце забилося,
 Старой забылось мечтой.

Новыя птицы въ садахъ поселились,
 Новыя пѣсни онѣ тамъ поютъ;
 Старые звуки и въ нихъ отразились,
 Прошлаго образы въ сердцахъ встаютъ.

Грезъ, что весенней порою роятся,
 Въ часъ, какъ поетъ соловей,
 Въ часъ, какъ несчетныя звѣзды искрятся
 Въ небѣ все чаще, свѣтлѣй, —

Грезъ, что смѣются все рѣже и рѣже
 Сердцу больному, больному уму,
 Грезъ, что навѣки останутся тѣ же, —
 Я не сважу никому.

 IV.

Я стоялъ и смотрѣлъ какъ неслись облака
 Въ золоченомъ, огнистомъ уборѣ,
 И дрожа, и сверкая струилась рѣка
 Въ неподвижно-спокойное море.

Тихо солнце склонялось, и зеркало струй
 Загоралось и рдѣло багрянцемъ;
 Такъ ланиты у дѣвушки жжетъ поцѣлуй,
 Покрываетъ ихъ жаркимъ румянцемъ.

И съ улыбкою глядя, какъ огненный шаръ
 Опускался въ пурпурное ложе,
 И потускло оно, и угаснулъ пожаръ, —
 Завтра, думалъ, увижу я то же.

Проходили года, видѣлъ много я разъ,
 Какъ вечернее солнце садилось
 Въ тѣ же воды; закатъ загорался и гасъ,
 И спокойное море свѣтилось.

Но инныя роились, неслись облака,
 И въ иномъ, вѣчно новомъ уборѣ;
 И дрожа, и сверкая струилась рѣка,
 И свѣтилось спокойное море.

А. М—въ.

РАЗЛУЧЕНІЕ СУПРУГОВЪ

КАКЪ

НЕОБХОДИМЫЙ ИНСТИТУТЪ БРАЧНАГО ПРАВА *).

Разлученіе супруговъ, въ смыслѣ прекращенія, навсегда или на время, правъ и обязанностей, вытекающихъ изъ брачнаго союза, безъ полнаго разрушенія брачныхъ узъ, развилось въ особый юридическій институтъ преимущественно подъ вліяніемъ католической церкви, допустившей его какъ компромиссъ между требованіями жизни и провозглашенною, въ принципѣ, безусловною неразрывностію брака. Это не помѣшало, однако, сохраненію или установленію его, въ нѣкоторыхъ протестантскихъ государствахъ, рядомъ съ разводомъ, т.-е. съ полнымъ расторженіемъ брачнаго союза. Тѣ немногія католическія государства, въ которыхъ введенъ или предположенъ къ введенію разводъ, также даютъ или намѣрены дать мѣсто, рядомъ съ нимъ, и разлученію супруговъ. Мы увидимъ, что *фактически* разлученіе существовало и существуетъ и въ Россіи, хотя у насъ всегда былъ допускаемъ и теперь допускается разводъ. Вотъ почему мы считаемъ возможнымъ рассмотреть вопросъ о разлученіи отдѣльно отъ вопроса о разводѣ, несмотря на тѣсную связь между ними, и привести данныя, говорящія за узаконеніе у насъ разлученія супруговъ, независимо отъ того, какія бы ни были предприняты и произведены преобразованія въ дѣйствующемъ законодательствѣ о разводѣ.

*) Настоящая статья—болѣе подробное развитіе мысли, высказанной мимоходомъ въ одномъ изъ послѣднихъ „Внутреннихъ Обозрѣній“ журнала (1883 г. № 11),—была прочитана на дняхъ, въ видѣ реферата, въ гражданскомъ отдѣленіи с.-петербургскаго юридическаго общества.

I.

Въ до-революціонной Франціи, какъ и вездѣ, гдѣ католическая религія имѣла значеніе господствующей, государственной, разлученіе супруговъ отъ ложа и стола (*separatio quoad thorum et mensam*) было единственной законной формой прекращенія супружескихъ отношеній. Оно зависѣло отъ свѣтскаго суда, но допускалось имъ весьма неохотно и рѣдко. Обстоятельства, дававшія право просить о разлученіи, не были перечислены закономъ; судебная практика, твердо установившаяся, ограничивала ихъ прелюбодѣянiемъ жены, жестокимъ или оскорбительнымъ обращеніемъ мужа (*excess, sévices et injures graves*), отказомъ мужа отъ исполненія рѣшенія, присудившаго женѣ алименты, и взведеніемъ со стороны мужа на жену ложнаго обвиненія въ тяжкомъ преступленіи. Законодательное собраніе 1792 г., узаконивъ широкую свободу развода, вовсе отиѣнило сепарацию; кодексъ Наполеона возстановилъ ее (въ 1803 г.), оставивъ рядомъ съ нею и разводъ, только введенный въ болѣе тѣсныя границы. Законныхъ причинъ развода кодексъ признавалъ три: прелюбодѣянiе одного изъ супруговъ (по отношенію къ мужу — только въ случаѣ введенія имъ своей наложницы въ общую супружескую квартиру), жестокое или оскорбительное обращеніе одного изъ супруговъ съ другимъ, присужденіе одного изъ супруговъ къ повораченію наказанію; сверхъ того допускался, съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій, разводъ по взаимному согласію супруговъ. О разлученіи можно было просить только при существованіи одной изъ законныхъ причинъ развода; разлученіе по взаимному согласію было прямо запрещено кодексомъ. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ реставраціи была отиѣна развода (въ 1816 г.); разлученіе осталось въ силѣ, безъ расширенія тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ оно допускалось при существованіи развода. Судебная практика устранила, до извѣстной степени, только одну явную несправедливость кодекса: прелюбодѣянiе мужа признается ею обыкновенно поводомъ къ разлученію, въ качествѣ *тяжкаго оскорбленія* жены, хотя бы оно и не сопровождалось условіемъ, указаннымъ въ кодексѣ.

Попытки возстановить разводъ дѣлаемы были во Франціи неоднократно. Въ первые годы іюльской монархіи палата депутатовъ четыре раза рѣшала возвратиться къ системѣ кодекса, но съ рѣшеніемъ ея не соглашалась палата перовъ. Вторая республика опять выдвинула на сцену вопросъ о разводѣ, но быстрое наступленіе реакціи помѣшало даже обсужденію его. Во время второй имперіи законъ 1816 г. оставался неприкосновеннымъ, хотя въ одномъ изъ сочиненій, написанныхъ принцемъ

Людовикомъ-Наполеономъ до 1848 г., разводъ и былъ включенъ въ число заветныхъ Наполеоновскихъ идей и учреждений. При третьей республикѣ главнымъ агитаторомъ въ пользу развода явился депутатъ Намё. Палата депутатовъ, избранная въ 1876 г., не успѣла разсмотрѣть представленнаго имъ проекта закона; палата, избранная въ 1877 г., отвергла его предложеніе (въ 1881 г., большинствомъ 38 голосовъ); палата, избранная въ 1881 г., постановила, значительнымъ большинствомъ голосовъ, восстановить, съ нѣкоторыми измѣненіями, отмѣненную въ 1816 г. главу кодекса о разводѣ—но реформа еще не осуществилась, кажется, по разногласію между палатой и сенатомъ. Для насъ важно то, что ни авторъ предложенія, ни коммиссія, его разсматривавшая, ни палата, его утвердившая, не признавали нужнымъ отмѣнять, въ виду восстановления развода, разлученіе супруговъ. Отъ усмотрѣнія супруга, имѣющаго законный поводъ къ жалобѣ, должно было зависѣть формулированіе ея либо въ видѣ просьбы о разводѣ, либо въ видѣ просьбы о разлученіи; предполагалось только установить, что по истеченіи трехъ лѣтъ со времени разлученія каждый изъ разлученныхъ супруговъ можетъ *требовать* окончательнаго развода. Главнымъ мотивомъ, по которому разлученіе признавалось необходимымъ и при существованіи развода, было уваженіе къ убѣжденіямъ вѣрующихъ католиковъ, совѣсть которыхъ не позволяетъ просить о разводѣ, безусловно воспрещенномъ католическою церковью; но изъ того, что право требовать развода послѣ трехъ лѣтъ разлученія предоставлено, между прочимъ, и супругу, просившему о разлученіи, слѣдуетъ заключить, что по мысли французскихъ законодателей разлученіе можетъ имѣть иногда характеръ испытанія, предшествующаго рѣшительному разрыву. Супругъ, справедливо тяготящійся своимъ положеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ желающій, до послѣдней крайности, избѣжать развода, можетъ—при дѣйствіи порядка, проектированнаго палатой депутатовъ—получить фактическую свободу, оставляя для себя одинаково открытыми и дорогу къ примиренію, и дорогу къ полному расторженію брачныхъ узъ.

Въ Италіи разводъ не существуетъ, или, по крайней мѣрѣ, недавно еще не существовалъ, хотя вопросъ о введеніи его поставленъ уже на очередь. Разлученіе допускается въ большемъ числѣ случаевъ, чѣмъ по французскому закону, и притомъ не только на основаніи законныхъ причинъ, но и по добровольному соглашенію супруговъ, утвержденному судомъ. Испанія и Португалія также признаютъ только разлученіе супруговъ. Къ обыкновеннымъ поводамъ разлученія испанское законодательство присоединяетъ жестокое обращеніе одного изъ супруговъ съ дѣтьми, или образъ дѣйствій, дурно вліяющій на ихъ нравственность. Въ царствѣ польскомъ, когда оно было при-

соединено къ Россіи, дѣйствовалъ кодексъ Наполеона, и, слѣдовательно, допускался разводъ; но уже въ 1825 г. онъ былъ уничтоженъ для католиковъ, съ оставленіемъ въ силѣ лишь разлученія супруговъ, а въ 1836 г. дѣла о разлученіи были признаны подсудными духовному суду, рѣшающему ихъ на основаніи каноническаго права.

Между государствами, допускающими въ настоящее время и разводъ, и разлученіе, мы находимъ только одно съ преобладающимъ католическимъ населеніемъ — Бельгію. — Въ Австріи для католиковъ существуетъ только разлученіе (какъ по законнымъ причинамъ, такъ и добровольное); лицамъ другихъ вѣроисповѣданій дозволенъ и разводъ. — Голландское законодательство разрѣшаетъ и разлученіе, и разводъ; законныя причины того и другого однѣ и тѣ же, но разлученіе можетъ состояться и по взаимному согласію супруговъ. Разлученіе, продолжавшееся не менѣе пяти лѣтъ и не прекратившееся примиреніемъ супруговъ, признается законнымъ основаніемъ къ разводу. — Въ Англіи, до 1857 г., разводъ составлялъ рѣдкое исключеніе и могъ быть разрѣшенъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, только парламентскимъ актомъ; разлученіе супруговъ допускалось по приговору духовнаго суда. Теперь разводъ узаконенъ наравнѣ съ разлученіемъ; дѣла о томъ и другомъ предоставлены вѣдѣнію одного и того же свѣтскаго суда. Разлученіе допускается въ большемъ числѣ случаевъ, чѣмъ разводъ; достаточнымъ поводомъ къ нему признается, между прочимъ, неизлечимая болѣзнь и самовольное оставленіе супруга, продолжавшееся болѣе двухъ лѣтъ. Въ случаѣ обвиненія мужа женою въ тяжкихъ насильственныхъ дѣйствіяхъ (*aggravated assault*), уголовный судъ, присуждая мужа къ наказанію, можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, постановить опредѣленіе о разлученіи супруговъ. — Въ Греціи составленъ недавно проектъ гражданскаго кодекса, по которому предполагается допустить, кромѣ развода, и разлученіе супруговъ. Основаніемъ къ разлученію должны тамъ служить тѣ же причины, которыя даютъ право требовать развода, съ присоединеніемъ еще невозможности мира и согласія между супругами. — Рядомъ съ разводомъ разлученіе существуетъ и въ Финляндіи, но только временное, въ случаѣ ненависти и вражды между супругами, не прекратившихся и послѣ двухкратнаго општрафованія виновной стороны.

Многія изъ числа нѣмецкихъ законодательствъ допускали, до послѣдняго времени, и разводъ, и разлученіе супруговъ; въ Баваріи существовало только разлученіе, въ Пруссіи, наоборотъ — только разводъ. Общій для всей германской имперіи законъ 6 февраля 1875 г. положилъ конецъ разлученію супруговъ, какъ самостоятельной формѣ прекращенія брачныхъ отношеній, и ввелъ повсемѣстно разводъ, съ тѣмъ, однако, что причины его продолжаютъ опредѣляться зако-

нодательствами отдѣльных государствъ, входящихъ въ составъ имперіи.—Въ Швейцаріи федеральный законъ 21 декабря 1874 г. также установилъ для всего союза разводъ, отмѣнивъ постоянное разлученіе супруговъ, прежде допускавшееся въ нѣкоторыхъ кантонахъ наравнѣ съ разводомъ.—Къ числу государствъ, допускающихъ разводъ, но не разлученіе супруговъ, принадлежатъ еще Данія, Швеція, Норвегія и Румынія; такой же порядокъ дѣйствуетъ и для протестантовъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи и царства польскаго.

II.

Россія заимствовала свое брачное право изъ Византіи, допускавшей разводъ, но не знавшей разлученія супруговъ. Сообразно съ этимъ, разлученіе супруговъ, какъ самостоятельная форма прекращенія брачныхъ отношеній, не было извѣстно древней Россіи; потребность въ немъ чувствовалась тѣмъ меньше, чѣмъ свободнѣе и легче можно было достигнуть развода. Причины развода, признаваемыхъ церковью, было тогда больше, чѣмъ въ настоящее время; помимо этого, обычай произвольнаго отказа отъ брачныхъ узъ, безъ разрѣшенія церковной власти, держался весьма упорно, несмотря на противодѣйствіе церкви, а выдача священно-и церковнослужителями, при согласіи обоихъ супруговъ на разводъ, такъ-называемыхъ разводныхъ или роспусковыхъ писемъ продолжалась даже въ XVIII-мъ вѣкѣ, какъ видно изъ направленныхъ противъ нея синодскихъ указовъ 1730 и 1767 г. Когда разводъ становится болѣе затруднительнымъ, вслѣдствіе уменьшенія числа узаконенныхъ причинъ его и сосредоточенія брако-разводныхъ дѣлъ въ рукахъ епархіальнаго начальства, поставленнаго подъ наблюденіе синода,—начинаютъ встрѣчаться случаи разлученія супруговъ церковною властью. Оно допускалось и при несогласіи супруговъ жить вмѣстѣ, и по жалобамъ одного изъ супруговъ на побой, мучительство и т. п. Въ первомъ случаѣ, происходило увѣщаніе супруговъ консисторіею или архіереємъ, и при неуспѣхѣ увѣщанія постановляется опредѣленіе о раздѣльномъ жительствѣ супруговъ, духовнымъ отцамъ которыхъ вмѣнялось въ обязанность, за все время разлученія, склонять ихъ къ миру. Во второмъ случаѣ, увѣщанію и разлученію предшествовало изслѣдованіе свѣтскою властью обстоятельствъ, вызвавшихъ жалобу. По свидѣтельству о. Горчакова („О тайнѣ супружества“, стр. 359), разлученіе супруговъ въ то время именовалось иногда разводомъ. Извѣстенъ случай временнаго развода (т.-е. разлученія), допущеннаго (по дѣлу Салтыковыхъ) самимъ синодомъ, вслѣдствіе жестокаго обращенія

мужа съ женою. Когда въ 1810 г. государственный совѣтъ разсматривалъ проектъ гражданского уложенія, въ составъ котораго были введены и постановленія о разводѣ, князь Голицынъ (министръ духовныхъ дѣлъ) подалъ особое мнѣніе, въ которомъ полагалъ исключить правила о разводѣ изъ гражданского уложенія, признать бракоразводныя дѣла подвѣдомственными исключительно одному духовному суду, а въ случаѣ совершенія однимъ изъ супруговъ преступленія, могущаго служить основаніемъ къ прекращенію брачнаго сожителства, предоставить другому супругу просить о *разножитіи*, принимаясь къ изреченію апостола Павла: „аще же разлучится жена, да пребываетъ безбрачна, или да смирится съ мужемъ своимъ“. Это мнѣніе кн. Голицына представляется первой попыткой ввести понятіе о разлученіи супруговъ въ наше гражданское законодательство.

Мы говорили до сихъ поръ о формальномъ разлученіи супруговъ, при участіи духовной власти. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что *фактически* раздѣльная жизнь супруговъ была явленіемъ обыкновеннымъ уже въ XVIII вѣкѣ, но крайней мѣрѣ въ средѣ высшаго сословія. Въ наказѣ, данномъ воломенскимъ дворянствомъ своему депутату въ знаменитой екатерининской комиссіи 1767 г., сказано, что у дворянъ нерѣдко встрѣчаются случаи раздѣльной жизни супруговъ, вслѣдствіе несогласія, и предложено установить, что супругъ, виновный въ оставленіи другого супруга, лишается права на указанную часть изъ имѣнія послѣдняго. Отношеніе правительства къ самовольно разлучившимся супругамъ было не всегда одинаково. При императрицѣ Елизаветѣ графиня Апраксина (урожденная княжна Голицына) не только могла уйти отъ мужа, но получила даже, при его жизни, указанную часть изъ его имѣнія и право именоваться, безъ развода, дѣвическимъ именемъ своимъ. При Екатеринѣ II-й нѣкто Вѣлосельскій просилъ о понужденіи ушедшей отъ него жены „къ должному по законамъ повиновенію“. Вслѣдствіе этой просьбы кн. Волконскому поручено было увѣщать непокорную жену и объявить ей, что всѣ законы противъ нея, что если она не возвратится добровольно къ мужу, то императрица „предаетъ ее законамъ и будетъ смотрѣть за ихъ справедливымъ исполненіемъ“. Въ другомъ случаѣ этого рода, Екатерина II-ая поступила иначе; когда графиня Сиверсъ не хотѣла ни слѣдовать за мужемъ, назначеннымъ на службу въ Новгородъ, ни отдать ему дѣтей, то императрица предписала разсудить ее съ мужемъ черезъ посредниковъ. Судебная практика, до первой четверти нынѣшняго вѣка, относилась къ разлученію супруговъ, повидимому, не особенно строго. Петербургская гражданская палата, при императорѣ Александрѣ I, признала возможнымъ совершить запись, въ силу которой мужъ (Шелковниковъ) обязался давать

женѣ своей ежегодно по 2,500 руб. съ тѣмъ, чтобы она жила отдѣльно отъ него, и сенатъ оставилъ эту записку въ силѣ. Дѣло дошло до государственнаго совѣта, мнѣніемъ котораго, Высочайше утвержденнымъ 26 марта 1819 г. и вошедшимъ, впоследствии, въ составъ свода законовъ, воспрещено было мѣстамъ и лицамъ гражданскаго управленія допускать или утверждать обязательства или иные акты между супругами, „заключающіе въ себѣ условіе жить имъ въ разлученіи или какое-либо другое произвольное желаніе, клонящееся къ разрыву супружескаго союза“.

Строгость закона не исключала и не исключаетъ, однако, возможности отступленій отъ общаго правила о совѣстномъ жителѣ супруговъ. Случалось иногда (напр. по дѣлу Марковнхъ, рѣшенію судами стараго устройства), что право жены на отдѣльную жизнь, вслѣдствіе доказаннаго ею дурнаго поведенія мужа и неимѣнія имъ средствъ къ содержанію семьи, признавалось судебнымъ опредѣленіемъ; но гораздо болѣе употребительнымъ способомъ разлученія супруговъ сдѣлалось административное распоряженіе. Когда именно такой порядокъ вошелъ въ обычай, что признавалось и признается достаточнымъ поводомъ къ разлученію, какимъ путемъ побирались и побираются показанія жалующихся и объясненія отѣтчиковъ, въ чемъ заключаются послѣдствія допущеннаго разлученія—обо всемъ этомъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго, вслѣдствіе тайны, окружавшей и окружающей до сихъ поръ область административнаго вмѣшательства въ семейныя дѣла; по той же причинѣ нельзя привести никакихъ положительныхъ данныхъ о числѣ и свойствахъ семейныхъ дѣлъ, получившихъ разрѣшеніе въ административномъ порядкѣ. Извѣстно только то, что сосредоточивались эти дѣла въ III-мъ отдѣленіи собственной Е. И. В. канцеляріи, а послѣ упраздненія его перешли въ вѣдѣніе комиссіи прошеній; извѣстно также, что большую роль въ ихъ производствѣ и разслѣдованіи играли—а можетъ быть играютъ и до сихъ поръ—жандармскіе штабъ-офицеры. Административное, негласное производство, особенно въ рукахъ должностныхъ лицъ, не привыкшихъ руководствоваться закономъ и облеченныхъ дискреціонною властью, едва ли могло выработать для семейныхъ дѣлъ какія-либо точныя, опредѣленныя правила; въ разрѣшеніи ихъ necessarily должно преобладать усмотрѣніе, ничѣмъ не ограничиваемое и не регулируемое. Съ большою вѣроятностью можно предположить и то, что къ посредству центральныхъ органовъ административной власти прибѣгаетъ только небольшая часть лицъ, семейныя несогласія которыхъ требовали бы разбора—и прибѣгаютъ, притомъ, преимущественно лица высшихъ и среднихъ

сословіи, имѣющія возможность прибыть въ столицу и лично ходатайствовать по своему дѣлу.

III.

Для лицъ крестьянскаго сословія въ Россіи существуетъ, впрочемъ, возможность достигнуть разлученія другимъ путемъ—черезъ посредство волостного суда. Разборомъ, съ этой точки зрѣнія, рѣшеній, собранныхъ извѣстною комиссіею 1872 г., занялись, между прочимъ, двое изъ нашихъ юристовъ—С. В. Пахманъ и покойный Оршанскій. Выводы, къ которымъ они пришли, не вполне совпадаютъ между собою, хотя матеріалъ у обоихъ былъ одинъ и тотъ же. „Не только въ писанномъ законѣ“, говоритъ г. Пахманъ („Обычное гражданское право“, Т. II, стр. 86), „но и въ народныхъ воззрѣніяхъ однимъ изъ основныхъ началъ брачнаго права признается правило, что супруги обязаны жить вмѣстѣ. Волостные суды, въ большинствѣ случаевъ, настаиваютъ на исполненіи этой обязанности, допуская, впрочемъ, иногда и увлоненія отъ нея, въ особо уважительныхъ случаяхъ“. То, что у г. Пахмана является исключеніемъ, Оршанскимъ выставляется, наоборотъ, скорѣе какъ общее правило. „Хотя нельзя согласиться съ мнѣніемъ госпожи Ефименко“, читаемъ мы въ изслѣдованіи о народномъ судѣ и народномъ правѣ (стр. 50), „будто крестьяне, къ счастью, ничего не знаютъ о правѣ требовать насильно женъ для совмѣстнаго жительства, но съ другой стороны нельзя не признать, что вопросы, сюда относящіеся, разрѣшаются вообще гораздо разумнѣе и цѣлесообразнѣе волостнымъ судомъ, чѣмъ практикою общихъ судовъ, особенно новыхъ. Волостной судъ, правда, вообще не раздѣляетъ мнѣнія той крестьянки, которая заявила, что не хочетъ идти къ мужу, потому что не имѣетъ въ виду закона, который бы принудилъ ее къ этому, — но исполненіе обязанности, наложенной въ ст. 103 зак. гражд. (т. е. обязанности совмѣстнаго жительства) волостной судъ не признаетъ совершенно безусловнымъ“.

Не касаясь пока вопроса о томъ, который изъ двухъ противоположныхъ выводовъ долженъ быть признанъ болѣе близкимъ къ истинѣ, приведемъ самыя замѣчательныя изъ числа рѣшеній, цитируемыхъ обоими авторами. Рѣшенія, признающія жену обязанною жить съ мужемъ, весьма различны по своей формулировкѣ: иногда рѣчь идетъ о приказаніи или внушеніи женѣ возвратиться къ мужу, иногда объ отправленіи или высылкѣ ея въ домъ мужа, о водвореніи ея туда. Водвореніе жены въ домъ мужа производится иногда насильно, черезъ сельскаго старосту. Насильственные дѣйствія третьихъ лицъ, совершенныя по порученію мужа съ цѣлью возвращенія къ нему жены,

признаны, въ одномъ случаѣ, законными и не подлежащими наказанію. За самовольную отлучку отъ мужа жена иногда присуждается къ наказанію; встрѣчаются и случаи наказанія лицъ, укрывавшихъ у себя отлучившуюся отъ мужа жену (хотя бы это были ея родители). Съ другой стороны, есть рѣшенія, въ которыхъ судъ предоставляетъ мужу *просить* жену о возвращеніи, или признаетъ, что жена должна жить у мужа, если *пожелаетъ*, или оставляетъ совмѣстное ихъ жительство на совѣсти обоихъ. При согласіи мужа уволить отъ себя жену навсегда или на время, дѣло считается оконченнымъ мировою сдѣлкой, или объ этомъ совершается на судѣ особый между сторонами договоръ. Согласіе мужа на выдачу женѣ отдѣльнаго вида часто обусловливается уплатою со стороны жены известной денежной суммы, на наемъ работницы или на одежду, приготовленіе которой лежитъ, вообще говоря, на обязанности хозяйки. Бываютъ, затѣмъ, случаи выдачи женѣ отдѣльнаго вида и безъ согласія мужа, по постановленію суда. Поводами къ тому служатъ жестокое или грубое обращеніе мужа съ женою, неуживчивый его характеръ, неимѣніе у него средствъ къ содержанію семьи. Позволяя женѣ разлучиться съ мужемъ, волостной судъ присуждаетъ иногда послѣдняго къ выдачѣ содержанія женѣ и дѣтямъ, или къ выдѣлу въ ихъ пользу части имущества. Женѣ, не желавшей жить съ мужемъ, но не имѣвшей другого пристанища, кромѣ его дома, волостной судъ предоставилъ занять одну половину дома, перегороденнаго на двѣ части. Истцомъ въ волостномъ судѣ по дѣламъ о совмѣстномъ жительствѣ не всегда бываетъ мужъ; истцомъ въ дѣлахъ о разлученіи не всегда бываетъ жена. По иску жены волостной судъ обязываетъ иногда мужа взять ее къ себѣ въ домъ. Случаевъ удовлетворенія иска мужа о разлученіи съ женою ни у г. Пакмана, ни у Оршанскаго не приведено; мы узнаемъ только, что въ малороссійскихъ губерніяхъ мужъ, по обычаю, имѣетъ право при безнравственномъ поведеніи жены отказать ей отъ сожителства и отправить ее къ родителямъ или родственникамъ. При добровольномъ разлученіи супруговъ, а иногда и при самовольномъ оставленіи мужа женою, волостные суды присуждаютъ мужа къ возвращенію женѣ приданаго и къ возмѣщенію ей произведенныхъ въ пользу мужа расходовъ. При отсутствіи соглашенія между разлучившимися супругами относительно содержанія дѣтей, оно остается обыкновенно на обязанности отца.

IV.

Есть, однако, цѣлая категорія случаевъ, въ которыхъ разлученіе супруговъ прямо разрѣшено нашимъ закономъ. Это случаи ссылки одного изъ супруговъ, за преступленіе, не влекущее за собой лишенія всѣхъ правъ состоянія, а также случаи удаленія изъ мѣстъ жительства по административному распоряженію или по приговору общества (Прил. къ ст. 40, примѣч. 3, т. XIV уст. о ссыл. по продол. 1876 г.). Если одинъ изъ супруговъ приговоренъ къ ссылкѣ на житье, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ (т. е. къ такому наказанію, которое не служитъ основаніемъ къ совершенному расторгненію брака), то слѣдованіе или неслѣдованіе за нимъ въ ссылку зависитъ исключительно отъ доброй воли невиннаго супруга; другими словами, разлученіе супруговъ становится легально возможнымъ въ силу самого приговора о ссылкѣ. Для мужа право разлученія съ женою возникаетъ и при высылкѣ ея по административному распоряженію или общественному приговору. За высылаемымъ въ этомъ порядкѣ мужемъ жена, наоборотъ, обязана слѣдовать, развѣ если мужъ согласится на оставленіе ея въ прежнемъ мѣстѣ жительства, или она докажетъ существованіе законныхъ причинъ, освобождающихъ ее отъ вышеупомянутой обязанности. Эти законныя причины—тяжкая неизлечимая болѣзнь, удостовѣренная губернскимъ правленіемъ, и явно развратное поведеніе мужа или жестокое обращеніе его съ женою, удостовѣренное судомъ. Компетентнымъ судомъ является, въ этомъ отношеніи, для лицъ крестьянскаго сословія—волостной судъ, а для всѣхъ остальныхъ—сѣздъ мировыхъ судей, тамъ гдѣ введены въ дѣйствіе мировыя судебныя установленія, или судъ первой инстанціи, тамъ гдѣ сохранилось еще всецѣло старое судебное устройство.—Существуетъ, наконецъ, временное разлученіе супруговъ помимо воли ихъ обоеихъ; оно устанавливается не только заключеніемъ одного изъ супруговъ подъ стражу, но и вступленіемъ мужа нижнимъ чиномъ въ военную службу, такъ какъ законъ 14 мая 1866 г. запрещаетъ поступающимъ въ солдаты женатымъ людямъ брать съ собою свои семейства.

Въ практикѣ новыхъ судовъ, организованныхъ на основаніи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г., не было и не могло быть дѣлъ о разлученіи супруговъ, т.-е. исковъ о предоставленіи одному изъ нихъ права на отдѣльное жительство, — но встрѣчались искъ мужа о водвореніи къ нему жены, на основаніи ст. 103 зак. гражд. Судебныя мѣста затруднялись иногда принимать подобныя дѣла къ своему разсмотрѣнію, находя, что постановленіе ст. 103-ей имѣетъ характеръ

нравственный, а не юридическій (рѣшеніе московскаго окружнаго суда 5 мая 1871 г. по дѣлу Еромейки); но кассационный сенатъ усвоилъ себѣ другой взглядъ, признавъ совмѣстное жителство съ мужемъ легальною обязанностью жены, отъ которой не освобождаетъ ее даже отказъ мужа доставлять ей содержаніе (рѣш. 1868 г. № 526 по дѣлу Марковой, 1872 г. № 407 по дѣлу Бокораки). Разъясняя то правило ст. 103, въ силу котораго жена обязана слѣдовать за мужемъ при перемѣнѣ постоянного его мѣста жительства, сенатъ установилъ, что, при нахожденіи мужа на службѣ, постояннымъ мѣстомъ жительства его само собою, безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, должно быть признаваемо мѣсто его служенія; но мужу, не состоящему на службѣ, судъ въ правѣ отказать въ искѣ о водвореніи жены, если найдетъ его недоказавшимъ постоянное жителство свое въ извѣстномъ мѣстѣ (рѣшенія 1870 г. № 1145 и 1871 г. № 970, по дѣлу Соломко). Законнымъ поводомъ къ раздѣльной жизни супруговъ сенатъ считаетъ сумасшествіе одного изъ нихъ; „когда одинъ изъ супруговъ“, сказано въ рѣшеніи по дѣлу Трухиной (1873 г. № 1666), „лишится разсудка, то дальнѣйшее брачное сожителство ихъ можетъ быть допущено лишь по выздоровленіи больного супруга. — Замѣтимъ, въ заключеніе, что требованія женою содержанія отъ мужа, первоначально отвергавшіяся кассационнымъ сенатомъ безусловно, въ настоящее время допускаются имъ, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда жена живетъ отдѣльно отъ мужа не по своей винѣ, не по собственному произволу. При согласіи мужа взять жену къ себѣ, назначеніе ей содержанія по суду не можетъ имѣть мѣста (рѣшенія 1873 г. № 1385 по дѣлу Задарновскаго, 1876 г. № 41 по дѣлу Витова и др).

V.

Первое заключеніе, вытекающее изъ всего сказаннаго нами до сихъ поръ, состоитъ въ томъ, что разлученіе супруговъ не чуждо и теперь ни русскому быту, ни русскому праву. Практикуемое народнымъ судомъ, разрѣшаемое администраціею, допускаемое, въ извѣстныхъ случаяхъ, самымъ закономъ, оно отнюдь не можетъ быть разсматриваемо какъ инородное растеніе, для котораго нѣтъ мѣста на нашей почвѣ. Необходимость его лучше всего доказана именно способомъ появленія его въ Россіи; постоянно отвергаемое въ принципѣ и долго игнорируемое законодательствомъ, оно проникало въ жизнь силою вещей, почти незамѣтно завоевало себѣ довольно обширную область. Спорный вопросъ сводится къ тому, слѣдуетъ ли оставлять его такъ какъ онъ есть, неоформленнымъ, случайнымъ, негласнымъ,

терпимымъ въ видѣ неизбежнаго зла, или, наоборотъ, открыто и прямо признать за нимъ право на существованіе и ввести его въ число правильно организованныхъ юридическихъ институтовъ. Говоря отвлеченно, есть еще третій выходъ—безусловное воспрещеніе разлученія, закрытіе всѣхъ путей, которыми оно достигается въ настоящее время. Можно прекратить пріемъ и разборъ ходатайствъ о разрѣшеніи отдѣльнаго жительства, какъ въ особо установленной для того инстанціи, такъ и въ волостныхъ судахъ; можно изъять всѣ дѣла, имѣющія источникомъ личныя отношенія супруговъ, изъ вѣдѣнія суда, и облечь полицію самыми широкими полномочіями по предмету водворенія жены къ оставленному его мужу; можно отнять всѣ льготы, данныя супругамъ ссылаемыхъ и высылаемыхъ лицъ, и обязать жену слѣдовать за мужемъ и въ ссылку, и въ кочующую жизнь, и въ домъ умалишенныхъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что за столь крайнее рѣшеніе вопроса не выскажется ничто, въ виду слишкомъ явнаго противорѣчія его указаніямъ опыта и требованіямъ справедливости; но стоитъ лишь присмотрѣться нѣсколько ближе къ существующему порядку, чтобы найти и въ немъ такое же противорѣчіе, только менѣе яркое, менѣе бросающееся въ глаза. Если разлученіе супруговъ, при извѣстныхъ условіяхъ, неизбежно и необходимо, то оно должно быть одинаково доступно для всякаго, поставленнаго въ эти условія. На самомъ дѣлѣ мы видимъ совсѣмъ не то. За исключеніемъ случаевъ ссылки и ссылки, супругъ, имѣющій полное основаніе домогаться разлученія, никогда не можетъ быть заранѣе увѣренъ въ достиженіи этой цѣли. Въ средѣ крестьянскаго сословія все зависитъ, въ этомъ отношеніи, отъ усмотрѣнія или произвола волостного суда. Еслибы волостной судъ былъ предоставленъ самому себѣ, еслибы источникомъ его рѣшеній всегда служилъ *только* народный обычай, шансы достигнуть разлученія—при существованіи достаточной къ тому причины—были бы, можетъ быть, довольно велики, такъ какъ въ народной средѣ нѣтъ, повидимому, никакихъ принципиальныхъ предубѣжденій противъ раздѣльной жизни супруговъ; но въ волостныхъ судахъ, подъ вліяніемъ волостныхъ писарей, а отчасти и высшихъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений, все чаще и чаще встрѣчаются рѣшенія, построенныя на формальномъ, писанномъ правѣ, примѣняющія къ крестьянскому быту, болѣею частью неумѣло и неудачно, юридическую казуистику свода законовъ. Отсюда явленіе, вѣрно, какъ намъ кажется, подмѣченное г. Пахманомъ—преобладаніе рѣшеній, безусловно поддерживающихъ власть мужа, надъ рѣшеніями, охраняющими права жены. Дѣла, возникающія изъ супружескихъ отношеній, признаются иногда и вовсе неподвѣдомственными волостному суду. Весьма вѣроятно, что при предстоящемъ преобра-

зованіи мѣстнаго управленія и самоуправленія волостные суды будутъ подчинены, такъ или иначе, мировымъ судебнымъ установленіямъ. Какъ ни желательна, по многимъ причинамъ, подобная реформа, на дѣлахъ о разлученіи она отразится неблагоприятно, если только не будетъ измѣнено самое законодательство по этому предмету. У мировыхъ судей, мало знакомыхъ съ народными обычаями и не привыкшихъ руководствоваться ими, слишкомъ легко можетъ возникнуть мысль о совершенномъ изыятіи семейныхъ отношеній изъ-подъ дѣйствія общаго права. Съ другой стороны, правильному примѣненію къ отдѣльнымъ случаямъ общихъ народныхъ взглядовъ на супружескую жизнь препятствуетъ все то, отъ чего слишкомъ часто страдаетъ дѣятельность волостныхъ судовъ — давленіе волостныхъ старшинъ, господство случайности въ выборѣ волостныхъ судей, роль водки на судѣ и т. п. Мы едва ли ошибемся, наконецъ, если скажемъ, что одинъ изъ главныхъ поводовъ къ разлученію — жестокое или оскорбительное обращеніе мужа съ женою — не всегда можетъ быть вѣрно оцѣнено волостнымъ судомъ, въ виду слишкомъ еще распространенныхъ между крестьянами понятій о правѣ мужа учить, т.-е. бить жену. Отдѣльныя рѣшенія волостныхъ судовъ, допускающія разлученіе именно вслѣдствіе жестокаго или грубаго обращенія мужа съ женою, доказываютъ, что болѣе здравыя воззрѣнія на этотъ предметъ не чужды и деревнѣ; но на одинъ случай справедливости, оказанной жентъ, сколько придется случаевъ отказа въ основательныхъ жалобахъ, и тѣмъ болѣе — случаевъ молчанія жены, не рѣшающейся даже жаловаться на мужа? А между тѣмъ, цифры уголовной статистики свидѣтельствуютъ о томъ, къ какимъ крайнимъ средствамъ прибѣгаетъ жена, безнадежно страдающая отъ деспотизма мужа. Между убійцами вообще женщинъ встрѣчается сравнительно немного (въ 1877 г. — около 17½, въ 1878 — около 16½ %) — а между убійцами мужей — женщины составляютъ больше половины (около 55% и въ 1877, и въ 1878 г.)! Эта поразительная цифра не требуетъ комментаріевъ.

Какъ ни слаба гарантія, представляемая для супруговъ-крестьянъ юрисдикціей волостнаго суда, положеніе супруговъ, принадлежащихъ къ другимъ сословіямъ, является, съ занимающей насъ точки зрѣнія, еще менѣе обезпеченнымъ. Въ крестьянскомъ быту съ просьбой о разлученіи можно пойти въ судъ близкій, всѣмъ извѣстный, для всѣхъ доступный; лица другихъ сословій должны обращаться къ учрежденію, находящемуся на одной изъ окраинъ государства, многимъ незнакому даже по имени. Для людей бѣдныхъ, мало развитыхъ, живущихъ далеко отъ Петербурга существованіе такого средства защиты равносильно отсутствію всякихъ

средствъ. Отдаленность центрального органа, вѣдающаго дѣла о разлученіи, отъ мѣстъ, гдѣ они возникаютъ, влечетъ за собою невозможность или крайнюю затруднительность всесторонняго разъясненія обстоятельствъ каждаго отдѣльнаго случая; разслѣдованіе жалобъ, повѣрку доказательствъ приходится поручать не тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ зависятъ рѣшеніе дѣла. Чисто судебныя, по своему свойству, функціи возлагаются на учрежденіе, не имѣющее ничего общаго съ судомъ,—а судебнымъ мѣстамъ предоставляются, наоборотъ, функціи вовсе не судебныя. Положеніе суда, въ дѣлахъ семейныхъ, является въ высшей степени тяжелымъ и ненормальнымъ; онъ вынужденъ удовлетворять требованія мужа о водвореніи жены, хотя бы нежеланіе послѣдней жить вмѣстѣ съ мужемъ имѣло самыя основательныя причины—и, наоборотъ, отклонять самыя законныя требованія жены, если только мужъ изъяснить, на словахъ, готовность жить вмѣстѣ съ женою. Мало того, что судъ не можетъ, въ дѣлахъ этого рода, оставаться вѣрнымъ своей высокой задачѣ, не можетъ охранять и возстановлять право, осуществлять справедливость—онъ долженъ постановлять рѣшенія явно и сознательно несправедливыя, оставлять безъ вниманія очевидныя, вопіющіе факты. Администрація и судъ здѣсь, въ сущности, помѣнялись ролями; администрація разсматриваетъ и разрѣшаетъ дѣла по существу, судъ является неразумяющимъ исполнителемъ закона. Необходимо положить конецъ такому положенію дѣлъ, столь же мало, въ сущности, выдерживающему критику, какъ выдержало бы ее безусловное воспрещеніе разлученія. На сторонѣ послѣдняго было бы, по крайней мѣрѣ, преимущество послѣдовательности, которою не отличается дѣйствующій порядокъ. Возможность разлученія обусловливается, *de facto* (кромя случаевъ высылки и ссылки), не существованіемъ уважительныхъ къ нему основаній, а совершенно случайными обстоятельствами—мѣстомъ жительства супруговъ, сословіемъ, къ которому они принадлежатъ, общественнымъ ихъ положеніемъ, средствами, которыми они располагаютъ и т. п.

Когда возникаетъ вопросъ о введеніи развода или объ увеличеніи числа законныхъ причинъ его, онъ усложняется почти всегда—особенно въ государствахъ католическихъ и православныхъ—соображеніями религіознаго или церковнаго характера. Указывается на то, что бракъ есть таинство, что союзъ, имъ освященный, безусловно неразрывенъ или расторгимъ только при условіяхъ, опредѣленныхъ церковью, и по рѣшенію церковнаго суда; оспаривается право государства, т.-е. свѣтской власти, измѣнять, по своему усмотрѣнію, выработанныя церковью правила о разводѣ. Въ нашихъ глазахъ это

право не подлежить ни малѣйшему сомнѣнію ¹⁾; но въ предѣлахъ спеціальной задачи, которую мы себѣ поставили, намъ нѣтъ надобности доказывать его, а достаточно установить, что къ *разлученію* супруговъ возраженія, приводимыя противъ регламентаціи *развода* свѣтскою властью, вовсе не примѣнимы. Бракъ, при разлученіи супруговъ, остается въ полной силѣ; связь, созданная имъ, не разрушается, а отмѣняются или, лучше сказать, перестаютъ дѣйствовать, впредь до примиренія супруговъ, только нѣкоторыя, чисто мірскія послѣдствія брака. Все касающееся мѣста жительства супруговъ, имущественныхъ ихъ отношеній, ограниченій родительской власти, очевидно входитъ въ сферу свѣтскаго законодательства. Законъ, допускающій разлученіе супруговъ при высылкѣ или ссылкѣ, никогда, сколько извѣстно, не вызывалъ протеста со стороны церковной власти; не возражаетъ противъ него, въ „Курсѣ гражданского права“, и К. П. Побѣдоносцевъ, вообще вполне консервативный въ воззрѣніяхъ своихъ на брачное право. Если разлученіе могло быть допущено закономъ для одной категоріи случаевъ, то, съ формальной точки зрѣнія, очевидно нѣтъ препятствій къ допущенію его и для другихъ, тѣмъ болѣе, что рѣчь идетъ, собственно говоря, лишь объ узаконеніи существующаго факта, о замѣнѣ административнаго усмотрѣнія точно опредѣленнымъ, для всѣхъ одинаковымъ порядкомъ. Что въ разлученіи супруговъ нѣтъ ничего противнаго ученію православной церкви, это доказывается, притомъ, не только введеніемъ его въ проектъ гражданского уложенія, составленный для единовѣрной съ нами Греціи, но и нашей церковной практикой XVIII вѣка.

VI.

Установивъ *право* законодательной власти регламентировать разлученіе супруговъ, остается опредѣлить, есть ли *основаніе* къ широкому пользованію этимъ правомъ. Не слѣдуетъ ли опасаться, что узаконеніе разлученія поколеблетъ прочность супружескихъ отношеній, нарушитъ миръ и тишину семейной жизни? Совмѣстное житье супруговъ требуется нашимъ закономъ, но принудительныя мѣры къ исполненію этого требованія принимаются только въ рѣдкихъ, крайнихъ случаяхъ. „Законъ, — говоритъ К. П. Побѣдоносцевъ, — не настаиваетъ безусловно на непремѣнномъ соблюденіи, во что бы

¹⁾ Въ нашей литературѣ самый подробный и основательный разборъ вопроса о роли свѣтской власти въ развитіи и видоизмѣненіи брачнаго законодательства принадлежитъ покойному Оршанскому (см. статью о реформѣ гражданского суда и брачнаго права, въ „Исслѣдованіяхъ по русскому праву обычному и брачному“).

то ни стало, правила о совокупномъ жителствѣ супруговъ; слѣдовательно, мужъ и жена, если, по необходимости и по доброй волѣ каждого, проживаютъ въ разныхъ мѣстахъ, поступаютъ не противно закону". Раздѣльная жизнь супруговъ является, такимъ образомъ, возможной и при дѣйстви самыхъ строгихъ противъ нея предписаній; въ огромномъ большинствѣ случаевъ она наступаетъ сама собою, безъ участія и даже безъ вѣдома власти. Фактическое прекращеніе брачныхъ отношеній зависитъ отъ множества обстоятельствъ, которыхъ законъ не можетъ ни предусмотрѣть, ни предупредить; оно предшествуетъ, вообще говоря, ходатайству о юридическомъ разлученіи и служитъ не столько послѣдствіемъ его, сколько причиною. Разъ что несогласія между супругами достигли извѣстнаго предѣла, отсутствіе законнаго изъ нихъ исхода, путемъ формальнаго разлученія, можетъ привести либо къ искусственному, можетъ быть даже насильственному поддержанію или восстановленію совмѣстной жизни, либо къ прекращенію ея на условіяхъ крайне невыгодныхъ и несправедливыхъ для одного изъ супруговъ (большую частью, конечно, для жены, какъ для стороны фактически и юридически слабѣйшей). Рассмотримъ обѣ альтернативы. Мужъ требуетъ водворенія къ нему жены, и она возвращается къ нему въ силу судебного рѣшенія или распоряженія административной власти. Во что обращается, при такихъ условіяхъ, совмѣстная жизнь, въ какой степени она соответствуетъ достоинству и святости супружескаго союза, какъ она отражается на дѣтяхъ—это не трудно себѣ представить. На такой именно почвѣ легко созрѣваетъ не только безнравственность, но и склонность къ преступленію. Водвореніе жены въ домъ мужа не всегда, притомъ, достигаетъ даже ближайшей своей цѣли—восстановленія совмѣстной жизни, потому что мужъ не имѣетъ права держать жену взаперти, и жена можетъ, слѣдовательно, опять уйти отъ мужа. Противорѣчіе, коренящееся, такимъ образомъ, въ самомъ понятіи о водвореніи, давно уже указано и французскими, и нѣмецкими юристами ¹⁾; его констатируетъ даже К. П. Побѣдоносцевъ, какъ доводъ противъ безусловнаго *юридическаго* подчиненія жены подъ власть мужа. На практикѣ, впрочемъ, искъ о водвореніи жены направленъ, болѣею частью, не столько къ дѣйствительному восстановленію совмѣстной жизни, сколько къ принужденію жены исполнить то или другое требованіе мужа, купить у него право на свободу. Такія сдѣлки—явленіе обыкновенное и въ тѣхъ случаяхъ,

¹⁾ См., напримѣръ, мнѣнія Удо и Коха, цитируемые Орманскимъ въ статьѣ о личныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ („Исслѣдованія по русскому праву семейному и наслѣдственному“, стр. 45 и 46).

когда совмѣстная жизнь прекращается по обоюдному согласію супруговъ, безъ участія администраціи или суда. Чтобы получить отдѣльный видъ на жительство, жена нерѣдко бываетъ готова на значительныя матеріальныя пожертвованія; иногда дѣлаетъ ихъ и мужъ, чтобы избѣжать обращенія жены къ административной власти, къ начальству мужа. Когда подобное обращеніе, по обстоятельствамъ даннаго случая, не страшно для мужа, онъ всегда можетъ сначала сдѣлать для жены невыносимой совмѣстную жизнь, а потомъ оставить ее безъ всякихъ средствъ къ существованію, заявляя на судѣ, въ случаѣ требованія ею алиментовъ, свою готовность принять ее къ себѣ обратно. Еще болѣе удобнымъ представляется притѣсненіе жены со стороны мужа, когда у нихъ есть дѣти; формальное право требовать къ себѣ дѣтей, при фактически раздѣльной жизни супруговъ, принадлежитъ теперь мужу, и онъ можетъ пользоваться этимъ, чтобы насильно удерживать при себѣ жену или доводить ее до уступокъ всякаго рода. Въ виду всего сказаннаго, мы полагаемъ, что регламентація разлученія приведетъ не къ потрясенію брачныхъ отношеній, не къ размноженію семейныхъ несогласій, а только къ уменьшенію сопряженныхъ съ ними, при настоящемъ положеніи дѣла, замѣшательствъ и злоупотребленій. Число супруговъ, живущихъ не вмѣстѣ, увеличится, при узаконеніи разлученія, едва замѣтно; супружеское сожительство будетъ прекращаться почти исключительно въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ оно и теперь существуетъ только по имени, ни мало не соотвѣтствуя высокому идеалу брачной жизни.

VII.

Разсѣять опасенія, возбуждаемыя узаконеніемъ разлученія, всего лучше могутъ статистическія данныя. Въ публичной лекціи, недавно прочитанной въ Парижѣ Бертильономъ, констатированъ тотъ фактъ, что при дѣйствіи одинаковыхъ законовъ о разводѣ число разводовъ, относительно къ населенію и къ числу браковъ, бываетъ весьма различно. Такъ, напримѣръ, въ Даніи и Норвегіи законы о разводѣ одни и тѣ же, но въ первомъ изъ этихъ государствъ случаи развода встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ въ последнемъ. Въ Швейцаріи законодательство о разводѣ—общее для всѣхъ кантоновъ, но цифры разводовъ въ отдѣльныхъ кантонахъ до крайности разнообразны. По свѣденіямъ за 1878 г., приведеннымъ въ книгѣ Глассона, процентное отношеніе разводовъ къ бракамъ колеблется между 0 (въ Ури и Унтервальденѣ) и 15½ (въ протестантской части Аппенцелля). Въ Бельгіи, съ 1830 по 1875 г., было 1967 разводовъ; изъ нихъ 1353

(почти 70%) упадаетъ на четыре главные города государства—Брюссель, Антверпенъ, Гентъ и Люттихъ. Такія же колебанія замѣтны и въ числѣ разлученій. Во Франціи, наприимѣръ (въ пятидесятихъ годахъ) въ сенскомъ департаментѣ—т.-е. въ Парижѣ—совершалось ежегодно болѣе 200 разлученій, между тѣмъ какъ на долю нѣкоторыхъ центральныхъ и южныхъ департаментовъ приходилось по одному разлученію въ годъ. Общая цифра разлученій во Франціи не особенно высока. Въ революціонную эпоху, вслѣдъ за введеніемъ развода, число расторгнутыхъ браковъ было весьма значительно, равняаясь иногда, въ Парижѣ, числу браковъ вновь заключенныхъ; но это объясняется съ одной стороны общимъ характеромъ времени, съ другой—упадкомъ семейной жизни въ до-революціонной Франціи XVIII-го вѣка. При дѣйствіи гражданскаго кодекса, т.-е. съ 1803 по 1816 г., разводъ былъ явленіемъ сравнительно рѣдкимъ¹⁾; даже въ Парижѣ совершалось только отъ 50 до 75 разводовъ въ годъ. Относительно разлученія, смѣнившаго разводъ, мы имѣемъ въ виду среднія цифры за восемь пятилѣтій, съ 1841 по 1880 г. Онѣ растутъ въ слѣдующей постепенности: въ первое пятилѣтіе—среднимъ числомъ ежегодно 1043 иска о разлученіи, изъ нихъ уважено 759; во второе—1080, изъ нихъ уважено 778; въ третье—1529, изъ нихъ уважено 1127; въ четвертое—1913, изъ нихъ уважено 1440; въ пятое—2395, изъ нихъ уважено 1811; въ шестое—2833, изъ нихъ уважено 2166; въ седьмое—2647, изъ нихъ уважено 2004; въ восьмое—3264, изъ нихъ уважено 2559. Если принять во вниманіе, съ одной стороны, что увеличенію числа исковъ о разлученіи послѣ 1850 г. способствовалъ законъ 1851 г. о правѣ бѣдности и безвозмездной защиты (*Loi sur l'assistance judiciaire*)—въ пятилѣтіе съ 1876 по 1880 г. подъ дѣйствіе этого закона подходило ежегодно, среднимъ числомъ, 1599 исковъ, т.-е. почти половина общей ихъ цифры,—съ другой стороны, что Франція пережила въ это время эпоху крайней распушенности нравовъ,—то возрастаніе числа исковъ о разлученіи отнюдь не можетъ быть признано особенно быстрымъ. Непрерывностью оно также не отличается; въ пятилѣтіе съ 1871 по 1875 г. число исковъ о разлученіи и рѣшеній, его допускающихъ, понизилось сравнительно съ предыдущимъ; въ пятилѣтіе съ 1876 по 1880 г. оно остается почти неподвижнымъ, иногда даже слегка понижаясь (въ 1876 г.—3251 искъ, въ 1877—3216, въ 1878—3277, въ 1879—3286, въ 1880—3290). Въ продолженіе тридцати-пяти лѣтъ (съ 1840 по 1874 г.)

¹⁾ Если вѣрить цифрѣ, приведенной въ палатѣ депутатовъ во время преній 1882 г. о разводѣ, въ теченіе 10 лѣтъ (съ 1803 по 1812 г.) было совершено во Франціи 942 развода.

во Франціи было заключено около 10 миллионѣвъ браковъ, а рѣшеній о разлученіи супруговъ состоялось около 48 тысячъ, т.-е. менѣе $\frac{1}{2}\%$; даже въ самые послѣдніе годы послѣдняя цифра, по отношенію къ первой, не составляетъ одного процента. По словамъ Бертильона, отношеніе разводовъ къ числу браковъ колеблется—въ различныхъ государствахъ, гдѣ допущенъ разводъ—между 1 и 28 съ 1000, т.-е. между $\frac{1}{10}$ и $2\frac{3}{4}\%$. Всѣ эти факты доказываютъ съ полною ясностью, что при узаконеніи разлученія, какъ и при широкомъ правѣ развода, прекращеніе брачной жизни по суду является рѣдкимъ исключеніемъ, не угрожающимъ опасностью общему значенію брачнаго союза. Лучшей охраной этого союза служатъ тѣ многочисленныя и разнообразныя связи, привычки, интересы, которые онъ устанавливаетъ. Чтобы отказаться отъ нихъ, чтобы взять на себя инициативу разрыва, глубоко и тяжело отражающагося на всѣхъ сторонахъ жизни, нужны, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, весьма серьезныя и важныя причины—такія причины, при существованіи которыхъ совместная жизнь или становится невозможной, или теряетъ всякій смыслъ и всякую внутреннюю цѣнность. Подтвержденіемъ этому служатъ, между прочимъ, и высокій, замѣчательно постоянный (отъ 72 до 78%, въ среднемъ выводѣ—75 $\frac{3}{4}\%$) процентъ исковъ о разлученіи, уваженныхъ французскими судами. Если вычесть изъ общей цифры исковъ о разлученіи дѣла, прекращенныя за примиреніемъ супруговъ (около 14 $\frac{1}{2}\%$), то исковъ, отвергнутыхъ судомъ, окажется менѣе 10%. Отсюда явствуетъ, что безъ твердыхъ, вѣскихъ основаній просьба о разлученіи представляется весьма рѣдко. Замѣтимъ, притомъ, что самый отказъ въ искѣ не всегда свидѣтельствуетъ о неосновательности требованія, такъ какъ онъ можетъ зависѣть и отъ формальной недостаточности представленныхъ истцемъ доказательствъ.

VIII.

Мы возражали, до сихъ поръ, противъ тѣхъ аргументовъ, которыми мотивируется обыкновенно необходимость сохраненія status quo въ дѣлахъ брачныхъ, оспаривается всякая реформа брачнаго законодательства. Возможенъ, однако, и взглядъ совершенно противоположный, видящій въ разлученіи супруговъ только палліативное средство, полу-мѣру, и стоящій исключительно за распространеніе и облегченіе развода. Въ нашихъ глазахъ дѣйствующія постановленія о разводѣ далеко неудовлетворительны, пересмотръ ихъ, въ связи съ составленіемъ новаго гражданскаго уложенія, кажется намъ настоятельно необходимымъ; но это не мѣшаетъ намъ стоять, вмѣстѣ съ

тѣмъ, и за узаконеніе разлученія. Совмѣстное существованіе разлученія и развода—фактъ довольно распространенный. Мы видѣли уже, что оно допущено въ Англіи, въ Голландіи, въ Бельгій, было допущено во Франціи (при Наполеонѣ I-мъ), въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ и нѣмецкихъ государствахъ, проектируется вновь во Франціи, въ Италіи, въ Греціи; русское законодательство признаетъ только разводъ, но практика давно прибавила къ нему и разлученіе. Если общій имперскій законъ въ Германіи, общій федеральный законъ въ Швейцаріи устранили недавно постоянное разлученіе супруговъ, то объясненіе этому слѣдуетъ искать въ той борьбѣ, которую правительства обѣихъ странъ ведутъ—или вели—противъ притязаній католической церкви. Заменяя разлученіе разводомъ, германское имперское правительство имѣло въ виду ту же цѣль, какъ и при введеніи обязательнаго гражданскаго брака; оно стремилось къ секуляризаціи такихъ сторонъ общественной жизни которыя, оставаясь въ рукахъ католическаго духовенства, увеличивали значеніе и могущество его, въ ущербъ свѣтской власти. Помимо этого соображенія, непримѣнимаго къ Россіи—по крайней мѣрѣ въ настоящее время—ничто не говоритъ противъ узаконенія разлученія наряду съ разводомъ. Постановленія, относящіяся къ разводу, могутъ быть измѣняемы или дополняемы и при существованіи разлученія. Система, соединяющая въ себѣ разводъ и разлученіе, отличается многими, существенно-важными преимуществами. Она позволяетъ супругамъ выбирать тотъ способъ прекращенія брачныхъ отношеній, который наиболѣе соотвѣтствуетъ ихъ религіознымъ убѣжденіямъ—а это, въ свою очередь, способствуетъ объединенію брачнаго законодательства. Особныя правила, существующія, напримѣръ, для католиковъ Россіи и царства польскаго, перестанутъ быть необходимыми, разъ что разлученіе супруговъ станетъ доступнымъ для всѣхъ русскихъ подданныхъ, безъ различія вѣроисповѣданія. Разлученіе, какъ форма болѣе мягкая и менѣе безповоротная, чѣмъ разводъ, можетъ сдѣлаться переходной стадіей на пути къ послѣднему—стадіей, дальше которой часто и не будетъ идти расторгненіе брачныхъ узъ. Отсюда увеличеніе шансовъ для примиренія супруговъ, для восстановленія брачной жизни. Разводъ, по самому своему свойству, можетъ быть допущенъ для меньшаго числа случаевъ и съ большими затрудненіями, чѣмъ разлученіе; ограничиваться однимъ рѣшительнымъ, сильно-дѣйствующимъ средствомъ, значить оставлять безъ всякаго врачеванія менѣе тяжкія формы болѣзни. Конечно, разлученіе супруговъ сопряжено съ большими неудобствами: оно прекращаетъ брачную жизнь, не разрушая брачныхъ узъ, обрекаетъ обѣихъ супруговъ—изъ которыхъ часто виновенъ только одинъ—на фактическое

безбрачіе; оно не устраняетъ радикально ни самыхъ поводовъ къ враждѣ между супругами, ни тѣсно связанныхъ съ нею нарушеній супружеской вѣрности; оно оставляетъ въ силѣ нѣкоторыя обязанности, вытекающія изъ брака, разрушая соотвѣтствующія имъ права. Все это доказываетъ, однако, только недостаточность *одного* разлученія—т.-е. необходимость допущенія, рядомъ съ нимъ, и развода, —но отнюдь не абсолютную непригодность этого способа прекращенія брачныхъ отношеній. Чтобы правильно оцѣнить разлученіе, нужно сопоставить его не съ разводомъ, а съ юридическою неприкосновенностью фактически распавшейся брачной связи. Въ сравненіи съ положеніемъ супруга, принуждаемаго къ продолженію брачнаго сожителства или насильственно удерживаемаго въ немъ, положеніе супруга законно-разлученнаго представляется въ высшей степени благоприятнымъ—иначе не было бы такого числа лицъ, помогающихся разлученію. Совершенно правильное отношеніе къ вопросу о разлученіи мы видимъ въ французской парламентской сферѣ. Комиссія палаты депутатовъ, разсматривавшая въ 1882 г. проектъ закона о разводѣ, ораторы, говорившіе за его принятіе, самъ авторъ предложенія—какъ нельзя лучше понимали и выставляли на видъ всѣ слабыя стороны разлученія, но выводили изъ нихъ не уничтоженіе сепарациа, а восстановленіе развода. Сепарациа есть зло, но зло во-первыхъ неизбежное, во-вторыхъ, меньшее, чѣмъ то, противъ котораго оно направлено; другихъ оправданій для нея и не нужно.

За узаконеніе разлученія въ Россіи — не исключаящее, какъ мы уже видѣли, пересмотра русскихъ законовъ о разводѣ — говорятъ, помимо всего сказаннаго, еще слѣдующія соображенія. Всѣ тѣ обстоятельства, которыя, устраняя возможность согласной брачной жизни, не будутъ, въ концѣ концовъ, признаны законнымъ поводомъ къ разводу, могутъ быть отнесены, по крайней мѣрѣ, къ числу причинъ разлученія, разъ что послѣднее получить право гражданства въ нашемъ законодательствѣ. Разводъ, далѣе, составляетъ у насъ въ настоящее время (за исключеніемъ случаевъ безвѣстнаго отсутствія) достояніе однихъ высшихъ и среднихъ классовъ общества. Если и нельзя признать, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изслѣдователями обычнаго права (А. Ефименко, А. Смирновъ), что „масса крестьянства до сихъ поръ даже не знаетъ о возможности формальнаго развода“, то во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что крестьяне весьма рѣдко ходатайствуютъ о разводѣ. Объясняется это отчасти нынѣшнимъ порядкомъ производства бракоразводныхъ дѣлъ, но отчасти, быть можетъ, и народными взглядами, выразившимися въ пословицахъ: женитьба есть, а разженитьбы нѣтъ; женился—на вѣкъ заложился; жена не лапоть — съ ноги не скинешь; худой попъ свѣнчаетъ — и

хорошему не развѣнчать, и т. п. Разлученіе, наоборотъ, хорошо знакомо народу и практикуется имъ въ довольно широкихъ размѣрахъ. Вслѣдствіе меньшей важности разлученія, сравнительно съ разводомъ, оно можетъ быть, притомъ, обставлено менѣе стѣснительными условіями и ввѣрено суду, болѣе близкому къ массѣ населенія ¹⁾.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что для достиженія той цѣли, въ виду которой мы стоимъ за узаконеніе сепараціи, достаточно другого, болѣе простаго средства—воспрещенія всякихъ принудительныхъ мѣръ, клонящихся къ поддержанію или восстановленію совмѣстной жизни супруговъ. Если мужъ будетъ лишентъ права требовать къ себѣ жену черезъ посредство полиціи или суда, если фактическое прекращеніе совмѣстнаго жительства будетъ зависѣть, такимъ образомъ, не только отъ обоюднаго ихъ согласія, но и отъ воли одного изъ нихъ, то останется ли, затѣмъ, какое-нибудь основаніе для иска о сепараціи? За границей разлученіе супруговъ вліяетъ не только на личныя, но и на имущественныя ихъ отношенія, полагая конецъ законнымъ правамъ мужа на имущество жены или договорнымъ правамъ одного изъ супруговъ на имущество другого; въ Россіи замужество не ограничиваетъ имущественныхъ правъ жены, а брачныя договоры не установлены ни закономъ, ни обычаемъ. Для такъ-называемой имущественной сепараціи (*séparation de biens*) у насъ, значитъ, нѣтъ мѣста; какой же смыслъ будетъ имѣть искъ о разлученіи, разъ что личная сепарація (*séparation de corps*) будетъ возможна и помимо санкціи суда? Мы отвѣтимъ на это, что требованія о разлученіи, предъявляемыя у насъ въ настоящее время (администраціи или волостному суду), направлены, сплошь и рядомъ, не только къ огражденію личной свободы, къ прекращенію обязательно-совмѣстной жизни, но и къ другимъ цѣлямъ, которыхъ нельзя достигнуть безъ участія власти—къ опредѣленію судьбы дѣтей, къ матеріальному обезпеченію неимущаго супруга. Возникающіе по этому предмету споры имѣютъ характеръ чисто судебный и даже теперь разрѣшаются иногда общими судебными мѣстами. Однажды узаконенное, разлученіе супруговъ можетъ имѣть у насъ и другія, весьма разнообразныя имущественныя послѣдствія,—напр., возвращеніе приданнаго (уже теперь встрѣчающееся въ практикѣ волостныхъ

¹⁾ Изъ числа русскихъ писателей, требующихъ пересмотра дѣйствующихъ законовъ о разводѣ (съ цѣлью увеличенія законныхъ причинъ его), никто, сколько намъ извѣстно, не возстаетъ противъ одновременнаго существованія развода и разлученія; прямо за узаконеніе разлученія высказываются г. Способинъ („о разводѣ въ Россіи“ Москва 1881, стр. 198 и сл.) и покойный Оршанскій, въ статьѣ о реформѣ гражданского суда и брачнаго права.

судовъ), недѣйствительность дара, раньше сдѣланнаго однимъ изъ супруговъ въ пользу другого, потерю права на указную часть и т. п. Какимъ бы измѣненіямъ ни подверглись, слѣдовательно, наши законы о власти мужа надъ женою, а вмѣстѣ съ тѣмъ и паспортныя правила, устраняющія теперь легальную возможность отдѣльной жизни жены, безъ согласія на то мужа—иски о разлученіи во всякомъ случаѣ сохранять свое значеніе, свою необходимость.

IX.

Переходя отъ общихъ положеній къ подробностямъ, посмотримъ, прежде всего, въ какихъ случаяхъ — помимо тѣхъ, которые въ настоящее время даютъ право просить о разводѣ—слѣдовало бы допустить разлученіе супруговъ. Всего правильнѣе, быть можетъ, было бы не перечислять въ законѣ всѣхъ причинъ разлученія, а предоставить опредѣленіе ихъ самому суду. Разлученіе, при такомъ порядкѣ, разрѣшалось бы каждый разъ, когда судомъ констатирована была бы невозможность возстановить согласіе и миръ между супругами (само собою разумѣется—если при этомъ нѣтъ поводовъ къ разводу, или стороны о немъ не просятъ). На первое время, однако, ничѣмъ не ограниченная свобода дѣйствій суда могла бы быть сопряжена съ серьезными неудобствами. Облегчая, повидимому, прекращеніе совмѣстнаго жительства и подавая поводъ къ толкамъ объ ослабленіи брачныхъ узъ, она могла бы, на самомъ дѣлѣ, затруднить разлученіе; признавъ наличность хотя бы жестокаго обращенія мужа съ женою, судъ могъ бы найти, что надежда на примиреніе супруговъ еще не утрачена, и отказать въ просьбѣ жены о разлученіи. Осторожнѣе, поэтому, указать въ законѣ причины, дающія право требовать разлученія, *разрѣшивъ* вмѣстѣ съ тѣмъ суду допускать его и въ другихъ случаяхъ, прямо закономъ не предусмотрѣнныхъ, но равномѣрно исключающихъ возможность семейнаго мира и согласія.

На первомъ планѣ между законными причинами разлученія—да и между законными причинами развода, гдѣ онъ не ограниченъ въ такой мѣрѣ, какъ у насъ—стоитъ обыкновенно жестокое, грубое или оскорбительное обращеніе одного изъ супруговъ съ другимъ. Изъ числа 87,830 исковъ о разлученіи, предъявленныхъ во Франціи въ продолженіе сорока лѣтъ, съ 1841 по 1880 г., 78,750 (болѣе 89 1/2 %) имѣли основаніемъ именно *excess, sévices et injures graves* ¹⁾. Въ Ру-

¹⁾ Изъ числа остальныхъ исковъ 1200 (менѣе 1 1/4 %) были предъявлены вслѣдствіе присужденія одного изъ супруговъ къ позорящему наказанію; 4675 (около 5 1/2 %) — вслѣдствіе прелюбодѣянія жены; 8215 (около 8 1/2 %) — вслѣдствіе прелюбодѣянія мужа.

мысли, въ продолженіе семи лѣтъ (съ 1864 по 1870 г.) было предъявлено 3880 исковъ о разводѣ; основаніемъ иска въ 3264 случаяхъ (болѣе 84%) служило дурное обращеніе одного изъ супруговъ съ другимъ. Въ кантонѣ Ваатландъ изъ числа 637 разводовъ, допущенныхъ въ продолженіе двадцати лѣтъ (1859—78) по требованію жены, 484 (76%) также имѣли вышеупомянутое основаніе. Число исковъ о разлученіи, предъявляемыхъ во Франціи женою, вѣнстеро больше исковъ, предъявляемыхъ мужемъ; на 75,345 первыхъ приходится (за сорокъ лѣтъ) только 12,485 послѣднихъ. Отсюда явствуется, что дурное обращеніе между французскими супругами—явленіе гораздо болѣе обычное со стороны мужа, чѣмъ со стороны жены. Если принять во вниманіе разницу между французскими нравами и русскими, то не трудно придти къ заключенію, что у насъ искъ о разлученіи—разъ, что къ числу законныхъ причинъ его будетъ отнесено дурное обращеніе супруга—еще чаще, сравнительно, будутъ предъявляемы женою, т.-е. стороною наиболѣе безпомощною, наиболѣе требующею покровительства закона ¹⁾. Въ настоящее время жена, страдающая отъ самодурства мужа, имѣетъ только одно средство защиты—жалобу въ уголовный судъ; но для того, чтобы эта жалоба не была оставлена безъ послѣдствій и не послужила только новымъ поводомъ къ ожесточенію мужа противъ жены, нужно, чтобы дурное обращеніе достигло крайней степени, получило преступный характеръ. Испортить семейную жизнь, сдѣлать пребываніе въ домѣ мужа невыносимымъ для жены оно можетъ, очевидно, гораздо раньше, чѣмъ дойдетъ до этихъ размѣровъ. Необходимо принять въ соображеніе и то, что мужъ, несомнѣнно виновный въ жестокомъ обращеніи съ женою, можетъ быть оправданъ присяжными ²⁾, и то, что даже при обвинительномъ приговорѣ власть мужа надъ женою восстанавливается, по отбытіи наказанія, въ полной силѣ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія, или присужденъ къ ссылке на житье, или не принятъ обществомъ въ свою среду послѣ освобожденія изъ арестантскихъ ротъ или рабочаго дома ³⁾. Мы знаемъ

¹⁾ Въ 1877 г. за нанесеніе тѣлесныхъ поврежденій женѣ было осуждено, въ шести судебныхъ округахъ, 50 мужей, за нанесеніе тѣлеснаго поврежденія мужу—только одна жена!

²⁾ Поразительный примѣръ такого оправданія см. у Орнанскаго, въ статьѣ о реформѣ гражданского суда и брачнаго права, стр. 350. Уголовная статистика удостоверяетъ, что наши присяжные, вообще говоря, гораздо снисходительнѣе къ преступленіямъ противъ личности, чѣмъ къ преступленіямъ противъ имущества; въ особенности это примѣнно къ присяжнымъ-крестьянамъ.

³⁾ Старые суды, когда признавали жестокое обращеніе мужа съ женою доказаннымъ, освобождали иногда жену отъ обязанности жить съ мужемъ или воспрещали мужу вѣздѣ въ имѣніе жены; новые суды, какъ болѣе точные исполнители

уже, что жестокое обращеніе мужа съ женою признавалось нашими духовными судами, въ XVIII вѣкѣ, достаточнымъ поводомъ къ разлученію супруговъ; оно признается поводомъ къ тому и въ настоящее время рѣшеніями волостныхъ судовъ. Оно включено въ число законныхъ причинъ разлученія (или развода) не только всѣми извѣстными намъ иностранными законодательствами—въ томъ числѣ и проектомъ греческаго гражданскаго уложенія—но и постановленіями, дѣйствующими для русскихъ подданныхъ католиковъ и протестантовъ (Полож. о брачномъ союзѣ въ царствѣ польскомъ ст. 62, т. XI св. зак. уст. иностр. исповѣд. ст. 263). Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что оно служило и служить однимъ изъ главныхъ основаній того фактическаго вмѣшательства административной власти въ семейныя дѣла, которое замѣняетъ у насъ судебную сепарацію. Провозгласить дурное обращеніе—законно, для всѣхъ одинаковою причиной разлученія давно пора; только этимъ путемъ можетъ быть положенъ конецъ злоупотребленіямъ супружеской власти. Напрасно было бы возлагать надежду на одно смягченіе нравовъ; оно дѣйствуетъ слишкомъ медленно, если на помощь къ нему не приходитъ законодательство, если примѣръ реакціи противъ предрасудковъ и ложныхъ взглядовъ не подается самою властью. Вскорѣ послѣ открытія новыхъ мировыхъ установленій въ народѣ распространился слухъ, что бабъ бить не приказано; поводомъ къ нему послужилъ, по всей вѣроятности, тотъ фактъ, что мировые судьи, особенно въ первое время своей дѣятельности, не отказывали иногда женамъ въ разборѣ жалобъ на дурное обращеніе мужей. Если отдѣльныя явленія этого рода не остались незамѣченными народомъ, то тѣмъ больше повліяетъ на него изданіе и примѣненіе такого закона, который дѣйствительно ограждалъ бы жену отъ произвола мужа.

Поводомъ къ разлученію слѣдовало бы признать не только жестокое, но и вообще дурное обращеніе одного супруга съ другимъ, такъ какъ съ понятіемъ о жестокомъ обращеніи у насъ связано понятіе о дѣяніи или рядѣ дѣяній уголовнаго свойства. Французское законодательство не безъ основанія ставитъ *injures graves* наравнѣ съ *sévéres* и *exces*; оскорбленія, разрушающія любовь и уваженіе, могутъ быть нанесены не только дѣйствіями, но и словами, даже безмолвіемъ. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ и законъ, дѣйствующій у насъ для протестантовъ, насколько мысль его можетъ быть угадана сквозь неудачную редакцію. „Жестокое обхожденіе, связанное съ ругательствомъ, побоями или иными чувствительными оскорбленіями

закона, лишены возможности слѣдовать этому примѣру, даже въ случаяхъ самыхъ вопіющихъ.

—сказано въ ст. 263 уст. иностр. испов.—даетъ невинно страдающей сторонѣ право просить о разводѣ*. Мысль закона, очевидно, заключается здѣсь не въ томъ, что жестокое обращеніе служитъ поводомъ къ разводу лишь при усложненіи его ругательствами или иными чувствительными оскорбленіями, а въ томъ, что ругательства или иные чувствительныя оскорбленія составляютъ сами по себѣ, при извѣстной интенсивности, одинъ изъ видовъ жестокаго обхожденія и поводъ къ разводу. Разбирая искъ о разлученіи, мотивированный дурнымъ обращеніемъ, судъ, безъ сомнѣнія, будетъ принимать во вниманіе общественное положеніе супруговъ и степень образованія ихъ, какъ условія, отъ которыхъ отчасти зависитъ самая тяжесть оскорбленія. Слова, въ крестьянскомъ быту вовсе не считающіеся обидными, могутъ имѣть въ высшей степени оскорбительный характеръ для лицъ другого общественнаго класса. Какъ и вообще въ дѣлахъ объ обидахъ, для суда здѣсь будетъ играть главную роль *намереніе* оскорбить (*animus injuriendi*).

Всего ближе къ дурному обращенію одного супруга съ другимъ подходитъ случай дурного обращенія одного изъ нихъ съ малолѣтними дѣтьми или такого образа дѣйствій, который ведетъ къ нравственной портѣ дѣтей. Испанское законодательство признаетъ какъ то, такъ и другое, достаточнымъ поводомъ къ разлученію супруговъ. Саксонское уложеніе (ст. 1754) допускаетъ временное разлученіе супруговъ, если совмѣстная ихъ жизнь угрожаетъ опасностью жизни или здоровью дѣтей. Намъ кажется, что дурное обращеніе одного изъ супруговъ съ дѣтьми вполне равносильно дурному обращенію его съ другимъ супругомъ и должно имѣть тѣ же легальныя послѣдствія; равнодушное отношеніе къ страданію или къ систематической портѣ дѣтей столь же немислимо, какъ и равнодушіе къ собственному бѣдствію. Аналогичнымъ съ дурнымъ обращеніемъ слѣдуетъ признавать и такой образъ жизни одного изъ супруговъ, который подрываетъ въ корнѣ уваженіе къ нему другого, дѣлаетъ невозможнымъ супружеское согласіе и угрожаетъ благосостоянію семьи. По ст. 262 уст. иностр. испов., супругъ-протестантъ можетъ просить о разводѣ, если другая сторона совершенно порочнаго поведения и до такой степени предана пьянству, безразсудной расточительности или разврату, что хозяйство приходитъ отъ сего въ совершенный упадокъ. По ст. 1733 саксонскаго уложенія постоянное пьянство (*Trunksucht*) одного изъ супруговъ даетъ другому право просить о временномъ разлученіи, а если пьянство продолжается и послѣ истеченія срока разлученія, то годъ спустя можно просить о разводѣ. Австрійское законодательство допускаетъ разлученіе при нарушеніи однимъ изъ супруговъ добрыхъ семейныхъ нравовъ. Наравнѣ съ дурнымъ обра-

ченіемъ слѣдуетъ поставить, наконецъ, и такъ называемое злостное оставленіе однимъ изъ супруговъ другого (*quasi-desertio, abandon malicieux, böslische Verlassung*), т.-е. продолжительное уклоненіе, безъ достаточныхъ причинъ, отъ совмѣстной супружеской жизни. Оно несомнѣнно составляетъ тяжкую обиду и даетъ право требовать легализаціи разлученія, существующаго уже на самомъ дѣлѣ. Законной причиной сепараціи (или развода) оно признается, между прочимъ, въ Англіи, въ Голландіи, въ Саксоніи, въ Австріи, въ Румыніи, а также нашимъ уставомъ иностранныхъ исповѣданій (ст. 256), для протестантовъ. По саксонскому закону (ст. 1732), просьба о разводѣ, основанная на злонамѣренномъ оставленіи, оставляется безъ послѣдствій, если отвѣтчикъ, прежде объявленія рѣшенія, выразитъ готовность продолжать совмѣстную супружескую жизнь (*sich zur Fortsetzung der Ehe erbietet*). Судебная практика истолковала этотъ законъ такимъ образомъ, что готовность возстановить совмѣстную жизнь должна быть не только выражена на словахъ, но и подтверждена дѣйствіями (напр., наймомъ квартиры для помѣщенія семьи и т. п.). Намъ кажется, что даже и при такихъ условіяхъ къ прекращенію однажды начатаго дѣла о разлученіи не представляется достаточнаго основанія. Предъявленіе иска о разлученіи, мотивированнаго злонамѣреннымъ оставленіемъ, доказываетъ само по себѣ, что для возстановленія согласной супружеской жизни имѣется, по крайней мѣрѣ въ данную минуту, весьма мало шансовъ. Супругъ, сегодня изъявившій согласіе возвратиться къ своимъ обязанностямъ, завтра же можетъ взять назадъ свое согласіе — и оставленному супругу придется возобновить дѣло съ самаго начала. Это можетъ повториться нѣсколько разъ, обрекая невиннаго супруга на постоянную Сизифову работу. Мы нашли нужнымъ остановиться на этомъ пунктѣ въ особенности потому, что нѣчто подобное саксонскому порядку, только въ менѣе совершенномъ видѣ, существуетъ у насъ въ настоящее время. По разъясненію сената, простое заявленіе мужа о готовности его взять къ себѣ жену достаточно для отказа женѣ въ искѣ о содержаніи. Право требовать алиментовъ обращается, такимъ образомъ, въ мертвую букву, или ставится въ зависимость отъ доброй воли мужа. При узаконеніи сепараціи, обязанность мужа обезпечить жену алиментами будетъ вытекать изъ самаго рѣшенія о разлученіи; отсюда слѣдуетъ, что искъ о разлученіи, начатый вслѣдствіе злонамѣреннаго оставленія жены мужемъ, долженъ подлежать прекращенію лишь по обоюдному согласію сторонъ. Само собою разумѣется, что для удовлетворенія иска необходима извѣстная продолжительность оставленія (напр., не менѣе двухъ лѣтъ) и *злонамѣренность* его; другими словами, оно должно быть признано зависящимъ не отъ вины

оставленного супруга и не отъ случайныхъ или неотвратимыхъ обстоятельствъ.

Уваженіе и довѣріе, составляющія необходимое основаніе согласной супружеской жизни, могутъ быть разрушены преступленіемъ одного изъ супруговъ, если оно принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя обезпечиваютъ, позорятъ человѣка. Между тѣмъ, въ настоящее время право на разводъ или разлученіе обуславливается у насъ—да и не только у насъ—не свойствомъ преступленія, а исключительно свойствомъ наказанія. Наказаніе, сопряженное съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, даетъ невинному супругу право на разводъ; наказаніе, сопряженное съ ссылкой или высылкой—право на разлученіе, впрочемъ не всегда безусловное. Мы не возражаемъ противъ этихъ постановленій, основанныхъ на той перемѣнѣ, которую производитъ наказаніе въ *внѣшнемъ* положеніи супруговъ; но мы находимъ невозможнымъ и несправедливымъ игнорировать перемѣну, производимую иногда *преступленіемъ въ внутренней ихъ жизни*. Самые постыдныя преступленія не всегда оказываются самыми тяжкими съ уголовной точки зрѣнія; воровство, мошенничество, растрата, даже подлогъ не всегда влекутъ за собою ссылку или высылку изъ мѣста жительства, не всегда, слѣдовательно, даютъ невинному супругу право развестись или хотя разойтись съ виновнымъ, несмотря на происшедшее между ними, быть можетъ, полное нравственное отчужденіе. Саксонское уложеніе (ст. 1740) допускаетъ разводъ уже при присужденіи одного изъ супруговъ къ лишенію свободы не менѣе чѣмъ на три года, а также и въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ изъ супруговъ неоднократно, во время брачной жизни, подвергался наказаніямъ, сопряженнымъ съ лишеніемъ свободы, и продолжительность ихъ составляетъ, въ общей сложности, не менѣе трехъ лѣтъ. Еще болѣе правильное разрѣшеніе вопроса мы находимъ въ проектѣ закона о разводѣ, принятомъ въ 1882 г. французскою палатою депутатовъ. Право просить о разводѣ предоставлено здѣсь невинному супругу не только въ случаѣ осужденія другого супруга, за тяжкое преступленіе (*crime*), къ позорящему наказанію (*peine infamante*) или къ замѣняющему его, вслѣдствіе признанія уменьшающихъ вину обстоятельствъ, наказанію исправительному, но и въ случаѣ присужденія къ тюремному заключенію за воровство, мошенничество, злоупотребленіе довѣріемъ, публичные безнравственные поступки или развращеніе несовершеннолѣтнихъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ обвинительный приговоръ, вошедшій въ окончательную законную силу, слѣдовало бы признать и у насъ основаніемъ если не къ разводу, то по крайней мѣрѣ къ разлученію супруговъ.

По византійскому праву къ числу законныхъ причинъ развода

принадлежало сумасшествіе одного изъ супруговъ. У насъ, въ XVIII-мъ вѣкѣ, допускался разводъ вслѣдствіе болѣзни одного изъ супруговъ; это видно изъ синодскаго указа 1723 г., предписавшаго „разлучающихся мужа и жену отъ брачнаго союза за болѣзнями отнюдь безъ синодскаго разсужденія не разводить“. Еще въ концѣ столѣтія встрѣчается случай добровольнаго развода супруговъ (Щепочениныхъ) вслѣдствіе болѣзни мужа, послѣ чего каждый изъ супруговъ вступилъ, съ церковнаго благословенія, въ новый бракъ. Саксонское уложеніе (ст. 1743) признаетъ неизлечимую душевную болѣзнь поводомъ къ разводу; разводъ допускается имъ, по просьбѣ жены, и въ тѣхъ случаяхъ, когда, вслѣдствіе неизлечимой женской болѣзни, продолженіе брачнаго сожителства грозило бы опасностью жизни жены (ст. 1742). Австрійское уложеніе относитъ тяжкія заразительныя болѣзни къ числу законныхъ причинъ разлученія. Швейцарское законодательство считаетъ душевную болѣзнь поводомъ къ разводу. По нашему уставу иностранныхъ исповѣданій (ст. 260 и 261) браки расторгаются по просьбѣ одного изъ супруговъ, если другой лишился ума, или имѣетъ припадки бѣшенства, или одержимъ неизлечимою принципивою или крайне отвратительною болѣзнью, которой не имѣлъ или которую скрывалъ до заключенія брака. Вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли отнести душевную болѣзнь къ числу законныхъ причинъ развода, возникалъ въ комиссіи французской палаты депутатовъ, разсматривавшей въ 1882 г. проектъ закона о разводѣ, но разрѣшенъ ею отрицательно, на основаніи слѣдующихъ соображеній: „незаслуженное несчастье одного изъ супруговъ не только не служитъ причиной взаимнаго отчужденія, но является поводомъ къ развитію состраданія, самозабвенія, самопожертвованія, образующихъ истинную супружескую связь. Законодательство, способствующее изсущенію этого источника добродѣтелей, благоприятствующее жестокому эгоизму сердецъ, недоступныхъ для самаго естественнаго чувства, противорѣчило бы идеалу брачнаго союза“. Намъ кажется, что вопросъ нравственности смѣшивается здѣсь съ вопросомъ права. Высшее нравственное чувство, конечно, не оправдываетъ мужа, отвергающагося отъ больной, несчастной жены, или наоборотъ; но любовь, доходящая до самопожертвованія, не можетъ быть ни предписана, ни гарантирована закономъ. Болѣзнь притомъ не всегда бываетъ *незаслуженнымъ* несчастьемъ; уходъ за больнымъ душевною или отвратительною болѣзнью не всегда бываетъ по силамъ другого супруга, не всегда, наконецъ, совмѣстенъ съ обязанностями его по отношенію къ дѣтямъ. Гдѣ есть готовность и способность къ самопожертвованію, тамъ нѣтъ надобности въ искусственной поддержкѣ брачныхъ узъ; гдѣ нѣтъ этихъ условій, тамъ ничего нельзя

достигнуть путемъ приказанія или понужденія. Мы видѣли уже, что нашъ кассационный сенатъ признаетъ сумасшествіе законнымъ поводомъ къ прекращенію совмѣстной супружеской жизни. Нужно надѣяться, что наше законодательство, въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ, усвоитъ себѣ этотъ взглядъ, со всѣми логическими его послѣдствіями, и включить душевную болѣзнь, равно какъ и другіе недуги, возбуждающіе отвращеніе или угрожающіе опасностью здоровьемъ другого супруга, въ число законныхъ причинъ развода или разлученія. *Неизлечимость* болѣзни едва ли должна служить здѣсь условіемъ „*sine qua non*“; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только назвать сифилисъ — болѣзнь излечимую, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно составляющую достаточный поводъ къ прекращенію совмѣстнаго жительства супруговъ. Поводомъ къ разлученію, по просьбѣ жены, слѣдовало бы признать и такую болѣзнь ея, какая предусмотрена ст. 1742-ю саксонскаго уложенія.

X.

За вопросомъ о законныхъ причинахъ разлученія супруговъ слѣдуетъ вопросъ о законныхъ его послѣдствіяхъ. Первое изъ нихъ, разумѣющееся само собою—это прекращеніе обязательно-совмѣстной жизни, свобода каждого супруга набирать мѣсто жительства и вообще устроиваться независимо отъ другого. Для жены, достигшей разлученія, судебное рѣшеніе должно служить паспортомъ, отдѣльнымъ видомъ на жительство. Мужъ, послѣ разлученія, теряетъ право требовать къ себѣ жену, жена—право помогать водворенію у мужа. Если у разлучившихся супруговъ есть несовершеннолѣтніе дѣти, участь послѣднихъ должна быть опредѣлена самымъ рѣшеніемъ о разлученіи ¹⁾. Отсутствіе постановленій о судьбѣ дѣтей составляетъ одинъ изъ главныхъ недостатковъ дѣйствующаго у насъ законодательства о разводѣ. По уставу иностранныхъ исповѣданій (ст. 266) евангелическо-лютеранская консисторія, въ дѣлахъ бракоразводныхъ, рѣшаетъ, которой изъ сторонъ слѣдуетъ, послѣ расторгненія брака, отдать всѣхъ дѣтей вообще, или нѣкоторыхъ, и до какого именно

¹⁾ Иски о разлученіи чаще, относительно, предъявляются супругами бездѣтными, тѣмъ супругами, имѣющими дѣтей; но абсолютное большинство исковъ все-таки исходить отъ супруговъ, у которыхъ есть дѣти, по той простой причинѣ, что браковъ бездѣтныхъ гораздо меньше. Во Франціи, напримѣръ, число первыхъ относится къ числу послѣднихъ приблизительно какъ 1 : 4, а число исковъ о разлученіи, предъявленныхъ бездѣтными супругами, къ числу исковъ, предъявленныхъ супругами имѣющими дѣтей, приблизительно какъ 3 : 5.

возраста. Вслѣдъ за расторгненіемъ брака, она старается побудить разведенныхъ супруговъ къ любовной сдѣлкѣ касательно издержекъ, нужныхъ на воспитаніе и содержаніе дѣтей; въ случаѣ неуспѣха, предоставляетъ имъ о назначеніи сей суммы и прочихъ распоряженіяхъ по имѣнію вѣдаться въ свѣтскихъ судахъ. Заботятся, такъ или иначе, объ участи дѣтей и всѣ извѣстныя намъ законодательства, допускающія разводъ или разлученіе. Такъ, напримѣръ, по савсонскому уложенію (ст. 1749) дѣти моложе 6 лѣтъ отдаются матери, дѣти старше 6 лѣтъ—отцу, если только опекуный судъ не признаетъ, по обстоятельствамъ дѣла, что благо дѣтей больше будетъ обезпечено отдачею ихъ другому супругу; на отцѣ остается во всякомъ случаѣ обязанность содержать дѣтей. Нѣсколько иныя начала приняты французскимъ кодексомъ (ст. 302 и 303), примѣру котораго предполагали послѣдовать составители проекта русскаго гражданскаго уложенія, разсматривавшагося въ 1810 г. государственнымъ совѣтомъ. Статьи 277—280 этого проекта были изложены слѣдующимъ образомъ: „воспитаніе дѣтей (разведенныхъ супруговъ) вѣрается лицу невинному, исключая того случая, когда бы судъ, при разсмотрѣніи дѣла о разводѣ, нашелъ въ немъ достаточныя причины для вѣщей ихъ пользы поручить ихъ опекѣ. Дѣти поручаются опекѣ и въ томъ случаѣ, когда оба лица въ разводѣ найдены будутъ виновными. вмѣстѣ съ симъ судъ въ обоихъ случаяхъ постановитъ, какимъ образомъ воспитаніе и содержаніе дѣтей изъ имѣнія ихъ родителей должно быть обезпечено. Но во всѣхъ случаяхъ родители не лишаются права взаимно наблюдать за содержаніемъ и воспитаніемъ ихъ дѣтей, а если что-либо дойдетъ до свѣденія ихъ, пользаясь ихъ дѣтей противное, представляютъ о томъ опекуному суду, отъ коего зависѣть будетъ принять надлежащія мѣры исправленія“. Намъ казалось бы необходимымъ предоставить суду нѣсколько болѣшую свободу дѣйствій, уже потому, что допущеніе разлученія не всегда равносильно виновности отвѣтника, особенно по отношенію къ дѣтямъ. Нетрудно себѣ представить, напримѣръ, такіе случаи, когда мужъ, злонамѣренно оставившій жену или дурно обращавшійся съ нею, окажется хорошимъ отцемъ, у котораго несправедливо было бы отнять *всѣхъ* дѣтей; то же самое, съ болѣшимъ еще правомъ, можно сказать и о матери.

Допуская сепарацію, судъ долженъ регулировать не только содержаніе и воспитаніе дѣтей, но и содержаніе жены, разлучаемой съ мужемъ. Если разлученіе разрѣшено по просьбѣ жены, и если притомъ она не имѣетъ достаточныхъ средствъ къ жизни, то ей безусловно должно принадлежать право на содержаніе со стороны мужа въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ его имуществу или доходу.

Если разлученіе состоялось по просьбѣ мужа, т.-е. поводъ къ нему данъ женою, то назначеніе или неназначеніе ей содержанія должно зависѣть отъ усмотрѣнія суда. Несправедливо было бы признавать за женою, въ подобныхъ случаяхъ, безусловное право на содержаніе, но столь же несправедливо было бы и безусловно отказывать ей въ этомъ правѣ. Такъ, напримѣръ, если поводомъ къ разлученію служить корыстный проступокъ жены, за который она подверглась уголовному наказанію, то оставлять ее безъ всякихъ средствъ къ жизни значило бы вызывать ее на повтореніе преступленія, въ особенности когда она не привыкла или не въ силахъ работать, а мужъ—человѣкъ состоятельный. Основаніемъ къ назначенію содержанія можетъ служить и оставленіе при женѣ, по судебному рѣшенію, одного или нѣсколькихъ дѣтей. Есть, наконецъ, случаи, въ которыхъ судъ, по нашему мнѣнію, долженъ быть облеченъ правомъ назначать содержаніе мужу изъ средствъ жены; сюда относится, напримѣръ, разлученіе вслѣдствіе душевной или иной болѣзни мужа, если при этомъ онъ не имѣетъ собственнаго состоянія, а жена располагаетъ достаточными средствами ¹⁾. На другія имущественныя послѣдствія разлученія, могущія служить предметомъ законодательной регламентаціи (возвратъ приданнаго, уничтоженіе раньше сдѣланнаго дара, потеря права на указаную часть), мы уже указали выше; подробный ихъ разборъ вовсе не входитъ въ предѣлы нашей задачи. По вопросу о томъ, какому суду—духовному или свѣтскому—должны быть подвѣдомны дѣла о разлученіи супруговъ, едва ли можетъ возникнуть серьезное сомнѣніе. Если комитетъ для преобразованія духовно-судебной части—комитетъ, учрежденный въ 1870 г. *при синодѣ*—признавалъ возможнымъ передать бракоразводныя дѣла въ вѣденіе свѣтскаго суда, съ оставленіемъ за духовною властью только попытокъ къ примиренію супруговъ и самаго обряда расторженія брака, то тѣмъ менѣе можетъ найтись препятствій къ разрѣшенію свѣтскимъ судомъ чисто-свѣтскихъ, какъ мы уже видѣли, дѣлъ о разлученіи супруговъ. Недостатки нашего духовнаго суда, всего ярче обнаруживающіеся именно въ дѣлахъ бракоразводныхъ, слишкомъ знакомы всѣмъ и каждому; менѣе извѣстенъ тотъ, достовѣрный, повидимому, фактъ, что не чуждо злоупотребленій и производство дѣлъ о разлученіи въ католическихъ духовныхъ судахъ ²⁾. Въ дѣлахъ о разлученіи менѣе чѣмъ гдѣ-нибудь

¹⁾ По ст. 261 уст. иностр. испов., при разводѣ вслѣдствіе сумасшествія одного изъ супруговъ другой супругъ обязанъ предварительно обезпечить содержаніе перваго, если онъ не имѣетъ достаточнаго собственнаго имущества. Наше обычное право допускаетъ, какъ мы уже видѣли, возмѣщеніе мужу убытковъ, причиненныхъ ему оставленіемъ его женою.

²⁾ См. *М. Соловьева*, о недействительности брака и разводѣ по законамъ царства польскаго (Москва, 1878), стр. 180—188.

умѣстна формальная теорія доказательствъ, которою привыкли руководствоваться духовные суды. Весьма важно, наконецъ, и то, что духовный судъ, въ большинствѣ случаевъ, далекъ отъ мѣста жительства сторонъ и не пользуется ихъ довѣріемъ. Общедоступность, дешевизна, простота, возможность обойтись безъ помощи адвоката—вотъ условія, которымъ долженъ соответствовать порядокъ судопроизводства по дѣламъ о разлученіи супруговъ. Большой ошибкой было бы думать, что разлученіе—роскошь, прихоть, что къ нему стремятся только лица, болѣе или менѣе состоятельныя, болѣе или менѣе образованныя, которыхъ не затруднить и не остановить никакая форма процесса. Во Франціи свѣденія о званіи или профессіи супруговъ собраны по 76.540 искамъ о разлученіи, производившимся въ періодъ времени съ 1841 по 1880 годъ. Оказывается, что собственниковъ (propriétaires), капиталистовъ (rentiers) и лицъ свободныхъ профессій (professions libérales) было 17.315; торговцевъ (marchands, commerçants) — 15.175; земледѣльцевъ (cultivateurs) — 12.055; рабочихъ (ouvriers), поденщиковъ (journaliers) и лицъ состоящихъ въ услуженіи (domestiques) — 31.495. Въ процентномъ отношеніи къ общему числу эти цифры выражаются, приблизительно, такъ: 23%, 20%, 16%, 41½. Отсюда явствуетъ, что хотя относительный перевѣсъ исковъ приходится, конечно, на долю высшихъ, достаточныхъ классовъ общества, но абсолютная ихъ цифра весьма велика для рабочаго класса и отнюдь не мала для земледѣльческаго. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ нашемъ мѣщанскомъ и крестьянскомъ быту потребность въ сепараціи во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ въ соответствующихъ классахъ французскаго общества, потому что положеніе женщины именно въ этомъ быту у насъ въ особенности тяжело и всего менѣе обезпечено. Достаточнымъ доказательствомъ этого является и уголовная статистика, и множество исковъ о разлученіи въ волостныхъ судахъ, и наплывъ жалобъ женъ на мужей въ мировыя учрежденія, вслѣдъ за ихъ открытіемъ, когда народъ считалъ мировыхъ судей уполномоченными къ разбору дѣлъ о семейныхъ несогласіяхъ ¹⁾. Заграницей дѣла о разлученіи могутъ быть безъ большого неудобства предоставляемы вѣденію общихъ судовъ, потому что такихъ судовъ тамъ сравнительно много и они близки къ населенію; у насъ сосредоточеніе дѣлъ о разлученіи въ окружныхъ судахъ было бы, для массы народа, равносильно отказу въ правосудіи. Единственнымъ правильнымъ разрѣше-

¹⁾ Объ этомъ свидѣлствуетъ, напримѣръ, одинъ изъ провинціальныхъ мировыхъ судей (см. Вѣстникъ Европы 1872 г. № 2, стр. 611 и сл.), удостовѣряя, что жены крестьянъ часто просили о выдачѣ имъ *солонныхъ билетовъ* на раздѣльную жизнь съ мужьями.

ніемъ вопроса представляется, въ нашихъ глазахъ, отнесеніе этихъ дѣлъ къ вѣдомству мировыхъ учрежденій, съ тѣмъ только, чтобы рѣшеніе мирового судьи каждый разъ было сообщаемо въ копій мѣстному товарищу прокурора, который въ опредѣленный срокъ имѣлъ бы право требовать пересмотра дѣла на мировомъ сѣздѣ, съ выслушаніемъ заключенія прокурора. На рѣшенія сѣзда, прокурорскому надзору слѣдовало бы предоставить право протестовать въ кассационномъ порядкѣ. При такомъ порядкѣ, вполне согласномъ съ дѣйствующею уже теперь ст. 1345 уст. гражд. судопр., нельзя было бы опасаться легкомысленнаго, поверхностнаго отношенія къ дѣлу со стороны мировыхъ судей—а для тяжущихся судъ былъ бы всегда удободоступенъ, въ особенности еслибы дѣла о разлученіи были освобождены отъ всякихъ судебныхъ пошлинъ. Въ пользу предлагаемой нами подсудности дѣлъ о разлученіи говорить и имѣющійся уже прецедентъ: закономъ 28 декабря 1871 г., разрѣшеніе разлученія, присылкѣ мужа по общественному приговору,—предоставлено именно сѣзду мировыхъ судей. Мы ничего не имѣли бы, впрочемъ, и противъ разрѣшенія дѣлъ о разлученіи, когда обѣ стороны принадлежатъ къ крестьянскому сословію—волостнымъ судомъ, если только послѣдній получитъ правильную организацію и перестанетъ рѣшать дѣла безапелляціонно и въ сущности безконтрольно.

Преимущество разлученія передъ разводомъ заключается въ сравнительной легкости примиренія, восстановленія совмѣстной супружеской жизни. Оно можетъ осуществляться фактически даже безъ посредства суда; простое заявленіе супруговъ, удостовѣренное передъ судьей, должно быть достаточно для прекращенія всѣхъ юридическихъ послѣдствій разлученія. Облегчить примиреніе супруговъ можно еще однимъ путемъ—производствомъ дѣлъ о разлученіи при закрытыхъ дверяхъ и запрещеніемъ оглашать содержаніе ихъ въ печати. Въ пользу подобной мѣры высказалась еще недавно коммиссія французской палаты депутатовъ, разсматривавшая проектъ закона о разводѣ, и палата отвергла ее только незначительнымъ большинствомъ голосовъ (210 противъ 188). Объясняется это, можетъ быть, тѣмъ, что въ дѣлахъ о разводѣ гласность процесса представляетъ, сравнительно, менѣе неудобствъ, такъ какъ разводъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, разрываетъ супружескую связь окончательно и навсегда; но при сепараціи все еще остается надежда на примиреніе, и потому весьма желательно избѣгать всего, могущаго изъ послѣдствій времени затруднить его. Къ числу такихъ затрудненій принадлежитъ, безспорно, оглашеніе всѣхъ подробностей процесса всѣхъ раздоровъ между супругами, всѣхъ взаимныхъ ихъ обвиненій. Супругамъ гораздо легче будетъ сойтись, если причины ихъ разлученія остались извѣстными лишь немногимъ. Устраненіе гласности

въ дѣлахъ о разлученіи будетъ исполнѣнъ согласно съ общимъ смысломъ ст. 325 и 326 уст. гражд. судопр.

Юридическое общество высказалось недавно въ пользу *безотлагательнаго* введенія въ дѣйствующее гражданское право принятыхъ обществомъ положеній объ узаконеніи дѣтей, рожденныхъ внѣ брака. Еще болѣе неотложной кажется намъ реформа, которую мы предлагаемъ; ожидать, для ея осуществленія, изданія новаго гражданского уложенія значило бы надолго оставить закрытымъ выходъ изъ такихъ положеній, которыя слишкомъ часто доводятъ до отчаянія, до самоубійства, до преступленія. Узаконеніе разлученія, какъ мы старались доказать, было бы, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ открытымъ признаніемъ существующаго и теперь факта. Пополнивъ пробѣлы въ нашемъ законодательствѣ, оно ничего бы въ немъ не измѣнило; даже статьи 46, 76 и 103 т. X Зак. Гражд. остались бы въ силѣ, какъ общее правило; увеличилось бы только число исключеній изъ этого правила—исключеній, которымъ уже положилъ начало законъ 1862 г. (о послѣдствіяхъ ссылки или административной высылки одного изъ супруговъ). Примѣненіе, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, закона о сепараціи облегчило бы для составителей уложенія одну изъ важнѣйшихъ ихъ задачъ—пересмотръ постановленій о разводѣ; легче было бы опредѣлить, для какихъ случаевъ достаточно разлученіе, въ какихъ должно быть допущено и полное расторгненіе брака. Въ настоящее время предстоитъ, судя по слухамъ, упраздненіе или преобразование коммиссіи прошеній, т.-е. именно того учрежденія, которое вѣдаетъ дѣла о разлученіи; это было бы самымъ удобнымъ случаемъ для передачи ихъ въ вѣденіе суда—а такъ какъ судъ не можетъ руководствоваться только усмотрѣніемъ, то причины и послѣдствія разлученія, очевидно, слѣдовало опредѣлить закономъ.

Все сказанное нами до сихъ поръ можетъ быть сведено къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ:

1.—Разлученіе супруговъ, существующее у насъ въ настоящее время какъ фактъ, а въ одномъ случаѣ допускаемое и закономъ, должно быть возведено на степень правильно организованнаго юридическаго института, не ожидая изданія новаго гражданского уложенія.

2.—Не замѣняя и не исключая собою развода, разлученіе супруговъ въ свою очередь не можетъ быть имъ замѣнено, какимъ бы преобразованіямъ ни подверглось дѣйствующее законодательство о разводѣ.

3.—Разлученіе супруговъ не можетъ быть замѣнено и простою отнѣмой понудительнаго возстановленія совмѣстной супружеской жизни.

4.—Разлученіе супруговъ, имѣя совершенно свѣтскій характеръ, входитъ всецѣло въ область свѣтскаго законодательства и свѣтскаго суда.

5.—Въ тѣхъ случаяхъ, когда закономъ допускается разводъ, не должно быть возбуждено просить, вмѣсто развода, о разлученіи.

6.—Законными причинами разлученія (не предрѣшая вопроса, которыя изъ нихъ могли бы служить основаніемъ и къ разводу) слѣдовало бы признать:

а) дурное обращеніе одного изъ супруговъ съ другимъ или съ несовершеннолѣтними дѣтьми, а также образъ дѣйствій, ведущій къ нравственной порчѣ дѣтей;

б) порочный образъ жизни одного изъ супруговъ;

в) злонамѣренное оставленіе однимъ изъ супруговъ другого, продолжающееся не менѣе двухъ лѣтъ;

г) присужденіе одного изъ супруговъ къ наказанію за позорящее преступленіе;

д) сумасшествіе одного изъ супруговъ или болѣзнь, угрожающая здоровью другого супруга или внушающая ему непреодолимое отвращеніе, а также болѣзнь жены, дѣлающая для нея опаснымъ продолженіе брачнаго сожителства.

7.—Помимо вышеозначенныхъ причинъ, разлученіе можетъ быть допущено и въ другихъ случаяхъ, если судъ признаетъ невозможнымъ возстановленіе мира и согласія между супругами.

8.—Допуская разлученіе супруговъ, судъ долженъ постановить опредѣленіе о томъ, кому изъ нихъ должно быть поручено дальнѣйшее воспитаніе несовершеннолѣтнихъ дѣтей, или не слѣдуетъ ли возложить его на особо назначеннаго для того опекуна; на чей счетъ должны быть содержимы и воспитываемы дѣти, или въ какой мѣрѣ долженъ нести издержки по этому предмету каждый изъ родителей; имѣетъ ли жена право на полученіе содержанія отъ мужа, и если имѣетъ, то въ какомъ размѣрѣ. Отъ суда зависитъ назначить мужу содержаніе изъ средствъ жены, если это по обстоятельствамъ дѣла представляется справедливымъ и возможнымъ.

9.—Дѣла о разлученіи супруговъ слѣдовало бы предоставлять вѣденію мировыхъ учрежденій, съ освобожденіемъ отъ всякихъ судебныхъ пошлинъ, и съ тѣмъ, чтобы прокурорскій надзоръ имѣлъ по этимъ дѣламъ право протеста на рѣшенія какъ мировыхъ судей, такъ и мировыхъ съѣздовъ.

10.—Дѣла о разлученіи супруговъ должны слушаться при закрытыхъ дверяхъ и не подлежать оглашенію въ печати.

К. АРСЕНЬЕВЪ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое марта, 1884.

Мелкія поправки въ земскомъ положеніи, и крупныя земскія неурядицы.—Земская избирательная система, какъ главный ихъ источникъ.—Сословное прожектство и его судьба.—Петербургское дворянское собраніе.—Сессія губернскихъ земскихъ собраній въ Москвѣ и Петербургѣ.—Новѣйшія законодательныя мѣры.—М. Е. Ковалевскій †.

Когда зданіе предназначено къ капитальному ремонту, мелкихъ передѣлокъ въ немъ обыкновенно не предпринимаютъ; лицамъ, представляющимъ свои права на помѣщеніе въ зданіи, предлагаютъ подождать окончанія перестройки. Поступать иначе, значило бы признавать, что зданію предназначено долго еще простоять въ настоящемъ его видѣ. Съ этой точки зрѣнія не лишень нѣкотораго значенія законъ, оставшійся совершенно незамѣченнымъ нашею печатью, — законъ, касающійся какъ разъ самаго больного мѣста земскихъ учреждений: земской избирательной системы ¹⁾. Встрѣчался съ новой редакціей статей, опредѣляющихъ составъ избирательныхъ сѣздовъ, можно предположить, что неудовлетворительность этого состава признана, наконецъ, правительственною властью. Ближайшее знакомство съ дѣломъ не приводитъ однако къ такому убѣжденію; цѣль закона не идетъ дальше предоставленія избирательнаго права церквамъ и монастырямъ, имуществу, которыхъ подлежатъ обложенію земскимъ сборомъ. Итакъ, земская избирательная система оказывается зданіемъ еще настолько крѣпкимъ и прочнымъ, что стоить дѣлать въ немъ частныя поправки, приспособить его для новыхъ жильцовъ. Признакъ не особенно утѣшительный, особенно если сопоставить его съ нѣкоторыми другими. Въ печать проникли недавно слухи о предстоящемъ пересмотрѣ городского Положенія; были указаны тѣ пункты, по которымъ ожи-

¹⁾ Мнѣніе государственнаго совѣта, о которомъ мы говоримъ, утверждено 18-го декабря 1883 г., а опубликовано только въ началѣ февраля.

дается переимѣна—но къ числу этихъ пунктовъ не принадлежитъ знаменитое дѣленіе городскихъ избирателей на три класса, т.-е. настоящий источникъ всѣхъ неурядицъ и неустойствъ нашего городского самоуправления. Съ другой стороны, въ проектахъ административной реформы, исходящихъ изъ консервативнаго лагеря печати, земская избирательная система выставляется чуть не совершенствомъ, требующимъ только легкой корректуры, въ смыслѣ расширенія правъ крупнаго землевладѣнія. Таковъ, напримѣръ, взглядъ г. Головина, о книгѣ котораго („Наше мѣстное управленіе и наше представительство“) была рѣчь въ одномъ изъ послѣднихъ литературныхъ обзорѣй нашего журнала. А между тѣмъ, масса фактовъ, подтверждающихъ несостоятельность земскихъ избирательныхъ порядковъ, растетъ постоянно, чуть не въ геометрической прогрессіи. Минувшій годъ былъ для многихъ губерній годомъ новыхъ земскихъ выборовъ—и едва ли найдется между ними хоть одна, гдѣ дѣло обошлось бы безъ скандаловъ, безъ жалобъ, безъ вмѣшательства административной власти и кассациі выборовъ. Въ смоленской губерніи, въ курской, въ костромской, потребовались даже уголовныя разслѣдованія; выборы въ Духовщинѣ, въ Суджѣ, въ самомъ Курскѣ прогремѣли на всю Россію. Въ с.-петербургскомъ уѣздѣ права нѣкоторыхъ гласныхъ до сихъ поръ остаются подъ сомнѣніемъ; въ Лугѣ, кажется, и въ Петергофѣ, земскимъ собраніямъ пришлось собираться по два раза, чтобы кое-какъ покончить съ протестами противъ выборовъ; гласныхъ отъ Шлиссельбургскаго уѣзда въ губернскомъ земскомъ собраніи на этотъ разъ не было вовсе. Не повторяя фактовъ, извѣстныхъ, болѣею частью, изъ газетныхъ корреспонденцій, сдѣлаемъ изъ нихъ лишь нѣсколько общихъ выводовъ, прямо относящихся къ нашей темѣ.

Что такое въ настоящее время съѣздъ мелкихъ землевладѣльцевъ, созываемый для избранія уполномоченныхъ на землевладѣльческій избирательный съѣздъ? Въ огромномъ большинствѣ случаевъ—это горсть людей, едва вліяющая на составъ избирательнаго съѣзда. Изъ среды нѣсколькихъ сотенъ мелкихъ землевладѣльцевъ является нѣсколько десятковъ, часто и меньше десяти; избраніе уполномоченныхъ мало кого интересуетъ, уже потому, что образуя незамѣтное меньшинство на избирательномъ съѣздѣ, они имѣютъ слишкомъ немного шансовъ попасть въ гласные. Нѣсколько болѣе широкимъ бываетъ, обыкновенно, число наличныхъ членовъ избирательнаго съѣзда, т.-е. землевладѣльцевъ, облеченныхъ, въ силу своего имущественнаго ценза, непосредственнымъ избирательнымъ правомъ. И здѣсь, однако, число явившихся не доходитъ иногда даже до числа подлежащихъ избранію гласныхъ, такъ что выборы, согласно съ

ст. 34 земскаго положенія, не производятся, а всѣ наличные избиратели прямо провозглашаются гласными. Такіе случаи бывають не только въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, съ слабымъ развитіемъ помѣщичьяго элемента, но и въ уѣздахъ, близкихъ къ столицамъ (напр., въ парскосельскомъ). Понятно, что при малочисленности избирателей исходъ выборовъ сплошь и рядомъ зависитъ отъ случая, отъ наваки двухъ-трехъ лицъ, задержанныхъ обстоятельствами, или, наоборотъ, отъ явки двухъ-трехъ записныхъ абсентеистовъ, заброшенныхъ какою-то чудомъ въ родную глушь. Не къ лучшему измѣняется положеніе дѣлъ, когда роль случая разыгрываютъ земскія партіи, когда одна изъ нихъ—или всѣ—рѣшается „*coûrager la fortune*“, т. е. взять на себя „подготовку“ выборовъ и „руководство“ ими. На нашу провинціальную почву переносится тогда по меньшей мѣрѣ одна типическая черта англійской парламентской жизни; у насъ появляются свои доморощенные whips или whippers-in—появляются, если можно такъ выразиться, *законолаи*, вслѣдствіе убѣждающіе, упрашивающіе лѣнливыхъ или безпечныхъ избирателей почтить своимъ присутствіемъ избирательный сѣздъ. Усиліямъ такихъ добродѣтельныхъ дѣятелей, если они достаточно многочисленны, достаточно усердны и хорошо дисциплинированы, удается иногда совершенно измѣнить обычную фیزیономію избирательныхъ сѣздовъ. Агитація начинается, въ подобныхъ случаяхъ, уже со сѣзда мелкихъ землевладѣльцевъ; судя по тому, что на суджанскомъ сѣздѣ было выбрано двадцать-четыре уполномоченныхъ, можно предположить, что наличныхъ избирателей было гораздо болѣе ста. „Безразличныхъ между ними“—по словамъ корреспондента „Новостей“—„во время выборовъ не было; *герои* (т. е. предводители *партій*) до того увлекали массу, что обѣ стороны едва не приняли угрожающее положеніе и даже показывали кулаки“. Помимо побужденій къ личной явкѣ, въ распоряженіи нашихъ whips имѣется еще одно сильное средство, недоступное англійскимъ ихъ первообразамъ: это собираніе довѣренностей, т. е. вымаливаніе ихъ не только отъ тѣхъ, кто не имѣетъ права лично участвовать въ сѣздѣ (напримѣръ, отъ лицъ женскаго пола), но и отъ всѣхъ равнодушныхъ, апатичныхъ не знающихъ и не желающихъ знать земскаго дѣла.

Статья 18-я земскаго положенія, допускающая подачу голосовъ отсутствующими, черезъ повѣренныхъ—одна изъ самыхъ слабыхъ сторонъ дѣйствующей избирательной системы. Она часто отдастъ судьбу выборовъ въ руки искусственно подобраннаго большинства, заранее рѣшаетъ побѣду въ пользу расторопности и беззаастѣнчивости. Группа избирателей, рассчитывающая только на собственные силы и не устранивающая погоню за голосами, всегда будетъ разбита тою, которая

пустить въ ходъ всѣ мѣры къ приобрѣтенію возможно-большаго числа довѣренностей, къ привозу на съѣздъ возможно-большаго числа набирателей (одна изъ этихъ мѣръ состоитъ въ тѣсной связи съ другою, потому что никто не можетъ имѣть на съѣздѣ больше двухъ голосовъ — своего и по одной довѣренности). Допущеніе голосованія по довѣренности не представляло бы еще, пожалуй, слишкомъ большой бѣды, если бы въ основаніи уполномочія всегда лежало ясное сознаніе его послѣдствій, еслибы каждый довѣритель передавалъ свой голосъ лицу, раздѣляющему его мнѣнія и взгляды (какъ это дѣлается, напримѣръ, въ англійской палатѣ лордовъ при vote by proxy); но у насъ, въ большинствѣ случаевъ, этого-то именно условія и недостаетъ—голоса не передаются, а набираются, инициатива уполномочія принадлежитъ не довѣрителю, а повѣренному; съ двумя голосами являются на съѣздъ не люди, пользующіеся наибольшимъ довѣріемъ, а люди, умѣющіе охотиться за довѣренностями. Хорошо еще, если довѣритель, подписывая довѣренность, знаетъ хоть имя того, кому она выдается; намъ извѣстны случаи—и далеко не единичные—выдачи *бланковыхъ* довѣренностей, безъ означенія имени повѣреннаго, и распредѣленія ихъ между приверженцами извѣстной партіи уже на мѣстѣ дѣйствія, за нѣсколько часовъ до выборовъ. Представимъ себѣ, теперь, положеніе двухъ борющихся между собою группъ, изъ которыхъ одна считаетъ возможнымъ добывать довѣренности, какъ и вообще голоса, *per fas et nefas*, а другая—признаетъ такой образъ дѣйствій по меньшей мѣрѣ неприличнымъ; не ясно ли, что борьба между ними становится слишкомъ неравною, напоминая бой, въ которомъ одинъ противникъ вооруженъ съ головы до ногъ, а другой—вовсе безоруженъ? А между тѣмъ, подобное отношеніе между сторонами вполне возможно, въ особенности когда одна изъ нихъ имѣетъ цѣлью захватить или удержать за собою земскій „пирогъ,” а другая не претендуетъ на участіе въ немъ. Чѣмъ рѣже борьба въ средѣ земства происходитъ изъ-за идеи, изъ-за принципа, тѣмъ неразборчивѣе выборъ средствъ борьбы, мельчающей и вмѣстѣ съ тѣмъ ожесточающейся все больше и больше. Весьма любопытна, съ этой точки зрѣнія, характеристика суджанскихъ земскихъ партій, заимствуемая нами изъ той же, упомянутой выше корреспонденціи.

„Опредѣлять наши партіи однимъ изъ ходячихъ терминовъ: либералы, консерваторы и т. п.—будетъ не совсѣмъ правильно, такъ какъ въ обѣихъ партіяхъ найдутся люди съ прогрессивнымъ образомъ мысли (правда, далеко не въ одинаковомъ количествѣ) и консерваторы; притомъ борьба эта не имѣетъ принципиальнаго характера, такъ какъ ни одна изъ борющихся сторонъ не указываетъ

прямо, къ чему она стремится, не выставляетъ на своемъ знамени опредѣленныхъ программъ. Главнымъ связующимъ цементомъ служить здѣсь матеріалъ, не имѣющій ничего общаго съ земскимъ самоуправленіемъ; личные интересы и расчеты, личные симпатіи и ненависть и другія случайныя условія объединяютъ людей, почему подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ собираются люди, между которыми лежитъ пропасть какъ по взглядамъ и убѣжденіямъ, такъ и по нравственнымъ побужденіямъ. Не мало въ Россіи найдется земствъ, къ которымъ эти слова могли бы быть примѣнены съ такимъ же правомъ, какъ и къ суджанскому. Термины, выработанные политической жизнью, переходятъ въ земскую агитацію преимущественно какъ боевыя снаряды, имѣющіе цѣлю изувѣчить противника, или по крайней мѣрѣ удалить его съ поля битвы; съ особеннымъ успѣхомъ употребляется въ этихъ видахъ слово: „соціалістъ“, значительно превосходящее, по эффекту, прежнюю кличку: „демократъ“ или „вольнодумецъ“.

Въ картинѣ, только-что развернутой нами, далеко не все, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ избирательныхъ порядковъ — но многое, весьма многое обуславливается именно ими. Ограничивъ число избирателей и сосредоточивъ выборы въ одномъ пунктѣ уѣзда (сѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ разрѣшено созывать и отдѣльно для каждаго станового участка, но на практикѣ это дѣлается рѣдко, потому что для предводителя, предсѣдательствующаго на землевладѣльческихъ сѣздахъ, гораздо удобнѣе не выѣзжать изъ уѣзднаго города), земское положеніе приготовило почву для самыхъ разнообразныхъ злоупотребленій. Чѣмъ меньше избирательная коллегія, чѣмъ случайнѣе ея составъ, тѣмъ легче она подчиняется вліянію котораго, тѣмъ чаще осуществляется въ ней поговорка: кто палку взялъ, тотъ и капралъ — причемъ роль палки играютъ тѣ маневры, о которыхъ мы говорили. Замѣтимъ, при этомъ, какъ логично вытекаютъ одинъ изъ другого главные недостатки избирательныхъ порядковъ. Высокій имущественный цензъ, ни въ какомъ случаѣ не понижаемый образованіемъ, уменьшаетъ число лицъ, облеченныхъ избирательнымъ правомъ; отсюда съ одной стороны допущеніе голосованія по довѣренностямъ, чтобы хоть этимъ путемъ увеличить число голосовъ, подаваемыхъ на сѣздѣ, съ другой — созывъ избирателей въ уѣздный городъ, чтобы изъ нѣсколькихъ черезъ-чуръ небольшихъ слагаемыхъ (образуемыхъ землевладѣльцами въ каждой отдѣльной мѣстности уѣзда, напр., въ мировомъ или становомъ участкѣ) получить хоть сколько-нибудь почтенную сумму. Коренная перемѣна избирательнаго ценза (т.-е. пониженіе ценза имущественнаго и возрастнаго, введеніе ценза образовательнаго), увеличивъ

число избирателей, позволила бы отменить передачу голоса по доверенности ¹⁾ и положить въ основаніе выборовъ территоріальный принципъ, сдѣлать каждаго гласнаго представителемъ данной мѣстности, хорошо ему извѣстной и хорошо его знающей. Придвинуть выборы къ избирателямъ, можно было бы требовать и ожидать отъ нихъ личной явки въ болѣе, сравнительно, числѣ и съ болѣе сознательнымъ отношеніемъ къ кандидатурамъ. Навязать въ представители волости лицо ей незнакомое или несимпатичное было бы гораздо труднѣе, чѣмъ склонить на сторону такого же лица большинство избирателей — крупныхъ землевладѣльцевъ дѣлаго уѣзда. Весьма важно было бы уже и то, что въ волости самое число гласныхъ, подлежащихъ избранію, было бы гораздо меньше, чѣмъ въ уѣздѣ. Избраніе по уѣздамъ—это своего рода *scrutin de liste*, только безъ тѣхъ правильно организованныхъ партій, безъ тѣхъ открыто и гласно дѣйствующихъ избирательныхъ комитетовъ, митинговъ, ассоціацій, которые облегчаютъ задачу избирателей на Западѣ Европы. Представьте себѣ положеніе землевладѣльца—особенно если онъ не старожилъ въ уѣздѣ—которому приходится принять участіе въ выборѣ 20—40 гласныхъ, изъ числа двойного или тройного числа кандидатовъ. Знаетъ онъ изъ нихъ, можетъ быть, десятерыхъ, о такомъ же числѣ можетъ получить подробныя свѣденія отъ людей, которымъ вѣрить; относительно всѣхъ остальныхъ ему не остается ничего другого, какъ голосовать на удачу, или руководствоваться спискомъ, ловко подсунутымъ ему кѣмъ-либо изъ кружковыхъ воротилъ. Выборы по территоріальнымъ участкамъ соответствовали бы, наоборотъ, системѣ избранія по округамъ, теперь существующей во Франціи; при дѣйствіи ея, сознательная, обдуманная и самостоятельная подача голосовъ сдѣлалась бы гораздо легче. Въ широкой политической сферѣ выборы по округамъ представляютъ иногда то неудобство, что способствуютъ избранію такъ-называемыхъ *célébrités de clocher* (мѣстныхъ свѣтилъ), предпочтительно передъ болѣе способными дѣятелями; но въ нашей скромной земской сферѣ такое предпочтеніе не страшно, потому что земству всего болѣе нужны именно дѣловые люди, практики, хорошо изучившіе свою мѣстность и всѣ ея нужды.

1) Мы говоримъ здѣсь только о доверенностяхъ отъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ право личнаго участія на сѣздѣ. Пока женщины лишены у насъ этого права представительство ихъ черезъ повѣренныхъ представляется все же болѣе справедливымъ, чѣмъ совершенное исключеніе ихъ изъ числа избирателей. Намѣненія избирательныхъ порядковъ въ пользу женщинъ нельзя, къ сожалѣнію, ожидать въ ближайшемъ будущемъ; какъ сильны у насъ до сихъ поръ предрассудки по этому предмету, объ этомъ можно судить по судьбѣ, постигшей недавно предложеніе Н. Н. Волкова въ петербургскомъ дворянскомъ собраніи, и по насмѣшкамъ, вызваннымъ въ печати однороднымъ ходатайствомъ одного изъ харьковскихъ уѣздныхъ земствъ.

Переходу къ территориальнымъ выборамъ, къ мелкимъ избирательнымъ участкамъ препятствуетъ у насъ не только малочисленность избирателей, обуславливаемая (помимо абсентеизма, принадлежащаго къ другой категоріи причинъ и пока оставаемаго нами въ сторонѣ) высокими имущественнымъ цензомъ, но и дѣленіе по классамъ, составляющее теперь «краеугольный камень» земской избирательной системы. Пока избиратели изъ числа личныхъ землевладѣльцевъ отдѣлены отъ массы избирателей — крестьянъ, пока тѣ и другіе образуютъ особые, ничего общаго между собою не имѣющіе избирательные сѣзды, до тѣхъ поръ, безъ сомнѣнія, трудно установить избраніе гласныхъ по волостямъ. Волостные сѣзды крупныхъ (и даже мелкихъ) землевладѣльцевъ оказались бы, въ большинствѣ случаевъ, столь малочисленными, что поручить имъ избраніе гласныхъ (или хоть одного гласнаго) было бы совершенно невозможно; весьма легко могло бы случиться, что на тотъ или другой сѣздъ не явился бы никто или явился бы только одинъ избиратель, второй, по примѣру легендарнаго до-реформеннаго избирателя въ Шотландіи, единолично открылъ бы сѣздъ, избралъ бы самого себя и провозгласилъ бы свое избраніе. Самое число гласныхъ, избираемыхъ теперь съ одной стороны землевладѣльческими, съ другой — крестьянскими сѣздами, часто уступаетъ числу волостей, на которыя дѣлится уѣздъ. Необходимымъ условіемъ для установленія нормальныхъ избирательныхъ порядковъ является, такимъ образомъ, созданіе всесословной самоуправляющейся волости. Привыкнувъ дѣйствовать сообща въ собственныхъ дѣлахъ своихъ, члены волостного схода образовали бы лучшую избирательную коллегію для выбора уѣздныхъ гласныхъ. Большою ошибкой было бы думать, что въ уѣздномъ земскомъ собраніи не осталось бы тогда мѣста для личныхъ землевладѣльцевъ, для представителей интеллигенціи; не говоря уже о томъ, что рядомъ съ уполномоченными отъ волостей заседали бы уполномоченные отъ города, выборы волостныхъ сходовъ, безъ сомнѣнія, часто упали бы на землевладѣльцевъ или другихъ интеллигентныхъ людей, доказавшихъ, въ средѣ волости, способность и желаніе трудиться на общую пользу. Само собою разумѣется, что въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, успѣхъ всесословной волости зависѣлъ бы всего больше отъ ея устройства, отъ состава волостного схода. Найти комбинацію, обеспечивающую за всѣми элементами населенія достаточное представительство на волостномъ сходѣ, устраняющую возможность безусловнаго господства одного изъ нихъ надъ другими, значило бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, заложить прочный фундаментъ для всего уѣзднаго самоуправления.

Если малочисленность избирательныхъ сѣздовъ, уменьшающая,

въ свою очередь, число кандидатовъ на уѣздныя земскія должности, составляетъ основной недостатокъ настоящихъ земскихъ порядковъ, если для радикальнаго устраненія этого недостатка нѣтъ иного средства, кромѣ уничтоженія сословныхъ перегородокъ, то нетрудно оцѣнить по достоинству значеніе стремленій, направленныхъ какъ разъ къ противоположной цѣли. Стремленія эти идутъ съ разныхъ сторонъ, заявляются и въ печати, и въ общественныхъ собраніяхъ, находятъ косвенную поддержку даже тамъ, гдѣ отвергается, повидимому, всякая съ ними солидарность. Нѣсколько времени тому назадъ одна изъ московскихъ газетъ высказалась не только за пониженіе ценза „для родовъ мѣстныхъ, давнихъ“, но и за предоставленіе права занимать земскія должности исключительно членамъ такихъ семействъ, которыя владѣютъ имѣніемъ въ данной мѣстности по меньшей мѣрѣ во второмъ поколѣніи. Этотъ оригинальный проектъ имѣетъ въ виду не только увеличеніе дворянскихъ привилегій, но еще созданіе привилегированнаго класса въ средѣ самого дворянства. Въ каждомъ уѣздѣ образовался бы свой олигархическій кружокъ, полновластно и безсмысленно распоряжающійся земскими дѣлами. Каждый переходъ имѣнія изъ рукъ „мѣстнаго, давняго рода“ въ руки *hominis novi* (хотя бы даже этотъ *homo novus* и принадлежалъ къ роду, „давнему“ въ другой мѣстности) уменьшалъ бы численность кружка, увеличивая власть каждаго его члена. Отсюда только одинъ шагъ до наследственности земскихъ должностей, до обращенія уѣзда въ потомственную вотчину нѣсколькихъ „фамилій“. Само собою разумѣется, что объ осуществимости такого „соннаго мечтанія“ не можетъ быть и рѣчи—но фактъ появленія и заявленія его остается довольно знаменательнымъ и любопытнымъ „признакомъ времени“. Для полноты картины слѣдуетъ прибавить, что составители олигархическаго проекта подкрасили его съ одной стороны выходкой противъ „хищниковъ и эксплуататоровъ“—какъ будто бы привилегія не могла въ свою очередь сдѣлаться источникомъ и опорой эксплуатаціи, какъ будто бы „давность“ рода была несовмѣстима съ хищничествомъ,—а съ другой стороны, защитой образовательнаго ценза, дѣйствіе котораго, однако, было бы ограничено все тѣми же „мѣстными и давними родами“. Изъ-за новой оболочки слишкомъ ясно виднѣется старая, престарая мысль; попытка соединить несоединимое терпитъ плачевную неудачу.

На одинъ уровень съ подобною выдумкой „Современныхъ Извѣстій“, можетъ быть поставлено предложеніе, сдѣланное г. И. Кашкаровымъ въ петербургскомъ дворянскомъ собраніи. Сущность этого предложенія заключалась въ томъ, чтобы дворянамъ было предоставлено право считаться гласными въ земствѣ безъ выборовъ, а также

предпочтительное право на занятіе всѣхъ земскихъ должностей въ уѣздѣ, начиная съ волостного старшины до председателя уѣздной земской управы. Дворянское собраніе отклонило предложеніе г. Компарова, не признавъ даже нужнымъ войти въ разсмотрѣніе его по существу; преніямъ о немъ была посвящена только часть засѣданія 9-го февраля. Десять лѣтъ тому назадъ проектъ образованія волостей всесословныхъ по имени, дворянскихъ на самомъ дѣлѣ, встрѣтилъ со стороны того же дворянскаго собранія пріемъ гораздо болѣе благосклонный.

Положеніе дѣлъ, насколько оно теперь обрисовалось совокупностью приведенныхъ нами фактовъ, можетъ быть характеризовано слѣдующимъ образомъ: въ воздухѣ носится мысль, что настало время для поворота назадъ, для подачи на столъ, подъ новымъ соусомъ, старыхъ, остывшихъ и зачерствѣвшихъ яствъ. Отсюда обиліе проектовъ и прожектовъ, точно почерпнутыхъ изъ Щедринаскаго „Дневника провинціала“; отсюда ожиданія, возлагаемыя на дворянскія собранія, шумъ, поднимаемый по поводу ихъ открытія, толки о „государственномъ значеніи“ дворянства. Фантазіямъ ретрограднаго типа противопоставляется, однако, отпоръ со стороны дѣйствительности—той именно дѣйствительности, на которую онѣ были преимущественно рассчитаны. Московское дворянское собраніе расходится, ничѣмъ не давъ почувствовать „тотъ крѣпкій государственный духъ, которымъ создана дворянская организація“; петербургское дворянское собраніе не хочетъ даже разбирать предложеніе своего сочлена, клонящееся къ искусственному возвеличенію дворянства. Здравый смыслъ большинства очевидно беретъ верхъ надъ затѣями маленькой и немогучей кучки; несвоевременность, неумѣстность реставраціонныхъ попытокъ—или, лучше сказать, невозможность воскресить отжившее—чувствуется даже тѣми, въ пользу которыхъ происходитъ агитація.

Гораздо опаснѣе наивныхъ притязаній, разбивающихся въдребезги при первомъ соприкосновеніи съ жизнью, кажется намъ та сравнительно умѣренная политика, которая довольствуется, повидимому, легкими поправками въ существующихъ порядкахъ, но на самомъ дѣлѣ грозитъ новымъ закрѣпощеніемъ народной массы. Образецъ этой политики служитъ упомянутая уже выше книга г. Голубина, повторяющая извѣстный проектъ московской земской комиссіи. Сюда же примыкаетъ—какъ это ни мало вѣроятно съ перваго взгляда—система, поддерживаемая „Русью“. Въ передовыхъ статьяхъ этого журнала ведется полемика съ „Московскими Вѣдомостями“, оспаривается идеализированіе „дворянской организаціи“, указываются слабыя стороны дворянства, какъ сословія—а нѣсколько

дальше печатается статья деревенскаго жителя „о нашемъ сельскомъ самоуправленіи“, проагандирующая вѣстановленіе мировыхъ посредниковъ, какъ панацею противъ золъ всякаго рода. „Россію вы черезъ два года не узнаете, — восклицаетъ авторъ этого простаго, но далеко не невиннаго рецепта: — коноврадство, потравы, поджоги, самоуправство станутъ такими же исключеніями, какими были при посредникахъ перваго призыва“. Откуда же возьмутся эти благодѣтели, эти устроители порядка и сокрушители всякой неурядицы? Безъ сомнѣнія — изъ рядовъ дворянства или крупнаго землевладѣнія, какъ и всѣ вообще „волостели“, „волостные мировые судьи“, „властные показатели пути“, проектируемые консервативными организаторами уѣзда. Желательно было бы знать, совмѣстимы ли эти „большія ожиданія“ съ слѣдующимъ отзывомъ о дворянствѣ, отдѣленнымъ отъ статьи „деревенскаго жителя“ только двухнедѣльнымъ промежуткомъ: „Вѣда въ томъ, что настроенія, нами переживаемыя, совершаются вовсе не вѣ дворянства, не кѣмъ-то инымъ, постороннимъ, а болѣею частью самими дворянами. Они не только равномѣрно съ другими, но именно въ виду своего передоваго значенія и той опоры, которую имѣютъ въ историческомъ преданіи, болѣе чѣмъ другіе причастны нашему современному грѣху и недугу. Осуждая, на примѣръ, настоящее управленіе правосудія, дворянство осуждаетъ отчасти само себя, *сеоихъ*“. На чемъ же, въ такомъ случаѣ, основываются надежды, возлагаемыя на институтъ по преимуществу дворянскій? Если дворянство не свободно отъ „роковой неумѣлости въ созиданіи“, то гдѣ же причина думать, что оно создастъ, руками обновленныхъ мировыхъ посредниковъ, или иначе названныхъ „властныхъ дѣателей“, благоустроенный уѣздъ, а слѣдовательно и благоустроенную Россію? Пора было бы, кажется, прекратить и эти вѣчныя ссылки на мировыхъ посредниковъ перваго призыва. Порядкомъ, въ 1861 г. исполнивъ соотвѣтствовавшій обстоятельствамъ и не оставившій желать ничего лучшаго, въ настоящую минуту былъ бы явнымъ анахронизмомъ. Двадцатилѣтнее пользованіе свободой, дѣятельность въ земствѣ и въ судѣ присяжныхъ, широкое развитіе недавно еще почти не существовавшей народной школы — все это не прошло бесслѣдно для крестьянства. Переходъ отъ власти помѣщиковъ и окружныхъ начальниковъ къ власти мировыхъ посредниковъ былъ громаднымъ шагомъ впередъ; — переходъ отъ волости самоуправляющейся къ волости управляемой былъ бы почти такимъ же шагомъ назадъ. Успѣхъ дѣятельности первыхъ мировыхъ посредниковъ зависѣлъ, притомъ, не отъ принадлежности ихъ къ извѣстному сословію, не отъ широкихъ правъ, которыми они были облечены, а отъ момента, который они переживали вмѣстѣ со всею Россіей, отъ подъема духа, вызваннаго осво-

божденіемъ крестьянъ и устоявшаго даже противъ первыхъ приступовъ реакціи. Ничего похожаго на подъемъ духа въ настоящее время мы не видимъ—не видимъ, слѣдовательно, и ручательства въ томъ, что мировые посредники *redivivi* применули бы къ первымъ носителямъ этого званія, а не къ послѣдующимъ, такъ основательно похоронившимъ его славу.

Возвратимся къ послѣдней сессіи петербургскаго дворянскаго собранія, представляющей кое-что интересное и помимо упомянутыхъ уже нами предложеній гг. Волкова и Кошкарова. Н. Н. Волковъ предложилъ собранію ходатайствовать о запрещеніи совмѣщать званіе предводителя дворянства съ другими должностями, по назначенію отъ правительства или по выборамъ (если съ ними соединено постоянное содержаніе), о производствѣ предводителямъ жалованья и объ утвержденіи уѣздныхъ предводителей въ должности не губернаторомъ, а первымъ департаментомъ сената. Собраніе согласилось съ г. Волковымъ только по послѣднему предмету. Вопросъ о несомѣщеніи званія предводителя съ другими должностями и о назначеніи предводителямъ жалованья тѣсно связанъ съ вопросомъ о той роли, которая должна будетъ принадлежать предводителю въ преобразованномъ уѣздѣ, въ новой системѣ мѣстнаго управленія. Если уѣздный предводитель останется предсѣдателемъ различныхъ присутствій, собраній и совѣтовъ, обремененнымъ работой (конечно, при желаніи работать) сверхъ всякой силы и мѣры, назначеніе ему жалованья будетъ вполне справедливо; безвозмездность труда является одной изъ причинъ, по которымъ теперь такъ мало способныхъ кандидатовъ въ предводители. Справедливымъ будетъ, при намѣченномъ нами условіи, и запрещеніе совмѣстительства, потому что предводитель, предсѣдательствующій еще и въ уѣздной земской управѣ или въ мировомъ съѣздѣ, является черезъ-чуръ полновластнымъ распорядителемъ уѣзда. Наоборотъ, если предводитель дворянства будетъ возвращенъ на то мѣсто, которое принадлежало ему до шестидесятихъ годовъ и подобаешь ему, какъ представителю одного только сословія, если за нимъ будетъ оставленъ лишь почетъ, безъ всякой власти и безъ серьезнаго дѣла, то запрещеніе совмѣстительства, а также и назначеніе жалованья, представляется совершенно излишнимъ. Другими словами, при *настоящемъ* значеніи предводителя оба отвергнутыя собраніемъ предложенія г. Волкова имѣютъ правильное основаніе—но теряютъ его въ виду *будущей*, желательной роли сословнаго элемента въ безсословномъ уѣздѣ и полноправномъ земствѣ. Мы не знаемъ мотивовъ рѣшенія, постановленнаго петербургскимъ дворянствомъ—но если оно руководилось сознаніемъ, что предста-

витель сословія долженъ вѣдать только сословныя дѣла, то оно поступило совершенно логично, не согласившись съ г. Волковымъ. Реформа мѣстнаго управленія и самоуправленія такъ близка, что странно было бы принимать мѣры, отъ которыхъ вслѣдъ за тѣмъ пришлось бы отказаться. Или, можетъ быть, собраніе держалось взгляда своего предсѣдателя, признающаго жалованье чѣмъ-то несомнѣннымъ съ достоинствомъ предводителя, хотя бы послѣдній и былъ, въ сущности, главнымъ чиновникомъ уѣзда? Въ такомъ случаѣ оно упустило изъ виду указанія опыта, давно уже доказавшаго, что аристократическое растеніе безвозмездной службѣ плохо принимается на русской почвѣ. Наши предводители не получаютъ жалованья—но многіе ли изъ нихъ что-нибудь дѣлаютъ, и много ли находится кандидатовъ на это званіе, пока съ нимъ не связано никакой приманки? Не случайно же, въ самомъ дѣлѣ, вошло въ обычай, въ разныхъ концахъ Россіи, совмѣщеніе бесплатныхъ предводительскихъ обязанностей съ платною должностію предсѣдателя уѣздной земской управы—и не случайно совмѣстителями этого рода являются, въ большинствѣ случаевъ, именно люди, готовые и способные работать.

Три года тому назадъ петербургское дворянское собраніе постановило ходатайствовать о возстановленіи права дворянства представлять высшему правительству объ устраненіи неудобствъ, замѣченныхъ въ мѣстномъ управленіи, хотя бы они происходили и отъ какого-либо общаго для всей имперіи закона. Отвѣта на это ходатайство дворянство до сихъ поръ не получило. Большинствомъ голосовъ рѣшено повторить его еще разъ, несмотря на возраженія меньшинства, утверждавшаго, что дворянство не слѣдуетъ отдѣлять отъ другихъ сословій, что просить о расширеніи права ходатайства всего приличнѣе земству, именно вслѣдствіе его всесословнаго характера. Въ пользу рѣшенія, принятаго большинствомъ, можно привести, какъ намъ кажется, только одно серьезное соображеніе: дворянскимъ собраніямъ право, о которомъ идетъ рѣчь, еще недавно принадлежало, между тѣмъ, какъ земство никогда не было имъ облечено; возстановить старое легче, чѣмъ создать новое. Убѣдиться этимъ довольно можно было бы, однако, только въ такомъ случаѣ, еслибы легкостью достиженія цѣли вполне исчерпывался спорный вопросъ. На самомъ дѣлѣ онъ имѣетъ еще другую сторону; помимо удобоосуществимости, ходатайство должно быть и справедливымъ. Вотъ этого-то именно условія и недостаетъ, съ нашей точки зрѣнія, ходатайству петербургскаго дворянства. Когда дворянскимъ собраніямъ принадлежало то право, о возстановленіи котораго теперь идетъ рѣчь, положеніе ихъ въ государствѣ было совершенно иное; рядомъ съ ними не было другихъ выборныхъ учреждений, болѣе компетентныхъ для

выраженія общественнаго мнѣнія. Въ настоящее время такіа учрежденія существуютъ; и по происхожденію своему, и по составу, и по кругу дѣйствій земскія собранія несравненно ближе къ жизни, несравненно богаче внутренней силой, чѣмъ дворянскія. Правда, большинство членовъ губернскихъ земскихъ собраній — дворяне; но не говоря уже о томъ, что право ходатайства принадлежитъ не однимъ губернскимъ собравіямъ, дворянинъ въ земскомъ собраніи — далеко не то же самое, что дворянинъ между своими. Въ земскомъ собраніи дворянинъ участвуетъ не по своему личному праву, а по выбору, по уполномочію цѣлой избирательной коллегіи; званіе губернскаго гласнаго возлагается на него уѣзднымъ собраніемъ, члены котораго не меньшей мѣрѣ на половину — горожане и крестьяне. Имъ неизбѣжно овладѣваетъ, въ большей или меньшей степени, идея предствительства, сознаніе *общаго дѣла*; сословные интересы и предразсудки рѣдко напоминаютъ ему о себѣ — земскіе интересы, наоборотъ, во всѣхъ сторонъ окружаютъ его точно волною. Отсюда сравнительная ширина и свобода мысли, которую постоянно проявляло земство, въ критическія минуты своей жизни — и крайне рѣдко проявляли, да и рѣдко имѣли поводъ проявлять дворянскія собранія. Намъ могутъ возразить, что расширеніе земскаго права ходатайства ничуть не исключаетъ такова же расширенія правъ дворянства, что чѣмъ больше будетъ голосовъ, свободно и громко высказывающихся по важнымъ вопросамъ, тѣмъ лучше. Мы согласились бы съ этимъ въ такомъ только случаѣ, еслибы одновременно съ дворянствомъ широкое право петиціи получили всѣ корпораціи, всѣ организованныя собранія, всѣ частныя лица. Пока этого нѣтъ, пока право ходатайства составляетъ привилегію немногихъ учреждений, до тѣхъ поръ въ основаніи его очевидно лежитъ предположеніе, что именно эти учрежденія, и только они, способны заявлять объ общихъ пользахъ и нуждахъ, что голосъ ихъ имѣетъ право на особое вниманіе. Въ приложеніи къ дворянскимъ собраніямъ это предположеніе не имѣетъ никакого основанія. Никѣмъ не уполномоченные, никого и ничего не представляющіе, сегодня собирающіеся въ одномъ, завтра — въ другомъ составѣ, члены дворянской корпораціи въ правѣ говорить только каждый отъ своего собственнаго лица, — а въ ходатайствѣ дворянскаго собранія слишкомъ легко увидѣть и выставить на показъ нѣчто гораздо большее, чѣмъ совокупность личныхъ мнѣній. Представимъ себѣ, что нѣсколько дворянскихъ собраній, пользуясь своимъ новымъ правомъ, высказались бы, въ одно и то же время, въ смыслѣ „политики“ „Московскихъ Вѣдомостей“. Въ сущности цѣнность такихъ заявленій была бы равна нулю — но какъ легко было бы отчеканить изъ нихъ, по нѣмецкому выраженію, цѣлый капиталъ, обративъ фикцію въ нѣ-

что реальное! Вѣдь у насъ теперь въ модѣ отрицать самый принципъ представительства, провозглашать „представительство по прокураторіи чѣмъ-то въ родѣ чиновничества (!), или еще гораздо хуже“ (см. „Московскія Вѣдомости“, № 28). „Истинно-либеральное начало“, съ точки зрѣнія современной московской мудрости, „требуется не представительства интересовъ, а чтобы законные интересы могли сами, такъ сказать самолично, живьемъ, о себѣ свидѣтельствовать и заявлять свои нужды передъ законодателемъ. Желательно, чтобы все шире и доступнѣе становились пути для раскрытія дѣйствительныхъ нуждъ народныхъ, чтобы всякая законная дѣятельность, всякій полезный промыселъ и честная профессія были въ своей сферѣ обеспечены, и чтобы въ этомъ обеспеченіи ~~каждого~~ въ своей сферѣ состояло то, что называется самоуправленіемъ и свободой, а отнюдь не въ распоряженіи чужими дѣлами... Для вѣрнаго обезпеченія всякаго интереса въ его собственномъ дѣлѣ ничего не можетъ быть лучше, какъ его же содѣйствіе“. Не прелестно ли это самоуправленіе, сводимое къ сферѣ собственныхъ, личныхъ дѣлъ, это, если можно такъ выразиться, самосодѣйствіе ~~каждого~~ отдѣльнаго интереса? Къ чему земское и городское самоуправленіе, когда у насъ есть самоуправленіе фабриканта на своей фабрикѣ, самоуправленіе помѣщика въ своемъ имѣніи? Къ чему какая-то свобода, когда каждый можетъ не только свободно располагать своими средствами, но и свободно хлопотать о специальной для нихъ охранѣ? Дальше не можетъ идти проповѣдь эгоизма и анархіи интересовъ, проповѣдь девиза *chacun chez soi, chacun pour soi*. Хорошо еще, еслибы проповѣдники мѣрили всѣхъ одною мѣркой, еслибы онѣ серьезно заботились о „доступности и ширинѣ путей для раскрытія дѣйствительныхъ нуждъ *народныхъ*“; но попробуйте предложить раскрытіе ихъ хотя бы тѣмъ путемъ, за который всегда стояло славянофильство, — и вы увидите, какъ отнесутся къ этому „Московскія Вѣдомости“. Народныя нужды, о которыхъ онѣ пекутся — это нужды фабрикантовъ, крупныхъ торговцевъ, крупныхъ землевладѣльцевъ; приведенныя нами разсужденія о „самоличномъ заявленіи законныхъ интересовъ“ — предисловіе къ статьѣ, поддерживающей протекціонистскія стремленія нижегородскаго ярмарочнаго купечества и московскаго биржевого общества. Защита подобныхъ стремленій — это „самоуправленіе“; но еслибы какое-нибудь земское собраніе вздумало бы протестовать противъ протекціонизма, во имя интересовъ потребителей, то это было бы „представительствомъ“, т. е. „чѣмъ-то худшимъ, нежели чиновничество“. Спѣшимъ оговориться: мы отнюдь не стоимъ за стѣсненіе „самоличнаго заявленія отдѣльныхъ интересовъ“ — мы желаемъ только

возможности уравниванія такихъ заявленій другими, болѣе авторитетными и болѣе безпристрастными.

Сессія губернскихъ земскихъ собраній, закончившаяся или приближающаяся къ концу, не представляла на этотъ разъ большого интереса. Особенно важныхъ вопросовъ въ собраніяхъ не возникало; пренія, насколько они намъ извѣстны, отличались преимущественно безцѣлностью. Нѣкоторыя ихъ черты, однако, не лишены общаго интереса. Въ московскомъ губернскомъ собраніи сдѣлана была попытка прекратить выдачу земствомъ ссудъ на покупку земель малоземельными крестьянскими обществами, въ виду предстоящаго открытія въ московской губерніи отдѣленія крестьянскаго поземельнаго банка. Гласный В. П. Безобразовъ (если мы не ошибаемся—тотъ самый, который единолично представляетъ собою всю политическую экономію въ нашей академіи наукъ) находилъ, что устанавливая подобныя выдачи, земство имѣло въ виду доказать необходимость *правительственной* организации крестьянскаго земельного кредита; разъ что эта цѣль достигнута, дальнѣйшее производство земскихъ ссудъ не имѣетъ основанія, тѣмъ болѣе, что *всѣ* ходатайства крестьянъ все-таки не могутъ быть удовлетворены, а платежи по выданнымъ ссудамъ поступаютъ исправно. Эта поистинѣ удивительная аргументація академическаго экономиста никого не убѣдила; всѣ другіе ораторы говорили за продолженіе однажды принятаго образа дѣйствій и даже за увеличеніе средствъ, назначенныхъ на выдачу ссудъ. И въ самомъ дѣлѣ, не странно ли было бы *всѣмъ* отказать, потому что нельзя *всѣмъ* удовлетворить? На этомъ основаніи слѣдовало бы не открывать крестьянскаго поземельнаго банка или закрыть его вслѣдъ за открытіемъ, потому что и онъ, безъ сомнѣнія, окажется не въ силахъ исполнить всѣ обращаемыя къ нему требованія. Еще болѣе странной кажется намъ ссылка г. Безобразова на исправное поступленіе платежей по ссудамъ. *Неисправность* платежа могла бы быть, пожалуй, истолкована въ томъ смыслѣ, что крестьянамъ не по силамъ принимаемое ими бремя, что широкое пользованіе кредитомъ приведетъ ихъ къ разоренію, что одно спасеніе для нихъ—интенсивное хозяйство, а отнюдь не расширеніе крестьянскаго землевладѣнія. *Исправность* платежей устраняетъ возможность подобныхъ толкованій, доказываетъ плодотворность ссудъ — и для насъ рѣшительно непонятно, какимъ логическимъ путемъ г. Безобразовъ могъ дойти до обращенія ея въ орудіе противъ земскаго кредита. Земскій кредитъ вполнѣ совмѣстимъ съ правительственнымъ, являясь или дополненіемъ къ нему, когда банковая ссуда не покрываетъ покупной цѣны, или его сур-

рогатомъ, когда исчерпана сумма, ассигнованная на губернію крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что крестьянскій поземельный банкъ выдаетъ ссуды не только цѣлымъ обществамъ, но и товариществамъ, и отдѣльнымъ крестьянамъ, независимо отъ количества состоящей въ нихъ владѣній земли, между тѣмъ какъ право на получение земской ссуды принадлежитъ, въ московской губерніи, исключительно мало-земельнымъ сельскимъ обществамъ ¹⁾. Упадокъ фабричной промышленности въ нѣкоторыхъ уѣздахъ московской губерніи (напр., въ богородскомъ) увеличиваетъ число могущихъ существовать только земледѣльческимъ трудомъ — а земли для новыхъ земледѣльцевъ пожалуй и не хватитъ, если имъ не будетъ оказана помощь съ разныхъ сторонъ и правительствомъ, и земствомъ. По отзыву гласныхъ, возражавшихъ г. Безобразову, трактирщики и кабатчики скупаютъ землю, по крайне дешевой цѣнѣ, у самыхъ крестьянскихъ поселеній, съ тѣмъ, чтобы потомъ прижимать своихъ сосѣдей или перепродать имъ землю съ большимъ барышомъ. Противодѣйствовать этой политикѣ необходимо, и одна изъ лучшихъ формъ противодѣйствія — именно земская поддержка кредитомъ. Когда она оказана своевременно, крестьянскимъ обществамъ часто удается приобрести нужную для нихъ землю на весьма выгодныхъ условіяхъ, даже въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ столицѣ.

Пораженіе г. Безобразова по вопросу о крестьянскомъ кредитѣ не было единственной неудачей, постигшей его въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Онъ напрасно пытался уменьшить ассигновку по санитарной части, утверждая, что московское земство „слишкомъ широко относится къ санитарнымъ задачамъ, производить опыты, дѣлаетъ изслѣдованія, которые болѣе приличны академіямъ

¹⁾ Замѣтимъ, по этому поводу, что въ вѣдомости о ссудахъ, выданныхъ крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ по 1 февраля 1884 г., опять, къ сожалѣнію, не показано, сколько именно земли куплено, при помощи банка, сельскими обществами, сколько — товариществами и отдѣльными крестьянами, и какъ велика цифра ссудъ, выданныхъ каждой изъ этихъ трехъ категорій покупателей. Изъ числа свидѣній, необходимости обнародованія которыхъ была указана нами въ заключительныхъ словахъ предыдущаго обзорѣнія, въ новую вѣдомость вошло только одно — объ общемъ числѣ ходатайствъ, поступившихъ по 1 января въ отдѣленія банка (638, изъ которыхъ удовлетворено 229; цифра испрашиваемыхъ ссудъ составляла болѣе 8.800,000 р., доплатить изъ собственныхъ средствъ покупателямъ должны были почти миліонъ рублей). Въ теченіе января мѣсяца новыхъ ссудъ разрѣшено банкомъ 59 (17 — обществамъ, 34 — товариществамъ, 8 — отдѣльнымъ крестьянамъ), на сумму 1.143,626 р., съ доплатою самими покупателями 150,461 руб. На первомъ планѣ, по числу ссудъ, попрежнему стоитъ полтавская губернія (85); въ губерніяхъ подольской и волынской не состоялось ни одной новой ссуды; въ остальныхъ восьми губерніяхъ число новыхъ ссудъ колебалось между 1 и 7.

и другимъ специальнымъ учрежденіямъ, чѣмъ земству". Не споримъ, можетъ быть, академіямъ и было бы „прилично“ заняться санитарными изслѣдованіями; для насъ важно то, что онѣ не занимаются ими на самомъ дѣлѣ. Неужели земству слѣдуетъ сложить руки и ожидать, пока отыщется и выступитъ на сцену компетентное въ этомъ отношеніи „спеціальное учрежденіе"? Для собранія статистическихъ свѣдѣній компетентное учрежденіе (губернскій статистическій комитетъ) вездѣ состоитъ на лицо, и все-таки это не помѣшало московскому земству взять на себя инициативу въ основаніи земской статистики, по той простой причинѣ, что безъ нея масса фактическихъ данныхъ такъ и оставалась бы не систематизированною, не осмысленною и даже не приведенною въ извѣстность. Отсрочки на неопредѣленное время въ санитарномъ дѣлѣ еще менѣе желательны, чѣмъ въ статистическомъ—и земство тысячу разъ право, когда заботится больше объ общественной пользѣ, чѣмъ о неприкосновенности какихъ-то фиктивныхъ демаркаціонныхъ линій. Пускай академіи и другія „спеціальныя учрежденія“, которыя имѣли въ виду г. Безобразовъ, примутся за работу, теперь исполняемую земствомъ—земство, безъ сомнѣнія, не станетъ входить съ ними въ пререканія о подсудности и найдетъ другое употребленіе для своихъ силъ, умственныхъ и матеріальныхъ; но пока академики еще только собираются въ путь, земцамъ сходить съ дороги не подобаетъ. Правда, у г. Безобразова есть еще одинъ доводъ противъ „широкаго отношенія“ земства къ санитарнымъ задачамъ; онъ полагаетъ, что производительнѣе было бы тратить земскія деньги на увеличеніе числа земскихъ врачей. Конечно, чѣмъ больше земскихъ врачей, тѣмъ лучше; но для того, чтобы дѣятельность ихъ была вполнѣ плодотворной, необходимы именно санитарныя изслѣдованія, направленные къ опредѣленію, а слѣдовательно и къ искорененію причинъ заболѣванія; иначе работа врачей будетъ напоминать собою работу Данайдъ. Намъ случалось возражать противъ увлеченій, игнорирующихъ терапію изъ-за гигиены; но еще крупнѣе и еще опаснѣе противоположная ошибка. Экономничать на санитарныхъ изслѣдованіяхъ, чтобы больше тратить на леченіе больныхъ—это все равно, что отказывать въ средствахъ на приготовленіе учителей, съ цѣлью открыть побольше школъ. Школа безъ хорошаго преподавателя—это нѣчто въ родѣ больницы безъ врача посреди мѣстности нездоровой и не оздоравливаемой.

Въ петербургскомъ губерискомъ земскомъ собраніи борьба между двумя противоположными взглядами на образовательныя задачи земства идетъ уже давно; исходъ ея изъ года въ годъ одинъ и тотъ же. Небольшая группа гласныхъ, съ усердіемъ и постоянствомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, протестуетъ противъ крупныхъ затратъ на

земскую учительскую школу; большинство столь же постоянно остается вѣрнымъ однажды принятой системѣ, справедливо владущей во главу угла созданіе хорошо подготовленнаго и развитаго учительскаго персонала. Битва, происшедшая и на этотъ разъ въ засѣданіи 25-го января, не отличалась обычнымъ упорствомъ, быть можетъ потому, что она была заранѣе предрѣшена неудачной прелюдіей, разыгранной на сценѣ городской думы ¹⁾. Кто имѣлъ случай познакомиться съ дѣятельностью учителей и учительницъ, выпускаемыхъ земской учительской школой, тотъ, конечно, порадуетъ вмѣстѣ съ нами новой побѣдѣ, одержанной ея приверженцами. Въ школьномъ вопросѣ губернскому собранію оставалось только быть вѣрнымъ своему прошедшему; въ вопросѣ санитарномъ ему предстояло, наоборотъ, порвать съ рутинной, еще не дальше, какъ годъ тому назадъ, помѣшавшей принять предложеніе управы объ организаціи санитарнаго дѣла. Разрывъ, къ счастью, произошелъ, и петербургское земство, учредивъ санитарную комиссію и ассигновавъ средства на приглашеніе губернскаго санитарнаго врача, присоединилось, наконецъ, къ числу тѣхъ, которые не боятся конкуренціи съ „академіями и другими специальными учрежденіями“. Статистическое изслѣдованіе губерніи, предпринятое петербургскимъ земствомъ два года тому назадъ—согласно правилу: лучше поздно, чѣмъ никогда—приближается къ концу; точности его и полнотѣ угрожаетъ только индифферентизмъ того сословія, отъ котораго можно было бы ожидать другаго отношенія къ дѣлу. „Въ гораздо худшемъ положеніи (сравнительно съ свѣдѣніями о крестьянскомъ хозяйствѣ)—читаемъ мы въ докладѣ губернской управы,—находятся свѣдѣнія о частно-владѣльческомъ хозяйствѣ въ губерніи, такъ какъ, къ сожалѣнію, далеко не всѣ частные землевладѣльцы проявили дѣятельное сочувствіе къ задуманному земствомъ дѣлу самоизученія. Поэтому въ вопросѣ о положеніи частновладѣльческаго хозяйства въ губерніи придется разсчитывать главнымъ образомъ на документальныя данныя, насколько онѣ могутъ быть доступны для справокъ“. Основанная на „документальныхъ данныхъ“, земская статистика перестаетъ отличаться отъ статистики официальной и терлетъ все то, чѣмъ обуславливались до сихъ поръ ея значеніе и цѣнность.

Въ каждой сессіи петербургскаго губернскаго земства возникаетъ, уже нѣсколько лѣтъ сряду, вопросъ объ осушеніи болотъ, но твердыхъ взглядовъ на этотъ предметъ губернское собраніе еще не выработало. Два года тому назадъ, несмотря на возраженія многихъ гласныхъ, собраніе постановило выдавать ссуды тѣмъ сельскимъ обществамъ и землевладѣльцамъ, которые съ своей стороны ассиг-

¹⁾ См. Общественную Хронику, въ № 12 „Вѣстника Европы“ за 1883 г.

нують соответствующія суммы на осушеніе болотъ въ предѣлахъ принадлежащаго имъ пространства. Въ прошедшемъ году выдачу подобныхъ ссудъ рѣшено было прекратить и осушать, при помощи земства, исключительно болота вредныя для здоровья. Въ нынѣшнемъ году это постановленіе истолковано собраніемъ въ томъ смыслѣ, чтобы помимо главной цѣли была достигаема и другая; рядомъ съ осушеніемъ болотъ должна производиться, на земскій счетъ, широкая нивелировка, которая дала бы возможность частнымъ владѣльцамъ осушать болота, на свои средства, отчасти съ санитарной, отчасти съ чисто экономическою цѣлью. Подобное толкованіе—или, лучше сказать, перетолкованіе—кажется намъ несовмѣстнымъ съ задачами земства. Оно существуетъ не для того, чтобы помогать частнымъ владѣльцамъ—въ особенности владѣльцамъ настолько состоятельнымъ, что для нихъ доступно осушеніе болотъ на собственные средства ¹⁾. Сумма, ассигнуемая земствомъ на нивелированіе и осушеніе болотъ (5,000 руб.), такъ незначительна, что не можетъ быть употребляема и на настоятельныя, и на второстепенныя потребности; увлеченіе „широкой нивелировкой“ неизбѣжно должно уменьшить размѣръ главной, существенно-важной операціи — осушки болотъ, вредныхъ для здоровья. Земству слѣдовало бы разъ навсегда отказаться отъ матеріальной поддержки предпріятій, исходящихъ изъ среды достаточныхъ классовъ общества и направленныхъ къ достиженію „чисто-экономическихъ“ ихъ цѣлей.

Между обнародованными недавно законами наиболѣе видное мѣсто занимаетъ имѣніе государственнаго совѣта, Высочайше утвержденное 24-го января, объ измѣненіи основаній учета соло-векселей землевладѣльцевъ. Прошлогодній законъ по этому предмету пришлось измѣнить, прежде чѣмъ онъ вступилъ въ дѣйствіе. Измѣненіе заключается, впрочемъ, только въ допущеніи къ пользованію кредитомъ и такимъ землевладѣльцевъ, имѣнія которыхъ уже состоятъ въ залогѣ. На имѣнія эти выдается второе залоговое свидѣтельство, по которому и можетъ быть открытъ кредитъ. Въ случаѣ обращенія въсканія на имѣніе, претензія казны имѣетъ преимущество передъ всѣми другими, кромѣ тѣхъ, которыя раньше обезпечены запрещеніемъ или залогомъ, а также недоимокъ въ податяхъ и сборахъ.

¹⁾ Сельскія общества петербургской губерніи, какъ мы имѣли случай замѣтить еще въ 1882 г., не такъ богаты, чтобы предпринимать на свой рискъ и страхъ осушеніе болотъ; и дѣйствительно, въ продолженіе цѣлаго года ни одно изъ нихъ не просило о выдачѣ ссудъ на этотъ предметъ. Ссуды были выданы тремя частнымъ владѣльцамъ, подъ векселя, которые всѣ за неплатежъ протестованы.

Выдачею второго залогового свидѣтельства шансы полного удовлетворенія казны увеличиваются, такимъ образомъ, весьма мало. Участіе мѣстныхъ землевладѣльцевъ въ учетныхъ комитетахъ остается прежнее; свобода имѣнія отъ недоимокъ не сдѣлана условіемъ допущенія векселей къ учету; тахішимъ кредита не опредѣленъ. Нельзя не пожалѣть, что пересмотръ закона не послужилъ поводомъ къ его улучшенію. Много ли онъ принесетъ пользы частному землевладѣнію — покажетъ время. Къ краткосрочному кредиту землевладѣльцевъ въ скоромъ времени присоединится, судя по официальнымъ даннымъ, и долгосрочный; остается надѣяться, что при установленіи послѣдняго интересы казны будутъ ограждены въ большей мѣрѣ, чѣмъ при организаціи перваго. Благосостояніе землевладѣльческаго класса не должно быть возвышаемо на счетъ казны, т.-е. на счетъ народа.

Состоявшееся въ январѣ мѣсяцѣ увеличеніе государственнаго земельного налога не было новостью, въ виду раньше обнародованной росписи на 1884-ый годъ. Порядокъ распредѣленія налога (между уѣздами—губернскими земскими собраніями, между плателщиками—уѣздными земскими собраніями, на основаніи общей земской раскладки) представляется, въ принципѣ, вполне привильнымъ; нравственная обязанность уѣздныхъ земствъ устранить существующую еще во многихъ мѣстахъ, *de facto*, неравномѣрность раскладки (всегда обязательную для крестьянъ) становится теперь еще болѣе настоятельною.—Учрежденіе, для завѣдыванія крестьянскими дѣлами, особаго (второго) департамента сената, вмѣсто существовавшаго до сихъ поръ для этой цѣли отдѣленія перваго департамента, имѣетъ значеніе развѣ въ томъ смыслѣ, что возводитъ обособленіе крестьянства какъ бы на степень постояннаго, нормальнаго явленія. Едва ли, однако, слѣдуетъ понимать его такимъ образомъ. Характеръ произведенной реформы—преимущественно номинальный; за новымъ именемъ не скрывается новаго содержанія. Если преобразование мѣстнаго управленія и самоуправленія приведетъ къ сліянію крестьянства съ другими сословіями, то оно, конечно, не разобѣется о препятствіе чисто формальнаго свойства. Весьма можетъ быть, притомъ, что устройство всесословной волости не устранистъ необходимость въ особыхъ учрежденіяхъ или въ особомъ порядкѣ для *земельныхъ дѣлъ* крестьянъ, и что высшей инстанціей по такимъ дѣламъ останется вновь открытый теперь департаментъ сената.

Заключимъ нашу хронику воспоминаніемъ объ уtratѣ, понесенной наканунѣ истекшаго мѣсяца, въ одной изъ высшихъ у насъ

государственныхъ сферъ. 31-го января скончался внезапно Михаилъ Евграфовичъ Ковалевскій, отъ болѣзни сердца и остраго воспаления желудка.

Смерть человѣка, извѣстнаго только своею служебною дѣятельностью, рѣдко возбуждаетъ въ печати и въ обществѣ столько воспоминаній, сожалѣній, толковъ, сколько возбудила ихъ преждевременная кончина М. Е. Ковалевскаго. Для полной, всесторонней его оцѣнки не настало еще время, да недостаетъ и матеріаловъ; самыя важныя эпохи его жизни — предсѣдательство въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ, сенаторская ревизія, участіе въ трудахъ государственнаго совѣта — извѣстны только по слухамъ, не всегда достовѣрнымъ, часто противорѣчивымъ. Мы не послѣдуемъ примѣру тѣхъ, которые спѣшатъ характеризовать не только дѣйствія, но и мысли покойнаго, которые утверждаютъ, что, на примѣръ, казанская ревизія раскрыла будто бы Ковалевскому всю опасность магометанской пропаганды, что предубѣжденіе его противъ г. Скарятина уступило мѣсто уваженію къ административнымъ заслугамъ казанскаго губернатора; мы не станемъ также опровергать эти свѣдѣнія другими, противоположными, но одинаково, въ настоящее время, недоступными для провѣрки. Объяснить значеніе, какое имѣлъ Ковалевскій, можно и безъ вступленія въ область гаданій и сомнительно-точныхъ сообщеній. Неподкупный, гуманный, образованный предсѣдатель уголовной палаты (старого устройства) памятенъ немногимъ — но вся читающая русская публика могла познакомиться съ рѣчами перваго оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента, произнесенными именно въ то время, когда не остылъ еще интересъ къ судебной реформѣ, когда предстояло утвердить ее на прочныхъ началахъ, укрѣпить за нею право на общее уваженіе. Въ заключеніяхъ Ковалевскаго всегда слышалось то честное, независимое отношеніе къ дѣлу, котораго ожидали отъ представителей новаго суда. Оберъ-прокуроръ кассационнаго сената — тотъ же судья, только не участвующій въ рѣшеніи дѣла; Ковалевскій именно такъ и понималъ свое положеніе, никогда не выдѣляя себя мысленно изъ состава верховнаго суда. Онъ громко высказывалъ то, что могли повторить вслѣдъ за нимъ сенаторы, въ комнатѣ для совѣщаній; представитель администраціи никогда не бралъ въ немъ верхъ надъ истолкователемъ закона. За нѣсколькими годами горячей работы, на виду у всей Россіи, слѣдуетъ для Ковалевскаго десятилѣтіе спокойнаго, закулиснаго труда на сенаторскомъ креслѣ; русское общество начинало уже забывать его имя, когда оно опять было выдвинуто на первый планъ ревизіями 1880—81 г. На долю Ковалевскаго выпала задача особенно трудная; кромѣ разработки вопро-

совѣ, общихъ для всѣхъ ревизующихъ сенаторовъ, онъ долженъ былъ взять на себя изслѣдованіе злоупотребленій, творившихся, въ продолженіе многихъ лѣтъ, въ двухъ отдаленныхъ областяхъ Россіи, не безъ участія, активнаго или пассивнаго, со стороны Петербурга. Какъ онъ дѣйствовалъ на этомъ поприщѣ—покажетъ время; до сихъ поръ общество могло и можетъ оцѣнить только нѣкоторые достигнутые имъ и всѣмъ извѣстные результаты. Къ числу такихъ результатовъ принадлежить не только оренбургскій разгромъ и прекращеніе оренбургскихъ хищеній, но и увольненіе г. Скарятинъ отъ должности губернатора, съ назначеніемъ надъ нимъ уголовного слѣдствія. Въ рѣшительности, одинаковой по отношенію къ „особамъ“ и къ мелкой сошкѣ, общественное мнѣніе узнавало Ковалевскаго, какимъ оно привыкло считать его издавна. Быть можетъ, оно ошибалось; быть можетъ, паденіе г. Скарятинъ не было заслугой Ковалевскаго,—но чтобы отказаться отъ нашихъ прежнихъ взглядовъ, мы потребуемъ свидѣтельствъ болѣе вѣскихъ, чѣмъ то, что высказывалось въ нѣкоторыхъ некрологахъ. Снисходительность къ самымъ дикимъ формамъ административной расправы—не такая черта, которая уживалась бы съ представленіемъ о Ковалевскомъ, оставшимся въ памяти его почитателей—съ представленіемъ объ энергичномъ и стойкомъ поборникѣ справедливости и закона.

ЗАБЫТЫЕ ПАХАРИ.

З а м ѣ т к а.

Около 20 лѣтъ уже идетъ у насъ формальная перестройка такъ называемыхъ податныхъ сословій. Если взять наши до-реформенные законы „о состояніяхъ“, то въ нихъ окажется очень сложная номенклатура разныхъ видовъ сельскаго и городского населенія: мѣщане, крестьяне государственные, помѣщичьи и удѣльные, однодворцы просто, однодворцы западные, вологодскіе половники, панцырные бояре, граждане, вольные люди и т. д., и т. д. Но послѣ реформы 19 февраля 1861 года, когда образовалась наконецъ новая огромная масса свободныхъ сельскихъ обывателей, всѣ эти дробныя различія горожанъ и землевладѣльцевъ начали уничтожаться, и „податное“ населеніе стало приводиться къ двумъ главнымъ видамъ: мѣщанъ и крестьянъ. Первые—городскіе, послѣдніе—сельскіе обыватели. Одно за другимъ появлялись „положенія“, уничтожавшія отдѣльность бытія то той, то другой группы населенія, послѣ чего эти группы включались въ общую массу мѣщанъ или крестьянъ, получая ихъ права и подчиняясь ихъ повинностямъ. Къ настоящему времени эта объединительная работа, съ внѣшней стороны, представляется почти законченною.

Осмысленность, неизбежность подобнаго преобразованія не нуждается въ особыхъ доказательствахъ. Преобразование было дѣломъ законодательной послѣдовательности. Раздѣльность упомянутыхъ группъ могла имѣть свое историческое объясненіе, но уже не согласовалась съ бытовыми условіями населенія, и ни для кого не была нужною. Поддерживать искусственную сословную пестроту становилось безцѣльнымъ. Къ чему полагать различіе между людьми, живущими въ сосѣдствѣ, пользующимися одинаковыми правами, ведущими одинаковый образъ жизни и занимающимися однимъ и тѣмъ же промысломъ? Каковы жизненныя условія, такова должна быть и внѣшняя организація человѣческихъ группъ. Земледѣлецъ пусть зовется крестьяниномъ, городской промышленникъ, ремесленникъ—мѣщаниномъ. Формальное дѣленіе людей по ихъ бытовымъ различіямъ должно было завершиться новою народною переписью, не знающею уже старыхъ сословій и имѣющею въ виду только два упомянутые выше разряда обывателей. Этой переписи мы давно уже ждемъ, и намъ нако-

нецъ обѣщаютъ осуществленіе ея въ настоящемъ или будущемъ году.

Но идти въ объединеніи дальше, и изъ двухъ сословій дѣлать одно, смѣшивая мѣщанъ съ крестьянами, было уже неудобно. Правда, оба эти сословія одинаково зовутся податными, и такое названіе не утратило жизненнаго значенія, несмотря даже на начавшуюся податную реформу, которая прежде всего вполне *облила* мѣщанъ, избавивъ ихъ отъ послѣдняго остатка подушной подати—отъ „окладного сбора“; зачисленіе мѣщанъ въ податное сословіе поддерживается еще подчиненіемъ ихъ *личнымъ* натуральнымъ повинностямъ, отъ которыхъ избавлены лица привилегированныя. Но во многихъ другихъ отношеніяхъ между мѣщанами и крестьянами удержалось большое различіе. Ихъ права и обязанности далеко не одинаковы. Мѣщанинъ подушныхъ податей не платитъ, а большая часть крестьянъ ихъ еще платитъ. У крестьянъ болѣе самостоятельное самоуправленіе (по крайней мѣрѣ *de jure*), что составляетъ ихъ преимущество передъ мѣщанами. Крестьяне пользуются правомъ на кредитъ для покупки земли, въ специально для нихъ устроенномъ банкѣ, а для мѣщанъ такого кредита нѣтъ. За то и у мѣщанъ есть свое большое преимущество, состоящее въ томъ, что они свободны (по закону), отъ тѣлеснаго наказанія, оставшагося теперь, такъ сказать, привилегією одного только крестьянскаго населенія. Стало быть, помимо чисто бытовыхъ различій городского и сельскаго населенія, крестьяне и мѣщане различаются между собою еще цѣлымъ рядомъ правъ и обязанностей; все это осмысливаетъ признаніе ихъ двумя отдѣльными сословіями, которыя и будутъ имѣться въ виду новою народною переписью.

Но за принципиальнымъ вопросомъ о дѣленіи податного населенія на двѣ группы, слѣдуетъ вопросъ: правильно ли примѣненъ этотъ принципъ, достаточно ли онъ выдержанъ? Мѣщане и крестьяне не сходны между собою, но—точно ли въ составъ мѣщанъ не попали чистые земледѣльцы, а въ составъ крестьянъ—люди, не имѣющіе ничего общаго съ земледѣльческимъ промысломъ? Точно ли данныя новой ревизіи представляютъ намъ правдивую жизненную дѣйствительность? Дѣло, разумѣется, не въ отдѣльныхъ лицахъ или какихъ нибудь мелкихъ исключеніяхъ, которыя бываютъ вездѣ, а въ томъ—не встрѣчается ли въ новомъ дѣленіи людей слишкомъ крупныхъ прорѣхъ, идущихъ въ разрѣзъ съ коренными основаніями преобразованія, состоящими, разумѣется, въ томъ, чтобы формальныя клички, не имѣя самостоятельнаго значенія, подчинялись дѣйствительнымъ жизненнымъ условіямъ; коль скоро люди распредѣлились по группамъ не согласно своимъ бытовымъ условіямъ, а въ силу только старыхъ формальныхъ преданій—такое распредѣленіе, противорѣча духу 20 лѣт-

наго преобразованія, должно быть замѣчено и исправлено во время, всего лучше—до переписи. Пока подобныя крупныя прорѣхи существуютъ, преобразование должно считаться далеко не доведеннымъ до конца.

И подобныя прорѣхи дѣйствительно существуютъ. Остановимся на одномъ изъ видовъ ихъ, пользуясь вышедшимъ недавно статистическимъ трудомъ херсонскаго губернскаго земства—описаніемъ одесскаго уѣзда. Явленіе, отмѣченное этимъ трудомъ, настолько рельефно, настолько поучительно, что вполне заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія.

Въ херсонской губерніи существуетъ особый разрядъ земледѣльцевъ, носящихъ названіе „десятинщиковъ“. Отъ того ли это названіе происходитъ, что они снимаютъ у помѣщиковъ въ аренду десятины земли, или отъ того, что они когда нибудь платили десятину съ урожая, навѣрное не знаемъ. Эти люди числятся по документамъ мѣщанами, но въ нихъ нѣтъ ровно ничего городского. Они вѣковѣчные пахари и живутъ постоянно въ селеніяхъ, на помѣщичьей землѣ, такъ какъ въ качествѣ „мѣщанъ“ надѣла не получили. Основаніе этому разряду людей получили бывшіе вольно-отпущенные и бѣглые крестьяне.

До 1861 года положеніе вольно-отпущеннаго было завиднымъ для многихъ, и крестьянинъ, какимъ нибудь образомъ скопившій деньги, охотно разставался съ нажитымъ сбереженіемъ, чтобы выдти „на волю“. Хотя съ полученіемъ воли подобный человѣкъ терялъ связь съ прежнею землею и не прибрѣталъ собственнаго клочка, т. е. выходилъ на подножный кормъ, но тогда это обстоятельство не имѣло большого значенія. Во первыхъ, „воля“ была слишкомъ дорога, соблазняла больше, чѣмъ земля, владѣніе которою и не могло тогда быть обеспеченнымъ; а во вторыхъ, земли не имѣли тогда большой цѣны, особенно въ степныхъ губерніяхъ, гдѣ помѣщики и съ наличною пахатью могли справляться только при помощи „бѣглыхъ“. Въ ту пору въ южныхъ степяхъ и 10 рублей за десятину была очень красная цѣна. Напротивъ, дорого цѣнились рабочія руки, и каждому пришлому рабочему, кто бы онъ ни былъ, помѣщикъ былъ радъ. Пришелъ рабочий человѣкъ, сѣлъ въ помѣщичьемъ имѣніи, поставилъ себѣ хату, взялъ за деньги или за отработокъ нѣсколько десятинъ земли—и помѣщикъ получалъ отъ этого большую выгоду; земля, долженствовавшая пустовать, стала приносить ему хоть какой нибудь доходъ; да и возможность имѣть подъ рукою лишнюю рабочую силу имѣла свою цѣну. Вольноотпущенные особенно стремились въ южныя уѣзды, которые постыяѣе. Выйдя на волю, имъ необходимо было куда нибудь „приписаться“. Но-куда именно? Свободныхъ сельскихъ

сословія въ ту пору почти не было. Государственныхъ крестьянъ тамъ было мало, да и тогдашнее управленіе ими было довольно тяжело. Гораздо больше было населенія въ приснопамятныхъ „военныхъ поселеніяхъ“ (которыхъ въ херсонской губерніи было много), но бытъ поселянъ былъ гораздо тягостнѣе быта государственныхъ крестьянъ. Хищническое начальство, масса натуральныхъ повинностей, постой, вѣчныя притѣсненія и прижимки, домашній бытъ по указанной „формѣ“, подчиненіе наказанію „шпирутеномъ“—все это создавало такое угнетеніе, которое едва ли уступало крѣпостному праву. Помѣщикъ хотя сколько нибудь былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы не разорялись его крестьяне, а какому нибудь тогдашнему волостному или окружному командиру, удалившемуся отъ боевой службы капитану или майору, только и было заботы, чтобы нажиться поскорѣе, до той поры, пока не пришлось попасть подъ судъ или быть выгнаннымъ со службы, истощивъ мѣру снисхожденія даже тогдашняго начальства. И вотъ вольноотпущенному открывалась одна дорога—приписка въ мѣщане. Разумѣется, и мѣщанинъ спалъ не на розахъ: взяточничество, крѣпостничество брадо съ него тоже не малую дань, но дань эта была сравнительно легче: заплатить, что съ него „сорвали“—и спокоенъ на полгода или на годъ, и живетъ человекъ на своей волѣ: пашетъ, сѣетъ, коситъ, жнетъ, какъ Богъ ему далъ. О томъ, что приписка въ мѣщане поведетъ когда нибудь къ спеціальнымъ невыгодамъ, въ ту пору никто не думалъ, и мнимый гражданинъ какого нибудь городка чувствовалъ себя въ деревенской глуши довольно хорошо. Среди крѣпостной деревни тамъ и сямъ встрѣчалось нѣсколько хатъ „вольныхъ“ людей, и жители этихъ хатъ возбуждали зависть своихъ сосѣдей. Многіе изъ нихъ были очень зажиточны и занимались еще, кромѣ земледѣлія, извозомъ (чумаки), возили рыбу или соль изъ Крыма и т. п. У нихъ не было своей земли (да и кто изъ земледѣльцевъ тогда имѣлъ ее), но земля была слишкомъ дешева, а они были богаты тѣмъ, что цѣнилось дорого,—рабочею силою.

Послѣ 1861 года положеніе сильно измѣнилось. Явилось вдругъ огромное сословіе вольныхъ земледѣльцевъ, да еще съ землею. Перечислиться бы къ нимъ,—но, во первыхъ, вольноотпущеннику все равно земли не дадутъ, такъ какъ онъ уже отрѣзанный ломоть, а во вторыхъ состояніе въ мѣщанствѣ вовсе не сразу давало чувствовать свою невыгоду; напротивъ, оно давало еще нѣкоторыя льготы, такъ какъ вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости мѣщане были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія, а въ 1863 году съ нихъ сняли и подушную подать, переложивъ ее на городскія недвижимыя имущества. Десятишникъ изъ бывшихъ вольноотпущенныхъ никакой собственности въ городѣ не имѣлъ, слѣдовательно, изъ

бавившись отъ личной подати, онъ не былъ обложенъ и налогомъ съ недвижности. Итакъ, нѣтъ большей части податей,—нѣтъ розги, земля еще дешева и просторна—казалось, можно жить еще лучше прежняго.

Однако, годъ за годомъ, постепенно стали складываться новыя экономическія условія. Населеніе росло и вслѣдствіе естественнаго прироста, и вслѣдствіе прибыли людей стороннихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ начала быстро дорожать земля. Пользованіе помѣщичьею землею уже не могло быть льготнымъ по прежнему, а способы прижать десятищика оказалось гораздо больше, чѣмъ прижать сосѣда крестьянина. У послѣдняго все-таки есть свой клочекъ земли, почему онъ не въ такой зависимости отъ найма земли чужой. Мужика и согнать нельзя, потому что онъ живетъ въ собственной хатѣ. Наконецъ, у мужика есть свое управленіе, которое хоть когда нибудь да окажетъ ему защиту, тогда какъ десятищикъ для всѣхъ „чужой“. Мужику помѣщикъ можетъ только не дать въ наемъ куска полевой земли, но если онъ захочетъ донечь десятищика, то послѣдній долженъ сейчасъ же идти съ семейю куда глаза глядятъ; онъ не имѣетъ гдѣ головы приклонить, потому что и хата, въ которой онъ живетъ, считается собственностью помѣщика. Отсюда возникаетъ очень тяжелая экономическая зависимость, которая и выражается въ довольно рѣзкихъ фактахъ. Придетъ голодный годъ,—а такіе годы въ степяхъ довольно часты—крестьянамъ выдадутъ продовольственное пособіе или изъ запаснаго магазина или изъ правительственной ссуды, а десятищикъ опять ни причеиъ, потому что онъ *de jure* мѣщанинъ, а не крестьянинъ. Словомъ, прижми вдоволь, а помощи ни откуда. Таково положеніе человѣка, который и въ деревнѣ, и въ городѣ одинаково „чужой“. Устроился для крестьянъ особый банкъ, при помощи котораго они могутъ увеличивать свое землевладѣніе, но десятищикъ и тутъ остался въ сторонѣ. Если бы землевладѣлецъ и согласился продать ему нужный до зарѣву кусокъ земли—правительственной ссуды десятищику не дадутъ на томъ основаніи, что банкъ существуетъ для помощи крестьянамъ, а вовсе не мѣщанамъ. Годъ за годомъ житье становилось хуже и хуже, а теперь оно уже слишкомъ рѣзко бросается въ глаза.

Вотъ какъ описываетъ житье-бытье десятищика упомянутый выше трудъ херсонскаго земства: „Можно почти всегда, сразу, по первому взгляду отличить поселеніе десятищиковъ отъ крестьянскаго. Куча беспорядочно разбросанныхъ землянокъ, глубоко сидящихъ въ землѣ, неокончанные дворы, развалившіеся сараи, сдѣланные большею частію изъ навоза и кое-какъ прикрытые сверху, ни одного деревца вокругъ жилья, отсутствіе домовитости и ховайскаго глаза—

все это говорить, что здѣсь живутъ десятишники. Отсутствие собственной хаты, необеспеченность завтрашняго дня—все это наложило грустный отпечатокъ на жизнь десятишниковъ, что прекрасно выражается въ ихъ любимой пословицѣ: *мѣщане—то цмѣане*; и дѣйствительно, во имя чего десятишнику строить хату на чужой землѣ, заводить исправныя постройки, разводить садовъ, копать колодезь, когда онъ не знаетъ долго ли останется на этомъ мѣстѣ, когда, быть можетъ, въ слѣдующемъ же году ему придется искать хату за тридцать верстъ или дальше? Въ другомъ мѣстѣ, касаясь общаго характера мѣстныхъ построекъ, тоже статистическое описаніе говоритъ: „Особенно неприглядны поселенія, населенныя десятишниками: часто деревни ихъ состоятъ изъ землянокъ, „гадючниковъ“,—характерное названіе землянки, въ которую надо входить человѣку средняго роста согнувшись (вѣроятно, отъ слова „гадюка“, змѣя, т. е. землянки приравниваются къ змѣйнымъ норамъ); полукруглыя земляныя крыши всѣ заросли высокимъ бурьяномъ или покрыты густой травой, если, конечно, лѣто было не сухое; вокругъ этихъ избъ нѣтъ ни сараевъ, ни огорода, ни деревца. Вмѣсто сараевъ стоятъ какіе-то жалкіе хлѣбны, часто выстроенные изъ кирпича, приготовленнаго на топливо, или же навѣсы съ продранными крышами. На мѣстѣ, гдѣ долженъ быть огорода, такія же сорныя травы, какъ и на крышахъ землянокъ; возлѣ избъ навалены кучи мусора—это поселки и хутора десятишниковъ“.

Десятишники живутъ по всему уѣзду или въ отдѣльных хуторахъ, или въ деревняхъ и селахъ, въ сосѣдствѣ съ крестьянами. „Живутъ они въ помѣщичьихъ хатахъ и платятъ за простыя землянки отъ 6 до 10 рублей въ годъ“. *Квартирная плата* за ничтожную землянку въ деревнѣ,—явленіе очень у насъ оригинальное, и нужны были черезъ-чуръ особенныя условія, чтобы создать его. Надо полагать, въ Россіи немного найдется примѣровъ подобныхъ явленій. Если десятишники сами строятъ себѣ хаты, то хозяева даютъ лѣсъ, а десятишники добываютъ камень и выполняютъ строительныя работы, пользуясь послѣ того нѣсколько лѣтъ льготой отъ платежа за хату. Это было бы еще сносно, если бы выстроенную хату десятишникъ могъ прочно закрѣпить за собою. Но вѣдь его легко могутъ выгнать и изъ построеннаго имъ самими помѣщенія. Пока имѣніемъ владѣетъ помѣщикъ, десятишники еще имѣютъ шансы удерживаться на мѣстахъ и пользоваться землею; „но разъ земля попадаетъ въ руки нѣмцевъ (колонистовъ), всегда нерасположенныхъ отдавать землю подъ обработку другимъ, тогда *цѣлую деревню* десятишниковъ (въ нѣсколько десятковъ дворовъ) въ одинъ годъ сгоняютъ съ земли и изъ хатъ; и вотъ тогда-то настаетъ для

нихъ горе-горькое: уходить съ насиженныхъ мѣстъ и искать новыхъ; такіе невольные переселенцы обыкновенно называются „выгонцами“ (т.-е. вытолкнутыми).

Такимъ образомъ, скупка земель колонистами оказывается однимъ изъ чувствительнѣйшихъ бѣдствій для мѣстнаго населенія, а эта скупка въ послѣдніе годы дѣлаетъ большіе успѣхи, и притомъ не въ одной херсонской губерніи; по новѣйшимъ свѣденіямъ и въ екатеринослав. губерніи, и въ Крыму, колонисты становятся поперегъ дороги мѣстному сельскому населенію. Вліяніе ихъ на крестьянскую жизнь вообще въ послѣднее время становится особенно чувствительнымъ. Только задумаетъ крестьянинъ купить себѣ землю, колонистъ, почувлавъ ея продажу, постыжится перебить крестьянскую покупку, набавивъ цѣну или другимъ способомъ, а коль скоро онъ купилъ землю — у него не выторгуешь ни десятинки. Именно колонисты въ послѣднее время сильно подняли земельныя цѣны, что между прочимъ почувствовалось въ первое же время крестьянскихъ земельныхъ покупокъ съ помощію крестьянскаго банка. Въ Крыму, гдѣ два-три года назадъ можно было купить землю по 8—10 руб. за десятину, теперь надо платить втрое, и въ объясненіе этого явленія почти всегда приходится слышать одно: колонисты. Въ Крыму они готовятъ серьезный сюрпризъ татарамъ, тоже надѣющимся на покупку земель. Если вблизи продажной земли живутъ колонисты, крестьяне покупщики всегда готовы набавлять цѣну до чего угодно; какъ только они затянутъ торгъ — явится колонистъ и все ихъ дѣло испортить.

Понятно, что отношенія между десятинщиками и владѣльцами земли ничѣмъ не регулированы и зависятъ вполне отъ заключаемыхъ сторонами условій, которыя часто бываютъ не только письменныя, но и словесныя. Не законъ, а экономическая нужда диктуетъ эти условія. Десятинщикъ съ формальной стороны представляется обыкновеннымъ арендаторомъ. Но на самомъ дѣлѣ къ нему относятся только одни невыгодныя условія арендаторства. Ему хуже, чѣмъ обыкновенному арендатору. Обыкновенныя арендныя отношенія ограничиваются опредѣленіемъ того, что арендаторъ *получаетъ* отъ владѣльца и сколько *платитъ* за это владѣльцу. Заплативъ, что условлено, арендаторъ вполне свободенъ въ своей промышленной предпріимчивости, можетъ покупать, продавать и арендовать у другихъ что угодно. Для десятинщика же аренда вовсе не сопровождается такою свободою; она опять представляетъ совсѣмъ своеобразное явленіе, въ которомъ экономическая зависимость выражается довольно откровенно, въ формахъ связывающихъ личную свободу. Чтобы пояснить это нагляднѣе, приведемъ нѣкоторыя черты изъ любопытныхъ контрактовъ между землевладѣльцами и десятинщи-

ками, также приводимыхъ въ статистическомъ трудѣ херсонскаго земства. Вотъ, наприимѣръ, образцовый договоръ съ десятищиками Коблевскаго имѣнія, арендуемаго теперь какимъ-то купцомъ.

Десятищики Коблевскаго имѣнія снимаютъ у арендатора дома и земли, причеиъ собственно за дома платятъ по девяти рублей въ годъ за ординарный и по шестнадцати рублей за двойной. Это собственно „квартирная плата“, а каковы бываютъ у десятищиковъ дома—объ этомъ было уже сказано выше. Сверхъ квартирной платы десятищикъ долженъ платить за пастьбу своего скота по 2 р. 50 коп. съ каждой штуки, большой и малой; если же десятищикъ покажетъ количество своего скота невярно, то за каждую пропущенную штуку платить 6 рублей штрафа. Пользованіе полевую землею устанавливается на такихъ основаніяхъ: *не арендаторъ* определяетъ сколько онъ хочетъ *взять* земли въ аренду и гдѣ, а напротивъ землевладелецъ назначаетъ ему и размѣръ, и мѣста арендной земли; десятищикъ же обязанъ обработать это количество безотговорочно, словно урокъ выполнить, опять-таки подъ страхомъ тяжкихъ штрафовъ. За пользованіе назначенною десятищику землею, владельцу уплачивается условленная доля урожая. „Мы должны *занимать* земли у г. Г. подъ озимые и яровые посѣвы, гдѣ намъ экономія укажетъ—говорится въ упомянутомъ контрактѣ—и занимаемую землю мы обязаны хорошо обработать по хозяйски и засѣвать своими средствами разными хлѣбами...; если окажется у кого-либо изъ насъ *остатокъ* изъ занимаемой имъ земли (т.-е. если десятищикъ запаишетъ не весь *заданный* ему участокъ), то за каждую десятину, оставленную безъ употребленія, мы обязуемся уплатить штрафъ въ пользу Коблевской школы по *десяти* рублей за каждую десятину, и сверхъ того обязаны отдать еще снощину (долю урожая) за незасѣянную землю“; т.-е. владелец „собираетъ“ жатву и съ той земли, которой никто „не сѣялъ“. Здѣсь опять коренное отличие отъ обыкновеннаго арендаторства; арендаторъ, взявъ землю, можетъ ею пользоваться или не пользоваться, лишь бы только вносить условленный платежъ, а здѣсь обязательная обработка, ограждаемая огромнымъ штрафомъ: школа возьметъ 10 рублей за десятину, а владелец сверхъ того обычную долю урожая. Конечно, хорошо поддерживать школу, но едва ли хорошо поддерживать ее такими драконовскими приемами. Казалось бы, получивъ съ непаханной земли такую же долю урожая, какъ съ паханной, владелецъ уже ничего не теряетъ, однако тутъ требуютъ еще сверхъ того 10-ти рублевый штрафъ.

Наконецъ, вотъ еще крайне характерная черта: „Мы не *въ правѣ* ни подъ какимъ видомъ или предложомъ *занимать* отъ другихъ мѣ-

мать, вѣ Коблевскаго имѣнія, землю подъ посѣвъ или пастьбу—говорится въ разсматриваемомъ контрактѣ;—въ противномъ случаѣ, за каждую десятину или штуку скота обязуемся платить... *штрафъ* въ пользу Коблевской школы по 3 рубля“. Не знаемъ, процѣптаетъ ли Коблевская школа или нѣтъ, но этотъ послѣдній пунктъ контракта является уже чѣмъ-то въ родѣ закрѣпощенія личности десятичника: не смѣй ни у кого арендовать земли, кромѣ меня. Не смѣй пасты своего скота на чужой землѣ, а паси только на моей, платя за это, сколько я назначу! Обыкновенный арендаторъ, разсчитавшись съ владѣльцемъ, можетъ арендовать еще что угодно и гдѣ угодно, покупать, продавать и нанимать, входя въ сдѣлки съ кѣмъ выгодно, вообще не лишается свободы дѣйствій, вѣ аренды; а тутъ *весь* десятичникъ, вся его способность къ труду и промыслу закрѣпляется владѣльцу! Что же это за отношенія? Можетъ быть, они и не совсѣмъ крѣпки юридически, какъ продажа личной свободы, но фактически они очень крѣпки, потому что нужда связываетъ крѣпче всякаго закона.

Резюмируя все это, мы видимъ въ десятиничникѣ контрактъ „закрѣпощеніе исполщника“. Предъ нами новое явленіе селскаго быта: „закрѣпленный исполщникъ“. Десятинику, не имѣющему угла, нужно гдѣ-нибудь жить; но право жить пріобрѣтается, помимо квартирной платы, принятіемъ повинности брать исполу чужую землю, сколько прикажутъ, и сверхъ того—отказаться отъ свободы дѣйствій и вѣ аренды, т.-е. закрѣпленіемъ человека цѣлкомъ. Чтобы сказать наниматель квартиры, если бы хозяинъ запретилъ ему нанимать что-либо у кого-нибудь другого? Онъ сказалъ бы: я свободный человекъ, могу дѣлать что мнѣ вздумается, а потому—получи, что тебѣ слѣдуетъ за квартиру, и не приставай съ нелѣпыми претензіями. Десятинничій контрактъ—это своего рода барщина, съ тою лишь разницею, что барщинникъ знаетъ, сколько дней долженъ работать, и могъ располагать своимъ трудомъ въ остальные дни, работая гдѣ угодно. Но десятичникъ не можетъ разговаривать, какъ арендаторъ: если онъ не хочетъ отдавать себя въ закрѣпу—ступай куда угодно, и тогда ему станетъ еще хуже. Мы бы могли назвать такіа отношенія новаго рода временно-обязанными отношеніями, но только тутъ ни причеъ будетъ частица „временно“, такъ какъ бывшіе временно-обязанные могли выкупаться, были обезпечены въ пользованіи занимаемою ими землею и вообще обязательности ихъ отношеній былъ виденъ впереди какой-нибудь конецъ. А „закрѣпленный исполщникъ“ находится совсѣмъ въ другомъ положеніи. Можетъ быть, не всѣ контракты сходны съ Коблевскимъ, однако самая возможность Коблевскаго контракта очень не дурно обрисовываетъ положеніе десяти-

щина. При томъ же по Коблевскому образцу, вѣроятно, не мало состоялось и словесныхъ условій.

Надобно прибавить, что штрафы, о которыхъ говорятъ контракты, введены туда вовсе не для одной острастки, но имѣютъ вполне реальное значеніе. Въ прошедшемъ году, въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ мы встрѣтили статью о десятинщикахъ, авторъ которой видѣлъ нѣсколько нотаріальныхъ заявленій къ десятинщикамъ, которыми отъ послѣднихъ требовались огромныя для нихъ уплаты со штрафами; отъ одного, напримѣръ, требовали: квартирной платы 10 руб., за пастбу скота 33 рубля, за 15 десятинъ земли 120 руб., итого 163 руб., а такъ какъ по контракту уплаты, въ случаѣ неисправности, взыскиваются *вдвое*, то десятинщикъ, за прибавкою еще процентовъ, обязывался выплатить 332 рубля! Это требуется отъ человѣка, который, можетъ быть, проживаетъ въ описанномъ выше „гадючникѣ“! Ни одинъ крестьянинъ не платитъ столько, если сложить всяческія его подати, выкупные платежи и ординарныя крестьянскія аренды. Если затѣмъ принять во вниманіе неизбежность неисправности „крѣпостного исполщика“ хотя бы въ какой-нибудь малости, то нельзя не видѣть, что онъ всегда во власти своего контрагента.

Очертивъ положеніе десятинщика, слѣдовало бы перейти къ одной изъ главныхъ сторонъ вопроса—къ ихъ числу; но въ точности этого числа мы не знаемъ; имъ не ведется официальнаго счета, такъ какъ ихъ смѣшиваютъ съ мѣщанами и они тонутъ въ цифрѣ городского населенія. Кто захотѣлъ бы справиться по официальнымъ документамъ о какомъ-нибудь вѣковѣчномъ пахарѣ с. Ивановки, тотъ узналъ бы, что этотъ пахарь—гражданинъ города Бобринца или Тирасполя и увеличиваетъ номинальную цифру городского населенія губерніи. Но пусть не думаетъ читатель, что мы коснулись какой-нибудь мелкой, исключительной группы, о которой и толковать много не стоитъ. По показанію земско-статистическаго труда, которыми мы теперь пользуемся, въ одномъ одесскомъ уѣздѣ десятинщикихъ дворовъ 4,640, тогда какъ всѣхъ дворовъ въ уѣздѣ 23 тысячи. Такимъ образомъ они составляютъ пятую часть всего сельскаго населенія уѣзда (считая и нѣмцевъ) и не многимъ уступаютъ въ числѣ бывшимъ крѣпостнымъ крестьянамъ. На 4,640 дворовъ должно придтись не менѣе 25—30 тысячъ душъ обою пола. Но десятинщики существуютъ не въ одномъ только одесскомъ уѣздѣ, они есть и въ другихъ мѣстахъ; они встрѣчаются также не въ одной херсонской губерніи, и еще на дняхъ намъ пришлось встрѣтить газетное извѣстіе о десятинщикахъ въ Крыму. Во всякомъ случаѣ они составляютъ нѣсколько десятковъ тысячъ душъ въ Новороссійскомъ краѣ, а можетъ быть перевалать и за сотню тысячъ душъ. Така

группа слишкомъ серьезное явленіе, чтобы не дозвоительно было ее игнорировать. Нужно открыть ей какой-нибудь исходъ изъ ея положенія, не оставляя ее между небомъ и землею.

Мы видимъ, что одно изъ существенныхъ условій, поддерживающихъ ея положеніе, состоитъ въ напрасномъ признаваніи несомнѣннѣйшихъ крестьянъ—мѣщанами. Устраненіе этой жизненной фальши нужно не для одного упорядоченія счета населенія, но и потому, что будучи признаны крестьянами, десятичники приобрѣтутъ и кое-какія существенныя права. Самымъ сильнымъ средствомъ къ упроченію для нихъ сноснаго быта было бы разумѣется приобрѣтеніе земли, и, безъ сомнѣнія, десятичники нашли бы себѣ продажную землю. Имъ продали бы землю и нѣкоторые изъ владѣльцевъ имѣній, въ которыхъ они теперь живутъ, а кому не продалъ бы свой владѣлецъ—тотъ купилъ бы гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Своихъ средствъ для покупки земли у десятичника нѣтъ, но онъ могъ бы рассчитывать на помощь крестьянскаго банка, который теперь откажетъ ему въ помощи, какъ „мѣщанину“. Пожалуй, скажутъ: ну и пусть себѣ приписывается къ крестьянамъ самъ, никто ему этого не запрещаетъ; но сказать такъ, значитъ не разрѣшить вопроса, а отвернуться отъ него. Чтобы приписаться къ крестьянскому обществу, нужно получить согласіе послѣдняго, а такое согласіе далеко не всегда дадутъ чужому человѣку; иногда за это потребуютъ денегъ отъ человѣка, который и просится-то въ крестьяне изъ-за тяжелой нужды. Потому, предоставлять дѣло единичнымъ усиліямъ каждаго о себѣ самомъ, значило бы оставить все въ прежнемъ положеніи. Если нельзя принуждать сельскія общества принимать къ себѣ членовъ, почему бы то ни было ими не желаемыхъ, то есть возможность просто приписать десятичниковъ къ волостямъ, въ смыслѣ административномъ, какъ причислены уже многіе изъ крестьянъ. Не пользуясь отъ обществъ надѣломъ, десятичники ни въ чемъ не стѣснятъ своихъ сосѣдей, но сами приобрѣтутъ крестьянское имя, а съ нимъ и нѣкоторыя права. Причисленіе къ волостямъ представляется тѣмъ болѣе удобнымъ, что всѣ подобнымъ образомъ причисленные теперь уже освобождены отъ податей, слѣдовательно, десятичники, будучи уже свободны отъ податей теперь, не будутъ обложены ими и вновь. Но это причисленіе необходимо сдѣлать административнымъ путемъ, въ видѣ общей мѣры, не заставляя каждаго хлопотать о себѣ, тѣмъ болѣе, что эти хлопоты не дешево обходятся. Можно бы даже изъ десятичниковъ образовывать особые крестьянскія общества, не смѣшивая ихъ съ другими обществами, и при этомъ дать имъ принадлежащія обществамъ права самоуправленія. Чѣмъ деревенскимъ пахарямъ управляться городомъ Бобринцемъ или Очаковымъ,—лучше

пусть ими управляетъ собственный староста. Образование новыхъ обществъ тѣмъ болѣе удобно, что десятичники и теперь часто живутъ отдѣльными поселками. Одинъ, два или три такихъ поселка могли бы образовать особое общество. Что же касается десятичниковъ, которые купятъ себѣ землю на собственные ли средства или съ помощію крестьянскаго банка, и слѣдовательно, приобретутъ вполне прочную осѣдлость, то образование изъ нихъ новыхъ обществъ до такой степени представляется дѣломъ естественнымъ, что въ отношеніи къ нему едва ли возможны и какія-нибудь сомнѣнія, не то что возраженія.

Есть еще пунктъ: мѣщане свободны отъ тѣлеснаго наказанія, а крестьяне—нѣтъ; не затормозитъ ли дѣла собственная неохота людей отказываться отъ чувствительной льготы, которою они уже пользуются, т.-е. идти, въ отношеніи къ личнымъ своимъ правамъ, не впередъ, а далеко назадъ. Дѣйствительно, очень своеобразно положеніе, при которомъ человѣку говорятъ: а! ты хочешь приобрести себѣ новыя права, хочешь самоуправленія,—подставляй же прежде спину! Особый интересъ представляетъ вопросъ: можетъ ли человѣкъ, уже получившій извѣстныя личныя права, не сдѣлавъ никакого преступленія, лишиться этихъ правъ. Но если бы общій вопросъ объ отбѣнѣ тѣлесныхъ наказаній и замедлил своимъ разрѣшеніемъ, развѣ нельзя установить для десятичниковъ сохраненія прежнихъ правъ въ видѣ особой льготы?

Вопросъ о десятичникахъ, отличаясь самостоятельнымъ интересомъ, какъ вопросъ объ участи сотни тысячъ обездоленныхъ людей, имѣетъ значеніе и какъ иллюстрація къ болѣе общему вопросу о правильности существующаго распредѣленія нашего населенія между сословіями. Мы видимъ, къ какимъ чувствительнымъ послѣдствіямъ ведутъ недоразумѣнія по этой части, во что обходится зачисленіе въ горожане чистѣйшаго мужика, чего стоитъ задержка въ окончаніи той реформы, которая проводилась втеченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ. Но вѣдь не одни десятичники попали туда, гдѣ имъ не слѣдуетъ быть. Если въ лицѣ ихъ оказалось крупное открытіе, то такіе же открытія могутъ обнаруживаться и въ другихъ мѣстахъ, стоитъ только повнимательнѣе приглядѣться къ жизни. Подобныя явленія нерѣдко бросаются въ глаза. Мало ли можно указать и городовъ, большая часть населенія которыхъ—сущіе земледѣльцы, для которыхъ носимый ихъ поселеніемъ чинъ „города“ составляетъ тягость. Между прочимъ, въ томъ самомъ статистическомъ трудѣ, которымъ мы пользовались для десятинищнаго вопроса, можно видѣть указаніе на жалобы обывателей земледѣльческихъ городовъ на свое устройство и на искреннее ихъ желаніе быть разжалованными въ деревен-

свое население. Ставъ деревню, невольный городъ приобрѣлъ бы значительныя удобства и выгоды, и въ характерѣ его исчезла бы та двойственность, которая ни для кого не нужна, а вредитъ многимъ. Наконецъ, пусть себѣ городокъ и зовется городкомъ, но главная земледѣльческая часть его населенія могла бы считаться особымъ крестьянскимъ обществомъ, могла бы распоряжаться общественною землею, какъ надѣломъ, а не какъ имуществомъ, подлежащимъ сдачѣ съ торговъ, слѣдовательно доступнымъ болѣе богатому меньшинству и распределеннымъ крайне неравномѣрно.

Не лишенъ серьезнаго значенія и вообще вопросъ объ упрощеніи у насъ сословной номенклатуры. Есть ли, напримѣръ, надобность въ сохраненіи названія „малороссійскихъ казаковъ“, которые ничего казаческаго уже не имѣютъ и являются совершенно такими же крестьянами, какъ ихъ сосѣди, проживающіе съ ними боже-о-боже, въ тѣхъ же селеніяхъ, и причисленные къ однимъ съ ними волостямъ? Но такихъ частныхъ вопросовъ можно бы наставить много.

Намѣчая вопросъ объ устраненіи крупныхъ ненормальностей въ раздѣленіи населенія на городское и сельское, мы, разумѣется, не можемъ здѣсь разбирать его въ подробности и перечислять всѣ упомянутыя ненормальности. Это работа сложная и требующая выясненія многихъ жизненныхъ данныхъ. Но на эту сторону жизни слѣдуетъ обратить теперь самое серьезное вниманіе. Довершеніе реформы, о которой идетъ рѣчь, было бы вполне хорошимъ дѣломъ и въ практическомъ, и въ принципиальномъ отношеніяхъ.

Ө. Воропоновъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Тифлисъ.—Февраль, 1884.

Извѣстно, что, несмотря на природное богатство Кавказа, матеріальное благосостояніе его жителей—въ незавидномъ положеніи, а правительство не выручаетъ изъ мѣстныхъ доходовъ его тѣхъ значительныхъ затратъ, какия оно производитъ на него ежегодно. Вотъ почему и новый главноначальствующій гражданскою частью на Кавказѣ, и министерство государственныхъ имуществъ, получившее въ наслѣдство отъ упраздненнаго намѣстничества всѣ казенныя земли, находящіяся въ предѣлахъ края, прежде всего составили проектъ мѣръ, имѣющихъ цѣлю поднять экономическое состояніе этой забытой окраины.

Однимъ изъ вопросовъ, имѣющихъ существенное въ этомъ отношеніи значеніе, новымъ начальствомъ справедливо признанъ вопросъ о правѣ на воду и о порядкѣ орошенія, вопросъ, возбужденный еще въ 1844 г. бывшею каспійскою палатою государственныхъ имуществъ и не получавшій разрѣшенія до послѣдняго времени. Министерство государственныхъ имуществъ, прошлою осенью, войдя въ соглашеніе съ главноначальствующимъ, образовало въ Тифлисъ комиссію для разработки этого вопроса, въ возможной скорости. Комиссія уже закончила свои занятія и представила на дняхъ въ Петербургъ проектъ, съ главными основаніями котораго мы ниже познакомимъ читателей. Теперь же считаемъ нелишнимъ остановиться на общемъ значеніи этого вопроса и на поучительной исторіи постигавшихъ его неудачъ.

Орошеніе имѣетъ особую важность въ южныхъ странахъ, гдѣ недостатокъ воды дѣлаетъ невозможной обработку плодороднѣйшихъ по своему составу земель, превращаетъ ихъ въ мертвыя пустыни, а жителей держитъ въ кочевомъ, недоступномъ гражданскому развитію состояніи. Это очень хорошо понималось даже прежними властителями Кавказа, персидскими ханами и сердарами, которые не жалѣли средствъ на оросительныя сооруженія. Сооруженія эти, какъ свидѣлствуетъ исторія, привели безплодныя до того земли въ цвѣтущее состояніе и вызвали довольно густое заселеніе обширнѣйшихъ пространствъ. Но съ теченіемъ времени, при многообразныхъ политическихъ кризисахъ, постигшихъ край, общее благосостояніе его сильно упало, а ирригаціонныя каналы остались въ запущеніи.

Русское правительство, овладѣвъ мусульманскими частями Кавказа, получило вмѣсто обработанныхъ полей безжизненные степи, оживить которыя не удастся и по настоящее время. Впрочемъ, собственно говоря, правительство и не принимало еще дѣятельныхъ мѣръ къ улучшенію въ край орошенія; оно лишь обсуждало вопросъ о наилучшихъ средствахъ къ достиженію этой цѣли. Крайне медленный ходъ этого дѣла объясняется обстоятельствами, которыя достаточно ярко иллюстрируютъ общій характеръ препятствій, встрѣчающихся обыкновенно у насъ всякое прогрессивное стремленіе.

Мѣстная администрація, не довѣряя опытнымъ туземнымъ мастерамъ, соорудившимъ прежде большіе каналы, отказалась поддерживать ихъ денежными ссудами, безъ которыхъ нигдѣ такія сооруженія и не предпринимались. Она вмѣстѣ съ тѣмъ не приняла достаточныхъ мѣръ къ привлеченію къ этому дѣлу европейскихъ специалистовъ. Приглашенные въ край княземъ Барятинскимъ англійскіе инженеры Белли и Габбъ, устроили мѣстное начальство громадностью затратъ, требовавшихся проектами ихъ работъ. Состоявшіе же при намѣстникѣ два инженеръ-гидравлики не успѣли ничего сдѣлать въ своихъ обширныхъ районахъ, тѣмъ болѣе, что имъ, какъ чиновникамъ, приходилось нерѣдко заниматься предметами, неимѣющими ничего общаго съ ихъ специальностью. Тѣмъ менѣе въ состояніи былъ сдѣлать въ послѣдствіи единственный инженеръ-гидравликъ, состоявшій при намѣстникѣ и оставленный при главноначальствующемъ. Нужно къ тому же принять во вниманіе, что губернскія управленія государственныхъ имуществъ не имѣютъ при себѣ специалистовъ по орошенію, и что единственный гидравликъ, живущій въ Тифлисѣ и принимающій участіе въ ирригаціонныхъ коммиссіяхъ, представлялъ и представляетъ собой командира безъ войска. Понятно, что трудъ и капиталъ, затраченные начальствомъ на ирригаціонное дѣло, безъ научной подготовки и предварительнаго изслѣдованія, должны были, въ концѣ-концовъ, оказаться вполне непроизводительными. Въ запискѣ послѣдней коммиссіи не скрывается тотъ печальный фактъ, что попытки старой администраціи возстановить дѣйствіе прежнихъ каналовъ и проводить новые не только не способствовали развитію орошенія, но и не въ состояніи были поддерживать дѣйствіе всѣхъ существовавшихъ ирригаціонныхъ сооруженій.

Тѣ же неудачи постигли разработку другого вопроса, тѣсно связаннаго съ настоящимъ и требующаго не меньшихъ заботъ государства. Ирригація не можетъ развиваться тамъ, гдѣ законъ точно не опредѣляетъ правовыхъ отношеній населенія по пользованію имъ водой. Между тѣмъ наше чиновничество, изслѣдуя въ продол-

женіе 80 лѣтъ изстари дѣйствовавшіе на мѣстѣ законы и обычаи, не приходило до сихъ поръ ни къ какому опредѣленному заключенію. Всѣ работы этихъ доморожденных юристовъ имѣли результатомъ лишь включеніе въ 1 ч. X т. св. зак. слѣдующаго положенія: „въ Закавказскомъ краѣ устройство, содержаніе и употребленіе поливныхъ каналовъ опредѣляется дѣйствующими тамъ мѣстными обычаями“ (2 прим. къ ст. 442, по прод. 1876 г.). Практика доказала, что правило это равняется отсутствію всякаго правила, такъ какъ не было произведено нигдѣ сколько-нибудь серьезнаго изслѣдованія мѣстныхъ обычаевъ по водному праву, а опредѣленіе ихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ сильно затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что у насъ мировые судьи не выбираются обществомъ, а назначаются отъ правительства изъ людей, вовсе чуждыхъ мѣсту своего назначенія и по языку, и по понятіямъ. Неопредѣленность закона и, главнымъ образомъ, неумѣнье приводить его въ исполненіе создали въ краѣ господство произвола, которое сплошь и рядомъ приводитъ къ кровавой саморасправѣ.

Причиной бесплодности изысканій мѣстныхъ юристовъ нужно признать то обстоятельство, что они черпали свѣденія не изъ непосредственныхъ источниковъ, а чрезъ уѣздныхъ начальниковъ и другихъ чиновъ полиціи, которая, конечно, не можетъ быть компетентна въ подобныхъ юридическихъ вопросахъ. Что же касается изученія письменныхъ памятниковъ, то оно не шло дальше чтенія „законовъ царя Вахтанга“ и мусульманскихъ духовныхъ законовъ, дѣйствовавшихъ непосредственно предъ присоединеніемъ края къ Россіи. Встрѣтивъ въ нихъ неясность и неполноту, изслѣдователи помирившись съ мыслью, что писанные законы по этому предмету вовсе не дѣйствовали у туземцевъ. Научный изслѣдователь, конечно, никогда на этомъ не остановился бы, а нашелъ бы нужнымъ исторически изучить грузинское и мусульманское право, но для кавказскаго дилеттанта это — слишкомъ головомная работа.

Тѣмъ же недостаткомъ въ опытныхъ спеціалистахъ по вопросу объ орошеніи и правѣ на воду страдала, къ сожалѣнію, и вновь составленная, упомянутая выше коммиссія, въ число членовъ которой входили лишь одинъ инженеръ-гидравликъ (да и тотъ человѣкъ молодой и недавно пріѣхавшій въ край), и три лица, практически знакомыхъ съ вопросомъ. Остальные же члены вошли въ коммиссію, въ качествѣ представителей разныхъ вѣдомствъ, могущихъ имѣть какое-нибудь прикосновеніе къ ирригаціонному дѣлу; такъ напримѣръ, уполномоченный министра государственныхъ имуществъ на Кавказѣ, инспекторъ закавказской желѣзной дороги, управляющій контрольной палатой, предсѣдатель окружнаго суда, два товарища прокурора тиф-

лиской судебной палаты, цензоръ, написавшій сочиненіе объ ирригаціи и пр., и пр. Если къ этому неблагоприятному обстоятельству добавитъ еще, что комиссія вела свое дѣло негласно, вслѣдствіе чего не могли высказаться объ ея трудахъ ни литература, ни общество, ни люди, сколько-нибудь знакомые съ обсуждавшимся вопросомъ, но не получившіе почему-либо доступа въ комиссію,—то легко составить себѣ понятіе о томъ разочарованіи, какое произойдетъ по опубликованіи наскоро составленнаго дилеттантами проекта. Впрочемъ, и теперь уже извѣстна одна крупная ошибка, допущенная комиссіею въ основныхъ положеніяхъ о правѣ на воду.

Предполагая, что государство, въ виду громадной важности орошенія, возьметъ на себя заботу о сооруженіи большихъ каналовъ, рѣшено признать государственною собственностью не только сплавныя рѣчки, но и всѣ мелкія рѣчки и ручьи, протекающіе по нѣсколькимъ имѣніямъ и дачамъ. Береговые владѣльцы, по проекту, могутъ пользоваться водою лишь по полученіи отъ правительства воднаго акта. Такимъ образомъ, они, въ отношеніи пользованія однимъ изъ существенныхъ, предоставленныхъ имъ древнѣйшимъ обычаемъ правъ, поставлены въ зависимость отъ чиновъ водной администраціи. Нужно ли упоминать, какой важный ущербъ можетъ быть нанесенъ сельскому хозяйству въ краѣ отъ произвольныхъ въ такихъ случаяхъ дѣйствій новаго начальства. Нужно ли упоминать, насколько стѣснить береговыхъ владѣльцевъ установленіе новой канцелярской формальности, въ видѣ особой каждый разъ выдачи водныхъ актовъ, когда еще правительство не рѣшило предпринять тѣ сооруженія, ради которыхъ и дѣлаются такія ограниченія въ естественныхъ правахъ населенія. Такою же ненужною формальностью отзывается замѣна комиссіею нѣкоторыхъ существовавшихъ по обычаю сервитутовъ договорными отношеніями.

Предоставляя болѣе подробный разборъ проекта комиссіи критикѣ специалистовъ, которая, впрочемъ, едва ли возможна по неопубликованію проекта, — замѣтимъ лишь, что комиссія справедливо отвергла концессионный способъ постройки каналовъ, передавъ это дѣло въ непосредственное распоряженіе правительства и населенія. Посредниками между ними явятся не разные искатели легкой наживы, а правительственные инженеръ-гидравлики, которыхъ, по проекту, полагается десять, сообразно числу районовъ ирригаціонныхъ. Общее наблюденіе за работами этихъ специалистовъ поручается инспектору водъ, съ помощникомъ его по технической части и съ особымъ юрисконсультomъ по воднымъ дѣламъ.

Такимъ образомъ, разработкѣ ирригаціоннаго вопроса на Кавказѣ будетъ приданъ недостававшій ей до сихъ поръ научный характеръ,

насколько, конечно, можетъ быть терпимъ этотъ характеръ въ чуждой ему обстановкѣ мѣстной жизни. Дѣлая эту оговорку, имѣемъ въ виду взгляды мѣстныхъ канцелярій и созданные ими порядки, рѣшительно неблагопріятные, какъ это и выше видно въ исторіи вопроса объ орошеніи Кавказа, всякому стремленію къ научному изслѣдованію. Наши бюрократы полагаютъ, что вся богатая природа края достаточно изслѣдована и нужно лишь думать о «предпріятіяхъ, имѣющихъ цѣлью ея эксплуатацію. Предпріятіями этими въ дѣйствительности эксплуатировалось лишь довѣріе правительства, тратившаго на нихъ немалыя суммы совершенно непроизводительно, какъ о томъ неоднократно заявлялось даже официально. Что же касается мѣстной жизни, то и она, по мнѣнію канцелярій, не достойна серьезнаго изученія, потому что слишкомъ проста и дика, и требуетъ прежде всего строгихъ полицейскихъ мѣропріятій.

Благодаря такимъ взглядамъ, и тѣ немногіе специалисты, которые попадаютъ къ намъ, можно сказать, случайно,—такъ сильно завалены бываютъ канцелярской работой, что не имѣютъ никакой возможности разстаться со своимъ кабинетомъ. Если же и приходится имъ иногда заниматься по своей специальності, то вовсе не дается имъ времени изучить совершенно новый для нихъ край, а требуется дѣйствовать и распоряжаться, безъ малѣйшаго промедленія, хотя бы и въ ущербъ дѣлу.

Впрочемъ специалистовъ, готовыхъ къ научной дѣятельности, въ нашемъ краѣ слишкомъ мало, и большая часть патентованной молодежи, ежегодно наѣзжающей къ намъ, привлекается главнымъ образомъ тѣми льготами, какія даетъ имъ государственная служба на Кавказѣ, и о какихъ мечтать нельзя туземному чиновничеству, безъ различія служебныхъ заслугъ и образовательнаго ценза. Выдача пріѣзжему чиновнику, при самомъ назначеніи его къ намъ, полугоднаго или годичнаго, не въ зачетъ, жалованья и двойныхъ прогонимъ, и опредѣленіе прибавочныхъ и двойныхъ окладовъ содержанья, съ сокращенными сроками для выслуги пенсій,—вотъ тотъ магнитъ, который неотразимо влечетъ сюда всевозможныхъ карьеристовъ. Послѣдніе вредны не только тѣмъ, что, получая большое содержаніе, оказываются неспособными къ никакой серьезной работѣ, но и тѣмъ, что считают своимъ личнымъ оскорбленіемъ всякую попытку непатентованнаго человѣка добросовѣстно выполнить ихъ работу. Такъ, въ настоящее время, наши патентованные медики отерли преслѣдованіе противъ мѣстныхъ, азіатскихъ лекарей, къ которымъ всѣ слои населенія обращаются за медицинскою помощію съ полнымъ довѣріемъ, такъ какъ эти самоучки лечатъ наружныя болѣзни и производятъ хирургическія операціи съ бѣльшей удачей, чѣмъ уче-

ные врачи. Наши доморощенные эскулапы сохраняли и излечивали не одну сотню рукъ, ногъ, ключицъ и пр., которые специалисты обрекли на ампутацію, вылуциванія или неизлечимость. Весною прошлаго года, въ хонскомъ мировомъ судѣ (кутанской губерніи) судился нѣкто Шатиловъ, человѣкъ безъ медицинскаго образованія, но съ обширной практикой, и былъ оправданъ, такъ какъ было доказано, что леченіе его не принесло никакого вреда (такое условіе для ненаказуемости лицъ, не имѣющихъ права лечить другихъ, ставится самимъ закономъ).

Другой случай преслѣдованія врача-самоучки представляетъ судебный процессъ, недавно надѣлавшій у насъ также не мало шума, — по обвиненію популярнаго туземнаго хирурга Турманидзе (имѣющаго множество похвальныхъ листовъ отъ его бывшихъ пациентовъ, между прочимъ и отъ князя Дондукова-Корсакова, нынѣшняго главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ), во внезапной смерти лдовы княгини Эрнстовой, у которой подсудимый пытался будто произвести изгнаніе плода. Правда, судъ обвинилъ Турманидзе и приговорилъ къ ссылкѣ, на житье, въ Сибирь; но одно это, конечно, не имѣло вѣдѣнія взгляда общества и всего населенія на туземныхъ врачей, которымъ они довѣряютъ, — тѣмъ болѣе, что приговоръ этотъ легко можетъ быть отмѣненъ въ апелляціонной инстанціи, такъ какъ основанъ почти исключительно на голословныхъ предположеніяхъ мѣстныхъ патентованныхъ медиковъ.

Жалуясь на бесполезную и даже вредную для края дѣятельность „специалистовъ“, наѣзжающихъ къ намъ для легкой наживы, невольно задаешь себѣ вѣсть съ тѣмъ вопросомъ о тѣхъ туземцахъ, которые, хотя и получили высшее образованіе, но недалеко ушли отъ этихъ карьеристовъ въ способѣ отношенія къ своимъ служебнымъ и общественнымъ дѣламъ. Извѣстно, что и они, образованные туземцы, болѣе всего стремятся въ канцелярію или же занимаются незатѣйливымъ ремесломъ своихъ предковъ — первобытнымъ хозяйничаніемъ въ деревнѣ, подрядами или торговлею заграничными надѣлами и сырыми продуктами родной природы. Извѣстно, что весьма трудно найти среди этихъ молодыхъ людей личность, занимающуюся серьезнымъ научнымъ изслѣдованіемъ родного края, — изслѣдованіемъ, которое можетъ обогатить не только науку, но и населеніе, и самого изслѣдователя.

Чтобы разъяснить причину такого ненормальнаго явленія, стобитъ только прослѣдить ходъ воспитанія молодого кавказца. Онъ, воспитывавшійся еще въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, уже отрывается отъ своей среды, такъ какъ почти все его время поглощается предметами гимназическаго курса, имѣющими, какъ извѣстно, весьма мало общаго

съ интересами дѣйствительной жизни. Тяжесть этого курса особенно сильно чувствуется на Кавказѣ, гдѣ дѣтямъ впервые въ школѣ приходится знакомиться съ русскимъ языкомъ, на которомъ вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ преподаваніе всѣхъ предметовъ. Одновременное изученіе русскаго и классическихъ языковъ слишкомъ обременительно для живого, подвижнаго южанина-мальчика. Обязательно занимаясь этими языками, онъ не успѣваетъ знакомиться ни съ исторіею и географіею родного края, ни съ роднымъ языкомъ и бытовою стороною жизни,—тѣмъ болѣе, что эти предметы мало или вовсе не преподаются въ нашихъ правительственныхъ училищахъ.

По окончаніи курса въ гимназіи, юноша, желающій продолжать ученіе, не находитъ на всемъ обширномъ пространствѣ Кавказа ни одного высшаго учебнаго заведенія. Нужно ѣхать въ русскій или за-граничный университетскій городъ, чуждый ему и по жизненной обстановкѣ, и по климату и другимъ природнымъ условіямъ; здѣсь онъ проводитъ почти безвыѣздно (краткіе отъѣзды на родину, — не ея отдаленности, стоить дорого) все то время, какое необходимо на подготовленіе къ будущей практической дѣятельности на родинѣ, которую онъ, однако, не знаетъ. Пріѣхавъ домой съ готовымъ планомъ дѣйствій, съ немалымъ запасомъ энергіи и знаній, онъ тѣмъ не менѣе очень скоро терпитъ крушеніе во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, благодаря обстоятельствамъ, можетъ быть, пустымъ и мелочнымъ, но такимъ, которыхъ трудно было предвидѣть вдали отъ нихъ, за нѣсколько тысячъ верстъ. Составлять новые планы работъ, сообразно мѣстнымъ условіямъ,—нѣкогда; то приходится распутывать запутанныя торговныя дѣла, полученныя въ наслѣдство отъ родителей, то нужно спасать имѣнія, обремененныя долгами, то нужно изыскивать средства къ содержанію своей бѣдной родни. Словомъ, борьба за существованіе не даетъ никакой возможности пополнять пробѣлы своего образованія. А безъ этого, и капиталъ, и трудъ молодого человѣка оказываются напрасно затраченными, недавнія мечты о самостоятельной дѣятельности теперь уже разбиты, приходится идти, съ полною покорностію судьбѣ, въ канцелярію или первобытную торговую контору своихъ невѣжественныхъ земляковъ, гдѣ высшее образованіе оказывается лишь роскошной обстановкой.

Основаніе на Кавказѣ высшаго учебнаго заведенія значительно облегчило-бы это тяжелое положеніе учащейся молодежи. Полученіе спеціальнаго образованія не исключало-бы тогда въ кавказцѣ изученія своего родного края.

Кавказскій университетъ привлекъ бы къ намъ многихъ ученыхъ, которымъ нашъ неислѣдованный край далъ бы обильный матеріалъ для научныхъ занятій. Эта мѣра одновременно обогатила бы и науку,

и насъ, бѣдныхъ обитателей богатаго края. Наука обогатилась бы филологическими изслѣдованіями множества языковъ и нарѣчій разнороднаго кавказскаго населенія, имѣющаго свою литературу довольно древняго происхожденія; юридической разработкой обычнаго права горцевъ, сохранившихъ древнѣйшія родовыя и общинныя формы обществитія; естественно-научными открытіями въ дѣйственной природѣ нашего края, и пр. и пр. Населеніе, благодаря такимъ научнымъ изысканіямъ, перестало-бы голодать, имѣя подъ рукой скрытыя до того природныя богатства, ознакомилось бы со своей исторіею и литературой и, зная свое прошлое, сознательнѣе отнеслось бы къ настоящему и будущему своему положенію.

Особенно значительный успѣхъ имѣли бы у насъ естественныя науки, въ виду часто открывающихся по всему краю разныхъ минеральныхъ богатствъ. Не говоря уже о нефти, изобиліе которой въ бакинскій губерніи дошло до того, что собственники ея поставлены въ тупикъ, не находя достаточно обширныхъ для ея вмѣщенія резервуаровъ, — достойно вниманія открытіе въ кутаисской губерніи нѣсколько лѣтъ назадъ громадныхъ залежей марганца, который теперь ежегодно вывозится за-границу въ размѣрѣ, часто превышающемъ миллионъ пудовъ. Последнею осенью, въ 48 верстахъ отъ Тифлиса, по кахетинскому тракту, однимъ торговцемъ найдены на казенной землѣ два мѣсторожденія глауберовой соли, о существованіи которыхъ ученымъ чиновникамъ вѣдомства государственныхъ имуществъ ничего не было извѣстно.

Высшее учебное заведеніе на Кавказѣ правительству обошлось бы сравнительно недорого, такъ какъ мѣстное общество относится къ этому дѣлу съ большимъ сочувствіемъ и не скупится на матеріальныя жертвы. Тифлисское городское общественное управленіе въ 1879 г. рѣшило на случай открытія въ Тифлисѣ университета, безвозмездно отвести подъ его зданіе городскую землю, отпустить на его содержаніе, одновременно, сто тысячъ рублей (для образованія этого капитала ежегодно откладывается уже по десяти тысячъ, изъ доходовъ города) и учредить стипендіи на проценты съ особо пожертвованнаго городомъ же капитала — въ 14,000 руб. (стипендіи эти — имени графа Лорисъ-Меликова, и впредь до основанія тифлискаго университета выдаются студентамъ изъ кавказцевъ, занимающимся въ московскомъ университетѣ). На это же дѣло пожертвовано городомъ Кутаисомъ 25 тыс. руб., и кутаисскимъ земельнымъ банкомъ — 40 т. р. Можно смѣло предположить, что наше общество готово и впредь дѣлать такія же жертвы на случай учрежденія у насъ высшаго учебнаго заведенія, такъ какъ число ежегодно погибающихъ

нашихъ молодыхъ силъ, въ суровомъ для насъ сѣверномъ климатѣ, довольно велико.

Что касается возвращенія высшаго правительства на этотъ предметъ, то нужно упомянуть, что ходатайство дворянъ тифлисской губерніи объ этомъ дѣлѣ было благосклонно принято покойнымъ Государемъ, въ бытность его на Кавказѣ, въ 1871 г., причемъ предполагено было войти въ обсужденіе вопроса о томъ, какое изъ высшихъ учебныхъ заведеній было бы здѣсь полезнѣе. О дальнѣйшей же судьбѣ этого вопроса въ правительственныхъ сферахъ ничего не сообщалось въ печати и ничего не было извѣстно и въ обществѣ. Извѣстны лишь взгляды кавказскаго учебнаго начальства, которое нѣсколько лѣтъ назадъ полагало, что ограниченное число кавказскихъ гимназій не можетъ дать достаточнаго количества студентовъ предполагаемому кавказскому университету, и что поэтому прежде всего необходимо позаботиться объ увеличеніи числа гимназій. Съ тѣхъ поръ это число удвоилось, и тѣ шесть полныхъ гимназій, которыми располагаетъ теперь Кавказъ, можно считать совершенно достаточными, чтобъ упомянутый взглядъ кавказскаго учебнаго начальства признать лишеннымъ прежняго основанія.

• Одной изъ причинъ, почему обсуждаемый здѣсь животрепещущій для всего края вопросъ преданъ былъ полному забвенію, нельзя не считать долгое отсутствіе у насъ частнаго русскаго органа печати, способнаго отражать мѣстные интересы. Вотъ почему, между прочимъ, желательно, чтобъ издающаяся съ нынѣшняго года въ Тифлисѣ газета „Новое Обзорѣніе“, около которой группируются лучшія мѣстныя литературныя силы, сдѣлалась бы дѣйствительнымъ выразителемъ нуждъ населенія. Приводимое здѣсь profession de foi редакціи, изложенное въ первомъ №, отчасти можетъ служить ручательствомъ за успѣшное выполненіе его этой задачи, насколько то позволятъ тѣ общія условія, въ какія поставлена провинціальная печать въ Россіи.

„Кавказъ теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь,—говоритъ новая газета,—нуждается именно въ независимомъ органѣ гласности. Во времена намѣстничества, когда власть, облеченная правами и инициативы, и разрѣшенія, находилась здѣсь, она еще имѣла нѣкоторую возможность присматриваться къ мѣстѣ къ положенію дѣла и рѣшать, что нужно. Теперь центръ власти—въ Петербургѣ, мало знающимъ Кавказъ и имѣющимъ только одинъ путь для ознакомленія съ нимъ—канцелярію. Но извѣстное дѣло, что этотъ путь—единственный изъ всѣхъ путей, который не ведетъ къ Риму. „Новое Обзорѣніе“ будетъ счастливо, если ему удастся сдѣлаться органомъ, между прочимъ, и мѣстныхъ нуждъ, и законныхъ желаній, проводни-

номъ тѣхъ идей и мыслей, которыя принадлежатъ лучшимъ нашимъ людямъ, хорошо знающимъ край, и остаются въ неизвѣстности по неизбѣжной средству и возможности высказаться...

Мы не пойдемъ по проторенной московскими и нѣкоторыми другими философами дорожкѣ мракобѣсія и не будемъ толковать о средостѣіяхъ, единеніяхъ и тому подобныхъ глупостяхъ. Наши идеалы лежатъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Объ одномъ мы, по вѣстнымъ обстоятельствамъ, считаемъ необходимымъ высказаться теперь же, и высказаться совершенно ясно и категорично. Разноплеменный составъ кавказскаго населенія далъ основаніе для долго державшейся въ нашихъ старыхъ канцеляріяхъ легенды о какой-то враждебности, существующей будто бы между различными народностями Кавказа. Кажется, Шатобріанъ говорилъ, что часто повторяемая ложь пріобрѣтаетъ видъ истины; сказочная легенда есть не что иное, какъ одна изъ такихъ лжей. Въ дѣйствительности никакой враждебности не существуетъ. Тѣмъ не менѣе охотниковъ назвать искусственно разныя „розни“ на Руси, къ сожалѣнію, не мало. Мы откровенно заявляемъ, что страницы нашей газеты одинаково будутъ закрыты, какъ для всякихъ „фильскихъ“ поползновеній, такъ и для тенденцій противоположнаго характера. Съ нашей точки зрѣнія, каждая народность имѣетъ естественное право развиваться въ ней свойственныя особенности своего гевія; чѣмъ шире, чѣмъ ободнѣе будетъ это развитіе, тѣмъ болѣе цѣнный вкладъ внесетъ въ общую сокровищницу національнаго и общечеловѣческаго духовнаго богатства. Достойнъ презрѣнія тотъ человѣкъ, который отрекается отъ своей народности, но мало хорошихъ дѣлать и въ томъ, кто ее постоянно не сознаетъ и не чувствуетъ. Каждый русскій имѣетъ право быть русскимъ, всякій армянинъ, грузинъ, имеретинъ имѣютъ право быть армяниномъ, имеретиномъ, грузинцемъ, но всѣ они, въ то же время и даже прежде всего, должны быть людьми, ибо передъ истиной нѣтъ ни раба, ни свободнаго, нѣтъ ни эллина, ни іудея“.

Нельзя не порадоваться, что новой газетѣ удалось назвать упомянутую здѣсь легенду настоящимъ ея именемъ. Легенда эта въ рукахъ многихъ вліятельныхъ популяризаторовъ ея служила долгіе годы приличной маской для разныхъ некрасивыхъ похожденій и была рѣшительно невозможнымъ какое бы то ни было критическое отношеніе со стороны общества.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое марта, 1881.

Особенности вѣшной политики въ Европѣ въ настоящее время. — Преимущество отдаленныхъ экспедицій и колониальныхъ заботъ. — Египетскія дѣла и англійская дипломатія. — Нападки на Гладстона. — Общее положеніе дѣлъ въ континентальной Европѣ. — Кн. Бисмаркъ и Ласверъ. — Сближеніе Германіи съ Россією. — Исключительные законы въ Австріи. — Консерватизмъ въ Испаніи и во Франціи.

Нужно считать очень хорошимъ признакомъ то обстоятельство, что вѣшняя политика Европы поглощена теперь азіатскими и африканскими дѣлами, а не европейскими. Франція имѣетъ свои заботы въ Тонкинѣ, Англія — въ Египтѣ, Россія присоединяетъ Мервъ, а остальные державы внимательно слѣдятъ за этими отдаленными предпріятіями, дающими достаточную пищу честолюбію „патріотовъ“, безъ всякаго риска для европейскаго мира. Лихорадочное увлеченіе колониальными интересами прошло, правда, у французовъ; тонкинскій и китайскій вопросы перестали занимать журналистику, но они уступили мѣсто горячимъ спорамъ и толкамъ по поводу—египетскихъ событій.

Каждый сторонникъ мира въ Европѣ долженъ желать, чтобы воинственная дипломатія всегда находила себѣ работу въ далекихъ краяхъ и моряхъ. Если ужъ нельзя обойтись безъ человѣческихъ жертвоприношеній и кровавыхъ подвиговъ, то пусть эти дѣла совершаются подальше отъ европейскихъ народовъ, въ борьбѣ съ какими-нибудь дикими племенами, для которыхъ война составляетъ обычное ремесло, не возведенное еще на степень особой истребительной науки. Самое значительное столкновеніе съ туземцами Африки или Азіи не можетъ имѣть и сотой доли тѣхъ разрушительныхъ послѣдствій, какія неизбежно связаны съ малѣйшею войною на материкѣ Европы. Потерять нѣсколько тысячъ человѣкъ въ колониальной экспедиціи—это уже громадная утрата, цѣною которой завоевываются и разрушаются цѣлыя царства; величайшія земельныя приобрѣтенія Англіи достигнуты были съ небольшими военными средствами, которыхъ едва хватило бы на сравненіе съ убылью отъ одного крупнаго сраженія между регулярными европейскими арміями. Конечно, и война съ зулусами или съ афганцами имѣетъ свои неудобства; это все-таки не безвредная забава, и люди, отправляющіеся въ подобныя экспедиціи для упражненія въ военномъ искусствѣ, нерѣдко

находить себѣ могилу тамъ, гдѣ думали искать только сильныхъ ощущеній. Неожиданныя потери и неудачи напоминаютъ европейцамъ, что побѣдныя лавры нигдѣ не даются даромъ, и что играть съ огнемъ опасно даже въ сношеніяхъ съ далекими варварами. Усовершенствованныя ружья распространены теперь по всему земному шару, и дикая пуля дѣйствуетъ не хуже цивилизованной.

Но въ Европѣ до сихъ поръ еще не привыкли относиться серьезно къ военнымъ кампаніямъ въ другихъ частяхъ свѣта; на такія кампаніи смотрятъ даже просто какъ на школу для армій, не имѣющей занятія у себя дома. Въ этомъ именно смыслѣ высказывались многие сторонники энергической колониальной политики во Франціи. Гибель капитана Ривьера съ его отрядомъ въ Тонкинѣ и перспектива тяжелой войны съ Китаемъ подѣйствовали на французовъ отрезвляющимъ образомъ. Разочарованія ведутъ къ нападкамъ на правительство, вся вина котораго заключается лишь въ томъ, что оно слѣдовало побужденіямъ ложнаго патріотизма, имѣющаго многочисленныхъ глашатаевъ въ обществѣ и въ печати. Когда дѣйствія Англіи въ Египтѣ казались вполнѣ успѣшными, всѣ превозносили ловкость и рѣшительность англійской дипломатіи; французскіе патріоты горько жаловались на малодушіе государственныхъ дѣятелей, помѣшавшихъ Франціи бомбардировать египетскіе города вмѣстѣ съ англичанами; даже лордъ Солсбюри и сэръ Норскотъ одобряли политику Гладстона, хотя и признавали ее вытекающею скорѣе изъ консервативныхъ, чѣмъ изъ либеральныхъ принциповъ. Но послѣ разгрома войскъ Араби-паши насталъ періодъ затрудненій и разочарованій; и тѣ же французы и англичане, которые громко добивались вмѣшательства въ египетскій кризисъ, осыпаютъ теперь Гладстона всевозможными упреками и обвиненіями по поводу каждой неудачи египтянъ въ борьбѣ съ арабами Судана. Лордъ Солсбюри и сэръ Норскотъ жестоко обрушиваются на министерство, не сумѣвшее гарантировать Египетъ отъ неожиданныхъ пораженій; англійскія газеты наполнены lamentаціями въ виду угрожающаго упадка авторитета Англіи въ мусульманскомъ мірѣ, а французскіе публицисты торжествуютъ, указывая на явные преимущества того бездѣйствія Франціи, которое прежде представлялось имъ позоромъ.

Англія фактически завладѣла Египтомъ, но официально сохранила въ немъ самостоятельное управленіе хедива, оставивъ за собою право дружескаго содѣйствія и совѣта. Англійскія войска, какъ неоднократно заявлялъ Гладстонъ, должны были уже въ скоромъ времени очистить страну. Задача оккупаціи была исполнена восстановленіемъ общаго порядка, правильнымъ устройствомъ администраціи и назначеніемъ опытныхъ англійскихъ чиновниковъ и офицеровъ

на видныя должности по всѣмъ отраслямъ гражданскаго и военнаго управленія. Но развѣ возможно и позволительно выпустить изъ рукъ столь богатую добычу, какъ Египетъ, — единственно ради соблюденія даннаго слова, о которомъ никто не смѣетъ прямо напоминать Англіи? Съ точки зрѣнія заурядныхъ патріотовъ, это было бы непростительною глупостью. Гладстонъ и его товарищи думали иначе; они не хотѣли окончательно испортить отношенія съ Франціею и не желали возлагать на Англію полную отвѣтственность за судьбы Египта, полагая болѣе выгоднымъ фактическое преобладаніе въ этомъ краѣ. Такое рѣшеніе правительства не могло понравиться людямъ, привыкшимъ разсуждать о государственныхъ дѣлахъ съ обычной житейской точки зрѣнія; многіе никакъ не могутъ примириться съ мыслью о добровольномъ отказѣ отъ осязательнаго пріобрѣтенія, когда этотъ отказъ не вынуждается, повидимому, ничѣмъ. Въ главахъ большинства не трудно было бы представить добровольное очищеніе Египта въ видѣ ненужной, даже преступной мѣры, на которую могъ рѣшиться только боязливый либеральный кабинетъ, заботящійся о такихъ прозаическихъ вещахъ, какъ финансы. Что официально верховная власть надъ Египтомъ принадлежитъ еще Турціи, за которую англійскіе консерваторы обыкновенно вступаются съ такою энергіею, — это забывается или игнорируется при обсужденіи дѣлъ Египта; упускается также изъ виду возможность сильныхъ возраженій извнѣ противъ попытки присоединить Египетъ къ владѣніямъ Англіи.

Какъ бы то ни было, министерство Гладстона не успѣло осуществить свое предположеніе по причинамъ отъ него независѣвшимъ. Арабскія племена, покоренныя египтянами шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, при хедивѣ Мехметѣ-Али, поднялись въ послѣдніе годы подъ предводительствомъ ловкаго и умнаго человѣка, выдающаго себя за пророка или „махди“. Возстаніе было вызвано отчасти строгими мѣрами противъ торговли невольниками, которою главнымъ образомъ занимаются арабы; самъ „махди“ также промышлялъ этимъ товаромъ. Слава „махди“ началась съ удачнаго сопротивленія властямъ и цѣлому высланному противъ него отряду, послѣ чего онъ сталъ смѣло во главѣ общаго освободительнаго движенія. Въ ноябрѣ прошлаго года онъ разбилъ и почти уничтожилъ египетское войско, выступившее противъ него въ Кордофанѣ подъ начальствомъ англичанина Гикса-пашы; генералъ Гиксъ и многіе изъ бывшихъ съ нимъ англичанъ были убиты. Это событіе было весьма чувствительно для Англіи; англійскія военныя силы еще оберегали Египетъ на сушѣ и съ моря, такъ что ударъ, нанесенный египетской арміи, долженъ былъ отозваться и на положеніи англичанъ. Арабскіе отряды заняли область,

прилегающую къ южнымъ границамъ Египта, и осадили укрѣпленные пункты Синкатъ и Токаръ, изъ которыхъ послѣдній находится въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Чермнаго моря. Начальникъ египетской жандармеріи, Бекеръ-паша, братъ извѣстнаго путешественника сэра Самуила Бекера, отправился съ значительнымъ отрядомъ на помощь осажденнымъ фортамъ; но на пути къ Токару онъ встрѣтился съ арабскою кавалеріею, и все его войско было разбѣяно въ нѣсколько минутъ, оставивъ на мѣстѣ до двухъ тысячъ труповъ. Орудія, верблюды и запасы провіанта достались побѣдителямъ. Погибло много англійскихъ офицеровъ, въ томъ числѣ докторъ Лесли; неудачный полководецъ Бекеръ едва успѣлъ спастись съ частью своей свиты. Это тотъ самый Бекеръ, который, будучи еще англійскимъ полковникомъ, приобрѣлъ печальную извѣстность по поводу исторіи съ одною дамою въ купѣ желѣзной дороги. Тогда онъ вышелъ въ отставку и поступилъ на службу къ хедиву. По части устройства полиціи онъ былъ, вѣроятно, полезенъ правительству Египта; но для роли боевого генерала онъ, очевидно, не пригоденъ. Вѣсть о катастрофѣ подъ Токаромъ прибыла въ Лондонъ какъ разъ при открытіи парламентской сессіи, 5 февраля.

Нельзя сказать, чтобы Англія бездѣйствовала въ промежуткѣ между уничтоженіемъ арміи генерала Гикса и неудачею генерала Бекера. Британскій кабинетъ потребовалъ удаленія неспособнаго египетскаго министерства, упорно стоявшаго за обратное завоеваніе Судана вопреки совѣтамъ Англіи. Мѣсто Шерифа-паши занялъ старый и опытный дипломатъ Нубаръ-паша. Въ то же время бывшій генералъ-губернаторъ южнаго Египта и Судана, генералъ Гордонъ, посланъ съ обширными полномочіями для переговоровъ съ туземными племенами, среди которыхъ имя его пользуется громкою популярностію. Дѣло идетъ теперь о постепенной очисткѣ Судана отъ египетскихъ войскъ, безъ дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій противъ „махди“. Сомнительно только, согласятся ли арабы отпустить на волю египетскіе гарнизоны и отряды, остающіеся еще въ предѣлахъ ихъ владѣній. Для защиты побережья Чермнаго моря отправлено около 4,000 англійскихъ солдатъ, подъ начальствомъ генерала Грэгама, который долженъ былъ обезпечить безопасность порта Суакинъ и, если возможно, освободить Токаръ; тѣмъ временемъ Синкатъ сдался, и его гарнизонъ истребленъ въ числѣ пятихотъ человекъ. Такая же участь постигла черезъ нѣкоторое время и Токаръ. Послѣ пораженія Бекера-паши было очевидно, что ничего нельзя уже сдѣлать для спасенія этихъ двухъ пунктовъ, которые едва держались по отсутствію провіанта и необходимыхъ военныхъ запасовъ.

Никто не предвидѣлъ поразительно-скараго конца долгихъ при-

готовлений генерала Бекера, — не предвидѣлъ также и Гладстонъ. За это сыплются на него самыя невѣроятныя обвиненія; солидный „Times“, который также не умѣетъ предсказывать будущее, разразился ругательствами, совершенно необычными на страницахъ этого изданія. Въ лицѣ своего берлинскаго корреспондента, газета утверждаетъ, что „повсюду господствуетъ негодованіе противъ этого безсильнаго и малодушнаго государственнаго человѣка, который признается прямо отвѣтственнымъ за это накопленіе несчастій и ударовъ. Всякій задаетъ себѣ вопросъ: „quousque tandem Catilina“, и одинъ (?) нѣмецкій политикъ выразился, что надо горячо благодарить Бога за то, что судьбы Германіи не находятся въ рукахъ дѣятеля, подобнаго оратору болгарскихъ жестокостей и виновнику (!?) судачскихъ убійствъ (?)“. Очень можетъ быть, что помѣщеніе подобныхъ бессмысленныхъ строкъ въ „Times'ъ“ объясняется временнымъ междоусобищемъ въ редакціи этой газеты, такъ какъ въ томъ же номерѣ напечатанъ пространный некрологъ главнаго редактора, Томаса Ченери. „Times“ всегда склонялся замѣтно на сторону консервативной партіи, особенно въ области внѣшней политики; это сдѣлалось почти общимъ правиломъ со времени усиленія радикальнаго элемента въ министерствѣ Гладстона. Однако лондонскому органу рѣдко случалось доходить до такихъ нелѣпостей, какъ приведенныя; — называть англійскаго премьера „авторомъ“ убійствъ, которыхъ Бекеру-нашѣ не удалось предупредить во-время, — это нѣчто совсѣмъ непонятное.

Консерваторы даже растерялись отъ доставшейся имъ богатѣйшей жатвы; они надѣются поразить министерство въ самое больное мѣсто, возбуждая грубыя патріотическія чувства народа противъ либеральнаго, черезъ-чуръ расчетливаго и мало воинственнаго Гладстона. Свалить вину Бекера-паши на англійскаго перваго министра — весьма не трудно; министръ отвѣчаетъ за все, даже за поведеніе египетскихъ войскъ и ихъ начальниковъ. Въ парламентѣ эта тѣма послужила матеріаломъ для обвинительныхъ рѣчей лорда Солсбери и сэра Норскота, которые одновременно въ обѣихъ палатахъ предложили заявить порицаніе правительству „за плачевныя событія въ Суданѣ, вызванныя главнымъ образомъ измѣнчивою и непослѣдовательною политикою кабинета“. Обвиненіе сводится въ сущности къ вопросу, почему Англія раньше не оказала помощи египетскимъ войскамъ въ дѣлѣ „усмиренія суданскихъ мятежниковъ“. Поставленный въ такой формѣ, вопросъ рѣшается самъ собою. Египетъ не можетъ „усмирать“ и держать въ повиновеніи воинственныхъ племенъ, способныхъ не только жить самостоятельно, но даже властвовать надъ египтянами, — племена, имѣющія свою особую громадную территорію и стремящіяся пока только къ изгнанію египтянъ изъ чуждаго имъ

Судана. Египтяне боятся арабовъ и отказываются воевать съ ними, а ихъ ведутъ „покорять“ этихъ побѣдителей; египтяне должны быть рады, что ихъ не трогаютъ, а они берутъ еще на себя роль завоевателей, которая по отношенію къ арабамъ оказывается просто комичною. Египетскимъ войскамъ, которыя противъ ихъ воли упорно посылаются хедивомъ для завоеванія отпавшаго Судана, не остается ничего больше дѣлать, какъ разбѣгаться при первой встрѣчѣ съ непріателемъ,—ибо все населеніе чувствуетъ какъ нельзя яснѣе, что походъ на „мятежныхъ“ арабовъ означаетъ для современныхъ египтянъ нѣчто въ родѣ движенія овецъ противъ волковъ. Покорить Суданъ для Египта при такомъ настроеніи самихъ египтянъ,—немыслимо, и всѣ дѣлаемыя до сихъ поръ попытки только привлекали на Египетъ заслуженную грозу. Правительство хедива долго не желало усвоить себѣ ту простую истину, что безцѣльно и опасно навязывать положеніе завоевателя мирному и робкому народу, поглощенному заботами о своемъ собственномъ существованіи. Слѣдовало ли Англіи помогать Египту въ бесплодныхъ усиліяхъ сохранить Суданъ? Консерваторы находятъ теперь, что это былъ прямой долгъ Англіи, а Гладстонъ держится противоположнаго мнѣнія.

Нѣтъ ничего легче „патріотической“ критики, особенно, когда она дѣлается заднимъ числомъ. Если власть поступаетъ осторожно и соблюдаетъ государственные интересы, ее обвиняютъ въ бездѣйствіи, и предъ публикою развертывается цѣлая картина того, что должно было сдѣлать правительство: оно должно устанавливать погоду, предусматривать и укрощать стихійныя явленія, вмѣшиваться повсюду съ одинаковымъ усердіемъ и свидѣтельствовать непрерывно о своемъ всепроникающемъ существованіи. Если же власть дѣйствуетъ шумно и энергично, то всегда можно упрекать ее за невѣрность избраннаго пути: государство должно было, дескать, направить свои заботы не въ ту сторону, а въ другую, воевать не съ тѣмъ народомъ, а съ другимъ, истреблять людей не сотнями, а тысячами, водворять внутри не строгую законность, а суровый произволъ. Роль патріота-консерватора остается всегда самою удобною,—величіе отечества не сходитъ съ его устъ, онъ говоритъ лишь о завоеваніяхъ, побѣдахъ и укрощеніяхъ, онъ взываетъ къ властной рукѣ и ждетъ отъ нея манны небесной, онъ отъ имени народа требуетъ для населенія ежедневныхъ рукавицъ и увеличенія податей. Разумѣется, для толпы открывается только блестящая сторона программы, безъ ея реальныхъ условій и послѣдствій: патріоты остерегаются объяснить народу, что съ него же будутъ взыскиваться платежи за пріобрѣтенную славу, что новые долги и налоги растутъ вмѣстѣ съ успѣхами и неудачами честолюбія, въ ущербъ дѣйствительнымъ пользамъ всего общества.

Въ англійской палатѣ общинъ, въ засѣданіи 12 февраля, положеніе оппозиціи было чрезвычайно благопріятно для успѣшной атаки противъ кабинета. Всѣ находились подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ тяжелыхъ ударовъ въ Египтѣ, и многіе даже изъ либераловъ склонны были винить Гладстона за эти невзгоды. Сэръ Стаффордъ Норскотъ долженъ былъ, однако, въ своей обвинительной рѣчи коснуться обстоятельствъ, предшествовавшихъ несприятнымъ событіямъ, и этого было уже достаточно, чтобы значительно ослабить его доводы. Изъ его изложенія оказывается, что Англія съ самаго начала оккупациі Египта и до послѣднего времени высказывалась противъ военныхъ дѣйствій въ Суданѣ, предоставляя хедиву распоряжаться въ этомъ случаѣ по своему усмотрѣнію и на свой собственный страхъ. Лордъ Дюфферинъ признавалъ полезнымъ оставить Суданъ въ покоѣ или по крайней мѣрѣ ограничиться удержаніемъ восточной его части; этотъ взглядъ раздѣлялся также сэромъ Малетомъ, англійскимъ представителемъ въ Каирѣ, и генераломъ Гиксомъ, позднѣе начальникомъ влосчастной экспедиціи. Когда хедивъ назначилъ Гикса-пашу главнокомандующимъ и велѣлъ ему идти въ Кордофанъ, сэръ Малетъ съ своей стороны увѣдомилъ его, что „согласно своимъ инструкціямъ, онъ, сэръ Малетъ, долженъ воздержаться отъ всякихъ совѣтовъ египетскому правительству относительно предстоящихъ мѣръ, такъ какъ политика Англіи заключается въ возможно полномъ уклоненіи отъ вмѣшательства въ дѣла Египта съ Суданомъ“. Сэръ Норскотъ видитъ въ этихъ словахъ „горькую иронію“, боязнь ответственности въ надеждѣ на то, что кризисъ пройдетъ самъ собой. Насколько серьезно было принятое рѣшеніе — можно видѣть изъ позднѣйшаго отвѣта Гиксу на его просьбы о помощи. Главнокомандующій всѣми египетскими войсками, сэръ Эвелинъ Вудъ, писалъ ему, что англійскій оккупационный отрядъ готовится къ удаленію изъ Египта, и что поэтому нѣтъ возможности посылать дальнѣйшія подкрѣпленія въ Кордофанъ. При такомъ оборотѣ дѣла, генералу Гиксу слѣдовало отказаться отъ продолженія кампаніи и вернуться обратно съ своимъ отрядомъ; но онъ предпочелъ искать вѣтрѣчь съ войсками „махди“ въ расчетѣ на счастливый исходъ — и поплатился за это жизнью. Если можно въ чемъ-либо винить англійское правительство, то скорѣе въ слишкомъ строгой послѣдовательности, чѣмъ въ слабости. Либеральное министерство не считало справедливымъ содѣйствовать покоренію свободныхъ арабовъ египетскому господству, и оно держалось этой точки зрѣнія до первой катастрофы, когда потребовалось вмѣшательство для огражденія безопасности Египта отъ нашествія поклонниковъ „махди“.

Отвѣчая на рѣчь сэра Норскота, Гладстонъ сразу поставилъ

вопросъ на надлежащую почву—на почву принциповъ. „Вся рѣчь оппонента,—заявилъ онъ,—доказываетъ, что, по его мнѣнію, Египетъ находится въ своемъ правѣ, стараясь покорить Суданъ и посылая туда турокъ, черкесовъ и анатолійцевъ для управленія арабами. Я не признаю подобнаго права. Я не хочу спорить объ этомъ. Во все продолженіе моей политической жизни, я никогда не открывалъ своихъ устъ въ защиту господства такого рода, какъ оно практикуется другими странами,—и мнѣ не начинать теперь иную политику. Мы отказались, и я думаю, что и палата одобрить нашъ отказъ,—принимать какое-либо участіе въ проектѣ завоеванія Судана. Суданъ—это обширная страна, равная по объему Франціи, Германіи и Испаніи въ совокупности, страна пустынная, съ убійственнымъ климатомъ, слабо населенная разрозненными и воинственными племенами, но все-таки это страна тѣхъ племенъ, и они любятъ ее какъ свою родину. Я считаю завладѣніе Суданомъ не преступленіемъ—это было бы ужъ слишкомъ сильно сказано,—а положительнымъ бѣдствіемъ для Египта“. Слова Гладстона о правѣ арабовъ любить свою страну и владѣть ею вызвали восторженные рукоплесканія среди ирландскихъ автономистовъ. Ораторъ объяснилъ далѣе, что послѣ неудачи Гивеса правительство прямо предложило хедиву отречься отъ Судана, но этотъ совѣтъ не былъ принятъ серьезно до тѣхъ поръ, пока во главѣ управленія стоялъ Шерифъ-паша. Что касается попытки снять осаду съ Токара и Синката, то Англія не имѣла никакого повода не довѣрять сообщеніямъ Бекера-паши, который до послѣдней минуты вполне рассчитывалъ на успѣхъ. А когда противоположный результатъ сталъ извѣстенъ, то было уже поздно сдѣлать что-нибудь для осажденных гарнизоновъ. Немедленно были приняты мѣры для усиленія эскадры адмирала Гюйетта въ Черномъ морѣ и для высадки нѣсколькихъ тысячъ человекъ въ Суакимъ. Генералъ Гордонъ давно уже былъ бы въ Суданѣ, еслибы египетское правительство согласилось на его назначеніе; но согласіе дано было только въ половинѣ января. Поэтому Гладстонъ не только не считаетъ себя виновнымъ въ чемъ-либо, но напротивъ полагаетъ, что съ его стороны сдѣлано было все, что требовалось честью и достоинствомъ Англіи, безъ нарушенія началъ справедливости.

Пренія по этому предмету заняли еще три засѣданія и закончились 19-го февраля въ пользу министерства. Наиболѣе дѣльными рѣчи произнесены были сэромъ Джономъ Леббокомъ, военнымъ министромъ маркизомъ Гаррингтономъ, и канцлеромъ казначейства, Чайльдерсомъ. Послѣдній представилъ простой расчетъ, по которому окончательное занятіе Египта, столь желательное патріотамъ оппозиціи, было бы весьма невыгодно для Англіи;—оно потребовало

бы увеличенія бюджета на нѣсколько милліоновъ фунтовъ ежегодно, привело бы къ усиленію состава арміи и флота, породило бы въ будущемъ массу затрудненій и не принесло бы англичанамъ болѣе реальныхъ выгодъ, чѣмъ при нынѣшнемъ самоуправленіи Египта. Извѣстно, что такіе мотивы не вездѣ принимаются во вниманіе, когда дѣло идетъ о присоединеніи новой территоріи къ странѣ, и безъ того достаточно обширной. Въ Англіи люди привыкли взвѣшивать государственные вопросы не только по внушеніямъ чувства, но и по соображеніямъ практическимъ и финансовымъ. Тамъ не принято бросать народныя средства и силы на фантастическія цѣли, лишеныя непосредственной связи съ дѣйствительными интересами страны. А Англія еще настолько богата, что можетъ платить за свою славу,—чего нельзя, сказать о большинствѣ континентальныхъ державъ.

Исканіе славы и могущества во внѣшнихъ отношеніяхъ составляетъ главную силу консервативной англійской партіи, для которой внутреннія реформы и перемѣны могутъ быть только опасны. Эта партія выступаетъ на первый планъ всякій разъ, когда возбуждены вопросы, касающіеся международной политики Англіи. Египетскій кризисъ, волнующій англичанъ въ настоящее время, можетъ привести къ паденію министерства Гладстона, если только случится новая неудача, вся тяжесть которой пала-бы теперь на англичанъ. Генералъ Гордонъ, прибывшій съ небольшою свитою въ непріязненную страну, можетъ легко сдѣлаться жертвою своей отваги. Полчища Османъ-Дигкы, разбившія Бекера-пашу, могутъ имѣть успѣхъ и противъ незначительныхъ англійскихъ силъ въ Суахимѣ и въ Тринитатѣ. Положеніе министерства несомнѣнно зависитъ отъ возможныхъ случайностей въ Египтѣ и вожди оппозиціи должны быть готовы въ каждую данную минуту принять на себя бремя управленія. Лордъ Солсбюри достигъ уже важнаго результата въ палатѣ лордовъ; несмотря на рѣчи графа Гренвилля, Дерби и другихъ либеральныхъ перовъ, палата приняла революцію, выражающую порицаніе кабинету. Одна изъ составныхъ частей парламента уже осудила Гладстона, а въ палатѣ общинъ такое осужденіе имѣло за себя 262 голоса. Признаки эти должны быть названы весьма критическими для министерства; они были бы, вѣроятно, еще болѣе рѣшительными, если бы дѣятеля оппозиціи внушали къ себѣ болѣе довѣрія. Консерваторамъ прежде всего недостаетъ единства; одни изъ нихъ слѣдуютъ лорду Солсбюри, другіе подчиняются руководству сэра Норскота, а третьи группируются около многообѣщающаго лорда Рандольфа Черчилля, сына герцога Марльборо. Молодой лордъ Черчилль, смѣлый и остроумный ораторъ, все болѣе заслоняетъ

собою безцвѣтнаго сэра Норскота въ палатѣ общинъ; во многихъ случаяхъ онъ фактически ведетъ за собою всю консервативную оппозицію, оставляя за официальнымъ ея вождемъ довольно бѣдную и нерѣдко пассивную роль. При образованіи консервативнаго министерства, въ немъ долженъ былъ бы по праву занять мѣсто и этотъ дѣятельный, честолюбивый молодой человекъ, а такая перспектива не безъ основанія пугаетъ большинство солидныхъ англичанъ. Наконецъ положительная программа нынѣшней консервативной партіи въ Англіи остается невыясненной, недосказанною, какъ это, впрочемъ, замѣчается и въ другихъ государствахъ Европы. Никакое правительство не можетъ существовать одною внѣшнею политикою и одними порывами патріотизма; оно должно имѣть въ запасѣ известную систему законодательныхъ и административныхъ правилъ, которыя годились бы для сложныхъ общественныхъ потребностей населенія. Система „крѣпкой власти“, проповѣдуемая иногда на материкѣ, неизвѣстна въ Англіи; притомъ она обозначаетъ только внѣшній характеръ правительства, не опредѣляя нисколько его положительныхъ задачъ въ различныхъ сферахъ внутренней жизни страны. Отсутствие программы въ этомъ смыслѣ и сознательное уклоненіе отъ всякихъ серьезныхъ реформъ свойственны консерватизму континентальному, но не англійскому; многія преобразованія совершены въ Англіи консерваторами, которые успѣшно соперничали въ этомъ отношеніи съ либералами. Такимъ образомъ, ничего нельзя еще сказать о направленіи консервативнаго министерства, еслибъ оно составилось, и эта неопредѣленность зависитъ прежде всего отъ личныхъ качествъ дѣятелей, стоящихъ во главѣ партіи. Лордъ Солсбери — человекъ переменчивый и непостоянный, дѣйствовавшій прежде по указаніямъ Виконсфилда и не нашедшій еще своей самостоятельной дороги; онъ выражалъ не разъ довольно радикальные взгляды, какъ, напримеръ, въ вопросѣ объ устройствѣ жилищъ для рабочихъ при помощи государства. Сэръ Норскотъ — человекъ безъ инициативы; онъ можетъ быть хорошимъ министромъ финансовъ, но не способенъ быть руководителемъ въ политикѣ. О лордѣ Черчиллѣ и говорить нечего. Противъ этихъ слабыхъ силъ оппозиціи стоитъ блестящая фаланга опытныхъ парламентскихъ и государственныхъ дѣятелей, съ Гладстономъ во главѣ. Съ одной стороны, внѣшняя подвижность при худосочіи содержанія; а съ другой — богатство силъ и характеровъ, опредѣленные принципы и идеалы, энергія и искренность. Такіе люди, какъ Чамберленъ и Чарльзъ Дилъкъ, Чайльдерсъ и Гартингтонъ, вполне обеспечиваютъ будущность либеральной партіи въ Англіи, — тогда какъ люди консерватизма представляютъ собою пока только рядъ вопросительныхъ знаковъ. Вотъ почему паденіе министерства Гладстона изъ-за Египта не могло-бы доставить прочнаго господства консерва-

торамъ; вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ внѣшняго кризиса возстановилось бы преобладаніе сосредоточенныхъ либеральныхъ группъ надъ слабыми и разрозненными элементами консерватизма. Впрочемъ, расчеты консерваторовъ, какъ извѣстно, не оправдались, и имъ не пришлось воспользоваться плодами временныхъ неудачъ въ Египтѣ. Отрядъ генерала Грэгама разбилъ арабскія войска на этихъ дняхъ (18 февраля),—и внѣшній престижъ либеральнаго министерства Гладстона возстановленъ.

Въ центральной Европѣ давно уже властвуютъ безраздѣльно консервативныя идеи, которыхъ держится князь Бисмаркъ; самое слово „свобода“ сдѣлалось подозрительнымъ въ глазахъ германскаго канцлера, хотя оно вполне утратило свой старинный острый запахъ со времени появленія социализма въ разныхъ его видахъ. Князь Бисмаркъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобы поставить нѣмецкій либерализмъ на подобающее ему мѣсто, — онъ пользуется для этого даже такими поводами, которыхъ вообще не принято утилизировать въ подобномъ направленіи. Много толковъ вызвано въ нѣмецкой печати однимъ весьма страннымъ эпизодомъ, героемъ котораго послужилъ умершій Эдуардъ Ласкеръ. Американская палата представителей постановила выразить свое соболѣзнованіе и сочувствіе нѣмецкому народу по поводу смерти Ласкера, „потеря котораго чувствительна не для одной только Германіи, гдѣ его твердая и постоянная преданность свободнымъ и либеральнымъ идеямъ существенно содѣйствовала возвышенію социальнаго, политическаго и экономическаго состоянія націи“. Палата рѣшила сообщить эту резолюцію американскому посланнику въ Берлинъ для передачи германскому парламенту, членомъ котораго состоялъ покойный. Посланникъ передалъ этотъ документъ въ прусское министерство иностранныхъ дѣлъ для представленія по принадлежности. Извѣстно, что представитель иностраннаго государства не имѣетъ другого способа для сношеній съ учреждениями той державы, при которой онъ аккредитованъ. Князь Бисмаркъ сдѣлалъ изъ этого акта международной вѣжливости весьма непріятную исторію, могущую отразиться невыгоднымъ образомъ на отношеніяхъ Соединенныхъ Штатовъ къ Германіи. Онъ просто отослалъ обратно въ Вашингтонъ резолюцію американскаго парламента на томъ основаніи, что въ ней сдѣлана невѣрная будто-бы оцѣнка дѣятельности Ласкера.

Въ своей дипломатической депешѣ въ Вашингтонъ нѣмецкій канцлеръ иронически замѣчаетъ: „я конечно не думалъ бы противопоставлять свое собственное сужденіе авторитету такого знаменитаго собранія, какъ палата представителей Соединенныхъ Штатовъ, еслибы я не приобрѣлъ опыта по этому предмету дѣлательнымъ участіемъ во

внутренней политикѣ Германіи въ продолженіе болѣе двадцати лѣтъ". По словамъ князя Бисмарка, передать резолюцію по принадлежности онъ не можетъ потому, что это значило бы вполне согласиться съ ея содержаніемъ. Очевидно, онъ упустилъ изъ виду территоріальныя предѣлы своей власти, вступивъ въ полемику съ иностраннымъ парламентомъ. Что передача извѣстнаго документа по принадлежности равносильна будто бы полному согласію съ выраженными въ немъ мнѣніями, — это никому не покажется правдоподобнымъ. Понятно, что американская палата могла выразить только свой взглядъ, а не взглядъ Бисмарка, и потому не было никакого основанія сличать эту резолюцію съ сужденіемъ германскаго канцлера, обязательнымъ только для нѣмцевъ, а никакъ не для Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Трудно даже догадаться, что именно побудило князя Бисмарка такъ рѣзко и грубо отклонить сочувственное заявленіе, адресованное вовсе не къ нему. Почему могла его задѣть преувеличенная оцѣнка человѣка, покоющагося уже въ могилѣ? Имя Ласкера принадлежитъ уже исторіи, и личное сужденіе канцлера, хотя и основанное на двадцатилѣтнемъ опытѣ, не можетъ ни въ какомъ случаѣ претендовать на всеобщее господство. Желаніе навязать свое мнѣніе даже американцамъ является по меньшей мѣрѣ не тактичнымъ и безцѣльнымъ. Нѣмецкія газеты, даже такія, какъ „Бельнская“ и „Всеобщая“ (мюнхенская), отнеслись вообще неодобрительно къ поступку канцлера, объясняя его чисто-личнымъ раздраженіемъ. За то оффиціозныя органы поспѣшили усердно наброситься на тѣнь Ласкера, на американское „вмѣшательство“ и даже на личность американскаго посланника, Сарджента. Едва ли выиграетъ что-нибудь Германія, оттолкнувъ отъ себя дружественную великую державу безъ малѣйшаго къ тому повода. Соединенные Штаты — слишкомъ большая независимая сила, чтобы позволительно было безнаказанно обращаться съ нею, какъ съ какимъ-нибудь мелкимъ европейскимъ государствомъ. Долголѣтнее преобладаніе въ Европѣ, повидимому, испортило хорошія традиціи прежней прусской дипломатіи.

Въ отношеніяхъ Германіи къ сосѣднимъ великимъ державамъ совершается нѣкоторая перемѣна, пока несомнѣнно утѣшительная. Дружба съ Россією закрѣпляется назначеніемъ князя Орлова посланникомъ при берлинскомъ дворѣ, гдѣ онъ пользуется самыми прочными симпатіями. Князь Орловъ считается однимъ изъ немногихъ хорошихъ друзей германскаго канцлера, и перемѣщеніе его изъ Парижа въ Берлинъ указываетъ на значительную перемѣну въ политической атмосферѣ, казавшейся еще недавно столь напряженной и тяжелой. Между Германією и Россією вновь восстанавливаются близкія отношенія, существовавшія до турецкой войны, но только, разу-

мѣется, безъ прежнихъ одностороннихъ обязательствъ и на условіяхъ полной взаимности услугъ; другихъ отношеній и не можетъ быть между двумя могущественными и независимыми государствами, живущими въ сосѣдствѣ. Со времени поѣздки русскаго министра иностранныхъ дѣлъ въ Фридрихсруэ, въ нѣмецкой печати прекратились толки о войнѣ; а послѣ поѣздки туда же русскаго военнаго уполномоченнаго князя Долгорукова, въ связи съ назначеніемъ князя Орлова въ Берлинъ, нѣмецкіе патріоты говорятъ уже о русской дружбѣ почти въ такомъ же тонѣ, въ какомъ недавно говорилось только объ Австріи.

Австрійскіе журналисты въ свою очередь отказались отъ своихъ воинственныхъ плановъ и перестали разсуждать о неминуемомъ столкновеніи съ Россією, при помощи нѣмецкихъ войскъ, на которыхъ графъ Кальноки имѣлъ неосторожность указать публично, какъ на надежную гарантію австрійскихъ побѣдъ. Все это затихло теперь, и вѣнскіе дипломаты начинаютъ въ тайнѣ беспокоиться по поводу сближенія двухъ имперій, изъ которыхъ одна внушаетъ австрійцамъ сильное недовѣріе. Въ то же время Австрія должна быть довольна исчезновеніемъ призраковъ войны; она можетъ отдохнуть отъ преувеличенныхъ внѣшнихъ заботъ и заняться устройствомъ внутренняго мира. Графъ Таафе ввелъ даже осадное положеніе въ округѣ шумной, болѣею частью оппозиціонной Вѣны. Конечно, эти исключительныя мѣры приняты были имъ только послѣ обсужденія ихъ въ парламентѣ. Министертво объяснило и мотивы, побудившіе его рѣшиться на такой важный шагъ,—но мотивы кажутся скорѣе искусственно представленными къ дѣлу, чѣмъ вытекающими изъ дѣйствительнаго положенія. Нѣсколько убійствъ за послѣднее время сами по себѣ не оправдываютъ еще изданія стѣснительныхъ законовъ для всѣхъ гражданъ вообще. Въ официальномъ изложеніи мотивовъ отведено много мѣста выдержкамъ изъ газеты „Freiheit“, издающейся нынѣ въ Нью-Йоркѣ и не имѣющей никакого отношенія къ австрійскимъ дѣламъ. Факты сами по себѣ случайные или мелочные подобраны совершенно произвольно, а въ результатѣ дѣлается неожиданный выводъ, что нужно ограничить или отмѣнить на время цѣлый рядъ важныхъ гарантій личной и общественной безопасности. Парламентскія пренія не могли оказывать вліянія на исходъ дѣла, такъ какъ существующее большинство въ австрійской палатѣ депутатовъ слѣдуетъ безпрекословно внушеніямъ министерства. Только немногіе члены большинства отказались отъ участія въ законодательствѣ, принципы котораго несомнѣстимы съ стремленіями національностей къ свободѣ. Графу Таафе будетъ теперь, конечно, спокойно; до него перестанетъ доходить назойливый шумъ различныхъ „пропагандъ“, и незаконныя движенія спрячутся въ подполье, изрѣдка давая себя знать сотрясеніями, которыя всякій разъ будутъ казаться потому совершенно неожиданными

и безпричинными. Возможно также, что исключительныя мѣры направлены болѣе противъ благонамѣренныхъ либераловъ, чѣмъ противъ революціонныхъ ученій. Пока сильнѣе всѣхъ жалуются либеральныя нѣмцы. Есть основаніе думать, что берлинскіе консерваторы не особенно довольны примѣненіемъ охранительныхъ мѣръ къ ихъ соплеменникамъ въ Австріи.

Консерватизмъ восстановленъ и въ Испаніи, гдѣ молодой король до поѣздки своей въ Пруссію дѣлалъ смѣлыя попытки сближенія съ бывшими республиканцами, которымъ довѣрялъ даже власть. Познакомившись съ государственными и военными людьми Германіи, онъ вернулся въ отечество съ болѣе консервативными взглядами и черезъ нѣкоторое время призвалъ къ управленію Кановаса дель-Кастильо.

Только французы остаются неисправимыми въ своемъ радикализмѣ, и до нихъ не доходятъ новѣйшія охранительныя теченія, расходящіяся въ разныя стороны по Европѣ. Но и они стали болѣе консервативными, чѣмъ прежде: они держатся одного министерства въ теченіе цѣлаго года, что составляетъ рѣдкій фактъ въ исторіи французскихъ кабинетовъ. Жюль Ферри праздновалъ 21-го февраля годовщину своего вступленія во власть. По странному совпаденію обстоятельствъ теперь дошла очередь до разсмотрѣнія тѣхъ именно проектовъ, которые вызваны были ровно годъ тому назадъ извѣстнымъ манифестомъ принца Наполеона, — и Франція цѣлый годъ прожила безъ спеціальныхъ мѣръ, которыя представлялись безусловно необходимыми въ началѣ истекшаго года.

Мирное настроеніе въ первенствующихъ государствахъ Европы кажется теперь болѣе надежнымъ, чѣмъ когда-либо. Даже шумные отголоски такихъ кризисовъ, какъ египетскій, не возбуждаютъ никакихъ общихъ политическихъ опасеній, а добровольное вступленіе мервскихъ туркменъ въ подданство Россіи было только принято къ свѣденію въ Европѣ, какъ фактъ, почти безъ всякой враждебной его оцѣнки; конечно, равнодушіе конкурента можетъ иногда быть маскою, а иногда — затаенною увѣренностью, что подобныя приобрѣтенія служатъ иногда не къ усиленію приобрѣтателя, а къ созданію новаго источника для истощенія его финансовыхъ средствъ и къ созиданію новыхъ осложненій; но это — вопросы болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, которое покажетъ, насколько оправдались ожиданія нашихъ соперниковъ по колониальной политикѣ въ средней Азіи. Конечно, они по собственному опыту не могутъ не знать, что просвѣщеніе дикихъ кочевниковъ и распространеніе на нихъ благъ гражданской жизни — прекрасное дѣло, но, требуя большихъ ежегодныхъ затратъ, это дѣло можетъ становиться тяжелымъ бременемъ для государства.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е марта, 1884.

— Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Томъ IX. 1813—1852 г.
Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб. 1884.

Это изданіе, начатое въ 1878 году, какъ видимъ, дѣятельно ведется впередъ. Мы имѣли случай подробно останавливаться на его первыхъ книгахъ; новыя томы его продолжаютъ быть очень интересными. Въ настоящемъ IX томѣ начинается печатаніе „Записныхъ книжекъ“ князя П. А. Вяземскаго, которыхъ въ его Остафьевскомъ Архивѣ сохранилось тридцать семь; здѣсь помѣщены записи изъ четырнадцати книжекъ. Выдержки изъ своихъ замѣтокъ этого рода кн. Вяземскій печаталъ еще въ старое время, въ „Московскомъ Телеграфѣ“ Полевого, въ альманахѣ Дельвига „Сѣверные цвѣты“, наконецъ въ новѣйшихъ изданіяхъ г. Бартенева (безъ имени). То, что было до сихъ поръ напечатано, вошло въ VIII томъ настоящаго изданія; теперь идутъ записныя книжки еще неизданныя.

Въ „Вѣстникѣ Европы“ было уже говорено о литературномъ характерѣ князя Вяземскаго. Онъ не былъ писателемъ по профессіи; но было время (особенно двадцатые и тридцатые годы), когда онъ игралъ въ литературѣ весьма дѣятельную и оживленную роль и былъ однимъ изъ замѣтнѣйшихъ лицъ Пушкинскаго кружка. Онъ имѣлъ большую извѣстность какъ своеобразный поэтъ и остроумный критикъ. Въ издаваемыхъ теперь записныхъ книжкахъ онъ является съ своимъ обычнымъ литературнымъ характеромъ, хотя, какъ увидимъ, съ нѣкоторыми подробностями, довольно неожиданными.

Кн. Вяземскій, какъ замѣчаетъ предисловіе, не велъ дневника, но его замѣняютъ письма и записныя книжки. Эти послѣднія приблизительно распредѣляются по годамъ; но въ старыя книжки онъ вносилъ иногда и новыя замѣтки. Содержаніе записныхъ книжекъ очень разнообразно: отчасти, это — замѣтки въ родѣ дневника; короткіе или иногда длинныя рассказы о встрѣчахъ, разговорахъ;

путевныя замѣтки, даже цѣлое описаніе путешествія; отчасти впечатлѣнія прочитаннаго, воспоминавшіеся анекдоты, остроты и каламбуръ, свои и чужіе, и т. д.

Въ теченіе своей долгой жизни кн. Вяземскій видѣлъ очень многое. Его отношенія къ литературѣ начались съ первыхъ годовъ юного вѣка; на его глазахъ прошли цѣлые періоды нашей исторіи; онъ былъ другомъ Карамзина, Жуковского, Пушкина; въ теченіе многихъ десятилѣтій онъ близко видѣлъ совершавшееся въ лучшихъ литературныхъ кругахъ того времени. Вѣстѣ съ тѣмъ это былъ сѣтскій человѣкъ, хорошо знавшій жизнь аристократическаго, придворнаго и высшаго (чиновническаго) міра, зналъ множество болѣе или менѣе выдающихся лицъ своего времени въ Петербургѣ, Москвѣ и въ Варшавѣ, долго служилъ самъ, много лѣтъ прожилъ за границей, путешествовалъ и т. д. Наконецъ, это былъ человѣкъ съ большою начитанностью (особенно французской), остроумный наблюдатель. Не удивительно поэтому, что въ его записныхъ книжкахъ, которыя теперь являются въ печати (хотя, какъ замѣчаетъ предисловіе, и не безъ умолчаній), могло собраться много чрезвычайно любопытнаго матеріала. Замѣтки, писанныя подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ людей и событій, вообще бываютъ интересны, какъ прямой отчетъ о жизни; тѣмъ болѣе они могли быть интересны при тѣхъ условіяхъ, какія мы выше указывали. Дѣйствительно, историкъ нашего общества первой половины столѣтія найдетъ въ запискахъ кн. Вяземскаго множество любопытныхъ подробностей, которыя могутъ освѣтить характеръ быта, общественныхъ нравовъ и правительственной системы.

Его собственный взглядъ на вещи не представлялъ ничего рѣзко выдѣлявшагося изъ общаго тона образованнаго круга, но и не былъ лишень оригинальности. Въ годы молодости онъ имѣлъ, какъ нередко бываетъ, либеральныя наклонности, за что подвергался даже изувѣженіямъ Карамзина, но, кажется, уже скоро остепеннѣлся; его идеаломъ сталъ Карамзинъ; кружокъ декабристовъ не внушалъ ему сочувствій; къ польскому вопросу, который занималъ тогда либеральныя кружки, а нѣкогда и его самого, онъ относился довольно сухо, и т. д.; но въ то же самое время онъ имѣлъ свойства, по которымъ его никакъ нельзя было зачислить въ разрядъ консерваторовъ. Онъ сочувствовалъ лучшимъ идеямъ своего вѣка; въ свои политическія размышленія и повдѣе вносилъ умѣренность и здравый смыслъ, несвойственные консерваторамъ, и иной разъ, какъ увидимъ, возставалъ противъ мнѣній и вкусовъ своихъ ближайшихъ друзей, которыхъ вообще высоко цѣнилъ, какъ, напр., Жуковского и Пушкина. Въ первыхъ записныхъ книжкахъ, относящихся къ временамъ импера-

тора Александра I и къ его собственной молодости, разбросаны замѣтки, которыя даже и не для того времени могут показаться весьма либеральными. Это разсужденія о власти вообще, о свойствахъ царедворцевъ, которыхъ онъ сравниваетъ съ колонами (т.-е. именно тогдашними дворовыми), отдавая послѣднимъ преимущество, потому что въ нихъ все-таки находилъ больше внутренняго чувства независимости; размышленія о представительствѣ и т. п. У него встрѣчаются характерныя замѣтки о тогдашнихъ общественныхъ и литературныхъ взглядахъ, которыя были бы въ пору и нашему времени, черезъ пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ. Въ образчикъ его мнѣній изъ поры его молодости приводимъ одно его разсужденіе:

„Напрасно думаютъ, — говоритъ онъ, — что желаніе расширенія нѣсколько правъ гражданскихъ и политическихъ, принадлежащихъ человѣку, члену образованнаго общества, есть признакъ непріязни къ властямъ, возмутительнаго безпокойствія. Ни мало; мы желаемъ свободы умственныхъ способностей своихъ, какъ желаемъ свободы тѣлесныхъ способностей, рукъ, ногъ, глазъ, ушей, подвергаясь высканію закона, если во зло употребимъ или черезъ мѣру эту свободу. Рука—орудіе вѣрно пагубное для ближнихъ, когда она виситъ съ плеча разбойника, но правительство не велитъ связывать руки всѣмъ, потому что въ числѣ прочихъ будутъ руки и убійственныя. Въ обществѣ, гдѣ я не имѣю законнаго участія по праву того, что я членъ онаго общества, я связанъ. Читая газеты, видя, что во Франціи, въ Англіи, человѣкъ пользуется полнотою бытія своего нравственнаго и умственнаго, видя тамъ, что каждая мысль, каждое чувство имѣетъ свой истокъ и примѣняется къ общей пользѣ, я не могу смотрѣть на себя иначе, какъ на затворника въ тюрьмѣ, которому оставили употребленіе однихъ неотъемлемыхъ способностей и то съ ограниченіями; а свобода его въ томъ заключается, что онъ для службы острога ходитъ бранча цѣнами по улицѣ за водою, мететъ улицы и проч., или собираетъ милостыню для содержанія тюрьмы. Въ такомъ насильственномъ положеніи страсти должны быть раздражаемы. Вѣроятно, если человѣку, просидѣвшему долго съ узами на рукахъ, удастся ихъ расторгнуть, то первымъ движеніемъ его будетъ не перекреститься или подать милостыню, а развѣ ударить того и тѣхъ, которые связали ему руки и дразнили его на свободѣ, когда онъ былъ связанъ“ (стр. 45, 46).

На слѣдующихъ затѣмъ страницахъ есть еще нѣсколько заявленій въ томъ же родѣ. И впослѣдствіи, по поводу разныхъ общественныхъ явленій, онъ высказывался нерѣдко съ большою свободою мнѣній, которая легко могла быть сочтена за либерализмъ, хотя при

общей умѣренности его взглядовъ была только здравымъ смысломъ. Но во всякомъ случаѣ ему случалось сильно расходиться съ преобладавшими взглядами. Укажемъ, напр., его мнѣнія по поводу событій 1826 года. Онъ иногда сильно расходился даже со взглядами своихъ ближайшихъ друзей. Какъ мы сказали, кн. Вяземскій былъ великимъ поклонникомъ Карамзина (стр. 89 — 90), былъ великимъ почитателемъ Жуковского (стр. 30), который по своимъ понятіямъ о внутреннихъ нашихъ вопросахъ повторялъ Карамзина; кн. Вяземскій былъ также великимъ поклонникомъ и приверженцемъ Пушкина, — но все это не помѣшало ему самымъ рѣзкимъ образомъ осудить и Жуковского, и Пушкина по поводу извѣстныхъ стихотвореній по окончаніи польской войны.

14 сентября 1831 г. онъ пишетъ въ своей книжкѣ негодующія строки о Жуковскомъ:

„Вотъ что я, было, написалъ въ письмѣ къ Пушкину сегодня и чего не послалъ. Попроси Жуковского прислать мнѣ поскорѣ какую-нибудь новую сказку свою. Охота ему было писать шинельные стихи (стихотворцы, которые въ Москвѣ ходятъ въ шинели по домамъ съ поздравительными одами) и не совѣстно ли пѣвцу въ станѣ русскихъ воиновъ и пѣвцу въ Кремлѣ сравнивать нынѣшнее событіе съ Бородинымъ? Тамъ мы бились одинъ противъ 10, а здѣсь, напротивъ, 10 противъ одного. Это дѣло весьма важно въ государственномъ отношеніи, но тутъ нѣтъ ни на грошъ поэзіи. Можно было дивиться, что оно долго не дѣлается, но почему въ восторгъ приходитъ отъ того, что оно сдѣлалось. Слава Богу, русскіе не голландцы: хорошо имъ не вѣрить глазамъ и рукамъ своимъ, что они посѣкли бельгійцевъ. Очень хорошо и законно дѣлаетъ господинъ, когда приказываетъ высѣчь холопа, который вздумаетъ отыскивать незаконно и нагло свободу свою, но все же нѣтъ тутъ вдохновеній для поэта. Зачѣмъ переключивать въ стихи то, что очень встаетъ въ политической газетѣ. Признаюсь, что мнѣ хотѣлось здѣсь ошарапить и Пушкина, который также, сказываютъ, написалъ стихи. Признаюсь и въ томъ, что не послалъ письма, не отъ нравственной вѣжливости, но для того, чтобы не сдѣлать хлопотъ отъ распечатаннаго письма по почтѣ. Я увѣренъ, что въ стихахъ Жуковского нѣтъ царедворческаго побужденія, тутъ просто русское невѣжество... Мы удивительные самохвалы, и грустно то, что въ нашемъ самохвальствѣ есть какой-то холопскій отсѣдъ. Французское самохвальство возвышается нѣкоторыми звучными словами, которыхъ нѣтъ въ нашемъ словарѣ. Какъ мы ни радуемся, а все похожи мы на дворню, которая въ лакейской поетъ и поздравляетъ барина съ именинами, съ пожалованіемъ чина и проч. Однѣ пѣсни 12-го года могли быть нѣсколько на другой

ладъ, и потому Жуковскому стыдно запѣть иначе... Опускаемъ друга его размышленія на эту тему.

Въ замѣткѣ 15-го сентября, онъ снова обращается къ Жуковскому... „Я болѣе и болѣе *удивляюсь, особняюсь* въ своемъ образѣ мыслей. Какъ ни говори, а стихи Жуковского—une question de vie et de mort между нами. Для меня они такая пакость, что я предпочелъ бы имъ смерть. Разумѣется, Жуковский не переломилъ себя, не кривилъ совѣстью, слѣдовательно, мы съ нимъ не сочувственники, не единомышленники. Впрочемъ, Жуковский слишкомъ подъ итогъ обстоятельствъ, слишкомъ подъ вліяніемъ живой атмосферы, чтобы сохранить свои мысли во всей чистотѣ и дѣйственности ихъ... Будь у насъ гласность печати, никогда Жуковский не подумалъ бы, Пушкинъ не осмѣлился бы воспѣть побѣды Паскевича“...

Въ замѣткѣ 22 сентября, онъ говоритъ о знаменитомъ стихотвореніи Пушкина. Пушкинъ въ стихахъ своихъ: „Клеветникамъ Россіи“, кажется имъ шипъ изъ кармана. Онъ знаетъ, что они не прочтутъ стиховъ его, слѣдовательно и отвѣчать не будутъ на вопросы, на которые отвѣчать было бы очень легко, даже самому Пушкину. За что возрождающейся Европѣ любить насъ?..

„Мыѣ также уже надобно эти географическія фанфаронады наши: отъ Перми до Тавриды и проч. Что же тутъ хорошаго, чѣмъ радоваться и чѣмъ хвастаться, что мы лежимъ въ растяжку, что у насъ отъ мысли до мысли пять тысячъ верстъ“...

„Вы грозны на словахъ, попробуйте на дѣлѣ“.

„А это похоже на Яшку, который горланить на мірской сходкѣ: да что вы, да сунься-ка, да гдѣ вамъ, да мой-то! Неужли Пушкинъ не убѣдился, что намъ съ Европою воевать была бы смерть. За чѣмъ же говорить нелѣпости и еще противъ совѣсти и болѣе всего безъ пользы? Хорошо иногда въ журналѣ политическомъ *взбивать слова*, чтобы замечать глаза *никою*; но у насъ, гдѣ нѣтъ политики, изъ чего пустословить, кривословить? Это глупое ребячество, или постыдное униженіе. Нѣтъ ни одного листка „Journal des Débats“, гдѣ не было бы статьи, написанной съ большимъ жаромъ и съ большимъ краснорѣчіемъ, нежели стихи Пушкина въ *Бородинской Годовщинѣ*. Тамъ тѣ же мысли, или то же безсмысліе.“

„И что опять за святотатство сочетать *Бородину* съ *Варшавою*? Россія вопіетъ противъ этого беззаконія. Хорошо „Инвалиду“ сблизать эпохи и событія въ календарскихъ своихъ калейдоскопахъ, но Пушкину и Жуковскому кажется бы и стыдно“ (стр. 155—159).

Ограничимся этими цитатами. Если прибавить, что кромѣ подобныхъ образчиковъ остроумной критики событій мелкихъ и крупныхъ,

въ записныхъ книжкахъ кн. Вяземскаго разбросано множество любопытныхъ анекдотическихкихъ подробностей, то изъ этого можно видѣть, сколько интереснаго найдетъ здѣсь будущій историкъ нашего общества. Съ другой стороны, издаваемые сочиненія кн. Вяземскаго имѣють большой интересъ отрицательнаго свойства: это новый примѣръ того, какъ много теряетъ общество отъ отсутствія „гласности печати“, по его выраженію. Сколько здравыхъ мыслей, которыя могли бы быть очень полезны въ свое время, осталось подъ спудомъ и не вошло въ обращеніе; какъ уменьшился запасъ критической мысли въ литературѣ; сколько было бы сбережено труда для выясненія многихъ общественныхъ вопросовъ, которые иногда, какъ видимъ, бывали ясны и много десятковъ лѣтъ тому назадъ!.. Многія изъ мнѣній князя Вяземскаго, конечно, отошли уже въ область исторіи; но нѣкоторыя остаются совершенно въ пору и позднѣйшему времени.

— Полное собраніе сочиненій *Козьмы Пруткова*. Съ портретомъ, fac-simile, біографическими свѣдѣніями. Изданіе Алексѣя и Владиміра Михайловичей Жемчужниковыхъ. Спб. 1884.

Имя Козьмы Пруткова, довольно извѣстное и теперь, пользовалось несравненно болѣею извѣстностью въ кругу людей, интересовавшихся литературой, въ то время (въ пятидесятыхъ годахъ), когда Козьма Прутковъ началъ свою дѣятельность. Его афоризмы, басни, лирическія стихотворенія, анекдоты изъ прошлыхъ временъ, драматическія опыты доставляли въ свое время читателямъ много удовольствія и даже пользы. Новѣйшіе біографы и издатели его сочиненій мало останавливаются на этомъ, такъ сказать, историческомъ значеніи его дѣятельности; между тѣмъ она не лишена такого значенія, и историческія условія того времени, когда творилъ Козьма Прутковъ, достаточно объясняютъ успѣхъ его сочиненій и самое ихъ появленіе. Дѣйствительно, начало 50-хъ годовъ принадлежитъ къ числу особенно тяжелыхъ періодовъ для русской литературы. Это была пора чрезвычайныхъ строгостей, направленныхъ противъ науки и литературы: университеты были ограничены даже числомъ учащихся; печать подвергнута самому бдительно-подозрительному надзору; въ журналахъ истреблялся всякій „кануперъ“, по техническому выраженію извѣстнаго тогда цензора Фрейганга; одно время даже отбирались, какъ говорятъ, „Отечественныя Записки“ сороковыхъ годовъ со статьями Бѣлинскаго. Причина всѣхъ этихъ и другихъ подобныхъ мѣръ была извѣстна. Революціонныя волненія въ западной Европѣ съ начала 1848 года испугали и внушили опасеніе, что эти волненія могутъ будто бы отразиться и у насъ. Одно старинное

недовѣріе къ наукѣ заставляло предполагать, что элементы къ тому скрываются въ университетахъ, что опасные люди, это—профессора; другимъ опаснымъ элементомъ представлялась литература, какъ ни была она скромна и запугана. Всѣ мѣры строгости были пущены въ ходъ и сверхъ обыкновенной стала дѣйствовать высшая, негласная цензура; печати пришлось избѣгать даже всякой тѣни живой общественной мысли или закутывать ее въ туманныя выраженія, которыя спасли бы ее отъ подозрительности, хотя бы притомъ пришлось затемнить мысль и для самого читателя. Люди, въ которыхъ общественное чувство не было, однако, заглушено, которымъ дороги были интересы науки и поэтического творчества, увидѣли себя въ безвыходномъ нравственномъ положеніи. Въ это-то время и явился Козьма Прутковъ, руководимый своими „опекунами“. Мы знаемъ теперь, кто были эти опекуны: имя одного изъ нихъ, покойнаго графа А. К. Толстого, принадлежит уже исторіи русской литературы; имя другого появляется и до нынѣ подъ оригинальными и талантливыми стихотвореніями. Эти два писателя и третій ихъ со товарищъ, В. М. Жемчужниковъ, ввели въ литературу Козьму Пруткова, произведенія котораго тотчасъ обратили на себя всеобщее вниманіе, такъ какъ они вносили въ литературу элементъ, который по времени былъ очень кстати. Нужно было чѣмъ-нибудь развлечь людей въ томъ состояніи апатій, подавляемаго недовольства и скуки, изъ которыхъ не было выхода; выходъ нашелся—въ смѣхѣ. Предоставляемъ читателю обратиться къ предисловію издателей, объясняющему характеръ и дѣятельность ихъ героя. Изъ ихъ разсказа, а еще болѣе изъ самыхъ произведеній писателя видно, что этотъ смѣхъ не былъ, однако, безсодержателенъ. Сочиненія Козьмы Пруткова были дѣйствительно забавны; но вмѣстѣ съ тѣмъ самъ Прутковъ былъ комическій типъ, очень характерный для своего времени. Онъ былъ чиновникъ; его мечты сосредоточивались на Станиславѣ первой степени, котораго онъ, наконецъ, и получилъ въ заключеніе своего служебнаго поприща; это былъ самодовольный невѣжда, который не подозрѣвалъ своего невѣжества и рядомъ съ литературными занятіями писалъ проекты о водвореніи единомыслія, въ духъ тогдашней системы. Очень жаль, что издатели не включили этого проекта въ „Полное собраніе сочиненій“, ссылаясь на то, что проектъ былъ служебнымъ трудомъ Пруткова; не смотря на то проектъ украсилъ бы страницы изданія, хотя бы въ качествѣ біографическаго матеріала. Однимъ словомъ, Прутковъ былъ такая же исполненная смысла и вѣрная дѣйствительности комическая маска, какъ извѣстный генералъ Дитятинъ у Горбунова. „Опекуны“ Пруткова открыли въ его портфеляхъ цѣлую массу любопытныхъ произведеній, которыя въ свое время послужили

для литературныхъ кружковъ и для читателей вообще веселымъ развлеченіемъ среди гнетущихъ обстоятельствъ времени. Въ сочиненіяхъ его разсыпано много неподдѣльнаго остроумія на оригинальныя тѣмы, часто поражающія своей неожиданностью. Таковы его афоризмы, изъ которыхъ многіе стали чуть не пословицами. Таковы его удивительныя драматическія произведенія съ лукавыми безсмыслицами. Въ своемъ поэтическомъ творествѣ Козьма Прутковъ былъ видимо подѣ влияніемъ нашего стихотворства сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ; онъ очень вѣрно повторяетъ его мотивы, т.-е. другими словами пишетъ очень ловкія пародіи на произведенія тогдашнихъ поэтовъ. Нѣкоторые изъ этихъ пьесъ отличаются особеннымъ мастерствомъ, напр. „Споръ двухъ греческихъ философовъ объ изаціонѣ“. „Выдержки изъ записокъ“ дѣда писателя, Федота Кузьмичева сына Пруткова (имя и отчество котораго совпадаетъ съ именемъ извѣстнаго тогда московскаго романиста, наслѣдовавшаго славу Александра Аноимовича Орлова) чрезвычайно вѣрно и смѣшно повторяютъ книжный стиль первой половины XVIII вѣка.

Многимъ нынѣшнимъ читателямъ не памятенъ уже тѣ условія, среди которыхъ возникла дѣятельность Козьмы Пруткова; но едва ли сомнительно, что, благодаря таланту его „опекуновъ“, сочиненія этого писателя и въ настоящую минуту могутъ быть оцѣнены и послѣдующими поколѣніями. Во всякомъ случаѣ въ нихъ много настоящаго остроумія въ томъ родѣ, который называется „гротескомъ“, и время, лучшей критикѣ поэтическихъ произведеній,—еще неумалило достоинствъ этого писателя.

Прибавимъ біографическую черту, опущенную издателями. Творчество Пруткова, какъ мы замѣчали, часто поражаетъ неожиданностями: ему приходили въ голову удивительныя мысли и сблуженія, которыя никакъ не представились бы человѣку обыкновенному. Такъ, первый отдѣлъ его сочиненій названъ: „Досуги, и Пухъ и Перья—Daunen und Federn“. Издатели не объясняютъ въ предисловіи, откуда взялось это названіе; но современники рассказываютъ, что мысль этого заглавія внушена была Пруткову просто вывѣскою склада, существовавшаго (и до нынѣ существующаго) на Васильевскомъ островѣ, въ Волховскомъ переулкѣ; старая надпись цѣла и до сихъ поръ,—но кому могла придти въ голову связь этой вывѣски съ поэзіей?

— Географическій словарь западно-славянскихъ и нѣмецкихъ земель и прилежащихъ странъ, составленный Яковомъ Головацкимъ. Съ приложеніемъ географической карты. Вильна. 1884.

Составитель этого словаря, г. Головацкій, есть извѣстный галицко-руси́нскій патриотъ, съ тридцатыхъ годовъ не мало работавшій для

возрождавшейся русинской литературы и нынѣ находящейся на русской ученой службѣ въ Вильнѣ. Онъ возымѣлъ весьма полезную мысль составить книгу, заглавіе которой мы выписали. Цѣль „Географическаго словаря“—представить подлинныя, топографическія и географическія названія мѣстностей въ земляхъ, занимаемыхъ южными и западными славянами. Послѣ покоренія этихъ племенъ, въ разное время, разными другими народами—нѣмцами, итальянцами, мадьярами, турками,—старыя мѣстныя названія были частью замѣнены иноземными, но чаще передѣланы на иноземный ладъ, между тѣмъ какъ въ народномъ употребленіи славянскихъ туземцевъ остаются до-нынѣ въ своемъ старомъ славянскомъ видѣ. Въ старыхъ памятникахъ русской письменности упоминается не мало сосѣднихъ славянскихъ мѣстностей (въ нынѣшней Болгаріи, Галиціи, Венгріи, Чехии, Силезіи, Познани) подъ этими народными именами, которыхъ не всегда могли разобрать даже и новыя наши изслѣдователи. Издатель „Словаря“ указываетъ далѣе лингвистическую важность географическихъ названій, которыя не рѣдко повторяются въ тождественной формѣ у племенъ, раздѣленныхъ теперь большими пространствами, и остаются свидѣтельствомъ ихъ первоначальнаго близкаго родства или единства, и вмѣстѣ остаткомъ древняго языка. Наконецъ, авторъ указываетъ вообще на необходимость правильной географической терминологіи, которая въ нашихъ учебникахъ и географическихъ картахъ часто, дѣйствительно, искажается буквальнымъ повтореніемъ нѣмецкихъ руководствъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ г. Головацкій предпринялъ свое изданіе съ цѣлью исправить ходячія ошибки и возстановить подлинныя славянскія названія географическихъ мѣстностей. Предпріятіе, безъ сомнѣнія, полезное, и хотя „Словарь“, конечно, далеко не полонъ и не можетъ удовлетворить требованіямъ лингвистики и исторической географіи, но можетъ служить полезной справочной книгой при обыкновенномъ чтеніи и исправить нѣкоторыя ошибки въ учебникахъ. Какъ первый опытъ и какъ трудъ одного человѣка, „Словарь“ можетъ не вызывать слишкомъ требовательной критики; мы сдѣлаемъ только нѣсколько общихъ замѣчаній.

Въ предисловіи нельзя не узнать западно-славянскаго патріота. У себя дома патріотическіе славянскіе писатели издавна привыкли видѣть причину всякихъ золъ и неправдъ—въ своихъ чужеземныхъ притѣснителяхъ; у австрійскихъ славянъ вообще бывали виноваты нѣмцы и мадьяры; у галичанъ еще и поляки. Этой наклонностью винить во всемъ нѣмцевъ отличается и г. Головацкій. „У нѣмцевъ какая-то страсть исковеркивать славянскія имена на нѣмецкій ладъ, —жалуется онъ:—въ Чехіи, Слезіи (Силезіи), Штирії и Харутаніи эта операція дѣлалась методически“. Русскіе, по отзыву автора, въ

этомъ отношеніи гораздо лучше: „въ Россіи никогда не дѣлаются подобныя насилія; русскіе съ благородной снисходительностью относятся не только къ польскимъ традиціямъ, но оставляютъ въ покоѣ даже мѣстныя названія Закавказскихъ и Сибирскихъ инородцевъ“ (да къ чему бы ихъ мѣнять-то?). Дѣйствительно, въ Познани происходила въ послѣдніе годы усиленная передѣлка польскихъ названій на нѣмецкія; подобныя припадки германизаціи случались временами и въ другихъ мѣстахъ, — но авторъ вводитъ своихъ читателей въ заблужденіе, если будетъ увѣрять ихъ, что нѣмцы всегда дѣлали это съ спеціальнымъ намѣреніемъ „исковеркивать славянскія имена“. Дѣло было обыкновенно гораздо проще и дѣлалось мало-по-малу въ теченіе многихъ вѣковъ: покоряя славянскія земли и поселяясь въ славянскихъ мѣстностяхъ, нѣмцы иной разъ прямо давали имъ свои названія, иной разъ просто принимали, какъ *умѣли*, прежнія славянскія названія. При этомъ нѣмцы передѣлывали славянскія имена точно также, какъ всѣ народы передѣлывали чужія названія просто по требованію своего языка, какъ, напр., французы передѣлывали нѣмецкія или итальянскія названія, какъ и русскіе передѣлывали чужія имена, когда онѣ были трудны имъ по выговору, безъ всякихъ дальнѣйшихъ злокозненныхъ цѣлей. Такъ передѣлывались чужія имена не только въ предѣлахъ своей земли, но и въ совсѣмъ постороннихъ государствахъ; не только Шлиссельбургъ въ народномъ произношеніи превратился въ Шлюшинъ, Ораніенбаумъ въ Рамбовъ, Одесса въ Адестъ, Варшава въ Аршаву, но и французская столица называется даже въ общемъ употребленіи Парижемъ, какъ не называется самими французами и никѣмъ въ Европѣ, кромѣ русскихъ и нѣкоторыхъ другихъ славянъ. Сознательная германизація славянскихъ названій происходила только въ послѣднее время, а въ прежніе вѣка она была такимъ же бессознательнымъ дѣломъ нѣмецкаго языка, не одолѣвавшего славянскихъ звуковъ; довольно припомнить, что у нѣмцевъ нѣтъ ни *ы*, ни *ж*, ни такого обилія шипящихъ звуковъ, какими такъ богаты чехи и поляки. Какъ могли бы нѣмцы выговорить славянскія имена съ подобными звуками? Затѣмъ у нѣмцевъ, опять, какъ у всѣхъ рѣшительно народовъ, являлась естественная потребность осмыслить чужой звукъ, и въ результатѣ получались имена, взятые собственно съ славянскаго оригинала и осмысленныя по-нѣмецки. Что затѣмъ нѣмецкая администрація покоренныхъ земель предпочитала эти нѣмецкія формы именъ, объ этомъ и говорить нечего, когда нѣмцы были хозяевами страны, а часто и многочисленными ея жителями.

Составитель „Словаря“ жалуется на насъ русскихъ, что мы въ новѣйшее время, въ своихъ учебникахъ и книгахъ, принимали эти

нѣмецкія названія вмѣсто народныхъ славянскихъ. И эта вина вовсе не такъ велика. Дѣло опять было совершенно просто. Какъ ни нова русская образованность и русскіе учебники географіи, они начались раньше, чѣмъ славянскій міръ вспомнилъ о своемъ единствѣ и усердно принялся его разыскивать. Наши географіи начались съ Петровскихъ временъ, когда было бы черезчуръ мудрено отыскивать славянскія названія, ничѣмъ о себѣ не заявляющія. Притомъ самыя мѣстности мы узнавали часто вѣдъ всякаго отношенія къ нѣмъ славянскимъ обитателямъ и къ нѣмъ манерѣ называть эту мѣстность. Всѣ европейскія газеты говорили о Лайбахскомъ, а не Люблинскомъ конгрессѣ, о съѣздѣ императоровъ въ Троппау, а не въ Олавѣ, и т. д. Авторъ негодуетъ, что мы называемъ Чехію—Богемію, но мы въ новѣйшее время познакомились съ этой страной не какъ съ страной славянской, а какъ съ австрійской провинціей, еще не помышлявшей о своихъ славянскихъ правахъ.—Наконецъ, авторъ едва ли не сдѣлалъ ошибки, помѣстивъ въ свой „Словарь“ (предназначенный для исправленія *ошибокъ* въ нашихъ учебникахъ), безъ всякой оговорки, подъ славянскими названіями и такія мѣстности, которыя, если и были нѣкогда славянскими, то уже много вѣковъ тому назадъ совсѣмъ утратили свое славянство, а выросли и играли свою роль съ нѣмецкими людьми и съ нѣмцами именемъ. Неужели дѣйствительно намъ надо писать „Браниборъ“ вмѣсто Бранденбургъ, „Дражданы“ вмѣсто Дрезденъ, „Солноградъ“ вмѣсто Зальцбургъ, и т. д., какъ авторъ рекомендуетъ? Думаемъ, что такой перемѣны именъ никогда не произойдетъ въ нашемъ географическомъ языкѣ, пока въ Браниборѣ, Дражданахъ и Солноградѣ живутъ и господствуютъ нѣмцы, а не славяне. Для мѣстностей такого рода благоразуміе и проще было бы поставить на первый планъ нѣмецкія названія, какія у насъ и приняты въ общемъ употребленіи, а славянскія помѣстить на второмъ планѣ, потому что они никакъ не могутъ разсчитывать на господство, тѣмъ болѣе, что иногда у разнаго славянскаго сосѣдства и называются нѣсколько различно. Выше (стр. VII), какъ мы видѣли, авторъ хвалитъ русскихъ, которые не дѣлаютъ „насилій“ въ географической номенклатурѣ и „съ благородной снисходительностью относятся къ польскимъ традиціямъ“. Но собственное мнѣніе г. Головацкаго не таково: на стр. XVIII онъ не одобряетъ насъ, что мы не передѣляли на свой ладъ названія мѣстностей въ польскихъ земляхъ; онъ указываетъ на примѣръ нѣмцевъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи и полагаетъ, что намъ нечего бы „церемониться“ съ названіями мѣстностей въ царствѣ польскомъ! Авторъ, къ удивленію, не замѣчаетъ, какъ страненъ его совѣтъ: почему же онъ самъ негодуетъ, что нѣмцы не церемонятся, напр., въ Чехіи и Познани, или поляки въ Галиціи?

На картѣ, приложенной къ „Словарю“ г. Головацкаго, Бранденбургъ изображенъ какъ „Браниборъ“, Дрезденъ какъ „Драждяни“ и т. д.; мѣстности въ царствѣ польскомъ передѣланы на русскій ладъ—самимъ авторомъ, за русскихъ, которые „церемонились“ это сдѣлать...

Авторъ полагаетъ, что введеніе славянской географической номенклатуры очень поможетъ идѣй славянскаго единства. Мы думаемъ, что для этой идеи нужны были бы сначала вещи во сто разъ болѣе важныя, чѣмъ эта номенклатура; а кое-что въ номенклатурѣ, предлагаемой г. Головацкимъ, можетъ даже и повредить этой идѣй.—А. Н.

— О плебисцитѣ въ международномъ правѣ. Исслѣдованіе Л. Лодыженскаго. Москва, 1883.

Всеобщая подача голосовъ была издавна обычнымъ способомъ рѣшенія политическихъ вопросовъ; только въ прежнія времена она обладалась въ безыскусственныя патріархальныя формы и не вызывала еще противодѣйствія государственной власти, выросшей на почвѣ народныхъ интересовъ. Выраженія: „рѣшили всею землею“, всѣмъ народомъ,—встрѣчаются очень часто въ старинныхъ актахъ, имѣющихъ не только внутреннее, но и международное значеніе. Въ этомъ смыслѣ теорія плебисцита, введенная въ жизнь революціонною Франціею, не составляетъ въ сущности ничего новаго или оригинальнаго. Г. Лодыженскій смотритъ на дѣло съ болѣе узкой точки зрѣнія; въ своемъ изслѣдованіи онъ имѣетъ въ виду только одну специальную сторону плебисцита и разбираетъ случаи примѣненія его въ международномъ правѣ только начиная съ конца прошлаго столѣтія. Оттого основной взглядъ автора оказывается крайне сбивчивымъ и неопредѣленнымъ. Теоретическія разсужденія занимаютъ большую половину книги; научная литература предмета изложена довольно обстоятельно, но отсутствіе руководящей идеи дѣлаетъ эту часть труда г. Лодыженскаго совершенно безцѣльною и мало интересною.

Авторъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ исторической важности принципа народнаго верховенства, которое даже смѣшивается у него съ государственнымъ суверенитетомъ вообще (стр. 43 и слѣд.). Во Франціи, — замѣчаетъ онъ между прочимъ, — „до сихъ поръ возможны увлеченія даже крайностями идей французской революціи и въ числѣ ихъ идеями народнаго суверенитета. Такія увлеченія становятся замѣтнѣе въ тревожныя эпохи государственной жизни Франціи. Къ этимъ эпохамъ несомнѣнно принадлежитъ послѣдняя франко-прусская война со всѣми ея послѣдствіями. И

вотъ въ литературѣ, вызванной этою войною вообще и присоединеніемъ къ Пруссіи Эльзаса и Лотарингіи въ частности, мы встрѣчаемъ воззрѣнія на плебисцитъ, точно также основанныя на идеѣ народнаго суверенитета, какъ и тѣ, которыя высказаны были въ концѣ прошлаго столѣтія“. Трудно понять, о какихъ крайностяхъ и увлеченіяхъ говорить здѣсь авторъ; онъ, очевидно, забываетъ, что въ современной французской республикѣ нѣтъ и не можетъ быть другого верховенства, кромѣ народнаго. То, что лежитъ въ основѣ существующаго государственнаго строя Франціи, не можетъ быть причислено къ крайностямъ французскихъ публицистовъ; напротивъ, было бы очень странно, еслибы французы рассуждали иначе и не выдвигали бы народнаго суверенитета на первый планъ при обсужденіи политическихъ судебъ населенія. Съ другой стороны авторъ видитъ народное верховенство тамъ, гдѣ оно строжайше воспрещено законами и гдѣ существуютъ только подданные; простыя общественныя вліянія, лишенныя легальной силы, принимаются авторомъ за признаки суверенитета. „Даже тамъ, гдѣ обладатель верховной власти не ограниченъ никакими учрежденіями, народное сознаніе такъ или иначе отражается въ его дѣятельности. Притомъ,—продолжаетъ г. Лодыженскій,—помимо юридическо-политической и административной дѣятельности самого правительства, за обществомъ всегда почти остается извѣстный кругъ дѣятельности, независимой отъ верховной власти, и это тѣмъ болѣе замѣтно, чѣмъ менѣе ограничены въ своихъ дѣйствіяхъ представители верховной власти и чѣмъ, повидимому, выше стоитъ ихъ воля надъ народомъ. Въ этомъ направленіи народный суверенитетъ (?) проявляется уже непосредственно помимо правительства, хотя иногда и въ менѣе важныхъ функціяхъ (!)“.

Опровергая теоретиковъ демократіи и „народнаго абсолютизма“ (??), авторъ высказываетъ весьма наивныя воззрѣнія. По его словамъ, новѣйшее демократическое ученіе знаетъ только одинъ классъ народа и только за нимъ признаетъ суверенитетъ (стр. 59),—что въ дѣйствительности противорѣчило бы основному принципу демократіи, съ ея *всеобщей* подачею голосовъ. Демократы защищаютъ интересы рабочаго класса не потому, что приписываютъ ему одному верховенство, а потому, что видятъ въ немъ большинство трудящагося населенія, имѣющее такіа же общественныя и экономическія права, какъ и остальные классы обывателей. Авторъ находитъ, что „если предоставить народнымъ массамъ отнимать власть у правительства, то это было бы равносильно отрицанію всякаго государственнаго порядка“; между тѣмъ несомнѣнно, что въ Англіи или во Франціи народъ посредствомъ парламентскихъ выборовъ спо-

койно отнимаетъ власть у лорда Биконсфильда или маршала Мак-Магона, точно такъ же, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ народныя массы избираютъ новаго правителя или оставляютъ прежняго по истеченіи законнаго срока,—и, однако, въ этихъ странахъ бесспорно существуетъ нѣкоторый „государственный порядокъ“.

Замѣтимъ еще, что г. Лодыженскій иногда не совсѣмъ точно передаетъ иностранныя термины; такъ, онъ говоритъ о „княжескомъ суверенитетѣ“ (вмѣсто „суверенитета государя“), ошибочно принимая слова „prince“, „Fürst“ въ смыслѣ „князя“, а не монарха, какъ бы слѣдовало.

Вторая, историческая часть книги заключаетъ въ себѣ подробный и весьма добросовѣстно составленный очеркъ плебисцитовъ, прѣмѣнявшихся въ Европѣ со времени французской революціи при отчужденіи государственной территоріи, а именно плебисцитовъ въ Авиньонѣ, въ Савойѣ и въ Бельгіи въ 1791—93 годахъ, въ Италіи, Савойѣ и Ниццѣ въ 1860 году, въ Венеціи въ 1866 году, въ Римѣ въ 1870 году, и на островѣ св. Варооломея, уступленномъ Франціи шведскимъ правительствомъ, въ 1877 году. Въ этой части своего труда авторъ пользовался даже рукописными матеріалами, отысканными имъ въ мѣстныхъ архивахъ и библіотекахъ.

— О происхожденіи и сущности вѣчно-чиншевого владѣнія. *Л. В. Гантовера*. Издано съ разрѣшенія г. министра юстиціи. Выпускъ пераый. Спб. 1884.

Книжка г. Гантовера является нагляднымъ доказательствомъ того, что одной юриспруденціи далеко еще недостаточно для правильнаго пониманія такихъ сложныхъ экономическихъ явленій, какъ чиншевое владѣніе. Юридическіе трактаты, которыми исключительно пользовался авторъ, не только не помогли ему въ предпринятой имъ задачѣ, но, напротивъ, совершенно отдалили его отъ дѣйствительныхъ основъ разбираемаго института. Г. Гантоверъ старается объяснить „сущность и происхожденіе“ чиншевого вопроса въ западной Европѣ помимо его фактической исторіи, на основаніи отвлеченной догматики юристовъ,—и въ результатъ получился цѣлый рядъ недомыслий и ошибокъ, важность которыхъ усиливается научною добросовѣстностью автора и полуофициальнымъ характеромъ его работы.

Опираясь на формальную сторону чиншевыхъ отношеній, г. Гантоверъ представилъ себѣ весь ходъ ихъ развитія въ обратномъ видѣ. Онъ полагаетъ, что крупныя землевладѣльцы раздавали свои земли поселянамъ для обработки, съ обязательствомъ уплаты ежегоднаго чинша, и что, слѣдовательно, ранѣе полученія участковъ отъ сеньора, чиншевики никакихъ отношеній къ землѣ не имѣли. При

такомъ ошибочномъ взглядѣ, авторъ естественно смущается малымъ размѣромъ чиншевой платы, „полнѣйшимъ несоотвѣтствіемъ ея съ доходностью и производительностью отведеннаго чиншевому владѣльцу участка“; эта плата „была столь ничтожна, что нѣрѣдко равнялась, напримѣръ, одному су, кашлуну или курицѣ“ (стр. 38—9). Это обстоятельство, въ связи съ обширностью поземельныхъ правъ, предоставленныхъ чиншевникамъ, остается для автора загадкою, которую онъ тщетно пытается объяснить ссылками на вліяніе обычая, на политическіе расчеты феодаловъ и на необходимость привлеченія рабочихъ рукъ къ земледѣлію. Что могло побудить владѣльцевъ отдавать землю почти даромъ на правахъ вѣчнаго чина, когда одновременно и съ полнымъ успѣхомъ практиковалась отдача земель въ аренду съ сохраненіемъ имущественныхъ выгодъ поземельной собственности? Авторъ самъ не разъ останавливается надъ этимъ вопросомъ, но не имѣетъ для него въ запасѣ никакого удовлетворительнаго отвѣта. Объясненія, приводимыя авторомъ, грѣшатъ или чрезмѣрною натянутостью, или явкою произвольностью, или вовсе ничего не объясняютъ.

Г. Гантоверъ, между прочимъ, приписываетъ средневѣковой Европѣ какія-то сознательныя гуманныя цѣли, которыя менѣе всего были свойственны господствующимъ силамъ тѣхъ временъ. „Закрытіе доступа къ институту поземельной собственности для низшихъ классовъ государства, — говоритъ онъ, — вызванное извѣстными (?) общими социальными или юридико-экономическими условіями, требовало созданія учреждений, которыя были бы способны *пріобити означенные классы*, насколько это возможно (?) къ *благамъ* упомянутаго института, или, вѣрнѣе, явиться суррогатомъ сего послѣдняго для этихъ классовъ. Сдѣлать доступнымъ пользованіе землею преимущественно для лицъ другихъ сословій, пользованіе, которое бы по объему своему представлялось столь же обширнымъ, какъ ленное владѣніе, — такова была конечная *цѣль* средневѣковыхъ вѣчно-арендныхъ отношеній разнаго наименованія“ (стр. 5, 25 и др.). Какимъ образомъ могли имѣть подобную цѣль феодалы — непонятно; эту цѣль придумали только позднѣйшіе юристы для сохраненія логической стройности своихъ доктринъ.

Что касается указаній на народный обычай, то они вообще весьма удобны для изслѣдователя, представляя собою кажущееся объясненіе, вмѣсто реального, историческаго. Почему установился данный обычай, откуда онъ возникъ и чѣмъ онъ поддерживался, — до этого юристу нѣтъ дѣла, а между тѣмъ въ этомъ именно и заключается сущность вопроса. „Право потомственнаго и отчуждаемаго пользованія свободнаго земледѣльческаго сословія *чужою собственностью*,

соединенное съ обязанностью отбывать въ пользу вотчинника извѣстныя денежныя и натуральныя повинности, — объясняетъ авторъ, — до того укрѣпилось, до того срослось съ народнымъ правосознаніемъ, что даже въ тѣхъ немногихъ мѣстностяхъ Германіи, гдѣ возможность передачи земледѣльцемъ его права на участокъ наслѣдникамъ своимъ была поставлена въ зависимость отъ милости или отъ произвола собственника, *народный обычай* устраняетъ такой произволъ и превращаетъ прежнее пожизненное право въ потомственное,... хотя бы наслѣдственность эта не соответствовала самому названію даннаго права и опровергалась содержаніемъ акта, первоначально установившимъ это право" (стр. 27). Опять-таки непонятно, по какимъ побужденіямъ землевладѣльцы допускали на своихъ земляхъ развитіе такого „народнаго обычая“, посредствомъ котораго земля уходила отъ нихъ и превращалась въ фактическую собственность поселенъ. „Содержаніе актовъ“ было обыкновенно на сторонѣ феодальныхъ владѣльцевъ и ихъ преемниковъ; оно свидѣтельствовало о зависимости народа отъ ихъ милости и произвола, но оно рѣдко отражало въ себѣ дѣйствительный источникъ и смыслъ этихъ отношеній. По актамъ выходило, что поселеніе обрабатывали землю, уступленную имъ сеньоромъ; а на дѣлѣ никто не сомнѣвался, что „уступка“ подтверждала лишь существующій фактъ исконнаго крестьянскаго землевладѣнія, попавшаго подъ власть феодаловъ. Юристы переносятъ въ исторію свою привычку держаться текстовъ и принимать ихъ въ буквальный смыслъ; отсюда вредная односторонность и узкость, отъ которой наиболѣе страдали интересы низшихъ классовъ населенія, лишенныхъ возможности облекать свои права въ формальные акты.

Г. Гантоверъ думаетъ, что чиншевики являлись къ владѣльцамъ за землею и получали ее по участкамъ изъ рукъ сеньора; тогда непонятны и ничтожныя размѣры чинша, и ничтожество правъ, оставляемыхъ за собою владѣльцемъ, и всѣ чиншевыя отношенія становятся необъяснимою проблемою. Въ исторіи дѣло происходило какъ-разъ наоборотъ: не поселеніе приходило къ владѣльцамъ, а послѣдніе водворяли свою власть надъ ними и надъ ихъ землями, облагая ихъ чиншемъ и прочими повинностями. Чиншъ былъ просто поземельнымъ налогомъ, который уплачивался то государству, то замѣнявшимъ его феодаламъ. Чиншевыя владѣльцы въ большинствѣ случаевъ были фактически и по праву собственниками своихъ участковъ, которые только подлежали господству помѣщика, въ районѣ котораго находились. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ своей книжки авторъ самъ приводитъ замѣчанія, которыя должны были натолкнуть его

на истину. „Юридико-экономически земля не была чужою для легнаго и вѣчно-чиншевого владѣльца ея“ (стр. 66); „чиншъ ближе всего примыкалъ къ податямъ, тяготѣвшимъ надъ чиншевикомъ“ (стр. 43);—эти обмолвки теряются однако среди другого рода разсужденій и пропадаютъ безслѣдно для выводовъ автора. Основная точка зрѣнія г. Гантовера опредѣляется тою оригинальною мыслью, что крупная поземельная собственность образовалась ранѣе крестьянскаго землевладѣнія и независимо отъ него:—оставалось бы только рѣшить, чѣмъ же кормилось въ такомъ случаѣ человѣчество, и гдѣ существовало многочисленное сельское населеніе до образованія привилегированныхъ сословій.

Усвоивъ себѣ невѣрный взглядъ на происхожденіе и природу чиншевого права, авторъ легко и просто рѣшаетъ вопросъ въ смыслѣ полной отмѣны этого института, нарушающаго симметричность и единство законовъ о поземельной собственности. Въ наше время, по словамъ автора, „интересы поземельнаго владѣнія находятъ свое удовлетвореніе, съ одной стороны, въ договорѣ срочной аренды (!), а съ другой—въ открытомъ доступѣ къ землѣ менѣе имущихъ гражданъ, все болѣе и болѣе вытѣсняющему крупное землевладѣніе мелкою поземельною собственностью“ (стр. 5). Намъ кажется, что нѣтъ основанія запрещать на будущее время установленіе чиншевыхъ отношеній, съ правомъ выкупа со стороны чиншевиковъ, ибо подобныя сдѣлки могутъ съ пользою существовать до тѣхъ поръ, пока существуетъ привилегированное владѣніе землею, на ряду съ крестьянскимъ.

Нужно пожалѣть о томъ, что авторъ потратилъ такъ много труда на изученіе юридическихъ книгъ о долгосрочномъ наймѣ и оставилъ безъ всякаго вниманія обширную литературу по исторіи землевладѣнія въ Европѣ. Чиншевой вопросъ можетъ быть понятъ только на почвѣ исторической и политико-экономической, что признается и самимъ авторомъ въ предисловіи. Только исторію и политическую экономію не слѣдуетъ заимствовать у юристовъ,—за исключеніемъ развѣ такихъ, какъ Эдуардъ Лабулэ, сочиненіе котораго по „исторіи права поземельной собственности на Западѣ“, хотя и устарѣлое, было бы болѣе полезно г. Гантоверу, чѣмъ многочисленные труды по догматикѣ, или—вѣрнѣе—схоластикѣ гражданского права.—Л. С.

— Описание славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами. Т. I, съ 1491 по 1652 г. Составилъ И. Каратаевъ. Спб. Тип. Императорской Академіи Наукъ. 1883. (VI+554).

Несмотря на кажущуюся сухость и односторонность труда г. Каратаева, каждый, кому дороги изученія задачи славяно-русской образованности, съ вниманіемъ остановится на этомъ новомъ его трудѣ.

Вотъ ужъ третій разъ онъ напоминаетъ изслѣдователямъ старинной славяно-русской литературы о тѣхъ богатствахъ печатнаго слова, которыми располагали южные и сѣверо-восточные славяне съ конца XV-го до второй четверти XVIII вѣка. Еще въ 1861 г. г. Каратаевъ издалъ „Хронологическую роспись славянскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами 1491—1730 гг.“. Это былъ простой повременный указатель книгъ. Спустя семнадцать лѣтъ сочинитель росписи „имѣлъ возможность (выражаясь его словами) составить болѣе подробный трудъ“, а именно „Описание славяно-русскихъ книгъ, вышедшихъ изъ печати съ 1491 по 1600 годъ“. Это былъ первый выпускъ изданія, на которомъ оно и остановилось. Послѣ этого автору, поддерживаемому правительствомъ, удалось сдѣлать нѣсколько археологическихъ поѣздокъ по Россіи и за-границей и дополнить свое „болѣе подробное описаніе“. Плодомъ такихъ дополненій является *первый томъ* описанія *славяно-русскихъ* книгъ, вышедшихъ между 1491 и 1652 г.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ, находя трудъ г. Каратаева полезнымъ, опредѣлило напечатать его на средства отдѣленія.

Такимъ образомъ, библиографическія заслуги г. Каратаева санкціонированы самою академіею и книга г. Каратаева дѣлается въ настоящую пору руководителіемъ по славянорусской библиографіи, т.-е., въ той области вѣдѣнія, которая, несмотря на давнія преданія и труды, доселѣ не можетъ привиться въ Россіи. Академія, конечно, была вынуждена поощрить изданіе посторонняго ученаго, если въ числѣ ея сочленовъ не находится ни одного любителя библиографіи, который посвятилъ бы свои труды дѣйствительно необходимой обработкѣ библиографической части славяно-русской литературы. Правда, въ числѣ трудовъ, изданныхъ академіей, мы встрѣчаемся, напр. съ почтенною работою г. Головацкаго, еще десять лѣтъ тому назадъ дѣйствительно *дополнившію* весьма слабую работу Ундольскаго, изданную и, какъ говорилось, пополненную гг. Викторовымъ и Бычковымъ. Трудъ г. Головацкаго, указавшаго въ свое время на про-

махи Сопикова, Ундольскаго, самого Каратаева и другихъ, промахи, доказывающіе, что вышеупомянутые библіографы никогда и не видывали многихъ книгъ, ими описываемыхъ, разумѣется, не мѣшало бы имѣть въ виду и при изданіи послѣдней работы г. Каратаева. Чтобы встать на безспорно исходную точку вопроса, я спросилъ бы прежде всего, что разумѣетъ г. Каратаевъ (академія—тоже) подъ „славяно-русскими книгами?“ Какъ ни странно въ взглядъ этотъ вопросъ, но безъ предварительнаго рѣшенія его нельзя и приступать къ разсужденію о книгѣ г. Каратаева. Дѣло въ томъ, что или заглавіе не соответствуетъ содержанию книги, или содержаніе книги шире заглавія. Но послѣднее, т.-е. широта содержанія, не повредило бы дѣлу, еслибы это содержаніе понималось точно, еслибы въ немъ не проглядывала вѣра въ чужія слова и собственное незнаніе дѣла. Итакъ, что же разумѣть подъ „славяно-русскими книгами“? По видимому, отвѣтъ очень простъ: сюда должны быть отнесены всѣ церковныя книги, составляющія достояніе собственно русской литературы; а между тѣмъ въ книгу г. Каратаева вошли и южно-славянскія изданія. Знакомые съ письменностью славянъ, конечно, убѣждены, что начала ея у болгаръ, русскихъ и сербовъ общи, что и смотря на отличія въ старомъ языкѣ этихъ народностей, письменность ихъ долго шла однимъ путемъ, и трудно, да и не всегда нужно, точно ограничивать письменныя явленія одной народности отъ письменныхъ явленій въ другой.

Одна образовательная стихія, одніе цѣли проглядываютъ всюду на этомъ поприщѣ. Языкъ, какъ единственное мѣрило оригинальности, можетъ считаться однимъ и тѣмъ же, не смотря на редакцію рукописей, древнюю (или, положимъ, древне-болгарскую), русскую и сербскую; содержаніе еще болѣе сближаетъ эти три письменности не только до появленія печатныхъ книгъ, но и много позднѣе. Такимъ образомъ, есть основаніе въ *церковно-славянскую* библіографію вносить всѣ произведенія съ болгарскими, сербскими и русскими оттіеками, но нѣтъ основанія называть ихъ славяно-русскими. Затѣмъ мѣшало бы обратить вниманіе на то, что въ печатной церковно-русской литературѣ слѣдуетъ видѣть два отдѣла, рѣзко отличающіеся между собою: восточный и юго-западный. Но вѣдь и въ сербскій отдѣлъ напрашиваются двѣ рубрики: восточная и западная. Спрашивается теперь: почему же наши библіографы, смѣшивающіе оба русскіе отдѣла старопечатной литературы, вносящіе въ нею церковно-болгарскія и церковно-сербскія книги, игнорируютъ западно-сербскій (пожалуй, хорватскій) отдѣлъ? Потому что онъ облеченъ въ глаголическую форму?? Но вѣдь этотъ аргументъ не выдерживаетъ

критики и не согласуется съ русскою пословицею: по платю встрѣчаютъ, по уму провожаютъ. Наши увѣнчанные и невѣнчанные библиографы и встрѣчаютъ, и провожаютъ книги по платю. Если возразить на это, что *плате* это плотно приходится по *уму*, то можно бы и не оспаривать такого заявленія; но какъ же допустить въ славяно-русскую библиографію Трубера (№№ 49—56) и его сподвижниковъ, Филиппа Станиславова (№ 681), Дивковича (№№ 7, 207—209) и другихъ. Вѣдь *умъ* и *языкъ* ихъ печатныхъ произведеній былъ иного качества, чѣмъ *умъ* (цѣль) и *языкъ* изданій начальныхъ типографовъ славянскихъ. Такимъ образомъ, составитель библиографіи долженъ былъ бы оговориться въ помѣщеніи въ свой списокъ многихъ литературныхъ произведеній, хотя и одѣтыхъ въ кирилловскую (церковную) одежду, но никоимъ образомъ не относящихся къ *славяно-русской* литературѣ. Заглавіе первой „хронологической росписи *славянскихъ* книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами“ (1861 г.) несомнѣнно соотвѣтствовало дѣлу болѣе, чѣмъ заглавіе новаго труда г. Каратаева, для котораго безслѣдно прошли труды Головацкаго, къ стыду русскихъ библиографовъ, вынужденнаго въ 1874 году доказывать, что „*Posonii*“ вовсе не значить „въ Познани“, и что „*Grammatica slavica*“, изданная Верналакомъ — грамматика не церковно-славянскаго языка, а языка словаковъ. При ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ г. Каратаевъ не внесъ бы въ свой указатель (№ 656) „Словарь языковъ: славянскаго, латинскаго и греческаго“, Микаліи, а еслибы и внесъ, то не руководствовался бы въ этомъ ни Сопиковымъ, ни Ундольскимъ, поелику для такихъ книгъ имѣются указатели болѣе компетентные.

При болѣе внимательномъ отношеніи къ дѣлу г. Каратаевъ не отнесся бы поверхностно и къ нѣкоторымъ инымъ, дѣйствительно рѣдкимъ старопечатнымъ книгамъ, о которыхъ онъ и упоминаетъ только мимоходомъ, хотя о нихъ уже было заявлено въ библиографической литературѣ.

Хотя по поводу новаго труда г. Каратаева къ сему послѣднему и не слѣдовало бы относиться строго, какъ прикрытому згидою академическаго авторитета, но библиографамъ еще памятенъ его строгія „Библиографическія замѣтки о старо-славянскихъ печатныхъ изданіяхъ“ (1872 г.), гдѣ онъ весьма сурово относился къ промахамъ своихъ собратій и такимъ образомъ позволялъ всѣмъ любителямъ старинной славяно-русской литературы отъ него самого ожидать болѣе солиднаго, болѣе обдуманнаго труда, который не вращался бы только на ссылкахъ на труды Сопикова, Строева и Ундольскаго. Книга г. Каратаева во всякомъ случаѣ можетъ быть полезна для

грамотнаго (въ библиографіи) человѣка, но за то начинающіе любители сей отрасли вѣдѣнія потонуть въ пучинѣ неточностей.

Желаемъ одного: чтобы во второмъ томѣ авторъ избѣжалъ ошибокъ, допущенныхъ въ первомъ, ближе ознакомившись съ тѣми трудами по славянской „книгописи“, которые безслѣдно побывали въ его рукахъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ цитатъ его книги; пожелаемъ, чтобы, при ученой помощи второго отдѣленія Академіи Наукъ, точнѣе опредѣлились задачи славяно-русской библиографіи и границы старо-славянской печатной литературы, доселѣ выпускаемыя изъ вида нашими библиофилами.

М. П-ій.

— В. Герье, Понятія о власти и о народѣ въ наказахъ 1789 г. Москва, 1884.

Трудно представить себѣ тѣмъ болѣе интересную и болѣе важную, чѣмъ та, которую избралъ г. Герье. Наказы (cahiers) 1789 г.—явленіе единственное въ своемъ родѣ; всѣ сословія, всѣ составныя части государства высказали здѣсь свои взгляды, свои чувства, свои ожиданія и надежды—и высказали ихъ въ одну изъ самыхъ критическихъ минутъ народной жизни, на рубежѣ между двумя порядками, во многомъ противоположными другъ другу. Изученіе наказовъ началось сравнительно недавно и не привело еще къ окончательнымъ результатамъ; мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что изслѣдованіе г. Герье, переведенное на французскій языкъ, не осталось бы незамѣченнымъ и въ самой Франціи. Французскіе историки, писавшіе о наказахъ, вносили въ свои работы предвзятую мысль, многое видѣли сквозь призму страстныхъ симпатій или антипатій. Русскій ученый хотѣлъ отнестись къ своей задачѣ спокойно и хладнокровно, но это намѣреніе осуществлено имъ не вполне. Удивительнаго въ этомъ нѣтъ ничего; великая французская революція—событіе до такой степени всемірное, отдаленныя косвенныя ея послѣдствія такъ живо чувствуются и теперь, и не въ одной только Франціи, что говорить о ней *sine studio*, даже *sine ira*, почти невозможно. Субъективный взглядъ г. Герье нигдѣ не выступаетъ на первый планъ, но чувствуется на каждомъ шагѣ и обрисовуется, безъ сомнѣнія, еще яснѣе, если за первымъ трудомъ, посвященнымъ преддверію революціи, послѣдуетъ, какъ мы надѣемся и желаемъ, цѣлый рядъ другихъ. Революція, по словамъ автора, стремилась, во имя національной идеи, къ объединенію Франціи—объединенію территоріальному, соціальному и политическому. Удалось, до известной степени, только

первое; въ политической сферѣ вмѣсто гармоніи получилась борьба, въ социальной сферѣ объединеніе было достигнуто болѣе внѣшнее, чѣмъ внутреннее. „Сліяніе классовъ совершилось, но цѣною значительной атрофіи аристократическихъ элементовъ, безъ дѣятельнаго участія которыхъ, тамъ, гдѣ они созданы исторіей, немислимо правильное развитіе народной жизни“. Сопоставимъ это сужденіе автора съ слѣдующимъ отрывкомъ изъ послѣднихъ страницъ его книги: „особенно выдаются своею несостоятельностью дворянскіе наказы. Французское дворянство, это избалованное дитя старой монархіи, не воспитанное въ серьезной государственной школѣ, оторванное отъ всякаго общественнаго дѣла, съ сильно развитымъ, но терпящимся въ мелочахъ чувствомъ чести и съ совершенно неразвитымъ гражданскимъ чувствомъ, обнаружило въ наказахъ свое полнѣйшее политическое ребячество“. Не наводятъ ли эти слова, въ связи съ множествомъ другихъ фактовъ, на заключеніе, что аристократическіе элементы во Франціи были значительно или всецѣло „атрофированы“ еще до революціи, что революція ограничилась только развѣнчаніемъ ихъ, а внутреннюю силу они потеряли гораздо раньше? Не этимъ ли объясняется жалкая роль аристократіи во время кризиса, бѣгство ея цѣлыми массами изъ Франціи, союзъ съ внѣшними врагами государства, переходъ многихъ знатныхъ фамилій въ лагерь имперіалистовъ? Не здѣсь ли разгадка ошибокъ, которыя во второй разъ исторгли французскій престолъ изъ рукъ Бурбоновъ? Чтобы окончательно убѣдиться въ томъ, что атрофія аристократическихъ элементовъ не была дѣломъ французской революціи, стоитъ только припомнить рядъ параллельныхъ фактовъ изъ англійской исторіи XVII-го вѣка. Англійская джентри выставила изъ своей среды не только Страффорда, не только Гайда и Фалькланда, но и Гемпдена; ея значеніе было преобладающимъ на обѣихъ сторонахъ долгаго парламента, но крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока революціонное движеніе не дошло до своего апогея. Въ переворотѣ 1688 г. главную роль играли аристократическія руки; если часть знати удалилась отъ дѣлъ или ударилась въ заговоры, то ближайшими сотрудниками Вильгельма III-го, основателями новаго политическаго строя сдѣлались, на ряду съ Сомерсомъ, графъ Россель, герцогъ Шрусбери, маркизъ Галифаксъ. Совсѣмъ не то мы видимъ во Франціи. Мирабо, Лафайетъ, братья Ламеты не находятъ преемниковъ въ рядахъ своего класса, и уже въ учредительномъ собраніи первыя мѣста достаются на долю людей третьяго сословія, въ родѣ Барнава; не только въ конвентѣ, но и въ законодательномъ собраніи—равно, какъ и въ совѣтахъ временъ директоріи—значеніе „аристократическихъ

элементовъ “ равно нулю. Реставрація не выдвигаетъ изъ лагеря побѣдителей ни одного крупнаго политическаго дарованія; во время июльской монархіи вождемъ легитимистовъ становится плебей Берье. Въ національномъ собраніи 1871—76 г., неожиданно ‘поставившемъ на первый планъ помѣщичью, если можно такъ выразиться, партію, (*les giguaux*) обнаружилась та же бѣдность талантовъ и политическаго такта; упадокъ аристократіи выразился особенно ярко въ лицѣ предводителя ея, герцога де-Вроль. Представимъ себѣ, что въ Англіи была бы введена всеобщая подача голосовъ и уничтожена палата лордовъ; прекратилась ли бы вслѣдствіе этого выдающаяся роль англійской аристократіи или англійскихъ аристократовъ? За отдаленное будущее, конечно, ручаться нельзя—но въ продолженіе многихъ лѣтъ элементы, живучіе сами по себѣ, безъ сомнѣнія, оставались бы неатрофированными. Утверждая, что „безъ дѣятельнаго участія аристократическихъ элементовъ, гдѣ они созданы исторіей, *нельзя* правильное развитіе народной жизни“, г. Герье впадаетъ въ своеобразный историческій фатализмъ, возводитъ извѣстный фактъ на степень неизмѣннаго закона. Исторія, „создавшая“ аристократическіе элементы, можетъ и положить конецъ ихъ существованію или ихъ значенію, безъ всякихъ неизбѣжныхъ вслѣдствій того потрясеній. Все дѣло въ томъ, какую роль играла сила, внезапно обреченная на безсиліе; если она заботилась не только о самой себѣ, если она сознавала и исполняла свое служебное призваніе, исчезновеніе ея со сцены оставитъ чувствительный пробѣлъ въ народной жизни—и наоборотъ. Омертвѣніе французскихъ „аристократическихъ элементовъ“ составляло, къ концу XVIII-го вѣка, совершившійся фактъ; революція только констатировала его и довела до конца естественныя его послѣдствія.

Подробный разборъ основныхъ положеній г. Герье невозможенъ въ предѣлахъ библиографической замѣтки, вся цѣль которой—обратить вниманіе читателей на цѣнное приобрѣтеніе, сдѣланное нашей исторической наукой. Ограничимся еще однимъ замѣчаніемъ. Возражая противъ теоріи Монтескье, авторъ указываетъ на то, что въ ея основаніи—поскольку она заимствована у Локка и скопирована съ англійскихъ учреждений—лежитъ явный анахронизмъ; Монтескье признаетъ короля органомъ исполнительной власти, между тѣмъ какъ во время появленія „Духа Законовъ“ англійскій король уже не обладалъ этою властью. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? При первыхъ двухъ Георгахъ королевская власть словно дремала—но это было результатомъ личныхъ и случайныхъ причинъ; она проснулась при Георгѣ III-мъ, про котораго никакъ нельзя сказать, чтобы за него

управляло министерство, а черезъ посредство министерства—парламентское большинство. Припомнимъ роль, которую играли въ это царствованіе такъ-называемые королевскіе друзья — неудачи виговъ, даже когда на ихъ сторонѣ было большинство палаты общинъ — первые мѣсяцы министерства Питта, удерживавшаго за собою власть прямо вопреки рѣшеніямъ палаты. Конечно, въ чистомъ видѣ отдѣленіе власти исполнительной отъ власти законодательной не существовало нигдѣ—но взглядъ Монтескье на королевскую прерогативу въ Англіи и на соответствующее ей раздѣленіе властей едва ли былъ такъ ошибоченъ, какъ полагаетъ г. Герье. Авторъ „Духа Законовъ“ не дожился до того момента, когда англійская королевская власть вышла изъ своего полулѣтковаго оцѣпенѣнія—но онъ видѣлъ орудія, которыми она располагала, и имѣлъ полное право предположить, что возможность пользованія ими не утрачена ею безвозвратно, а только приостановлено на время—самое пользованіе.

— В. Александровъ, Задача и организація школьнаго дѣла въ уѣздѣ. Книжка третья. Спб., 1884.

— Отчетъ о первомъ сѣздѣ учительницъ-семинарокъ земской учительской школы П. П. Максимовича, въ Твери. Составилъ руководитель сѣзда Д. Тихоміровъ. Спб., 1883.

„Учительскіе и врачебные сѣзды приносятъ гораздо болѣе пользы мѣстнымъ трактирщикамъ, чѣмъ наукѣ“. Это изреченіе г. Головина (см. „Литературное Обозрѣніе“ въ предыдущей книжкѣ нашего журнала)—не истиннѣ достойное перейти въ потомство, какъ характеристическій продуктъ консервативной мудрости—пришло намъ на память, по закону контрастовъ, при чтеніи обѣихъ книгъ, заглавіе которыхъ выписано нами выше. И та, и другая, показываютъ наглядно, какое громадное значеніе имѣютъ учительскіе сѣзды для самихъ учителей, для правильнаго развитія народной школы и народной литературы. Конечно, книга, въ подобныхъ случаяхъ, не можетъ замѣнить живой рѣчи; кто не присутствовалъ самъ на учительскомъ сѣздѣ, тотъ можетъ получить, при чтеніи отчетовъ, только сравнительно-блѣдное понятіе о его значеніи — но и этого уже достаточно, чтобы разсѣять всякое предубѣжденіе противъ сѣздовъ. И въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ положеніе народныхъ учительницъ или учителей, проводящихъ большую часть года въ полномъ уединеніи, въ глуши, часто при самыхъ тяжелыхъ матеріальныхъ и нравственныхъ условіяхъ. Имъ не съ кѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, обмѣняться мыслями, не у кого попросить под-

держки и совѣта; даже книги и газеты понадають къ нимъ въ руки рѣдко и въ небольшомъ числѣ. А между тѣмъ, при сколько-нибудь живомъ отношеніи къ дѣлу—столь обыкновенномъ теперь между учителями, получившими спеціальную педагогическую подготовку, наблюдений, недоразумѣній, сомнѣній накопляется масса; вырабатываются самостоятельные взгляды на приемы преподаванія, на задачи народной школы, на достоинства и недостатки общепринятыхъ учебниковъ и пособій—взгляды, требующіе обсужденія и повѣренія. Учительскій съѣздъ даетъ преподавателямъ народныхъ школъ все, въ чемъ они такъ нуждаются — и руководство опытнаго педагога, и возможность совѣщанія между собою, и знакомство съ новостями педагогическаго міра; они возвращаются въ свои школы не только съ новыми знаніями, но — что еще важнѣе — съ новымъ запасомъ умственной свѣжести и бодрости. Пашущему эти строки нѣсколько разъ приходилось присутствовать на учительскомъ съѣздѣ въ небольшомъ уѣздномъ городкѣ при обстановкѣ менѣе благопріятной, чѣмъ та, которою пользуются многочисленные съѣзды, въ центральныхъ пунктахъ — и онъ всегда выносилъ оттуда самыя хорошія, самыя отрадные впечатлѣнія. Трудно найти собраніе болѣе внимательное, болѣе воспримчивое, болѣе готовое трудиться; для огромнаго большинства участниковъ это кульминаціонная точка цѣлаго года, это умственный праздникъ, котораго они нетерпѣливо ждутъ, и о которомъ долго вспоминаютъ. Для мѣстныхъ трактирщиковъ, за то, учительскій съѣздъ проходитъ безслѣдно — болѣе безслѣдно, во всякомъ случаѣ, чѣмъ любое собраніе уѣздныхъ „заправителей“.

Книга г. Александрова — это отчетъ объ учительскомъ съѣздѣ, ежегодно, начиная съ 1881 г., собирающемся въ гор. Лугѣ (с.-петербургской губерніи). Третій, только что появившійся ея выпускъ посвященъ съѣзду 1883 г. Особенно интересны здѣсь извлеченія изъ докладовъ, представленныхъ съѣзду самими учителями; отчеты о пробныхъ урокахъ, данныхъ на съѣздѣ, слишкомъ коротки, что объясняется, вѣроятно, ограниченнымъ, по необходимости, объемомъ самой книги. Доклады учителей касаются не только приемовъ преподаванія, но и такихъ вопросовъ, какъ организація воскресныхъ чтеній, распространеніе грамотности между дѣвочками, значеніе школъ грамотности (т.-е. училищъ, открываемыхъ самими крестьянами на основаніи министерскаго распоряженія 1882 г.). Дѣло начального обученія въ лужскомъ уѣздѣ отличается тою особенностью, что оно уже второе трехлѣтіе ведется всецѣло училищнымъ совѣтомъ, которому земское собраніе предоставило, въ этомъ отношеніи, всѣ права уѣздной управы. Единство дѣйствій въ средѣ самаго совѣта обусло-

вливается полнымъ отсутствіемъ пререканій между инспекторомъ народныхъ училищъ (г. Александровымъ, составителемъ разбираемой нами книги) и другими членами совѣта; живая связь между совѣтомъ и учителями обеспечивается именно учительскими сѣздами, постояннымъ руководителемъ и предсѣдателемъ которыхъ является инспекторъ народныхъ училищъ. Заключенія сѣзда нерѣдко обращаются въ постановленія совѣта. Отсюда возможность сдѣлать сравнительно многое съ небольшими средствами; отсюда готовность, съ которою бывшіе ученики земской учительской школы занимаютъ учительскія мѣста въ лужскомъ уѣздѣ, несмотря на скудное, въ большинствѣ случаевъ, вознагражденіе (отъ 180 до 300 рублей). Благодаря сѣздамъ, въ лужскихъ начальныхъ школахъ начинаютъ появляться свои школьныя коллекціи или музеи, иногда довольно богатые; въ одномъ изъ нихъ накопилось, въ короткое время, до трехсотъ предметовъ, въ другомъ — около ста, собранныхъ или приготовленныхъ самими учителями, при содѣйствіи учениковъ. Благодаря сѣздамъ, создалась подвижная школьная библіотека, передаваемая изъ школы въ школу, завелись книжные склады, для продажи на мѣстѣ, по дешевой цѣнѣ, книгъ, наиболѣе полезныхъ для крестьянъ и всего охотнѣе ими покупаемыхъ; образуются понемногу и постоянныя школьныя библіотеки. Однажды начавшееся движеніе не прекратится, если только ничего не прерветъ его со стороны, и если небольшая сумма, необходимая для сѣзда (около 200 руб. въ годъ, такъ какъ руководитель сѣзда работаетъ безвозмездно, а учителямъ и учительницамъ пособіе на проѣздъ и содержаніе въ городѣ выдается въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ), сдѣлается постоянною составною частью земской смѣты.

Еще богаче интересомъ отчетъ о тверскомъ сѣздѣ учительницъ, окончившихъ курсъ въ земской учительской школѣ г. Максимовича. Оживленію этого сѣзда много способствовало, по всей вѣроятности, то обстоятельство, что всѣ участницы его — лица, соединенныя между собою товарищескою связью и стоящія приблизительно на одномъ уровнѣ развитія. Много значить и то, что сѣздъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи цѣлыхъ двѣнадцать дней, между тѣмъ какъ лужскій сѣздъ вынужденъ, за недостаткомъ средствъ, заканчивать свои занятія въ 5—6 дней, много — недѣлю. Почти всѣ учительницы, собравшіяся на тверской сѣздъ (а ихъ было 96) нашли себѣ пріютъ въ самомъ помѣщеніи школы. По всѣмъ главнымъ вопросамъ, подлежавшимъ обсужденію сѣзда, самими учительницами были представлены болѣе или менѣе обширныя сообщенія и доклады, заключающіе въ себѣ множество любопытныхъ данныхъ. Кто желаетъ познакомиться съ сильными и слабыми сторонами народно-учеб-

ной литературы, тотъ не долженъ пройти мимо отзывовъ, вы-
ванныхъ ею на тверскомъ съѣздѣ; критика идетъ здѣсь рука объ
руку съ практикою, съ указаніями самой жизни. Для преподава-
телей чрезвычайно цѣннымъ пособіемъ могутъ служить составленные
коммиссіею съѣзда списки статей, особенно пригодныхъ для чтенія
въ народной школѣ. Предоставляя себѣ возвратиться къ обонимъ от-
четамъ еще разъ, по поводу затронутого ими вопроса объ отношеніи
земской школы къ школѣ грамотности заключимъ нашу бѣглую за-
мѣтку напоминаніемъ о тѣхъ критическихъ минутахъ, которыя пере-
живала, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, школа П. П. Максимовича. Еслибъ
она не выдержала борьбы—какъ не выдержали ея другія учрежде-
нія того же рода,—какую чувствительную потерю понесло бы дѣло
народнаго образованія, какъ сильно уменьшился бы контингентъ лицъ,
служащихъ ему съ любовью и умѣньемъ! Мы особенно рекомендуемъ
чтеніе обонихъ отчетовъ всѣмъ тѣмъ, кто отрицаетъ пользу учите-
льскихъ семинарій или агитируетъ противъ участія земства въ содер-
жаніи учительскихъ школъ. На тверскомъ съѣздѣ дѣйствовали не-
ключительно учительницы—а правительственныхъ семинарій для же-
щинъ, готовящихся въ начальныя учительницы, у насъ не суще-
ствуетъ вовсе.—К. К.

ЗАМѢТКА.

ПО ПОВОДУ ЮБИЛЕЯ ПЕРВАГО РУССКАГО ПЕЧАТНИКА ИВАНА ФЕДОРОВА.

Какъ извѣстно, въ разныхъ мѣстахъ Россіи и Галиціи отбывалось недавно празднованіе памяти Ивана Федорова, который, вмѣстѣ съ Петромъ Тимофѣевымъ Мстиславцемъ, пробовалъ основать печатное дѣло въ Москвѣ и потомъ, послѣ неудачи, тамъ, перенесъ свою дѣятельность въ разные мѣста Западной Руси, гдѣ наконецъ его типографія послужила основой для существующей и до сихъ поръ типографіи Львовскаго Ставропигіальнаго братства. Празднованіе это, конечно, одно изъ самыхъ почтенныхъ, какія отбывались у насъ въ послѣднее время,—такъ какъ личность Ивана Федорова, насколько она обрисовывается изъ того немногаго, что мы о немъ знаемъ,—преимущественно изъ послѣсловій, къ изданнымъ имъ книгамъ,—одна изъ самыхъ симпатичныхъ личностей русской старины. Но въ рѣчахъ, статьяхъ и телеграммахъ по поводу юбилея Федорова есть одна черта, по нашему мнѣнію, странная, которая и заставляетъ насъ взяться за перо для написанія настоящей замѣтки,—а именно, наименованіе Ивана Федорова—*первымъ русскимъ печатникомъ*.

Такимъ первымъ русскимъ печатникомъ Иванъ Федоровъ вовсе не былъ. Онъ имѣлъ себѣ предшественниковъ, о чемъ, конечно, и самъ прекрасно зналъ. Иванъ Федоровъ издавалъ съ 1564 г. церковныя книги славяно-кирилловскаго шрифта. Но въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно, первымъ дѣятелемъ былъ Швайпольтъ Фіоль, или Фіоль, который еще въ 1491 г. напечаталъ нѣсколько такихъ книгъ въ Краковѣ, послѣ чего кирилловскими буквами начали печатать въ разныхъ мѣстахъ,—въ Венеціи, и во многихъ другихъ. Въ числѣ первенцевъ кирилловской печати появилась въ *Прагѣ*, въ 1517—1519 г., и *Библія Руска* доктора *Франциска-Скорина*, на счетъ виленскаго городского совѣтника (райцы) *Богдана Онькова*.—Если кто, такъ именно этотъ докторъ Скорина долженъ быть признанъ начинателемъ русской печати, такъ какъ онъ положилъ начало изданію не церковно-славянскихъ, а именно русскихъ книгъ, перевода библіи на русскій, т.-е. тогдашній западно-русскій литературный языкъ, „къ доброму наученію,—какъ онъ писалъ,—людямъ поспомитымъ“, т.-е. обыкновеннымъ, простымъ, народу. Если даже не считать 1517 г. за годъ начала

русской печати только потому, что изданныя въ этомъ году Скоринною книги библии появились въ чешской Прагѣ, т.-е. въ городѣ, лежащемъ за этнографическими границами русскаго племени, — то и тогда все-таки начало русской печати надо считать гораздо ранѣе изданія Иваномъ Ѳеодоровымъ и Петромъ Мстиславцемъ церковно-славянскаго апостола въ Москвѣ въ 1564, — а именно съ 1525 г., когда тотъ-же *Францискъ Скорина издалъ въ Вильнѣ* (тогда сплошь бѣлорусскомъ городѣ) *Апостольскія Дѣянія и Посланія* на томъ же русскомъ языкѣ, что и библия, и издалъ въ домѣ „*найстаршаго Бурмистра Якуба Бабича*“. Этотъ виленскій бурмистръ *Бабичъ* (аналогія съ гражданами западно-европейскихъ городовъ временъ возрожденія и реформациі, помогавшими печатникамъ и писателямъ) и *Фр. Скорина изъ Полоцка* должны уже по всей справедливости и буквальноишей точности быть признанными первопечатниками русскими, а ихъ виленская типографія должна быть признана первою типографіею на русской землѣ.

Второю такою типографіею явилась типографія въ *Несвижѣ* (теперь мѣстечко въ Слущкомъ уѣздѣ, минской губ.), гдѣ напечатанъ въ 1562 г., за два года до московскаго изданія апостола, „*Катихизисъ* (протестантскій), то-есть наука стародавняя хрістіанская отъ светого писма, для простыхъ людей языка русскаго“, — „накладомъ Матея Кавечинскаго, Симона Буднаго и Лаврентія Крышкѣвскаго“. Изъ этихъ лицъ душою дѣла былъ, конечно, Будный, который въ томъ же году издалъ въ той же типографіи книгу: „О оправданіи грѣшнаго человѣка предъ Богомъ“.

Эти западно-русскія типографіи, очевидно, были образцомъ и для типографіи московской, что можно предполагать уже и по тому, что товарищемъ Ивана Ѳеодорова въ дѣлѣ опыта московской типографіи былъ бѣлорусъ *Петръ Тимофѣевъ изъ Мстиславля*. Память о томъ, что именно несвижскія протестантскія изданія послужили образцомъ для московскихъ и православныхъ изданій на Руси, сохранялась въ самой Москвѣ еще въ XVIII в., когда патр. *Адріанъ* говорилъ въ предисловіи къ „Православному исповѣданію вѣры“ (М. 1709), что „*Мартіна Лютера ученицы изобретше писмена славенороссійское, точное, чистое, и преведше на славенскій діалектъ всѣхъ живыхъ догматовъ доводы и типомъ изнесома на свѣтъ.... дѣѣ книжничцы, едину съ г. Несвижъ въ лѣто 1562, вторую въ городѣ Стіоколенѣ (Стокгольмѣ) въ лѣто 1628....*

Такимъ образомъ, Иванъ Ѳеодоровъ можетъ называться первымъ печатникомъ изъ великоруссовъ; типографія, основанная имъ вмѣстѣ съ Тимофѣевымъ, была первою типографіею въ Москвѣ, а также первою

православною типографіею на Руси,—но Оеодоровъ ни коимъ образомъ не можетъ быть названъ вообще первымъ русскимъ печатникомъ, ни его типографія не можетъ называться первою типографіею на Руси. Въ довершеніе типографія собственно Оеодорова не можетъ быть названа русскою и вообще по языку его изданій. По всему видно, что среда, которой представителемъ былъ Оеодоровъ, еще не поднялась до идеи о необходимости печатанія книгъ на языкѣ народномъ, — или говоря словами западно-русскихъ издателей, — печатанія книгъ не только „Богу во чти“, но и „посполитымъ, простымъ людямъ языка русскаго къ доброму наученію“. Идея эта явилась въ Западной Руси и при томъ не въ православной средѣ, а въ протестантской и католической,—тогда здѣсь затронутой протестантскими, или лучше сказать, реформатскими стремленіями ³⁾. Эта идея ясно видна изъ предисловій и послѣсловій, и наконецъ изъ самаго языка изданій Скорины и С. Буднаго, и, по всему видно, не пришла къ Ивану Оеодорову, который стоялъ за старинную церковно-славянскую букву. Такъ можно думать, судя по предисловію, помѣщенному при „Евангеліи учительномъ“, напечатанномъ въ 1568 г. Оеодоровымъ и Тимофѣевымъ въ Заблудовѣ (теперь мѣстечко въ бѣлостоцкомъ уѣздѣ гродненской губерніи), послѣ бѣгства ихъ изъ Москвы. Въ предисловіи этомъ покровитель нашихъ типографчиковъ, Григорій Ходкевичъ, гетманъ литовскій, говоритъ, что онъ восхотѣлъ напечатать эту книгу „на почестъ и похвалу Господу Богу въ Троицы единому и въ *наученіе людямъ христіанскимъ закону нашего греческаго*“, и что было „помыслилъ, иже бы сію книгу, выразиумъ ради простыхъ людей, предложить на простую (какъ называли тогда русскій языкъ) молву“, но что ему отсвѣтовали это „люди мудрые, въ томъ письмѣ ученые,

³⁾ Мы употребляемъ здѣсь слово „реформатскій“ въ обширномъ смыслѣ, а не только въ конфессіональномъ,—смыслѣ лютеранства, или кальвинизма. Польша и Литва еще съ XV в. были проникнуты руссизмомъ, и кромѣ того самое соприкосновеніе здѣсь церковей восточной съ западною должно было породить здѣсь стремленія, выходящіе изъ рамокъ оффиціальнаго клерикализма, въ томъ числѣ и стремленія къ націонализациі церкви съ предоставленіемъ въ ней большаго значенія свѣтскому элементу и къ націонализациі языка богослуженія и т. п. Извѣстно, что среди польскихъ католиковъ подобныя стремленія стали проявляться раньше знаменитаго выступленія Лютера съ тезами въ 1517 г. Среди православныхъ, въ Западной Руси, какъ и въ сосѣднихъ съ нею Псковѣ и Новгородѣ, протестантскія стремленія тоже проявлялись по своему раньше проникновенія сюда лютеранства и кальвинизма. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что католикъ Фр. Скорина изъ Полоцка въ одинъ годъ съ выступленіемъ Лютера заявилъ себя такимъ дѣломъ, какое считается обыкновенно протестантскимъ, какъ дѣло перевода библіи на народный языкъ, и упредилъ въ этомъ дѣлѣ самого Лютера.

нже прекладаніемъ здавникъ пословицъ на новыя, помысла (ошибка) чинится не малая, якоже нынѣ обрѣтается въ книгахъ новаго перевода. Того ради сію книгу *яко здавна писаную*, велѣтъ самъ ее издруковать“.

Къ чести дѣйствительныхъ первыхъ русскихъ печатниковъ слѣдуетъ замѣтить, что, стремясь „къ наученію простыхъ людей языка русскаго“, они должны были преодолевать не только старинный церковно-славянской консерватизмъ, но и новыя еще тогда, въ Западной Руси, но тѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе усиливавшіяся въ высшихъ классахъ общества, предразсудки польско-аристократическаго характера, по которымъ „языкъ русскій“, какъ языкъ плебейскій, — людей посполитыхъ — не заслуживалъ литературнаго употребленія, или не былъ къ нему способенъ. Издатели несвижскаго катехизиса прямо выступаютъ противъ того предразсудка, и обращаясь къ своимъ аристократическимъ покровителямъ, въ родѣ Радзивила, выражаютъ желаніе, чтобъ эти „не только въ чужоземныхъ языцѣхъ кохали, а ле бы ся тежъ и того здавна славнаго языка словенскаго (въ этомъ мѣстѣ, какъ часто и въ другихъ случаяхъ въ западно-русской письменности XVII—XVIII в. *словенскій языкъ* — синонимъ *русскаго*, или *простому русскаго*, или даже *казако-русскаго*) размиловали и онымъ ся бавити рачили. Слушная бо речъ есть, абы ваши княжескіе милости *тому народу языкъ* миловати рачили, въ которомъ давныя предки и ихъ княжескіе милости пановѣ отцы вашихъ княжескихъ милостей славныя преднейшіе предложенства несутъ“....

Извѣстно, что ближайшее будущее культурно-литературнаго дѣла въ западныхъ русскихъ областяхъ далеко не оправдало тѣхъ широкихъ надеждъ, съ которыми, очевидно, приступали первые русскіе печатники къ своему дѣлу. Протестантское движеніе не разрослось здѣсь съ достаточной широтой и притомъ постепенно потеряло русскую форму, а усвоило польскую. Тоже случилось и съ католицизмомъ. Литературное употребленіе „посполитаго русскаго языка“ сильно сократилось, тѣмъ болѣе, что оно мало встрѣчало себѣ поддержки въ православныхъ авторитетахъ, полныхъ церковно-славянскаго консерватизма. Историки обыкновенно объясняютъ этотъ неуспѣхъ культурно-народныхъ начинаній аристократическими предразсудками мѣстнаго образованнаго общества, не исключая и самыхъ смѣлыхъ протестантовъ, социніанъ, къ которымъ принадлежалъ и С. Будный. Таковъ судъ, напр., даже наиболѣе благопріятнаго до сихъ поръ единовѣрцамъ этого Буднаго — сочиненія г. Ор. Левицкаго: „Социніанство въ Польшѣ и юго-западной Руси“; авторъ объясняетъ безпочвенностію социніанской секты и протестантскихъ общинъ въ Руси

вообще то обстоятельство, что „южно-русскій народъ во время возстанія при Хмельницкомъ не различалъ соцініанъ отъ ихъ враговъ-католиковъ и наравнѣ съ послѣдними предавалъ ихъ истребленію“, и такимъ образомъ „смелъ съ лица земли эти общины“. Но мы знаемъ изъ исторіи европейскіхъ смутъ реформаціоннаго времени, что никакая почвенность не спасала религіозныя общины, попавшія въ положеніе слабѣйшихъ, отъ сметенія съ лица земли при нападеніи на нихъ фанатическаго иновѣрія. Относительно же казацко-крестьянскихъ возстаній въ южной Руси слѣдуетъ уже признать, что, будучи вполнѣ законными съ точки зрѣнія соціальной и національной, они были однакожъ орудіемъ культурной реакціи, которая сама весьма мало отличалась демократизмомъ въ вопросѣ о литературномъ языкѣ. Что же касается до Бѣлоруссіи съ Литвою, которыя, по своимъ связямъ съ Пруссіей и Ливоніей, были естественною опорою протестантизма въ южныхъ, украинскихъ областяхъ западной Руси, то не слѣдуетъ забывать, что протестантизмъ въ этихъ областяхъ не только придуманъ былъ іезуитскими подходами, но и силою былъ уничтожаемъ московскимъ вторженіемъ. Такъ, Иванъ Грозный истребилъ полоцкую и другія протестантскія общины въ занятой его войсками части Бѣлоруссіи. Тоже повторялось въ болѣе широкихъ размѣрахъ во время занятія московскими войсками бѣлорусскихъ и литовскихъ городовъ въ 1654—1667 гг. Послѣ этого занятія, опустошенные бѣлорусскіе и литовскіе города были вновь населены преимущественно евреями, а разоренныя православными московскими войсками протестантскія школы,—какъ напр. полоцкій коллегіумъ,—были отданы іезуитамъ.

Но если протестантско-русское направленіе, ознаменованное первыми русскими печатниками и не успѣло дать значительнаго количества непосредственныхъ плодовъ, то оно все-таки не осталось безъ сильнаго косвеннаго вліянія на ходъ русской культуры даже среди православнаго исповѣданія. Извѣстно, какъ близокъ былъ съ протестантами, и въ частности съ соцініанами, православно-русскій мценатъ кн. К. К. Острожскій, терпѣвшій за то укоры отъ кн. Курбскаго; менѣе извѣстно, но несомнѣнно присутствіе своеобразнаго реформатскаго духа въ первоначальныхъ православныхъ русскихъ братствахъ, изъ которыхъ виленское, издавна, еще въ XV в., принимавшее въ число своихъ членовъ и католиковъ, въ XVI в. принимало въ учителя въ свои школы протестантовъ. Эти братства,—элементъ общественный, стали твердою почвою для русской печати, которая не могла, какъ показываетъ судьба Федорова, удержаться въ Москвѣ при официальномъ покровительствѣ; — при помощи этихъ братствъ

печать соединилась съ своей естественной союзницей, — школой. Въ этой общественной, „посполитой“, средѣ нашла себѣ опору и идея о литературѣ „простого языка русскаго“. Здѣсь, въ типографіяхъ братскихъ, равно какъ и въ типографіяхъ частныхъ лицъ, аристократовъ, какъ Острожскій, и, — что особенно важно, — мѣщанъ, какъ виленскіе Мамоничи, появились не только церковно-славянскія образовыя книги, которыя исключительно перепечатывались въ Москвѣ въ XVI и даже долго въ XVII в., но и учебники, полемическіе трактаты, книги юридическія (въ томъ числѣ и знаменитый Литовскій Статутъ). Здѣсь же, въ православныхъ кругахъ созрѣла идея перевода священнаго писанія на простой русскій языкъ. Въ 1580 г. наконецъ явилось въ печати, въ „убогой друкарнѣ“ православнаго Тяпинскаго, Евангеліе — „двѣма языки заразъ: *словенскимъ*, и при немъ *тутжо русскимъ*“ ¹⁾.

Развившіеся въ Западной Россіи въ XVI в., — при самыхъ разнообразныхъ противоборствующихъ условіяхъ, — идея о печати и просвѣщеніи на *простомъ рускомъ языкѣ* перешла отсюда вмѣстѣ съ западно-русскими учеными и въ Россію Восточную въ XVII в. и далъ особенно видные плоды въ XVIII в. Впрочемъ, идея о переводѣ на простой русскій языкъ и св. писанія осуществилась здѣсь только въ XIX в., въ эпоху библейскихъ обществъ, да и то только для того, чтобъ тотчасъ же быть затертою на нѣсколько десятковъ лѣтъ. Последнее обстоятельство бросаетъ тѣмъ болѣе благоприятный свѣтъ на широту идей первыхъ русскихъ печатниковъ — въ Вильнѣ, Невжѣ и т. п. городахъ Западной Россіи.

Разсказывая все это, мы далеки отъ мысли говорить что-либо новое не только специалистамъ, но и людямъ общаго образованія. И, однакожъ, намъ показалось не лишнимъ напомнить всѣ эти извѣстныя вещи въ виду того, что онѣ какъ-то слишкомъ скоро забываются въ извѣстныхъ случаяхъ, не только торжественныхъ, но имѣющихъ значеніе и въ обыденныхъ, практическихъ дѣлахъ. Въ такихъ случаяхъ всплываетъ на верхъ односторонняя, славянофильская

¹⁾ Это не единственный въ своемъ родѣ опытъ, такъ какъ извѣстны русскіе переводы: такъ-называемая Пересопницкая рукопись 1556 — 1561 гг., затѣмъ переводы, хранящіеся въ Вильнѣ и въ Москвѣ, въ Румянц. музеѣ. Къ этимъ православнымъ переводамъ надо прибавить соцініанскій переводъ, но приснособлеженный или православныхъ и употреблявшійся ими, сдѣланный въ 1581 г. въ с. Хорошовѣ, Валентиномъ Негалеvскимъ, и находящійся теперь въ библіотекѣ Михайловскаго монастыря въ Кіевѣ. Эти интереснѣйшіе памятники до сихъ поръ не только не издаваы, но даже, кромѣ Пересопницкой рукописи, не описаны сколько-нибудь обстоятельно, — вещь невозможная теперь ни въ какой наукѣ, кромѣ нашей!

схема построения исторіи русской культуры и закрываетъ собою факты, которые не подходятъ подъ нее. Между тѣмъ, эта схема не годится для чисто - историческаго объясненія исторіи русской культуры, даже въ самой Великороссіи. Еще менѣе она можетъ годиться въ руководство современной практикѣ. Неподходящія подъ рамки этой схемы особенности жизни цѣлой половины Россіи, не входившей въ границы стараго Московскаго государства въ XVI в., вовсе не умерли, а живутъ и продолжаютъ осложняться новыми явленіями, о которыхъ, какъ напр., о южно-русской штундѣ, которая теперь начинаетъ распространяться и въ Бѣлоруссіи, этомъ гнѣздѣ русскаго протестантизма въ XVI в., — не знаешь, что сказать: новое ли это рожденіе, или же возрожденіе бывшаго уже, но временно застывшаго броженія... И всѣ такіа явленія требуютъ широкой культурной формулы для ихъ теоретическаго осмысленія и практическаго упорядоченія.

К. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е марта, 1884.

Прохождение наладокъ на судн. — Дѣло г. Зографа и „Московскія Вѣдомости“. — Судъ, администрація и печать. — Вопросъ о правахъ незаконнорожденныхъ дѣтей и юридическомъ обществѣ. — 25-лѣтіе литературнаго фонда. — Рѣчь г. Базиліи въ одесской думѣ. — Литературный судъ чести.

Проходятъ недѣли, проходятъ мѣсяцы — а „Московскія Вѣдомости“ все еще не прекращаютъ генеральной атаки противъ новаго суда. Передовыя статьи на тему: *delenda justitia* — слѣдуютъ одна за другою въ качествѣ *pièces justificatives* на столбцахъ газеты перепечатавшаго чуть не цѣлое слѣдственное дѣло. Главнымъ объектомъ нападенія еще недавно былъ судъ присяжныхъ; теперь на очереди стоитъ крушеніе кассационнаго сената. Рыцари произвола, очевидно, полагаютъ, что, одолѣвъ главу, имъ нетрудно уже будетъ покончить съ туловищемъ. Штурмъ ведется двумя параллельными колоннами: одна дѣйствуетъ въ области общихъ началъ, отрицая самый принципъ несмѣняемости судей и самостоятельности суда, доказывая его несовмѣстимость съ русскимъ государственнымъ строемъ, — другая замѣняется мелкою партизанскою войною, иллюстрируя непригодность учрежденія разборкомъ отдѣльныхъ его ошибокъ. О теоретической сторонѣ вопроса много уже было говорено и у насъ, и въ другихъ журналахъ; мы не коснулись бы ея вовсе, еслибы не нашли въ арсеналѣ нашихъ противниковъ одно оружіе, прямо поражающее ихъ, самихъ. Въ № 24 „Московскихъ Вѣдомостей“ разсказанъ случай, хорошо памятный всѣмъ тѣмъ, кто слѣдилъ, въ шестидесятыхъ годахъ, за первыми шагами земства и обновленнаго суда, но долговременно оставшіяся запретнымъ плодомъ для нашей печати. „Одинъ изъ кассационныхъ сенаторовъ, — повѣствуетъ газета г. Каткова, — произнесъ, въ земскомъ или городскомъ собраніи, неумѣстную рѣчь, которая произвела тягостное впечатлѣніе на Государя. Его Величество нашелъ невозможнымъ оставить въ званіи сенатора лицо, которое публично высказалось несоотвѣтственно своему званію, и приказалъ уволить его. Испуганный въ своемъ простодушіи министръ, занялся (какова детальность изложенія!), замѣтилъ, что по силѣ закона слѣдатель это невозможно, такъ какъ судебныя чины несмѣняемы. — Да тебя несмѣняемы, — сказалъ Государь, — но не для меня. — Министру,

однако, удалось, благодаря добротѣ Государя, замѣть дѣло, и сенаторъ не былъ уволенъ". Къ этому разсказу мы позволимъ себѣ прибавить—находя, согласно съ московской газетою, что приведенный ею фактъ сдѣлался уже достояніемъ исторіи,—что сенаторъ, о которомъ идетъ рѣчь, принадлежитъ въ настоящее время къ числу членовъ одного изъ самыхъ высшихъ государственныхъ установленій. Эта маленькая подробность значительно измѣняетъ мораль событія. Несиѣняемость судей, провозглашенная закономъ, сослужила хорошую службу государству, сохранивъ за нимъ способности и трудъ лица, въ послѣдствіи признаннаго достойнымъ повышения на верхнюю ступень іерархической лѣстницы. Допустимъ, что въ судебныхъ уставахъ не было бы статьи, возбуждающей теперь реакціонный скрежетъ зубовъ. Сенаторъ, обвиненный въ провизнесеніи „несоотвѣтственной званію" рѣчи, былъ бы немедленно уволенъ отъ службъ; испорчена была бы будущность, сломана, быть можетъ, жизнь чловѣка, потерявъ былъ бы полезный работникъ, парализована дѣятельность чиновниковъ, входящихъ въ составъ земскихъ собраній и городскихъ думъ, доказана еще разъ опасность, у насъ въ Россіи, независимой рѣчи, свободнаго слова. Какіе завидные результаты, сколько, въ самомъ дѣлѣ, поводовъ сожалѣть, что они не наступили! А чтб, если заподозрѣнная рѣчь не заключала въ себѣ, въ сущности, ничего „несоотвѣтственнаго", если донесеніе, вслѣдствіе котораго сенатору грозила опала, не отличалось безпристрастіемъ и точностью? Невозможнаго въ этомъ нѣтъ ничего, тѣмъ болѣе, что о всестороннемъ разслѣдованіи дѣла, объ истребованіи объясненій отъ обвиняемаго ничего не было слышно въ свое время, да не упоминается и въ разсказѣ „Московскихъ Вѣдомостей". „Добродушный генералъ-прокуроръ,—такъ заканчивается этотъ разсказъ,—конечно, вмѣнилъ себѣ въ важную государственную заслугу то, что ему удалось предотвратить un grand coup d'état". О какомъ глубокомъ извращеніи нравственнаго чувства газеты свидѣтельствуетъ эта милая шутка! Не знаемъ, что испытывалъ Д. Н. Замятинъ послѣ благополучной развязки занимающаго насъ эпизода; но въ біографіи покойнаго министра—скажемъ болѣе, въ исторіи цѣлой эпохи—этотъ эпизодъ несомнѣнно составитъ свѣтлую страницу. Готовность стоять за законъ, за правду—такая же высокая черта, какъ и способность самоограниченія. Увольненіе сенатора не было бы, конечно, „un grand coup d'état"—но оно было бы яркимъ примѣромъ противорѣчія между словомъ и дѣломъ, какими безъ того слишкомъ богата русская дѣйствительность; оно было бы первымъ шагомъ назадъ, внизъ по той наклонной плоскости, по которой только-что съ такимъ трудомъ поднимались

и подняли Россію составители судебныхъ уставовъ. Правда, вопліи уберечься отъ desensus Averni судебной реформѣ, нѣсколько позже, не удалось, какъ не миновали его и другія великія преобразованія прошедшаго царствованія; но въ сосѣдствѣ опаснаго склона важна каждая охраненная падь земли, важень каждый тормазъ, удачно противопоставленный попятному движенію.

Критика отдѣльныхъ судебныхъ рѣшеній, даже самая рѣзкая, вопліи законна и полезна, пока она задается цѣлью разъяснить то или другое юридическое начало, предупредить распространеніе и укрѣпленіе тѣхъ или другихъ ошибочныхъ взглядовъ. Какъ орудіе противъ цѣлаго судебного строя, она совершенно бессильна, потому что нѣтъ и не можетъ быть такого суда, который бы никогда не ошибался. Чтобы мотивировать этимъ путемъ необходимость перехода отъ одного порядка къ другому, нужно было бы перебрать массу рѣшеній, въ каждомъ изъ нихъ обнаружить *важную* погрѣшность, затѣмъ доказать, съ одной стороны, прямую зависимость этихъ погрѣшностей отъ дѣйствующаго судоустройства, съ другой — возможность избѣжать ихъ при иной организаціи судовъ. Само собою разумѣется, что „Московскія Вѣдомости“ даже не пытаются сдѣлать что-либо подобное; факты, ими подбираемые, могли бы играть роль аргументовъ развѣ въ тенденціозномъ обвинительномъ актѣ или въ предрѣшенномъ заранѣе обвинительномъ приговорѣ. Кульминаціонной точкой нападеній, производимыхъ второй штурмовой колонной, служить дѣло о волчанскомъ исправникѣ Зографѣ. Уже годъ тому назадъ имя г. Зографа было включено, рядомъ съ именами г. Сза-рятина и кн. Оболенскаго, въ списокъ мучениковъ и жертвъ „судебной республики“; теперь реабилитаціи его—или, лучше сказать, избіенію судебныхъ дѣятелей, такъ или иначе способствовавшихъ осужденію г. Зографа—посвящаются цѣлыхъ три передовыхъ статьи, подкрѣпляемыя множествомъ документовъ. Посмотримъ поближе на результаты этого оправдательно-обвинительнаго усердія.

Обстоятельства дѣла г. Зографа весьма просты. Онъ заключилъ подъ стражу крестьянина Пономарева, мотивируя это распоряженіе показаніемъ одного лица о наміреніи Пономарева убить исправника и представленіемъ объ административной высылкѣ Пономарева, основанномъ на отзывѣ о немъ тридцати-трехъ домовладѣльцевъ города Волчанска. Двѣ недѣли спустя мировой судья Малиновскій, находя Пономарева неправильно лишеннымъ свободы, потребовалъ отъ исправника освобожденія его изъ-подъ стражи, и, за отказомъ исполнить это требованіе, передалъ спорный вопросъ на усмотрѣніе прокурора харьковскаго окружнаго суда. Между прокуроромъ и губер-

скимъ правленіемъ произошло разногласіе, восходившее на разрѣшеніе соединеннаго присутствія перваго и уголовного кассационнаго департаментовъ сената. Сенатъ постановилъ предать г. Зографа суду по ст. 348 ч. 2 и 1540 улож. о наказ., опредѣляющимъ наказаніе за противозаконное лишеніе свободы. Присяжные признали г. Зографа виновнымъ, и онъ былъ присужденъ харьковскою судебною палатою къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ заключенія въ тюрьмѣ. Во время производства дѣла возникали, между прочимъ, вопросы о поводахъ вражды исправника къ Пономареву и мирового судьи къ исправнику, о существованіи, въ самый моментъ заключенія Пономарева подъ стражу, письменнаго постановленія по этому предмету, о способѣ собиранія подписей на заявленіи тридцати трехъ домовладѣльцевъ, послужившемъ поводомъ къ высылкѣ Пономарева, о противодѣйствіи со стороны исправника выдачѣ Пономареву крестьянскимъ обществомъ одобрительнаго приговора, и т. п. Всѣ эти обстоятельства, такъ или иначе разъясненныя, могли имѣть большое вліяніе на вердиктъ присяжныхъ,—но мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ, какъ потому, что не имѣемъ въ виду подробнаго отчета о судебномъ слѣдствіи по дѣлу Зографа (документы, напечатанныя въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, относятся только къ возбужденію дѣла и къ предварительному слѣдствію), такъ и потому, что на этотъ разъ обвиненія московской газеты направлены не противъ присяжныхъ, а противъ сената, допустившаго привлеченіе г. Зографа къ уголовной отвѣтственности. Для насъ достаточно поэтому остановиться на юридической сторонѣ дѣла.

Читая передовыя статьи „Московскихъ Вѣдомостей“ (№№ 32, 45 и 46), можно подумать, что г. Зографъ былъ преданъ суду за неисполненіе требованія мирового судьи Малиновскаго относительно освобожденія Пономарева изъ-подъ стражи. „Имѣлось ли въ виду Малиновскаго“, вопрошаетъ газета, „постановленіе исправника объ арестованіи Пономарева? Имѣлось. Давалъ ли законъ мировому судѣй право повѣрять законность этого постановленія? Нѣтъ, не давалъ. Давая дальнѣйшій ходъ постановленію мирового судьи Малиновскаго, прокуроръ сталъ на ту же противозаконную точку зрѣнія; сенатъ, принявъ мнѣніе прокурора, точно также сталъ въ разрѣзъ съ закономъ и собственнымъ кассационнаго сената разъясненіемъ“. Повѣрять ли читатели, что всѣ эти разсужденія, столь торжественныя и категорическія, обращаются въ прахъ при первой справкѣ съ документами, обнародованными самою газетою? Стоитъ только заглянуть въ журналъ харьковскаго губернскаго правленія 13 августа 1880 г. (документъ девятый, въ № 32 „Московскихъ Вѣдомостей“) и въ указъ

сената 31 августа 1881 г., (документъ четырнадцатый, въ № 33), чтобы убѣдиться въ томъ, что *постановленіе мирового судьи Малиновскаго не играло ровно никакой роли въ дѣлѣ, и что основаніемъ къ обвиненію исправника Зографа служилъ и въ глазахъ прокурора, и въ глазахъ сената, не отказъ его освободить Пономарева по требованію Малиновскаго, а самый фактъ взятія Пономарева подъ стражу. Сообщение Малиновскаго прокурору имѣло значеніе лишь какъ поводъ къ началу дѣла, какъ источникъ, изъ котораго обвинительная власть почерпнула первыя свѣденія о противозаконномъ поступкѣ Зографа; такое же точно значеніе могла бы имѣть и жалоба самого Пономарева, и заявленіе любого частнаго лица. Правильно ли поступилъ мировой судья Малиновскій, настаивая на освобожденіи Пономарева—это вопросъ не имѣющій ни малѣйшаго отношенія къ дѣлу исправника Зографа, и добрая половина аргументаціи „Московскихъ Вѣдомостей“ оказывается совершенно безцѣльной и излишней. Все сводится къ тому, имѣлъ ли исправникъ законное основаніе арестовать Пономарева.*

Замѣтимъ, прежде всего, что московская газета напрасно ведетъ рѣчь объ *одобреніи дѣйствій* г. Зографа его начальствомъ, объ *отправданіи* его губернскимъ правленіемъ. Въ томъ журналѣ губернскаго правленія, на который мы уже ссылались, дѣйствія Зографа прямо названы *неправильными*; изъ другого журнала того же присутственнаго мѣста (документъ тридцать второй, въ № 39) видно, что оно соглашалось даже предать Зографа суду, только не по тѣмъ статьямъ закона, на которыя указывалъ прокуроръ. Не въ пользу Зографа говорить, далѣе, и то обстоятельство, что лицо, выставленное имъ столь вреднымъ и опаснымъ, уже черезъ три мѣсяца послѣ высылки изъ Волчанска получаетъ отъ высшаго административнаго начальства разрѣшеніе пріѣхать туда на одинъ мѣсяцъ, для устройства собственныхъ дѣлъ (документъ десятый—по ошибкѣ занумерованный девятымъ—въ № 32), а менѣе чѣмъ черезъ годъ возвращается окончательно въ прежнее мѣсто жительства (документы двѣнадцатый и тринадцатый, въ № 33). Если въ октябрѣ 1880 г. свободное проживаніе Пономарева въ Волчанскѣ никому и ничему не угрожало, то едва ли оно могло быть такъ страшно въ іюнѣ того же года. „Московскія Вѣдомости“ разсуждаютъ такъ: представленіе исправника о высылкѣ Пономарева изъ Волчанска было уважено генералъ-губернаторомъ,—значить, исправникъ имѣлъ право арестовать Пономарева, и утвержденіе, что Пономаревъ взятъ подъ стражу безъ всякихъ достойныхъ уваженія причинъ, было бы равносильно признанію, что такихъ причинъ не имѣло и распоряженіе генералъ-гу-

бернатора. Логическая несостоятельность этого разсужденія очевидна. Повѣркѣ судебной власти подлежала не правильность представленія и распоряженія о высылкѣ Пономарева, а *правильность его заарестованія*. Чтобы доказать послѣднее, нужно было бы привести законъ, уполномочивающій исправника арестовать лицо, о высылкѣ котораго (не по политическимъ причинамъ) онъ представляетъ. Такого закона, какъ признало и губернское правленіе, нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, не было въ 1880 г.; о примѣненіи къ Пономареву указа 5 апрѣля 1879 г., на который ссылаются „Московскія Вѣдомости“, не могло быть и рѣчи, потому что Пономаревъ въ политической неблагонадежности не обвинялся и не подозрѣвался. Въ постановленіи исправника указанъ еще одинъ поводъ къ арестованію Пономарева—подстрекательство имъ, будто бы, крестьянина Чигрина къ убійству исправника; но это обстоятельство подлежало разслѣдованію судебной власти, по постановленію которой Пономаревъ, при обнаруженіи достаточныхъ къ тому оснований, и могъ быть подвергнутъ предварительному аресту. Итакъ, законныхъ оснований къ лишенію Пономарева свободы исправникъ Зографъ не имѣлъ никакихъ, вслѣдствіе чего преданіе его суду представлялось, съ юридической точки зрѣнія, не только возможнымъ, но и неизбѣжнымъ. Отъ присяжныхъ зависѣло оправдать его, если бы они признали его дѣйствовавшимъ по недоразумѣнію, вслѣдствіе невѣрнаго пониманія своихъ полномочій; обвинительной камерѣ, не рѣшающей дѣла, а только направляющей его, незачѣмъ было даже касаться побужденій, руководившихъ Зографомъ—ей достаточно было установить законный поводъ къ преслѣдованію, предоставляя все остальное судьямъ факта.

Что же доказали „Московскія Вѣдомости“ нѣсколькими десятками столбцевъ, посвященныхъ дѣлу г. Зографа? Онѣ доказали, во-первыхъ, что напечатать множество документовъ—еще не значитъ внимательно ихъ прочесть, правильно понять и вѣрно передать ихъ содержаніе; онѣ доказали, во-вторыхъ, что самое основательное и законное распоряженіе судебной власти можетъ быть превращено, извѣстными руками, въ орудіе тенденціозной полемики противъ новаго суда. Не оправданіемъ, конечно, но объясненіемъ и нѣкоторымъ извиненіемъ подобныхъ превращеній служить органическая неспособность пониманія, обнаруживаемая людьми извѣстной партіи, какъ только заходитъ рѣчь объ отношеніи администраціи къ суду или вообще о предѣлахъ административной власти. Они никакъ не могутъ примириться съ мыслью, что полномочія полиціи не безграничны, что девизъ: „тащить“ и „хватать“—непримѣнимъ, безъ разбора, даже къ

людямъ ни съ какой стороны не привилегированнымъ, что судебная власть обязана охранять личную неприкосновенность всѣхъ и каждаго, насколько она не ограничена примѣнь постановленіемъ закона. Имъ кажется, что вступить за напрасно обиженнаго человѣка—значить его *возвеличить*, что привлечь къ ответственности агента администраціи—значить *оскорбить правительственную власть*. Эти политическія галлюцинаціи—своего рода болѣзнь, опасная, къ сожалѣнію, не для одного только больного.

Показавъ — насколько это было возможно безъ перепечатки цѣликомъ документовъ, безъ наводненія нашей хроники массой мелкихъ деталей,—какъ распорядились „Московскія Вѣдомости“ дѣломъ Зюграфа, мы можемъ оставить безъ вниманія другія вылазки ихъ противъ суда: ab uno disce omnes. Замѣтимъ только, что антагонизмъ между администраціей и судомъ—или, лучше сказать, предосудительную *отпозицію правительству со стороны суда* (sic! См. передовую статью въ № 39 „Московскихъ Вѣдомостей“) газета г. Каткова усматриваетъ даже.... въ области дѣлъ печати, въ той области, которая почти совершенно изъята изъ вѣденія суда! Московскія судебныя мѣста приговорили редактора одной московской газеты („Русскаго Курьера“), за диффамацию, къ небольшому денежному штрафу, редактора другой („Московского Листка“), за то же преступленіе—къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ тюрьмы. Сопоставляя эти два приговора, „Московскія Вѣдомости“ объясняютъ строгость одного и снисходительность другого различіемъ отношеніемъ суда къ направленію обѣихъ газетъ. Полезнымъ, въ глазахъ суда, является „Русскій Курьеръ“, много разъ подвергшійся административнымъ карамъ, вреднымъ—„Московский Листокъ“, формулярный списокъ котораго съ этой точки зрѣнія безупреченъ. Проведя такую параллель, газета приходитъ въ священный ужасъ. „Въ какомъ положеніи,—воскликаетъ она,—должно находится общество, если двѣ власти, въ немъ дѣйствующія, имѣютъ каждая свою политику? Одна власть даетъ предостереженія, другая сажаетъ въ тюрьму. Каково же состояніе общества, если одобряемое одною властью будетъ подвергаться ударамъ другой!“ Въ томъ-то и дѣло, что предметомъ одобренія и осужденія со стороны администраціи и со стороны суда является, въ данномъ случаѣ, вовсе не одно и то же. Столкновеніе между обѣими властями невозможно здѣсь уже потому, что каждая изъ нихъ имѣетъ, по отношенію къ печати, свой особый, замкнутый кругъ дѣйствій. Судъ, за крайне рѣдкими и ничтожными исключеніями, рассматриваетъ дѣла, возбуждаемыя жалобами отдѣльныхъ лицъ на клевету, диффамацию, оскорбленіе ихъ въ печати; администрація, опять-таки за рѣдкими исключеніями, не

контролируетъ отзывы печати объ отдѣльныхъ лицахъ и наблюдаетъ только за сужденіями ея объ общихъ вопросахъ, за политической ея благонадежностью. Отсюда неизбежная разниа въ приемахъ и основаніяхъ оцѣнки. Въ дѣлахъ о клеветѣ и т. п. всего важнѣе опредѣлить, сознательно ли сообщены газетой невѣрные факты, намѣренно ли, и если намѣренно, то съ какой именно цѣлью задѣта ея честь извѣстнаго лица. Разрѣшить этотъ вопросъ по даннымъ, имѣющимся въ дѣлѣ, не всегда возможно—и тогда судъ по необходимости принимаетъ въ расчетъ общій характеръ изданія. Если оно подбираетъ скандалы, живетъ ими, отводитъ первое мѣсто сплетнямъ, анекдотамъ, сенсационнымъ извѣстіямъ, то это даетъ поводъ къ предположенію, неблагоприятному для обвиняемыхъ, и склоняетъ вѣсы въ сторону обвинительнаго, болѣе или менѣе строгаго приговора—и наоборотъ. Безъ презумпцій не обходится и администрація, но у нея онѣ не могутъ не быть иного рода; она также бросаетъ на вѣсы *направленіе* изданія, но самое понятіе о направленіи складывается изъ другихъ элементовъ. Исторія не одной только русской, но и западно-европейской печати, удостовѣряетъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ органы печати, наименѣе осторожныя въ прикосновеніи къ частной жизни, наименѣе разборчивы въ сообщеніи слуховъ и свѣденій, оскорбительныхъ для частныхъ лицъ, отличаются величайшею сдержанностью или даже такъ-называемою благонамѣренностью во всемъ томъ, что имѣетъ сколько-нибудь политическую окраску. Понятно, что они не навлекаютъ на себя административныхъ громовъ—и столь же понятно, что они часто испытываютъ строгость судебной власти. Никакого антагонизма властей здѣсь нѣтъ, а есть только различіе призваній и исходныхъ точекъ, у насъ особенно замѣтное собственно потому, что дѣла о проступкахъ печати, возникающія помимо частныхъ жалобъ, давно перестали поступать на разсмотрѣніе суда. Мы понимаемъ, что служителямъ реакціи хотѣлось бы направить судебныя кары на тѣ же изданія, которыя страдаютъ отъ каръ административныхъ, хотѣлось бы присоединить къ предостереженіямъ арестъ или тюрьму; но не мѣшало бы и имъ понять, что исполненіе этого желанія не зависитъ отъ суда, что смягчая или усиливая наказаніе по масштабу, не имѣющему ничего общаго съ числомъ предостереженій, судъ занимается не „оппозиціей правительству“, а просто отправленіемъ правосудія. Не мѣшало бы также уяснить себѣ и то, что свобода изданія отъ административныхъ каръ еще не равносильна *одобренію* его администраціей. Преслѣдовать газеты, промышляющія сплетнями, администрація не считаетъ нужнымъ,—но это еще не значитъ, чтобы она признавала ихъ

„полезными“, и чтобы судъ, строго карающій ихъ по жалобамъ частныхъ лицъ, дѣйствовать въ разрѣзъ съ намѣреніями и симпатіями правительства. Упустить изъ виду столь простую истину могли только черезчуръ услужливые друзья администраціи.

Большой интересъ представляли пренія по реферату В. О. Люстига объ обезпеченіи судьбы незаконнорожденныхъ дѣтей, происходившія 11-го февраля въ гражданскомъ отдѣленіи петербургскаго юридическаго общества. И въ самомъ рефератѣ, и въ большинствѣ сдѣланныхъ по поводу его замѣчаній, и въ положеніяхъ, принятыхъ обществомъ, отразилась та же свобода отъ формализма и рутины, какъ и въ упомянутыхъ нами, два мѣсяца тому назадъ ¹⁾, преніяхъ объ узаконеніи дѣтей, рожденныхъ внѣ брака. Къ числу положеній, предложенныхъ референтомъ и принятыхъ обществомъ, принадлежитъ допущеніе исковъ объ отысканіи отчества (*recherche de la paternité*)—тѣхъ самыхъ исковъ, которые до сихъ поръ безусловно воспрещены французскимъ закономъ. Предметъ этихъ исковъ — требованіе женщины о признаніи извѣстнаго лица отцемъ рожденнаго ею ребенка; ихъ цѣль — обезпеченіе содержанія ребенка, а иногда и матери. Вполнѣ согласные съ справедливостью и ничуть не противные нравственности, иски объ отцествѣ подрываютъ только одну „основу“, безъ сомнѣнія и не заслуживающую охраны — ту основу, въ силу которой незаконная связь, разрушающая всю будущность женщины, мужчиной во всякое время невозбранно можетъ быть сброшена съ плечъ и забыта, какъ прошлогодній свѣтъ. Защитниками такого „преимущества“ мужчинъ могутъ являться, повидимому, только тѣ, которые сами пользуются или пользовались имъ, да, пожалуй, еще систематическіе враги всего похожего хоть издавна на равноправность мужчинъ и женщинъ. Оказывается, однако, что за французскій девизъ, гласящій коротко и ясно: *la recherche de la paternité est interdite*, стоитъ еще третья категорія приверженцевъ: сонмище юристовъ - буквѣдѣвъ, повторяющихъ хоромъ, вслѣдъ за однимъ изъ героев Бомарше: „la forme, la fo-o-ormel“! Весьма характеристиченъ, съ этой точки зрѣнія, споръ между двумя свѣтилами нѣмецкой юридической науки, подробно разсказанный однимъ изъ оппонентовъ г. Люстига, г. Гедримовичемъ. На одномъ изъ сѣздовъ нѣмецкихъ юристовъ, дѣтъ двадцать тому назадъ, возникъ тотъ самый вопросъ, который занималъ недавно наше юридическое общество. Извѣстный

¹⁾ См. Внутреннее Обзоріе въ № 1 нашего журнала за текущій годъ.

вѣнскій профессоръ Унгеръ (впослѣдствіи австрійскій министръ) признавалъ искъ объ отцествѣ неизбѣжнымъ, въ настоящее время, зломъ — неизбѣжнымъ потому, что за нихъ стоитъ показаніе общественное мнѣніе Германіи, — подлежащимъ, однако, введенію въ возможно-тѣснѣйшія границы; еще болѣе извѣстный Іерингъ выступилъ сторонникомъ противоположнаго взгляда. Главнымъ, почти единственнымъ аргументомъ Унгера была абсолютная невозможность доказать, что отецъ ребенка — именно извѣстное лицо, а не другое. Этотъ аргументъ былъ бы понятенъ, еслибы точность юридическихъ доказательствъ должна была равняться точности доказательствъ математическихъ, еслибы доказать что-нибудь на судѣ — значило бы безусловно и всецѣло устранить всякую возможность сомнѣнія. На самомъ дѣлѣ это не такъ: въ юридической сферѣ сплошь и рядомъ приходится довольствоваться вѣроятностью, ставить *предположенія* на мѣсто *положеній*. Что такое знаменитое правило: *pater est quem iustae nuptiae demonstrant* (отцемъ ребенка, рожденнаго въ законномъ бракѣ, признается мужъ), какъ не предположеніе, совершенно законно возведенное на степень общаго начала? Разница между бракомъ и внѣ-брачною связью состоитъ въ томъ, что для перваго предположеніе объ отцествѣ существуетъ само собою (пока не будетъ доказано противное), а для послѣдней оно должно быть подтверждено данными, доказательная сила которыхъ подлежитъ, на общемъ основаніи, оцѣнѣ суда. Чтобы убѣдиться въ томъ, до какой степени несостоятельно мнѣніе Унгера, достаточно припомнить, что внѣ-брачная связь отличается иногда отъ брачной жизни только отсутствіемъ вѣнчанія, что мужчина и женщина, не соединенные бракомъ, часто живутъ вмѣстѣ по цѣлымъ годамъ, какъ мужъ съ женой, дѣлать горе и радость, общими силами воспитываютъ рожденныхъ въ это время дѣтей. И что же? стоитъ только мужчине покинуть свою фактическую семью, отречься отъ своего прошедшаго, отказаться отъ созданныхъ имъ обязанностей, чтобы сдѣлать безусловно невозможнымъ доказываніе на судѣ кровной связи между нимъ и оставленными имъ дѣтьми? Противъ такого вывода вопіетъ совѣсть, вопіетъ разумъ. Задача юридической науки не можетъ заключаться въ томъ, чтобы игнорировать жизнь и идти въ разрѣзъ съ самыми законными ея требованіями. Въ пользу этихъ требованій и высказался Іерингъ, противопоставляя казуистикѣ Унгера простыя, но неопровержимыя соображенія здраваго смысла. Нашему законодательству, несмотря на всю его строгость и несправедливость къ незаконнорожденнымъ дѣтямъ, понятіе объ отысканіи отчества не чуждо даже въ настоящее время; оно облечено только въ ненор-

мальную, странную форму, требующую от женщины самообвинения въ уголовномъ проступкѣ — проступкѣ, влекущемъ за собою, впрочемъ, только уголовное преслѣдованіе, но не уголовное наказаніе ¹⁾. Какъ бы то ни было, дорога впередъ открыта, и задача гражданского уложенія сводится къ установленію правильнаго по ней движенія. Высказавшись въ пользу такого движенія, юридическое общество доказало еще разъ, что въ нашихъ юридическихъ сферахъ нѣтъ благопріятной почвы для развитія болѣзненно-утонченнаго культа формы.

Въ нынѣшнемъ году исполнится двадцать пять лѣтъ со времени открытія Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (такъ - называемаго литературнаго фонда). Если принять въ соображеніе тѣ условія, при которыхъ оно существовало и существуетъ, дѣятельность его можетъ быть названа далеко не безплодной; оно собрало и распредѣлило между тружениками и инвалидами литературы нѣсколько сотъ тысячъ рублей, облегчило много страданій, обезпечило хоть сколько-нибудь не мало семействъ; но если сравнить его задачи съ достигнутыми имъ результатами, потребности, которымъ оно должно служить, съ средствами для ихъ удовлетворенія, то общій выводъ получится весьма печальный. Литературный фондъ—это посредникъ, съ помощью котораго русское образованное общество можетъ и должно уплатить часть своего громаднаго долга русской литературѣ. Нѣтъ читателя, который не былъ бы обязанъ литературѣ долей своего умственнаго и нравственнаго развитія; нѣтъ читателя, котораго бы она не подарила чистыми, высокими наслажденіями. Ошибочно было бы думать, что между писателями, составляющими нашу славу, и обычными кліентами литературнаго фонда лежитъ какая-то непроходимая пропасть; рано или поздно тайна, окружающая до сихъ поръ лѣтописи фонда, перестанетъ быть необходимой, и русская публика узнаетъ, сколько записано въ нихъ именъ почтенныхъ, дорогихъ и громкихъ. Активными участниками фонда должны сдѣлаться, поэтому, всѣ образованные русскіе люди, обладающіе хотя бы скромнымъ достаткомъ; члены общества должны считаться не сотнями, какъ до сихъ поръ, а тысячами или десятками тысячъ. Только тогда фондъ будетъ имѣть возможность исполнить свое призваніе; только тогда литература перестанетъ насчитывать столько надломанныхъ силъ, столько разбитыхъ существо-

¹⁾ Связь неженатаго съ незамужней подвергается обонхъ, по приговору уголовного суда, церковному покаянію, а если послѣдствіемъ ея было рожденіе дѣтей, то отецъ присуждается къ выдѣлѣ содержанія и имъ, и матери ихъ.

ваній, столько преждевременно погибшихъ или угасшихъ талантовъ. Еслибы литературный фондъ располагалъ ежегодно не 15—20, а 100—200 тысячъ рублей ¹⁾, развѣ были бы возможны такіе факты, какими испещрена обнародованная недавно переписка Достоевскаго? Развѣ общество допустило бы, чтобы высоко-даровитый романистъ изнемогалъ подъ бременемъ непосильной, худо оплачиваемой работы, развѣ оно стало бы ждать отъ него просьбы, чтобы исполнить по отношенію къ нему свой долгъ, чтобы дать ему возможность писать не слѣша, не изъ-за куска хлѣба? Развѣ честный, не лишенный таланта писатель въ родѣ Федорова (Омулевскаго) могъ бы тогда жить и умереть въ бѣдности, граничащей съ нищетою? Пора, въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ читающимъ, образованнымъ русскимъ вспомнить о литературномъ фондѣ и взять на себя легкую повинность аккуратнаго ежегоднаго платежа, ничтожнаго въ сравненіи съ другими расходами, производимыми подъ вліяніемъ моды, тщеславія, привычки. Имена и адреса лицъ, управляющихъ дѣлами фонда, печатаются въ газетахъ ²⁾; достаточно заявить одному изъ нихъ о желаніи применить къ фонду, чтобы быть предложеннымъ и, конечно, выбраннымъ въ члены общества. Хорошо было бы, еслибы юбилейный годъ сдѣлался поворотнымъ пунктомъ въ исторіи учрежденія, вся дѣятельность котораго—исполненіе долга чести русской публики предъ своею же литературой.

Противъ образа дѣйствій комитета литературнаго фонда раздавались иногда порицанія; его обвиняли въ формализмѣ, въ недостаточно живомъ и тепломъ отношеніи къ дѣлу. Не входя въ разборъ этихъ обвиненій—въ послѣднее время, впрочемъ, почти совершенно замолкшихъ—замѣтимъ только одно: выборъ членовъ комитета, а, слѣдовательно, и его направленіе, зависитъ отъ общаго собранія, въ которомъ въ правѣ участвовать каждый членъ общества ³⁾. Кто не-

¹⁾ При десяти рублевомъ взносѣ доходъ въ сто тысячъ рублей требовалъ бы только десять тысячъ плательщиковъ, что вовсе не много для русской читающей публики.

²⁾ На нынѣшній 1884 годъ Комитетъ Литературнаго фонда состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: председатель Общества: Викторъ Павловичъ *Гаевскій* (Литейна, 48); помощникъ председателя: Андрей Александровичъ *Красскій* (Литейна, 38); секретарь: Давидъ Лукичъ *Мордосецъ* (Столярный пер., 6); казначей: Федоръ Федоровичъ *Воропоновъ* (Ивановская, 4).—Члены Комитета: 1) К. К. Арсеньевъ; 2) П. А. Гайдебуровъ; 3) А. Д. Градовскій; 4) Н. К. Михайловскій; 5) А. Н. Пининъ; 6) М. И. Семевскій; 7) А. М. Слабичевскій; 8) Н. В. Шелгуновъ.

³⁾ Члены комитета выбираются изъ двойнаго числа кандидатовъ, предлагаемыхъ самимъ комитетомъ—но выборы становятся совершенно свободными, если общее собраніе выразитъ неодобреніе дѣятельности комитета.

доволенъ комитетомъ, тотъ долженъ, поэтому, не предаваться безплоднымъ сѣтованіямъ, а поступать въ члены общества, являться въ общее собраніе и открыто защищать въ немъ свои желанія и взгляды. Въ пристрастіи, въ тенденціозности, въ покровительствѣ „своимъ“ и игнорированіи „чужихъ“, комитетъ, впрочемъ, никогда подозрѣваемъ не былъ; мы помнимъ случаи, когда онъ отворялъ свои двери именно передъ тѣми, которые всего рѣзче его осуждали. Всегда готовый соединить въ своей средѣ представителей самыхъ различныхъ литературныхъ группъ, онъ не можетъ идти въ этомъ отношеніи такъ далеко, какъ бы слѣдовало, потому что не всѣ литературныя группы представлены въ самомъ Обществѣ. Списокъ членовъ общества представляетъ, съ этой точки зрѣнія, много любопытнаго; мы поговоримъ о немъ въ другой разъ, когда будемъ имѣть въ виду новое, дополненное его изданіе.

Нѣсколько словъ, посвященныхъ нами—въ декабрьской хроникѣ прошедшаго года—одесской городской думѣ, по поводу преній о наименованіи одной изъ одесскихъ площадей „Тургеневскою“, побудили мѣстнаго гласнаго Васили, недовольнаго нашею замѣткой, обратиться въ редакцію съ просьбой о напечатаніи цѣликомъ, по стенографическому отчету, рѣчи, произнесенной имъ въ засѣданіи думы 7-го ноября и напечатанной въ мѣстной официальной газетѣ Одесскаго Градоначальства. Охотно исполняемъ эту просьбу, хотя цѣль ея для насъ не совсѣмъ понятна.

„Я знаю,—сказалъ г. Васили,—что когда замѣчательныя личности литературы, военнаго сословія, общественной дѣятельности и всякихъ другихъ разрядовъ оставляютъ этотъ міръ, то общество воздастъ великія почести умершему. Относительно автора весьма многихъ прекрасныхъ сочиненій И. С. Тургенева, съ которымъ я имѣлъ честь быть весьма коротко знакомымъ въ моей молодости, я былъ очень тронутъ тѣмъ сочувствіемъ, которое было выражено въ нашемъ городѣ. Это высшая честь, которую общество можетъ воздать въ доказательство своего участія къ умершей личности. Но давать имена извѣстныхъ лицъ мѣстностямъ, которыя къ нимъ, собственно, особеннаго отношенія не имѣютъ, это у насъ дѣло совсѣмъ новое. Мы называли Итальянскую улицу Пушкинской потому, что Пушкинъ жилъ на этой улицѣ; нашъ городъ былъ воспитанъ Пушкинымъ; Пушкинъ имѣлъ прямое отношеніе къ нашему городу, и мы очень вѣстатіи сдѣлали, что дали его имя той улицѣ, на которой онъ жилъ. Теперь вопросъ (?), какое отношеніе имѣлъ умершій авторъ Тургеневъ къ нашему городу? Если мы хотимъ воздать ему честь въ качествѣ литератора, то у насъ

есть и другіе литераторы, еще болѣе знаменитые, о которыхъ мы даже не вспоминаемъ; у насъ есть Крыловъ, Гоголь, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ и много другихъ знаменитыхъ литераторовъ; почему же мы ихъ именами не называемъ нѣкоторые изъ нашихъ улицъ? Наконецъ, для того, чтобы дать имя Пушкина одной изъ нашихъ улицъ, мы продали 50 лѣтъ; отчего же мы теперь такъ торопимся? Не лучше ли отложить это дѣло? Всякій литературный трудъ проходить черезъ горнило годовъ, пока общество вполне оцѣнитъ его. Я вполне цѣню всѣ качества и заслуги моего пріятеля ¹⁾, автора Тургенева, но я боюсь, что этимъ предложеніемъ съ нашей стороны мы больше повредимъ, чѣмъ принесемъ пользы, такъ какъ еще сомнительно, будетъ ли утверждено наше рѣшеніе. Мы видимъ, что мы рѣшили назвать одну изъ улицъ Скобелевской, и до сихъ норъ постановленіе наше не утверждено. Я и тогда говорилъ, что если назвать одну изъ улицъ именемъ героя, то вы должны назвать именемъ того героя, который завоевалъ нашъ край—именемъ Суворова. Скобелевъ—герой, но ему до Суворова такъ далеко, какъ до звѣзды небесной; Тургеневъ знаменитый писатель, но ему также далеко до Крылова, Грибоѣдова, Лермонтова, Гоголя, какъ до звѣзды небесной (!). Предложеніе это, какъ я узнаю, сдѣлано г. Перельманомъ. Признаться, я вовсе не подозрѣвалъ, что г. Перельманъ такой цѣнитель и знатокъ нашей литературы, чтобы онъ внесъ такое предложеніе. Но если такъ, тѣмъ лучше; я поздравляю этимъ думу, но вѣстали ли это? Будетъ ли это имѣть то значеніе, которое мы предполагаемъ этому придать? Я вижу, что города даютъ названія, которыя даже смѣшны. Есть въ Петербургѣ Гороховая ул., другая—Подъяческая; есть въ Москвѣ улица—„Курины-ножки“, и т. п. Какъ ни странны эти названія, они все-таки имѣютъ какое-то значеніе въ исторіи города. Теперь мы назовемъ одну улицу „Тургеневскою“, другую—„Гоголевскою“, третью—„Лермонтовскою“ и т. д. Что же это такое будетъ? Въ Петербургѣ есть Румянцевская площадь, которая носитъ это названіе не въ честь лица, а ради монумента, который этому лицу тамъ поставленъ. Слѣдовательно, мы и для Тургенева должны создать монументъ. Я знаю, что въ Парижѣ очень легко мѣняютъ названія улицъ; смотря потому, какое тамъ правительство—такія тамъ назва-

¹⁾ Вотъ ужъ когда Тургеневъ могъ бы сказать вполне справедливо: „любимъ Богъ меня отъ друзей!“—Впрочемъ, благодаря необыкновенному благоумію покойнаго, къ нему дѣйствительно много весьма легко втирались въ дружбу, и онъ потому послѣ себя оставилъ не мало „пріятелей“. Это же самое случилось послѣ смерти Градовскаго, когда явились на сцену его „пріятели“ съ воспоминаніями о немъ; всѣмъ памятенъ отъѣздъ К. Д. Кавелина одному изъ такихъ „пріятелей“, на тему: „для лака нѣтъ великаго человѣка“.

нія даются. Прежде, напр., было „Avenue de l'Impératrice“, а когда воцарилась республика, то называли „Place de la République“. Но какое, спрашивается, значеніе будетъ имѣть эта перемѣна названій для нашего города? Отложимъ мы это дѣло о названіи улицы именемъ Тургенева, по крайней мѣрѣ на 25 лѣтъ. Мы служили по смерти этого писателя панихиду въ залѣ думы, вѣнокъ поставили въ нашей библіотекѣ; все это очень кстати, но называть площадь „Тургеневской“ я нахожу теперь неумѣстнымъ. Въ такомъ случаѣ назовите „Грибоѣдовской“, „Крыловской“, „Гоголевской“ и т. д. Для русскаго народа и русскаго литературнаго Крыловъ имѣетъ гораздо большее (II) значеніе, чѣмъ Тургеневъ; у насъ по Крылову дѣти учатся, а по Тургеневу они не учатся (зато учатся взрослые, конечно, не всѣ). Крыловъ есть учитель нашего народа; такъ назовите прежде улицу „Крыловской“, а потомъ будете говорить о „Тургеневской“. Больше я ничего сказать не могу“.

Впрочемъ, и этого довольно. Все то, что было приписано нами г. Базилу со словъ „Новостей“, оказывается на лицо въ этой рѣчи. Чѣмъ же, собственно говоря, остался недоволенъ г. Базилъ, противъ чего онъ хотѣлъ протестовать, какую истину хотѣлъ возстановить? Или, можетъ быть, онъ желалъ заявить еще разъ, черезъ посредство нашего журнала, что онъ былъ въ молодости „весьма коротко знакомъ“ съ Тургеневымъ, что онъ „высоко цѣнить всѣ качества и заслуги своего пріятеля, автора (!?) Тургенева“? Въ такомъ случаѣ ему слѣдовало бы вспомнить, что честию можетъ считаться не самый фактъ знакомства или даже мимоустной дружеской пріязни съ великимъ писателемъ, а умѣнье извлечь изъ этого знакомства по меньшей мѣрѣ пониманіе „заслугъ и качествъ“, служащихъ источникомъ литературной славы. Насколько г. Базилъ обладалъ такимъ умѣньемъ, объ этомъ свидѣлствуетъ его фраза, что „Тургеневу далеко до Крылова, какъ до звѣзды небесной“; свидѣлствуетъ также его вопросъ: „какое отношеніе имѣлъ умершій авторъ Тургеневъ къ нашему городу?“ „У насъ по Крылову дѣти учатся, а по Тургеневу они не учатся“, воскликнулъ г. Базилъ и доказалъ этимъ восклицаніемъ только одно — что онъ ничему не научился не только *по Тургеневу* но и *отъ Тургенева*, во время того знакомства, о которомъ онъ счелъ нужнымъ повѣдать міру.

Закончимъ нашу хронику указаніемъ на фактъ слишкомъ мало замѣченный, но какъ нельзя болѣе заслуживающій подражанія. Редакторы двухъ выходящихъ въ Петербургѣ медицинскихъ журналовъ (гг. Манассеинъ и Святловскій) согласились предоставить разборъ

возникшихъ между ними недоразумѣній суду чести, въ составъ котораго вошли К. Д. Кавелинъ, И. М. Сѣченовъ и С. И. Чирьевъ. Разборъ этотъ привелъ къ тому, что обѣ стороны—какъ сказано въ напечатанномъ протоколѣ суда—„взяли назадъ всѣ обвиненія и рѣшили на будущее время вести полемику исключительно на научной почвѣ“. Можно ли представить себѣ что-нибудь лучшее, чѣмъ подобный результатъ? Сколько пререканій и перебранокъ могло бы быть предупреждено или прекращено такимъ же путемъ, къ великой пользѣ и чести для литературы! Журнальная полемика законна и необходима, пока она не переходитъ въ личные счеты; на этой последней почвѣ она теряетъ всякую *raison d'être*, потому что до обвиненій личнаго свойства читающей публикѣ нѣтъ никакого дѣла. Положить имъ конецъ или дать имъ правильную оцѣнку можетъ только судъ—и, притомъ, преимущественно судъ чести, свободный отъ всякихъ формальностей и стѣсненій, знающій журнальную обстановку и литературные нравы, облеченный полнымъ довѣріемъ обѣихъ сторонъ. Возвести обращеніе къ суду чести, въ дѣлахъ извѣстнаго рода, на степень нравственной обязанности литераторовъ, значило бы уничтожить всякій поводъ къ судебнымъ между ними процессамъ, далеко не такъ быстро и не такъ вѣрно достигающимъ цѣли. Само собою разумѣется, что это можетъ сдѣлать только обычай, постепенно развивающійся и укореняющійся, а не какой-нибудь извнѣ навязанный порядокъ.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

По поводу письма въ редакцію П. А. Висковатаго.

Въ февральской книгѣ журнала (стр. 867) мы помѣстили полученное нами письмо профессора въ дерптскомъ университетѣ П. А. Висковатаго, съ сообщеніемъ стиховъ, найденныхъ имъ въ альбомѣ, начала 30-хъ годовъ, принадлежавшемъ баронессѣ Гюгель, урожденной Верещагиной, двоюродной сестрѣ и другу поэта Лермонтова. Подъ этимъ восьмистишіемъ стоитъ подпись: „А. Пушкинъ“—и „эта надпись,—сообщалъ намъ г. Висковатый,—очевидно принадлежитъ самому поэту“; даже само „восьмистишіе, кажется, тоже писано его рукою, но только тщательнѣе обыкновенныхъ, извѣстныхъ снимковъ съ его почерка“.—И несмотря на все то, приходится теперь считать

въ этомъ дѣлѣ загадочнымъ только одно: какимъ образомъ у Верещагиной въ альбомѣ могло быть написано и даже подписано рукою Пушкина переводное стихотвореніе, принадлежавшее, какъ оказывается, собственно Козлову; притомъ, въ альбомѣ Верещагиной (1830—1833 г.) оно появилось раньше, нежели въ печати, въ собраніи сочиненій Козлова. Въ изданіи этихъ сочиненій 1833-го года, этого стихотворенія еще нѣтъ; оно явилось впервые въ слѣдующемъ, 1834-мъ году, и затѣмъ повторилось и въ посмертномъ—1840 года. Хотя это стихотвореніе названо у Козлова переводомъ съ португальскаго, но оно собственно было переведено имъ съ англійскаго, изъ Байрона, который взялъ чужую таму, португальскую (from the Portuguese). Въ напечатанномъ у насъ текстѣ, по альбому Верещагиной, есть лишь небольшія отмѣны противъ перевода Козлова, который былъ положенъ и на музыку Даргомыжскимъ (романсъ: „Привѣтъ“), но съ измѣненіемъ начального стиха. Варіантъ альбомнаго текста доказываетъ, конечно, только то, что онъ былъ тамъ записанъ по памяти кѣмъ-то, имѣвшимъ случайно сходный почеркъ съ Пушкинымъ, и по ошибкѣ той же памяти — приписанъ писавшимъ то восьмистишіе въ альбомѣ—Пушкину.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Хроника петербургских театровъ, съ конца 1856 до начала 1881 г. Состав. А. И. Воляфа. Ч. III. Спб. 1884. Ц. 1 р. 50 к.

Оправдывая вполне название „хроника“, труд г. Воляфа действительно может служить лучшим справочным являю по истории русской сцены за два послѣднихъ царствованія; настоящей и послѣдний выпускъ завершаетъ работу, предпринятую авторомъ еще въ 1877 г. Во главѣ выпуска помѣщенъ характерный, при всей своей краткости, очеркъ исторіи театральной администраціи за самый послѣдній ея періодъ (1856—1881 гг.). Здѣсь, конечно, нѣтъ ничего особенно новаго для пережившихъ эту эпоху; но все это въ свое время было предметомъ однихъ разговоровъ въ обществѣ и передавалось устно отъ одного другому; — въ печати же это является теперь впервые, такъ какъ до закона 1865 г. говорить въ газетахъ о театральной дирекціи можно было не иначе, какъ съ ея же разрѣшенія. Многое въ этомъ очеркѣ и многими похвѣляется въ наше время даже мало вѣроятнымъ, почти баснословнымъ, — но это только потому, что намъ приходится теперь узнавать правду заднимъ числомъ.

Очерки исторіи украинской литературы XIX-го столѣтія. Н. И. Петрова. Киевъ, 1884. Ц. 3 р.

Авторъ, отмѣтивъ въ началѣ предисловія крайности господствующихъ точекъ зрѣнія на характеръ и значеніе нашей украинской литературы, и недостатокъ спокойнаго историческаго изученія ея фактовъ, предлагаетъ такое нѣкое излеченіе какъ вѣрнѣйшее средство, чтобы „развѣять Гордіевъ узелъ запутанныхъ отношеній между обими отраслями русской литературы“, великорусской и малорусской, а вмѣстѣ рѣшить вопросъ: имѣетъ ли послѣдняя для себя будущность? Трудно сказать, въ какой степени этотъ почтенный трудъ окажетъ свое содѣйствіе къ достиженію выше поставленныхъ цѣлей; но во всякомъ случаѣ, даже и тѣ, которые уже извѣстны знакомы съ литературою нашей Украины, найдутъ въ „Очеркахъ“ проф. Н. И. Петрова новую точку зрѣнія на общій ходъ развитія украинской литературы нынѣшняго вѣка; авторъ старается въ своемъ трудѣ обиліею данныхъ отношенія украинской литературы къ Россіи и къ Польшѣ, какъ положительныя, такъ и отрицательныя, но подѣ преобладающимъ вліяніемъ великорусской литературы. Въ отношеніи вѣннѣмъ, авторъ слѣдуетъ такой системѣ изложенія: сначала онъ представляетъ общій обзоръ извѣстнаго періода украинской литературы, а затѣмъ обзоръ жизни и дѣятельности каждаго писателя, запечатлѣваемаго собою характеръ этого періода.

Иллюстраціи къ „Занескамъ сумасшедшаго“. Н. В. Гоголя. Изд. К. Шапиро. Спб. 1883.

Давно существовали обычай предлагать публикѣ фотографическіе снимки знаменитыхъ артистовъ и артистокъ, не какъ нѣкіе личные портреты, а какъ изображенія ихъ въ той или другой роли, въ соответствующемъ костюмѣ и гримировкѣ, и въ позѣ, выражающей какой-нибудь важнѣйшій моментъ классической пьесы. Г-нъ Шапиро сдѣлалъ ничто подобное, но въ другомъ направленіи: онъ избралъ одного изъ

выдающихся современныхъ артистовъ, г. Андреева-Бурлака, и при чтеніи нѣк. „Занескамъ сумасшедшаго“ уловилъ 29 крупнѣйшихъ моментовъ, съ особенно сильнымъ выраженіемъ лицъ думящихъ движеній, и фотографическимъ способомъ увековѣчилъ ихъ на бумагѣ. Мысль весьма счастливая и полезная, притомъ, и исполненная превосходно: благодаря такому способу, изучающій искусство мимики можетъ имѣти всегда предъ глазами предметы своего наблюденія, какъ натуралистъ имѣетъ подобное въ своихъ препаратахъ. Но для такой цѣли, конечно, было бы желательнѣе получить голову въ большемъ размѣрѣ, чтобы легче видѣти движенія личныя мускуловъ, хотя бы при этомъ и пришлось пожертвовать общему позой всего тѣла, — что менѣе важно.

Соціальный недугъ. Къ вопросу о проституціи и о пріютахъ св. Магдалины. Г. Дальтона. Спб. 1884. Стр. 90.

Брошюра почтеннаго г. Г. Дальтона наставляетъ, къ сожалѣнію, всего болѣе на томъ, противъ чего никто не споритъ, а именно, что проституція есть величайшее зло; о пріютахъ же св. Магдалины, ихъ устройствѣ и средствѣхъ къ тому—говорится въ брошюрѣ очень мало, да и то въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Средствомъ противъ проституціи авторъ считаетъ только одно: примѣненіе къ нарушителямъ седьмой заповѣди такого же наказанія, какое полагается нарушителямъ заповѣди: „не убій“, и закрытіе извѣстныхъ домовъ, самый надзоръ за которыми онъ считаетъ только покровительствомъ разврата и привилегіей его. Очевидно, что авторъ не убѣдился примѣромъ Берлина въ пятидесятыхъ годахъ, гдѣ, водѣ вліяніемъ господствовавшего тогда ханжества, была запрещена проституція, и вслѣдствіе того—она разлилась тайно по всему городу. Брошюра весьма вѣрно называетъ этотъ недугъ „соціальнымъ“, а въ такомъ случаѣ и борьба съ нимъ должна быть перенесена изъ области возвышенныхъ и хорошихъ фразъ на болѣе низменную, но зато практическую почву общихъ вѣропріятій къ улучшенію соціальнаго быта общества.

Хлѣвъ настоящий. Н. Неплюева. Москва, 1883. Стр. 157. Ц. 2 рубл.

Описанію пріюта, учрежденнаго г. Неплюевымъ для бѣдныхъ мальчиковъ въ вѣстечкѣ Янпольѣ (терганагоской губерніи), неизвѣстно для чего предпосланы сличкомъ общія разсужденія автора о воспитаніи, о хлѣбѣ матеріальномъ и духовномъ,—разсужденія, блекнущія болѣе хорошими напѣвными, чѣмъ содержательностью или новизною. Вторая часть книги могла бы быть прочитана не безъ интереса, еслибы была сведена къ разряду обыкновенной газетной корреспонденціи.

Война въ Туркменіи. Походъ Скобелева въ 1880—81 гг. Томъ III. Н. И. Гродекова. Спб. 1883. Стр. 295 и 55. Ц. 2 р. 50 к.

Настоящій, предпослѣдній томъ обнимаетъ собою исторію экспедиціи и передвиженія колоннъ въ второй половинѣ 1880 г., и ослѣпляютъ штурмомъ Денгайле, вѣданаго 12 января 1881 г. Четвертый и послѣдній томъ находится въ печати.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

на 1884 г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

Годъ: Полгода: Четверть:

Годъ: Полгода: Четверть:

Безъ доставки . . . 15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	} Съ пересылкою . . . 17 > — > 10 > 6 >
Съ доставкой . . . 16 > — > 9 >	5 >		
			За-границей . . . 19 > — > 11 > 7 >

Нумиръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за-границей — 3 руб.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается—въ Петербургѣ: въ Глазной Конторѣ журнала «Вѣстникъ Европы» въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Мелле, на Невскомъ проспектѣ;—въ Москвѣ: при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мос у; Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—Иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и **ОБЪЯВЛЕНІЯ** для напечатанія въ журналѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣщаетъ вполне за точную и своевременную доставку городскихъ подписчикамъ Глазной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые вналози подписную сумму на почтѣ въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) доуцелена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородние доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногороднихъ въ городскіе—50 коп.; и изъ городскихъ или иногороднихъ въ иностранное—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы вносятся исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Вислѣты на полученіе журнала вносятся особо тѣмъ изъ иногороднихъ, которые прилагаютъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Спб., Галерная, 20.

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 4-я.

АПРѢЛЬ, 1884.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Издательство

Digitized by Google

КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ, 1884.

- I.—ИЗЪ СЫРОКОМЛИ.—I. Предъ статуей рыцаря.—II. Пѣсня жнецов.—III. По-
дражаніе Горациа.—IV. Дѣти Гомера.—V. Стасье.—В. П.—скан. 417
- II.—РИХАРДЪ ВАГНЕРЪ.—Биографическій очеркъ.—III-IV.—Окончаніе. — П. А.
Трифопова 443
- III.—БЕЗЪ МУЖЕЙ.—Повѣсть.—I-III.—П. Д. Боборыкина 459
- IV.—ВЪ ГОРСКИХЪ ОБЩЕСТВАХЪ КАБАРДЫ.—Изъ путешествія Всес. Маллера
и Макс. Ковалевскаго. 466
- V.—КОНСТАНТИНЪ АКСАКОВЪ.—1817-1860.—II.—Окончаніе.—А. Н. Пынина 483
- VI.—ПОЛЕВАЯ ПОЧТА, во время войны 1877-78 гг.—Изъ воспоминаній.—I-VIII.—
В. Д. Кренке 494
- VII.—ЖИЛКА.—Изъ рассказовъ о золотѣ.—XX-XXVI.—Окончаніе.—Д. В. Маминъ 501
- VIII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Скорбь.—II. Всталъ онъ бодрый.—Н. Минского 523
- IX.—БЕЛИНДА.—Романъ, соч. Роды Браунтонъ.—IX-XIV.—Съ англ.—А. Э. 529
- X.—РУССКІЕ БЕЛЛЕТРИСТЫ НОВАГО ПОКОЛѢНІЯ.—М. Альбовъ: Повѣсти.—
К. Варандевъ: Повѣсти и рассказы.—К. К. Арсеньева 536
- XI.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Предостереженіе, данное предъ-
дателямъ общественныхъ собраній.—Временныя правила о публичныхъ библіо-
текахъ и кабинетахъ для чтенія. — Новый фазисъ полемики о судѣ присяж-
ныхъ.—Заключеніе оберъ-прокурора по дѣлу Мельницкихъ въ сенатѣ.—Проектъ
новыхъ правилъ о питейной торговлѣ.—С.-Петербургское юридическое обще-
ство 573
- XII.—ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ АРТЕЛИ, ихъ организація и практика.—Н. Червинскаго 590
- XIII.—ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.—Саратовъ.—Н. П. 596
- XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Князь Бисмаркъ о парламентѣ.—Личная по-
литика и ея слабости. — "Дѣло" о Ласкерѣ въ германскомъ и американскомъ
парламентахъ.—Новая партія о свободомыслящихъ.—Рѣчи кляндера о сво-
бодѣ и социализмѣ.—Рабочій кризисъ во Франціи. — Политическій процессъ
въ Норвегіи.—"Международный журналъ" г. Де-Губернатиса 630
- XV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Основаніе классификаціи государствъ, Н. Зе-
рева.—Теорія денежнаго обращенія, Н. Н. Коссовскаго.—Д. С.—Живописная
Россія, пер. П. П. Семенова, т. XI.—Очеркъ изъ исторіи Тамбовскаго края,
И. Н. Дубасова.—Похвала глупости, Эразма Роттердамскаго, перев. А. Бу-
личникова.—А. П. 647
- XVI.—ЗАМѢТКА.—По поводу "Открытаго письма" г. Златовратскаго.—А. Н. Пынина 656
- XVII.—ПО ДѢЛУ МЕЛЬНИЦКИХЪ.—Письмо въ редакцію.—Ф. 672
- XVIII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Двѣнадцатая передвижная выставка. —
Картина г. Рѣпина: "Не ждали"; портреты г. Ярошенко.—Вопросъ о направ-
леніи въ живописи.—Шпильгагенъ въ Петербургѣ 678
- XIX.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Полное собраніе стихотвореній Н. А. Не-
красова, въ одномъ томѣ. — Реальный словарь классической древности, Фр.
Любкера, пер. В. Модестова.—Исторія реформачи въ Польшѣ, Н. Любича.
—Устройство плотинъ, Д. Д. Неелова.—По вопросу о мѣрахъ противъ наво-
дствъ, О. Н. Половинкова.—Законы о гражданскихъ договорахъ, В. П. Фарма-
ковскаго.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала "Вѣстникъ Европы" въ 1884 г. см. ниже, на оборотѣ.

APR 26 1884

ИЗЪ СЫРОКОМЛИ

1.

ПРЕДЪ СТАТУЕЙ РЫЦАРЯ.

Въ золотыхъ ходили племахъ
Наши предки въ стары годы;
У потомковъ обѣдѣвшихъ
Завелись другія моды:

Нынче мозгъ мы свой спѣсивый
Прикрываемъ мишурою,
Но за золото умѣемъ
Выдавать ее порою;

Грудь отважную, бывало,
Защищаль доспѣхъ изъ стали,
А теперь всѣ чувства сердца
Мы въ желѣзо заковали.

Рыцарь мечъ носилъ тяжелый;
Времена теперь другія:
Мы кинжалъ во взглядѣ носимъ,
А въ усмѣшкѣ — стрѣлы злыя.

Да, теперь вооруженье
Легче стало — нѣту слова!
Но, пожалуй, ближнихъ больше
Истребляетъ рыцарь новый...

2.

ПѢСНЯ ЖНЕЦОВЪ.

Высится боръ нашъ надъ всѣми борами,
Первый нашъ дворъ между всѣми дворами;
Ходить нашъ панъ въ златолитомъ кафтанѣ,
Въ шелкъ и парчу убирается пани;
Смотрить царицей красавица наша,
Слугъ у ней много, домъ полная чаша.
Панъ нашъ сіяетъ межъ всѣми панами,
Словно алмазъ межъ простыми камнями;
Наша деревня въ пять верстъ долиною,
Панскія нивы въ сто верстъ шириною
Рожью, пшеницею, всѣмъ-то богаты!
Прямо волосы стоять, что солдаты...
Эхъ, какъ открылась война у насъ злая!
Рать вдругъ на насъ наступила большая:
Войско пшеницы, еще войско жита!
Рать эта мощная нами побита.
Долго мы дрались съ своими врагами,
Долго и дружно махали серпами;
Воиновъ всѣхъ мы забрали въ неволю
Ни одного не оставили въ полѣ...
Вотъ, послѣ битвы пойдемъ къ господину,
Скажемъ ему такую новину:
Сжали мы хлѣбъ твой, въ снопы повязали,
Всласть наработались и приустали!
Щедрую панъ наградить насъ рукою,
Медъ и вино тутъ польются рѣкою:
Станетъ самъ панъ пировать со жнецами,
Чарокъ не мало осушить онъ съ нами!

3.

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ.

Quem tu, Melpomene, semel
Nascentem placido lumine videris...

Какъ только ты, Муза, кого осѣдлаешь,
Не быть ужъ тому человѣкомъ, шалишь!
Смѣяться разучится тотъ и, какъ филинъ,
Полюбить пустыню, свободу и тишь.

И славой его вы не сманите съ печи,
Куда онъ мечтать залѣзаетъ порой;
Въ театрѣ, на балы и на рауты ваши
Поэтъ одичалый уже ни ногой.

За то облюбуетъ онъ въ полѣ мѣстечко
И, вверхъ животомъ растянувшись тамъ,
Голодный бѣднякъ не устанетъ гоняться
За риемой упрямой по цѣлымъ часамъ.

О, Муза, ты голосъ порой соловьиный
Даешь индюку... ты божественный звукъ
Подчасъ извлекаешь изъ лыковой дудки...
Увы, изъ твоихъ мнѣ не вырваться рукъ!

О, Муза, тебѣ я обязанъ и славой,
И тѣмъ, что нѣтъ гроша въ моемъ кошелькѣ,
И тѣмъ, что утратилъ я мыслить способность
И вѣкъ щеголяю въ худомъ сюртукѣ!

4.

ДѢТИ ГОМЕРА.

О, Боже мой, какъ доля тяжела поэта!
Онъ вѣритъ каждому, всѣхъ полюбить готовъ,
И, жертва вѣчная коварства злого свѣта,
Напоминаетъ онъ ягненка средь волковъ.
Вѣдь мы, поэты, всѣ—довѣрчивы, какъ дѣти,

А люди хитры такъ!.. подобно паукамъ,
 Они коварные намъ всюду ставятъ сѣти:
 Мы мухъ невинныхъ... какъ не попасться намъ?
 И въ дружбѣ, и въ любви—вездѣ притворство, Боже!
 Собратья, слушайте совѣта моего:
 Зажмуримъ мы глаза и притворимся тоже,
 Что дальше носа мы не видимъ ничего;
 Что въ дружбу и любовь еще цѣла въ насъ вѣра,
 И козней мы людскихъ никакъ не разглядимъ...
 Нашъ славный праотецъ, Гомеръ, вѣдь былъ слѣпымъ;
 Такъ будемъ же и мы всѣ слѣпы—въ честь Гомера!

5.

СЧАСТЬЕ.

«Счастья, счастья мнѣ!» несется вопль изъ каждой груди...
 Все богатство, власть и славу расхватили люди:
 Каждый ловить свое счастье, лишь бы гдѣ попалось!
 Я вѣдь тоже братъ вашъ, люди; что же мнѣ осталось?
 Вы все золото и славу раздѣлили дружно,
 То, что цѣнится такъ вами, мнѣ совсѣмъ не нужно;
 Все возьмите и ступайте вы своей дорогой...
 Но и мнѣ оставьте, братья, счастья хоть немного!
 Мои грезы, мои пѣсни—вотъ моя вся радость!
 Слезы тихія порою, вдохновенья сладость,
 Воля, солнце, да хоть искра теплаго участя—
 Вотъ и все, что въ этомъ мірѣ нужно мнѣ для счастья.
 Положивъ на сердце руку, говорю я свѣту:
 Въ этомъ сердцѣ чувства злобы и корысти нѣту;
 Всѣмъ прощаю, всѣхъ готовъ я заключить въ объятя,
 Такъ за что же я отсюду слышу лишь проклятыя?
 Пусть я гость неприхотливый на житейскомъ пирѣ,
 Все-жъ и мнѣ хоть каплю счастья нужно въ этомъ мірѣ;
 Люди, вы мою дорогу терніемъ устлали,
 Грезы лучшія убили, сердце истерзали!
 И за то, что не хожу я вашими путями,
 Вы меня готовы злобно закидать камнями.
 Ваши терны ранять больно... льются мои слезы...
 Гдѣ-жъ награда за страданья, гдѣ же мои розы?
 Всѣ онѣ отъ бурь погибли при своемъ разцвѣтѣ,

А и мнѣ хоть крошку счастья нужно вѣдь на свѣтѣ!
Пить хочу—вдругъ громъ зловѣщій грянетъ надо мною;
Думать—мысль толпа разсѣетъ пошлой суетою;
Если мнѣ блеснетъ порою рѣдкій мигъ отрады —
Люди скромное веселье уничтожить рады...
Имъ смѣшны мои порывы къ истинѣ и свѣту
И простить они не могутъ гордому поэту,
Что возвышенной мечтою онъ паритъ надъ міромъ
И не хочетъ поклоняться жалкимъ ихъ кумирамъ.
Вѣрьте, люди, не хочу я золота и власти,
Пусть на вашемъ пышномъ пирѣ мнѣ не будетъ части;
Только дара сладкихъ пѣсенъ я прошу у Бога;
Знаетъ онъ: и мнѣ, вѣдь, счастья нужно хоть немного...

В. Н—ская.

РИХАРДЪ ВАГНЕРЪ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

- Richard Wagner's Leben und Werken in sechs Büchern, dargestellt von Carl Fr. Glasenapp. Neue Ausgabe. 2 Bände. Leipzig, Breitkopf und Härtel. 1882.
 - Richard Wagner, von Richard Pohl. Leipzig, Breitkopf und Härtel. 1883.
 - Richard Wagner, sein Leben und seine Werke, von Wilhelm Tappert. Elberfeld, S.-Lucas. 1883.
 - Gesammelte Schriften und Dichtungen von Richard Wagner. 10 Bände. Leipzig E. W. Fritsch. 1871—1883.
-

О к о н ч а н і е.

Ш *).

Весной 1852 г., Вагнеръ принялся за литературную часть задуманныхъ имъ трехъ драмъ съ прологомъ, которыя должны были составить большую трилогію: «Кольцо Нибелунговъ». Одна изъ драмъ: «Смерть Зигфрида» была написана еще въ 1848 г.; теперь же онъ написалъ сперва «Молодой Зигфридъ», потомъ «Валкирію» и, наконецъ, «Золото Рейна». Весь этотъ трудъ былъ оконченъ въ какіе-нибудь 7 — 8 мѣсяцевъ. Вагнеръ назвалъ свое произведеніе «Bühnenfestspiel» ¹⁾ и въ началѣ 1853 г. отпечаталъ его на собственныя средства, но не пускалъ въ продажу, а раздавалъ только «своимъ друзьямъ». Эти друзья Вагнера, которымъ была задана весьма трудная задача найти сред-

*) См. вышс: мартъ, 46 стр.

¹⁾ Въ буквальный переводъ: сценическое торжественное представленіе.

ства для выполненія колоссальнаго плана, положительно недоумѣтали, какимъ путемъ удовлетворить желанія требовательнаго автора «Нибелунговъ». Францъ Листъ, казалось, нашелъ возможность осуществить задуманное Вагнеромъ предпріятіе, и съ этою цѣлью проектировалъ учрежденіе въ Веймарѣ по подпискѣ національной преміи въ память Гёте, причемъ въ планъ свой ввелъ условіе обязательнаго исполненія на сценѣ увѣнчаннаго премією произведенія, рассчитывая, что такая премія будетъ присуждена именно за Вагнеровскихъ Нибелунговъ. Но планъ его не удался; веймарское правительство не согласилось на тѣ громадныя издержки, которыя предвидѣлись при выполненіи этого плана.

Между тѣмъ, Вагнеръ принялся за музыку къ Нибелунгамъ; въ концѣ 1853 г. онъ началъ партитуру «Золото Рейна» и, окончивъ ее въ маѣ 1854 г., принялся за «Валкирію». Но эта партитура подвигалась не такъ успѣшно, такъ какъ работа была прерываема другими занятіями. Въ январѣ 1855 г., Вагнеръ переделалъ свою увертюру «Фаустъ», написанную еще въ Парижѣ въ 1840 г.; затѣмъ былъ занятъ постановкой въ Цюрихѣ «Тангейзера», и, наконецъ, въ концѣ февраля того же года уѣхалъ въ Лондонъ, по приглашенію лондонскаго филармоническаго общества, дирижировать симфоническими концертами. Въ Лондонѣ Вагнеръ встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны англійской прессы, но тѣмъ не менѣе благополучно довелъ всю серію 8-ми концертовъ до конца и, въ концѣ іюля возвратясь въ Цюрихъ, снова отдался композиціи.

Въ серединѣ 1857 г., у него были окончены: вся опера «Валкирія» и два акта «Зигфрида»; но на этомъ онъ и остановился. Вопросъ, какъ достигнуть задуманнаго имъ предпріятія въ исполненіи «Нибелунговъ» — все еще не былъ разрѣшенъ, и потому, въ ожиданіи болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ, Вагнеръ рѣшилъ на время отложить свою колоссальную работу, пока задумалъ написать оперу меньшихъ размѣровъ и принять удобную для постановки на всякой сценѣ. Для этого онъ выбралъ сюжетъ «Тристанъ и Изольда»; но прежде чѣмъ приняться за новую работу, онъ хотѣлъ быть дальновиднымъ и заранѣе выяснить, гдѣ можно будетъ поставить оперу и непосредственно подъ собственнымъ своимъ управленіемъ. Вскорѣ оказалось, что это можетъ удасться въ Карлсруэ, гдѣ директоръ придворнаго театра былъ расположенъ къ Вагнеру и надѣялся хлопотать для него разрѣшеніе возвратиться въ Германію. Тогда только Вагнеръ принялся за «Тристана и Изольду» и

зимою 1857 г. все либретто и музыка къ 1-му акту были окончены. Второй актъ онъ писалъ въ Венеціи, куда переселился съ разрѣшенія австрійскихъ властей въ августѣ 1858 г. Въ Венеціи онъ оставался до конца марта 1859 г., переѣхавъ оттуда, во время безпорядковъ, начавшихся въ Ломбардіи, въ Люцернъ, гдѣ и окончилъ свою новую оперу, посвятивъ ее великой герцогинѣ Луизѣ Баденской, принимавшей въ немъ благосклонное участіе. Былъ уже назначенъ день перваго исполненія «Тристана» въ Карлсруэ, и Вагнеръ не сомнѣвался, что къ тому времени онъ получитъ амнистію; но ни пѣвцы, ни оркестръ не могли справиться съ представляемыми этой оперой трудностями и отказались отъ исполненія.

Между тѣмъ, Парижъ продолжалъ оставаться завѣтной мечтой Вагнера, и онъ не покидалъ надежды, что рано или поздно, такъ или иначе, ему удастся добиться постановки своихъ оперъ на какой-нибудь парижской сценѣ. Съ этою цѣлью онъ ѣздилъ въ Парижъ въ началѣ 1858 г., но тогда, какъ и прежде, ему ничего не удалось устроить. Однако, Вагнеръ былъ не такой человѣкъ, чтобы отказаться отъ задуманнаго предпріятія; поэтому, окончивъ «Тристана», онъ снова ѣдетъ въ Парижъ и располагается тамъ на болѣе продолжительное время. Въ Парижѣ онъ скоро нашелъ друзей и поклонниковъ и, вѣроятно, благодаря ихъ стараніямъ въ нѣмецкихъ и французскихъ журналахъ появились извѣстія о скорой постановкѣ «Тангейзера» на сценѣ Ларическаго театра. Результатомъ этого было то, что директоръ названнаго театра лично явился къ Вагнеру, чтобы познакомиться съ «Тангейзеромъ» и условиться относительно его исполненія. Одинъ изъ парижскихъ друзей Вагнера, молодой докторъ Гасперини, сообщаетъ объ этомъ посѣщеніи слѣдующее: «Au moment au j'ouvrais la porte du salon, Wagner se débattait avec le formidable finale du second act: il chantait, il criait, il se démenait, il jouait des mains, des poignets, du coude, il écrasait les pédales, il broyait les touches» etc. Директоръ театра ужаснулся музыки «Тангейзера» и отказался отъ своего благого намѣренія.

Въ то же время въ нѣкоторыхъ парижскихъ газетахъ начали появляться нападки на Вагнера: его называли «terrible révolutionnaire», «Marat de la musique» и т. п. На эти нападки Вагнеръ отвѣчалъ въ «Europe artiste» слѣдующими строками: «Одиннадцать лѣтъ какъ я изгнанъ изъ Саксоніи и слѣдовательно изъ всей Германіи. Съ того времени, на чужбинѣ, я написалъ двѣ оперы; изъ нихъ одна, «Ловигринъ», исполняется съ успѣхомъ въ Германіи, но я, однако, еще не слышалъ ее.

Я прїѣхалъ во Францію, чтобы насколько возможно исполнять мою музыку передъ нѣкоторыми друзьями. Я избѣгаю шума и рекламы. Я, чужеземецъ и изгнанникъ, ожидалъ отъ Франціи гостепріимства и дружескаго пріема. Меня называютъ «Маратомъ музыки». Мои произведенія не имѣютъ такихъ разрушительныхъ тенденцій; даже изгнавшій меня король позволяетъ исполнять мои оперы въ своей столицѣ и выказываетъ имъ одобреніе. Французская пресса могла бы подождать, пока не явится возможность судить обо мнѣ иначе, чѣмъ только со словъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ газетъ. Я не желаю ничего другого, какъ только безпристрастія». — Эту возможность непосредственнаго сужденія о его произведеніяхъ Вагнеръ доставилъ очень скоро. Въ январѣ и февралѣ 1860 г. онъ устроилъ въ Парижѣ три концерта, исключительно изъ своихъ произведеній, по одной и той же программѣ для всѣхъ трехъ концертовъ, сопровождавшихся полнѣйшимъ успѣхомъ. Часть прессы отнеслась къ Вагнеру съ одобреніемъ, но многіе музыкальные критики жестоко нападали на его произведенія, указывая на бѣдность музыкальнаго изобрѣтенія, бѣдность ритма, мелодіи и т. д. «Если это настоящая музыка, — писалъ критикъ газеты *Siècle*, — то я предпочитаю ненастоящую, какъ лучшую». — «Вагнеръ великій музыкантъ! — писалъ критикъ *Ménestrel*'я; — но его тенденціи достойны сожалѣнія. Пятьдесятъ лѣтъ подобной музыки, и музыка погибнетъ, потому что здѣсь убита душа музыки — мелодія». — «Вагнеръ пишетъ музыку безъ мелодіи, безъ ритма, безъ формы; онъ пренебрегаетъ всѣми до сего времени употребляемыми комбинаціями» — писали въ «*Messager des théâtres*». Въ такомъ же родѣ были и другіе отзывы, изъ которыхъ наибольшее значеніе, имѣлъ, конечно, отзывъ Берліоза, какъ представителя новѣйшаго направленія. Берліозъ отзывался о произведеніяхъ Вагнера весьма сдержанно, указывая во многихъ мѣстахъ бѣдность и недостатокъ музыки, и закончилъ свою статью разборомъ направленія «музыки будущности», проведя очень тонко и остроумно ту мысль, что если музыка будущности будетъ слѣдовать Вагнеровскому направленію, то онъ, Берліозъ, торжественно отъ нея отрекается.

Вскорѣ послѣ этихъ концертовъ Вагнеру улыбнулось счастье, и онъ достигъ осуществленія завѣтной мечты: послѣдовалъ приказъ самого императора Наполеона немедленно поставить «Тангейзера» въ *Académie impériale de musique*; это повелѣніе Вагнеръ выхлопоталъ черезъ графиню Меттернихъ, которая была въ очень близкихъ отношеніяхъ съ императрицей. Тотчасъ было приступлено къ переводу либретто «Тангейзера» на французскій

языкъ, и лѣтомъ 1860 г. должны уже были начаться репетиціи оперы. Всѣ требованія Вагнера, въ силу императорскаго повелѣнія, исполнялись на широкую ногу; по его указанію были приглашены изъ Германіи превосходные пѣвцы и пѣвицы и законтрактованы на продолжительное время за весьма крупную сумму вознагражденія. Дирекція оперы не щадила издержекъ на постановку Тангейзера. Вагнеръ торжествовалъ; онъ поручилъ перевести на французскій языкъ либретто всѣхъ своихъ оперъ, и въ витринахъ книжныхъ магазиновъ красовалось новое изданіе подъ заглавіемъ: «Quatre poèmes d'operas traduits en prose française, précédés d'une lettre sur la musique». Въ это же время была получена давно ожидаемая Вагнеромъ амнистія, которою онъ тотчасъ же воспользовался для короткаго посѣщенія своей жены, лечившейся на водахъ въ Германіи, и въ концѣ августа былъ уже опять въ Парижѣ для наблюденія за ходомъ репетицій своей оперы.

Въ январѣ 1861 г., началась въ парижской прессѣ ажитация, направленная противъ Вагнера и его оперы. Всякое даже самое ничтожное обстоятельство, сколько-нибудь касающееся «Тангейзера» или его автора, служило поводомъ въ жестокимъ газетнымъ нападеамъ. Особенно благодарнымъ въ этому матеріаломъ послужилъ процессъ въ Palais de justice Вагнера съ однимъ изъ переводчиковъ либретто Тангейзера; много шуму и толковъ надѣлало быстро распространившееся извѣстіе о томъ, что приглашенные изъ Германіи специально для Вагнеровской оперы артисты отказались пѣть вновь написанныя для нихъ партіи. Точно также преслѣдовали Вагнера за его настойчивыя старанія непремѣнно самому дирижировать при исполненіи Тангейзера; онъ ходатайствовалъ объ этомъ у самого императора, но получилъ безусловный отказъ, такъ какъ его желаніе противорѣчило правиламъ парижской Большой Оперы. Каждое такое обстоятельство безцеремонно осмѣивалось на сценахъ Folies dramatiques, Variétés и другихъ театровъ; въ Bouffes Parisiens была поставлена пародія на «Тангейзера», написанная редакторомъ Charivari А. Вольфомъ, съ музыкой Оффенбаха.

Все это вмѣстѣ подготавливало публику далеко не въ пользу Вагнера. 13 марта 1861 г., состоялось первое исполненіе Тангейзера въ присутствіи императорскаго двора, при переполненномъ публикой театрѣ. Съ перваго же акта начались свистки, шумъ, и, что самое опасное въ Парижѣ для новыхъ произведеній, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ остротъ, сказанныхъ вслухъ по поводу происходящаго на сценѣ, въ различныхъ частяхъ

театральной залы раздался громкій смѣхъ, почти неумолкавшій въ продолженіе всего представленія. Въ 3-мъ актѣ послѣ молитвы Елисаветы, превосходно исполненной Маріей Саеъ и романса Вольфрама, публика сосредоточила-было вниманіе на музыкѣ; но при появленіи Тангейзера въ одеждѣ пилигрима, кто-то сказалъ вслухъ: «Epcoge un pèlerin!» и взрывъ хохота былъ отвѣтомъ на это замѣчаніе. Послѣ окончанія спектакля безуспѣшно старались поклонники Вагнера вызвать автора; сильное шиканье и свистки покрывали ихъ крики и аплодисменты. «Тангейзеръ» потерпѣлъ полнѣйшее фіаско. Всѣ парижскіе журналы и газеты отоввались объ оперѣ Вагнера враждебно. «Les français ont gagné tout de batailles, y compris celle de mercredi dernier à l'Opéra»... «Il fallait presque n'être pas français pour ne pas rire!»—подобными восклицаніями сопровождалась рецензія о первомъ представленіи «Тангейзера». Сюжетъ, детальныя сцены, музыка, все подвергалось жестокому осмѣянію и порицанію. Приговоръ Берлиоза на этотъ разъ заключался въ молчаніи. Второе представленіе произошло при такихъ же оппозиціонныхъ манифестаціяхъ; напрасно императоръ и императрица, бывшіе въ театрѣ и этотъ разъ, и вмѣстѣ съ ними вся высшая аристократія, старались своими одобреніями поддержать оперу; рѣзкіе свистки заглушали всѣ аплодисменты. Въ третій разъ Тангейзеръ былъ данъ, по требованію Вагнера, не въ абонементный день, а въ воскресенье, когда театръ посѣщается болѣе разнообразной публикой, причемъ по его же настоянію было объявлено въ афишахъ что это «послѣднее» исполненіе; но ничего не помогло, всѣ три акта сопровождалась такимъ шумомъ, что съ трудомъ довели оперу до конца. Тогда Вагнеръ подалъ директору Большой Оперы заявленіе (25 марта 1861 г.) съ требованіемъ возвратитъ ему партитуру Тангейзера. Подобнымъ требованіемъ дирекція была поставлена въ большое затрудненіе; въ скандалахъ, сопровождавшихъ исполненіе Тангейзера, она видѣла величайшій успѣхъ и рассчитывала нѣсколькими подобными спектаклями возвратитъ произведенныя на постановку затраты, достигавшія до 250,000 ф. Но Вагнеръ настоялъ на своемъ требованіи и въ скоромъ времени уѣхалъ изъ Парижа.

Вагнеръ возвратился въ Германію, но и тамъ его положеніе было весьма неопредѣленное. Дирекціи театровъ опасались его личнаго вмѣшательства въ театральныя дѣла, боялись его «большихъ претензій и его невозможныхъ задачъ». Попытки Вагнера пристроиться въ Карлсруэ или въ Веймарѣ, въ качествѣ придворнаго капельмейстера, тоже не увѣнчались успѣхомъ. Однако,

двѣ сцены, именно въ Вѣнѣ и въ Карлсруэ, желали поставить его оперу «Тристанъ и Изольда», до сихъ поръ еще нигдѣ неисполнявшуюся, и на этомъ Вагнеръ сосредоточилъ все свое вниманіе. Въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей въ Парижѣ, онъ писалъ въ ноябрѣ 1861 г.: «въ настоящій моментъ у меня только одна вещь передъ глазами: мой «Тристанъ», и для меня не существуетъ никакого другого интереса». Въ Карлсруэ за недостаткомъ соотвѣствующихъ исполнителей пришлось отказаться отъ постановки «Тристана»; въ Вѣнѣ же были очень хорошіе пѣвцы и превосходный оркестръ, и тамъ уже состоялись оркестровыя репетиціи подъ управленіемъ Вагнера, но продолжительная болѣзнь перваго тенора, которому была поручена главная роль, заставила отложить представленіе «Тристана» на неопредѣленное время. Нѣсколько разъ возобновлялъ Вагнеръ репетиціи «Тристана» и довелъ ихъ числомъ до 76; но все-таки опера не попала въ репертуаръ и, кажется, совсѣмъ не исполнялась въ Вѣнѣ. Въ 1-й разъ опера «Тристанъ и Изольда» была исполнена въ Мюнхенѣ 1865 г., затѣмъ въ семидесятыхъ годахъ была поставлена въ Веймарѣ и въ Берлинѣ; вообще же эта опера исполнялась менѣе, чѣмъ всѣ другія.

Причина малаго распространенія «Тристана и Изольды» заключается не только въ трудности музыкальнаго исполненія вообще всей оперы ¹⁾ и особенно двухъ главныхъ партій (теноръ и сопрано почти несходящія со сцены въ продолженіе всѣхъ 3-хъ актовъ), но главнымъ образомъ вслѣдствіе крайней несклонности либретто. Дѣйствительно, трудно найти другое оперное либретто, которое бы менѣе удовлетворяло требованіямъ драматическаго театральнаго представленія, какъ по сюжету, такъ и по своей разработкѣ. Весь сюжетъ ²⁾ заключается въ томъ, что Тристанъ убилъ короля Ирландіи Морольда, а его наслѣднику Изольду, заманивъ какимъ-то образомъ на корабль, онъ везетъ къ своему дядѣ королю корнваллійскому Марку, которому онъ прочитъ ее въ жены. Изольда, чтобы отомстить Тристану и избавиться отъ предстоящаго насильственнаго брака, рѣшается отравить его и себя; но ея наперсница подноситъ вмѣсто яда «любовный напитокъ», чудесное дѣйствіе котораго проявляется моментально, и, влюбившіеся другъ въ друга, несчастные Тристанъ и Изольда изнываютъ въ продолженіе всѣхъ 3-хъ длинныхъ актовъ, пока не

¹⁾ Оставляемъ названіе „опера“, хотя Вагнеръ называлъ это произведеніе „Handlung in drei Aufzügen“.

²⁾ Заимствованъ Вагнеромъ изъ средневѣковыхъ романовъ „Круглаго Стола“, но совершенно имъ переделанъ.

умирають въ неудовлетворенныхъ томленіяхъ любви. И герой, и героиня оперы, и всё ихъ окружающія и дѣйствующія лица — невозможныя существа, способныя въ одно и то же время и на всякое преступленіе, и на доблестныя поступки. Движенія, дѣйствія въ оперѣ никакого; она вся состоитъ изъ длиннѣйшихъ запутанныхъ разсказовъ и не менѣе длинныхъ любовныхъ изліяній; такъ, напримѣръ, знаменитый любовный дуэтъ въ этой оперѣ заключаетъ ни больше, ни меньше, какъ 464 строки стиховъ, да еще казихъ стиховъ! Выписываемъ для образца:

Isolde.

Doch uns're Liebe,
Heisst sie nicht Tristan
Und—Isolde?
Diess süsse Wörtlein: und,
Was es bindet,
Der Liebe Bund,
Wenn Tristan stürb',
Zerstört' es nicht der Tod?

.

Beide.

Du Isolde,
Tristan ich,
Nicht mehr Tristan,
Nicht Isolde;
Ohne Nennen,
Ohne Trennen,
Neu Erkennen,
Neu Entbrennen;
Endlos ewig
Ein-bewusst:

и т. д.

Всякій въ правѣ относиться къ оперѣ «Тристанъ и Изольда» со всею строгостью, именно въ виду того, что она написана послѣ тѣхъ теоретическихъ сочиненій Вагнера, въ которыхъ онъ, въ самыхъ подробныхъ деталяхъ, разработалъ вопросъ объ условіяхъ музыкально-драматическаго произведенія. Въ своихъ трактатахъ Вагнеръ держалъ знамя очень высоко и въ разборахъ чужихъ произведеній высказывалъ самую строгую требовательность; онъ проповѣдывалъ, что всё стремленія искусства должны быть направлены къ созданію наиболѣе совершеннаго произведенія для театра, и порицалъ величайшихъ поэтовъ за ихъ драмы, написанныя исключительно для чтенія. Но удачно подмѣчая слабыя стороны другихъ, онъ очень снисходительно относился къ самому себѣ и не замѣчалъ, что либретто его «Тристана» ни малѣйшимъ образомъ не удовлетворяло требованіямъ сценическаго

дѣйствія, а по своему невозможному содержанію, по массѣ самыхъ нелогическихъ ситуаций и вообще по всей своей фактурѣ гораздо хуже поруганныхъ имъ либретто «Гугенотовъ» или «Пророка».

Если разсматривать «Тристана» съ музыкальной точки зрѣнія, то тоже должно придти къ весьма неутѣшительнымъ выводамъ, хотя партитура этой оперы доказываетъ превосходную музыкальную технику, и въ каждомъ ея тактѣ видна опытная рука большого мастера, замѣчательно легко владѣющаго громаднымъ гармоническимъ матеріаломъ и ловко употребляющаго свой небольшой мелодическій запасъ. Да оно и понятно: ранѣе «Тристана» были написаны не только разсмотрѣнныя выше оперы, но также и большая часть «Нибелунговъ», такъ что было на чемъ, какъ говорится, набить руку. Сравнивая эту оперу съ предъидущими Вагнеровскими произведеніями, найдемъ, что въ «Тристанѣ» декламационный стиль выдержанъ гораздо строже, безъ всякихъ уступокъ въ пользу эффектности ансамблей, отъ которыхъ Вагнеръ не могъ еще вполне освободиться въ «Лоэнгринѣ». Въ этомъ отношеніи Тристанъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ это первая опера, написанная въ совершенно новомъ направленіи, — опера, въ которой композиторъ избѣгнулъ какихъ бы то ни было заменутыхъ музыкальных формъ, подчиняя музыку только ходу и развитію драматическаго дѣйствія и содержанію текста либретто. Идея вполне рациональная, прямо ведущая къ осуществленію того идеала музыкально-драматическаго произведенія, о которомъ Вагнеръ писалъ въ своемъ теоретическомъ сочиненіи «Опера и Драма». Посмотримъ же какъ выполнилъ Вагнеръ эту задачу, чего онъ достигъ.

Въ общемъ свойства музыки «Тристана» тѣ же, какъ и въ «Тангейзерѣ» и въ «Лоэнгринѣ», т. е. интересныя до известной степени въ гармоническомъ отношеніи, и бѣдныя въ мелодическомъ. Богатыя гармоніи разбросаны повсюду въ изобиліи, но какъ-то безцѣльно; въ одномъ мѣстѣ онѣ скучиваются цѣлыми массами, а въ другомъ въ нихъ чувствуется недостатокъ, мѣстами онѣ поражаютъ своею смѣлостью, свѣжестью, оригинальностью, мѣстами же являются избитыми до пошлости. Въ мелодическомъ отношеніи «Тристанъ» представляетъ самое безотрадное явленіе. Вокальныя партіи рѣдко имѣютъ хотя сколько-нибудь опредѣленную красивую мелодію; большею частью это непѣвучія, можно сказать, анти-музыкальныя послѣдованія звуковъ, неимѣющія никакой характерности, никакой выразительности; весь тѣматическій матеріалъ, въ общемъ весьма скудный, распределенъ по преимуществу въ оркестрѣ, гдѣ онъ окрашивается

гармоническими и контрапунктическими комбинаціями и эффектной инструментальной; пестрые звуковыя оркестровыя сочетанія непрерывно слѣдуютъ другъ за другомъ, смѣняются, чередуются, сменяются одно на другое, какъ будто въ чему стремятся; по слуху ихъ, напрасно ждешь, чтобы они во что-нибудь разрѣшались, — они продолжаютъ идти все дальше и дальше, и неуловимыя, неопредѣленные, сливаются въ общемъ въ какую-то безформенную, безхарактерную, ничего не выражающую безконечную мелодію — «unendliche Melodie», которую такъ восхваляютъ поклонники Вагнера. Въ этой безконечной оркестровой мелодіи человѣческому голосу предоставлена самая незначительная роль, върѣе, никакой роли; ничтожныя въ музыкальномъ отношеніи вокальныя фразы, состоящія при томъ же преимущественно изъ хроматическихъ послѣдованій звуковъ, не имѣютъ никакого значенія. Одинъ очень авторитетный музыкантъ-композиторъ и виртуозъ рассказывалъ, что однажды во время исполненія одной изъ оперъ цикла «Нибелунговъ» одна изъ участвующихъ пѣвицъ охрипла и не могла пѣть; замѣнить ее чѣмъ-нибудь тоже оказалось невозможнымъ, тѣмъ не менѣе опера была доведена до конца и никто не замѣтилъ, что потерявшая голосъ пѣвица не пѣла, а только открывала ротъ и артикулировала. Рассказъ мало правдоподобный, но не дурно характеризующій, до какой степени ничтожны вокальныя партіи въ операхъ Вагнера, въ которыхъ оркестровая безконечная мелодія совершенно поглощаетъ человѣческій голосъ. Понятно, что вниманіе слушателей сосредоточивается на существеннѣйшей части оперы — на оркестрѣ, а не на второстепенной, предоставленной пѣвцамъ и пѣвицамъ; эти послѣднія не могутъ бороться съ оркестромъ, и то, что они поютъ, проходитъ безслѣдно, не оставивъ никакого впечатлѣнія. Но если значеніе вокальных партій сведено такимъ образомъ до нуля, то, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ и всякое значеніе текста либретто, въ смыслѣ сценической драмы. Основной принципъ, высказанный Вагнеромъ въ его теоретическихъ трактатахъ, заключается въ томъ, что въ драматическо-музыкальномъ произведеніи драма должна представлять цѣль, а музыка служить ей только средствомъ выраженія. Согласно съ этимъ принципомъ и была задумана и написана партитура «Тристана». Но что же оказалось въ результатѣ: полнѣйшее противорѣчіе основному принципу, такъ какъ въ то, что должно служить цѣлью — драма совершенно поглощена музыкой, и притомъ музыкой, задуманной только какъ средство выраженія, слѣдовательно лишенной своего самостоя-

тельного значенія и тѣхъ факторовъ, которые обуславливаютъ красоту и достоинство абсолютной музыки. Если Вагнеръ вполнѣ основательно признавалъ ошибкой все направленіе опернаго жанра, вслѣдствіе котораго драма постоянно приносилась въ жертву абсолютной музыкѣ, то самъ онъ впалъ еще въ большую ошибку: онъ отказался отъ художественныхъ преимуществъ абсолютной музыки, принося ихъ въ жертву драмѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ погубилъ, уничтожилъ и самую драму.

Нѣмцы вообще очень пристрастно относятся къ произведеніямъ Вагнера, и Р. Поль, Л. Поль и др. превозносятъ «Тристана», находя его мастерскимъ произведеніемъ по выразительности стиля, по силѣ страстности и по глубинѣ музыкальной характеристики,—произведеніемъ, въ которомъ Вагнеръ выказалъ Бетховенское (?) могущество симфонической музыки въ примѣненіи къ драмѣ и достигъ осуществленія идеала драматическаго декламационнаго стиля. Но нѣкоторые смотрятъ болѣе здраво; такъ, напримѣръ, извѣстный музыкальный критикъ Эд. Гансликъ объ оркестровомъ вступленіи (Vorgpiel) «Тристана» отзывался такъ: «Безотрадная музыка, если вообще это — музыка» ¹⁾. Г. Дорнъ признавалъ «Тристана» совершенно неудавшимся произведеніемъ. Эд. Шелле писалъ въ 1865 г. изъ Мюнхена (гдѣ въ первый разъ исполнялся «Тристанъ») въ вѣнскую газету «Presse»: «либретто во всѣхъ отношеніяхъ—абсурдъ, музыка, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей—продуктъ обезсиленной, болѣзненной фантазіи».

Послѣ неудачъ съ постановкой «Тристана» на вѣнской сценѣ, Вагнеръ уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ написалъ либретто новой оперы: «Нюрнбергскіе пѣвцы» (Die Meistersinger von Nürnberg); вскорѣ онъ опять возвратился въ Германію и поселился на Рейнѣ близъ Майнца, посвящая все свое время партитурѣ новой оперы. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ путешествій; сначала онъ ѣдетъ въ Франкфуртъ-на-Майнѣ дирижировать «Лоэн-гриномъ»; даетъ большіе концерты въ Вѣнѣ и въ Прагѣ и, наконецъ, въ концѣ февраля 1863 г., ѣдетъ въ Россію по приглашенію петербургскаго филармоническаго общества. Въ Петербургѣ, въ мартѣ того года, онъ далъ съ полнѣйшимъ успѣхомъ три концерта, въ которыхъ исполнилъ 3-ю и 5-ю симфоніи Бетховена и цѣлую массу отрывковъ изъ всѣхъ своихъ оперъ, включая сюда «Валкирію» и «Зигфрида». Въ Москвѣ онъ устроилъ тоже три концерта, по такой же программѣ и съ та-

¹⁾ „Geschichte des Concertwesens“ Т. II, стр. 294.

кимъ же успѣхомъ, какъ въ Петербургѣ. Продолжая путешествовать, онъ давалъ концерты въ Пештѣ, въ Карлсруэ, Бреславлѣ и опять въ Вѣнѣ и въ Прагѣ. Въ этихъ концертахъ Вагнеръ знакомилъ публику съ отрывками своихъ еще нигдѣ неисполнявшихся оперъ «Тристана» и «Нибелунговъ»; этимъ воспользовались его противники и не замедлили указать ему непоследовательность, связывающуюся въ исполненіи въ концертахъ отрывками тѣхъ самыхъ произведеній, для которыхъ онъ, еще такъ недавно, требовалъ особенной, специально для нихъ построенной сцены; его упрекали, что онъ измѣнилъ своимъ собственнымъ принципамъ, отрекся отъ нихъ и успѣшнымъ исполненіемъ своихъ новыхъ произведеній въ концертахъ явно доказалъ ихъ несценичность.

Не видя особеннаго успѣха въ своихъ предпріятіяхъ, Вагнеръ рѣшился опять пустить въ ходъ оставленныхъ «Нибелунговъ». «Воззваніе къ друзьямъ», помѣщенное въ предисловіи приватнаго изданія его четырехъ драмъ не помогло; теперь же онъ захотѣлъ попробовать другой путь и съ этою цѣлью издалъ въ 1863 г. свои драмы вновь, что составило объемистую книгу, которую онъ предназначилъ въ публичную продажу. Въ предисловіи къ этому изданію Вагнеръ еще разъ изложилъ свой планъ, упоминалъ объ особомъ театрѣ для торжественныхъ представленій (Bühnenfestspielhaus) и о проектированномъ имъ скрытомъ оркестрѣ. Онъ объяснялъ, что не отказался отъ своего плана, но конечно теперь не долженъ думать дожить до его осуществленія. Поэтому даже является вопросъ, найдетъ ли онъ досугъ и желаніе, чтобы окончить свое громадное произведеніе, остановившееся на «Зигфридѣ». На помощь соединенныхъ стараній любящихъ искусство друзей, онъ болѣе не надѣется, ему можетъ помочь только какой-нибудь германскій принцъ, основавъ для осуществленія его плановъ учрежденіе, которое имѣло бы неизмѣримо-громадное вліяніе на развитіе нѣмецкаго художественнаго вкуса (deutschen Kunstgeschmack) и нѣмецкаго художественнаго гения. «Найдетъ ли такой принцъ?» — спрашиваетъ Вагнеръ въ концѣ своего предисловія.

«Такой принцъ» скоро нашелся: это былъ восемнадцатилѣтній король Баваріи Людвигъ II. Впечатлительный, мечтательный юноша давно уже былъ горячимъ поклонникомъ Вагнера и, прочитавъ его послѣднее воззваніе къ нѣмецкому принцу, далъ себѣ слово не оставлять этого воззванія безъ отвѣта. Неожиданная смерть отца доставила ему возможность отвѣтить гораздо скорѣе, чѣмъ онъ могъ предполагать; 10 марта 1864 г. онъ

вступилъ на престолъ, и первое его государственное повелѣніе заключалось въ томъ, что онъ отправилъ гонца немедленно розыскать Вагнера. Приѣхавъ въ Мюнхенъ въ апрѣлѣ 1864 г., Вагнеръ, благодаря милостямъ и слѣпому довѣрію къ нему юнаго короля, нашелъ не только обезпеченное положеніе, но и полную возможность осуществленія своихъ предпріятій. Онъ поселился вблизи лѣтней резиденціи короля въ Штарнбергѣ (Starnberg) на красивомъ берегу озера, гдѣ король подарилъ ему виллу, и здѣсь первыми продуктами Вагнеровскаго творчества явилось восхваленіе короля въ напыщенныхъ стихахъ: «Dem königlichen Freunde» ¹⁾; затѣмъ посвященная королю же партитура «Huldigungsmarsch», и наконецъ весьма глубокомысленное разсужденіе: «Ueber Staat und Religion» ²⁾, написанное, какъ видно изъ вступленія, вслѣдствіе желанія короля баварскаго узнать, измѣнились ли вообще, и какъ именно, взгляды Вагнера на государство и религію. Однако, хотя всѣ обстоятельства складывались, казалось, весьма благопріятно, тѣмъ не менѣе Вагнеръ видѣлъ, что для осуществленія своихъ плановъ ему придется выдержать трудную борьбу. Весьма вліятельныя, оппозиціонныя правительству партіи относились къ королевскому фавориту крайне недружелюбно, подозрѣвая его вредное вліяніе на юношу-короля. Также и пресса не выказывала особеннаго расположенія къ Вагнеру, и даже вліятельнѣйшая «Аугсбургская Всеобщая газета», двадцать уже лѣтъ сочувственно относившаяся къ «партіи Тангейзера», начала проявлять къ нему холодность и равнодушіе.

Въ началѣ осени 1864 г., Вагнеръ получилъ отъ короля особенное порученіе окончить музыку «Кольца Нибелунговъ», что, конечно, было равносильно обѣщанію выстроить особый театръ для исполненія этого произведенія, по плану, задуманному Вагнеромъ. Съ этою цѣлью былъ приглашенъ архитекторъ Готфридъ Земперъ изъ Цюриха, и, составленный имъ по указаніямъ Вагнера, проектъ временнаго театра былъ одобренъ королемъ; но требовавшіеся для выполненія этого проекта значительные расходы встрѣтили такую оппозицію и вызвали такую ожесточенную газетную бурю, что король долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Вслѣдъ затѣмъ Вагнеръ написалъ «Докладъ Е. В. королю Людвигу II Баварскому объ имѣющей быть основанной въ Мюнхенѣ нѣмецкой музык. школѣ» ³⁾.

¹⁾ См. Ges. Schrift. v. Wagner. T. VIII, стр. 1.

²⁾ Тамъ же, стр. 7—37.

³⁾ Тамъ же, т. VIII, стр. 159—219.

Въ этомъ докладѣ находится много дѣльныхъ, основательныхъ идей о цѣляхъ, въ которыхъ должно стремиться изученіе музыки, но въ общемъ докладъ сводился къ подготовленію исполнителей «музыки будущности», или, другими словами, Вагнеровскихъ произведеній, и къ подчиненію всего музыкальнаго образованія одной тенденціи, считаемою непогрѣшимой; въ видахъ сего послѣдняго предполагалось всѣ частныя музыкальныя школы въ королевствѣ подчинять высшей школѣ, направленіе и тенденція которой должна быть признана въ государствѣ господствующей. Докладъ этотъ разсматривался въ назначенной для того комиссіи (Вагнеръ, Бюловъ, Лахнеръ и Риль) и въ первомъ же засѣданіи признанъ «непригоднымъ», какъ требующій слишкомъ большихъ расходовъ.

Практическую дѣятельность въ Мюнхенѣ Вагнеръ началъ съ исполненія «Моряка-Севтальца» (4 декабря 1864 г.). Затѣмъ начались приготовленія къ постановкѣ оперы «Тристанъ и Изольда», для чего были приглашены на главные роли супруги Шноръ и въ качествѣ дирижера Гансъ фонъ-Бюловъ. Въ апрѣлѣ 1865 г. опера была разучена, декорации готовы, и Вагнеръ не упустилъ случая прокричать на всю Европу о постановкѣ своей оперы. Съ этою цѣлью было напечатано въ Вѣнѣ въ «Wiener Botschafter» открытое письмо Вагнера къ редактору газеты; приводимъ наиболѣе выдающіяся мѣста этого достойнаго вниманія письма: «Истинное для меня счастье,—писалъ между прочимъ, Вагнеръ,—что насъ соединяетъ давнишняя дружба; иначе я не зналъ бы, къ какому прибѣгнуть средству для сообщенія далеко разбѣяннымъ друзьямъ моего искусства (Freunde meiner Kunst) о томъ, что имъ, въ близкомъ будущемъ, дѣйствительно предоставленъ будетъ случай дожить до исполненія «Тристана и Изольды». — «Эти спектакли, — которыхъ въ настоящее время будетъ, быть можетъ, только три, — должны быть разсматриваемы какъ празднества искусства, (Kunstfeste), на которыя я позволяю себѣ пригласить близкихъ и дальнихъ друзей моего искусства... Мой милостивѣйшій покровитель желаетъ, чтобы это многозначительное исполненіе не было бы простымъ удовлетвореніемъ обычнаго любопытства, а послужило бы единственно серьезнѣйшимъ интересамъ моего искусства; поэтому я уполномоченъ разослать приглашенія на эти исполненія всюду, какъ бы ни было далеко, гдѣ только мое искусство приобрѣло себѣ сердца (sich Herzen gewann)» и т. д. Реклама эта удалась какъ нельзя лучше; на исполненіе «Тристана», состоявшееся въ іюнѣ 1865 г. въ числѣ только четырехъ представленій съѣзжались въ Мюнхенъ

со всѣхъ концовъ Европы многочисленныя друзья и поклонники Вагнера. Ограничиться только торжественными исполненіями и не дѣлать оперу репертуарной было преднамѣреннымъ, обдуманнѣмъ маневромъ, съ цѣлью возбудить интересъ и понудить другія сцены къ скорѣйшей постановкѣ «Тристана»; но расчетъ не удался. «Тристанъ» много лѣтъ не давался ни на одной сценѣ: три раза онъ былъ возобновляемъ въ Мюнхенѣ, затѣмъ въ 1874 г. былъ поставленъ въ Веймарѣ, и въ 1876 г. въ Берлинѣ.

Между тѣмъ, мѣстная пресса все болѣе и болѣе нападала на Вагнера, обличая его въ полученіи отъ щедротъ короля весьма значительныхъ денежныхъ пособій. Приглашеніе въ Мюнхенъ Бюлова въ качествѣ дирижера, вслѣдъ затѣмъ назначеніе двухъ пріятелей Вагнера, Петра Корнелиуса изъ Вѣны и Фридриха Шмидта изъ Лейпцига, преподавателями мюнхенской консерваторіи, и неожиданная отставка директора консерваторіи послужили поводомъ къ обвиненію Вагнера въ стараніяхъ замѣнить своими приверженцами тѣхъ, въ которыхъ онъ встрѣчалъ оппозицію своимъ предпріятіямъ. Нападали также на его домашнюю жизнь и осмѣивали его привычки, сообщая въ газетахъ о его роскошной квартирѣ и о частыхъ переѣздахъ за-ново драпировки, мебели и т. п. для того будто бы, чтобы вся окружающая его обстановка могла бы вызывать именно то настроеніе духа, которое ему необходимо въ данную минуту для композиторскихъ работъ; сообщали также о его безчисленныхъ шелковыхъ плафромахъ всевозможныхъ цвѣтовъ и рисунковъ, о его древнегерманскихъ бареттахъ свѣтлоглубого или кроваво-краснаго цвѣта. Подобныя нападки достигли апогея въ статьѣ «R. Wagner und die öffentliche Meinung», напечатанной въ Аугсбургской газетѣ; статья имѣла характеръ публичнаго обвиненія и вызвала возраженіе Вагнера приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Я пережилъ то, что въ Лондонѣ и въ Парижѣ газеты безжалостно осмѣивали мои произведенія и тенденціи, что мои оперы осмѣивали въ театрѣ; но въ первый разъ приходится переживать, чтобы моя личность, мой характеръ, мои индивидуальныя качества и домашнія привычки оскорбительнѣйшимъ образомъ подвергались публичному позору тамъ, гдѣ моимъ произведеніямъ удивляются, гдѣ моимъ поэмамъ и сочиненіямъ придаютъ серьезнѣйшее значеніе». Цѣль, однако, была достигнута, агитація противъ Вагнера распространилась во всемъ обществѣ. Закрытіе мюнхенской консерваторіи и рѣшеніе короля основать школу музыки и драматическаго искусства, согласно проекту Вагнера,

содѣйствовало еще болѣешему противъ него ожесточенію, достигшему такихъ размѣровъ, что король, сколько ни ссорился съ министрами изъ-за своего фаворита, но въ концѣ-концовъ, 1 января 1866 г., долженъ былъ согласиться на временное удаленіе его изъ королевства.

Вагнеръ уѣхалъ сначала въ Швейцарію, и затѣмъ, послѣ непродолжительнаго путешествія по южной Франціи, поселился близъ Люцерна и принялся за окончаніе оперы: «Нюрнбергскіе Мастерзингеры». Въ началѣ марта 1867 г., Вагнеръ по приглашенію короля Людвигъ пріѣхалъ въ Баварію, чтобы руководить репетиціями по приготовлявшейся «образцовой» постановкѣ «Лоэнгрина» на мюнхенской сценѣ. Хотя возбужденіе мюнхенцевъ противъ Вагнера, послѣ его удаленія, нѣсколько стихло, тѣмъ не менѣе онъ считъ лучшимъ поселиться въ окрестностяхъ Мюнхена, пріѣзжая въ городъ только на репетиціи; наканунѣ же перваго исполненія своей оперы, состоявшагося 16 іюня, уѣхалъ обратно въ свое люцернское убѣжище, предоставивъ Бюлову пожинать лавры за вполне мастерское исполненіе Лоэнгрина.

Но и живя въ Швейцаріи, Вагнеръ отлично выполнялъ всѣ свои задуманные планы. Въ своемъ проектѣ объ учрежденіи «Высшей музыкальной школы» въ Мюнхенѣ, онъ трактовалъ, между прочимъ, о необходимости создать особый органъ печати для проведенія и огражденія извѣстныхъ тенденцій. Въ октябрѣ 1867 г. состоялось открытіе проектированной музыкальной школы, директоромъ которой назначенъ былъ г. ф. Бюловъ; теперь оставалось еще позаботиться о газетѣ. Основывать особый художественный журналъ не предстояло надобности, такъ какъ около того же времени была переведена изъ Штутгарта въ Мюнхенъ редакція «Süddeutsche-Presse», изъ двухъ редакторовъ которой, Фрезе и Рекеля, послѣдній былъ давнишній пріятель Вагнера и потому охотно согласился сдѣлать свою газету Вагнеровскимъ органомъ. Въ фельетонахъ «Süddeutsche-Presse» Вагнеръ помѣстилъ большую статью подъ заглавіемъ: «Deutsche Kunst und deutsche Politik» ¹⁾, высказавъ въ ней еще разъ удивительную разносторонность своихъ способностей, свою начитанность и образованіе. Цѣлью этой статьи, болѣе политической, чѣмъ художественной, было выяснитъ, въ чемъ именно заключались тѣ «политическіе происки», въ которыхъ обвиняли Вагнера, старающагося здѣсь доказать, что онъ не стремился ни къ какому пар-

¹⁾ См. Ges. Schrift., т. VIII, стр. 40—157.

тѣмъ интересамъ, ни аристократическимъ или демократическимъ, ни либеральнымъ или консервативнымъ, ни католическимъ или протестантскимъ, но всегда во всѣхъ своихъ требованіяхъ оставался на почвѣ нѣмецкой національности. Однако статья имъ прошла почти совсѣмъ незамѣченною, такъ же какъ и другія работы, написанныя Вагнеромъ для «Süddeutsche-Presse».

Въ октябрѣ 1867 г., партитура оперы «Нюрнбергскіе Мастерзингеры» была окончена и тотчасъ приступили къ разучиванію ея для мюнхенской сцены. На этотъ разъ Вагнеръ поѣхалъ уже въ самый Мюнхенъ и руководилъ всѣми приготовлениями, на которыя не падали ни какихъ расходовъ. Чудесныя декорации, прекрасные костюмы, въ мельчайшихъ деталяхъ вѣрные исторической эпохѣ XVI-го вѣка, изображенной въ оперѣ, изготовлялись по личному указанію самого композитора, по ея планамъ и моделямъ.

Позднею осенью того же года Вагнеръ ѣздилъ на короткое время въ Парижъ; рассчитывая, что въ шесть лѣтъ послѣ исполненія «Тангейзера» отношеніе къ нему парижанъ могло измениться; онъ хлопоталъ о постановкѣ «Лоэнгрина» на сценѣ «Théâtre Lyrique», но хлопоты оказались безуспѣшными, и онъ уѣхалъ обратно въ Мюнхенъ. Однако скоро и въ Парижѣ Вагнеръ нашелъ пропагандиста своихъ произведеній въ извѣстномъ капельмейстерѣ Паделу, который началъ съ того, что исполнилъ въ своихъ концертахъ отрывки изъ оперъ Вагнера. Несмотря на то, что публика постоянно встрѣчала эти отрывки свистками, Паделу, ставъ директоромъ «Théâtre Lyrique» рѣшился въ 1868 г. поставить на этой сценѣ Вагнеровскаго «Риенца», и опера въ теченіе трехъ мѣсяцевъ выдержала 25 представлений. Впрочемъ это была единственная Вагнеровская опера, исполнявшаяся въ Парижѣ; попытки поставить другія его оперы, даже въ послѣднее время, постоянно встрѣчали въ парижской прессѣ энергическую оппозицію.

Первое представленіе «Нюрнбергскихъ Мастерзингеровъ» состоялось въ Мюнхенѣ 21 іюня 1868 г. подъ управленіемъ фонъ-Бюлова и также привлекло массу слушателей, съѣзжавшихъ со всей Европы. Новая опера имѣла успѣхъ болѣе болѣе, чѣмъ предыдущія Вагнеровскія произведенія, и не болѣе какъ черезъ полгода была уже поставлена на нѣсколькихъ германскихъ сценахъ. Какъ въ сценическомъ отношеніи, такъ и по музыкѣ «Нюрнбергскіе Мастерзингеры» — произведеніе несравненно болѣе удачное чѣмъ «Тристанъ». Либретто «Мейстерзингеровъ» если не судить очень строго относительно сценической и дра-

тической правды, представляет интересную колоритную картинку средневекового быта нѣсколько идеализированных юрибергских цеховыхъ мастеровъ, посвящающихъ свободное время на культивированіе поэзіи и пѣнія. Хотя мѣстами слишкомъ длинные монологи задерживаютъ ходъ дѣйствія и мало соотвѣтствуютъ оперному жанру, но за то многія сцены, полныя жизни, здороваго юмора, хорошаго, правда, нѣсколько тяжеловѣснаго остроумія, и очень удачно очерченныя дѣйствующія лица — вполне выкупаютъ недостатки и дѣлаютъ либретто «Мейстерзингеровъ» несравненно интереснѣе, чѣмъ либретто другихъ Вагнеровскихъ оперъ съ фантастическими сюжетами. По музыкѣ «Мейстерзингеры» также имѣютъ преимущество. Въ мелодическомъ отношеніи они, правда, похвастать не могутъ, не могутъ похвастать и совершенствомъ декламации; здѣсь тѣ же недостатки какъ и въ «Тристанѣ», хотя нѣсколько въ меньшей степени, такъ какъ вокальныя партіи имѣютъ большую самостоятельность. Но за то въ этой партитурѣ преобладаетъ контрапунктическій стиль, который скрываетъ недостатки мелодіи и придаетъ музыкѣ много оригинальности, свѣжести и новизны, благодаря чему въ «Мейстерзингерахъ» Вагнеръ является гораздо болѣе интереснымъ музыкантомъ, чѣмъ въ другихъ операхъ. По своей сценичности «Мейстерзингеры», страдая общими недостатками Вагнеровскихъ произведеній, бѣдностью мелодической изобрѣтательности и вслѣдствіе того нерельефностью, непластичностью и невыразительностью вокальных партій, — представляетъ оперу, въ которой Вагнеръ едва ли не ближе всего подошелъ къ своему идеалу совокупнаго музыкально-драматическаго произведенія.

Послѣ значительнаго успѣха «Мейстерзингеровъ», Вагнеръ рѣшился, наконецъ, окончить «Нибелунговъ» остановившихся уже 11-ть лѣтъ назадъ на второмъ актѣ «Зигфрида», и съ этою цѣлью опять уѣхалъ въ Люцернъ. Между тѣмъ король баварскій пожелалъ, чтобы непременно были исполнены публично оконченные уже двѣ части «Нибелунговъ»; такъ какъ это противорѣчило планамъ Вагнера, то онъ самъ лично устранился отъ непосредственнаго участія въ постановкѣ этихъ оперъ и даже слегка протестовалъ противъ ихъ исполненія; тѣмъ не менѣе оперы «Золото Рейна» и «Валкирія» были поставлены на мюнхенской сценѣ, первая въ сентябрѣ 1869 г., а вторая въ іюнѣ слѣдующаго года.

Къ этому же періоду времени относится второй бракъ Вагнера, надѣлавшій въ свое время много шума. Первая его жена съ 1861 г. жила отъ него отдѣльно и въ 1866 г. умерла въ

Дрезденѣ. Второй разъ онъ женился на бывшей замужемъ за его другомъ ф. Бюловымъ, дочери Листа, Козимѣ, съ которой Вагнеръ познакомился еще въ 1857 г., когда она, только-что обвѣнчанная съ Бюловымъ, приѣзжала съ своимъ молодымъ супругомъ въ Цюрихъ. По переселеніи Бюлова въ 1864 г. въ Мюнхенъ скоро между его женой и Вагнеромъ установилась взаимная симпатія, перешедшая за тѣмъ въ страстное влеченіе, окончившееся расторженіемъ брака между супругами Бюловъ и второй женитьбой Вагнера. Обвѣнчанные 25 августа въ протестантской церкви въ Люцернѣ, новобрачные поселились вблизи этого города на «Villa Triebeschen», расположенной въ прелестной мѣстности.

Вполнѣ счастливый своей новой жизнью, Вагнеръ усердно принялся за продолженіе «Нибелунговъ». По мѣрѣ того какъ это колоссальное произведеніе приближалось къ окончанію, необходимо было серьезно подумать о томъ, гдѣ можно будетъ его исполнить согласно тому плану, который Вагнеръ составилъ еще 20 лѣтъ назадъ, и отъ котораго онъ вовсе не намѣренъ былъ отказаться. Достигнуть этого въ Мюнхенѣ, несмотря на все расположеніе короля, было невозможно, вслѣдствіе весьма сильной всеобщей оппозиціи. Выбирая другія мѣстности, Вагнеръ остановился на Байрѣтѣ, по слѣдующимъ соображеніямъ: во-первыхъ, этотъ городъ находился на территоріи, принадлежащей его высочему покровителю королю баварскому, и во-вторыхъ, населеніе Байрейта было по преимуществу протестантское, и потому не представлялось опасности отъ интригъ клерикальных партій, много вредившихъ Вагнеру въ Мюнхенѣ; къ тому же въ Байрѣтѣ находился старинный такъ называемый мареграфскій театръ, имѣющій очень большую сцену, которую Вагнеръ рассчитывалъ примѣнить къ своимъ цѣлямъ. Средства на потребныя для сего расходы онъ надѣялся собрать при содѣйствіи преданныхъ его дѣлу друзей. Первымъ откликнулся на это гениальный піанистъ-виртуозъ Карлъ Таузигъ, который въ тѣсномъ кружкѣ берлинскаго общества рассчитывалъ найти достаточное число «патроновъ» для Вагнеровскаго предпріятія. Но Таузигу не суждено было дожить до осуществленія своего плана; онъ умеръ 17 іюля 1871 г. въ Лейпцигѣ всего 29 лѣтъ отъ роду. Вагнеръ опять сдѣлалъ печатное воззваніе къ друзьямъ «своего искусства», и на этотъ разъ оно не осталось безъ отклика: въ Мангеймѣ въ 1871 г. по иніціативѣ Эмиля Гекеля (Heskel) образовалось, съ цѣлю содѣйствія Вагнеровскому предпріятію, первое такъ называемое «Richard-Wagner-Verein»; примѣру Мангейма послѣдовали

Віна, Лейпцигъ, Мюнхенъ, и вскорѣ такіе Вагнеровскіе фереины распространились не только въ Германіи, но даже въ Лондонѣ, въ Нью-Йоркѣ и проч.

Въ дѣятельности Вагнера въ 1870 г. относится предпринимаемое имъ изданіе собранія всѣхъ своихъ литературныхъ сочиненій и статей, частью изданныхъ отдѣльно, частью разбросанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Собираніемъ этихъ статей и приведеніемъ ихъ въ порядокъ, онъ занимался два года; такимъ образомъ составились девять томовъ подъ заглавіемъ «Gesammelte Schriften und Dichtungen von R. Wagner». Въ томъ же 1870 г. онъ написалъ статью «Beethoven» ¹⁾ и академическій докладъ «Ueber die Bestimmung der Oper» ²⁾, прочитанный имъ 28 апрѣля 1871 г. въ Берлинской академіи искусствъ, членомъ которой онъ былъ выбранъ въ май 1869 г.

Ликование Пруссіи по случаю побѣды надъ Франціей также воодушевило генія Вагнера, и изъ-подъ его пера въ 1871 г. вышла партитура торжественнаго марша: «Kaiser - Marsch» для оркестра и хора, затѣмъ напыщенное стихотвореніе «An das deutsche Heer von Paris», воспѣвающее подвиги нѣмцевъ въ послѣднюю войну, и, наконецъ, водевиль (Lustspiel) съ куплетами подъ заглавіемъ: «Капитуляція» ³⁾. Мѣсто дѣйствія этого водевиля—Парижъ осенью 1870 г.; дѣйствующія лица — Викторъ Гюго, Жюль-Фавръ, Жюль-Ферри, Жюль-Симонъ, Гамбетта, Офенбахъ, эльзасцы, лотарингцы и др., содержаніе — пустое глумленіе, съ пошлыми остротами, надъ Франціей, французами и ихъ печальнымъ положеніемъ въ то тяжелое для нихъ время, чѣмъ Вагнеръ, конечно, думалъ отмстить за непризнаніе его генія во Франціи и за то фіаско, которое потерялъ его «Тангейзеръ» въ Парижѣ 10 лѣтъ тому назадъ.

Въ апрѣлѣ 1871 г., Вагнеръ вмѣстѣ съ женою выѣхалъ изъ Людерна, чтобы посѣтить празднующую свои побѣды столицу Пруссіи. При проѣздѣ черезъ Лейпцигъ, онъ былъ предметомъ торжественныхъ манифестацій на желѣзнодорожной станціи и затѣмъ въ театрѣ, гдѣ оркестръ привѣтствовалъ появленіе маэстро тушемъ и исполненіемъ его «Kaiser-Marsch». Въ Берлинѣ Вагнеру оказывали не меньшій почетъ; всюду, гдѣ онъ ни появлялся въ общественныхъ мѣстахъ, за нимъ слѣдовали массы любопытныхъ; въ засѣданіе академіи искусствъ, гдѣ онъ дол-

¹⁾ См. Ges. Sch. т. IX, стр. 75—157.

²⁾ См. тамъ же, стр. 157—187.

³⁾ См. Ges. Sch., т. IX стр. 7—50.

женъ былъ читать рѣчь, всѣ члены собрались въ полномъ составѣ. На данномъ въ честь его обѣдѣ онъ былъ привѣтствуемъ троекратнымъ ура! и Вильгельмъ Таппертъ сказалъ восторженную хвалебную рѣчь. Еще большее торжество устроено было въ залѣ Singakademie, гдѣ племянница Вагнера, Іоганна Вагнеръ, декламировала сочиненный въ честь его прологъ и поднесла отъ всего собранія лавровый вѣнокъ; оркестръ исполнилъ «Faust-Ouverture» и маршъ изъ «Тангейзера»; Вагнеръ въ короткихъ словахъ поблагодарилъ оркестръ и самъ еще разъ продирижировалъ свою увертюру. Послѣ 4-хъ недѣльнаго путешествія Вагнеръ снова возвратился въ Швейцарію. Дѣятельность его въ это время была въ высшей степени оживленная; кромѣ окончанія послѣдней части «Нибелунговъ» ему предстояли разъѣзды, многочисленныя корреспонденціи и, наконецъ, устройство концертовъ въ пользу своего предпріятія, такъ какъ по статутамъ первыхъ нѣмецкихъ Вагнеровскихъ фереиновъ, отъ него ожидалось такое содѣйствіе. Устроивъ одинъ концертъ въ Мангеймѣ и другой въ Вѣнѣ, Вагнеръ весной 1872 г. переселился въ Байрѣтъ, гдѣ 22 мая, въ день его рожденія, назначено было торжество закладки новаго театра.

IV.

Зданіе стараго маркграфскаго театра въ Байрѣтъ, которое Вагнеръ хотѣлъ примѣнить къ постановкѣ «Нибелунговъ», оказалось настолько состарѣвшимся, что не могло выдержать перестройки; пришлось рѣшиться на постройку новаго театра. Байрѣтскій муниципалитетъ предвидѣлъ отъ Вагнеровскаго предпріятія значительныя выгоды для города и, чтобы не было отдано преимущество другимъ городамъ, которые, какъ напр. Дармштадтъ и Баденъ-Баденъ, также желали привлечь къ себѣ Вагнера,—согласился отвести большое мѣсто подъ постройку театра, строительный матеріалъ и, наконецъ, мѣсто для собственнаго дома Вагнера. Въ виду такихъ выгодъ было рѣшено основаться въ Байрѣтъ. Проектъ театра, составленный Земперомъ, былъ вновь пересмотрѣнъ и передѣланъ придворнымъ архитекторомъ Неуманомъ изъ Берлина, принявшимъ на себя также и самую постройку театра; для устройства сцены былъ приглашенъ Брандъ изъ дармштадскаго театра. На закладку зданія 22 мая 1872 г. съѣхались въ Байрѣтъ многіе члены Вагнеровскихъ фереиновъ, музыканты изъ Вѣны и Пешта и пѣвческія общества изъ Лейп-

цига и Магдебурга. Подъ звуки «Huldigungs - Marsch», написаннаго въ честь короля баварскаго, Вагнеръ заложилъ камень основанія и, ударяя по нему молоткомъ, произнесъ: «Sei gesegnet, mein Stein, stehe lang' und halte fest!» Затѣмъ слѣдовалъ концертъ, на которомъ подъ управленіемъ Вагнера были исполнены Вагнеровскій «Kaiser-Marsch» и 9-ая симфонія Бетховена. Торжество закончилось большимъ банкетомъ на 300 человекъ.

Денежныя средства на постройку театра ожидались отъ вышеупомянутыхъ Вагнеровскихъ фереиновъ. Первый изъ этихъ фереиновъ образовался въ іюнѣ 1871 г. въ Мангеймѣ въ составѣ всего пяти человекъ; въ концѣ того же года всѣхъ членовъ Вагнеровскихъ фереиновъ насчитывалось уже 378, а въ началѣ 1876 г. ихъ было болѣе 600. Ежегодный членскій взносъ въ мангеймскомъ фереинѣ былъ опредѣленъ всего въ 5 гульденовъ; тѣмъ не менѣе одинъ этотъ фереинъ передалъ Вагнеровскому предпріятію въ апрѣлѣ 1876 года 51,000 марокъ; такую же приблизительно сумму собралъ берлинскій фереинъ. Кромѣ подобныхъ добровольныхъ пожертвованій, фереины устраивали въ пользу Вагнеровскаго предпріятія концерты, которые тоже давали хорошіе сборы, такъ что въ общемъ суммы на постройку байрѣтскаго театра собирались весьма значительныя. Вагнеръ рассчитывалъ, что при успѣшной постройкѣ театра, представленіе «Нибелунговъ» можетъ состояться лѣтомъ 1874 г. и, чтобы заранѣе ознакомиться съ тѣми артистами, которыхъ онъ могъ пригласить для исполненія своего произведенія, предпринялъ большое путешествіе. Выѣхавъ въ началѣ ноября 1872 г. изъ Байрѣта, онъ въ теченіе мѣсяца посѣтилъ до двадцати различныхъ оперныхъ сценъ, внимательно слѣдя за исполненіемъ пѣвцовъ и пѣвицъ и дѣлая изъ нихъ выборъ для байрѣтскаго театра.

Между тѣмъ, хотя постройка зданія театра приближалась уже къ концу, но на устройство сцены, декораций и машинъ недоставало еще довольно значительной суммы. Состоявшееся по этому случаю въ Байрѣтѣ 31 октября 1873 г. собраніе представителей Вагнеровскихъ фереиновъ, не видѣло другого исхода, какъ только обратиться съ воззваніемъ ко всей націи, распространивъ по всей Германіи подписныя листы на добровольныя пожертвованія для окончанія байрѣтскаго театра; но въ этомъ не оказалось надобности, такъ какъ король баварскій пополнилъ всю недостающую сумму. Въ то время, когда такимъ образомъ изыскивали средства на окончаніе театра, роскошный домъ для самого Вагнера былъ уже готовъ; оставалось только окончить на фасадѣ художественныя аллегорическія рисунки, придуман-

ные самимъ Вагнеромъ и исполненные историческимъ живописцемъ Роб. Краузе изъ Лейпцига. Переселеніе Вагнера въ новый собственный домъ произошло необыкновенно торжественно при звукахъ музыки двухъ военныхъ оркестровъ и хора байрѣтскихъ любителей пѣнія, которыми дирижировалъ самъ виновникъ торжества; все населеніе города принимало участіе въ этомъ достопамятномъ событіи.

Неудачи по окончанію театра заставляли отложить представленіе «Нибелунговъ» до 1876 г. Лѣтомъ 1875 г. собрались въ Байрѣтъ съ разныхъ концовъ Германіи избранные Вагнеромъ будущіе исполнители «Нибелунговъ»; къ іюлю пріѣхали пѣвцы и пѣвицы, а къ августу оркестръ, въ которомъ участвовали такіе извѣстные виртуозы какъ, напримѣръ, Вильгельми (скрипка), и Грютцмакеръ (віолончель) и др. На оркестровыя репетиціи сходилось много музыкантовъ, пріѣхавшихъ въ Байрѣтъ специально за тѣмъ, чтобы заранѣе ознакомиться съ новымъ произведеніемъ, о которомъ было уже такъ много шума и толковъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ; въ театральной залѣ впереди было поставлено нѣсколько стульевъ для гостей, приглашенныхъ самимъ Вагнеромъ, остальная масса слушателей помѣщалась кто какъ могъ на полу или на ступенькахъ амфитеатра. Дирижировалъ Гансъ Рихтеръ, считающійся однимъ изъ лучшихъ дирижеровъ, настоящій музыкальный полиглотъ, играющій на всѣхъ инструментахъ, будь это контрафаготъ или альтъ, пиколо или тромбонъ, гобой или басъ-труба, литавры или скрипка. Успѣшность репетицій позволила окончательно назначить публичное исполненіе «Кольца Нибелунговъ» въ августѣ слѣдующаго года.

Ко дню публичнаго представленія «Нибелунговъ», наплывъ пріѣзжающихъ въ Байрѣтъ былъ такъ великъ, что всѣ отели, всѣ сколько-нибудь возможные помѣщенія были буквально переполнены. Здѣсь были представители всѣхъ націй: нѣмцы, французы, англичане, датчане, русскіе, итальянцы, музыканты, литераторы, живописцы, высокопоставленные лица и коронованныя особы, въ томъ числѣ императоръ германскій и императоръ бразильскій. Успѣхъ перваго же вечера 13 августа 1876 г., при исполненіи «Rheingold'a» былъ необычайный; но напрасно восторженная публика въ теченіе почти $\frac{1}{4}$ часа вызывала Вагнера, — онъ не показался. На слѣдующій вечеръ при исполненіи «Валкиріи» въ театрѣ было вывѣшено объявленіе, приглашавшее слушателей не вызывать ни автора, ни исполнителей, которые рѣшили показываться публикѣ исключительно только въ своихъ роляхъ. Оба императора посѣтили Вагнера въ его собственномъ

домѣ. Императоръ Вильгельмъ оставался въ Байрѣтѣ только два дня и уѣхалъ тотчасъ послѣ исполненія Валькири. Всѣ четыре вечера перваго исполненія «Нибелунговъ» прошли съ такимъ же торжествомъ и такимъ же одобреніемъ со стороны публики, какъ и первый вечеръ. По окончаніи послѣдней части «Götterdämmerung» (Гибель Боговъ) одинъ изъ слушателей, вставъ на стулъ, провозгласилъ въ честь Вагнера «lebe hoch», за нимъ и вся публика трижды прокричала: «lebe hoch». Вагнеръ вышелъ на сцену и сказалъ коротенькую рѣчь, въ которой благодарилъ своихъ патроновъ за содѣйствіе и «своихъ артистовъ» за исполненіе и заключилъ приблизительно такъ: «Здѣсь вы видѣли, что мы можемъ, и если вы пожелаете, то у насъ будетъ искусство» ¹⁾. То-есть, выражаясь откровеннѣе—искусство до сихъ поръ не существовало, оно начинается только съ меня; а вы не жалѣйте денегъ на мои предпріятія.

Второе исполненіе «Нибелунговъ» прошло такъ же торжественно, какъ и первое; третье—еще торжественнѣе, благодаря присутствію короля баварскаго. По окончаніи послѣдняго представленія, Вагнеръ вышелъ на сцену и, стоя передъ закрытою занавѣсью, произнесъ рѣчь, въ которой восхвалялъ присутствующаго короля, называя его не только своимъ покровителемъ и защитникомъ, но даже своимъ сотрудникомъ (Mitschöpfer), и высказывалъ надежду, что настоящимъ музыкальнымъ празднествомъ сдѣланъ шагъ къ самостоятельности нѣмецкаго искусства; дѣйствительно ли сдѣланъ такой шагъ—покажетъ будущее. «Успѣхъ этого торжества,—сказалъ Вагнеръ въ концѣ рѣчи,—относится большею частію къ заслугамъ участвующихъ артистовъ: я желаю, чтобы они показали!» При этихъ словахъ занавѣсъ раздвинулся ²⁾ и открылъ сгруппированныхъ на сценѣ пѣвцовъ, пѣвицъ и музыкантовъ. При шумныхъ аплодисментахъ и громкихъ крикахъ публики Вагнеръ благодарилъ «своихъ артистовъ» и прощался съ ними; этимъ эффектнымъ эпизодомъ закончилось байрѣтское торжество.

«Кольцо Нибелунговъ» есть результатъ 25-ти-лѣтней энер-

¹⁾ Характеръ этой рѣчи исчезаетъ въ переводѣ, поэтому выписываемъ подлинныя слова Вагнера: „Ihrer Gunst und den grenzenlosen Bemühungen der Mitwirkenden, meiner Künstler, verdanken sie diese That. Was ich Ihnen noch zu sagen hätte, liesse sich in ein paar Worte, in ein Axiom zusammenfassen. Sie haben jetzt gesehen, was wir können, wollen sie jetzt? Und wenn sie wollen, so haben wir eine Kunst!“ (См. R. Wagner's Leben und Wirken v. Glasenapp. T. II, стр. 457).

²⁾ Въ байрѣтскомъ Festspielhaus'ѣ занавѣсъ не поднимается, какъ въ обыкновенныхъ театрахъ, а раздвигается въ обѣ стороны.

гической борьбы Вагнера противъ препятствій, встрѣчаемыхъ имъ на пути къ достиженію смѣло предначертанной цѣли: въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ примѣнить на практикѣ тѣ свои взгляды и принципы въ искусствѣ, которые были выработаны Вагнеромъ частью въ предъидущихъ его произведеніяхъ, частью въ теоретическихъ сочиненіяхъ. Възвѣсивъ обстоятельства, сопро-
вождавшія какъ выполнение задуманнаго имъ колоссальнаго произведенія, такъ и публичное исполненіе его въ Байрѣтѣ, — легко понять, что самъ Вагнеръ былъ убѣжденъ, — его «Нибелунги» составляютъ начало новой эры въ искусствѣ — даже начало новаго искусства; убѣжденіе, конечно смѣлое и преждевременное, тѣмъ не менѣе съ нимъ приходится считаться, въ виду массы слѣпо вѣрующихъ въ непогрѣшимость вагнеровскаго авторитета и видѣвшихъ въ его произведеніяхъ истинныя откровенія новѣйшаго искусства. Для подробнаго обстоятельнаго разбора такого колоссальнаго музыкально-драматическаго произведенія какъ «Кольцо Нибелунговъ», претендующаго на особое выдающееся значеніе въ искусствѣ, былъ бы необходимъ спеціальнй трудъ, который выдѣлилъ бы новыя раціональныя начала, положенныя Вагнеромъ въ основу своихъ музыкально-драматическихъ произведеній, — тѣ начала, которыя дѣйствительно имѣютъ значеніе въ будущности оперной музыки, — и вмѣстѣ доказалъ бы, что при всѣхъ своихъ хорошихъ намѣреніяхъ, Вагнеръ былъ далекъ до осуществленія своего собственнаго, имъ изобрѣтеннаго идеала: его «Кольцо Нибелунговъ» отнюдь не есть то произведеніе, которое могло бы положить начало направленія въ искусствѣ. Постараемся хотя въ общихъ чертахъ дать понятіе о Вагнеровскомъ произведеніи, привлекающемъ не знакомыхъ съ нимъ кажущуюся оригинальностью формы и сюжета, и теряющемъ свою таинственную обаятельность при ближайшемъ знакомствѣ.

Для осуществленія идеи настоящаго сценическаго совокупнаго музыкально-драматическаго произведенія, Вагнеръ выбралъ германскій національный эпосъ (по Эддѣ и по лѣснѣ о Нибелунгахъ) и, расширивъ эпическій матеріалъ продуктомъ своего собственнаго творчества, придавъ ему драматическую форму. Осуждать автора за выборъ сюжета нельзя; художникъ выбираетъ тотъ или другой сюжетъ соответственно своей склонности своему направленію и, наконецъ, своимъ способностямъ. Но и выборъ такого сюжета какъ «Нибелунги», для произведенія, принятаго съ особою спеціальною цѣлью — поставить оперу въ наиболѣе раціональныя условія и доказать возможность практическаго примѣненія къ оперѣ основъ дѣйствительной сценической

драмы — это ошибка. Может ли представлять *общий* интерес исторія походовъ специально-германскихъ мифологическихъ боговъ и героевъ, и притомъ выведенныхъ Вагнеромъ, въ его драмахъ, реально-грубыми, мѣщански-вульгарными, ругающимися въ весьма тривиальныхъ, выраженіяхъ въ родѣ: воръ, плутъ, мошенникъ и т. п. Кромѣ того эпосъ, особенно такой сложный въ деталяхъ, какъ «Нибелунги», далеко неудобно пересаживается на драматическую почву, и это сказалось въ Вагнеровскомъ произведеніи существеннѣйшимъ образомъ. Во-первыхъ, для выполнения своей задачи, Вагнеру понадобилось цѣлыхъ четыре драмы: «Золото Рейна» — составляющая прологъ и названное авторомъ предвечерье («Vorgabend»); «Валкирія» — первый день; «Зигфридъ» — второй день, и «Гибель Боговъ» — третій день; все это не только представляетъ громаднѣйшія затрудненія для исполненія, но также крайне неудобно и для слушателей, которые, чтобы прослушать произведеніе все въ цѣломъ его объемѣ, обязаны просидѣть въ театрѣ четыре вечера подъ-рядъ, — условіе въ большинствѣ случаевъ просто невыполнимое. Во вторыхъ, для подробнаго изложенія всего эпического содержанія и всѣхъ перипетій драмы, Вагнеръ вынужденъ былъ ввести въ свои драмы не мало второстепенныхъ лицъ, прямого соотношенія къ ходу дѣйствія неимѣющихъ, и вложить въ ихъ уста длиннѣйшіе, запутанные иногда, весьма темные рассказы, вслѣдствіе чего, и безъ того уже слишкомъ обширное произведеніе, расплывается въ массѣ ненужныхъ частныхъ и во многихъ мѣстахъ совершенно теряетъ сценическій характеръ. Изложеніе содержанія «Кольцо Нибелунговъ» лучше всего выяснитъ недостатки этого сюжета.

Долго покоилось чистое золото Рейна на днѣ рѣки, и никакая опасность ему не угрожала, такъ что дочери Рейна, обязанныя стеречь золото, беззаботно могли предаваться играмъ и плавать въ волнахъ вокругъ спящаго клада. Но злобный Нибелунгъ Альберихъ проникъ изъ подземнаго царства въ рѣку; ему бросилось въ глаза золото, ярею освѣщенное лучомъ солнца. Легкомысленныя дочери Рейна рассказываютъ ему, что посредствомъ этого золота можно сдѣлаться властелиномъ всего міра, если обладатель клада откажется отъ любви. Альберихъ охотно готовъ промѣнять на всемогущее золото только что прельщавшую его красоту играющихъ вокругъ него рѣчныхъ дѣвъ; проклиная любовь, представляющую для него только чувственное значеніе, онъ похищаетъ драгоцѣнное сокровище, при исчезновеніи котораго непроницаемая темнота распространяется въ глубинѣ Рейна. — Между тѣмъ на вершинѣ горы блеститъ, при

свѣтъ восходящаго солнца, только-что выстроенное жилище боговъ—Валгалла; ее сооружали великаны и теперь ихъ предводители, Фасольтъ и Фафнеръ, требуютъ въ награду за трудъ богини молодости и красоты—Фрею. Но Фрея одна знаетъ ухаживать за яблоками, сохраняющими вѣчную юность боговъ и безъ нея они должны состариться; поэтому понятно, что богамъ не хочется отпустить Фрею, и остроумнѣйшій изъ нихъ Логе, богъ огня, рассказываетъ о покражѣ Альберихомъ золота Рейна, предлагая воспользоваться этимъ для расплаты съ великанами.—Вотанъ и Логе спускаются въ подземную пещеру Альбериха, который ставилъ своего брата, кузнеца Миме, выковать изъ похищеннаго золота кольцо, дающее ему власть надъ всѣмъ подземнымъ имениемъ Нибелунговъ, и волшебный шлемъ, надѣвъ который, онъ можетъ сдѣлаться невидимымъ или превращаться во что ему угодно. Хитростью боги овладѣваютъ Альберихомъ, берутъ у него выкупъ громадными массами золота и, наконецъ, снимаютъ у него кольцо и шлемъ, не обращая вниманія на его проклятія. Все добытое такимъ образомъ богатство идетъ въ уплату великанамъ; но они не довольны и требуютъ въ приданое также кольцо и шлемъ. Вотанъ отдаетъ шлемъ, но разстаться кольцомъ не согласенъ и уже готовъ пожертвовать Фрею, но счастью для нея изъ земли поднимается всеанающая божественная Эрда и, угрожая проклятіемъ, которое лежитъ на колѣнѣхъ, совѣтуетъ отдать его великанамъ. Получивъ кольцо, великаны изъ-за него разсорились и Фафнеръ убиваетъ Фасольта. Бодоннеръ вызываетъ громъ и молнію, является радуга и по ней какъ по мосту переходятъ боги въ Валгаллу, ругнувъ мимолетомъ дочерей Рейна, которыя въ это время начинаютъ жалобныя пѣніе о потерянномъ золотѣ. Въ этомъ заключается содержаніе «Золота Рейна», пролога Вагнеровской трилогіи.

Для защиты Валгаллы и боговъ отъ угрожающаго имъ Альбериха, который все еще выжидаетъ случая опять завладѣть кольцомъ и тѣмъ приобрести могущество, Вотанъ произвелъ отъ Эды девять дочерей, валькирій, которыя на воздушныхъ коняхъ возятъ въ Валгаллу павшихъ въ бою героевъ. Но Вотану помогутъ и всѣ герои, дѣйствующие только по его волѣ; онъ можетъ помочь только тѣмъ, кто свободенъ отъ тяготящаго ихъ всѣми проклятія, кто самъ самостоятельно для себя приобрѣлъ кольцо и совершилъ дѣло избавленія. Для этого являются свѣтъ происходящіе отъ Вотана близнецы, Зигмундъ и Зиглинда. Зиглинда попадаетъ въ жены ея похитителю Гундингу, а Зигмундъ вырастаетъ въ бояхъ съ врагами и становится сильнымъ.

мужественнымъ человѣкомъ. По волѣ судьбы онъ является въ домъ Гундинга и находитъ тамъ свою сестру Зиглинду и священный мечъ, воткнутой для него въ стволъ дерева самимъ Вотаномъ; онъ беретъ мечъ и похищаетъ Зиглинду, которая становится его женой. Такой фактъ кровосмѣшенія и похищенія чужой жены разгнѣвалъ Фригу, жену Вотана, покровительницу брака, и по ея настоянію Вотанъ обрекаетъ своего сына Зигмунда на смерть, приказавъ валкиріи Брюннгильдѣ привести приговоръ въ исполненіе во время предстоящаго поединка между Зигмундомъ и преслѣдующимъ его Гундингомъ. Брюннгильда, видя страстную любовь между братомъ и сестрой, жалелась надъ ними и хотѣла прикрыть Зигмунда своимъ щитомъ; но Вотанъ внезапно появился между сражающимися, объ его копье раздробился священный мечъ, и Гундингъ убилъ Зигмунда. — Брюннгильда увозитъ Зиглинду на своемъ конѣ, и отдавъ ей обломки меча Зигмунда, помогаетъ укрыться въ лѣсу. За послушаніе Вотанъ налагаетъ на свою любимицу Брюннгильду наказаніе: она въ глубокомъ снѣ будетъ лежать на холмѣ и тамъ первый прохожій разбудивъ, получить ее и обратить въ простую смертную; но прогнѣванный отецъ исполняетъ послѣднія мольбы дочери; Вотанъ повелѣваетъ огню окружить холмъ, на которомъ будетъ спать Брюннгильда, чтобы проникнуть въ ней могъ только герой, не знающій страха. Этимъ кончается опера «Валкирія».

Съ тѣхъ поръ Вотанъ странствуетъ по землѣ и слѣдитъ за ходомъ событій. Великанъ Фафнеръ, обратившійся въ исполинскаго чудовищнаго червя (*Riesenwurm*), стережетъ пещеру, гдѣ спрятано кольцо Нибелунговъ. Тамъ же въ лѣсу растетъ и на свободѣ развивается свои силы герой Зигфридъ, рожденный Зиглиндою отъ Зигмунда и воспитанный кузнецомъ Миме, который надѣется, что Зигфридъ добудетъ для него заветное кольцо. Но красавецъ Зигфридъ ненавидитъ безобразнаго карлика и не скрываетъ своей ненависти; онъ требуетъ, чтобы Миме сковалъ обломки меча, единственное оставшееся ему отъ отца наслѣдство. Кузнецъ отказывается, такъ какъ знаетъ отъ Вотана, что долженъ погибнуть, какъ только мечъ будетъ готовъ. Тогда Зигфридъ самъ принимается ковать свой мечъ, а Миме приготовляетъ ядъ, чтобы отравить Зигфрида, послѣ того, какъ онъ убьетъ великана. Сковавъ мечъ, Зигфридъ спѣшитъ испробовать свою силу въ борьбѣ съ чудовищемъ Фафнеромъ и убиваетъ его, не подозревая, что вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ получить богатую добычу; но вытаскивая мечъ изъ туловища Фафнера, онъ запачкалъ руку въ крови, и, высасывая кровь, получаетъ способность понимать то, о чемъ

поютъ птицы. По ихъ указанію онъ находитъ кольцо и волшебный шлемъ, убиваетъ коварнаго Миме и снова слушаетъ пѣніе птицъ. Онъ поютъ ему о спящей красавицѣ Брюннгильдѣ и зовутъ его къ ней; одна изъ птичекъ указываетъ ему дорогу.— Вотанъ въ образѣ странника преграждаетъ ему дорогу: только трудомъ и борьбой герой долженъ достичь своей цѣли. Неустрашимый Зигфридъ своимъ мечемъ сокрушаетъ копьё Вотана, храбро проходитъ сквозь огонь, окружающій спящую валькирію и постепенно за тѣмъ потухающій, поднимаетъ прикрывающій красавицу щитъ и останавливается въ изумленіи, такъ какъ первый разъ въ жизни видитъ передъ собою женщину. Тѣмъ не менѣе герой будитъ ее поцѣлуемъ и побуждаетъ послѣднее препятствіе—сопротивленіе Брюннгильды; валькирія подчиняется его волѣ и въ жертву торжествующей любви приноситъ свою вѣчную дѣвственность. Въ этомъ заключается содержаніе третьей оперы цикла—«Зигфридъ».

Но это еще не конецъ; избавленіе міра отъ тяготящаго надъ нимъ проклятія еще не достигнуто, еще золото не возвращено обратно въ Рейнъ, еще живутъ и строятъ козни Альберихъ и Гагенъ, рожденный «безъ любви» Кримгильдой, женой короля Гибика, отъ изнасиловавшаго ее Альбериха; поэтому слѣдуетъ еще четвертая драма «Гибель Боговъ».—Зигфридъ идетъ искать новыхъ подвиговъ, оставивъ Брюннгильдѣ заветное кольцо. Онъ приходитъ къ Гунтеру, сыну Гибика; тамъ уже ждетъ его Гагенъ, замыслившій вмѣстѣ со своимъ отцомъ погубить Зигфрида. Нашего героя опьяняютъ волшебнымъ зельемъ, послѣ котораго онъ совершенно забываетъ Брюннгильду, беретъ въ жены Гутруну, сестру Гунтера, а этому послѣднему обѣщаетъ добыть Брюннгильду. Съ помощью волшебнаго плема, Зигфридъ принимаетъ образъ Гунтера и въ этомъ видѣ овладѣваетъ Брюннгильдой, силою отнявъ у нея кольцо; но Брюннгильда изобличаетъ обманъ и заставляетъ Гунтера признать Зигфрида оскорбителемъ его чести. Брюннгильда Гунтеръ и Гагенъ клянутся отмстить герою, который долженъ быть убитъ на охотѣ.—Дочери Рейна, увидѣвъ Зигфрида, на берегу рѣки, просятъ его отдать кольцо, предупреждая, что въ противномъ случаѣ ему угрожаетъ опасность; но онъ пренебрегаетъ ихъ предостереженіемъ и идетъ на встрѣчу смерти. Гагенъ убиваетъ его во время отдыха на охотѣ, послѣ того какъ Зигфридъ, выпивъ другого волшебнаго зелья, возвращающаго ему память, откровенно рассказываетъ Гунтеру и Гагену о связи съ Брюннгильдой. Затѣмъ Гагенъ убиваетъ Гунтера въ спорѣ изъ-за заветнаго кольца; является Брюннгильда,

береть кольцо себѣ, приказываетъ сжечь трупъ Зигфрида на кострѣ и сама на конѣ бросается въ огонь, пославъ двухъ пролетавшихъ вороновъ въ Валгаллу, предупредить Вотана, что гибель боговъ приближается. Рейнъ выступаетъ изъ береговъ, въ его волнахъ, заливающихъ костеръ, появляются дочери Рейна, высоко поднимающія кольцо Нибелунговъ, которымъ онѣ завладѣли; Гагенъ бросается за ними и тонетъ, на горизонтѣ появляется ярко-красное зарево, распространяющееся все болѣе и болѣе—это гибель боговъ, конецъ стараго міра; народъ стоитъ въ нѣмомъ изумленіи.

Таково содержаніе Вагнеровской трилогіи «Кольцо Нибелунговъ». Это—громадный матеріалъ, изъ котораго можно выбрать массу сюжетовъ для волшебнаго балета или фантастическихъ пантомимъ съ самыми замысловатыми декоративными эффектами, съ появленіемъ на сценѣ карликовъ, великановъ, чудовищъ, героевъ, боговъ и проч. съ превращеніями, со всевозможными волшебствами и чародѣйствіями; для нетребовательнаго композитора это можетъ даже служить сюжетомъ для фантастическихъ оперъ, но это отнюдь не драма, о которой такъ много трактовалъ Вагнеръ, должствующая сдѣлаться основаніемъ наиболѣе совершеннаго совокупнаго художественнаго произведенія. Въ «Кольцѣ Нибелунговъ» мы находимъ только рядъ запутанныхъ громоздящихся другъ на друга фактовъ и массу неправдоподобныхъ сценическихъ ситуаций, конечная цѣль которыхъ символически провести отвлеченную идею, что жажда богатства и власти безъ любви (Альберихъ) привлекаетъ несчастье и провлятіе на міръ человѣческій, и что только безкорыстіе и любовь (Брюннгильда) искупаетъ это проклятіе. Признавать, вмѣстѣ съ Вагнеромъ, чтобы подобное произведеніе могло положить начало новому направленію искусства—невозможно; искусство имѣетъ другія цѣли, другія задачи, другія средства въ ихъ осуществленію, и переживъ уже много заблужденій, врядъ ли пойдетъ по тому пути, который указанъ ему въ Байрѣтѣ.

Остается еще разсмотрѣть «Кольцо Нибелунговъ» въ музыкальномъ отношеніи. Стиль Вагнеровской музыки, постепенно развивавшійся въ предыдущихъ его произведеніяхъ, въ «Кольцѣ Нибелунговъ» является вполне выработавшимся, окончательно сформировавшимся. Главныя свойства его музыки остались тѣ же: бѣдность тематической изобрѣтательности, богатство гармоній, преобладаніе многоголосности и контрапунктическихъ разработокъ въ аккомпаниментѣ, колоритность и разнообразіе инструментовки; но во всей музыкѣ «Нибелунговъ» видна большая послѣдователь-

ность и выдержанность, и если сравнивать это произведение съ знакомыми читателямъ по исполненіямъ въ русской оперѣ «Тангейзеромъ» и «Лоэнгриномъ», то въ партитурѣ «Кольца Нибелунговъ» Вагнеръ является композиторомъ болѣе зрѣлымъ, болѣе серьезнымъ. Такъ, въ «Нибелунгахъ» нѣтъ такихъ банальныхъ мелодій, какія встрѣчаются въ «Тангейзерѣ» и «Лоэнгринѣ», нѣтъ аккомпаниментовъ à la Беллини или Доницетти, нѣтъ вообще рутинной шаблонности формъ и приѣмовъ, — наоборотъ, фактура музыки Нибелунговъ вполне оригинальна, нова и интересна. Но за то съ другой стороны въ ней отсутствуетъ творчество, непосредственное вдохновеніе, а видна только дѣланность, рассчитанность. Да оно и понятно; основной приѣмъ, которымъ пользовался Вагнеръ для сочиненія музыки «Нибелунговъ», заключается въ слѣдующемъ: для каждаго дѣйствующаго лица, для тѣхъ предметовъ, которые играютъ болѣе важную роль въ его операхъ, для тѣхъ идей и чувствъ, которыя здѣсь проявляются, предназначена особая тема, мотивъ или, вѣрнѣе сказать, особая музыкальная фраза; такъ, имѣются темы Зигфрида, Френ, Логе и др. дѣйствующихъ лицъ, темы золота Рейна, кольца, волшебнаго шлема, яблоковъ, дающихъ молодость (Jugendäpfel), темъ проклятія, любви, отцовской радости и проч., и проч. ¹⁾ Какъ только на сцену выходитъ какое-нибудь лицо, идетъ рѣчь о какомъ-нибудь предметѣ, затрогивается какая-нибудь идея или чувство, тотчасъ появляется соотвѣтствующая тема, преимущественно исполняемая въ оркестрѣ и лишь изрѣдка поручаемая пѣвцу. Темы эти, состоящія изъ коротенькихъ фразъ или изъ секвенцій фразъ, въ мелодическомъ отношеніи не имѣютъ никакого значенія, но прикрашенные подходящей гармоніей и соотвѣтствующей инструментовкой, получаютъ тотъ или другой характеръ. Темы эти съ ихъ гармоническимъ и оркестровымъ сопровожденіемъ проходятъ черезъ всѣ оперы и, мѣняя то то-нальность, то аккомпаниментъ или оркестровку, образуютъ многоголосныя контрапунктическія сплетенія, которыя, скомбинированныя вмѣстѣ, составляютъ музыкальный калейдоскопъ, интересный въ деталяхъ, но не имѣющій ясной, опредѣленной формы. По самой сущности опернаго жанра эти оркестровыя комбинаціи должны бы составлять только сопровожденіе пѣнія, только музыкальный фонъ, на которомъ бы отчетливо вырисовывалось пѣніе

¹⁾ Существуетъ книжка „Thematischer Leitfaden durch die Musik zu R. Wagner's Festspiel der Ring des Nibelungen, von Hans v. Wolzogen, т.-е. тематическій руководитель, въ которомъ указаны и объяснены темы, составляющія основу „Кольца Нибелунговъ“; всѣхъ темъ приведено здѣсь не болѣе ни менѣе какъ девяносто.

человѣческихъ голосовъ, усиливающее выразительность текста, лежащаго въ основѣ оперы и потому представляющаго существеннѣйшее значеніе. Но въ «Кольцѣ Нибелунговъ» именно на этомъ-то оркестровомъ фонѣ и сосредоточивается весь интересъ. При разборѣ предыдущихъ оперъ Вагнера, мы указывали, какое малое значеніе имѣютъ у него вокальныя партіи; точно также и въ «Нибелунгахъ»,—то, что предоставлено пѣвцамъ, то, что они поютъ и декламируютъ, преимущественно на нотахъ аккордовъ гармоніи, такъ ничтожно, такъ бессодержательно, за весьма немногими исключеніями, что пѣнія почти не существуетъ.

Ничтожность, бессодержательность вокальныхъ партій составляетъ главный существенный недостатокъ «Кольца Нибелунговъ» и противорѣчить основнымъ принципамъ Вагнера. Онъ стремился къ сліянію музыки съ текстомъ, къ дополненію и усиленію слова музыкой, къ музыкальной характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ; но можно ли требовать, чтобы музыка сливалась съ словомъ текста, усиливая ихъ значеніе и выразительность, когда то, что поется на этихъ словахъ, само по себѣ не имѣетъ ни значенія, ни выразительности, когда каждый актеръ или декламаторъ сумѣетъ сказать эти слова лучше и выразительнѣе, чѣмъ споетъ ихъ съ музыкой Вагнера пѣвецъ, хотя бы и идеальнѣйшій. Вагнеровскія вокальныя партіи не только не усиливаютъ, не помогаютъ тексту, но, наоборотъ, губятъ его, уничтожаютъ. Точно также, можно ли искать настоящей характеристики дѣйствующихъ лицъ, когда и Вотанъ, и Брюннгильда, и Альберихъ, и др. поютъ и декламируютъ на музыкальныхъ фразахъ, однообразно построенныхъ преимущественно на нотахъ аккордовъ гармоніи, одинаково ничтожныхъ, одинаково бессодержательныхъ; нѣтъ никакой разницы въ томъ, что поетъ тотъ или другой: ихъ музыкальныя рѣчи у всѣхъ однѣ и тѣ же, и потому онѣ такъ схожи между собою, что трудно отличить рѣчь одного дѣйствующаго лица отъ рѣчи другого. Единственное отличіе каждаго изъ нихъ составляетъ только та оркестровая фраза, которая, согласно указанному выше приему Вагнера, сопровождаетъ его во всѣхъ разнообразнѣйшихъ ситуаціяхъ оперы; эта музыкальная фраза, неизбѣжно появляющаяся всюду, гдѣ бы ни показалось на сценѣ дѣйствующее лицо, какъ бы ярлыкъ, припиленный къ пѣвцу или пѣвицѣ, даетъ возможность различать оперныхъ героевъ и героинь. Кромѣ того, всѣ дѣйствующія лица самыхъ разнообразнѣйшихъ характеровъ, воснувшись одного каковаго-нибудь предмета, чувства или идеи, выражаютъ полнѣйшее согласіе, единодушіе, такъ какъ въ оркестрѣ появляется всегда одна и

та же музыкальная фраза, заранее опредѣленная для выраженія того чувства, или идеи, или изображенія того предмета, которые въ данную минуту затронуты на сценѣ, какъ будто герои и героини оперы заранее сговорились во всѣхъ случаяхъ, при всѣхъ обстоятельствахъ не выказывать ни малѣйшаго разногласія.

Практикуемый Вагнеромъ въ «Кольцѣ Нибелунговъ» при- скорбный приѣмъ изготовленія музыки по рецепту, изъ заранее опредѣленнаго ограниченнаго матеріала, приводитъ къ тому, что вся его музыка, построенная на однихъ и тѣхъ же тѣмахъ, постоянно вращается около нѣсколькихъ центровъ, и потому однообразна и монотонна до крайности, и сколько она ни скрашивается по-истинѣ чудесными гармоніями, разнообразнѣйшими ритмами и роскошнѣйшими эффектами инструментовки, все же въ ней постоянно чувствуется на первомъ планѣ дѣланность и рассчитанность. Но при всѣхъ недостаткахъ «Кольца Нибелунговъ», въ немъ, однако, чудесно выдаются двѣ сильныя стороны Вагнеровскаго творчества, именно гармонизація и инструментовка. Прекрасный, сильный гармонистъ и въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ, Вагнеръ въ «Кольцѣ Нибелунговъ» является гармонистомъ еще болѣе зрѣлымъ, опытнымъ, съ изумительно большою техникой. Всѣ его небольшія тѣмы гармонизованы оригинально, смѣло и вѣстѣ съ тѣмъ красиво; модуляціи всѣ естественны, цѣлесообразны и распределены съ большимъ пониманіемъ и знаніемъ дѣла. Точно также инструментовка заслуживаетъ особеннаго вниманія и изученія; если въ предыдущихъ произведеніяхъ Вагнеръ иногда злоупотреблялъ громадными массами оркестра, то въ «Нибелунгахъ» онъ является образцовымъ мастеромъ. Превосходно владея средствами оркестра, удачно придумывая новыя комбинаціи, онъ достигаетъ изумительной колоритности и этимъ самымъ не рѣдко подкупаетъ слушателя и скрываетъ отсутствіе или ничтожность музыкальнаго содержанія. Благодаря этимъ хорошимъ сторонамъ Вагнеровскаго творчества въ «Кольцѣ Нибелунговъ» есть выдающіяся мѣста, дѣйствительно представляющія художественный интересъ, и именно мѣста не вокальныя, а исключительно инструментальныя, какъ, напримѣръ, оркестровыя вступленія, музыка во время перемѣны декорацій и т. п. Лучшее всего Вагнеру удалась дескриптивная музыка, въ которой онъ иногда достигалъ замѣчательной вѣрности изображенія и чудеснѣйшей колоритности; какъ образцы такой музыки можно указать нерѣдко исполнявшіеся въ нашихъ петербургскихъ концертахъ: поѣздъ Валкирій изъ 3-го акта оперы «Валкирія», фи-

налъ этой же оперы, когда огонь, по повелѣнію Вотана, окружаетъ усыпленную на холмѣ Брюннгильду, Waldweben изъ 2-го акта «Зигфрида» и др.

Чего же достигъ Вагнеръ въ «Кольцѣ Нибелунговъ» въ этомъ колоссальномъ трудѣ, предпринятомъ съ специально цѣлью перерожденія существующаго опернаго жанра. Онъ создалъ дѣйствительно новыя, оригинальныя, вполне самобытныя оперныя формы, не осуществленія своего идеала не достигъ и не могъ достигъ, потому что стоялъ на ложной дорогѣ. Сосредоточивая весь интересъ музыки въ оркестръ, онъ обезсиливалъ, обезцвѣчивалъ дѣйствующія лица, умалчалъ ихъ значеніе почти до нуля и вмѣстѣ съ ними уничтожалъ и текстъ своихъ оперъ, ту драму, которая, согласно его же принципамъ, должна бы имѣть главное значеніе. Затѣмъ и самую музыку онъ свелъ на довольно низкую степень, ограничивая ее одними и тѣми же мелкими музыкальными фразами, постоянно повторяющимися въ контрапунктическихъ сплетеніяхъ, умышленно избѣгая широкихъ выразительныхъ мелодій, ихъ развитія и тѣхъ разнообразныхъ музыкальных формъ, которыми обуславливается красота художественныхъ произведеній.

Но за то, благодаря своей желѣзной волѣ, своей необыкновенной энергіи, настойчивости и упорству, Вагнеръ достигъ торжественными исполненіями «Нибелунговъ» въ Байрѣтѣ апогея своей славы. Фактъ положительно безпримѣрный въ исторіи искусствъ; никто изъ величайшихъ мировыхъ гениевъ, ни Шекспиръ, ни Бетховенъ, ни Гёте, не доживали до такихъ торжествъ, какъ устроенное Вагнеромъ для самого себя въ Байрѣтѣ, куда, какъ мы видѣли, стекались со всего свѣта не только обыкновенные смертные, но императоры, короли и другія коронованныя особы, спѣшившія принести дань удивленія байрѣтскому герою.

Несмотря на свои шестьдесятъ - три года, Вагнеръ былъ еще въ то время вполне бодрымъ, здоровымъ человекомъ. Вотъ что писалъ о немъ одинъ изъ нашихъ музыкальных критиковъ, познакомившійся съ нимъ въ 1876 г. въ Байрѣтѣ ¹⁾: «Вагнеру лѣтъ шестьдесятъ; но на видъ ему не болѣе пятидесяти лѣтъ. Онъ очень свѣжъ и живъ, низкаго роста, лицо довольно полное, въ очкахъ, сѣдые короткіе бакенбарды, усы и борода выбриты, волосы гладко и обыкновенно причесаны, подбородокъ выдается впередъ, губы тонкія. Его, всюду имѣющіяся, фотографическія карточки похожи, но не то на нихъ выраженіе:

¹⁾ См. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1876 г. № 214.

на нихъ какое-то сердитое, злобное выраженіе, а у него на видѣ преобладаетъ добродушное, хотя онъ отнюдь недобродушенъ. Говоритъ нетерпѣливо, быстро и рѣзко; рѣзко какъ голосъ и какъ выраженія рѣчи. Любитъ острить; остроты его почасти нѣсколько безвкусны. Быстро переходитъ онъ отъ одного предмета къ другому. Въ его рѣчи много неожиданностей, поражающихъ мыслей, сравненій, остротъ и проч. Вообще, Вагнеръ сдѣлалъ на меня впечатлѣніе человѣка чрезвычайно свѣжаго, полного силы, который можетъ еще создать весьма многое. У него двое дѣтей, Зигфридъ и Ева (изъ «нюрнбергскихъ пѣвцовъ»). При немъ еще находится одна изъ дочерей его жены отъ Бюлова».

Рѣдко кто изъ композиторовъ, не будучи самъ по себѣ богатымъ, достигалъ такого матеріальнаго благосостоянія какъ Вагнеръ. Чтобы дать понятіе о томъ, какъ роскошно жилъ Вагнеръ въ Байрѣтѣ, удовлетворяя всѣмъ своимъ прихотливымъ желаніямъ, приводимъ описаніе его байрѣтскаго дома ¹⁾, носящаго названіе «Wahnfried». Домъ этотъ расположенъ на главной улицѣ города, посреди большого роскошнаго сада; въ саду множество затѣй, трельяжи, оранжерей, бесѣдки, цвѣты, тропическія растенія, фонтанъ и проч. Передъ фасадомъ дома большой бюстъ баварскаго короля. Домъ каменный двухъ-этажный, въ античномъ вкусѣ. На фасадѣ надпись: Hier wo mein Wahnfried fand, — Wahnfried sei dieses Haus von mir benannt; сверху надписи аллегорическій фрескъ, изображающій Вотана, съ правой его стороны греческая трагедія, слѣва музыка и около нея мальчикъ, изображающій Зигфрида и олицетворяющій искусство будущаго. Внутри домъ отличается роскошью и богатствомъ убранства. Залъ въ два этажа, съ освѣщеніемъ сверху, полъ мраморный; посрединѣ два рояля, въ углу органъ. На высотѣ второго этажа галерея, а изъ нея входъ въ комнаты верхней части дома. Подъ галерею полоса фресокъ изъ сказанія о Нибелунгахъ; вдоль стѣнъ прекрасныя мраморныя статуи, изображающія героев Вагнеровскихъ оперъ. Рядомъ съ заломъ кабинетъ Вагнера, состоящій изъ двухъ частей: первая прямоугольная, въ два этажа, безъ оконъ, съ роскошнымъ деревяннымъ рѣзнымъ потолкомъ съ позолотою; передняя часть полукруглая, съ пятью огромными окнами, выходящими въ садъ, такъ что эта часть залита свѣтомъ, а расположенная сзади остается въ полумракѣ. Въ полукруглой части кабинета боль-

¹⁾ Тамъ же.

шой мраморный рабочий столъ, а передъ нимъ великолѣпный экземпляръ драцены; по стѣнамъ прямоугольной части кабинета шкафы съ книгами и партитурами; сверху картины и портреты баварскаго короля, Листа, Вагнера, его второй жены Козимы и др. Вся эта громадная комната загромождена разнообразнѣйшими предметами роскоши и искусства, всѣхъ стилей и временъ; ковры во всю комнату, великолѣпная шкура бѣлаго медвѣдя, леопардовая шкура, китайскія ширмы, мебель разнообразнѣйшей формы, золотыя, серебряныя вещи, тяжелыя портьеры, пушковые атласныя занавѣси на окнахъ и т. п. Въ такомъ же характерѣ меблированы и другія комнаты. Всюду богатство и роскошь, но при этомъ нѣкоторая пестрота, яркость и рѣзкость красокъ грѣшатъ противъ строгихъ требованій вкуса.

Послѣ исполненій «Кольца Нибелунговъ» въ Байрѣтѣ, Вагнеръ допустилъ исполненіе своего произведенія и на всѣхъ другихъ сценахъ, которыя пожелають поставить его трилогію; это, конечно, противорѣчило прежнему намѣренію Вагнера, упорно отстаиваемому имъ въ теченіе 25-ти лѣтъ, отнюдь не давать «Нибелунговъ» для исполненія въ обыкновенныхъ театрахъ, но теперь намѣченная имъ цѣль уже была достигнута, театръ въ Байрѣтѣ былъ выстроенъ, торжественныя празднества состоялись, почему же и не отказаться отъ своего прежняго требованія, которое къ тому же не отличалось особенною рациональностью. Оперы цикла «Кольца Нибелунговъ» были поставлены на многихъ сценахъ, въ томъ числѣ даже на сценахъ небольшихъ театровъ, какъ въ Шверинѣ, Брауншвейгѣ и др., и успѣхъ ихъ исполненія доказала, что онѣ вовсе не требовали громаднѣйшихъ байрѣтскихъ затѣй.

Тѣмъ не менѣе, Вагнеръ настойчиво заботился объ упроченіи своего предпріятія, и 1-го января 1877 г. напечаталъ въ «Musikal. Wochenblatt» приглашеніе къ соединенію всѣхъ разрозненныхъ отдѣльныхъ Вагнеровскихъ фереинговъ въ одно общество «Patronatverein» для поддержанія байрѣтскихъ торжественныхъ представленій («Patronatverein zur Pflege und Erhaltung der Bühnenfestspiele zu Bayreuth»); главная задача общества должна была заключаться въ исходатайствованіи отъ германскаго рейхстага значительной субсидіи, которая могла бы обезпечить прочное существованіе байрѣтской «высшей школы драматическо-музыкальныхъ представленій». По этому приглашенію осенью того же года съѣхались въ Байрѣтъ делегаты Вагнеровскихъ фереинговъ изъ Вьенны, Берлина, Лейпцига, Мангейма, Геттингена, Карлсруэ и проч. Собраніе ихъ состоялось

15-го сентября на сценѣ байрѣтскаго театра, подъ предсѣдательствомъ Вагнера. Въ этомъ первомъ засѣданіи создавагоса такимъ образомъ байрѣтскаго Patronatverein'a былъ принятъ проектъ Вагнера о шестилѣтнемъ циклѣ музыкальныхъ празднествъ въ Байрѣтѣ, устраиваемыхъ ежегодно съ 1-го іюля по 30-е сентября, на которыхъ предполагалось исполнить лучшія симфоническія произведенія нѣмецкихъ композиторовъ, затѣмъ всѣ оперы Вагнера и, наконецъ, въ 1883 году закончить циклъ празднествъ торжественнымъ исполненіемъ, задуманнаго Вагнеромъ, новаго музыкально-драматическаго произведенія «Парцивалъ». Для привлеченія въ байрѣтскій фереинъ возможно большаго числа патроновъ, установленъ былъ самый умѣренный членскій взносъ, чтобы каждый, самый бѣднѣйшій музыкантъ, могъ сдѣлаться байрѣтскимъ патрономъ, если самъ, «по тупому равнодушію» не уклонился отъ такой предоставляемой ему чести. На слѣдующій день, присутствующіе въ Байрѣтѣ патроны собрались еще разъ въ домѣ Вагнера и, послѣ богатаго обѣда, выслушали въ чтеніи самого автора либретто «Парцивала», которое было написано въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ 1877 г. Разъѣхавшись изъ Байрѣта, подъ впечатлѣніемъ этого чтенія, Вагнеровскіе поклонники, конечно, не замедлили распространить по всѣмъ концамъ Германіи восторженные отзывы о новомъ чудесномъ произведеніи. Въ декабрѣ 1877 г. либретто «Парцивала» было напечатано, и Вагнеръ усердно принялся за партитуру; весной слѣдующаго года былъ оконченъ 1-й актъ новой оперы, а въ апрѣлѣ 1879 г. были готсвы всѣ три акта, за исключеніемъ инструментовки, оконченной лишь въ началѣ 1882 года.

Однако устройство предложенныхъ шестилѣтнихъ празднествъ въ Байрѣтѣ не удалось; противъ ожиданія, новыхъ членовъ въ Patronatverein поступало весьма немного, и вмѣсто предполагавшагося громаднаго общества, распространеннаго на всю Германію, образовался небольшой кружокъ наиболѣе преданныхъ Вагнеру друзей. Но за то эти друзья дѣлали все что могли. Бюловъ далъ рядъ концертовъ въ пользу «байрѣтскаго фонда»; нѣкто Friedrich Schön сдѣлалъ въ фондъ значительное денежное пожертвованіе и напечаталъ горячее воззваніе, на которое, впрочемъ, откликнулись лишь немногіе, такъ что въ общемъ денежныя средства ферейна были не въ блистательномъ положеніи.

1-го декабря 1880 г. Вагнеръ напечаталъ сообщеніе своимъ патронамъ о томъ, что исполненіе въ Байрѣтѣ «Парци-

валя» назначается лѣтомъ 1882 г.; причемъ объявить, что, отказываясь отъ своего первоначальнаго плана допускать на эти представленія только патроновъ фрейна, онъ сдѣлаетъ ихъ, наоборотъ, доступными для всей публики. «Парциваль» предназначается для исполненія исключительно и единственно только въ Байрѣтѣ, и такъ какъ представленія этого произведенія не ограничатся лишь небольшимъ числомъ, а будутъ также въ Байрѣтѣ и впредь, то затраты на постановку могутъ быть покрыты изъ представленій не только 1882 г., но также и слѣдующихъ годовъ.

Вскорѣ начались приготовленія въ постановкѣ новой оперы; исполнялись новыя декораціи по рисункамъ нашего соотечественника П. В. Жуковского, сына извѣстнаго поэта, дѣлались на сценѣ театра новыя приспособленія, новыя машины. Въ августѣ 1881 г. опять съѣхались въ Байрѣтъ изъ Вѣны, Берлина, Мюнхена, Лейпцига и т. д. артисты, избранные Вагнеромъ для исполненія «Парциваля», опять начались репетиціи сначала подъ фортепіано въ домѣ композитора, а потомъ съ оркестромъ въ театрѣ. На слѣдующее лѣто въ концѣ іюля и въ августѣ состоялось шестнадцать представленій «Парциваля», изъ которыхъ два предназначались исключительно для патроновъ байрѣтскаго фрейна, а остальные были доступными для всей публики. На эти представленія, такъ же какъ и въ 1876 г. на представленія «Кольца Нибелунговъ», съѣзжались въ Байрѣтъ слушатели со всѣхъ концовъ Европы; но въ теченіе шести лѣтъ горячее увлеченіе Вагнеровскими предпріятіями значительно остыло, поэтому въ этотъ разъ не было уже той торжественности, того воодушевленія какъ при первыхъ байрѣтскихъ празднествахъ. Конечно, недостатка въ оваціяхъ въ честь Вагнера не было, однако чувствовалось, что надежды, первоначально возлагаемыя на громадный успѣхъ театра въ Байрѣтѣ, не оправдываются.

Въ «Парцивалѣ» ¹⁾ Вагнеръ не сказалъ ничего новаго; эта опера написана въ томъ же стилѣ и въ томъ же направленіи, какъ и предъидущія его произведенія. Выбравъ сюжетомъ для новой оперы легенду о «Парцивалѣ», изъ цикла рыцарскихъ романовъ «Круглаго Стола» — очень распространенныхъ въ средніе вѣка, — Вагнеръ опять погрузился въ фантастическую область, ввелъ въ либретто массу мистицизма и переполнилъ свои стихи

¹⁾ Эту оперу Вагнеръ называетъ „Bühnenweihfestspiele Parsifal“; согласно такой орфографіи, по-русски слѣдовало бы писать „Парсифаль“; но оставленъ имъ, принятое въ лучшихъ литературныхъ сочиненіяхъ.

тайнственными символическими изреченіями, которыя не только мало понятны со сцены, но и для чтенія требуютъ особыхъ комментарій. Въ краткихъ словахъ содержаніе заключается въ слѣдующемъ: рыцарь Титурель, получивъ изъ рукъ ангеловъ копье, поразившее Спасителя, и чашу съ кровью Спасителя, основалъ для храненія этой святыни орденъ рыцарей св. Граля. Нѣкто Клингсоръ, не принятый въ число рыцарей, задумалъ мстить имъ и съ этою цѣлью устроилъ не далеко отъ Монсальвата, мѣстопребыванія рыцарей, волшебный замокъ съ садомъ наслажденій. Тамъ женщины ослѣпительной красоты и граціи привлекали къ себѣ рыцарей Граля, и многіе изъ нихъ погибли, не устоявъ противъ искушенія. Не устоялъ и Амфортасъ, когда его отецъ Титурель, достигшій глубокой старости, передалъ ему свои обязанности; обольщенный восхитительною красотою одной изъ женщинъ въ саду Клингсора, Амфортасъ забился въ ея объятіяхъ, и въ это мгновеніе Клингсоръ завладѣлъ священнымъ копьемъ. Съ этого времени у Амфортаса въ бодрѣ рана, неисцѣляемая никакими средствами. Однажды, въ оскорбленномъ алтарѣ, онъ молилъ объ искупленіи; св. Граль воссіалъ небеснымъ свѣтомъ, и невидимый голосъ явственно сказалъ: «Ожидай мною избраннаго,—чистаго невѣдѣніемъ, познающаго со-страданіемъ». Съ тѣхъ поръ рыцари ждутъ своего забывателя, и когда является юноша Парциваль, обнаруживающій полнѣйшее невѣдѣніе, они, предполагая встрѣтить въ немъ обѣщаннаго избранника, ведутъ его въ храмъ Граля. Парциваль стоитъ какъ очарованный: онъ видитъ рыцарей, собравшихся для причащенія, онъ слышитъ пѣніе дѣтскихъ голосовъ, помѣщенныхъ наверху въ куполѣ храма, онъ присутствуетъ при мучительномъ отчаяніи Амфортаса, но на вопросъ, понимаетъ ли онъ то, что происходитъ, онъ только разсѣянно и отрицательно качаетъ головою. Разочарованные рыцари грубо прогоняютъ Парцивала. Между тѣмъ, волшебникъ Клингсоръ, съ помощью магическаго зеркала, открывающаго ему будущее, узнаетъ, что Парциваль посланъ для спасенія Амфортаса, и замышляетъ обольщеніемъ юноши сдѣлать его недостойнымъ божественной миссіи. Для этой цѣли онъ волшебными заклинаніями вызываетъ Кундри, служившую ему также при искушеніи Амфортаса. Эта несчастная женщина смѣялась на пути Іисуса Христа на Голгоу; съ того времени, осужденная на сатанинскій хохотъ вмѣсто слезъ, она скитается по свѣту; измученная жизнью, надѣясь на прощеніе, не умѣя заслужить его, она то дѣлаетъ добро и служить св. Гралю, то силою проклятія снова влечется къ злу. На заклина-

нiя Клингсора, Кундри поднимается изъ пропасти посреди голубоватыхъ паровъ. Она хочетъ сопротивляться заклинателю; но его воля сильнѣе. «Кто устоитъ противъ твоихъ обольщенiй», говоритъ ей Клингсоръ, «тотъ спасетъ тебя. Испытай приближающагося юношу». Но обольщенiя Кундри, превращенной въ ослѣпительную красавицу, не удались; Парциваль устоялъ противъ ея чаръ и хочетъ знать только дорогу въ Амфортасу. Тогда Кундри, въ изступленiи, закликаетъ всѣ пути, по которымъ долженъ идти Парциваль, обрекая его, такимъ образомъ, на долгое, безплодное странствованiе. На крики Кундри, является на стѣнѣ башни Клингсоръ и бросаетъ въ Парцивала священнымъ копьемъ; но копье останавливается надъ головой юноши, и онъ легко овладѣваетъ святыней. Башня рушится при раскатахъ грома, садъ засыхаетъ и окрестныя горы покрываются снѣгомъ. Продолжительныя странствованiя Парцивала, изображенныя въ оркестровой прелюдиі къ 3-му акту, наконецъ окончились, и онъ снова появляется въ Монсальватѣ. Встрѣтивъ стараго рыцаря Граля, Парциваль преклоняетъ колѣни и говоритъ ему: «Я счастливъ, что встрѣтилъ тебя. Иду къ тому, чьи слышалъ жалобы и не могъ понять ихъ; несу священное копье Граля». Старикъ объясняетъ ему, что рыцари давно нуждаются въ спасенiи, ихъ печали и бѣдствiя не переставали возрастать; Амфортасъ, не желая ничего, кромѣ смерти, отказывается отерывать Чашу, созерцанiе которой дѣлаетъ его бессмертнымъ. Рыцари остаются безъ причащенiя, ихъ героическія силы ослабѣваютъ; безъ вождя, безъ мужества, они бродятъ безцѣльно, блѣдныя и несчастныя. Титурель, святой герой, не поддерживаемый болѣе созерцанiемъ Чаши, умеръ какъ простой смертный. Парциваль предается отчаянiю, считая себя причиной всѣхъ этихъ бѣдствiй. Тогда одинъ изъ рыцарей льетъ на преклоненную голову Парцивала сперва воду, для омовенiя отъ грѣха, потомъ святой елей. «Будь благословенъ»,—говоритъ онъ торжественно. «Какъ заповѣдано, посвящаю тебя, чистое существо, просвѣщенное состраданiемъ; ты страдалъ печальми того, котораго освобождаешь; облегчи еще его главу отъ бремени королевской власти». Въ это время колѣнопреклоненная Кундри, подобно кающейся Магдалинѣ, омыла ноги Парцивала и отерла ихъ своими волосами. Парциваль льетъ на нее воду и говоритъ: «Прими крещенiе и вѣруй въ Искупителя». Раздаются звуки похороннаго марша; занавѣсъ падаетъ на одну минуту и, поднимаясь, открываетъ декорацію храма Граля. Съ одной стороны вносятъ тѣло умершаго Титуреля, съ другой—появляется на носилкахъ страждущій Амфортасъ, падающій на ступени алтаря, умоляя

рыцарей мечомъ положить конецъ его страданіямъ. Въ это мгновеніе торжественно входитъ Парцивалъ; прикосновеніемъ священнаго копья онъ исцѣляетъ Амфортаса и, приблизясь къ алтарю открываетъ Чапу. Сцена темнѣетъ, и въ блестящемъ лучѣ свѣта сверху спускается надъ Парцивалемъ голубь. При звукахъ нѣнія рыцарей, входитъ Кундри; на нее также падаетъ лучъ свѣта и она склоняется на ступени алтаря бездыханная и искупленная. — «Христіанская драма, возродившаяся изъ глубины національнаго германскаго духа» — говорятъ поклонники Вагнера объ этомъ полу-мистическомъ, полу-фантастическомъ либретто. «Ужасное (grässliches) либретто!» — говоритъ извѣстный музыкальный критикъ Гансликъ. «Чистѣйшій фарсъ» — замѣчаетъ другой критикъ.

Относительно музыки «Парцивала» можно не распространяться, такъ какъ пришлось бы повторять уже высказанное выше то же преобладаніе оркестра надъ вокальными партіями, какъ въ «Нибелунгахъ», та же бѣдность тематической изобрѣтательности, то же богатство гармоній и роскошь оркестровыхъ партій, и, наконецъ, тѣ же приемы сочиненія музыки на ограниченное число небольшихъ темъ, изобрѣтенныхъ для характеристики дѣйствующихъ лицъ и драматическихъ положеній, какъ напр., тема Граля, Клингсора, Кундри, или тема изреченія послѣдней вечери, тема волшебства, тема пророчества и пр. Вообще эта партитура въ лаврамъ автора «Кольца Нибелунговъ» ничего прибавить не можетъ.

Парцивалъ было послѣднимъ произведеніемъ Вагнера. Въ послѣдніе годы онъ чувствовалъ себя уже не такъ здоровымъ, какъ прежде и на зимнее время переселялся изъ Байрѣта въ югъ. Съ ноября 1881 г. до конца апрѣля 1882 г. Вагнеръ прожилъ въ южной Италіи; послѣ исполненія «Парцивала» онъ уѣхалъ въ Венецію, и въ палаццо Vendramin на Canal grande провелъ послѣдніе мѣсяцы своей жизни. Вечеромъ (13) 1 февраля 1883 г. телеграфъ сообщилъ изъ Венеціи по всей Европѣ о внезапной смерти Рихарда Вагнера, постигшей его въ тотъ день послѣ обѣда, отъ разрыва сердца. Прахъ композитора былъ перевезенъ въ Байрѣтъ и похороненъ въ саду, окружающемъ виллу «Wahnfried», подъ густою тѣнью деревьевъ, въ могилѣ, которая, по приказанію автора «Нибелунговъ», была вырыта уже нѣсколько лѣтъ назадъ и оставалась прикрытая плитой съ надписью: «Рихардъ Вагнеръ».

П. Трнеоновъ.

БЕЗЪ МУЖЕЙ

ПОВѢСТЬ.

ПАМЯТИ ВЛИКАГО МАСТЕРА.

I.

Тихо. На утесѣ прокричалъ орелъ. Быстро сгущалась ночь; на небѣ заискрились звѣзды; съ моря въ воздухѣ поныла влага, но тепло еще дышало въ лицо по всему побережью. Въ темнотѣ, подъемъ въ гору, по шоссе, изгибался полосой отъ окраины, гдѣ рассыпались голыши — вплоть до площади; тамъ среди кипарисовъ сѣрѣло зданіе, все въ окнахъ. Въ немъ освѣтится то одно окно, то другое.

Дорога вела вдоль виноградниковъ. Пахло дымкомъ — гдѣ-нибудь сторожа разложили костеръ. Сверху, подъ сводомъ неба, занялись гребни скалъ, отражая вспышку зари. По срединѣ пути, въ спускѣ къ котловинѣ, купа деревьевъ наклонилась надъ перилами моста. У самаго шоссе журчали изъ желобовъ два ствола воды.

Передъ тѣмъ только-что приходили сюда съ графинами двѣ дамы, нацѣдили и вернулись наверхъ. Вода была ключевая, на вкусъ кисловатая, студеная. За ней не гѣнились ходить и господа.

По горѣ, то адѣсь, то тамъ, въ доминахъ, изъ-за деревьевъ парка забѣгали огни. Тѣни сливались и падали слоями. Звуки шаговъ доносились звучнѣе. По небу пробѣжала звѣзда. Вдали трепетно лезнуло по облаку пламя маяка. Море поклоилось пластомъ стали и беззвучно вздрагивало.

Къ ключу подходила женщина въ черномъ—дрѣть ея платья отставалъ рѣзко отъ темноты ночи. Она шла тихо, не твердо, тѣло ея слегка колыхалось; а голову наклонила она впередъ и не глядѣла по сторонамъ. Отъ худобы она казалась выше средняго роста, изъ-подъ ободка косынки полосой пепла легла просѣдь волосъ. Лицо смутно расплывалось въ овалъ. Только изъ впадинъ зрачки замѣтно блестѣли.

Она несла бутылку. На спускѣ къ ключу—она оступилась, пугливо вскрикнула, отерла ботинку о траву, нагнулась и подставила горлышко подъ струю. Назадъ пошла она сначала скорѣе, спотыкалась о щебенъ дороги, потомъ опустила голову и впала въ раздумье. Походка сейчасъ же замедлилась. Въ одномъ мѣстѣ отъ горы выдался клиномъ. Въ виноградникѣ, подъ тычинками лозъ, зачернѣлъ длинный мужской станъ. Винтовка торчала за спиной сторожа-татарина. Онъ чуть замѣтно двигался между градь.

Она вскинула вверхъ голову, увидала сторожа, отшатнулась и вскрикнула.

— Ничиво! — успокоилъ ее татаринъ, по-русски, и тихо засмѣялся горломъ.

— Ахъ!—больше вздохнула, тѣмъ воскликнула она, и прошлась рукой по глазамъ.—Караульщикъ?

— Точно такъ.

Дальше она опять ускорила шагъ. Только у крутого спуска, передъ лѣсенкой, она остановилась, довольно долго глядѣла на ленту моря и сбѣжала внизъ къ домику; подъ навѣсомъ крыльца отперла она ключемъ дверь и скрылась.

II.

Но ее видѣло, когда она нацѣживала воду въ бутылку, цѣлое общество гуляющихъ: оно сидѣло по ту сторону деревьевъ, на скамѣ. Ее узнали и въ темнотѣ.

Сидѣло двое мужчинъ и три дамы. Разговоръ пошелъ шопотомъ.

Маленькая женщина въ свѣтломъ платьѣ (всѣ онѣ были безъ шляпокъ) наклонила голову и, захлебываясь, говорила:

— Это она... видите, какъ она ходитъ? Разумѣется, сумасшедшая!..

— Ну, Людмила... кто это знаетъ? — возразилъ слабымъ голосомъ мужчина въ мафферланѣ — мужъ ея, контористъ изъ Петербурга.

— Ты ее не видалъ хорошенько.

— За табльд'отомъ она не бываетъ,—замѣтила полногрудая, низенькая дѣвушка, въ короткомъ клѣтчатомъ платьѣ. Изъ-подъ юбки бѣлылись чулки въ башмакахъ съ прорѣзами.

Между ними сидѣлъ мужчина съ густой бородой въ бѣломъ гѣтнемъ костюмѣ и соломенной шляпѣ.

— Ахъ, mesdames,—звонко сказалъ онъ,—просто больная... Ну, можетъ, и расстройство какое... Кто же нынче не боленъ душевно. Новые психіатры...

Онъ не докончилъ и круто повернулся къ брюнеткѣ, сидѣвшей направо отъ него, на самомъ краю скамьи.

— Такъ какъ же, mademoiselle Усманская, вы не участвуете въ нашемъ пикникѣ?—спросилъ онъ дѣвушку въ сѣромъ платьѣ.

Она сидѣла облокотясь о спинку скамьи. Волосы ея — совсѣмъ черные—были на лбу взбиты по модному. Отъ нея шелъ запахъ геліотропа.

— Вы думаете, что вамъ будетъ весело?

Густой голосъ ея немного вздрагивалъ.

— И какъ еще!—крикнулъ мужчина въ бородѣ, всталъ и началъ говорить съ жестами. — Кавалькада: пять кавалеровъ, столько же дамъ. Два татарина. Одинъ изъ нихъ съ провіантомъ. Обѣдать тамъ, на Ай-Пѣтри. Будемъ танцовать. Въ восьмомъ часу новый привалъ, и назадъ. Домой попадемъ къ ужину. Помилуйте,—обратился онъ опять къ дѣвушкѣ въ сѣромъ,—вы совсѣмъ не пользуетесь природой. Такая красота!.. Только тамъ, на высотахъ и живешь!.. Вѣдь вы ѣдите верхомъ?

— Да.

— А до сихъ поръ я не видалъ васъ ни разу на конѣ.

— На конѣ!..—повторила дѣвушка, и про себя разсмѣялась.

— Угодно? Я распоряжусь, прикажу Мехмеду съ вечера, чтобы еще была лошадь съ дамскимъ сѣдломъ.

Дѣвушка промолчала. Толстенъкая дѣвица въ короткомъ платьѣ поглядѣла на мужчину въ бѣломъ: «зачѣмъ-де вы ее упрашиваете, она насъ стѣснить, она слишкомъ аристократка».

III.

И въ самомъ дѣлѣ, она была не ихъ общества и тона. Даже сидѣла она, хоть и оперлась о спинку скамьи, — такъ, какъ будто дожидается удобной минуты: распрощаться со всѣми и уйти. Ей давно надо быть дома. Совсѣмъ ночь; а она заси-

живается съ незнакомыми. Мать ждетъ ее, и можетъ опять выдти сцена. Но она рада была, хоть одинъ вечеръ, очутиться среди веселыхъ, непринужденныхъ людей. Этотъ Павелъ Павловичъ—такъ звали мужчину съ бородой—душа всего табльд'ота. Онъ начиналъ ей нравиться. Кажется, онъ адвокатъ.

— Который часть?—вдругъ спросила она, не давая отвѣта на распросы Павла Павловича.

— Десять скоро,—отвѣтила жена конториста.

— Мнѣ пора,—твердо выговорила она и поднялась.

За ней встали и остальные. Обѣ дамы остались назади. Рядомъ съ ними мужчина въ мафферланѣ.

— Торопитесь?—спросилъ на ходу Павелъ Павловичъ.

— Да, поздно,—отвѣтила она и въ бокъ поглядѣла на него.

Онъ шелъ грудью впередъ и закинувъ голову. Глаза онъ на-половину закрылъ. Шагаль онъ легко, и лѣвая его рука двигалась съ жестомъ военного. Свою длинную бороду носилъ онъ внизу уже; щеки выдались отъ полноты и загара. Изъ-подъ шляпы темнѣли волосы. Но она видѣла, когда онъ снималъ шляпу, что у него начинается рѣдѣть маковка. Который ему годъ—она опредѣлить не можетъ: между тридцатью и сорока.

— Подниматься легче будетъ,—сказалъ онъ, улыбнулся и предложилъ ей руку.

У ней было чуть замѣтное колебаніе; но она протянула свою и пошла съ нимъ въ ногу.

Ея голова приходилась ему по плечо. А когда онъ увидѣлъ ее въ первый разъ, въ столовой, она показалась ему очень крупнаго роста. Онъ тогда, съ другого конца стола, замѣтилъ ея голову, большую, круглую, съ взбитыми на лбу волосами, ея сочныя губы, расширенныя ноздри, скулы, смуглое лицо, широкій станъ, затянутый въ длинный корсажъ и жестковатый. Брови ея, густыя и прямыя, и родинку съ волосиками на лѣвой щекѣ онъ также замѣтилъ. Возлѣ нея сидѣла ея мать, маленькая, совсѣмъ бурая «барынька» (онъ такъ ее называлъ про себя), въ морщинахъ, въ накладѣхъ изъ буколы коричневаго цвѣта, съ лорнетомъ. Она была въ свѣтломъ платьѣ и кружевной косынкѣ, съ наволокой на волосахъ; всѣхъ осматривала въ лорнетъ, дѣлала гримасы ртомъ со вставными изъ-синя зубами. Своими ужимками она показывала, что всѣ, кто сидитъ за столомъ — «не изъ общества».

Послѣ того онъ только еще одинъ разъ являлись за табльд'отъ.

IV.

— Васъ какъ зовутъ? — спросилъ онъ на ходу и слегка потянулъ ее, ускоряя шагъ.

— Вы знаете.

— Нѣтъ: имя, отчество?

— Марья Денисовна.

Ей странно было говорить съ мужчиной по-русски. Въ гостинныхъ это не дѣлается, по крайней мѣрѣ въ началѣ разговора. А она любила русскій языкъ; ее даже огорчало то, что у ней странный выговоръ. Изъ всѣхъ мужчинъ, видѣнныхъ ею, здѣсь, въ паркѣ или въ общей столовой, этотъ Павелъ Павловичъ, кажется, самый занимательный. Но онъ, навѣрно, несвободно говорить по-французски. Онъ тоже «не изъ общества», хотя очень развязенъ и боекъ на слова. Что онъ адвокат — она почти рѣшила.

— Марья Денисовна, я вижу вы не любите женскихъ пересудъ.

— Зачѣмъ? — спросила она и покраснѣла, замѣтивъ ошибку противъ языка: ей слѣдовало сказать: «почему».

— Да вотъ, на счетъ этой дамы... Ну что такого тутъ страннаго, что она ни съ кѣмъ не знакомится? И сейчасъ — сумасшедшая!.. Одна барыня увѣряетъ даже, что она пьетъ.

— Что?

— Пьетъ... не знаю ужъ что: вино... то-есть напивается.

— Фи!..

Дѣвушка сдѣлала движеніе всѣмъ станомъ.

— Вотъ видите!.. Иначе и нельзя. Живутъ вмѣстѣ, сидятъ по комнатамъ, пьютъ кофе, киснуть... Вмѣсто того, чтобы цѣлый день лазить по горамъ, скакать, купаться по три раза... Вы въ какомъ часу? — вдругъ оборвалъ онъ свою рѣчь.

— Что?

— Купаетесь?

Такой простой вопросъ сейчасъ бы возмущилъ ее мать. Вѣдь она дѣвушка, онъ молодой еще мужчина, не представленный имъ; ночью, идти съ ней подъ руку и говорить о часахъ купанья въ такомъ тонѣ, точно будто онъ ея близкій родственникъ.

Онъ опять сбоку поглядѣлъ на нее и усмѣхнулся.

— Вы очень торопитесь? Развѣ вы не можете возвращаться, какъ вамъ вдумается?

— Нѣтъ, не могу, — сухо отвѣтила она.

Павелъ Павловичъ понялъ, что вопросъ его былъ лишний. «Сердится дѣвица», подумалъ онъ. «Хочется пожить, да маленька держать малолѣткою. А, кажется, намъ годовъ-то порядочно».

Но такъ какъ онъ всегда жалѣлъ всѣхъ русскихъ дѣвушекъ, то и тутъ мягко взглянулъ на нее и задумался.

Они шли молча минуты три. Небо уже выпѣло звѣздами.

V.

Павелъ Павловичъ Гуцинъ считалъ себя защитникомъ и другомъ русскихъ дѣвушекъ вообще. Онъ смотрѣлъ на нихъ съ нѣжностью; немного покровительственно обращался съ тѣми, кого встрѣчалъ въ пріятельскихъ кружкахъ. Вотъ и теперь онъ почувствовалъ жалость къ этой свѣтской барышнѣ, кажется, уже порядочныхъ лѣтъ и подъ надзоромъ, должно быть, дрянной матери, набитой чванствомъ. Знаніе жизни, связи съ женщинами, два дуэля, смѣлость и благородство поступковъ въ щекотливыхъ случаяхъ—все это давало ему, въ собственныхъ глазахъ, право глядѣть на свою новую знакомую, какъ ласковый учитель глядитъ на воспитанницъ, когда заговариваетъ съ ними въ переѣзду, а самъ боится окрика класной дамы.

— И завтра не можете на пикникъ?—спросилъ онъ шутливо, но мягко. Онъ хотѣлъ показать ей, что понимаетъ ее невольное раздраженіе.

— Мы собираемся въ Ялту.

— Да гдѣ вы уже были тамъ?

— Проѣздомъ. Мы еще ничего не видали.

— А еслибъ вы остались дома... пустили бы васъ?

Она засмѣялась.

— Вы не сердитесь. Я васъ не дразню; но мнѣ за васъ обидно.

— Къ чему?—жестовато выговорила она.

— Помилюте! Гдѣ мы? Въ какомъ мы году? Оглянитесь вокругъ васъ. Сколько дѣвушекъ на полной свободѣ... живутъ, ѣздятъ однѣ, уѣзжаютъ за-границу, рѣшаютъ свою судьбу, любить... Это—невозможно!

— Очень возможно!—сказала она и смолкла.

Ей не слѣдовало и этого: что бы она ни испытывала—большое мѣщанство жаловаться. Особенно мужчинѣ его лѣтъ. Еще мальчику-офицеру, иногда, выгодно ссаять двѣ-три горькихъ фразы.

Воображеніе сейчасъ заиграетъ у офицера. Въ десять минутъ она поняла этого бородатаго адвоката. Онъ обращался съ ней ласково и поощрительно; а она, тѣмъ временемъ, разбирала его сухо и спокойно. Съ такимъ человѣкомъ не нужно много тонкости. Надо дѣйствовать сильными минутами. Онъ считалъ ее «такъ-себѣ», свѣтской барышней, накрахмаленной, задержанной, пугливой и совсѣмъ не жившей. Еще немножко, и онъ начнетъ говорить съ ней фамиллярно, какъ съ дѣвчонкой.

А она, когда встрѣтила его, на берегу и присоединилась къ гуляющимъ, разорвала послѣднюю нитку чего-то, чтó ей казалось прежде чувствомъ къ матери. Она ожесточилась. И теперь одна голова ея работала: если онъ адвокатъ, у него можетъ быть порядочная практика, онъ добръ, веселаго нрава, у него — либеральныя идеи, онъ легко поймается на великодушномъ порывѣ; лѣтъ ему, пожалуй, тридцать-пять, такіе мужчины всегда нѣсколько запаздываютъ жениться — тѣмъ лучше. Только не надо его допускать до фамиллярности, до тона добраго дяди, готоваго взять племянницу подъ крылышко.

VI.

— Вы здѣсь отдыхаете? — спросила она, гораздо мягче.

— Да, это мои ^{нѣ}вакаціи.

— Гдѣ?

— Тамъ, гдѣ я читаю.

— Вы читаете? — спросила она съ недоумѣніемъ.

— Лекціи.

— А-а...

Это ей показалось лучше, чѣмъ адвокатура; но что это дастъ — она не знала.

— Вы...

Она искала слова.

— Я профессоръ.

Онъ прибавилъ — какаго права. Сказалъ и гдѣ: — въ одномъ изъ южныхъ университетовъ.

— Это близко отсюда? — Опять ей сдѣлалось непріятно, что она задаетъ дѣтскіе вопросы.

— Не далеко, — весело отвѣтилъ онъ, и вдругъ сталъ напѣвать что-то.

Это ее и разсмѣшило и укулоло. Да, онъ «не изъ общества». Кто же это начнетъ въ разговорѣ съ свѣтской дѣвушкой

напѣвать?.. Почему же послѣ того не засвистать? Она-было хотѣла проучить его, но подумала: «не слѣдуетъ теперь». Его довольное лицо, бодрая походка съ покачиваніемъ, костюмъ изъ китайскаго шелка, начинали сердить ее больше, тѣмъ то, что онъ запѣлъ. Такъ и нышло отъ него свободой и тѣмъ, что онъ молодъ, видный собой, занимается положеніе, природу любить, аппетитъ у него отличный...

Почему все это у него? А не у ней! Онъ уже ей не казался ни добрымъ, ни понимающимъ. Но чтожъ изъ этого? Каковъ бы онъ ни былъ, она не можетъ разбирать съ нимъ всѣ отбѣнки своего интимнаго чувства. Она должна все это припрятать. Иначе ей не уйти изъ каторги. Французское слово «baigne» было ею произнесено въ головѣ. Думала она по-французски.

— Я хотѣла бы поѣхать верхомъ,—начала она, но только не въ такомъ большомъ обществѣ.

— Бойтесь смѣшаться кое съ кѣмъ?

— Это не удобно,—отвѣтила она такъ значительно, что онъ перемѣнилъ тонъ.

— Вы, кажется, хорошо ѣздите?—поспѣшила спросить она.

Ей стало досадно, что по-русски она говорить безцвѣтно: не хватаетъ словъ. Просто она глупѣетъ. Будь это по-французски, она бы ему въ четверть часа показала, какъ она умѣетъ говорить и думать. На томъ языкѣ готовыя фразы. Ими играешь, какъ шариками. А тутъ надо заново составлять фразы. И въ салонахъ ихъ никогда не произносятъ.

— Хотите, какъ нибудь маленькую прогулку въ Алуку? Вотъ начнутся лунныя ночи. Чудо! Особенно въ верхнемъ паркѣ.

«А что это будетъ стоить? Но если у васъ пойдетъ на ладъ, она должна согласиться».

Мать свою Марья Денисовна называла про себя—«она».

— Когда захотите—скажите мнѣ. Ваша татапа можетъ на меня положиться.

VII.

Они поднялись навверхъ. По обширной площадкѣ еще гуляли. Подъ фиговымъ деревомъ, на длинномъ диванѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ. Отъ кухни къ сѣрому зданію пробѣгали лакеи и носили самовары и посуду. У колодца слышно было какъ лошади жуютъ сѣно. Паркъ шелъ вверхъ террасами.

— Вы вѣдь навверху живете?—спросилъ Гущинъ.—Позвольте мнѣ проводить васъ. Совсѣмъ темно. Я знаю хорошо дорожки.

Руку свою она уже успѣла выдернуть. Они шли рядомъ. Въ нихъ всматривались гуляющіе.

— Павелъ Павлычъ! — раздался женскій голосъ съ дивана.

— Васъ зовутъ, — тихо выговорила дѣвушка, — я не вижу кто.

— Павелъ Павлычъ! — донеслось изъ другой группы.

— Какъ васъ любить...

Она сказала это просто. Ему понравилось.

— Все насчетъ пикника. Да я еще успѣю вернуться.

По каменной узкой лѣснѣ, высѣченной въ горѣ, стали они подниматься на первую террасу, гдѣ въ двухъ домикахъ свѣтились огни. Она могла бы и отблагодарить его, подняться одна; но эти проводы казались ей излишними. Отнынѣ она не будетъ терять ни одной секунды даромъ. И все, что она задумаетъ — она выполнитъ, не взирая ни на что! Будь это еще двѣ недѣли назадъ, она не пошла бы даже гулять съ незнакомыми. Но теперь что бы ее ни ждало дома, она ко всему готова.

Со второй террасы они вступили въ аллею, совсѣмъ темную. Подъ ногами мягко разстилалась прошлогодняя хвоя и сухіе листья орѣшника. Сквозь листву мигали звѣзды.

Справа залаяла собака, другая подхватила, и обѣ залились жидкимъ лаемъ.

— Цыцъ! Розка! Фиделька! — крикнулъ на нихъ молодой женскій голосъ.

И въ аллеѣ забѣлѣлось.

— Здравствуйте, барышня, — звонко послышалось среди ночи.

— Поля... это вы? — спросила Марья Денисовна и остановилась.

— Я, барышня.

У Поля былъ пріятный гортанный голосокъ. Вблизи Гуцинъ разсмотрѣлъ, что она прикрыла голову татарской чадрой, разшитой шелками по кисей. Онъ примѣтилъ эту дѣвочку. Ей пошелъ шестнадцатый годъ.

И встрѣча съ Полей не смутила Марью Денисовну. Когда горничная убѣжала, Гуцинъ опять подаль руку своей дамѣ.

VIII.

Аллея перешла въ голую, неровную полянку, засаженную оливковыми деревьями. Они чуть-чуть серебрились. Отъ полянки паркъ сдѣлался гуще, пошли хвойныя деревья и крупный орѣшникъ. Дорожка слезилась. Темнота стояла синяя.

«А если онъ меня вдругъ поцѣлуетъ?» —спросила про себя дѣвушка.

И не смутилась своимъ вопросомъ. Но она не чувствовала никакого волненія, даже и такого, какое даютъ танцы, когда статный кавалеръ беретъ за талію. Спутникъ ея былъ также спокоенъ. Эта дѣвушка не настраивала его ни на что особенно нѣжное. Ему было съ ней гораздо меньше ловко, чѣмъ со всѣми другими дамами и дѣвицами. Хотѣлось бы развѣ еще пожурить ее отеческимъ тономъ за то, какъ она допустила себя до такихъ «унизительныхъ» строгостей со стороны матери. Довести ее въ сохранности считалъ онъ своимъ долгомъ. Пускай свѣтская барышня знаетъ, что не въ однихъ барскихъ гостиныхъ умѣютъ быть любезными. Павлу Павловичу сдавалось также, что эти дамы напускаютъ на себя барство, кажется, совсѣмъ не въ мѣру. Если онѣ живутъ тамъ, наверху, въ маленькомъ домикѣ, въ комнатахъ, въ родѣ чуланчиковъ, такъ состоянія у нихъ быть не можетъ. Туалеты матери—смѣшноваты, а дочь одѣвается только-что прилично, хотя и по модѣ. Будь Гуцинъ менѣе добродушенъ, онъ бы на этомъ поигралъ. Но жалость къ дѣвушкѣ покрыла все остальное.

— Вотъ скоро и ваша калитка,—сказалъ онъ тихо.

Она остановилась.

— Благодарю васъ. Вамъ пора вернуться. Здѣсь два шага.

— Собаки?

— Я знаю ихъ.

— Такъ рѣшено... мы ѣдемъ въ Алупку, какъ только дождемся полнолунія? Тогда позвольте взять еще одну только даму.

— Кого-же? Изъ этихъ?

— Жена моя пріѣдетъ черезъ недѣлю. Она зажила въ Швальбахѣ.

— Жена ваша?..

Голосъ у ней упалъ противъ ея воли; но Гуцинъ этого не замѣтилъ.

— Да... А васъ это удивляетъ? Благодарю. Самый лучший комплиментъ мнѣ.

Она поклонилась молча, руки ему не дала, и пошла къ калиткѣ.

Гуцинъ побѣжалъ съ горы.

IX.

Домикъ, въ родѣ будки, раздѣленъ на двѣ комнаты. Между ними нѣтъ двери въ досчатой перегородкѣ. Одно окно выходитъ въ изгороди, другое, слѣва отъ входа — на дворъ. Въ первомъ окнѣ только и былъ свѣтъ.

Марья Денисовна отперла ключемъ дверь изъ крошечныхъ сѣней, и вошла въ темноту.

— C'est vous?—спросили изъ-за перегородки высокой нотой.

Она ничего не отвѣтила и зажгла свѣчу. Еле можно было повернуться. Кровать и комодъ со столомъ занимали почти всю комнату. Вдоль перегородки, подъ двумя простынями, висѣли платья.

— C'est vous?—послышался вопросъ рѣзче и визгливѣе.

— C'est moi,—отвѣтила дѣвушка и стала раздѣваться.

Она знала, что мать сегодня не войдетъ къ ней; а если будетъ сцена, то завтра, передъ отправленіемъ въ Ялту. Да и то чего-нибудь «большого» — не случится. Послѣ того, что нынче было передъ обѣдомъ, мать можетъ ожидать всего.

Но чего? Вотъ этотъ вопросъ и всталъ передъ ней, когда она, наскоро раздѣвшись, легла и потушила свѣчу.

— Вы спите?—спросили еѣ по-русски.

— Я устала,—отвѣтила она и нарочно закрыла глаза.

Говорить съ матерью сдѣлалось для нея невыносимымъ, хуже тѣмъ выслушивать ея окрики и приставанья. Она кончить тѣмъ, что перестанетъ совсѣмъ говорить; будетъ только отвѣчать — односложно.

Но чѣмъ же она запугаетъ мать? А нужно. Опять нѣтъ никого въ виду. Тотъ профессоръ могъ бы спасти ее. Она бы не стала бросаться ему на шею; но сошлась бы съ нимъ скоро. Нѣсколько искреннихъ разговоровъ — и понравится она ему — отчего же бы и не конецъ? Онъ женатъ и кажется прочно. Голось его звучалъ такъ мягко, когда онъ упомянулъ о женѣ. Лечится въ Швальбахѣ. Стало, болѣзненная. Зачѣмъ, зачѣмъ тутъ жена?..

Такия мысли уже не смущаютъ и не стыдятъ Марью Денисовну. Нѣтъ больше мочи выносить положенія двадцати-четырехлѣтней дѣвушки, неидущей съ рукъ у матери. Есть предѣлы: — за нимъ то чувство, что вы — товаръ, невольница на торгу не вѣсть, переходить въ ожесточеніе. Все, что бы ни ожидало васъ въ замужествѣ — *лучше* того, какъ вы живете. Мать стала давно

постылымъ существомъ. Въ ея лицѣ стояла передъ дѣвушкой одна алчность расчета: выдать повыгоднѣе и жить потомъ на хлѣбахъ зятя. Тайная нищета, тщеславіе, духъ касты, всѣ виды жалкаго и смѣшного себялюбія — вотъ что была для нея мать. Уже второй годъ пошелъ какъ она ей — ненавистна до послѣдней степени. Мать—убійца: иначе она не въ силахъ считать ее. И это преступленіе отняло у дочери средство защиты. Чѣмъ она испугаетъ ее, какой угрозой?..

X.

Еслибъ не то, что случилось около двухъ лѣтъ тому назадъ, она — когда ей придется совсѣмъ не въ моготу — пришла бы и сказала матери:

— Еще одна ваша выходка и я брошусь въ море. Вы знаете, что я на вѣтеръ не говорю.

Но одна утопленница уже есть. Такая угроза — ни къ чему. Сестра Лили не грозила, а просто утопилась. Черезъ недѣлю придетъ день ея памяти. Это было на водахъ, — всегда въ воды, сезоны! — въ августъ. Случился генералъ въ уѣздѣ съ бригадой. Какого же еще жениха? Мать напрягла послѣднія усилія. Лили — прозрачная, кроткая — выслушала приказъ: понравиться генералу и не разсуждать о томъ, что онъ пошелъ, толстъ, съ краснымъ прыщавымъ затылкомъ и грубыми шуточками. Черезъ мѣсяцъ ее объявили невѣстой. Послѣднія крохи были собраны для приданого. Задолжали во всѣхъ магазинахъ Кузнецкаго и Пассажа Солодовникова; за то что за подвѣчное платье было! Лили улыбалась, съ сестрой избѣгала разговоровъ, должно быть боялась ее, считала ее въ уговорѣ съ матерью. Въ публичномъ саду былъ большой прудъ. Лили ходила туда читать. Наканунѣ свадьбы она долго не возвращалась къ чаю; а ушла — когда всѣ еще спали.

Первая, сестра увидала письмо, незапечатанное, безъ адреса, пробѣжала его и бросилась къ матери.

Въ письмѣ стояло по-русски:

«Милая мама, я не могла побороть себя. Знаю, что огорчу васъ съ Мери; но это выше силъ моихъ. Онъ мнѣ противенъ, когда беретъ меня за руку — меня тошнитъ. А поцѣлуй его — просто мученье! Ты истратилась на мое приданое. Это меня терзаетъ; но я, ей Богу, не могу. Страшный грѣхъ беру на себя, но Богъ проститъ. Прости и ты. И Маня пусть проститъ

меня за то же. Не ищите меня. Не нужно. Меня уже нѣтъ въ живыхъ, когда вы читаете эти строки. Ключи отъ моихъ сундуковъ лежатъ на полочкѣ, подъ кроватью. Врѣшко цѣлую васъ. Христосъ съ вами.

«Лили».

У ней у первой блеснула мысль—«Лили утопилась». Побѣжали къ пруду, ѣздили въ лодкѣ съ баграми, насилу вытащили. Она надѣла себѣ на голову наволочку, а шею перевязала шнуркомъ и привѣсила къ нему гирю: гдѣ-то нашла старую гирю отъ стѣнныхъ часовъ.

И лежала она бѣлая, точно въ саванѣ, съ укутанной головой, на травѣ, на берегу, пока пришли полицейскіе и слѣдователь.

XI.

И что же?.. Мать изъ похоронъ сдѣлала зрѣлище. На Лили надѣли подвѣчное платье, выписанное изъ Москвы. Сбѣжался весь городокъ, всѣ больные. Офицеры несли гробъ. А слѣдовало бы подвѣчное платье прибрать для старшей дочери, оставшейся въ живыхъ. Ей мать и дала понять, на другой день послѣ похоронъ, что женихъ долженъ остаться въ фамиліи, что это будетъ даже очень благородно и красиво.

Она только пожала плечами. Теперь бы она и за него пошла. Лили она завидовала. Та раннее догадалась. Идти на самоубійство, послѣ нея, будетъ—обезьянство. И угроза—исчезла. Скажетъ она: «я утопилась».

Мать ей отвѣтитъ:

— Вы меня этимъ не испугаете!

А смѣлости нѣтъ: — не бросаться въ воду, не вѣшаться; а просто уйти, начать другую жизнь. Вѣдь если все будетъ лучше того, что она теперь испытываетъ, чего же бояться?..

Барышня выросла въ ней и держать ее въ рабствѣ. Страшить мѣщанская грязь, какъ будто черезъ годъ онѣ съ матерью не нищія? Все равно ничего у нихъ не останется. Долговъ столько, что имъ своимъ трудомъ никогда не выплатить. Все равно должна же она пойти въ гувернантки, въ классныя дамы; а мать вымолить себѣ мѣсто какой-нибудь востановки или жилища Вдовьяго Дома. Отецъ пенсіи не оставилъ, одно время удалось ему пристроиться въ концессию; но кончилось это почти банкротствомъ и даже судомъ. Хорошо, что во-время умеръ. Онъ былъ бы навѣрно осужденъ. Надѣялись на карьеру

брата Володи. Впереді манило флигельадъютантство. Его убили въ Болгаріи, на Зеленыхъ-Горахъ. Будь мужчины живы, все бы какъ-нибудь иначе дышалось. Но съ глазу на глазъ, недѣли, мѣсяцы, годы... безконечныя зимы съ выѣздами, походы на воды, на берегъ моря, въ модныя загородныя мѣста Москвы, Петербурга. Двумъ женихамъ было отказано: навели справки, они сами рассчитывали на приданое, прожились. Одинъ оказался что-то въ родѣ бѣлаго... Но этому уже четыре года. Въ четыре года ничего похожего на серьезное ухаживанье... Или отъ нея требовали выхода замужъ за стариковъ, за всѣмъ извѣстныхъ развратниковъ. А когда начинать ѣздить чаще молодой человекъ, не очень глухой, не очень пустой — на нее нападало гадливое чувство къ себѣ.

Надо было объявить ему про то, что у ней есть въ прошедшемъ...

ХІІ.

Свою «chute» — она называла это всегда по-французски — вспоминала Марья Денисовна только въ такихъ случаяхъ. А въ промежутки между видами на сватовство она впадала въ безпамятность. У ней не было вчерашняго дня. Грызть себя она уже не могла. Слишкомъ она себя жалѣла. И все, что лѣтъ семь назадъ вызывало бы въ ней укеры совѣсти, теперь стало дѣломъ самымъ простымъ и неизбѣжнымъ.

Надо лгать и скрывать. Безъ лжи не проживешь двухъ часовъ. Прежде бывало: какъ она возмущалась, если горничная солжетъ. Начнетъ стыдить ее: «какъ тебѣ, Дуныша, не совѣстно?!» Сама расплачется отъ волненія.

А теперь?! Ей даже доставляетъ родъ удовольствія — пресѣчь ворчанье матери хорошо состроенной, вѣской ложью.

И гдѣ конецъ? Смерть матери? Она давно дошла до перебирания этого вопроса. Другого исхода нѣтъ. Что же можетъ быть гаже? А между тѣмъ, что-то ее связываетъ съ матерью, не одна — кровь; а другое еще, барское, свѣтское. Она часто смѣется надъ нею, ея запоздалыми манерами, взглядами, словами; а не можетъ не сознавать, что и въ ней есть частица того же тѣста; на немъ замѣсили и ея собственный составъ. Потому-то она такъ и видитъ насквозь свою мать. Никакихъ недоумѣній у нея быть не можетъ; ничего, чѣмъ бы она могла оправдать ее. Если это материнская любовь и забота — то что же, послѣ того, злоба и ненависть?

Завтра поѣздка въ Ялту, на два дня, готовить ей рядъ мелкихъ гадостей. Она не упиралась. Но она впередъ видитъ все спѣшеніе дерганій и волненій: будутъ копѣчничать—и все-таки, чтобы было все по барски. Надо нанять коляску; а взять два мѣста, въ общемъ экипажѣ, неприлично. Сегодня приходилъ извозникъ, съ нимъ торговались цѣлый часъ. Онъ три раза возвращался и хотѣлъ дать знать утромъ. Условиться съ нимъ надо будетъ ей, мать просыпается поздно.

Какая тоска! Тащиться по жарѣ, въ пыли шоссеиной дороги, разряженной, проскучать, видѣть мельканіе какихъ-нибудь «уродовъ»...

А можетъ быть именно тамъ произойдетъ встрѣча съ тѣмъ, кто все сразу пойметъ, все проститъ, обо всемъ догадается, ни о чемъ не будетъ допрашивать, полюбитъ, обезпечитъ, уѣдетъ далеко, окунетъ въ новую жизнь... Отчего же не въ Ялтѣ?

Съ этой мыслью она заснула.

ХІІІ.

Седьмой часъ утра. Жаръ уже стоялъ надъ горой, и даже изъ подъ тѣни прогонялъ прѣхладу; съ побережья поднимаются, по крутымъ тропинкамъ, купальщики. Купальня будочки свѣтятся издали продолговатыми бѣлыми пятнами. На небѣ ни одного клочка облака. Поодаль отъ мужского купанья, въ густыхъ бирюзовыхъ волнахъ полощется полная женщина въ широкой пляжкѣ, съ опущенными полями. Ей любо въ водѣ. Она, то начнетъ плавать—по-женски колотить ногами по водѣ и всплывать ее съ шумомъ,—то ляжетъ на спину, вытянетъ ноги и подниметъ голову, чуть-чуть разводя бѣлыми, гладкими руками. Ея плечи и шея выступаютъ съ округленнымъ блескомъ атласа изъ желтаго костюма, перехваченнаго кушакомъ. Вокругъ нея—пѣна и чешуйки золота на колыбаніи зеленой и синей рабы—точно махровый вѣнецъ. По тропинкѣ поднимается мужчина въ китель и закрываетъ лицо холстиннымъ зонтикомъ, со стороны моря.

Въ большомъ зданіи и въ желтоватыхъ низкихъ домикахъ уже идетъ жизнь. Опять забѣгала прислуга изъ кухни и обратно. У колодца два босоногихъ татарченка чистятъ овощи. Въ стонѣ, подъ фиговымъ деревомъ—приготовлены верховыя лошади. Съ верху, по аллеѣ, куда вчера Павелъ Павловичъ провожалъ Марью Денисовну, промелькнуло спѣшными шагами нѣсколько

молодыхъ статныхъ татаръ, въ черныхъ барашковыхъ шапочкахъ съ золотой звѣздой на тулѣ, въ нанковыхъ курткахъ и шароварахъ. Одинъ спѣшилъ напоить лошадей, два другихъ пронесли въ корзинахъ виноградъ и груши.

На верху, выше того мѣста, гдѣ жила съ матерью Марья Денисовна, въ каменномъ зданіи, жильцы одни за другими выбирали виноградъ, только что утромъ срѣзанный и разложенный сортами, вѣшали, накладывали въ корзиночки и расходились по дорожкамъ парка — съѣдать свою порцію до завтрака. Жаръ все прибываетъ. Только вѣтерокъ, нѣтъ нѣтъ, да и вспыхнетъ между деревьями и остудитъ немного блистающее лѣтнее утро.

XIV.

Въ семь часовъ, широкій въ плечахъ, малаго роста, на кривыхъ ногахъ, извощикъ, въ полурусскомъ, полутатарскомъ платьѣ — шапочка на немъ была баранья, рубаха — красная, кумачи — осторожно постукалъ кнутовищемъ въ окно домика, съ той стороны, гдѣ комната барышни.

Марья Денисовна проснулась въ половинѣ седьмого, ждалъ извощика и почти уже кончила свой утренній туалетъ.

Она подняла занавѣску, выставила голову и тихо сказала ему — Сейчасъ, я выйду.

Извощика звали Николай. Онъ выдавалъ себя за грека; извощики татары считали его цыганомъ. Говорилъ онъ чистопорусски, съ лица смотрѣлъ дѣйствительно цыганомъ; но не былъ и грекомъ. Онъ переминался съ одной кривой ноги на другую. Рукава его рубахи торчали изъ прорѣзовъ жилетъ скроенной по-татарски, узко, изъ пестраго темнаго ситца, крючкахъ, а не на пуговицахъ. Онъ носилъ часы на серебряной длинной цѣпочкѣ; суконные шаровары выпускалъ по великорусски, поверхъ высокихъ смазныхъ сапоговъ.

Вчера онъ затребовалъ тринадцать рублей — въ Ялту и обратно тамъ простоять два дня. Мать Марьи Денисовны замаячила руками и рассердилась. Вернувшись въ третій разъ онъ спустился до десяти. Усманскіе давали восемь, съ его кормомъ. Торговецъ должна была дочь. Старая Усманская сидѣла у себя, въ чуланѣ, прислушиваясь къ разговору и только вскрикивала раздраженно:

— Mais c'est un brigand!.. Mais ça n'a pas de nom!

— Что же Николай? — спросила дѣвушка и отвѣтила ему

сторону, настолько чтобы не будить мать; а скорѣе, чтобы та не выѣшивалась своими возгласами.

— Кормъ вашъ.

— Но какъ же намъ... этимъ заниматься?

— Дай двѣ бумажки.

— Такъ это выйдетъ десять...

Она знала, что на всю поѣздку имъ нельзя изстратить больше бѣленькой.

Николай сдвинулъ шапочку на затылокъ и хлеснулъ кнутомъ по концу сапога въ пыли.

— Не сходно!

— Какъ знаешь, — твердо сказала дѣвушка и повернула къ двери.

— Барышня!.. Стой! Стой! такъ и быть — накинъ полтину!

Четвертакъ она накиннула. Условились — быть Николаю въ девять часовъ, тройкой. Багажу возьмутъ онѣ сундукъ и два мѣшка.

XV.

По уходѣ Николая, Марья Денисовна не сейчасъ вернулась въ свою комнату — мать ея все еще спала — а встала въ тѣнь, отъ крыши, оглядывала и вдыхала въ себя воздухъ, слегка щурилась отъ солнца.

Который уже разъ она съ завистью смотритъ на все то, что здѣсь, въ этомъ уголкѣ Крыма, дѣлается около нея. Всѣ живутъ на волѣ и какъ слѣдуетъ. Одна только она — хуже и ниже всякой продажной женщины. И такія сравненія она уже употребляетъ. Тѣ, по крайней мѣрѣ, никого не обманываютъ... А онѣ съ матерью... у нихъ вѣдь не написано на лицѣ:

«Не имѣйте съ нами никакого дѣла, если вы свободный мужчина, способный прокормить семью».

Она смотрѣла на двухъ-этажный домъ и на другой съ террасой — гдѣ помѣщался ресторанчикъ. Тамъ онѣ обѣдали гораздо чаще, чѣмъ внизу за общимъ столомъ. Въ просторной комнатѣ, выходящей на террасу, живетъ блондинъ съ женой. Она слышала, что онъ — ученый, магистръ, провелъ здѣсь цѣлую зиму, для здоровья жены. Оба молодые, все читаютъ и пишутъ, говорятъ много, смѣются, много и гуляютъ, иногда сильно заспорятъ. Доходило и до слезъ; но чаще цѣлуются. Ей видно. Гдѣ же ей мечтать о такой жизни?.. Рядомъ съ ними, стѣна обѣ стѣны — дама, за тридцать, худая, въ большой шляпѣ ходить, извѣстно

одѣта, всегда весела. Мужъ ея живетъ внизу, они вмѣстѣ обѣдаютъ, точно у нихъ, каждый разъ, свиданія, когда она его ждетъ.

На дворикъ гостинницы вышла здоровая служанка, босикомъ — такъ ходить на югѣ — потянулась и начала чистить ножи. Что за здоровье! И этой горничной дѣвѣ — лучше. У ней, навѣрно, есть женихъ или другой кто. Всегда хохочетъ, возится съ собакой, съ воданосомъ, съ поваренкомъ, въ день избѣгаетъ верстъ двадцать, сыта, одѣта, получаетъ на чай.

Вышла содержательница гостинницы — Амалия Карловна, покормила своего ослика морковью, приказала его осѣдлатъ и поѣхала на немъ по хозяйству. На ней только что вымытое холстинковое платье и соломенная шляпа. Ея сухощавое тѣло стройно сидитъ въ сѣдлѣ. Ей она завидуетъ иногда до злости. Съ мужемъ она живетъ душа въ душу. Онъ уѣхалъ за провизіей въ Алупку. Цѣлый день она на ногахъ. Все держится ея надзоромъ. По чему же ей, безприданницѣ, почти нищей, не пойти за какого-нибудь приказчика, фермера, винодѣла или садовника, и жить вотъ припѣваючи среди прекрасной природы, въ довольствѣ и даже почетѣ?..

XVI.

Она достала, черезъ окно, зонтикъ со столика и спустилась внизъ, по аллеѣ парка.

Издали она разглядѣла темную площадку, гдѣ фонтанъ, въ лаврахъ, у крыльца каменнаго дома, въ восточномъ стилѣ. Тамъ живетъ три семейства. Вонъ обѣжалось нѣсколько татарокъ: умыться и захлебнуть воды въ кувшины. Съ красавицей Фатимой (она уже просватана) Марья Денисовна знакома. За ними пригають ребятишки. У дѣвчонокъ развѣваются по воздуху косички волосъ, выкрашенныхъ хной. Показалось платье какой-то барыни. Она подходитъ къ фонтану, вынимаетъ гроздь винограда, обмываетъ ихъ, по очереди, въ воду бассейна и раскладываетъ по гранитному краю. Медленно движется вчерашній мужчина, что былъ въ макферланѣ — сегодня онъ въ парусинномъ пальто — ѣстъ виноградъ и выплевываетъ косточки. Ей видно движенія его рукъ и головы.

Какъ бы ей хотѣлось поѣсть винограда. И для здоровья было бы хорошо: у ней то и дѣло поднимается желчь, душитъ ее, производитъ припадки; она лежитъ пластомъ по цѣлымъ

суткамъ. Но мать сказала, что это — «одна трата денегъ». А своихъ у ней нѣтъ ни одного рубля въ портмоне.

Всѣ живутъ, какъ имъ хочется — купаются, ѣдятъ виноградъ, пьютъ вино, ѣздятъ верхомъ, играютъ въ карты... Почему же бы съ ними не сойтись? Мать побывала два-три раза внизу и рѣшила, что это все «de petites gens» — и нѣтъ ни одного человека «стоящаго» — т. е. жениха.

На одного была надежда, да и онъ женатъ. А остальное — все мужья съ женами, дѣти, подростки, много дѣвицъ — и даже пожилыхъ, старый чиновникъ на пенсіи; за нимъ всѣ ухаживаютъ; былъ еще докторъ, любимецъ всѣхъ дамъ; но онъ три дня какъ уѣхалъ въ Одессу. Остался одинъ какой-то испитой штатскій. Нельзя даже приблизительно сказать — кто онъ.

А мать рассчитывала на большой выборъ. Этотъ «курортъ» сдѣлался вдругъ ненужнымъ. Потянулась глупая жизнь безъ всякой цѣли. И купаться мать не позволяетъ иначе, какъ ночью. Отдѣльныхъ часовъ нѣтъ, а она находитъ, что и въ востокѣ — неприлично.

— Et Trouville? Et Biarritz? — возражала ей дочь.

— Trouville est Trouville! Et ça — c'est un trou.

И надо было вставать очень рано и бѣгать купаться тайкомъ. Сегодня она не успѣла, и по всему тѣлу ея разливалась неприятная нервная истома.

XVII.

Въ девять часовъ Ольга Евграфовна — мать Марьи Денисовны — еще не была готова. Коляска, тройкой, стояла у изгороди, и Николай показывалъ около лошадей и поглядывалъ — скоро ли покажутся барыни. Онъ боялся, что жаръ дойдетъ его тройку, и они не попадутъ въ Ялту до полдня.

Дочь вошла къ матери всего одинъ разъ — сказать ей, что коляска нанята за восемь рублей, двадцать-пять копѣекъ. Ольга Евграфовна поморщилась: ей и эта цѣна — дешевая по тому времени — показалась «ужасной».

Она сидѣла на кровати и перебирала свои наежки и еще какую-то мелочь. Облысѣлая голова, безъ накладки, вдоль пробора тянулась блѣсоватымъ пятномъ. За уши она закинула косички. Желтое лицо все было изрыто складками дряблой кожи. Ротъ она безпрестанно собирала движеніемъ узкихъ губъ. Носъ у ней былъ совсѣмъ не такой, какъ у дочери — длиннѣе, уже, съ пережabinкой на переносицѣ. Глаза сходились — съ веленова-

тыми зрачками. Безъ накладки она смотрѣла старухой. Сидя, она согнулась, собралась въ комокъ. Выбирание наколокъ, воротничковъ и перчатокъ, чищенныхъ и новыхъ, взяло у ней больше часу. Укладываться она не умѣла. Призвали померную горничную. Ольга Евграфовна сдѣлала на нее нѣсколько окриковъ. Дочь помогала уложиться, когда сундукъ горничная перенесла кругомъ изъ одной комнаты въ другую.

— *Quelle chaleur!*—повторяла Ольга Евграфовна.

Дочь молчала и только разъ сказала:

— Если вамъ нездоровится, мы можемъ отложить.

Онѣ больше года, какъ говорили другъ другу «вы», и по-французски, и по-русски.

Николай торопился и началъ даже громко ворчать. Баринъ сказала дочери изъ окна:

— *Dites lui qu' il se taise.*

Марья Денисовна успокоила его, и двадцать минутъ спустя онѣ усѣлись, на передокъ положили два мѣшка; а Николай взвалилъ сундукъ на возла, сѣлъ на него и заболталъ ноги въ воздухъ.

Изъ парка дорога завилала и вправо, и влево; спуски одинъ другого круче; тормазы у коляски не было. Баринъ вскривала на каждомъ поворотѣ и хваталась то за кузовъ, то за руку дочери. Марья Денисовна сидѣла молча и строго смотрѣла сверху. Солнце пекло.

XVIII.

— Алуши сейчасъ! — крикнулъ Николай съ сундука и вернулся лицомъ. Попонты!.. Садъ — хорошъ!.. Смотрѣть можно дворецъ.

Дочь глазами спросила мать: хочетъ ли она осмотрѣть дворецъ?

— *Des débâcles!* — пропустила та, сквозь свои большыя вставные зубы.

— Взапрѣли лошади! Попонть,—настаивалъ Николай.

Отъ слова «взапрѣли» Ольга Евграфовна отвернулась. Губамъ дочери скользнула усмѣшка.

— *Laissez le faire,*—выговорила она и крикнула извонца — можешь дать отдохнуть!

Николай ударилъ возжами по дышловымъ. Фасетонъ покати пологимъ спускомъ, и скоро попалъ въ аллею парка, вскобѣлывая бѣлую йдею пылъ. Остановились они у воротъ. Сквозь нихъ видѣнъ былъ весь дворъ напролетъ до вторыхъ воротъ — сп

сѣрыя стѣны службъ и дворца, слѣва, поверхъ низменнаго строенія, вьющаяся зелень въ лиловыхъ цвѣтахъ.

Марья Денисовна только теперь разглядѣла красоту архитектуры. Когда онѣ ѣхали изъ Ялты, сумерки уже обволакивали все. Ей стало веселѣе отъ взгляда на дворецъ. Справа открывалась часть цвѣтника. Магноліи, рододендроны, азалии, лавровая вишня смотрѣли ото-всюду. Она предложила матери пройтись по цвѣтнику и посмотреть—если пускаютъ—на комнаты. Она знала, что дворецъ стоялъ пустой. Мать отказалась идти: жарко да и давать надо вездѣ на воде. Марья Денисовна пошла одна, встрѣтила за калиткой садовника, спросила его какъ пройти въ дворецъ—и сейчасъ же—нагѣво—попала въ мраморной лѣстницѣ, со львами, спускающейся въ полгорѣ надъ моремъ. Она минутъ десять любовалась на фасадъ, съ башенками, съ полукруглой впадиной верхней террасы, съ арабскими надписями, изсѣченными въ дикомъ камнѣ. Ей не вѣрилось, что это—не дальній, чужой югъ, не Италія, а Россія... Внизу море горѣло на солнцѣ, и только на самой линіи круговора синимъ поясомъ лежало вдоль бездоннаго голубого свода. Оттуда доходилъ еле слышимый шумъ. Бѣлыя, мясистыя чашки магнолій въ распынную стояли на стебляхъ. Въ цвѣтникѣ клумбы изгибались затѣйливо и радостно. Правѣе, нѣсколько ниже, темнѣла итальянская веранда, вся обвитая растеніями.

XIX.

Ей захотѣлось остаться тутъ—въ тѣни, подъ винограднымъ трельяжемъ, у восточнаго фонтанчика, вдѣланнаго въ стѣну. Она присѣла, закрыла глаза и забылась. На нѣсколько мгновеній все отлетѣло отъ нея: то, что она сама, ея мать, посылала жизнь тамъ, въ домикѣ, ненужная поѣздка въ Ялту...

Ноздри ея слегка раздувались. Она вдыхала воздухъ, насыщенный запахами цвѣтовъ и зелени. Родъ опьянѣнія почувствовала она, и тотчасъ же подумала: «а вѣдь это славно чѣмъ-нибудь опьянять себя... все пропадетъ!» Тамъ, гдѣ онѣ жили, она ни разу не испытывала такого захвата всѣхъ чувствъ среди роскоши природы.

Еще двѣ-три минуты, и она бы заплакала.

— Комнаты осмотрѣть теперь нельзя-сь. Ушелъ татаринъ, который къ этому приставленъ, у него ключи... Часовъ въ пять, подъ вечеръ,—говорилъ ей садовникъ.

Она быстро раскрыла глаза, встала, поблагодарила его и пошла вверхъ, опять по мраморной лѣстницѣ. Еслибъ у ней и были свои деньги—она бы затруднилась дать ему на водеку: онъ смотрѣлъ студентомъ-агрономомъ.

По плитамъ, выложеннымъ по рисунку, подошла она къ зеркальнымъ окнамъ и разглядывала внутреннее убранство столовой. Причудливо пестрѣли дѣя огромныхъ японскихъ вазъ по обѣ стороны камина. Онѣ приковывали ее взглядъ.

И разомъ—горечь разлилась по ней; даже злость захватила ее. Вѣдь есть же такіе счастливыя: обладаютъ чертогами — и даже не живутъ въ нихъ! Тутъ, въ оставленныхъ комнатахъ, больше добра, чѣмъ у ней съ матерью было съ тѣхъ поръ, какъ она себя помнитъ. Не можетъ она ничѣмъ любоваться: все отравлено! Будь у ней хоть одна свобода — она не стала бы такъ гадко завидовать. Развѣ не лучше: наняться въ прачки и приходить отдыхать вотъ сюда, любоваться всѣми этими чудными видами, вдыхать благоуханіе, смотрѣть на море, на небо, на цвѣты, на мраморные чертоги?..

— *Quelle boude!*—выговорила она вслухъ, выбрала себя «дурой», круто повернулась на каблукъ и пошла лѣниво къ калиткѣ.

Мать ее уже сердилась.

XX.

Лошади давно напились. Николай что-то жевать и перебиралъ ногами. Онъ уже сидѣлъ на сундукѣ.

— *Toujours des rêveries!*—проговорила мать и повернулась къ дочери спиной.

«И въ самомъ дѣлѣ, подумала дѣвушка, однѣ только rêveries... Къ чему? Что есть, то и нужно брать. Можетъ быть, въ этой самой Ялтѣ...»

Она не докончила и назвала себя «идіоткой»; горькая гримаса легла на ее губахъ, ярко-красныхъ и выпуклыхъ.

Жаръ началъ донимать и лошадей. Дорога дѣлалась все красивѣе; но глазъ дѣвушки уже привыкъ къ цвѣту горъ, къ блѣднотѣ оливковыхъ деревьевъ, къ конусамъ кипарисовъ, къ золоту утренняго моря. Въ двухъ мѣстахъ Николай придерживалъ тройку, останавливался и тыкалъ рукой внизъ.

Блѣлый остовъ дворца въ Оріандѣ, выжженной пожаромъ, легко ширился на фонѣ зелени. Красота мѣста заставила и Ольгу Евграфовну сказать:

— C'est bien joli!

Но дочь ея смотрѣла уже затуманенными глазами и на утесъ съ маякомъ, и на гущи парка съ его подъемами и спусками. Еще равнодушнѣе поглядѣла она изъ коляски на разбросанныя по холмамъ приземистыя строенія Ливадіи. Она промолчала, когда мать замѣтила, не оборачиваясь къ ней:

— Je m'attendais à quelque chose de plus grandiose!..

— Ялта! Смотри, барышня!—крикнулъ Николай и хлестнулъ правую дышловою. Марья Денисовна привстала. Городокъ охранялся въ своей бухтѣ, игралъ на солнцѣ нѣжными тонами дерева и камня. Вода приняла густо-смарагдовый колеръ въ нѣсколькихъ саженахъ отъ побережья; а мелкіе валы, набѣгающіе на камни, взбивали пѣну, какъ бахрому къ синей, волнующейся ткани. Въ высотѣ—худощавая церковь-батнія... по скаламъ—балконы и колонки виллъ, внизу—цѣлая вереница веселыхъ домовъ, парусина купаленъ, крыши пристаней и кафе, а дальше—бѣлый съ чернымъ, округленный остовъ парохода.

На минуту доброе чувство вздрогнуло въ Марьѣ Денисовнѣ.

XXI.

И видъ города нашла она такимъ, что даже подумала:—неужели это та самая Ялта?

Но двѣ недѣли назадъ она ѣхала оттуда, а не туда, утомленная парохомъ изъ Севастополя и качкой, закрывала глаза отъ пыли по городскому шоссе.

Теперь она невольно сравнивала этотъ русскій, купальный городокъ съ тѣмъ мѣстечкомъ во Франціи, гдѣ онѣ провели два мѣсяца въ третьемъ году. Сестра Лили была еще жива. Мать рассчитывала на успѣшность «компаніи» на морѣ, въ Дьеппѣ или Трувиллѣ. Цѣны испугали ихъ. Въ Трувиллѣ, если показываться, гдѣ нужно, и жить въ хорошемъ отелѣ — приходилось тратить до семидесяти франковъ въ день.

Поехали онѣ искать мѣстъ подешевле. Рекомендовали имъ новое, бойкое мѣсто съ хорошимъ купаньемъ — Кабуръ. Но тамъ тоже требуютъ по пятнадцати франковъ съ лица. Поташившись онѣ въ третьемъ классѣ дальше, вдоль берега, останавливались въ каждой «дырѣ» — un trou, какъ называла Ольга Евграфовна. Тянутся рыбацкія деревушки, съ громкимъ именемъ «морскихъ купаній». Выбрали онѣ мѣстечко побойчѣ, Luc-sur-

тег. Но что это была за жизнь, съ половины августа, когда погода испортилась въ конецъ!..

Ютились онѣ въ двухъ маленькихъ мансардахъ дешеваго отеля. Грязно, тѣсно, шумъ, бѣготня по лѣстницѣ, перебранка прислуги въ кухнѣ, въ столовой, за обѣдомъ — Богъ знаетъ — какой народъ, безцеремонность гарсоновъ; въ заведеніи купалень — не добьешься коморки раздѣваться; грубая старуха притащить вамъ шайку съ теплой водой; простыни сырыя; выдешь къ морю — отъ костюма дрожь, всѣ нахально смотрятъ на тебя; на днѣ — камни, варекъ, спотыкаешься, боишься прибоя; а нанять *baigneur'a* мать не хочетъ... Никакой природы: тнутъсѣ одні *фалёзы*. И шагай по нимъ. Ни одного кустика. Ночи темныя; вдутъ онѣ гуськомъ, попадають въ лужи, дождь моросить. Глядѣть на море стало уже черезъ недѣлю тошно.

А тутъ передъ ней какая красота! Точно блески самоцвѣтныхъ камней, горы зеленѣють у самой воды; а въ верху — дымчатныя скалы съ сахаристой игрой на гребняхъ. И стоило тогда тащиться за три тысячи верстъ, чтобы смотрѣть въ грошовомъ казино, какъ танцмейстеръ учить дѣвчонокъ, а маменьки ихъ сидятъ и вяжутъ...

XXII.

— Въ «Россію»? — спросилъ Николай и разинулъ ротъ до ушей.

Мать поглядѣла на нее и сказала:

— Nous allons vous informer.

Николаю онѣ ничего не отвѣтили. Онъ понялъ, что надо везти въ «Россію». Обѣ дамы отряхнули пыль платками, поправили шляпки и перемѣнили свои позы, прислонились боками къ спинкѣмъ сидѣнья.

Фаetonъ катился уже по улицѣ. Вотъ аптека, кафѣ на водѣ... У самаго шоссе продають виноградъ. Пыль взбивается клубами прямо въ лицо. Но весело! По тротуарамъ еще мало гуляющихъ. Попалось нѣсколько колясокъ. Поднялись по мелкому щебню на скверъ отеля. Совершенная тишина. Ни одного экипажа. На высокомъ крыльцѣ не видно прислуги.

Николай крикнулъ и слѣзъ. Вышелъ швейцаръ изъ нѣмецъ, въ картузѣ съ галуномъ.

— Есть комнаты? — спросила дочь.

— Два номера всего осталось.

— Descendons! — довольно рѣшительно выговорила мать, и первая полѣзла изъ фаэтона.

Она нашла, что швейцаръ долженъ бы поусерднѣе поддерживать ее подъ руку.

— Quel animal! — успѣла она выбраться.

Въ сѣняхъ на нихъ пахнула прохлада. Швейцаръ подвелъ ихъ къ доскѣ и указалъ на номера.

— Princesse Tergassow — обрадовалась мать, — въ десятомъ номерѣ.

И тише добавила по-французски:

— Все еще не выдала дочери... даромъ что красавица и съ талантами.

Но это не было сказано, чтобы утѣшить дочь, — а злобно; глаза ея посвѣтлѣли.

Она приказала дочери подняться съ швейцаромъ и выбрать комнату, которая просторнѣе. Но прежде чѣмъ они пошли, она провела ручкой своего зонтика по доскѣ и вскричала:

— Des marchands! Des parvenus!.. — Посмотри какіе-то Пшеницыны, Сытниковы... Вотъ это нынче — господа!

Дочь ничего на это не замѣтила и пошла вслѣдъ за швейцаромъ. Одна комната была въ три рубля; узенькая; другая въ три окна, но ходила пять рублей. Ольга Евграфовна пожала плечами и, ничего не говоря швейцару, стала опускаться съ крыльца.

Ихъ повезли въ ту гостиницу, гдѣ онѣ ночевали, когда прїѣхали изъ Севастополя.

XXIII.

Дорбгой Марья Денисовна вспомнила, что швейцаръ, проходя мимо цѣлаго ряда номеровъ сказалъ:

— Это все купчиха Боченкова занимаетъ, изъ Москвы — со свитой.

— Со свитой? — возмущилась и она. — Купчиха! — И еще онъ ей называлъ какого-то молодого «богача»; фамилія его — Шеломовъ — осталась у ней также въ памяти.

Изъ «Россіи» Николай поѣхалъ неохотно, почти шагомъ. Вся утренняя жизнь Ялты металась въ глаза. Обѣ оглянулись на фруктовые лавки, подъ навѣсомъ, со столикомъ, на самой срединѣ площади. На столикѣ графины и стаканы переливали граненымъ хрусталемъ. Груши, сливы, мирабели, виноградъ, абрикосы рѣзкими пятнами чередовались вдоль и поперекъ прилавка.

Ничего еще не попробовала Марья Денисовна съ тѣхъ перъ, какъ живетъ на южномъ берегу. Лавки дразнили ее богатствомъ выбора. Сидѣльцы съ тонкими профилями и смѣющимися подбородками выглядывали изъ-подъ навѣсовъ своими круглыми бархатными глазами. Татарскій базаръ уходилъ въ глубь, подъ пролетныя ворота каменнаго дома. Николай предложилъ остановиться тутъ, въ гостинницѣ.

— Первый сортъ!—увѣрялъ онъ.

Но дамы не согласились. Дочь прикрикнула на него, и онъ уже безъ остановокъ провелъ ихъ еще нѣсколько домовъ и сталъ у подъѣзда отеля, гдѣ на самую улицу выползла широкая доска съ именами всѣхъ постояльцевъ, лакеевъ, поваровъ и судомоекъ. Это Ольгѣ Евграфовѣ не понравилось; но одинъ изъ лакеевъ сказалъ ей спокойно:

— Полиція требуетъ и по-сейчасъ.

Ихъ провели изъ перваго этажа, по мостику, черезъ дворъ, въ заднее отдѣленіе и дали комнату—на галерейкѣ—темную, но просторную и не жаркую. Напротивъ, на галерейкѣ же, онѣ могли сидѣть, пить чай и кушать—если желаютъ. Номеръ меньше двухъ съ половиной не отдали.

Умывшись, дамы сошли въ садикъ, разведенный на дворѣ—съ накрытыми столами. Надъ столами спускались кисти рододендровъ. Въ углу журчалъ фонтанчикъ. Бѣлье, приборы смотрѣли опрятно. Прислуга во фракахъ. Мать заказала яицъ въ сметку и порцію вофею.

— Какъ васъ кликать?—спросила она красиваго лакея, съ мелкими чертами.

— Ахметка,—отвѣтилъ онъ весело.

Онѣ разсмѣялись тому, какъ онъ самъ звалъ себя.

XXIV.

Долго ѣли и пили онѣ молча. Со вчерашней сцены у нихъ еще не было никакихъ отношеній. Мать какъ будто поняла, что отнынѣ она можетъ требовать отъ дочери только одного:—не дѣлай никакого esclandre! Выйти замужъ нужно—для обѣихъ. Въ гувернантки она не пойдетъ. Какъ ни прыгай—лучше же при матери искать жениха, чѣмъ одной, въ чужихъ людяхъ.

Марья Денисовна готова была обсудить—что онѣ будутъ дѣлать здѣсь.

Разговоръ пошелъ отрывочно—по-французски и очень тихо,

такъ что сидѣвшій неподалеку полный офицеръ въ уланской формѣ, какъ ни напрягался—ничего слышать не могъ.

— Надо сдѣлать визитъ Тергасовымъ, — сказала мать.

— Визитъ?

— Или лучше пойти туда обѣдать... Все равно рубль.

Взглядъ дочери говорилъ:

«Она считается красавицей, затѣмъ же я буду около нея— въ тѣни?»

Мать поняла.

— Бняжна... все такая же, — она прикоснулась пальцемъ ко лбу, — даромъ, что съ голосомъ. Я что-то слыхала... здѣсь старый графъ... тотъ, что завѣдывалъ...

— Но онъ женатъ, у него дѣти большіе...

— Нынче все возможно.

Эту фразу: «tout est possible», мать произнесла больше съ укоромъ, чѣмъ возмущившись: — «все-де, возможно; но не для насъ, мы и самаго обыкновеннаго не добьемся».

Она поглядѣла на дочь. Ее всю перекосило.

«Развѣ можно понравиться съ такимъ деревни́мъ и хмурымъ видомъ? Никакой distinction. Сидитъ точно бонна, которая собирается сказать грубость».

Всего сильнѣе придиралась Ольга Евграфовна къ несущей и ругающей дочь, находила ихъ до нельзя вульгарными и даже... неприличными.

«Sensuelle! — повторяла она про себя, — sensuelle!.. Quelque chose de bestial!»

Дочь это знала.

XXV.

До обѣда время прошло томительно. Сходили купаться. Мать сидѣла на берегу, на скамейкѣ; дочь славно выкупалась. Не было по крайней мѣрѣ замѣчаній на счетъ костюма, неприличія—мужчинъ вблизи. Марья Денисовна сидѣла въ водѣ до тѣхъ поръ, пока дрожь не начала ее пронизывать.

Надо было согрѣться. Мать разомгѣла отъ жара. Дочь, не прося у ней позволенія, сказала:

— Я пойду въ горы, мнѣ свѣжо отъ воды.

И пошла. Мѣстности она свѣсѣмъ не знала, взяла по переулку и стала подниматься по крутой, каменистой тропѣ, дошла до татарской деревни и оттуда спустилась въ лощину. По срединѣ ея течетъ рѣчка. Воздухъ разливаетъ вокругъ влаж-

ную мглу. Ей захотѣлось заснуть. Не все ли равно гдѣ? Подъ первымъ деревомъ. Мать не закричитъ:

— Voilà du progrès!

Она выбрала мѣстечко, гдѣ трава не была притоптана, при-слонилась спиною къ пню дубка и скоро заснула. Спала она больше часа и когда раскрыла глаза, солнце уже заглянуло подъ вѣтви дубка. Сладко потянулася дѣвушка—и еще нѣсколько минутъ сидѣла подъ деревомъ, прищуривъ глаза.

Но надо было идти. Мать, навѣрно, сердится. Полчаса уйдетъ на туалетъ къ обѣду, а тамъ потащутся въ дорогой отель, показывать себя «хорошей» публикѣ... Та княжна Тергасова, что живетъ въ «Россіи» — тоже давно сидитъ въ невѣстахъ; Ольга Евграфовна говоритъ просто: въ «дѣвкахъ» — когда употребляетъ русскій языкъ. Мать княжны — недалекая, пухлая барыня — не иначе хочетъ ее выдать, какъ за какого-нибудь принца.

«Жаль, Черногорскій князь давно женатъ», подумала Марья Денисовна и усмѣхнулась.

И ей представилась княжна: ея широкія плечи, талія — въ рюмочку, ростъ, восточный носъ, усики длинные, задумчивые, но ничего невыражающіе глаза; вотъ уже около десяти лѣтъ, какъ она выѣзжаетъ и поетъ въ салонахъ, успѣла утомить свой контраalto; но за то сколько вимъ ею восхищались и пророчили ей блистательную партію. Она и сама стала смотрѣть на себя, какъ на будущую «морганатическую супругу» владѣтельной особы.

А вотъ нейдетъ же съ рукъ у матери: что-то не слышать было объ очень выгодныхъ сватовствахъ. Но та — съ хорошими средствами. Ей и не нужно никакой другой жизни. Замужемъ она останется такой же; только принимать будетъ въ своей гостиной одна, а не при матери. Тѣ же пойдутъ балы, концерты, тѣ же ухаживатели, тѣ же восхищенія ея красотой и голосомъ; только брилліантовъ и кружевъ будетъ больше носить.

XXVI.

Дума о красивой княжнѣ раздражила ее меньше, чѣмъ бы она сама ожидала. Вѣдь ей до всего этого никакого нѣтъ дѣла. Сама-то она не можетъ дольше такъ жить! Послѣдній срокъ — возвращеніе изъ Крыма. Что тогда выйдетъ — она еще не знаетъ; но такой предѣлъ она положила.

Назадъ Марья Денисовна шла скорѣе и вся разгорѣлась.

Смуглость ея лица слилась съ густымъ румянцемъ. Мать навѣрно бы сказала ей что-нибудь ѣдкое насчетъ ея лица, отсутствія въ немъ изящества и благородства.

Немного она поплутала, зашла въ какой-то тупой переулочекъ и должна была вернуться на прежнюю дорогу. Въ городѣ она наобумъ взяла влѣво и вышла къ базару, по ту сторону пролетныхъ воротъ, мимо которыхъ везъ ихъ сегодня Николай—по шоссе.

Запахъ жареной рыбы и чадъ еще отъ чего-то заставили ее отворачивать лицо. Ей безпрестанно попадались оборванные дѣти, татары въ ситцевыхъ курткахъ съ лопками, русскія торговки. Будь она совсѣмъ одна, ее бы это заняло на нѣкоторомъ отдаленіи.

Въ воротахъ она немного остановилась. Передъ ней мелькали гуляющіе и экипажи. По берегу движеніе усилилось.

Въ фаетонѣ съ яркимъ трипомъ проѣхалъ офицеръ въ гусарской формѣ. Онъ развалился и смотрѣлъ въ ея сторону.

Она отшатнулась; а потомъ сейчасъ сдѣлала быстро три шага и даже выглянула изъ-подъ воротъ — влѣво, куда проѣхалъ фаетонъ.

«Неужели онъ?» — спросила она. Она начала холодѣть; а черезъ десять секундъ щеки ея запылали.

«Онъ?.. Скопинъ?.. Не можетъ быть!.. Почему?..»

На этомъ вопросѣ она споткнулась, и тихо-тихо пошла по тротуару. До отеля оставалось нѣсколько минутъ ходьбы; а она двигалась чуть не четверть часа.

Почему же этотъ гусаръ не можетъ быть Скопинимъ? Его — курчавые, рыжеватые волосы, и также надѣваетъ назадъ фуражку, и ноги его, и спина, эта широкая спина, такая жирная и глупая.

Онъ!

Тогда надо бѣжать, притвориться, напустить на себя болѣзнь, заставить мать вернуться сегодня же. Она не хочетъ съ нимъ встрѣчаться, даже еслибъ онъ и велъ себя скромно. Но мать его узнаетъ, она способна заговорить съ нимъ, когда онъ попадется имъ на берегу, или въ саду, или въ столовой отеля.

Въ вискахъ у ней застучало. Она испугалась прилива крови и даже взялась рукой за лобъ.

Онъ? Не онъ? То ей ясно было, что непременно—онъ, то она говорила себѣ, что ей только показалось. Мало ли гусаровъ!..

XXVII.

Въ отелѣ Марья Денисовна остановилась на галерейкѣ, спросила себя въ послѣдній разъ:

«Какъ же быть?»

Ея внезапная тревога слишкомъ неприятно потрясла ее. Она сама была рада освободиться отъ нея. И подумала:

«Я могла ошибиться!»

Къ номеру подходила она своей обыкновенной походкой, только лицо горѣло пятнами.

Мать—одѣтая къ обѣду—сидѣла противъ двери, на диванчикѣ и сейчасъ же это замѣтила.

— Qu'est-ce?—спросила она и указала пальцемъ на щек.

— La chaleur,—отвѣтила дочь и начала поспѣшнѣе мыть туалетъ.

Никакихъ объясненій между ними не произошло.

Молча спускались онѣ съ площадки второго этажа. Ольга Евграфовна искоса оглядывала туалетъ дочери. Все-то на ней торчитъ отъ ея жесткой фигуры—что ни надѣньте на нее. Какой нѣтъ граціи, ничего даже дворянскаго. Только и есть, красныя губы да волосы черные. Выдашь ее!..

О гусарѣ Марья Денисовна сдѣлала надъ собой усиліе думать. И перестала. Это ее порадовало. Значить—она можетъ пересилить свое волненіе, когда захочетъ. Вѣдь если бы встрѣчи съ нимъ всегда и вездѣ—нельзя никуда показываться. Да и что ей за дѣло, въ сущности? Все равно, она не можетъ выносить своей теперешней жизни.

Когда онѣ подходили къ отелю «Россія», она разсѣянно слѣдила за попадавшими экипажами и всадниками. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ входа во дворъ она подольше остановилась и нѣмнѣе на татарина въ расшитой золотомъ курткѣ съ пожилымъ, сивымъ лицомъ. Она сейчасъ подумала, что онъ, должно быть ѣдетъ съ барынями въ горы и теперь дожидается заказа отеля. Лѣтъ двадцать назадъ имъ навѣрно увлекались. Онъ говаривалъ съ двумя такими же расшитыми татарами, молодыми и не такъ красивыми. Одинъ изъ нихъ подмигнулъ Усману и спросилъ:

— Лошадокъ прикажете?

Ольга Евграфовна возмущилась этимъ подмигиваньемъ и сказала ему:

— Пропусти!

Всѣ трое усмѣхнулись. Дочь поняла эту усмѣшку:

«Знаемъ-молъ васъ... Бойѣйки за душой нѣтъ, а туда же покриваешь, старая».

Ей самой стало смѣшно. Самый молодой изъ троихъ татаръ сказалъ ей вслѣдъ, ласково:

— Барышню бы покаталъ!

И всѣ трое тихо засмѣялись и заговорили по своему.

XXVIII.

Въ отелѣ обѣденное время началось съ четвертаго часа; а было уже половина пятаго. То и дѣло сновали лакеи изъ столовой въ читальню, гдѣ съ утра, на трехъ столахъ играли въ карты; никакихъ газетъ или журналовъ не было видно. Биллиардную давно уже отдали подъ номеръ—признакъ бойкаго сезона, когда поплыветъ Москва, купеческія дамы въ ожиданіи мужей—отъ Макарія.

Всѣ почти столы въ залѣ уже заняты. На террасѣ тоже обѣдаютъ. Справа, въ продолговатомъ отдѣльномъ кабинетѣ—веселое общество. Тамъ громко говорятъ, раздаются возгласы, хохотъ. Два лакея суетливо служатъ. По срединѣ, между двумя мужчинами—совсѣмъ круглая, краснощекая блондинка—вся пестрая, съ открытой шеей, необычайной бѣлизны—милліонщица Боченкова. Нагъво отъ нея молодой человѣкъ, почти мальчикъ, бронею, женоподобный, очень красивый, съ нахальными глазами. Направо офицеръ въ кавказской формѣ. Трое бородатыхъ, статскихъ, въ родѣ купцовъ или помѣщиковъ и напротивъ купчихи—пожилая дама, съ виду приживалка изъ нѣмокъ.

У нихъ на столѣ двѣ вазы съ бутылками шампанскаго. Мужчины всѣ курятъ; стали курить тотчасъ послѣ второго блюда. Трудно разобрать о чемъ идетъ разговоръ. Всѣ шумятъ разомъ.

Обѣдающіе въ залѣ оглядываются на отдѣльный кабинетъ. Въ залѣ чинно. Столы подлиннѣе заняты цѣлыми семействами. За столиками сидятъ больше пары—мужья съ женами или матери съ дочерьми. Въ столовой прохладно и стоитъ пріятный сѣроватый свѣтъ. За прилавкомъ буфета дама съ иностраннымъ профилемъ тихо перекидывается словами съ мужчинами, подходящими къ закускѣ.

Обѣдали, на половину, мужчины и дамы «изъ общества». Такъ рѣшила и Ольга Евграфовна, когда вошла и оглядѣлась во всѣ стороны. Это можно было замѣтить по сдержанности

звуковъ. Чувствовались чопорность и взаимное недовѣріе. Сосѣди не заговаривали между собою, боясь скомпрометтироваться.

Преобладали женщины. Слышались фразы по-французски и по-англійски дѣтямъ, что-нибудь насчетъ того, какъ ѣсть и чего не дѣлать. Въ углу молодой генералъ, весь въ бѣломъ, за что-то распекалъ лакея; но дѣлалъ это мягкимъ баскомъ и такъ, что вся столовая должна была признавать его право требовать и взыскивать. Духами пахло въ перемежку съ запахомъ жареной рыбы султанки и разварной кефали. Пріѣзжіе изъ внутреннихъ губерній—совсѣмъ не охотники до рыбы у себя дома—непрерывно спрашивали ту или другую.

XXIX.

Усманскіе заказали два рублевыхъ обѣда и полбутылки сельтерской воды. Онѣ не пили вина и въ Крыму, даже тамъ, у себя, гдѣ бутылка хорошаго «Рислингта» стояла всего сорокъ копѣекъ.

Ольга Евграфовна видимо поджидала появленія въ столовой княгини Тергасовой съ дочерью. Она спросила, послѣ супа, у лакея—ходятъ ли обѣдать Тергасовы въ столовую.

— Каждый день,—отвѣтилъ лакей и указалъ рукой на незанятый столъ,—на четыре прибора имъ приготовлено.

Тергасовымъ надо было проходить мимо Усманскихъ. Но дочери совсѣмъ не хотѣлось подниматься и присѣдать передъ глупой княгиней, совершенно ей не нужной, такъ же какъ и дочь ея. Она молчала и сосредоточенно ѣла рыбу. Но въ антрактъ между вторымъ и третьимъ блюдомъ глаза ея проплыли по столовой. Ни въ одной дамѣ, ни въ одной молоденькой дѣвочкѣ Марья Денисовна не увидала своей собственной доли. Хотѣли были это все семейства съ матерями, но все-таки больше свободы и непринужденности. Вонъ не старая еще мать, очень нарядная, кокетничаетъ съ военнымъ. Дочь она желала бы держать дѣвочкой, а у той уже роскошный бюстъ. Но онѣ ладятъ. За ихъ столомъ—мило. Военный тихо смѣшится и мать, и дочь. Четвертое мѣсто занято мальчикомъ, въ матросскомъ костюмѣ съ загорѣлой шеей; длинные волосы подстрижены у него по модѣ, на лбу. Мальчикъ пьетъ вино, и тоже участвуетъ въ разговорѣ.

Изъ отдѣльнаго кабинета лакей отворилъ дверь, и оттуда вырвался гамъ. Ольга Евграфовна даже вздрогнула.

— Кто это?—спросила она у лакея.

— Боченкова... госпожа... изъ Москвы, миллионщица...

Гримаса Ольги Евграфовны остановила объясненія лавка.

— *Quelle horreur!*—прошептала она, но еще разъ туда поглядѣла.

Поглядѣла за ней и дочь.

Ей видны были, съ ея мѣста, затылокъ и крутая золотистая коса Боченковой, и ея плечи, и профиль молодого красавчика.

«Что это за противный фатъ!—подумала она, изъ какихъ?.. Бупецъ?»

И не могла удержаться почти отъ такой же гримасы, какъ и мать ея.

XXX.

Но то шумное, непорядочное общество пировало себѣ и знать не хотѣло претензій барынь въ родѣ ея матери, да и ея самой. Вотъ эти живутъ; а не глохнуть, какъ она, въ унижительной долѣ. У нихъ свои деньги, полная воля... Навѣрно эта Боченкова—вдова, или развѣхалась съ мужемъ—это нынче сплошь и рядомъ. А «гошпеух» —этотъ румяный мальчикъ вѣроятно...

Марья Денисовна не произнесла про себя слова: «*son amant*»; но безъ словъ подумала.

Изъ отдѣльнаго кабинета дошла до нея струя пріаго воздуха: смѣсь духовъ, фды, сигарнаго дыма, вина, запаха апельсина, что-то трактирное и распущенное; но молодое, тревожное и донельзя обидное.

Ни приволья и шума, ни даже простого довольства на своей волѣ у ней не будетъ. Передъ ней гримаса матери. Искусственные зубы Ольги Евграфовны жуютъ цыпленка, а носъ брезгливо наморщень.

Дверь съ площадки широко отворилась и вошли три дамы.

— *C'est la princesse?*—прошептала Ольга Евграфовна, бросила восточку цыпленка, торопливо утерла ротъ и собралась подняться.

— *Pas elles!*—сказала увѣренно дочь.

— Какъ? Что?..

Но вошедшія, дѣйствительно, были не Тергасовы; а двѣ высокія дѣвицы съ пожилой дамой, совсѣмъ на нихъ не похожей.

Онѣ сѣли рядомъ съ ихъ столикомъ вправо. И мать, и дочь, могли ихъ осматривать, не поворачивая сильно головы — очень удобно.

На лицѣ старшей игралъ румянецъ, глаза улыбались по-

среди мягкаго овала. Маленькая, безъ кровинки, подъ тѣнью пепельныхъ волосъ взбитыхъ на лбу, съ прозрачнымъ носикомъ, такая тонкая, что вся ея фигура изгибалась... Дама—наверно—состоящая при нихъ — *dame de compagnie*. Она заговорила съ ними по-англійски.

Жадно вбирала въ себя Марья Денисовна эти два дѣвичьи образа. Не красотѣ ихъ она завидывала, а тому, что онѣ здѣсь въ Ялтѣ, однѣ, съ компаньонкой, богаты — это видно — не въ вѣнѣжности только; нѣкто надъ ними не стоитъ съ молоткомъ.

— *Des robes du Louvre*, — замѣтила Ольга Евграфовна и прибавила: *de la finance!*..

То-есть, денежнаго-де банкирскаго общества; а не стариннаго дворянскаго.

XXXI.

Обѣдъ подошелъ къ концу; а княгини съ дочерью все не было. Ольга Евграфовна подходила лакея.

— Тергасовы не будутъ сегодня обѣдать?

— Должно полагать—не будутъ.

Послать узнать — значить все равно, что сдѣлать визитъ, ей не хотѣлось бы дѣлать визитъ первой.

Дочь посмотрѣла на нее, послѣ сладкаго блюда. «Чего мы дожидаемся?» — говорили ея глаза.

— *Nous demanderons au suisse*, — рѣшила Ольга Евграфовна и начала надѣвать перчатки.

Это надѣваніе брало обыкновенно минутъ десять. Руки у Ольги давно потеряли всякую гибкость, да и боялась она надорвать перчатку. Дочь всегда дожидалась.

Она была рада тому, что обѣдъ въ «Россіи» не удался. Уж конечно, это послѣдняя нелѣпная побѣдка! А тамъ, до отѣзда она на что-нибудь да рѣшится. О сегодняшней встрѣчѣ она не думала. У ней совсѣмъ прошла тревога при появленіи новыхъ мужскихъ фигуръ въ столовой.

Наконецъ, мать поднялась. Послѣдній взглядъ бросила Марья Денисовна на двухъ сестеръ — и еще сильнѣе пронизала ее мысль: «никогда, никогда не удастся тебѣ пожить такъ, какъ онѣ и живутъ весь свой вѣкъ».

Швейцаръ доложилъ Ольгѣ Евграфовнѣ, что княгини и княжной уѣхали съ утра въ знакомымъ въ имѣніе, между Вадіей и Оріандой, и домой надо ихъ ждать вечеромъ, покуда не придетъ почта.

Что же было дѣлать, куда идти? Знакомыхъ нѣ было. Да

предложила отыскать Николая и прокатиться. Имъ говорили, что около Ялты есть водонадѣ, въ лѣсу, въ красивой мѣстности. На это мать не согласилась: извозникъ потребуетъ прибавки; а и безъ того—все въ тридорога. Такъ онѣ и остались въ городѣ. Пошли-было въ садъ около своего отеля; но тамъ солнце все выжгло: ни тѣни, ни зелени. Оставалось гулянье по берегу. Пыль бѣла имъ глаза—безпрестанно проѣзжали фаетоны, кавальерскіе скакали по пути къ Ливадіи. Всѣ бѣгутъ отъ пыли и духоты; а онѣ, точно нарочно, пріѣхали жариться и задыхаться.

XXXII.

Не пошли онѣ и въ клубъ. Не кому было ихъ ввести, да Ольга Евграфовна и не допускала «никакихъ клубовъ». Богъ-знаетъ какое тамъ собирается общество. И Марья Денисовна не настаивала. Она согласна бы была ѣхать назадъ, хоть въ тотъ же вечеръ. Пили онѣ чай на балконѣ отеля «Россія» сначала молча, а потомъ мать стала бранить Ялту.

— Abomination!—отрывисто выговаривала она.—Пыль, вонь! И купанье гадость... арбузные корки плаваютъ... Personne de connaissances!..

Дочь не возражала. Ее можно бы, со стороны, принять за demoiselle de compagnie, привыкшую ко всему, что будетъ говорить барыня.

И спать имъ не хотѣлось. Въ комнатахъ къ ночи сопрется душный воздухъ. Кромѣ сидѣнья у самаго моря, ничего не придумаешь. Море издавало однообразный шумъ. Оно и днемъ порядочно пріѣлось. Ольга Евграфовна подѣ прибой задремала на скамейкѣ. Марья Денисовна замѣтила это, встала, пошла къ самому краю, сѣла на камень, зажмурила глаза и такъ сидѣла недвижно.

Никакихъ у ней не было желаній. Какъ будто и вся ея горечь стихла. Полное равнодушіе окутывало ее. Своя жизнь казалась ей такой ничтожной, что не стоило и бороться. Ничего лучшаго не будетъ. А то, что уже было, говорило противъ нея. Кого можетъ она осчастливить? Кому она нужна? У ней не достало характера и на то, что сдѣлала слабая Лили. Долгій рядъ годовъ дѣвичьяго рабства высушилъ ее, исковеркалъ. Ни одного чистаго чувства она въ себѣ не находила. Все было перерыто и загрязнено. Богатыхъ дураковъ, которые бы бросились на женитьбу зря—нѣтъ, что-то, нигдѣ, да и неужели продать

себя все равно, что стаканъ воды выпить? А человекъ съ душой — отшатнется отъ нея, не оттого только, что у ней въ прошедшемъ есть «пятно»; но онъ пожелаетъ найти въ ней душу, наивность.

Ни того, ни другого въ ней нѣтъ — вышло. Красоты тоже нѣтъ, граціи — еще меньше. Кометничать, и того не умѣть. Она не глупа; да и умъ-то ея — жесткій; а когда она захочетъ быть любезна, у ней выходитъ это несладко. Ни въ какому обществу она не подходитъ. То, что ея мать называетъ «la vraie société» — скучно, она его насквозь видитъ. Въ другое общество ее не пускаютъ, да и сама она — чуть познакомится съ лицами попроще, чувствуетъ себя не по себѣ, не знаетъ какъ съ ними говорить.

Больше часа просидѣла она такъ на камнѣ.

XXXIII.

Спать имъ было все-таки душно. Изъ кухни шелъ запахъ сѣстного до поздняго часа. Онѣ молчали, ворочались въ постеляхъ и глядѣли обѣ на свѣтлыя пятна оконъ, выливавшія въ темноты. Мать жалѣла денегъ и приписывала неудачу поѣздки — дочери; за ней вѣдь всюду шла «la malchance», что бы ни предпринять, куда бы ни поѣхать. Послѣ смерти Лили — Ольга Евграфовна приписала самоубійство младшей дочери припадку безумія — пошло еще хуже. Даже никто и не знакомится въ молодыхъ людей.

Завтра будетъ двадцатью-пятью рублями меньше; хорошо если хватитъ доѣхать до Москвы. Придется, пожалуй, опять на пароходѣ; настанутъ бурные дни, промучаешься, хоть проѣдѣ и не долгій.

А потомъ?

Дочь — думала Ольга Евграфовна — похожа на безумную. Но надо переждать и тогда, уловивъ минуту, произвести на нее давленіе. Только бы наложить руку на приличнаго жениха. Должно быть надо спустить уровень требованій. Еслибъ представился какой-нибудь коммерсантъ, съ образованіемъ? Нынче есть такіе, что на видъ не отличишь отъ иностранца, *attaché* посольства. По-англійски многіе говорятъ. Ихъ вездѣ принимаютъ. Но вѣдь такой коммерсантъ или банкиръ идетъ на удочку красоты. Ума имъ не нужно; да Ольга Евграфовна и не считала свою старшую дочь умной. Дерзкой, упорной — да. И не только дерзкой; но и хитрой, испорченной. Богъ знаетъ что тамъ въ

ней! Будь у ней настоящій умъ, она съумѣла бы и при своей, все-таки видной наружности, интересовать мужчинъ, если не молодыхъ, блестящихъ, то людей среднихъ лѣтъ — прокуроровъ, инженеровъ съ хорошими мѣстами, полковниковъ генеральнаго штаба, которые любятъ серьезные разговоры съ дѣвицами. Къ нимъ надо немного поддѣлаться. На свѣтскій разговоръ, по-французски эти господа не очень бойки... Что-жъ дѣлать! Хоть по-русски, да чтобъ былъ толкъ.

А дочь, въ это время, старалась забыть — гдѣ она, съ кѣмъ жить въ одной комнатѣ, то, что нужно ей завтра опять одѣваться, идти куда-то, поджидать знакомствъ, ѣхать домой, чтобы тамъ продолжать ту же невозможную жизнь. Уже и то было счастьемъ, что мать боится снова выводить ее изъ себя. Это молчаніе было бы тяжело для каждой дочери; но ее оно радовало.

XXXIV.

За утреннимъ кофеемъ Ольга Евграфовна начала вслухъ разсуждать, какъ будто просила совѣта у дочери. Рѣчь шла о томъ: дѣлать ли первымъ визитъ княгинѣ Тергасовой.

Дочь ничего не говорила.

— Dites donc votre avis!

— Cela m'est indifférent.

Мать шопотомъ стала ставить на видъ бездушіе и злость дочери. Для кого же это все дѣлается? Кругомъ сидѣли постоеніе и завтракали. Ольга Евграфовна сдержала себя и, прервавши бесполезный разговоръ съ дочерью, приказала позвать посыльного. Она ему объяснила, съ большою обстоятельностью, кого спросить о Тергасовыхъ, и какъ передать княгинѣ, что Ольга Евграфовна Усманская приказала кланяться и узнать — въ которомъ часу можетъ она съ Марьей Денисовной застать себя княгиню съ княжной.

Когда посыльный ушелъ, Ольга Евграфовна успокоила себя слухъ тѣмъ соображеніемъ, что онъ — пріѣзжій, и имъ слѣдуетъ первымъ сдѣлать визитъ, тѣмъ болѣе, что княгиня особа «третьяго класса», а по теперешнему увлеченію стараго графа княжной, то знаетъ куда онъ съ дочерью могутъ еще проникнуть?..

И на это дочь ничего не замѣтила, а допивала только свой кофе.

Вернулся посыльный: княгиня приказала благодарить; будутъ

дома весь день до обѣда и очень рады видѣть Ольгу Евграфовну съ барышней.

Но кидаться къ Тергасовымъ нельзя было сейчасъ же; слѣдовало переждать по крайней мѣрѣ часа два. Туалетъ дочери Ольга Евграфовна находила: «*sans time, ni raison*».

Мѣнять туалета дочь не захотѣла. Жаръ стоялъ еще удушливѣе вчерашняго; а тутъ надо еще переодеваться... Другое платье требовало такого же цвѣта перчатокъ. Боязнь расхода успокоила Ольгу Евграфовну. Но она настояла, чтобы вокругъ шеи намотана была блонда: это хоть и жарко, но очень модно. Англичанки носятъ такъ, и надо эту моду вводить.

Избѣгая сцены, Марья Денисовна обязала шею блондой очень высоко, точно у ней болить горло, и она прикрыла пластырь.

XXXV.

Тергасовы приняли Усманскихъ въ богатомъ номерѣ - салонѣ, съ вѣнской мебелью. На столѣ и двухъ подзеркальничкахъ стояли букеты и корзины изъ цвѣтовъ. Воздухъ, полный цвѣточнаго запаха и англійскихъ духовъ, наполнялъ просторную комнату. Княгиня съ трудомъ двигалась отъ полноты, въ бирюзовомъ капотѣ съ кружевами—встала и пошла къ нимъ на-встрѣчу. За нею неслышно и съ неподвижной головой плыла и княжна, высокая, съ низкой - низкой таліей, перетянутой золотымъ кушавомъ, въ свѣтлой тафтѣ, съ прозрачными рукавами, уже пожелтѣлая отъ утомленій десяти зимъ; но все съ тѣми же глазами, въ формѣ миндалей, усиками, бѣлымъ, кавказскимъ носомъ.

Дѣвицы пожали другъ другу руку по-англійски, очень крѣпко, сѣли на другой половинѣ гостиной и заговорили по-французски, не перебивая себя, по разъ установленной программѣ, обѣ низкими голосами, безъ малѣйшаго оживленія: у княжны рѣчь текла еще лѣнивѣе, чѣмъ у Марьи Денисовны.

— Ина, — обратилась къ ней мать по-русски, — вотъ я прошу madame Усманскую съ нами сегодня на водопадъ, въ нашей коляскѣ.

— Parfaitement, maman, — отвѣтила княжна и взялась длинными пальцами за талію.

Ольга Евграфовна сочла нужнымъ сдѣлать нѣсколько возраженій на счетъ того, какъ бы имъ не опоздать домой.

— Вы еще успѣете вернуться сегодня. Даже пріятнѣе... по холоду.

Княгиня была родомъ чистая русская, тамбовская помѣщица — дочь прочила за принца, но охотно говорила по-русски.

Протекло минутъ съ двадцать въ визитныхъ разговорахъ. Вошелъ, безъ доклада, гусарскій офицеръ, въ голубомъ съ серебромъ, полный; лицо у него было красное и простоватое. Онъ носилъ рыжеватые, длинные усы и короткіе курчавые волосы. Въ лицѣ его сквозило что-то мальчишеское по выраженію толстыхъ губъ и вздернутого носа. Онъ вошелъ, щелкнулъ шпорами, поклонился по-нынѣшнему, одной головой, низко спустивъ ее на грудь, и засмѣялся.

— Програлъ, княгиня, пари! — громко сказалъ онъ. — Завтра идти *Дикарка*, а не *Маюрша*.

И съ этими словами онъ подошелъ къ ручкѣ княгини.

— Monsieur Скопинъ, — представила его хозяйка.

— Mais... si je ne me trompe... — отвѣтила Ольга Евграфовна, — je connais un peu monsieur.

XXXVI.

Отъ лица Марьи Денисовны отхлынула вся кровь. Какъ только раздался голосъ гусара, она закрыла глаза и не открывала ихъ, пока не слышала того, что произнесла мать. Княжна не замѣтила ничего. Она перевела свой затуманенный взглядъ къ гусару.

Но вотъ гость около дѣвицы.

— Marie, — слышитъ она голосъ матери, — c'est monsieur Скопинъ.

Она быстро поглядѣла на него. Лицо гусара было все также красно. Онъ сначала подаль руку княжнѣ; теперь онъ переминался съ одной ноги на другую и продолжалъ смѣяться.

— Програлъ, проигралъ пари! — повторилъ онъ, и въ ея сторону сказалъ: — Bonjour, mademoiselle... сколько лѣтъ!

Въ звукѣ этихъ «сколько лѣтъ» было для нея столько нестерпимо противнаго, что она сразу покраснѣла.

Глаза ея говорили ему: «не угодно ли вамъ сейчасъ же забыть о моемъ существованіи».

Но она сознавала, что этого сдѣлать нельзя. Вѣдь ея мать громко объявила, что это ихъ знакомый. Гусаръ присѣлъ къ княжнѣ и продолжалъ разговоръ. Онъ побылъ всего десять минутъ, подошелъ къ матерямъ, освѣдомился у Ольги Евграфовны

—надолго ли она въ Ялтѣ и гдѣ живетъ. Кажется, она приглашала его къ нимъ. Княгиня спросила его:

— Вы не забыли? Ровно въ шесть часовъ мы выѣзжаем. Вы съ Иной верхами... А ваша дочь не ѣздитъ?..

— Я отвыкла, — отвѣтила за себя Марья Денисовна.

Гусаръ щелкнулъ шпорами. Совсѣмъ въ туманѣ она пода ему руку. Княгиня на прощанье сказала имъ:

— Да отчего бы намъ не пообѣдать вмѣстѣ?..

— Мы дали слово... — знакомимъ, — быстро сказала Марья Денисовна и такъ поглядѣла на мать, что та поддержала.

«Дороже будетъ стоять», — подумала она, «хоть разъ въ жизни нашлась».

Домой Марья Денисовна шла все въ томъ же туманѣ и повторяла: «я не буду, я не буду тамъ».

Сказаться больной? Ей стало гадко играть комедию. Она рѣшила, передъ обѣдомъ уйти одной купаться, а матери предложить отдохнуть...

Выкупавшись, она вернулась въ отель и внизу, въ ресторанѣ написала нѣсколько строкъ матери:

«Ne m'attendez pas. On m'a proposé une autre partie. J'ai accepté. Vous me trouverez ce soir à la maison».

До седьмого часу она просидѣла наверху, въ садикѣ какой-то незанятой виллы. Она видѣла, какъ Тергасовы проѣхали въ коляскахъ къ ихъ отелю. Скорыми шагами спустилась она къ шоссе и пошла по дорогѣ въ Ливадію.

XXXVII.

Она шла и шла. Ноги передвигались у ней сами собой. Ливадія уже была позади. Солнце сѣло за горами. Въ горѣ ей пересохло: вотъ это одно и утомляло ее.

Никто не попадался. На душѣ не было жутко; она хотѣла только идти. Дорогой она обдумываетъ. Да и чего тутъ обдумывать?!.. Не избѣжать полного разрыва съ матерью. А та и дать денегъ на возвращеніе ни въ Москву, ни въ Петербургъ. Тѣмъ лучше!

Что бы ни произошло, она не могла оставаться въ Ялтѣ. И мать ее никогда ничего не узнаетъ!

Усталость начала замедлять шагъ. Присѣсть негдѣ. Шоссе своими изгибами обманывало и раздражало. Чу! слышишь подиается экипажъ... Тутъ она въ первый разъ только спросила

себя: «да неужели я пѣйдемъ до самаго дома?» А какже она дойдетъ? Гдѣ возьметъ лошадей? И денегъ у ней нѣтъ, да и ничего она не знаетъ... Все явственнѣе шумъ колесъ; слышно какъ они раздавливаютъ мелкій щебенъ шоссе. Въ ухѣ такъ неприятно отъ этого звука.

Поглядѣла она назадъ. Ничего не видно. Подъемъ тутъ круче, чѣмъ пойдетъ дальше. Но вотъ головы лошадей, извозчикъ въ бѣломъ холстинномъ картузѣ и свѣтломъ армякѣ: она можетъ это разглядѣть. Тройка темногнѣдыхъ. Изъ-за лѣваго плеча кучера видна дамская шляпка.

Неужели это мать? Нѣтъ, Николай совсѣмъ по другому одѣтъ и ростомъ меньше. Дама не одна въ коляскѣ.

Шоссе съузилось. Надо держаться къ одной сторонкѣ. Къ горѣ—неудобно, лежать кучи щебня. Къ обрыву еще хуже, приставная можетъ заѣхать; того и гляди оступится нога и упадешь внизъ. Марья Денисовна перешла съ одной стороны на другую и стала на краю. Коляска уже поднялась на изволокъ и поѣхала рысью.

Ей показалось, что ее непременно сбросятъ внизъ. Она замахала платкомъ. Въ коляскѣ поднялась мужская фигура и что-то крикнула извозчику. Въ трехъ шагахъ отъ дѣвушки лошади стали. Стыдно ей сдѣлалось; она хотѣла крикнуть имъ:—«поѣзжайте, поѣзжайте!» Но не крикнула.

Изъ экипажа выскочилъ небольшого роста молодой человѣкъ въ сѣрой пуховой шляпѣ и люстриновомъ плащѣ. Онъ подбѣжалъ къ ней.

XXXVIII.

— Вамъ что-нибудь угодно? —торопливо спросилъ онъ.

Марья Денисовна смутилась и поглядѣла на него быстро и тревожно. Она замѣтила его маленькій носъ съ ринсе-пез, черную бородку и худыя загорѣлыя щеки.

— Ничего... извините...

— Вы испугались лошадей?

— Да...

Онъ говорилъ мягко и глядѣлъ на нее добрыми глазами.

— Можетъ, вамъ нехорошо?

Тонъ этого вопроса заставилъ ее подумать, что онъ докторъ.

— Я утомилась немного.

— Да вы куда же?

Она назвала мѣсто.

— Такъ вѣдь это больше пятнадцати верстъ отсюда. Вы не дойдете. Мнѣ кажется... у васъ...

Онъ немного замялся, отбѣжалъ къ коляскѣ, переговорилъ что-то въ полголоса съ дамой и съ мужчиной, сидѣвшими рядомъ на заднихъ мѣстахъ и скоро опять вернулся.

— Мы втроемъ, ѣдемъ изъ Ялты... У насъ свободное мѣсто... Это профессоръ Сапентовъ, вы, можетъ, слыхали, нашъ извѣстный діагностъ... съ супругой, а я его ассистентъ... докторъ Чернавинъ. Они васъ просятъ... Мы васъ доставимъ до Алупки; а оттуда не трудно и пѣшкомъ, всего четыре версты. Дадимъ провожатаго.

Отказываться было не изъ чего. Подѣлка коляска. Ассистентъ посадилъ ее, и она должна была пожать руки профессору и его женѣ.

«Что я скажу имъ?» въ торопяхъ подумала она и отвѣтила: «надо что-нибудь солгать; не въ первый разъ».

Прежде всего она нѣсколько разъ поблагодарила ихъ. Она быстро сочинила цѣлую исторію. Ее не подождали, она не сообразила, что такъ далеко. Всѣ слушали ее просто и не задавали никакихъ вопросовъ. Можно было и ничего не выдумывать.

Молодой человѣкъ совсѣмъ прижался къ боку, чтобъ ей было больше мѣста; дама попросила ее протянуть ноги; профессоръ сперва все улыбался и поглаживалъ бороду; а потомъ густымъ баскомъ выговорилъ:

— Вамъ, барышня, не дойти бы и до полуночи. И прекрасно сдѣлали, что дали намъ сигналъ платкомъ.

— Нашъ извозчикъ можетъ васъ и до дому довести... — предложила дама, и поглядѣла на мужа. Онъ ей кивнулъ головой.

XXXIX.

Тутъ только Марья Денисовна разглядѣла ихъ. Мужъ былъ лѣтъ подъ сорокъ, плотный, сутуловатый, съ русой длинной бородой. Онъ смотрѣлъ человѣкомъ, вышедшимъ изъ духовнаго званія. Такіе сѣрые большіе глаза и толстоватый къ концу носъ — видала она у не-старыхъ священниковъ и дьяконовъ. Глаза умно и насмѣшливо улыбались. Сидѣлъ онъ сгорбившись, въ парусинномъ балахонѣ и стружковой шляпѣ. Голосъ у него тоже напоминалъ басъ дьякона и въ манерѣ произносить слыша-

лось что-то рѣзковатое въ звукахъ «а» и «о». Она никогда и нигдѣ его не встрѣчала.

Жена профессора была его лѣтъ на десять моложе. Встрѣть ее Марья Денисовна одну, въ большомъ городѣ, она приняла бы ее, быть можетъ, за купчиху:—по ея пестрому туалету и волосамъ льняного цвѣта. Модная шляпка сидѣла на этихъ кудельныхъ волосахъ назадъ, а не сильно впередъ, какъ бы ей слѣдовало. На шеѣ и на рукахъ было слишкомъ много золотыхъ вещей и перчатки короткія. Лицо — рыхловатое и круглое съ добрымъ носомъ пуговкой — сильно загорѣло. Узенькіе глаза смотрѣли на нее немного съ недоумѣніемъ, скорѣе ласково.

Но когда она спросила мужа на счетъ извозчика—Марью Денисовну точно что укололо.

Этотъ голосъ!.. Гдѣ, когда она его слышала? Голова ея начала быстро, быстро искать въ прошедшемъ. Это было не больше, какъ пять лѣтъ... Неужели?!

Она начала холодѣть, руки у ней затряслись. Неужели сегодня—судьба нарочно ловить ее безъ всякой жалости?..

Необычайнаго усилія стоило ей подавить свое внезапное разстройство. Она изъ подъ глубокой модной шляпки стала всматриваться въ лицо профессорши; въ сумеркахъ это можно было сдѣлать.

Да, широкое лицо, волосы какъ лень, съ такими же городками на лбу, ноздри, рѣзко вырѣзанныя, узенькіе глаза... Только она пополнила и кажется уже тридцатилѣтней замужней женщиной.

Она! акушерка Троицкая... Несомнѣнно! Но она ее не узнаетъ: это видно. Имени ея она и тогда не знала... Какъ ей помнить? А вдругъ!?. Еслибъ эта женщина была одна, можно было бы и не запыряться; но съ мужемъ, съ его ассистентомъ... Какой ужасъ!..

XL.

Запроситься вонъ изъ коляски? Они примутъ ее за сумасшедшую. Да и не станутъ пускать. Самое лучшее: притвориться ужасно утомленной, закрыть глаза и принять разслабленную позу.

Такъ она и сдѣлала.

— Вамъ не хорошо?—тихонько спросилъ ее ассистентъ.

Она ничего не отвѣтила.

— Пожалуйте на мое мѣсто, — предложилъ профессоръ. — Извините, я сразу не догадался.

— Разумѣется, Иванъ Ивановичъ, — подтвердила жена и наклонилась, чтобы взять Марью Денисовну за талію и пересадить.

— Нѣтъ! — почти вскрикнула дѣвушка. — Мнѣ хорошо здѣсь... воздухъ мнѣ въ лицо... Сидите, пожалуйста.

Она говорила все это, не раскрывая глазъ. Испугалась она того, что жена профессора разглядитъ ее, когда нагнется къ ея лицу и узнаетъ.

— Какъ угодно, — пробасилъ профессоръ и переглянулся съ ассистентомъ.

Въ его глазахъ умнаго, безцеремоннаго практиканта можно было прочесть: «Должно быть фруктами злоупотребила, барышня».

Такъ и оставалась Марья Денисовна, почти до самой Алуши. Она слушала ихъ разговоръ, въ полголоса. Они говорили о Ялтѣ, о Гурзуфѣ, гдѣ провели два дня, о какомъ-то пріятелѣ, котораго ожидаютъ на дняхъ изъ Москвы, о томъ, что не надо больше ѣсть борщу съ томатами, и что виноградъ въ Ялтѣ хуже, чѣмъ у нихъ.

— Какъ вы себя чувствуете? — спросилъ ее ассистентъ, когда они были верстахъ въ трехъ отъ Алуши. Онъ видѣлъ, что она не спитъ.

— Благодарю васъ, — проговорила она измѣненнымъ голосомъ.

Сердце у ней все еще билось усиленно. Каждую секунду, она или вспыхивала, или холодѣла: вотъ-вотъ жена профессора вспомнитъ и узнаетъ ее. Ошибиться она не могла. Дѣвичью фамилію этой профессорши она отчетливо вспомнила. И почему же ей было не выйти за доктора? Онъ тѣмъ временемъ получилъ извѣстность. Теперь она, конечно, не практикуетъ больше. Но и теперь во всемъ тонѣ этой женщины есть что-то прямо показывающее, что она практиковала. Марья Денисовна вспомнила и то, что до своего акушерства Троицкая побывала въ кордебалетѣ, ходила экстерной въ театральную школу. Свою судьбу акушера ей успѣла рассказать въ тѣ десять часовъ, съ десяти до восьми, которые она провела въ ея квартирѣ.

XLI.

— Мы и въ Алушѣ! — сказалъ полушопотомъ ассистентъ.

Профессоръ ничего не замѣтилъ. Марья Денисовнѣ послышалось, что онъ, какъ будто, вѣвнулъ. Жена что-то сказала ему на ухо. Онъ промывчалъ; а потомъ добавилъ:

— Понятное дѣло.

Въѣхали въ аллею и повернули въ гору.

— Вамъ пѣшкомъ нельзя, — замѣтила жена профессора и слегка дотронулась до ея колѣнѣ.

Она открыла глаза. Еще нѣсколько минутъ, и они простятся. Эта женщина рѣшительно не узнала ее. Надо какъ можно меньше говорить.

— Благодарю васъ, — чуть слышно преговорила она.

«А чѣмъ я заплачу извознику? — Я дойду пѣшкомъ».

— Вы въ большомъ домѣ или въ этихъ маленькихъ вагончикахъ, что въ паркѣ построены? — пошутилъ профессоръ.

— Вѣда меня раздражаетъ, — заговорила погромче Марья Денисовна. — Я пройду пѣшкомъ, тутъ всего четыре версты.

— Какъ знаете, — сказалъ профессоръ. — Оно, можетъ, и лучше будетъ.

Жена не возражала. Ассистентъ поглядѣлъ на дѣвушку въ бокъ и потомъ на профессора. И на его лицѣ было написано: «Иванъ Ивановичъ зря ничего не скажетъ».

Коляска — мимо красивой мечети — спустилась въ проѣздъ между балаганами съ фруктами. Тутъ скучились татары-торговцы, мальчишки, парни, дожидаящіеся случая получить на водку отъ господъ — поддержать лошадь или сбѣгать куда-нибудь... Деревянная гостинница въ полувосточномъ вкусѣ, съ наружными галереями, темнѣла въ глубинѣ.

— Вы здѣсь живете? — спросила Марья Денисовна: — позвольте мнѣ сойти...

Мужъ и жена подались впередъ, и каждый протанулъ ей руку.

— Добраго здоровья, — сказалъ профессоръ, и въ его взглядѣ она прочла: «только, милая, не вдумай ко мнѣ за консулціей обращаться; я пріѣхалъ сюда отдыхать, а не лечить».

— Право бы доѣхали, — добавила жена.

— Оставь! — чуть слышно остановилъ ее профессоръ.

— Вы найдете ли дорогу до шоссе? — заботливо и кротко спросилъ ассистентъ.

— О, да!.. Я здѣсь бывала.

Торопливо выскочила она изъ коляски, сдѣлала имъ общій поклонъ и взяла направо по переулку. Она болѣе всего рада была тому, что никто изъ нихъ не спросилъ ея фамиліи. Солгать, назваться другимъ именемъ или не отвѣтить на вопросъ — она не нашла бы въ себѣ достаточно мужества.

XLII.

Вотъ она на шоссе. Еще свѣтло. Полоса дороги бѣлѣется рѣзко. Въ небѣ чуть замѣтенъ узкій серпъ мѣсяца. Шаги ея звонко раздаются во влажномъ воздухѣ, пропитанномъ растительными испареніями парка. Она идетъ бодро, но не бѣжитъ. Въ головѣ у ней все еще сидитъ, какъ гвоздь, чувство страха, смѣшаннаго съ радостью, что вотъ та женщина ее не узнала. Ей уже нужды нѣтъ до того, что тамъ, въ Ялтѣ, гусарь способенъ выболтать первому встрѣчному все... Да навѣрно онъ сотни разъ и разбалтывалъ мужчинамъ и женщинамъ, за которыми волочился... женщинамъ, конечно, и называлъ ее. Этотъ позоръ отошелъ въ даль. Она разучилась думать о немъ уже больше двухъ лѣтъ — точно будто она была застрахована отъ встрѣчи съ нимъ, въ Петербургѣ или за-границей. Развѣ пять лѣтъ много времени? Давно ли это было?

Мать поѣхала тогда хлопотать о какомъ-то спорномъ наследствѣ. Сестру Лили еще не взяли изъ института. Она гостила у кузины — старше ея на пять лѣтъ, свѣтской московской барыни — богатой, съ дуракомъ мужемъ. О ея легкихъ нравахъ давно ходили слухи; но мать повторяла, что это — клевета; а сплетничаютъ разныя барыни изъ «petite noblesse». Прогостить у ней зиму, значитъ навѣрно выдти замужъ. Въ домѣ кузины, послѣ тисковъ матери, сразу показалось, какъ въ рай. Выѣзжай, уходи, дѣлай что хочешь, держи себя какъ тебѣ вздумается. Положи домъ мужчинъ. Гусарь Сюпинъ считался очень богатымъ — и дуракомъ. Кузина ей каждый день твердила:

— Душа моя, если хочешь прожить на волѣ и весело — жени на себѣ богатаго дурака.

Она указывала, безъ церемоній, на своего мужа, тоже отставного гусара.

Гостиная кузины дышала однимъ позывомъ: пожить на счетъ мужчины, повеселиться — и чтобы все было шито-крыто. Напало на нее озорство. Она захотѣла поскорѣе, не думая ни о чемъ, заручиться глупымъ и богатымъ женихомъ. Кузина помогла:

— Надо идти прямо, — говорила та, — и ничего не бояться. Чѣмъ дальше, мой другъ, зайдешь — тѣмъ вѣрнѣе.

И опять ссылалась на себя.

— Тебѣ уже двадцать стукнуло. Состоянія у васъ нѣтъ, и съ такой шатап, какъ твоя — никто на тебѣ не женится. Надо воспользоваться этой зимой.

Все это было вѣрно: она сама чувствовала логику кузины. И въ ней самой уже наеипала горечь. Жизнь съ матерью становилась несносной. Два сватовства разстроились въ зиму передъ тѣмъ. Ее цѣлые дни пилили за глупость и безталанность.

XLIII.

Гусарь былъ и тогда такой же глупый, болтливый, плохо воспитанный, даже съ плохимъ французскимъ языкомъ, надоедливый до нелѣзья. Но кто-то пустилъ слухъ, что онъ страшно богатъ. По этому на лучшихъ балахъ онъ водилъ вальсы, командовалъ смѣшно и шумно — съ ошибками противъ языка. Она тогда и не спрашивала себя: хорошъ онъ или уродъ, есть у него хоть маленькій умъ, что-нибудь похожее на душу, на правила... Въ ней замерли эти требованія. Не помнить она, чтобы было пущено особенное кокетство. Кузина говорила, что «дурачекъ Скопинъ идетъ отлично на дочку».

Онъ и безъ того вѣдиль каждый день. Кузина не скрывала ей — съ какими намѣреніями.

— Но я ему, душа моя, сказала: вы можете вѣдять; но ничего не добьетесь. Онъ и этимъ остался доволенъ. Но ты не обижайся, не говори, что я тебѣ уступаю свои обглодочки. Ты — дѣвушка. Тебѣ нуженъ мужъ. Будь я на твоёмъ мѣстѣ, я бы не задумалась сейчасъ же выйти за него.

И такіа разсужденія не оскорбляли ее тогда.

Гусара стала настраивать кузина, шептать ему, что онъ будетъ совсѣмъ «уродъ», если упустить такую дѣвушку. Конечно, стала ему на счетъ состоянія... Можетъ быть льстила самолюбію, увѣрала его, что Мари влюблена въ него «до безумія». Онъ скоро измѣнилъ тонъ, искалъ интимныхъ разговоровъ, уводилъ ее въ залу, когда тамъ никого не было, привозилъ конфеты, букеты, началъ вести себя почти женихомъ. Но матери она ничего не писала, просила и кузину молчать. Мать его видѣла раза два-три до своего отъѣзда, по тяжбѣ, въ Саратовъ.

Не прошло и мѣсяца, какъ они цѣловались въ уголкахъ. Кузина нарочно оставляла ихъ вдвоемъ. Разъ, въ сумерки, онъ забѣжалъ за ней въ ея комнату. Она могла бы выгнать его; но не выгнала, думала, что все кончится лишнимъ поцѣлуемъ. Теперь она не можетъ сказать, что это было. Конечно, не насилье. Нѣсколько недѣль въ обществѣ кузины — развратили ее такъ, что она сама на все шла и если не говорила себѣ: «да,

я не останавлиюсь ни передъ чѣмъ», — то не хотѣла ни о чемъ думать и отдавалась теченію.

Она не испугалась и на другой день. У ней не достало, однако, духу сейчасъ же сказать ему:

— Извольте писать шатап и просить моей руки.

Особый родъ стыда, стыда за то, что онъ глупъ и баналенъ — удержалъ ее отъ откровенности съ кузиной. Онъ все не говорилъ, что желаетъ писать матери. Прошло еще двѣ недѣли. И вдругъ гусарь исчезъ, уѣхалъ въ Малороссію въ четырехмѣсячный отпускъ. Кузина ни о чемъ «серьезномъ» и не догадывалась; но все-таки стала его называть «негоднемъ» и утѣшать ее тѣмъ, что такихъ сыщется много. Она узнала, кромѣ того, что онъ и «не думалъ» быть богатымъ.

XLIV.

Тутъ только поняла она свое положеніе. И все скрыла отъ кузины; скрывала упорно, искусно, продолжала ѣздить, танцевать, никогда такъ не веселилась, и ни разу не задала себѣ вопроса: «Если я кому-нибудь поправлюсь — какъ же я скажу всю правду?»

Она даже забыла о необходимости видѣти замужъ; а только хотѣла забыться и скоронить концы... Никто же не зналъ... даже ея опытная кузина. Пріѣхала мать только постомъ. Тутъ она почувствовала — что ждетъ ее еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ... И рѣшилась скрывать до конца, до послѣдней возможности, сдѣлаться матерью тайно. Эта рѣшимость поглотила ее всю. Ничего другого она не видѣла впереди, впала въ совершенную безчувственность, сносила характеръ матери, подчинилась ея надзору, какъ за маленькой дѣвочкой, находила какое-то удовольствіе въ этомъ обманѣ. Ее не пускаютъ одну купить лентъ на Кузнецкій мостъ, а она будетъ скоро матерью! Съ кузины она потребовала вѣтвы — ни однимъ словомъ не проговориться объ ухаживаніяхъ гусара. Мать ворчала весь постъ и всю весну: какъ возможно быть настолько «рѣсого», чтобы не стужать найти мужа въ такой гостинной, какъ у ея племянницы.

Никто ничего не замѣчалъ.

Да полно было ли все это? Какъ же могла она вынести, не умереть, не схватить воспаленія; какъ ей удалось скрыть отъ матери?.. Не умерла, даже не заболѣла, и все скрыла. Тогда

только она поняла, какое у ней здоровье. Не даромъ мать говорила, что она «une fille de ferme» — по своему сложенію.

Сегодня передъ ней проходятъ сцены и разговоры, пять лѣтъ спавшіе въ душѣ.

XLV.

Совсѣмъ стемнѣло, когда Марья Денисовна обогнула мысъ и стала спускаться къ первымъ домикамъ, гдѣ уже свѣтились окна. До того поглотило ее прошедшее, что она ни разу не подумала о томъ: что теперь ее мать, гдѣ она, какую сцену придется ей вынести изъ-за своей «escapade» — такъ навѣрно назоветъ мать то, что она сдѣлала. Усталости у ней не было, ни въ ногахъ, ни въ головѣ. Хотѣлось одного: еще куда-нибудь и во что-нибудь уйти и не возвращаться въ ненавистную будку, раньше глубокой ночи.

Прошедшее: гусарь, день у акушерки Троицкой, то, что этотъ офицеръ отецъ ее ребенка, что та женщина видѣла ее поворъ — мучили ее, какъ что-то до нельзя противное. Но сердце молчало. Только бы опять скоронить концы и поставить одинъ, большой крестъ надъ тѣмъ, что было. И еще ядовитѣе накупала въ ней ненависть къ матери — другимъ словомъ не могла она назвать своего чувства и не хотѣла даже... Кто же довелъ ее до всего этого?

Мать, одна мать!..

Марья Денисовна поднялась къ площадкѣ, гдѣ третьяго дня — съ разныхъ сторонъ окликали Павла Павловича. Широкія окна столовой были освѣщены ярче обыкновеннаго. Она разглядѣла въ темнотѣ, что татаринъ проваживаетъ лошадей. Изъ кухни безпрестанно бѣгали горничныя и лакеи. Что-нибудь такое тамъ происходитъ особенное.

— Поля! — остановила она горничную въ чадрѣ.

— Ахъ, барышня!..

— Что здѣсь такое?

— А это съ катанья вернулись.

— Да развѣ они сегодня, а не вчера ѣдили?...

— Сегодня-съ. Вчера у одной дамы... что-то заболѣло. История случилась тутъ... Всѣ въ страхѣ были.

— Что такое? — спросила Марья Денисовна, насильно вправляя себя въ любопытство.

— Да господинъ тотъ... съ бородой... Павелъ Павлычъ и барышня... полная-то такая... отстали... Всѣ здѣсь переполоши-

лись... Думали—убили ихъ... ха, ха! Посылали гонцовъ... Они сейчасъ только вернулись.

Поля еще разъ засмѣялась и съ поклономъ побѣжала за водой.

— Пойду я туда,—подумала Марья Денисовна.

XLVI.

Столовая гудѣла. У стола, накрытаго глаголемъ, съ двумя лампами, сидѣло человѣкъ до пятнадцати; всѣ разговаривали, ѣли, наливали себѣ въ стаканы, смѣялись, перебивали другъ друга. Посрединѣ сидѣлъ Павелъ Павлычъ, въ темной блузѣ, перетянутой ремнемъ, въ высокихъ сапогахъ. Онъ только-что прожевалъ кусокъ говядины, запилъ «рислингомъ», поднялъ вилку и началъ говорить. Лицо его дышало весельемъ и удалью. Онъ подмигивалъ пухленькой дѣвушкѣ, той самой, что гуляла третьяго дня съ Марьей Денисовной. Контюристъ съ женой были тутъ также. Пожилая дама большого росту, съ просѣдью, держала дѣвушку за руку и качала головой; но глаза ея улыбались.

Сидѣлъ еще тутъ старикъ въ парусинномъ пальто, пять-шесть дамъ и дѣвицъ и трое статскихъ.

Марья Денисовна догадалась, что половина этого общества ѣдила въ горы. Она начала понимать, что случилось въ дорогѣ.

— Ну что же можетъ быть прѣще? — спрашивалъ Павелъ Павлычъ; онъ обращался къ пожилой дамѣ. Разсудите сами. Ваша внучка—снatches чудесно... А остальные боятся подъ-гору... Умора! Особенно вонъ Анна Матвѣевна!

— Извините!—Я смѣло ѣзжу!

— Ха, ха... Смѣло!.. Ну, положимъ. Это мы завтра при свидѣтеляхъ спросимъ у Мехмеда. Вотъ внучка ваша и поскакала... Я за ней. Дѣлаю два-три поворота... Догналъ. И стали поджидать. Ждали десять минутъ. Я кричу. Мертвый бы услыхалъ. Назадъ поднялись, доѣхали до перекрестка. Нѣтъ никого!

— Еще бы—въ другую сторону совсѣмъ!—крикнула Анна Матвѣевна, дама съ короткими волосами, очень красная.

— Это вѣрно! Сбился я. Я и беру на себя всю вину. Поскакали сначала внизъ, потомъ вверхъ. И попали куда? Угадайте?

— Въ Ливадію?—крикнулъ кто-то.

— Въ Эрикликъ! выше Ливадіи. Наверху, тамъ, насъ у

воротъ остановили. Я долженъ былъ совратъ... Суровость на себя напустить—только этимъ способомъ мы и очутились на шоссе. А тамъ ужъ сбиться нельзя было.

Пухленькая дѣвушка смѣялась, ѣла быстро, игриво всѣхъ оглядывала и глазами говорила:

— Ей Богу, все это сущая правда! Можете намъ вѣрить! Молодые дамы улыбаются недоувѣрчиво. Пожилая дама вздохнула.

— Ну, и слава Богу! Вонъ у васъ аппетитъ-то какой.

XLVII.

И всѣмъ стало еще веселѣе. Марья Денисовна видѣла ихъ и слушала изъ темнаго угла, около двери въ зимній садъ. Вотъ какъ живутъ люди! Молоденькая дѣвушка — этой маленькой барышнѣ не больше осьмнадцати — пропала въ горахъ съ красивымъ, совсѣмъ не старымъ мужчиной. Приѣхали двумя часами позднѣе. Что бы тутъ было, еслибъ съ нею случилось то же самое? Какихъ «гадостей» не открыла бы въ этомъ ее мать!.. А за нихъ только испугались; бабушка — приличная дама мягко смотритъ на нихъ и радуется тому, что все благополучно обошлось. Всѣ даже рады происшествію: тревогѣ, посылаѣ татаръ на шоссе, шуму, бѣготнѣ, импровизованному ужину.

Въ груди ея заняло. Еще секунда, и она разрыдается — но она подавила въ себѣ и это.

— Танцевать надо, танцевать! Mesdames! Людмила Васильевна... Пожалуйста! Скорѣе вальсъ. Надо пользоваться минутой.

Это кричалъ Павелъ Павлычъ, шумно, весело, взявъ за талію пухленькую дѣвушку и вывелъ ее на средину столовой. Жена конториста побѣжала въ темноту, за колонны, гдѣ стояло старое, разбитое фортепіано, и бойко, по-петербургски, заиграла вальсъ Штрауса «Freut euch des Lebens».

Павелъ Павлычъ закружился по столовой. За нимъ еще двѣ пары. Фортепіано дребезжало; но раскатистый его гулъ подымалъ наивностью звука. Первая пара провертѣлась мимо Марьи Денисовны. Тутъ только Гущинъ замѣтилъ ее и на лету крикнулъ: — Вернулись! Съ вами туръ!..

Но она не могла выдержать и вышла на галерею. Звуки фортепіано ворвались туда за нею и дразнили ее, кололи, хохо-

тали надъ ней, надъ ея тайнымъ срамомъ, лганьемъ, грязью, гнусностью ея добровольной каторги.

Она сошла съ лѣстницы на площадку, а оттуда взяла внизъ по крутому спуску на ту дорогу, откуда она третьяго дня поднималась съ профессоромъ, объ эту же пору. Вальсъ все дребезжалъ и шумѣлъ, за стеклянными дверьми столовой; въ окнахъ мелькали головы и спины. Дѣвушка шла все внизъ, къ морю — и такъ ей нестерпимы сдѣлались звуки, что она затонула ушн и побѣжала.

XLVIII.

Миновала она котловину съ ключемъ студеной воды и вдругъ пошла медленнѣе; по всему тѣлу разлилась слабость, ноги у ней подкашивались отъ внутренняго потрясенія. На силу добрела она до скамьи, опустилась на нее и заплакала, сначала глухо, потомъ зарыдала.

Слезы у ней рѣдко появлялись. Поэтому мать и называла ее «истуканомъ». Когда плачъ вырывался у ней изъ груди, то всегда съ физической болью. И теперь рыданія смѣшивались съ истерической немотой. Платкомъ она зажимала ротъ. Еще нѣсколько секундъ такихъ душевныхъ мукъ, и она способна была бы кинуться въ море съ утеса, наклонившагося надъ водой въ ста саженьяхъ, правѣе.

— Что съ вами? — раздался надъ ней женскій голосъ.

Передъ ней стояла женщина въ черномъ платьѣ, съ кружевной косынкой на головѣ и держала въ рукахъ бутылку. Марья Денисовна узнала фигуру той дамы, про которую говорили третьяго дня, объ эту же пору, что она — сумасшедшая.

— Неудобно ли отхлебнуть водички?

Рыданія не позволяли Марьѣ Денисовнѣ отвѣчать.

Дама присѣла къ ней ближе, взяла за свободную руку, пожала и прошептала:

— Женское горе!.. Чувствую!..

Отъ нея пахнуло на дѣвушку сердечной теплотой. Слезы полились обильнѣе и мягче. Черезъ минуту голова ея лежала на плечѣ дамы. Слабость долго не позволяла ей говорить.

— Пойдемте... ко мнѣ... отдохните. Вы въ жару; засвѣжѣю. Простудитесь.

Дама произносила слова отрывисто и чуть слышно. Будь Марья Денисовна спокойнѣе — она бы нашла такую манеру странной.

— Благодарю, — съ трудомъ выговорила дѣвушка.

— Я близко... внизъ нѣсколько ступеней... Обопритесь на меня.

Когда Марья Денисовна оперлась на руку дамы, она почувствовала въ тѣлѣ ея провожатой вздрагиванія. Они и ей общились. Она еле переступала ногами. Дама поддерживала ее за талию. Сама она шла колеблющейся походкой. Спускаться по лѣсенкѣ было очень трудно.

XLIX.

Дама отперла дверь подъ навѣсомъ крылечка и ввела въ себя Марью Денисовну. Горѣлъ ночникъ. Особенный лекарственный запахъ стоялъ въ душевной комнатѣ.

— Здѣсь... здѣсь... кровать... ложитесь.

Марья Денисовна легла. Теперь ей вступило въ голову. Сразу стало ей душно.

— Окно, окно!.. — успѣла она выговорить; въ глазахъ замутилось.

Окно отворили; но воздухъ комнаты оставался такимъ же душнымъ.

Голову ломило невыносимо.

— Я вамъ сниму... корсетъ.

Но раздѣться не было силъ. Дама начала тревожно ходить по комнатѣ, отыскивать пузырьки съ лекарствами, предлагала компрессъ на голову. Кое-какъ растегнула она лифъ. Платье было на Марьѣ Денисовнѣ то самое, въ которомъ она дѣлала визитъ Тергасовымъ.

— Вамъ... надо... совсѣмъ раздѣться...

Марья Денисовна слышала и понимала то, что ей говорятъ; но слабость не позволяла ей дѣлать движеній руками. Такъ пролежала она съ полчаса.

— Кажется, докторъ... живеть... въ большомъ домѣ? — прошептала дама.

— Не нужно... Благодарю.

Въ платьѣ ее начало душить. Надо было снять корсетъ. Она уже могла подняться. Сбросила платье, стала сама отнимать спереди застежки корсета.

Прошло еще съ четверть часа. Эти женщины не знали другъ друга, даже по имени. Когда Марья Денисовнѣ немного полегчало, она подняла голову, протянула руку и тихо выговорила:

— Скажите мнѣ, у кого я?

Дама быстро подошла къ ней, сѣла въ ногахъ, на кровати, и нагнула къ ней лицо. Марья Денисовна могла теперь разглядѣть его, въ полусвѣтѣ комнаты.

Лицо это глядѣло на нее и улыбалось; но глаза блуждали. Блѣдность щекъ переходила въ землистый цвѣтъ. Въ правой рукѣ она держала цѣтокъ и все имъ помахивала. Во всемъ ея тѣлѣ замѣчалось трепетаніе. Косынки она не сняла. Волосы съ сильной просьдью не отнимали у ней молоджавости, но мелочавости болѣзненной, странной.

«Неужели правда», подумала Марья Денисовна, «что говорили тогда...»

L.

— Вамъ зачѣмъ же мое имя?—спросила дама и сильно замахала цѣткомъ.—У меня его нѣтъ... настоящаго.

— Какъ... нѣтъ?—выговорила еще съ трудомъ Марья Денисовна.

— Дѣвичье... мое имя... Прженева. Знаете: прежняя... ха!.. Отъ которой ничего не осталось.

«Она разстроена въ умѣ!»—подумала дѣвушка.

— Прженева?—выговорила она вслухъ.

— Съ мужемъ когда жила... не такую фамилію носила. Шеломова.

— Шеломова...—повторила Марья Денисовна, какъ бы про себя—и ей представился отель «Россія», столовая и шумный обѣдъ въ отдѣльномъ кабинетѣ... Тотъ красивенькій мальчикъ, жеманно подобный, что сидѣлъ около полной купчихи изъ Москвы. Развѣ швейцаръ не говорилъ ей про Шеломова?.. Конечно..

— У васъ сынъ?

— Какъ вы знаете?..—вскрикнула дама и бросилась къ ней такъ, что Марья Денисовна пугливо подалась назадъ. Все лицо этой женщины потемнѣло, глаза заискрились, руки задрожали, цѣтокъ выпалъ изъ правой руки.

Но она тотчасъ же сѣла опять на край постели и смущенно заговорила:

— Простите... Я напугала васъ. Вы не знаете меня. Первый разъ въ жизни видите. Вы такъ спросили... Я думала... спроста...

Въ голосѣ ея зазвучали подавленные слезы, что-то глубокое страстное и жалкое.

Она встала, заметалась по комнатѣ, подбѣжала къ столу

открыла ящикъ, взяла тамъ какую-то вещь, потомъ оставила сейчасъ же и задвинула также быстро. Все это не взяло и двухъ минутъ.

— Нѣтъ! Не стану!—вслухъ вырвалось у ней.

Возгласъ удивилъ Марью Денисовну. Въ этой женщинѣ было что-то располагающее къ себѣ и жалкое.

— Видите...,—слабо выговорила Марья Денисовна,—я была въ Ялтѣ... Я оттуда... прѣехала.

— Въ Ялтѣ? Въ Ялтѣ?

— Да, и тамъ въ отелѣ «Россія»... мнѣ назвали швейцаръ какого-то Шеломова... Изъ Москвы.

— Да?

Трепещущія руки схватили Марью Денисовну. Она уже была въ объятіяхъ этой женщины: та цѣловала ее и судорожно сжимала.

— Я не могу!—слабо вскрикнула дѣвушка.

— Ахъ, простите... Но вы назвали... фамилію... Вы говорите.. въ отелѣ «Россія»?

— Да.

— Шеломовъ?.. Какой?.. Полный, лѣтъ подъ пятьдесятъ... борода... курчавый?..

— Нѣтъ,—твердо отвѣтила Марья Денисовна,—очень молодой и почти мальчикъ.

— Какой?

— Красивый...

Она хотѣла прибавить: «довольно противный»; но не сказала этого.

— Володя?.. Господи!..

Раздались рыданія, возгласы... Такихъ Марья Денисовна никогда и не слыхивала. Они такъ возбудили ее сразу, что она вскочила, не чувствуя уже никакой слабости и забѣгала по комнатамъ, ища чего-нибудь, воды, капель...

II.

Рыданія и возгласы перешли въ припадокъ съ судорогами. Марья Денисовна положила ее на ту же постель, гдѣ передъ тѣмъ сама лежала. Она дрожала отъ нервности; но о себѣ уже не думала. Передъ ней билась настоящая больная.

Чѣмъ помочь?

Вспомнила она, что та выдвигала ящикъ и что-то оттуда

брала и навадь подожгла. Конечно, лекарство. Но что именно? Она подбѣжала къ столу и выдвинула весь ящикъ до конца. Блеснуло что-то металлическое. Она сразу не поняла что это: Иголка съ пузырькомъ. Смутно вспомнила она, что, кажется, такъ впрыскиваютъ морфій.

Припадокъ стихъ; но раздалась глухая стenanія.

— Дайте... дайте, стонала больная. Бога ради!

Марья Денисовна подбѣжала къ кровати.

— Тамъ, въ столѣ... игла... мнѣ вспрыснуть...

— Чего? морфію?

— Да, да!.. Поскорѣй.

Но Марья Денисовна не знала, что именно нужно дѣлать. Больная быстро и судорожно выхватила у ней иглу съ пузырькомъ, что-то такое мгновенно сдѣлала и упала головой на подушку. Черезъ минуту она уже стихла, впала въ полудремоту и произносила отрывисто невнятные слова.

Марья Денисовна присѣла въ ней въ ноги и прислушивалась. Вдругъ ею овладѣло совсѣмъ иное чувство. Эта женщина должна была перенести больше ея мученій.. Она, быть можетъ, и въ своемъ умѣ. И этотъ морфій!.. Безпомощную жертву добила жизнь. А въ себѣ самой она чувствовала силы. Вотъ теперь—ночь, навѣрно двѣнадцатый часъ, она убѣжала изъ Ялты, мать уже пріѣхала, ждетъ, способна, Богъ знаетъ, чего надѣлать. И ей—ничего! Она не пойдетъ домой, не броситъ этой жалкой женщины, останется при ней всю ночь, забудетъ, что она, m-elle Усманская— «изъ общества».

Волненіе больной стихло. Но она не спала, а улыбалась и глядѣла на свою гостью полузакрытыми глазами.

— Володя,—сладко прошептала она и заснула.

Гостья встала съ конца кровати и пересѣла въ кресло. Она рѣшила провести тутъ ночь.

LII.

Въ столовой большого дома, до третьяго часа ночи, шло веселье. Послѣ вальса танцовали двѣ кадрили, и даже мазурку, цѣли хоромъ. Общество высыпало на площадку, затѣяло горѣлки въ темнотѣ. Хохотъ и визгъ разносились по всему парку.

Танцы еще гудѣли, когда по наивамъ шоссе поднималась колеска. Николай понукалъ лошадей въ гору и курилъ. Ольга Евграфовна морщилась отъ табаку. Выхода дочери держала ее

въ столбнякъ. Она не бросилась ее отыскивать, а даже Тергасовой и ея дочери сказала:

— Ma fille est une folle!

И поѣхала съ ними смотрѣть водопадъ, вернулась въ отель— не нашла тамъ дочери, не дала ни одной копѣйки на водку, когда расплачивалась по счету, только приказала въ отель записать: какъ зовутъ извозчика, и откуда онъ родомъ.

— Ты меня, пожалуй, убьешь,—сказала она ему, когда сѣлась въ фаэтонъ.

До тѣхъ поръ она еще надѣялась на то, что дочь на что-нибудь годна. Теперь—ни одного рубля не истратитъ она на ея туалетъ. Эта потерянная и полоумная способна на все. Но надо поступить какъ-нибудь чрезвычайно.

Не пустить ее, когда она явится? Небось не бросится въ море; у ней не такая чувствительная душа, какая была у Лили. Запереть на все время?.. Это ни къ чему не поведетъ. Она закоренѣлая негодница—«une misérable» —повторяла Ольга Евграфовна, кутаясь въ шаль.

Николай подвезъ ее къ изгороди.

На дворъ никого не было. Онъ прикнулъ. Никакого отвѣта.

Ольга Евграфовна поглядѣла въ сторону ихъ домика. Свѣта нѣтъ въ оконъ дочери.

Николаю пришлось нести сундукъ одному. Лакей выбѣжалъ уже послѣ и донесъ ручной багажъ. Онъ же подалъ и огня.

— А барышня?—спросила Ольга Евграфовна.

— Какая-съ?

— Да моя же дочь!..

Будь это не ночью, Ольга Евграфовна дала бы ему пощечину. —Дочери не было дома.

П. БОВОРНКИИЪ.

ВЪ ГОРСКИХЪ ОБЩЕСТВАХЪ КАБАРДЫ

Изъ путешествія Вовв. Миллера и Макс. Ковалевского.

I.—НАЛЬЧИКЪ.

На сѣверномъ склонѣ Кавказскихъ горъ, на пространствѣ между притокомъ Терека, Урухомъ, населеннымъ осетинами-дигорцами, и Эльбрусомъ, живетъ по верховьямъ рѣкъ Черекъ, Чейма и Баксана небольшое племя татарскаго происхожденія, называемое официально—«горскими обществами Кабарды». Всѣ эти общества—Балкарь, Бизенги, Хуламъ, Чегемъ и Урусбій—по статистическимъ свѣденіямъ 1874 года, не превышаютъ численностью 15,000 душъ. Впрочемъ, на мѣстахъ мы убѣдились, что наличное число дворовъ въ нѣкоторыхъ аулахъ превышаетъ показанное въ спискѣ населенныхъ мѣстъ терской области. Языкъ татаръ-горцевъ до сихъ поръ не изслѣдованъ въ научномъ отношеніи. Онъ значительно отличается отъ языка казанскихъ татаръ и весьма близокъ къ карачаевскому и кумыкскому. Въ настоящее время одинъ изъ туземцевъ, Сафаръ-Али Урусбиевъ, занимается составленіемъ грамматики родного языка, примѣнявъ русскую азбуку къ выраженію его звуковъ... Въ этнографическомъ, археологическомъ и историческомъ отношеніи горцы Кабарды представляютъ значительный интересъ. Долины, ими занимаемыя, покрыты древними могильниками, болѣе ранняго населенія, неизмѣншаго, судя по черепамъ и предметамъ домашней обстановки, ничего общаго съ нынѣшними поселенцами. Въ историческомъ отношеніи

представляется интересный вопросъ, въ какому времени относится поселеніе татаръ въ этихъ мѣстахъ, кого застали они на новой родинѣ, въ какія отношенія стали къ туземцамъ и, наконецъ, откуда шла колонизація горныхъ ущелій? Не говоря о другихъ признакахъ, не - туземность горцевъ - татаръ явствуетъ уже изъ того, что они образуютъ какъ бы островокъ среди другихъ національностей, чуждыхъ имъ по языку и племени. На востокѣ они граничатъ съ осетинами-дигорцами, на сѣверѣ и западѣ окружены Кабардою, на югѣ главный хребетъ отдѣляетъ ихъ отъ сванетовъ. Можно отмѣтить также, что ближайшіе сосѣди дигорцевъ, балкарцы, повидимому болѣе ранніе татарскіе поселенцы, носятъ у осетинъ имя *Аси*, въ которомъ нетрудно узнать названіе Ясы нашихъ лѣтописей и Осси (Овси) грузинскихъ. Объяснить этотъ фактъ, конечно, нельзя предположеніемъ, что нынѣшніе горцы-татары потомки древнихъ ясовъ (осетинъ). Гораздо правдоподобнѣе, что они наслѣдовали имя вмѣстѣ съ страной, изъ которой частью вытѣснили болѣе древнее осетинское населеніе. По крайней мѣрѣ, на это указываетъ рядъ данныхъ, о которыхъ мы скажемъ ниже.

Въ виду интереса, представляемаго изученіемъ быта и преданій горцевъ-татаръ, мы воспользовались представившейся намъ возможностью съ наибольшимъ удобствомъ съѣздить въ эти глухія мѣста, и предприняли туда экскурсію изъ Владикавказа въ іюнь 1883 года. Кто знаетъ характеръ горныхъ путешествій на Кавказѣ, тотъ, конечно, пойметъ выгоды нашего положенія, когда мы скажемъ, что нашимъ спутникомъ былъ Сафаръ-Али, сынъ мѣстнаго таубія (горскаго князя), урусбиевскаго аула. Имѣя по всѣмъ ауламъ родственниковъ, аталыковъ или кунаковъ, Сафаръ-Али могъ открыть намъ самый широкій доступъ къ горскому гостепріимству и помѣстить насъ въ наиболѣе богатые кунакія, что для человека даже доведшаго до *minimum'a* свои требованія по части комфорта, весьма не лишне, какъ будетъ ясно изъ дальнѣйшаго изображенія нашихъ походовъ.

Вотъ при какихъ условіяхъ и съ какими надеждами мы въ первыхъ числахъ іюня пріѣхали изъ Владикавказа по желѣзной дорогѣ на станцію Котляревскую. Отсюда на лихихъ тройкахъ мы помчались по необозримой предгорной равнинѣ къ слободѣ Налчику, откуда мы намѣревались проникнуть въ горы. На югѣ вырисовывались изъ синеватаго дыма очертанія перваго хребта зеленыхъ горъ; изрѣдка, когда расходились облака, на минуту обнажались снѣжныя вершины и въ отдаленіи массивное сѣдо Эльборуса; по равнинѣ безконечной вереницей тянутся

курганы, иногда значительныхъ размѣровъ, покрывающіе могилы неизвѣстныхъ народовъ. При приближеніи къ Нальчику открылся видъ на чистенькую нѣмецкую колонію Александровскую, поселенную здѣсь уже лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Изрѣдка попадались объемистыя фуры, изъ которыхъ выглядывали русыя нѣмецкія головы.

Вотъ и Нальчикъ. Мы въѣжаемъ по грязной улицѣ, усаженной по сторонамъ тополями. Справа и слѣва одноэтажные домики, крытые черепицей или соломою. Въ одномъ изъ нихъ у отставного русскаго солдата, мѣстнаго старожила, была приготовлена для насъ довольно чистенькая комната.

Утоляя голодъ жирнымъ борщомъ, мы вступили въ бесѣду съ нашимъ хозяиномъ, который все утро усердно украшалъ галерею и двери зеленью въ виду наступающаго Троицына дня и жалѣлъ объ отсутствіи родной великорусской березы. Конечно, разговоръ свелся на туземцевъ или «азіатовъ», какъ ихъ называютъ русскіе культуртрегеры даже изъ простого класса. Не лестно было отзывъ о кабардинцахъ стараго солдата, который былъ здѣсь въ безпокойныя времена и видѣлъ всякіе виды. «Извѣстно—варвары», говорилъ старикъ, «дѣлать-то имъ нечего; дай нашему брату, мужику, столько земли, не жизнь бы, а малина. А онъ—азіатецъ, сдаетъ землю нашему же брату, а самъ слоняется цѣлый день на лошади да гарцуетъ. Ужъ хоть бы лошадь-то пожалѣлъ, а то ужъ такой у него законъ положенъ: какъ сидеть на лошади, такъ ей сейчасъ, ни за что ни прошто, алѣкнуть три нагайки просто такъ—здорово живешь. Инда лошадь-то вся дрожить, какъ на нее садится. А дома у себя въ аулѣ: сидитъ у савла да кинжаломъ палочку стругаетъ: жена-де все сдѣлаетъ, что нужно по хозяйству. Что и говорить,—самый ледащій народъ. Только и норовитъ, какъ бы стащить, что плохо лежитъ. Вѣрите ли, останавливались они у меня: такъ, бывало, какъ отъѣдутъ, глядишь, какой ни на есть вещи недостаетъ. Я прямо къ нимъ, осматривать сумки—глядишь и засунулъ вещь куда-нибудь на самый низъ. Такое воровство развелось, что просто страсть. Недавно велѣно было имъ всѣмъ дать присягу, что не будутъ воровать и сами станутъ выдавать воровъ. Ну, правду сказать, недѣли двѣ о воровствѣ не было слышно, а теперь снова за прежнее принялись»...

Въ Нальчикѣ намъ пришлось провести два дня. Мы ждали пріѣзда отца нашего спутника, Исмаила Урусбиева, чтобы распросить его о горцахъ, которыхъ онъ знаетъ вдоль и поперекъ, какъ наиболѣе уважаемое лицо во всѣхъ этихъ обществахъ. Къ

сожалѣнію, дѣла задержали его, и мы не могли дожидаться его приѣзда. Обзоръ достопримѣчательностей Нальчика не занялъ много времени: мы посѣтили школу и свѣдѣли въ еврейскую колонію. Нашимъ любезнымъ чичероне былъ дядя Сафара, Хамзатъ Урусбиевъ, европейски развитой и начитанный членъ городского суда, постоянный житель Нальчика. Хамзатъ — представитель новаго типа среди горцевъ, типа реформатора. Проведя нѣсколько лѣтъ въ военной службѣ, онъ уѣхалъ за границу и въ Швейцаріи изучилъ правильное сыровареніе. Запасшись этими свѣдѣніями и швейцарцемъ, онъ устроилъ на Бакасанѣ сыроваренный заводъ. Сначала дѣло какъ-будто пошло на ладъ: сыръ, изготовляемый новымъ способомъ, оказался превосходенъ и находилъ сбытъ въ Владикавказѣ. Но трудно было бороться съ мѣстными условіями; заводъ, стоящій на большой дорогѣ, былъ вѣчно осаждаемъ праздными посѣтителемъ, мѣшавшими рабочимъ, которые и такъ работали *по-горски*; всякіе родственники, атакже и кунаки, не спросясь хозяевъ, уводили къ себѣ лучшую скотину, что, по мѣстнымъ понятіямъ, не считается воровствомъ; ко всему этому присоединился падежъ скота, и въ концѣ концовъ дѣятельность завода должна была прекратиться.

Такъ-называемая «горская школа» помѣщается въ лучшемъ зданіи Нальчика, въ крѣпости, въ бывшемъ помѣщеніи штаба мѣстнаго гарнизона. Это 4-хъ классное училище содержится частью на средства горцевъ, частью на правительственные средства. Въ настоящее время въ ней помѣщается до 50 учениковъ — кабардинцевъ, горцевъ и осетинъ. Курсъ соответствуетъ приблизительно курсу нашихъ городскихъ училищъ, но почему-то сочли нужнымъ ввести преподаваніе французскаго языка, которое не приводитъ ни къ какимъ результатамъ. Въ одной изъ залъ школьный смотритель показалъ намъ найденную гдѣ-то на верховьяхъ Малки кость, повидимому, мамонта. Въ виду вопроса о существованіи мамонта на Кавказѣ (есть мнѣніе, что найденныя доселѣ кости принадлежать не мамонту, а какому-то другому виду допотопныхъ слоновъ) было бы интересно специалисту изслѣдовать эту отлично сохранившуюся ногающую кость.

Въ верстѣ отъ Нальчика раскинулась довольно обширная еврейская колонія. Интересуясь горскими евреями, сохранившими свой типъ въ несравненно большей чистотѣ нежели европейскіе, мы отправились туда. Мужское населеніе было на базарѣ въ Нальчикѣ, и изъ оконъ и дверей на насъ съ любопытствомъ смотрѣли смуглыя библейскія лица женщинъ и дѣтей. Намъ рѣдко случалось видѣть въ теченіе какого-нибудь получаса столько

правильныхъ и прелестныхъ дѣтскихъ личекъ съ знойными глазами и курчавыми головами. Остановившись передъ чистенькимъ домикомъ *рабби*, мы вошли въ нему, чтобы собрать нѣкоторые свѣденія. Большая часть горскихъ евреевъ живутъ въ восточномъ Кавказѣ, въ сѣверномъ и южномъ Дагестанѣ, въ бакинской, елисаветпольской губерніяхъ, но отдѣльныя поселенія встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ. Въ первыя времена ихъ поселенія на Кавказѣ, куда они, въ отдаленныя времена, выселились изъ Мидіи, они сохраняли еще языкъ своихъ предковъ, какъ видно изъ біографіи святой Нины; когда она пришла въ Грузію изъ Іерусалима, то была весьма рада, что нашла своихъ соотечественниковъ въ Карталиніи, гдѣ она (въ городѣ Урбнисѣ) цѣлый мѣсяцъ бесѣдовала съ ними на еврейскомъ языкѣ. Но во время персидскаго владычества въ Закавказьи, евреи усвоили себѣ средневѣковой персидскій языкъ, который они называютъ фарсійскимъ и татскимъ, и, вѣроятно, у нихъ образовался жаргонъ, съ примѣсью библейскихъ словъ и множества словъ, заимствованныхъ изъ языковъ мѣстныхъ, сосѣднихъ племенъ. Письменность у нихъ на этомъ жаргонѣ производилась еврейскимъ квадратнымъ письмомъ.

Евреи около Нальчика не занимаются земледѣліемъ, а мелочной торговлей и нѣкоторыми ремеслами. Живутъ они, повидимому, съ достаткомъ и не хуже европейскихъ умѣютъ ссужать деньги за солидные проценты. Антипатіи мѣстное населеніе не питаетъ въ нимъ нивакой, и ростовское побоище еще не отразилось на ихъ спинахъ. Впрочемъ, мы были случайными свидѣтелями слѣдующей сцены. При нашемъ проѣздѣ мимо одного еврейскаго дома какой-то пьяненькій забулдыга изъ русскихъ бросился на колѣни передъ сопровождавшимъ насъ помощникомъ окружного начальника и громко возопилъ: «Ваше скордіе, дозвольте жидовъ бить!» Немедленно на спину жида опустилась начальническая ногой, и онъ былъ для вытрезвленія убранъ въ каланчу. Такъ просто разрѣшился здѣсь еврейскій вопросъ.

Прежде чѣмъ разстаться съ Нальчикомъ отмѣтимъ, что для юридическаго быта окружающаго мѣстнаго населенія эта слобода имѣетъ особое значеніе, какъ мѣстопробываніе горскаго словеснаго суда. Немалый процентъ шатающихся по улицамъ и площади горцевъ является сюда по тяжбымъ дѣламъ и проживаетъ здѣсь по недѣлямъ. Стоить остановиться на характеристикѣ этого любопытнаго учрежденія, которое въ жизни туземцевъ занимаетъ не послѣднее мѣсто.

Во время нашего пребыванія въ горскихъ обществахъ намъ

неоднократно приходилось слышать жалобы на разореніе, начинаемое жителямъ горскими судами. По мнѣнію самихъ даже членовъ этихъ судовъ, горцевъ по происхожденію, — правительство не могло бы оказать большей услуги туземцамъ, какъ приступивши къ немедленному закрытію этихъ очаговъ сутяжничества, взяточничества и волокиты. Итакъ, вотъ что вышло на дѣлѣ изъ реформы, которая, по первоначальному своему плану, по намѣреніямъ лицъ ее затѣявшихъ, заслуживаетъ полнаго сочувствія. Въ самомъ дѣлѣ, въ странѣ, которая по разнообразію своего этнографическаго состава не допускаетъ и мысли о единомъ земскомъ правѣ, среди населенія, которое въ теченіе столѣтій не знало не только писаннаго закона, но и письменности, не есть ли обычай — единственный руководитель судей, а его глашатаи — природныя присяжные, призванные постановлять, подобно англійскимъ, рѣшеніе одинаково по вопросамъ права и факта? Временныя правила для горскихъ словесныхъ судовъ, отъ 30 декабря 1869 года, вполне сознаютъ необходимость всецѣлаго господства обычая и допускаютъ примѣненіе русскихъ законовъ лишь въ случаяхъ, относительно которыхъ обычай не сложился. Принимая во вниманіе разнохарактерность дѣйствующихъ въ округѣ обычаевъ, тѣ же правила требуютъ присутствія въ горскомъ судѣ по крайней мѣрѣ по одному депутату отъ каждаго изъ племенъ, населяющихъ округъ. Смотря по тому, въ какой національности принадлежать стороны, предсѣдатель, всегда изъ русскихъ — обращается за указаніемъ обычая къ депутату отъ кабардинцевъ, горцевъ, ингушей и т. д. Въ дѣлахъ, которыя, какъ тѣсно связанныя съ вѣроученіемъ корана, судятся по шариату, указаніе на законъ дѣлается мѣстнымъ кадіемъ. Такими дѣлами, по положенію, считаются дѣла брачныя, дѣла о незаконнорожденныхъ, о разводахъ и наслѣдствѣ. Чтобы избавить стороны отъ издержекъ по письменоводству, горскому суду предписано разбирать дѣла изустно. Безпристрастность приговоровъ, повидимому, гарантирована публичностью и коллегиальностью; предсѣдательствующій имѣетъ рѣшающій голосъ только при раздѣленіи голосовъ поровну. Въ интересахъ тѣхъ же сторонъ допущено въ широкой мѣрѣ право апелляціи: въ дѣлахъ гражданскихъ, — если цѣна иска превышаетъ 100 р., а въ уголовныхъ, — если наказаніе состоитъ во взысканіи свыше 30 р. или арестѣ свыше 1-го мѣсяца. Наконецъ, каждый разъ, когда вѣдомство горскаго словеснаго суда выходитъ за предѣлы мировой юрисдикціи (уложеніе о наказ., налаг. миров. судьями положено въ основу правилъ о горскомъ судѣ) требуется утвержденіе приговора на-

чальникомъ области. Къ такимъ дѣламъ принадлежитъ нанесеніе ранъ, увѣчья или смерть въ ссорѣ или дракѣ, кражи со взломомъ, дѣла по предупрежденію и прекращенію кровосмѣшенія, похищеніе женщинъ и т. п.

Почему же, спрашивается, горскій судъ на практикѣ, если вѣрить единогласнымъ отзывамъ подсудныхъ ему лицъ, ведетъ не болѣе какъ къ сутажничеству, нескончаемой волокитѣ и неизбежному разоренію сторонъ? Въ томъ же уставѣ мы находимъ отчасти отвѣтъ на этотъ вопросъ. Пробѣгая 84 параграфъ этихъ положеній, мы, не безъ удивленія, узнаемъ, что это учрежденіе, легальный составъ котораго опредѣляется въ 3 человека, вѣдаетъ, на-ряду съ судебными дѣлами, дѣла нотаріальныя и дѣла бывшихъ опекунскихъ совѣтовъ и нашихъ дворянскихъ опекуновъ. Мало того, по желанію сторонъ, возможно обращеніе къ горскому суду, какъ къ третейскому, съ обязательствомъ, въ послѣднемъ случаѣ, считать дѣло поконченнымъ его рѣшеніемъ. Сколько дѣлъ для такого слабаго состава? Неудивительно, если, засѣдая ежедневно съ 9 часовъ до 4-хъ, нальчикскій судъ, напримѣръ, накопилъ болѣе 2000 нерѣшенныхъ дѣлъ! Прибавимъ къ этому, что, при рѣшеніи всѣхъ дѣлъ соприсажниками и свидѣтелями, неявка одного изъ вызванныхъ лицъ служитъ постояннымъ поводомъ къ отсрочкѣ дѣлъ. Удивительно ли послѣ этого слышать жалобы на проволочки, замедленія и напрасныя затраты на путешествіе и пребываніе въ Налчикѣ нерѣдко съ цѣлой ватагой набранныхъ отовсюду свидѣтелей, содержаніе которыхъ ставится затѣмъ на счетъ проигравшаго процессъ.

Съ другой стороны, сама наша администрація, какъ бы опасаясь того, что судъ останется безъ дѣлъ, позаботилась о томъ, чтобы еще болѣе развить въ горцахъ присущую имъ по природѣ склонность къ сутажничеству. По горскимъ обычаямъ, или *адатамъ*, женщины вовсе устранились отъ наслѣдованія. Совершенно произвольно мы признали дѣла о наслѣдствѣ и между горцами — подсудными правиламъ шаріата. Такимъ образомъ, открылась возможность доказывать право наслѣдованія отъ прабабушекъ и бабушекъ. Пробѣгая рѣшенія горскаго суда за послѣдніе годы, на каждомъ шагѣ встрѣчаешь иски о правѣ собственности на тотъ или другой участокъ земли, нерѣдко стоимостью въ 20 руб., на основаніи болѣе или менѣе сомнительной генеалогіи отъ бабушки или прабабушки, доказываемой свидѣтельскими новоназваніями. Замѣтьте, что всѣ иски о *недвижимой* собственности, какъ бы ничтожна ни была сумма иска, почему-то изъяты изъ вѣдомства общинныхъ (*аулыныхъ*) судовъ и всецѣло возложены на плечи

горскихъ судей. А самый еще порядокъ производства, требующій ежечасной, постоянной передачи вопросовъ председателя истцу или отвѣтчику на кабардинскій, татарскій, осетинскій или иной языкъ, и затѣмъ обратно отвѣтовъ сторонъ съ туземныхъ языковъ на русскій! И обязательство все это записать въ книгу на случай возможнаго обжалованія дѣла передъ начальникомъ области или апелляціоннымъ путемъ! Какъ тутъ не имѣть за собою въ прошломъ 2000 нерѣшенныхъ дѣлъ?

II.—ОТЪ НАЛЬЧИКА ДО ЧЕГЕМА.

Нанявъ въ Нальчикѣ трехъ верховыхъ лошадей и горца-проводника, который долженъ былъ сопровождать насъ въ теченіе всего путешествія въ горахъ, мы часовъ въ 10 утра выѣхали по направленію въ Хуламу, ближайшему обществу горскихъ татаръ. Дорога идетъ на югъ по правому берегу рѣчки Нальчика, и мало по малу начинается подъемъ въ горы. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ нашъ путь шелъ чрезъ сплошной густой лѣсъ чинаровъ, еленовъ, карагачей, орѣшника, простирающійся на нѣсколько десятковъ верстъ на горныхъ отрогахъ. Безпрестанно приходилось переѣзжать въ бродъ извилины Нальчика и его многочисленныхъ притоковъ. Кое-гдѣ по вязкой тропѣ видѣлись свѣжіе слѣды медвѣдей, а на одной полянѣ неуклюжій медвѣженокъ во всю прыть перебѣжалъ намъ дорогу. Мы двигались крайне медленно: на крутыхъ спускахъ лошади скользили, и приходилось идти пѣшкомъ, безпрестанно нужно было наклоняться сидя на лошади, потому что немного зазѣвавшись не трудно было получить въ лицо удары наклоненныхъ вѣтвей; нерѣдко мы должны были объѣзжать топкія мѣста. Вслѣдствіе этихъ затрудненій, мы потеряли надежду засвѣтло пріѣхать въ Хуламъ и, спустившись къ берегамъ прелестной рѣчки Карасу, впадающей въ Терекъ, рѣшились ночевать подъ открытымъ небомъ. Сама природа приглашала въ отдыху: передъ нами чудесная поляна замыкается со всѣхъ сторонъ, какъ бы амфитеатромъ, горными хребтами, по полянѣ быстро и шумно катятъ свои воды прозрачный Карасу. На берегу его маленькая мельница, которая на случай дождя можетъ служить защитой. Понятно, что утомленные девятичасовой верховой ѣздой, мы не особенно торопились доѣхать въ тотъ же день до Хулама, тѣмъ болѣе, что намъ предстоялъ съ береговъ Карасу немедленно трудный подъемъ.

Расположившись близъ мельницы, мы утолили голодъ европейскими консервами съ либихскимъ бульономъ, и какъ только

стемнѣлось (а ночь въ горахъ наступаетъ чрезвычайно быстро), устроились, какъ могли, на ночлегъ на убитой землѣ въ мельницѣ. Нашему непривычному слуху вѣчный шумъ горной рѣчки представлялся какъ бы шумомъ проливного дождя, и, просыпаясь по временамъ ночью, мы выглядывали изъ шалаша, со страхомъ ожидая ливня. Мы проснулись на зарѣ и не нашли нашего проводника. Часа черезъ полтора онъ явился съ пріятной ношей, пятью только-что пойманными имъ форелями. Конечно, мы приступили немедленно къ изготовленію завтрака, и можемъ смѣло сказать, что нашему пиру на берегахъ Карасу позавидовали бы европейскіе гастрономы.

Переѣхавъ Карасу, мы очутились въ роскошной долинѣ Терека. По обѣимъ сторонамъ массивныя скалы, опущенныя до половины лѣсомъ; прямо передъ нами надъ горами высоко виднелись свои снѣжныя вершины горы Дыхъ-Тау и Коштанъ-Тау, превышающія вышиною Казбекъ. По дорогѣ насъ нагоняють хуламцы и цѣлыя партіи ишаковъ, нагруженныхъ дровами. На вопросъ нашего проводника, одинъ изъ хуламцевъ сказалъ, что у него есть кефиръ, и мы не упустили случая утолить жажду этой нынѣ модной панацеей. Свернувъ немного въ сторону, мы чрезъ кустарникъ пробрались къ небольшому гротту въ скалѣ и, разлегшись на буркахъ, нѣсколько разъ прикладывались къ бурдючку съ живительной влагой. Здѣсь же пришлось намъ впервые столкнуться съ горными понятіями о гостепріимствѣ. Хотя мы сами навязались на угощеніе, вполнѣ убѣренные, что беремъ кефиръ на деньги, однако горецъ, пожертвовавшій намъ большую часть содержанія своего бурдючка, упорно отказался отъ денегъ и, осыпавъ насъ пожеланіями счастливаго пути, отъѣхалъ во-свойси.

Черезъ нѣсколько часовъ мы подъѣхали къ первому горскому аулу—Хуламу. Подъѣзжая къ нему, мы долго ѣхали по каменистой узкой дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ которой тнулись маленькіе, разгороженные камнями, участки пахоты. Каждый удобный клочекъ земли тщательно унавоженъ, воздѣланъ и орошенъ канавой. Земля здѣсь цѣнится даже дороже, чѣмъ въ горной Осетіи, гдѣ клочекъ земли, на которомъ можетъ стоять быкъ, стоитъ быка. Намъ показывали участки не болѣе десятины, проданные за 2.000 рублей.

Аулы, извѣстные подъ общимъ именемъ Хуламъ, расположены чрезвычайно живописно въ долинѣ Терека и его небольшихъ притоковъ; въ центрѣ площади, окруженной горами, возвышается почти коническая гора, увѣнчанная развалинами башни.

Кто построилъ нѣкогда эту крѣпость, въ свое время недоступную, сложенную весьма правильно изъ мѣстнаго камня на цементѣ, объ этомъ не сохранилось даже преданія. Во всякомъ случаѣ—не предки нынѣшняго татарскаго населенія. Сакли хуламцевъ и вообще горскихъ татаръ, не представляютъ никакихъ отличій отъ осетинскихъ, и также издали имѣютъ видъ груды камней и развалинъ. Вокругъ небольшого дворика тянется рядъ низенькихъ построекъ, сложенныхъ изъ камня безъ цемента. Плоскія крыши покрыты землей, и еслибъ не плетенныя и вымазанныя глиной широкія круглыя трубы, вы не догадывались бы, что ходите по крышѣ, а не по зеленой лужайкѣ. Передъ четырехугольными жилыми помѣщеніями идутъ наѣсы на массивныхъ столбахъ. Отдѣльно отъ другихъ построекъ при каждой саклѣ—помѣщенія для всякаго пріѣзжаго—кунацкая. Привязавъ коня къ рогатой коновязи, вы входите нагнувшись въ низенькую дверь кунацкой. На земляномъ полу у одной стѣны стоитъ широкая двуспальная деревянная кровать, у другой стѣны прямо на землѣ очагъ, надъ нимъ пасть широкой трубы. По стѣнамъ полки для вещей. Все помѣщеніе, иногда сажени 3 длиною, освѣщается скудно маленькимъ окошкомъ, конечно, безъ рамъ и стеколъ.

Опишу нѣсколько болѣе подробно нашъ ночлегъ въ Хуламѣ, такъ какъ тѣ же приемы горскаго гостепріимства стереотипно повторялись въ другихъ аулахъ. Пробравшись по узкимъ улицамъ, безпрестанно пересѣкаемымъ канавами, къ кунацкой мѣстнаго старшины, таубія Джарахмата Шакманова, мы сошли съ коней и сѣли на кровать. Немедленно вся кунацкая наполнилась мѣстными жителями, собравшимися посмотреть на пріѣзжихъ. Уваженіе къ гостю требуетъ, чтобы всѣ стояли передъ нимъ, и даже лица почтеннаго возраста не рѣшались отступить отъ этикета. Здѣсь впервые въ большомъ количествѣ мы могли наблюдать типы горцевъ. Кромѣ, такъ сказать, случайныхъ лицъ, (напр., кабардинскихъ), можно рѣзко выдѣлить два господствующіе типа: одинъ, напоминающій монгольскій, хотя и съ значительно сглаженными чертами этого типа: торчащія уши, узкіе глаза, выдающіяся скулы, безбородые подбородки; другой—типъ аріискій, напоминающій всего болѣе осетинскій: правильныя черты лица, кавказскіе носы, густыя бороды, каріе и часто голубые, веселые и интеллигентные глаза. Горцы отличаются быстротой въ движеніи, они высоки ростомъ и стройны. Въ манерахъ много природной граціи и свободы. Рѣчь у нихъ льется неудержимымъ и быстрымъ потокомъ; ихъ словоохотливость нерѣдко переходитъ въ дѣтскую болтливость. Остроты, *bon mots*, обыкно-

венно безобидныя, такъ и сыплются, когда сойдутся трое, четверо молодыхъ людей. Но на этотъ разъ группа молодежи, собравшаяся на насъ поглазѣть, отличалась строгимъ молчаніемъ въ присутствіи стариковъ и гостей, и ограничивалась самымъ внимательнымъ наблюденіемъ надъ каждымъ нашимъ дѣйствіемъ и движеніемъ. Скоро явился хозяинъ и привѣтствовалъ гостей по-русски, владея довольно свободно нашимъ языкомъ. Началась обычныя распросы о цѣли пріѣзда, о дорогѣ, о новостяхъ. Трудно представить себѣ, съ какимъ напряженнымъ интересомъ въ этихъ, удаленныхъ отъ центровъ, горныхъ тущахъ принимается всякая новость и какъ быстро извѣстіе разлетается по всему аулу. Послѣ полутора-часовой бесѣды, въ теченіе которой мы собирали свѣденія объ общинномъ бытѣ хуламцевъ, ихъ обычномъ правѣ, сословіяхъ и т. п., въ кунацкой появились первые признаки угощенія. Одинъ изъ молодыхъ людей внесъ на кругленькомъ, низенькомъ трехногомъ столикѣ, стаканы для чая, сахаръ и пшеничныя чуреки. Другой выступалъ за нимъ, держа подъ мышкой російскій самоваръ. Началось чаепитіе, причемъ хозяинъ только по нашей просьбѣ рѣшился пить вмѣстѣ съ нами. За чаемъ послѣдовала деревянная чаша съ вкуснымъ айраномъ (кислое молоко). Болѣе солидное угощеніе готовилось къ ночи, какъ мы убѣдились въ томъ, выйдя изъ кунацкой погулять по аулу: у самыхъ дверей кухни намъ встрѣтился юноша съ чернымъ барашкомъ на рукахъ, который долженъ былъ быть принесенъ намъ въ жертву.

Мы взобрались къ развалинамъ башни, чтобъ оттуда полюбоваться видомъ. На противоположной сторонѣ долины видѣются развалины другой башни, которая должна была одновременно съ первой защищать ущелье, такъ что непріятель подвергался перекрестнымъ выстрѣламъ (конечно, изъ луковъ). Башня, по владѣ камней и по типической четырехугольной формѣ напоминаетъ совершенно башни, видѣнныя нами въ горной Осетіи. Въроятно, строителями ихъ были предки нынѣшнихъ осетинъ. По крайней мѣрѣ цѣлый рядъ топографическихъ названій и мѣстныхъ преданій указываетъ на то, что татары-горцы застали въ этихъ мѣстахъ осетинское населеніе, исповѣдывавшее христіанскую религію. Смѣшеніемъ съ этимъ населеніемъ и объясняется осетинскій типъ, часто попадающійся въ лицахъ горцевъ. Осетинскія мѣстныя названія тянутся по всѣмъ горамъ сѣверо-западнаго Кавказа отъ Дигории до Эльбруса. Множество рѣчекъ у горскихъ татаръ содержатъ осет. слово «донъ» (вода), въ видѣ *данъ* и *донъ* (Кара-данъ, Шауданъ, Куронъ-данъ, Гаръ-донъ, Шакъ-донъ; осетинское названіе для

ущелья *комз* повторяется у нихъ въ видѣ *камз* (Шаукамъ, Кырекамъ); гроты въ скалахъ называютъ они, какъ и осетины, дор-бунъ (подъ камнемъ); перевалы называются *очимз*, изъ осетинскаго авцэгъ; часто горы красноватаго цвѣта носятъ названіе сурхъ (по осетински — красный); въ татарскихъ названіяхъ для мѣсяцевъ слышатся, какъ и у осетинъ, искаженные имена христіанскихъ святыхъ: Никколай (май), Тотуръ (Феодоръ) Эліа-ай (мѣсяць Іліи)-Башилай (мѣсяць Василія), и т. п. Горцы знаютъ осетинскихъ духовъ-покровителей, которыми сдѣлались у осетинъ нѣкоторые христіанскіе святые: Бій-Ашбирги соотвѣтствуетъ осетинскому Уаскерги (св. Георгію); Авсаты — духъ охоты — осетинскому Авсаты. Горцы-татары, рядомъ со своимъ счетомъ, сохранили осетинскую систему счета парами: дууъ (2), чупаръ (4), ахсавъ (6), астъ (8) дасъ (10) и т. п., лишь слегка измѣнивъ осетинскія слова. О культурномъ вліяніи осетинъ на татаръ, бывшихъ, вѣроятно, еще кочевниковъ, можно судить по проникнувшимъ въ татарскій языкъ осетинскимъ терминамъ для земледѣлія и болѣе разумнаго скотоводства. Татары имѣютъ осетинскія названія для *копны* (галасть), для *скота кормящагося на снѣгъ* (хуасхарга), для вилообразнаго чурбана, на которомъ двигаютъ камни для построекъ (доръ-ласынъ), для печенаго хлѣба (гыржинъ — осет. кързынъ), для пирога съ сыромъ или мясомъ (хычынъ — осет. ахцынъ) и т. п. Можно думать, что пришельцы-татары не дѣлали запасовъ сѣна для стадъ, не занимались земледѣліемъ и не знали каменныхъ построекъ. Дѣйствительно, преданіе о построеніи башни въ Чегемѣ, которое мы приведемъ ниже, говорить, что для ея сооруженія обратились къ сванетамъ.

Разговаривая съ толпой, сопровождавшей насъ молодежи, изъ которыхъ двое, трое свободно говорили по-русски, мы узнали, что посреди аула есть камень, называемый Байрэмъ. Къ нему, несмотря на столѣтнее господство мусульманства, обращаются женщины съ молитвой о ниспосланіи дѣтей и приносятъ въ жертву пироги. Такіе камни — байрэмы — оказались, какъ мы убѣдились потомъ, въ каждомъ аулѣ, и, конечно, ихъ имя и значеніе объясняется отъ осетинскихъ святыхъ Мадъ-Майрамъ (матеріи-Маріи), которыя также представляютъ не что иное какъ большіе камни близъ аула и пользуются спеціальнымъ поклоненіемъ женщинъ. Отмѣтимъ также, что неподалеку отъ Хулама небольшой аульчикъ, дворовъ въ 50, носитъ названіе Тотуръ, конечно, въ честь нѣкогда бывшаго здѣсь *дзуаря* (святилища), одного изъ любимыхъ въ Осетіи святыхъ, Тотура, Феодора Тирона. Отъ нашихъ спутниковъ мы узнали также, что при выходѣ изъ аула на скатѣ

горы есть древнее, немусульманское кладбище, и, пользуясь оставшимся намъ до ужина временемъ, рѣшили сдѣлать пробную раскопку. Это предпріятіе было цѣлымъ праздникомъ для толпы мальчишекъ, сопровождавшей взрослыхъ, и они съ крикомъ побѣжали за ломомъ и заступомъ, привезенными нами съ собой. Скоро, на глубинѣ не болѣе аршина, нашли костякъ, желѣзный клинокъ отъ ножа и нѣсколько бронзовыхъ пуговицъ. Черепъ не представлялъ ни малѣйшихъ признаковъ монгольства, и, захвативъ его съ собою, мы, въ виду наступающей ночи, умѣрили свой археологическій пылъ.

Когда мы вернулись въ кунацку и взошли на ложѣ, намъ поднесли тазы и кувчаны (кувшины) для омовенія рукъ. Затѣмъ появился столикъ съ пашлыкомъ, изготовленнымъ исключительно изъ реберъ агнея. Конечно ѣда производилась по восточному безъ посредства вилокъ и ножей. Оставшіеся отъ нашего ужина кости, со скудными признаками мяса, перешли къ нашему проводнику и другимъ гостямъ, которые, присѣвши на корточкахъ вокругъ столика, покончили съ остатками нашей трапезы. Снова омовеніе рукъ и поднесеніе новаго столика съ нагроможденными на немъ кусками варенаго барашка, по срединѣ чаша съ апрапомъ, въ которую любителямъ предоставлялось макать *чуреки* и мясо. Третье блюдо было представлено деревянными ковшиками съ бараньимъ бульономъ, разведеннымъ молокомъ. Эти три перемѣны въ описанномъ порядкѣ составляютъ, вмѣстѣ съ утреннимъ и вечернимъ чаемъ и завтракомъ изъ начиненнаго творогомъ пирога (*хычинъ*), обыкновенное угощеніе, на которое можно смѣло рассчитывать въ состоятельныхъ кунацкихъ. При нѣкоторой привычкѣ все это кажется довольно вкусно, и можно было бы скоро привыкнуть къ азіатскому порядку блюдъ, совершенно противоположному нашему европейскому, еслибъ въ составъ всего обѣда не входилъ неизмѣнный барашекъ въ разныхъ видахъ.

Мы уже думали, что намъ придется расположиться на ночь въ тѣсной кунацкѣ, когда хозяинъ пригласилъ насъ перейти въ другое помѣщеніе съ чистыми деревянными полами, мягкой постелью, двумя стульями и даже съ стеклянными рамами, выстроенное уже русскими плотниками въ недавнее время. Какъ представитель мѣстной администраціи, старшина уже перенялъ кое-что отъ русскихъ и, очевидно, жертвовалъ своимъ помѣщеніемъ почетнымъ гостямъ.

Въ то время, когда намъ готовили постели, пріѣхалъ разставшійся съ нами Сафаръ-Али, который дождался отца и, какъ горецъ, въ одинъ день сдѣлалъ путь до Хулама, на который

намъ понадобилось два дня. Рѣшились на другой день выѣхать въ Чегемъ и остановиться у мѣстнаго старшины таубія Балкарукова, двоюроднаго брата Сафаръ-Али.

Считаемъ нужнымъ въ видѣ отступленія сказать нѣсколько словъ о мѣстныхъ преданіяхъ горскихъ татаръ. При отсутствіи письменныхъ источниковъ, фамиліи преданія замѣняютъ мѣстную исторію. Изъ нихъ мы добываемъ рядъ интересныхъ указаний на послѣдовательное занятіе татарами горныхъ ущелій, на столенованіе ихъ съ туземцами и сосѣдами, на образованіе феодальнаго строя жизни и т. п. Поэтому всюду, гдѣ намъ встрѣчались знатоки мѣстныхъ преданій, мы старались заносить въ дневникъ все, что они намъ сообщали. Къ сожалѣнію погода, значительно измѣнившаяся въ худшему, помѣшала намъ посѣтить самое раннее поселеніе татаръ—Балкарское общество. Всѣ преданія указываютъ на то, что эта мѣстность, нѣкогда заселенная осетинами - дигорцами, раннѣе другихъ приняла татарское поселеніе, и что изъ нея уже пошло дальнѣйшее движеніе въ ближайшія долины на сѣверо-западъ. Въ Нальчикѣ мы встрѣтили одного изъ балкарскихъ таубіевъ — мурзу Абаева, и записали отъ него слѣдующее преданіе происхожденія балкарскихъ феодаловъ (таубіевъ).

Къ какой народности принадлежало туземное населеніе нынѣшней Балкаріи, этого рассказчикъ не могъ сказать. Но цѣлый рядъ топографическихъ названій указываетъ въ туземцахъ осетинъ ¹⁾. Общее названіе для потомковъ туземныхъ фамилій, подчинившихся таубіямъ—Сауту (по осет. саутъ — черные). Одни изъ туземныхъ родовъ — Мысаковы — имѣли на берегу Терека башню, отъ которой и получили фамилію (по-осетински башня называется Масугъ). Когда башня была снесена рѣкою, родъ Мысаковыхъ разсѣялся по разнымъ ауламъ. Говорятъ, башня была такъ крѣпка, что, обрушившись въ воду, цѣлою массой, долго не разбиваясь на части, неслась по теченію.

Въ отдаленныя времена пришли въ эти мѣста предки нынѣшнихъ балкарцевъ, по народному преданію, изъ Маджаръ. Раз-

¹⁾ Вотъ нѣсколько примѣровъ: названіе ауловъ Иската (осет. іскатъ—саран), Фардугъ (по осет. фѣрдуг-буси—аульчикъ выстроенъ кругомъ), Сауты (по осет. саутъ — черные, въ этихъ мѣстахъ черный песокъ); Зидгъ (по осет. круженіе; здѣсь было озеро съ водоворотомъ); рѣки: Саудонъ (по осет. родниковая вода), Бурондонъ (по осет. мельничная вода); дороги: Нихатъ (по осет. зарубъ на скалѣ); мѣстности: Арвидори-Нихишъ (собственно сборное мѣсто небеснаго камня); Масугъ—укрѣпленное пастбищное мѣсто отъ осет. Масугъ—башня Шари-афдакъ (т.-е. Сванетскій перевалъ; Шари—осетин. названіе Сванетовъ) и мн. друг.

сказаніе отождествлялъ маджаръ съ венграми, но, конечно, подъ ними слѣдуетъ разумѣть прежнее населеніе хазарскаго города Маджаръ, котораго развалины находятся на берегу рѣки Кумы въ новогригорьевскомъ уѣздѣ ставропольской губерніи близъ села Прасковья. Пришельцы стали тѣснить туземцевъ и приняли имя Балкаръ будто бы отъ словъ бар-кал (иди, оставайся). Конечно, здѣсь нужно видѣть дѣтскую народную этимологію. Можетъ быть, названіе балкаръ одинъ изъ видовъ имени *бамаръ*, которое, какъ видно изъ географіи, приписываемой Моисею Хоренскому, было въ разныхъ формахъ извѣстно на сѣверномъ Кавказѣ; въ формѣ Болхары приводится это имя русскими посланцами Никифоромъ Толочановымъ и дьякомъ Алексѣемъ Іевлевымъ, которые въ 1650 году ѣздили отъ царя Алексѣя Михайловича къ имеретинскому царю Александру и проѣзжали чрезъ балкарскія земли ¹⁾.

Во время войны пришельцевъ съ туземцами изъ Маджаръ явился въ тѣ же мѣста нѣкто Мысакъ, ставшій впоследствии родоначальникомъ нѣкоторыхъ балкарскихъ фамилій. Сначала онъ со своими поселился отдѣльно отъ балкарцевъ и только находился съ ними въ дружественныхъ сношеніяхъ. Преданіе говоритъ, что балкарцы изъявили согласіе признать его своимъ таубіемъ, если онъ покоритъ туземцевъ. Ему съ дружиной удалось это сдѣлать, и онъ сталъ пользоваться среди балкарцевъ значительнымъ вліяніемъ. Затѣмъ Мысакъ снова отправился къ маджарамъ и привелъ оттуда съ собою своего леннаго владѣтеля Басіата, при которомъ Мысакъ въ Маджаріи состоялъ узденемъ.

О происхожденіи и переселеніи Басіата преданіе рассказываетъ слѣдующее: Басіать и Бадинать были братья. Отецъ ихъ, жившій при Джамбекъ-ханѣ маджарскомъ, былъ во враждебныхъ отношеніяхъ съ своими родственниками. Послѣ его смерти братьямъ пришлось выселиться, и они отправились съ дружиною въ Дигорію. Басіать, рассказываетъ преданіе, какъ старшій ѣхалъ на конѣ, а Бадинать на катерѣ. Подъѣзжая къ дигорскому аулу, младшій братъ уговорилъ старшаго уступить ему коня и переплыть на катерѣ. Вслѣдствіе этого дигорцы, принявъ Бадината за старшаго, такъ какъ онъ ѣхалъ на конѣ, оказали ему больше почета, и это послужило поводомъ къ раздору между братьями. Бадинать (дигорцы называютъ его Бадила, а его потомковъ бадилатами) остался въ Дигоріи и получилъ тамъ

¹⁾ См. Броневскій. Извѣстія о Кавказѣ и т. д. II, 221.

за охраненіе ущелья при Донифарсѣ нѣкоторыя права; Басіатъ же вернулся обратно къ маджарамъ. Въ это именно время туда же пришелъ Мысакъ изъ Балкаріи и, увидя стѣсненное положеніе своего леннаго господина, предложилъ ему переселиться на новыя мѣста. Тотъ согласился на это предложеніе. Однако Мысакъ, конечно, уже не хотѣлъ оставаться на новой родинѣ узденемъ при Басіатѣ, а потому при вѣздѣ въ Балкаръ, въ тѣснинѣ Джилги-Таръ взялъ съ Басіата клятву, что оба они будутъ впредь пользоваться одинакими правами.

Мысакъ не прямо водворился въ горной Балкаріи, а поселился сначала на равнинѣ при Терекѣ въ мѣстности, которая называется нынѣ урочищемъ Кошка-Тау. О существованіи поселенія на верхнемъ Терекѣ онъ узналъ по щепкамъ, которыя по временамъ неслись внизъ по теченію рѣки. Тогда онъ рѣшился перейти выше и, двигаясь по Тереку, занялъ нынѣшній горній Балкаръ. При сліянніи двухъ Теревовъ покоится на трехъ камняхъ огромная плита. Преданіе говоритъ, что ее положилъ Мысакъ въ память о себѣ потомству. Туземцы, сауту, стали ясаками (данниками) у Мысакыхъ и платили имъ подать скотомъ и хлѣбомъ. Басіатъ, поселившись въ Балкарѣ, сталъ родоначальникомъ фамилій таубіевъ: Абаевыхъ, Шакмановыхъ, Джанхотовыхъ и Айдебуловыхъ.

Съ дигорцами, у которыхъ пользовались вліяніемъ родственники басіатовъ, бадинаты,—балкарцы были обыкновенно въ дружественныхъ сношеніяхъ. Между тѣми и другими заключались браки, и нѣкоторыя дигорскія семьи даже переселялись въ Балкарію. Главными врагами, съ которыми балкарцамъ приходилось часто сталкиваться, были осетины - куртатинцы и сванеты. Во время поселенія балкарцевъ на новой родинѣ, кабардинцы еще не имѣли вліянія на плоскости. Какое значеніе кабардинцы впоследствии получили у горцевъ, объ этомъ показанія того и другого народа расходятся. Кабардинцы утверждаютъ, что они господствовали въ горахъ такъ же, какъ и на плоскости. Горцы отрицаютъ этотъ фактъ, но признаются, что за пользованіе лугами у предгорій они платили кабардинскимъ князьямъ скотомъ ¹⁾.

¹⁾ Въ запискѣ о кабардинскихъ сословіяхъ, представляющей отрывокъ изъ трудовъ Комиссіи по разбору личныхъ и посемельныхъ правъ туземцевъ, мы находимъ слѣдующее указаніе на зависимость горскихъ обществъ отъ кабардинцевъ. „Вліяніе ихъ, хотя и въ неравной степени, распространялось на всѣ окружающія Кабарлу племена. Такимъ образомъ, племена болѣе отдаленныя, напр. ингуши, карабулаки, кистинцы, тагаурцы и дигорцы были только данниками кабардинскихъ князей, а ближайшія, какъ-то: карачаевцы, черемцы, хуламы и бевзенгевцы (балкарцы, бла-

Мы передали эти преданія какъ слышали, оставляя точность редакціи на совѣсти рассказчика. Считаемо не лишнимъ привести еще одну фамилію легенду Абаевыхъ, характеризующую горскія и осетинскія вѣрованія еще недавнихъ временъ.

Въ отдаленныя времена одинъ изъ куртатинскихъ осетинъ, Элеу, проѣзжая въ Балкаріи, задумалъ заpastись палкою въ тѣснинѣ Хызыны. Онъ высмотрѣлъ орѣховый кустъ съ тремя очень прямыми вѣтвями и сталъ ихъ рубить. Когда онъ началъ срѣзывать первую вѣтвь, изъ нея раздался голосъ: не бери меня! Тотъ же голосъ повторился изъ другой вѣтви. Изъ третьяго же отростка послышался голосъ: возьми меня; покуда ты будешь владѣть мною, я принесу тебѣ счастье! Элеу срубилъ его однимъ взмахомъ и обдѣлалъ въ палку. Съ этой палкой онъ не разставался и дѣйствительно былъ счастливъ и дома, и въ многочисленныхъ стычкахъ съ непріателемъ. Однако, подъ конецъ ему пришлось лишиться чудесной палки, причеъ въпрочемъ она оказала ему послѣднюю услугу, возвративъ ему свободу. Однажды куртатинцы подъ предводительствомъ Элеу угнали у балкарцевъ скотъ, именно у Беппи, одного таубія изъ рода Абаевыхъ. Беппи бросился съ дружиной въ погоню за похитителями, нагналъ ихъ у Чохолы (на Урухѣ) и разбилъ на голову. Видя, что ему приходится плохо, Элеу бросилъ незамѣтнымъ образомъ свою палку въ кусты, чтобы она не досталась балкарцамъ. Самъ же онъ съ частью своей шайки попался въ плѣнъ и былъ отвезенъ въ Балкаръ. Находясь въ плѣну, онъ разсказалъ Абаеву о чудесныхъ свойствахъ своей палки, и тотъ обѣщалъ отпустить его на волю безъ выкупа, если онъ отыщетъ палку и передастъ ее ему. Элеу посоветовалъ зажечь траву на мѣстѣ, гдѣ происходила стычка, и это было сдѣлано. Тогда выгорѣла вся трава кромѣ небольшого кружка, гдѣ лежала чудесная палка. Такимъ образомъ она перешла въ родъ Абаевыхъ, который и до сихъ поръ хранитъ ее какъ святыню въ особомъ сундукѣ, а Элеу получилъ свободу. Въ послѣдствіи потомки Элеу не разъ старались вернуть свою родовую святыню, но ихъ попытки остались безъ

года въ своей численности и труднымъ доступамъ къ ихъ жилищамъ, сумѣли сохранить свою относительную независимость) находились у нихъ почти въ состояніи рабства. Степень зависимости послѣднихъ четырехъ племенъ отъ кабардинцевъ князей легко усматривается изъ слѣдующаго факта: если княжескимъ холопомъ положенъ былъ камень у дверей сакли горца, или на его пахатномъ или повосномъ мѣстѣ, то этого дѣйствія вполне достаточно было для воспрещенія владѣльцамъ сакли входа въ нее и выхода изъ нея, а владѣльцамъ пахоты и покоса пользованія нѣмъ". См. Сбор. Свѣд. о Кавказск. горцахъ, вып. III.

успѣшны. Еще до сихъ поръ время отъ времени они приѣзжаютъ къ Абаевымъ, чтобъ взглянуть на палеу.

Эта легенда о палѣ свидѣтельствуешь о томъ, что вѣрованія въ фетиши такъ же хорошо примиряются у кавказскихъ горцевъ съ христіанствомъ, какъ и съ магометанствомъ. Совершенно сходное съ этимъ преданіе намъ случилось слышать въ Камунтѣ о чудесномъ кускѣ дерева, сохранявшемся въ осетинской (христіанской) семьѣ Атаевыхъ до 1865 года, когда семейный фетишъ, которому приписывали благосостояніе предковъ, былъ сожженъ благочиннымъ отцемъ Гатуевымъ. Впрочемъ ранѣе водворенія мусульманства вѣрованія балкарцевъ и осетинъ были, вѣроятно, одни и тѣ же. И тѣ и другіе были оязычившимися христіанами. Замѣтимъ, что въ Балкаріи также много слѣдовъ древняго христіанства. Есть и камень Баирамъ (осет. Маирамъ), нѣкогда святилище Богородицы, которому женщины до сихъ поръ приносятъ жертвы. Есть, по словамъ г. Цигулѣва ¹⁾, при впаденіи рѣки Зилги въ Терекъ курганъ, въ которомъ, повидимому, была нѣкогда церковь. Дверь ведетъ въ небольшое, сложенное изъ камня, помѣщеніе въ серединѣ кургана. Здѣсь, будто бы, очень мною каменныхъ статуй, причемъ одна представляетъ женщину съ младенцемъ на рукахъ. Мимо этого кургана, называемаго осетинскимъ именемъ Хусан-уатъ (т. е. спальня) не носятъ покойниковъ и не пропускаютъ свадебные поѣзды. Всѣ проходящіе должны оставить тамъ какое-нибудь приношеніе.

Послѣ этого отступленія о Балкарѣ, возвратимся къ нашей поѣздкѣ въ Чегемъ.

Простившись съ любезнымъ хозяиномъ, старшиною Шамановымъ, мы въ числѣ уже пяти всадниковъ (такъ какъ Сафаръ-Али сопровождалъ изъ Нальчике его аталыкъ ²⁾), молодой человекъ) выѣхали изъ Хулама. Погода была довольно холодная, и время отъ времени накрапывалъ дождь. Путь намъ лежалъ сначала у подножья высокаго края Ахъ-Бая, который тянется съ юга на сѣверъ, выгибаясь полукружіемъ на западъ и въ теченіе цѣлаго дня ѣзды провожаетъ путешественника своими мрачными очертаніями. Говорятъ, что на вершинѣ и склонахъ этой горы до сихъ поръ бродитъ множество туровъ. Чегемъ лежитъ значительно выше Хулама и намъ предстоялъ высокій перевалъ. Дорога трудная и нѣсколько скучная. При спускѣ нѣкоторымъ

¹⁾ Къ сожалѣнію, погода помѣшала намъ видѣть это мѣсто, и мы упоминаемъ объ этомъ для будущихъ путешественниковъ.

²⁾ Аталыками называются члены семьи, у которой былъ на воспитаніи мальчикъ изъ высшаго сословія.

изъ насъ пришлось идти пѣшкомъ, что при дождѣ и вѣтрѣ не особенно содѣйствовало улучшенію настроенія духа. Пейзажъ оживлялся при приближеніи въ Чегему. Опять отлично обработанные куски пашни у подножья горъ и сѣтъ проведенныхъ канавъ; при проѣздѣ лошади, безпрестанно разбѣгаются по норахъ суслики. Вотъ и Чегемъ. Первое, что бросается въ глаза при вѣздѣ въ аулъ, новая, довольно обширная деревянная мечеть, русской постройки, окруженная крытой галереей. Когда мы вѣзжали, *муезинъ* приглашалъ съ минарета православныхъ къ вечерней молитвѣ; впрочемъ мы не замѣтили, чтобы нашлось много желающихъ въ ней участвовать. Около сакли старшины Балкарукова, у котораго мы должны были остановиться, стояла группа обывателей и горячо обсуждала какой-то вопросъ. Оказалось, что за нѣсколько часовъ до нашего приѣзда произошла кровавая драма, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Чегема. Двое чегемцевъ сильно поспорили о межѣ и нанесли другъ другу словесныя оскорбленія. Одинъ, разгорячившись, ударилъ другого палкою по головѣ, такъ что разбѣлъ ему черепъ. Тогда сынъ потерпѣвшаго, мальчикъ лѣтъ 15, заступившись за отца, прынулъ оскорбителя кинаномъ въ животъ, такъ что кишки выпли наружу. Оба раненные опасны. Ихъ перевезли въ аулъ и сдали на леченіе. Если оба выздоровѣютъ и помирятся, дѣло тѣмъ и кончится. Если кто-нибудь умретъ, дѣлу долженъ быть данъ дальнѣйшій ходъ. Мальчикъ, заступившійся за отца, потому стоялъ въ числѣ другой молодежи въ нашей комнатѣ. По понятіямъ туземцевъ, онъ только исполнилъ свой долгъ и, конечно, ходить на свободѣ.

Въ Чегемѣ насъ принялъ и устроилъ очень комфортабельно, въ помѣщеніи, оснащенномъ на русскій ладъ, молодой старшина Али мурза Балкаруковъ, одинъ изъ самыхъ состоятельныхъ и уважаемыхъ, несмотря на молодость, людей въ аулѣ. Барани его считаются тысячами, а по землѣ его мы ѣхали нѣсколько часовъ. Въ виду дурной погоды съ одной стороны и значительныхъ удобствъ по части помѣщенія и продовольствія съ другой, — мы рѣшили пробыть дня три въ Чегемѣ, распросить мѣстные преданія, въ которыхъ нашъ хозяинъ оказался отличнымъ знатокомъ, и заняться раскопками древнихъ могильниковъ. Мы стояли, такъ сказать, въ центрѣ чегемской старины, наше помѣщеніе примыкало къ старой башнѣ съ амбразурами, построенной однимъ изъ предковъ Балкарукова. Въ разныхъ направленіяхъ, по долинамъ, сходящимъ въ Чегемъ, видѣлись остатки древнихъ построекъ и могильники. Чтобы ориентироваться во всей этой мо-

монументальной и эпической старинѣ, начнемъ съ топографіи Чегема и указаній на монументальные остатки; затѣмъ приведемъ мѣстные преданія о происхожденіи чегемскихъ феодаловъ и окончимъ изображеніемъ феодальнаго строя жизни чегемцевъ и горцевъ вообще, о которомъ намъ въ Чегемѣ удалось собрать болѣе обстоятельныя свѣденія.

Аулъ расположенъ при впаденіи рѣки Джилги въ Чегемъ; немного далѣе на югъ, въ Чегемъ впадаетъ рѣчка Караданъ, такъ что при аулѣ сходятся подъ угломъ три горныя долины. Изъ нихъ особенно интересно по остаткамъ древнихъ построекъ узкая тѣснина, по которой протекаетъ рѣка Джилги, до сихъ поръ носящая осетинское имя (Зилга—кружащаяся). Въ скалѣ, на правомъ берегу рѣки, есть нѣсколько пещеръ и замѣтны слѣды дороги, искусственно сдѣланной и карнизомъ огибающей гору. Въ верстѣ отъ аула на одной площадкѣ этой скалы остатки башни, построенной изъ мѣстнаго камня на крѣпкомъ цементѣ. Поднимаясь зигзагами вверхъ къ башнѣ, укрѣпленная каменными перильцами, тропа ведетъ далѣе по краю горы карнизомъ на востокъ къ горной пещерѣ, вѣроятно, служившей караульней. Внизу, у подножія той же горы, замѣтны слѣды другихъ построекъ. Къ одному естественному гроту саженой въ 5 вышины, съ правой стороны была прилѣплена какая-то постройка въ видѣ каменнаго домика, котораго заднюю стѣну образовала одна сторона грота. Это мѣсто до сихъ поръ зовется *напасовымъ* жильемъ (т.-е. поповымъ). Недалеко отъ него другой, меньшій гротъ, по видимому, былъ утилизовать, какъ часовня. Въ немъ видѣнъ каменный уступъ, на которомъ когда-нибудь стояла икона; къ уступу ведутъ съ правой стороны нѣсколько высѣченныхъ въ камнѣ ступеней. Еще ниже близъ рѣки видѣются могильные камни, съ изображеніями крестовъ. Стороны гротовъ, входившія внутрь часовни и *напасова* жилья, до сихъ поръ носятъ слѣды штукатурки. Ходитъ преданіе, что въ одной изъ пещеръ когда-то была найдена груда старинныхъ книгъ, писанныхъ на пергаментѣ. Но подобное же преданіе намъ случалось слышать и въ другихъ мѣстахъ.

Въ разныхъ мѣстахъ близъ аула есть старыя могильники, которые мѣстное населеніе называетъ вообще *шаки*. Пользуясь издавшимся хорошимъ днемъ, мы произвели въ двухъ изъ нихъ раскопки. Одинъ могильникъ тянется по правой сторонѣ рѣчки Кардана на нагорномъ берегу. Могилы обозначены нѣсколькими большими и малыми камнями, лежащими на поверхности. Впрочемъ, такъ какъ весь склонъ горы усыпанъ камнями, то опредѣ-

лить могилу на всегда легко. Весь могильникъ изрытъ въ разныхъ мѣстахъ мѣстными жителями, которые ищутъ въ шпаяхъ золотыхъ и бронзовыхъ вещей. Бронзовые предметы ломаются и переливаются затѣмъ въ пояса, золотыя вещи продаютъ странствующимъ мелочнымъ торговцамъ или въ городѣ. Покойники въ этомъ могильникѣ хоронились не глубоко, не болѣе $\frac{1}{2}$ и 1 аршина вглубь. На трупъ, повидимому, наваливали камни, вслѣдствіе чего нерѣдко кости представляютъ крайній безпорядокъ. Въ одной, раньше разрытой могилѣ мы замѣтили перегнившіе куски древесныхъ стволовъ, которыми, можетъ быть, обкладывали трупы. По формѣ эти куски никакъ не могутъ быть остатками гробовъ. Раньше всего при нашей раскопкѣ мы наткнулись на кости животныхъ и на голову козла; далѣе показались въ безпорядкѣ человѣческія кости. Близъ головы мы нашли черепокъ отъ глинянаго горшка, недалеко желѣзную кирку.

Гораздо сложнѣе способъ погребенія выше въ могильникѣ на горѣ Донгатъ, въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ нижняго могильника. Здѣсь мертвецы въ довольно глубокой ямѣ (2 и $1\frac{1}{2}$ арш.) обставлялись поставленными на ребро плитовидными камнями, которые, такимъ образомъ, представляли каменный ящикъ въ формѣ гроба. Такой гробъ сверху прикрытъ плотно пригнанными одна къ другой тремя плитами. Разрытыя нами 3 могилы оказались крайне бѣдны вещами: намъ попалось лишь нѣсколько пуговицъ отъ пояса и бронзовыхъ бляшекъ. Нѣтъ никакихъ признаковъ оружія. Мѣстность, близъ которой расположенъ верхній могильникъ, носитъ слѣды христіанства. Нѣкоторыя могилы были обозначены поставленными стоймя плитами съ высѣченными въ нихъ крестами. Много такихъ плитъ было перенесено въ одно мѣсто и послужило для ограды загона для скота. Намъ удалось розыскать 6 такихъ могильныхъ плитъ. Неподалеку отъ могильника есть довольно обширная пещера въ скалѣ, которая, судя по находящимся въ корридорѣ человѣческимъ костямъ, служила катакамбою. Изъ этихъ признаковъ и изъ крайней бѣдности могилъ верхняго могильника, можно предположить, что наверху горы была нѣкогда монастырская обитель, и что костяки, погребенные въ каменныхъ гробахъ, принадлежатъ монастырской братіи. Большое множество всякихъ бусъ, бронзовыхъ фибулъ, шпиль, зеркалъ, пряжекъ, стрѣлъ, и даже золотыхъ вещей было найдено въ нижнемъ, сильно испорченномъ могильникѣ. Чегемцы принесли къ намъ довольно много вещей изъ прежнихъ раскопокъ, такъ что мы могли составить порядочную коллекцію. Большинство вещей совершенно того же типа, какъ вещи изъ камунт-

скихъ могильниковъ въ горной Осетии. Конечно, большинство предметовъ украшенія не мѣстнаго происхожденія, а получались путемъ торговли или набѣговъ: здѣсь вы находите въ изобиліи бусы изъ египетской пасты, египетскіе скарабеи, рѣзные камни съ іероглифами, бусы изъ золоченаго стекла, опала, сердолика, стеклянныя головки негрятинскаго типа и т. п. Все это могло заходить на Кавказъ во времена римскаго владычества въ Закавказьѣ, и, разъ попавъ въ руки тогдашнихъ красавицъ, переходить изъ поколѣнья въ поколѣнья. Тамъ, гдѣ вещей мало, ихъ, конечно, всячески берегутъ. Что касается череповъ, то опять видѣнные нами не имѣютъ никакихъ признаковъ монгольскаго типа и, конечно, принадлежать не предкамъ нынѣшнихъ чегемцевъ.

Рядомъ съ раннимъ христіанствомъ, у чегемцевъ, какъ и у осетинъ, еще долго существовали слившіеся съ христіанствомъ языческіе обряды. Такъ, на правой сторонѣ рѣки Джилги еще не такъ давно существовалъ каменный домикъ, называвшійся *настціонъ*. При немъ держали быка, который назывался *хычауаномъ*¹⁾ и кормился на счетъ всего аула въ теченіе года до мѣсяца хычауманъ (пасха — божій день). Когда приближался этотъ срокъ, быка выводили въ поле и гадали объ урожаѣ: если быкъ мычалъ, обративши голову вверхъ, то лучший урожай будетъ на верхнихъ пахотныхъ участкахъ; если — внизъ, то на нижнихъ. Замѣтимъ, что употреблявшійся при этомъ терминъ для генія урожая — Хардаръ — есть искаженное осетинское слово (хордаръ) и значитъ *глубодержецъ*. Затѣмъ быка убивали и начинался жертвенный пиръ. Каждая сакля къ этому дню должна была приготовить ватрушки (хычинъ) и принести къ домику. Жертвенныя ватрушки были больше обыкновенныхъ и отиѣчены углубленіями, сдѣланными большимъ пальцемъ; имъ давали особое названіе *хычауан-хычинъ*, т. е. достойная Бога лепешка. Противъ этого святилища на правой сторонѣ Чегема была ровная площадка, на которую собирались пѣть священную пѣсню съ пригѣвомъ *чотта*, употребительную доселѣ у осетинъ, которые въ честь святыхъ поютъ: *чоттай*. Эту пѣснь пѣли, напримѣръ, вокругъ человека, пораженнаго громовымъ ударомъ, и около сумасшедшихъ.

Отъ языческихъ преданій древняго осетинскаго населенія Чегема естественно перейти къ преданіямъ о водвореніи среди

¹⁾ Хычауанъ искаженное осет. слово хуцауанъ — *посвященный Богу*; огнь по-татарски быкъ.

чегемцевъ феодальныхъ влaстителей, такъ-называемыхъ таубіевъ (горскихъ князей). Здѣсь исторія аула сводится къ исторіи самой выдающейся фамиліи — Балкаруевыхъ. Вотъ, что сообщилъ намъ изъ фамиліальныхъ преданій нашъ хозяинъ Али-мурза.

Родоначальникъ Балкаруевыхъ, Анфакъ, былъ родомъ изъ фамиліи Болатуево, которая до сихъ поръ живетъ въ Абадзехъ. Не уживаясь съ братьями, абадзехъ Анфакъ рѣшился выселиться съ родины и первоначально пришелъ въ Баксанское ущелье, къ верховьямъ Баксана, гдѣ въ то время жили сванеты. Въ стычкѣ съ ними онъ погибъ, оставивъ двухъ сыновей Баймурзу и Джаммурзу. Это было, по разсчету, десять поколѣній тому назадъ. Несмотря на смерть Анфакъ, сванеты были отгнаны назадъ. Могила Анфакъ, каменный памятникъ въ видѣ пирамидки, называемой *кэишэ*, находилась вонѣ верхняго Наурузавскаго аула и лишь недавно разрушена. Оба сына его, отославъ домой бывшую съ ними дружину въ 150 человекъ, отправились только съ двумя аталаками (Андрухаемъ и Гемипты) въ чегемскую долину и прибыли въ мѣстность, называемую Автопракъ (Бѣлая глина). Они увидѣли несшіяся внизъ по рѣкѣ щепки и заключили о существованіи аула на верховьяхъ. Дѣйствительно, отправившись вверхъ, они пришли къ нынѣшнему аулу Чегему, населенному какимъ-то новымъ для нихъ племенемъ. Княземъ у туземцевъ былъ въ это время Берды-бій (его имя носитъ доселѣ одинъ громадный камень близъ аула). Прибывшіе, какъ умные люди (выраженіе рассказчика), были радушно приняты въ аулъ мѣстными княземъ. Въ то время аулъ дѣлился на два поселка. Самъ Берды-бій жилъ на лѣвой сторонѣ Чегема, у подножья скалы, въ башнѣ, отъ которой сохранились доселѣ развалины въ мѣстности Битилъеръ. На правой же сторонѣ Чегема, въ мѣстности также носящей названіе Берды-бій и гдѣ также видѣются развалины, былъ поселокъ, принадлежавшій князю. Туземное населеніе уже въ тѣ времена занималось земледѣіемъ по обѣимъ сторонамъ рѣки и орошало пашни канавами. Признавая Берды-бія таубіемъ, оно приносило ему во время покоса по барану отъ двора. При князѣ были уздени, сопровождавшіе его въ походѣ, были и рабы — плѣнники или купленные, но дальнѣйшихъ сословныхъ подраздѣленій еще не было. Въ то время жизнь была привольнѣе, такъ какъ на правомъ берегу, гдѣ нынѣ покосъ, былъ еще густой лѣсъ. Въ настоящее время чегемцы добываютъ лѣсъ издавна и съ большимъ трудомъ.

По смерти Берды-бія у него остался малолѣтній сынъ *Пачкау*. Во время его малолѣтства братья-пришельцы усѣли попра-

виться аулу и получить въ немъ большое вліяніе. Мало-по-малу потомки братьевъ приобрѣли большую власть и значеніе, нежели потомки Берды-бія, отличавшіеся неспособностью. У Рачинау былъ сынъ Акмурза, а у него 12 сыновей. Эти двѣнадцать братьевъ, надѣясь на свою многочисленность, не хотѣли терпѣть вліяніи потомковъ пришельцевъ въ аулѣ и стали обращаться деспотически съ ихъ приверженцами. Преданіе помнитъ нѣкоторые изъ ихъ деспотическихъ поступковъ: напримѣръ, когда хлѣба постѣвали, братья выбирали самую лучшую ниву и, согнавъ на нее женщинъ, заставляли ихъ жать колосья въ свою пользу. Когда кто-нибудь варилъ пиво, братья, собравъ буйную молодежь, отправлялись съ нею распивать сваренное пиво. Напившись до пьяну, они дѣлали мѣтку на котлѣ и, обращаясь къ хозяину, говорили: «если ты выпьешь хоть каплю, мы срубимъ тебѣ голову!» Съ женщинами они позволяли себѣ всякія насилія. Однако, сколько ни храбрились братья и ни глумились надъ народомъ, всѣхъ ихъ постигла страшная кара отъ представителя фамиліи пришельцевъ — Келемета. Но прежде, чѣмъ рассказать объ этомъ кровавомъ эпизодѣ исторической хроники Балкаруковыхъ, нужно сообщить нѣсколько словъ о непосредственныхъ предкахъ Келемета.

У младшаго изъ братьевъ — Абадзеховъ Джаммурду былъ сынъ Балкаруовъ, отъ котораго ведется фамилія. У Балкаруовъ сынъ Ахтуганъ, который достигъ особенной власти родствомъ съ Шамхалами Тарковскими и постройкой крѣпкой башни, существующей и доселѣ.

Въ феодальномъ строѣ кавказцевъ семья жены должна быть равна по значенію семьѣ мужа: никакія *mésalliances* не дозволяются. Исходя изъ этихъ понятій и желая породниться съ болѣе знатнымъ родомъ, Ахтуганъ, конечно, долженъ былъ прибѣгнуть къ умыслѣ жены, такъ какъ задумалъ породниться съ Шамхалами, такими тузами, которые добромъ не выдали бы дочь замужъ за горскаго таубія. И вотъ Ахтуганъ ѣдетъ къ кумыкамъ, высматриваетъ на плясѣ Шамхалову дочку Керима-ханъ, врывается, какъ соколъ, въ кругъ, сажаетъ дѣвушку на коня и, удачно ускользнувъ отъ погони, привозитъ ее къ себѣ. Дѣло было обдѣлано такъ ловко, что въ теченіе двухъ лѣтъ никто изъ Шамхаловъ не догадывался о мѣстопребываніи похищенной. Однако, чтобъ извлечь пользу изъ своего родства, Ахтугану необходимо было такъ или иначе примириться съ своими вліятельными родственниками. Для этой цѣли онъ, самъ-другъ, отправился въ Шамхаловъ аулъ и остановился у одного кузнеца, Шамхалова

аталыка, по имени Абдуль-Азисъ. Ахтуганъ признался во всемъ своему хозяину и просилъ его сходить переговорить съ Шамхаломъ, чтобъ узнать, на какихъ условіяхъ между ними возможно соглашеніе. Узнавъ, кто увезъ его дочь, Шамхаль сначала сильно разгнѣвался, потомъ пошелъ на условія, но такія тяжкія для Ахтугана, что тотъ не могъ ихъ принять. По требованію Шамхала, Ахтуганъ долженъ былъ быть посаженъ на время въ тюрьму и за свое освобожденіе внести огромный выкупъ джесирами (рабами) и драгоценными вещами. вмѣстѣ съ тѣмъ Шамхаль напустился на своего аталыка, за то, что онъ далъ убѣжище лицу, оскорбившему князя, и требовалъ, чтобъ Абдуль-Азисъ выдалъ ему своего гостя. Аталыкъ передалъ Ахтугану слова Шамхала и прибавилъ, что не смѣетъ не выдать его въ извѣстный срокъ, хотя этимъ нарушаетъ обычай гостепріимства. Гость отвѣчалъ, чтобъ хозяинъ велъ его къ Шамхалу, но устроилъ бы такъ, чтобы они оба вошли въ домъ одновременно, но съ разныхъ сторонъ. Затѣмъ въ присутствіи Шамхала аталыкъ долженъ былъ показать ему на гостя и сказать: «вотъ я привелъ тебѣ моего гостя!» Послѣ этихъ словъ всякая отвѣтственность за голову гостя слагается съ хозяина.

Отправившись къ Шамхалу въ условленное время, Ахтуганъ оставилъ своего товарища въ ста шагахъ отъ кунацкой, приказавъ ему держать лошадей на готовѣ, а самъ одновременно съ кузнецомъ вошелъ къ Шамхалу. Кузнецъ сказалъ Шамхалу условныя слова, и указавъ на Ахтугана, вышелъ. Тогда Ахтуганъ началъ было говорить Шамхалу о своемъ дѣлѣ, но тотъ прервалъ его и поставилъ вооруженныхъ людей у дверей. Видя такой поступокъ, Ахтуганъ сказалъ: «Я искалъ не врага, а родственника, я не изъ тѣхъ людей, которые переходятъ изъ рукъ въ руки съ веревкой на шеѣ» (т.-е. не рабъ). Съ этими словами онъ обнажилъ мечъ, бросился на стражу и, уложивъ на мѣстѣ нѣсколькихъ приближенныхъ Шамхала, вырвался изъ кунацкой. Затѣмъ онъ мигомъ добѣжалъ до приготовленныхъ коней и усакалъ во всю прыть. За нимъ пустились въ погоню. Въ одной тѣснинѣ, чрезъ которую долженъ былъ проходить Ахтуганъ, Шамхаль распорядился устроить ему засаду. Но и здѣсь Ахтуганъ, отлично владѣя стрѣлой и мечемъ, сумѣлъ пробраться благополучно и доскакать до дому. Хотя аулъ Ахтугана, расположенный высоко въ горахъ, и былъ трудно доступенъ для враговъ, однако, все же онъ опасался Шамхала, зная, что его не оставятъ въ покоѣ. Поэтому онъ рѣшилъ наскоро выстроить башню и вызывать изъ Сванета искусныхъ каменщиковъ. Чтobъ

облегчить доставку камня съ ближайшей горы и подъемъ его вверхъ, придумали слѣдующій остроумный способъ. Отъ основанія башни до ближайшей горы были построены узкіе мостки, по которымъ приучили ходить быка съ привязанными къ рогамъ камнями. Быку привязывали камни на горѣ, затѣмъ онъ шелъ по мосткамъ до возводимой стѣны и, сдавъ свой грузъ, возвращался за новымъ, пятясь все время назадъ, такъ какъ не могъ повернуться на узкомъ мосту. По мѣрѣ возвышенія стѣнъ, поднимались и мостки, и такимъ образомъ башня была доведена до 3-хъ этажей. Вокругъ башни соорудили высокую стѣну, въ которую вели ворота, укрѣпленные бойницей.

Вскорѣ по сооруженіи этого замка, въ ущелье Чегема вступилъ Шамхаль съ значительнымъ войскомъ. Ахтуганъ размѣстилъ своихъ бойцовъ по обѣимъ сторонамъ узкаго ущелья, на скалахъ и приказалъ имъ стрѣлять въ лошадей, но не трогать Шамхановыхъ людей. Онъ полагалъ, что родство между нимъ и Шамханомъ приведетъ, наконецъ, къ примиренію. Такимъ образомъ войско Шамхала въ ущельѣ было осыпано градомъ стрѣлъ отъ врага, скрывавшагося за утесами, и потеряло множество лошадей. У самого Шамхала, выступавшаго гордо въ пышной красной одеждѣ и высокой персидской шапкѣ, по приказанію Ахтугана, шапка была сорвана мѣткимъ выстрѣломъ. Когда Шамхаль убѣдился, что силой ничего не возьмешь, онъ пошелъ на переговоры, которые кончились полнымъ примиреніемъ. Съ тѣхъ поръ тѣснина, гдѣ происходила стычка, получила названіе *скалистый мяшокъ*—канругъ-кая, перенесенное на нее отъ одной подобной же кумыцкой тѣсины потерпѣвшими войнами Шамхала.

Родство съ Шамхалами возвысило Ахтугана въ обществѣ мѣстн. Съ этого времени начинается и вліяніе мусульманства на Чегемѣ. Преданіе говоритъ, что языческіе обряды стали исчезать съ прибытіемъ Шамхаловой дочери. Ея внуки носили уже исполнѣ мусульманскія имена: Али и Омаръ. Али ѣздилъ учиться у Шамхаловъ арабскому языку и изучилъ коранъ. Вернувшись домой, онъ привезъ съ собой старый коранъ и сталъ ревностно утверждать мусульманство.

Изъ разсказа о женитьбѣ Ахтугана видно, какою энергіей и предприимчивостью отличалось поколѣніе Балкаруковыхъ. Понятно, что симпатіи аула лежали на ихъ сторонѣ, и что неспособные потомки мѣстнаго князя Берды-бія все болѣе теряли значеніе, которымъ пользовался ихъ предокъ. Не меньшей энергіей отличался и сынъ Ахтугана Келеметъ, которому пришлось на-

всегда покончить съ потомками Берды-бія. Глухая вражда между нимъ и двѣнадцатью сыновьями Акмурзы привела, наконецъ, къ кровавой развязкѣ. Поводомъ къ еривису былъ слѣдующій случай: Келеметъ распоряжался всѣми пахотными и покосными мѣстами и отводилъ ихъ ежегодно каждому двору, получая по барану отъ сакли. Братья начали возстановлять аулъ противъ этой подати и подбѣйствовали на нѣкоторыя семьи. Однажды, когда одинъ аталыкъ Келемета, Тичиновъ, собирался отнести ему барана, къ нему нагрянули братья и уговаривали не нести подати. Тотъ не послушался ихъ и былъ избитъ. Потерпѣвшій явился съ жалобой къ Келемету, и тотъ, встрѣтивъ братьевъ, спросилъ ихъ, какъ они смѣли такъ поступить. Въмѣсто отвѣта они *промычали* подобно быкамъ, что считается сильнѣйшимъ оскорбленіемъ. Разгнѣванный Келеметъ крикнулъ имъ: «До слѣдующаго понедѣльника вы узнаете, человекъ ли я или скотъ!»¹⁾ Между братьями и свитой Келемета завязалась драка на палкахъ, но была скоро прекращена.

Не прощая оскорбленія, Келеметъ задумалъ страшную месть. Воспользовавшись отсутствіемъ братьевъ, онъ собралъ аулъ возле часовни Баирамъ, гдѣ обыкновенно приводились къ присягѣ, и потребовалъ, чтобъ ему присягнули всѣ, кто былъ на его сторонѣ. Затѣмъ съ своими сторонниками онъ обдумалъ тайный планъ избіенія всѣхъ братьевъ въ одну ночь. Заговорщики раздѣлились на партіи, и каждая должна была справиться съ назначенными ей лицами изъ числа сыновей Акмурзы. Въ аулѣ въ назначенную для избіенія ночь были дома только старіеъ отецъ Акмурза и двое братьевъ, старшій и младшій. Семеро находились на покосѣ въ мѣстечкѣ Гестенты въ 4-хъ часахъ ѣзды отъ аула, трое остальныхъ на *кошу*. Келеметъ съ товарищами отправился туда, гдѣ было большинство братьевъ. Работникомъ у братьевъ въ Гестенты былъ одинъ балкарецъ, который находился въ заговорѣ съ Келеметомъ. Было условлено, что, уложивъ своихъ господъ спать въ саклѣ, работникъ вынесетъ вонъ все ихъ оружіе и, выйдя на нѣкоторое разстояніе, станетъ наигрывать на свирѣли. По этому знаку Келеметъ съ товарищами прокрался въ саклю и уложилъ всѣхъ семерыхъ во время ихъ сна. Въ ту же ночь другая партія заговорщиковъ отправилась на *кошу*, гдѣ были другіе три Акмурзовича. Было условлено, что заговорщики, не обнаруживая своихъ намѣреній, станутъ, какъ бы случайно, по двое около каждого изъ братьевъ

¹⁾ По поводу этого существуетъ въ Чегені отличная рисованная пѣсня.

и въ одинъ моментъ схватить ихъ за руки. Другіе должны были въ тотъ же моментъ ихъ зарѣзать. Такъ и было сдѣлано. Когда объ партіи заговорщиковъ, покончивъ съ десятью братьями, подъ утро вернулись въ аулъ, оказалось, что отецъ и двое братьевъ еще не были убиты, такъ какъ родственникъ Келемета Джонъ, которому было поручено это дѣло, не рѣшился по трусости. Тогда приближенный Келемета, его тезка Келеметъ Чотановъ, взявъ на себя повѣнчать съ младшимъ сыномъ Акмурзы, а убійство старшаго было поручено холоцу Келеметову Джаммурзѣ Эндругову. Прежде всего склонилъ свою голову младшій Акмурзовичъ, который, между всѣми братьями, отличался особенной безнравственностью. Онъ отправился на зарѣ на чужой овесъ, чтобы накормить своего коня. Вслѣдъ за нимъ, спрятавъ мечъ подъ буркой, поѣхалъ Келеметъ-Чотановъ. Подѣхавъ къ Акмурзовичу, Чотановъ говорить ему шутивымъ тономъ: «теперь ты уничтожаешь чужой овесъ, а если тебѣ зимой захочется бузы, гдѣ ты ее найдешь?» «Найдется,—отвѣчалъ тотъ,—развѣ нѣтъ другого овса въ Чегемѣ?»—Говоря это, онъ, нагнувшись, втыкалъ въ землю копь, чтобы привязать своего коня. Въ эту минуту Чотановъ, замахнувшись сзади, однимъ ударомъ снесъ ему голову. Совершивъ это убійство, Келеметъ-Чотановъ успѣлъ еще присоединиться къ партіи, которая должна была покончить со старшимъ Акмурзовичемъ Кучюкомъ. Въ это утро, также на зарѣ, Кучюкъ, забравъ силою женщину, поѣхалъ на чужую пашню. Вслѣдъ за нимъ отправились оба Келемета (князь и Келеметъ-Чотановъ) и холопъ Джаммурза Эндруговъ. Чотановъ, какъ извѣстный путникъ, долженъ былъ завести разговоръ съ Кучюкомъ и въ шутку схватить его за шею и нагнуть къ сторону. Такъ и было сдѣлано. Въ этотъ моментъ Эндруговъ подскакиваетъ на конѣ и ударомъ меча отрубаетъ Кучюку ногу и затѣмъ поканчивается съ раненымъ.

Одновременно съ старшимъ сыномъ былъ убитъ старикъ отецъ, оставшійся въ саяхъ. Повѣнчать съ нимъ было поручено одному холопу, старику Сванету, который прибѣгнулъ къ слѣдующему обману. Собравъ холопей, онъ сталъ говорить имъ, что Балкаруовы ихъ слишкомъ обременяютъ работою, и вызвался, отъ лица холопей, идти просить стараго Акмурау защитить ихъ отъ Балкаруовичей. Подойдя къ саяхъ, Сванетъ почтительно просить старика выглянуть изъ окна, чтобы выслушать просьбу всѣхъ холопей. Эти слова польстили самолюбію Акмурау и онъ высунулся изъ окошка. Тогда Сванетъ сильнымъ ударомъ палки разломилъ ему голову.

Этимъ истребленіемъ 13 человекъ не кончилась еще чегемская Вареломеевская ночь. У старшаго брата Кучюка, уже женатаго, былъ ребенокъ, воспитывавшійся въ семьѣ Калкбеговыхъ. Нужно было покончить и съ ребенкомъ, чтобы впоследствии не было мстителей за кровь родственниковъ. Заговорщики подошли къ савлѣ и крикнули мамкѣ, что князь Келеметъ желаетъ посмотрѣть на ребенка. Та, не зная объ участи Акмурзовичей, не подозрѣвая ничего дурного, выносить малютку на рукахъ и передаетъ одному изъ заговорщиковъ. Какъ бы любясь мальчикомъ, они начали передавать его изъ рукъ въ руки и вдругъ одинъ изъ нихъ ударилъ его головою о камень. Мамка въ испугѣ грозила поднять на убійцъ весь родъ Акмуры, бѣжить въ аулъ и узнать о поголовномъ истребленіи всѣхъ братьевъ. Вдова Кучюка была въ это время уже беременна другимъ ребенкомъ. Но, не подозрѣвая этого, ее отпустили въ родной аулъ въ Дигорію, такъ какъ она была родомъ Каребугаева. Дома она родила мальчика. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Чегема, здѣсь стали говорить: опять у нихъ одинъ родился! (тууду) — и мальчика прозвали Тууду. Мальчикъ выросъ и отъ него произошелъ родъ Туудуевыхъ, существующій и теперь, но уже потерявшій всякія права въ Чегемѣ.

Въ награду за преданность Келеметъ роздалъ въ полную и безусловную собственность земли Акмурзовичей всѣмъ участвовавшимъ въ ихъ истребленіи. На свою долю онъ не взялъ ничего.

Потомство Келемета, до освобожденія холопей, пользовалось княжескою властью въ аулѣ. Его сынъ Али былъ прапрадѣдъ нынѣшняго молодого старшины Алимурзы Балкарукова, который въ теченіе цѣлаго вечера чрезвычайно связно и послѣдовательно рассказывалъ намъ вышеприведенную исторію своего рода. По счету поколѣній поселеніе двухъ братьевъ абадуховъ въ Чегемѣ произошло, вѣроятно, лѣтъ 300 тому назадъ. Въ теченіе этого періода семья эта ни разу не утрачивала своего значенія, и какъ послѣдній отголосокъ всеобщаго къ ней уваженія въ аулѣ можно привести фактъ, что нашъ хозяинъ наследовалъ отъ недавно умершаго отца званіе выборнаго старшины, не смотря на свою молодость.

Семейныя преданія Балкаруковыхъ могутъ служить въ разъясненію общественнаго строя, въ которомъ до послѣдняго времени жили горцы-татары. Поэтому здѣсь всего удобнѣе остановиться и посвятить нѣсколько словъ разъясненію этого строя. Общественный строй горскихъ татаръ всего ближе подходитъ подъ понятіе феодальнаго. Странной можетъ показаться на первыхъ

нравъ мысль проводить параллель между жегънными баронами среднихъ вѣковъ и горскими таубіями, которые ни внѣшнимъ своимъ видомъ, ни повседневнымъ домашнимъ обиходомъ, ничѣмъ существенно не отличаются, по крайней мѣрѣ въ наше время, отъ односельчанъ—ихъ прежнихъ холопей. Когда въ 1853 году эти горскіе князья заявили русскому правительству о своемъ желаніи быть занесенными въ ряды потомственного дворянства—эта претензія безграмотныхъ и въ большинствѣ случаевъ неимущихъ «мужиновъ» съ перваго взгляда не могла не показаться смѣшной. Несомнѣнно, однако, что историческое право было на ихъ сторонѣ. Если древность рода, завоеваніе и вѣковое угнетеніе слабыхъ сильными могутъ быть признаны основой политическихъ правъ сословій (а кто станетъ сомнѣваться въ томъ, что эти три фактора и вызвали къ жизни средневѣковыя сословія), то не представится ни малѣйшаго основанія отказать горскимъ князьямъ въ ихъ аристократическихъ притязаніяхъ.

Изуствныя преданія, единственный источникъ нашихъ свѣденій о прошломъ этого татарскаго племени, въ одно слово свидѣтельствуютъ о первоначальномъ заселеніи горныхъ долинъ Кавказа—отъ Эльборуса до Штулу народомъ, имѣвшимъ болѣе или менѣе демократическое родовое устройство.

По именамъ горъ и рѣкъ, по наименованіямъ мѣсяцевъ, по уцѣлѣвшимъ слѣдамъ древняго культа, какъ мы уже видѣли, можно придти къ тому заключенію, что этимъ народомъ были есситы—христіане. Старшина чегемскаго аула, Али-Мурза-Балкаруковъ, относитъ первоначальное поселеніе своихъ предковъ въ долину Чегема къ періоду времени, отдѣленному отъ насъ 10-ю поколѣніями. Сыновья Анфаво, родоначальники Балкаруковыхъ, застаютъ уже готовое поселеніе на берегахъ рѣки Чегема, и этимъ поселеніемъ править, повидимому, татарскаго происхожденія князь, какъ показываетъ его имя Берды-бій (бій—князь). Преданія балкарскаго общества позволяютъ намъ отодвинуть время заселенія края татарами еще на нѣсколько столѣтій. Они говорятъ о прибытіи Басіата и Мисака изъ Маджаръ за долго до начала вліянія кабардинцевъ на предгорной плоскости, т. е. не позже XIII столѣтія. По преданію, пришельцы изъ Маджара долгое время воевали съ мѣстнымъ населеніемъ, которое не сразу подчинилось. Подчинить ихъ балкарцамъ удалось маджарскому выходцу Мысакъ, за что онъ и былъ признанъ балкарцами правителемъ. Балкарскія преданія ни словомъ не упоминаютъ о томъ, какъ жили первоначальные насельники края. Но нѣкоторые свѣденія объ этомъ мы находимъ въ преданіяхъ чегем-

скихъ. Они говорятъ, что Берды-бий, взявшій надъ ауломъ въ эпоху прибытія въ него абадзехскаго рода Аифако, жилъ не въ самомъ аулѣ, а въ его окрестностяхъ, владѣя укрѣпленной башней и прилегающими въ ней землями и довольствуясь обираниемъ одной только данн отъ сосѣдняго населенія. Каждый дворъ въ Чегемѣ долженъ былъ доставлять Берды-башу одного барана въ годъ. За невыполненіемъ этого обязательства населеніе Чегема повидимому не знало другихъ. Ни о холопахъ, ни о томъ полусвободномъ классѣ, который мы встрѣчаемъ въ послѣдующее время подъ названіемъ «чагаръ», въ это время не было и помину. Все населеніе въ равной мѣрѣ участвовало во владѣніи землею, которая была передѣляема между дворами въ опредѣленные сроки. Отягощеніе жителей произвольными службами и платежами возникаетъ только со времени тираническаго правленія преемника Берды-Бія. Объясняя причины, приводяшія къ возстанію противъ нихъ, преданіе говоритъ о захватѣ дин жатвъ, о принужденіи къ сельскимъ работамъ въ свою пользу и т. п. Чегемскія преданія говорятъ такимъ образомъ о феодальномъ гнетѣ, какъ о чемъ-то принесенномъ извнѣ и чуждомъ туземному населенію. Еще опредѣленнѣе выступаетъ тотъ же фактъ изъ балкарскихъ преданій. Мы видѣли, что Масака самъ является узденемъ или, что то же, вассаломъ Басіата въ Маджарахъ; прежде чѣмъ вывести его съ орбою, онъ отбираетъ отъ него присягу въ томъ, что Басіатъ не будетъ впредь считать его своимъ узденемъ и признаетъ его лицомъ, равнымъ съ собою по власти. Итакъ, феодальная система отношеній и въ частности сословныя различія не извѣстны были туземцамъ до поселенія въ ихъ средѣ чужеродцевъ. Последнимъ слѣдуетъ приписать поэтому, какъ установленіе частной собственности на землю, такъ и организацію сословій. Чегемскія сказанія заключаютъ въ себѣ на этотъ счетъ цѣлый рядъ намековъ. Они связываютъ фактъ созданія частной собственности съ политическимъ переворотомъ, захватомъ власти со стороны рода Балкаруковыхъ и избіеніемъ потомства Берды-Бія. Чтобы упрочить свою власть, Балкаруковы раздаютъ землю въ собственность лицамъ, участвовавшимъ въ заговорѣ противъ династіи Берды-Бія. Къ тому же приблизительно времени относится и установленіе сословій. Ближайшіе помощники Кедемета, главы заговорщиковъ были поставлены въ особенно привилегированное положеніе. Они одни получили право сидѣть за столомъ съ княземъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность сопровождать его повсюду и прежде всего въ его наѣздахъ на сосѣдніе аулы. Тѣ изъ простолюдовъ, которые

стали на сторону заговорщиковъ, также надѣлены были рядомъ льготъ и преимуществъ. Пренная неопредѣленность службъ перестала существовать. Отъ каждаго двора стали требовать въ лѣто одного восара, одного жнеца и одного пахара. Такимъ образомъ возникли въ Чегемѣ тѣ два сословія, которыя въ послѣдствіи становятся извѣстными, подъ наименованіями «караешей» и «чигаръ». Первые владѣютъ землею на правахъ собственно подл условіемъ военной и придворной службы. Вторые только пользуются ею на зависимыхъ отношеніяхъ отъ горскаго князя и «караешей».

Вышеописанныя сословныя отношенія осложняются со временемъ, благодаря широкому развитію между горскими татарами, такъ называемаго «молочнаго родства». Отдавая своихъ дѣтей на вскормленіе и воспитаніе «караешамъ и чигарамъ», горскіе князья принимали въ то же время обязательства по отношенію къ той семьѣ, изъ которой вышла кормилица. Эти обязательства не погашались со времени возвращенія въ родительскій домъ княжескаго сына и полученія воспитателемъ напередъ условленныхъ подарковъ. Молодой князь считалъ своею обязанностью надѣлать семью своихъ молочныхъ братьевъ землею въ пожизненное владѣніе, въ замѣнъ чего послѣдніе принимали обязательства производить въ его пользу ежегодные платежи, которые отъ самаго ихъ наименованія «эмчиками», стали называться «эмчекской податію». (Слово «эмчекъ» производное отъ глагола «эмченъ — сосать»).

Молочное родство и вытекающія изъ него отношенія не рѣдко возникали и помимо отдачи ребенка на вскормленіе. Рядомъ съ реальнымъ мы встрѣчаемъ у горцевъ Кавказа и фиктивное молочное братство. Родовыя ушибы обыкновенно оканчиваются тѣмъ, что обидчикъ, согласившись на уплату «виръ», усыновляется родомъ обиженнаго. Актъ усыновленія состоитъ въ прикосновеніи къ грудямъ старѣйшей изъ женщинъ усыновляющаго рода. Послѣ такого прикосновенія обидчикъ становится «эмчекомъ», другими словами, молочнымъ братомъ членовъ враждебнаго ему рода и получаетъ отъ старѣйшинъ его участки земли, подл условіемъ платежа той же «эмчекской подати», какую вносятъ настоящіе молочные братья.

Во всѣхъ вышеописанныхъ причинахъ образованія сословій присоединимъ еще одну.

Враждебныя столкновенія съ сосѣдними племенами и аулами и смѣнившая ихъ въ послѣдствіи вѣковая война съ русскими — вызвали къ жизни сословіе военно-плѣнныхъ рабовъ. Любопытно,

что это сословіе носить у горскихъ татаръ одно названіе съ тѣмъ, которое принадлежитъ ихъ вѣковымъ противникамъ черкесамъ въ осетинскомъ языкѣ. У горскихъ татаръ *рабъ* назывался *касатъ*, а это имя, повидимому, тождественно съ осетинскимъ названіемъ черкесовъ *касатъ*, извѣстнымъ въ нашей лѣтописи въ формѣ *касотъ*. Въ этомъ мы имѣемъ прямое указаніе на то, что основаніе рабству положила война, и что первоначальными рабами были военно-плѣнные изъ черкесъ.

Близость съ Кабардою, постоянные набѣги горцевъ на сосѣдніе кабардинскіе аулы и неоднократные походы кабардинцевъ въ горы съ цѣлю положить конецъ этимъ набѣгамъ и поставить въ зависимость отъ себя самихъ горцевъ—также наложили печать на характеръ сословныхъ отношеній у горцевъ. По словамъ князя Асламбека Атажухина, его предки, завоевавши Чегемъ и сосѣдніе къ нимъ аулы, обложили горцевъ данью, для взиманія которой поселены были въ ихъ средѣ наследственные сборщики изъ рода Ахматовыхъ. Дань платилась рабами, крупнымъ и мелкимъ скотомъ. Горцы сплошь и рядомъ отрицаютъ въ наше время обязательный характеръ этой дани и говорятъ о добровольныхъ платежахъ, произведенныхъ ими въ разное время въ пользу кабардинскихъ князей, какъ бы въ признательность за дозволеніе пасты стада на плоскости въ весенніе и осенніе мѣсяцы, когда въ горахъ нѣтъ достаточнаго для нихъ корму. Просмотрѣнные нами старыя дѣла нальчнскаго народнаго суда не даютъ, однако, правъ отрицать существованіе болѣе чѣмъ номинальной зависимости горскихъ таубіевъ отъ кабардинскихъ князей, и въ частности отъ рода Атажухиныхъ и Наурузовыхъ. Сплошь и рядомъ эти князья обнаруживаютъ притязанія на подчиненіе имъ, какъ сюзеренамъ, таубіевъ отдѣльных ауловъ, въ томъ числѣ урусбиевскаго. Мало того нерѣдко въ этихъ же дѣлахъ идетъ рѣчь о принужденіи ими тѣхъ или другихъ родовъ, поселенныхъ у верховья Баксана, т.-е. въ районѣ горскихъ владѣній, къ уплатѣ разъ навсегда положенной дани. Отказъ ведетъ къ военной реквизиціи и совершенному погрому. Тѣ же князья нерѣдко отправляютъ къ горскимъ таубіямъ новыхъ поселенцевъ, прося о надѣленіи ихъ землею, если не въ собственность, то въ пожизненное и наследственное владѣніе, каждый разъ подъ условіемъ платежа извѣстной ренты въ пользу таубіа. Всѣ эти частности вмѣстѣ взятыя даютъ право утверждать, что въ извѣстный періодъ ихъ исторіи горскіе таубіи принуждены были признать надъ собою власть сосѣднихъ кабардинскихъ князей,—сдѣлались ихъ узденями, обязались оказывать имъ по-

корность и платить дань. Защищенные самою неприступностью занятой ими мѣстности, они со временемъ фактически освободили себя отъ прежней зависимости, которая, такимъ образомъ постепенно сдѣлалась номинальной.

Мы разсмотрѣли одинъ за другимъ важнѣйшіе факторы горскаго феодализма и обусловленной имъ сословной системы. Въ существеннѣйшихъ чертахъ эти факторы не отличаются ничѣмъ отъ тѣхъ, которые повели къ возникновенію феодальныхъ отношеній на западѣ Европы. Если не говорить объ «иммунитетахъ» и «коммendaціяхъ» — причинахъ второстепенныхъ и позднѣйшихъ — нельзя будетъ не согласиться съ тѣмъ, что основу феодальныхъ отношеній всюду положило завоеваніе, покореніе одного племени другимъ, обезземеленіе побѣжденныхъ и надѣленіе недвижимою собственностью ближайшихъ сподвижниковъ побѣдоноснаго вождя, принимающихъ по отношенію къ нему обязанность военной и придворной службы. А эти именно причины мы и встрѣчаемъ въ исторіи татаръ, насколько эта исторія извѣстна намъ изъ уцѣлѣвшихъ преданій.

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на самую организацію сословныхъ отношеній въ томъ видѣ, въ какомъ она продержалась до 1867 года — эпохи отміны крѣпостного права на Кавказѣ. Въ главѣ социальной лѣстницы стоятъ такъ-называемые «таубинъ», что въ буквальномъ переводѣ значитъ «горскіе князья».

Число ихъ весьма ограничено; всѣхъ княжескихъ династій мы насчитываемъ 13. Онѣ распределены неравномѣрно между разными аулами. Въ древнѣйшемъ изъ нихъ, въ Балкарѣ, ихъ всего болѣе: четыре; въ новѣйшемъ урусбиевскомъ — всего одна. Подобно тому, какъ въ германскихъ «правдахъ» высшее состояніе выражается прежде всего въ высшемъ размѣрѣ «виры» или «композицій», такъ точно въ средѣ горцевъ убійство и всякое другое правонарушеніе, направленное противъ членовъ княжескаго рода, ведетъ за собою уплату обидчику пени въ три и четыре раза большихъ противъ обыкновенныхъ. При удержавшемся обычаѣ покупать невѣсту, принадлежность къ высшему сословію сказывается также въ увеличенномъ размѣрѣ «калыма», или платы за невѣсту. Замѣчательно при этомъ совпаденіе между размѣромъ «калыма» и размѣромъ «виры». Въ случаѣ убійства «таубія», какъ и въ случаѣ покупки жены изъ этого сословія, «вира» и «калымъ» одинаково полагаются въ 15 головъ крупнаго скота. Каракеши платятъ «виру» и «калымъ» въ пять разъ меньшіе противъ того, какой обязаны вносить таубинъ.

Принадлежность къ княжескому роду исключаетъ возмож-

ность брака съ женщиной низшаго состоянія. Таубій можетъ взять въ жены только дочь таубія же, кабардинскаго уздени или члена высшаго сословія, какимъ бы именемъ ни обозначали его горскія племена: «дигорцевъ», «кумыковъ» или «сванетовъ». Отмѣтимъ при этомъ слѣдующую оригинальную черту: неравный бракъ запрещается только мужчинамъ — подобнаго запрета не существуетъ для женщинъ. Мы полагаемъ, что причина такой аномаліи лежитъ въ невозможности найти для бѣдной горской дѣвушки, хотя бы и княжескаго рода, жениха одного съ нею сословія.

До послѣдняго времени, до введенія русскимъ правительствомъ въ горскіе суды правила о рѣшеніи дѣлъ по наслѣдству, на основаніи «шаріата» женщины не были наслѣдницами, а это обстоятельство, очевидно, затрудняло возможность вступленія въ бракъ съ лицами, равными имъ по состоянію.

Привилегированное положеніе «таубіевъ» находитъ выраженіе себѣ, какъ въ сферѣ администраціи, такъ и суда. Если въ наши дни, со времени введенія въ дѣйствіе русскихъ законовъ о селескихъ обществахъ или аулахъ, старшиномъ является обыкновенно выборное и утвержденное правительствомъ лицо, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что подобный порядокъ вещей можетъ быть признавать самобытнымъ и исконнымъ. Въ эпоху своей независимости горскіе татары не знали другихъ старшинъ, кромѣ старѣйшихъ представителей княжескихъ династій. Они предводительствовали на войнѣ и начальствовали во время мира. Власть ихъ, однако, не была неограниченной: важнѣйшія дѣла рѣшались ими не единолично, а при участіи и съ совѣта старѣйшинъ. Этихъ послѣднихъ посылали, впрочемъ, только каракени по одному отъ каждаго двора. Въ сборникѣ балкарскихъ «адатовъ», другими словами, обычаяхъ горскихъ татаръ, составленномъ въ 1844 году подъ руководствомъ князя Голицына, начальника центра Кавказской линіи, мы находимъ слѣдующія подробности на счетъ характера судебного устройства. Подобно осетинамъ, чеченцамъ и черкесамъ, горскіе татары не знаютъ постоянныхъ судовъ и разбираются въ своихъ тяжбахъ частными посредниками. Эти послѣдніе выбираются изъ всѣхъ сословій одинаково, смотря потому, каково общественное положеніе сторонъ. Избранные судьи въ каждомъ аулѣ охотятся въ разъ навсегда опредѣленномъ мѣстѣ, извѣстномъ подъ наименованіемъ «махины». Въ этомъ мѣстѣ доселѣ можно видѣть нѣсколько камней, слегка видоизмѣненныхъ рукою человѣка, на которыхъ и засѣдали посредники.

Отмѣтимъ при этомъ слѣдующую характерную черту: подобно другимъ народцамъ сѣвернаго Кавказа, въ частности осети-

намъ и чеченцамъ, горскіе татары придавали особенное значеніе приговорамъ тѣхъ посредниковъ, которые по рожденію своему принадлежали въ старѣйшему аулу, въ «Балкарамъ». Имъ принадлежало въ частности право пересмотра постановленныхъ рѣшеній, каждый разъ, когда та или другая сторона высказывала свое недовольство послѣдними.

Если судоговореніе и не составляло, какъ слѣдуетъ изъ сказаннаго, исключительнаго занятія горскихъ князей, какъ ошибочно полагаютъ «комиссія по изслѣдованію сословныхъ правъ туземцевъ», то надзоръ за выполненіемъ приговоровъ, самое приведеніе ихъ въ дѣйствіе, всецѣло входитъ въ кругъ обязанностей старѣйшаго представителя княжеской династіи въ аулѣ. Да иначе и быть не могло въ обществѣ, въ которомъ, благодаря исключительному господству посредничества, приговоръ самъ по себѣ имѣлъ лишь одно условное значеніе. Въ распоряженіи посредниковъ не могло быть, конечно, никакихъ средствъ къ его вынужденію. Вынуждаемость приговоровъ достигалась не иначе, какъ путемъ непосредственнаго внимательства самого князя, признанія имъ за нарушителей мира вѣнъ противящихся выполненію разѣ постановленнаго рѣшенія. Санкція приговора содержится, такимъ образомъ, не въ немъ самомъ, а въ тѣхъ административно полицейскихъ функціяхъ, какія съ самаго начала сосредоточиваются въ рукахъ народныхъ старѣйшинъ, — этихъ верховныхъ охранителей спокойствія и порядка. Сказанное подтверждается исторіей древнѣйшаго процесса у любого народа. У древнихъ славянъ, какъ и у древнихъ германцевъ, невыполненіе приговора одной изъ сторонъ ведетъ къ тому, что сторона эта признается народными старѣйшинами стоящею вѣнъ задѣна, какъ бы гражданинъ умершею. Убіеніе ея неcessаетъ считаться преступленіемъ; ея собственность не признается болѣе и поступаетъ на «погонъ и разграбленіе», другими словами — подлежитъ конфискаціи въ пользу князя.

Резюмируя все сказанное, мы не ошибемся говоря, что въ рукахъ княжескихъ династій, въ лицѣ ихъ старѣйшихъ представителей, сосредоточиваются приблизительно тѣ самыя права, какими располагали въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ германскіе «кунинги» и славянскіе князья. Подобно имъ, они — верховные предводители на войнѣ и стражи общаго спокойствія въ мирѣ. «Zwing und Bann» ¹⁾, выражаясь языкомъ герман-

¹⁾ Право принуждать къ исполненію своихъ повелѣній и приказывать совершенію или несовѣршенію извѣстныхъ дѣйствій.

ство, всецѣло сосредоточивался въ ихъ рукахъ. Спрашивается, однако, какъ примирить все сказанное съ упомянутымъ уже нами сожительствомъ въ одномъ аулѣ нѣсколькихъ княжескихъ династій? Кому въ этомъ случаѣ принадлежитъ та сумма политическихъ правъ, которая обнимается понятіемъ княжескаго «суверенитета»?—Безразлично всѣмъ и каждому изъ старѣйшихъ представителей отдѣльных княжескихъ династій. Ауль въ этомъ случаѣ не представляетъ собою цѣльнаго политическаго организма, а является скорѣе конгломератомъ нѣсколькихъ маленькихъ государствъ, совершенно независимыхъ другъ отъ друга. Не есть ли это лучшее доказательство тому, что балкарское общество въ своемъ развитіи отпавило отъ той же точки отправленія, съ какой начался политическій ростъ любого народа? Я разумѣю господство независимыхъ другъ отъ друга суверенитетныхъ родовъ, долгое время сохраняющихъ свое обособленное существованіе и послѣ соединенія ихъ въ одно сельское общество, въ одинъ ауль.

Та характерная особенность феодальныхъ отношеній, которая состоитъ въ соединеніи въ одномъ лицѣ правъ собственника и государя, находитъ выраженіе себѣ и въ горскихъ обществахъ, въ томъ смыслѣ, что княжескіе роды не только правятъ всѣми остальными семьями, но и являются по отношенію къ нимъ верховными собственниками занятой ими земли. Какъ въ феодальной Англіи или во Франціи, никто не владѣетъ землею иначе, какъ въ зависимости отъ небольшого числа сеньеровъ, такъ точно въ средѣ балкарцевъ всѣ остальные сословія: «караешни», «чагары», «казаки», и отпущенные на волю рабы, или «азаты» безразлично сидятъ на земляхъ «таубіевъ», неся въ ихъ пользу напередъ опредѣленные повинности и платежи.

По свѣденіямъ, собраннымъ нами въ «Хуламъ и Чегемъ» каждый караешъ, за исключеніемъ старшаго во дворѣ, обязанъ одинъ день въ году пахать княжеское поле и одинъ день косить на княжескомъ лугу. Въ горячее время жатвы женщины «караешскихъ дворовъ» поголовно выходятъ на княжескія нивы для уборки хлѣба. Въ своей совокупности дворы караешей обязаны сверхъ того поставить князю, выбраннаго изъ ихъ среды, табунщика и пастуха.

Рядомъ съ этими повинностями караешни производятъ въ пользу князя слѣдующіе платежи: постояннымъ сборомъ съ нихъ является такъ-называемый «эмчекъ». Первоначальное его происхожденіе было указано нами выше. Изъ видового понятія,

какимъ онъ былъ на первыхъ порахъ, «эмчекъ» сдѣлался съ теченіемъ времени родовымъ; изъ ренты, уплачиваемой молочными братьями—общимъ видомъ земельной ренты, размѣръ которой зависѣлъ отъ первоначальнаго уговора «таубія» съ «караешомъ». Не любопытно ли встрѣтить на отдаленнѣйшемъ концѣ Европы то самое *половинничество*, которое доселѣ является условіемъ процвѣтанія крестьянъ Тосканы, и которое въ средніе вѣка было наиболѣе распространенной системой земледѣльческаго хозяйства!

За этимъ періодическимъ платежемъ слѣдуетъ назвать еще цѣлый рядъ временныхъ и случайныхъ. Хорошо извѣстенъ средне-вѣковой обычай взиманія такъ-называемыхъ «auxilia», въ буквальный переводъ «пособій», между прочимъ при отдачѣ сеньоромъ въ замужество старшей его дочери. Нѣчто подобное ему представляетъ въ средѣ горскихъ татаръ такъ-называемый «бомбайлаганъ», другими словами—платежъ, дѣлаемый «караешами» по случаю замужества не только старшей, но и прочихъ дочерей «таубія».

Особенность этого платежа, отличіе его отъ средне-вѣковыхъ «пособій» составляетъ то обстоятельство, что платежъ этотъ идетъ въ пользу самой дочери и производится не въ день ея замужества, а по случаю ея пріѣзда уже послѣ заключенія брака въ отцовскій домъ. У балкарцевъ, какъ и другихъ горцевъ, существуетъ обычай, въ силу котораго жена однажды въ теченіе всей своей жизни отпускается мужемъ въ гости къ отцу. Она проводитъ въ родительскомъ домѣ обыкновенно нѣсколько мѣсяцевъ, нерѣдко однако годъ и болѣе. Передъ отъѣздомъ ея къ мужу со всѣхъ дворовъ «караешей», принадлежащихъ ея отцу, отбирается по одной коровѣ, возрастомъ не моложе двухъ съ половиной лѣтъ. Любопытно при этомъ, что выѣстъ съ молодой одаряется и ея спутница, ея «дзига», принадлежащая по происхожденію къ роду ея мужа. Въ пользу ея дворъ даетъ также по одной коровѣ, но уже не болѣе, какъ двухгодовалой. Этотъ сборъ, по имени того лица, въ пользу котораго онъ производится, носитъ названіе «дзига».

Не только бракъ княжеской дочери ведетъ къ обложенію «караешей» извѣстными сборами, но то же послѣдствіе имѣетъ и выдача ими самими замужъ своихъ дочерей. Тождественный съ французскимъ «*tor mariage*» и англійскимъ «*maritagium*» горскій обычай уплаты «таубію» части получаемой въ плату за дочь «калыма» интересенъ для насъ въ томъ отношеніи, что

указываетъ на сходство даже въ частностяхъ между феодальнымъ правомъ въ средневѣковой Европѣ и тѣмъ, которое еще такъ недавно было въ полномъ дѣйствіи среди горцевъ сѣвернаго Кавказа. Размѣръ платы, производимой въ этомъ случаѣ «кара-нешемъ» въ пользу «таубія» рѣдко превышаетъ цѣнность одного быка и коровы, вмѣстѣ вятыхъ.

Опытъ-таки въ поразительной аналогіи съ средневѣковыми порядками, кончина «каракеша», какъ и бракъ его дочери, являются для «таубія» условіемъ полученія извѣстныхъ имущественныхъ выгодъ, впрочемъ только въ томъ случаѣ, когда за этой кончиной слѣдуетъ раздѣлъ оставленнаго имъ состоянія между братьями. При такомъ дѣлѣжѣ на долю «таубія» приходится обыкновенно большее или меньшее число холопей и головъ рогатаго скота, стоимостью 100, 200 и 300 рублей, смотря по величинѣ поступившаго въ раздѣлъ имущества.

Мы видѣли, что «каракешъ» платитъ одинаково, какъ при замужествѣ, такъ и при вступленіи въ бракъ дочери «таубія». Тоже можетъ быть сказано и о кончинѣ. Не только смерть «каракеша», но и смерть «таубія», имѣетъ своимъ послѣдствіемъ довольно значительныя затраты въ пользу оставшейся въ живыхъ княжеской семьи.

«Каракешъ» обязательно участвуетъ въ поминкахъ, «ашъ», устраиваемыхъ роднею. Сверхъ этой случайной затраты «каракешъ» несетъ еще ежегодную на угощеніе господина, по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ теченіе поста, такъ-называемый «уразъ», откуда и самое угощеніе получаетъ свое наименованіе «ураза-жохлю». Онъ зарѣзываетъ для этой цѣли обязательно цѣлаго барана и поставляетъ отъ себя сверхъ того котелъ нива и столько же браги или «бузы». Преміиціи или тѣмъ-называемые первые плоды, другими словами, обязанность вассала дѣлиться съ господиномъ частью употребляемыхъ имъ въ пищу продуктовъ снѣдъ и рядомъ встрѣчается, какъ извѣстно въ средневѣковой Европѣ. Нѣчто подобное имъ представляетъ балкарская «уча». Въ бузвальномъ переводѣ этотъ терминъ означаетъ собою часть туловища животнаго отъ двухъ послѣднихъ реберъ до хвоста. Эту часть убитаго звѣря («олени», «кони», «тура» и другихъ) или зарѣзаннаго быка, коровы и овцы, «каракишъ» обязанъ отдать своему «таубію» вмѣстѣ съ мѣхомъ или кожей.

Изъ приготовленныхъ ими сировъ «каракешъ» отдають въ пользу господина по меньшей мѣрѣ 5. Таковы обязанности «каракишей» въ мирное время. Въ военное же къ нимъ присоеди- нялась еще и поголовная служба въ войскѣ. Начальство надъ

послѣднимъ принималъ избираемый «таубіемъ» военачальникъ. Вооруженіе и содержаніе лошади во время похода падали на «караешей». Не есть ли сказанное буквальное повтореніе того, что можно найти въ любомъ трактатѣ леннаго права, касательно службы, отправляемой вассалами въ войскѣ сюзерена.

Этотъ очеркъ различныхъ обязанностей, падавшихъ на плечи «караешей», мы закончимъ указаніемъ на тотъ фактъ, что переходы отъ одного «таубія» къ другому не были имъ дозволены, и что «караешинъ», подобно прочему имуществу, поступали въ раздѣлъ между оставленными «таубіемъ» наслѣдниками.

Еще большія обязанности несутъ по отношенію не только къ князю, но и къ «караешамъ» поселенные на ихъ земляхъ «чагары». Подобно ближайшимъ вассаламъ горскаго князя, члены этого сословія считались лично свободными. Производимыя ими сельскія работы и натуральные платежи были не болѣе какъ эквивалентъ полученной ими въ надѣлъ земли. Пользуясь этой землею не только пожизненно, но и наслѣдственно, «чагары» несли въ пользу ея собственниковъ слѣдующіе виды личныхъ повинностей и натуральныхъ сборовъ. Изъ cadaго двора одинъ мужчина и одна женщина круглый годъ работаютъ на собственника. Сверхъ того разъ въ годъ все мужское и женское населеніе двора выходитъ на ховайское поле. Первые косать, вторыя жнуть.

Дрова для топлива доставляются «чагарами» по очереди на собственныхъ ослахъ, какъ на княжескій дворъ, такъ и въ жилище «караешей», въ зависимости отъ которыхъ «чагары» держатъ свои земли.

Подобно «караешамъ» они поставляютъ табунщиковъ и пастуховъ. Сверхъ общаго съ «караешами» обязательства угощать хозяевъ однажды во время поста, участвовать въ поминкахъ по нимъ, отдавать въ его пользу часть «калыма» и большую или меньшую долю поступающаго въ раздѣлъ наслѣдства, «чагары» несутъ еще слѣдующую крайне разорительную для нихъ повинность: при пріѣздѣ гостей «кунаковъ» къ «таубію» или къ «караешу», «чагары» обязаны на собственные средства доставлять содержаніе ихъ лошадямъ.

При широкомъ гостепріимствѣ, характеризующемъ горцевъ, такая обязанность сопряжена съ значительными имущественными затратами.

Вступленіе въ бракъ княжескаго сына или самого старшины имѣетъ для «чагара» слѣдующія отяготительныя послѣдствія. Онъ обязанъ доставить, въ случаѣ требованія, по меньшей мѣрѣ одну

голову скота или принять къ себѣ въ временное содержаніе княжескую жену, за что подчасъ вознаграждается подарками. Женъ «чагаровъ» не въ правѣ также отказываться отъ исполненія обязанностей кормилицъ, каждый разъ, когда того потребуютъ отъ нихъ «таубій». Дѣти послѣдняго младенцами поступаютъ въ семью «чагары» и остаются въ ней нерѣдко до совершеннолѣтія. Оставленіе господина запрещается «чагарамъ» подъ угрозой потери ими всего имущества.

Подобно «каракешамъ», «чагары» обязаны также производить въ пользу господина ежегодные подарки сырами и частью убитыхъ ими животныхъ, причемъ по обычаю отдаютъ обыкновенно въ ихъ пользу одну треть, вмѣстѣ съ кожей и мѣхомъ.

Всякій, мало-мальски знакомый съ средневѣковымъ сословнымъ устройствомъ, согласится съ нами, что вышеописанный быть «чагаръ» довольно близко подходитъ къ тому, въ какомъ въ Англіи, напр., жили «customary tenants», во Франціи владѣльцы «censive», а въ западномъ краѣ такъ-называемые «чиншевики». Подобно имъ, «чагары» сидятъ на чужой землѣ, не только пожизненно но и наследственно, платя собственнику ея повсемѣльную ренту, спеціальныя платежи по случаю бракосочетаній или перемѣны въ лицѣ самихъ владѣльцевъ, слѣдующей за раздѣломъ имущества между наследниками. Подобно имъ также «чагары» не вольны оставить своихъ хозяевъ или по меньшей мѣрѣ теряютъ при переходѣ къ другому собственнику въ пользу прежняго все принадлежавшее имъ имущество.

Низшій слой населенія составляетъ, какъ мы видѣли, у горскихъ татаръ такъ-называемые «касаки», т.-е. крѣпостные, но и въ ихъ средѣ замѣчается то самое различіе, какое извѣстно было средневѣковому праву, и которое нѣкогда существовало и у насъ между крѣпостными, въ собственномъ смыслѣ, и дворовыми. Для послѣднихъ мы встрѣчаемъ у балкарцевъ даже особое наименованіе «каравашъ». Тогда какъ «касаки» состоятъ въ постоянномъ отношеніи къ землѣ и отчуждаются вмѣстѣ съ нею, «каравашы» продаются и покупаются на ряду со скотомъ. Запрещеніе разрывать семьи при продажѣ касается однихъ только «касаковъ»,—отнюдь не «каравашей».

Семейныя отношенія, возможныя для «касаковъ», не существуютъ для «каравашей». «Каравашъ, служанка или горничная», читаемъ мы въ сборникѣ адатовъ 1844 года, «законнаго мужа не имѣетъ; ежели господинъ позволитъ холостому мужчинѣ жить съ нею, то онъ же въ правѣ запретить ей такое сожительство, когда вздумаетъ. Послѣдствіемъ его ни въ какомъ случаѣ не

является установленіе какихъ-либо прочныхъ отношеній ни къ женщинамъ, ни къ рожденнымъ отъ нея дѣтямъ. Они навсегда остаются при господинѣ, который въ правѣ продавать ихъ врозь. Обязанности «касаковъ» и «каравашей» состоятъ въ исполненіи частью полевыхъ, частью дворовыхъ работъ въ пользу господина. Они—его рабочая сила, потеря которой вознаграждается большимъ или меньшимъ числомъ головъ крупнаго и мелкаго скота. Отсюда то послѣдствіе, что при убійствѣ ихъ «вира» платится не кому другому, какъ господину. Точно также при отдачѣ въ замужество «калымъ» поступаетъ всецѣло къ нему одному. Права господина по отношенію къ его крѣпостнымъ ни чѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, какими онъ располагаетъ по отношенію ко всякому другому виду движимой собственности. Мы уже видѣли, что онъ по желанію продаетъ ихъ на сторону; прибавимъ теперь, что самая жизнь ихъ ничѣмъ не защищена отъ произвола господина. Хозяинъ такъ же мало отвѣчаетъ за убійство «касака» или «караваша», какъ за убійство собственного быка или коровы. Отъ того же хозяина зависитъ впрочемъ и радикальная перемена въ участи подвластныхъ ему холопей. Сплошь и рядомъ, по соображеніямъ религіознаго характера, «таубинъ» и «каравешинъ» отпускаютъ на волю своихъ «касаковъ» и «каравашей» безвозмездно или подѣ условіемъ выкупа. Любопытно при этомъ то обстоятельство, что вольноотпущенники не прекращаютъ сразу всѣхъ отношеній съ прежними ихъ господами и продолжаютъ владѣть землею въ личной зависимости отъ нихъ. Не тѣ же ли эти отношенія, какія въ древней Германіи существовали между «либертами» и «свободными», а въ Римѣ между «кліентами» и «патронами»?

Этимъ мы оканчиваемъ очеркъ сословныхъ отношеній у горскихъ татаръ и переходимъ къ ихъ земельному устройству.

Уже изъ сказаннаго видно, что право собственности на землю исключительно сосредоточивается въ рукахъ «таубіевъ» и небольшого числа «каравешей»; остальные сословія владѣютъ ею не иначе, какъ въ зависимости отъ князей и ихъ вассаловъ. Это вѣрно, впрочемъ, лишь по отношенію къ пашнямъ и сѣнокосамъ. Земли же, удобныя для пастбища, какъ расположенныя обыкновенно по горнымъ скатамъ и вершинамъ, и потому негодныя для воздѣлыванія, остаются въ общемъ пользованіи всего аула. Число участковъ, способныхъ къ обработкѣ, весьма незначительно. Цѣнность ихъ, по этой причинѣ, — высока. Мы слышали неоднократно о случаяхъ продажи участка величиною съ десятину за 1,000 и болѣе рублей серебромъ, или, что то же,

за 50 быковъ или коровъ. Крупной собственности въ нашемъ смыслѣ слова горцы не знаютъ. Низшій размѣръ помѣстья не превышаетъ 600 кв. саж. Высшій — нѣсколько сотъ десятинъ. По даннымъ, собраннымъ русскимъ правительствомъ, число всѣхъ владѣющихъ землею дворовъ не превышаетъ 720. Больше 400 дворовъ, въ составъ которыхъ входятъ частью обѣдѣвшие «тауби», частью члены другихъ сословій, вовсе не надѣлены землею.

Говоря о частной собственности, мы разумѣли не личную, а дворовую. Дворъ является совокупностью нѣсколькихъ родственныхъ семей, владѣющихъ сообща какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ имуществомъ. Это своего рода «задруга» или, еще точнѣе, русская большая семья съ наследственнымъ и невыбираемымъ старшиной.

Всѣ заработки, дѣлаемые даже на сторонѣ отдѣльными членами ея, поступаютъ въ общую казну на покрытіе общихъ издержекъ.

Процессъ индивидуализаціи коснулся, впрочемъ, въ послѣднее время и этихъ архаическихъ союзовъ. Причиной въ тому служить нежеланіе частныхъ лицъ поступиться своими личными заработками. Поводомъ въ большинствѣ случаевъ — ссоры и несогласія между женщинами. Пройдетъ еще нѣсколько десятилѣтій, и отъ этихъ семейныхъ общинъ уцѣлѣютъ лишь немногія подобно тому, какъ это имѣли уже мѣсто въ большинствѣ великорусскихъ губерній.

Изложивъ въ главныхъ чертахъ сословныя отношенія, существовавшія у горскихъ татаръ еще до недавняго времени, а также ихъ земельное устройство, возвращаемся къ дальѣйшему очерку нашего путешествія. Читатель припомнитъ, что онъ оставилъ насъ въ гостепріимной семьѣ старшины чегемскаго аула Али мурзы Балкарукова.

III.—Отъ Чегема до Атажукена-аула.

Въ теченіе трехъ сутокъ, проведенныхъ нами въ Чегемѣ, мы освоились съ мѣстными жителями, и они попривыкли къ намъ. Каждый день намъ приносили показывать и продавать разные предметы изъ *міаки* (мочаль), многія женщины лишились своихъ бусъ, проданныхъ намъ ихъ рѣдственниками. Съ утра въ наше помѣщеніе входили все новыя лица, и мы полагаемъ, что большинство наличнаго мужского населенія въ теченіе этихъ дней перебывало у насъ. Одинъ изъ туземцевъ очень бойко заговорилъ съ нами по-русски: оказалось, что это русскій, живущій

уже лѣтъ 8 въ Чегемѣ въ качествѣ писаря. Онъ года черезъ два сталъ уже хорошо говорить по-татарски и, повидимому, вполне освоился въ аулѣ. Живетъ онъ при аульномъ правленіи, получая въ годъ 300 рублей. Всего болѣе привязался къ пріѣзжимъ хорошенькій, блѣдный мальчикъ, двоюродный братъ Сафара. Не понимая ни слова по-русски, онъ замѣчательно угадывалъ наши движенія и старался всячески намъ услужить. Мальчикъ страдаетъ падучею болѣзнью и потому до сихъ поръ его не учили грамотѣ, хотя онъ выказываетъ живѣйшее желаніе учиться въ горской школѣ. Когда Сафаръ подарилъ ему на прощаніе перо, онъ былъ въ полномъ восторгѣ и, позабывъ запасть стальными перьями, $\frac{1}{2}$ часа бѣжалъ въ догонку за нами, чтобы попросить два перышка. Замѣтивъ это, мы остановили лошадей, и онъ получилъ желаемое.

На правахъ почетныхъ гостей, а главнымъ образомъ иностранцевъ, намъ дозволили войти въ женское помѣщеніе, куда доступъ постороннимъ строго воспрещенъ. Вокругъ одной стѣны длиннаго и довольно темнаго помѣщенія тянутся сундуки московской работы (красные), а на нихъ сложенные рядами подушки, матрацы, одѣяла въ огромномъ количествѣ чуть не до потолка. Къ намъ вышли двѣ женщины и двѣ дѣвушки съ красивыми, но блѣдными лицами, лѣтъ 15 и 16. Сафаръ Али, какъ братъ, обнявъ дѣвушекъ за талію, служилъ толмачемъ въ нашемъ, конечно, не продолжительномъ разговорѣ съ горскими красавицами, которыя оказались менѣе застѣнчивы, нежели мы предполагали. На шутливый вопросъ одного изъ насъ, возможенъ ли фактъ, рассказанный повѣстомъ въ «Кавказскомъ плѣнникѣ», дѣвушки отвѣчали, что никогда горская дѣвушка не унизилась бы до любви къ русскому плѣнному.

Конечно, красавицы были правы. Чѣмъ выше общественное положеніе человѣка, тѣмъ въ большей замкнутости живутъ у него женщины. Дѣвушки вообще не выходятъ никуда одѣ, и часто по цѣлымъ мѣсяцамъ сидятъ взаперти въ саклѣ. Этимъ объясняется рѣзкое отличіе въ цвѣтѣ лица у дѣвушекъ отъ женщинъ. Но и замужнія отличаются нерѣдко крайнимъ равнодушіемъ во всему, что за предѣлами не только ихъ сакли, но даже комнаты. Сафаръ въ одинъ изъ пріѣздовъ съ трудомъ уговорилъ свою, уже престарѣлую, тетеу выйти изъ воротъ. Она дожила до старости, не видавъ даже своего аула.

Не малымъ развлеченіемъ въ однообразной жизни двоюродныхъ сестеръ и брата Сафарова служилъ маленькій, недѣль двухъ, туренокъ, недавно пойманный въ сѣткахъ и принесен-

ный старшинѣ. Забавное животное стало вполне ручнымъ и откалываетъ удивительные саженные скачки вверхъ и внизъ по сложеннымъ на дворѣ бревнамъ. Его поятъ молокомъ, и оно растетъ хорошо. Впрочемъ, туземцы не знали примѣровъ, чтобы туръ могъ вросли въ неволѣ. Обыкновенно, не смотря ни на какой уходъ, турята околѣваютъ.

Женщинѣ, гораздо болѣе чѣмъ мужчинѣ, огорчалъ европейскій костюмъ Сафара и его отпущенные волосы. Въ оправданіе себя онъ долженъ былъ прибѣгать къ довольно неправдоподобному объясненію, что въ Москвѣ такъ холодно, что нельзя ходить бритымъ. Одна изъ кузинъ даже замѣтила о немъ съ ироніей: «вѣдь вотъ русскій, — а не дурно говорить по-горски!»

Погода не общалась переменѣмъ къ лучшему; каждый день нѣсколько разъ шелъ дождь, такъ что мы должны были отказаться отъ прежняго намѣренія ѣхать въ урусбиевское общество близъ Эльбруса, и рѣшили предпринять обратный путь на Баксанскій постъ, а оттуда на станцію Солдатскую. Распростившись съ любезнымъ хозяиномъ, мы, въ сопровожденіи цѣлой толпы, сѣли на лошадей и пустились въ путь по лѣвому берегу Чегема. Долина здѣсь служивается настолько, что небо иногда кажется голубой лентой. Внизу по утесамъ густой кустарникъ и ковры отличной травы. Нѣсколько верстъ ущелье чрезвычайно живописно, далѣе оно расширяется и уже не представляетъ прежней суровости. Въ мѣстечкѣ Актопракъ, въ саду Балгарукова, мы сдѣлали небольшой привалъ на мягкой травѣ и выпили въ послѣдній разъ вкуснаго айрана. Небо, разъяснившееся къ полудню, легкій вѣтерокъ, колышавшій надъ нами вѣтви грушевыхъ деревьевъ, неумолкаемое журчанье воды, причудливые контуры горъ — все это располагало къ нѣгѣ и наводило на душу пріятную истому.

Понятно, что привалъ продолжался дольше, чѣмъ слѣдовало, и намъ къ вечеру пришлось пожалѣть объ этомъ. Намъ предстояло сдѣлать значительный подъемъ, чтобы спуститься въ долину Баксана, почти параллельную съ Чегемской. Нѣсколько часовъ ѣхали мы по превосходнымъ альпійскимъ лугамъ, до высшаго пункта подъема, гдѣ поставленъ каменный столбъ, служащій межою балгаруковскихъ земель. Спускъ внизъ былъ далеко не такъ пріятенъ. Мы убѣдились, что не придется засвѣтло доѣхать до Озрокова-аула и рѣшили заночевать въ часахъ трехъ пути до него. Мимо насъ время отъ времени проходили многочисленные стада барановъ, бродящія въ этихъ привольныхъ лугахъ все лѣто. Подумывая объ ужинѣ, мы купили барашка, и

проводникъ нашъ на сѣдлѣ привезъ его къ облюбованному мѣсту для ночлега, на берегу небольшой горной рѣчки. Такой бивуакъ подъ открытымъ небомъ для насъ европейцевъ казался очень привлекателенъ. Къ намъ пристало двое проѣзжавшихъ мимо горцевъ и одинъ молодой софта (или по здѣшнему сохта), ходившій учиться по-арабски на плоскость и теперь возвращавшійся домой. Мы расположились на буреахъ и вынули принадлежности походной кухни. Одинъ изъ спутниковъ сбѣгалъ до ближайшей ронци за хворостомъ. Скоро барашекъ подвергся своей участи и явился передъ нами въ видѣ вкуснаго шашлыка, въ уничтоженіи котораго съ равнымъ рвеніемъ участвовали и мы, и приставшіе къ намъ добровольцы, и мусульманскій студентъ. Ночь наступала быстро, и мы устроили себѣ постели на поватомъ берегу рѣчки: бурки внизу, сѣдла въ головахъ, бурки сверху. Казалось бы, ничто не могло нарушить нашъ покой. Не тутъ-то было. Едва мы начали засыпать, какъ сталъ накрапывать дождикъ. Сначала мы не удостоили его особеннымъ вниманіемъ. Но онъ оказался упоренъ, усиливался съ минуты на минуту, и вдругъ мы почувствовали, что съ вершины скала подъ нами начали течь ручейки. Скоро нижнія бурки вымокли, и сонъ не могъ уже продолжаться съ прежнимъ удобствомъ. Струйки воды стали скользить по тѣлу, и мы вскочили, вполне излеченные отъ дремоты холодной ванной. Едва начало свѣтать, какъ мы пустились въ весьма жалкомъ видѣ въ дальнѣйшій путь, лошади скользили въ грязи, дождь шелъ хотя не сильно, но упорно, наши костюмы мокры—хоть выжать, утро холодное, горы до низу окутаны туманомъ. Часа три ѣхали мы, проклиная нашъ поэтический бивуакъ въ Актопракѣ, имѣвшій послѣдствіемъ сквернѣйшую ночь. Желаніе обсушиться и обогрѣться было такъ настойчиво, что дорога до Озркова казалась нескончаемой. Наконецъ дождь утихъ, выглянуло солнце, и мы прибыли къ впаденію Кесанта въ Бавсанъ, откуда до аула не болѣе часа пути. Туманъ поднялся съ горъ и обнаружилъ фантастическую гору Лаху, представляющую видъ громадной крѣпости съ башнями, бастіонами и зубчатыми стѣнами. Пространный лугъ на берегу Бавсана покрытъ сотнями кургановъ, то дѣлныхъ, то уже расползшихся. Въ послѣднихъ, проѣзжая мимо, мы замѣтили сложенные изъ камней склепы, опустошенные искателями золотыхъ вещей. Вотъ появился аульчикъ, а за нимъ широкая долина и неуклюжая гора Ахмалы-кая.

Пріютъ въ Озрковѣ не представлялъ ничего привлекательнаго. Мы остановились у одного изъ знакомцевъ Сафара, чело-

свободу. Это дѣтское увлеченіе гоньбою за зайцемъ невольно напомнило намъ сцену у скифовъ, рассказанную Геродотомъ. Въ виду грозныхъ полчищъ Дарія, передъ началомъ битвы, скифы не удержались отъ страсти погоняться за пробѣжавшимъ зайцемъ и этимъ привели Дарія къ слишкомъ скороспѣлому замѣчанію, что они презираютъ персидское войско.

Проведя прескверно ночь на сыромъ земляномъ полу грязной кунацкой, мы не безъ удовольствія покинули на другое утро жалкую деревушку. Мы ѣхали по отличной, колесной дорогѣ, проведенной Друсбьевыми по берегу Баксана къ ихъ сыроваренному заводу. Въ верстѣ отъ Озрокова мы расстались съ нашимъ молодымъ спутникомъ студентомъ Сафаръ-Али, которому мы были обязаны немалыми удобствами нашего путешествія въ горахъ. Сафаръ отправился въ свой аулъ, въ которомъ не былъ уже два года.

Долина Баксана далеко не такъ живописна, какъ Чегемская. Она значительно шире, горы ниже и представляютъ мало разнообразія въ очертаніяхъ. Горы съ правой стороны все-гдѣ покрыты довольно густымъ лѣсомъ на продолженіи нѣсколькихъ верстъ. На лѣвой сторонѣ—голыя скалы, до половины покрытыя скудной травой. Мелкій дождь преслѣдовалъ насъ цѣлый день. Долина становилась все шире, горы удалялись отъ насъ все болѣе и болѣе. Къ вечеру мы подъѣхали къ кабардинскому аулу князя Атажукина, гдѣ насъ ожидали уже почти европейскія удобства. Единственнымъ представителемъ горнаго народца, среди котораго мы прожили съ десятокъ дней, оставался при насъ нашъ вѣрный проводникъ Уразай, вѣчно веселый и неизмѣнно заботливый,—типическій представитель своихъ бодрыхъ, привѣтливыхъ и даже добродушныхъ соотечественниковъ. Двудневный путь по Кабардѣ, среди новыхъ лицъ и нравовъ, уже не входитъ въ предѣлы нашего дневника.

КОНСТАНТИНЪ АКСАКОВЪ

1817—1860.

О к о н ч а н і е.

II *).

ТРУДЫ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЕ.

Сочиненія К. Аксакова, имѣющія публицистическій характеръ, т.-е. отношеніе къ вопросамъ современной дѣйствительности, были, конечно, только примѣненіемъ его общихъ историческихъ и теоретическихъ взглядовъ; поэтому нѣтъ надобности останавливаться на нихъ подробно, и довольно будетъ отмѣчать ихъ главные положенія. Но важно будетъ обратить вниманіе на одну ихъ особенность.

Дѣло въ слѣдующемъ. Какъ мы замѣтили раньше, дѣятельность К. Аксакова происходила въ такое время, когда едва наступалъ новый порядокъ вещей, отмѣтившій прошлое царствованіе, когда событія еще не вызвали категорической постановки извѣстныхъ вопросовъ, и такая постановка была еще и затруднительна по положенію печати. К. Аксаковъ могъ остаться идеалистомъ, не впадая въ противорѣчіе съ самимъ собой, или со взглядами своего круга; его слова могли быть вполне искренними. Тѣмъ не менѣе, самая точка зрѣнія, которой онъ держался, носила въ себѣ внутреннее противорѣчіе; какъ идеали-

*) См. выше: мартъ, 145 стр.

стическая, исторія русскаго народа, создавшаяся въ воображеніи Аксакова, далеко не сходилась съ дѣйствительною исторіею. Оттого въ практическихъ примѣненіяхъ теоріи у самого К. Аксакова мы постоянно встрѣчаемся съ противорѣчіями,—это были въ сущности тѣ же самыя противорѣчія, какія поражаютъ у новѣйшихъ эпигоновъ славянофильства, только у К. Аксакова они не были еще такъ явны, а у преемниковъ, наконецъ, обнаружались и своими крайностями стали бросаться въ глаза. Искренность К. Аксакова не подлежитъ никакому сомнѣнію: онъ просто не видѣлъ этихъ противорѣчій. Человѣкъ кабинетный, не выходящій изъ домашняго и дружескаго круга, не знавшій опытовъ жизни, въ своемъ кругу не слышавшій другихъ мнѣній и, наконецъ, отвыкшій встрѣчать отпоръ другого образа мыслей и не выносившій никакого возраженія, онъ виталъ въ области теоретическихъ и поэтическихъ представленій, гдѣ, внѣ прозаическаго и суроваго столкновенія съ дѣйствительностью, такъ легко создаются отрѣшенные отъ жизни идеалы. К. Аксаковъ дѣйствительно создалъ себѣ такіе идеалы въ русскомъ народѣ, въ его свойствахъ, въ его прошломъ, въ его будущемъ предназначеніи: на эти идеалы онъ положилъ все свое чувство, весь запасъ своихъ общественныхъ влеченій и инстинктовъ. Эти влеченія и инстинкты были глубоко благородны; ихъ дѣлъ была—достоинство народной жизни, свобода мысли и убѣжденія, нравственныя основы общественнаго быта. Этими идеаламъ К. Аксаковъ отдался со всей односторонностію теоретика и со всѣмъ фанатизмомъ аскета, удаленнаго отъ мірской суеты, а вмѣстѣ и мало знакомаго съ содержаніемъ этой суеты, составляющимъ, однако, человѣческую жизнь. Говорятъ, что онъ былъ крайне нетерпимъ къ малѣйшимъ возраженіямъ противъ его завышенныхъ и любимыхъ положеній, приходилъ въ крайнее раздраженіе, напримѣръ, когда затрогивался его взглядъ на національное значеніе Москвы (его давнишнее москволюбіе) и т. п. Это даетъ понятіе о складѣ его разсужденія: такіе люди обыкновенно сами удаляютъ изъ своей мысли тѣ факты и соображенія, которые не сходятся съ любимой теоріей, и—крайняя односторонность готова. Но факты и соображенія, устраняемые такимъ образомъ, однако, существуютъ, и теорія, не желающая ихъ видѣть, становится невозможностию для тѣхъ, кто ихъ видитъ. Въ связи съ этимъ внутреннимъ противорѣчіемъ теоріи находится другая черта славянофильскаго изложенія и въ частности изложенія К. Аксакова: затрогивая существенные вопросы общественнаго и народнаго быта, оно слишкомъ часто оставляло ихъ на почвѣ туманной теоріи, останавливалось на об-

шихъ положенiяхъ, не доводя ихъ до практическаго вывода. Теорiя выставляла самыя широкiя начала, опирала ихъ на многозначительныя философскiя и даже богословскiя основанiя — и бросала ихъ на полу-дорогѣ; какъ они переводятся на языкъ дѣйствительной жизни, какъ дать имъ практическое исполненiе, это по большей части оставалось покрыто мракомъ невѣстности. Намъ скажутъ: а что же будетъ означать та практическая публицистика, блестящiе примѣры которой представляетъ, напримѣръ, дѣятельность славянофиловъ по крестьянскому вопросу, литературная дѣятельность Юрiя Самарина и пр? Мы скажемъ на это, что въ лучшихъ случаяхъ эта публицистика не была чѣмъ-нибудь специально славянофильскимъ. Въ крестьянскомъ вопросѣ, напримѣръ, въ вопросѣ объ общинѣ, въ вопросѣ о народной грамотности единогласно съ славянофилами думали и говорили люди совершенно иного, прямо враждебнаго имъ направленiя. Очевидно, что это были взгляды, вовсе не изобрѣтенныя специально славянофилами, а составлявшiе результатъ известной зрѣлости публаго общественнаго мнѣнiя, результатъ, приготовленный давними трудами общественной мысли и частью уже давно высказанный просвѣщенными людьми стараго времени; что и славянофилы были въ этихъ случаяхъ на сторонѣ здравыхъ и справедливыхъ понятiй, это, конечно, ихъ заслуга, но утверждать, что они имѣли монополiю этихъ понятiй, значитъ позабыть исторiю. Въ другихъ случаяхъ славянофильская публицистика также высказывала иногда довольно смѣлыя истины, опять не специально славянофильскiя (какъ, напримѣръ, и недавно: защита судебной реформы въ «Руси» противъ партiи мракобѣсiя); или же высказывала парадоксы, неподтверждавшiеся дѣйствительностью, т.-е. впадала въ то противорѣчiе, о которомъ мы говорили. Возвратимся къ общимъ началамъ. Уже болѣе сорока лѣтъ, какъ теорiя говорить о «народномъ духѣ», на которомъ должна быть основана вся жизнь государства и общества; но въ чемъ именно состоитъ этотъ народный духъ, какъ примѣнять его въ государственной и общественной жизни и передавать послѣднюю въ этомъ духѣ, это никогда послѣдовательно не было объяснено, и «народный духъ» сталъ бесспорной фразой, которою, наконецъ, безцеремонно доказывалось сегодня одно, а завтра другое. К. Аксакову не приходилось говорить о множествѣ частныхъ предметовъ, о какихъ говорить нынѣшняя публицистика; но его преимущамъ случилось не разъ дутаться въ «народномъ духѣ», какъ это не разъ указывала дмъ критика (ниже мы упомянемъ о собственныхъ взглядахъ К. Аксакова на этотъ предметъ). Дале, уже около сорока

лѣтъ славянофилы твердятъ о необходимости свободы мысли, о свободѣ научнаго изслѣдованія, но уже тогда стали прибавлять, во-первыхъ, что однако-же, при этой «свободѣ», намъ не нужно западной науки, и во-вторыхъ, что наука не должна выходить за предѣлы народнаго духа. Такимъ образомъ, дѣйствительная свобода науки тотчасъ же отвергалась, и опять являлась безсодержательная фраза, — потому что настоящая свобода науки простирается на все, что можетъ быть предметомъ анализа, не исключая и самого народнаго духа. Устраненіе «западной науки» является простой нелѣпностью: западная наука представляетъ теперь высшую степень, достигнутую развитіемъ научнаго человѣческаго знанія; другой науки, кромѣ той, которая могущественно развивается на западѣ, пока неизвѣстно, и само славянофильство вышло изъ западной школы. Далѣе, уже издавна славянофилы провозглашали нравственное и историческое право всякой народности: это было совершенно удобно, когда правило примѣнялось ими къ защитѣ славянскихъ народностей Австріи и Турціи, противъ ихъ притѣснителей, но оно очень измѣнилось, когда жизнью рѣзко поставился вопросъ о правѣ, напримѣръ, польской народности, а затѣмъ о скромныхъ желаніяхъ народности малорусской...

Съ этими противорѣчіями и недосказанностью, недоведеніемъ мысли до конца мы вообще встрѣчаемся въ произведеніяхъ славянофильской школы. К. Аксаковъ, при всей искренности его убѣжденій, не составляетъ исключенія — по самымъ свойствамъ ученія, — хотя, какъ мы сказали, ему не довелось видѣть главныхъ *испытаній*, которыя уже вскорѣ наступили для этого ученія на практикѣ.

Упомянемъ сначала статью К. Аксакова: «о современномъ литературномъ спорѣ». Эта статья, писанная въ концѣ 1847, была въ январѣ 1848 запрещена главнымъ управленіемъ цензуры и теперь напечатана въ «Руси» съ предисловіемъ ея издателя, по мнѣнію котораго статья К. Аксакова представляетъ не одинъ историческій интересъ, но «къ несчастію» не лишена и современнаго значенія, — на томъ основаніи, что русское общество и литература до сихъ поръ не увѣровали въ славянофильство.

Отмѣтимъ сначала одну небольшую подробность. Статья К. Аксакова писана по поводу полемики съ «Современникомъ» и въ самомъ началѣ замѣчаетъ, что-де славянофилы обыкновенно не отвѣчали на насмѣшки и брань своихъ противниковъ такимъ же оружіемъ, а, напротивъ, «продолжали дѣйствовать другимъ обра-

зомъ: трудами, изслѣдованіями русской жизни, т. е. жизни допетровской Россіи, выраженіемъ своихъ мыслей, — безъ отвѣта на бранныя выходки». Положимъ, и въ прежнее время школа не отличалась такимъ смиренномудріемъ, а новѣйшіе эпигоны и совсѣмъ не отличаются этимъ качествомъ: маленькое предисловіе г. И. Аксакова именно наполнено злобной бранью на «новыя поколѣнія западниковъ, именующія себя (?) либералами и иными прозвищами». Сколько извѣстно, новыя поколѣнія никакими особыми прозваніями себя вовсе не именуютъ, а разныя наименованія расточаетъ имъ въ особенности само славянофильство и его всякіе новѣйшіе союзники — трудно сказать, въ какихъ цѣляхъ, полемическихъ или иныхъ.

Статья К. Аксакова относится къ той полемикѣ, которая вызвана была первыми заявленіями славянофильства въ «Московскихъ Сборникахъ» 1846—1847 года и велась съ одной стороны К. Аксаковымъ, Юріемъ Самаринымъ, съ другой — Бѣлинскимъ, К. Д. Кавелинымъ и другими. Не повторяя этого спора, замѣтимъ только, что К. Аксаковъ высказываетъ и здѣсь тѣ же общія мысли о «лжи» Петровской реформы и т. п., и старается выяснитъ, что «возвращеніе къ прошлому» понимается неправильно противниками славянофильства. Это прошлое, говоритъ онъ, не прошло: «прошедшая Русь и теперь живетъ въ народѣ и хранится въ немъ», — такъ что славянофилы хотятъ возвращенія не къ тому, что потеряло жизнь, а къ тому, что еще продолжаетъ жить и теперь, и есть *настоящее*, только лишенное мѣста въ нашей общественной жизни. Это и есть настоящая Русь, «хранящая, спасительно для всей земли, тайну русской жизни и прямо примыкающая къ Руси прошедшей». К. Аксаковъ утверждаетъ, что «русскій крестьянинъ есть лучшій человѣкъ въ русской землѣ», и что присутствіе простого народа въ современности указываетъ, что наше прошедшее еще не прошло, и возвращеніе къ нему возможно. Черезъ десять лѣтъ онъ повторяетъ почти тѣми же словами: «крестьянинъ въ настоящую минуту одинъ, по нашему мнѣнію, можетъ назваться вполнѣ русскимъ человѣкомъ¹⁾».

Это взглядъ прекрасный, какъ идеалистическая филантропія, но очень странный въ простомъ реальномъ смыслѣ. Въ какомъ именно отношеніи крестьянинъ называется «лучшимъ русскимъ человѣкомъ»? Славянофилы и новѣйшая народническая литература много разъ повторяли такую мысль и все еще, въ теченіе

¹⁾ „Р. Вѣстникъ“ 1858, IV, сѣкъ, стр. 144 (въ ст. о новѣстѣ г-жи Кохановской)

сорока лѣтъ, не могли удобопонятно объяснить ее. Въ этомъ положеніи есть два элемента: во-первыхъ, здѣсь видимо есть предположеніе о первобытной патриархальной неспорченности простого человѣка, въ родѣ взгляда Руссо, и во-вторыхъ, представленіе о храненіи старыхъ преданій. Что касается перваго, то нѣтъ сомнѣнія, что простота, несложность быта способствуетъ простотѣ нравовъ, какъ у насъ такъ и вездѣ (и у иѣщцевъ есть свои народники въ этомъ же родѣ, какъ, напр., известный Риль); вопросъ въ томъ, возможно ли сохраненіе этой простоты тамъ, гдѣ простая обстановка сельскаго труда смѣняется чрезвычайно осложненными жизненными условіями, и можетъ ли уцѣлѣть деревенское простодушіе въ условіяхъ другого гораздо болѣе мудренаго быта? Можетъ ли это быть тамъ, гдѣ образованіе вноситъ въ первобытную среду множество новыхъ понятій научныхъ, общественныхъ, политическихъ, которыя неодолимо врываются въ жизнь и не могутъ быть устранены изъ нея безъ устраненія самого образованія, и гдѣ глубокія, несознаваемые крестьяниномъ, общественныя начала открыты множеству различныхъ воздѣйствій и вступаютъ между собой въ столкновеніе и борьбу? Славянофилы (и позднѣйшіе народники) обыкновенно избѣгаютъ этого вопроса, такъ что онъ остается и по сію минуту невыясненнымъ съ ихъ точки зрѣнія—можетъ ли «русскій человѣкъ», получивъ образованіе, ведущее къ критикѣ, остаться русскимъ, другими словами, совмѣстно ли вообще образованіе съ понятіемъ о «русскомъ человѣкѣ», или, наконецъ, какъ думать бы, и какъ дѣйствовалъ бы «лучшій русскій человѣкъ» въ этихъ сложныхъ условіяхъ общественной и государственной жизни, въ этихъ волнующихъ насъ теоретическихъ и практическихъ спорахъ, которые на дѣлѣ часто будутъ, въ сожалѣнію, даже непонятны ему? Противоположность существующаго общественнаго быта и образованности съ понятіями «лучшаго русскаго человѣка» намъ изображаютъ въ такихъ рѣзкихъ чертахъ и такъ настойчиво, что по настоящему исходъ изъ этой противоположности возможенъ только—или путемъ революціоннымъ, или сектаторскимъ, или разрушеніемъ «можнаго» порядка или возрожденіемъ первой христіанской общины. Первое, конечно, и не приходитъ въ голову нашимъ мыслителямъ, хотя представляется естественно изъ ихъ настойчивыхъ противоположеній. Имъ скорѣе думается второе,—но оно сомнительно по самому положенію дѣла: «лучшій человѣкъ» не могъ пока уладить отношеній и въ своей собственной средѣ,—по всѣмъ отзывамъ сельскій «міръ» очень далекъ отъ совершенства... Въ ли-

тературѣ выработалось, въ этомъ направленіи, въ сущности только одно представленіе объ отношеніи простаго русскаго человѣка къ сложной жизни общества и народа — тотъ безучастно-филантропическій и аскетическій типъ, который всего сильнѣе олицетворенъ у гр. Л. Толстаго въ знаменитомъ Платонѣ Каратаевѣ, — и это представленіе подтверждено недавно лучшимъ беллетристомъ-народникомъ, Глѣбомъ Успенскимъ. Ясно однако, что народъ не можетъ состоять изъ однихъ Каратаевыхъ, и что этотъ типъ отвѣчаетъ только на одну часть упомянутаго вопроса и, такъ сказать, отрицательно. Правда, въ послѣднее время, мы безпрестанно читаемъ рѣшенія разныхъ нашихъ вопросовъ, произносимыя отъ лица народа мнимыми представителями его идей; но извѣстно, какъ дешево самозванство этихъ представителей, которыхъ никто не уполномочивалъ, и которые, наконецъ, высказывали даже вещи совсѣмъ не народолюбивыя. Русский народъ такъ великъ, условія его быта такъ различны, его нравственно-общественныя понятія складываются въ разныхъ условіяхъ такъ несходно, что требуется еще слишкомъ много изученій, чтобы можно было составить опредѣленныя формулы его взглядовъ и ихъ практическихъ выводовъ, — эти изученія тѣмъ труднѣе, что самъ народъ остается безгласенъ, а литература и общество лишь съ великими трудами могутъ добиваться истины объ его жизни и возможности высказывать эту истину...

Относительно втораго, т.-е. храненія преданій, то очевидно, что слова К. Аксакова о прошедшемъ, живущемъ въ настоящее время, представляютъ только отговорку на возраженія противниковъ. Это «настоящее», очевидно, тѣмъ и дорого К. Аксакову, что въ немъ хранится прошедшее, а это прошедшее было въ большой мѣрѣ то самое, отъ котораго русская жизнь освободилась въ Петровской реформѣ. Такимъ образомъ, мы опять приходимъ къ «бѣлому бычку» извѣстной сказки. «Прошедшее-настоящее», хранимое лучшимъ русскимъ человѣкомъ, продолжаетъ оставаться загадкой: чтó оно представляетъ — весь ли цѣликомъ кругъ возрѣвнѣй крестьянина, или только нѣкоторыя его понятія? Если весь, то лучший человѣкъ будетъ не совмѣстимъ съ образованіемъ, потому что оно не можетъ не отвергнуть многихъ понятій, свойственныхъ человѣку, живущему въ умственныхъ потьмахъ; если только нѣкоторыя понятія и стороны характера, то они и должны бы быть выдѣлены и именно указаны.

Итакъ, отношеніе къ вопросу образованія остается невыясненнымъ съ славянофильской точки зрѣнія, а новѣйшее славянофильство до того огрубѣло, что въ послѣднее время стало от-

кровенно высказывать извѣстное противоположеніе интеллигенціи и народа, повторенное цѣлымъ стадомъ новыхъ мыслителей и «народныхъ политиковъ»... Но съ другой стороны въ образчикѣ идей «лучшаго русскаго человѣка» приводились, однако, и нѣкоторыя болѣе реальныя положенія: онъ создалъ русское государство и его формы;—но эти формы существуютъ непримосовенными и теперь, и если въ нихъ есть несовершенства, то они указывались не только западниками, но и славянофилами;—онъ—хранитель православнаго преданія и обычая;—но въ Россіи не прекращалось господство православной церкви, и если въ нашей церковности есть недостатки, то опять они указывались людьми обоихъ направленій, хотя съ разныхъ сторонъ, но иногда и единогласно;—наконецъ, народъ есть хранитель стараго общиннаго обычая;—но сочувствіе этому обычаю было самымъ несомнѣннымъ образомъ высказано и съ западнической стороны.

Но и эти образчики идей русскаго человѣка не могутъ быть выставлены голословно и безъ ограниченій. Русскій человѣкъ создалъ формы московскаго государства, но часто очень тяготился ими и бѣжалъ отъ нихъ за рубежъ, уходилъ въ казачество, въ толпы Стеньки Разина, въ простой разбой, который дѣйствительно былъ такъ популяренъ, что создалъ цѣлый народный разбойничій эпосъ, сливающийся съ древнимъ богатырскимъ эпосомъ; кроме того русскій человѣкъ вовсе не отвергъ Петровской реформы—народная поэзія славитъ имя Петра. Русскій человѣкъ создалъ старыя формы церковности, но онъ же создалъ расколъ и множество рачіоналистическихъ сектъ, которыя до настоящей минуты развиваются все въ новыхъ видоизмѣненіяхъ, заявляя несомнѣнный протестъ противъ существующихъ формъ церковнаго быта. Русскій народъ создалъ общину, но вина ли новѣйшаго общества, что это начало не могло быть примѣнено въ чрезвычайно усложнившихся формахъ его жизни. Въ самой старинѣ это начало и могло обнять уже тогда начавшагося усложненія и теперь оно легко покинута самимъ людьми народа, вчерашними «лучшими людьми», какъ скоро является перспектива личнаго обогащенія путемъ—или труда, или кулачества, или счастливаго случая.

Въ ряду публицистическихъ работъ К. Аксакова, одною изъ самыхъ важныхъ надо признать записку: «о внутреннемъ состо-

*) Подобная мысль объ отсутствіи народнаго общиннаго начала въ жизни образованнаго общества протгладиваетъ у нѣкоторыхъ новѣйшихъ народниковъ, какъ и все доказательство его розни съ народомъ (напр., у г. Златовратскаго); но, конечно, очень легко сдѣлать такое наблюденіе, и гораздо труднѣе объяснить, какими бы силами оно могло бы быть достигнуто противное.

ни Россіи», представленную императору Александру II (черезъ гр. Блудова) въ 1855, и напечатанную въ «Руси» 1881 г. К. Аксаковъ нашелъ, что время вступленія на престолъ новаго государя было тѣмъ моментомъ, когда государь и подданные всего ближе другъ къ другу, и когда подданному всего удобнѣе принести государю свою правду и преданность. Въ своей запискѣ К. Аксаковъ хотѣлъ говорить о внутреннемъ состояніи страны и для этого опредѣлить ея общія народныя основанія, непониманіе или практическое извращеніе которыхъ бывають главной причиной общественныхъ недостатковъ и пороковъ. Разсужденіе Аксакова есть развитіе, указанной нами выше, исторической теоріи его о двойственномъ началѣ русской жизни, представляемомъ «землею» и «государствомъ». Онъ начинаетъ историческимъ объясненіемъ характера русскаго народа, какъ народа не-государственнаго, неимѣющаго никакихъ политическихъ притязаній, предоставляющаго государству всю заботу и всю власть управленія и взамѣтъ желающаго себѣ только «внутренней свободы», «свободы духа». За картиной благодушныхъ отношеній земли и государства въ московской Россіи и ихъ единенія въ формѣ земскихъ соборовъ, слѣдуетъ изображеніе насильственнаго вѣнша Петровской реформы, которая прерываетъ гармонию національной жизни и служитъ главной причиной всего разлада, продолжающаго тяготѣть надъ нами и до сихъ поръ. Единственнымъ средствомъ восстановленія этой гармоніи и возрожденія русской жизни въ ея народныхъ основахъ можетъ быть возобновленіе этихъ старыхъ отношеній земли и государства, гдѣ государство сохранить всю свою безграничную власть, но предоставить землѣ свободу внутренней жизни и мнѣнія. К. Аксаковъ не рѣшался требовать въ данную минуту созыва земскаго собора, находилъ его даже бесполезнымъ по разрозненности сословій, по удаленію высшихъ классовъ отъ народныхъ началъ, по (намекаемой имъ глухо) безправности крестьянства. Правительство могло бы однако и теперь созывать сословныя собранія, по сословнымъ дѣламъ, и выслушивать ихъ мнѣнія. Но главное, что было бы необходимо въ данную минуту, это — предоставленіе свободы общественному мнѣнію, именно предоставленіе обществу свободы мнѣнія и печати. Въ запискѣ было присоединено «дополненіе» (не знаемъ, было ли оно также представлено при запискѣ); здѣсь содержаніе ея было сведено въ общія категорическія положенія, но выводъ высказанъ уже гораздо болѣе положительно: «свобода слова необходима; земскій соборъ нуженъ и полезенъ».

Эта записка, очень последовательно излагающая взгляды К. Аксакова, служить опять свидѣтельствомъ того крайняго идеализма, который составлялъ сущность его взглядовъ. Историческая теорія является здѣсь въ практическомъ примѣненіи, но не стала отъ того доказательнѣе. Мы ничего не знаемъ о томъ, какое впечатлѣніе произвела и какое дѣйствіе имѣла подача записки въ 1855 году. По напечатаніи ея, въ 1881, она точно также мало обратила на себя вниманія и въ нынѣшней литературѣ, хотя нѣкоторые практическіе совѣты записки столько же могли бы относиться и къ настоящей минутѣ, и касалась она вопросовъ, во всякомъ случаѣ, очень важныхъ.

Думаемъ, что причина равнодушія заключалась именно въ постановкѣ дѣла. Внутреннее состояніе Россіи, дѣла государства и общества, были не менѣе тяжелы, чѣмъ въ 1855, и литература, сколько могла, старалась подать о нихъ свой голосъ: въ это самое время она отнеслась съ очень живымъ интересомъ къ извѣстной книжкѣ: «О современномъ положеніи Россіи», — но эта книжка, худо ли, хорошо ли, но ставила дѣло въ его реальныхъ современныхъ чертахъ, въ ней чувствовались отраженія живой дѣйствительности, тогда какъ записка К. Аксакова витала въ теоріяхъ, составлявшихъ достоинство одного кружка, чуждыхъ большинству общества, несознаваемыхъ самимъ народомъ и, наконецъ, научно недоказанныхъ. — Стоить остановиться на одномъ возраженіи, которое вызвано было запиской Аксакова и напечатано въ прекратившемся нынѣ журналѣ «Отголоски», 1881. Статья была не подписана, и авторъ ея намъ неизвѣстенъ, но она носитъ на себѣ весьма характерныя черты, которыя заставляютъ догадываться объ ея происхожденіи. Замѣтимъ вообще, что этотъ журналъ имѣлъ свои особенныя взгляды на русскій національный вопросъ, отличался весьма консервативной, такъ сказать, бюрократической умѣренностью, и не одинъ разъ выступалъ полемически противъ славянофильства. Авторъ статьи «Отголосковъ» относится полемически и къ запискѣ К. Аксакова. Онъ начинается замѣчаніемъ, что нести слово «правды» къ царямъ — подвигъ вовсе не такой легкій, какъ нѣкоторымъ представляется. Несущій ее, прежде чѣмъ будетъ возвыщать эту правду, долженъ крѣпко подумать о томъ, будутъ ли его слова дѣйствительною истиной, а не однимъ личнымъ его мнѣніемъ? Если онъ — человѣкъ хотя нѣсколько себя провѣряющій, то, и относительно народа, долженъ подумать, не проповѣдуетъ ли онъ чего-нибудь, что неумѣстно или по существу, или по времени; не увлекаетъ ли онъ за собою темныхъ, довѣрчивыхъ людей на ложную дорогу, и не придется

ли ему потомъ, увлекши людей своими хотя и вполне благонамереннымъ проповѣдничествомъ, оставить на распутѣ тѣхъ, кто за нимъ легкомысленно послѣдовалъ? Авторъ «Отголосковъ» продолжаетъ, что подобный носитель правды, самопроизвольно какъ бы жалуетъ себя въ «тайные совѣтники», — усиливаетъ свою отвѣтственность тѣмъ, что, не принимая на себя обыкновенныхъ обязанностей высшихъ государственныхъ дѣятелей, говоритъ прямо отъ самого себя, выставляетъ себя какъ бы мудрѣйшимъ изъ мудрецовъ, рассуждаетъ огуломъ о всемъ государственномъ строѣ, «который ему иногда слишкомъ мало вѣдомъ». Наконецъ, такіе глашатаи правды отклоняютъ лично отъ себя послѣдствія преподанныхъ ими совѣтовъ, если бы они были приняты, слѣдуя усупокнительному приему Пилата, умывающаго свои руки: они полагаютъ, конечно, что государь самъ сумѣетъ отличить истину отъ лжи въ предлагаемыхъ совѣтахъ. Руководясь мыслью, что возлѣ престола нѣтъ достаточно знающихъ и прямодушныхъ людей, которые рѣшились бы высказать истину, такіе носители правды обыкновенно говорятъ смѣлымъ и откровеннымъ языкомъ о недостаткахъ государственной жизни, указываютъ ошибки прежнихъ правителей, и эти осужденія нерѣдко заключаютъ въ себѣ долю правды; но очень часто въ подобныхъ случаяхъ высказываются и крайне одностороннія, предвзятые мнѣнія. Возможно, конечно, хотя и рѣдко, что человѣкъ съ особенно прозорливымъ умомъ проникнетъ и въ самую глубину дѣла, но очень часто «отъ чистаго сердца» являются модъ видомъ правды болѣе или менѣе ошибочныя и мало пригодныя наставленія. — Въ такимъ, по мнѣнію автора статьи, принадлежала и записка К. Аксакова, при всѣхъ личныхъ достоинствахъ ея составителя.

Эти замѣчанія, какъ будто сдѣланныя настоящимъ «тайнымъ совѣтникомъ», не лишены однако своего рода основательности; но во всемъ этомъ дѣлѣ есть одна сторона, которой не затронулъ авторъ статьи «Отголосковъ». «Носители правды» иной разъ могутъ дѣйствительно не знать всѣхъ тонкостей государственнаго строя, но онъ во всякомъ случаѣ настолько имъ вѣдомъ, что они, если ихъ умъ и чувство поражены и охвачены сознаниемъ бѣдствій своего отечества, въ настоящихъ условіяхъ этого строя не знаютъ никакого средства высказать ни накопившейся горечи, ни своихъ благихъ желаній, которыя, хотя бы на дѣлѣ не были свободны отъ ошибокъ, въ ихъ глазахъ составляютъ глубочайшее, сердечное убѣжденіе. По старинной теоріи, такихъ людей вовсе не полагалось, потому что всякій сверчокъ долженъ былъ знать свой шестокъ; его мнѣнія не спрашивалось, и онъ не долженъ

былъ съ нимъ соваться. Но даже во времена полного господства этой старинной теоріи находились люди, въ которыхъ чувство гражданскаго долга преодолевало страхъ, внушаемый обычаемъ; они покидали мирный шестокъ, рискуя всякими опасностями. Самъ авторъ статьи «Отголосковъ» не отвергаетъ, что человѣкъ, стоящій внѣ управленія государственными дѣлами, можетъ, однако, ощутить потребность подать о нихъ свой голосъ и при этомъ высказать даже «долю горькой правды»; но ему все-таки кажется крайней смѣлостью и самонадѣянностью заявленіе такими людьми своихъ мнѣній передъ престоломъ. Куда же, однако, дѣваться съ этими мнѣніями? Старая московская Россія, создавшая понятіе о патриархальной царской власти, предвидѣла случай, когда могло оказываться необходимымъ прямое обращеніе подданнаго къ верховной власти. Въ частныхъ дѣловыхъ случаяхъ эта необходимость удовлетворялась правомъ челобитья для цѣлыхъ общинъ и мѣстныхъ сословій; въ общихъ вопросахъ цари, внѣ боярской думы и другихъ правительственныхъ учреждений, принимали наставленія и поученія духовныхъ лицъ, которые иной разъ становились очень вліятельными людьми въ государственномъ управленіи, хотя официально къ нему не принадлежали (вспомнимъ Сильвестра); въ крайнихъ случаяхъ истину о положеніи народа, скрываемую или не понимаемую официальными вѣдомствами, цари выслушивали отъ юродивыхъ— хотя бы въ юродивой формѣ. Царская власть представлялась (и нынѣ еще представляется) характеромъ отеческой власти; въ самомъ официальном языкѣ сохраняется до нынѣ обращеніе къ царю на «ты»; несмотря на всю утрату старой патриархальности до нынѣ остается возможность прямого обращенія къ верховной власти (въ старину, вѣдомство рекетмейстера, потомъ «комиссія прошеній»); по всему смыслу верховной власти остается возможность и такого обращенія къ ней, какимъ была записка К. Аксакова. Еще въ прошломъ вѣкѣ литература заявляла желаніе (и это желаніе было допущено)—«истину царямъ съ улыбкой говорить»; правда, эта «улыбка» терялась во множествѣ другихъ улыбокъ, а съ этимъ не дослушивалась и самая истина; но «истина» все-таки не отвергалась, а «улыбка» могла быть дѣломъ доброй воли и характера человѣка... Время вступленія на престолъ имп. Александра II, какъ извѣстно, произвело особенно оживляющее дѣйствіе на общественное мнѣніе: время было такъ серьезно, политическій и нравственный дефицитъ государства былъ такъ очевиденъ, что у большого числа людей,—и въ томъ числѣ такихъ, которымъ нельзя было бы отказать въ до-

стоинствахъ ума и характера, — явилась глубокая потребность высказаться въ той или другой формѣ объ этомъ положеніи вещей, въ надеждѣ, что ихъ искреннее слово подѣйствуетъ на умы общества, и, быть можетъ, достигнетъ до самой верховной власти. Намъ, и вѣроятно очень многимъ, понятно чрезвычайное обиліе тогдашней рукописной литературы, которая нагляднымъ образомъ свидѣтельствовала о потребности общества высказаться о томъ серьезномъ положеніи вещей, котораго до тѣхъ поръ какъ будто не видѣла правительственная власть. Въ этой рукописной литературѣ рисовалось фактическое положеніе дѣлъ (о которомъ строжайше запрещалось говорить въ литературѣ печатной), причемъ «доля горькой правды» была очень большая, а иногда указывались и средства въ исправленію накопившихся бѣдъ и недостатковъ. Къ этой порѣ относится и записка К. Аксакова, и мысль обратить ее прямо въ императору казалась столь естественной, что взятыя за представленіе ея рѣшился самъ гр. Блудовъ, человекъ, какъ извѣстно, до дна испившій чашу тогдашней нашей государственной мудрости. Авторъ статьи «Отголосковъ» укоряетъ составителя записки ссылкой на Пилата, умывающаго свои руки, но укоряетъ едва ли справедливо, потому что верховная власть въ дѣйствительности никакъ не осталась бы подъ одностороннимъ вліяніемъ взглядовъ «Записки». Эти взгляды ея вовсе не были въ числѣ особливо распространенныхъ, и можно было съ увѣренностью думать (какъ это и было на самомъ дѣлѣ), что въ то же самое время верховная власть будетъ окружена и разными другими взглядами, которые могли не только уравновѣсить, но и совсѣмъ перевѣсить вліяніе записки. Наконецъ, — и это главное, — автору статьи «Отголосковъ» не пришло въ голову одно, а именно, что можно было бы легко избѣжать неудобствъ такого неумѣстнаго вмѣшательства частнаго лица въ дѣятельность верховной власти — простымъ предоставленіемъ извѣстной свободы общественному мнѣнію. К. Аксакову, быть можетъ, не пришла бы мысль о сообщеніи своихъ предложеній правительству при посредствѣ гр. Блудова, еслибы онъ могъ съ тою же полнотою изложить свой взглядъ на положеніе Россіи — въ печати, какъ это можно было сдѣлать теперь, въ 1881, не навлекши, сколько извѣстно, никакой опасности на читателей «Руси».

Но каково бы ни было свойство возраженій противъ факта представленія «Записки» съ придворно-бюрократической точки зрѣнія, въ статьѣ «Отголосковъ» была и другая сторона: въ ней сдѣланы были весьма дѣльные возраженія противъ самаго со-

держанія записки, а именно противъ исторической теоріи, лежащей въ ея основаніи. Остановившись на мнѣніи К. Аксакова, что русскій народъ есть народъ не-государственный, не желающій для себя политическихъ правъ и т. д., авторъ «Отголосковъ» находитъ, что можно было бы не оспаривать этого мнѣнія, еслибы оно относилось къ настоящему, но совершенно отвергаетъ ту историческую ссылку К. Аксакова на самое начало русской исторіи, т.-е. добровольное призваніе чужой власти въ видѣ варяговъ. Критикъ справедливо замѣчаетъ, что еслибы даже это призваніе было достовѣрнымъ фактомъ, а не только легендой, то все-таки первые вѣка нашей исторіи именно опровергали бы мнимую не-государственность русскаго народа, потому что въ теченіе всего періода удѣловъ народъ, напротивъ, принималъ самое дѣятельное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, сажалъ и удалялъ князей, создавалъ чисто республиканскія формы, какъ въ Новгородѣ и на всемъ сѣверѣ Россіи до Перми, а повидѣе произвелъ казачество, стремившееся къ настоящей политической независимости. Критикъ напоминаетъ, что русскій народъ принадлежитъ къ племенн, которое вообще создало много различныхъ формъ государственнаго устройства: поляки создали республику аристократическую; новгородцы — торговую; малоруссы — военную; черногорцы — имѣли еще недавно теократическую; у сербовъ и болгаръ сложились въ наше время конституціонныя монархіи. Москва, уже въ серединѣ нашей исторіи, создала новую форму, самодержавіе, и только съ тѣхъ поръ наша государственность развивалась безъ всякаго участія народа въ политическихъ дѣлахъ. Если нынѣшняя Россія сильно отличается отъ московской Россіи, то послѣдняя еще болѣе отличается отъ удѣльно-вѣчевой Руси, и К. Аксакову было излишне (да и было ошибочно) ссылаться на древнюю Русь. Далѣе, критикъ «Отголосковъ» дѣлаетъ другое справедливое замѣчаніе. К. Аксаковъ и его «согласники» мечтали о присоединеніи къ Россіи славянства и о главенствѣ ея надъ славянствомъ, мечтали въ то же время объ отнятіи у турокъ Константинополя и объ ослабленіи Австріи, какъ противницы славянства; спрашивается, согласуются ли эти мечты съ собственными стремленіями нашего «не-государственнаго» народа? «Нельзя не признать, — говоритъ критикъ, — что если онѣ согласуются, то русскій народъ никакъ не чуждъ политическаго властолюбія и славолюбія и притомъ даже въ самыхъ широкіхъ размѣрахъ. Если же, напротивъ, подобныя мечты ему вовсе не свойственны, то нельзя не сказать, что наши славянофилы-народники думаютъ въ совершенную противоположность

тому, что они говорятъ, и тому, что думаетъ самъ русскій народъ, не вмѣшивающійся, по ихъ мнѣнію, ни въ какія политическія затѣи и даже вполне устраняющійся отъ нихъ, ибо въ немъ, какъ говорить «Записка», — нѣтъ ни малѣйшаго политическаго элемента, никакого политическаго духа».

Критикъ полагаетъ напротивъ, что политическій духъ присущъ русскому народу, что самая преданность его царской власти (раздѣляемая и образованными по-европейски классами) есть результатъ политическаго сознанія. Онъ припоминаетъ о существованіи въ самой народной средѣ множества сектъ, понятія которыхъ простираются, между прочимъ, и на политическіе вопросы, и эти секты выросли въ средѣ самаго настоящаго русскаго народа, — что впрочемъ не мѣшаетъ русскимъ быть послушнѣйшимъ народомъ въ мірѣ, по выраженію Петра Великаго.

По поводу дѣленія старой русской жизни на двѣ стороны: государственную и земскую, критикъ опять справедливо замѣчаетъ, что это дѣленіе, изобрѣтенное К. Аксаковымъ, совершенно произвольно и не отвѣчаетъ исторической дѣйствительности, гдѣ этого дѣленія вовсе не было, и гдѣ государство все подчиняло своему контролю.

Главными дѣателями правительственной управы были въ московской Руси приказъ и единоличное воеводское управленіе. Всѣ толки о разрывѣ между государствомъ и землей, между властью и народомъ со времени Петровской реформы противорѣчатъ фактамъ: Петръ унаслѣдовалъ у Москвы готовую приказно-воеводскую систему, а если говорить о разрывѣ, то онъ произведенъ гораздо раньше закрѣпощеніемъ крестьянъ въ XVII столѣтіи, когда крестьяне величали своихъ господъ «государами» и относились въ нимъ въ такихъ же униженныхъ выраженіяхъ, какъ къ самому царю, и когда само уложеніе установило стояніе крестьянъ на правехъ, т.-е. битье ихъ батогами за долги помѣщиковъ и вотчинниковъ. Критикъ сомнѣвается, чтобы при всѣхъ этихъ условіяхъ могло существовать въ келью народа то благодушіе, которое старается изобразить К. Аксаковъ. Дѣйствительно, уже тогда, *задолго до Петра*, народъ бѣжалъ изъ Россіи на вольныя окраины, на Уралъ и даже въ чуждую ему Литву. Вторженіе правительственной власти во всѣ условія и подробности народной жизни началось задолго до Петра Великаго; такъ, всѣ отрасли торговли были и прежде въ непосредственномъ вѣденіи правительства. У казны были на откупѣ: деготь, уголья, рогожа, проруби, бани, шлен и хомути; казна брала извѣстныя отрасли торговли въ свою исключительную монополію. Казна

самовластно распоряжалась трудомъ рабочихъ людей: въ 1630, правительство потребовало на свою работу всѣхъ каменщиковъ, кирпичниковъ и гончаровъ; въ 1658—по двое изъ десяти портныхъ и скорняковъ; въ 1670—каменщиковъ, съ тѣмъ что, если они будутъ укрываться, то «женѣ ихъ метать въ тюрьму». Памятники XVII вѣка, до Петра В., даютъ обильный рядъ свидѣтельствъ о притѣсненіяхъ отъ воеводъ, отъ несправедливыхъ судовъ и отъ «московской волокиты». Критикъ приводитъ убѣдительные образчики, напримѣръ, о сборѣ податей: въ 1628 году, Андрей Образцовъ, собиравшій подати на Бѣлоозерѣ, доносилъ царю: «Я правилъ твои государевы доходы нещадно—побивалъ на смерть». Вообще весь образъ дѣйствій старо-московской управы стремился къ тому, чтобъ закрѣпить человѣка, привязать его къ безысходному мѣсто-жительствоу и обратить его въ государственное «тягло». Петра укоряютъ за приказъ брить бороды, и считаютъ это недозволительнымъ нарушеніемъ народной свободы; но въ старой Россіи по тому же принципу за нюханіе табаку рѣзали носы, а за продажу табаку установлена была смертная казнь.

К. Аксаковъ утверждаетъ, что со времени Петровской реформы въ высшихъ классахъ, оторвавшихся отъ народа, подъ влияніемъ западныхъ идей, развивается стремленіе къ власти, начинаются революціонныя попытки и «престолъ російскій дѣлается беззаконнымъ игрищемъ партій». Критикъ основательно замѣчаетъ, что дворцовые перевороты XVIII вѣка никакъ не могутъ быть приписаны влиянію запада и, напротивъ, носятъ на себѣ характеръ восточный; что К. Аксаковъ забылъ происки бояръ и служилыхъ людей въ смутное время, въ отношеніи къ польскому королю Сигизмунду и къ такъ-называемому «тушинскому вору»; что онъ забываетъ устраненіе отъ престола царя Ивана, власть царевны Софьи, злоумышленія противъ самого Петра; «историческія поученія въ такомъ смыслѣ были уже у насъ дома, а не заимствовались съ запада». К. Аксаковъ называетъ пугачевщину событіемъ петербургскаго періода; критикъ напоминаетъ о безпрестанныхъ народныхъ волненіяхъ въ допетровское время въ Москвѣ, во Псковѣ и въ Новгородѣ, куда воевода князь Хованскій ходилъ «вѣшать и пластать безъ смысла и очныхъ ставокъ»; напоминаетъ о бунтѣ Стеньки Разина, имѣвшемъ чисто-революціонный характеръ; о возстаніи противъ государственной власти соловецкаго монастыря; о знаменитомъ бунтѣ коломенскомъ. Какъ дорого до-Петровскому правительству обходилось поддержаніе народнаго спокойствія, можно судить изъ того примѣра, что во время бунта Разина въ одномъ Арзамасѣ

въ теченіе трехъ мѣсяцевъ было казнено 11,000 человѣкъ, и правительство тѣхъ временъ вообще мало рассчитывало на какой-то нравственный союзъ съ управляемыми. Критикъ заключаетъ, что такое положеніе вещей вполне могло наводить Петра на мысль о другомъ устройствѣ государственнаго управленія, и что во всякомъ случаѣ никакъ нельзя приписывать все зло Петровскимъ преобразованіямъ и выставять московское прошлое за образецъ для нашего времени, имѣющаго свои собственные историческія условія.

Приведенныя возраженія очень просты, но и очень вѣски. Подобные аргументы были приводимы и раньше противъ славянофильской теоріи, и никогда не были ею опровергнуты. Немудрено, что натянутая историческая теорія давала и натянутые практическіе выводы. К. Аксаковъ говорилъ, что вся неурядица нашей жизни будетъ именно примирена возвращеніемъ къ старинѣ, и ему казалось, что это возвращеніе можетъ быть осуществлено въ настоящее время если не земскими соборами (въ «Запискѣ» онъ считаетъ созваніе ихъ невозможнымъ и требуетъ только въ «дополненіи»), то свободой общественнаго мнѣнія или печати (и относительно этого послѣдняго, его желанія въ «Запискѣ» очень умѣренны, а въ «дополненіи» уже настойчивы).

Въ этомъ заключеніи сдѣланъ былъ очень смѣлый историческій скачекъ, даже двойной, въ родѣ *salto mortale*: во-первыхъ, въ древней московской Руси довольно трудно вообще отыскать ту «свободу духа» и «свободу мнѣнія», которую создавала фантазія К. Аксакова, потому что и сами земскіе соборы были дѣломъ доброй воли правительства и случая, или простой административной формальностью; во-вторыхъ, московская Русь не имѣла ни малѣйшаго понятія о свободѣ печати и особенно въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы такъ чувствуемъ ея необходимость въ настоящее время, т.-е. въ смыслѣ свободной публицистики. Желаніе свободы печати у К. Аксакова было совершенно основательно, потому что она была дѣйствительно необходима, но опираться это желаніе на до-Петровскую старину было совершенно ошибочно и напрасно: свобода печати намъ нужна вовсе не какъ предметъ фантастической археологій, а какъ жизненная потребность нашего собственнаго времени. К. Аксаковъ, какъ и вся школа, съ крайней нетерпимостью возставалъ противъ всякой мысли объ измѣненіи общественно-политическихъ формъ, какъ противъ западной выдумки, высокомерно подсмѣивался надъ «гарантіями» и т. п., и утверждалъ, что намъ нужно полное политическое *status quo* (т.-е. отсутствіе всякихъ политическихъ

правъ) и — свобода печати, какъ будто свобода печати возможна безъ политической свободы лица, безъ свободы совѣсти и безъ извѣстной общественной автономіи.

Съ началомъ прошлаго царствованія пробужденіе общества изъ его летаргическаго сна выразилось, какъ извѣстно, болѣе оживленіемъ литературы, и между прочимъ славянофильской. Въ первый разъ школа нашла возможность основать свой особый, безпримѣрный органъ, «Русскую Бесѣду» (1856), гдѣ К. Аксаковъ сталъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ. Въ 1857 г., основана была еженедѣльная газета «Молва», гдѣ онъ также сталъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ: довольно долго во главѣ газеты являлись передовыя статьи К. Аксакова. Это были первыя времена нашей публицистики; общественные вопросы впервые (хотя все еще подъ предварительной цензурой) являлись въ журналахъ и газетахъ, и статьи К. Аксакова представляютъ любопытный примѣръ этихъ первыхъ публицистическихъ опытовъ. И въ прежнее время журналы имѣли свой опредѣленный характеръ и рѣзко различались по «направленію»: но это направленіе опредѣлялось или слишкомъ общими теоретическими положеніями, которыхъ притомъ писатель не рѣшался высказать во всемъ ихъ смыслѣ, или извѣстными взглядами литературными, которые только приблизительно указывали на соединившійся съ ними общественный принципъ. Теперь литература приступала къ самымъ вопросамъ, правда, приступала не смѣло, издали (цензоръ принималъ свои мѣры), но во всякомъ случаѣ съ желаніемъ яснѣе высказать свои мысли и говорить о реальныхъ вопросахъ, а не объ однихъ метафизическихъ отвлеченностяхъ. Говорить прямо о вопросахъ, получавшихъ тогда для общества величайшій интересъ, было все-таки невозможно, — надо было еще закутывать мысль въ отвлеченную форму; но вмѣстѣ съ тѣмъ общественные взгляды имѣли, конечно, свою общую философско-политическую подкладку, и чтобы дать имъ убѣдительность, нужно было объяснить эти общія основанія. Въ этомъ смыслѣ К. Аксаковъ и писалъ свои передовыя статьи, которыя такимъ образомъ являлись публицистической программой славянофильской стороны. Не знаемъ, впрочемъ, насколько эти статьи получали одобреніе и подтвержденіе у другихъ членовъ школы, и насколько ихъ мысль принадлежала только К. Аксакову. Говоримъ это, между прочимъ, потому, что новѣйшее славянофильство едва ли окажется солидарнымъ съ нѣкоторыми изъ тогдашнихъ положеній «Молвы».

Статьи К. Аксакова состоятъ въ отдѣльныхъ эпизодическихъ

изложеніяхъ его теорій и намѣчаютъ тотъ общій тонъ, въ какомъ складывались его мысли по различнымъ практическимъ вопросамъ, возникавшимъ въ обществѣ.

Въ первой, вводной статьѣ «Молвы», К. Аксаковъ, исходя изъ положенія о свободѣ человѣческой воли, какъ источникѣ нравственнаго существа человѣка, заключаетъ, что нравственный подвигъ, предлагающій отдѣльному человѣку и народамъ, долженъ совершаться самостоятельно: «нравственное дѣло должно и совершаться нравственнымъ путемъ, безъ помощи внѣшней принудительной силы. Ничего не можетъ быть вреднѣе, какъ вторженіе *грубой силы* въ нравственные вопросы. Тамъ, гдѣ грубая сила думаетъ поддержать истину, она подрываетъ ее, ибо вноситъ сомнѣніе въ ея собственной, внутренней силѣ: такъ что лучше для истины имѣть грубую силу себѣ врагомъ, чѣмъ сподвижницей». Орудіе нравственной истины есть свободное убѣжденіе, свободное слово; споръ и борьба—неотъемлемая принадлежность живого человѣческаго общества; естественна поэтому и та борьба, какая идетъ въ нашей литературѣ—нужно только, чтобы споръ былъ искрененъ и не выходилъ за предѣлы приличія. «Благословимъ же борьбу!»—заканчиваетъ статью К. Аксаковъ.—Пусть будетъ она крѣпка, безпощадна, честна и добросовѣстна».

Въ переводѣ съ теоретическаго и иносказательнаго языка, эти слова означали, конечно, протестъ противъ того подавленнаго состоянія, изъ какого наша литература еще не была въ то время выведена, и требованіе самостоятельности для общественнаго мнѣнія.

То же требованіе свободы съ иной точки зрѣнія высказывается въ слѣдующей статьѣ. Народъ есть та великая, живая связь, внѣ которой человѣкъ былъ бы одинокимъ эгоистомъ, а человечество—пустой отвлеченностью; личность получаетъ свое значеніе только въ обществѣ, и община есть въ особенности русское, славянское начало. «Странно было бы, въ этомъ случаѣ, раздѣленіе народа на ведущихъ и ведомыхъ». Говорящій и слушающій, писатель и читатель, дѣлаютъ одно общее дѣло, ихъ уравниваетъ связующая ихъ идея: «Внимающій, какъ скоро пробуждается въ немъ даръ слова, становится вразумляющимъ». Нравственное дѣло народа совершается этимъ безиреативнымъ обмѣномъ мысли.

Третья статья посвящена защитѣ просвѣщенія. «Непонятенъ страхъ просвѣщенія. Это тоже, что страхъ свѣта. Но свѣта—истина не боится: только лжецъ ищетъ тьмы. Тотъ слабо вѣритъ, кто думаетъ, что вѣра крѣпка невѣжествомъ. Шатко то убѣжденіе, которое боится гласности, ищетъ опоры для себя въ устраниніи противорѣчій».—Но просвѣщеніе не должно быть однимъ

накопленіемъ знаній; оно должно возбуждать самостоятельную силу: «нужно, чтобъ знанія лежали, не какъ зерна на пескѣ, но привели бы въ движеніе почву и дали плодъ».

Четвертая статья начинается размышленіемъ о Россіи, чѣмъ она представляется Европѣ, америкѣ, азіатскому Востоку, народамъ славянскимъ и греческому. «Имя Россіи возбуждаетъ въ нихъ (т.-е. въ славянахъ и грекахъ) ничѣмъ непобѣдимое сочувствіе единовѣрія и единоплеменности, и надежду на ея могущественную помощь, на то, что, въ Россіи или чрезъ Россію, рано или поздно прославить Богъ, предъ лицомъ всего свѣта, истину вѣры православной, и утвердить права племенъ славянскихъ на жизнь общечеловѣческую». Различно отзывается имя Россіи и въ нашей средѣ. К. Аксаковъ указываетъ два понятія о Россіи, господствующія въ обществѣ, смотря по взгляду на Петровскую реформу. Вслѣдствіе двойного пониманія реформы въ обществѣ явилось два направленія, изъ которыхъ одно называютъ западнымъ, другое славянофильскимъ. Авторъ заявляетъ, что онъ всѣмъ «сердцемъ» слѣдуетъ второму.

Слѣдующая статья посвящена народности. Это — народная личность, живая цѣльная сила, нѣчто неуловимое какъ жизнь: въ этой силѣ принимаютъ участіе и духъ, и творчество художественное, и природа человѣческая, и природа мѣстная. Народность можетъ быть исключительна — но это злоупотребленіе: «для того, чтобъ избавиться отъ народной исключительности — не нужно уничтожать свою народность, а нужно признать всякую народность». Каждый народъ пусть сохраняетъ свой народный обликъ; тогда только онъ будетъ имѣть человѣческое выраженіе. Если отнять у человѣчества его личныя и народныя краски, это будетъ какое-то официальное, форменное, казенное человѣчество, — но къ счастью оно невозможно. «Нѣтъ, пусть свободно и яро цвѣтутъ всѣ народности въ человѣческомъ мірѣ; только онѣ даютъ дѣйствительность и энергію общему труду народовъ. — «Да здравствуетъ каждая народность!»

Новая статья начинается восклицаніемъ «Впередъ! Стремись, не слабѣя, не останавливаясь, все далѣе и далѣе впередъ!» Авторъ объясняетъ дальше, что «впередъ» не значитъ только далѣе, куда бы то ни было, а впередъ къ истинѣ, и опровергаетъ обвиненіе, вводимое на славянофиловъ, будто они не хотятъ идти впередъ, а хотятъ возвратиться назадъ. Напротивъ, славянофилы также стремятся впередъ къ истинѣ, но вынѣшній путь, какимъ идутъ ихъ противники, считаютъ невѣрнымъ, и хотятъ вернуться не къ состоянію древней Россіи (это было бы

застой и окаменѣніе), а въ *пути* древней Россіи. Споръ можетъ идти только о пути къ истинѣ, о томъ, какое «впередъ» есть впередъ къ истинѣ.

Слѣдующая статья занята тѣмъ же предметомъ. Истинный путь принадлежалъ древней Руси; верхніе классы съ Петровской реформы потеряли его, но возвратъ возможенъ: верхняя часть Россіи, оторвавшись отъ жизни, попала на путь отвлеченной мысли, такъ путемъ отвлеченной мысли она можетъ и вернуться въ настоящей народной жизни. «Великое дѣло жизни и мысли должно быть общимъ дѣломъ не однихъ верхнихъ слоевъ, а всей Россіи.—Тогда лишь будетъ возможно въ Россіи истинное, то есть самостоятельное просвѣщеніе».

Далѣе идетъ рѣчь о Москвѣ: Москва освободила Россію отъ татаръ, соединила ее въ единое царство; Москва имѣла 1612 и 1812 годы; «въ Москвѣ преимущественно идетъ умственная работа» и въ ней совершаются «попытки освободиться отъ умственного плѣна и возвратиться къ духовной самостоятельности». Заключение: Москва есть истинная русская столица.

Въ слѣдующей статьѣ объясняется понятіе о народѣ. Простой народъ есть основаніе и матеріальнаго благосостоянія, и вѣдимаго могущества, есть источникъ внутренней силы и жизни. Народъ вовсе не есть бессознательная масса; а онъ имѣетъ свои глубокія убѣжденія, онъ хранитель преданія и обычая, но не врагъ новизны и просвѣщенія, но онъ принимаетъ ихъ осторожно и что приметъ, то усвоитъ прочно и самостоятельно. Народъ есть по преимуществу простой народъ; въ старину о немъ говорили «люди», «крестьяне» (т.-е. христіане). «Итакъ у простого народа нѣтъ никакихъ отличій или титуловъ, кромѣ званія человѣческаго или христіанскаго. О, какъ богата эта бѣдность! и стоя на низшей ступени, какъ высоко стоитъ онъ! Нося званіе только человѣка, только христіанина, онъ съ этой стороны есть идеалъ для всего человѣческаго и христіанскаго общества». Въ концѣ—извѣстное сравненіе простого народа съ корнями дерева, на которомъ шумятъ и величаются листья, мѣняющіеся каждый годъ.

Слѣдующая статья говоритъ о наукѣ: старый нашъ сосѣдъ, западъ, сдѣлалъ титаническія работы на поприщѣ науки; Россія отдаетъ имъ полную справедливость, но должно, наконецъ, выдти изъ рабскаго подражанія. «Россія уже полтора ста лѣтъ исполняла, относительно запада, роль переписчика и рабскаго переводчика на свой языкъ... Думаемъ, что у Россіи есть что сказать человѣчеству въ свой чередъ, что у нея есть свое слово!»

Далѣе, слѣдующія статьи посвящены искусству, причемъ доказывается что истинное общечеловѣческое созданіе поэзіи, какъ всякаго искусства, должно быть народно;—общественному мнѣнію и общественной нравственности, въ которыхъ обличается упадокъ;—объясненію, что выше Европы есть родъ человѣчскій;—славянству, къ которому Европа холодна по эгонистическому расчету, и къ которому одна Россія относится съ искреннимъ сочувствіемъ и любовью и т. д.

Таково содержаніе передовыхъ статей К. Аксакова. Въ «Молвѣ» помѣщено было еще нѣсколько другихъ его статей (подъ заглавными буквами его имени, или подъ псевдонимомъ «Имрекъ»), но, не останавливаясь на нихъ, слѣдуетъ упомянуть объ одной, которая не носитъ никакой подписи, но по тогдашнимъ слухамъ, и по самому складу ея содержанія и изложенія, должна принадлежать К. Аксакову. Она такъ оригинальна и такъ невелика, что ее можно привести цѣликомъ. Статья называется: «Опытъ синонимовъ: публика—народъ».

„Было время, когда у насъ не было публики... Возможно ли это? скажутъ мнѣ. Очень возможно и совершенно вѣрно: у насъ не было *публики*, а былъ народъ. Это было еще до построенія Петербурга. Публика—явленіе чисто западное, и была заведена у насъ вмѣстѣ съ разными нововведеніями. Она образовалась очень просто: часть народа отказалась отъ русской жизни, явилка и одежды, и составила публику, которая и вслипла надъ поверхностью. Она-то, публика, и составляетъ нашу постоянную связь съ западомъ; выписываетъ оттуда всякіе, и матеріальные, и духовные наряды, превлоняется предъ нимъ, какъ предъ учителемъ, заимаетъ у него мысли и чувства, платя за это огромною цѣною: временемъ, связью съ народомъ и самою истинною мысли. Публика является надъ народомъ, какъ будто его привилегированное выраженіе, въ самомъ же дѣлѣ публика есть искаженіе идеи народа.

„Разница между публикою и народомъ у насъ очевидна (мы говоримъ вообще, исключенія сюда нейдутъ).

„Публика подражаетъ и не имѣетъ самостоятельности; все, что принимаетъ она чужое,—принимаетъ она наружно, становясь всякій разъ сама чужою. Народъ не подражаетъ и совершенно самостоятеленъ; а если что приметъ чужое, то сдѣлаетъ это своимъ, *усвоитъ*. У публики свое обращается въ чужое. У народа чужое обращается въ свое. Часто, когда публика ѣдетъ на балъ, народъ идетъ ко всенощной; когда публика танцуетъ, народъ молится. Средоточіе публики въ Москвѣ—Кузнецкій мостъ. Средоточіе народа—Кремль.

„Публика выписываетъ изъ-за моря мысли и чувства, нагурки и пошлы; народъ черпаетъ жизнь изъ родного источника. Публика говоритъ по-французски, народъ—по-русски. Публика ходитъ въ нѣмецкомъ платьѣ, народъ въ русскомъ. У публики—парижскія моды. У народа свои русскіе обычаи. Публика (большую частію по крайней мѣрѣ) ѣстъ скоромное, народъ ѣстъ постное. Публика спитъ, народъ давно уже уже всталъ и работаетъ. Публика работаетъ (большую частію ночами по паркету), народъ спитъ или уже встаетъ опять работать. Публика презираетъ народъ, народъ прощаетъ публику. Публика всего

полтора ста лѣтъ, а народу годовъ не сочтешь. Публика преходяща, народъ вѣченъ. И въ публикѣ есть золото и грязь, и въ народѣ есть золото и грязь; но въ публикѣ грязь въ золотѣ; въ народѣ—золото въ грязи. У публики—свѣтъ (monde, балы и пр.); у народа—мръ (сходка). Публика и народъ имѣютъ эпитеты; публика у насъ почтеннѣйшая, а народъ—православный.

„Публика, впередъ! Народъ назадъ!—такъ воскликнулъ многозначительно одинъ хозяинъ“ („Молва“, 1857, № 36, стр. 410—411).

Возвращаемся къ передовымъ статьямъ. Какъ видѣлъ читатель, въ нихъ высказываются очень часто взгляды весьма правильные, но иногда весьма азбучные, какъ, на примѣръ, благословеніе честной борьбы, исканіе безпренятственнаго обмѣна мысли, защита просвѣщенія и желаніе его самостоятельности; и въ этихъ взглядахъ нѣтъ ничего, чтó авторъ имѣлъ бы право считать особенностью или отертыемъ своей школы, потому что издавна лучшая часть нашей литературы высказывала тѣ же понятія о просвѣщеніи, о желательной свободѣ общественнаго мнѣнія и т. д. Съ другой стороны, въ этихъ статьяхъ есть и мысли спеціально славянофильскія, какъ, на примѣръ, повтореніе осужденій Петровской реформы; но здѣсь, и по самой краткости статей, не прибавлено никакихъ новыхъ доказательствъ къ тому, что говорилось прежде. Наконецъ, что касается статьи: «публика — народъ», это такъ сказать, квинтъ-эссенція того, чтó много разъ прежде говорилось К. Аксаковымъ и всей школой на тему объ оторванности общества отъ народа. Противуположность публики и народа—абсолютная; между ними нѣтъ ничего общаго; на сторонѣ публики все дурное, пустота, тунелдство, рабское преклошеніе передъ чужимъ, — на сторонѣ народа все прекрасное, трудъ, самобытность, глубина народной идеи... Нѣтъ сомнѣнія, что между публикой и народомъ существуетъ очень много различій; но едва ли можно сказать, чтобы они были вѣрно уловлены въ приведенной статейкѣ: съ одной стороны, различія гораздо глубже, чѣмъ указывается здѣсь, съ другой, указанія черезъ чуръ неопредѣленны. О какой публикѣ идетъ рѣчь, и можно ли совмѣстить въ такомъ опредѣленіи многоразличныя стороны русскаго общества? Авторъ статейки видимо не желаетъ знать, что «общество» не есть та «публика», какую понимаетъ упоминаемый имъ хозяинъ (т. е. по-нынѣшнему городской). Это противопоставленіе публики и народа могло быть продиктовано или шуткой, или желчью; но здѣсь, видимо не было шутки, а было именно раздраженіе. Въ результатъ получается что-то какъ-будто очень демократическое, но—никакой ясной мысли о практическомъ выводѣ.

Мы остановились на этой статейкѣ потому, что она весьма

характерно отражаетъ обыкновенныя свойства славянофильскаго демократизма. Противъ кого онъ спорить?—Это остается весьма загадочно со времени К. Аксакова и донынѣ. Петра Великаго обличать довольно бесполезно; нападенія на «западниковъ», какъ въ сороковыхъ годахъ, или на «интеллигенцію», какъ теперь, очень фальшивы и лицемѣрны: ни «западники» сороковыхъ годовъ, ни «интеллигенція» (подъ которой обыкновенно прежде всего разумѣются журнальные противники) восьмидесятыхъ, не устраивали того порядка вещей, который не нравится этимъ ревнителямъ, и не въ ихъ власти что-либо дѣлать и измѣнять въ этомъ порядкѣ, какъ, впрочемъ, и не во власти славянофиловъ. Привилегія защиты «народа», которую славянофилы обыкновенно себѣ приписываютъ, давно считалась очень сомнительной, и справедливо, — потому что ихъ теоретическіе противники въ этомъ отношеніи не говорятъ ничего иного, и отличаются здѣсь отъ славянофиловъ развѣ тѣмъ, что понимали обыкновенно этотъ вопросъ гораздо реальнѣе, чѣмъ они, не гоняясь за высокопарными фразами или «жалкими» словами.

Мы не будемъ останавливаться на изданныхъ недавно «Замѣчаніяхъ» К. Аксакова на доклады редакціонныхъ комиссій по освобожденію крестьянъ. Какъ извѣстно, труды редакціонныхъ комиссій печатались и хотя не пускались въ продажу, но были довольно распространены въ публикѣ; между прочимъ, ихъ получалъ и К. Аксаковъ. Его въ особенности интересовали работы административнаго отдѣленія, доклады котораго составлялись преимущественно вн. Черкасскимъ, и К. Аксаковъ занялся подробнымъ ихъ разборомъ. Его «Замѣчанія», напечатанныя теперь въ «Руси», очень интересны для исторіи вопроса, но самъ издатель соглашается, что критика К. Аксакова, основанная на идеальномъ представленіи крестьянскаго мірскаго начала, слишкомъ строга и притязательна, что его требованія слишкомъ безусловны, и не принимали въ соображеніе мѣру практической возможности и вѣщныя обстоятельства данной минуты ¹⁾).

Намъ остается сказать еще объ одной статьѣ К. Аксакова: «О современномъ человѣкѣ», напечатанной въ сборникѣ «Братская Помощь» (1876) и еще разъ повторенной въ «Руси». По словамъ издателя, эта статья сохранилась въ бумагахъ К. Аксакова во многихъ черновыхъ спискахъ: авторъ видимо возвращался къ ней нѣсколько разъ, вновь ее исправляя и расширяя; прибавимъ, что нѣкоторые эпизоды этой статьи были изложены

¹⁾ „Русь“, 1888, № 8, стр. 80—84.

К. Аксаковымъ въ передовыхъ статьяхъ «Молвы» (см., напр., № 9, 12). Авторъ такъ много занимался этой тѣмой очевидно потому, что хотѣлъ сосредоточить здѣсь правительственно-теоретическія основанія всѣхъ своихъ понятій объ обществѣ и народѣ, о Россіи и западѣ. Эти основанія высказаны такъ широко и вмѣстѣ такъ произвольно, что разбирать ихъ почти невозможно. Русскій народъ есть исключительный представитель идеи общины, которую онъ видѣлъ еще во времена язычества, и которая была въ немъ окончательно развита и укрѣплена христіанствомъ; съ идеей общинности связана идея истинной человѣчности. Западъ, напротивъ, есть представитель начала личнаго, которое есть источникъ зла и лжи; поэтому все, создаваемое западомъ, ложно и заключаетъ въ себѣ зародышъ зла. Этимъ вломъ заразился и верхній классъ нашего общества... «Современная жизнь западнаго человѣчества есть картина страшной болѣзни, полной нравственнаго заустѣнія». Какое же заключеніе? Такъ ли же точно, какъ на просвѣщенный Римъ, возстанутъ на просвѣщенное человѣческое общество нашихъ временъ новые дикіе какіе-нибудь народы, истребить растлѣнное племя, и дикою, грубою правдою жизни смѣнятъ блестящую, просвѣщенную ложь? Или само это общество можетъ воскреснуть нравственно и ожить для новой жизни? Но опять: чтѣ же ему поможетъ?—«Богъ можетъ помочь, но къ Нему прибѣгаютъ всего рѣже».

Гдѣ же искать здоровыхъ членовъ человѣчества, которые могли бы остановить и излечить заразу лжи? К. Аксаковъ напоминаетъ, какъ прежде въ «Молвѣ», что есть человѣчество внѣ Европы—тѣ народы, которыхъ еще не коснулась западная цивилизація, народы Азіи и Африки; но его пугаетъ мысль, что европейская цивилизація начинаетъ проникать и къ нимъ, и при первомъ появленіи прививаетъ имъ свою заразу, сообщая имъ свое ложное просвѣщеніе и свои общественныя формы, которыя уже тѣмъ ложны, что чужды этимъ народамъ. К. Аксаковъ скорбитъ, что освобожденные, полудикіе греки принимаютъ западную конституціонную форму, что освобожденные негры также устраиваютъ у себя конституціонныя учрежденія, не умѣя выдумать ничего лучше. Однимъ спасеніемъ видимо является русскій народъ, т.-е. русскій простой народъ, хранитель общиннаго начала, незараженный западомъ.

Развивая дальше свою мысль, К. Аксаковъ даетъ мрачную картину западной и нашей, перенятой у запада общественности, и нападаетъ, напимѣръ, на такъ-называемый «свѣтъ» (monde),

испорченный и фальшивый, противопологая ему крестьянскій «міръ», неиспорченный и христіанскій. (Онъ забываетъ только, что этотъ «міръ» вовсе и нельзя сравнивать со «свѣтомъ», — первый есть бытовая юридическая форма, соединяющая людей одного народа, одной вѣры, одного сословія, одного рода земледѣльческаго труда; второй есть случайная встрѣча людей, соединенныхъ однимъ поверхностнымъ знакомствомъ, безъ всякихъ юридическихъ отношеній, людей часто даже разныхъ національностей, вѣръ и подданства).

Тѣмъ, кто знакомъ съ литературой сороковыхъ годовъ и съ «Москвитининомъ» не трудно припомнить, что это есть чистое повтореніе извѣстной теоріи о гніеніи запада, которая при всѣмъ назойливости, не могла добиться, чтобы въ ней отнеслись серьезно и притомъ, весьма неудобно для нея самой, совпадала съ officialной теоріей народности, также отвергавшею западъ. К. Аксаковъ устранилъ это совпаденіе, но сущность взгляда сводилъ въ той же теоріи гніенія.

Спорить противъ подобныхъ положеній, какъ мы знаемъ, почти невозможно. У Аксакова они не были, конечно, такъ поверхностными и угодливыми резонерствомъ, какъ въ «Москвитинѣ»; онъ былъ человѣкъ несомнѣнно искренній, — но теорія отъ того не выигрывала. Это было дѣло вѣры или фанатическаго самообольщенія, для котораго не дѣйствительны никакіе реальные факты, взятые изъ спокойнаго разсужденія и изъ дѣйствительности. Самый новѣйшій издатель нашелъ однажды нужной оговорку относительно осужденной К. Аксаковымъ Америки; оказалось, что Америка не оправдала теоріи К. Аксакова, потому что вовсе не мирилась съ рабствомъ негровъ (какъ онъ это думалъ) и напротивъ достигла ихъ освобожденія, не остановившись даже передъ страшной внутренней войной. Если бы К. Аксаковъ хотѣлъ быть сколько-нибудь осторожнымъ и безпристрастнымъ, онъ могъ бы узнать и гораздо ранѣе, что Америка уже съ давнихъ поръ мирилась съ этимъ рабствомъ, что противъ него давно боролась партія такъ называемыхъ «аболиціонистовъ». Точно такъ, если бы онъ хотѣлъ быть безпристрастнымъ, онъ могъ бы вѣрить въ исторіи каждой европейской страны подобныя извѣщенія своей теоріи, и наоборотъ — въ исторіи и бытѣ русскаго народа встрѣтилъ бы не мало явленій, которыя могли бы заставить усомниться въ этой теоріи предопредѣленія. Умѣстно спросить: быть можетъ, судить болѣе скромно о самихъ себѣ и о другихъ народахъ было бы и болѣе христіански?

Мы говорили выше, что, споря противъ европейской цивилизаціи, К. Аксаковъ напоминаетъ, что Европа не есть еще все человѣчество; но что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ скорбитъ о распространеніи европейской заразы и на тѣ народы, въ которыхъ проникаетъ вліяніе европейцевъ. По его словамъ, европейцы своими нравственными качествами не превосходили языческихъ народовъ; они являлись среди послѣднихъ «просвѣщенными звѣрями, употреблявшими преимущества своего просвѣщенія на страннины дѣла»; дикіе народы видѣли, что просвѣщеніе не умягчаетъ души, а только придаетъ утонченность и побѣдоносную силу коварству и насилию; онъ вспоминаетъ «героевъ», какъ Кортенъ, американскихъ рабовладѣльцевъ, и т. п. Но если говорить съ историческою добросовѣстностію, то нельзя забыть, во-первыхъ, что если движеніе европейцевъ въ страны дикихъ народовъ руководилось алчными интересами торговой прибыли и эксплуатаціи, то съ давнихъ поръ въ этомъ движеніи была и другая сторона, интересы христіанской проповѣди и человеколюбія: въ наши дни мы видѣли одинъ изъ примѣровъ послѣдняго въ дѣятельности знаменитаго Ливингстона; англійскія миссіи разсыяны повсюду и часто съ глубокимъ самоотверженіемъ ведутъ свой тяжелый трудъ, въ которому нельзя не питать уваженія, и забыть о которомъ будетъ исторически недобросовѣстно. Во-вторыхъ, неужели мы, русскіе, не только теперь, когда мы, положимъ, заражены западомъ, но и въ московскія времена, когда мы объ немъ не имѣли понятія, — не поступали такимъ же образомъ съ тѣми инородцами, которые попадали подъ нашу власть? Наши собственные патріоты сравнивали Ермака съ Кортеномъ, и сравненіе, конечно, возможно. Что приносили русскіе въ покореннымъ племенамъ, какъ не то же коварство и насилие, хотя и не столь утонченное, какъ у европейцевъ? Довольно указать на исторію Сибири, недавно праздновавшей свой 300-лѣтній юбилей... Далѣе, К. Аксаковъ указываетъ другое зло, вносимое европейцами въ среду другихъ народовъ (исключено, это можетъ касаться и русскихъ), это — зло ихъ нравственнаго вліянія. «Дикіе и не дикіе туземные народы потеряли свой самобытный путь; подвигаясь впередъ, они перенимаютъ европейскія формы, имъ чуждыя... Они не отделили въ Европѣ достойнаго человѣческаго, — чѣмъ всякій можетъ воспользоваться, отъ достойнаго національнаго, — чѣмъ другому народу пользоваться смѣшно и даже вредно... Ложны или не ложны формы европейскія, онѣ во всякомъ случаѣ ложны для другого народа, потому что онѣ ему чужды. А

что же, если ложь лежитъ въ самыхъ началахъ Западной Европы, въ самомъ пути ея? И что за грустно-комическое явленіе представляетъ подражательность». (Приводятся примѣры негровъ, которые, освобождаясь, устраиваютъ у себя республиканскую конституцію на европейскій ладъ, «лучшаго, какъ видно, не бывъ въ состояніи выдумать»; полудинныхъ грековъ, устроивавшихъ у себя конституцію монархическую и пр.). «Удѣлъ такого пути цивилизаціи не завиденъ. Внутреннія силы народовъ, которыя облекались въ *свой* образъ, поддерживали *свою* жизнь, вдругъ разорваны съ своею цѣлью и должны служить цѣлямъ чуждымъ, употребляясь на поддержку чуждыхъ, формъ. Свои родныя народныя силы опредѣлены на питаніе чуждой жизни... Всякая европейская форма, какъ бы ложна она ни была, имѣетъ для Европы ту истину, что тамъ она своя, что тамъ она результатъ предыдущихъ причинъ: тутъ есть истина историческая. Но даже и этой истины не имѣютъ народы-прихвостни. Употреблять вѣчно свои жизненные силы на служеніе заемной жизни, всегда идти подражательнымъ, безплоднымъ путемъ, ничего не сказать своего и быть бесполезнымъ повтореніемъ, пародією или каррикатурой Европы—удѣлъ тяжкій и обидный, жалкій и презрѣнный».

Ясно, кажется, что эта мораль относится не къ однимъ дикимъ народамъ, и что «тяжкій и презрѣнный удѣлъ» грозилъ не имъ однимъ. Но опять немного болѣе историческаго безпристрастія помогло бы К. Аксакову увидать вещи въ болѣе простомъ и правдивомъ свѣтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, жалко и смѣшно читать эти соболеніи о томъ, что, напр., внутреннія силы негровъ потеряли *свой* образъ и должны служить цѣлямъ чуждымъ: но что же стали бы дѣлать негры, если бы, отвергнувъ всякую «подражательность» европейцамъ, вздумали вспомнить свою самобытность и свои преданія? Ихъ самобытность и преданіе состояли въ томъ, что они вѣчно рѣзались между собой и употребляли другъ друга на жаркое, между тѣмъ какъ теперь, подъ вліяніемъ европейцевъ, они получили къ своей собственной пользѣ гораздо болѣе мирные нравы, въ которыхъ могли высказываться и лучшія стороны ихъ нравственной природы. Неужели надо было заботиться, чтобы они, напротивъ, сохранили свое «преданіе»? К. Аксаковъ забывалъ (или совсѣмъ не вынесъ изъ своихъ историческихъ занятій этого понятія), что не все самобытное бываетъ непременно хорошо, что самая подражательность имѣетъ у отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ народовъ свои глубокія психологическія основанія, что въ подражаніи народы инстинктивно

сами ищутъ чего-нибудь лучшаго, что въ самомъ фактѣ подражательности является работа сознанія. Онъ забываетъ и то, что на дѣлѣ исторія человѣческой цивилизаціи представляетъ нескончаемый рядъ подобныхъ взаимодействій, фактовъ чуженароднаго вліянія и заимствованія элементовъ, перерождающихся потомъ въ новыя черты національности. Достаточно сколько-нибудь познакомиться съ этнографіей первобытныхъ и «самобытныхъ» племенъ, чтобы увидѣть, сколько дѣйствительной дикости, доходящей до извращенія человѣческой природы, бываетъ у этихъ племенъ, и что уже этимъ однимъ объясняется многое въ ихъ подражательности и подчиненіи европейскому вліянію. Съ этимъ послѣднимъ входитъ не одна промышленная эксплуатація (которая, впрочемъ, въ первобытной формѣ существуетъ обыкновенно и безъ того), но и лучшія стороны цивилизаціи, и туземное преданіе уступаетъ ей не безъ достаточныхъ историческихъ и нравственныхъ причинъ. И, кажется, нѣтъ основанія сожалѣть объ упадкѣ преданія, когда оно — каннибальское, или тому подобное. Если, наконецъ, опасенія «тяжкаго и презрѣннаго удѣла» К. Аксаковъ имѣлъ (и это несомнѣнно) относительно самого русскаго народа, то съ одной стороны — странная близорукость не видѣть несомнѣннаго, вѣковаго стремленія русскаго народа войти въ общее высшее теченіе человѣческой цивилизаціи (для чего и необходимо усвоеніе ея дотолѣ приобрѣтеннаго содержанія); съ другой — боязливости и раздражительныя опасенія за его самобытность отъ европейскихъ вліяній должны, противъ ожиданій самого Аксакова, давать очень невысокое понятіе о внутренней силѣ этого народа, требующей китайскихъ стѣнъ и охранительныхъ попеченій — вмѣсто простора и широкаго просвѣщенія.

И рядомъ съ этимъ, высокоумѣнное осужденіе европейскаго человѣчества, признаніе всего его труда, всей его мысли и чувства за «ложь», и превознесеніе русскаго народа какъ «рода избраннаго», предназначеннаго на спасеніе погибающаго отъ лжи человѣчества... Какое странное сплетеніе историческихъ мечтаній, христіанскаго смиренія и раздражительной фанатической нетерпимости!

Не скажемъ, чтобы эта безграничная самоувѣренность и нетерпимость были сочувственной чертой въ дѣятельности К. Аксакова, и служили въ пользу его собственной дѣятельности и въ пользу обществу. Порожденная мрачными временами угнетенія мысли и фальшивой официальной народности, эта національная фантастика возрождается подъ такими же вліяніями и въ наши

дни, мѣшая здоровому и плодотворному пониманію характера народа и его истинныхъ потребностей.

Предоставимъ читателю сдѣлать общій выводъ, и замѣтимъ лишь одно: К. Аксаковъ, въ личныхъ стремленіяхъ котораго была наилучшая благородная подвладна,—какъ писатель, носилъ въ себѣ и черты времени. Въ немъ сказались—въ одну сторону—глубокая потребность общества въ приближеніи къ народу, другими словами—въ возвышеніи народнаго достоинства, въ оживленіи самого общества—высокимъ идеаломъ и самодѣятельностью.

А. Н. ПИИТЪ

ПОЛЕВАЯ ПОЧТА

ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

1877—1878 гг.

Изъ воспоминаній.

Въ 1877 году, я былъ постороннимъ свидѣтелемъ дѣятельности полевой почты, а въ 1878 году, полевая почта, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ военно-административныхъ учреждений, состояла подъ моимъ главнымъ начальствомъ.

Громко, во всеуслышаніе могу сказать, что изъ всѣхъ административныхъ учреждений арміи, почтовые чины съ наибольшою добросовѣстностью исполняли свои обязанности. Когда чины другихъ вѣдомствъ пировали въ трактирахъ или за маркетантскими столами, почтовые чины или жарились на солнцѣ, или зябли подъ дождемъ и снѣгомъ; собственнымъ дыханіемъ отогревая окончившіе свои пальцы, они работали, не разгибая спины, или на полу, или просто на землѣ; столами имъ служили почтовые ящики для письменныхъ дѣлъ и денежной корреспонденціи. Почтовые чины, командированные въ армію, были бѣдники; обрадованные, что содержаніе ихъ значительно увеличилось въ сравненіи съ тѣмъ, что получали въ Россіи, они доросили своими мѣстами и уже не жалѣли ни трудовъ своихъ, ни своего здоровья. Больныхъ почтовыхъ чиновъ съ трудомъ можно было отправить въ госпиталь, они крѣпились, не оставляя своихъ занятій до совершеннаго истощенія силъ; какъ сильно они болѣли, преимущественно тифомъ и лихорадками, показываютъ замѣчательныя цифры: полевая почта открыла свои дѣйствія въ составѣ 57

почтовыхъ чиновъ; это число, въ теченіе года, постепенно увеличивалось и достигло наибольшаго предѣла въ 236 чел., а къ госпиталямъ обратилось 278 чел. и 3 умерли. Праздниковъ или дней неприсутственныхъ для почтовыхъ чиновъ не было, ихъ дневная работа продолжалась отъ 12 до 18 часовъ.

И при всемъ томъ, полевая почта подвергалась однимъ нареканіямъ. Постараюсь, насколько сумѣю, выяснитъ причину тому и весь ходъ дѣлъ полевой почты. Ошибки и недостатки прошедшаго, можетъ быть, помогутъ избѣгнуть ихъ въ будущемъ. Почтовое же дѣло, въ эпоху войны, имѣетъ весьма важное значеніе, что понятно само по себѣ.

I.

Передъ самымъ формированіемъ дѣйствующей арміи, 16 октября 1876 года, вышло положеніе о полевомъ управленіи войскъ въ военное время, въ которомъ говорится и о полевомъ почтовомъ управленіи и о правахъ и обязанностяхъ начальника его. Вслѣдъ за тѣмъ, когда армія уже формировалась, когда войска уже стягивались къ Кишиневу, послѣдовалъ приказъ 5 ноября 1876 г., № 326, при которомъ объявлены «Правила объ управленіи почтовою частію при арміи».

Правила эти составлены поспѣшно, недостаточно согласованы съ вышедшимъ передъ тѣмъ положеніемъ о полевомъ управленіи войскъ и представляли незначительное измѣненіе правилъ, дѣйствовавшихъ во время крымской войны.

Такъ явились два почтовыхъ органа, одинъ отъ другого независимыхъ.

Отдѣлъ почтъ и телеграфовъ—вѣдавшій по почтовой части только устройствомъ и содержаніемъ почтовыхъ станцій. Начальникомъ этого отдѣла, подъ названіемъ: «завѣдывающій отдѣломъ почтъ и телеграфовъ», былъ инженеръ генералъ-маіоръ Н. К. Шталь, нынѣ въ отставкѣ. Полевое почтовое управленіе, — начальникомъ котораго былъ назначенъ помощникъ московскаго почтъ-директора В. И. Романусъ.

Шталь былъ непосредственно подчиненъ начальнику военныхъ сообщеній генералъ-лейтенанту Каталею, носившему званіе: «начальникъ полевого управленія военными сообщеніями»; а Романусъ былъ непосредственно подчиненъ начальнику полевого штаба генералъ-адъютанту Непокойчицкому.

По положенію объ управленіи арміей, Романусъ во всѣхъ

подлежащихъ случаяхъ долженъ былъ сноситься со Шталемъ, а по почтовымъ правиламъ Романусъ долженъ былъ сноситься не со Шталемъ, а прямо съ начальникомъ военныхъ сообщений. Это ничтожное, повидимому, разногласіе, по царившему бюрократизму, часто бывало большою помѣхою. Шталь скоро сдружился съ Романусомъ и готовъ былъ сдѣлать все ему угодное, но не смѣлъ представить своему начальнику Каталею, въ управленіи котораго не принимали никакого представленія, если оно прямо не основывалось на § или пунктѣ положенія. При этомъ случалось такъ: Романусъ въ Систовѣ, Шталь въ Боготѣ или въ развѣздахъ по линіи телеграфовъ, Непокойчицкій у Плевны, а начальникъ военныхъ сообщений въ Бухарестѣ, и на рѣшеніе того, что можно было сдѣлать въ 5 минутъ, терялись недѣли.

Въ войскахъ немногіе перечитали всѣ положенія объ управленіи армій, да они нескоро и дошли до войсковыхъ канцелярій; а отдѣльныхъ положеній было множество: о почтѣ, о телеграфѣ, о полевомъ контролѣ, о полевомъ казначействѣ, объ этапныхъ и желѣзнодорожныхъ комендантахъ, о продовольственныхъ пунктахъ и проч. Всѣ названія начальствующихъ лицъ были сложны и новы для войскъ; отдѣльные лица и войсковыя канцеляріи на конвертахъ писали адреса лакеонически, напримѣръ: «начальнику почты», ипотому нерѣдко бумага или телеграмма вѣденія Романуса попадала въ Шталю и обратно. Какъ князь Меншиковъ, во время-оно, изъявлялъ желаніе, чтобы его называли «министромъ горькихъ водъ», въ отличіе отъ «министра сладкихъ водъ», графа Клейнъ-Михеля, такъ и Шталь предлагалъ Романусу войти съ представленіемъ, чтобы для избѣжанія сбивчивости, одну почту называли почтою Шталя, а другую почтою Романуса.

Буду говорить сперва о «почтѣ Романуса», потомъ о «почтѣ Шталя».

Въ штаты полевого управленія дѣйствующей арміи включено только одно полевое почтовое управленіе, въ которое, вмѣстѣ съ начальникомъ управленія и его помощникомъ, назначено 8 чиновниковъ и 8 почталіоновъ, всего 16 почтовыхъ чиновъ. Формированіе же другихъ почтовыхъ учрежденій: полевой почтовой конторы, почтовыхъ отдѣленій при корпусахъ и отрядахъ, и мѣстныхъ почтовыхъ отдѣленій, — возложено на начальника полевой почты подъ руководствомъ и при содѣйствіи почтоваго департамента.

Почтовый департаментъ, при формированіи дѣйствующей арміи, назначилъ въ армію, сверхъ чиновъ почтоваго управленія, еще 23 чиновника и 18 почталіоновъ, всего 41 чел., т.-е. менѣ

тѣмъ состоитъ почтовыхъ чиновъ въ губернской почтовой конторѣ, и въ началу войны въ полевой почтѣ состояло чиновниковъ 31, почтальоновъ 26, всего 57 почтовыхъ чиновъ.

Романусъ, передъ отъѣздомъ въ армію, заявилъ почтовому департаменту, что такой составъ полевой почты недостаточенъ, что съ нимъ не только нельзя вести почтовое дѣло, но и начать его. Департаментъ, тономъ, недопускавшимъ возраженій, отвѣчалъ, что, въ видахъ сокращенія расхода казны, усиленіе состава до дѣйствительной въ томъ надобности, признается излишнимъ.

Если почтовому департаменту вѣщено было въ обязанность снабжать армію почтовыми чинами, то департаментъ обязанъ былъ слѣдить за потребностью этихъ чиновъ въ арміи. Лучшимъ мѣриломъ этого для департамента должна была служить послѣдняя франко-прусская война. Въ 1876 году было извѣстно, что въ прусской арміи состояло огромное число почтовыхъ чиновъ, и вслѣдствіе было обнаружено, что въ прусской арміи состояло 2,140 почтовыхъ чиновъ! У насъ въ 1876 году первоначально приведены были на военное положеніе 6 корпусовъ, изъ нихъ два назначены были для охраненія одесскаго и крымскаго побережья, и 4 корпуса составили собственно дѣйствующую армію. Допустимъ, что наши 4 корпуса составляли $\frac{1}{6}$ прусской арміи 1870—1871 годовъ, тогда $\frac{1}{6}$ отъ 2,140 составитъ 356 почтовыхъ чиновъ. Если бы департаментъ, для экономіи, на первое время, назначилъ бы въ армію только половину этого числа, то и тогда слѣдовало бы выслать въ армію 178 почтовыхъ чиновъ, а не 57! Вотъ зародились тѣхъ замѣшательствъ, которыя вслѣдствіи, при многихъ другихъ неблагоприятныхъ и непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, уже не возможно было устранить.

Около 12 апрѣля 1877 года, дня объявленія манифеста о войнѣ, Романусъ, съ разрѣшенія главнокомандующаго, телеграммою просилъ департаментъ усилить составъ полевой почты; но почтовые чины не были подготовлены для отправки въ армію; куда департаментъ сообщалъ управляющимъ въ губерніяхъ, а тѣ въ уѣздныя конторы, проходилъ много времени; притомъ, подъемные деньги выдавались почтовымъ чинамъ уже по прибытіи ихъ въ армію: они принуждены были добывать денегъ, чтобы справить необходимую одежду, и не мудрено, что слишкомъ черезъ мѣсяцъ, во второй половинѣ мая, стали прибывать въ армію почтовые чины только по два, по три. А между тѣмъ все было подготовлено для быстрого занятія Румыніи. 12 апрѣля, армія наша въ нѣсколькихъ пунктахъ перешла границу, и приказано было немедленно открыть дѣйствіе полевой почтовой конторы, почто-

ныхъ отдѣленій при корпусахъ и учредить шесть мѣстныхъ почтовыхъ отдѣленій: въ Леовѣ, Бирладѣ, Измаилѣ, въ Яссахъ, въ Фекшанхъ и въ Галацѣ. Къ 26 апрѣля всѣ эти отдѣленія были открыты, въ составѣ 2—3 чиновниковъ и 1—2 почтальоновъ!

По положенію объ управленіи арміей, начальникъ полевой почты, въ случаѣ крайняго недостатка въ почтовыхъ чинахъ, могъ просить начальника полевого штаба дополнить недостающее число почтовыхъ чиновниковъ строевыми офицерами, а почтальоновъ—строевыми нижними чинами, но только временно, до прибытія почтовыхъ чиновъ. Романусъ и просилъ объ этомъ Непокойчицкаго, но Непокойчицкій изобрѣвъ отказалъ, ссылаясь на то, что въ правилахъ о полевой почтѣ этого нѣтъ, а правила составлены послѣ наданія положенія объ управленіи арміей, и составлены по соглашенію съ почтовыми департаментомъ. Отказъ этотъ можно объяснить только тѣмъ, что почтовые правила хотя и подписаны были военнымъ министромъ, но сдѣланы Непокойчицкимъ, какъ председателемъ кодификаціоннаго комитета, и дѣлопроизводителемъ Стефаномъ, который тогда былъ помощникомъ начальника канцеляріи Непокойчицкаго, а вскорѣ былъ и начальникомъ этой канцеляріи. Очевидно, Непокойчицкій на первыхъ же порахъ не хотѣлъ показывать неосостоятельность его же почтовыхъ правилъ; а Романусу при такой обстановкѣ неудобно было настаивать на своемъ требованіи. Это было въ половинѣ апрѣля, но уже при установившихся хорошихъ отношеніяхъ между Непокойчицкимъ и Стефаномъ, съ одной стороны, и Романусомъ—съ другой. Вслѣдствіе эти отношенія еще улучшились: Непокойчицкій всегда ласкалъ и любилъ Романуса, а Романусъ его глубоко уважалъ; между Стефаномъ и Романусомъ установились даже самыя дружескія отношенія. Личныя отношенія всегда имѣютъ огромное значеніе между людьми, служебныя дѣла которыхъ безпрерывно соприсасуются.

Во второй половинѣ іюня, по совершеніи переправъ черезъ Дунай, когда полевая контора перешла изъ Плоешты въ Зимницу, обратился въ почтовые чины перваго усиленія: 19 чиновниковъ и 11 почтальоновъ. Тогда при арміи было 50 чиновниковъ и 37 почтальоновъ, всего 87 почтовыхъ чиновъ; но къ этому времени приказано было открыть еще три мѣстныхъ отдѣленія: въ Бузарестѣ, Александріи и Журмешѣ, и заготовить два отдѣленія для прибывающихъ на усиленіе арміи корпусовъ 11-го и 13-го, а вслѣдъ затѣмъ и для 4-го корпуса.

Всего просили о присылкѣ почтовыхъ чиновъ; но когда было рѣшено большое усиленіе состава арміи, призываетъ гвардейскаго

и гренадерскаго корпусовъ и 4-хъ отдѣльныхъ дивизій, не входящихъ въ составъ корпусовъ,—то повторяли просьбы и департаменту о высылкѣ почтовыхъ чиновъ. Эти повторительныя просьбы исполнялись еще медленнѣе, чѣмъ первое усиленіе, частію и потому, что въ армію высылались почтовые чины изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ Россіи. Послѣдняго усиленія почтовые чины прибыли въ армію уже по паденіи Плевны и Шипки, такъ что въ 1 января 1878 года въ полевой почтѣ состояло 129 чиновниковъ и 107 почталоновъ, всего 236 почтовыхъ чиновъ.

По прусскому положенію, по тогдашнему составу нашей арміи, должно бы состоять почтовыхъ чиновъ до 1000 человекъ!

Допустимъ, что при формированіи арміи и при анновѣ ея въ Кишиневѣ, департаментъ не вѣрилъ въ возможность войны и, избѣгая лишннихъ расходовъ для казны, не торопился формированіемъ полевой почты; но когда громъ грянулъ, то можно было позаботиться, можно было сообразить, что и пруссаки не любятъ понапрасну сорить деньгами, что они не безъ нужды же держали при арміи такую массу почтовыхъ чиновъ; можно было почтѣе навѣдываться о количествѣ корреспонденціи, прибывающей въ армію и отправляемой изъ нея; можно было имѣть наготовѣ почтовыхъ чиновъ, чтобы по первому требованію немедленно выслать ихъ въ армію. Почему же телеграфный департаментъ, какъ бы со скоростью электрическаго тока, высылалъ въ армію все, требуемое отъ него?

Полевая почтовая контора изъ Зимницы слѣдовала при главной квартирѣ въ Тырново, оттуда въ Горный Студень; но когда главная квартира перешла въ Боготъ подъ самую Плевну, то почтовая контора вмѣстѣ съ почтовымъ управленіемъ переведены были въ Систовъ, гдѣ и оставались до начала 1878 года. Въ это время дѣйствовали 19-ть почтовыхъ отдѣленій: одно при главной квартирѣ, 9-ть при корпусахъ и 9 мѣстныхъ: въ Яссахъ, Галацѣ, Браиловѣ, Измаилѣ, Каларашѣ, Бухарестѣ, Фрагештахъ, Зимницѣ и, съ 1-го декабря, въ Плевнѣ.

По заключеніи С.-Стефанскаго договора, или вѣрнѣе, по вступленіи въ командованіе арміей ген.-ад. Тотлебена, въ маѣ 1878, всѣхъ почтовыхъ чиновъ числилось 236, изъ нихъ 32 лежало въ госпиталяхъ, преимущественно въ тифѣ. Почтовое управленіе было въ С.-Стефано, въ полномъ штатномъ составѣ 16 чел., но изъ этого числа большая половина была въ командировкахъ. Почтовая контора въ Русуеѣ, въ составѣ 18 чиновъ и 20-ти отдѣленій: одно при главной квартирѣ въ С.-Стефано, въ числѣ 14 чиновъ; 9-ть отдѣленій при корпусахъ, въ составѣ

каждое отъ 6 до 8 почтовыхъ чиновъ и 10 мѣстныхъ отдѣленій: Яссы, Галацъ, Браиловъ, Измаилъ, Каларашъ, Бухарестъ, Журжево, Плевна, Филиппополь и Казанлыкъ, каждое въ составѣ отъ 6 до 12 почтовыхъ чиновъ.

Въ самое тяжелое время для полевой почты, осенью 1877 года, передъ паденіемъ Плевны, наличныхъ почтовыхъ чиновниковъ было вдвое менѣе: въ полевой конторѣ было 5 чиновниковъ, а въ отдѣленіяхъ по 3 и по 2.

Для перевозки почтовыхъ книгъ, письменныхъ принадлежностей и неровданной корреспонденціи, при полевой почтѣ состояли такъ называемыя обозныя лошади; число ихъ постепенно увеличивалось и доведено было до 68 легкихъ парожонныхъ телѣжекъ, а лошадей, съ 10-ю запасными, было 146. Начальникъ полевой почты, по своему усмотрѣнію, распредѣлялъ подводы между своимъ управленіемъ, полевой конторою и почтовыми отдѣленіями. При мѣстныхъ отдѣленіяхъ состояло по одной, по двѣ и по 3 парожонныхъ подводы: при корпусныхъ отдѣленіяхъ, по 4 и по 5-ти, а при конторѣ бывало 6, 7 и 8 парожонныхъ телѣгъ.

II.

Разсмотримъ теперь организацію почтовыхъ трактовъ. Въ началѣ апрѣля 1877 года, когда стало извѣстнымъ, что война неизбежна, генералъ Штааль докладывалъ своему начальнику Каталей, что слѣдуетъ озаботиться заготовкою почтовыхъ лошадей и всей почтовой принадлежности. Генералъ Каталей докладывалъ Неповойчицкому и получилъ отвѣтъ: «не предпрѣшайте, не опережайте событий». По объявленіи манифеста 12 апрѣля, на третій день, Каталей со всѣмъ своимъ управленіемъ переведенъ былъ въ Яссы, а 20 апрѣля послѣдовало отъ Неповойчицкаго опредѣлительное приказаніе открыть почтовую ѣзду въ Румыніи, между городами Бузео и Слободзея, учредивъ 8 станцій, каждую въ 3 пары лошадей съ тремя телѣжками и по 2 запасныхъ лошади; всего разрѣшено приобрѣсти 64 лошади. Къ 16 мая трактъ былъ открытъ.

Очевидно, что трактъ предназначался преимущественно для разѣздовъ курьеровъ и гонцовъ, посылаемыхъ въ отряды войскъ, двигавшихся по Румыніи. Тогда на войну съ Турціей смотрѣли какъ на военную прогулку и къ военной почтѣ относились болѣе, чѣмъ слегка, полагая, вѣроятно, что корреспонденція, идущая въ армію и изъ арміи, по числу всѣхъ почтовыхъ отправленій

будеть ничтожна, что всѣ почтовые отправленія слѣдуетъ считать сотнями и много-много — тысячами. Въ доказательство такого взгляда на почту, привожу выписку изъ конвенціи, заключенной съ Румыніей, бывшимъ начальникомъ дипломатической части при главнокомандующемъ г. Нелидовымъ (нынѣ нашъ посолъ въ Константинополѣ) и полковникомъ генеральнаго штаба кн. Кантакузеномъ (нынѣ генералъ-маіоръ, начальникъ штаба корпуса жандармовъ). Въ этой конвенціи, относительно почты, безъ вѣдома начальника почты Романуса, сказано, что намъ предоставляется право складывать свою корреспонденцію въ особую сумку и передавать ее какъ постъ-пакетъ румынскимъ почтовымъ властямъ, которые обязываются перевозить эти сумки наравнѣ со своими собственными, за указанную плату, по вѣсу постъ-пакета. Нѣтъ сомнѣнія, что дипломаты наши, на принятіе такого условія, имѣли инструкцію или указанія отъ Неповойчицкаго; но скоро обнаружилось, что корреспонденцію, идущую изъ Россіи въ армію и обратно, слѣдуетъ считать не тысячами штукъ, а миллионами, что ежедневно изъ Россіи въ армію и обратно отправлялось не по одной сумочкѣ или постъ-пакетику, а десятки огромныхъ чемодановъ, которые не всегда были подъ силу двумъ тройкамъ, и что румыны вовсе не были подготовлены въ перевозкѣ такой почты.

Бузео-слободейскій трактъ существовалъ не долго: 4-го іюня приказано было почтовыхъ лошадей съ этого тракта перевести на трактъ Сигарча - Александрія - Фратешты, а 8 іюня послѣдовало приказаніе оставить лошадей у Сигарча для проѣзда Государя Императора до мѣстечка Драча, откуда его величество наблюдалъ за переправой черезъ Дунай. 16—18 іюня почтовая гоньба производилась отъ Драча, чрезъ Піу - Патру, на Зимницу въ императорскую квартиру.

18 іюня, 32 лошади были поставлены на трактъ Фратешты-Зимница, а 32 лошади остались при императорской квартирѣ.

Съ перенесеніемъ квартиры главнокомандующаго въ Тырновъ, трактъ фратешто-зимницкій, въ 32 лошади, былъ сохраненъ; остальные 32 лошади, по 8 на 4 станціи, были разставлены отъ Систова до Тырнова. Въ это время и Шталъ и Романусъ были при главной квартирѣ въ Тырновѣ, а начальникъ военныхъ сообщений Каталей—въ Вухарестѣ. Для выигрыша во времени, Неповойчидкій, отступивъ отъ положенія объ управленіи арміей, разрѣшилъ Шталю обращаться прямо въ нему, помимо Каталей, во всѣхъ случаяхъ, требующихъ немедленнаго разрѣшенія и потомъ сообщать Каталею о результатахъ. Шталъ и

Романусъ заявили Неповойчицкому, что 32-хъ лошадей, по 8 на станціи, на тырновскомъ тракѣ недостаточно, что разъѣзды курьеровъ очень часты, что каждая почтовая пара ежедневно по два раза пускается въ гонъ, и паръ лошадей уже не подъ силу возить дневную почту; они просили увеличить число лошадей на каждой станціи по крайней мѣрѣ на 3 тройки, или на весь трактъ на 36 лошадей. Неповойчицкій не согласился съ этимъ и разрѣшилъ усилить трактъ всего на 8 лошадей; т.-е. вмѣсто просимыхъ Шталемъ по 17 лошадей на станціи, Неповойчицкій разрѣшилъ имѣть—по 10 лошадей. То была пора величайшей экономіи; Неповойчицкій съ трудомъ разрѣшалъ расходъ на сотни рублей, о тысячномъ расходѣ боялись докладывать ему; то была пора, когда, по взятіи Никополя и по переходѣ генерала Гурко за Балканы, надѣялись на скорое окончаніе войны.

Съ перенесеніемъ главной квартиры изъ Тырнова въ Горный Студень, сознали недостаточность 40 почтовыхъ лошадей, и Неповойчицкій разрѣшилъ разомъ усилить почту на 100 лошадей, взявъ ихъ изъ тырновскаго конскаго запаса. Къ 31 іюля трактъ былъ устроенъ отъ Систова на Горный Студень, Павло, Бѣгу, Обретеницъ и Дольній-монастырь, т.-е. отъ Систова къ квартирамъ: императорской, главнокомандующаго и начальнива рушукскаго отряда. Къ 24 августа почтовый трактъ былъ расширенъ, въ одну сторону до горы Сельви, а въ другую къ Плевнѣ на Чаунгъ-Махало, Раденицъ и Парадимъ. Сельви тогда считался такимъ пунктомъ, откуда можно было сдѣлать диверсію въ помощь Раденцкому подъ Шипкой; полагали послать отрядъ отъ Сельви къ Зеленому Древу, къ нашему правому флангу пинкинской позиціи, чтобы оттуда съ тыла напасть на лѣвый флангъ Сулеймана-пашы; но какъ это предположеніе было оставлено, то и сельвійскій почтовый трактъ, къ 10 октября, былъ закрытъ, и лошадьми съ него пополнили убыль лошадей по плевненскому тракту, продолживъ его отъ Парадима до Багота.

На Тырново и Габрово къ Шипкѣ почтового тракта долго не было; всѣ перемѣны въ направленіи почтовыхъ трактовъ согласовались исключительно съ военными потребностями, а не съ потребностью полевой почты. Романусъ объ этихъ перемѣнахъ узнавалъ, какъ о совершившихся событіяхъ.

Въ это время, управлявшій гражданскою частью кн. Черкасскій, умершій въ началѣ 1878 года, хлопоталъ объ устройствѣ мѣстной почты, названной болгарскою, конечно, на русскія деньги и на большія деньги. Кн. Черкасскій громко говорилъ, что онъ хотя и заботится о благосостояніи и цивилизаціи края,

но въ почтовомъ дѣлѣ наиболѣе желаетъ пособить военному вѣдомству. И не задолго до паденія Плевны появился третій отдѣлъ почты — болгарская почта. Эта почта устроена была на подобіе старинной русской вольной почты: выписаны были колонисты изъ окрестностей Одессы и Кишинева, они собирали прогонныя деньги со всего провозимаго и со всѣхъ проѣзжающихъ, въ пользу казны, по 5 копѣекъ металлическихъ съ лошади и версты, или по $7\frac{1}{2}$ в. на наши деньги, но контроля никакого не было, а сами получали отъ казны на каждую лошадь по 100 рублей въ мѣсяцъ. Болгарская почта открыта была по двумъ трактамъ: отъ Систова на Бѣлу, Тырново и Габрово, и отъ Систова на Горный Студень и Плевну; всего было 15 станцій, по 10—11 паръ лошадей на станцію. Колонисты, хозяева лошадей, прибывъ въ Болгарію, тотчасъ смекнули, что для нихъ гораздо выгоднѣе возить пассажировъ налегкѣ съ хорошею подачею на чайекъ, чѣмъ тяжелую почту безъ чая, обступили кн. Черкаскаго и заявили, что они брались возить чемоданчики съ болгарскою почтою, а не тяжелую военную почту. Болгарскихъ же чемоданчиковъ тогда вовсе и не было, хотя кн. Черкасскій и сформировалъ почтовое болгарское управленіе; болгары тогда не имѣли никакой потребности въ отправкѣ писемъ почтою. Это было повтореніемъ извѣстнаго учрежденія рушумскаго губернаторскаго управленія безъ губерніи.

Кн. Черкасскій, боясь, чтобы протестъ колонистовъ не замедлилъ открытія почтовой гоньбы, что и безъ того уже очень запоздало противъ обѣщаній — отказалъ Романусу въ перевозкѣ военной почты на своихъ лошадяхъ. Романусъ, не желая вступать въ личныя пререканія съ болѣзненно-раздражительнымъ княземъ Черкасскимъ, обратился къ его помощнику генералу Анучину, нынѣшнему генералъ-губернатору Восточной Сибири. Анучинъ, державшій себя передъ Черкасскимъ весьма политично, уклончиво отвѣчалъ Романусу: «подождите не много, дѣло уладится, устроится». Дѣло дѣйствительно уладилось, когда Романусъ доложилъ Непокойчицкому о фантазіяхъ Черкаскаго, и Непокойчицкій объявилъ Черкасскому рѣшительное приказаніе главнокомандующаго, чтобы его лошади возили военную корреспонденцію; но и тутъ колонисты, нисколько незаинтересованные въ перевозкѣ почты, возили ее небрежно, часто по цѣлымъ суткамъ задерживали ее на станціяхъ.

Съ паденіемъ Плевны обстоятельства перемѣнились: уже не было надобности на однихъ и тѣхъ же трактахъ содержать и казенную, и болгарскую почтовую гоньбу, а потому 5 декабря,

съ обонхъ указанныхъ трактовъ, казенныя почтовые лошади были сняты и переведены на трактъ отъ Плевны на Правецъ до Орханіи, по пути наступленія отряда ген. Гурки.

Въ началу 1878 г. казенныя почтовые тракты были въ Румыніи отъ Фратешты до Зимницы, и въ Болгаріи отъ Плевны до Орханіи; такъ бесполезно продолжалось дѣло до мая 1878 года. Изъ 172 лошадей, поступившихъ на казенную почту, въ маю 1878 г. осталось 143, пало 29. Первые ямщики и первые старосты на казенной почтѣ были вольнонаемные люди по рекомендаціи префекта города Яссы; но эти люди скоро оказались несоотвѣтствующими своему назначенію и были замѣнены нижними воинскими чинами, сперва изъ кавалерійскихъ полковъ, а потомъ изъ резервныхъ баталіоновъ.

Болгарская почта скоро стала умаляться; колонисты, содержатели лошадей, скупались на дорогой кормъ, раздавали его уменьшенными порціями; тутъ наступили морозы и сѣвѣжныя вьюги, для лошадей не было никакихъ закрытій отъ непогоды, и онѣ падали десятками въ день; еще при открытіи почты былъ некомплектъ лошадей, и вмѣсто подряженныхъ 400 лошадей, прибыло всего 320. Подборъ станціонныхъ смотрителей, старостъ и ямщиковъ былъ болѣе, чѣмъ не надежный, да и тѣ заблѣ въ холодныхъ станціонныхъ домахъ и не имѣли средствъ просушивать не только сбрую, но и свою одежду. Почта кн. Черкаскаго скоро изсякла, и въ апрѣлѣ 1878 г. была уже новая болгарская почта, выставленная подрядчикомъ евреемъ Шернеромъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

Первая мысль объ учрежденіи вольной почты въ Болгаріи принадлежала Шталю и Романусу: они имѣли въ виду и предпринимателя; но кн. Черкасскій вызвался на это дѣло, ссылаясь на личныя отношенія свои въ южно-русскимъ губернаторамъ, которые помогутъ ему. Непокойчидкій въ послѣдствіи сожалѣлъ, что положился на кн. Черкаскаго, который это дѣло затянулъ на 4¹/₂ мѣсяца, съ 1 іюля по 15 ноября, а между тѣмъ упущено было время на усиленіе казенной почты.

III.

Вся дѣятельность нашей полевой почты, въ 1877 — 1878 годахъ, отъ сформированія арміи до ея возвращенія въ Россію, въ частныхъ военныхъ кружкахъ, дѣлилась на четыре періода, или

на 4 «сидѣнія»: кишиневское, плевно-шипкинское, с.-сѣфанское и адрианопольское. Начну съ кишиневского «сидѣнія».

Въ продолженіе почти пятимѣсячнаго томительнаго ожиданія, быть или не быть войнѣ, начальники войскъ и начальники административныхъ отдѣловъ бодрствовали; они спокойно, неторопясь, обдумывали, соображали о предстоящемъ имъ дѣлѣ, они хорошо понимали, что если война состоится, то въ самый моментъ объявленія войны, армія начнетъ наступательное движеніе, и тогда поздно будетъ составлять соображенія, надобно будетъ дѣйствовать. Всѣ хорошо понимали, что въ такомъ сложномъ организмѣ, какъ армія, каждый органъ можетъ дѣйствовать только въ совокупности, въ соглашеніи съ другими органами, что соглашать отдѣльные органы долженъ центральный органъ, поставленный въ арміи положеніемъ объ управленіи ею — начальникъ полевого штаба. Всѣ и обращались къ нему, но генераль-адъютантъ Непокойчицкій флегматически, съ какою-то холодною, давалъ, на примѣръ, такіе отвѣты: «хорошо, но это преждевременно и можетъ повести къ напраснымъ расходамъ»; или: «мысль ваша мнѣ нравится, я подумаю о ней»; или: «вы предпрѣшаете событія». Къ сожалѣнію главнокомандующій: въ то время былъ боленъ и лечился въ Одессѣ. Скоро обнаружилось, что подобные, неопредѣлительные отвѣты Непокойчицкаго происходили не потому, чтобы онъ былъ равнодушенъ къ дѣлу, но единственно изъ желанія осуществить задуманную имъ систему секретничанья. Эта система оскорбила всѣхъ и главныхъ, и частныхъ начальниковъ, недовѣріемъ къ нимъ, заставила всѣхъ дѣйствовать какъ бы въ потемкахъ, никто не зналъ куда и зачѣмъ идетъ, что было впереди и позади его; справа и слѣва, и этой системой Непокойчицкій все-таки не достигъ цѣли: всѣ секреты его скоро обнаружились пресловутымъ товариществомъ по удовольствію арміи, агентами котораго были евреи, и русскіе, и румынскіе, и австрійскіе и другихъ національностей.

Начальникъ полевой почты Романусъ, соображая предстоящіи ему занятія, пришелъ къ убѣжденію, что ему придется преодолѣвать два главныхъ затрудненія: сортировку корреспонденціи и перевозку ея между частями арміи и полевою конторою; доставка же корреспонденціи въ полевую контору возложена была, по уставу арміи, на отдѣлъ почтъ и телеграфовъ.

Сортировка корреспонденціи, идущей изъ арміи въ Россію, не представляла никакого затрудненія, это дѣло привычное для почтовыхъ чиновъ; но сортировка корреспонденціи, прибывающей изъ Россіи въ армію и расходящейся между частями арміи

внутри ея, часто представляла для почтовых чиновъ непреодолимое затрудненіе. Почтовые чины были вовсе незнакомы съ организаціей арміи и съ названіемъ частей, входящихъ въ составъ арміи. И военнослужащіе не вдругъ освоились со вновь сформированными корпусами: М.М. корпусовъ и дивизій, входящихъ въ ихъ составъ, были совершенно перепутаны; на примѣръ, въ 8-мъ корпусѣ были 9 и 14 дивизіи; М.М. же артиллерійскихъ подвижныхъ и летучихъ парковъ, отдѣленій кавалерійскихъ парковъ, М.М. казачьихъ полковъ, М.М. подвижныхъ госпиталей и проч. — не возможно было запомнить. Изъ полевого штаба въ почтовое управленіе была доставлена роспись арміи съ обозначеніемъ всѣхъ полковъ и всѣхъ отдѣльных ея частей, но въ послѣдствіи, для краткости, въ дислокаціяхъ прописывались только крупныя единицы арміи, штабы корпусовъ, дивизій. Почтовые чиновники должны были изучать не только М.М. полковъ, входящихъ въ составъ дивизій, но и названія полковъ, потому что изъ Россіи матери, жены, сестры на конвертахъ обыкновенно не прописывали № полка, а только одно названіе полка, на примѣръ: поручику Орловскаго полка, въ дѣйствующую армію. Въ солдатскихъ письмахъ, на конвертахъ, рельефно прописывалось: «въ такую-то роту», а названіе полка, безъ №, едва можно было разобрать; на конвертахъ, адресованныхъ въ артиллерійскіе парки, госпитали и проч., прописывались не М.М., по которымъ ихъ различали въ арміи, а фантастическія названія по тому мѣсту, откуда они ушли въ армію: на примѣръ, адресовано въ кіевскій госпиталь, и надобно было справляться подъ какимъ № значится въ арміи подвижной госпиталь, бывший изъ Кіева. Прибывающая корреспонденція сортировалась два раза, сперва откладывались конверты, адресованные въ главную квартиру, въ штабы корпусовъ, дивизій, въ разныя управленія и на имя лицъ, извѣстныхъ въ арміи; а потомъ производилась подробная сортировка съ росписаніемъ арміи въ рукахъ, и не рѣдко одинъ и тотъ же конвертъ проходилъ черезъ руки всѣхъ чиновъ въ почтовомъ учрежденіи, и никто не могъ опредѣлить, куда его направить. Такихъ конвертовъ въ почтовыхъ отдѣленіяхъ скоплялось сотнями, а въ почтовой конторѣ тысячами. Не разъ я былъ свидѣтелемъ, какъ почтовые чины упрощивали проходящихъ офицеровъ и писарей пособить имъ въ сортировкѣ писемъ.

Романусъ предвидѣлъ эти затрудненія и, чтобы нѣсколько ознакомить своихъ чиновниковъ съ организаціей арміи, письменно преслалъ Непокойчицкаго, отъ 1 января 1877 г., № 184, чтобы

тотчасъ сформировать почтовые корпусныя отдѣленія и направить ихъ къ своимъ корпусамъ. Романусъ говорилъ, что если отдѣленія формировать въ то время, когда корпуса получаютъ повелѣнїе двинуться впередъ, — отдѣленія отстанутъ отъ корпусовъ, корреспонденція накопится, и первыя дѣйствія отдѣленій страшно затруднятся. Непокойчицкій, отъ 4 января, № 82, отвѣчалъ, что отправленіе къ корпусамъ, расположеннымъ еще внутри имперіи, приготовленныхъ для нихъ почтовыхъ отдѣленій, — признастъ преждевременнымъ. Опасенія Романуса оправдались, но только въ болѣе сильной мѣрѣ, чѣмъ онъ самъ предполагалъ.

Озабочиваясь устройствомъ перевозки корреспонденціи между частями арміи и полевою почтовою конторою, Романусъ, отъ 5 января, № 208, представлялъ Непокойчицкому предположеніе свое, чтобы перевозку эту, примѣняясь къ 5 пункту правилъ объ управленіи почтовою частью при арміи, основать исключительно на казакахъ; а чтобы корреспонденція не скоплялась ни въ полевой конторѣ, ни въ корпусныхъ почтовыхъ отдѣленіяхъ, Романусъ признавалъ необходимымъ, простую корреспонденцію изъ полевой конторы въ отдѣленія пересылать ежедневно; обратно же, изъ отдѣленій въ контору, пересылать корреспонденцію или также ежедневно, или при движеніи корпуса, съ каждойдневки. Денежную корреспонденцію и заказную пересылать два раза и не менѣе одного раза въ недѣлю. Простую корреспонденцію пересылать съ казаками безъ почталіоновъ, заготовивъ для того почтовые кожаные сумки съ широкими ремнями для надѣванія черезъ плечо; страховую же корреспонденцію отправлять всегда съ почталіономъ при казакѣ. Если для почталіоновъ будутъ даваемы казачьи лошади, то и для этой корреспонденціи заготовить только однѣ почтовые сумки; если же казачьи лошади для почталіоновъ не могутъ быть назначаемы, то слѣдуетъ немедленно запастись для почты верховыми лошадьми съ сѣдлами.

Непокойчицкій, отъ 14 января, № 461, отвѣчалъ, что вполне соглашаясь съ цѣлесообразностью предлагаемыхъ мѣръ, онъ будетъ имѣть ихъ въ виду въ то время, когда предстанетъ дѣйствительная необходимость осуществить ихъ на дѣлѣ.

При несостоявшемся немедленномъ формированіи корпусныхъ почтовыхъ отдѣленій, почтовые чины въ Кишиневѣ оставались безъ всякаго дѣла; а какъ въ кишиневскихъ губернской и уѣздныхъ конторахъ занятія очень усилились, по случаю скопленія тамъ арміи, то Романусъ, съ разрѣшенія Непокойчицкаго, прикомандировалъ своихъ чиновниковъ къ кишиневскимъ почтовымъ

учрежденіямъ; это продолжалось до начала апрѣля. Когда по газетнымъ извѣстіямъ, по частнымъ слухамъ и письмамъ стало извѣстнымъ, что война неизбежна; когда стало извѣстнымъ, что манифестъ о войнѣ будетъ объявленъ въ Кишиневѣ въ присутствіи самого Государя, — Романусъ опять письменно, отъ 9 апрѣля, № 543, спросилъ Неповойчицкаго, не пора ли собрать чиновниковъ и сформировать военную почту. На этотъ запросъ послѣдовалъ отвѣтъ Неповойчицкаго уже по объявленіи манифеста о войнѣ, по уходѣ изъ Кишинева 8 корпуса, и когда всѣ корпуса двинулись впередъ: «чтобы Романусъ немедленно сформировалъ 4 корпусныя отдѣленія и 6 мѣстныхъ, въ Леовѣ, Бырадѣ, Измаилѣ, Яссахъ, Фокшанахъ и Галацѣ; чтобы корпусныя отдѣленія на своихъ обозныхъ лошадяхъ присоединялись къ корпусамъ, а мѣстныя отдѣленія будутъ перевезены по желѣзной дорогѣ до ближайшихъ станцій къ указаннымъ городамъ, и чтобы мѣстныя отдѣленія по возможности открыли свои дѣйствія къ 22 апрѣля». Вслѣдъ за тѣмъ дано было знать Романусу, что желѣзная дорога такъ занята перевозкою военныхъ потребностей, что не можетъ взять мѣстныя почтовые отдѣленія: пусть и они слѣдуютъ на обозныхъ лошадяхъ.

Всѣ 10 почтовыхъ отдѣленій были быстро сформированы и отправлены по назначенію. Ближайшія къ Кишиневу мѣстныя отдѣленія открыли дѣйствія даже до 22 апрѣля, а дальнѣйшія къ 26 апрѣля. Корпусныя же почтовые отдѣленія достигли до своихъ корпусовъ спустя 3—4 недѣли по объявленіи войны. Не трудно представить, какую массу корреспонденціи они получили въ первый разъ, и въ какомъ положеніи очутились 3 чиновника отдѣленія. Интересно выступленіе изъ Кишинева корпусныхъ почтовыхъ отдѣленій: тутъ система секретничанья дошла до смѣшного. Романусъ не получилъ ни маршрутовъ слѣдованія корпусовъ, ни указанія пунктовъ, куда придутъ корпусные штабы; ему сообщены были только первые ночлежные пункты, по направленію которыхъ двигались штабы. Почтовые отдѣленія шли по разспросамъ, справляясь куда пошли штабы послѣ ночлега, и были въ постоянномъ страхѣ, туда ли они идутъ, не попали ли они на путь чужого корпуса. О мѣстѣ пребыванія корпусныхъ почтовыхъ отдѣленій, Романусъ узнавалъ или по телеграммамъ отъ нихъ, или по ихъ частнымъ письмамъ, посылаемымъ по румынской почтѣ. Еще была помѣха: по конвенціи, заключенной съ румынами, Романусъ не рѣшался сдавать на румынскую почту въ одномъ и томъ же чемоданѣ и простую, и денежную корреспонденцію; Неповойчицкій рѣшилъ этотъ вопросъ тѣмъ,

чтобы сначала отправлять одну простую корреспонденцію, и чтобы Романушъ командировалъ своего чиновника для соглашения съ румынскимъ почтамтомъ. Это и послужило началомъ скопленія денежной и особенно посылочной корреспонденціи.

Такимъ образомъ, армія наша, вступивъ въ Румынію, болѣе мѣсяца не получала никакихъ извѣстій изъ Россіи; начавшійся въ арміи ропотъ на полевою почту былъ справедливъ, но виноваты ли были исполнительные чины полевой почты въ этомъ первомъ на нихъ ропотѣ, виноваты ли былъ начальникъ почты? Романушъ сдѣлалъ все, чтобы полевая почта могла начать и продолжать свои дѣйствія спокойно, безъ замѣшательства; но ему съ одной стороны не помогали почтовый департаментъ, а съ другой стороны — тормазилъ всѣ его начинанія — его же военный начальникъ.

IV.

Въ началѣ мая 1877 года, вслѣдъ за переездомъ главной квартиры, переехали изъ Кишинева въ Плоешту полевое почтовое управленіе и полевая почтовая контора; отсюда собственно началось дѣйствіе полевой почты.

Тутъ необходимо сказать объ общемъ движеніи письменной корреспонденціи изъ Россіи въ армію и обратно. По статьѣ 40-и правилъ объ управленіи почтовою частію при арміи, съ объявленіемъ войны, всѣ русскія почтовые учрежденія, находящіяся на востокъ отъ Петербурга, Москвы и Кіева, всю простую и бардерольную корреспонденцію, адресованную въ армію, должны были направлять или въ Петербургъ, или въ Москву, или въ Кіевъ, куда было ближе, а петербургскій и московскій почтамты и кievская почтовая контора эту корреспонденцію, въ общихъ чемаданахъ, отправляли прямо въ полевую почтовую контору. Заказная же, денежная и посылочная корреспонденція со всѣхъ почтовыхъ учреждений, лежащихъ на востокъ отъ Петербурга, Москвы и Кіева, помимо столицъ и Кіева, направлялась въ пограничную почтовую контору. Со всѣхъ же почтовыхъ учреждений имперіи, лежащихъ на западъ отъ Петербурга, Москвы и Кіева, вся вообще корреспонденція, и простая, и страховая, адресованная въ армію, направлялась въ пограничную почтовую контору.

Пограничною конторою, или главною почтовою конторою, для сношенія имперіи съ арміей, сдѣлалась маленькая Унгенская

почтовая контора, въ составѣ всего 9 чиновъ; оставаясь въ непосредственномъ подчиненіи почтовому департаменту, она должна была исполнить всѣ требованія и указанія начальника полевой почты. Денежная и страховая корреспонденція съ восточной половиной Россіи и вся вообще корреспонденція съ западной половиной Россіи направлялась, какъ сказано, въ унгенскую контору, и отъ нея въ полевую контору. Уже одна эта передаточная работа для унгенской конторы, требовала, чтобы составъ ея заблаговременно и значительно былъ усиленъ, но департаментъ этого не сдѣлалъ.

По буквѣ положенія о полевой почтѣ, сортировка всей корреспонденціи, прибывающей въ армію, ложилась на полевую контору. Романусъ предвидѣлъ, что этотъ трудъ будетъ непосильный, но преждевременно заявлять о томъ считалъ бесполезнымъ послѣ рѣшительныхъ отказовъ на другія свои представленія; когда же, по объявленіи войны, получилъ неожиданное приказаніе сформировать 6 мѣстныхъ отдѣленій, и у него въ управленіи и въ конторѣ вмѣстѣ оставалось всего 5 чиновниковъ (даже правитель его канцеляріи былъ командированъ заведывать отдѣленіемъ), а о прибытіи почтовыхъ чиновниковъ, высылаемыхъ изъ Россіи на усиленіе полевой почты, ничего не было извѣстно, то Романусъ вошелъ съ рѣшительнымъ представленіемъ къ Немецкоинцкому, что полевая контора, въ настоящемъ ея составѣ, не можетъ справиться съ дѣломъ, и въ случаѣ движенія, она не въ состояніи будетъ взять съ собою не разсортированную корреспонденцію: нѣтъ средствъ возить ее. Романусъ просилъ, чтобы воспользоваться призываніемъ въ той же 40 статьѣ положенія, гдѣ сказано, что отъ главнокомандующаго зависитъ приказать, чтобы вся корреспонденція, идущая въ армію, сортировалась въ пограничной конторѣ, и оттуда корреспонденцію, адресованную въ войска и учрежденія, расположенныя вокругъ и впереди главной квартиры — направлять въ полевую контору; а корреспонденцію, адресованную въ части войскъ и управленія, расположенныя въ тылу главной квартиры, — рассылать прямо въ мѣстныя почтовые отдѣленія, учрежденныя по военнымъ дорогамъ. Главнокомандующій приказалъ привести это въ исполненіе; тотчасъ было сообщено о томъ почтовому департаменту, но департаментъ и тогда гомеопатическими порціями усиливалъ составъ унгенской конторы. Съ прибытіемъ полевой конторы въ Плоешты, Романусъ сообщилъ унгенской конторѣ повелѣніе главнокомандующаго, и тутъ началось бѣдствіе несчастныхъ чиновъ этой конторы. Они работали день и ночь; всѣ заходившіе въ главную

квартиру и въ унгенскую почтовую контору рассказывали, что почтовые чины въ этой конторѣ не походятъ на людей.

Не радостно было и положеніе Романуса въ первые дни по прибытіи въ Плоешты. Полевая контора была завалена устарѣвшею корреспонденціею изъ Кишинева, а изъ Унгенъ всякій день прибывала корреспонденція все въ большемъ и большемъ размѣрѣ; и не мудрено: въ арміи уже подошли 11 и 13 корпуса, шель и 4 корпусъ, и всѣ хозяйственные учрежденія быстро развивались въ огромныхъ размѣрахъ. Полевая контора, занимавшая въ Плоештахъ относительно хорошее помѣщеніе, 5 комнатъ и 2 корридора, представляла интересное зрѣлище: ни шкаповъ, ни полокъ тамъ, конечно, не было, столовъ было мало, и потому всѣ окна и всѣ полы въ комнатахъ и въ корридорахъ были завалены горами корреспонденціи; между этими горами оставались узенькія дорожки для прохода одного человѣка; чиновники, на полу, копошились въ этихъ горахъ. Надобно было съ благоговѣніемъ смотрѣть на это зрѣлище, а находились такіе петербургскіе франты, которые, выходя изъ конторы, тономъ все на свѣтѣ видѣвшихъ и все знающихъ, громко говорили: «что за хаосъ, что за безобразіе! здѣшнимъ почтовымъ чиновникамъ слѣдовало бы поучиться порядку въ петербургскомъ почтамтѣ, — и возгласы свои сообщали въ печать.

Унгенская сортировка въ началѣ мало приносила пользы полевой конторѣ: тамъ чиновники, вовсе незнакомые съ организаціей арміи, переиѣшивали корреспонденцію, и то, что слѣдовало направлять, напримѣръ, въ Галацъ или Яссы, пересылали въ Плоешты и обратно. Съ 15 мая стали прибывать въ Плоешты почтовые чины, назначенные на усиленіе полевой почты. Когда они познакомились съ новымъ для нихъ дѣломъ, и полевая контора поосвободилась отъ залежавшейся корреспонденціи, — Романусъ просилъ унгенскую контору не задерживать корреспонденціи, торопиться пересылкою ея въ Плоешты, но унгенская контора, при всемъ желаніи сдѣлать угодное, была бессильна отъ чрезвычайно увеличивавшагося прилива корреспонденціи изъ Россіи. Ошибки въ сортированіи увеличивались, а слѣдовательно увеличивалась и напрасная пересылка корреспонденціи по румынской почтѣ, или напрасная плата румынамъ. Если департаментъ и составилъ какую-нибудь экономію отъ прогонныхъ, фуражныхъ и суточныхъ денегъ, долженствующихъ быть выданными почтовымъ чиновникамъ, командруемымъ въ армію, то навѣрно, на каждый рубль экономіи, сдѣланной такимъ путемъ, казна переплатитъ да румынамъ лишнихъ 2 рубля. Какъ ни вѣспился департаментъ, но

силою вещей, къ концу 1877 г., принужденъ былъ довести унгенскую контору до 71 чиновника. Не знаю, доходило ли тогда до департамента, что съ мая, въ 8 мѣсяцевъ, прошло чрезъ унгенскую контору изъ Россіи въ армію: простыхъ, бандерольныхъ и періодическихъ отправленій до 6.334,000, а заказныхъ, денежныхъ и посылочныхъ отправленій свыше 700,000 штукъ. Кажется, что унгенская контора увеличила опытность департамента и онъ, съ открытіемъ движенія по Бендеро-Галацкой желѣзной дорогѣ, когда роль унгенской почтовой конторы перенесена была на бендерскую, усилилъ эту контору прямо до 87 чиновниковъ.

Здѣсь говорится только о корреспонденціи, идущей изъ Россіи въ армію, потому что другой корреспонденціи, идущей изъ арміи въ Россію, было хотя и столько же, но обращаться съ нею, какъ полевой почтѣ, такъ и унгенской конторѣ, было гораздо легче.

Во время пребыванія полевой конторы въ Плоештахъ, успѣшному доставленію корреспонденціи въ части арміи, много мѣшала система секретничанья. Непокойчицкій на просьбу Романуса выдать ему диллокацію арміи, спокойно отвѣчалъ, что это ему вовсе не нужно, что онъ знаетъ, гдѣ его корпусныя отдѣленія, пусть туда и направляетъ корреспонденцію. Около 15 мая, по открытіи вновь трехъ мѣстныхъ отдѣленій, впереди главной квартиры, въ Бухарестѣ, Александріи и Журжевѣ, — Романусъ опять спрашивалъ, какимъ войскамъ отправлять корреспонденцію въ тѣ города. Непокойчицкій, послѣ нѣкоторой паузы, отвѣчалъ: «да тамъ войска безпрестанно мѣняются; пусть въ тѣхъ отдѣленіяхъ берутъ повкуда только почту, идущую изъ арміи въ Россію». А между тѣмъ полевая контора отъ агентовъ товарищества по продовольствію арміи знала, какія войска, въ данный моментъ, были въ указанныхъ городахъ и долго ли простоятъ тамъ. Товарищество вело огромную переписку, какъ въ районѣ расположенія арміи, такъ и внѣ его; агенты товарищества очень часто посѣщали почтовые учрежденія; кажется, и преждевременное открытіе трехъ мѣстныхъ почтовыхъ отдѣленій, далеко впереди главной квартиры, сдѣлано по просьбѣ товарищества. Даже диллокація частей войскъ, расположенныхъ въ тылу главной квартиры, неаккуратно высылалась въ унгенскую контору.

Корреспонденція изъ полевой конторы въ части арміи перевозилась преимущественно по румынской желѣзной дорогѣ и румынскою почтой по грунтовымъ дорогамъ; дороги въ то время года были въ хорошемъ состояніи, и особыхъ помѣхъ не было. Нашъ казенный бузео-слободзейскій трактъ не долго помогалъ

въ перевозкѣ корреспонденціи—съ 16 мая по 4 іюня; а казачьей, или верховой почты, между частями арміи вовсе не было устроено.

Давъ надлежащій ходъ полевой почтѣ, Романусъ сокрушался тяжелою для насъ почтовою конвенціею, заключенною съ румынами. Ежедневныя сумочки или постъ-наметки, скоро обратились въ десятки пудовъ, ежедневно приходящихъ изъ Россіи въ армію и отправлявшихся изъ арміи въ Россію. По приблизительному разсчету, въ май мѣсяцѣ, румынская услуга перевозить нашу почту, всякій день обходилась намъ болѣе тысячи рублей, а корреспонденція все возрастала и возрастала; въ началѣ іюня уже приходилось платить румынамъ болѣе 1,500 рублей въ день, а потомъ плата эта превышала 2,500 рублей въ день! Романусъ нѣсколько разъ заявлялъ Непокойчицкому, что необходимо или подвергнуть пересмотру румынскую конвенцію, или, отказавшись отъ нея, принять другіе способы перевозки почты. Непокойчицкій признавалъ дѣльность заявленій Романуса, но тогда военныя распоряженія поглощали все вниманіе Непокойчицаго, и почтовое дѣло оставалось на второмъ планѣ. Когда же, 29 мая, объявлено было привязаніе по арміи, что для перевозки больныхъ и раненныхъ учреждаются санитарныя поѣзда по желѣзной дорогѣ, каждый поѣздъ въ составѣ 30 вагоновъ III класса, и поѣзда будутъ ходить ежедневно, въ опредѣленные часы, въ ту и другую стороны, — Романусъ просилъ Непокойчицаго воспользоваться этими поѣздами, удѣлить ему часть одного вагона, и тогда можно было бы отказаться отъ румынской почты. Непокойчицкій одобрилъ эту мысль и просилъ Романуса письменно изложить ее, что и сдѣлано отъ 4-го іюня, № 1060; въ отвѣтъ своемъ отъ 8 іюня, № 6559, Непокойчицкій просилъ Романуса переговорить по этому предмету съ инспекторомъ госпиталей генераломъ Косинскимъ.

Стоило ли для такого отвѣта писать бумаги и терять 5 дней! Вотъ доказательство, какъ бюрократизмъ преобладалъ въ арміи. Впослѣдствіи было не то, когда кн. Имеретинскій былъ начальникомъ полевого штаба.

Переговоры съ г. Косинскимъ не привели ни къ какому результату. Г. Косинскій откровенно сказалъ, что удѣлить часть вагона для перевозки почты готовъ, но не ручается за аккуратность не только движенія поѣздовъ, а также и отправленія ихъ; очень возможно, что, вмѣсто ежедневнаго отправленія, пройдетъ два, три и болѣе дней между отправленіями поѣздовъ.

Если при заключеніи румынской конвенціи на перевозку нашей почты и при назначеніи числа почтовыхъ чиновъ въ

армію имѣли въ виду весьма небольшую корреспонденцію между арміей и Россіей въ крымскую войну, то и это нельзя принять въ оправданіе, потому что, во-первыхъ, въ крымскую войну на театрѣ военныхъ дѣйствій не собиралась такая масса войскъ, какъ въ послѣднюю войну; во-вторыхъ, въ 20 слишкомъ лѣтъ, прошедшихъ между этими двумя войнами, корреспонденція вообще въ Россіи чрезвычайно увеличилась; и, въ-третьихъ, хотя и въ крымскую войну, какъ и въ послѣднюю, письма въ армію и изъ арміи отправлялись безплатно, но ко времени послѣдней войны грамотность въ народѣ, особенно въ арміи, увеличилась такъ, что нельзя и сравнивать съ тѣмъ, что было 20 лѣтъ назадъ. Во время крымской войны грамотныхъ было не болѣе $\frac{1}{10}$ всего числа нижнихъ чиновъ, а въ послѣднюю войну грамотныхъ нижнихъ чиновъ въ арміи было по меньшей мѣрѣ $\frac{12}{10}$ всего ихъ числа.

V.

Вечеромъ, 13 іюня, внезапно дано было знать, что съ разсвѣтомъ 14 іюня полевой штабъ и всѣ учрежденія при главной квартирѣ выступаютъ изъ Плоешты обыкновеннымъ походнымъ маршемъ. Маршрутъ не былъ данъ и не объявлялось куда пойдутъ. Тотчасъ сообщено было въ Унгены, чтобы приостановили отправку корреспонденціи въ армію, а плоештскому румынскому почтовому бюро сообщено, чтобы почту, находящуюся въ пути на желѣзной дорогѣ, не складывать въ Плоештахъ, а въ Бухарестѣ сдать въ русское почтовое отдѣленіе. На 8-й день пути, 21 іюня, прибыли въ Зимницу, куда подошли всѣ задержанныя почты. Едва разобрались въ Зимницѣ, какъ, 25 іюня, полевая контора при главной квартирѣ перешла въ Болгарію и расположилась на бивуахѣ, не далеко отъ Систова, при селеніи Царевичи; тутъ дневали, и 27 іюня опять походнымъ маршемъ пошли въ Тырново, куда прибыли 30 іюня.

На дневкахъ полевая контора раскрывалась въ палаткахъ. Въ палаткахъ могли помѣститься 3—4 человека; надзоръ по приему, выдачѣ и задержкѣ денежной корреспонденціи чрезвычайно затруднился. Палатки отъ дождя ничего не прикрывали, ихъ пробивало насквозь; въ тихую, жаркую погоду подъ палатками было невыносимо душно, поднять дѣлы палатокъ нельзя было, махѣншіи вѣтерокъ сдувалъ и бумаги, и конверты, такъ что въ ясную погоду предпочитали работать открыто въ подѣ, на сдвѣжѣ. Проходная палаточная жизнь не соответствовала занятіямъ.

по почтовой части: сначала, военный походъ, теплая хорошая погода, новая обстановка, музыка, пѣсни, выѣзды главнокомандующаго съ огромной свитой при сильномъ конвоѣ — все это было ново для мирныхъ почтовыхъ чиновъ, все ихъ занимало; они восхищались тѣмъ, что и они находятся среди военного стана, на лицахъ ихъ выражались радость, довольство. Тогда они и не воображали, что подъ тѣми же самыми палатками ихъ застигнутъ осень, дожди, невылазная грязь, морозы, снѣгъ, мители.

Въ Тырновѣ главная квартира расположилась не въ самомъ городѣ, а въ 3 верстахъ отъ него, бивуакомъ, въ рощѣ. Полевая почтовая контора помѣстилась тутъ же, на фабрикѣ, представлявшей нѣчто въ родѣ усадьбы и называвшейся Марьино.

Почтовые станціи по тырновскому тракту устраивались быстро, вслѣдъ за главною квартирою, но въ весьма маломъ числѣ лошадей, какъ было сказано. Въ перевозкѣ корреспонденціи изъ Зимницы въ Тырновъ лошадямъ Шталя помогали Романусъ обоими лошадьми своего управленія и полевой конторы, а между конторою и корпусными почтовыми отдѣленіями корреспонденція перевозилась исключительно на обозныхъ лошадяхъ тѣхъ отдѣленій, хотя это и не входило въ обязанность обозныхъ лошадей полевой почты.

Сортировка корреспонденціи нѣсколько ускорилась, почтовые чиновники попривыкли, и доставка войскъ доставлялась исправнѣе, система секретничанья нѣсколько ослабла. Вообще пребываніе главной квартиры въ Тырновѣ было временемъ первыхъ нашихъ военныхъ успѣховъ и временемъ цвѣтущаго состоянія полевой почты. Въ это время столичныя газеты доходили въ армию на 9-й, на 8-й и даже на 7-й день, а частныя письма изъ сѣверныхъ и восточныхъ губерній доходили на 12-й, на 11-й и даже на 10-й день. Съ переходомъ главной квартиры въ Горный Студень настало плевно-шипенское сидѣніе.

VI.

Въ Горномъ Студнѣ почтовое управленіе и полевая контора первоначально расположились въ палаткахъ, покуда не очистили отъ навоза скотскій навѣсъ. Навѣсъ этотъ, въ видѣ прямоугольника, длиною около 4 и шириною около 3 сажени, былъ покрытъ тростникомъ, три стороны его были обнесены плетнемъ съ глиняной смазкой, а четвертая, одна изъ длинныхъ, обращенная на сѣверъ, была совершенно открыта. Подъ этимъ навѣсомъ,

съ половины іюля, расположились почтовое управленіе и полевая контора, тутъ ихъ застали осень, снѣгъ, морозы. Подъ этимъ же навѣсомъ и жили почтовые чины, или, для нѣкотораго простора, они прислонялись къ стѣнамъ навѣса съ наружной стороны, устраивая родъ шалашей изъ рогожъ и рогожами прикрывали открытую сторону навѣса отъ сильнаго бокового дождя.

Въ первые два мѣсяца пребыванія въ Горномъ Студнѣ, до второй половины сентября или до наступленія дождей, полевая почта дѣйствовала такъ же, какъ и во время пребыванія въ Тирновѣ; въ корпусныя отдѣленія корреспонденція возилась на обожженныхъ лошадяхъ тѣхъ отдѣленій; изъ Зимницы въ Горный Студень и обратно корреспонденція возилась на лошадяхъ Штала съ помощью обозныхъ лошадей Романуса; только участились пререканія между двумя начальниками почтъ, Шталемъ и Романусомъ, изъ-за почтовыхъ лошадей. Шталь, ссылаясь на усталость своихъ лошадей, по случаю большого разгона, просилъ уменьшать владъ и полагать на пару лошадей не болѣе 10 пудовъ. Романусъ пѣнялъ, что корреспонденція задерживается на почтовыхъ станціяхъ, особенно жаловалось зимницкое почтовое отдѣленіе, что оно съ готовыми, задѣланными чемоданами, долго ждетъ почтовыхъ лошадей, не смотря на неоднократныя требованія.

Корреспонденція постоянно увеличивалась и увеличивалась. Почтовые чины изнемогали подъ бременемъ непосильной работы. Это не фраза, докажу это цифрами, сравнивая съ Одессой.

По официальнымъ отчетамъ почтоваго департамента извѣстно, что въ Одессѣ, въ 1877 году, почтовыхъ чиновниковъ было 89, а въ арміи въ 1 сентября ихъ было 69.

Въ Одессѣ, въ цѣлый 1877 годъ, получено простой, бандерольной, казенной и періодической корреспонденціи 1.606,432; а въ арміи, въ одномъ августѣ, получено 791,750 штукъ.

Каждый день, въ среднемъ выводѣ, въ Одессѣ получалось этой корреспонденціи 4,401; а въ арміи, въ августѣ 25.540 шт.

Въ Одессѣ, заказной, денежной, посылочной, вообще страховой корреспонденціи, въ цѣлый 1877 годъ, получено 149,240; а въ арміи, въ одномъ августѣ, 80,524 штукъ.

Каждый день въ Одессѣ страховой корреспонденціи получалось 409; а въ арміи, въ августѣ, 2,597 штукъ.

Въ Одессѣ 89 чиновниковъ работали спокойно, въ прекрасномъ помѣщеніи, при постоянно правильномъ распредѣленіи занятій между ними; а въ арміи 69 чиновниковъ были раздѣлены между почтовымъ управленіемъ, полевой конторою и 15-ю почтовыми отдѣленіями; они работали при всѣхъ возможныхъ ле-

шеніяхъ, при частыхъ перемѣщеніяхъ съ одного мѣста на другое и, вѣроятно, при неизбежныхъ тревоженіяхъ.

Какъ не удивляться при этомъ равнодушію почтового департамента къ полевой почтѣ! Если почтовый департаментъ возразить, почему же военное начальство, видя явный недостатокъ въ почтовыхъ чинахъ, не усилило полевую почту строевыми офицерами, какъ указывало положеніе объ управленіи арміей, то отвѣчу ему: совѣтъ главнокомандующаго не позволяла сдѣлать это. Въ то время армія была настроена непреодолимымъ желаніемъ вступить въ бой, офицеры порывались сбить турокъ съ ихъ позицій, пренебрегая жизнью, они падали сотнями и все-таки шли вперед; удалить офицера въ то время изъ строя, было равносильно нравственному убіенію его.

Въ первой половинѣ сентября, въ дождливый день, къ обѣду великаго князя главнокомандующаго собралось большое общество; всѣ были въ самомъ мрачномъ настроеніи духа, по случаю только-что полученной донесенія, что огромный турецкій караванъ съ съестными припасами пробрался въ Плевну черезъ нѣтъ кавалерійскій кордонъ. Перебирали по картамъ, гдѣ именно прошелъ караванъ; карты были различныхъ изданій, и по этому предмету завязался маленький споръ. Уже не помню, кто именно, Непокойчицкій, или помощникъ его, генералъ Левицкій, обратился къ Романусу, сидѣвшему далеко отъ великаго князя: «Владиміръ Ивановичъ! По положенію о полевой почтѣ, почтовый департаментъ долженъ былъ снабдить васъ картами театра войны; какія у васъ карты?» Романусъ, черезъ весь столъ серьезно отвѣтилъ: «почтовый департаментъ прислалъ мнѣ только карты Сербіи». Общій хохотъ, нѣсколько разъ замиравшій и вновь возгоравшійся, поправилъ настроеніе духа цѣлаго общества.

Унгенская контора помогала въ сортировкѣ корреспонденціи, это правда, но она отсортировывала только то, что шло отъ Унгенъ до Дуная, а вся задунайская корреспонденція сортировалась въ полевой конторѣ, и эта помощь далеко не уравнивала тѣмъ, что съ наступленіемъ осени болгарская лихорадка не щадила почтовыхъ чиновъ и расходъ почтовыхъ чиновъ на формированіе новыхъ отдѣленій, для прибывшихъ герцогскаго и гренадерскаго корпусовъ и на замѣщеніе мѣстъ заболѣвшихъ—далеко не покрывался прибылью почтовыхъ чиновъ изъ Россіи въ сентябрѣ и октябрѣ.

Правда и то, что для сравненія съ Одессой приведенъ августъ 1877 года, какъ такой мѣсяцъ, въ которомъ явно обнаружился огромный приливъ корреспонденціи; это поддержива-

лось въ сентябрѣ и октябрѣ, затѣмъ приливъ корреспонденціи нѣсколько уменьшился, несмотря на прибытіе гвардіи и гренадеръ. Большое количество писемъ, полученныхъ въ августѣ, можно объяснить тѣмъ, что начавшіяся въ іюлѣ дѣла подъ Плевной, а въ началѣ августа на Шипекѣ, поселили въ Россіи страхъ за судьбу мужей, отцовъ и братьевъ, участвовавшихъ въ тѣхъ дѣлахъ. Можно считать, что съ сентября 1877 по августъ 1878 г., до ухода изъ Турціи гвардіи, гренадеръ 8 и 11 корпусовъ, всякій день, *окруженно*, приходило въ армію:

Простой корреспонденціи	20,000 штукъ.
Страховой	2,000 >

Отправлялось въ Россію:

Простой корреспонденціи тоже	20,000 >
Страховой	700 >

По приливу и отливу корреспонденціи, ежедневная плата румынамъ, согласно конвенціи, стала превышать 2,500 рублей. Романусъ, отъ 12 сентября, № 2,214, вновь представлялъ Непокойчицкому, что необходимо принять какія либо мѣры, и что онъ обращался уже по этому предмету къ начальнику военныхъ сообщеній генералу Каталею, но не получилъ обстоятельнаго отвѣта.

Военные поѣзда отъ Унгенъ до Бухареста и обратно ходили по нѣскольку разъ въ день. Романусъ просилъ Каталея давать ему ежедневно, въ одномъ изъ военныхъ поѣздовъ по полувагону. Каталей, не задолго до сдачи своей должности, отвѣчалъ на словахъ, что взять на себя перевозку почты не можетъ, что безпрестанные случаи задержекъ въ военныхъ поѣздахъ теперь падаютъ на неисправность румынской желѣзной дороги, а если онъ, Каталей, возьметъ на себя перевозку почты, то при всякой неисправности въ почтовомъ поѣздѣ, нареканія посыпятся на него, а надъ нимъ, и безъ того, такъ много и висѣло, и виситъ петель, что новую петлю на свою шею онъ добровольно не возьметъ. Непокойчицкій утѣшалъ Романуса тѣмъ, что съ пріѣздомъ генераль-адъютанта Дрентельна это дѣло можетъ уладиться, и дѣйствительно нѣсколько уладилось.

По конвенціи, румыны обязаны были возить нашу почту по желѣзной дорогѣ отъ Унгенъ до Бухареста или Фратешты, отуда по грунтовому своему почтовому тракту до Зимницы, и тамъ сдавать въ наше почтовое отдѣленіе; корреспонденція изъ арміи направлялась въ наше зимницкое почтовое отдѣленіе, которое передавало ее въ зимницкое румынское почтовое бюро,

а оно уже отправляло корреспонденцію въ Бухарестъ и далѣе. Лѣтомъ случались задержки на румынской желѣзной дорогѣ, такъ что иной день почта въ армию не приходила, но на слѣдующій день приходила разомъ за два дня, что, конечно, мѣшало правильному ходу полевой почты. Съ наступленіемъ же осеннихъ дождей, когда дороги были испорчены и въ Болгаріи, и въ Румыніи, почта частенько не приходила по 2 дня, и разомъ опять за 3 дня. Это приводило контору въ большое затрудненіе, не говоря уже о совершенномъ нарушеніи порядка въ почтовомъ дѣлѣ; сложить трехдневную корреспонденцію было крайне затруднительно. Въ ясный день она сваливалась открыто на дворѣ, тутъ же и разбиралась; нерѣдко раскрытые чемоданы захватывались дождемъ; въ дождливый же день чемоданами заливался весь поднавѣсъ, гдѣ помѣщалась контора, и тамъ негдѣ было пошевелинуться. Еслибы видѣли, что дѣлалось тогда въ полевой конторѣ, то иначе бы говорили о дѣятельности полевой почты. Въ день разобратся было нельзя, и разсылка корреспонденціи въ корпусныя отдѣленія запаздывала еще на лишній день. Армія не знала причину запозданія почты, но почта опаздываетъ, слѣдовательно, подлежитъ нареканіямъ. Вообще всѣ затрудненія и помѣхи въ дѣйствіяхъ полевой конторы всегда отражались на всѣхъ почтовыхъ отдѣленіяхъ въ арміи, и армія ихъ чувствовала. Румыны, получившіе большія деньги за перевозку нашей почты, должны были, по обязанности своему, привести въ исправное состояніе небольшіе свои почтовые тракты отъ Бухареста и Фратешты до Зимницы, но они этого не сдѣлали, и это сходило имъ съ рукъ, по особому тогда въ нихъ снисхожденію нашего высшаго начальства. Да и помимо неисправностей румынъ въ перевозкѣ нашей почты, одна передача почтъ, въ одномъ и томъ же городѣ, изъ румынскаго почтового бюро въ наше почтовое отдѣленіе и обратно, — была лишнею задержкою корреспонденціи.

Часто, очень часто, были и внутреннія причины проволочекъ въ полученіи корреспонденціи, вовсе не зависѣвшія отъ полевой почты. Отъ корпусовъ откомандировывались дивизіи, бригады, полки и проч. въ распоряженіе другого лица. Начальникъ почтоваго корпуснаго отдѣленія спрашивалъ начальника корпуснаго штаба, куда отправить корреспонденцію, примѣрно, такой-то бригадѣ. Обыкновеннымъ отвѣтомъ былъ: «не знаю, ее приказано отправить въ распоряженіе того-то, а какое она получила назначеніе, это намъ неизвѣстно; думаю, что лучше всего возвратитъ корреспонденцію въ полевую контору, тамъ

справятся въ полевомъ штабѣ». Примѣрно на 5-й день корреспонденція той бригады возвращается въ полевую контору, которая спрашиваетъ полевой штабъ, куда отправить корреспонденцію въ такую-то бригаду. Полевой штабъ зачастую давалъ такой отвѣтъ: эта бригада была командирована въ распоряженіе того-то, а какое сдѣлано употребленіе и гдѣ она въ данную минуту, у насъ свѣденій еще нѣтъ,—и корреспонденція лежитъ въ полевой конторѣ, покуда выяснится, гдѣ та бригада. На всю эту проволочку могли быть потеряны недѣли двѣ и болѣе, и тѣ, которые жаждали писемъ изъ Россіи, приходили въ негодованіе и жестоко роптали на почту. Это, повторяю, было очень часто, конечно, не всегда съ бригадами, но съ другими частями войскъ. Отправлять письма въ Россію было всегда легче, чѣмъ получать ихъ; для отправленія письма стоило только опустить его въ кружку ближайшаго почтового отдѣленія, или лично, или чрезъ чье-либо посредство, но и для этого приходилось иногда проходить верстъ 30.

Наступившіе октябрьскіе холода и особенно сырость, пронизывавшая насковозъ, заставили армію нашу понемногу укрываться въ землянкахъ; но полевой почтъ помѣститься въ такихъ землянкахъ было немыслимо—тамъ было и темно и тѣсно. Чины полевого почтового управленія и полевой конторы поневолѣ остались подъ тѣмъ навѣсомъ, подъ которымъ помѣстились въ іюлѣ. Корпусныя почтовые отдѣленія были почти при той же обстановкѣ, какъ и полевая контора, только иногда при нѣсколькихъ лучшихъ условіяхъ, часто даже при худшихъ. Подъ навѣсомъ было холодитѣе, чѣмъ на дворѣ,—туда не проникало солнце, чиновники для занятій отогрѣвали пальцы свои или собственнымъ дыханіемъ, или паромъ надъ самоваромъ; къ несчастью, у нихъ и самоваровъ-то было немного. Наибольшій матеріальный недостатокъ былъ въ совершенномъ неимѣніи столовъ и табуретовъ для занятій; вмѣсто столовъ служили ящики для перевозки корреспонденціи, а сидѣли покуда было сухо—на землѣ, подложивъ что-нибудь подъ себя; когда же съ наступленіемъ дождей, земляной полъ внутри навѣса обратился въ сплошную грязь, то надобно было ухитриться, чтобы устроить какое-нибудь сидѣніе: подбирали кирпичи, камни и кое-какіе обрубки дерева. На этотъ предметъ было обращено вниманіе, ассигнована была особая сумма для приобрѣтенія столовъ и табуретовъ, но въ болгарскихъ селеніяхъ ихъ нельзя было добыть; болгары тогда обходились безъ нашихъ столовъ и сидѣли на полу, по-турецки, подобравъ ноги подъ себя. Если при первомъ

появленіи въ болгарское селеніе и можно было найти нѣсколько столовъ и стульевъ, то вѣдь почтовые учрежденія слѣдовали всегда за тѣмъ штабомъ, при которомъ состояли, а штабъ еще до прибытія почтовой части, забиралъ все, что могло быть ему полезнымъ. Такимъ образомъ, большая часть денегъ, ассигнованныхъ на приобрѣтеніе столовъ и табуретовъ, были возвращены за невозможностью найти тѣхъ вещей.

Очевидно, что почтовый департаментъ, не имѣвшій ни малѣйшаго понятія о положеніи полевой почты и не интересовался узнать поближе о ея бытѣ. Въ доказательство приведу тоже одинъ анекдотъ. Департаментъ, обязанный снабжать полевую почту всѣмъ необходимымъ для ея дѣйствія—что же прислалъ ей?—Массу картонокъ для бумагъ, такихъ картонокъ, которыя пригодны на департаментскіе столы. Это, пожалуй, насмѣшка: прислать картонки на столы къ тѣмъ, у кого и столовъ-то нѣтъ.

Около 20 октября главнокомандующій призналъ необходимымъ перенести свою квартиру ближе къ Плевнѣ. Избрано было маленькое селеніе Боготъ, въ которомъ по предварительномъ его осмотрѣ, оказалось невозможнымъ помѣстить всѣ учрежденія главной квартиры, и тогда полевому почтовому управленію и полевой конторѣ приказано было перейти въ Систовъ, оставивъ при главной квартирѣ небольшое почтовое отдѣленіе. Императорская квартира въ это же время перешла также поближе къ Плевнѣ, въ селеніе Парадимъ.

VII.

Къ 20 октября, Систовъ, тогда губернский городъ, былъ уже переполненъ разными административными учрежденіями. Тамъ были расположены: полевое интендантство съ огромными складами, полевое казначейство, полевой судъ, военная типографія, главная контора товарищества по продовольствію арміи съ огромными складами, отдѣленіе краснаго креста, полевая аптека, управленіе осадной артиллеріи съ артиллерійскими мастерскими, военный госпиталь, лютеранскій госпиталь, средоточеніе интендантскихъ транспортовъ съ несчастными погонцами и проч. Кроме того 50 лучшихъ домовъ были отдѣлены на случай перенесенія въ Систовъ квартиръ императорской и главнокомандующаго, хотя извѣстно было, что ни Государь, ни главнокомандующій никогда не заявляли о желаніи своемъ перенести свои квартиры въ Систовъ. Но въ Систовъ былъ командированъ полковникъ Попова-

повъ, который строго наблюдалъ, чтобы дома, предназначенные подъ главные квартиры, не отдавались ни подъ какой постой.

На долю полевого почтового управления и полевой конторы выпалъ нежилой домъ, отъ котораго отпиривались всё тѣ, которые раньше прибыли въ Систовъ. Домъ представлялъ одну комнату, аршинъ 8 въ длину и ширину, и три конурки; всё окна и двери безъ затворовъ; черезъ окна и двери, да и черезъ стѣны вѣтеръ продувалъ насквозь; была въ домѣ одна болгарская печь, которая нисколько не согрѣвала, но при тонкѣ дымила и грозила пожаромъ; при домѣ былъ навѣсъ, съ боковъ открытый, и крыша котораго протекала; мебели, конечно, никакой не было, но кое-какіе столы и табуреты на скорую руку смастерили саперы и другіе солдаты; домъ былъ такъ холоденъ, что всё почтовые чины были постоянно въ шапкахъ и во всей теплой одеждѣ, кто какую имѣлъ. Въ этомъ домѣ полевая контора пробыла 4 зимнихъ мѣсяца. Дома въ Систовѣ вообще славились своею несогрѣваемостью; домъ гдѣ помѣщалось полевое казначейство по наружному виду былъ барскимъ въ сравненіи съ домомъ, занимаемымъ почтовою конторою, но и тамъ чины за занятіемъ кутились во что только могли.

До прибытія полевой почтовой конторы въ Систовъ о посылочной корреспонденціи ничего особо не говорилось, она была въ общемъ счету страховой корреспонденціи; хотя она была и значительна, но еще не представляла тѣхъ затрудненій, съ которыми нельзя было бы справиться.

По правиламъ о дѣйствіяхъ полевой почты, посылки, отправляемыя какъ изъ Россіи въ армію, такъ и изъ арміи въ Россію, ни въ какомъ случаѣ не могли быть тяжелѣе 6 фунтовъ; только казенныя посылки въ главную квартиру принимались на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и внутри имперіи. Отправка посылокъ изъ арміи въ Россію обставлена была такими условіями, что ихъ отправлялось очень мало; изъ арміи можно было отправлять только подарки, всемилостивѣйше жалуемые, и вещи убитыхъ или умершихъ въ арміи, но завѣщанію покойниковъ и по удостовѣренію о томъ начальства. Слѣдовательно, опять затрудненія для полевой почты могли представлять только посылки, идущія изъ Россіи въ армію.

Чтобы имѣть идею о количествѣ 6-ти фунтовыхъ посылокъ, поступавшихъ въ армію, приведу нѣкоторыя данныя. Въ числѣ показанной страховой корреспонденціи, прибывшей въ армію въ августѣ 1877 года, т. е. въ числѣ 80,524 штукъ, было:

Заказной и денежной корреспонденціи . . . 72,577 штукъ.

Посылокъ 7,947 —

Итого 80,524 —

Въ среднемъ выводѣ, въ августѣ, всякій день приходило 256 посылокъ, что, по 6 фунтовъ на посылку, составляло 38 пудовъ.

По тѣмъ же правиламъ о дѣйствіяхъ полевой почты, Романусъ имѣлъ право, по своему усмотрѣнію, задерживать посылки въ пограничной почтовой конторѣ до тѣхъ поръ, покуда обстоятельства не выяснятся настолько, что можно будетъ отправить ихъ въ армію.

По объявленіи войны, Романусъ сообщилъ въ унгенскую почтовую контору, чтобы не отправлять посылки впредь до увѣдомленія; то же сообщено и кишиневской почтовой конторѣ. Въ Кишиневѣ долго адресовались письма и посылки, покуда Россія узнала, что армія ушла оттуда.

16 мая, поразобравшись въ Плоештахъ съ простою и денежною корреспонденціею, Романусъ телеграфировалъ въ Унгенъ и въ Кишиневъ, чтобы отправляли посылки въ полевую контору; при этомъ, для избѣжанія платы румынамъ, Романусъ, условившись съ начальникомъ военныхъ сообщеній, писалъ въ тѣ конторы, чтобы посылки складывались въ большіе тюки и какъ казенная кладь сдавались на военные поѣзда, непременно при почталіонахъ. Это не быстро приведено было въ исполненіе, да и военные поѣзда тогда ходили безобразно изъ Кишинева въ Плоешты поѣзда приходили на 6-й день, такъ что только 30-ымъ пришли въ Плоешты первые поѣзда съ посылками, и увы! посылокъ оказалось три вагона. Къ счастью Романуса всѣ большіе посылки и много мелкихъ были адресованы въ главную квартиру, въ разныя управленія, въ Плоештахъ же находящіяся, и въ войска, проходившія черезъ Плоешты; и относительно немного посылокъ пришлось отправить въ почтовые отдѣленія. Тогда въ Плоештахъ каждый день были высочайшіе смотры проходившихъ войскъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что большинство посылокъ шло отъ женъ, сестеръ, матерей, бабушекъ, и тутъ рельефно высказалась типичность нашихъ женщинъ; онѣ и въ армію адресовали посылки такъ, какъ адресовали ихъ въ Россіи, въ уѣздный или губернский городъ, гдѣ почтовая контора знаетъ поименно почти всѣхъ жителей. На многихъ посылкахъ, по титулѣ, по обозначеніи имени, отчества и фамиліи, прописывалось коротко: бригадному командиру, или госпитальному чиновнику, или штабсъ-капитану артиллеріи, или безъ всякаго объясненія званія и должности, прямо

«въ дѣйствующую армію». Посылки съ такими адресами, какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и въ послѣдствіи, были истиннымъ бременемъ для полевой конторы: она при всѣхъ передвиженіяхъ должна была возить ихъ при себѣ, повсюду случайно не узнаетъ адресатовъ; въ тоже время такія посылки были и поводомъ къ напраснымъ нареканіямъ на полевую почту. Адресаты по письмамъ знали, что къ нимъ отправлены посылки, но, не получая ихъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, не только роптали, но громко брали почту при всякихъ сборищахъ въ трактирахъ, у маркитантскихъ столовъ и проч.

При переходѣ полевой конторы изъ Плоешты въ Зимницу, Царевичи и Тырновъ, съ 13 іюня по 1 іюля, приостановлена была отправка посылокъ изъ Унгенъ; при переходѣ конторы изъ Тырнова въ Горный Студень отправка посылокъ изъ Унгенъ также приостанавливалась на 10 дней. Въ Тырновъ и въ Горный Студень посылки доставлялись: отъ Унгенъ до Зимницы румынскимъ издивеніемъ, а отъ Зимницы какъ въ Тырновъ, такъ и въ Горный Студень, на почтовыхъ лошадяхъ Штала и обозныхъ лошадяхъ Романуса, и частію наймомъ подводъ. Отъ полевой конторы до корпусныхъ отдѣленій посылки доставлялись на обозныхъ лошадяхъ тѣхъ отдѣленій и иногда съ помощію полковыхъ подъемныхъ лошадей. Эта помощь чаще другихъ войскъ доставлялась изъ рущувскаго отряда и 8 корпуса. Посылки изъ Зимницы прибывали въ полевую контору иногда вмѣстѣ съ письменною корреспонденціею, но чаще отставали отъ письменной корреспонденціи на нѣсколько часовъ и на сутки. Строго соблюдалось, чтобы собственно посылки не задерживали движенія письменной корреспонденціи.

Какъ ни велики были труды и лишенія, переносимыя полевой почтой во время пребыванія въ Горномъ Студнѣ, но удаленіе отъ главной квартиры и перенесеніе почтового управленія и полевой конторы въ Систовъ еще болѣе пугали Романуса, и не безъ основанія: во-первыхъ, изъ всѣхъ частей арміи въ главную квартиру шла наибольшая доля корреспонденціи; на имя множества лицъ, служившихъ при главной квартирѣ, адресовалась корреспонденція для передачи въ разныя части арміи, слѣдовательно, по сдачѣ корреспонденціи въ главную квартиру, въ почтовой конторѣ тотчасъ освобождалось мѣсто для дальнѣйшихъ дѣйствій. Во-вторыхъ, въ главную квартиру всякій день пріѣзжало много офицеровъ и генераловъ съ разныхъ концовъ арміи; всѣ они заходили въ почтовую контору и забирали съ собою корреспонденцію, адресованную не только на ихъ имя, но и на имя

всѣхъ окружавшихъ ихъ, слѣдовательно облегчалась перевозка корреспонденціи въ отдѣленія. Эти же пріѣзжіе офицеры и указывали въ конторѣ мѣстопробываніе тѣхъ адресатовъ, корреспонденція на имя которыхъ залеживалась въ конторѣ, по неопредѣлительности адресатовъ. Въ-третьихъ, наступившая глубокая осень грозила еще большею порчею дорогъ, еще большимъ затрудненіемъ въ доставкѣ корреспонденціи въ отдѣленія, а состояніе перевозки увеличилось, и, въ-четвертыхъ самое главное, предвидѣлся громадный наплывъ тяжелыхъ посылокъ. Это обстоятельство такъ важно, что о немъ слѣдуетъ сказать особо.

Въ Горномъ Студѣ, Непокойчицкій, пригласивъ къ себѣ Романуса, говорилъ, что его высочество главнокомандующій, видя, что уже и теперь въ сырые дни офицеры забнутъ, что въ ноябрь, декабрь и дагѣ будетъ еще хуже; и зная, что у офицеровъ при себѣ нѣтъ теплой одежды, что здѣсь ее пріобрѣсти нельзя, а выписать изъ Россіи, при 6-ти фунтовомъ вѣсѣ посылки, невозможно, спросилъ его, Непокойчицкаго, какъ пособить горю. И вотъ онъ, Непокойчицкій, вмѣстѣ съ его высочествомъ, пришли къ тому убѣжденію, что единственнымъ исходомъ въ этомъ дѣлѣ можетъ быть разрѣшеніе пересылать въ армію посылки вѣсомъ до 1 пуда; въ пудовой посылкѣ, на одного человѣка, можетъ быть доставлена вся необходимая теплая одежда. Романусъ отвѣчалъ, что полевая почта не въ состояніи этого выполнить, что и теперь корреспонденція запаздываетъ на 3, на 4 дня лишніе, противъ того, какъ она могла бы приходиться, что и теперь изъ боязни завалить полевую контору посылками, часто приходится задерживать ихъ или въ Унгенѣ или въ Бухарестѣ; что румынская почта и теперь рѣшительно бессильна доставлять нашу корреспонденцію въ Зимницу; что же будетъ съ пудовыми посылками? Въ Россіи, родственники чиновъ здѣсь находящихся, продолжалъ Романусъ, конечно, обрадуются такому разрѣшенію и, не зная средствъ и состоянія полевой почты, завалить насъ посылками, которыя едва ли и дойдутъ по назначенію. Непокойчицкій, ободряя Романуса, говорилъ: «мы ожидаемъ, что очень скоро откроется движеніе по Поляковскимъ желѣзнымъ дорогамъ, бендеро-галацкой и фратешто-зимницкой, тогда почтовое сообщеніе до Зимницы будетъ совершенно обезпечено». Романусъ на это отвѣтилъ: «тогда и можно будетъ разрѣшить пудовыя посылки». Непокойчицкій съ улыбкою сказалъ: «ну, нѣтъ, я вамъ сообщилъ фактъ свершившійся, мы уже послали телеграмму министру внутреннихъ дѣлъ для объявленія во всѣхъ

газетахъ, что въ армию разрѣшено отправлять посылки вѣсомъ до 1 пуда». Романусу только осталось отвѣтить: «слушаю».

Лица, окружавшія Непокойчицкаго и истинно преданные ему, говорили, что въ Бухарестѣ можно было достать всевозможные предметы теплой одежды, и всѣ видѣли на многихъ лицахъ свиты прелестные кожанчики или поддѣвки, купленные въ Бухарестѣ; а если за нихъ переплачивалось много франковъ лишнихъ, то вѣдь тогда офицеры не очень дорожили франками; что идея о допущеніи пудовыхъ посылокъ принадлежала исключительно одному Непокойчицкому, онъ упросилъ объ утвержденіи этой мѣры, и это было сдѣлано, вѣроятно, съ цѣлю хоть нѣсколько смягчить неудовольствіе русскаго общества, обрушившееся тогда на него, или другими словами, чтобы задобрить общество.

Но всѣ бѣдствія, претерпѣваемыя до сего времени полевою почтою, можно назвать цѣтками; ягодики стали созрѣвать со времени перехода полевой конторы въ Систовъ.

VIII.

Въ концѣ октября и особенно въ ноябрѣ, шоссеиныя и грунтовыя дороги въ Болгаріи и Румыніи, отъ безпрерывныхъ дождей съ перемежающимся снѣгомъ, пришли въ невозможное состояніе. Болгарское шоссе, съ тонкимъ слоемъ щебенки, промокло до того, что щебень, подъ колесами ѣдущихъ телегъ, продавливался внутрь и заплывалъ грязью. Особенно страдала главная артерія нашихъ сообщеній: подъемъ къ Систову отъ нашихъ дунайскихъ мостовъ и первые 10—12 верстъ отъ Систова до раздѣла дорогъ, на Горный Студень къ Плевнѣ, на Бѣлу въ рущунскій отрядъ и прямо на Тырново и Габрово къ Шипкеѣ. На этомъ 10—12-верстномъ протяженіи ежедневно проходило отъ 6 до 8 тысячъ подводъ, и тутъ постоянно вращались тысячи рабочихъ, исправлявшихъ дорогу. Если удастся исправить одинъ участокъ и перейти на другой, то черезъ нѣсколько дней опять нужно было возвращаться на прежній участокъ: вновь насыпанная щебенка растворялась въ грязь, и отъ огромной ѣды маленькія выбоины обращались въ непроходимыя ямы. Не въ лучшемъ состояніи были: и вся дорога отъ Горнаго Студня къ Плевнѣ, и румынскія дороги отъ Бухареста и Фратешты до Зимницы: тамъ, и на объѣздахъ по черноземнымъ полямъ, колеса вязли по ступицу. Почта по такимъ дорогамъ ужъ не проѣзжала, она могла только передвигаться или перетаскиваться.

Почтовые лошади Штала бессильны были перевозить корреспонденцію отъ Фратешты до Зимницы, а отъ Систова въ корпусныя отдѣленія онѣ и не обязаны были возить ее; почта Штала едва справлялась съ перевозкою курьеровъ. Въ помощь обознымъ лошадямъ полевой почты, Романусу разрѣшено было нанимать подводы, и въ октябрѣ, хотя съ трудомъ, но была возможность добывать въ Болгаріи парную воловью подводку по 1½ франка за каждую станцію, но это продолжалось очень не долго; всѣ подводы въ Болгаріи, поголовно, были забираемы для перевозки артиллерійскихъ снарядовъ подъ Плевну. Въ Румыніи, отъ Фратешты до Зимницы, платили за подводку по 1½ полуимперіала; отъ Зимницы же до Систова, всего за 4½ версты, но съ подъемомъ отъ мостовъ къ Систову, за подводку запрашивали по 3½ полуимперіала, или по 28 рублей на наши деньги, чего, конечно, нельзя было дать, и на этомъ разстояніи почта часто перевозилась на понтонныхъ лошадяхъ, по распоряженію начальника переправы, сперва генерала Рихтера, а потомъ по болѣзни Рихтера—генерала Орловскаго ¹⁾, и съ дѣятельною помощію казаковъ, стоявшихъ въ Зимницѣ, о чемъ усердно хлопоталъ и просилъ всѣхъ и каждого начальника зимницкаго почтового отдѣленія Малъевъ.

Въ корпусныя отдѣленія корреспонденція стала перевозиться исключительно на обозныхъ лошадяхъ тѣхъ отдѣленій, а въ главную квартиру—на обозныхъ лошадяхъ полевой конторы. По разстоянію и состоянію дороги, отъ Систова до корпуснаго отдѣленія нельзя было сдѣлать болѣе одного переѣзда въ недѣлю, и на каждую подводку нельзя было полагать болѣе 10-ти пудовъ или 10-ти посылокъ. Если изъ 4-хъ корпусныхъ подводъ одну полагать подъ письменную корреспонденцію и 3 подъ посылки, то въ каждый корпусъ въ недѣлю можно было доставлять по 30 посылокъ, а въ 8 корпусовъ и въ главную квартиру—до 400 посылокъ; прибывало же ихъ изъ Россіи въ недѣлю до 1,400, и были такіе 3—4 недѣли, въ которыя на 1,000 посылокъ прибывало болѣе, чѣмъ могли разослать въ войска. Всѣ наши попутныя почтовые учрежденія были переполнены посылками: унгенская контора, отдѣленія въ Бухарестѣ, Фратештахъ и Зимницѣ и контора въ Систовѣ; всѣ навѣсь при почтовыхъ отдѣ-

¹⁾ Рихтеръ тогда генералъ-маіоръ начальникъ 3-й саперной бригады, а нинѣ генералъ-лейтенантъ начальникъ 16-й пѣхотной дивизіи; Орловскій тогда генералъ-маіоръ свѣтъ его величества, а нинѣ генералъ-лейтенантъ начальникъ 1-й саперной бригады.

ленийъ были завалены, и посылки, несмотря на дождь и снѣгъ, складывались открыто на дворѣ.

Чтобы ускорить доставку въ армію нужнѣйшихъ посылокъ, покойная императрица Марія Александровна разрѣшила принимать посылки у себя во дворцѣ и отправлять въ армію, помимо почты, съ фельдгегерями и другими лицами, ѣдущими въ армію. Фельдгегери, доведя посылки до Систова и видя невозможность дальнѣйшаго своего слѣдованія съ посылками, не рискуя запоздать съ находящимися при нихъ пакетами, оставляли посылки въ Систовѣ у коменданта. Комендантъ, безплодно продавъ попутчиковъ для передачи посылокъ по адресу, долженъ былъ сдавать ихъ на ту же почту.

Въ Румыніи доставка нашей корреспонденціи, отъ Бухареста и Фратешты до Зимницы, достигла крайнихъ предѣловъ. Почтовые лошади тамъ иссякли; нанимать лошадей въ ближайшихъ окрестностяхъ не было возможности; не многіе хозяева, сохранившіе своихъ лошадей, ни за какія деньги не хотѣли возить почту, не смотря на обязательство не налагать на подводку болѣе 10 пудовъ. Румынское правительство принуждено было брать лошадей подъ почту ревизионнымъ порядкомъ, при этомъ бывали большіе безпорядки, ямщики на дорогѣ бросали и нашу, и румынскую почту, а сами убѣгали. Тотъ же неутомимый Малъевъ, извѣщаемый по телеграфу объ отправкѣ почты въ Зимницу и не дождавшись ея, нерѣдко отправлялся на-встрѣчу на своихъ обзовныхъ лошадяхъ, безразлично днемъ или ночью, и найдя на дорогѣ и наши, и румынскіе почтовые тюки и чемоданы, привозилъ ихъ въ Зимницу. Да и доставка всей нашей корреспонденціи отъ Унгенъ до Бухареста часто прекращалась на нѣсколько дней, по случаю поврежденій на румынской желѣзной дорогѣ.

Можно ли было, при такихъ условіяхъ, требовать правильности въ движеніи полевой почты? Возможно ли было соблюдать такую же формальность въ записи и приѣмѣ посылокъ, какъ это требуется въ мирное время? Случалось получать партіи посылокъ безъ всякихъ документовъ, на самыхъ посылкахъ часто стиралась надпись, и нельзя было разобрать кому и откуда онѣ присланы. Случалось, что на имя одного и того же адресата высылалось одновременно двѣ и три посылки, преимущественно изъ Петербурга, но посылки перебывали такъ, что одна посылка съ половиной шубы получена подъ Плевной, а другая половина шубы получалась въ С.-Стефано, гдѣ уже наступила лѣтняя теплота.

И съ пудовыми посылками полевая почта справилась бы все-какъ, еслибы въ нихъ пересылалась только теплая одежда, съ каковою цѣлю онѣ и были разрѣшены; но нѣтъ, забота объ отсутствующихъ друзьяхъ простиралась далѣе теплой одежды. Множество посылокъ, можетъ быть большинство посылокъ были наполнены сыромъ, колбасами, вареньемъ въ ненадежныхъ банкахъ, керой, наливками въ ненадежныхъ бутылкахъ, стеариновыми свѣчами, пирогами кондитерскими и пирогами домашнего издѣлія, конфетами, шоколадомъ и пр., и пр. Еслибы не было посылокъ съ этими снадобами, то съ остальными можетъ быть и справились бы.

Во второй половинѣ ноября, когда главнокомандующій приказалъ кн. Черкасскому перевозить по болгарской почтѣ военную корреспонденцію и письменную, и посылочную, дѣла полевой почты нѣсколько оживились. Въ то же время генералъ-адъютантъ Дрентельнъ, поразобравшись въ тылу въ запущеніяхъ, ему предшествовавшихъ, разрѣшилъ перевозить корреспонденцію какъ на военныхъ, такъ и на санитарныхъ поѣздахъ; отъ Бухареста и Фратешты до Зимницы румынской почтѣ помогали подземными лошадьми частей войскъ, вблизи расположенныхъ. Случалось перевозить посылки и на обратныхъ санитарныхъ подводахъ, доставлявшихъ больныхъ и раненыхъ отъ Зимницы на желѣзнодорожныя станціи. Наступившія въ началѣ декабря морозы до 2^о закрѣпили дороги и облегчили движеніе по нимъ, а перепавшій снѣжокъ еще болѣе сглаживалъ дороги. Все казалось пошло на ладъ, какъ явилось новое препятствіе. Морозъ и снѣгъ усилились, 11 декабря сталъ настоящій русскій санный путь, съ ухабами, сугробами и заносами; саней не было, все ѣздило на колесахъ; 13 декабря морозъ еще усилился, на Дунаѣ показался ледъ; съ утра 14 декабря морозъ и ледоходъ дошли до того, что дунайскіе мосты были разведены, прекратилось сообщеніе Румыніи съ Болгаріей, или Россіи съ арміей. Романушъ въ началѣ декабря въ Боготѣ лично докладывалъ Непокойчицкому, что съ письменною корреспонденціею онъ все-таки справится, но что дѣлать съ посылками, — болгарская почта уже такъ расклевалась, что на нее полагаться нельзя. Непокойчицкій отвѣчалъ: «да, съ посылками! но теперь ужъ не то, отправляйте ихъ, какъ и куда можете». — «Но посылокъ скопилось чрезвычайно много», — говоритъ Романушъ. — «Что же дѣлать, отвѣчаетъ Непокойчицкій, вѣдь это война, а не прогулка».

Нѣсколько дней по Дунаю шелъ такой густой ледъ, что переправляли на лодкахъ только курьеровъ и другихъ одиночекъ,

взавинухъ по экстренной казенной надобности, всякій разъ по письменному разрѣшенію начальника переправы. Для переправы почтовыхъ чемодановъ и важнѣйшихъ предметовъ вѣденія медицинскаго и краснаго креста пользовались тѣми днями, когда ледоходъ рѣдѣлъ; только въ 28 декабря подошелъ пароходъ «Аннета», служившій паромомъ между Зимницей и Систовымъ; онъ буксировалъ нагруженные баржи и могъ принять на себя 600 человекъ. Тому же Малѣеву, начальнику зимницкаго почтоваго отдѣленія, армія обязана была тѣмъ, что русская письменная почта очень рѣдко задерживалась даже и ледоходомъ. Малѣевъ пользовался каждымъ случаемъ для отправки въ Систовъ почтовыхъ чемодановъ, самъ, стоя чуть не по поясъ въ водѣ, помогалъ вываливать чемоданы въ лодку; понтонеры, видѣвше его энергію, конечно усердно помогали ему. Малѣевъ до войны былъ развѣдочнымъ почтовымъ чиновникомъ по московско-курской желѣзной дорогѣ и послѣ войны поступилъ на ту же скромную должность.

Бухарестъ, Фратешты и Зимница переполнялись посылками. Въ Болгаріи почта Штала была перевесена на плевно-орханіевскій трактъ, по пути наступленія ген. Гуріо; болгарская почта умирала, кн. Черкасскій, дотянувъ съ нею до отъѣзда Государа изъ арміи, повидимому, махнулъ рукой на свое дѣтище; только тырнево-табровскій трактъ кое-какъ держался по сравнительно малой тамъ вѣдѣ; фратешто-зимницкая желѣзная дорога еще не была готова, и подвозъ посылокъ отъ Бухареста и Фратешты въ Зимницѣ страшно затруднялся. Обо всемъ этомъ Романусъ доносилъ Непокойчицкому, отъ 18 декабря, и представлялъ необходимымъ принять радикальныя мѣры; Романусъ просилъ немедленно телеграфировать министру внутреннихъ дѣлъ, чтобы высылка посылокъ въ армію была прекращена, или по крайней мѣрѣ уменьшена была вѣсъ посылокъ до 10 фунтовъ; чтобы въ Болгаріи дали въ его пользованіе одно отдѣленіе интендантскаго транспорта для развозки корреспонденціи въ корпусъ, и чтобы въ Румыніи приказано было подъемнымъ конницамъ резервныхъ баталіоновъ перевозить почту отъ Бухареста и Фратешты до Зимницы. Непокойчицкій, отъ 22 декабря, № 14.569, во всѣхъ представленіяхъ Романуса отказалъ, а съ своей стороны предложилъ Романусу, чтобы онъ завелъ свой собственный транспортъ по образцу интендантскихъ и представилъ соображенія по сему предмету. Романусъ, отъ 3 января 1878 г., № 4.375, отвѣчалъ, что формированіе транспорта онъ не можетъ взять на себя, что при немъ нѣтъ ни одного чиновника, который былъ бы сколько-

нибудь опытенъ или свѣдущъ въ этомъ дѣлѣ; что въ настоящее время такъ много больныхъ чиновниковъ, что онъ и безъ того терпитъ большую нужду въ нихъ; что формироваііе вновь транспорта будетъ и очень дорого, и очень продолжительно, транспортъ можетъ поспѣть тогда, когда и надобности въ немъ не будетъ. Отвѣтъ на это, хотя и по телеграфу, былъ запоздалымъ; Неповойчицкій просилъ Романуса разсылать въ войска и письменную корреспонденцію, и посылки на наемныхъ подводкахъ.

Обстоятельства войны измѣнились, ген. Гурко съ гвардіей и 9 корпусомъ Криднера, перейдя Балканы, быстро занялъ Софію и Филиппополь и пошелъ на Адрианополь; Шипка пала; главнокомандующій перешагъ изъ Богота на Габрово и Шипку въ Казанлыкъ, и также наступалъ на Адрианополь съ корпусами: 4-мъ Свобелева, 8-мъ Радецкаго и гренадерскимъ Ганацкаго и съ отдѣльными дивизіями 3 и 24. Въ сѣверной Болгаріи оставались 11, 12 и 18 корпуса, отдѣльныя дивизіи 2 и 26 и резервная дивизія, а въ Добруджѣ 14 корпусъ.

Не задолго до паденія Плевны, изъ Богота, главной квартиры арміи, былъ отправленъ почтою конвертъ въ Тученицу, селеніе, лежащее на 1¹/₂ версты отъ Богота, гдѣ была квартира Тотлебена, или главная квартира плевненскаго отряда. Конвертъ изъ Богота пришелъ въ Тученицу на 9-й день! Одинъ газетный корреспондентъ, разсказавъ этотъ случай, приписалъ его *безтектности* полевой почты, оставшейся однако *ненаказанною* со стороны полевого штаба. А какъ просто объясняется этотъ случай: при переходѣ изъ Горнаго Студня въ Боготъ, Неповойчицкій приказалъ Романусу сформировать почтовое отдѣленіе при главной квартирѣ, и чтобы оно было подвижное, сформировать его въ самомъ ограниченномъ числѣ чиновъ, воспретивъ ему сношенія съ корпусными отдѣленіями, чтобы оно вѣдало простою и денежною корреспонденціею только главной квартиры и сносилось бы исключительно съ одною полевой конторою, почему оно и составлено было всего изъ 2 человекъ; съ другой стороны, этому отдѣленію извѣстно было, что всѣ конверты изъ Богота въ Тученицу и обратно пересылались съ разсылными, конными или пѣшими; и вдругъ конвертъ на почту въ Тученицу! Начальникъ отдѣленія, не придавая значенія этому конверту, не имѣя разсылнаго для отправки его въ Тученицу и, боясь нарушить полученную инструкцію, — отправилъ конвертъ въ полевую контору въ Систово, а оттуда переслали въ Тученицу.

Во время елененской катастрофы, окрестности Тырнова обхвачены были паникой, боялись, что турки появятся прежде, чѣмъ ус-

прѣютъ подойти наши войска. Въ это время подъѣзжала къ Тырнову почта изъ 8 корпуса, двѣ парныя телѣги, съ двумя ящиками и однимъ почталіономъ; сзади нагнали ихъ два верховыхъ казака съ крикомъ: «стой, стой!» Почталіону, знавшему о сосѣдствѣ турокъ, казаки показались черкесами, а русскій крикъ — турецкимъ возгласомъ, и онъ такъ перепугался, что не могъ слова сказать. Казаки приказали ящикамъ сбросить на дорогу почтовые чемоданы, а самимъ вернуться съ ними на елененскую дорогу, гдѣ подъ ранеными сломалась большая телѣга. Казаки объяснили ящикамъ, что отвезя раненыхъ въ тырновскій госпиталь, они могутъ вернуться за почтой, а растерявшемуся почталіону, чтобы еще болѣе его напугать, сказали: «ты, смотри, защищай чемоданы, живой въ руки не давайся», — и почталіонъ, всю ночь и почти весь слѣдующій день, одинъ оставался при чемоданахъ на дорогѣ, и въ его счастье отдѣлался только легкимъ холерическимъ припадкомъ.

В. Д. КРЕНКЪ.

ЖИЛКА.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О ЗОЛОТѢ.

Окончаніе.

XX *).

Итакъ, двухлѣтнее «раздѣленіе» Брагинныхъ съ родней, благодаря ловкому вмѣшательству Головинскаго, закончилось миромъ. Старикамъ надобно «подсигивать» другъ друга, и они съ радостью схватились за протянутую руку.

— Да что онъ вамъ говорилъ-то, Матрена Ильинишна?— спрашивала Татьяна Власьева, угощая въ своемъ домѣ сватью Колобову и сватью Савину.

— Да почѣсть и разговору особеннаго не было, Татьяна Власьева, — объяснили старухи, — а пріѣхалъ да и обсказалъ все дѣло — только и всего. «Чего, говоритъ, вы ссоритесь?» И пошелъ, и пошелъ: и невѣстою припелъ, и золото, и Марфу Петровну... Ну, обнаковенно, всѣхъ на свѣжую воду и вывелъ, даже совѣстно намъ стало. И чего это мы только дѣлили, Татьяна Власьева? Легкое мѣсто сказать: два года... а?... Дѣви бы хоть ссорились, а то только и всего было, что Марфа Петровна переплескивала изъ дому въ домъ.

— Вотъ-вотъ, это самое и есть... Марфа-то Петровна и была заводчицей всему дѣлу!..

Помиравшіяся старушки были рады свалить всю вину на Марфу Петровну; Головинскій предвидѣлъ такой оборотъ дѣла

*) См. ниже: мартъ, 91 стр.

и съ особенной тщательностью обработать именно этот пунктъ. Теперь оставалось только помириться съ Пазухинными и съ Зотушкой; но Зотушка явно избѣгалъ возможности сближенія, а мириться съ Пазухинными, послѣ продѣлокъ Марфы Петровны, въ которыхъ несомнѣнно должна была принимать участіе и Пелагея Миневна, нечего было и думать. Раньше бабушка Татьяна не теряла надежды уладить какъ-нибудь дѣло Нюши и Алешки Пазухина, а теперь она сама была противъ этого брака, благо и дѣвка стала забывать по немногу: дѣвичье горе да дѣвичьи слезы, какъ вѣшній дождь — высохнуть. Разговорамъ старушекъ не было конца. Когда исчерпаны были всѣ подробности и отдѣльные эпизоды недавняго раздѣленія, онѣ принялись разсматривать тѣ обновы, какія завелись въ Брагинскомъ домѣ. Татьяна Власьева вытаскила все, что «милушка» успѣлъ накупить въ послѣднее время на ярмаркахъ въ городѣ. Сваты разсматривали, цѣнили и ахали отъ изумленія, потому что все было такое дорогое, на барскую ногу: столовое и чайное серебро, мебель, ковры, и т. д. Особенный восторгъ старушекъ возбудилъ отдѣлъ бѣлья и платья, потомъ дорогіе подарки Гордѣи Евстратыча снохамъ, Нюшѣ и самой Татьянѣ. Соболя шубка Нюши, золотой «приборъ» Ариши, парчевый сарафанъ бабушки, брильянтовыя серьги, которыя подарилъ Гордѣи Евстратычу Дунѣ за маленькую Таню, — все было осмотрѣно и облюбовано съ пріемами записныхъ знатоковъ своего дѣла. Старушки съ наслажденіемъ ощупывали руками дорогія матеріи и не могли оторвать глазъ отъ золота, заставлявшаго ихъ завистливо вздыхать.

— Чего говорить, богатые вы нынче стали, Татьяна Власьева, — говорила Матрена Ильинична, испытывавшая особенное волненіе. — Рукой скоро не достать... Домъ вонъ какой начали подымать, пожалуй, еще почище Шабалинскаго выйдетъ.

О всемъ было переговорено, все было перемыто до послѣдней косточки, и только никто ни единымъ словомъ не обмолвился о Оенѣ Пятовой, точно она никогда не существовала... Этого чорнаго пятна не могъ смыть съ Брагинскаго золота даже самъ Владиміръ Петровичъ. Въ первое за состоявшимся примиреніемъ воскресенье собрались въ церкви и Брагинны, и Савины, и Колобовы, такъ что эта картина мира окончательно умилила о. Крискента, и онъ попробовалъ связать слово на текстъ: «Что добро или что красно, еже жити, братіе, купиѣ», но не могъ его докончить — слезы радости душили его, и старикъ махнувъ рукой, удалился въ алтарь. А виновникъ этого общаго торжества, т. е. Владиміръ Петровичъ, стоялъ тутъ же въ церкви

въ великолѣпномъ пальто и небрежно крестилъ его лацкана своими торопливыми барскими крестиками.

— Ну, всѣмъ ты взялъ, Владиміръ Петровичъ, а молиться не умѣешь, — начала Головинскаго послѣ обѣдни бабушка Татьяна: — точно въ балабайку играешь... А я еще думала, что ты въ старой вѣрѣ былъ приверженъ!..

Головинскій порядочно зажилъ въ Бѣлоглинскомъ заводѣ, подготавливая дѣло. Между прочимъ, онъ успѣлъ побывать и у Шабалина, и у Пятова, а зачѣмъ туда ѣздилъ — Богъ его знаетъ. «Ужъ, такой, видно, у него характеръ», — рѣшила про себя Татьяна Власѣвна: — «пошелъ-бы да поѣхалъ»... Старуха и не подозрѣвала, что примиреніемъ съ Колобовыми и Савиними Головинскій сразу убилъ двухъ зайцевъ: во-первыхъ, повернулъ на свою сторону самое Татьяну Власѣвну, а во-вторыхъ, расчистилъ дорогу Гордѣю Евстратычу, когда придется хлопотать по винному дѣлу и брать приговоры отъ волостныхъ обществъ. Савины и Колобовы были люди вліятельные и много могли помочь успѣху дѣла.

— Мы съ двухъ сторонъ возьмемъ, — объясналъ Головинскій начинавшему сомнѣваться Гордѣю Евстратычу: — вы будете здѣсь орудовать, а я въ городѣ. Оно какъ по маслу все и сойдетъ...

Нужно сказать, что... ская губернія была по части винной забрана въ сильныя руки одной могучей кучки виннозаводчиковъ, которые вершили всѣ дѣла по своему. Пробраться въ этотъ закодированный кругъ представляло непреодолимныя трудности, и цѣлый рядъ неудачныхъ попытокъ въ этомъ направленіи могъ бы охладить всякаго, но только не Владиміра Петровича. Во главѣ винныхъ тузовъ стояла одна персона изъ херсонскихъ грековъ, нѣкто Жареный, который спавалъ всю ...скую губернію и выплачивалъ казнѣ одного ащизу нѣсколько милліоновъ. Властичество его являлось государствомъ въ государствѣ; онъ былъ всесиленъ въ качествѣ кабацкаго патріарха и не допускалъ никого къ своему золотому руну. Въ его рукахъ были сосредоточены тысячи невидимыхъ нитей, которыми было опутано все кругомъ, а онъ сидѣлъ въ своей паутинѣ и блаженствовалъ, какъ преславшаяся пивка. Гордѣй Евстратычъ стороной слыхалъ о великой силѣ Жаренаго и впадалъ въ невольное уныніе, когда припоминалъ свои жалкія сто тысячъ, которыя онъ выдвигалъ противъ всесильнаго водочнаго короля, окруженнаго, вдобавокъ, цѣлой голодной стаей своихъ компаніотовъ, которымъ онъ позволялъ сососать въ свою долю.

— Сумѣваюсь я насчетъ этого Жаренаго, — не разъ говорилъ Брагинъ Владимиру Петровичу. — Пожалуй, не утонаться за нимъ... Утонить?..

— Ничего не утонить — увѣрялъ Головинскій, — ужъ я все устрою. Мы смажемъ салазки и Жарену. Вы только приговоръ отъ общества возьмите...

Устроивъ свои дѣла въ Бѣлоглинскомъ заводѣ, Владимиръ Петровичъ укатилъ въ городъ, напутствуемый общими благословеніями, какъ добрый гевій. Даже Матрена Ильинична высказалась о немъ въ томъ родѣ, что «истинно Господь послалъ намъ этого Владимира Петровича!» Брагинъ, не теряя дорогого времени, круто повелъ дѣла и самъ принялся объѣзжать заводы и деревни, гдѣ хотѣлъ взять за себя кабаки по общественнымъ приговорамъ; центромъ дѣйствія былъ, конечно, Бѣлоглинскій заводъ. На счастье Брагина осенью кончались сроки приговорамъ, и онъ рассчитывалъ повернуть все по своему, а для этого не скунилъ, гдѣ нужно было, тряхнуть мошной. Расходы были обыкновенные: ведра два воды волостнымъ старичкамъ, четвертной билетъ въ зубы писарю и по таковому же старшинѣ со старостой, а тамъ извѣстная откупная сумма «обществу», смотря по выгодности пунета. Въ общей сложности расходы были довольно чувствительные и быстро унесли изъ Брагинской казны тысячъ двадцать пять, — а тамъ нужно было дѣлать всякое кабацкое обзаведеніе. Головинскій повелъ дѣло не менѣе энергично и, вооруженный широкой довѣренностью Гордѣя Естратыча, пролѣзалъ черезъ десятки игольных ушей уѣздной и губернской администраціи. Нужно было во многихъ мѣстахъ смазать административную машину, а потому являлись часто побочные расходы — угодить «винной генеральшѣ», залучить на свою сторону двѣ-три помпадурши и т. д. Гордѣй Естратычъ получилъ подробные отчеты его неутонимыхъ хлопотъ, причемъ всѣ расходы Головинскій дѣлалъ на свой счетъ, и ихъ сумма превышала даже расходы самого Гордѣя Естратыча, который даже стѣснялся такой щедростью своего тароватаго компаньона.

Въ самый горячій моментъ этихъ трогательныхъ усилій, когда все дѣло было ужъ на-мази, Гордѣй Естратычъ получилъ отъ Головинскаго лапаческую телеграмму: «Все улажено, онъ даетъ отступныхъ вдвое противъ нашихъ расходовъ».

— Ну, шалишь, не на тѣхъ попалъ!.. — соображалъ Брагинъ, торжествуя легкую побѣду. — Мы сами съ усами, чтобы на твои отступныя позариться. Нашелъ глупыхъ!..

Было открыто до двѣнадцати кабаковъ, и дѣло пошло горячо.

Водка не чета даже желѣзной торговлѣ или хлѣбной, не говоря уже о панскомъ товарѣ: всегда тебѣ «мода» на эту водку, — только получай денежки. На желѣзо да на хлѣбъ цѣны все-таки мѣняются, иногда совсѣмъ бываетъ застой въ дѣлахъ, а по винной части все хорошо: урожай — народъ пьетъ съ радости, не урожай — съ голоду. Про заводскихъ да про пріисковыхъ рабочихъ и говорить нечего: они только водкой и держались при своемъ каторжномъ трудѣ. Только одно было не хорошо въ этой винной части — очень ужъ много расходовъ на первый раз: тамъ въ разныхъ части и рвутъ, а доходы тамъ еще собирай. Конечно, дѣло было вѣрное, но все-таки какъ-то жалъ разставаться съ вѣрными денежками. Головинскій нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Бѣлоглинскій, осматривая кабаки, и все таялъ деньги изъ Гордѣя Евстратыча. Дѣло не ждало, и отказать было нелегко.

— Свои-то денежки я всѣ ухлопалъ, — оправдывался Владимиръ Петровичъ: — теперь по-неволѣ приходится тянуть вась... Потерпите, скоро барыши будемъ загребать. Это только сначала расходовъ много, а тамъ пойдетъ совсѣмъ другое. Нанедемъ мы холоду этому Жареному. Самъ пріѣзжалъ ко мнѣ съ отступникомъ, и только не плачетъ.

Эти расходы заставляли Гордѣя Евстратыча крѣпко задумываться, и онъ нѣсколько разъ заводилъ о нихъ рѣчь съ Татьяной Власьевной, которая всегда держала руку Владимира Петровича.

— Штой-то, милушка, ужъ этакой-то человекъ. Ужъ кому-же послѣ этого и вѣрить! — говорила старуха. — Вонъ о. Крискентъ, его дѣло сторона, а онъ прямо говорить: «Господь вамъ, Татьяна Власьевна, послалъ Владимира Петровича, именно за вашу простоту»... И Матрена Ильинична съ Агнесей Герасимовной тоже самое въ голосъ говорятъ...

— Оно, конечно, маминька, только вотъ денегъ-то больно много ухлопали мы: такъ и плывутъ...

— Потерпи, милушка. Какъ быть-то... Деньги дѣло наживное. А ужъ на счетъ Владимира Петровича ты даже совсѣмъ напрасно сумлѣваешься. Вонъ у него самоваръ даже серебряный, ковры какіе, а дома-то, сказываютъ, сколько добра всякаго... Ужъ ужели этакому человеку да не вѣрить, милушка, такъ и жить на бѣломъ свѣтѣ нельзя. Нашто наша Маланья, на всѣхъ фукаетъ, какъ старая конка, а и та: «Вотъ ужъ баринъ, такъ можно сказать, что вваправскій баринъ!»

Постройка новаго дома изъ первому слѣгу вчернѣ была кончена, хотя поставить стропила и покрыть крышу не успѣли.

Домъ вышелъ громадный, даже больше Шабалинскаго, и Гордѣй Евстратычъ думалъ только о томъ, какъ его достроить: противъ смѣты вездѣ выходили лишніе расходы, такъ что вмѣсто пятнадцати тысячъ, какъ первоначально было ассигновано, впору было управиться двадцатью. А между тѣмъ на рукахъ у Гордѣя Евстратыча денегъ оставалось все меньше и меньше, точно они валились въ какую прорву. Съ винной частью Гордѣй Евстратычъ опять запустилъ свою панскую торговлю, во всемъ пожившись на Михалка, который постоянно сидѣлъ въ лавкѣ. Архипъ развѣзжалъ вмѣстѣ съ отцомъ по волостямъ, гдѣ открывались новыя кабаки, и велъ всю счетную часть. Между тѣмъ, выручка по лавкѣ все убывала и убывала, особенно, когда Гордѣю Евстратычу приходилось уѣхать куда-нибудь недѣли на двѣ. Татьяна Власьева давно смѣтила въ чемъ дѣло, но покрывала Михалку, чтобы не поднимать въ семьѣ новаго вздору: Михалко крѣпко зашибалъ водкой, особенно безъ отца. Кромѣ того, въ Бѣлоглинскомъ заводѣ снова появился Володька Пятовъ, и его часто видали въ Брагинской лавкѣ, а это была плохая компанія. Ариша ходила съ заплаканными глазами, но Татьяна Власьева уговаривала ее потерпѣть.

— Ужъ какъ быть-то, голубушка, такое наше женское дѣло, — успокоивала она невѣстку: — теперь вотъ у насъ миръ да благодать, а ежели поднять все съезикова — упаси, Владычица! Тихостью-то больше возьмешь съ мужемъ всегда, а вздорить-то, онъ всегда вадоръ будетъ... подурить-подурить Михалко и одумается. Съ этимъ Володькой теперь связался — отъ него вся и причина выходить...

Савины и Колобовы, конечно, знали о Михалкиныхъ не-порядкахъ, но крѣпились, молчали, чтобы не разстроить только что заварившейся дружбы. Агнесъ Герасимовна потихоньку говорила Аришѣ то же, что ей говорила Татьяна Власьева, прибавляя въ утѣшеніе:

— Ты еще благодари Бога, что Михалко-то одной водкой зашибается, а вонъ Архипъ-то, сказываютъ, больно за дѣвками бѣгаетъ... Ужъ такъ мнѣ жаль этой Дуни, такъ жаль, да и Матрены-то Ильинишны! Только ты никому не говори ничего, Ариша, Боже тебя сохрани.

Дуня была совсѣмъ другого темперамента, чѣмъ Ариша, и точно не хотѣла замѣчать ничего: ей было лѣнь даже шевелиться, и она послѣ перваго ребенка сильно начала толстѣть... Въ дѣтямъ снохи относились неодинаково: Ариша не могла надышаться на своего Степушку, а Дуня иногда даже совсѣмъ

забывала о существованіи маленькой Тани. Гордѣй Евстратычъ относился къ невѣстѣмъ ласково, но немного дулся на Аришу, потому что она всегда напоминала ему о разрывѣ съ Порфиромъ Порфирычемъ. Ариша очень неловко чувствовала себя каждый разъ въ присутствіи свекра, сознавая себя виноватой, хотя Гордѣй Евстратычъ не сказалъ ей ни слова о томъ, что самъ думалъ. Но разъ, когда Гордѣй Евстратычъ пришелъ откуда-то навеселѣ, онъ поймалъ Аришу, въ комнатѣ, одну и проговорилъ.

— Ну, Ариша, ты все еще на меня серднишься?.. А?.. А я такъ ни на кого не сержусь... и глаза закрылъ, будто ничего не вижу. Всѣ вы меня обманываете, кругомъ обманываете... Помнишь Порфира-то Порфирыча? Ничего я тебѣ не сказалъ тогда, все износилъ... Потомъ вы зачали меня съ Михаилой обманывать... А развѣ я слѣпъ?.. Все знаю, все вижу и молчу... Вотъ каковъ я человѣкъ есть, и ты это, Ариша, должна чувствовать. Да...

— Я васъ не обманываю, тятенька... — проговорила Ариша, краснѣя до ушей.

— Не обманываешь? А куда Михайло выручку дѣваетъ? А кто покрываетъ Михайлу, когда онъ безъ меня домой пьяный приходитъ?.. Всѣ хоронятъ...

Гордѣй Евстратычъ нехорошо засмѣялся, и этотъ вызывающій смѣхъ заставилъ Аришу задрогнуть. Его покрытое ровными пятнами улыбающееся лицо было ей хорошо знакомо; она не забыла послѣдней сцены въ лавкѣ и теперь не знала, какъ себя держать: уйти—значить показать, что она подозреваетъ Гордѣя Евстратыча въ дурныхъ намѣреніяхъ, остаться—значить, подать ему поводъ сдѣлать какую-нибудь новую глупость. Эта нерѣшительность и испугъ Ариши забавляли Гордѣя Евстратыча, и онъ, разглаживая свою подстриженную бороду, сдѣлалъ по направлению къ невѣстѣ нѣсколько нерѣшительныхъ шаговъ и даже протянулъ впередъ руки.

— Ну, помиримся, Ариша, — говорилъ онъ. — Да иди жъ мнѣ, не бойся: не кусаюсь... Не хочешь?.. Не любишь?.. Ха-ха... Постой, змѣя, ты отъ меня все равно не уйдешь!

Молчаніе Ариши еще сильнѣе разозлило Гордѣя Евстратыча, и онъ, схвативъ ее за руку, съ сверкающими глазами прошепталъ:

— Слышишь, что я тебѣ сказалъ?.. Я ничего не забылъ... Выбирай изъ любыхъ.

Бѣдная Ариша тряслась всѣмъ тѣломъ и ничего не отговаривала, но когда Гордѣй Евстратычъ хотѣлъ ее притянуть къ себѣ,

она съ неестественной силой вырвалась изъ его рукъ и бросилась къ дверямъ. Старикъ однимъ прыжкомъ догналъ ее и, схвативъ за плечи точно желѣзными клещами, прибавилъ:

— Ты у меня только пикни, я тебя задушю своими руками... Добра моего не чувствуешь, такъ узнай зломъ!

— Тятинька... побойтесь Бога...

— Убирайся, дура!..

Ударомъ кулака Гордѣй Евстратычъ вышвырнулъ невѣстку за дверь, а самъ заходилъ по горницѣ неровнымъ шагомъ.

. Планъ дѣйствія быстро созрѣлъ въ головѣ Гордѣя Евстратыча: подсчитавъ Михалку по лавкѣ, онъ взялъ его къ себѣ, а въ лавку опять посадилъ Аришу. Татьяна Власьевна боялась грозы, но Гордѣй Евстратычъ обошелся съ Михалкой очень милостиво и даже точно не хотѣлъ ничего видѣть.

— Ты у меня смотри, не дури...—коротко замѣтилъ Брагинъ сыну. — Не умѣлъ въ лавкѣ сидѣть, такъ можетъ у меня на глазахъ лучше будешь, а то мы съ Архимомъ совсѣмъ замаялись.

Бѣдная Ариша, какъ и другіе, не могла себѣ объяснить, зачѣмъ Гордѣй Евстратычъ милуетъ Михалку и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отлично понимала, зачѣмъ посадили ее опять въ лавку. Отъ страха она старалась не думать о будущемъ и со страхомъ ждала cadaго новаго дня. Но и здѣсь ея ожиданія не оправдались: Гордѣй Евстратычъ не заглядывалъ совсѣмъ въ лавку, точно совсѣмъ забылъ о ней, хотя Ариша и не вѣрила этому, подозревая какую-нибудь ловушку. А планъ Гордѣя Евстратыча былъ очень не сложенъ. Володька Пятовъ болтался въ Бѣлоглинскомъ и отъ нечего дѣлать навѣрно будетъ шататься въ лавку къ Аришѣ. Брагину этого только и нужно было, и онъ не ошибся въ своихъ расчетахъ. Володька Пятовъ, воспользовавшись отсутствіемъ своего завадычнаго друга Михалки, опять принялся ухаживать за Аришей, которой даже бѣжать отъ него было некуда. Она сразу очутилась между двухъ огней. Воспользовавшись такимъ удобнымъ случаемъ, Гордѣй Евстратычъ, черезъ третью руки натравилъ Михалка на жену. Пьяный Михалко, заставъ въ лавкѣ Володьку Пятова, накинулся на жену и отколотилъ ее всенародно. Скандалъ вышелъ страшнѣйшій. Ариша вернулась домой вся въ синякахъ и даже не искала ни у кого защиты, потому что все равно ей никто не повѣрилъ бы, даже родная мать. Дѣло получило самый щекотливый оборотъ: Татьяна Власьевна держала сторону Михалки, Агнеса Герасимовна только плакала, не смѣя защищать опозоренную дочь. Дома Михалко,

подстрекаемый отцомъ, еще прибавилъ женѣ, не оставивъ у ней на тѣлѣ живого мѣстечка.

— Что, не вкусно носить мужнины-то побои? — смѣялся Гордѣй Евстратычъ надъ избитой невѣсткой. — Я тебя вездѣ достану, змѣя... Тенерь ужъ всѣ знаютъ, какая у тебя вѣра-то!.. Ха-ха... А скажи слово, — все будетъ по твоему.

Ариша молчала, не желая сказать «слова». Это былъ вызовъ на отчаянную борьбу, и Гордѣй Евстратычъ еще сильнѣе привязывался къ неподдававшейся невѣсткѣ. Чтобы окончательно доканать ее, онъ съ дьявольской изобрѣтательностью напустилъ на Аришу сладкогласнаго о. Врисента, который долженъ былъ обратить заблудшую душу на путь истины.

Не добившись цѣли однимъ путемъ, Брагинъ пустилъ въ ходъ другую политику: онъ началъ вездѣ таскать за собой Михалку и свелъ его съ такой компаніей, гдѣ тотъ совсѣмъ закружился. Гордѣй Евстратычъ дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, и относился къ сыну съ небывалой нѣжностью, и только одна Ариша понимала истинную цѣну этой отцовской нѣжности: отецъ хотѣлъ погубить сына, чтобы этимъ путемъ добиться своего. Дѣло кончилось тѣмъ, что Михалко началъ пить формальнымъ запоємъ, какъ пилъ Зотушка, и въ пьяномъ видѣ выкидывалъ всевозможныя безобразія. А Гордѣй Евстратычъ нарочно посылалъ его въ городъ на цѣлыя недѣли съ разными порученіями и не жалѣлъ денегъ, чтобы Михалко пожилъ въ свою долю въ настоящей компаніи. Скоро до Бѣлоглинскаго завода дошли слухи о подвигахъ Михалки въ городѣ, гдѣ онъ безобразничалъ на пропащую, и только одинъ Гордѣй Евстратычъ не хотѣлъ ничего знать. Даже когда Татьяна Власьевна kolejно передала ему эти слухи, онъ только улыбнулся и проговорилъ:

— Вздоръ, мамынька... Мало ли про насъ что болтаютъ съ зависти! Всѣхъ не переслушаешь, мамынька.

— Вотъ каковъ у тебя муженежъ-то! — рассказывалъ Гордѣй Евстратычъ безотвѣтной Аришѣ о подвигахъ Михалки. — А мнѣ тебя жаль, Ариша... Совсѣмъ напрасно ты бѣдуешь съ этимъ дуракомъ. Я его за дѣломъ посылаю въ городъ, а онъ тамъ отъ арфистокъ не отходить... Ужъ не знаю что и дѣлать съ вами! Выкинуть на улицу, такъ, вѣдь, съ голоду подохнете вмѣстѣ и со своимъ щенкомъ.

Ариша какъ-то туго отмалчивалась и даже не плакала.

Наступившее Рождество прошло очень невесело въ Брагинскомъ домѣ, хотя Колобовы и Савины бывали въ немъ для порядка. Всѣмъ было тяжело, а всѣхъ тяжелѣе Аришѣ, которая

видѣла кругомъ себя общее недовѣріе и самыя несправедливыя подозрѣнія. Конечно, Михаило пьянствовалъ отъ худой жены — вотъ общій приговоръ, который раздѣлялся всѣми. Отъ хорошихъ женъ мужья не бѣгутъ къ арфистамъ... Даже пріѣхавшій Владиміръ Петровичъ, которому были такъ всѣ рады, точно онъ могъ избавить Брагинскій домъ отъ одолѣвавшихъ его напастей — и тотъ былъ безсиленъ. Впрочемъ, и самъ Головинскій смотрѣлъ не совсѣмъ весело и подолгу совѣтовался съ Гордѣемъ Евстратычемъ въ своемъ флигельѣ. Дѣло было поставлено и пущено въ ходъ, но Мойша Жареный не дремалъ и повелъ усиленную атаку противъ Брагинскихъ кабаковъ; агенты Жаренаго добывали какіе-то приговоры, открывали кабаки напротивъ Брагинскихъ и отпускали водку не только дешевле, чѣмъ у Брагина, но еще въ долгъ. Очевидно, Жареный торговалъ себѣ въ убытокъ, чтобы только доканать непрощенныхъ конкурентовъ.

— Ничего, нужно только теперь потерпѣть, — утѣшалъ Головинскій. — Скоро надоѣстъ Жареному понапрасну деньгами сорить... Онъ хочетъ насъ запугать, а мы свою линію будемъ выводить.

Эти разговоры въ переводѣ обозначали: денегъ нужно, милѣйшій Гордѣй Евстратычъ... Но Гордѣй Евстратычъ уперся, какъ бѣкъ, потому что отъ его капитала осталось всего тысячъ десять наличными да лавка съ панскимъ товаромъ — остальное все въ нѣсколько мѣсяцевъ ушло на кабаки, точно это было какое чудовище, пожиравшее Брагинскія деньги съ ненасытной прожорливостью.

— У меня больше нѣтъ денегъ, Владиміръ Петровичъ, — рѣшительно заявлялъ Брагинъ своему компаньону.

— Значитъ, мы пустимъ все дѣло ко дну...

— Ужъ какъ Господь уважаетъ... У Жаренаго миллионы, за нимъ не угоняешься.

— Можно и безъ денегъ обойтись, Гордѣй Евстратычъ. Укажите мнѣ хоть одно коммерческое предпріятіе, гдѣ все дѣло велось бы на наличныя? Такъ и мы съ вами сдѣлаемъ: за кредитомъ дѣло не станетъ. Только выдайте мнѣ специальную довѣренность, а тамъ ужъ я все дѣло устрою.

Гордѣй Евстратычъ вѣрно задумался: съ одной стороны — бросай все дѣло, съ другой — залѣзай въ долги какъ другіе коммерсанты. Посовѣтовался съ мамынѣй. Татьяна Власевна усматривала тѣмъ, что ужъ ежели Владиміръ Петровичъ совѣтуетъ, такъ, значитъ, дѣло вѣрное и т. д. Самого Гордѣя Евстратыча сильно подымало желаніе потягаться съ Жаренымъ и по-

казать ему свою силу. Послѣ нѣкотораго колебанія Брагинъ выдалъ довѣренность Головинскому, съ которой тотъ и укатилъ въ городъ. Можетъ быть, послѣдняго Гордѣй Евстратычъ и не сдѣлалъ, еслибы у него на умѣ не было своей заботы, которая не давала ему покоя ни днемъ, ни ночью, и онъ все время бродилъ точно въ какомъ туманѣ.

XXI.

Какъ-то послѣ Рождества, однажды вечеромъ Татьяна Власьева особенно долго не спалось. Старое, семидесятилѣтнее тѣло сильно «тосковало»; старуха никакъ не могла уложить свои кости поспокойнѣе и все къ чему-то точно прислушивалась. Ночь была ясная, мѣсячная, морозная. Слышно было какъ на улицѣ скрипѣли полозья, какъ проѣзжали въ фабрикѣ углевозы и какъ хрипло покрикивали на лошадей полузамерзшіе люди. Пропѣли вторые пѣтухи, когда Татьяна Власьева начала забываться, но этотъ тревожный сонъ былъ нарушенъ какимъ-то подавленнымъ стономъ. Вскочивъ съ постели, Татьяна Власьева бросилась къ Нюшѣ, но та спала ровнымъ, спокойнымъ сномъ, раскинувъ руки на подушкѣ; старуха торопливо принялась крестить внучку, но въ это время подозрительный звукъ повторился. Онъ походилъ на то, еслибы человѣкъ усиливался крикнуть съ крѣпко зажатымъ ртомъ. Теперь Татьяна Власьева ясно разслушала, что этотъ звукъ донесся изъ каморки Ариши, гдѣ она спала одна съ своимъ Степушкой. Первой мыслью старухи было то, что это непременно забрался въ нимъ Володька Пятовъ, котораго она видѣла третьяго дня. Какъ была, на босу ногу, Татьяна Власьева пошла въ Аришиной каморкѣ, захвативъ на всякій случай спичекъ; она никого не боялась и готова была вытащить Володьку за волосы. Когда она уже была въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Аришиной каморки, тамъ послышалась какая-то глухая борьба. Чиркнувъ на-скоро спичкой о стѣну, Татьяна Власьева остановилась въ дверяхъ этой каморки и съ ужасомъ отступила назадъ: колеблющійся синеватый огонекъ, разгоравшейся сѣрянки выхватилъ изъ темноты страшную картину борющихся двухъ человѣческихъ фигуръ... Это была Ариша съ разбитыми волосами и побагровѣвшимъ отъ напряженія лицомъ, на которомъ еще оставались бѣлыми пятнами слѣды отъ чьихъ-то желѣзныхъ пальцевъ. Ее за руки держалъ Гордѣй Евстратычъ, весь багровый съ трясшимися губами. Увидавъ мать, Гордѣй Евстра-

тычъ бросился въ дверь. По дорогѣ онъ сильно толкнулъ мать и сейчасъ же заперся въ своей горницѣ.

— Что же ты не кричала?—спрашивала Татьяна Власьева, когда немного пришла въ себя.

— Я кричала... онъ мнѣ ротъ зажималъ...—отвѣтила Ариша.

У Ариши еще стояли въ ушахъ страшныя слова Гордѣя Евстратича: «Ты у меня змѣя, помини Кокина... слышишь?» Это того Кокина, который зарѣзалъ родную внучку.

— Бабушка, онъ убьетъ Степушку...—прошептала Ариша и тихо заплакала.

Сдержанныя рыданья матери заставили ребенка проснуться и, взглянувъ на мать и на стоявшую въ дверяхъ съ зажженной восковой свѣчей бабушку, ребенокъ тоже заплакалъ. Этотъ ребячій плачъ окончательно отрезвилъ Татьяну Власьевну, и она, держась рукой за стѣнку, отправилась къ горницѣ Гордѣя Евстратича, который сначала не откликнулся на ея зовъ, а потомъ отворилъ ей дверь.

— Ты не глуми, мамынька...—говорилъ онъ въ отвѣтъ на слезы и упреки матери. — Надо сперва еще разобрать дѣло-то. Можетъ, тогда другое заговоришь. Ариша-то...

— Врешь!.. врешь!.. Побойся Бога-то...

— Ей-Богу, мамынька!

Старики ссорились часа два, а когда Татьяна Власьева пошла къ себѣ въ комнаты, комната Ариши была уже пуста: схвативъ своего Степушку и накинувъ на плечи Нюшину заячью шубейку, она въ однихъ башмакахъ, на босу ногу, убѣжала изъ Брагинскаго дома. Ясное дѣло, что она пошла къ своимъ и тамъ все разболтаетъ сейчасъ же. Дѣло получить огласку и покроетъ поворотъ всю Брагинскую семью... А можетъ, Ариша побѣжала топиться? Черезъ пять минутъ Татьяна Власьева, задыхаясь, бѣжала къ Савинскому дому, не чувствуя тридцатиградуснаго холода, щипавшаго ей лицо и руки. Завидѣвъ издали, промигивавшій сѣвовой ледяную мглу морозной ночи огонекъ въ нижнемъ этажѣ Савинскаго дома, Татьяна Власьева перекрестилась: Ариша была дома. Чтобы окончательно увѣриться въ этомъ, старуха добрела до самаго Савинскаго дома и сѣвовой щель въ ставнѣ увидѣла Аришу, которая рассказывала все Самойлу Михѣичу и Агнѣю Герасимови. Все было кончено... Теперь уже никакими силами не остановить худой славы, которая молніей облетитъ вмѣстѣ съ зарей весь Бѣлоглинскій заводъ; теперь нельзя будетъ и носу нигуда показать, всѣ будутъ указывать пальцами... Что будетъ съ Нюшей послѣ такой славы? Что будутъ дѣлать Ми-

халко и Архипъ?.. Обратно Татьяна Власьева брела почти цѣлый часъ, разбитая, уничтоженная, огорченная; она не чувствовала своихъ старыхъ слезъ, сыпавшихся у ней изъ глазъ, и сейчасъ же стывшихъ на воротничѣхъ шубы. Срамъ, стыдъ, позоръ... И кто же все это надѣлалъ? Милушка, Гордѣй Евстратычъ...

Дома Татьяна Власьева застала всѣхъ вставшими. Дуня съ маленькой Таней забралась въ Нюшѣ въ комнату, и онѣ заперлись даже на замокъ со страху. Ворота были отверены, въ горницѣ Гордѣя Евстратыча было темно и тихо, какъ въ могилѣ. Завидѣвъ блѣдную посинѣвшую бабушку, Нюша и Дуня разревѣлись; онѣ уже знали, что Ариша убѣжала, и отъ чего она убѣжала. Татьяна Власьева, не раздѣваясь, бесильно опустилась на первый стулъ и, закрывъ глаза, сидѣла неподвижно, какъ статуя. Нюша боялась спросить ее, гдѣ Ариша и что съ ней. Такъ онѣ втроемъ просидѣли въ одной комнатѣ вплоть до свѣту, когда Маланья прибѣжала сказать, что пріѣхалъ Самойло Михѣичъ.

— Не надо... не пускай,—преговорила Татьяна Власьева, точно просыпаясь отъ своего раздумья.

Самойло Михѣичъ долго стучался въ ворота, грозилъ судомъ и проклиналъ Гордѣя Евстратыча, на чемъ свѣтъ стоялъ. Въ окнахъ Пазухинскаго дома мелькали любопытныя лица; останавливались прохожіе, двое мальчишекъ, пересказывая съ ноги на ногу, указывая пальцами на окна Брагинскаго дома.

— Выходи, снохачъ!! я съ тобой рассчитаюсь сейчасъ же!.. — кричалъ неистово Самойло Михѣичъ. — Эй, Гордѣй Евстратычъ, что спрятался?..

Расходившійся старикъ колотилъ кулаками въ стѣну Брагинскаго дома и плевалъ въ окна, но тамъ все было тихо, точно всѣ вымерли. Гордѣй Евстратычъ лежалъ на своей кровати и вздрагивалъ при каждомъ вскрикиваніи неистовствовавшего свата. Если бы теперь попалась ему подъ руку Ариша, онъ ее задушилъ бы, какъ котенка.

Черезъ часъ весь Бѣлоглинскій заводъ уже зналъ о случившемся. Марфа Петровна успѣла побывать у Колобовыхъ, Плятовыхъ, Шабалиныхъ и даже у о. Крисента и вездѣ наслаждалась величайшимъ удовольствіемъ, какое только въ состояніи была испытывать: она первая сообщала огромную новость и задыхалась отъ волненія. Конечно, Марфа Петровна успѣла при этомъ кое-что прибавить, кое-что прикрасить, такъ что скандалъ въ Брагинскомъ домѣ повалился по всему Бѣлоглинскому заводу, какъ снѣжный комъ, увеличиваясь отъ собственнаго движенія.

— Съ ножомъ бросился на Аришу... вотъ сейчасъ провалиться!.. — утѣряла у Шабалиныхъ Марфа Петровна. — А она, Ариша-то, какъ вырвалась отъ Гордѣя Евстратыча, такъ въ одной рубахѣ и прибѣжала къ своимъ-то... Нарочно ходила къ нимъ и своими глазами видѣла Аришу: какъ Гордѣй Евстратычъ душилъ ее, какъ у ней и теперь всѣ пять пальцевъ такъ и отпечатались на лицѣ. Онъ и Степушку хотѣлъ зарѣзать, да старуха помѣшала... А Михалки дома нѣтъ, онъ въ городѣ. И Архипъ тоже... А какъ Самойло — то Михѣичъ ихъ срамилъ утромъ: «снохачи!» такъ и реветъ у воротъ, а самъ на стѣны выдается.

У Шабалиныхъ Марфа Петровна услышала другую не менѣе интересную новость, которую ей разсказалъ самъ Вуколъ Логинычъ, именно, что Брагини разорились на кабакахъ. Шабалинъ только что вернулся изъ города, гдѣ и слышалъ эту новость.

— Влетѣлъ, какъ куръ во щи! — хохоталъ Вуколъ Логинычъ. — Впередъ наука... Вадумалъ тягаться съ Жаренымъ... Ха-ха!.. Да тутъ весь нашъ Бѣлоглинскій заводъ выворотить, такъ всѣхъ нашихъ потроховъ не достанетъ. Это его Головинскій отполировалъ...

Шабалинъ на этотъ разъ не лгалъ. Дѣйствительно, Гордѣй Евстратычъ сейчасъ послѣ удаленія ругавшагося старика Савина получилъ отъ Головинскаго такую телеграмму: «Нужно пятьдесятъ тысячъ. Иначе мы погибли». Достать такую сумму нечего было и думать, и Гордѣй Евстратычъ понялъ, что онъ теперь разорился въ нуль и прахъ. Онъ показалъ телеграмму матери и торопливо началъ одѣваться.

— Ты куда? — сурово спрашивала Татьяна Власьевна.

— Въ городъ, мамынька... — коротко отвѣтилъ Гордѣй Евстратычъ, натагивая въ рукава оленью доху. — Надо... не знаю, ничего не знаю, мамынька... мы разорились... Прощай, мамынька... Береги Ньюшу...

Даже не простившись съ дочерью, Брагинъ вышелъ изъ комнаты и въ сѣняхъ лицомъ къ лицу встрѣтился съ Матреной Ильинишной, которая испуганно отшатнулась отъ него, какъ отъ зачумленнаго. Они постояли другъ противъ друга нѣсколько мгновеній. Потомъ Гордѣй Евстратычъ бросился во дворъ и торопливо вышелъ на улицу. Онъ пошелъ прямо къ знакомому ямщику, велѣлъ заложить лучшую тройку и черезъ полчаса былъ на дорогѣ въ городъ. Шелъ легкій снѣжокъ, морозъ быстро спадалъ, ямщикъ лихо правилъ тройкой, которая быстро неслась по избитой ступеньками широкой дорогѣ, обгоняя попадавшіеся

обозы. Гордѣй Евстратычъ лежалъ въ кошевой, на охапѣ сѣна, и безучастно смотрѣлъ по сторонамъ, точно человѣкъ, который медленно и тяжело просыпался послѣ сильнаго хлороформированія. За нимъ гнались страшные тѣни и призраки... Мертвая Оея, какой онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ въ гробу, отчаянно защищавшаяся Ариша, плакавшая въ своей горенкѣ Нюша, убитая горемъ маминька съ ея посинѣвшимъ страшнымъ лицомъ.

Въ это время въ Брагинскомъ домѣ происходила такая сцена. Матрена Ильинична сидѣла въ комнатѣ Татьяны Власьевны, не снимая шубы и говорила своей сватьѣ:

— Я пришла за Дуней, Татьяна Власьевна...

— Не пушу,—коротко отвѣчала Татьяна Власьевна.

— Пустишь... Вы тутъ снохъ рѣжете, а мы будемъ на васъ глядѣть. Есть и на васъ судъ, сватья...

— Все-таки не пушу. У Дуни есть мужъ, это его дѣло... Гордѣй Евстратычъ уѣхалъ въ городъ, я не могу безъ него.

— Силкомъ уведу, ежели добромъ не отдашь.

— А судъ?

— И судъ будемъ судить... Найдемъ и на васъ управу. Снохачей-то и на судъ не похвалятъ, сватьюшка. Дуняша оболочайся...

— Дуня, не смѣй, а то прокляну.

— Дуняша, оболочайся, пусть клянеть: грѣхъ на моей душѣ...

Старухи повздорили и сильно разгорячились.

— Ариша напраслиной обнесла Гордѣя Евстратыча... говорила Татьяна Власьевна.—Передъ Богомъ отвѣтить.

— Ладно, ладно... Будетъ вамъ снохъ-то тиранить. Кто Володьку-то Пятова въ Аришѣ подвелъ? Кто Михалку наущалъ жену колотить? Кто спавалъ Михалку? Это все вашихъ рукъ дѣло съ Гордѣемъ Евстратычемъ... Вишь, какъ забили бабенку! Разъ у добрыхъ людей глазъ нѣтъ... Дуняша оболочайся!.. А те я сейчасъ въ волость пойду или станового приведу... Душу-то христіанскую тоже не дадимъ губить.

Татьяна Власьевна испугалась станового и покорилась. Дуня на скорую-руку одѣлась во что попало, закутала маленькую Таню въ шубу и ушла за матерью. У воротъ ихъ дождалась лошадь. Въ Брагинскомъ дому осталась теперь только Татьяна Власьевна съ Нюшей да кривая Маланья, которая была и голосила въ своей кухнѣ, какъ по покойникѣ. Нюша сидѣла съ ногами въ своей кровати и, казалось, ничего не понимала, что творилось кругомъ; она была свидѣтельницей крупнаго разговора спорившихъ старухъ и теперь даже не могла плакать. Ей тоже хотѣ-

люсь бѣжать изъ этого проклятаго дома, но куда?!.. Дѣвушка боялась даже бабушки, которая ходила по комнатамъ, какъ помѣшанная, и торопливо прибирала все въ сундуки, щелкая замками.

— Нюша... гдѣ ты?—спрашивала Татьяна Власьевна, вспоминая о внучкѣ.

— Я здѣсь, бабушка...

— Чего ты смотришь: прибери скорѣе!..—загорчала на нее Татьяна Власьевна, сваливая на руки Нюши ворохъ снятыхъ скатертей, изъ которыхъ выкатились на полъ два мѣдныхъ подсвѣчника.—Да поворачивайся... Чего ты глаза-то вытаращила?

Нюша машинально подобрала валившіяся изъ рукъ скатерти и продолжала смотрѣть на бабушку испуганными остановившимися глазами. Татьяна Власьевна только теперь догадалась, что Нюша слышала весь разговоръ Матрены Ильиничны.

— Нюша, что съ тобой, милушка?..

— Бабушка... родимая...

Нюша съ рыданіями повалилась на свою постель, обхвативъ обѣими руками сунутыя ей бабушкой скатерти. Но это молодое горе не въ состояніи было тронуть Татьяны Власьевны, и старуха увѣренно проговорила:

— Не вѣрь, милушка, никому не вѣрь... Зря всѣ болтаютъ, а съ Ариши взыщетъ Господь за напраслину.

— Бабушка, да вѣдь не даромъ же Ариша-то убѣжала ночью?..

— Со злости убѣжала она, со злости, милушка... И всѣхъ насъ напраслиной обнесла, за наше-то добро.

Татьяна Власьевна теперь сама вѣрила своимъ словамъ и тому, что ей говорилъ Гордѣй Евстратычъ объ Аришѣ. Конечно, она его затащила къ себѣ въ комнату, а потомъ нарочно закричала, чтобы показать свекра снохачемъ: этимъ и хотѣла покрыть свой грѣхъ съ Володькой Пятовымъ. Хитра змѣя... Чѣмъ дальше думала въ этомъ направленіи сходявшая съ ума старуха, тѣмъ она сильнѣе убѣждалась въ правотѣ напрасно обнесеннаго сына.—Статешное ли дѣло, чтобы Гордѣй Евстратычъ сталъ заниматься такими мерзостями... Конечно, его подвела Ариша, а Аришу научили другіе, тѣ же Пазухины. Имъ это на руку... Гляди-жо, какъ поднялся даде Самойло-то Михѣичъ, чуть зубами не грызетъ ворота, а самъ кругомъ виноватъ—выростилъ дочь-потаскушку.

Этотъ рядъ мыслей парализировался извѣстіемъ о разореніи. Татьяна Власьевна плохо поняла въ первую минуту значеніе

этого страшнаго слова, и только теперь оно представилось ей во всей своей реальной обстановкѣ, со всѣми подробностями. Едва ли она испугалась бы въ такой степени, если бы ей объявили смертный приговоръ, потому что тогда погибла бы она одна, а теперь все кругомъ нея рушилось, и точно даже шатались стѣны батюшкина дома. Кстати, Татьяна Власьева припомнила, что на той недѣлѣ выпалъ жирнѣе изъ батюшкиной печи и что потомъ она видѣла сразу три дня во снѣ эту печь: печаль и вышла... Ужъ это всегда такъ бываетъ, что печь видятъ къ печали да къ горю.

— Надо все прибирать... скорѣе прибирать! — говорила вслухъ Татьяна Власьева, торопливо обходя всѣ горницы и собирая все, что попадалось подъ руку, чтобы спрятать и запереть въ сундуки.

Можно было подумать, что старинный Брагинскій домъ охваченъ огнемъ, и Татьяна Власьева спасала отъ разливавшагося пожара послѣднія крохи. Она заставляла и Нюшу все прибирать и прятать и боязливо заглядывала въ окна, точно боялась, что вотъ-вотъ найдутъ неизвестные враги и разнесутъ Брагинскіе достатки по перышку. Нюша видѣла, что бабушка не въ своемъ умѣ, но ничего не возражала ей и машинально дѣлала все, что та ее заставляла.

— Гляди-ко, Нюша, вѣдь это у Пазухиныхъ изъ-за косяка подглядываютъ за нами, — говорила Татьяна Власьева. — Марфа Петровна... она... Этакая злыдня!.. Нюша, милушка, гдѣ у насъ ложки-то серебрянныя?

— Въ шкапу, бабушка...

— Ахъ, грѣхъ какой! Да, вѣдь шкафъ-то стеклянный, все видно... Тащи все въ сундукъ, а то какъ разъ...

Въ открытые сундуки, какъ на пожарѣ, безъ всякаго порядка укладывалось теперь все, что попадало подъ руку: столовое бѣлье, чайная посуда, серебро и даже лампы, которыя Гордѣй Евстратычъ недавно привезъ изъ города. Скоро сундуки были полны, но Татьяна Власьева заталкивала подъ отдувавшуюся крышку еще снятые съ мебели чехлы и заставляла Нюшу давить крышку коленкомъ и садиться на нее.

— Оно вѣрнѣе будетъ, какъ подъ замкомъ-то, — говорила Татьяна Власьева, связывая всѣ ключи на одну веревочку.

XXII.

Приѣхавъ въ городъ, Брагинъ прежде всего отправился, конечно, къ Головинскому, который встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями и, подхвативъ подъ руку, съ соболѣзнованіемъ говорилъ:

— Что дѣлать, Гордѣй Евстратычъ... что дѣлать!

— Да, вѣдь, вы меня разорили, Владиміръ Петровичъ!.. сдерживая бѣшенство, отвѣчалъ Брагинъ. — У меня больше расколотого гроша нѣтъ за душой... Понимаете: гроша нѣтъ!..

Головинскій поднялъ плечи и брови и, разставивъ широко ноги, внушительнымъ полуголосомъ повторилъ нѣсколько разъ одну фразу:

— Я тоже все потерялъ... Понимаете: рѣшительно все!..

— Да, вѣдь, вы обѣщали мнѣ золотыя горы?.. — ужъ закричалъ Брагинъ, хватаясь за голову. — Вы меня обманули!.. разорили!.. Вы меня со всей семьей пустили по міру...

Брагинъ тяжело упалъ въ кресло и рванулъ себя за покрывные сильной просѣдою волосы. Съ бѣшенствомъ расходившагося мужика онъ осыпалъ Головинскаго упреками и руганью, нѣсколько разъ вскакивалъ съ мѣста и начиналъ подступать къ хозяину съ сжатыми кулаками. Головинскій, скрестивъ руки на груди, далъ полную волю высказаться своему компаньону и только улыбался съ огорченнымъ достоинствомъ и пожималъ плечами.

— Послушайте, Гордѣй Евстратычъ... Вы напрасно волнуетесь, — мягко заговорилъ Головинскій. — Этимъ дѣлу не поможешь... Обсудите лучше все дѣло хладнокровно. Если бы я дѣйствительно былъ виноватъ, я не былъ бы такъ спокоенъ... Нечистая совѣсть всегда скажется. Я даже не сержусь на васъ, потому что вы находитесь въ такомъ состояніи, что...

— Нѣтъ я хорошо все понимаю... это разбой!.. дневной грабежъ... А ты подлецъ изъ подлецовъ...

Сжавъ побѣлѣвшія губы, Гордѣй Евстратычъ какъ разъяренный быкъ, кинулся на Головинскаго съ кулаками, но тотъ подставилъ ему стулъ и, отдѣленный этимъ барьеромъ, даже не пробовалъ защищаться, а только показалъ своему врагу маленький карманный револьверъ. Брагинъ завизжалъ отъ безсильнаго гнѣва, какъ лошадь, которую деретъ медвѣдь; онъ готовъ былъ въ ключъ разорвать своего спокойнаго компаньона, еслибы не его страшная «оборонка».

— Поговоримте спокойно... — продолжалъ Головинскій, пред-

лагаю Гордѣю Евстратычу стулъ. — Порядочные люди всегда поймаютъ другъ-друга, и я надѣюсь, что мы не разойдемся врагами.

— Да ты дьяволъ, што-ли?! — ревѣлъ Гордѣй Евстратычъ на это дружеское приглашеніе. — Жилы хочешь тянуть изъ живого человѣка?!.. Ободралъ, какъ липку, а теперь зубы заговаривать... Нѣтъ, шабашъ, не на таковского попалъ. Будетъ намъ дураковъ-то валать, тоже не лѣвой ногой сморкаемся!!..

— Успокойтесь, уважаемый Гордѣй Евстратычъ... Это вредно, наконецъ, для вашего здоровья... Поговоримте спокойно...

— Я тебя покажу, подлецъ, спокойно... У!.. страулистъ поганый!!.. Думаешь я на тебя суда не найду? Нѣ-етъ, найду!!.. Последнюю рубаху просужу, а тебя добуду... Спокойно!!.. Да я... А-ахъ, Владиміръ Петровичъ, Владиміръ Петровичъ!!.. Гдѣ у тебя крестъ - то?.. Вѣдь ты всю семью по міру пустилъ... всѣхъ... Теперь, вѣдь, глазъ нельзя нигуда показывать... срамъ!!.. Старуху, и ту по міру пустилъ... Хуже ты разбойника и душегубца, потому что тотъ хоть разомъ живота рѣшить и шабантъ, а ты... а-ахъ, Владиміръ Петровичъ, Владиміръ Петровичъ!!..

Понятное дѣло, что подобный разговоръ не могъ ни къ чему привести, и стороны разстались самымъ естественнымъ образомъ, т.-е. Головинскій, при содѣйствіи Егора и кучера, вытолкалъ бушевавшаго Гордѣя Евстратыча изъ своей квартиры въ шею. Выкинутый на улицу Брагинъ, не помня себя отъ бѣшенства, долго неистовствовалъ у подъѣзда. Онъ стучалъ ногами и кулаками въ двери, оторвалъ отъ нихъ массивную мѣдную ручку въ русскомъ вкусѣ и такъ ругался и оралъ на всю улицу, что предъ квартирой Головинскаго собралась цѣлая толпа любопытнаго городского люда: кухарки, мальчишки, кучера, чиновники, возвращавшіеся со службы, какіе-то «молодцы» изъ лавки и т. д. Всѣ пересмѣивались и указывали пальцами на бѣсновавшаго старика.

— Православные... ограбилъ, зарѣзалъ!!.. — кричалъ Брагинъ. — Будьте свидѣтелями... Я судиться буду!!.. я покажу...

Наругавшись до сѣта, пока не охрипъ, Гордѣй Евстратычъ сѣлъ на извозчика и отправился прямо къ адвокату, чтобы не терять дорогого времени. Онъ вспомнилъ одного черномазаго адвоката изъ восточныхъ человѣковъ съ желтыми глазами, по фамиліи Спорцевадзе. Этотъ Спорцевадзе страшно размахивалъ руками и обладалъ счастливымъ голосомъ, который гудѣлъ какъ труба. «Вотъ этого звѣря я и напущу на кровопійцу!» съ особеннымъ удовольствіемъ думалъ Гордѣй Евстратычъ, снимая и

надѣвая на себя соболью шапку.—«Спокойно... здоровье испортите...» Я тебѣ покажу!..»

На счастье Брагина Спорцевадзе оказался дома. Онъ жилъ въ собственномъ двухъ-этажномъ домѣ на соборной площади съ дубовымъ подъѣздомъ и зеркальными стеклами. Швейцаръ въ передней и приличная обстановка приѣмной произвели успокаивающее впечатлѣніе на Гордѣя Евстратыча, а когда вышелъ самъ Спорцевадзе съ своими желтыми глазами—онъ даже улыбнулся и подумалъ про себя: «Вотъ мы этого желтоглазого и напустимъ на кровопійцу...» Пока Брагинъ, сбиваясь и путаясь, перелавалъ сущность своего дѣла, адвокат небрежно чистилъ свои длинные розовые ногти и только изрѣдка взглядывалъ на волновавшагося кліента, а когда тотъ кончилъ, онъ коротко спросилъ:

— Такъ онъ васъ до нитки обчистилъ?

— Въ одной рубашкѣ пустилъ... Вотъ-тѣ истинный Христосъ!..

Адвокатъ улыбнулся этой наивной выходкѣ, а потомъ, не переставая чистить ногтей, проговорилъ:

— Да, я слышалъ о васъ... Что дѣлать!.. Ловко васъ обчистилъ этотъ Головинскій... И главное, скоро—не тянулъ. Раньше-то вы чѣмъ занимались?

— Торговалъ панскимъ товаромъ, ваше благородіе.

Спорцевадзе пристально посмотрѣлъ на Брагина своими желтыми глазами и подумалъ: «Ну, съ этого взять нечего: голъ, какъ соколъ...»

— Знаете, что я вамъ посовѣтую, — заговорилъ адвокат послѣ короткой паузы, трогая щеточкой брилліантовый перстень на рукѣ:—я посовѣтую вамъ совсѣмъ бросить это дѣло...

— Какъ бросить?!..—вскрикнулъ Гордѣй Евстратычъ, опуская руки.

— Да вы садитесь и поговоримте спокойно...

Это «спокойно» рѣзнуло Брагина по сердцу, какъ ножомъ, но онъ сдержался и присѣлъ къ письменному столу.

— Видите ли какая вещь...—протянулъ Спорцевадзе, раздвигая ноги, какъ это дѣлалъ Владиміръ Петровичъ.—Вы выдали полную довѣренность Головинскому. Да?.. Вотъ онъ на основаніи этой довѣренности и нажогъ васъ, а вамъ съ него ничего не взять: дѣло велось со всѣми необходимыми формальностями, такъ что вамъ рѣшительно ничего не взять съ своего компаньона. Мало ли торговых дѣлъ разстраивается, и ломаются не такія компаніи.

— Да, вѣдь, деньги-то, деньги-то мои, ваше благородіе!!.. Голенькихъ сто тысячъ просадила я...

— И еще просадили бы сто, если бы были. На левкаго человѣка наткнулись. Ну, да это все равно. Мнѣ, собственно, некогда съ вами теперь долго разговаривать, а я дамъ вамъ одинъ совѣтъ: спасайте послѣднія крохи и займитесь опять своею панскою торговлей.

— Да, вѣдь, у меня весь капиталъ уторканъ въ кабаки!

Спорцевадзе задумался, опять посмотрѣлъ на Брагина своими желтыми глазами и проговорилъ:

— Да, да... Это вѣрно. Знаете, что я вамъ посоветую? Васъ собственно утопилъ не Головинскій, а Жаренный... Такъ?

— А чортъ ихъ разберетъ!..

— Нѣтъ, это вѣрно. Поэтому, чтобы воротить хотя часть затраченного на кабаки капитала, я советую вамъ обратиться прямо къ Жареному.

— Это къ жидовину-то?..

— Успокойтесь, Моисей Моисейчъ совсѣмъ не жидъ, а грекъ и притомъ отличный человѣкъ. Онъ войдетъ въ ваше положеніе и, я увѣренъ, даже, можетъ быть, вы съ нимъ устроите какую-нибудь сдѣлку.

— Ну, ужъ, это шабашъ!.. Чтобы я пошелъ къ жидовину — ни въ жисть... Вотъ сейчасъ провалиться на этомъ самомъ мѣстѣ!..

— Какъ знаете. Наша обязанность дать совѣтъ, а тамъ уже ваше дѣло. Вы напрасно такъ предубѣждены противъ Моисея Моисейча, это отличный человѣкъ, и я увѣренъ...

— «Врешь, желтоглазый! Хочешь меня еще запятить къ жидовину: ни въ жисть!» — думалъ Гордѣй Евстратычъ, выходя отъ адвоката.

Отъ Спорцевадзе Брагинъ отправился къ другому адвокату, отъ другого къ третьему — но вездѣ совѣтъ былъ одинъ, точно всѣ эти шельмы сговорились: такъ въ одинъ голосъ и рѣжутъ. Дѣло выходило самое располѣднее. «Что же вы ко мнѣ раньше не обратились!» говорили адвокаты, завидуя хватившему кушъ Головинскому. И всѣ посылаютъ къ Жареному... Это къ тому самому Жареному, который пустил Брагина по міру! Гордѣй Евстратычъ сначала не могъ даже думать о такомъ униженіи и готовъ былъ расколоться на нѣсколько частей, только бы не идти къ распроклятому «жидовину».

Только обойдя всѣхъ адвокатовъ, Брагинъ вспомнилъ, что Михалко и Архипъ были въ городѣ и отправился ихъ разыски-

вать. Брагинь всегда останавливались въ гостинницѣ съ номерами для господъ проѣзжающихъ, и отыскать ихъ Гордѣю Евстратычу было не трудно. Михалко былъ дома, но спалъ пьяный, а Архипъ оказался въ больницѣ.

— Затѣмъ въ больницѣ?—спрашивалъ Брагинъ вытягивавшагося предъ нимъ лакея съ салфеткой подъ мышкой:—боленъ?

— А такъ-съ... не то чтобы болѣны, а въ этомъ родѣ.

— Да говори толкомъ, окаянная душа.

— Гмъ... У Архипа Гордѣича такая ужъ болѣзнь, такъ они теперь пользуются у дохтура.

Извѣстіе о «такой болѣзни» Архипа переполнило чашу, и Гордѣй Евстратычъ не зналъ дальше, что ему дѣлать, что предпринять, даже что думать. Въ головѣ у него все вертѣлось и прыгало, какъ въ испорченной машинѣ, которую нельзя даже остановить. Здѣсь въ этомъ грязномъ трактирномъ номерѣ, стѣны котораго были пропитаны запахомъ водки, пива и табачнаго дыма, онъ теперь сидѣлъ, какъ оглушенный. Гдѣ-то щелкали бильярдные шары, въ сосѣднемъ номерѣ распѣвалъ четко надтреснутый женскій голосъ бравурную шансонетку, а Гордѣй Евстратычъ смотрѣлъ кругомъ — на спавшаго на диванѣ Михалку, на пестрые обои, на грязныя захватанныя драпировки, на торчавшаго у дверей лакея съ салфеткой, и думалъ, нѣтъ, не думалъ, а снова переживалъ цѣлый ворохъ разорванныхъ въ клочья чувствъ и впечатлѣній. Мертвая Оеия, убѣжавшая чуть не въ одной рубашкѣ Ариша, таявшая, какъ свѣча, Нюша, пьяный Михалко, Архипъ съ своей болѣзнью, Владиміръ Петровичъ съ его «успокойтесь», адвокат Спорцевадзе, а тамъ жиловинъ Мойша Жареный и поворъ, поворъ, поворъ... Что будетъ съ Нюшей? Теперь и Пазухины глядѣть на нее не захотятъ,—потому какъ взять дѣвку изъ разоренаго дома.

— Не прикажете ли чего-съ?..—спрашивалъ лакей.

— Какъ ты сказалъ?

— Говорю, не прикажете ли на счетъ водки...

— А-а... Ну, давай водки, графинъ водки...—точно про себя повторялъ Брагинъ и, улыбнувшись горькой улыбкой, прибавилъ про себя: «чѣмъ ушибся, тѣмъ и лечись».

Выпивъ хорошій графинъ водки, Гордѣй Евстратычъ уснулъ тутъ же въ номерѣ, положивъ голову на столъ. Онъ проспалъ чуть не двѣнадцать часовъ, а когда проснулся и немного пришелъ въ себя, опять принялся обдумывать, что ему дѣлать. Къ адвокатамъ идти было не затѣмъ. Подерѣпившись двумя рюмками очищенной, Брагинъ рѣшился сходить къ знакомымъ золотопромышленникамъ:

авось, что присовѣтуютъ. Умъ хорошо, два лучше того. Былъ у него одинъ знакомый старикъ золотопромышленникъ, по фамиліи Колосовъ, изъ раскольниковъ. Вотъ въ нему Брагинъ и отправился за совѣтомъ; вѣстати, у этого старика были свои дѣла съ Жаренымъ, — можетъ, словечко и замолвить по старой дружбѣ предъ жидовиномъ. Старикъ-раскольникъ, убѣленный серебряной сѣдиной, отнесся въ несчастью Брагина съ большимъ участіемъ и долго качалъ головой.

— Плохо, плохо, Гордѣй Евстратычъ, — говорилъ Колосовъ, разглаживая свою окладистую сѣдую бороду. — Экъ, тебя угораздило съ этими кабаками... Ужъ и времена только!.. Съ живого кожу сдерутъ. А только Спорцевадзе тебѣ правильно посовѣтовалъ. Надо будетъ толкнуться въ Мосею Мосенчу, не выгоритъ ли что-нибудь. Пожалуй, дамъ тебѣ писульку на всякій случай.

— А безъ жидовина невозможно?

— Нѣтъ, нельзя... Силища этотъ Мосей Мосенчъ, его не обойдешь, какъ суженаго. Можетъ, и смируется. Охъ, только у всѣхъ этихъ иноплеменицевъ трудно вывертываться... Ну, да ужъ дѣлать нечего, попытайся.

Взявъ Гордѣй Евстратычъ отъ Колосова его писульку и съ ней отправился пытаться счастья въ жидовину. Но добратся до Мойши Жаренаго было не такъ-то легко, какъ онъ думалъ. Этотъ кабацкій король являлся въ городъ только по временамъ, а настоящую резиденцію имѣлъ на своихъ винныхъ заводахъ, куда Брагинъ и отправился, хотя конецъ былъ не малый, верстъ въ двѣсти, пожалуй, не укладешь.

Моисей Жареный жилъ настоящимъ королемъ въ своемъ помѣстьѣ Бурнаши, которое расположено было на западномъ склонѣ Урала, гдѣ берутъ свое начало живописные притоки р. Вѣлой. Это край той цвѣтущей Башкиріи, которую расхищали уфимскіе чиновники. Жареный купилъ свое имѣнье отъ одного изъ такихъ счастливицевъ, которому досталось на долю до тридцати тысячъ богатѣйшей земли. Чиновнику, а въ особенности русскому чиновнику, земля тоже, что слѣпому грамота, поэтому уфимскіе чиновники размотали свои надѣлы за четверть цѣны. Бурнаши славилась своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ и цѣлой сѣтью горныхъ рѣчекъ, которыя бороздили башкирскій черноземъ. Когда-то башкиры здѣсь кочевали со своими кошами, а теперь дымились винокуренные заводы и кипѣла самая оживленная дѣятельность, превратившая жалкую деревушку Бурнаши въ маленький городокъ, кипши кипевшій греками, армянами, евреями и тому подобнымъ людомъ, ютившимся около своего патрона.

Недале можно было влюбоваться на бойкую картину, какую представляли Бурнаши даже зимой. Каменные дома, заводскія постройки, ряды новыхъ крестьянскихъ избъ—все говорило о новой жизни и новыхъ людяхъ. Недавняя пустыня точно проснулась подъ вліяніемъ новой «цивилизаци». Когда Брагинъ подѣхалъ на почтовой тройкѣ къ селу свѣтлымъ весеннимъ денькомъ, онъ невольно залюбовался. Свѣтъ уже осѣлъ и спелся въ рыхлую пропитанную водою массу; дорога почернѣла, въ воздухѣ пахло обновляющей вся и все силой. Лѣсъ казался зеленѣе, но это былъ не тотъ дремучій лѣсъ, какой росъ зеленой стѣной около Бѣлоглинскаго завода и на Смородинкѣ: ели были пушистѣе, сосны ниже и развилестѣе, попадались березняки и осинники цѣлыми островами.

Глядя кругомъ, Гордѣй Евстратычъ невольно вспомнилъ про свою Смородинку, которая теперь стояла безъ всякаго дѣла; старикъ еще разъ пережилъ нанесенную ему Порфиромъ Порфирчемъ обиду и тяжело вздохнулъ. Эхъ, воротить бы присекъ, не поѣхалъ бы онъ съ повинной къ этому жиловину съ писулькой Колосова! Но пролитаго не воротить... А вонъ и первыя избушки бурнашевскихъ мужиковъ, вонъ и свѣтленькіе, съ иглою новенькіе деревянные домики разныхъ приспѣшниковъ Жаренаго, вонъ и каменный домъ самого Мосея Мосенча. Брагинъ сотворилъ про себя молитву и велѣлъ ѣхать на постоянный дворъ.

Добраться до Мосея Мосенча въ Бурнашахъ было еще труднѣе, чѣмъ въ городѣ, потому что нужно было пролѣзть черезъ живую стѣну изъ самыхъ отчаянныхъ искариотовъ, смотрѣть-то на которыхъ Гордѣю Евстратычу было тошнымъ-тошнехонько. И каждая шельма оглядываетъ съ ногъ до головы да выспрашиваетъ: чей? откуда? по какому дѣлу? и т. д. А потомъ окажется, что онъ не можетъ провести къ Мосею Мосенчу, надо спросить набольшаго, а у набольшаго еще набольшій — цѣлая лѣстница... Ходилъ-ходилъ старикъ по служащимъ, всѣ смотрятъ подозрительно и косятся, точно въ чужое государство пріѣхалъ, започуть по своему, ничего не разберешь. У Гордѣя Евстратыча воротило на душѣ отъ этихъ церемоній и не разъ ему хотѣлось плюнуть на все, даже на самого Мосея Мосенча, а потомъ укажетъ въ свой Бѣлоглинскій заводъ, въ Старую Кедровскую улицу, гдѣ стоитъ батюшкинъ домъ. Но дѣлать нечего: привела Маркушкина жилка Гордѣя Евстратыча въ чужую дальнюю сторону, надо какъ ни на есть выпутываться изъ бѣды, какъ совѣтовали адвокаты и старый Колосовъ.

«Ужъ если такъ галеганятся служащіе, такъ самъ-то Мосей Мосенчъ, что сдѣлаетъ со мной?» не разъ думалъ Брагинъ, почесывая въ затылкѣ. — «Ахъ, песь ихъ задери совсѣмъ!»..

Въ Бурнашахъ Гордѣй Евстратычъ проболтался цѣлыхъ три дня, прежде чѣмъ выхлопоталъ себѣ у самого наибольшаго аудіенцію Мосея Мосенча. Принарядился Брагинъ въ свое модное платье, которое привезъ изъ Нижняго, расправилъ подстриженную бороду и, сѣрѣя сердце, отправился въ гнѣздо къ самому жиловину, Мосею Мосенчу. Аудіенція была назначена по бѣлоглинскому времени въ обѣдъ, т.-е. въ двѣнадцать часовъ дня. Къ параднымъ дверямъ, швейцарамъ и разнымъ антрэ Гордѣй Евстратычъ уже успѣлъ порядкомъ привыкнуть, пока шатался по городскимъ адвокатамъ, поэтому даже удивился, что и передняя, и пріемная у Мосея Мосенча была гораздо попроще, чѣмъ у Спорцевадзе. Швейцаръ вызвалъ лакея, лакей доложилъ барину, провели гостя въ самый кабинетъ къ Мосею Мосенчу. На встрѣчу Брагину изъ орѣховаго кресла поднялся шустрый красивый старикъ съ сѣдыми длинными усами и ласково заговорилъ:

— Гордѣй Евстратычъ Брагинъ? Да? Слышалъ... Очень пріятно познакомиться. Вотъ сюда садитесь... Или нѣтъ, пойдемте сначала кофе пить.

Брагинъ вспоминалъ, какъ въ первый разъ пилъ кофе у Головинскаго и, набравшись смѣлости, проговорилъ:

— Ужъ какіе намъ кофеи, Мосей Мосенчъ... Я вотъ на счетъ дѣльца своего къ вамъ. Не задержать бы васъ своими пустяками... Куда ужъ намъ, мужикамъ, кофеи распивать.

— У меня въ домѣ всѣ равны, — мягко замѣтилъ Жаренный, прищуривая свои ласковые темные глаза, глядѣвшіе «наскровъ». — Пойдемте. Знаете русскую пословицу: «въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходить»...

Жаренный былъ бодрый, хорошо сохранившійся старикъ съ такимъ привѣтливымъ, умнымъ лицомъ. Брагинъ чувствовалъ, что онъ теперь нисколько не боится этого жиловина, Мосея Мосенча, который куда какъ привѣтливѣе и обходительнѣе своихъ наибольшихъ. И одѣтъ былъ Жаренный простенько, по домашнему, гораздо проще, чѣмъ одѣвался въ Бѣлоглинскомъ какой-нибудь Вуколъ Шабалинъ. Онъ провелъ гостя черезъ рядъ парадныхъ комнатъ въ свѣтлую столовую, гдѣ за накрытымъ столомъ ужъ сидѣли двѣ дамы, какой-то мальчишъ и тотъ самый наибольшій, который устроилъ это свиданіе. Жаренный отрекомендовалъ гостя дамамъ и самъ усадилъ его на стулъ рядомъ съ собой. Такое вниманіе жиловина даже обезкуражило Гордѣя Евстратыча, осо-

бенно по сравненію съ тѣмъ приѣмомъ, каковой ему дѣлалъ Порфиръ Порфиръ или Завиваевъ. Пока пили кофе, Жаренный говорилъ за четверыхъ и все обращался въ гостю, такъ что подъ конецъ Гордѣю Евстратычу сдѣлалось совсѣмъ совѣстно: онъ и сидѣть-то по образованному не умѣетъ, не то что разговоры водить, особенно при дамахъ, которыя по-своему все о чемъ-то переговаривались.

— Я давно слышалъ о васъ и радъ съ вами познакомиться, — не унимался Мосей Мосенчъ. — Какъ-то мы съ вами не встрѣчались нигдѣ. Я, кажется, отъ старика Колосова слышалъ о васъ... Да. Отличный старикъ, я его очень люблю, какъ вообще люблю всѣхъ русскихъ людей.

Писульку Колосова Гордѣй Евстратычъ передалъ самому набольшему еще раньше. Этотъ самый набольшій очень не по душѣ пришелся Брагину: чортъ его знаетъ, что за человѣкъ — финтить, финтить, а толку все нѣтъ. И глаза у него какіе-то мышиные, и самъ точно все чего-то боится и постоянно оглядывается по сторонамъ. За столомъ самый набольшій почти ничего не говорилъ, а только слушалъ Мосея Мосенча да и слушалъ-то по-мышиному: насторожить уши и глядеть прямо въ ротъ къ Мосенчу, точно вскочить туда хочетъ. Брагинъ думалъ, что послѣ кофе они пойдутъ въ кабинетъ, и онъ тамъ все обскажетъ Жареному про свое дѣло, зачѣмъ пріѣхалъ въ Бурнаши, но вышло не такъ: — изъ-за стола Жаренный повелъ гостя не въ кабинетъ, а въ заводъ, куда ходилъ въ это время каждый день. Онъ держалъ себя, какъ и раньше, вѣжливо и предупредительно, объясняя и показывая все, что попадалось интереснаго. Обошли цѣлый винный заводъ; побывали въ томъ отдѣленіи, гдѣ очищали водку, и даже забрались въ громадный подвалъ съ рядомъ совсѣмъ готовыхъ бочекъ, лежавшихъ какъ стадо откормленныхъ на убой свиней. Гордѣй Евстратычъ въ первый разъ былъ на винномъ заводѣ и въ первый разъ видѣлъ всѣ процессы, какъ изъ ржи получалось зеленое вино. Чаны съ заторами, перегонные кубы, дистилляторы, бочки — вездѣ была эта проклятая водка, которая окончательно погубила Брагина и которая погубитъ еще столько людей.

— Мы зайдемъ еще на конюшню, Гордѣй Евстратычъ, — предлагалъ Жаренный. — Да вы не устали-ли? Будьте откровенны. Я вѣдь привыкъ къ работѣ...

— Нѣтъ, что вы, Мосей Мосенчъ, какое усталъ!..

— Мнѣ хочется показать вамъ все свое хозяйство. Знаете, слабость у меня, старика... Извините ужъ.

Лошади у Жаренаго были все на подборъ: цѣлый заводъ. Все тысячные рысаки. Даже Гордѣй Евстратычъ залюбовался двумя вороными жеребчиками: куда почище будутъ Шабалинскаго сѣраго.

— А теперь пойдѣте въ кабинетъ о дѣлѣ бесѣдовать, — говорилъ Жареный, направляясь въ дому. — Пока говоримъ, и обѣдъ поспѣетъ.

Обхожденіе Мосея Мосенча, его привѣтливость и вниманіе заронили въ душу Брагина лучъ надежды: авось и его дѣльце выгоритъ... Да, просто сказать, не захочетъ мараить рукъ объ него этотъ Мосей Мосенчъ. Что ему эти двѣнадцать кабаковъ — плюнуть да растереть. Навѣрно, это все Головинскій навралъ про Жаренаго. Когда они вернулись въ кабинетъ, Брагинъ подробно разсказалъ свое дѣло. Жареный слушалъ его внимательно и что-то чертилъ карандашѣмъ на листѣ бумаги.

— Что же вы хотите отъ меня, Гордѣй Евстратычъ? — спросилъ Жареный, когда Брагинъ кончилъ.

— А я на счетъ того, Мосей Мосенчъ, что не будетъ ли вашей милости насчетъ моихъ-то кабаковъ... Что они вамъ: плюнуть, и все тутъ, а мнѣ, вѣдь, чистое разоренье, по міру идти остается. Ужъ, пожалуйста, Мосей Мосенчъ...

— Не могу... — сжавъ плечи, проговорилъ Жареный. — Нѣтъ, не могу. Что угодно, а этого не могу. И не просите лучше...

Какъ ни бился Брагинъ, какъ ни упрашивалъ Жаренаго, даже на колѣняхъ хотѣлъ его умолять о пощадѣ: тотъ остался непреклоненъ и только въ угоду старику Колосову соглашался взять за себя всѣ двѣнадцать Брагинскихъ кабаковъ, т.-е. все обзаведенье, чтобы не пропадало даромъ, вонечно, за полицѣйны.

— Куда же вы, Гордѣй Евстратычъ? — удивился Жареный, когда Брагинъ взялся за шапку. — А обѣдать?..

Гордѣй Евстратычъ какъ-то равнодушно посмотрѣлъ на Мосея Мосенча, махнулъ рукой и молча вышелъ изъ его кабинета: Жареный показался ему злѣе самаго злого жидовина.

XXIII.

Домой въ Бѣлоглинскій заводъ Гордѣй Евстратычъ вернулся почти ни съ чѣмъ, исключая своей сдѣлки съ Жаренымъ, которая могла въ результатѣ дать тысячи три-четыре. Михаилъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ отцемъ, а Архипъ остался въ городѣ «пользоваться» отъ своей болѣзни. Объ убійствѣ Ариши разсказала

Михалёв сама Татьяна Власьева съ необходимыми поясненіями и прибавками, причёмъ оказалось, что бабенку разстраивали родные, вотъ она и придумала штуку.

— Мы ее черезъ полицію вытребуемъ, мамынька, — рѣшилъ Гордѣй Евстратычъ: — Михалко подастъ заявленіе, и конецъ тому дѣлу.

— А Дуня гдѣ? — спрашивалъ Михалко.

— Она погостить отпросилась къ своимъ, да что-то прихворнула тамъ... — лгала Татьяна Власьева съ самымъ благочестивымъ намѣреніемъ. — Архипъ-то скоро прійдетъ?

— Тамъ дѣльце одно осталось, такъ онъ съ нимъ позамѣшался малость, — обманывалъ въ свою очередь Гордѣй Евстратычъ, не моргнувъ глазомъ. — Надо намъ развязаться съ этимъ треклятымъ городомъ... Ну, а мы Аришу-то подтянемъ, ежели она добра нашего не хочетъ чувствовать.

Въ Брагинскомъ домѣ теперь было особенно скучно и мертво, точно въ домѣ былъ покойникъ. Всѣмъ чего-то не доставало и всѣхъ что-то давило, какъ кошмаръ. Невѣстки, казалось, унесли съ собой послѣднюю каплю того довольства и спокойствія, какое остается даже въ разоренныхъ домахъ. Разложеніе шло заразъ навнѣ и изнутри, и разрушающее дѣйствіе этого процесса чувствовалось, одинаково, всѣми, хотя Гордѣй Евстратычъ и бодрился, и самъ сѣлъ торговать въ батюшкину лавку. Онъ теперь былъ занятъ, главнымъ образомъ, планомъ того, какъ добыть Аришу, и затѣмъ, какъ показать надъ ней свою родительскую власть. Отъ погрома по винной части у Брагина еще оставалось тысячъ десять, о которыхъ никто не зналъ, и на эти деньги онъ думалъ по-немногу поправиться, а тамъ, изъ-за дѣла, можно будетъ подсмотрѣть какую-нибудь новую штучку. Отвѣдавъ легкой наживы, старикъ скучалъ своей панской торговлей, и его такъ и тянуло пуститься въ какое-нибудь рискованное дѣло. Недостроенный домъ тоже не мало смущалъ Гордѣя Евстратыча, точно бѣльмо на глазу: достраивать нечѣмъ, а продать за безцѣнокъ жалъ. Да и совѣстно было передъ друзьями, что затѣялъ такую хоромину, а силеи и не прохватило; недостроенный же домъ точно говорилъ всѣмъ о разореніи недавняго тысячника Брагина.

Эти мысли и планы были нарушены прїездомъ въ Бѣлоглинскій заводъ плѣшиваго старичка, который оказался адвокатомъ Масловымъ. Этотъ Масловъ отыскалъ Гордѣя Евстратыча и предъявилъ ему цѣлый ворохъ векселей, отчасти выданныхъ самимъ Брагиннымъ, а отчасти написанныхъ по его довѣ-

ренности Головинскимъ. Объ этихъ векселяхъ Гордѣй Евстратычъ какъ-то даже забылъ совсѣмъ, а ихъ набралось тысячъ на пятнадцать, да притомъ платежи были срочные! вынь да положь. О перепискѣ векселей старичокъ адвокатъ и слышать не хотѣлъ. Положеніе выходило самое критическое: выбросить адвокату послѣднія десять тысячъ, значить, живьемъ отдать себя, потому что, чортъ его знаетъ, Головинскій, можетъ быть, тамъ еще надавалъ векселей ни вѣсть сколько, а если не заплатить, тогда опишутъ лавку и домъ и объявятъ банкротомъ. Думалъ-думалъ Гордѣй Евстратычъ и порѣшилъ сходить сначала къ Шабалину, не выручить ли поручительской подписью на векселяхъ. Но Шабалинъ отказался на отрѣзъ, ссылаясь на крайнее безденежье. Брагинъ толкнулся еще къ двумъ-тремъ знакомымъ толстосумамъ—тоже самое; онъ даже побывалъ у Пятова и о. Криссента, но и тамъ тотъ же самый отказъ. Очевидно, его торговый кредитъ рушился навсегда, и никто больше ему не вѣрилъ.

— Когда такъ, то я объявляю себя несостоятельнымъ, а тамъ пусть судятъ!—рѣшился Гордѣй Евстратычъ на отчаянное средство.—Пусть все описываютъ...

— Наверно, у васъ есть припрятанныя денежки про черный день,—усоуживалъ Масловъ:—а то вѣдь все пойдетъ съ молотка за безцѣночъ...

«Ишь, плѣшивая собака, носомъ чуетъ послѣднія денежки и хочетъ ихъ вытормошить», думалъ Брагинъ и остался при своемъ рѣшеніи.

Теперь Гордѣй Евстратычъ боялся всѣхъ городскихъ людей, какъ огня, и по-своему рѣшился спасти отъ нихъ послѣдніе крохи. Онъ на-чисто объяснилъ свое положеніе дѣлу Татьянѣ Власевнѣ, а также и то, что адвокаты выжмутъ изъ него всѣми правдами и неправдами послѣднія денежки, поэтому онъ лучше отдастъ ихъ на сохраненіе ей: со старухи адвокатамъ нечего будетъ сорвать, потому, какія у ней могутъ быть деньги.

— А ты ихъ припрятъ, мамынька, да хорошенько припрятъ,—училъ Гордѣй Евстратычъ:—послѣ пригодятся. На твое имя отерою какую-нибудь торговлишку или на Дуню. Не все же будемъ бѣдовать...

— Да страшно, милушка... У меня этакихъ денегъ и въ рукахъ отродясь не бывало!

— Ты только спрячь, мамынька, и дѣлу конецъ. Никому не сказывай...

Татьяна Власевна взяла деньги, связала ихъ въ узелокъ и съ молитвой запрятала ихъ туда, куда умѣютъ прятать только

однѣ старушки. Но съ этими деньгами она взяла на плечи такое бремя, которое окончательно придавило въ ней живого человека: старухой овладѣлъ какой-то не прерывавшійся ни на минуту страхъ и подозрѣніе во всемъ окружающимъ. Она даже начала бояться Нюши, не сторожить ли та ее. Она не знала покоя ни днемъ ни ночью и даже вздрагивала, когда гдѣ-нибудь стукнетъ. Цѣнныя вещи, какъ серебро и разные наряды, въ ожиданіи описи, Татьяна Власьевна тоже успѣла попрятать по разнымъ укромнымъ уголкамъ. Она теперь походила на мышъ, которую въ ея собственной норѣ медленно начинаетъ заливать подступающая вода. Спрятанныя сокровища мучили старуху, какъ мучитъ преступника его преступленіе, и она сотни разъ передумывала, какъ бы лучше скрыть отъ всѣхъ глазъ свои деньги. Иногда въ самую полночь ей вдругъ приходило въ голову, что она совсемъ не такъ спрятала, какъ слѣдовало бы, и эта мысль гнала ее во дворъ, гдѣ она торопливо перепрыгивала заветный узелокъ съ деньгами. Разстроенное воображеніе рисовало Татьянѣ Власьевнѣ самыя ужасныя картины расхищенія своихъ богатствъ, и она часто просыпалась съ холоднымъ потомъ на лбу. Вмѣстѣ со страхомъ росло въ старухѣ чувство старческой жадности. Ей начинало казаться, что она ужасно много тратитъ денегъ на себя, и въ видахъ экономіи, она убавляла полѣнья дровъ, нарѣзывала хлѣбъ къ обѣду тоненькими ломтиками и, проходя, ворчала на кривую Маланью, подозрѣвая ее въ тайныхъ замыслахъ на хозяйское добро.

— Теперь, вѣдь, не прежняя пора... — брюзжала Татьяна Власьевна, какъ давшій трещину колоколъ. — Пожалуй, такъ наскрозъ пробьдемся.

— Мамынька, ужъ ты тово... — замѣчалъ иногда Гордѣй Евстратычъ, когда ему надоѣдало ворчанье старухи. — Прежде смерти не умремъ.

— Нѣтъ, милушка, такъ нельзя безъ понятія-то. Кабы раньше за умъ хватились да не погнались за большимъ богатствомъ, не то бы было... Вотъ, выгнать изъ батюшкина дома, тогда куда мы дѣнемся? Не изъ чего прохарчиваться-то будетъ ужъ.

Послѣдствія протеста всеелей не замедлили обнаружиться. Въ Бѣлоглинскій заводъ явился судебный приставъ окружнаго суда и произвелъ опечатаніе лавки и всего имущества въ Брагинскомъ домѣ; хотя Брагинская семья была подготовлена къ этому событію, но самый актъ, обставленный извѣстными формальностями, произвелъ на всѣхъ самое тяжелое и удручающее впечатлѣніе. Этотъ чиновникъ въ мундирѣ являлся чѣмъ-то въ родѣ

карающей руки беспощадной судьбы и той нужды, которая въ первый разъ постучалась въ старый батюшенинъ домъ. Красная казенная печать точно отмѣтила собой первыхъ жертвы. Конечно, опечатано было только имущество самого Гордѣя Евстратыча, а имущество другихъ членовъ семьи осталось нетронутымъ, но, во-первыхъ, какъ было различить это имущество, а во-вторыхъ, при патриархальномъ строѣ Брагинской семьи, собственно все принадлежало хозяину, такъ что на долю сыновей, Нюши и Татьяны Власьевны, осталось только одно платье да разный домашній хламъ. Знакомые совѣтовали Брагину до описи вывести товаръ изъ лавки, а также что было получше въ домѣ, какъ новая мебель, ковры, посуда и т. д. Но Гордѣй Евстратычъ не захотѣлъ такъ дѣлать, какъ дѣлаютъ всѣ другіе банкроты и упрямо отвѣчалъ на такіе совѣты одной фразой:

— Нѣтъ, этого не будетъ: пусть зорятъ...

Во время описи онъ самъ помогалъ приставу и указывать на вещи, которыя тотъ хотѣлъ не замѣтить.

— Нѣтъ, ужъ пожалуста, все печатайте, чтобы все форменно было, — говорилъ Гордѣй Евстратычъ.

Такое поведеніе особенно огорчало Татьяну Власьевну, хотя она и не смѣла открыто «перечить», милушій, потому что онъ очевидно что-то держалъ у себя на умѣ. Михалко и Нюша присутствовали при этомъ, тоже относились ко всему какъ-то безучастно, точно эта опись ихъ совсѣмъ не касалась.

— Кажется, все? — спрашивалъ приставъ, когда всѣ вещи были занесены въ списокъ и занумерованы.

— Теперь все чисто... — отвѣтилъ Брагинъ съ какимъ-то особеннымъ злорадствомъ, точно онъ радовался описи.

Приставъ, толстенный добродушный господинъ, отъ души пожалѣлъ Брагинскую семью, но, конечно, отъ себя ничѣмъ не могъ помочь. Татьяна Власьева, сохраняя исконный завѣтъ, угостила чиновника своей страпней и оставшимися отъ прежняго богатства закусками и винами; въ этомъ случаѣ она побѣдила одолевавшую ее скупость и на мгновеніе превратилась въ прежнюю тароватую хозяйку, для которой гость составляетъ нѣчто священное. Это добродушіе тронуло выпившаго чиновника, и онъ еще разъ пожалѣлъ, что Гордѣй Евстратычъ не принялъ нѣкоторыхъ мѣръ для предупрежденія описи, какъ это дѣлаютъ другіе.

— Дѣло житейское, — объяснялъ онъ. — Можно было бы любую половину припрятать, а послѣ пригодилось бы про черныи день...

— Нѣтъ, ужъ зачѣмъ же, ваше благородіе, — отвѣчалъ

Гордѣй Евстратычъ, разглаживая свою бороду. — Оно ужъ одно въ одному...

— Какъ одно къ одному?

— А такъ... Чтобы форменно было, ваше благородіе. Зачѣмъ ужъ добрыхъ людей обманывать.

Чиновникъ только пожалъ плечами. Поблагодаривъ за угощеніе, онъ отправился въ обратный путь.

Наступившее лѣто прошло въ хлопотахъ по дѣлу о банкротствѣ. Приѣзжали какіе-то чиновники изъ города, провѣряли опись, выспрашивали, вынюхивали и отправлялись во свояси. Гордѣй Евстратычъ тоже нѣсколько разъ ѣздилъ въ городъ, куда его вызывали повѣсткой изъ окружнаго суда. Дѣло шло быстро къ своей законной развязкѣ. Въ послѣднюю свою поѣзду Брагинъ привезъ изъ города Архипа, который только что былъ выпущенъ изъ больницы: отъ прежняго красавца-парня осталась одна тѣнь, такъ что Татьяна Власевна въ первую минуту даже не узнала своего внука. Лицо у Архипа было сѣрое, волосы на головѣ вылѣзли, носъ куда-то исчезъ, глаза съ опухшими красными вѣками слезились какъ у старика.

— Ну, мамынька, теперь мы совсѣмъ чисты будемъ, — объявилъ Гордѣй Евстратычъ: — аукціонъ будетъ... Все по молотку продадутъ.

Брагинъ какъ-то странно относился ко всему происходившему, точно онъ радовался, что, наконецъ, избавится отъ всѣхъ этихъ вещей съ красными печатами, точно онѣ были запятнаны чьей-то кровью. Онъ жалѣлъ только объ одномъ, что всѣ эти передраги мѣшали ему расправиться настоящимъ образомъ съ убѣжавшими невѣстками, которыя и слышать ничего не хотѣли о возвращеніи въ описанный Брагинскій домъ. Особенно хотѣлось расправиться старику съ Аришей.

— Вотъ только намъ съ этимъ аукціономъ развязаться, — говорилъ Гордѣй Евстратычъ въ своей семьѣ: — а тамъ мы по-свойски расправимся съ этими негодницами... На все законъ есть, и каждый человекъ должонъ закону покориться: теперь я банкротъ — ну, меня съ аукціону пустятъ; ты вышла замужъ — тебя къ мужу приведутъ. Потому, вездѣ законъ и супротивъ закону ничего не подѣлаешь. Разъ это порядокъ отъ законныхъ мужей бѣгать? Нѣ-етъ, мы ихъ добудемъ и по-свойски раздѣлаемся...

Наступилъ и день аукціона, о которомъ за двѣ недѣли было оповѣщено печатными объявленіями, расклеенными въ волости и на рынкѣ. Одно такое объявленіе Гордѣй Евстратычъ своими руками прибилъ на гвоздики къ воротной веревѣ. Опять приѣхалъ

толстеный приставъ съ своимъ писаремъ и остановился прямо въ Брагинскомъ домѣ, въ Зотушкиномъ флигельѣ, гдѣ годъ назадъ квартировалъ Головинскій. Всего какой-нибудь годъ, и сколько воды утекло за это время... Гордый Евстратычъ совсѣмъ носѣдѣлъ и часто повторялъ про себя въ какомъ-то раздумьи одну фразу: «Да, чисто раздѣляли вы насъ, Владиміръ Петровичъ... Въ полгода все оборудовали!» Это была насмѣшка надъ собственной глупостью и простотой, какъ умѣть смѣяться только одинъ русскій человѣкъ, когда онъ попадетъ въ безвыходное положеніе.

Съ ранняго утра въ день аукціона въ Брагинскомъ дому со всѣхъ сторонъ сходилъ народъ—одни съ деньгами въ карманѣ поживиться на чужой счетъ, другіе просто поглядѣть. Въ батюш-инныхъ горницахъ теперь суетилась густая толпа, съ жаднымъ любопытствомъ осматривавшая опечатанныя вещи и дѣлавшая имъ свою оцѣнку. Одни съ соболѣзнованіемъ покачивали головами и жалѣли, что столько добра за безцѣнокъ пойдетъ, а большинство думало только о себѣ, облюбовывая что-нибудь подходящее. Народъ былъ все знакомый: заводскіе служащіе, свой братъ торговецъ и прасолы, богатые мастеровые и т. д. Особенно много было женщинъ, накинущихся на аукціонъ, какъ саранча. Онѣ галдѣли, какъ на рынкѣ, смѣялись и каждую вещь непременно старались пощупать, не довѣряя глазамъ. Въ этихъ глазахъ свѣтилось столько проснувшейся жадности поживиться чужимъ добромъ, захватить въ свою долю дешеваго товару,—благо никому запрету нѣтъ. Въ числѣ другихъ шумѣла и толкалась бойкая Марфа Петровна, успѣвшая рассказать по десяти разъ исторію, цѣну и достоинство каждой вещи, не даромъ она столько лѣтъ была въ этомъ домѣ своимъ человѣкомъ. Гордый Евстратычъ ходилъ тутъ же, здоровался съ знакомыми съ дѣловымъ видомъ и показывалъ назначенныя въ продажу вещи. Когда явился приставъ и сѣлъ за столомъ съ молоткомъ въ рукахъ, толпа стихла и съ напряженнымъ вниманіемъ ловила каждое движеніе неторопливо распоряжавшагося чиновника.

— Орѣховая мебель, новая, малоподержанная, съ голубой репсовой обивкой, — читалъ приставъ съ казенной интонаціей свою опись, поправляя на груди свой значокъ.—Оцѣнена сорокъ рублей.

Въ толпѣ легкое движеніе. Кражистый подрачникъ съ опухшей фizioноміей пробрается впередъ и накидываетъ полтину. Его соперникомъ явился заводскій надвиратель. Послѣ нѣсколькихъ надбавокъ, мебель, заплаченная сто-двадцать рублей, пошла

за сорокъ два съ полтиной. Въ отворенныхъ дверяхъ стояла Татьяна Власевна и слѣдила за всѣмъ происходившимъ съ тупой болью въ сердцѣ; она теперь отъ души ненавидѣла и надзира-теля, и этого подрядчика, который купилъ мебель за треть цѣны. За мебелью пошла посуда, на которую съ особеннымъ азартомъ нажились женщины, потомъ платье — шубы, пальто, бѣлье. Эти вещи были проданы чуть не по настоящей цѣнѣ, бабы брали съ бою всякій хламъ. Когда очередь дошла до экипажей, лошадей и коровъ, денежная часть публики опять заволнова-лась и придвинулась ближе къ столу. Все это пошло за без-цѣнокъ, какъ на всѣхъ аукціонахъ. Кривая Маланья тихо хны-кала въ своей кухнѣ по пестрой телочкѣ, которую вывармливала мамъ родную дочь; у Гордѣя Евстратыча навернулись слезы, когда старый слуга гнѣдко, возившій его еще такъ недавно на Смородинку, достался какому-то мастеровому, который будетъ наваливать на лошадь сколько влѣзетъ, а потомъ будетъ бить ее тѣмъ попало и въ награду поставить на солому. И будетъ лѣзть изъ кожи старый гнѣдко, особенно въ гололедицу, будетъ дрожать на морозѣ гдѣ-нибудь у кабака, пока хозяинъ пьян-ствуешь съ пріятелями.

Скоро изъ Брагинскихъ горницъ народъ началъ отливать, унося съ собой купленные вещи. Женщины тащили узлы съ платьемъ, посуду, разный хламъ изъ «домашности», а мужчины болѣе тяжелыя вещи. Подрядчикъ мигнулъ знакомымъ масте-ровымъ, и тѣ весело подхватили орѣховую мебель, какъ перышко — двое несли диванъ, остальные кресла и стулья. Гордѣй Евстра-тычъ провожалъ ихъ до дверей и даже поздравилъ подрядчика съ покупкой.

— У насъ уйдетъ, Гордѣй Евстратычъ, — хрипло отгѣтилъ подрядчикъ, надѣвая на голову картузь. — Когда лавку-то потре-пить будете?

— Да видно, завтра придется...

— Та-а-а... Надо сказать бабамъ на счетъ ситцу.

Гордѣю Евстратычу совсѣмъ было не жаль новыхъ вещей, купленныхъ имъ во время богатства, но когда понесли батуш-кину старинную мебель и батюшкину чайную посуду, сердце у него дрогнуло. Новыя вещи, какъ новые друзья, наживное дѣло, а вотъ стариннаго, батюшкина добра жаль до смерти, точно каж-дая щепка приросла къ сердцу. Да и какъ было не жалѣть этихъ старыхъ друзей, съ которыми было связано столько доро-гихъ воспоминаній: вонъ, на этомъ стулѣ, который волокеть теперь по улицѣ какая-то шустрая бабенка въ кумачномъ платкѣ,

батюшка-покойникъ любилъ сидѣть, а вонъ тѣ двѣ чашки, которыя достались женѣ плотиннаго, были подарены покойнымъ еу-момъ... Друзья уходили, а въ Брагинскихъ комнатахъ, точно послѣ пожара, водворилась печальная пустота, а полъ былъ покрытъ соромъ и слѣдами сотни ногъ.

На распродажу товаровъ въ лавкѣ народу набралась тьма, такъ что пробиться къ прилавку, за которымъ стоялъ приставъ съ своимъ молоткомъ, представлялись почти непреодолимые затрудненія. Большинство составляли, конечно, женщины, походившія сегодня на сумасшедшихъ: простыя бабы и жены служащихъ въ заводѣ были воодушевлены одними желаніями. У самаго прилавка стояла толстая попадья, которую давили со всѣхъ сторонъ; но она стончески выдерживала это испытаніе и только вытирала платкомъ вспотѣвшее красное лицо. Бабенки попросту немилосердно работали локтями и даже головой, продираясь впередъ и начинали бойкую ругань между собой, встрѣчая отпоръ. Въ числѣ другихъ были и Матрена Ильинична, и Агнѣя Герасимовна, и Пелагея Миневна съ Марфой Петровной; идти на аукціонъ въ Брагинскій домъ онѣ посоветовались и должны были произвести покупки черезъ Марфу Петровну, за то теперь онѣ могли вдосталь отвести душеньку. Панской батюшковъ товаръ шелъ за пятую часть цѣны, и матерію расхватывали штуками; особенно дешево сошли самыя дорогіе ситцы, шерстяныя матеріи и сукна. Гордѣй Евстратычъ присутствовалъ на аукціонѣ и все время смотрѣлъ, какъ обезумѣвшія бабенки рвали батюшкинъ панскій товаръ; онъ видѣлъ и Матрену Ильиничну, и Агнѣю Герасимовну, которыя набирали лучшіе куски. Мелькнуло въ толпѣ знакомое лицо Шабалинской Варьки, которая совсѣмъ не нуждалась въ дешевомъ товарѣ, а толкалась просто изъ любви къ искусству. Жажда легкой наживы слила всѣхъ женщинъ въ одно громадное цѣлое, жадно глядѣвшее сотнями горѣвшихъ глазъ и протягивавшее къ прилавку сотни хватавшихъ рукъ, точно это было какое мнѣическое животное, разрывавшее Брагинскую лавку на части. Что-то было страшное и безжалостное въ этой толпѣ, которая съ наслажденіемъ разносила чужое богатство.

— Пусть все берутъ... все на-чисто! — думалъ Гордѣй Евстратычъ, продолжая наблюдать, какъ изъ батюшкиной лавки панскій товаръ уплывалъ широкой пестрой волной.

— Тащите, ворите все, — шепталъ Брагинъ и улыбался страшной озлобленной улыбкой. — Обрадовались... Ха-ха!..

Домой онъ вернулся съ аукціона все съ той же улыбкой,

точно онъ сдѣлалъ какое-то неожиданное открытіе, которое пріятно изумило его самого. Все тѣнь, все пустыни и вездѣ ложь—вотъ общій выводъ, къ которому онъ приходилъ. Что жаловаться на Головинскаго или Жаренаго, когда свои старые дружки всѣ отвернулись отъ Гордѣя Евстратыча, какъ только заслышали о его разореніи... А теперь вонъ послали бабъ рвать остатки!.. Развязавшись съ своимъ имуществомъ, Брагинъ точно почувствовалъ самого себя лучше, по крайней мѣрѣ, могъ видѣть бездну мерзостей, которая поглотила его...

— Мамынька, чисто все!..—объявилъ матери Гордѣй Евстратычъ и опять засмѣялся.—Теперь только новый домъ остался одинъ. Его, говорятъ, Шабалинъ присматриваетъ...

Дѣйствительно, продажа товара изъ лавки и домашнихъ вещей едва покрыла только часть долга. Оставалось еще доплатить тысячи двѣ. Чтобы достать эту сумму, объявлены были торги на недостроенный Брагинскій домъ, который на переторжкѣ и остался за Вуоломъ Шабалинымъ; онъ стоилъ Брагину тысячъ восемь, а ушелъ за тысячу восемьсотъ рублей, причемъ Шабалинъ еще хвастался, что этой покупкой хотѣлъ вызволить стараго благопріятеля. Оставались несчастные двѣсти рублей, для уплаты которыхъ приходилось продавать старый Брагинскій домъ, но ужъ тутъ даже у адвоката рука не повернулась, и онъ позволилъ Гордѣю Евстратычу переписать одинъ вексель.

— Теперь чисто, мамынька,—говорилъ Брагинъ, когда всѣ эти передраги кончились.—Надо и о себѣ подумать. Наживали долго, промотали скоро... А грѣха-то, грѣха-то, мамынька... Съизнова придется начинать, видно, всю музыку, торговлишку и прочее.

Въ Гордѣй Евстратычѣ, подъ давленіемъ этихъ испытаній, произошла громадная перемѣна, точно онъ страхнулъ съ себя вмѣстѣ съ богатствомъ всѣ одолѣвавшіе его недуги, хотя прежняго Гордѣя Евстратыча уже не было. Умудренный и просвѣтленный опытомъ, онъ все-таки не могъ вернуть назадъ прежняго спокойствія. Самыя безпокойныя мысли одолѣвали его; онъ часто не спалъ по ночамъ и по долгу молился въ своей горницѣ. Собственная неправда теперь вставала передъ нимъ съ болѣзненной рѣжущей ясностью, но прошлаго не воротить, а впереди было темно, и Гордѣй Евстратычъ точно ждалъ какой-то новой бѣды, которая окончателно доканаетъ его, хотя теперь и бѣды ждать было не откуда. Разъ Брагинъ позвалъ къ себѣ въ горницу Татьяну Власьевну и спросилъ ее, куда она спрятала деньги, которые онъ отдалъ ей на сохраненіе.

— Какія деньги, милушка?—удивилась старуха.

— Какъ какія? А десять тысячъ, мамынька...

Татьяна Власьевна сдѣлала удивленное лицо, пожевала своими сухими губами и, разведя руками, кратко проговорила:

— Ты обмолвился видно, милушка. Никакихъ я денегъ отъ тебя не брала, окромѣ какъ по хозяйству...

— Мамынька, Христосъ съ тобой!.. Да ты припомни: я тебѣ отдалъ деньги спрятать, а ты ихъ еще въ узелокъ завязала... Десять тысячъ.

— Можеть, ты Владиміру Петровичу ихъ отдалъ, а я не упомяну, милушка...

Гордѣй Евстратычъ вскочилъ съ мѣста, какъ ужаленный и даже пощупалъ свою голову, точно сомнѣвался въ своемъ умѣ. А Татьяна Власьевна стояла такая спокойная, глазомъ не моргнетъ и по прежнему съ изумленіемъ смотрѣла на сына.

— Да ты шутишь, милушка? Ежели бы у тебя были такіе деньги, такъ не сталъ бы укціону все за безцѣнокъ спущать...

— Мамынька!.. И ты, какъ всѣ... О, Господи!.. Мамынька, очнись!..

Несмотря ни на какіе уговоры и увѣщанія Гордѣя Евстратыча, Татьяна Власьевна заперлась на своемъ и не хотѣла ни въ чемъ сознаться.

«Это въ ней Маркушеино золото заговорило», подумалъ Брагинъ, не вѣря еще своимъ глазамъ.

Онъ раскрылъ ротъ и что-то хотѣлъ сказать матери, но въ этотъ самый моментъ свалился на полъ, и только захрипѣлъ.

Ночью Гордѣй Евстратычъ умеръ.

XXIV.

Послѣ смерти Гордѣя Евстратыча Брагинскій домъ совсѣмъ опустѣлъ и точно замеръ. Татьяна Власьевна перенесла потерю сына съ христіанской твердостью и съ христіанской же твердостью дѣлалась все скупѣе и скупѣе, ко всѣмъ придиралась, ворчала и брюзжала съ утра до ночи, такъ что на всѣхъ нагоняла смертную тоску. Посторонніе люди теперь рѣдко заглядывали въ Брагинымъ, да и тѣ, кто приходилъ, были не рады, потому что Татьяна Власьевна всѣхъ одоѣвала жалобами на свою бѣдность. Скупость старухи доходила до смѣшного, такъ что она всю семью просто сморила голодомъ. Даже старая кривая Маланья, и та потихоньку ворчала въ своей кухнѣ, проже-

вывая свою корочку чорнаго хлѣба, которой ее же и попрекали. Съ ранняго утра Татьяна Власевна поднималась на ноги и цѣлый день бродила по дому, какъ тѣнь, точно она все чего-то искала или кого-то поджидала.

— Совсѣмъ наша старуха рехнулась, — говорила Маланья: — чего шатуномъ-то бродить по горницамъ, какъ затумленная... Прости ты меня, Господи!..

Теперь во флигельѣ опять поселился Зотушка и занялся разнымъ мастерствомъ: стрипалъ пряники, клеилъ какія-то корбочки, дѣлалъ ребятишкамъ свистульки — все это продавалъ и деньги сполна отдавалъ матери. «Источникъ» пригодился семьѣ въ самую трудную минуту и почти одинъ прокармливалъ семью своими художествами, потому что Михалко и Архишъ проживались въ Бѣлоглинскомъ безъ всякаго дѣла и вдобавокъ пьянствовали. Пьяный Михалко каждый разъ исправно отправлялся къ Савинымъ, требовалъ Аришу и производилъ какой-нибудь скандалъ, а разъ даже выбилъ всѣ стекла въ окнахъ. Впрочемъ, послѣдняя штука была придумана Володькой Пятовымъ, который тоже болтался теперь въ Бѣлоглинскомъ заводѣ, по обыновенію, безъ всякаго дѣла и постоянно подбивалъ Михалку добывать жену, какъ еще совѣтовалъ покойный Гордѣй Евстратычъ. Михалко нѣсколько разъ пьяный ходилъ въ волость и требовалъ, чтобы привели ему жену силой. Можетъ быть, при самомъ Гордѣѣ Евстратычѣ и можно было устроить такой «оборотъ», но теперь волостные только посмѣивались надъ ругавшимся Михалкой: Савины были люди сильные и вліятельные, и противъ нихъ идти было трудно. Архишъ даже не пытался воротить жену, и скоро исчезъ куда-то на прѣискъ, куда его отрекомендовалъ Шабалинъ.

Между тѣмъ по Бѣлоглинскому заводу ходили самые упорные слухи, что Брагины обанкрутились только для видимости, а деньги скрыли и теперь только прикидываются бѣдными, чтобы отвести глаза. Этому вѣрили даже такіе люди, которые слыли самыми обстоятельными и разсудительными. Когда о. Крискента спрашивали объ этомъ щекотливомъ обстоятельствѣ, онъ, застѣвая и растегивая пуговицы своего подрясника, выражался очень уклончиво и говорилъ больше о томъ, что Гордѣй Евстратычъ по церкви отсчитался на чисто, хотя, конечно, и т. д. Главнымъ источникомъ, откуда расходились эти слухи, являлся Шабалинскій домъ. Вуколъ Логиничъ не стѣснялся и всѣмъ говорилъ:

— Извѣстная вещь: деньги у старухи, вонъ она какъ прищиплилась. Ежели бы я до нея имѣлъ касательство, такъ не

бойсь, все бы отдала. Знаемъ мы, какая такая ихняя бѣдность! Побогаче насъ будутъ... Спасеная-то душа не глупѣе насъ съ вами, хоть кого проведетъ. Только понапрасну она деньги сгонитъ, вотъ чего жалъ.

Варвара Тихоновна вполнѣ раздѣляла мысли своего сожителя и постоянно настраивала Михалку противъ бабушки. Этой потерянной женщинѣ нравилось этимъ путемъ донимать спасеную душу, оплачивая съ лихвой за то презрѣніе, съ какимъ Татьяна Власьева всегда относилась къ «Шабалинской наложницѣ». Михалко съ своимъ другомъ Володькой Пятовымъ часто бывали теперь въ Шабалинскомъ домѣ, особенно когда не было на лицо самого Вукола Логинныча. Варвара Тихоновна не прочь была разиграть роль настоящей хозяйки дома, и она принимала молодыхъ людей съ такою же непринужденностью, какъ и «настоящія дамы», хотя и неоднократно была бита за такое «мотовство» пьянымъ Вуколомъ Логиннычемъ. Эти бурныя сцены обыкновенно заканчивались примиреніемъ, и Варвара Тихоновна еще успѣвала выпросить себѣ какой-нибудь цѣнный подарокъ, а за синяками и зуботычинами она не гонялась, хотя всегда и высказывала очень логично ту мысль, что, вѣдь, она не законная жена, чтобы ее полосовать, какъ корову.

— А ты прямо на горло наступи старухѣ, — учила Михалку Варвара Тихоновна... Не бойсь, отдать деньги, если прижать ей хвостъ-то. Чего смотрѣть ей въ зубы-то. Всѣ въ голосъ кричатъ, что Татьяна Власьева спрятала деньги. Ужъ это вѣрно, какъ въ аптекѣ...

Въ одно прекрасное утро, послѣ очень веселой ночи въ Шабалинскомъ домѣ, Михалко отправился въ сопровожденіи Володьки Пятова къ бабушкѣ, чтобы наступить ей на горло. Обоимъ было спохмѣля, а Варвара Тихоновна, для пущей бодрости, не дала и опохмѣлиться. Лицо у Михалки было красное и опухшее, глаза налиты кровью, волосы взъерошены; Володька Пятовъ былъ не лучше и только ухмылялся въ ожиданіи предстоящаго боя со старухой. У него такъ руки и чесались на всякій скандалъ, а тѣмъ болѣе на такой скандалъ, въ результатъ котораго могли получиться даже деньги. Михалко шелъ къ родительскому дому въ угрюмомъ молчаніи, потому что побаивался строгой бабушки, которая, чего добраго, еще боже, пожалуй, наколотитъ. Въ немъ говорило то чувство инстинктивного страха, которое онъ усвоилъ еще съ дѣтства къ большому. Брагинская семья держалась старинныхъ правилъ, и большаки не давали потачки молодятнику. Молодые люди, не снимая шапокъ, ввалились прямо

въ горницы, гдѣ была одна Нюша, и немного замаялись для перваго разу.

— Намъ бы, Анна Гордѣвна, бабушку Татьяну повидать... — началъ первый Володька Пятовъ, раскланявшись съ дѣвушкой со всякимъ почтеніемъ, какъ прилично галантерейному молодому человѣку.

Нюша сразу замѣтила по лицамъ обоихъ друзей, что они пришли не съ добромъ и попробовала спасти бабушку тѣмъ, что не сказала ее дома.

— Врешь, Нютка!.. — хриплымъ голосомъ оборвалъ ее Михалко, пошатываясь на мѣстѣ. — Ты заодно съ бабушкой-то, а у насъ до нее дѣло есть.

Нюшу изъ неловкаго положенія выручила сама бабушка Татьяна, которая въ этотъ моментъ вошла въ горницу. Старуха прищуренными глазами посмотрѣла на замаявшихся при ея появленіи молодыхъ людей и сухо спросила Михалку:

— Ты што это, милушка, спозаранку шары-то налил¹⁾? Отъ какой это радости пры-то пирнешь?.. Мы тутъ безъ хлѣба сидимъ, а онъ винище трескаетъ...

— А ты, бабушка Татьяна, не больно тово... — вступился Володька Пятовъ, чтобы придать бодрости пятавшемуся Михалкѣ. — Мы, вѣдь, къ тебѣ по дѣлу пришли...

— Какое-такое дѣло у васъ можетъ быть, прохвосты вы такіе! — закричала Татьяна Власевна. — Да я васъ въ три пени отсюда. Вотъ повову Маланью, да кочергой какъ примусь обихаживать, только щепы полетать.

— А ты, бабушка, въ самъ дѣлѣ не больно тово... не шеперся, — заявилъ съ своей стороны Михалко, не желая показать себя трусомъ предъ улыбавшимся прітелемъ. — Мы на счетъ денегъ пришли, тятинька которая оставилъ... Да! Ужъ ты какъ хошь, а деньги подавай. Вѣрно тебѣ говорю...

Вмѣсто отвѣта Татьяна Власевна, собравъ остатки своихъ дряхлыхъ силъ не съ старческой живостью вцѣпилась въ волосы Михалки обѣими руками и принялась его таскать изъ стороны въ сторону, какъ бабы вытаскиваютъ изъ грады кустъ картофеля или заматерѣвшую рѣдьку. Михалко совсѣмъ оторопѣлъ отъ такого пріема и даже не защищался, а только моталъ своей головой, какъ пойманная на арканъ лошадь.

— Бабушка... а ты все-таки подда-ай деньги-то!.. — выкрики-

¹⁾ Шары по уральскому говору — глаза.

валъ Михалко, продолжая мотать головой. — Вѣрно тебѣ говорю... тятинькины вѣдь деньги-то!..

— Вотъ тебѣ тятинькины деньги, непутевая твоя голова!.. вотъ тебѣ тятинькины деньги...

Растерявшійся Володька Патовъ, привыкшій въ настоящему галантерейному обращенію, стоялъ, разинувъ ротъ, и даже попытлся къ дверямъ, когда Татьяна Власьева выразила явные признаки непремѣннаго желанія познакомиться и съ его кудрявой шевелюрой.

— Постой, шатуны, я и до тебя доберусь!..—кричала раскодившаяся старуха, наступая на Патова. — Давай-ко сюды свою-то пустую башку, я тебѣ расчесу кудри-то...

Попытка наступить на горло старухѣ и добыть отъ нея тятинькины деньги кончилась тѣмъ, что молодые люди обратились, наконецъ, въ постыдное бѣгство, такъ что даже Нюша хотела надъ ними до слезъ. Черезъ нѣсколько дней Михалко съ Патовымъ повторили свою попытку, но на этотъ разъ Татьяна Власьева просто велѣла Зотушкѣ затворить ворота на запоръ.

— Подавай тятинькины деньги, старая гримза!..—ругался Михалко, стуча въ ворота палкой. — Мы тебя уже такъ распатривимъ...

Скандалъ вышелъ на всю улицу, какъ въ тотъ разъ, когда въ Брагинскія ворота ломился Самойло Михѣичъ; опять въ окнахъ Пазухинскаго дома торчали любопытныя лица, и Старая Кедровская улица оглашалась пьяными криками и крупной руганью.

Татьяна Власьева собственно Михалка и Патова не боялась ни на волосъ, но ее беспокоило то, что всѣ толкуютъ о припрятанныхъ тятинькиныхъ деньгахъ. Значить, подозреваютъ, главнымъ образомъ, ее, и поэтому будутъ слѣдить сотни глазъ за каждымъ ея шагомъ, а потомъ, чего добраго, еще подпустить къ ней какихъ-нибудь воровъ. Старуха тряслась какъ въ лихорадкѣ при одной мысли о возможности потерять свое сокровище, и сдѣлалась еще осторожнѣе и подозрительнѣе. Съ другой стороны, вѣдь, про всѣхъ банкротовъ болтаютъ всегда одно и тоже, т.-е. о спрятанныхъ деньгахъ,—значить, на такую болтовню и вниманія обращать не стоитъ, благо, никто не знаетъ о томъ, какъ покойный милушка передавалъ ей деньги. Въ видахъ осторожности Татьяна Власьева перевела Зотушку изъ флигелька въ батюшкинъ домъ и помѣстила его рядомъ съ своими горенками; «источникъ» перетаскилъ за собой всѣ свои художества и разложилъ ихъ по разнымъ полкамъ и дощечкамъ, которыя умѣлъ прилаживать съ величайшимъ искусствомъ. Тутъ были и птичьи

западни, и начатая вязать мережка, и коллекція пишиковъ и дудочекъ для приманки птицы, и какія-то разноцвѣтныя стеклышки, лежавшія въ зеленой коробочкѣ вмѣстѣ съ стальнымъ заржавѣвшимъ перомъ и обломкомъ сургуча, и та всевозможная дрянь, которой обыкновенно набиты карманы ребятъ. Зотушка и походилъ на ребенка въ своей дѣтской обстановкѣ и по цѣлымъ часамъ былъ занятъ обдумываніемъ самыхъ остроумныхъ комбинацій, при помощи которыхъ изъ окружавшей его дряни получались разныя мудренныя диковинки. Собственно говоря, въ своей странной дѣтской работѣ старикъ являлся не ремесленникомъ, а настоящимъ художникомъ, создававшимъ постоянно новыя формы и переживавшимъ великія минуты вдохновенія и разочарованія—эти неизбежныя полюсы всякаго творчества. Вѣроятно, въ силу своихъ художественныхъ задатковъ, Зотушка и пилъ иногда горькую чашу, какъ это дѣлаютъ и заправскіе художники.

Перемены въ матери и истинныя причины такой перемены Зотушка зналъ и видѣлъ раньше другихъ, съ тѣмъ прозорливымъ инстинктомъ, который ему открывалъ многое. Конечно, у матери были деньги, въ этомъ Зотушка не сомнѣвался, и эти деньги были не батюшкины, а именно отъ проклятой Маркушкиной жилки, которая всю Брагинскую семью загубила. Зотушка зналъ, что эти деньги появились у матери еще очень недавно, и что они ее мучаютъ денно и нощно.

— Помучила нашу старуху Маркушкина жилка,—раздумывалъ про себя Зотушка, выстрагивая перочиннымъ ножичкомъ тонкую березовую зелинку для новой клѣтки.—Еще будетъ грѣхъ съ этими деньгами... Оценюшку загубили жилкой, братецъ Гордѣй Евстратычъ отъ нея же ушелъ въ землю, племянни совсѣмъ замotalись, какъ чумныя телята... Охъ-хо-хо!.. Охъ, неладно, мамынька, ты удумала!..

Много разъ думалъ Зотушка поговорить съ мамынькой по душѣ, но все откладывалъ, потому что, все равно, никакого бы толку изъ этого разговору не вышло, и Зотушка ограничивался только разными загадками и притчами, которыя при случаѣ загадывалъ старухѣ. Между прочимъ, онъ особенно любилъ пѣть въ длинныя зимніе вечера стихъ объ «убогіимъ Лазарѣ»: пусть, дескать, послушаетъ старуха и мотааетъ себѣ на усь. Но старуха и не думала слушать пѣнія Зотушки, за то слушала его Ньюша—придетъ съ какой-нибудь работой въ Зотушкину горенку, сядетъ въ темный уголокъ и не шевелится, пока Зотушка дребез-

жающимъ голосомъ танеть свой заунывный стихъ, переливавшійся чисто монашескими мелодіями.

Между Ньюшей и Зотушкой быстро установились самыя короткія отношенія, хотя между собой они разговаривали очень мало. Это было безмолвное соглашеніе; стороны читали между строкъ и отлично понимали другъ друга. Раньше такого сближенія не могло произойти изъ-за разницы возрастовъ, а теперь Ньюша, умудренная горемъ, доросла вдругъ до философскаго возрѣнія Зотушки на жизнь. И по наружности она мало походила на дѣвушку, а скорѣе на молодую женщину: высокая, блѣдная, съ тонкимъ лицомъ, потерявшимъ дѣвичью округлость линій, съ матовой, почти прозрачной кожей, она точно перенесла одну изъ тѣхъ мудреныхъ болѣзней, которыя разомъ перерождаютъ человека. Особенно хороши были у Ньюши глаза — темные, глубокіе, блестящіе, они точно сдѣлались больше и смотрѣли такимъ просвѣтленнымъ тихимъ взглядомъ, какъ у монахини. Даже Зотушка иногда любовался на свою племянницу и отъ души жалѣлъ ее, зачѣмъ такая красота вянеть и сохнетъ въ разоренномъ дому, который женихи будутъ обгѣгать, какъ чуму.

— Зотушка, спой тотъ стихъ, помнишь, про старца? — просила однажды Ньюша работавшаго дядю.

Зотушка ничего не отвѣтила, а, поискавъ что-то въ своихъ коробочкахъ, затулила стихъ, который такъ любила еще покойная барышня — Олена:

И-идеть старецъ пою до-рооогѣ...
Черноризецъ да по широоокой!..
На встрѣчу ему самъ Господь Богъ.
„О чемъ ты, старче, слезно плачешь?
Да и о чемъ ты возрыдаешь?“
„Какъ мнѣ старцу жить да не плакать:
Одогнали меня злыя мысли...“

— Я въ скиты уйду, Зотушка, — проговорила Ньюша, когда стихъ кончился.

— Погоди, не торопись, голубка... Мало ли что бываетъ: можетъ, и другія мысли въ головѣ заведутся вмѣсто скитскихъ-то. Не все же намъ бѣду бѣдовать...

— Нѣтъ, Зотушка, я замужъ не пойду. На другихъ-то глядѣть тяжело, не то что самой вѣкъ маяться.. Вонъ, какіе нонѣ мужья-то пошли, взять хоть Михалку съ Архимомъ! Вездѣ неправда да обманъ, да обида... Бабенокъ жалъ, а ребятишекъ вдвое.

— Ахъ, голубка, голубка... Разъ Михалко да Архипъ то же бы были, еслибы не подвернулась эта Маркушкина жилка? Отъ нея все, весь грѣхъ—все отъ нея. Вонъ, бабушка-то какая нонѣ ходитъ, точно угорѣла...

— Зачѣмъ ты такія слова говоришь, Зотушка?

— А потому и говорю, что надо такія слова говорить. Разъ у меня глазъ нѣтъ? О-охъ грѣхи наши, грѣхи тяжкіе!.. Эти деньги для человѣка все одно, что борода или чирей: болѣть не болитъ, а все съ ума нейдутъ.

— У бабушки-то какія деньги? Чтѣ-ты, Зотушка, Христосъ съ тобой...

— Ну, ну, не прикидывайся... Сама давно, поди, примѣчаешь, да только молчишь. И я тоже молчу, а тебѣ скажу.

Дѣйствительно, Нюша думала именно такъ, какъ говорилъ Зотушка, хотя боялась въ этомъ признаться даже самой себѣ и теперь невольно покраснѣла, какъ пойманная. Но Зотушка сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ и затянулъ своего убогаго Лазаря, который, покрытый струпами, лежалъ у дверей ликовавшаго въ своихъ палатахъ богача.

— «Неужели бабушка дѣйствительно утѣла тятинькины деньги?» — думала дѣвушка, слушая Зотушкинъ стихъ.

Вообще въ Брагинскомъ домѣ катилась самая мирная жизнь, смахивавшая на монастырскую; скоро всѣ къ ней привыкли настолько, что прошлое начало казаться какимъ-то тяжелымъ сномъ. Но это мирное существованіе скоро было нарушено появленіемъ Алены Евстратьевны, которая передъ Рождествомъ нарочно пріѣхала провѣдать родныхъ. Она была очень больна послѣдніе полгода и поэтому не могла пріѣхать раньше. Первымъ дѣломъ, конечно, Алена Евстратьевна расплакалась и расступилась о покойномъ братцѣ Гордѣѣ Евстратычѣ и своими причитаніями навела на всѣхъ такую тоску, хоть бѣги вонъ изъ дому. Особенно жалелась Алена Евстратьевна надъ Нюшей и оплакивала ее, какъ мертвую.

— Что это вы, тетинька, такъ убиваетесь обо мнѣ? — удивлялась Нюша. — Проживемъ по-маленьку съ бабушкой.

— А когда бабушка умретъ, Нюша, тогда что? Вотъ то-то и есть... Твое дѣвичье дѣло, куда ты дѣнешься?.. Молоденькая да хорошенькая—не въ монастырь же идти. Охъ, не въ пору вдумалъ братецъ умирать, надо бы тебя было сначала пристроить. Ужъ такъ не хорошо, такъ не хорошо!.. Какъ услышала я о смерти братца, такъ у меня сердце кровью и облилось... И братца-то жаль, а тебя, горюшку, вдвое!.. Съ этого

самаго еще пуще расхворалась. Думала ужъ и на ноги не встану, а вотъ Богъ еще привелъ свидѣться. Хоть погорюемъ вмѣстѣ, все же оно легче. Всѣ, вѣдь, поди отъ васъ теперь отвернулись? Это ужъ всегда такъ бываетъ: къ богатымъ, какъ къ меду, льнутъ, а отъ бѣдныхъ бѣгутъ. А вотъ своя-то кровь, Нюша, и скажется... Вѣдь, не чужіе вы мнѣ, вотъ я и скрутилась къ вамъ. Дома-то растворено - не замѣшано, еще еле на ногахъ брожу, а сама къ вамъ... Все сердечушко избогѣлось, думаю, хотя погляжу на нихъ. И такая меня тоска взяла, такая тоска.

Алена Евстратьевна навезла изъ Верхотурья всякаго припасу: муки, рыбы, меду, соленыхъ грибовъ и сушеныхъ ягодъ. Все это она сейчасъ же передала матери и скромно замѣтила, что «ваше теперь сиротское дѣло, гдѣ ужъ вамъ взять-то, а я всего и захватила съ собой на всякій случай...»

— Спасибо, спасибо, что не забываешь насъ, — благодарила Татьяна Власьева, прибирая кульки, мѣшечки и бураки съ разнымъ припасомъ. — Наше дѣло куды какое небогатое, хоть по-міру идти, такъ въ ту же пору...

— Что вы, маменька!!.. А я то на что? Хоть вы на меня и прогнѣвались тогда, ну, да я все забыла! была и моя вина... Думаю, хоть теперь старушку вонючъ буду.

Татьяна Власьева была рада неожиданной помощи, но ни одному слову модницы не вѣрила и часто смотрѣла на нее испытующимъ окомъ. Зотушка тоже всполошился и, наговоривъ модницѣ колкостей, перебрался въ свой флигель съ всѣмъ своимъ мастерствомъ.

— Ужъ не даромъ прилетѣла наша жаръ-птица, — ворчалъ старикъ про себя, приколачивая свои малочки къ покосившимся стѣнамъ флигеля. — Ишь, какъ она глазами-то шмыгаетъ по всему дому... Охъ, не ладно, больно не ладно!.. Баку-нибудь моду привезла опять съ собой наша Алена Евстратьевна.

— «Навѣрно объ деньгахъ слышались — вотъ и пригнала, не пронюхаетъ ли что на свою долю», — соображала Татьяна Власьева, наблюдая свою модницу. — «Только это ужъ вы, Алена Евстратьевна, даже совсѣмъ напрасно беспокоились...»

Сама Алена Евстратьевна и виду не показывала, что замѣчаетъ что-нибудь, и только все льнула къ Нюшѣ и такъ обоняла своими ласковыми рѣчами дѣву, что та повѣрила и ея горю по братцѣ, и слезамъ, и жалобнымъ словамъ, какія умѣла говорить модница. Бабушка Татьяна была стара для Нюши, притомъ постоянно ворчала, да охала; Зотушка былъ какой ни-на-

есть мужчина, а тетинька Алена Евстратьевна была женщина, и ее женское участіе трогало Ньюшу, потому что она могла съ этой тетинькой говорить о многомъ, что никогда не сказала бы ни бабушкѣ, ни Зотушкѣ. Модница быстро вошла въ свою роль и подъ рукой успѣла вывѣдать, что думаетъ Ньюша объ Алексѣѣ Пазухинѣ, а такъ же кое-что и о бабушкѣ Татьянѣ и обстоятельствахъ смерти братца. Отъ ее вниманія не ускользнуло то важное обстоятельство, что у братца съ маминькой былъ какой-то крупный разговоръ, а потомъ то, что бабушка Татьяна сильно скупится.

— А я вѣдь къ вамъ не спроста приѣхала-то, маминька, — объявила Алена Евстратьевна, поживъ въ Бѣлоглинскомъ съ недѣлю и успѣвъ побывать вездѣ.

— Вижу, что не спроста...

— Вину-то свою я хорошо помню.

— Какую вину?

— Ну, какъ я тогда разстроила свадьбу Ньюши съ Алексѣемъ.

— Да, да... Вотъ теперь и полюбуйся! Кабы не ты тогда, такъ жила бы да жила наша Ньюша, припѣваючи, а теперь вонъ Пазухины-то и глядѣть на насъ не хотятъ.

— Ужъ это обнаковенно, маменька. Разъ я этого не чувствую? Можеть, сколько слезъ выпала за свою-то глупость...

— Такъ за какимъ дѣломъ-то приѣхала? Говори ужъ прямо, не разводи бобовъ-то...

— А такое и дѣло, маменька, что я хочу исправить этотъ самый грѣхъ предъ Ньюшей. Хочу ей судьбу устроить... Есть у насъ въ Верхотурѣ одинъ человекъ, Павелъ Митричъ Косаковъ. Онъ раньше въ станovýchъ службахъ, а теперь такъ, своими дѣлами занимается. Очень оборотистый человекъ, маменька, и домикъ свой имѣетъ. Хозяйство самъ ведетъ и прочее всякое. Ну, онъ и видѣлъ какъ-то Ньюшу въ церкви, когда былъ въ Бѣлоглинскомъ. Очень ужъ она ему по вкусу припала... Вотъ онъ и просилъ меня поразвѣдать, что и какъ. И вѣдь какой человекъ-то, маменька! молодой, красивый, рослый... Наши-то невесты за нимъ страсть гоняются, да онъ и глядѣть на нихъ не хочетъ, потому какъ ему свой вкусъ лучше знать.

— Да чѣмъ онъ занимается, не пойму я что-то?..

— Своими дѣлами, маменька... Ахъ, какія вы непонятныя, маменька! Вѣдь это прежде было такъ, что тотъ и человекъ, кто на службѣ или ремесломъ какимъ занимается, а нынче ужъ не то, нынче народъ куда оборотистѣе пошелъ. Посмо-

трите-ка на богатыхъ господъ по городамъ, чѣмъ они занимаются? И сами не знаютъ, а деньги такъ лопатой и гребутъ. Это кто съ понятіемъ, конечно, живетъ. А Павелъ Митричъ на всѣ руки: у него и пріискъ есть, и торговлишка маленькая, и по судамъ дѣла ведетъ. Больше по судамъ... Купецъ какой въ пьяномъ видѣ нагрезить, сейчасъ къ Павлу Митричу: «выправьте, Павелъ Митричъ!» А Павелъ Митричъ сейчасъ бумагу напишетъ да сотенную и получить. Это за одинъ часъ... Да недалеко сказать — Вуколъ Логинычъ ему недавно двѣсти рублей за одну корову заплатилъ. И вѣдь какъ просто дѣло все: искалъ золото Вуколъ Логинычъ около одной деревни, да шахту одну и не завалялъ, а у одного мужика корова въ шахту и свались. Ну, obviously, мужикъ къ Вуколу Логинычу: «пожалуйте пятнадцать рублей за корову, потому какъ по закону въ шахту должны завалить». А Вуколу-то Логинычу это слово и не поглянись, что онъ его закономъ-то хотѣлъ пристращать. «Когда, говоритъ, такія слова со мной говоришь, двухъ копѣекъ не отдамъ». Ну, мужикъ, obviously, къ мировому, а Вуколъ Логинычъ къ Павлу Митричу: «тысячи не пожалѣю, только мужику не отдавать бы этихъ пятнадцати рублей». Мировой все-таки присудилъ взыскать съ Вукола Логиныча, а Павелъ Митричъ въ сѣздѣ мировыхъ — сѣздъ тоже присудилъ, что и мировой, а Павелъ Митричъ въ сенатъ... Ну, Шабалинъ-то ему ужъ двѣсти рублей заплатилъ да еще двѣсти обѣщаетъ. Вотъ какъ оборотистые — то люди, маменька, живутъ на свѣтѣ: за чужую корову четыреста рубликовъ получить и не поморщится.

— Да про такого человѣка, Аленушка, ровно страшно и подумать... Вѣдь, онъ насъ всѣхъ тутъ засудить! Ежели бы еще онъ изъ купечества, а то Господь его знаетъ, что у него на умѣ. Вонъ, какъ насъ Головинскій-то обулъ на обѣ ноги! все до чиста спустилъ... А ужъ какой легкій на слова былъ, песъ, прости ты меня, Владычица!.. Чего-то боюсь я этихъ вашихъ городскихъ...

— Ахъ, маменька, маменька, какія вы слова рассуждаете? Не всѣ же плуты да мошенники по городамъ. — Живу же я, не жалуюсь.

— Твое совсѣмъ другое дѣло: у тебя мужъ купецъ, ну, а эти оборотистые-то...

— Да вы, маменька, то подумайте: оборотистаго, хорошаго человѣка, который живетъ съ настоящимъ понятіемъ, вы боитесь, а того не боитесь, что вы сегодня живы и здоровы, а завтра Богъ вѣсть... Не къ тому, слово говорится, маменька, что я

смерти вашей желаю, а къ примѣру: всѣ подѣ Богомъ ходимъ. Вотъ я и моложе васъ, а чуть нонѣ совсѣмъ ноги не протянула...

— Это ты вѣрно говоришь, Аленушка, я и сама часто о смертномъ часѣ думаю. Тоже мои года не маленькіе: на семьдесятъ шестой перевалило... А все-таки, страшно, Аленушка! Не знаемъ мы этого Павла Митрича, а чужая душа—потемни.

— Да, вѣдь, я-то его знаю, маменька? Такъ же вотъ отлично знаю, какъ васъ... Ужъ если это не женихъ, такъ я ужъ не знаю. Вѣдь, хотѣли же свалить Нюшу за Алешку Пазухина, а за такого человѣка боятесь!.. А вы еще такъ подумайте: умерли вы, а Нюша осталась одна одинешенька. И то надо сказать, маменька, — договорила она жалостливо, — какіе теперь ваши достатки: дай Богъ одну голову прокормить, да вамъ однимъ-то много ли и надо! А Нюша все-таки дѣвушка молодая, то да се, все расходы, да расходы... Прямо сказать, выйдн бы она замужъ, вы жили бы въ своей половинѣ съ Маланьей, а въ горницы пустили бы квартирантовъ, а при Нюшѣ и квартирантовъ-то пустить не ловко: всякій про дѣвку худое слово скажетъ... Чужой человѣкъ въ дому хуже колокола.

— Не знаю, какъ ужъ тебѣ сказать-то, — уклончиво говорила Татьяна Власьевна, — ты бы привезла его хоть показать, нельзя же позачоть...

Аленѣ Евстратьевнѣ только этого и нужно было, она живо укатила въ Верхотурье за оборотистымъ женихомъ.

XXV.

Чтобы не уронить себя, какъ сваху, Алена Евстратьевна наставила Татьяну Власьевну подождать и привезла жениха только послѣ Рождества. Павелъ Митричъ Косяковъ оказался действительно виднымъ, рослымъ мужчиной съ красивымъ, бойкимъ лицомъ и развязными манерами; говорилъ онъ очень свободно и обращался съ дамами необыкновенно галантерейно. И одѣтъ былъ Косяковъ съ иголочки: все у него было новое, а на рукахъ перстни «съ суперниками»¹⁾. Золотые часы съ тяжелой золотой цѣпочкой и золотыми брелоками, золотыя запонки у рубашки—все свидѣтельствовало самымъ неопровержимымъ

¹⁾ Суперниками на Уралѣ называютъ крупные драгоценные камни, преимущественно тяжеловѣсы.

образомъ объ оборотистости Павла Митрича, такъ что Татьяна Власьевна осталась имъ очень довольна. И держалъ себя Косиковъ такъ скромно, обходительно, даже водки вапалъ въ ротъ не бралъ, а картъ и въ глаза не видывалъ. Только одно не нравилось Татьянѣ Власьевнѣ въ женихъ: ужъ больно у него глаза были «острые», такъ и бѣгаютъ. Пожалуй, покойному Гордѣю Евстратычу такой женихъ и не поглянулся бы да ужъ теперь такое дѣло подошло, что выбирать нечего, а Нюшу кормить да одѣвать нужно.

— Больно онъ глазами у тебя бѣгаетъ, — объяснила свои сомнѣнія модницѣ Татьяна Власьевна. — Знаешь, и лошадей когда выбираютъ, такъ обходятъ тѣхъ, у которыхъ глаза кругліи, больно норовистые издаются.

— Всѣмъ деревни не выбрать, маменька, а Павелъ Митричъ объ насъ съ вами не заплачетъ: посмотреть невесту и уѣдетъ. Ему только рукой повести, какъ галокъ, налетитъ. Какъ знаете, я не навязываю вамъ жениха, а только мнѣ Нюши-то жалъ... Это отъ сытости да отъ достатковъ жениховъ разбираютъ. Можеть, у васъ гдѣ-нибудь припрятаны деньги, вотъ вы и ломаетесь надо мной.

— Да, вѣдь, я такъ сказала, къ слову... Этакое ты, Аленушка, купоросное масло!.. Такъ и вертишь языкомъ-то, какъ шиломъ.

Зотушка тоже пришелъ посмотреть на жениха и остался имъ недоволенъ по всѣмъ статьямъ.

— Привезла намъ Алена Евстратьевна какого-то ратника, — ворчалъ онъ въ своемъ флигельѣ. — Онъ, женихъ-отъ, вонъ какъ буржулами своими ворочаетъ и еще прикидывается: «не пью!» Знаемъ мы васъ, какъ вы не пьете, а только за ухо льете.

Послѣ необходимыхъ переговоровъ и церемоній показали жениху и невесту, причемъ, конечно, о сватовствѣ не было и рѣчи, а всѣ говорили о самыхъ постороннихъ вещахъ. Нюшѣ женихъ тоже не понравился, хотя ее объ этомъ никто и не спрашивалъ. Чтобы поднять свои курсы, Алена Евстратьевна пригласила о. Крискента, въ качествѣ эксперта, которому такія дѣла ужъ должны быть извѣстны доподлинно, потому что въ годъ-то онъ сколько свадебъ свѣнчаетъ. Отецъ Крискентъ нашелъ какъ разъ то, чего желала Алена Евстратьевна и, побесѣдовавъ съ Павломъ Митричемъ о разныхъ духовныхъ предметахъ, выразился о немъ въ разговорѣ съ Татьяной Власьевной такъ:

— Съ головой человѣкъ.

— Сама вижу, о. Крискентъ, что не безъ головы, да только зѣдь въ него не влѣзешь,—сомнѣвалась Татьяна Власевна. — Вѣдь не шуточное дѣло затѣвается.

— Совершенно справедливо изволите разсуждать.

Дѣло заварилось не на шутку и, при содѣйствіи о. Крискента, скоро было кончено: Нюша была помолвлена за Косякова. Эта новость облетѣла весь Бѣлоглинскій заводъ и еще разъ сдѣлала Брагинскую семью героемъ дня, причемъ толкамъ и пересудамъ конца не было. Одни говорили, что Косяковъ богатъ и отличный человѣкъ, другіе,—что онъ прощальга и прохвость, третьи,—что женится—перемѣнится и т. д. Въ Брагинскомъ домѣ теперь шла настоящая сумятица, которую производили свадебныя подружки Нюши; онѣ шили, пѣли и наполняли весь домъ беззаботнымъ смѣхомъ. Присутствіе Михалки и Володьки Пятова особенно одушевляло эту компанію, хотя Татьяна Власевна и не особенно жаловала своихъ недруговъ, но ужъ случай такой выпалъ, что сердиться не приходилось. Павелъ Митричъ держалъ себя, какъ и слѣдуетъ настоящему жениху: осматривалъ всѣхъ подарками, постоянно цѣловался съ невѣстой и угощалъ встрѣчнаго и поперечнаго. Но первая роль, конечно, принадлежала модницѣ Алентѣ Евстратьевнѣ, которая всѣмъ верховодила и распоряжалась, какъ у себя дома. Она поспѣвала вездѣ: все видѣла и ничего не забывала. Только одно было не хорошо на этой свадьбѣ-скороспѣлкѣ: невѣста была круглая сирота, и поэтому пѣлись все такія печальныя пѣсни, которыя превращали свадьбу въ поминки; да и невѣста была такая скучная и часто плакала.

— Вотъ братецъ не дожили до такой радости,—говорила Алена Евстратьевна,—то-то они порадовались-бы. Братецъ покойникъ веселые были въ компаніи... Другому молодому супротивъ нихъ не устоять!..

Общее веселье отчасти омрачилось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Зотушка жестоко захворалъ и даже совсѣмъ исчезъ изъ дому, неизвѣстно куда. Его, впрочемъ, и не разыскивали, потому что было не до того, у всѣхъ хлопотъ было полночь ротъ.

Молодыхъ вѣнчалъ, конечно, о. Крискентъ въ только-что отстроенной церкви, на которую Татьяна Власевна когда-то таскала кирпичи. Народу было биткомъ набито, и бабы поголовно восхищались счастливой парочкой. Въ этой пестрой толпѣ много дѣвушекъ завидовали дикому счастью Нюши, которая подцѣпила такого жениха, а невѣста стояла такая блѣдная, съ опухшими

отъ слезъ глазами, и вѣнчальная свѣча слабо дрожала въ ея рукахъ. Вечеромъ въ Брагинскомъ домѣ былъ устроенъ настоящий пиръ, на которомъ мужчины и женщины напились до безобразія. Молодыхъ поздравляли, отпускали на ихъ счетъ самыя сальныя шуточки, такъ что съ Нюшей подъ вонецъ сдѣлалось дурно...

Татьяна Власьева рассчитывала такъ, что молодые сейчасъ послѣ свадьбы уѣдутъ въ Верхотурье, и она устроится въ своемъ домѣ по новому и первымъ дѣломъ пустить квартирантовъ. Все-таки разстановочка будетъ. Но вышло иначе. Алена Евстратьевна, дѣйствительно, уѣхала, а Павелъ Митричъ остался и на время занялъ тѣ комнаты, гдѣ жилъ раньше Гордѣй Евстратычъ.

— Я только на время, бабушка, на время, — говорилъ онъ для успокоенія старухи. — Дѣла у меня здѣсь есть, такъ нужно будетъ развязаться съ ними.

— Твое дѣло, тебѣ лучше знать, а я не гоню, — по возможности кротко отвѣчала зятю Татьяна Власьева, хотя сама и ежилась.

Скоро возникли и первыя недоразумѣнія, поводомъ для которыхъ послужили хозяйственные расчеты: Павелъ Митричъ пилъ и ѣлъ съ женой, занималъ квартиру, а о деньгахъ и не заикался.

Такъ прошелъ весь медовый мѣсяцъ. Павелъ Митричъ оказался человекомъ веселаго нрава, любилъ ѣздить по гостямъ и въ себѣ возилъ гостей. Назовешь кого попало, а потомъ и посылаетъ жену тормозить бабушку на счетъ угощенья. Самъ никогда слова не скажетъ, а все черезъ жену.

— Да у него у самого-то языка что ли нѣтъ? — ворчать бабушка на Нюшу.

— Бабушка, да, вѣдь, тамъ сидятъ чужіе, осудятъ, пожалуй... — объясняла Нюша со слезами.

Татьяну Власьевну Косяковъ оставлялъ долго въ покое, но тѣмъ тяжелѣе доставалось бѣдной Нюшѣ, съ которой онъ началъ обращаться все хуже и хуже. Эти «семейныя» сцены скрыты были отъ всѣхъ глазъ, и даже Татьяна Власьева не знала, что дѣлается въ горницахъ по ночамъ, потому что Павелъ Митричъ всегда плотно притворялъ двери и завѣшивалъ окна.

Вынужденная истязаніями и непрерывною нравственною пыткой, Нюша обращалась къ бабушкѣ Татьянѣ съ просьбой о деньгахъ, но безуспѣшно. Татьяна Власьева точно окаменѣла и выслушивала молебны внучки совершенно равнодушно.

— Не умѣешь просить, каналья!—ругался Косяковъ и отпустилъ Нюшѣ за неудачную просьбу двойную порцію побоевъ.

Но на этомъ Павелъ Митричъ не остановился, потому что слишкомъ вошелъ во вкусъ своей семейной жизни. Безотвѣтность трепетавшей передъ нимъ жены раздражала его, и онъ съ мучительнымъ наслажденіемъ придумывалъ новыя истязанія. Теперь ему было мало этихъ келейныхъ наслажденій, нужно было общество.

Чтобы внушить и жену пить вмѣстѣ со всѣми водку, Косяковъ далъ ей всего нѣсколько уроковъ въ спальнѣ. Налить рюмку, подастъ Нюшѣ и мучить ее до тѣхъ поръ, пока она не выпьетъ.

— А вы знаете, Павелъ Митричъ, что ваша жена влюблена?—спросила какъ-то разъ Косякова Варвара Тихоновна.— Да, очень влюблена... Не догадываетесь?—допытывала она, досыта намучивъ гостя.

— Нѣтъ...

— А Алешка Пазухинъ?.. Вѣдь, онъ сколько лѣтъ считался женихомъ Анны Гордѣвны. Ну, тогда свадьба разстроилась изъ-за Гордѣя Евстратыча, такъ они теперь изъ-за васъ свое берутъ... Уже это вѣрно!.. Чтобы жена да не водила мужа за носъ, да этому я никогда не повѣрю... никогда!..

Домой вернулся Косяковъ точно въ туманѣ: теперь старуха у него была въ рукахъ, и онъ ее проберетъ... Да, отличная штука будетъ. По своему обыновенію, Павелъ Митричъ ничѣмъ не выдалъ себя, и даже Нюша не замѣтила въ немъ никакой перемѣны. Онъ что-то долго обдумывалъ, а потомъ разодѣлся въ свои сунерики и отправился знакомиться съ Пазухиными, которые были очень удивлены такимъ визитомъ любезнаго сосѣда.

— Я давно къ вамъ собираюсь, да все дѣла задерживали,—объяснялъ Павелъ Митричъ съ обычной своей развязностью.— Живемъ сосѣдами, надо же познакомиться.

Сила Андроничъ былъ дома и съ любопытствомъ разсматривалъ гостя, который былъ извѣстенъ въ Бѣлоглинскомъ заводѣ подъ именемъ Пашки Косякова или просто «ратника»; старикъ слышалъ кое-что о семейной жизни Нюши и крѣпко не долюбивалъ его, но человѣкъ пришелъ въ гости—не гнать же его въ шею. Косяковъ посидѣлъ, поговорилъ, а потомъ на прощаньи усиленно просилъ пожаловать въ гости къ себѣ.

Знакомство ихъ продолжалось не долго: Павелъ Митричъ устроилъ своимъ сосѣдамъ скандалъ, пригласивъ къ себѣ гостей

и въ томъ числѣ Пазухинныхъ. Когда гости собрались, Косяковъ обратился ко всѣмъ съ такой рѣчью, указывая на Алексѣя Пазухина:

— Это мой отличный сосѣдъ. Когда меня не бываетъ дома, Алексѣй Силычъ любезничаетъ съ моей женой и заводитъ шашни. Они, вѣдь, старые знакомые, такъ имъ не привыкать обманывать добрыхъ людей: раньше Анна Гордѣвна обманывала своего тятеньку, а теперь обманываетъ меня.

— Врешь!.. — загремѣлъ Сила Андроничъ и накинулся на «ратника». Произошла страшная свалка.

— Постой, кровопийца, я тебѣ покажу!.. — ревелъ Сила Андроничъ, обрабатывая кулаками хрипѣвшаго ратника. — Ты думаешь, на тебя и суда нѣтъ, разбойникъ двухголовый?.. Кровь чужую пьешь... Я тебя задушю, палача.

Только прибѣжавшая на шумъ Татьяна Власьевна кое-какъ уладила Силу Андронича и стащила его съ избитаго зятя.

— На твоей душѣ грѣхъ, старуха!.. — гремѣлъ расходившійся Пазухинъ. — Вы вдвоемъ загубили Нюшу и отвѣтите за нее передъ Богомъ.

Косяковъ, потерпѣвъ пораженіе отъ Силы Андронича, считалъ себя теперь въ правѣ вымѣстить грѣвъ на женѣ и на Татьянѣ Власевнѣ.

XXVI.

Зотушка все это время велъ самый странный образъ жизни и точно не хотѣлъ ничего знать, что дѣлается въ батюшкиномъ домѣ. Онъ совсѣмъ не ходилъ въ горницы, чтобы не встрѣчаться съ «ратникомъ» и какъ будто избѣгалъ Нюши, которую всегда очень любилъ. Правда, Зотушка очень рѣдко появлялся въ своемъ флигельѣ и все пропадалъ гдѣ-то, хотя его не видали больше ни у Савиныхъ, ни у Колобовыхъ. О печальной жизни Нюши, Зотушка, конечно, зналъ давно, хотя объ этомъ и не говорилъ никому. Ни одна душа не видала, какъ «источникъ» по ночамъ молился и плакалъ о своей голубкѣ. Все время онъ соображалъ о томъ, какъ ему освободить Нюшу отъ «ратника» и не могъ ничего придумать. Голова Зотушки была устроена совершенно особенно: его мысль вѣчно пробиралась какими-то закоулками и задворками и все-таки приходила къ своей цѣли. Вообще, процессъ мысли ему давался трудно, онъ морщилъ лицо и сдвигалъ брови, точно искалъ что-нибудь по своимъ безконечнымъ коробочкамъ. А теперь, какъ ни морщилъ своего маленькаго лба, изъ

этого ничего не выходило: бороться съ «ратникомъ» не было никакой возможности. Бабушка Татьяна даже хорошо дѣлала, что не отдавала Пашкѣ деньги, потому что онъ ихъ все равно пропьетъ.

Разъ, перебирая всѣ обстоятельства мудренаго дѣла, Зотушка весь просіялъ и даже заплакалъ отъ радости: рѣшеніе было найдено, и Нюша спасена. Онъ долго молился своему образу, прежде чѣмъ идти на подвигъ, потомъ приодѣлся, намазалъ обильно свою голову деревяннымъ масломъ, и со своимъ смиреннымъ просвѣтленнымъ видомъ отправился прямо въ горницы.

— А, Зотѣй Евстратычъ, гдѣ тебя долго не видать?—спрашиваетъ Павелъ Митричъ.—Загордился, совсѣмъ не хочешь насъ знать...

— Какая гордость, Павелъ Митричъ, Господь съ вами. Такъ, дѣлишь разныя были...

— Да какія у тебя дѣла могутъ быть, блаженная голова? живешь, какъ комаръ—какія у тебя дѣла...

— И у него своя забота есть, Павелъ Митричъ.

Собственно къ Зотушкѣ «ратникъ» относился всегда хорошо и точно не могъ выносить чистаго взгляда его маленькихъ темныхъ глазокъ, а теперь онъ чувствовалъ, что старикъ пришелъ не даромъ, потому что онъ все не спроста дѣлалъ, что-нибудь да держать онъ на умѣ и ужъ навѣрно знаетъ, куда старуха прятать свои деньги. Косяковъ даже удивился, какъ онъ раньше объ этомъ не подумалъ: подпортить божьяго человѣка, онъ все и разболтаетъ... Эта мысль очень понравилась Косякову, и онъ рѣшился привести ее въ исполненіе.

— Ты не бѣгай бы отъ меня, такъ дѣло-то лучше бы было,—говорилъ Косяковъ, ласково поглядывая на старика своими острыми глазами.—Приходи покалякать когда, поболтать, а и муху можно раздавить...

Зотушка блаженно улыбнулся и, осторожно оглядѣвшись кругомъ, проговорилъ вполголоса:

— Старухи я боюсь, Павелъ Митричъ... Вѣдь она меня сжигетъ со свѣту, если узнаетъ, что я съ вами-то заодно.

— Такъ бы прямо и сказалъ... А ты не бойся: Павелъ Косяковъ никого на свѣтѣ не боится. Да что тутъ толковать: кочешь сейчасъ муху давнемъ?

— Ужъ это на што лучше, Павелъ Митричъ...

Зотушка прищелкнулъ языкомъ и хитро подмигнулъ глазомъ въ сторону бабушкиныхъ горницъ, дескать, теперь мнѣ плевать на насъ, ежели Косяковъ никого на свѣтѣ не боится. Явилась

водка, явилась закуска, и первая «муха» была раздавлена самым развеселым образом, такъ что захмѣлѣвшій Зотушка даже спѣлъ свой стихъ о старцѣ. Татьяна Власьевна просто диву далась, когда узнала, что Зотушка пируетъ съ «ратникомъ»: не такой былъ человѣкъ Зотушка, чтобы кривить душой—ужъ какъ, кажется, онъ падохъ до воды, а нивогда ни одной рюмки не приметъ отъ того, кто ему принесли не по праву... А тутъ, наеся, даже пѣсню запѣлъ... Нюша сначала даже испугалась, когда услышала Зотушкинъ стихъ. И теперь гдѣ-же поетъ Зотушка—въ горницахъ, гдѣ его слушаетъ «ратникъ»!.. А Зотушка все пѣлъ и пѣлъ, улыбался блаженной улыбкой и даже закрывалъ глаза, какъ воробей, котораго послѣ холодной морозной ночи пригрѣло солнышкомъ.

— А, вѣдь, ты славный старикъ, — хвалилъ Косяковъ, хлопая Зотушку своей десницей по плечу. — И пѣсни отлично поешь...

— Ужъ какъ кому поглянется, Павелъ Митричъ.

— Такъ старуха-то крѣпко тебя обижаетъ?

— Голодомъ сморила... Да и такъ, ежели разобрать: какъ пила пилятъ.

— Да ты выпей еще, а потомъ побесѣдуемъ...

Зотушка не отказался отъ новой «мухи» и притворился совсѣмъ захмѣлѣвшимъ.

— А я... пришелъ къ тебѣ... не тово... не даромъ, — признавался Зотушка коснѣвшимъ языкомъ. — Ужъ больно меня... старуха-то дойчала... Стра-асть дойчала!.. Хотъ вотъ сейчасъ ложись... и помирай! Вотъ я и пришелъ къ тебѣ... дѣльце маленькое есть...

— Я, вѣдь, тоже съ тобой давно хочу поговорить, Зотѣй Евстратычъ, и, кажется, мы столкуемся... Не на счетъ ли капиталовъ Гордѣя Евстратыча?

— Оно самое... оно... только я старухи до смерти боюсь...

— Вотъ что, пойдѣмъ лучше къ тебѣ въ флигелекъ, побесѣдуемъ тамъ...

— Ладно-о!..

Косяковъ подъ руку довелъ пьянаго Зотушку до его флигеля и даже помогъ ему сѣсть на стулъ.

— Охъ, боюсь старухи, — представлялся Зотушка, расклевываясь на стулѣ.

— А есть у старухи деньги?

Зотушка оглянулся боязливо по сторонамъ и прошепталъ:

— Есть...

— Зотѣй Евстратычъ, послушай меня: скажи, куда прятеть

старуха деньги, тогда одна половина моя, другая твоя... А то все равно намъ обоимъ ничего не достанется!

— Обманешь ты меня?..

— Я?... Хочешь, сейчасъ образъ со стѣны сниму?

Зотушка сдѣлалъ видъ, что не рѣшается, а потомъ, махнувъ рукой сказалъ:

— Хорошо... я тебѣ укажу мѣсто... только, чтобы водкой меня понть до отвалу.

— Ну, гдѣ?..—задыхавшимся шопотомъ спрашивалъ Косяковъ.

— А ты не больно торопись... Не запреть, чего нукаешь?.. Сейчасъ я тебѣ ничего не скажу, а черезъ три дни все какъ на ладонѣхъ объясню...

Какъ «ратникъ» ни умолялъ Зотушку, тотъ не сдался ни на какія просьбы и настоялъ на своемъ.

Три дня пролетѣли быстро. Зотушка куда-то исчезалъ, но потомъ явился на третій день. Косяковъ все это время переживалъ съ самымъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, а когда вечеромъ увидалъ затеплившійся въ флигелькѣ Зотушки огонекъ—вдохнулъ свободнѣе; онъ сейчасъ же побѣжалъ къ нему, а тотъ сидѣлъ на лавкѣ блѣдный и изможденный, точно онъ перенесъ какую болѣзнь въ эти три дня.

— Чтѣ это съ тобой?—освѣдомился Косяковъ.

— Ничего... пировалъ,—коротко отвѣтилъ Зотушка, ощупывая свою голову.

— Экъ тебя взяло... Нашелъ время, нечего сказать.

— А ты думаешь, мнѣ легко чужія-то деньги воровать?.. А?... Можетъ, у меня сердце все надрожало съ страху... Страсть боюсь старухи.

— Ну, рассказывай, гдѣ деньги-то...

Косяковъ давно наблюдалъ за Татьяной Власьевной, куда она прячетъ деньги, но все было бесполезно. Старуха держалась крайне осторожно, такъ что «ратникъ» ничего не могъ подмѣтить, да такой кропотливый трудъ былъ совсѣмъ не въ его натурѣ. Но и Зотушкѣ стоило не малыхъ усилій открыть секретъ Татьяны Власьевны. Онъ провелъ до десятка безсонныхъ ночей, прежде чѣмъ укараулилъ старуху, когда она ходила провѣдать свой заветный узелокъ. Оказалось, что та спрятала деньги не въ одномъ мѣстѣ, а переносила ихъ изъ угла въ уголъ, какъ солдатъ, который въ первый разъ попалъ подъ непріятельскіе выстрѣлы и думаетъ спасти свою жизнь, перебѣгая съ мѣста на мѣсто. Зотушка съ терпѣніемъ выслѣдилъ каждый шагъ хитрейшей старухи и, наконецъ, постигъ до тонкости всю ея

политику. Татьяна Власьевна прятала деньги въ пяти мѣстахъ — на сараѣ въ сѣнѣ, въ передбанникѣ, въ конюшнѣ, въ дровахъ и, наконецъ въ ларѣ съ овсомъ. Последнее мѣсто и даю возможность — рѣшить всю задачу съ ратникомъ. Теперь Зотушка сидѣлъ на лавкѣ, смотрѣлъ на Косякова воспаленными слезнивыми глазами и все что-то шепталъ про себя.

— Да скажешь что-ли, дьяволъ! — приступилъ къ нему Косяковъ, блѣднѣя.

— Ладно... скажу... только мнѣ половину... а то не скажу...

— Сказалъ, что отдамъ... Фу, чортъ!.. Чего еще жин-то тянешь...

— Надо замокъ ломать... снасть-то принесть?

Косяковъ порылся въ карманѣ и досталъ оттуда плотничье долото.

— Какой угодно замокъ отворимъ этимъ ключемъ, — проговорилъ онъ, показывая свою снасть.

— Хорошо... ступай во дворъ, тамъ стоитъ ларъ съ овсомъ...

— Знаю...

— Ну въ этомъ ларѣ, въ овсѣ и щипи узелокъ... въ правомъ углу... Только вотъ что: мнѣ твоихъ денегъ не надо, а ты мнѣ отдай камешекъ, который лежитъ тутъ же съ деньгами... только и всего...

Косяковъ уже шагнулъ по двору. Ночь была свѣтлая, и Косяковъ боязливо оглядывался въ сторону дома, точно боялся какой засады. Вотъ и знакомый старый ларъ. Косяковъ осторожно пощупалъ громадный висячій замокъ, осторожно вложилъ долото въ дышку замка и сильной рукой надавилъ на свою снасть; сначала замокъ не поддавался, а потомъ язычекъ погнулся и дышка вылезла изъ затвора. Снявъ осторожно замокъ и накладку, Косяковъ еще разъ оглянулся кругомъ и по поясъ опустился въ глубокий ларъ, гдѣ долго шарилъ руками въ овсѣ, прежде чѣмъ ущупалъ завѣтный узелокъ. Доставъ узелокъ изъ ларя, Косяковъ вернулся съ нимъ въ Зотушкинъ флигелекъ, провѣрялъ тамъ деньги и передалъ Зотушкѣ ту самую жилку, которую когда-то привезъ Михалко изъ Поддневской отъ Маркушки.

— Теперь, Павелъ Митричъ, уходи отъ грѣха, — проговорилъ Зотушка, пряча кусокъ кварцу за пазуху. — Съ деньгами тебѣ вездѣ дорога, а если вздумаешь назадъ воротиться — обожгъ насъ въ каторгу заплотъ.

Косяковъ навсегда скрылся изъ Бѣлоглинскаго завода, а Зотушка истолкъ въ ступѣ Маркушкину жилку и той же ночью всыпалъ ее въ церковную кружку.

Д. МАНИНЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

СКОРБЬ.

Надо мной заря зарю смѣняетъ,
Небеса темнѣютъ и горятъ,
Міръ кругомъ цвѣтеть и отцвѣтаетъ,
Жизнь и смерть чредою въ немъ царятъ.

А въ душѣ свинцовою волною
Скорбь растеть, растеть, не зная сна.
Шумомъ дня и ночи тишиною, —
Жадно всѣмъ питается она.

Притаясь у родниковъ желаній,
Ихъ кристалль мутить она въ тиши,
И толпу несмыслыхъ упованій
Сторожить на всѣхъ путяхъ души.

Къ небесамъ ли звѣзднымъ я взираю,
Въ ясный день гляжу-ль въ нѣмую даль, —
На землѣ я грусть свою встрѣчаю,
Въ небесахъ — живетъ моя печаль.

И когда, волнуемый любовью,
Я къ груди прижмуся дорогой, —
Тутъ же скорбь, прикинувъ къ изголовью,
Мнѣ, какъ другъ, биваетъ головой.

О, когда окончатся мученья?
 О, кому повѣдать сердца гнѣтъ?
 Гдѣ найти для тайны выраженья?
 Кто мой вопль услышитъ и пойметъ?

Есть одинъ—природы скрытый геній,
 Мощный духъ, кто совмѣстилъ въ себѣ
 Жизнь и смерть, и вѣчный кругъ явленій,
 И слѣпой не подчиненъ судьбѣ...

Лишь тебѣ, спокойному, я-бъ вѣбрилъ
 Пестрый шумъ душевной суеты.
 Ты-бъ одинъ, кто скорби чуждъ, измѣрилъ
 Скорбь мою, великую, какъ ты.

Но увы! увы! Мечтой послушной
 Облетѣлъ весь міръ я, какъ орелъ,
 И вездѣ ищу твой тронъ воздушный,
 Но нигдѣ донинѣ не нашелъ.

Лишь вдали—я слышу—кто-то рѣшетъ...
 На меня полетъ онъ устремилъ.
 Все сильнѣй могильный холодъ вѣетъ
 Отъ его неотвратимыхъ крылъ.

И опять заря зарю смѣняетъ,
 Небеса темнѣютъ и горятъ,
 Міръ кругомъ цвѣтеть и отцвѣтаетъ,
 Жизнь и смерть чредою въ немъ царятъ...

II.

Всталъ онъ бодрый и пошелъ,
 Движимъ помысломъ высокимъ,—
 Къ новой жизни разбудить
 Братьевъ, спавшихъ сномъ глубокимъ.

Видишь холмъ! Здѣсь погребенъ
 Вопияшаго въ пустынѣ.
 Кто другихъ будилъ, уснулъ.
 Кто же спалъ, тотъ спитъ донинѣ.

Н. Минскій.

БЕЛИНДА

Романъ, соч. Роды Броутонъ.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

IX ¹⁾.

Миссъ Уатсонъ добилаcь наконецъ своего. Ей удалось устроить пикникъ въ Везенштейнѣ. Конечно, это не значило, что она приняла на себя всѣ издержки этого пикника; нѣтъ, въ этомъ отношеніи она не проявила никакой особенной, неприличной щедрости; но она взяла на себя разослать приглашенія, нанять экипажъ и пр. А такъ какъ такое полномочіе давало ей право проиникать не только въ гостиную своихъ знакомыхъ (это право она давно присвоила себѣ невозбранно), но и въ самые интимные покои, то знакомые всегда съ нетерпѣніемъ ожидали конца всего этого предпріятія.

Справедливость требуетъ сказать, что многіе знакомые миссъ Уатсонъ совсѣмъ отказались отъ пикника. Давнишніе дрезденскіе «резиденты» между англичанами, всѣ тѣ, частными дѣлами которыхъ она занималась въ продолженіе всей зимы, интересуясь какъ великъ ихъ счетъ у мясника, сколько жалованья платятъ они своей прислугѣ, нѣтъ ли въ семьѣ умалишенныхъ и банкротовъ или вообще нѣтъ мало почетныхъ членовъ, — всѣ отвѣчали на ея приглашеніе энергическимъ и единодушнымъ: «нѣтъ». Не менѣе энергиченъ былъ отказъ профессора Форта. Никакіе самые прамые вопросы о характерѣ и средоточіи его недуговъ,

¹⁾ См. примеч.: мартъ, стр. 178.

никакія убѣдительныя завіренія, что все это одни его фантазіи, и что для того, чтобы вылечиться ему стоитъ только хорошененько промяться,—не могли побѣдить его упорства. Но за всѣми этими исключеніями набралось еще довольно значительное число пріѣзжихъ, которые были еще склонны считать миссъ Уатсонъ пріятной особой (эта склонность очень скоро у всѣхъ проходила), знающей свѣтъ и его обычаи (мнѣніе, которое въ самомъ непродолжительномъ времени возбуждало въ нихъ негодующее удивленіе), — дѣвушекъ, жаждущихъ развлеченій, съ какой бы стороны таковыя ни представились, и красивыхъ здоровыхъ германскихъ воиновъ, всегда готовыхъ сражаться, пить пиво и ухаживать за барышнями. Къ этимъ послѣднимъ слѣдуетъ, конечно, присоединить и Райверса,—Райверса, который до сихъ поръ уходилъ черезъ заднія двери, выскакивалъ въ окна и убѣгалъ какъ заяцъ, едва лишь его зоркіе глаза завидятъ вдали клѣтчатое бѣлое съ чернымъ платье!

Въ назначенный день онъ первымъ явился на мѣсто сбора, то-есть въ Lüttichau-Strasse, задолго до назначеннаго часа. Во всю предшествовавшую ночь онъ не сомнулъ глазъ. И вотъ теперь ему приходится дожидаться на улицѣ появленія своей богини. Но именно сколько минутъ или часовъ проходить (во время которыхъ разныя, нисколько для него неинтересныя личности разсаживаются по экипажамъ)—онъ былъ бы не въ состояніи сказать, пока, наконецъ, она не появляется на лѣстницѣ, въ одномъ изъ тѣхъ восхитительныхъ, воздушныхъ лѣтнихъ платьевъ, мнимой простотой которыхъ мужчины невинно восхищаются, между тѣмъ какъ отцы и мужья ахаютъ, когда имъ приходится платить за нихъ. По правдѣ сказать, это ея лучшее платье, слишкомъ нарядное для предстоящей экскурсіи, и Сара благоразумно припрятала соответствующее ему въ своемъ гардеробѣ для болѣе приличнаго случая. Но для Белинды настоящей случай кажется самымъ подходящимъ для того, чтобы быть нарядно одѣтой. Она садится въ коляску, и его первымъ движеніемъ броситься вслѣдъ за нею. Но онъ успѣваетъ во-время опомниться.

Дѣло въ томъ, что ея спутница, молодая дѣвушка англичанка опередила ее, и выходитъ такъ, что если уланъ, четвертый партнеръ въ экипажѣ, не сядетъ раньше его, то въ результатѣ окажется, что не онъ, Райверсъ, а уланъ будетъ сидѣть напротивъ Белинды во время предстоящаго длиннаго пути. Спыхватившись тотчасъ же, онъ отдергиваетъ ногу, которую-было уже занесъ на подножку, и, поспѣшно отступивъ назадъ, проситъ

улана садиться. Но этотъ невинный воинъ, приписывая движеніе Райверса простой вѣжливости, улыбался отказывается и просить его садиться прежде, на что Райверсъ отвѣчаетъ новымъ и еще болѣе энергичнымъ отказомъ. Но такъ какъ въ двѣхъ вѣжливыхъ церемоніяхъ, поклоновъ и формальныхъ любезностей англичанину всегда суждено быть разбитымъ, то настоящее пререканіе оканчивается тѣмъ, что Райверсъ безнадежно лишенъ того поста, за которымъ такъ страстно гнался, и блѣдный, расстроенный и несчастный забивается въ уголъ напротивъ цвѣтущей миссъ, которая все видѣла, поняла и жестоко обижена его усиліями отдѣлаться отъ ея сосѣдства.

Экипажъ трогается съ мѣста; вотъ они выѣзжаютъ изъ города, и вступаютъ въ сельскій міръ, который въ настоящее время представляетъ собою одинъ сплошной букетъ. Глазъ всюду натывается на цвѣты; воздухъ напоенъ ихъ ароматомъ. Природа ликуетъ и какъ бы приглашаетъ раздѣлить ея ликование. Но Райверсъ не въ силахъ этого сдѣлать. Промолчавъ какъ пень первыя двѣ мили, онъ теперь вдругъ принялся болтать *à tort et à travers*. Онъ говоритъ глупости, которыя удивляютъ его самого. Наставляетъ на томъ, чтобы миссъ, сидящая напротивъ его, позволила ему застегнуть ей перчатки; но онъ долго возится съ пуговицами—и ужъ, разумѣется, не вслѣдствіе того, чтобы ему это было приятно—и все-таки не успѣваетъ застегнуть ихъ. Перчатки слишкомъ малы, а руки слишкомъ толсты, и вся исторія кончается тѣмъ, что онъ, наконецъ, такъ больно щиплетъ руку своей *vis-à-vis*, что та съ сердцемъ ее отдергиваетъ.

Затѣмъ болтливость у него опять смѣняется лихорадочной молчаливостью, такой же на видъ безпричинной, какъ и прежняя словоохотливость. Какъ можетъ его бошня такъ спокойно и весело относиться къ злополучному недоразумѣнію, раздѣлившему ихъ? Какъ смѣетъ она слушать съ такой безмятежной улыбкой тебтонскіе комплименты своего *vis-à-vis*? А онъ-то съ какой стати такъ ухаживаетъ за ней? Что онъ хочетъ этимъ сказать? Развѣ она глуха, скажите на милость, что онъ наклоняется такъ близко къ ея лицу? Не слѣдуетъ ли ему намекнуть, что англійскія леди не привыкли къ такимъ манерамъ? Къ счастью онъ воздерживается отъ исполненія этого дикаго намѣренія. А тѣмъ временемъ ничего не подозревающий уланъ, веселый, развязный, довольный самимъ собой, своимъ положеніемъ и своимъ штатскимъ платьемъ—роскошъ, которую такъ рѣдко могутъ позволить себѣ накрахмаленные нѣмецкіе офицеры—болтаетъ лома-

нымъ англійскимъ языкомъ, безпрестанно приобѣгая къ родному нѣмецкому, который Райверсъ, не смотря на свои двѣнадцать уроковъ, очень плохо понимаетъ и не можетъ поэтому быть увѣренъ, что онъ не объясняется въ любви его богинѣ. Онъ почти радуется, замѣчая какъ дурно шито штатское платье улана и какъ онъ проигрываетъ въ немъ, сравнительно съ тѣмъ, какимъ щеголемъ казался вчера въ своемъ блестящемъ мундирѣ.

А Белинда? Въ началѣ ея разочарованіе было почти такъ же сильно какъ и его; но мало по малу, при мысли, что разъ пріѣхавши въ Везенштейнъ, находящійся въ двухъ часахъ пути, ничто, кромѣ его собственнаго желанія, не помѣшаетъ ему не отходить отъ нея, она крото и мирно подчиняется неизбежному. Женщины лучше умѣютъ мириться съ своимъ положеніемъ, нежели мужчины. Да и что бы было съ ними, еслибы онѣ этого не умѣли!

Однако она радуется, когда они доѣзжаютъ, наконецъ, до Везенштейна. Быть можетъ, она не была бы такъ спокойна, еслибы знала разумный и гуманный планъ Райверса, благодаря которому онъ сравнительно спокойно просидѣлъ послѣдніе три мили пути; а именно: броситься на улана при первой же его попыткѣ высадить Белинду изъ коляски.

Но къ счастью для всего общества, бессознательный виновникъ всей этой кутерьмы приписываетъ британской грубости вообще безцеремонность, съ какой Райверсъ оттираетъ его плечомъ отъ дверцы экипажа, и охотно уступаетъ привилегію, не особенно для него интересную, безпрепятственно завладѣть тремя пальцами Белинды. Они пріѣхали послѣдними, а потому пользуются тѣмъ преимуществомъ, что всѣ приготовленія къ завтраку уже окончены, и столъ накрытъ подъ липовыми деревьями.

Надъ коттеджами, потонувшими въ сирени, и веселенькой гостинницей возвышается старый, бѣлый замокъ на массивной скалѣ.

Между гостинницей и садомъ, гдѣ накрытъ столъ, протекаетъ небольшая рѣченка, воды которой бурны и мутны отъ дождя, шедшаго ночью. На миниатюрномъ, но хорошенькомъ деревянномъ мостикѣ, перекинутомъ черезъ рѣчку, стоитъ Сара и занимается тѣмъ, что бросаетъ въ воду кусочки дерева, обломки сиреневыхъ вѣтокъ, словомъ, все, что только можетъ плыть въ краснобурыхъ волнахъ, и затѣмъ бѣжитъ безъ оглядки на другой берегъ, чтобы видѣть какъ ихъ, крутя, уноситъ вода. Это пріятное времяпрепровожденіе раздѣляютъ съ ней два плотныхъ гусара и одинъ конногвардеецъ. Сара въ отличнѣйшемъ распо-

юженіи духа и уже рассказала имъ про профессора и про то, какъ она рада, что избавилась отъ него.

Остальная компанія разсѣялась въ разныхъ направленіяхъ, всѣ, кромѣ миссъ Уатсонъ, которая, повинуясь инстинкту, вложенному въ нее Богомъ, въ силу чего и кротъ роется въ землѣ, пчела собираетъ медъ, а ласточка летаетъ, — суетится, бѣгаетъ взадъ и впередъ съ вспотѣвшимъ, краснымъ лицомъ, всюду суется, ко всѣмъ пристаётъ. Она на дняхъ весело прокатилась съ какими-то пріѣзжими и успѣла къ нимъ досадѣ и собственному удовольствію вытянуть изъ нихъ признаніе, что у нихъ есть сестра въ домѣ умалишенныхъ. Вслѣдствіе этого она въ высшей степени довольна и рада, тѣмъ болѣе, что всѣ гости теперь въ сборѣ и сидятъ за импровизированною трапезой.

Правда, что не успѣли они разсѣсться согласно своимъ вкусамъ и наклонностямъ, какъ уже хозяйка торопится пересадить ихъ по своему.

— Что это? трое мужчинъ рядомъ, а тамъ двѣ дамы! Нѣтъ, нѣтъ, такъ не годится! мы должны поправить это дѣло! М-ръ Райверсъ прошу васъ помогите мнѣ; идите сюда и сядьте между этими двумя дамами.

Какимъ успѣхомъ увѣнчивается это требованіе можно догадаться, когда мы скажемъ, что Райверсу удалось, наконецъ, достигъ цѣли всѣхъ своихъ усилій и примоститься къ Белиндѣ такъ близко, какъ только позволяютъ ножки ихъ стульевъ, а по другую ея руку онъ успѣлъ посадить некрасиваго и прожорливаго юношу, который даже въ немъ не можетъ возбудить ревности.

Хотя голосъ у миссъ Уатсонъ таковъ, что только барабанный бой можетъ покрыть его, но онъ прикидывается, что не слышитъ, даже тогда, когда она повторяетъ еще громче свое приглашеніе.

— Не лучше ли вамъ обратиться къ кому-нибудь другому, — является на выручку Сара; — какъ странно, что онъ васъ не слышитъ.

— Я должно быть недостаточно громко повала его, — отвѣчаетъ та съ безсознательной ироніей. — М-ръ Райверсъ!

— Обратитесь лучше въ г. фонъ-Брейденбаху, — убѣждаетъ Сара, когда и это третье воззваніе остается втунѣ, — указывая на своего поклонника гусара, который прозѣвалъ мѣсто около нея и теперь вертится за ея стуломъ. Но и ему не хочется исполнить требованіе миссъ Уатсонъ, такъ какъ онъ только что отпустилъ остроту, надъ которой первый хохочетъ. Но Сара взгля-

домъ убѣждаетъ его послушаться; этотъ взглядъ сулитъ ему вознагражденіе впоследствии, и буря предотвращена.

— Неправда ли какъ печально для молодого человѣка быть такимъ глухимъ,—говоритъ Сара съ невиннымъ видомъ.

— Это вѣрно у него семейное,—поспѣшно отвѣчаетъ миссъ Уатсонъ.—Вы знаете, въ нѣкоторыхъ семействахъ это бываетъ. Въ нѣкоторыхъ семействахъ всѣ члены бываютъ глухи отъ рожденія. Всѣ Чемпины изъ Нидеръ-Стона глухи. Я должна спросить семейное ли это у него?

Мало по малу поднимается общій говоръ и смѣхъ. Почти всѣ гости молоды; всѣ они веселы; они были голодны, а теперь сыты; удивительно ли, что пустякъ заставляетъ ихъ покатываться отъ смѣха.

Водарется вавилонское смѣшеніе языковъ. Конецъ исторіи миссъ Уатсонъ о томъ, какъ она ворвалась въ тибетскому великому ламѣ—исторія, которую незнакомые съ ней люди считаютъ отважной и глупой ложью, а знакомые находятъ не только правдоподобной, но и истинной—теряется въ общемъ гвалтѣ.

Сара на верху благополучія. Она учитъ разнымъ фокусамъ окружающихъ ее вонновъ, и наибольшій эффектъ производитъ штука не хитрая, хотя и мало распространенная, принимаая во вниманіе ея крайнюю простоту, а именно: скрестивъ указательный и средній палецъ медленно проводитъ ими по переносицѣ, причемъ начинаетъ казаться, что носъ раздѣленъ на двѣ части глубокой впадиной. Вскорѣ нѣтъ ни одного человѣка за столомъ, который бы не водилъ себя по носу, радуясь, кто новому для него открытію, а кто и старому, но позабытому. Гусары, уланы, вонногвардейцы наперерывъ восклицаютъ: «Famose!» «Kolossal!» и когда, наконецъ, всѣ встаютъ изъ-за стола, то оказывается, что Сара отбила у всѣхъ другихъ дѣлушенъ поклонниковъ, такъ какъ они не могли устоять передъ особой, которая къ своимъ Veilchenaugen и хорошему личику присоединяетъ такіе разнообразныя и интересныя таланты.

Они всѣ толпятся вокругъ нея, и она такъ любезна, что общается всѣмъ и каждому показать еще и еще много фокусовъ. Все это производитъ такой гвалтъ, что команда миссъ Уатсонъ, двинутая въ путь для осмотра замка, оставлена нѣкоторое время безъ вниманія.

Наконецъ ей удастся собрать все свое стадо и сдать его на попеченіе угрюмаго и алчнаго Verwalter, который ведетъ ихъ по безконечной анфиладѣ пустыхъ покоевъ, холодныхъ и сырыхъ даже въ этотъ теплый майскій день.

X.

Но одной парѣ удалось-таки убѣжать отъ тираніи миссъ Уатсонъ. Ловкимъ и осторожнымъ маневромъ они отстали отъ другихъ и, когда влѣтчатое платье скрылось за угломъ, очутились на свободѣ въ саду, окружающемъ замокъ, гдѣ остаются предоставленные самимъ себѣ во все время, пока остальные осматриваютъ замокъ. Когда осмотръ конченъ и помпаниа награна въ садъ, онъ наполнился шумомъ и гвалтомъ голосовъ и смѣхомъ. Всѣхъ веселѣе и шумнѣе оказывается Сара и ея маленький дворъ. Но въ ея безумномъ весельѣ есть своего рода метода, какъ вскорѣ убѣждается Белинда, такъ какъ подъ покровомъ шума голосовъ она успѣваетъ шепнуть ей рѣзкимъ, спокойнымъ, строгимъ тономъ:

— Ну, что? онъ объяснился?

Белинда, низведенная такимъ образомъ съ эмпирей на землю, старается увернуться отъ нея, не отвѣчая, но тщетно.—Объяснился онъ?—повторяетъ та рѣшительно, удерживая ее за руку, и такъ какъ слабое, неохотное движеніе головой подтверждаетъ ея подозрѣнія, она быстро проговариваетъ:—Тѣмъ хуже для него! попробуй уйти съ нимъ въ лѣсъ.

Больше она ничего не успѣваетъ сказать. Въ слѣдующую минуту ее уже увлекаетъ цѣлая толпа гусаръ.

Ну, а какъ Райверсъ слышалъ то, что она сказала!—вотъ странная мысль, мелькнувшая въ умѣ Белинды, и слѣдующія его слова какъ будто подтвердили то.

— Какой Бедламъ воцарился здѣсь съ ихъ приходомъ!—сказалъ онъ, бросая раздражительный взглядъ на вакхическую компанію.—Попробуйте уйти въ лѣсъ!

Пять минутъ тому назадъ, она съ радостью согласилась бы, такъ какъ и ей несносятъ весь этотъ шумъ; но теперь, сознавая какому грубо-дѣловому намеку подчинится она, послѣдовавъ за его приглашеніемъ, она почти съ прежней холодною отвѣчаетъ:

— Мнѣ кажется, намъ лучше остаться здѣсь!

Онъ не настаиваетъ, и только хорошо извѣстное ей выраженіе горькаго разочарованія точно холодное облако окутываетъ его красивое, оживленное лицо. Онъ тоже низверженъ съ высоты на землю. Они глупо прохаживаются рядомъ взадъ и впередъ. Позднѣе, каждый изъ нихъ съ горькимъ сожалѣніемъ припоминаетъ, что слишкомъ четверть часа дорогого времени

потеряно было ими. Въ продолженіе этого времени они два раза встрѣтили миссъ Уатсонъ и подвергались строгому допросу, о чемъ они разговариваютъ. Разъ она даже применила къ нимъ, и, по всей вѣроятности, такъ бы и не отстала отъ нихъ, еслибы не усмотрѣла другой пары, еще сильнѣе поглощенной своими tête-à-tête, и не устремилась въ ту сторону.

Какъ только-что ея широкая спина повернулась къ нимъ, Белинда сказала, обращаясь съ юмористической, хотя и дрожащей усмѣшкой къ молодому человѣку:

— Вы правы; лучше уйти въ лѣсъ.

— Когда такъ, то ради Бога пойдите сейчасъ; а не то они снова привяжутся къ намъ!—сказалъ онъ съ жаромъ и съ такою трагической поспѣшностью, которая совсѣмъ несоотвѣтствовала вызвавшему ее обстоятельству.

Она не заставляетъ повторить это себѣ два раза, и они спѣшатъ въ лѣсъ, тревожно озираясь назадъ и подозрительно усматривая клѣтчатое платье во всякомъ невинномъ кустѣ, пока, наконецъ, не успѣваютъ скрыться въ лѣсу.

Это не очень далеко. Всего въ какихъ-нибудь нѣсколькихъ шагахъ отъ сада. Но несмотря на близость и доступность этого уголка, никто изъ гуляющихъ еще не открылъ его. Судя по проторенной тропинкѣ онъ часто посѣщается, но въ настоящую минуту въ немъ нѣтъ никого.

Она ушла на траву, запыхавшись отъ скорого бѣга (они дошли до того въ своемъ страхѣ погони, что даже пустились бѣжать), а онъ протянулся у ея ногъ.

— Итакъ мы снова одни,—говоритъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.—Вся моя жизнь теперь проходитъ въ попыткахъ по-быть съ вами наединѣ, и какъ рѣдко это мнѣ удастся!

Она нервно смѣется. Развѣ не отъ него зависитъ сдѣлать такъ, чтобы имъ вѣкъ не разлучаться? Она опять утратила счастливую увѣренность въ его любви; ее смѣнило тревожное и мучительное сомнѣніе. Она не смѣетъ взглянуть ему въ глаза и вмѣстѣ съ тѣмъ, по странному противорѣчію, ее нестерпимо тянетъ поглядѣть въ эти безумно вопросительные глаза.

Но зачѣмъ же одни только глаза его вопрошаютъ ее?

— Быть можетъ, такъ для васъ лучше?—говоритъ она рѣзкимъ, но дрожащимъ голосомъ.

— Что вы хотите сказать?—спрашиваетъ онъ почти шепотомъ. Страхъ, что онъ снова зашелъ слишкомъ далеко и что она въ сотый разъ собирается обрѣзать его, опять сжимаетъ его сердце.

— Я хочу сказать,—говорить она, съ трудомъ выговаривая слова тономъ, который ей самой кажется сухимъ и непріятнымъ, что, быть можетъ, вы бы не находили мое общество такимъ пріятнымъ, еслибы могли чаще имъ пользоваться.

— Испытайте меня!

Онъ говорилъ шопотомъ, потому что сердце у него билось такъ, точно хотѣло выпрыгнуть изъ груди? Онъ съ отчаянной рѣшимостью хватается за представившійся случай высказаться.

Но для нея въ его краткихъ словахъ нѣтъ достаточной определенности. Они могутъ значить все, или ничего. Что же она отвѣтитъ на нихъ.

Наступаетъ молчаніе. И въ природѣ все тихо до такой степени, что даже не слышно шелеста молодыхъ листьевъ надъ ихъ головами. Еслибы эти листья, или цвѣты, растущіе у ихъ ногъ, или птицы, пролетающія въ воздухѣ, взялись быть истолкователями ихъ чувствъ! Она сняла перчатки, чтобы удобнѣе срывать цвѣты, и ея правая рука лежитъ теперь у нея на коленяхъ ладонью вверхъ. Глаза его, глядѣвшіе въ ея лицо, вдругъ какъ бы прирастаютъ къ этой рукѣ. Въ этихъ тонкихъ пальчикахъ заключается его судьба.

— Что вы такъ смотрите на мою руку?—спрашиваетъ она, неувѣренно смѣясь.—Можете вы предсказать мнѣ мою судьбу по ея линіямъ? долго ли я проживу? буду ли я счастлива? буду ли я...—она хотѣла сказать «замужемъ», но остановилась и прибавила:—не ожидаетъ ли меня какое-нибудь крупное несчастіе или опасная болѣзнь?

Она говоритъ быстро и à bâtons rompus, чувствуя, что должна что-нибудь сказать, чтобы прервать это удручающее безмолвіе, чувствуя, что она задыхается въ этомъ прохладномъ глѣсу, и что еще минута и она расплчется и навѣки осрамить себя.

Вмѣсто отвѣта, бѣдный юноша, будучи не въ силахъ долѣе противиться искушенію, беретъ ея руку. Въ ушахъ у него звенитъ, а глаза застилаетъ туманъ. Въ его рукѣ лежитъ ея рука, которой до сихъ поръ ему удавалось касаться только мимоходомъ и официально. Теперь онъ крѣпко держитъ ее и не уступить ни людямъ, ни демонамъ. Итакъ, рѣшительная минута наступила, и она это чувствуетъ.

— Видите ли вы на моей рукѣ, что я отправляюсь въ далекій путь?—спрашиваетъ она, наклонивъ свое взволнованное лицо надъ ихъ крѣпко сжатыми руками.

Могла ли бы даже сама Сара выбрать болѣе удобную ми-

нута, для того, чтобы сообщить о своемъ отъѣздѣ? Но она не думаетъ о Сарѣ.

Одну минуту онъ какъ будто не понимаетъ значенія ея словъ. Всѣ его пять чувствъ и разумъ подавлены однимъ изумительнымъ, невѣроятнымъ фактомъ, что его богиня удостоила, наконецъ, положить свою руку въ его руку, и что ея чудные глаза, кроткіе, нѣжные, страстные, подернутые слезами, глядятъ въ его глаза.

Черезъ минуту онъ говоритъ разсѣянно:—Вы уѣзжаете?

Но даже и тутъ его собственные слова дико звучатъ въ его ушахъ, а голова кружится.

— Да,—отвѣчаетъ она, почти не сознавая того, что говорить,—вишни отцвѣли, и сирень скоро отойдетъ, и мы должны уѣхать!

Часто, впоследствии она припоминала всю эту сцену, какъ она сообщила ему о своемъ отъѣздѣ. Воображеніе рисовало ее въ разнообразныхъ формахъ и краскахъ, но дѣйствительность не походила на все это.

Онъ не выражаетъ ни сожалѣнія, ни удивленія, онъ ничего не выражаетъ. Онъ только приподнимаетъ бѣлую ручку, лежащую въ его рукѣ, подноситъ ее къ своимъ губамъ и долго и нѣжно цѣлуетъ тонкія, красивыя линіи, въ которыхъ написана его судьба.

Куда дѣвалась его робость? Вѣдь только боязнь разсердить ее дѣлала его застѣнчивымъ, а даже и онъ не можетъ не видѣть, что она не сердится. Правда, она блѣдна, но отъ сдержанной страсти; она тиха, но это молчаніе человѣка, который съ безумной радостью видитъ, какъ передъ нимъ открывается новый, чудный міръ.

— А грустно ли вамъ?—спрашиваетъ она чуть не съ рыданіемъ.—Вы не сказали мнѣ, грустно ли вамъ, что мы уѣзжаемъ?

Онъ уже не лежитъ больше на травѣ. Онъ стоитъ теперь передъ нею на коѣннѣхъ.

— Грустно ли?—повторяетъ онъ съ какимъ-то восторженнымъ пренебреженіемъ.—Отчего же мнѣ можетъ быть грустно? Теперь только вы одинъ можете когда-либо заставить меня грустить!

Итакъ, совершилось, наконецъ. Она на минуту закрываетъ глаза, какъ человѣкъ, которому почти больно отъ безмѣрнаго счастья, и чувствуетъ, что онъ обнимаетъ ее.

Нѣсколько секундъ они стоятъ обнявшись; дыханіе ея касается его волосъ. Лица ихъ медленно приближаются другъ къ другу, губы готовы слиться въ поцѣлуй, какъ вдругъ...

— М-ръ Райверсъ! м-ръ Райверсъ!

Что это за ужасные звуки нарушают тишину лѣса? они разрушаютъ и ихъ недоконченное объятіе! Звуки замолнаютъ и безмолвіе возвращается лѣсу, но кто возвратитъ имъ утраченную минуту? когда доконченъ будетъ ихъ прерванный noctулуй?

Нѣсколько секундъ они стоятъ парализованные, все еще обнявшись, но затѣмъ, такъ какъ голосъ все приближается, этотъ оглушительный голосъ, котораго нельзя не узнать, и отъ котораго они такъ часто убѣгали въ паническомъ страхѣ, они отскакиваютъ другъ отъ друга съ выраженіемъ досады въ глазахъ и горькаго разочарованія того, что жестокая будничная жизнь уже снова захватываетъ ихъ среди неоконченнаго праздника.

Белинда первая приходитъ въ себя.

— Это она!—говоритъ дѣвушка, коротко и скоро дыша и дрожащими руками поправляя шляпку и волосы, чтобы убѣдиться, что все въ порядкѣ и ничего въ ея наружности не можетъ выдать ее.—Мы могли бы догадаться, что она погонится сюда за нами.

Онъ не отвѣчаетъ. Быть можетъ, потому, что его волненіе было сильнѣе, чѣмъ ея, и ему труднѣе съ нимъ справиться.

— М-ръ Райверсъ! миссъ Чѣрчилъ, м-ръ Райверсъ!

Какъ оглушительно гремѣлъ теперь ея голосъ! она, должно быть, совсѣмъ близко отъ нихъ, такъ какъ уже слышны тяжелые шаги.

— Пойдемте лучше ей навстрѣчу, — съ отчаяніемъ говорить Белинда, и они идутъ.

— Вотъ вы гдѣ!—кричитъ весело миссъ Уатсонъ, показываясь изъ-за кустовъ и вся мокрая отъ своей поспѣшной погони за ними.—Какъ я долго васъ искала. Развѣ вы не слышали, какъ я васъ звала? я кричала довольно громко. Гдѣ вы срывались?

— Мы вамъ нужны? — спрашиваетъ Белинда, стараясь говорить какъ можно спокойнѣе и дивясь про себя: такимъ ли взволнованнымъ кажется ея голосъ ея собесѣдницѣ, какъ и ей самой.

— Я всѣхъ собрала,—кричитъ та, обмахиваясь вѣтромъ.— Я думаю (улыбается), что я всѣхъ теперь собрала. Я хочу, чтобы всѣ мы были въ сборѣ.

— Зачѣмъ мы должны быть въ сборѣ, точно стада? развѣ мы обязаны быть пришитыми другъ къ другу,—произноситъ, наконецъ, Райверсъ, тономъ нескрываемой досады, и гнѣвно глядя на нее. Въ его лицѣ ясно выражаются чувства Валаама: «Я

желалъ бы, чтобъ въ моей рукѣ былъ мечъ, потому что тогда я бы тебя закололъ!»

— Я всегда держу всѣхъ въ сборѣ на пикникахъ!—возражаетъ миссъ Уатсонъ, продолжая улыбаться.—Такъ гораздо веселѣй. Пикникъ бываетъ испорченъ, если всѣ разбредутся врознь. Когда я была въ Святой-землѣ, мы ѣздили пикникомъ въ Виллемъ; насъ было двадцать-пять человѣкъ на ослахъ, и мы все время были въ сборѣ. Если мы не разбредемся врознь, то не будетъ хлопотъ въ минуту отъѣзда.

— Развѣ мы уже увѣжаемы?—кричитъ молодой человѣкъ, на минуту выходя изъ себя и выдавая себя своимъ отчаяннымъ голосомъ.

— Нѣтъ, разумѣется, не сейчасъ. Мы успѣемъ погулять по лѣсу, если вамъ хочется. Чей это лѣсъ? Королевскій? Въ немъ не много высокихъ деревьевъ; но въ нѣмецкихъ лѣсахъ никогда не бываетъ много высокихъ деревьевъ. Куда ведетъ эта тропинка, вы не знаете? Хотите пройти по ней немного, чтобы узнать, куда она ведетъ?

Они упорно молчатъ. Та унылая апатія, которая охватываетъ всѣхъ, кого миссъ Уатсонъ удостоиваетъ своимъ обществомъ, овладѣла ими въ усиленной степени, пропорціонально ихъ внутреннему яростному возмущенію противъ нея. Такимъ образомъ, она заставляетъ ихъ безпрекословно слѣдовать за собою въ лѣсъ.

— Ну?—говоритъ Сара тономъ неотступнаго и настойчиваго вопроса. Ночь уже наступила, и онѣ вернулись домой. Сумерки еще не вполне спустились надъ городомъ, но часъ уже поздній. Обѣихъ дѣвушекъ высадили изъ экипажа у ихъ дома въ «Lüttichau-Strasse», и онѣ поднимаются по холодной каменной лѣстницѣ въ свою квартиру.—Ну?

Белинда вмѣсто отвѣта ускоряетъ шагъ и бѣгомъ бѣжитъ вверхъ по лѣстницѣ.

— Я тоже вѣдь умѣю бѣгать по лѣстницамъ,—говоритъ Сара, бросаясь за ней слѣдомъ съ проворствомъ кошки.—Ну?

Но прежде нежели она успѣваетъ добиться отвѣта, Томми уже отворяетъ дверь и впускаетъ ихъ въ квартиру.

— Ну, бабушка,—кричитъ Сара, торопливо входя въ гостиную и мигая отъ внезапнаго яркаго свѣта, беретъ обѣими руками старушку за лицо и звонко цѣлуетъ ее.—Вотъ и мы! Мы отлично провели время, и я болѣе или менѣе общалась троицъ господамъ выйти за нихъ замужъ. Баста! всѣ они завтра придутъ къ намъ съ визитомъ.

— Рада это слышать, душа моя, если только это тебя забавляет, — отвечает миссисъ Чёрчилъ, спокойно поправляя тюль и кружева, смятыя объятіями ея внучки, — но вѣдь я уже столько разъ слышала это.

— А вотъ Белинда, такъ до сихъ поръ еще не помолвлена! — продолжаетъ Сара съ негодованіемъ, быстро взглядывая на сестру, чтобы видѣть, не вызоветъ ли опроверженія своимъ категорическимъ заявленіемъ. Но опроверженія не воспослѣдовало.

— Неужели? — замѣчаетъ миссисъ Чёрчилъ, тономъ вѣжливаго, но слабаго участія, подавляя легкую зѣвоту. Она не особенно интересуется Белиндой, которая ее не забавляетъ, тогда какъ романъ Додэ, отъ котораго ее оторвалъ приходъ внучекъ, очень ее занималъ.

— Возможно ли, — говоритъ Сара, идя къ сестрѣ съ угрожающимъ жестомъ, — ты смѣешь глядѣть мнѣ въ лицо и говорить, что вы такъ-таки и не объяснились другъ съ другомъ?

Новое молчаніе и выразительный взглядъ на дверь, говорящій о желаніи убѣжать. Но Сара быстрымъ движеніемъ загораживаетъ дверь и отрѣзываетъ Белиндѣ всѣ пути къ отступленію.

— Ты гуляла съ нимъ въ лѣсу?

— Да.

— И сказала ему, что мы уѣзжаемъ?

— Да.

— И изъ этого ничего не вышло? — кричитъ Сара тономъ такого глубокаго и непритворнаго удивленія, что Белинда, хотя и не особенно расположена къ веселью въ настоящую минуту, но хохочетъ.

— Боже мой! изъ какой глины вы созданы оба? Бабушка, изъ какой они глины слѣплены?

Но бабушка уже погрузилась въ свой романъ, такъ же неотразимо, какъ магнитная стрѣлка обращается къ сѣверу, и отказывается принимать участіе въ дѣлахъ внучекъ, иначе какъ легкимъ пожатіемъ плечъ.

— Хорошо, но вѣдь ты помнишь наше условіе, — продолжаетъ Сара, прохаживаясь по комнатѣ съ лихорадочнымъ волненіемъ, представляющимъ странный контрастъ съ флегматичностью ея сестры, — ты помнишь наше условіе: завтра — и ты можешь быть убѣрена, что я не шучу, я еще никогда въ жизни не была такъ серьезна — завтра, я спрошу его, какія у него намѣренія.

Прелестная, неуловимая улыбка скользить по лицу Белинды, точно лунный свѣтъ на водѣ.

— Я разрѣшаю тебѣ это! — говоритъ она голосомъ, хотя тихимъ и дрожащимъ, но вполне нравственнымъ.

Послѣ этого, побуждая всѣ усилія сестры удержать ее, она проносится мимо какъ вихрь, бѣжитъ въ свою комнату, и запирается на ключъ. И ни жалобные возгласы Сары, ни ея подглядыванья въ замочную скважину, ни сердитый стукъ въ дверь не въ силахъ заставить ее отпереться.

XI.

Еслибы миссъ Уатсонъ находилась на своемъ обсервационномъ посту, на которомъ она просиживаетъ по шести или восьми часовъ въ сутки, и на которомъ по какой-то непостижимой случайности отсутствуетъ сегодня въ четыре часа пополудни, она могла бы видѣть, какъ Белинда Чѣрчилъ отправляется на прогулку одна одиноконька. И въ такомъ случаѣ она бы не преминула ринуться за ней съ распросами: почему она одна? куда она идетъ? почему съ нею нѣтъ сестры? почему она не взяла съ собой собакъ?

— Я ухожу гулять въ Grosse-Garten, Сара, — объявила Белинда сестрѣ не особенно увѣреннымъ голосомъ и очевидно довольная, что необходимость застегнуть безчисленные юговинцы перчатокъ позволяютъ ей не глядѣть на сестру и стоять съ опущенной головой.

— Въ самомъ дѣлѣ? — отвѣчаетъ та безпечно; но что-то въ манерахъ сестры говоритъ ей о важности предстоящей прогулки и она прибавляетъ совсѣмъ другимъ тономъ:

— Да будетъ мое благословеніе надъ тобою! Какъ бы я желала спрятаться за дерево и послушать, какъ онъ тебѣ объясняется въ любви! Впрочемъ, — прибавляетъ она, пожимая плечами, въ этихъ случаяхъ не бываетъ большого разнообразія; асі они говорятъ приблизительно одно и то же; у нихъ мало воображенія.

Въ то время какъ Белинда идетъ въ двери, ее открываетъ Томми, явившійся на звонокъ Сары.

— Слушай, Томми, — говоритъ эта послѣдняя, обращаясь къ мальчику съ внушительнымъ видомъ, — если трое гѣмецкихъ джентльменовъ придутъ съ визитомъ, смотри не выпускай ихъ всѣхъ вмѣстѣ, а только по одному за-разъ. Если второй придетъ, прежде нежели первый ушелъ, скажи ему, что я занята и попроси прийти позже. Понимаешь? одного за-разъ.

Она все еще внушает безтолковому папу, какъ ему слѣдуетъ поступить съ ея поклонниками, а Белинда уже давно скрылась изъ виду.

Она проходитъ вдоль улицы. Одна сторона ея залита солнцемъ, другая въ тѣни.

Белиндѣ кажется, что это эмблема той разницы, какая существуетъ между ея жизнью до вчерашняго дня и послѣ вчерашняго.

Grosse-Garten не особенно усердно посѣщается; но ей все-таки попадаютъ немногіе гуляющіе одинокіе мужчины, женщины, няньки съ дѣтьми. Всѣхъ ихъ она жалѣетъ до глубины души; никто изъ нихъ не идетъ на свиданіе съ Райверсомъ. Вотъ она дошла до условнаго мѣста: скамейки у пруда съ неподвижной, стоячей водой, на которой плаваютъ царственные лебеди, подъ горячими лучами солнца. Его тамъ нѣтъ—онъ еще не приходилъ. Она первая пришла на свиданіе. Легкое разочарованіе сжимаетъ ей душу; но это ощущеніе тотчасъ же проходитъ. Вѣроятно въ своей поспѣшности она шла быстрѣе обыкновеннаго. Вѣроятно она пришла раньше назначеннаго часа. Она глядитъ на часы. Остается еще пять минутъ до условнаго времени. Она садится на скамейку и ждетъ. Воспоминаніе о томъ, какъ она гуляла въ послѣдній разъ съ Сарой въ этомъ самомъ мѣстѣ, приходитъ ей въ голову, и она вспоминаетъ также совѣтъ Сары ускорить развязку. Это воспоминаніе вызываетъ улыбку счастья и гордости на ея лицѣ. Она не прибѣгала ни къ какимъ маневрамъ, не унижалась до уловокъ кокетства, а между тѣмъ сама Сара не могла бы увлечь его сильнѣе, чѣмъ она.

Теперь уже вѣроятно пятый часъ. Она опять глядитъ на часы. Да, теперь пять минутъ пятаго; но, вѣроятно, ея часы впереди. Они постоянно бѣгутъ. Снова успокоившись, она терпѣливо продолжаетъ ждать. Скамейка, на которой она сидитъ, находится почти напротивъ того мѣста, съ котораго онъ бросилъ ей букетъ перваго мая. При этомъ воспоминаніи она снова улыбается и на этотъ разъ такъ откровенно и весело, что какой-то прохожій вопросительно и пристально взглядываетъ на нее, очевидно принимая ея улыбку на свой счетъ.

Лицо ея снова дѣлается серьезнымъ. Это мѣсто слишкомъ на виду. Когда онъ придетъ, они поищутъ болѣе укромнаго уголка. Когда онъ придетъ? Но онъ все еще не пришелъ? Почему онъ не приходитъ?

Она тревожно поворачиваетъ голову въ томъ направленіи, откуда онъ долженъ появиться, и невольный страхъ закрадывается

въ ея душу. Неужели она не поняла его указаній? Неужели она тщетно ждетъ его здѣсь, между тѣмъ какъ онъ дожидается ее на другомъ какомъ-нибудь пунктѣ этого обширнаго сада? Но нѣтъ, это невозможно! она слишкомъ отчетливо слышала тѣ немногія, но ясныя слова, какими онъ просилъ ее прійти сюда, и они съ тѣхъ поръ не переставали звучать въ ея душѣ. Ей остается только вооружиться терпѣніемъ.

Снова устремляетъ она свои глаза, теперь уже не такіе ясные, на прудъ и лебедей, которымъ какой-то ребенокъ бросаетъ въ эту минуту хлѣбъ; какая-то бюргерская чета остановилась и любитъ этимъ зрѣлищемъ. — Почему онъ не идетъ? Чувство оскорбленной женской гордости, жгучаго, мучительнаго стыда за то, что она оказывается самой аккуратной изъ нихъ, что ее заставляютъ такъ долго и нестерпимо ждать на ея первомъ любовномъ свиданіи, примѣшивается къ ея тревогѣ и дѣлаетъ ее еще больнѣй. Во всѣхъ мысленныхъ представленіяхъ объ этомъ свиданіи, которыя всю ночь осаждали ея разгоряченную голову, только это одно ни разу не возникало въ ней, что онъ можетъ быть неаккуратенъ; онъ, который съ такимъ безумнымъ жаромъ хватался за всякій предлогъ, чтобы побыть съ нею, по цѣлымъ часамъ дежурилъ на Luttichau-Strasse, несмотря ни на дождь, ни на вѣтеръ, дожидаясь часа, когда могъ бы прилично явиться съ визитомъ. А сегодня онъ на цѣлыхъ полчаса опоздалъ. Это невозможно, невѣроятно. И однако, если какое-нибудь непредвидѣнное обстоятельство помѣшало ему, развѣ онъ не могъ бы написать. Быть можетъ, даже ее дожидается дома записка. Подъ влияніемъ этой мысли, она дѣлаетъ два лихорадочныхъ шага по направленію къ дому. Но вдругъ ее останавливаетъ мысль, что онъ можетъ прійти въ ея отсутствіе, и она остается въ мучительной нерѣшительности. Но сидѣть на скамейкѣ и гладѣть на лебедей она больше рѣшительно не въ состояніи.

Она начинаетъ прохаживаться... О! какъ измѣнилось все вокругъ и внутри ея сравнительно съ тѣмъ, когда она подходила къ этому мѣсту! она идетъ нѣсколько далѣе, не на столько далеко, чтобы потерять изъ виду скамейку, съ которою все еще связаны ея надежды, но на столько, чтобы видѣть главную аллею на далекомъ протяженіи. Дрожащею рукой она защищаетъ глаза отъ солнца и вперяетъ вдаль жадный взоръ. О! еслибы она могла хоть издали увидѣть его! Подъ деревьями раскидывается яркій весенній зеленый коверъ, на который ложатся длинныя тѣни отъ деревьевъ. Все кругомъ тихо и спокойно, и... безлюдно.

Съ тѣмъ-то въ родѣ подавленнаго рыданія въ горлѣ, которое возмущаетъ ее самое, она собирается уходить, какъ вдругъ на другомъ концѣ аллеи замѣчаетъ фигуру человѣка, направляющуюся къ ней. Лицо разглядѣть нельзя, но, конечно, это его походка и общій видъ.

Цѣпляясь за эту надежду, она спѣшитъ на-встрѣчу идущему человѣку. Да, это онъ. Что-жъ! она ни за что не станетъ упрекать его. Она не допуститъ оскорбленному самолюбію нарушить дивную гармонію ихъ сердецъ, влекомыхъ другъ къ другу. Она даже не спроситъ его, почему онъ такъ запоздалъ. Безъ сомнѣнія, на это есть основательная причина, которую онъ самъ въ свое время объяснитъ ей. Но увѣ! она можетъ приберечь свои благородныя намѣренія до другого раза. Сегодня они ей не понадобятся. Уже издали она видитъ, что тотъ, кто идетъ ей на-встрѣчу—не Райверсъ; что даже при ближайшемъ осмотрѣ оказывается, что онъ вовсе на него не похожъ.

Это такое горькое разочарованіе, что она сворачиваетъ въ боковую аллею, чтобы скрыть свои слезы; но поспѣшно отеревъ ихъ, торопливо возвращается на мѣсто свиданія въ паническомъ страхѣ, что быть можетъ онъ появится тамъ съ какой-нибудь неожиданной стороны. Но его тамъ нѣтъ, и она съ замираніемъ сердца прислушивается къ бою часовъ: половина пятого! Цѣлый часъ уже ждетъ она здѣсь по его прихоти, одуроченная, осмѣянная.

Съ чувствомъ сильнаго негодованія направляется она домой, но не сдѣлавъ и пяти шаговъ, перемѣняетъ намѣреніе. Она еще не можетъ примириться съ мыслью, что этотъ чудный и такъ много обѣщавшій день долженъ окончиться такимъ убійственнымъ, унижительнымъ образомъ! Она подождетъ его еще пять минутъ. Быть можетъ и даже довольно вѣроятно, что онъ ошибся въ часѣ и хотѣлъ сказать въ половинѣ шестого, а не въ половинѣ пятого. Въ такомъ случаѣ онъ даже и совсѣмъ не опоздалъ.

Немного успокоенная этой возродившейся надеждой, она снова садится на скамью. Да; она подаритъ ему еще пять минутъ, и въ продолженіе этихъ пяти минутъ не будетъ даже глядѣть кругомъ себя, не будетъ искать его глазами. Быть можетъ, это принесетъ ей счастье. Но нѣтъ; пять минутъ проходятъ, а его все нѣтъ. Она ждетъ еще десять минутъ, потомъ еще пять. Два раза совершаетъ она свою лихорадочную прогулку по главной аллеѣ; но на этотъ разъ даже не испытываетъ никакой фальшивой тревоги, отъ случайнаго сходства съ нимъ какого-нибудь прохожаго.

Только когда часы бьютъ шесть, она, наконецъ, отчаянно

и рѣшительно идетъ домой. Каждый ея шагъ отзывается въ ея сердцѣ такъ, какъ еслибы по немъ били молотомъ.

Но не говоря уже о безсмысленности дальнѣйшаго ожиданія, чувство собственнаго достоинства, проснувшееся въ ней наконецъ, запрещаетъ ей прибавить хотя бы только нѣсколько лишнихъ секундъ къ тѣмъ унижительнымъ и мучительнымъ полтора-часамъ, которые она провела на этомъ мѣстѣ.

— Если бы у меня была настоящая гордость, я бы часъ тому назадъ ушла, — говоритъ она себѣ, въ горькомъ отчаяніи возвращаясь домой. Голова, которая обыкновенно у нея гордо закинута назадъ, теперь опущена. Ей кажется, что всякій, кто ее ни встрѣтитъ, прочтаетъ на ея лицѣ глубокое униженіе и досаду. Она спѣшитъ пройти мимо всѣхъ, спѣшитъ поскорѣй миновать всѣ эти улицы, залитые свѣтомъ, въ которыхъ она можетъ встрѣтить кого-нибудь изъ знакомыхъ, хуже того: кого-нибудь изъ вчерашнихъ участниковъ на пикникѣ, и хуже всѣхъ — миссъ Уатсонъ.

По мѣрѣ приближенія къ Lüttichau-Strasse, беспокойство ея нѣсколько затихаетъ. Надежда найти дома записку, что-нибудь, что разрѣшитъ эту безчеловѣчную загадку, ускоряетъ ея шаги и проясняетъ ея взгляды. Не можетъ же быть, чтобы неразъяснилось это злополучное *contretemps*. Но надо, чтобы это было весьма пріятное разъясненіе, говоритъ она самой себѣ, чтобы вознаградить ее за тѣ страданія, какія она перенесла сегодня.

— Ну, — кричитъ Сара, стоя у открытыхъ дверей гостиной и глядя черезъ плечо сестры, какъ бы лица еще кого-то другого, — гдѣ онъ? что вы съ нимъ дѣлали? я желаю броситься ему на шею и поцѣловать его. Я давно уже, — прибавляетъ она смѣясь, — ищу предлога для этого, и вотъ теперь у меня есть — отличный.

Белинда совсѣмъ не намѣревалась идти въ гостиную; она рассчитывала незамѣтно проскользнуть въ свою комнату, такъ какъ Томми въ отвѣтъ на ея лихорадочные разпросы философски завѣрилъ, что нѣтъ ни писемъ, ни записки.

— Не смѣйся, — говоритъ она, задыхаясь. — Я не могу этого вынести. Я его не видѣла, онъ совсѣмъ не приходилъ!

— Совсѣмъ не приходилъ! — повторяетъ Сара тономъ глубокаго удивленія, широко раскрывъ свои хорошенькіе глаза и ротикъ.

— Но если такъ, — спрашиваетъ она, постепенно приходя въ себя, — то гдѣ же ты была все это время, что ты дѣлала?

— Я ждала его, — отвѣчаетъ Белинда, стараясь говорить

твердо, хотя при этомъ унижительномъ сознаниі такая яркая краска заливаетъ ея гордое лицо, что можно подумать, что вся кровь прихлынула къ ея головѣ.

— Но это чудовищно! — кричитъ ея сестра съ неописаннымъ волненіемъ; — *ça n'a pas de pot!* Это какое-нибудь недоразумѣніе. Вѣдь онъ порядочный человѣкъ, джентльменъ, конечно, онъ написалъ, онъ объяснилъ въ чемъ дѣло?

Белинда качаетъ головой.

— Нѣтъ; я спрашивала Томми.

— Томми! — повторяетъ Сара тономъ самаго презрительнаго негодованія; — Томми! скажите пожалуйста?!.. Этотъ мальчишка несомнѣнный кандидатъ въ каторгу или на висѣлицу, а можетъ быть и туда, и сюда. Представь только себѣ, — послѣ того, что я ему приказывала, при тебѣ, онъ впустилъ всѣхъ ихъ сразу!

И, позвонивъ изо всѣхъ силъ, она повелительно обращается къ Томми, явившемуся на зовъ: — Томми, какъ смѣешь ты утверждать, что не приходило записки на имя миссъ Чѣрчилъ? Конечно, записка получена. Ступай за ней и не смѣй возвращаться безъ записки.

Не обращая никакого вниманія на его удостовѣренія, она выталкиваетъ его изъ комнаты и затѣмъ наступаетъ нѣсколько минутъ мучительнаго ожиданія. По истеченіи ихъ Томми возвращается съ конвертомъ на подносѣ.

— Я говорила тебѣ, что должна быть записка! — кричитъ Сара съ торжествомъ и немедленно накидывается на влополучнаго мальчика. — Какъ смѣешь ты такъ врать, дрянной мальчишка? — развѣ ты не знаешь, что лгуновъ сажаютъ въ тюрьму?

И хотя Томми старается свалить вину на Густель, которая отворяетъ двери, когда его куда-нибудь посылаютъ, она не слушаетъ его оправданій. Съ нетерпѣливой тревогой заглядываетъ она черезъ плечо Белинды, дрожащія пальцы которой не въ состояніи скоро раскрыть конвертъ.

Изъ него выпадаетъ тоненькая синяя бумага. Это счетъ изъ магазина фарфоровыхъ издѣлій за двѣ статуи, купленныхъ недѣлю тому назадъ. Не въ силахъ долѣе сдерживать своего горя, Белинда роняетъ счетъ на полъ и заливается слезами.

XII.

— Еще не отобѣдали? — я ихъ не задержу; я увѣрена, что они примутъ меня; они всегда меня принимаютъ. Нѣтъ, я не стану дожидаться въ гостиной, я пройду прямо въ столовую.

Такими словами, сказанными зычнымъ голосомъ, и не ясно долетающими до столовой, протестуетъ миссъ Уатсонъ противъ стараній Томми, напрягающаго всю свою дѣтскую силу, чтобы помѣшать миссъ Уатсонъ ворваться въ столовую, гдѣ его госпожи сидятъ за десертомъ. Но можно впередъ угадать тцету его усилій.

— Слышали вы про молодого Райверса? — кричитъ она, отталкивая мальчишка и врываясь къ нимъ.

Онѣ сидѣли сегодня, какъ и всегда, втроемъ: старушка и двѣ молодыхъ дѣвушки въ изысканныхъ, нарядныхъ вечернихъ платьяхъ. Белинда уже три четверти часа пытается разрѣшить трудную задачу: какъ это люди вообще ѣдятъ! и проглотить хоть что-нибудь. Нестерпимо ѣсть, но еще нестерпимѣе видѣть, что присутствующіе замѣчаютъ отсутствіе у васъ аппетита. Быть можетъ, съ виноградомъ легче справиться, нежели съ чѣмъ-нибудь другимъ, и она, взявъ вѣточку мускатнаго винограда, разсѣянно теребить ее въ своихъ горячихъ пальцахъ въ ту минуту, какъ миссъ Уатсонъ врывается въ комнату. При ея словахъ она роняетъ виноградъ на тарелку.

— Что съ нимъ такое? — спрашиваетъ Сара, вскакивая съ мѣста, и бѣжитъ къ незванной гостьѣ, между тѣмъ какъ миссъ Чѣрчилъ выпускаетъ изъ рукъ красную ягоду альпійской земляники, которую уже готовилась поднести ко рту, и говорить изумленнымъ голосомъ:

— Боже мой, миссъ Уатсонъ, какъ вы умѣете пугать людей!

— Вы, значить, ничего не слыхали? — спрашиваетъ та, громко, съ облегченіемъ. — Я, значить, первая вамъ сообщаю это?

— Да, да, конечно! Что такое вы намъ можете сообщить?

И, говоря это, Сара ловко становится между гостьей и Белиндой и мысленно благодаритъ небо за наступающіе сумерки и незажженный газъ.

— Я была сегодня на станціи желѣзной дороги, — отвѣчаетъ та, довольная, что можетъ начать свое повѣствованіе; я вѣдь сейчасъ только-что оттуда! Я ходила провожать Реевъ. Вы знаете какъ мы часто видѣлись; они бы мнѣ никогда не простили, если бы я ихъ не проводила.

Не смотря на тревожное ожиданіе, Сара не может удержаться от сардонической улыбки. Вся англійская колонія думаетъ, что не навязчивость ли миссъ Уатсонъ вынудила Реевъ покинуть саксонскую столицу раньше срока, къ великому ихъ сожалѣнію и неудобству.

— Я брала для нихъ билеты,—продолжаетъ наивная рассказчица, — вы вѣдь знаете, что я всегда готова услужить добрымъ людямъ, и по-правдѣ сказать я была рада узнать, куда они уѣзжаютъ, такъ какъ они ни за что не хотѣли мнѣ этого сказать. И вотъ когда я получала сдачу, вдругъ я увидѣла, что къ кассѣ идетъ, кто бы вы думали?—молодой Райверсъ!

— Ну!

Даже Сара слушаетъ съ волненіемъ.

— Какимъ образомъ вы здѣсь? — спросила я его; — вы тоже пріѣхали проводить Реевъ. Онъ не разспрашивалъ меня; это меня, знаете, не удивило, такъ какъ вы говорили мнѣ, что онъ много глухъ. Кстати, ему слѣдуетъ обратить вниманіе на эту глухоту, и я скажу ему это, если когда-нибудь опять встрѣчусь съ нимъ.

Если она когда-нибудь опять встрѣтится съ нимъ! Белинда наклоняется впередъ съ видомъ человѣка, напряженно слушающаго. Сердце ея сильно и громко бьется объ уголокъ стола.

— Онъ очевидно не слышалъ и не видѣлъ меня,—продолжаетъ миссъ Уатсонъ, такъ какъ повернулся кругомъ и пошелъ въ другую сторону. Но вонечно какъ только я увидѣла, что не нужна больше Реевъ, я побѣжала за нимъ.

— Ну, еще бы!—бормочетъ Сара сквозь зубы.

— Я схватила его за руку. Стойте,—сказала я,—куда вы ѣдете. Онъ вырвалъ руку — вы знаете, что онъ всегда былъ грубъ, вотъ почему я думаю, что онъ сродни Стѣкли-Райверсамъ; они всѣ вошли въ пословицу по своей грубости. — Что вамъ нужно? — спросилъ онъ, точно не слышалъ моего вопроса. — Я хочу знать, куда вы ѣдете. Онъ колебался съ минуту и затѣмъ вида, что отъ меня не такъ-то легко отдѣлаться и что я не отстану, если онъ не отвѣтитъ, онъ, отвернувъ голову, проговорилъ такъ тихо, что я едва разслышала: — Я ѣду въ Англію сегодня вечеромъ. И послѣ этого пустился бѣжать со всѣхъ ногъ, и такъ я его больше не видала.

Она остановилась, чтобы перевести духъ; ея повѣствованіе было кончено, но никто изъ ея трехъ слушательницъ ни слова не промолвилъ въ отвѣтъ на его.

Белинда откинулась на спинку стула; вокругъ нея все за-

кружилось. Сара, миссъ Уатсонъ, бабушка, собаченки — все было въ вихрь. Миссисъ Чёрчилъ первая заговорила:

— Должно быть, — сказала она, беря осторожно своими нѣжными старушечьими пальчиками сахарные щипчики, — ему надоѣлъ Дрезденъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Пончъ, долой лапы со стола, сейчасъ, слышите!

— Но это такъ внезапно случилось! — закричала миссъ Уатсонъ громкимъ и раздосадованнымъ голосомъ, точно отъѣздъ Райверса былъ личнымъ для нея оскорбленіемъ. Почему онъ насъ не предупредилъ, что уѣзжаетъ. Онъ мнѣ не говорилъ, что собирается уѣзжать, а вамъ говорилъ?

На это не соблагородили отвѣтить.

— Я увѣрена, что вчера въ Везенштейнѣ никому бы въ голову не пришло, что онъ собирается уѣзжать, — продолжала она, обращаясь прямо къ Белиндѣ.

Страшнымъ усиліемъ воли Белинда заставила комнату и всё находящіяся въ ней предметы принять вертикальное положеніе и не вертѣться. Такимъ же усиліемъ она достигаетъ того, что выговариваетъ фразу, хотя и отрывистымъ, но не особенно дрожащимъ голосомъ.

— Нѣтъ; не думаю.

— Вѣроятно, ему телеграфировали изъ дому, — говоритъ Сара, поспѣвая на выручку сестры и стараясь отвлечь отъ нея вниманіе миссъ Уатсонъ.

— По всей вѣроятности онъ получилъ какое-нибудь извѣстіе.

— Похоже на то, — отвѣчаетъ миссъ Уатсонъ, задумчиво глядя въ полъ. Онъ сморгнулъ человѣкомъ, который только что получилъ худшія вѣсти. Право, онъ былъ похожъ на больного человѣка. Я никогда не видывала, чтобы человѣкъ такъ сильно измѣнился въ такое короткое время. Мнѣ такъ досадно, — прибавляетъ миссъ Уатсонъ, тономъ искренняго сожалѣнія, — что я не спросила у него напрямки, что случилось.

— Мнѣ кажется, что въ этомъ нѣтъ вашей вины, — замѣчаетъ Сара, и говоря это, украдкой взглядываетъ на Белинду, чтобы видѣть какъ на нее все это подѣйствовало; — по всей вѣроятности кто-нибудь изъ его родственниковъ умеръ.

— Я надѣюсь, что не случилось ничего хуже, — прибавляетъ миссъ Уатсонъ таинственнымъ голосомъ. Я надѣюсь, что никто изъ его сестеръ не повалъ въ бѣду. Вы знаете, что женщины фамиліи Райверсовъ пользуются такой славой, что онѣ un peu lestes.

Не прежде какъ исчерпавъ всѣ возможныя предположенія и

вывернуть наизнанку многие известные факты, рѣшилась миссъ Уатсонъ, наконецъ, уйти. Она бы и тогда пожалуй не ушла, еслибы ей вдругъ не пришло въ голову, что до ночи она успѣетъ еще забѣжать за новостями въ два, три дома.

Только что дверь затворилась за ней, какъ миссисъ Чѣрчилъ съ раздраженіемъ проговорила:

— Томми неисправимъ! сколько разъ я приказывала ему не пускать эту женщину ни подъ какимъ предлогомъ, когда мы обѣдаемъ.

— Ахъ! бабушка! какіе вы говорите пустяки! — непочтительно возражаетъ Сара. — Точно такой бѣдной козавкѣ, какъ Томми, подъ силу справиться съ такой коровой. Разумѣется, она будетъ приходить и во время завтрака, и во время обѣда; мы должны благодарить судьбу, если она не врывается къ намъ тогда, когда мы беремъ ванну.

Говоря это, она беретъ подъ руку сестру, сидящую въ унылой позѣ, и увлекаетъ ее въ гостиную.

— Если вы будете такъ копаться, бабушка, — говоритъ она, со смѣхомъ, — то должны обойтись безъ нашего общества. Я думаю, что вамъ пріятнѣе будетъ предаваться аппетиту наединѣ.

Но придя въ гостиную, она перестаетъ смѣяться. Белинда безсильно опускается на стулъ. Сторы на окнахъ не спущены, и глаза ея вперяются въ улицу, на которой начинаютъ въ темнотѣ зажигаться газовые фонари, — улицу, на которой онъ такъ часто и подолгу рассказывалъ взадъ и впередъ, а она слушала его шаги, которыми онъ мѣрилъ пространство, дожидаясь того часа, когда онъ могъ придти къ нимъ съ визитомъ. Въ продолженіи всего обѣда она съ трепетомъ ожидала наступленія вечера; она боялась того напряженного ожиданія, съ какимъ будетъ ждать его звонка и быть можетъ напрасно. Ну вотъ теперь она уже ничего не ждетъ, но ей отъ этого не легче, потому что вмѣстѣ съ ожиданіемъ ушла и надежда.

— Ну? — говоритъ она послѣ минутнаго молчанія, устало глядя на сестру, которая стоитъ возлѣ нея, сложивъ бѣлыя руки и нахмутивъ лобъ съ видомъ размышленія, совсѣмъ ей несвойственного, — ну что ты теперь скажешь? кто былъ правъ, ты или я?

— Я, — отвѣчаетъ Сара, — я сильнѣе тѣмъ когда-либо убѣждена, что онъ послалъ тебѣ записку или телеграмму, но она затерялась.

Белинда слегка пожимаетъ плечами.

— Записки не теряются.

— Онъ велѣлъ прислугѣ отослать ее, — рѣшительно продолжаетъ Сара, — а она — ты вѣдь знаешь какова нѣмецкая прислуга — бросила записку въ огонь, во избѣжаніе хлопотъ.

Белинда не опровергаетъ, но ни малѣйшій лучъ надежды не озарилъ ея пасмурное лицо при этомъ предположеніи.

— Увѣрена ли ты, — спрашиваетъ Сара, проникательно глядя въ лицо старшей сестры, и точно собираясь прочесть на немъ отвѣтъ на свою мысль, — вполнѣ ли ты увѣрена, что не обидѣла его вчера въ Везеншеймѣ? я знаю, что ты часто дѣлаешь это нечаянно, что ты не въ силахъ удержаться, какъ не можешь не дышать.

— Обидѣла его! Боже мой, нѣтъ!

Она приподнялась на стулѣ и уткнула свое бѣдное лицо въ его мягкую спинку, какъ бы желая схорониться въ то время, какъ румянецъ стыда вспыхивалъ у ней при воспоминаніи о сценѣ въ лѣсу, въ которой если и была обида, то уже никакъ не съ ея стороны.

— Тогда очевидно, — возражаетъ Сара спокойно и съ холоднымъ здравымъ смысломъ, — какъ я сейчасъ говорила этой ося, которая только что ушла, — онъ получилъ худыя вѣсти изъ дому. Я надѣюсь, что ничего худого не приключилось съ ихъ желѣзнымъ заводомъ, — прибавляетъ она съ тревожной нотой въ голосѣ.

— Какъ бы только не случилось чего худого съ его отцомъ, — замѣчаетъ Белинда, выведенная этимъ предположеніемъ изъ своего унылаго, подавленнаго состоянія, — онъ никогда не утѣшится.

— Ба! — возражаетъ Сара, — сыновья никогда не умираютъ отъ того, что лишаются отцовъ, и въ сущности въ томъ, что насъ касается, это значительно упроститъ все дѣло; онъ станетъ тогда самъ себѣ господинъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ царствуетъ молчаніе, нарушаемое только храпѣніемъ Понча, долетающимъ сквозь двери. На этотъ разъ Белинда, въ противность всякимъ ожиданіямъ, прерываетъ молчаніе.

— Ты все толковала, — говоритъ она съ горькой улыбкой, готовой немедленно перейти въ слезы, — ты все толковала, что я слишкомъ холодна съ нимъ; ты все убѣждала и уговаривала меня быть менѣе холодной, и вотъ, — доканчиваетъ она почти задыхаясь, — я послушалась тебя, и онъ можетъ быть возмущенъ этимъ.

— Неужели ты хочешь сказать, — кричитъ Сара съ насмѣшливымъ смѣхомъ, эффектъ котораго смягчается тѣмъ, что она въ ту же минуту ласково обнимаетъ рукою шею старшей сестры, —

неужели ты хочешь сказать, что подозреваешь, что онъ повернулся къ тебѣ спиной за то, что ты сказала ему два три ласковыхъ слова и подарила нѣжнымъ взглядомъ. Еслибы это было такъ, то такого поклонника и жалѣть нечего; пусть его проваливается съ Богомъ.

Но Белинда слишкомъ разстроена, чтобы отвѣчать.

— Извини меня,—продолжаетъ Сара тономъ притворнаго сожалѣнія, которому противорѣчить лукавый блескъ глазъ,—но онъ былъ бы далеко не такъ скученъ, еслибы не былъ такъ искренне влюбленъ. Когда мужчина только играетъ въ любовь, онъ можетъ быть любезенъ и милъ съ посторонними, но,—прибавляетъ она со взрывомъ смѣха,—неужели бѣдный Давидъ былъ занимателенъ? онъ былъ совершенно подавленъ своей *idée fixe*. Милая моя,—заканчиваетъ она, кладя руку на плечо Белинды,—какъ онъ надоѣдалъ мнѣ и бабушкѣ, и какъ,—развеселись, душа моя,—онъ еще будетъ и впредь надоѣдать намъ.

И вотъ утѣшеніе,—если только это можно назвать утѣшеніемъ—съ какимъ Белиндѣ приходится идти спать.

ХІІІ.

И этимъ утѣшеніемъ ей приходится удовольствоваться на другое утро, когда мучительныя сновидѣнія смѣняются для нея не менѣе мучительной дѣйствительностью. Она спала—къ величайшему своему удивленію—первую половину ночи, но въ маѣ мѣсяцъ ночи коротки, и хотя уже совсѣмъ свѣтло на дворѣ, но часъ еще очень ранній, когда она проснулась. Сонъ бѣжитъ ей глазъ съ той безнадежной рѣшительностью, которая говоритъ несчастной жертвѣ, что бесполезно пытаться снова заснуть и уйти отъ докучнаго сознанія. Она лежитъ въ постелѣ, пока это ей не надоѣдаетъ; затѣмъ встаетъ, и такъ какъ еще слишкомъ рано позвонить, чтобы пришла служанка и принесла горячей воды, — она отерываетъ окно и, накинувъ пеньюаръ, усаживается около окна и смотритъ, какъ день восходитъ, свѣтлый и ясный, надъ старой и грѣшной землей.

Съ самаго сотворенія міра спорятъ о томъ: успокоиваетъ ли красота природы, или еще сильнѣе раздражаетъ людское горе. Белинда согласна съ послѣднимъ мнѣніемъ. Ей кажется, что ей было бы легче, еслибы шелъ дождь или снѣгъ и день не дразнилъ бы ее своей чудной прелестью.

Она никогда не питала особенно радужныхъ надеждъ отно-

сительно своего будущаго. Она не принадлежитъ къ тѣмъ счастливымъ созданіямъ, для которыхъ жизнь представляется въ золотомъ туманѣ. Глубокая увѣренность въ томъ, что она не можетъ нравиться, увѣренность, запавшая въ нее съ самаго дѣтства и поколебавшаяся - было послѣднее время, съ новой силой видѣется въ ея сердцѣ.

— Никакой телеграммы онъ не получалъ, — говоритъ она сама себѣ съ невыразимой горечью, — никакихъ дурныхъ вѣстей не приходило, но онъ правъ, что уѣхалъ. Я не изъ тѣхъ женщинъ, которыя внушаютъ любовь. Постараюсь никогда больше этого не забывать.

Часы идутъ за часами и, наконецъ, бьетъ восемь. Утомившись отъ долгаго сидѣнья, она встаетъ и начинаетъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, вдругъ раздается стукъ въ дверь, короткий, энергическій, вполне выражающій характеръ стучащаго и сопровождаемый настойчивымъ воемъ:

— Белинда! Белинда! ты не спишь?

— Да, я проснулась, — отвѣчаетъ она неохотно голосомъ, которому тщетно старается придать сонливость.

— Такъ почему ты не отпираешь двери? — кричитъ голосъ нетерпѣливо, и слышится громкій стукъ ручкой двери.

Но Белинда не хочетъ отпереть, ей не желательно ни чье общество, и всего менѣе, пожалуй, общество Сары, такъ какъ это единственное лицо, передъ которымъ она не сдѣлала скрипъ своего униженія.

— Что тебѣ нужно? — упрямо спрашиваетъ она.

— Если ты не отворишь сейчасъ двери, — отвѣчаетъ Сара, на минуту переставая стучать ручкой, — то предупреждаю тебя, что сама распечатаю и прочитаю твою записку.

Ея записку! Въ одно мгновеніе Белинда оказывается у двери и, отперевъ ее, съ блѣднымъ лицомъ глядитъ на сестру.

— Кто изъ насъ правъ? — кричитъ Сара, влетая въ комнату въ пеньюарѣ и съ распущенными волосами, но съ торжествующимъ лицомъ, и протягивая сестрѣ письмо, которое та молча беретъ въ руки. — Я была увѣрена, что онъ долженъ былъ написать, и сегодня утромъ первымъ дѣломъ послалъ Томи на его квартиру, и тамъ онъ добылъ вотъ это письмо, про которое тамъ совсѣмъ забыли, и которое велѣно было доставить намъ еще вчера. Будь спокойна, на этотъ разъ это не счетъ изъ магазина.

Белинда раскрываетъ конвертъ и напряженно глядитъ въ бумагу.

— Какъ глупо!—говорить она, проведя рукою по глазамъ;— я не могу читать.

— Неужели это его почеркъ?—кричитъ Сара, поспѣвая къ ней на помощь и съ удивленіемъ глядя на письмо.—Какъ онъ гадко пишетъ!

— Да, это его почеркъ,—говоритъ Белинда, опять проводя рукою по глазамъ,—но онъ очень неровенъ. Вѣроятно, онъ измѣнился отъ волненія. Пожалуйста прочти письмо.

— Письмо безъ начала,—объявляетъ Сара, съ охотой исполняя требуемое. «Я не могу прийти сегодня, какъ было условлено. О! простите меня! (тутъ страшная клякса, должно быть слезы пополамъ съ чернилами). Меня вызываютъ телеграммой домой. (Я говорила тебѣ; тутъ опять какое-то слово ужасно замазано, ничего не разберешь). Ужасная ват... (катастрофа! должно быть! онъ всѣ буквы свои пишетъ съ необыкновенными росчерками, но тѣмъ не менѣе ихъ трудно разобрать)... страшная катастрофа! Самъ не помню что говорю. Будьте здоровы! (Опять кляксы!) Д. Р.» Вотъ и все.

— Все!—кричитъ Белинда, протягивая впередъ дрожащую руку за запиской,—погляди нѣтъ ли чего на другой страницѣ?

— Ни единого слова!

Наступаетъ молчаніе. Глаза Белинды прикованы къ тѣмъ немногимъ словамъ—ахъ! какъ ихъ мало!—а на нихъ ей приходится строить все свое будущее. Есть ли между ними хотя одно, которое бы оправдывало ея надежды.

— Было бы гораздо цѣлесообразнѣе,—говоритъ Сара, тономъ оскорбленнаго здраваго смысла,—еслибы онъ намекнулъ о томъ, каковаго рода эта катастрофа, вмѣстѣ того, чтобы тратить время на всѣ эти бесполезные завитки и росчерки вокругъ своихъ а и с и з.

— Ты думаешь, что катастрофа дѣйствительно произошла? что дѣйствительно что-то случилось? что дѣйствительно ему телеграфировали изъ дому?—спрашиваетъ Белинда съ лихорадочной жадностью свою хладнокровную, хитрую, младшую сестру.

— Разумѣется, да; разумѣется, его вызвали по телеграфу!—отвѣчаетъ Сара.—А, знаешь,—прибавляетъ она съ сатирическимъ взглядомъ,—слѣдуетъ сознаться, что ты очень высокаго мнѣнія о своемъ поклонникѣ, онъ долженъ быть польщенъ твоимъ довѣріемъ. Нѣтъ! успокойся (указывая пальцемъ на западающую чернилами бумагу), всякій, даже привычный агунъ постыдился бы такой уловки.

— Катастрофа! — повторяетъ Белинда, разсуждая, какъ бы

сама съ собой, и все еще глядя на записку;—какого рода катастрофа? Я думаю... я боюсь, что случилось что-нибудь съ его отцемъ.

— Какъ бы то ни было, а личность бѣднаго юноши отчуждена отъ всякихъ подозрѣній въ недостойномъ поведеніи, — говоритъ Сара весело, направляясь въ своемъ длинномъ пенъюарѣ къ огню и весело выглядывая изъ него. — Ты теперь можешь успокоиться, что не оттолкнула его и не обратила въ бѣгство своей неприличной любезностью, какъ ты почти вообразила себѣ это вчера вечеромъ. А что касается его отца, то если случилось въ самомъ дѣлѣ что-нибудь съ нимъ, то наше горе можетъ быть смягчено мыслью, что вѣдь мы никогда его не видали. Однако, полагаю, что нельзя же мнѣ оставаться весь день въ пенъюарѣ,—заключатъ она, направляясь къ двери.

Белиндѣ тоже слѣдуетъ одѣться, и совсѣмъ тѣмъ она долго еще по уходѣ сестры сидитъ неподвижно, глядя на скучную записку, изображающую ея первое любовное письмо. Она насмѣшливо усмѣхается. Неужели оно будетъ и послѣднимъ? При этой мысли она принимается за расчеты. Отъ Дрездена до Лондона, если нигдѣ не останавливаться по дорогѣ, — а онъ, конечно, не будетъ нигдѣ останавливаться—тридцать-шесть часовъ ѣзды. Пять или шесть часовъ понадобится на переѣздъ въ Йоркширъ. Письмо изъ Англіи въ Дрезденъ доходитъ въ четыре дня. Еслибы даже онъ написалъ ей немедленно по прибытіи, — что совсѣмъ невѣроятно—такъ и то она получитъ письмо не раньше какъ черезъ недѣлю. Ей неизбежно предстоитъ прожить пять или шесть безусловно пустыхъ дней, въ которыхъ, однако, будетъ столько же часовъ, сколько и въ тѣхъ дняхъ, которые она провела въ Морицбургѣ или въ Везенштейнѣ. Она прислонится горячимъ лбомъ къ холодной спинкѣ деревяннаго стула. О еслибы она могла проспать эти дни!

Но приходъ горничной съ обычными принадлежностями туалета напоминаетъ ей, что это невозможно. Она не можетъ проспать ихъ. Она должна всѣ эти дни одѣваться, разговаривать, ѣсть, гулять, шутить, хуже того—она должна будетъ выслушивать непрерывные толки объ его отъѣздѣ, о причинѣ, которая заставила его уѣхать, о томъ, можно ли рассчитывать на его возвращеніе или нѣтъ.

Но отъ этого послѣдняго мученія она избавляется уже по прошествіи двухъ дней. Никто изъ ихъ маленькаго кружка не интересуется особенно живо его личностью, и о немъ скоро перестаютъ думать и говорить.

Она очень рада, когда перестают болтать о немъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сердится за то, что они могли такъ скоро позабыть его. А тѣмъ временемъ дни идутъ себѣ, да идутъ. Отъѣздъ Чёрчилей назначенъ теперь на пятое іюня, и по мѣрѣ того, какъ приближается этотъ день, безумный страхъ овладѣваетъ Белиндою: что если письмо придетъ уже послѣ ихъ отъѣзда. Масса разсказовъ, слышанныхъ ею о томъ, какъ цѣлыя жизни бывали испорчены отъ подобнаго рода недоразумѣній, осаждаютъ ея голову.

Домъ полонъ признаковъ приближающагося отъѣзда: суета, возня, хлопоты съ укладкой вещей. Онъ полонъ также и нѣмецкихъ офицеровъ, которые, сознавая, что имъ скоро придется разстаться съ ихъ прелестной, остроумной Сарой, рѣшили пользоваться, пока можно, ея обществомъ. Нѣкоторые изъ нихъ не прочь были распространить свои любезности и на старшую сестру, видя, что ее не монополизировать больше ея угрюмый соотечественникъ, но она приняла ихъ комплименты такъ нелюбезно, что, устыдясь своей мимолетной измѣны, они вернулись къ младшей, взирающей на ихъ особы и дѣйствія съ равномѣрнымъ, веселымъ равнодушіемъ.

Белинда совсѣмъ не желала отталкивать ихъ, но какъ можетъ быть внимателенъ къ комплиментамъ человѣкъ, который мысленно занятъ исчисленіемъ — 36 и 5, 41; вычесть 1 день изъ 4-хъ, 1—изъ 3-хъ и т. д.

Но укладка вещей не исключаетъ развлеченій болѣе пріятнаго рода. Она не помѣшала даже прощальной экскурсіи въ Тарандтъ,—экскурсіи, задуманной Сарой и ея свитой изъ улановъ съ присоединеніемъ нѣсколькихъ сговорчивыхъ молодыхъ дѣвушекъ.

Белинда думала, что будетъ въ состояніи участвовать въ прогулкѣ. Съ Тарандтомъ не связано никакихъ мучительныхъ воспоминаній, но въ послѣднюю минуту бездѣлица лишила ее мужества—видъ платья, въ которомъ она ѣздила въ Везенштейнъ и которое горничная съ безсознательной жестокостью разложила на постели. Белинда бросилась на постель рядомъ съ платьемъ и принялась рыдать. Оно показалось ей призракомъ ея утраченнаго счастья. Мало-по-малу всѣ уѣхали, и она осталась въ домѣ одна. Даже собакъ, и тѣхъ увезла гулять миссисъ Чёрчилъ. Слютти, равнодушная къ свѣжему воздуху и природѣ, свернулась клубкомъ на днѣ кояски, между тѣмъ какъ Понтъ, стоя на заднихъ лапахъ, передними оперся въ сидѣнье, подобно нѣкому геральдическому льву.

Белинда улыбается, вспоминая про его позу, когда, проводивъ бабушку, возвратилась въ гостиную, получившую уже видъ разоренія, оттого, что лишилась украшеній, какими снабдилъ ее Чёрчидъ: индійскихъ ковровъ и турецкихъ подушекъ и проч. Ея безобразіе, бросающееся въ глаза Белиндѣ, какъ будто усиливаетъ ея дурное расположеніе духа. Солнечный свѣтъ тоже досаждастъ ей, и она безсильно опускается на стулъ. Для посторонняго наблюдателя можетъ показаться, что она ничѣмъ не занята. Но это не такъ. Она продолжаетъ въ умѣ свои расчеты. Она только что окончила ихъ или, вѣрнѣе сказать, снова начала ихъ, когда наступаетъ неожиданный перерывъ, который хотя и не даетъ ей ихъ позабыть — увѣ! ничто не можетъ этого сдѣлать, — но на время отвлекаетъ ее отъ нихъ.

Лѣтній день вѣдо таетъ; даже мухи лѣниво подзакотъ по оконному стеклу, когда дверь въ гостиную отворяется и пропускаетъ профессора Форты.

— Извините, — начинается онъ съ обычной формальной церемонностью, — да я полагаю, что выдѣ пажъ ошибся, объявивъ мнѣ, что Сары нѣтъ дома.

При звукахъ его голоса, отъ котораго мысленно ее отхлынули цѣлыя моря и земли, Белинда вздрагиваетъ и встаетъ съ мѣста, затѣмъ призывая на помощь вѣжливую улыбку, кратко отвѣчаетъ:

— Я боюсь, что онъ не ошибся; ее, кажется, дѣйствительно нѣтъ дома. Вы развѣ ожидали ее застать?

Онъ теперь вошелъ совсѣмъ въ комнату въ своей поношенной и неизящной академической черной парѣ, которая была въ полной дисгармоніи съ свѣтлой комнатой и ослѣпительнымъ солнечнымъ днемъ.

— Разумѣется, я рассчитывалъ застать ее, — рѣзко возражаетъ онъ, — такъ какъ пришелъ сюда по ея собственному приглашенію. Она подлѣ разными пустыми предлогами отказывалась всю прошлую недѣлю отъ предлагаемыхъ мною прогулокъ, пока, наконецъ, сама не назначила мнѣ для свиданія этотъ день и часъ. Я аккуратно явился, — сердито взглядываетъ онъ на дрезденскіе часы.

— Я боюсь, что она совсѣмъ забыла объ этомъ обстоятельствѣ, — объявляетъ Белинда, съ откровеннымъ хохотомъ, отъ котораго была не въ силахъ удержаться, такъ какъ по странному противорѣчію въ человѣческой природѣ, человѣкъ бываетъ способенъ смѣяться отъ души, громко и истерически, даже въ тотъ самый моментъ, какъ сердце его разрывается; — она ухала на прогулку.

— Она вѣчно развѣзжаетъ,—замѣчаетъ онъ сердито.

Белинда вздыхаетъ; ея смѣшливость пропадаетъ такъ же быстро, какъ и нашла. Она не въ силахъ даже вступиться за Сару, поведение которой не одобряетъ и отлично видитъ преднамѣренное коварство этой послѣдней ея выходки.

— Она молода,—уныло говоритъ она.

— Не вижу, чтобы это могло служить достойнымъ оправданіемъ систематическаго пренебреженія ко всякимъ серьезнымъ обязанностямъ въ жизни;—раздражительно говоритъ онъ.

Онъ подошелъ къ окну и сталъ тамъ, залитый солнечнымъ свѣтомъ. Никогда еще не казался онъ менѣе привлекательнымъ, чѣмъ въ настоящую минуту; досада дѣлаетъ еще морщинистѣе его сморщенное, педантическое лицо. Но никогда еще Белинда не чувствовала къ нему такого состраданія, какъ въ настоящую минуту. «Онъ не любезенъ, и небу извѣстно, что онъ непривлекателенъ», говоритъ она самой себѣ;—тѣмъ хуже для него. Но онъ несчастливъ, и этого достаточно, чтобы я ему сочувствовала.

— У васъ есть можетъ быть какое-нибудь особенное дѣло?—спрашиваетъ она, подходя къ нему и останавливаясь въ той же солнечной полосѣ, которая ярко озаряетъ ея молодую красоту,—не могу ли я помочь вамъ?

Очевидно, что ему никогда и въ голову не приходило, чтобы она могла быть на что-нибудь полезна или пригодна для него.

— Вы очень добры,—отвѣчаетъ онъ все еще сердито, взглядывая на кину бумажъ въ своихъ рукахъ,—я дѣйствительно желалъ набросать нѣсколько замѣтокъ объ идеѣ красокъ у аэриана и рассчитывалъ, что Сара будетъ моимъ секретаремъ. Она отлично знаетъ,—съ усиленнымъ раздраженіемъ прибавляетъ онъ,—что болѣзнь глазъ не позволяетъ мнѣ писать сверхъ извѣстнаго числа часовъ въ день и удерживаетъ меня здѣсь среди учебнаго семестра вдали отъ Оксфорда и моей наседры.

— Она очень вѣтрива!—успокоительно подтверждаетъ Белинда,—но что касается письма, то у меня гораздо лучше почеркъ, нежели у Сары. Она всегда лѣнилась учиться, когда мы были дѣтьми. Она постоянно устраивала разныя штуки надъ учителемъ во все время урока. Не могу ли я быть вашимъ секретаремъ?

И говоря это, она поднимаетъ на него свои большіе, серьезные глаза, исполненные состраданія, вполне искренняго, не смотря на легкій отѣнокъ пренебреженія.

— Вы очень добры! — повторяет онъ церемонно. — Я не считаю себя въ правѣ отнимать у васъ дорогое время.

— Мое время ничѣмъ не занято, — отвѣчаетъ она, подавляя вздохъ. — Напротивъ того, я буду благодарна всякому, кто поможетъ мнѣ убить его.

И говоря это, она идетъ къ письменному столу и быстро, методически раскладываетъ на немъ письменныя принадлежности, садится и черезъ нѣсколько секундъ уже записываетъ подъ его диктовку первую фразу.

Она взялась за это дѣло чисто по добротѣ и сначала выполняетъ его вполне механически. Но постепенно, по мѣрѣ того, какъ смыслъ словъ, которые она записываетъ, дѣлается ей понятнымъ, она начинаетъ интересоваться самимъ предметомъ. Она задаетъ ему два или три вопроса. Между прочимъ, попадаетъ греческое слово.

— Можно написать его англійскими буквами? — спрашиваетъ она, взглядывая на него. — Нѣтъ? ну такъ я оставлю пробѣлъ, и вы сами впишете его.

— Вы не знаете греческой азбуки? — спрашиваетъ онъ съ легкимъ сожалѣніемъ въ голосѣ.

Она качаетъ головой.

— Должна попросить васъ не слишкомъ строго экзаменовать меня въ томъ, что я знаю, — улыбается она.

— Я предлагалъ научить Сару, — замѣчаетъ онъ досадливо.

— И она, конечно, отказалась.

— Не знаніе — говоритъ онъ, мрачно рассказывая по комнатѣ, — составляетъ капитальное зло, но неохота учиться — вотъ что я оплакиваю въ Сарѣ.

Белинда приостановилась писать и, не снимая локтя со стола, лѣниво водила бородкой пера по краснымъ губамъ.

— Никогда еще не видывалъ, — продолжаетъ онъ, сердито рассказывая по комнатѣ, — чтобы характеръ у молодой особы такъ радикально измѣнился въ такой сравнительно короткій промежутокъ времени.

— Неужели? — кричитъ Белинда, удивленная. — Она всегда была такою съ тѣхъ поръ, какъ я ее помню.

— Когда я впервые познакомился съ ней, — продолжаетъ онъ, не обращая вниманія на перерывъ, — я, конечно, тотчасъ же увидѣлъ ея невѣжество, — оно бросается въ глаза; но мнѣ показалось, что она не лишена ума и сильнаго притомъ желанія образоваться. Въ первый же вечеръ, какъ мы встрѣтились, она такъ настойчиво просила меня заняться ея образованіемъ.

Белинда роняет перо. Она не может скрыть конвульсивной улыбки, появляющейся на ее губах при таком разоблачении ужасного лицемерия ее сестры.

— Я питаю надежду, — продолжает онъ, къ счастью не замѣтивъ впечатлѣнія, произведеннаго его словами, — что эта переменна только временная; что возвратясь домой, къ своимъ обычнымъ занятіямъ, вдали отъ всѣхъ этихъ бессмысленныхъ развлеченій (послѣднія слова онъ говоритъ съ преувеличеннымъ пафосомъ), она вернется къ болѣе здравому отношенію къ жизни, которое я въ ней замѣтилъ въ первое знакомство съ нею, и не могу не считать ее естественнымъ настроеніемъ.

Белинда, будучи не въ силахъ говорить, только покачиваетъ тихонько головой, какъ вдругъ въ эту самую минуту на лѣстницѣ раздается шумъ шаговъ и громко расхлывающій голосъ, пробуждающій къ жизни заснувшій было мертвымъ сномъ домъ. Въ ту же минуту дверь растворяется, и особа, отъ которой ждутъ болѣе здраваго отношенія къ жизни, появляется передъ ними въ шляпѣ, нѣсколько съѣхавшей набокъ отъ тяжелаго букета цвѣтовъ, приколотатаго съ боку, и вноситъ съ собой въ комнату ихъ аромать.

— Неправда ли ты рада тому, что я вернулась такъ неожиданно рано? — весело кричитъ она. — Но на дворѣ такъ жарко, а вонны мои такъ унылы и разстроены отъ мысли, что скоро потеряютъ меня, — у фонъ-Брейденбаха даже зубы разболѣлись, и вотъ... М-ръ Фортъ! — внезапно спохватилась она, замѣтивъ его присутствіе. — Ахъ! (съ рѣзкой переменной въ голосѣ, который становится вдругъ очень холоднымъ) вы, конечно, пришли на счетъ этой вашей статьи, а я, конечно, совсѣмъ и забыла про нее. Ну чтожъ, я полагаю, что дѣло не въ спѣху! Къ счастью греки могутъ подождать; они отъ насъ никуда не убѣгутъ!

Наступаетъ зловѣщее молчаніе.

— Большое несчастье, при признанныхъ взаимныхъ отношеніяхъ — начинается профессоръ голосомъ, дрожащимъ отъ негодованія, — что наши взгляды на жизнь и ее смыслъ такъ радикально расходятся...

Белинда выходитъ изъ комнаты.

XIV.

— Какъ мнѣ отблагодарить тебя за то, что ты расчистила мнѣ путь? — говоритъ Сара на другое утро, когда обѣ сестры сидѣли за завтракомъ. — Я проснулась сегодня въ такомъ сми-

ренномъ, благодарномъ настроеніи. Я говорила себѣ: благодареніе Богу и моей доброй сестрѣ, я выпуталась изъ бѣды.

— А говорила ли ты себѣ, что это повторится съ тобою уже въ семнадцатый разъ? — иронически спрашиваетъ Белинда.

— Я говорила себѣ, — продолжаетъ Сара, прикидываясь глухой, — что надѣну сегодня новое лѣтнее платье и попрошу бабушку велѣть подать шампанскаго за обѣдомъ, чтобы отпраздновать мое невинное торжество. Право, шутки въ сторону, стоило обѣщать ему выйти за него замужъ, чтобы имѣть удовольствіе нарушить свое обѣщаніе. Неужели ты этого не понимаешь?

— Я уже сто разъ объясняла тебѣ, что согласилась бы скорѣе быть сожженной за-живо, нежели стать его невѣстой, — замѣчаетъ Белинда.

Но этотъ щелчокъ, подобно многимъ другимъ вредшествовавшимъ, проносится мимо надъ легкомысленной головой Сары и не нарушаетъ ея яснаго самодовольства.

— Повянь, — говоритъ она, беря переднія лапки обоихъ собачекъ въ свои руки и серьезно глядя въ ихъ черныя мордочки. — Понятъ, я свободна! Слытитъ, я свободна! ступайте и сообщите объ этомъ котамъ и попугаю!

Белинда опрокинулась на спинку стула. Она мучительно дивится про себя, почему письма такъ запаздываютъ.

— Я даже не нашла себѣ въ немъ врага, — продолжаетъ Сара, выпуская изъ рукъ собачьи лапки, и со вздохомъ облегченія опускаясь обратно на стулъ.

— Я думаю, что въ душѣ онъ былъ такъ же радъ отдѣлаться отъ меня, какъ я отъ него. Онъ первый изъ всѣхъ ихъ былъ радъ, что я отказала ему! — прибавляетъ она съ легкимъ отбивномъ досады въ голосѣ.

— Еще бы! онъ былъ очень радъ! — говоритъ насмѣшливо Белинда.

— Скажи еще слово, и я сейчасъ верну его назадъ, — кричать Сара, подвадоренная этими словами.

Но Белинда не отвѣчаетъ. Для нея Сара и ея легкая любовь представляются чѣмъ-то далекимъ и незначительнымъ. Ея напряженное ухо уловило звукъ шаговъ. Конечно, это Томми несетъ завтракъ, но быть можетъ онъ несетъ ей также вѣсть смерти или воскресенія. Сегодня первый день, когда по ея расчетамъ она можетъ получить письмо отъ Райверса.

— Еслибы ты слышала, — продолжаетъ Сара, разово улыбаясь самой себѣ, какъ мастерски я объясняла ему, что только моя неувѣренность въ томъ, что я достойна стать его женой,

заставляет меня отказаться отъ этой чести къ величайшему моему сожалѣнію, то думаю, — даже ты похвалила бы меня.

— Неужели? — слышится радостный отвѣтъ.

— Онъ все проглотилъ, — продолжаетъ Сара, снова съ серьезнымъ лицомъ. — Великій Боже! чего только они не въ состояніи проглотить.

Звукъ шаговъ затихъ. То былъ даже и не Томми.

— Я немного поплакала, — повѣствуетъ далѣе Сара съ скромнымъ ретроспективнымъ восхищеніемъ самой собой, которое разлито во всей ея особѣ, до самаго розоваго батистоваго шейюара включительно. — Не спрашивай меня, какъ я это сдѣлала, я сама не знаю и не берусь повторить это, еслибы представился новый случай. Такія гениальныя находки не повторяются.

Она умолкаетъ, такъ какъ вниманіе ея отвлекается приходомъ Густель, которая раскрываетъ дверь и въ ней показывается фигура Томми, широко раскинувшего свои дѣтскія руки, съ трудомъ обхватывающія поднось, на которомъ уставлены всѣ принадлежности для завтрака и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лежитъ кипа писемъ и газетъ. Белинда теперь, когда наступилъ давно желанный моментъ, не шевелится; ей теперь хочется отдалить его.

Жестокій страхъ оковалъ ея члены. Она готова сердиться на Сару за то, что та дѣлаетъ все, къ чему она сама неспособна. Быстрымъ движеніемъ Сара захватываетъ въ руки всю семейную корреспонденцію. Еще одна пауза, въ продолженіе которой надежда все еще живетъ. Затѣмъ она опять умираетъ. Голосъ Сары говоритъ ей это, прежде нежели смыслъ словъ проникаетъ въ ея сознаніе.

— Боюсь, что нѣтъ ничего интереснаго для тебя, — неохотно произноситъ она, перебирая письма. Сердце у Белинды замедляетъ, но вдругъ снова оживаетъ. Можетъ быть, Сара не узнала его почерка. Вѣроятно, горе и волненіе такъ исказили его, что онъ неузнаваемъ. Видъ такъ быдо съ первой запиской. Она въ свою очередь пересматриваетъ всѣ адреса на письмахъ. Увы! они всѣ писаны рукой обычныхъ и знакомыхъ имъ лицъ. Она всю ночь увѣряла себя, что не особенно рассчитываетъ на сегодняшний день; что сегодня только возможно ожидать письма, но простая возможность еще не составляетъ вѣроятности; вѣрнѣе, что письмо придетъ завтра или послѣ завтра. И все-таки наступившее разочарованіе кажется ей убійственнымъ и окончательнымъ. Первымъ движеніемъ у ней является отбросить письма, но съ тѣмъ самоуваженіемъ, которое отличаетъ насъ отъ дикарей и отъ животныхъ; помня, что круглые

глаза Томми устремлены на нее, она раскрывает одно из писемъ и заслоняетъ имъ свое несчастное лицо, дѣлая видъ, что читаетъ письмо. Но черезъ секунду новое соображеніе заставляетъ ее отложить письмо и приняться за газеты.

Она раскрываетъ одинъ изъ англійскихъ журналовъ «Standard», и съ жадностью пробѣгаетъ столбцы объявленій о смертяхъ, рожденіяхъ и свадьбахъ. Она читаетъ имена, мужественно борясь съ мучительнымъ головокруженіемъ; она не даетъ ему ослабить себя; она сама прочтетъ то, что ей нужно.

«Аббатъ, Акверсъ, Ансонъ, Бекеръ, Галькотъ, Фрисъ, Форлей, Гарперъ, Кей...» Господи! да когда же это она доберется до *P.*? какой длинный списокъ! Ахъ! вотъ наконецъ: Реби! Рашли, Решфордъ... Господи! сколько умерло людей съ фамиліей на *P.* Ахъ! вотъ и оно! Да! *Райверсъ!* Головокруженіе проходитъ; она ясно видитъ буквы; ошибки быть не можетъ. «24 числа сего мѣсяца въ Денверъ-Голлъ, въ Юреширѣ, Джонъ Аппльби Райверсъ *T. P.*, 54-хъ лѣтъ отъ роду»

Въ эту самую минуту, Томми, окончивъ свое дѣло, запираетъ за собою дверь. Съ секунду или двѣ Белинда тупо глядитъ на это объявленіе, затѣмъ молча подаетъ его сестрѣ. Но Сара не глядитъ на него.

Лицо ея схоронено въ листахъ другой газеты, которую она не имѣла даже терпѣнія разрѣзать.

— Я знала это,—говоритъ она, наконецъ, слегка дрожащимъ и взволнованнымъ голосомъ, но тѣмъ не менѣе съ торжествомъ.—Я знала, что бѣда случилась съ его отцомъ; онъ умеръ; онъ лишилъ себя жизни; бѣдный Давидъ! не мудрено, что у него былъ такой странный видъ. Вотъ здѣсь есть статьи объ этомъ.

— Лишилъ себя жизни!—повторяетъ Белинда съ трудомъ переводя духъ, поблѣвъ какъ скатерть и глядя расширенными зрачками своихъ большихъ сѣрыхъ глазъ въ пространство, между тѣмъ, какъ образъ ея бѣднаго, юнаго поклонника съ его глубокой преданностью, восторженнымъ поклоненіемъ отцу, надъ которымъ она иногда подтрунивала, хотя и не безъ зависти, встаетъ въ ея памяти.

Сара схватила столовый ножъ и поспѣшно разрѣзываетъ газету: «Съ сожалѣніемъ возвѣщаемъ о смерти, при особенно печальныхъ обстоятельствахъ, м-ра Джона Аппльби Райверса изъ Денверъ-Голла, въ Юреширѣ, который за послѣднія десять лѣтъ былъ представителемъ консервативныхъ интересовъ мѣстечка Денверъ въ парламентѣ. Въ ночь на 25-е число, покойный уда-

лился въ полномъ здравіи въ свою спальную, но на слѣдующее утро его слуга, придя будить его въ обычный часъ, нашелъ дверь комнаты запертой и не получилъ никакого отвѣта на свой неоднократный стукъ. Семья встревожилась, и въ комнату покойнаго рѣшено было проникнуть черезъ окно, причемъ несчастный джентльменъ найденъ на полу мертвымъ съ перерѣзаннымъ горломъ. Медицинская помощь, призванная немедленно, оказалась бессильной, такъ какъ, по всей вѣроятности, смерть наступила уже за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ.

Сара умоляетъ съ трепетомъ ужаса, отъ котораго блѣднѣютъ ея розовыя щеки.

— Къ чему это люди перерѣзываютъ себя горло, — жалостливо говоритъ она, — когда есть столько способовъ приличнѣе покончить съ жизнью?

— Быть можетъ онъ не самъ убилъ себя, — кричитъ Белинда, цѣпляясь за эту послѣднюю надежду. — Кто знаетъ? Быть можетъ его зарѣзали?

— Подожди минутку, — возражаетъ Сара, останавливая ее жестомъ руки.

— Гдѣ, бишь, я остановилась? Ахъ! вотъ: — «смерть наступила уже за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ. Бритва лежала возлѣ на полу. Предполагаютъ, что умственное расстройство, бывшее слѣдствіемъ денежныхъ затрудненій, послужило ближайшей причиной этого безумнаго поступка».

Она умоляетъ, и нѣсколько минутъ царствуетъ безмолвіе. Белинда закрыла руками глаза, передъ которыми носится кровавый призракъ.

Итакъ, вотъ что разлучило ее съ нимъ. Вотъ зрѣлище, на которое онъ промѣнялъ весеннюю, теплую прогулку въ Grosse-Garten. Вотъ причина, которую она въ жестовости своей считала измышленной, оторвавшая его отъ нея. Она содрогается отъ ужаса, и вмѣстѣ съ тѣмъ сердце ея переполняется чувствомъ горячаго состраданія.

Что онъ будетъ дѣлать? какъ онъ перенесетъ это? Оправится ли онъ отъ этого удара? Всѣ мы задаемъ себѣ и другимъ эти безмысленные вопросы всякій разъ, какъ горе, болѣе тяжкое тѣмъ обычныя горести, постигаетъ кого-нибудь изъ знакомыхъ намъ людей, хотя тысячекратный опытъ долженъ былъ бы показывать намъ ихъ бесполезность. Но не смотря на искренность ужаса и состраданія, завладѣвшихъ душою Белинды, она вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуетъ невыразимое облегченіе и радость. Итакъ, все разъяснено теперь! Сомнѣнія всѣ разъяснились. По крайней

міръ въ настоящую минуту ей такъ кажется. Она можетъ теперь безъ содроганія вспоминать про сцену въ Везенштейнскомъ гѣсу. Прошлое возвращено ей. Она можетъ утѣшаться имъ до тѣхъ поръ, пока онъ не вернется къ ней и не дастъ ей настоящаго и будущаго.

— Денежныя затрудненія! — произноситъ Сара, задумчиво. — Мнѣ это не нравится. Но все же, — прибавляетъ она болѣе веселымъ тономъ, — это лучше нежели наследственное безуміе въ семьѣ. Бѣдный человѣкъ! онъ выбралъ довольно малодушный способъ выпутаться изъ затрудненій!

— Двадцать-пятое число, — говоритъ Белинда, опуская руки на колѣни и глядя широко-раскрытыми глазами въ пространство; — въ этотъ самый день мы ѣздили въ Везенштейнъ!

— Вотъ еще нѣсколько подробностей о немъ, — продолжаетъ читать Сара. — Ого! мы сейчасъ узнаемъ, на комъ онъ былъ женатъ. «М-ръ Райверсъ родился перваго мая, 18... (ахъ! десять, да десять — двадцать и еще десять тридцать, сорокъ... ему было значить ровно пятьдесятъ-четыре года) — и былъ старшій сынъ м-ра Райверса изъ Денверъ-Голла, по смерти котораго помѣстье было продано, вслѣдствіе денежныхъ затрудненій (Гмъ! денежные затрудненія, повидимому, хроническія въ этой семьѣ!) Оно было выкуплено пять лѣтъ спустя м-ромъ Райверсомъ, который нажилъ большое состояніе въ желѣзной промышленности. Онъ женился третьяго іюня, 18... на леди Маріонъ Ловель, третьей дочери покойнаго и сестрѣ настоящаго графа Иствудъ (браво, Давидъ! я такъ и знала, что въ жилахъ его течетъ не одна желѣзо!), отъ которой у него родилось... (боюсь, что слишкомъ много дѣтей!) Онъ былъ просвѣщеннымъ патрономъ земледѣлія, и принадлежалъ къ нѣсколькимъ земледѣльческимъ обществамъ. Смерть его будетъ глубоко оплакиваться многими».

Сара кладетъ газету на столъ.

— Вотъ и все.

— Все? — повторяетъ Белинда, трепетнымъ голосомъ, — и этого довольно!

— Какое счастье для Давида, что все это случилось въ его отсутствіе!

— Онъ навѣрное другого мнѣнія, — возражаетъ печально Белинда.

— Онъ избѣжитъ величайшей изъ непріятностей — слѣдствія полицейскаго и тому подобнаго! — говоритъ Сара, бжась отъ отвращенія. Желала бы я знать, въ какой день были похороны? Ты не можешь ждать, что онъ напишетъ раньше того. Я думаю,

что теперь тебѣ уже нельзя рассчитывать на письмо до нашего отъѣзда.

— Разумѣется, нѣтъ, разумѣется, нѣтъ! — торопливо замѣчаетъ Белинда. — Бѣдный мальчикъ! Я вовсе не претендую на то, чтобы онъ думалъ обо мнѣ въ настоящую минуту!

— Я думаю, что единственной пріятной для него теперь думой можетъ быть только дума о тебѣ, — сухо возражаетъ Сара. — Я надѣюсь, что денежные затрудненія... и вдругъ умолкаетъ.

— Можешь себѣ представить? Вотъ и она! я слышу ея голосъ. Она пришла сообщить намъ объ этомъ. Томми, Томми, — бѣжить она опрометью въ переднюю, — насъ нѣтъ дома, слышишь, кто бы ни пришелъ.

Но, по обыкновенію, приказаніе опаздываетъ. Пончъ бросается на выручку съ гнѣвнымъ ласкомъ; Слюкки мгновенно заливается подъ диванъ; слѣдуетъ отдать справедливость Томми, что онъ только чуть-чуть пріотворилъ дверь; но миссъ Уатсонъ немедленно расширила отверстіе и пролѣзла въ него и теперь громко вопить и размахиваетъ газетою, завиди Сару.

— Слышали? Читали? О смерти отца молодого Райверса? объ его самоубійствѣ? Я подумала, что быть можетъ вы еще не знаете...

— Само собой разумѣется, что знаемъ, — рѣзко обрываетъ ее Сара; — мы тоже читаемъ газеты. Я съ сожалѣніемъ должна предупредить васъ, что мы не можемъ принять васъ сегодня; мы такъ...

— Какъ вы думаете, онъ былъ въ своемъ умѣ? — перебиваетъ та. — Какъ вы думаете, нѣтъ ли наслѣдственного умопомѣнательства въ ихъ семьѣ? Если есть, то оно, безъ сомнѣнія, внесено въ нее Ловелями; во всѣхъ этихъ старинныхъ фамиліяхъ развита золотуха въ той или иной формѣ.

— Какое утѣшеніе для новыхъ фамилій! — иронически отвѣчаетъ Сара. Прошу извинить, мы такъ заняты укладкой...

— Васъ не удивило, когда вы узнали, что онъ былъ женатъ на одной изъ Ловель? Я не имѣла понятія, что онъ былъ женатъ на одной изъ Ловель. Ручаюсь головой, что онъ не получилъ за ней въ приданое ни одного пенни. Они бѣдны, какъ левъ. Истудъ заложенъ и перезаложенъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну вотъ теперь мы уже слышали всѣ ваши новости, — говоритъ Сара съ рѣшительнымъ видомъ берясь за ручку двери. Пончъ сюда, иначе ты останешься за дверью.

— Какія газеты читали вы? — не унимается гостья. — Я бы

желала знать одинаково ли въ нихъ рассказывается про этотъ случай. Нельзя ли мнѣ прочитать ваши газеты?

Сара качаетъ головой.

— Никакъ нельзя! Бабушка ихъ еще не читала.

— Я бы съ удовольствіемъ дала бы вамъ свои, но только мнѣ надо ихъ снести къ Фрерамъ и Гайгерстамъ. Они получаютъ только «Times», а въ «Times» всегда такъ мало бываетъ подробностей.

Угрюмое молчаніе служить отвѣтомъ.

— Бѣдный человѣкъ! неправда ли, какъ это тяжело?—продолжаетъ миссъ Уатсонъ, на широкомъ лицѣ которой сіяетъ самое пріятное возбужденіе.—Я не помню, чтобы какое-нибудь извѣстіе такъ тяжело на меня подѣйствовало; я поставлю себѣ въ обязанность написать ему; а вы?

— Она поставить себѣ въ обязанность написать ему, — говорила Сара съ гримасой, возвращаясь минутою спустя въ сестрѣ, когда ловкій намекъ на то, что кто-нибудь другой можетъ предупредить Гайгерстовъ и Фреровъ, освобождаетъ ее отъ докучливой посѣтительницы.—Ужасная вещь потерять отца! но еще ужаснѣе выслушивать утѣшенія отъ миссъ Уатсонъ. Кстати,—замѣчаетъ она, перемѣняя тонъ,—у Давида есть твой адресъ—я хочу снѣзать твой лондонскій адресъ, ты ему сообщила его?

— Да.

— Ну, значить, все въ порядкѣ, — прибавляетъ Сара со вздохомъ облегченія!—Чѣмъ скорѣе мы уѣдемъ въ Англію, тѣмъ лучше!

Белинда вполне раздѣляетъ это мнѣніе. Къ чему ей оставаться адѣсь долѣе? Внѣ всякаго вѣроятія, чтобы она получила отъ него теперь письмо. Это было бы нарушеніемъ сиюминутныхъ обязанностей. Можетъ ли она мечтать о томъ, чтобы ея ничтожное я встало между нимъ и его громадной потерей? Смѣетъ ли она думать, что мысль о ней можетъ занимать его умъ, пока не положили его отца въ его окровавленную могилу? Но въ тому времени какъ они достигнутъ Англію, пройдетъ еще четыре дня.

Миссисъ Чёрчилъ поставила условіемъ, чтобы путешествіе совершенно было съ разстановкой. Разъ она будетъ въ Англію, то разстояніе между нимъ и ею сократится во всякомъ случаѣ до одного дня почтового сообщенія. Въ Лондонѣ почта приходитъ нѣсколько разъ въ день. Тамъ черезъ каждыя два часа почтальонъ стучится въ двери, и по всей вѣроятности одинъ изъ

этихъ ступоуъ принесетъ ей спасеніе. Мечты ея разыгрываются до такой степени, что она начинаетъ наконецъ думать такъ: «зачѣмъ ему писать? почему бы ему не прійти самому? Въ ухахъ ея какъ будто раздаются его шаги. Звукъ ихъ будетъ мягче звучать на лондонской лѣстницѣ, устланной ковромъ, нежели здѣсь на голыхъ каменныхъ ступеняхъ. Быть можетъ, они будутъ менѣе легки; печаль сдѣлаетъ ихъ тяжелѣе и медленнѣе. Онъ войдетъ въ траурной одеждѣ. Она никогда не видала его въ черномъ и старается представить себѣ, какой у него будетъ видъ. Онъ не будетъ улыбаться, конечно, но онъ протянетъ ей руки... такъ какъ Томми уйдетъ, доложивъ о немъ».

На этомъ пунктѣ она постоянно закрываетъ лицо руками, и яркая краска разливается по немъ. Но хотя она мужественно старается быть благоразумной и не особенно предаваться мечтамъ и надеждамъ, тѣмъ не менѣе легкой походкой и съ веселымъ лицомъ прохаживается по платформѣ дрезденской желѣзно-дорожной станціи въ день и часъ, назначенный для ихъ отъѣзда. Билеты уже взяты для нихъ, для багажа и для Понча. Слѣutti такъ мала, что можетъ не платить за себя и путешествовать въ нарочно устроенномъ для нея домикѣ, имѣющемъ форму ручного саквожа. Но вотъ миссисъ Чѣрчилъ и Белинда уже усѣлись на свои мѣста и размѣстили свой багажъ. Сара замѣшталась на ступенькѣ, такъ какъ вокругъ нея тѣснится полнѣмецкой арміи. Она всѣхъ ихъ просила прійхать проводить ее, и всѣ отвѣчали на ея зовъ. Руки ея полны большихъ букетовъ. Она сообщаетъ свой адресъ направо и налѣво. Очевидно, они всѣ собираются переписываться съ нею.

У Белинды нѣтъ букетовъ, и никто не спрашиваетъ о томъ, куда она ѣдетъ. Даже послѣдній видъ на прекрасный городъ заслоняется отъ ея глазъ Сарой, которая монополизировала въ свою пользу окно и разсыпаетъ воздушные поцѣлуи, крича: «Auf Wiedersehen!» до тѣхъ поръ пока ея темносніе, свѣтлоглубые и зеленые поклонники не скрываются изъ виду. И при всемъ томъ старшая миссъ Чѣрчилъ возвращается на родину съ легкимъ сердцемъ, которое по временамъ даже радостно бьется въ ея груди.

А. Э.

РУССКІЕ БЕЛЛЕТРИСТЫ НОВАГО ПОКОЛѢНІЯ.

— *М. Албозъ*: Повѣсти. С.-Петербургъ, 1884.—*К. Баранцевичъ*: Подъ гнетомъ. Повѣсти и рассказы. С.-Петербургъ, 1884.

Жалобы на бѣдность современной русской беллетристики давно вошли въ обычай. Главнымъ источникомъ неудовольствія служить сравненіе настоящаго съ прошедшимъ; главнымъ выраженіемъ его — огульные, едва мотивированные приговоры. Блестящему дарованію поколѣнію сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ противопоставляется эпоха упадка, наступившаго уже въ шестидесятихъ годахъ и еще яснѣе обрисовавшагося въ послѣднее десятилѣтіе. Писатели, созданные этою эпохою, считаются, въ большинствѣ случаевъ, какъ бы не заслуживающими серьезнаго вниманія; произведенія ихъ часто бранятъ, но рѣдко разбираютъ. «Беллетристы семидесятихъ годовъ, — читаемъ мы въ одномъ изъ газетныхъ обзорѣвъ 1883 г. — такъ мало (за исключеніемъ г. Гаршина) разнятся другъ отъ друга, такъ мало обнаруживаютъ самобытности, что читающая публика смѣшиваетъ ихъ имена, не можетъ отличить Сидорова отъ Карпова, Карпова отъ Сидорова. Въ работахъ этихъ беллетристовъ любопытна только одна черта: это именно, если можно такъ выразиться, стадность ихъ талантовъ и ихъ направленія, недостатокъ характерной писательской фizioноміи у каждаго изъ нихъ. За немногими исключеніями (какими же? раньше выдѣленъ изъ массы одинъ только г. Гаршинъ), они всѣ похожи другъ на друга, всѣ пишутъ однообразныя варіаціи на однообразныя

тами». Въ другомъ мѣстѣ той же тирады отличительными чертами нашихъ молодыхъ беллетристовъ выставлены «неотдѣланность и незаконченность произведеній, отсутствіе стремленія къ мысли и жизненной правдѣ, подчиненіе кружковой рутинѣ, кружковымъ тенденціямъ». Справедливо ли это мнѣніе — справедливо ли, лучше сказать, общепринятый взглядъ, отразившійся, между прочимъ, и въ приведенной нами цитатѣ? Удобнымъ поводомъ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ служатъ книги, названныя нами въ заглавіи статьи.

Немного нужно усилій памяти и мысли, чтобы отличить г. Альбова отъ г. Баранцевича, чтобы запомнить, вмѣстѣ съ ихъ именами, и характеристическія черты ихъ «писательской фizioноміи». Они оба ищутъ еще своей настоящей дороги, оба далеки еще, повидимому, отъ полной зрѣлости своего таланта, оба поддаются иногда постороннимъ влияніямъ—но оба одинаково свободны отъ «кружковой рутины», отъ рабскаго подчиненія «кружковымъ тенденціямъ». Читатель, знакомый съ повѣстями г. Альбова только по отдѣльному ихъ изданію, затруднится уподобить, въ какомъ журналѣ онѣ могли быть первоначально помѣщены—до того онѣ чужды тенденціозности, все равно, понималъ ли ее въ смыслѣ достоинства или въ смыслѣ недостатка. Съ нѣкоторыми оговорками можно было бы сказать то же самое и о г. Баранцевичѣ. Г-на Альбова принято называть послѣдователемъ или подражателемъ Достоевскаго—не это названіе примѣнимо, до известной степени, только къ самому раннему этюду молодого писателя: «День изюга». Въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ слышатся, по временамъ, навѣянные ноты, но онѣ ничуть не мѣшаютъ ему, быть самимъ собою. Чтобы оцѣнить его вполнѣ, необходимо прибавить къ его «Повѣстямъ» романъ («Ряса»), недавно напечатанный въ «Дѣлѣ» (1883 г., №№ 10—12), какъ первый опытъ его въ другомъ, болѣе обширномъ и крупномъ родѣ.

I.

Начинающему русскому беллетристу не легко, въ настоящее время, уберечься отъ разныхъ внѣшнихъ давленій. Онъ встрѣчается, прежде всего, съ недавнимъ преданіемъ, не совсѣмъ еще потерявшимъ свою силу—съ преданіемъ, обязывающимъ къ тенденціозности во что бы то ни стало, выдвигающимъ ее на первый планъ, въ ущербъ всѣмъ остальнымъ задачамъ искусства. Съ другого берега онъ слышитъ кантъ, повторяемый все

громче и громче и русскими голосами: долой тенденцію, да здравствует одна жизненная правда! Французскій «экспериментальный» романъ, торжествующій на всей западно-европейской линіи, находитъ и у насъ теоретическихъ и практическихъ пропагандистовъ. Теченія, повидимому противоположныя, иногда сближаются, соединяются одно съ другимъ, путемъ взаимныхъ уступокъ. Тенденція прячется за протокольные описанія, въ длинный рядъ фотографическихъ снимковъ вносится извѣстная доля преднамѣренности. Обыкновенно, впрочемъ, компромиссы этого рода оканчиваются побѣдой новаго начала, сильнаго именно своей новизной; въ г. Максимѣ Бѣлинскомъ, напримѣръ, увлеченіе французскими образцами все болѣе и болѣе одерживаетъ верхъ надъ направленіемъ, отразившимся въ первыхъ его разсказахъ.

У г-на Альбова отголоски новѣйшей ультра-реалистической школы гораздо менѣе замѣтны, а домашнія традиціи семидесятихъ годовъ не коснулись его почти вовсе. «Новыхъ людей» онъ либо не изображаетъ, либо затрогиваетъ ихъ (въ лицѣ Глазкова) съ такой стороны, которая меньше всего исчерпана «кружковой рутинной». Описанія не играютъ у него, вообще говоря, господствующей роли, не загромождаются деталями, не принимаютъ специфически-натуралистическаго колорита. Въ послѣднемъ, самомъ большомъ произведеніи своемъ — «Рясѣ», онъ оказывается, однако, болѣе близкимъ къ модной манерѣ, близкимъ къ ней не столько въ процессѣ письма, сколько въ группировкѣ матеріала. Одинъ изъ любимыхъ реалистическихъ приемовъ заключается, какъ извѣстно, въ подробномъ изображеніи фигуръ, мѣстъ и сценъ, не играющихъ большой роли въ общемъ ходѣ дѣйствія, но такъ или иначе подвернувшихся подъ руку писателя и тутъ же прицѣпленныхъ имъ въ главному сюжету. Особенно много подобныхъ прицѣповъ можно найти въ послѣднихъ произведеніяхъ Флобера: въ его «Bouvard et Pécuchet» есть лица, которымъ посвящено всего отъ пяти до десяти строкъ, но въ этихъ строкахъ говорится и о цвѣтѣ ихъ бороды, и о фасонѣ ихъ шляпы.

Въ дѣйствительности, впечатлѣнія, событія, часто слѣдуютъ другъ за другомъ случайно, безъ всякой внутренней связи; отсюда перенесеніе случайности и въ область искусства, принимаемое и выдаваемое за вѣрное воспроизведеніе жизни. Постоянно опираясь на видѣнное и слышанное, не дѣлая ни шага безъ справки съ памятной книжкой, систематики реализма сплошь и рядомъ подпадаютъ подъ власть собраннаго ими запаса фактовъ и строятъ свое художественное зданіе не изъ камней, нам-

болѣе подходящихъ къ цѣлому и другъ къ другу, а изъ камней, невзначай очутившихся одинъ вовлѣ другого. Мы далеки отъ мысли, чтобы таково было, въ самомъ основаніи своемъ, зодчество «Рясы», но нѣкоторыя ея части несомнѣнно воздвигнуты по этому способу. Развернемъ романъ г. Альбова въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы знакомимся съ отцемъ Плавскимъ и его семьею. Передъ нами проходитъ сначала ихъ квартира, «огромная, съ высокими потолками, съ широкими свѣтлыми окнами, *стекла которыхъ дрожали отъ непрестаннаго уличнаго доможенія*»; мы заглядываемъ въ корридоръ, въ столовую, въ официальные и неофициальные комнаты—еще немного, и мы могли бы составить и планъ, и инвентаръ протоіерейскаго помѣщенія. Дальше идетъ характеристика не только всѣхъ членовъ семьи, но и служанки, «дщери природы», груди и мускулы которой «буйно боролись съ плотно затянутымъ лифомъ и прочими ухищреніями костюма заправской субретки». Попадаютъ по дорогѣ и юмористическія картинки (тщетныя заботы Александры Ильинишны о порядкѣ въ столовой), и тщательно отдѣланныя миниатюрныя фигуры (сельскій священникъ, родственникъ отца Плавскаго); описаніе все растетъ, заканчивается длинной сценой за чайнымъ столомъ—и заставляетъ насъ думать, что здѣсь-то, на этомъ до тонкости изслѣдованномъ театрѣ, въ этой тщательно разрисованной средѣ и будетъ развертываться «романъ изъ жизни отца Петра Елеонскаго» (второе заглавіе «Рясы»). Ничуть не бывало: и квартира, и ея обитатели тотчасъ же сходятъ со сцены, за исключеніемъ двухъ лицъ, къ образу которыхъ связь съ обстановкой и семьей отца Плавскаго не прибавляетъ ни одной характерной черты. Такъ же обстоятельно изображены и такъ же слабо соединены съ дѣйствіемъ, во второй части романа, пріятель Елеонскаго, Краснокутскій, князь Колотырѣ-Оболдуевъ, у котораго работаетъ Елеонскій, товарищи отца Петра по служебію на кладбищѣ. Келейникъ Гедеона только и дѣлаетъ, что подаетъ чай и разноситъ письма, а между тѣмъ, въ рамки романа втиснуть и его портретъ: «тонкій и стройный, съ длинными русыми локонами вокругъ нѣжнаго личика и скромно потупленнымъ взоромъ, онъ скорѣе походилъ на какую-нибудь перераженную деревенскую красавицу, чѣмъ на существо грубаго пола».

Все упомянутое нами до сихъ поръ составляетъ, вѣроятно, отголосокъ наблюденій и воспоминаній автора; каждой чертѣ, отдѣльно взятой, никакъ нельзя отказать въ естественности и жизненности; слѣдовъ вымученности и вымысла ни одна изъ

нихъ въ себѣ не заключаетъ; недостаетъ только умѣнья—а можетъ быть и желанія—систематически распорядиться накопившимися данными, обобрать одно, какъ вовсе не идущее къ дѣлу, найти для другого болѣе подходящее мѣсто. Ультрареалистическое: «всѣмъ все въ кучу» особенно облазнительно для писателя, не привыкшаго еще, если можно такъ выразиться, двигаться массами, стоять во главѣ арміи, а не летучаго отряда. Приступивъ въ первый разъ къ болѣе сложной задачѣ, г. Альбовъ легко могъ увлечься теоріей, жертвующей цѣлымъ изъ-за частей, уваживающей мозаичность въ беллетристикѣ. Еще одинъ шагъ впередъ—и увлеченіе это пройдетъ само собою; такова, по крайней мѣрѣ, надежда, выносимая нами изъ прежнихъ произведеній г. Альбова. Въ нихъ планъ и постройкѣ чувствуется иногда неопытная рука; слишкомъ часто, напримѣръ, пускается въ ходъ ретроспективный методъ—исторія дѣйствующихъ лицъ самымъ часто излагается въ формѣ воспоминаній, востающихъ передъ нами въ ту или другую минуту ихъ жизни, обнимающихъ собою прошедшее не только съ его событіями, но и съ его снами (примемъ хотя XV-ю главу «Сутокъ на лонѣ природы» —ночь въ дорогѣ между Петербургомъ и Москвою); но авторъ не разбрасывается во всѣ стороны, не обращается въ отмычка или запинка, не упускаетъ изъ виду главное свое лицо или главную свою задачу. Картины слѣдуютъ одна за другою въ перемежку, иногда обивая читателя быстрыми переѣздами точки арміи—но впечатлѣніе, въ концѣ-концовъ, получается цѣльное и сильное, потому что слабѣ скрѣпленные звенья все-таки принадлежатъ, всѣ до единого, въ одной и той же цѣпи. «День итога», вторая часть «Людей възыскующихъ града», напоминаютъ намъ комнату, меблировка которой выдержана въ извѣстномъ вкусѣ, но разставлена безпорядочно, какъ попало; «Раса» несвободна отъ сходства съ магазиномъ, въ которомъ размѣщается мебель разныхъ стилей, по мѣрѣ приноса изъ мастерской. Мастерская, въ данномъ случаѣ—это память, или записная книжка автора.

Мы остановились такъ долго на чисто-формальной сторонѣ произведеній г. Альбова, потому что между молодыми беллетристами онъ выдается именно какъ много общающій художникъ; въ этомъ отношеніи наряду съ нимъ или выше его можетъ быть поставленъ только г. Гаршинъ. «Воспитаніе Дельки» (первая часть «Людей, възыскующихъ града»), въ нѣсколько меньшей степени, и «Конецъ невѣдомой улицы» доказываютъ способность автора написать нѣчто законченное, создать вѣрно-освященный,

рельефный образъ. Въ «Воспитаніи Лельки» нѣтъ развязки; оно, очевидно, должно было служить только началомъ романа, вторую часть котораго, едва связанную съ первою, составляютъ «Сутки на лонѣ природы»; но фигура забытаго, дикаго, мечтательнаго ребенка не требуетъ дальнѣйшаго развитія—она нарисована во весь ростъ, искусною и любящею рукою. Живетъ и дышетъ на нашихъ глазахъ и вся «Невѣдомая улица», начиная съ супруговъ Бергамотовыхъ и оканчивая престарѣлымъ псомъ Звонкомъ. Чтобы оставаться вѣрнымъ «жизненной правдѣ», г. Альбову нѣтъ надобности брать впечатлѣнія въ томъ самомъ порядкѣ—или, лучше сказать, въ той самой разрозненности,—въ какомъ дасть ихъ ему дѣйствительность; ему незачѣмъ навѣшивать на себя путы протоколизма, незачѣмъ вспоминать, на каждомъ шагѣ, о томъ или другомъ конкретномъ фактѣ. Онъ можетъ и долженъ имѣть побольше довѣрія въ своей творческой фантазіи; она не заведетъ его за предѣлы возможнаго и вѣроятнаго, но откроетъ передъ нимъ болѣе широкій горизонтъ, подниметъ его надъ тѣми жаленькими холмиками, на обходъ или срытіе которыхъ онъ тратитъ иногда слишкомъ много времени и силы. Если въ «Днѣ итога», въ «Воспитаніи Лельки», мы видимъ передъ собою преимущественно психолога, то въ «Концѣ невѣдомой улицы» на первый планъ выступаетъ наблюдатель; умѣнье слѣдить за развитіемъ чувства и мысли соединено въ г. Альбовѣ съ умѣньемъ подмѣчать внѣшнія черты ежедневной жизни. Послѣднее служитъ гарантіею противъ злоупотребленія первымъ, противъ излишней утонченности или произвольныхъ выводовъ психическаго анализа. Въ «Психиатрическомъ этюдѣ» — таково второе заглавіе «Дня итога» — легко было потерять подъ ногами всякую почву, дойти до полной необузданности воображенія; но г. Альбовъ устоялъ противъ этой опасности, и психологія занимаетъ въ его очеркѣ гораздо больше мѣста, чѣмъ психіатрія. Уничтожьте въ «Днѣ итога» галлюцинаціи зрѣнія и слуха, преслѣдующія по временамъ героя разсказа, и вы получите въ остаткѣ настроеніе духа болѣзненно-напряженное, но имѣющее очень мало общаго съ сумасшествіемъ, — настроеніе духа, сплошь и рядомъ предвѣщающее самоубійство. Въ «Концѣ невѣдомой улицы» crescendo бергамотовскаго пьянства, доводящаго до обмана чувствъ и до поджога, изображено такъ же удачно, какъ и будничное прозаваніе глухого провинціальнаго уголка, пріютившагося на одной изъ столичныхъ окраинъ.

Первое мѣсто между всѣми произведеніями г. Альбова занимаетъ, въ нашихъ глазахъ «Воспитаніе Лельки»; онъ является

здѣсь, мѣстами, настоящимъ поетомъ. Прочтите, наприимѣръ, описаніе странствованій Лёльки по улицамъ Петербурга, или изображеніе той внутренней работы, посредствомъ которой она не столько восстанавливаетъ въ памяти, сколько создаетъ въ фантазіи образъ умершей матери — и васъ поразятъ черты, напоминающія Дюма или Диккенса, хотя въ подражаніи одному изъ этихъ писателей г. Альбова обвинить никакъ нельзя. «Блѣдное, печальное лицо (матери) все чаще встаетъ передъ дѣвочкой, но уже не какъ прежде, не въ блѣдныхъ, неуловимыхъ очертаніяхъ, а въ ясно-опредѣленныхъ краскахъ реальнаго, живого лица... Стоило только закрыть ей глаза, чтобы сейчасъ же представить его въ подробныхъ деталяхъ. Она часто видитъ его во снѣ, и всегда не иначе, какъ въ однихъ и тѣхъ же чертахъ дѣйствительно существующей личности, окруженной ореоломъ ласки и нѣги. И никто не видитъ, не знаетъ, что въ эти минуты съ нею творится. А творится съ нею то, что въ эти минуты, сквозь хаосъ злобы и ненависти, потокомъ лучей, пронзающихъ мрачную чашу сорныхъ растений, вдругъ ворвалось въ Лёлькину душу горячее пламя любви — и внезапно согрѣтое ею посвѣтлѣло и зазвучало тамъ все, что такъ жадно ищетъ и проситъ этой любви». Какъ вѣрно подмѣчена авторомъ вѣрность дѣвочки созданному ею образу, спокойное игнорированіе ею всего того, что не укладывается въ его рамки! «Лёлька знала, что рѣчь идетъ о ея матери, все это было ей неизвѣстно и ново, а между тѣмъ она оставалась со-всѣмъ равнодушной. Что ей было за дѣло до этой жалкой, непрактичной и легкомысленной женщины, о которой вела рѣчь ея тетенька? Она была чуждая Лёлкѣ. Она не имѣла ничего общаго съ той отвлеченной фигурой, въ которой все гармонично сливалось въ одно цѣльное представленіе, въ одинъ ей, Лёлкѣ, понятный образъ любви и страданія». Оставалась неподвижнымъ и неизмѣннымъ среди обидъ и притѣсненій, испытываемыхъ Лёлкой, фантастическій образъ, сложившійся въ ея душѣ, не выдерживаетъ перваго прикосновенія съ ласкою и добротою; онъ сливается съ реальнымъ образомъ Лизаветы Аркадьевны, при первыхъ привѣтливыхъ словахъ, сказанныхъ ею Лёлкѣ. Мы видимъ самый процессъ сліянія (стр. 177) — и чувствуемъ, что онъ изображенъ совершенно правдиво, что именно такъ долженъ былъ произойти переворотъ въ дѣтской душѣ, до тѣхъ поръ знавшей нѣжность только въ смутныхъ воспоминаніяхъ и грезахъ — и вдругъ встрѣтившейся съ нею на самомъ дѣлѣ. Подобно обоимъ романистамъ-поэтамъ, названнымъ нами выше, г. Альбовъ не боится нарушить строгую объективность рассказа, не заглушаетъ

въ себѣ лирическихъ порывовъ — и они ни чуть не вредятъ впечатлѣнію, потому что въ нихъ кипитъ искреннее, горячее чувство. Къ скитаніямъ Лельки по улицамъ Петербурга г. Альбовъ точно такъ же не можетъ остаться безучастнымъ, какъ Дивбенсъ — къ бродяжничанью Джо («Bleak-mouse»), какъ Додэ — къ ночнымъ блужданіямъ Дезирэ Делобелль («Fromont jeune et Risler aîné»). «О, еслибы нашелся кто-либо изъ этой толпы, что снуетъ себѣ мимо этой дрожащей дѣтской фигурки, еслибы онъ ненадолго замѣтилъ ее и захотѣлъ бы узнать, какъ замираетъ отъ безнадежнаго отчаянія и ужаса ея маленькое бѣдное сердце, какъ нужно ей, чтобы только немножко, немножко ее приголубили! Но толпа все снуетъ себѣ мимо, и все сильнѣй и сильнѣй ощущаетъ бѣгланка, какъ сѣрый туманъ отовсюду давить ее холоднымъ кольцомъ». Внутренняя работа, совершающаяся въ душѣ Лельки, не мѣшаетъ ей однако, быть ребенкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова; прочтите описаніе того, какъ она подбирается къ «фамильной» чашкѣ Подосеновыхъ, или какъ выпускаетъ на волю птичекъ изъ Подосеновскаго сада — и вы увидите въ ней всю эластичность дѣтской натуры, сгибаемой, но не ломаемой ежедневнымъ гнетомъ и выпрямляющейся при первомъ проблескѣ свободы.

Г-на Альбова упрекаютъ иногда за неудачный выборъ темъ; намъ казался бы болѣе справедливымъ упрекъ въ недостаточной ихъ разработкѣ. Возьмемъ, на примѣръ, «Расу». Въ первой части этого романа мы видимъ человѣка, съ дѣтства предназначеннаго и предназначавшаго самого себя къ духовному званію, но внезапно охваченнаго раздумьемъ, у самаго порога новой жизни. Онъ колеблется, поворачиваетъ въ другую сторону — и опять возвращается къ прежнему рѣшенію, подъ вліяніемъ любви, овладѣвшей имъ со всюю силою первой страсти. Колебанія Елеонскаго вызваны, очевидно, сомнѣніемъ — тѣмъ сомнѣніемъ, которое уже много разъ изображалось и нашими, и иностранными писателями, но все-таки принадлежитъ къ числу неисчерпанныхъ и неисчерпаемыхъ литературныхъ сюжетовъ. Зарожденіе мучительнаго процесса, его развитіе, борьба, къ которой онъ приводитъ, исходъ борьбы — все это до безконечности разнообразно и слѣдовательно до безконечности интересно. Что же дѣлаетъ г. Альбовъ? Онъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на *опытныхъ* послѣдствіяхъ переменъ, происшедшей въ намереніяхъ Елеонскаго — на его попыткахъ уклониться отъ категорическаго объясненія съ Гедеономъ, на порывахъ гнѣва, съ которыми Гедеоны выслушиваетъ печальную вѣсть, на поискахъ работы, на путешествіяхъ

Елеонскаго изъ Лѣснаго въ Петербургъ, отъ Краснокутскаго къ кн. Колотырѣ-Оболену. Что совершается въ душѣ Елеонскаго вслѣдъ за разрывомъ съ жрошедшимъ—это мы узнаемъ только мимоходомъ, изъ короткаго разговора съ Гедеономъ; чего стоило ему возвращеніе назадъ, на старую дорогу—этого мы не узнаемъ вовсе. Не можетъ же быть, чтобы взятіе невѣсты, а вмѣстѣ съ нею теплаго мѣстечка, было такимъ же зауряднымъ событіемъ въ жизни Елеонскаго, какъ и въ жизни любого изъ его товарищей, никогда не задававшихся проклятыми вопросами, никогда не задумывавшихся надъ своею будущностью и не сомнѣвавшихся въ своемъ призваніи. Любовь къ Софьѣ Павловнѣ бесспорно могла перемѣнить судьбу Елеонскаго—но намъ нужно видѣть, какъ произошла эта перемѣна. Почему Елеонскій не попробовалъ добиться руки Софьи Павловны безъ принесенія въ жертву своихъ убѣжденій? Если это оказалось невозможнымъ, то какимъ путемъ онъ успокоилъ свою совѣсть, какую заключилъ съ нею сдѣлку? Скоро ли онъ примирялся съ положеніемъ, которое еще такъ недавно казалось ему немислимымъ? На эти вопросы авторъ не даетъ никакого отвѣта; во второй части романа отъ прежняго Елеонскаго мы не видимъ и слѣда—передъ нами только нѣжный мужъ и заурядный священникъ. На мѣсто первой, нерѣшенной задачи выступаетъ теперь другая, на которую намекаетъ самый эпиграфъ второй части: «одна у попа жена»—но и эта задача также остается безъ разрѣшенія. Авторъ показываетъ намъ только зародыши волненій, буруевающихъ молодого вдовца, и романъ обрывается именно на томъ, съ чего могла бы начаться драма—на вступленіи Любви Ивановны въ опустѣвшій домъ Елеонскаго.

Въ «Дѣѣ итога» подъ перо г. Альбова напрашивалась тема, развитіе которой могло бы присоединить къ «психіатрическому этюду»—этюдъ социальный, глубоко интересный. «И вотъ, ты одишъ!—нашептываетъ Глазкову внутренний голосъ, воскресивъ въ его памяти образъ умершей матери.—Теперь, только теперь понялъ ты все незамѣнимое значеніе той, кого ты потерялъ. Она только одна тебя понимала. Ты все себя громоздилъ на пьедесталъ, гордо желая стоять одинокимъ и не понимая того, что если ты не слѣлъ съ него со стыдомъ, то только благодаря лишь тому, что она тебѣ служила поддержкой... А жизнь кипитъ вокругъ, сплываютъ и толкуются въ погонѣ за цѣлями всѣ эти лица, надъ которыми ты себя возносишь. Все такъ ничтожно, за чѣмъ они гонятся, но они все-таки растутъ, живутъ, достигаютъ искомаго, и счастливы своими побѣдами. Прочь, прочь отъ

никъ, ты все-таки будешь стоять одинокимъ!.. А вотъ сходки, рѣчи, мировые вопросы, энтузіазмъ молодого, честнаго чувства. Ты тоже ходишь, слушаешь, самъ говоришь... И, Боже, какъ въ это время ты жестоко страдаешь! Ты чувствуешь, что дѣлаешь себѣ только вытѣху, ждешь слиться съ общимъ движеніемъ, что сознаніе необходимости идти впередъ вмѣстѣ со всѣми пришло слишкомъ поздно, что хотя ты и молодецъ, но огня въ тебѣ нѣтъ: онъ потухъ уже давно, служа на поддержку прошлыхъ самолюбивыхъ мечтаній». Въ этихъ немногихъ словахъ слегка намѣченъ цѣлый типъ, вполне современный — типъ человѣка, возлагающаго на себя завѣдомо-непосильное бремя, цѣпляющагося за него тѣмъ упорнѣе, чѣмъ больше даетъ себя чувствовать его тяжесть, гибнущаго, такъ или иначе, въ неравной борьбѣ, продолжаемой безъ вѣри въ самого себя, безъ надежды приблизиться къ вѣчной цѣли. Сумасшествіе — одинъ изъ возможныхъ исходовъ такой борьбы, могущей, слѣдовательно, служить матеріаломъ и для «психіатрическаго этюда»; но психіатрія принадлежитъ здѣсь только послѣднее слово — гораздо важнѣе прослѣдить, одну за другою, ступени, ведущія въ ея царство. Г-нъ Альбовъ поступаетъ иначе; едва юткнувъ завѣсу, покрывающую самый глубокой уголокъ въ душѣ Глазкова, онъ опять задерживаетъ ее и сосредоточиваетъ все вниманіе читателей съ одной стороны на исторію любви Глазкова къ Варинькѣ и къ Катѣ Ершовой, съ другой — на свѣзаніяхъ его въ «день итога». Сцена въ квартирѣ Розанова — и теперь одно изъ самыхъ сильныхъ мѣстъ этюда — получила бы гораздо болѣе яркое освѣщеніе, еслибы была тѣснѣе связана съ прежними отношеніями Глазкова къ товарищеской средѣ. Теперь мы можемъ только догадываться о томъ, почему Глазкова встрѣтило «какое-то желовкое молчаніе», почему онъ одинъ остался «совсѣмъ безъ всего», между тѣмъ какъ всѣ бывшіе товарищи его обзавелись «арыкомъ или погребушкой». Самое развитіе въ Глазковѣ мысли, непосредственно приводящей его къ самоубійству — мысль о *блаженствѣ покланяться себѣ* — остается не вполне яснѣй, тѣмъ болѣе, что въ рѣчахъ двойника самоубійство является иногда простой «поправкой къ ошибкѣ природы», исполненіемъ долга, восстановленіемъ гармоніи, нарушаемой самымъ фактомъ существованія Глазкова.

Спѣшнѣе прибавить, что если г. Альбовъ прошелъ мимо задачи, въ которой нѣсколько разъ подходилъ весьма близко, то это не помѣшало ему создать въ «Днѣ итога» цѣлый рядъ драматическихъ картинъ, въ полномъ смыслѣ слова. Исторія отношеній Глазкова къ Катѣ Ершовой рассказана мастерски и ничуть не

напоминаетъ, по нашему мнѣнію, извѣстнаго эпизода въ «Запискахъ изъ подполья». Глазковъ чуждъ обдуманной жестокости, которою весь проникнуть герой Достоевскаго; заставляя страдать Катю, онъ не любитъ ея страданіями — онъ только уступаетъ неудержимому порыву, за которымъ немедленно слѣдуетъ столь же глубокая реакція. Прощаясь съ Катей навсегда, онъ оставляетъ ей единственное утѣшеніе, которое было въ его власти — утѣшеніе работать для него, чтобы рассчитаться съ его долгами. Весь поглощенный мыслью о давно прошедшемъ и о слишкомъ близкомъ будущемъ, онъ все-таки думаетъ и о Катѣ, повѣряетъ правильность послѣдней просьбы, съ которой онъ къ ней обратился. «Какъ бы отнеслась мораль обиденной нравственности», спрашиваетъ онъ самъ себя, «къ этой уплатѣ долга Доминѣ Ивановѣ изъ Катина кармана? Она и такъ бьется какъ рыба объ ледъ, еле сводить концы съ концами, и вдругъ новая обуза! Безнравственно, вѣдь, съ моей стороны... А между тѣмъ, я глубоко увѣренъ, что, вваливъ эту тяжесть на Катю, я не могъ сдѣлать ей лучшаго подарка передъ нашей разлукой... Взвѣсить теперь: было ли бы болѣе нравственно лишить ее этой послѣдней отрады, да и ту же Домну Иванову, для которой будетъ умирать за работой моя бѣдная Катя, тоже надуть въ благодарность за ея ко мнѣ доброту? Дилемма курьезная!» Для героя «Записокъ изъ подполья» такіе разсужденія были бы немислимы; Лиза существуетъ для него не сама по себѣ, а только какъ матеріалъ для истязаній и самоистязаній.

Поэтическая искра, всего ярче разгорающаяся, какъ мы уже сказали, въ «Воспитаніи Лѣльки», блещетъ по временамъ, во всѣхъ произведеніяхъ г. Альбова; въ ней его главная сила, въ ней же, можетъ быть, залогъ предстоящаго ему будущаго. Сравните, напримеръ, хотя бы слѣдующее изображеніе небольшой рѣчонки («Ряса», гл. VI-ая второй части) съ любимымъ изъ описаній, составляемыхъ у насъ по натуралистическому рецепту: «съ ней не шутите! Сдѣлайте опытъ, бросьте въ нее эту щепку... Видите, какъ ее закружило?.. Похорохорившись и показавъ свою силу, она повлекла затѣмъ щепку ровно и медленно, какъ бы давая ей отдыхъ, ударила ее затѣмъ о камень, другой, словно съ намѣреніемъ тутъ съ ней и покончить совсѣмъ, но потомъ, вдругъ подхвативъ, юрнула съ нею подъ мостъ, гдѣ уже много спрятано ею всякой всячины... Оставивъ тамъ щепку — покажетъ, на время — она выскочила опять на свѣтъ божій, выхвативъ изъ этого разъ изъ запаса подъ мостомъ деревянный барочный гвоздь и сапожный опорожъ. Не справившись, однако, съ послѣднимъ,

она тотчасъ же его завязала въ сучьяхъ склонившейся съ берега вербы, у которыхъ сиротливо толкалась прибитая откуда-то пустая скорлупа отъ яйца, увлекла эту послѣднюю, а также, встати уже, по дорогѣ цвѣтную бумажку изъ-подъ папиросъ, и, гордо неся эти трофеи, потекла вдоль забора». Немножко дальше рѣчонка впадаетъ въ другую рѣчку, чуть-чуть побольше. «Смирненно, какъ къ старшей сестрѣ своей, подползла къ ней гнилая рѣчонка и исчезла на ея свѣтлой груди, оставивъ ей принесенные съ собою трофеи. Ну вотъ, молю, бери, что я успѣла собрать тамъ отъ плодовъ человѣческихъ рукъ... Это твое все по праву, а я свое дѣло сдѣлала... А та приняла охотно дары и понесла ихъ за-одно ужъ со всѣмъ, что успѣла спонить по дорогѣ»... Въ этой картинѣ все движется, живетъ; мы точно видимъ передъ собою шаловливую рѣчонку, видимъ ее съ такою ясностью, какой не могъ бы достигнуть самый точный перечень ея изгибовъ, самый полный каталогъ красокъ, окрашивающихъ ея струи. Или вотъ, напримѣръ, описаніе той ночи, которая бросила Глазкова въ объятія Кати. «Тотъ странный полусвѣтъ, что непохожъ ни на день, ни на ночь, уже опустился на опустѣвшія улицы, а онъ все бродилъ. Онъ бродилъ — и все сильнѣй и сильнѣй въ немъ звучали какія-то струны. Что-то возникало внутри его постепенно и охватывало его всего. Оно вставало тоже отовсюду и носилось въ полусвѣтѣ этой петербургской бѣлой ночи — что-то напряженно томящее, что-то болѣзненно-страстное... На безвѣдномъ матовомъ небѣ алѣлъ закатъ, точно румянецъ распаленнаго страстью лица... Изъ отворенныхъ оконъ, откуда-то сверху, вдругъ грянулъ рояль и полились въ недвижимый воздухъ щемающіе звуки. Они точно звали и молили о чемъ-то, и изнывали въ жадномъ томленьѣ»... Не говори уже о музыкальности формы, здѣсь слышится цѣлое настроеніе, овладѣвающее читателемъ, устанавливающее какую-то связь между нимъ и дѣйствующими лицами разсказа.

Если г. Альбовъ — художникъ, иногда возвышающійся до поэзіи, то ему, очевидно, нечѣмъ замыкать себя въ какой-нибудь одинъ утолщъ искусства, нечѣмъ, напримѣръ, вырабатывать изъ себя исключительно жанриста. Пускай онъ по прежнему переходитъ отъ психологическаго анализа къ картинкамъ въ фламандскомъ вкусѣ, отъ изломанныхъ, болѣзненныхъ фигуръ Лизаветы Аркадьевны или Глазкова къ мирнымъ обитателямъ незнакомой улицы; пускай даже онъ оставляетъ для себя открытой дверь въ область психіатріи — лишь бы только его произведенія становились все болѣе и болѣе законченными и цѣльными, лишь

бы только онъ не поддавался вліянню крайняго натурализма, не терялъ художественнаго чуття въ слѣпкомъ усердной заботѣ о точномъ воспроизведеніи дѣйствительности. Подчиненіи узкой, блворуемой, извнѣ-навязанной тенденціи мы для г. Альбова не боимся; если онъ сумѣлъ побѣждать это въ началѣ своей дѣятельности, то теперь оно для него едва ли опасно. Вложивъ въ свое творчество большую долю личныхъ думъ и стремленій, сдѣлавшись тенденціознымъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова — въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно примѣнимо къ Некрасову, къ Салтыкову, отчасти и къ Тургеневу, и даже къ графу Л. Н. Толстому, г. Альбовъ увеличилъ бы, можетъ быть, интенсивность своего таланта, но разумѣется въ такомъ только случаѣ, еслибы это не было для него насильемъ надъ самимъ собою, искусственнымъ расширеніемъ сферы, въ которой онъ чувствуетъ себя привольно и свободно. Достигнуть полной зрѣлости его дарованіе можетъ и въ тѣхъ рамкахъ, изъ которыхъ оно до сихъ поръ не выходило.

II

Какъ художникъ, г. Баранцевичъ далеко уступаетъ г. Альбову. Между его очерками нѣтъ ни одного, который бы могъ быть поставленъ наряду съ «Днемъ итога» или «Воспитаніемъ Лёльки»; единственная крупная его повѣсть: «Чужакъ», неидержанная въ цѣломъ, не заключаетъ въ себѣ и такихъ страницъ, какими, до известной степени, выкупаются недостатки «Расы». Описанія г. Баранцевича, слишкомъ часто сухи, блѣды, безцвѣтны. Два пріятеля (въ «Теодорѣ») ѣдутъ въ Фонарный переулокъ «отвести душу». «Легкія лѣтнія сумерки окутывали улицу. Дребезжали дрожки. Въ полусвѣтѣ ночи мелькали какія-то фигуры. Небо заволакивалось тучами. Было душно». Для чего эти отдѣльные штрихи ничего не выражающіе и не изображающіе, на какомъ основаніи они являются именно здѣсь, а не въ иномъ мѣстѣ, почему они обрываются фразой: «было душно», а не смѣняются другими, не болѣе, но и не менѣе идущими къ дѣлу — это секретъ автора. Или, вотъ, еще описаніице, безъ всякой надобности предпосланное небольшой части небольшого эпизода въ очеркѣ, «На волю Божию»: «День сложился къ вечеру. Быстро наступали осеннія сумерки. Съ моря надвигались сизыя, мохнатыя тучи, края которыхъ позлащались косыми лучами заходящаго солнца. Набережная, окутывалась туманомъ и въ этомъ туманѣ уже замывали отдаленныя точки фонарей». Неужели, безъ этого пред-

словія потеряло бы что-нибудь повѣствованіе о мальчикахъ, приходящихъ въ мелочную лавку сбывать подобранную подъ вагонами пшеницу? Неужели необходимо нарисовать, хотя бы въ общихъ, неопредѣленныхъ чертахъ, внѣшнюю обстановку каждаго зауряднаго факта? Литература — не театр; она можетъ обойтись и безъ декораций, въ особенности такихъ, которыя напоминаютъ собою самую первобытную эпоху декоративнаго искусства. Колоритъ разсказа у г. Баранцевича большею частию нѣсколько блѣдный; ни одна фигура не достигаетъ той рельефности, которую мы видимъ иногда у г. Альбова. Любимая форма г. Баранцевича — короткий эскизъ, отдѣльная сценка или небольшой рядъ сценъ — сопряжена съ большими трудностями; справившись съ ними не всегда удается даже такому мастеру этого жанра, какъ Додэ. Чѣмъ сложнее задача, лежащая въ основаніи эскиза, тѣмъ больше опасность неясности, незаконченности. Изобразить на нѣсколькихъ страницахъ борьбу между любовью и долгомъ, со всеми ея колебаніями, съ душевными муками, предшествующими рѣшенію и слѣдующими за нимъ — почти невозможно, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что разсказъ, написанный на эту тему («Нелли») оставляетъ смутное впечатлѣніе, граничащее съ недовѣріемъ къ автору. Въ образѣ дѣйствіи Нелли нѣтъ, собственно говоря, ничего невѣроятнаго — но онъ недостаточно объясненъ, слабо мотивированъ; чувство Нелли къ отцу, самый характеръ мономаніи, владѣющей послѣднимъ, не обрисованы такъ, чтобы развязка разсказа представлялась естественной и неизбежной. Въ такомъ же туманѣ остаются дѣйствующія лица этюдовъ, озаглавленныхъ «Мысль» и «У креста».

Гораздо сильнѣе тѣ очерки г. Баранцевича, въ которыхъ онъ или останавливается на одномъ, ярко освѣщенномъ положеніи, на одномъ выдающемся моментѣ душевной жизни («Одни», «Цветокъ»), или даетъ цѣлую бытовую картину («Ключъ», «На волю Божию»). Задумчивость, глубина чувства, вездѣ составляющія отличительную черту г. Баранцевича, соединяются здѣсь, по крайней мѣрѣ по временамъ, съ большою долею искусства. Замерзаніе Тинки («На волю Божию») напоминаетъ «Мальчика у Христа на ели» — напоминаетъ не потому, чтобы г. Баранцевичъ подражалъ Достоевскому, но по дѣйствию, производимому на читателя. «Подъ стѣною, полуразвалившимся сараемъ, заложивъ руки за пазуху кацавейки, какъ бы инстинктивно охраняя въ себѣ послѣднюю искру жизни, весь сжавшись въ комокъ, спалъ одинокій, брошенный на волю Божию, ребенокъ. Съ неизмѣримодальнаго неба, сквозь быстро несшіяся, клочковатая тучки, по временамъ выплывала блѣдная луна, посылая ему сладкіе сны

въ своихъ длинныхъ, серебряныхъ лучахъ. Бѣлое, какъ бумага, маленькое лицо ребенка, обращенное прямо къ этому небу, не выражало ни боли, ни страданія; оно было сосредоточенно-спокойно... А тамъ, далеко отъ этого уголка мрака и смерти, вѣломъ кипѣла шумная, столичная жизнь, горѣлъ газъ, итались экипажи, сновали пѣшеходы... А тамъ, еще дальше, около покосившагося сѣраго кладбищенскаго забора, воченѣлъ трупъ матери ребенка. И глаза ея не видѣли, уши не слышали ничего, а безжизненное сердце не чувало бѣды, грозившей ея дорогому дитятѣ». Состраданіе къ Тишеѣ не переходитъ въ ненависть къ косвенному виновнику его смерти, Степану Петровичу Крышкину, потому что и въ этомъ грубомъ, черствомъ, полуживотномъ, авторъ сумѣлъ показать человѣка. Когда Крышкинъ слушаетъ трактирную машину, играющую: «какъ мать убили», и воспоминанія о темномъ, безотрадномъ прошедшемъ сливаются съ глухимъ, тупымъ сожалѣніемъ объ умершей Матренѣ, его невозможно судить слишкомъ строго; онъ также въ свое время былъ предоставленъ «на волю Божию». Въ «Клячѣ» описываются самые заурядные люди, самые заурядные событія; описаніе выходитъ, повидимому, такимъ же сѣрымъ, какъ и изображаемая жизнь — но это ничуть не уменьшаетъ его силы. Существованіе «Клячи», имя которой — легионъ, все цѣликомъ напоминаетъ собою тотъ «пасмурный осенній день, съ хмурымъ небомъ, мокрыми деревьями бурой, блекнувшей травой», въ который ее схоронили въ мрачномъ уголкѣ столичнаго кладбища.

Всего яснѣе, можетъ быть, поэтическая жила въ дарованіи г. Баранцевича отразилась въ «Цвѣткѣ» — не потому, чтобы этотъ очеркъ превосходилъ всѣ остальные, а потому, что читателя не подкупаетъ здѣсь сюжетъ, который бы говорилъ самъ за себя и наполовину обезпечивалъ впечатлѣніе. Тамъ «Цвѣтка», самая простая, чуждая всякаго тенденціознаго элемента, всякаго общественнаго значенія: это «страничка изъ дневника» человѣка, которому предстоитъ разрывъ съ горячо-любимой, но разлюбившей его женщиной. Исторія послѣднихъ дней, переживаемыхъ ими передъ разлукой, связана съ исторіей увяданія цвѣтка, бывшаго свидѣтелемъ первыхъ дней любви и счастья. Въ разсказѣ встрѣчаются черты наивныя, почти дѣтскія, но онѣ не рѣжутъ слуха, потому что наивнымъ, свѣжимъ, молодымъ является и тотъ, отъ чьего имени ведется дневникъ; чувствуется, что это первое его горе, первое разочарованіе, первое враждебное столкновеніе съ жизнью. «Незадолго передъ тѣмъ зеленый, полный жизни и красоты, цвѣтокъ вдругъ сталъ вянуть. Такъ, ни съ того, ни съ сего. Началось съ нижнихъ листьевъ; они сохранили

еще свой зеленый цвѣтъ, только приняли какой-то буровато-грязный оттѣнокъ, потомъ стали свертываться въ трубочку и сохнуть. По мѣрѣ того, какъ засыхали нижніе листья, верхніе постепенно начали принимать тотъ же оттѣнокъ... Жалко смотрѣть на моего *больного*. Именно больного, потому что мой цвѣтокъ таетъ совершенно такъ же, какъ чахоточный, медленно, незаметно, но тѣмъ не менѣе съ ужасающей послѣдовательностью. Верхніе листья все еще зелены, но я знаю, пройдетъ два-три дня, и съ ними то же случится, что съ нижними. А тѣ совсѣмъ завяли, края высохли и шуршатъ подъ пальцами... При свѣтѣ лампы цвѣтокъ показался мнѣ еще болѣе жалкимъ. Сохнетъ, сохнетъ мой бѣдный больной! Что бы мнѣ только сдѣлать, чтобы эти сухіе, поникшіе листья снова гордо выпрямились, снова зазеленѣли, чѣмъ бы мнѣ воскресить тебя, бѣдный цвѣтокъ, чѣмъ воскресить мнѣ мою умершую любовь?... У В. Крестовскаго (псевдонима) есть нѣсколько очерковъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о разбитой любви, о потерянномъ счастьѣ; «Цвѣтокъ» г. Баранцевича, по сжатости, искренности, простотѣ можетъ быть поставленъ наряду съ ними.

Тема, на которую написанъ «Чужакъ», взята, несмотря на свою исключительность, прямо изъ жизни; случаи женитьбы интеллигентныхъ людей на крестьянкахъ — женитьбы *по принципу* — встрѣчались на самомъ дѣлѣ. Прослѣдить внутреннюю исторію человѣка, одинаково неспособнаго и сбросить съ себя добровольно принятое бремя, и свыкнуться, примириться съ его тяжестью — задача весьма интересная, тѣсно связанная со многими важными сторонами современнаго умственнаго движенія. Авторомъ «Чужака» она и поставлена, и разрѣшена не совсѣмъ удачно. Для Радунцева сближеніе съ Таней было не просто одной изъ формъ служенія идеѣ; его влекли къ Танѣ воспоминанія дѣтства, на почвѣ которыхъ и выросла сама собою первая юношеская, взаимная любовь. Таня вышла замужъ за Радунцева не для того только, чтобы стать барыней; Радунцевъ женился на Танѣ не для того только, чтобы порвать съ «живымъ барствомъ». Они не были чужды другъ другу до свободы; пропасть, внезапно обнаруживающаяся между ними, могла быть замѣчена — по крайней мѣрѣ Радунцевымъ — и раньше. Какимъ образомъ могло случиться, что Радунцевъ, давно зная Таню, безусловно ошибался на ея счетъ, что горячія рѣчи, пугающія Таню въ день свадьбы, были для нея чѣмъ-то новымъ, прежде неслыханнымъ — этого авторъ не объясняетъ. Неяснымъ остается и душевное состояніе Радунцева, въ то время, когда онъ воз-

вращается въ деревню; любить ли онъ еще Таню, или вспыхивающая въ немъ ревность—результатъ оскорбленнаго самолюбія, горькаго сознанія неудачи? Почему, наконецъ, Радунцевъ отталкиваетъ возвращающуюся къ нему Таню, когда еще за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ ждалъ только слова, только движенія, чтобы увести ее съ собою? Онъ мотивируетъ свой отказъ тѣмъ, что сознаетъ себя *чужакомъ*, могущимъ только «мучить тихую крестьянскую жизнь»; но почему же это сознаніе явилось въ немъ только въ минуту окончательной разлуки? Что помѣшало Радунцеву перестать быть чужакомъ, ближе подойти къ добровольно избранной имъ обстановкѣ? Всѣ эти недоумѣнія коренятся въ самой фигурѣ Радунцева, блѣдной, расплывчатой, точно недоделанной. «Лишній человѣкъ» послѣдней формаціи, какимъ очевидно, хотѣлъ изобразить Радунцева г. Баранцевичъ, еще ожидаетъ своего портретиста; въ «Чужакѣ» новый типъ только едва намѣченъ. Еще меньше удался автору Рѣзцовъ, «железная воля» котораго должна была служить контрастомъ слабости «Чужака». Эпизодъ съ «барышней Рамазаевой» прикрѣпленъ къ разсказу чисто-внѣшнюю связью. О несомнѣнномъ талантѣ автора свидѣлствуютъ, однако, и здѣсь многія отдѣльныя сцены—встрѣча Радунцева въ домѣ тестя, бесѣда его съ «дѣдомъ», отъѣздъ изъ деревни.

Останется ли г. Баранцевичъ лѣтописцемъ отдѣльных, преимущественно печальныхъ моментовъ личной жизни, наблюдателемъ тяжелыхъ положеній, создающихся «подъ гнетомъ» нищеты, одиночества, заброшенности, расширить ли онъ предѣлы и задачи своего творчества—во всякомъ случаѣ ему удалось уже и теперь выдѣлиться изъ толпы беллетристовъ, произведенія которыхъ забываются тотчасъ послѣ прочтенія. Пожелаемъ для него, какъ и для г. Альбова, большаго круга читателей, большаго вниманія къ нимъ критики. Равнодушіе и безмолвіе окружающей среды—плохое условіе для движенія впередъ. И между писателями сороковыхъ годовъ не всѣ же сразу достигали мастерства; въ авторѣ «Андреа Колосова» и «Преттера» нельзя было предугадать автора «Дворянскаго гнѣзда» и «Отцевъ и дѣтей». Преемники крупныхъ дарованій, сопеснившихъ или сходящихъ со сцены, быть можетъ, еще не родились—но появленіе ихъ можетъ быть болѣе близко, чѣмъ то кажется въ настоящую минуту. Какъ бы то ни было, оцѣнка того, что есть, во всякомъ случаѣ плодотворнѣе—вѣчныхъ сѣтованій о томъ, чего нѣтъ.

К. АРСЕНЬЕВЪ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое апрѣля, 1884.

Предостереженіе, данное предсѣдателямъ общественныхъ собраній. — Временныя правила о публичныхъ библіотекахъ и кабинетахъ для чтенія. — Новый фазисъ полемики о судѣ присяжныхъ. — Заключеніе оберъ-прокурора по дѣлу Мельницкихъ въ Сенатѣ. — Проектъ новыхъ правилъ о питейной торговлѣ. — Спб. Юридическое общество.

Дѣятельность нашихъ общественныхъ учреждений отчасти напоминаетъ, въ настоящую минуту, тотъ легендарный щитъ, о цвѣтѣ котораго спорили два рыцаря, смотрѣвшіе на него съ разныхъ сторонъ. „Этотъ щитъ—бѣлый“, утверждалъ одинъ рыцарь; „щитъ, онъ черныи“, возражалъ другой. „Ниже травы, тше воды“ — вотъ, говорятъ одни, формула, всего лучше выражающая теперь положеніе городскихъ думъ и земскихъ собраній; но оказывается, однако, что возможенъ и другой взглядъ, прямо противоположный. Въ спорѣ о щитѣ обѣ стороны, очевидно, были правы, потому что щитъ былъ выкрашенъ въ разныя цвѣта; рыцарямъ стоило только помѣняться мѣстами, — и они убѣдились бы, что имъ не о чемъ спорить. Въ случаѣ, насъ занимающемъ, многое также зависитъ отъ точекъ зрѣнія—только помѣняться ими, въ сожалѣнію, здѣсь не такъ легко, и фактическій перевѣсъ остается за тою, съ которой щитъ кажется чернымъ. Аналогія нарушается еще и тѣмъ, что никто не стоитъ у насъ за *безусловную* бѣлизну щита.

Если разсматривать земство какъ живую, полезную силу, дѣйствующую при тяжелыхъ условіяхъ и неблагоприятной обстановкѣ, то нельзя не желать, чтобы оно встрѣчало на своемъ пути поменьше внѣшнихъ препятствій, чтобы оно шло впередъ, не опасаясь, на каждомъ шагу, вступить на запретную для него почву. Если разсматривать земство, какъ элементъ смуты, какъ пятое колесо, нарушающее гармонію административнаго механизма, то весьма естественно находить, наоборотъ, что всего важнѣе — тщательное охра-

неніе демаркаціонной линіи, обведенной вокругъ земскихъ учреждений. Къ такой именно охранѣ направлено недавнее распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ, мотивированное „допущеніемъ въ нѣкоторыхъ общественныхъ собраніяхъ, городскихъ и земскихъ, такихъ сужденій, которыя, по свойству своему, нерѣдко выходятъ изъ предѣловъ вѣдомства общественныхъ учреждений, точно определенныхъ для нихъ дѣйствующими постановленіями“. Такъ какъ „неправильности и несоотвѣтственныя дѣйствія подобнаго рода могутъ имѣть мѣсто единственно вслѣдствіе неисполненія представителями означенныхъ собраній правилъ о порядкѣ производства дѣлъ въ этихъ собраніяхъ“, то губернаторамъ предоставляется „войти въ надлежащее соглашеніе съ лицами, коимъ ввѣрено ближайшее руководство собраніями, съ разъясненіемъ имъ при этомъ и той отвѣтственности, которой подвергаются они, въ силу сказанныхъ правилъ, за нарушеніе оныхъ“. Опредѣлить *точно* кругъ вѣдомства общественныхъ учреждений — задача неисполнимая; пограничныя его черты по необходимости остаются не совсѣмъ ясными, допуская возможность различныхъ толкованій. Подъ влияніемъ только что приведеннаго нами циркуляра, председатели собраній, въ большинствѣ случаевъ, будутъ избирать изъ числа этихъ толкованій именно то, которое наименѣе благопріятно для города или земства. Если и признать—вопреки указаніямъ опыта—что они до сихъ поръ были склонны къ излишней снисходительности, то на будущее время они уже, конечно, окажутся склонными къ излишней строгости. Успѣшному ходу дѣлъ послѣдняя крайность угрожаетъ несравненно больше, чѣмъ первая. Представимъ себѣ, что одинъ изъ гласныхъ, не останавливаемый председателемъ, коснулся, въ своей рѣчи, вопроса, не подлежащаго обсужденію города или земства, что вопросъ этотъ былъ поставленъ на баллотировку и такъ или иначе рѣшенъ собраніемъ. Никакихъ вредныхъ послѣдствій отъ этого произойти не можетъ; рѣшеніе собранія будетъ опротестовано, и если его признаютъ незаконнымъ, то оно какъ бы не существовало, и все останется по прежнему. Представимъ себѣ, наоборотъ, что председатель собранія вслѣдствіе этого циркуляра станетъ отнимать у гласныхъ слово при первомъ, отдаленномъ, можетъ быть только кажущемся, соприкосновеніи ихъ съ завѣтною чертою, что всякое сомнѣніе относительно компетентности собранія, на чемъ бы оно ни было основано, какъ бы слабы ни были его мотивы, будетъ разрѣшаться председателемъ въ смыслѣ ограниченія правъ собранія. Не говоря уже о нензбѣжныхъ пререканіяхъ, о столкновеніяхъ между гласными и председателемъ, подрывающихъ авторитетъ послѣдняго, даромъ отнимающихъ дорогое время — сколько придется бросить

дѣлѣ, имѣвшихъ будущность и ничуть не противныхъ закону, сколько реальныхъ интересовъ придется принести въ жертву соображеніямъ чисто-формальнаго свойства! Наши общественныя собранія гораздо больше страдаютъ апатіей, вялостью, отсутствіемъ предприимчивости, чѣмъ противоположными недостатками; въ усиленномъ сдерживаніи ихъ вовсе не предстоитъ надобности—о немъ уже слишкомъ достаточно заботились и до занимающаго насъ циркуляра. Предсѣдатели земскихъ собраній, какъ лица постороннія, призванныя къ этой должности не самими собраніями, никогда не были расположены къ особенной мягкости въ пользованіи ввѣренною имъ властью. Самостоятельность собраній—это необходимое условіе истиннаго самоуправленія—сдѣлается возможной только тогда, когда отвѣтственность предсѣдателей, свободно избранныхъ, будетъ ограничена случаями нарушенія общихъ началъ уголовного права, когда единственнымъ результатомъ незаконнаго постановленія будетъ отрицаніе его въ установленномъ порядкѣ.

Независимо того, городовое положеніе 1870 г. предвидѣло вообще случаи неисполненія должностными лицами городского управленія, а слѣдовательно также и городскими головами, своихъ обязанностей, какъ предсѣдателя, и указало для этого путь не соглашеній съ единоличною властью губернатора или градоначальника, и не заявленій со стороны носѣднихъ: по ст. 158, губернаторъ, или градоначальникъ, передаютъ противозаконныя дѣйствія должностныхъ лицъ городского управленія на обсужденіе присутствія по городскимъ дѣламъ. Правительствующій сенатъ, рѣшеніемъ, отъ 16 мая—8 августа 1873 г., прямо постановилъ, что губернаторъ не имѣетъ права единолично своею властью дѣлать распоряженія по противозаконнымъ дѣйствіямъ лицъ городского общественнаго управленія: „Правительствующій Сенатъ, рассмотрѣвъ рапортъ одного губернатора и принявъ во вниманіе: 1) что если губернаторъ, получивъ отъ мѣстнаго гор. головы извѣщеніе о имѣющемъ быть засѣданіи думы для разрѣшенія вопросовъ, не подлежащихъ, по мнѣнію его, губернатора, рассмотрѣнію гор. думы, находилъ въ поступкѣ по сему предмету гор. головы, что-либо противозаконное, то обязанъ былъ сообщить о семъ, согласно 141 и 158 ст. гор. полож., на обсужденіе присутствія по гор. дѣл., *отъ котораго одного зависало сдѣлать надлежащее по сему предмету распоряженіе*,—чего въ настоящемъ случаѣ сдѣлано не было; 2) что посему гор. голова, получивъ единоличное отъ него, губернатора, предложеніе о томъ, чтобы не предлагать на обсужденіе думы упомянутыхъ выше вопросовъ, имѣлъ законное основаніе не подчиниться означенному требованію губернатора, — чѣмъ гор. голова не только не совершилъ ничего противно-

законнаго, требующаго преданія суду, какъ полагаетъ присутствіе, но, напротивъ, исполнилъ прямое требованіе закона; и 3) что, наконецъ, губернаторъ, обязанный, какъ представитель высшей въ губерніи правит. власти, дѣйствіями своими подавать другимъ примѣръ точнаго исполненія закона, вмѣсто сего, нарушилъ явнымъ образомъ по настоящему дѣлу требованіе 141 и 158 ст. полож., — опредѣлилъ: состоявшееся по означенному дѣлу въ прис. по гор. дѣл. постановленіе о преданіи гор. головы суду со всѣми послѣдствіями отмѣнить, поставивъ на видъ губернатору крайнюю неосновательность его по настоящему дѣлу дѣйствій“.

Разницу точекъ зрѣнія, указанную нами по отношенію къ области городского и земскаго самоуправленія, можно наблюдать и по отношенію ко многимъ другимъ предметамъ. Ею объясняются, напримѣръ, строгія административныя мѣры противъ печати, страдающей, на самомъ дѣлѣ, не отъ избытка, а отъ недостатка свободы; ею объясняется и новое распоряженіе, касающееся публичныхъ библиотекъ и кабинетовъ для чтенія. Если обратить вниманіе на ту, ежегодно растущую роль, которая принадлежитъ этимъ учрежденіямъ въ общественной жизни Западной Европы, если припомнить, что въ Германіи, во Франціи едва ли найдется городокъ, лишенный своей Lesebibliothek, своего cabinet de lecture, а въ Россіи, наоборотъ, публичными библиотеками и кабинетами для чтенія обладаютъ даже не всѣ губернскіе города, то единственно-возможнымъ, повидимому, выводомъ изъ такой параллели является необходимость мѣръ, облегчающихъ развитіе и укрѣпленіе у насъ любви и привычки къ чтенію. Многія, самыя непривлекательныя черты нашего провинціального быта зависятъ именно отъ недостатка развлеченій, которыя позволяли бы обходиться безъ вина, безъ картъ, безъ сплетенъ и скандаловъ; мы едва ли ошибемся даже, если назовемъ умственную пустоту, господствующую во многихъ общественныхъ сферахъ, — однимъ изъ источниковъ модныхъ, въ послѣднее время, преступленій - растратъ и „хищеній“ всякаго рода. Временныя правила 5-го января (обнародованныя въ концѣ февраля нынѣшняго года) вытекаютъ изъ совершенно другой постановки вопроса; публичныя библиотеки и кабинеты для чтенія рассматриваются здѣсь исключительно съ точки зрѣнія опасности, представляемой ими въ политическомъ отношеніи. На основаніи перваго пункта временныхъ правилъ, каждою библиотекой, каждымъ кабинетомъ для чтенія должно завѣдывать, съ разрѣшенія начальства, ответственное лицо; замѣна его другимъ лицомъ также требуетъ административной санкціи. По второму пункту, при сомнѣніи въ политической благонадежности лицъ уполномоченныхъ на управленіе библиотекой или кабинетомъ и вообще всѣхъ при нихъ

служащихъ, начальство обязано устранять ихъ оттуда собственною властью. Третьимъ пунктомъ министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется право: 1) указывать мѣстнымъ начальствамъ тѣ произведенія печати, которыя не должны быть допускаемы въ обращенію въ публичныхъ библіотекахъ и общественныхъ читальняхъ, и 2) закрывать всякаго рода публичныя библіотеки и общественныя читальни, въ случаѣ признанной въ томъ необходимости. Библіотеки и читальни поставлены, такимъ образомъ, въ условія, сходныя съ тѣми, которымъ подчинена наша печать, только еще менѣе благоприятныя. Необходимо имѣть въ виду, что *серьезное* сомнѣніе въ политической неблагонадежности влечетъ за собою такіа мѣры, при которыхъ уже *ipso facto* становится невозможнымъ завѣдываніе библіотекой или читальней. Отсюда слѣдуетъ заключить, что для примѣненія второго пункта новыхъ правилъ достаточно будетъ самаго легкаго повода къ сомнѣнію, достаточно будетъ простой догадки, ничѣмъ не подтвержденной и не подтвержденной. Казалось бы, что возможность удаленія изъ читальни или библіотеки, по первому подозрѣнію, всякаго служащаго въ ней лица устранить, по крайней мѣрѣ, потребность въ дальнѣйшемъ расширеніи административныхъ дискреціонныхъ полномочій; если весь персоналъ читальни находится въ ней лишь *en souffrance* — т.-е. пока его терпитъ начальство, — то читальня, очевидно, не можетъ слѣлаться орудіемъ какихъ-либо преступныхъ цѣлей. На самомъ дѣлѣ, однако, одна предосторожность не исключаетъ другой; читальня или библіотека можетъ быть не только во всякое время очищена отъ вредныхъ элементовъ, но и совершенно закрыта. Нѣтъ ли здѣсь признаковъ того, что называется на юридическомъ языкѣ „превышеніемъ необходимой обороны“ — нѣтъ ли несоразмѣрности между зломъ и средствами къ его искорененію? То же самое можно сказать и объ изыятіи изъ обращенія въ публичныхъ библіотекахъ и общественныхъ читальняхъ нѣкоторыхъ произведеній печати, вышедшихъ въ свѣтъ съ соблюденіемъ всѣхъ цензурныхъ правилъ. Неужели этими правилами не обезпечивается безвредность, въ политическомъ смыслѣ, всего того, что прошло черезъ ихъ горнило? Развѣ книга, которую всякій можетъ купить, журналъ, на который всякій можетъ подписаться, нзмѣняютъ свое свойство, попавъ въ читальню или библіотеку? Доводы, которыми мотивируются обыкновенно ограниченія разносной книжной торговли (*colportage*), совершенно непримѣнны къ кабинетамъ для чтенія. Разносная торговля сама, если можно такъ выразиться, разыскиваетъ покупателя, предлагаетъ, иногда почти навязываетъ ему свой товаръ; кабинетъ для чтенія ничѣмъ, съ этой точки зрѣнія, не отличается отъ книжной лавки. Берущій книгу на время такъ же свободенъ въ своемъ

выборѣ, какъ и приобретающій ее въ собственность. Безспорно, обращеніе книги въ публичныхъ библіотекахъ и читальняхъ увеличиваетъ число ея читателей—но регламентація этого числа едва ли входитъ въ составъ административныхъ задачъ. Едва ли, притомъ, она и удобоосуществима. Одно изъ двухъ: или книга, изгнанная изъ библіотекъ и читаленъ, не принадлежитъ къ тѣмъ, которыя быстро получаютъ извѣстность, возбуждаютъ общее любопытство, ищутся массою публики—въ такомъ случаѣ ее и въ читальныхъ спрашивали бы немногіе; или она соединяетъ въ себѣ всѣ эти условія—въ такомъ случаѣ запретительная мѣра легко можетъ способствовать распространенію ея путемъ продажи. Довольно замѣтно изытіе изъ читаленъ и библіотекъ можетъ отозваться развѣ на газетахъ и журналахъ, высокая, сравнительно, цѣна которыхъ позволяетъ многимъ знакомиться съ ними только черезъ посредство кабинетовъ для чтенія. Журналы и газеты, не подвергшіеся запрету, займутъ, можетъ быть, положеніе до извѣстной степени привилегированное—но это никому, кромѣ ихъ издателей, не принесетъ никакой пользы. Запрещеніе розничной продажи газетъ извѣстной окраски часто бывало и бываетъ выгоднымъ для газетъ противоположнаго направленія—но едва ли это усиливало и усиливаетъ самое направленіе.

Правила 5-го января 1884 года, о которыхъ мы только что говорили, носятъ названіе *временныхъ*. Но что означаетъ, въ данномъ случаѣ, это названіе? Временнымъ, въ строгомъ смыслѣ слова, можетъ считаться только то, что ограничено извѣстнымъ срокомъ или извѣстнымъ предѣльнымъ фактомъ, т.-е. событіемъ, съ наступленіемъ котораго временной порядокъ самъ собою теряетъ свою силу. Когда готовится, напримѣръ, *общій законъ*, *частныя мѣры* по одному изъ обнимаемыхъ имъ предметовъ имѣютъ характеръ временной, потому что примѣненіе ихъ должно продолжаться только до изданія закона; такимъ же характеромъ отличаются и правила о введеніи въ дѣйствіе новаго закона, потому что значеніе ихъ ограничивается переходной эпохой отъ одного порядка къ другому. Можетъ быть, въ настоящее время составляется проектъ постоянного положенія о кабинетахъ для чтенія и публичныхъ библіотекахъ, до обнародованія котораго и должны имѣть силу временныя правила 5 января? Едва ли; дополнителныя правила о печати, республикованныя осенью 1882 года, также именуется временными, а между тѣмъ, объ изготовленіи новаго закона по дѣламъ печати ничего не слышно. Или, можетъ быть, предѣломъ дѣйствія правилъ 5 января, должно служить совершенное прекращеніе преступной пропаганды? Въ такомъ случаѣ ихъ едва ли можно признавать временными,

потому что во всей Европѣ не найдется ни одного государства гдѣ были бы неизвѣстны политическія преступленія. Не подлежитъ, притомъ, никакому сомнѣнію, что легально существующая русская печать никогда не была орудіемъ, проводникомъ преступной агитаціи, и что цѣль правилъ 1882 г. — вовсе не „пресѣченіе или предупрежденіе преступленій“; по аналогіи можно сказать то же самое и о правилахъ 5-го января. Съ какой стороны, слѣдовательно, ни подходить къ нимъ, найти объясненіе для наименованія ихъ *временными* одинаково трудно. А между тѣмъ, подчеркнутое нами слово существенно измѣняетъ самый порядокъ составленія и изданія правилъ. Еслибы они официально были признаны тѣмъ, чѣмъ являются на самомъ дѣлѣ — т.-е. новымъ *закономъ*, дополняющимъ или измѣняющимъ дѣйствующія законоположенія, — они должны были бы пройти черезъ государственный совѣтъ; въ качествѣ временныхъ правилъ, они идутъ либо черезъ комитетъ министровъ (правила о печати, состоявшіяся въ 1882 г.), либо еще болѣе краткимъ путемъ всеподданнѣйшаго доклада (правила 5-го января). Нельзя не пожелать, поэтому, чтобы наименованіе „временныхъ“ прилагалось — со всѣми вытекающими изъ него послѣдствіями — только къ правиламъ, дѣйствительно издаваемымъ *на опредѣленное время* (на время вообще издается всякій законъ, потому что законовъ вѣчныхъ въ государственной жизни нѣтъ и быть не можетъ), или чтобы временныя правила подлежали разсмотрѣнію и утвержденію въ томъ же порядкѣ, какъ и всѣ остальные законы.

Полемика о судѣ присяжныхъ все еще не прекратилась, но приняла отчасти другое направленіе. Дѣло противниковъ новаго суда можно, повидимому, считать проиграннымъ; въ правительственныхъ сферахъ готовится, судя по слухамъ, цѣлый рядъ *частныхъ* мѣръ, свидѣтельствующихъ о томъ, что въ *общемъ* институтъ присяжныхъ останется неприкосновеннымъ. Не мѣшаетъ припомнить, по этому поводу, что самая слабая сторона системы, созданной судебными уставами — порядокъ составленія списковъ присяжныхъ заседателей — давно уже обращала на себя вниманіе правительства и общества. Ровно четыре года тому назадъ у насъ говорилось ¹⁾ объ учрежденіи при министерствѣ юстиціи особой комиссіи, задача которой касалась именно вопросовъ, теперь вновь поставленныхъ на очередь. Извѣстны были тогда, по крайней мѣрѣ отчасти, и самыя предположенія, на которыхъ остановилась комиссія; она признавала необходимымъ обязательное включеніе въ

¹⁾ См. „Вѣстн. Европы“ 1880 г. № 4, Внутреннее Обозрѣніе, стр. 796—800.

списки присяжныхъ извѣстнаго процента лицъ, получившихъ высшее, среднее и затѣмъ хоть какое-нибудь образованіе, съ уменьшеніемъ продолжительности сессіи и съ увеличеніемъ наказанія за неявку. На долю этихъ предположеній выпала, къ сожалѣнію, обыкновенная участь трудовъ, исполняемыхъ комиссіями; они остались мертвою буквой, и составъ присяжныхъ по прежнему опредѣлялся списками, составленными кое-какъ и на скорую руку. Теперь прерванная или забытая работа закипѣла вновь, въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ прежде. Если вѣрять газетамъ, рѣчь идетъ уже о переимѣнахъ не только въ порядкѣ составленія списковъ, но и въ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ право и обязанность быть присяжнымъ. Первоначальное составленіе списковъ предполагается возложить на участковыхъ мировыхъ судей; затѣмъ они повѣряются мировымъ съѣздомъ, съ участіемъ предводителя дворянства, непрѣннаго члена крестьянскаго присутствія, товарища прокурора, уѣзднаго исправника и нѣсколькихъ уполномоченныхъ отъ уѣзднаго земскаго собранія. Всѣ лица, могущія быть присяжными, обязаны заявлять о томъ мѣстному мировому судѣ, подъ опасеніемъ ареста и денежнаго штрафа. О лицахъ податныхъ сословій такіа заявленія подаются городскими управами и волостными правленіями. Земельный цензъ, дающій теперь право быть присяжнымъ (сто десятинъ), предполагается понизить до одной четверти земскаго избирательнаго ценза (что составитъ для большинства уѣздовъ отъ 50 до 90 десятинъ), подоходный цензъ—повысить съ 200 и 500 до 500 и 1000 рублей. Изъ числа крестьянъ предполагается призывать въ присяжные, кромѣ волостныхъ старшинъ, только тѣхъ, которые владѣютъ землею въ количествѣ не менѣе пяти душевыхъ надѣловъ, выкупленныхъ или инымъ путемъ приобрѣтенныхъ въ собственность. Возрастъ, обуславливающій право быть присяжнымъ, опредѣляется, собственно для крестьянъ, въ 35 лѣтъ (теперь возрастной цензъ, общій для всѣхъ сословій—25 лѣтъ).

Проектируемый порядокъ составленія списковъ кажется намъ лучшимъ изъ всѣхъ, возможныхъ при настоящемъ устройствѣ мѣстнаго управленія и самоуправленія — но абсолютно лучшимъ онъ не можетъ быть названъ потому, что участковый мировой судья все-таки слишкомъ далекъ отъ населенія, слишкомъ мало знакомъ съ массою крестьянъ своего участка. Еще меньше, чѣмъ ему, она извѣстна, безъ сомнѣнія, непрѣнному члену крестьянскаго присутствія, появляющемуся въ волостяхъ на подобіе рѣдкаго, мимолетнаго метеора. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, коренная реформа немыслима безъ созданія всесословной, самоуправляющей ея волости, представителями которой, стоящими у самаго дѣла, только и могли бы быть составляемы списки присяжныхъ,

исполнѣ соответствующіе своему назначенію. Полнаго сочувствія заслуживаетъ обязательность заявленій о правѣ быть присяжнымъ; она уменьшитъ число уклоненій отъ исполненія важной гражданской обязанности, раздѣливъ отвѣтственность по этому предмету между должностными и частными лицами. Что касается до новыхъ условій, которыми предполагается обставить право быть присяжнымъ, то исполнѣ цѣлесообразнымъ можно признать одно пониженіе земельного ценза; жалъ только, что онъ все-таки остается слишкомъ высокимъ, а въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ и степныхъ уѣздахъ даже не понижается вовсе ¹⁾. Повышеніе подоходнаго ценза едва ли приведетъ къ желаннымъ результатамъ; между лицами, получающими небольшое вознагражденіе за трудъ, есть не мало способныхъ быть хорошими присяжными — а устраненіе явно неспособныхъ составляетъ задачу комиссіи, устанавливающей очередные списки присяжныхъ. Хорошо было бы, по крайней мѣрѣ, еслибы рядомъ съ цензомъ земельнымъ и подоходнымъ установленъ былъ цензъ образовательный, который или давалъ бы самъ по себѣ право быть присяжнымъ, или понижалъ бы размѣръ первыхъ двухъ цензовъ. При небольшомъ, сравнительно—особенно въ глухихъ уѣздахъ—числѣ сколько-нибудь образованныхъ лицъ, при той существенно-важной роли, которая должна и можетъ принадлежать имъ въ составѣ присутствія присяжныхъ, было бы болѣе чѣмъ странно пренебрегать ихъ услугами только потому, что имъ не хватаетъ нѣсколькихъ десятинъ или нѣсколькихъ рублей до общаго имущественнаго ценза. Въ уѣздныхъ городахъ пришлось бы, при дѣйствіи новыхъ правилъ, исключить изъ списка присяжныхъ большинство учителей городскихъ или уѣздныхъ училищъ, бухгалтеровъ или дѣлопроизводителей уѣздныхъ земскихъ управъ, провизоровъ, фельдшеровъ и другихъ, по меньшей мѣрѣ грамотныхъ людей, которые могли бы значительно уменьшить число неграмотныхъ между присяжными. Не знаемъ, вошло ли въ составъ новаго проекта то начало, которое было принято комиссіей 1880 г.,—начало, требующее внесенія въ списки извѣстнаго процента образованныхъ и просто грамотныхъ людей. Въ нашихъ глазахъ это начало представляется въ высшей степени важнымъ. Исполнѣ удовлетворительнымъ можно считать только такой составъ присяжныхъ, въ которомъ по крайней мѣрѣ два или три лица не уступаютъ, по степени развитія, судьямъ, обвинителю и защитнику. Неграмотные или полуграмотные присяжные часто бываютъ отличными судьями факта; но въ предварительной работѣ, предшествующей рѣшенію—въ со-

¹⁾ Есть уѣзды, въ которыхъ земскій избирательный цензъ составляетъ отъ 475 до 800 десятинъ, такъ что четверть его превышаетъ сто десятинъ.

глашеніи противорѣчій, въ взаимной повѣркѣ впечатлѣній, въ критической оцѣнкѣ личныхъ взглядовъ, высказанныхъ сторонами, въ устраненіи всего того, что напрасно внесено ими въ дѣло—участіе лицъ, болѣе образованныхъ, во многихъ случаяхъ почти незамѣнимо (укажемъ, для примѣра, на дѣла о подлогѣ, злостномъ банкротствѣ, утонченномъ мошенничествѣ, а также на дѣла, центромъ тяжести которыхъ является научная экспертиза). Съ другой стороны, если изъ числа присяжныхъ *только одинъ* принадлежитъ къ образованному классу общества, онъ можетъ приобрести слишкомъ подавляющее вліяніе на всѣхъ остальныхъ.

Далеко не удачными кажутся намъ правила, проектируемыя относительно присяжныхъ-крестьянъ. Къ чему, во-первыхъ, повышение для нихъ, и только для нихъ, возрастнаго ценза? Неужели лица одного сословія достигаютъ у насъ полнаго развитія на десять лѣтъ позже, чѣмъ всѣ другіи? Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что при сравнительной простотѣ отношеній въ земледѣльческомъ быту, при сравнительно раннемъ участіи крестьянскихъ дѣтей въ отцовскихъ работахъ, крестьянинъ созрѣваетъ раньше горожанина, раньше доходить до той ступени, на которой ему, въ большинствѣ случаевъ, суждено остановиться. Если крестьянину въ двадцать-пять лѣтъ нельзя быть присяжнымъ засѣдателемъ, то непоследовательно допустить его, въ этомъ возрастѣ, и въ земскіе избиратели и гласные; неравенство, однажды установленное, должно будетъ распространяться все дальше и дальше. Если тридцати-пятилѣтній возрастъ принять проектомъ собственно потому, что къ этому времени крестьянинъ — обыкновенно уже домохозяинъ, то не проще ли было бы прямо установить, что присяжными, изъ числа крестьянъ, могутъ быть только домохозяева? Намъ кажется, впрочемъ, что для такого ограниченія не существуетъ правильныхъ основаній. Способность крестьянина быть присяжнымъ обуславливается не только степенью его достатка ¹⁾, не столько положеніемъ его въ семьѣ, сколько степенью развитія, показателемъ которой можетъ служить какъ занятіе той или другой должности, такъ и окончаніе курса въ начальной школѣ. Число грамотныхъ крестьянъ растетъ съ каждымъ годомъ, и ничто не мѣшало бы, кажется, сдѣлать грамотность, удостовѣренную свидѣтельствомъ на льготу, однимъ изъ условій призыва въ присяжные засѣдатели. Наравнѣ съ окончаніемъ курса въ начальной школѣ можно было бы поставить и безпорочную службу въ рядахъ арміи, несомнѣнно, въ

¹⁾ Количество душевыхъ надѣловъ — не всегда, притомъ, вѣрный признакъ достатка; много значить здѣсь съ одной стороны качество земли, съ другой—многосемейность или малосемейность.

большинствѣ случаевъ, расширяющую круговоръ крестьянина и увеличивающую запасъ его знаній. Мы не видимъ, наконецъ, причины отступать отъ дѣйствующаго закона, по которому призываются въ присяжные, изъ среды крестьянъ, лица, занимавшія въ теченіе трехъ лѣтъ должность не только волостного старшины, но и волостного судьи, сельскаго старосты и т. п. Безспорно, избраніе въ эти должности далеко не всегда совершается по заслугамъ, но продолжительное ихъ исправленіе все-таки представляетъ нѣкоторую гарантію развитія—гораздо большую, во всякомъ случаѣ, чѣмъ владѣніе пятью душевыми надѣлами.

Улучшеніе состава присяжныхъ — только одно изъ средствъ, ведущихъ къ цѣли. Безусловно необходимымъ кажется намъ ограниченіе права отвода присяжныхъ, теперь сплошь и рядомъ закрывающаго доступъ въ присутствіе присяжныхъ именно тѣмъ, кто могъ бы быть въ немъ особенно полезенъ. „Послѣдствіемъ отвода—говорилось у насъ еще въ 1880 г.—слишкомъ часто бываетъ удаленіе изъ числа присяжныхъ, дѣйствительно призываемыхъ къ отправленію правосудія, всѣхъ или почти всѣхъ лицъ, сколько-нибудь образованныхъ. Въ большинствѣ случаевъ такіа лица отводятся обвинителемъ, потому что они менѣе подчиняются его авторитету, болѣе склонны къ оправдательнымъ или мягкимъ приговорамъ; иногда они отводятся и защитой,—напримѣръ, въ дѣлахъ о побояхъ, о злоупотребленіяхъ отцовскою или супружескою властью, въ которыхъ купцы, мѣщане и крестьяне относятся, вообще говоря, снисходительнѣе, чѣмъ лица другихъ сословій... Интересы правосудія были бы вполне ограждены, еслибы каждой сторонѣ предоставлено было право отводить, безъ объясненія причинъ, не болѣе двухъ или трехъ присяжныхъ заседателей. Право немотивированнаго отвода выѣтъ цѣлью устранить изъ состава суда тѣхъ присяжныхъ, которые, не смотря на отсутствіе законныхъ поводовъ къ отводу, не представляютъ достаточно гарантій спокойнаго, безпристрастнаго отношенія къ дѣлу. За самими рѣдкими исключеніями, такихъ лицъ не можетъ быть много, —а при поголовномъ или сильно распространенномъ пристрастіи въ пользу или противъ подсудимаго не поможетъ и самое широкое право отвода... Контроль за тенденціознымъ отводомъ немыслимъ, въ виду того, что имена отводимыхъ присяжныхъ просто вычеркиваются изъ списка, безъ означенія и объявленія, кѣмъ они вычеркнуты“. Прибавимъ къ этому, что широкое право отвода составляетъ одну изъ самыхъ обыкновенныхъ причинъ отсрочки засѣданій,—отсрочки, часто вызываемой расчетомъ на другой, болѣе снисходительный или болѣе строгій составъ присяжныхъ заседателей. Если число наличныхъ присяжныхъ (считая и запасныхъ) не менѣе трид-

цати, — что случается весьма часто, — то слушаніе дѣла становится невозможнымъ при первомъ заявленіи защиты о намѣреніи ея всецѣло воспользоваться правомъ отвода.

Весьма важно, далѣе, чтобы положеніе присяжныхъ во время процесса соотвѣтствовало вполнѣ ихъ высокой и трудной роли. Относиться къ нимъ слѣдуетъ довѣрчиво; отъ нихъ ничего не слѣдуетъ скрывать, имъ должна быть предоставлена возможность давать такіе отвѣты, которые всецѣло и точно выражали бы ихъ взглядъ на дѣло. Прежде всего они должны быть ограждены, на все время сессіи, отъ нужды, слишкомъ часто выпадающей теперь на долю присяжныхъ-крестьянъ. Земствамъ и городамъ должна быть разрѣшена ассигновка пособій бѣднѣйшимъ присяжнымъ; въ случаѣ отсутствія или недостаточности такой ассигновки, она должна быть восполняема изъ средствъ казны. Въ газетахъ появилось извѣстіе о томъ, что присягу, приносимую теперь присяжными передъ каждымъ дѣломъ и повторяемую, такимъ образомъ, нѣсколько разъ не только въ продолженіе одной сессіи, но и въ продолженіе одного дня, предполагается замѣнить присягой, приносимой разъ на всегда, въ началѣ сессіи. Это было бы совершенно рационально; многократное повтореніе присяги не только уменьшаетъ ея значеніе, но и даетъ поводъ думать, что присяжнымъ не вѣрять, что ихъ не считаютъ способными проникнуться сразу сознаніемъ своего долга. Прямымъ признакомъ недовѣрія служить оставленіе присяжныхъ на ночь въ зданіи суда, практикуемое въ процессахъ продолжительныхъ и особенно важныхъ. Неудобства, сопряженныя съ этой мѣрой, перевѣшиваютъ, какъ намъ кажется, ея полезныя стороны. Случаи прямого вліянія на присяжныхъ, тѣмъ болѣе — подкупа ихъ, составляютъ крайне рѣдкое исключеніе; ничто не мѣшаетъ, притомъ, давать присяжнымъ обѣщанія, завлекать ихъ въ преступныя сдѣлки еще до начала судебного разбирательства. Правда, въ это время нельзя еще знать, кто именно войдетъ въ составъ присутствія по данному дѣлу; но общее число очередныхъ присяжныхъ не такъ велико, чтобы нельзя было войти въ сношенія со многими изъ нихъ. А между тѣмъ, запертіе на нѣсколько дней, раздражая однихъ, возбуждая въ другихъ тревогу за домашнихъ, чувство томительной неизвѣстности, можетъ иногда привести къ результатамъ, прямо неблагопріятнымъ для правосудія; оно можетъ возбудить въ присяжныхъ нетерпѣніе, отъ котораго недалеко и до невниманія, можетъ враждебно расположить ихъ противъ обвинителя, отъ котораго, болѣею частью, исходятъ мѣры предосторожности, принимаемыя относительно присяжныхъ. Намъ могутъ возразить, что роспускъ присяжныхъ по домамъ, при слушаніи дѣлъ, въ которыхъ замѣшаны богатые или сильные лица, можетъ

— въ случаѣ оправдательнаго приговора — послужить источникомъ слуховъ, неблагопріятныхъ для присяжныхъ, а слѣдовательно и для суда вообще; но противъ *слуховъ*, какъ это доказываетъ и опытъ, ничѣмъ не уберечься — весь вопросъ въ томъ, въ какой степени вѣроятно на самомъ дѣлѣ постороннее вліяніе на присяжныхъ. Намъ кажется, что достаточной гарантіей противъ такого вліянія является — особенно при болѣе удовлетворительномъ, чѣмъ теперь, способѣ составленія списковъ присяжныхъ — сознаніе нравственной и юридической отвѣтственности, принимаемой на себя каждымъ присяжнымъ засѣдателемъ. Торжественнымъ выраженіемъ этой отвѣтственности служить присяга; напоминаніе о ней и разъясненіе ея составляетъ прямую обязанность предсѣдательствующаго на судѣ.

Во время судебного слѣдствія ничего не должно быть скрываемо отъ присяжныхъ; оно не должно оставлять никакихъ недомолвокъ, никакихъ поводовъ къ недоразумѣніямъ. Все, что имѣется въ дѣлѣ, все, что знакомо сторонамъ и судьямъ, должно быть, въ случаѣ надобности, доступно и для присяжныхъ. Не столько судебные уставы, сколько судебные обычаи и кассаціонныя рѣшенія создали у насъ положеніе дѣлъ, далеко не удовлетворяющее этому требованію. Показанія, данныя подсудимымъ на предварительномъ слѣдствіи, упоминаются въ обвинительномъ актѣ, возстановляются иногда на судѣ, съ помощью допроса свидѣтелей — но не могутъ быть прочтаны, хотя бы о томъ и просили присяжные. Къ чему такая тайна или, что еще хуже, такая полу-тайна? Интересовъ подсудимаго она не ограждаетъ, такъ какъ кое-что о прежнихъ его объясненіяхъ присяжные все-таки узнаютъ — но узнаютъ именно *кое-что*, т.-е. отрывки, не связанные между собою, можетъ быть неправильно освѣщенные, можетъ быть даже неправильно переданные. Результатомъ такого полу-знакомства съ показаніями подсудимаго одинаково легко можетъ быть и несправедливое обвиненіе, основанное на невѣрно понятыхъ словахъ, на мнимыхъ, въ сущности, противорѣчіяхъ между данными предварительнаго слѣдствія и судебного разбора, — и несправедливое оправданіе, вызванное недостаткомъ точныхъ свѣдѣній о первоначальномъ сознаніи обвиняемаго. Сколько напрасныхъ стѣсненій установлено, далѣе, относительно прочтенія показаній, данныхъ нежившими на судѣ свидѣтелями, а также протоколовъ дознанія и разныхъ другихъ актовъ подлиннаго производства! Присяжные узнаютъ изъ обвинительнаго акта, что такой-то свидѣтель показалъ то-то въ пользу или противъ обвиняемаго — но сообщить имъ это показаніе во всемъ его объемѣ считается невозможнымъ, если, напримѣръ, въ виду суда нѣтъ свѣдѣній о причинахъ неявки свидѣтеля. Впечатлѣніе произведено, но въ повѣрѣ или уясненіи его присяжными отказываютъ. Неудиви-

тельно, послѣ того, что присяжные предпочитаютъ иногда оправданіе подсудимаго осужденію его на основаніи явно неполныхъ данныхъ. Правда, неявка свидѣтеля, показанія котораго не подлежатъ прочтенію на судѣ, составляетъ законный поводъ къ отсрочкѣ разбирательства — но вѣдь стороны пользуются этимъ поводомъ далеко не всегда, да и не могутъ всегда пользоваться имъ, въ виду неудобствъ, сопряженныхъ съ отсрочкой (особенно для подсудимаго, находящагося подѣ стражей). На обязанности предсѣдателя лежитъ и теперь разъясненіе присяжнымъ внѣшняго значенія представляемыхъ имъ доказательствъ; въ этомъ именно разъясненіи, а не въ системѣ умалчиваній, и слѣдуетъ искать гарантію противъ увлеченія данными, недостаточно достовѣрными. Несравненно лучше прочесть присяжнымъ протоколъ дознанія и затѣмъ растолковать имъ разницу между дознаніемъ и предварительнымъ слѣдствіемъ, чѣмъ оставлять ихъ въ невѣденіи или въ полу-невѣденіи факта, могущаго бросить нѣкоторый свѣтъ на ту или другую сторону дѣла. Весьма важно, повторяемъ, поставить и вести дѣло такъ, чтобы присяжные признавали свое право *все* знать, *все* понимать, и по возможности широко пользовались этимъ правомъ. Исходя изъ этой основной мысли, мы не видимъ причины, по которой нельзя было бы дать присяжнымъ, въ комнату для совѣщаній, какой-нибудь документъ или актъ изъ подлиннаго дѣла, не видимъ и причины скрывать отъ нихъ наказаніе, ожидающее подсудимаго въ случаѣ признанія его виновнымъ. Искоренить въ нихъ всякую мысль о послѣдствіяхъ приговора — не во власти суда; отсутствіе достовѣрныхъ объ этомъ свѣденій обуславливаетъ собою только полный просторъ для ошибочныхъ догадокъ. Что касается до запрещенія непосредственныхъ справокъ съ подлиннымъ производствомъ, то оно можетъ быть признано рациональнымъ только по отношенію къ свидѣтельскимъ показаніямъ; перчитывая, въ комнатѣ для совѣщаній, показанія, данныя свидѣтелями на предварительномъ слѣдствіи, присяжные могли бы забыть изъ-за нихъ показанія, данныя тѣми же лицами на судѣ — т.-е. матеріалъ болѣе цѣнный и важный. Къ актамъ осмотра или обыска, къ вещественнымъ доказательствамъ это соображеніе непримѣнимо. Каждый знаетъ по опыту, что большая разница — выслушать чтеніе бумаги или самому ее прочесть, не торопясь и останавливаясь всякій разъ, когда это оказывается нужнымъ. Возвратиться въ залу засѣданія и тамъ вторично прослушать не вполнѣ усвоенное съ перваго раза — это далеко не то же самое, что имѣть передъ собою тотъ или другой документъ во все время совѣщаній.

Расширенію правъ, принадлежащихъ присяжнымъ при слуханіи дѣла, должно соответствовать расширеніе правъ, принадлежащихъ

имъ при рѣшеніи дѣла. Эта сторона вопроса отчасти разработана въ статьѣ г. И. Тютчева, напечатанной въ № 5 „Руси“. По справедливому замѣчанію автора, странные, съ перваго взгляда, оправдательные приговоры присяжныхъ часто объясняются именно тѣмъ, что они должны отвѣчать утвердительно или отрицательно только на предложенные имъ вопросы и не имѣютъ права признать подсудимаго виновнымъ въ другомъ преступленіи, вопросами непредусмотрѣнномъ. Иногда они могутъ выйти изъ этого положенія путемъ, указаннымъ въ ст. 812-ой устава, т.-е. прибавленіемъ къ отвѣту нѣкоторыхъ словъ, не заключающихся въ вопросѣ; но редакция вопросовъ не всегда допускаетъ такой выходъ, особенно если преступленіе, признаки котораго перечислены въ вопросахъ, значительно отличается отъ того, въ которомъ подсудимый оказывается виновнымъ по убѣжденію присяжныхъ. Болѣе спорными кажутся намъ два другія мнѣнія г. Тютчева. Онъ полагаетъ, что присяжнымъ должно быть предоставлено право вовсе уклоняться отъ рѣшительнаго отвѣта, если они найдутъ дѣло недостаточно разслѣдованнымъ и неполнымъ; результатомъ такого рѣшенія должно быть либо дополненіе слѣдствія согласно съ указаніями присяжныхъ, либо передача дѣла на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ. Мы думаемъ, что неполнота слѣдствія происходитъ, въ большинствѣ случаевъ, или отъ совершенной невозможности собрать другія, болѣе точныя и опредѣленные данныя, или отъ ошибокъ слѣдователя, уже непоправимыхъ. Возобновлять слѣдствіе по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, возобновлять его, можетъ быть, именно въ томъ направленіи, которое было уже однажды признано никуда не ведущимъ, значило бы слишкомъ часто отягощать участь обвиняемаго безъ всякой пользы для правосудія. Второе предложеніе г. Тютчева заключается въ томъ, чтобы въ праву короннаго суда обращать дѣло къ новому разсмотрѣнію, если онъ единогласно признаетъ, что рѣшеніемъ присяжныхъ осужденъ невинный, было присоединено право поступать такимъ же образомъ и въ случаѣ признанія, что присяжными оправданъ явно виновный. Оправданіе виновнаго, въ силу извѣстнаго начала, давно уже провозглашеннаго нашимъ законодательствомъ, далеко не столь важно, какъ осужденіе невиннаго; чрезвычайная власть, даруемая коронному суду по отношенію къ вердикту присяжныхъ, понятна и законна въ первомъ случаѣ, но не въ послѣднемъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если-бы коронному суду и дано было право отмѣнять оправдательные вердикты присяжныхъ, онъ пользовался бы этимъ правомъ крайне рѣдко. Упреки и обвиненія, вызываемые теперь, въ извѣстныхъ случаяхъ, оправдательными приговорами присяжныхъ, упали бы тогда и на судъ присяжныхъ, и на судъ коронный; къ одной аги-

такімъ присоединилась бы другая, и положеніе новыхъ судебныхъ учреждений сдѣлалось бы еще болѣе затруднительнымъ. Изъ двухъ золъ слѣдуетъ выбирать меньшее—а меньшимъ зломъ, сравнительно съ постояннымъ колебаніемъ судебного авторитета, бесспорно слѣдуетъ признать оставленіе въ силѣ нѣсколькихъ неправильныхъ оправдательныхъ приговоровъ. Уменьшить число такихъ приговоровъ могло бы другое средство, о которомъ недавно шла рѣчь въ нашихъ газетахъ—распространеніе на присяжныхъ право ходатайствовать передъ верховною властью о помилованіи осужденныхъ или о смягченіи наказанія, которому они подлежатъ по закону. Облеченные этимъ правомъ, присяжные не имѣли бы повода оправдывать подсудимыхъ только потому, что мѣра ответственности ихъ превышаетъ мѣру дѣйствительной ихъ вины.

Мы готовы были заключить нашу хронику, когда въ печати появилось заключеніе оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента по дѣлу Мельницкихъ. Исходная точка этого заключенія прямо противоположна той, которая кажется намъ единственно правильною. Мы думаемъ, что пора отказаться разъ навсегда отъ системы запиранія присяжныхъ; въ заключеніи оберъ-прокурора роспускъ присяжныхъ по домамъ, въ дѣлѣ сколько-нибудь выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ, признается безусловнымъ поводомъ къ отмѣнѣ рѣшенія ¹⁾. Мы стоимъ за снятіе всѣхъ ширмъ, заслоняющихъ отъ присяжныхъ ту или другую сторону дѣла; заключеніе клонится къ возможно-большему ограниченію числа случаевъ, въ которыхъ составныя части слѣдственного дѣла подлежатъ прочтенію на судѣ. Мы полагаемъ, что присяжныхъ, въ интересахъ правосудія, слѣдовало бы освободить отъ обязанности не выходить изъ рамки предложенныхъ имъ вопросовъ; оберъ-прокуроръ высказывается за такую форму вопросовъ, при которой свобода рѣшенія присяжныхъ была бы стѣснена гораздо больше, чѣмъ въ настоящее время. Остановимся на этомъ послѣднемъ пунктѣ, безъ сомнѣнія самомъ существенномъ и важномъ. Обычная форма главного вопроса, предлагаемаго присяжнымъ, установилась у насъ, съ самаго введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, слѣдующая: *виновенъ-ли подсудимый такой-то въ томъ, что* (засимъ перечисляются признаки преступнаго дѣянія

¹⁾ Судя по тому, что рѣшеніе по дѣлу Мельницкихъ отмѣнено сенатомъ лишь по нарушенію ст. 687 и 754 уст. угол. судопр., относящихся къ прочтенію актовъ и къ постановкѣ вопросовъ, а не по ст. 616, уполномочивающей предсѣдателя оставлять присяжныхъ въ зданіи суда, слѣдуетъ предположить, что по этому собственно вопросу сенатъ не согласился съ мнѣніемъ оберъ-прокурора.

составляющаго предметъ обвиненія). По мнѣнію Н. А. Неклюдова, эту форму слѣдовало бы замѣнить другою; присяжныхъ слѣдовало бы спрашивать: *было ли данное событіе преступленіемъ дѣяніемъ подсудимаго*, прибавляя къ этому вопросу о вѣнненіи содѣяннаго въ вину подсудимому только тогда, когда идетъ рѣчь объ уничтоженіи отвѣтственности какою-либо законною причиною невѣннености или невѣнненія (сумасшествіе и т. п.). Форма, предлагаемая оберъ-прокуроромъ, имѣетъ, по его мнѣнію, „то несравненное преимущество передъ формой: *виновенъ-ли* и т. д., что съ одной стороны устраняетъ всякое сомнѣніе присяжныхъ относительно предѣловъ представленной имъ власти, а съ другой—не доводитъ ихъ до изреченія такихъ приговоровъ, коими объявляется невинность лица, признаннаго, одной строчкой выше, умышленнымъ убійцей, разбойникомъ или воромъ“. „Такая форма“—читаемъ мы дальше—„гораздо болѣе обезпечиваетъ правосудіе и по существу дѣла, ибо я могу, нисколько не погрѣшая противъ совѣсти, сказать (когда меня о томъ спрашиваютъ, да еще отдѣльнымъ вопросомъ), что я считаю подсудимаго совершившимъ преступленіе, но наказывать его не желаю, и наоборотъ, нельзя, не вступая въ явный разладъ съ совѣстью, сказать, что подсудимый не совершилъ того преступленія, въ совершеніи имъ котораго я убѣжденъ и учиненіе котораго прямо признается имъ самимъ. Поэтому было бы желательно, чтобы сенатъ, во избѣжаніе повторяющихся случаевъ противорѣчія въ отвѣтахъ присяжныхъ, вѣннилъ судебнымъ мѣстамъ въ обязанность предлагать присяжнымъ вопросы не въ формѣ: *виновенъ-ли* и т. д.“. Согласился ли сенатъ съ соображеніями оберъ-прокурора—это мы узнаемъ только тогда, когда рѣшеніе по дѣлу Мельницкихъ будетъ напечатано въ окончательной формѣ, т. е. со всѣми мотивами. Отмѣна рѣшенія присяжныхъ по нарушенію ст. 754—той самой, на которую ссылался Н. А. Неклюдовъ,—еще ничего, въ этомъ отношеніи, не доказываетъ, потому что въ кассационномъ протестѣ и въ заключеніи оберъ-прокурора шла рѣчь о техническихъ недостаткахъ редакціи вопросовъ, также подпадающихъ подъ дѣйствіе ст. 754.

Не нужно быть близко знакомымъ съ теоріей и практикой уголовного процесса, чтобы понять значеніе перемѣны, предлагаемой Н. А. Неклюдовымъ. Послѣдовательно и неуклонно проведенная въ жизнь, она оставила бы за присяжными только констатированіе факта, а не внутреннюю его оцѣнку; она наложила бы на приговоры, ими постановляемые, ту печать формализма, которою слишкомъ часто отличаются приговоры профессиональныхъ судей, судей-юристовъ. Вердикты присяжныхъ перестали бы служить коррективомъ уголовного закона, указаніемъ слабыхъ его сторонъ, матеріаломъ и

исходной точкой для преобразований, требуемыхъ справедливостью. Такъ ли велико число оправдательныхъ приговоровъ, чтобы прибѣгать изъ-за нихъ къ коренной передѣлкѣ учрежденія, успѣвшаго уже укорениться въ нашемъ народѣ, пользующагося общимъ сочувствіемъ и уваженіемъ? Ослабѣла ли уголовная репрессія, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ новое судебное устройство? Приговоры, поражающіе своею неправильностью, составляютъ рѣдкое исключеніе; они бросаются въ глаза только случайно, заслоняя собою массу другихъ, вполне безупречныхъ. Настоящей ихъ причиной является, болѣею частью, ошибка короннаго суда, вполне исправимая и исправляемая, сплошь и рядомъ, кассационнымъ сенатомъ; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить дѣла: Мельницкихъ, Свиридовыхъ, кн. Оболенскаго и многія другія. Напрасно, впрочемъ, было бы думать, что порядокъ, рекомендуемый оберъ-прокуроромъ, могъ бы привести къ желанной цѣли. Никакая постановка вопросовъ не предупредитъ оправданія такихъ подсудимыхъ, виновность которыхъ будетъ имѣть, въ глазахъ присяжныхъ, чисто формальный характеръ. Они скорѣе отвергнутъ самое событіе преступленія, какъ бы оно ни было безспорно, чѣмъ произнесутъ обвинительный приговоръ надъ подсудимымъ, котораго по совѣсти найдутъ не отвѣтственнымъ за совершенный имъ проступокъ. Кто имѣлъ случай наблюдать, нѣсколько лѣтъ сряду, за дѣятельностью суда присяжныхъ, тому извѣстны, по всей вѣроятности, случаи отрицательнаго отвѣта на вопросъ: „доказано ли событіе преступленія“ — отвѣта, прямо шедшаго въ разрѣзъ съ фактическими обстоятельствами дѣла и даже съ собственнымъ сознаніемъ подсудимаго. Присяжнымъ, очевидно, легче было принять на свою совѣсть виѣшнее противорѣчіе между вопросомъ и отвѣтомъ, чѣмъ осужденіе подсудимаго, признаваемого ими на самомъ дѣлѣ невиновнымъ и не заслуживающимъ наказанія. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что замѣна принятой теперь формы главнаго вопроса другою, рекомендуемою Н. А. Неклюдовымъ, легко можетъ повлечь за собою уменьшеніе числа случаевъ собственного признанія подсудимыхъ. Такого же результата можно ожидать и отъ другой мѣры, проектируемой, по слухамъ, въ официальныхъ сферахъ — отъ изыятія дѣлъ, по которымъ подсудимый сознается въ преступленіи, изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ. Если эта мѣра осуществится, сознание подсудимыхъ сдѣлается у насъ, безъ сомнѣнія, явленіемъ столь же рѣдкимъ, какъ рѣдки въ Англіи случаи, когда подсудимый pleads guilty, т.-е. безусловно подчиняется единоличному рѣшенію судьи.

Весьма замѣчательна, далѣе, та часть заключенія оберъ-прокурора, которая касается защиты въ дѣлахъ уголовныхъ. „Ни для

кого не тайна", — читаемъ мы въ рѣчи Н. А. Неклюдова, — „что судебныя уставы подверглись въ послѣднее время публично тяжкимъ нареканіямъ. Справедливость требуетъ признать, что значительная часть этихъ нареканій выпадаетъ вполне заслуженно на долю защиты, не желающей отличать праваго отъ виноватаго, прибѣгающей къ однимъ и тѣмъ же средствамъ защиты и отъявленнаго злодѣя, и лица случайно впавшаго въ преступленіе, и наставляющей, во что бы то ни стало, отпустить ей ея Варавву, распявъ, ради сего, и свидѣтелей, и потерпѣвшаго, и обвинительную власть, и даже самый законъ“. Для насъ не совсѣмъ ясна та связь, которая указывается здѣсь между злоупотребленіями защиты и нареканіями на судебныя уставы. Злоупотребленія возможны при всякомъ порядкѣ; для того, чтобы отвѣтственность за первыя упала на послѣдній, необходимо доказать, что они именно изъ него проистекаютъ, именно имъ обуславливаются или поддерживаются. Ничего подобнаго нельзя сказать о судебныхъ уставахъ; создавъ защиту, они дали суду всѣ средства, необходимыя для ея регулированія. Встрѣчающееся, по временамъ, неумѣніе пользоваться этими средствами точно такъ же не можетъ и не должно быть обращено въ орудіе противъ суда или противъ судебныхъ уставовъ вообще, какъ отдѣльные случаи неправильныхъ оправданій — въ орудіе противъ суда присяжныхъ. Такъ ли серьезны, притомъ, „нареканія“ на судебныя уставы, чтобы на нихъ стоило обращать вниманіе кассационнаго суда, чтобы ими можно было мотивировать ту или другую общую мѣру? Кто возстаетъ противъ самой сути судебныхъ уставовъ, кто видитъ корень зла въ основныхъ началахъ новаго судебного устройства, того не успокоятъ никакія частныя распоряженія, тотъ не примирится ни съ чѣмъ, кромѣ поворота назадъ, къ старой, отжившей системѣ. Такъ ли распространены, далѣе, злоупотребленія защиты и такъ ли пассивно относится къ нимъ судъ, чтобы представлялась настоятельная потребность въ новыхъ разъясненіяхъ и строгихъ предписаніяхъ по этому предмету? Неужели аргументы въ родѣ тѣхъ, которые приписываются — безъ достаточныхъ, впрочемъ, доказательствъ — защитѣ по дѣлу Мельницкихъ, составляютъ обычную принадлежность защитительныхъ рѣчей, безмолвно допускаемую предсѣдательствующими на судѣ? „Преданіе суду дѣтей Мельницкаго за преступленіе ихъ отца нарушаетъ пятую заповѣдь и составляетъ признакъ пришествія антихриста“, — „при возищеніи похищенныхъ 300,000 рублей со всѣхъ гражданъ Россіи каждому пришлось бы внести такъ мало, что изъ-за этого не стоитъ обвинять подсудимыхъ“, — всѣ подобныя фразы безспорно должны быть признаны болѣе чѣмъ неумѣстными; если онѣ дѣйствительно были произнесены, предсѣдатель безспорно

долженъ былъ остановить защитника и предостеречь присяжныхъ противъ заключающейся въ нихъ фальши. Отъ него зависѣло, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщить объ образѣ дѣйствій защитника совѣту присяжныхъ повѣренныхъ, на обязанности котораго лежитъ разъясненіе задачъ защиты и наблюденіе за правильнымъ ихъ исполненіемъ. То же самое можетъ сдѣлать и сенатъ, каждый разъ, когда протоколомъ засѣданія констатировано явное нарушеніе предѣловъ защиты. Если оно осталось незамѣченнымъ со стороны предсѣдательствовавшего на судѣ, онъ можетъ быть привлеченъ сенатомъ къ дисциплинарной или судебной отвѣтственности. Всѣхъ этихъ мѣръ, не выходящихъ изъ обычнаго, нормальнаго порядка, вполне достаточно для удержанія защиты въ границахъ, начертанныхъ для нея закономъ. Къ совершенно инымъ, вовсе не желательнымъ результатамъ могла бы привести, наоборотъ, чрезвычайная мѣра, направленная къ *обузданію* защиты. Получивъ отъ верховнаго кассационнаго суда предписаніе усугубить, подъ опасеніемъ личной отвѣтственности, надворъ за защитой, предсѣдательствующие на судѣ, безъ того уже не допускавшіе, въ этомъ отношеніи, никакихъ существенныхъ отступленій отъ установленнаго порядка, легко могли бы понять данную имъ инструкцію въ смыслѣ такой регламентаціи защиты, при которой сдѣлалась бы немислимой ея свобода, а слѣдовательно и полное, всестороннее освѣщеніе дѣла. Представимъ себѣ, напримѣръ, что защитѣ будетъ вмѣнено въ обязанность, согласно съ заключеніемъ оберъ-прокурора, „не опорочивать дѣйствій лицъ, къ дѣлу не привлеченныхъ“. Каково будетъ положеніе ея въ тѣхъ случаяхъ, когда, по глубокому ея убѣжденію, настоящей причиной преступленія были именно „дѣйствія лица не привлеченнаго къ дѣлу“? Не опорочивая этихъ дѣйствій, защита будетъ лишена возможности объяснить побужденія подсудимаго, доказать его права на снисходительность присяжныхъ. Мы высказывались еще недавно противъ придирчиваго, оскорбительнаго допроса свидѣтелей, противъ безцѣльнаго, безпричиннаго заподозриванія ихъ защитой; но другою, противоположною и можетъ быть еще болѣе опасною крайностью было бы подчиненіе защиты такимъ стѣсненіямъ, которыя не позволяли бы ей опредѣлять степень довѣрія, заслуживаемаго свидѣтелями, представлять въ настоящемъ свѣтѣ ихъ образъ дѣйствій, послужившій, быть можетъ, непосредственнымъ источникомъ преступленія. Представимъ себѣ, дагѣе, что защитѣ будетъ запрещено касаться дѣйствій правительственныхъ властей, „которыя, будь они удостовѣрены даже въ квадратѣ утвержденнаго, не могутъ ни уничтожить, ни умалить, по закону, отвѣтственность самого подсудимаго“. Какъ убѣдиться заранѣе въ отсутствіи внутренней связи между степенью

виновности обвиняемого и дѣйствіями должностного лица, разбираемыми защитой? Можно ли быть увѣреннымъ въ томъ, что, остановивъ защитника при самомъ приступѣ къ такому разбору, председатель не закроетъ для него главнаго, совершенно законнаго пути къ оправданію обвиняемого? Новое лекарство, такимъ образомъ, не окажется ли хуже болѣзни, леченіе которой, когда она появляется наружу, вполне возможно съ помощью средствъ, употребляемыхъ въ настоящее время? Самымъ надежнымъ изъ этихъ средствъ представляется, въ нашихъ глазахъ, постоянная борьба—въ печати, въ обществѣ, въ судебныхъ и адвокатскихъ кружкахъ—противъ тѣхъ приѣмовъ и способовъ защиты, которые не соотвѣтствуютъ ни ея призванію, ни общимъ цѣлямъ правосудія.

Четыре мѣсяца тому назадъ ¹⁾ мы говорили о новомъ фазисѣ, въ который вступилъ старый питейный вопросъ. Центральная коммиссія, на разсмотрѣніе которой переданы были тогда заключенія губернскихъ комиссій, окончила свои занятія, не заслуживъ упрека въ медленности, слишкомъ часто достающагося на долю учреждений этого рода; выработанный ею проектъ правилъ о питейной торговлѣ уже внесенъ, если мы не ошибаемся, на обсужденіе государственнаго совѣта. Самая выдающаяся и вмѣстѣ съ тѣмъ самая отрадная черта проекта—это совершенное уничтоженіе *кабака*, питейнаго дома. Распивочную торговлю въ уѣздахъ предполагается допустить только въ торговыхъ и промышленныхъ селеніяхъ и въ мѣстахъ большаго скопленія и проѣзда постороннихъ людей, въ заведеніяхъ, соотвѣтствующихъ типу харчевни и корчмы или постоялаго двора. Въ городахъ къ этимъ заведеніямъ присоединяются не только трактиры, гостиницы, буфеты, но и временныя выставки, пивныя лавки и погреба для торговли русскими виноградными винами (последніе—только въ губерніяхъ, гдѣ существуетъ винодѣліе и сосѣднихъ съ ними). Намъ кажется, что пивныя лавки и погреба русскихъ виноградныхъ винъ такъ же мало имѣютъ права на существованіе, какъ и питейные дома. Если признается возможнымъ обойтись безъ заведеній, гдѣ только пьютъ водку, то нѣтъ достаточной причины сохранять заведенія, гдѣ только пьютъ пиво, портеръ, медъ или виноградное вино. Конечно, эти напитки менѣе вредны, менѣе опасны, чѣмъ водка—но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы необходимы были лавки, промышленяющія *исключительно* распивочной ихъ продажей. Пивныя лавки и погреба русскихъ иностранныхъ винъ и теперь уже

¹⁾ См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 12 „Вѣстн. Евр.“ за 1888 г.

во многихъ мѣстахъ обратились въ суррогаты кабака; съ уничтоженіемъ послѣдняго, она могутъ сдѣлаться приими его наслѣдниками. Потребленіе пива, портера, меда и винограднаго вина, какъ и потребленіе водки, должно быть ограничено тѣми мѣстами, куда приходятъ не только для того, чтобы пить: трактирами, гостиницами, харчевнями, постоялыми дворами. Между уѣздомъ и городомъ нѣтъ, съ этой точки зрѣнія, никакой существенной разницы; почему пивная лавка, излишняя въ уѣздѣ, оказывается необходимой въ городѣ—это для насъ совершенно непонятно.

Торговлю крѣпкими напитками на выносъ, въ запечатанной посудѣ, предполагается допустить какъ изъ особыхъ винныхъ лавокъ, такъ и изъ другихъ, взявшихъ патентъ на питейную торговлю. Уменьшить специализацію питейной торговли, значить уменьшить и шансы злоупотребленій, издавна находящихъ въ ней благодарную почву; разрѣшеніе вопроса, на которомъ остановилась коммиссія, кажется намъ, поэтому, вполне цѣлесообразнымъ. Много хорошихъ сторонъ представляетъ и дальнѣйшая регламентація выносной торговли. Мѣста для продажи питей исключительно на выносъ могутъ быть открываемы въ неопредѣленномъ числѣ, если только присутствіями, о которыхъ мы упомянемъ ниже, не будетъ признано необходимымъ предупредить чрезмѣрное и превышающее дѣйствительную потребность размноженіе ихъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ число винныхъ лавокъ можетъ быть опредѣлено извѣстнымъ отношеніемъ къ числу жителей данной мѣстности, а въ небольшихъ селеніяхъ открытіе ихъ можетъ быть запрещено вовсе. Еще важнѣе предоставляемое селеніямъ право воспрещать, общественнымъ приговоромъ, производство въ предѣлахъ усадьбы охотности какъ одной распивочной торговли питьями, такъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и выносной. Нельзя не пожалѣть о томъ, что безусловную силу это воспрещеніе имѣетъ только въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ менѣе 1000 душъ обоого пола; селеніямъ болѣе населеннымъ разрѣшается лишь просить присутствіе о воспрещеніи питейной торговли, при чемъ отъ присутствія зависитъ отклонить ходатайство, „если осуществленіе его будетъ признано несоотвѣтствующимъ дѣйствительнымъ потребностямъ и условіямъ даннаго селенія“. Болѣе неудачнаго примѣненія принципа оцѣнки нельзя себѣ и представить. Какія „дѣйствительныя потребности“ селенія могутъ требовать производства въ его предѣлахъ, вопреки его желанію, питейной торговли? почему уѣздное присутствіе должно быть признано лучшимъ судьей этихъ потребностей, чѣмъ сами жители? почему селеніе въ 950 душъ можетъ самостоятельно рѣшать вопросъ, по которому селенію въ 1050 душъ предоставляется лишь *ходатайствовать* передъ присутствіемъ?—

все это остается для насъ загадкой. Единственный случай, въ которомъ еще можно объяснить себѣ *открытіе* селенію нежелаемой имъ питейной торговли—это положеніе его на большой проѣзжей дорогѣ, вслѣдствіе чего является необходимымъ, въ интересахъ проѣзжающихъ, существованіе въ немъ постоялаго двора; но эта необходимость не зависитъ, очевидно, отъ числа думъ въ селеніи и не можетъ быть отнесена къ дѣйствительнымъ его потребностямъ. Недостаточно рѣшительнымъ кажется намъ и то правило, въ силу котораго какъ отдѣльнымъ селеніямъ, такъ и частнымъ лицамъ, заявившимъ о желаніи не допускать питейную продажу на своихъ земляхъ въ теченіе опредѣленнаго срока, предоставляется просить присутствіе о разрѣшеніи ея на извѣстномъ разстояніи за чертою принадлежащихъ имъ земель. Не возражая противъ этого заключенія комиссіи, на сколько оно касается частныхъ лицъ, мы думаемъ, что со стороны цѣлыхъ селеній здѣсь должно было бы быть допущено *требованіе*, а не *просьба*; другими словами, воспрещеніе питейной торговли въ селеніи должно было бы имѣть послѣдствіемъ, *ipso jure*, воспрещеніе ея и въ ближайшихъ окрестностяхъ селенія, причѣмъ наименьшій районъ воспрещенія слѣдовало бы опредѣлять закономъ, предоставивъ присутствію только право *увеличивать* его. Разрѣшить воспрещеніе питейной торговли внутри селенія и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить возможность ея производства въ нѣсколькихъ саженахъ или десяткахъ сажень отъ послѣдняго, крайняго дома—значило бы впасть въ явное противорѣчіе. Опровергать наше мнѣніе вѣчною ссылкой на неприкосновенность правъ частной собственности едва ли возможно, потому что съ *принципомъ* ограниченіе этихъ правъ допущено комиссіею, и рѣчь идетъ только о томъ, какъ далеко оно должно простираться.

Мѣстныя присутствія по дѣламъ о питейной торговлѣ предполагаются облечь не только правомъ назначить мѣстности, гдѣ могутъ быть открываемы распивочныя заведенія того или другого вида, и опредѣлять самое ихъ число, но и правомъ ограничивать, въ извѣстныхъ предѣлахъ, число мѣстъ продажи вина на выносъ, а равно совершенно воспрещать продажу вина въ той или другой мѣстности, въ видѣ чрезвычайной мѣры къ пресѣченію пьянства. Они уполномочиваются, также, устранять отъ производства питейной торговли всѣхъ тѣхъ, кого признають, въ этомъ отношеніи, неблагонадежными. Надзоръ за питейной торговлей возлагается, кромѣ присутствій, чиновъ акцизнаго управленія, общей и сельской полиціи, мировыхъ судей участковыхъ и почетныхъ, еще на особыхъ уполномоченныхъ, избираемыхъ съ этою цѣлью земскими собраніями и городскими думами. Право заявлять о нарушеніи правилъ питейной торговли пре-

доставляется обществамъ трезвости, церковнымъ совѣтамъ, приходскимъ попечительствамъ и братствамъ. Селенія, общества, представители казенныхъ вѣдомствъ и частныя лица могутъ заявлять о необходимости закрытія питейныхъ заведеній, въ виду допускаемыхъ содѣйствіями ихъ злоупотребленій; окончательное рѣшеніе по этому предмету должно зависѣть отъ губернскаго присутствія. На первый планъ выдвигаются, такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ присутствія по дѣламъ о питейной торговлѣ—уѣздныя, городскія и губернскія. Составъ ихъ опредѣляется проектомъ на тѣхъ же главныхъ основаніяхъ, какія приняты вообще при образованіи существующихъ уже теперь смѣшанныхъ учреждений. Уѣздное присутствіе соединяетъ въ себѣ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя, представителей акцизнаго вѣдомства, полиціи, крестьянскаго управленія, мирового суда, земской управы и земскаго собранія; въ городскомъ присутствіи земскіе представители замѣняются представителями городской думы и городской управы, а предсѣдательствуетъ городской голова; въ губернскомъ присутствіи засѣдаютъ уполномоченные отъ губернскихъ казенныхъ и выборныхъ учреждений, подъ предсѣдательствомъ губернатора. Присутствіямъ, такимъ образомъ составленнымъ, нетрудно предсказать судьбу нынѣшнихъ крестьянскихъ присутствій, училищныхъ совѣтовъ и т. п. Въ большинствѣ случаевъ они едва ли будутъ достигать своей цѣли и только увеличатъ собой безъ того уже слишкомъ длинный рядъ коллегій, между которыми раздробляется дѣятельность губернскихъ и уѣздныхъ должностныхъ лицъ, какъ выборныхъ, такъ и назначаемыхъ отъ правительства. Надзоръ за питейной торговлей составляетъ лишь одну сторону мѣстнаго управленія и самоуправленія; когда состоится давно ожидаемая и все еще недвигающаяся впередъ административная реформа, тогда, и только тогда, сдѣлается возможной и правильная организація питейнаго дѣла. Это, конечно, еще не значитъ, чтобы мѣры, проектируемыя совѣщаніемъ, должны были быть отсрочены до окончанія и утвержденія трудовъ Кахановской комиссіи; нѣкоторую долю пользы онѣ могутъ принести и теперь, въ особенности во всемъ томъ, что — какъ, на примѣръ, уничтоженіе кабака — не состоитъ въ прямой зависимости отъ той или другой формы завѣдыванія питейными дѣлами.

Правила, составленныя совѣщаніемъ, допускаютъ, повидимому, продажу питей за счетъ самихъ сельскихъ и городскихъ обществъ, но ничѣмъ, къ сожалѣнію, не поощряютъ эту форму питейной торговли. Нельзя не пожалѣть и о томъ, что правила оставляютъ въ силѣ существующее теперь вознагражденіе „открывателей“, полови-

ною штрафа, взысканнаго за обнаруженный ими проступокъ. Вредъ, приносимый этимъ порядкомъ, гораздо больше возможной его пользы.

Мѣсяца три тому назадъ мы выражали надежду на скорое возобновленіе занятій административнаго отдѣленія петербургскаго юридическаго общества, такъ несвоевременно прекратившаго свою дѣятельность именно въ моментъ постановки на очередь важнѣйшихъ вопросовъ административнаго строя. Ожиданіе наше исполнилось; административное отдѣленіе вновь открыто, редакціонный комитетъ его сформированъ, и въ концѣ марта должно было состояться первое его засѣданіе, для выслушанія реферата проф. А. Д. Градовскаго о крестьянскихъ избирательныхъ сѣздахъ. Теперь остается только пожелать, чтобы труды административнаго отдѣленія привлекли въ юридическое общество побольше членовъ изъ среды земскихъ и городскихъ дѣятелей. Начало этому уже положено; въ составъ общества вступило уже нѣсколько лицъ не изъ числа профессиональных юристовъ.

Основная мысль реферата о разлученіи супруговъ, напечатаннаго въ предыдущей книжкѣ нашего журнала, принята, въ послѣднемъ засѣданіи гражданскаго отдѣленія юридическаго общества (17 марта), значительнымъ большинствомъ голосовъ.

ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ АРТЕЛИ,

ИХЪ

ОРГАНИЗАЦІЯ И ПРАКТИКА

I.

Мысль о необходимости поставить трудъ въ болѣе удовлетворительныя условія—появляется почти одновременно въ разныхъ мѣстахъ Западной Европы, около 40-хъ, 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія. Она возникла, какъ противовѣсъ другому стремленію — а именно, осуществить тѣ же успѣхи, путемъ соціальной реформы, при содѣйствіи и помощи со стороны правительства. Но опытъ показалъ, что для изысканія практическихъ способовъ къ болѣе удовлетворительной обстановкѣ труда необходимо, чтобы эти способы выходили изъ среды рабочихъ; между тѣмъ, Лассаль, Луи-Бланъ и др. искали точки опоры внѣ среды тѣхъ, которымъ они пытались оказать помощь. Лучшимъ способомъ къ предоставленію самому труду найти въ себѣ же средства къ болѣе выгодному дѣйствію оказывались кооперація. Къ числу такихъ кооперативныхъ попытокъ принадлежитъ и устройство потребительныхъ ассоціацій, или артелей, которыя появились и у насъ; если онѣ не имѣли успѣха и подверглись неудачамъ, то причина того заключается единственно въ томъ, что, при новизнѣ этого дѣла въ Россіи, за него брались, безъ достаточнаго ознакомленія съ испытаннымъ ходомъ его за-границею.

Общее начало, полагаемое въ основаніе всякой коопераціи — весьма простое.

Ассоціація или, какъ обыкновенно называютъ въ Англіи, кооперація, кооперативная ассоціація, есть собственно соединеніе мелкихъ,

разрозненных по себѣ силъ для воссозданія большей силы, обращаемой на производство или потребление и обеспечивающей каждой отдѣльной единицѣ всѣ выгоды, какихъ только, вообще, можетъ достигать производство или потребление при существующихъ условіяхъ. Ассоціація, такимъ образомъ, создаетъ какъ бы новую силу, благодаря которой производительность отдѣльныхъ силъ, по мѣрѣ ихъ соединенія, растетъ въ арифметической прогрессіи. Другими словами, лицо, вступившее въ ассоціацію, смотря по обстоятельствамъ и ея развитію, можетъ достичь въ 5, 6, 10 разъ большихъ результатовъ, чѣмъ лицо, дѣйствующее въ одиночку, при равныхъ другихъ условіяхъ. Въ доказательство того можно привести примѣръ изъ отчетовъ извѣстнаго въ Англіи Рочдальскаго общества. Рабочій, внеся въ общество всего одинъ шиллингъ (40 к.) при своемъ вступленіи, только благодаря тому, что дѣлалъ въ теченіе 10 лѣтъ закупки въ магазинѣ общества, — а это не обходилось ему ни копѣйкой дороже, — и благодаря тому, что онъ въ теченіе этого времени оставлялъ нетронутыми въ кассѣ общества слѣдующіе ему % и дивиденды, приобрѣталъ себѣ капиталъ, на наши деньги, въ 687 руб.; никакой обыкновенный работникъ, безъ такой кооперации, несмотря ни на какія усилія, не былъ бы въ состояніи накопить подобной суммы въ продолженіе всей своей жизни. Если мы обратимся отъ такого отдѣльнаго примѣра вообще къ статистикѣ потребительныхъ артелей въ Англіи, то и въ этомъ случаѣ придемъ къ вполнѣ благопріятнымъ выводамъ. Къ 1867 году въ Англіи было 915 такихъ артелей, съ числомъ членовъ въ 200,000; годовой оборотъ 557 изъ нихъ, которыя представили о себѣ статистическія таблицы, простирался до 72 мил. флориновъ, капиталъ ихъ равнялся 22 мил. флориновъ, причемъ члены имѣли 4.782,936 флор. прибыли. Одна вышеупомянутая Рочдальская ассоціація въ 1880 г. состояла изъ 10,613 членовъ и имѣла дохода въ 48,545 фунт. стерл. Въ 1876 году, всѣхъ извѣстныхъ къ тому времени нѣмецко-австрійскихъ потребительныхъ артелей было 1,049; изъ нихъ 180 прислало отчеты, откуда видно, что у нихъ 101,727 членовъ, и что они обладаютъ оборотнымъ капиталомъ въ 24.378,410 марокъ. Путь, какимъ достигаются подобныя выгоды, весьма простой.

Главная задача потребительныхъ артелей есть сближеніе производителя съ потребителемъ, и въ этомъ-то устраненіи торговаго посредничества и издержекъ на него и заключается главная причина колоссальныхъ сбереженій, доставляемыхъ потребителями артелями. Но какимъ образомъ могутъ быть доведены потребителями эти издержки до возможнаго минимума? Въ торговлѣ между потребителемъ и производителемъ лежитъ не одна только ступень, имѣющая своей задачей закупку и распродажу предметовъ потребленія. Такъ называемые,

крупные оптовые торговцы весьма не велики по числу. При нихъ существуетъ масса помощниковъ и посредствующихъ лицъ, въ качествѣ маклеровъ, коммиссіонеровъ и т. п., и цѣлый классъ мелочныхъ торговцевъ. Понятно, что цѣны продаваемыхъ товаровъ тѣмъ будутъ выше, чѣмъ больше этихъ посредниковъ, не говоря уже о томъ, сколько могутъ потерять и самые товары, какъ въ качествѣ, такъ и въ вѣсѣ, по мѣрѣ того, какъ они будутъ проходить черезъ такую массу рукъ. Извѣстно, что хлопокъ, идущій въ видѣ сырья изъ Индіи въ Англію, проходитъ до 140 различныхъ рукъ, прежде чѣмъ возвратится въ переработанномъ видѣ опять въ Индію, къ своему первоначальному производителю, — производителю сырья. Конечно, довольно значительная часть этого посредничества, при томъ громадномъ раздѣленіи труда, какое мы встрѣчаемъ въ современной промышленности, выпадаетъ на долю обработки продукта, но во всякомъ случаѣ, значительнѣйшая часть занята однимъ перемѣщеніемъ продукта изъ одного мѣста въ другое, главнымъ образомъ, изъ мѣстъ производства въ мѣста потребленія. То, что бываетъ съ хлопкомъ, повторяется и со всякимъ другимъ продуктомъ. Потребитель и производитель очень рѣдко сносятся другъ съ другомъ непосредственно. Въ большинствѣ случаевъ, между производствомъ и потребленіемъ лежитъ цѣлая пропасть — длинная вереница торговыхъ посредниковъ. И вотъ въ устраненіи этого чрезмѣрнаго количества посредниковъ, изъ которыхъ каждый работаетъ, конечно, не даромъ, а за свой трудъ получаетъ, въ цѣнѣ товара, съ потребителей извѣстный %, и заключается средство къ сокращенію издержекъ по перемѣщенію, слѣдовательно, и къ удешевленію предметовъ потребленія. Непосредственная закупка отдѣльными потребителями у производителя въ массѣ случаевъ невозможна, а иногда, по многимъ причинамъ, даже и невыгодна. Точно также не можетъ быть и рѣчи о простомъ сокращеніи числа посредниковъ. Въ этомъ случаѣ положеніе потребителя было бы пожалуй еще хуже; такъ какъ, когда мало посредниковъ, то они, имѣя въ виду отсутствіе конкуренціи, обыкновенно, вступаютъ между собою въ стачки, становятся монополистами и требуютъ съ покупателя произвольную цѣну за товаръ; потребитель такимъ образомъ оказывается въ полной отъ нихъ зависимости. Единственнымъ и наилучшимъ способомъ устранить такое многоглавое посредничество и является средство, впервые испытанное въ 1843 году 28 рочдэльскими тещами, задумавшими измѣнить къ лучшему свое матеріальное положеніе — а именно, основаніе потребительной артели.

Если для торговли прежде всего необходимъ сколько-нибудь значительный капиталъ, какимъ не можетъ распорядиться громад-

ное большинство, то соединеніе ихъ можетъ привести къ созданію капитала. Изъ взносовъ, незначительныхъ въ отдѣльности, и составляется необходимая сумма, на которую и малодостаточному лицу дѣлается возможнымъ приобретать товары гуртомъ и изъ первыхъ рукъ, минуя посредниковъ. Купленные такимъ образомъ товары раскупаются членами по мелочамъ, причемъ они уже не рискуютъ получить товары дурного качества, и кромѣ того, получаютъ еще опредѣленный барышъ, образующій сбереженіе, которое иначе ушло бы въ руки посредниковъ. Естественнымъ стремленіемъ при этомъ является усиліе къ достиженію такого положенія дѣлъ, когда бы ни копейки не переплачивалось постороннему посредничеству, и когда члены такой ассоціаціи удовлетворяли бы себя возможно полнымъ образомъ, начиная съ хлѣба и одежды, до предметовъ, составляющихъ потребности духа, путемъ взаимныхъ усилій. Робертъ Овенъ ждалъ именно создать такую идеальную ассоціацію, которая взаимными услугами удовлетворяла бы всѣмъ своимъ потребностямъ и такимъ образомъ стала бы вполне независимой.

Но не задаваясь подобными неосуществимыми мечтами, можно, однако, достичь, чрезъ приложеніе къ потребленію принципа ассоціаціи, огромныхъ выгодъ. Во Франціи орлеанская дорога, купавшая въ 1866 г. товары оптомъ и продававшая ихъ по оптовымъ цѣнамъ, дала покупателямъ экономію до 38% на съѣстные припасы и до 34% на одежду. У фирмы „Jary freres“ въ Бокурѣ рабочіе, закупаая въ магазинахъ фирмы, дѣлали сбереженія до 50%. Эмиль Лоранъ, въ своемъ сочиненіи: „Le paupérisme et les associations de prévoyance“, приводитъ примѣры того, до какой суммы могутъ достигать сбереженія съ помощью ассоціаціи. Цифра выгоды, по его словамъ, достигающей на долю розничной торговли простирается по меньшей мѣрѣ до 80%; а потому предположивъ, что находящіеся въ одномъ только Парижѣ рабочіе устроили ассоціаціи, мы увидимъ, что они имѣли-бы, считая сбереженія только до 25%, капиталъ въ 90 мил. франковъ. Половина населенія Англіи, до 16 милліоновъ, живетъ заработной платой. Эта масса людей, издерживая каждый въ недѣлю приблизительно 2 шиллинга 6 пенсовъ, издерживаетъ въ годъ 100 мил. фун. стерл.; изъ этой суммы, по крайней мѣрѣ 15 мил. фун. стерл. идетъ въ пользу посредниковъ, т.-е. торговцевъ. Если бы эти лица устроили кооперацію, то вся та сумма въ 15 мил. ф. ст. оставалась бы въ ихъ рукахъ. Вотъ еще одинъ примѣръ, приводимый Пфейферомъ въ его сочиненіи „Consumvereine“. Въ Штутгартѣ, на 68 т. жителей приходится 162 булочника, такъ что, считая семью среднимъ числомъ въ пять человѣкъ, придется приблизительно на каждые 100 семей по булочнику. Если бы

всѣ эти семьи соединились въ потребительную артель, имѣ, во-первыхъ, не пришлось бы содержать такой массы булочниковъ и ихъ семей; во-вторыхъ, они сдѣлали бы сбереженія на числѣ печей и слѣдовательно на количествѣ потребнаго для отопленія ихъ горючаго матеріала, а также на количествѣ помѣщеній для булочныхъ и булочниковъ. Далѣе вмѣсто 152 маленькихъ бухгалтерій можно было бы завести, при существованіи потреб. артели, одну, конечно, большую, но во всякомъ случаѣ не въ 152 раза. Наконецъ, поставка товаровъ, присканіе образчиковъ, закупка—все это требуетъ никакъ не болѣе труда въ общемъ большомъ магазинѣ, чѣмъ въ одной менѣ значительной лавкѣ.

Говорятъ обыкновенно, что, чрезъ введеніе потребительныхъ артелей, теряетъ зато свой доходъ многочисленный классъ людей, которые живутъ мелкой торговлей, и что чрезъ это мало-по-малу владѣтели торговыхъ лавокъ, образующіе крупное ядро городского населенія, лишаются своего независимаго положенія. Но въ дѣйствительности весь переворотъ ограничится тѣмъ, что они должны будутъ только мало-по-малу обратиться къ другимъ занятіямъ,—и большая часть изъ нихъ перемѣнитъ свой непроизводительный трудъ „распределенія богатствъ“ на трудъ вполне производительный. И дѣйствительно, можетъ настать время, какъ говорить Пфейферъ, когда значительная часть живущихъ теперь однимъ распределеніемъ богатствъ, т.-е. посредничествомъ, или торговлей, не будетъ въ состояніи довольствоваться однимъ этимъ занятіемъ, такъ какъ для этого дѣла потребуются весьма незначительное число лицъ; а это покажетъ лишь то, что посредники до сихъ поръ были лишней обузой для общества и кромѣ того еще обогащались на его счетъ. Измѣненія такихъ отношеній чрезъ распространеніе потребительныхъ артелей будетъ происходить, конечно, съ извѣстной постепенностью, такъ что каждый будетъ имѣть время осмотрѣться на новомъ поприщѣ производительной дѣятельности.

Наконецъ, къ числу выгодъ и преимуществъ потребительныхъ артелей нужно отнести и то, что онѣ представляютъ возможность избѣгать злоупотребленій мелочной торговли. Мелочные торговцы очень часто прибѣгаютъ къ обвѣшиванью, обмѣриванью, поддѣлкѣ, продажѣ попортившихся товаровъ и т. п. Эти злоупотребленія иногда достигаютъ огромныхъ размѣровъ и сдѣлались въ настоящее время почти необходимыми принадлежностями каждаго рынка. Химикъ Шевалье, работавшій въ Парижѣ надъ поддѣлкою продуктовъ, открылъ шесть способовъ для поддѣлки сахару, девять способовъ для оливковаго масла, десять для коровьяго, двѣнадцать для соли, девятнадцать для молока, двадцать для хлѣба, двадцать-три для воды,

двадцать-четыре для муки, двадцать восемь для шоколада, тридцать для вина и тридцать-два для кофе. Потребительная артель, выполняющая задачей доставление своимъ членамъ здоровыхъ и добротачественныхъ продуктовъ, обезпечиваетъ ихъ отъ подобныхъ злоупотреблений. Не рассчитывая на обманъ, потребительная артель не нуждается въ рекламѣ. Ей не нужно, какъ поступаютъ торговцы, печатать о себѣ громкихъ объявленій, ненужно роскошной обстановкѣ и дорогихъ витринъ, а все это, вмѣстѣ взятое, даетъ не маловажныя сбереженія.

Но и за всѣмъ тѣмъ остается, однако, одинъ вопросъ: что могутъ сдѣлать кооперативныя потребительныя артели, въ случаѣ значительнаго своего распространенія, и каково вообще должно быть ихъ вліяніе на экономическій строй общества?

Первымъ ихъ послѣдствіемъ будетъ, конечно, удешевленіе жизни, удешевленіе средствъ къ существованію. Но удешевленіе жизни въ то же время необходимо вызоветъ пониженіе заработной платы. Этотъ желѣзный, какъ называетъ Лассаль, законъ рабочей платы, по которому послѣдняя всегда стремится къ своему минимуму, именно къ минимуму жизненныхъ издержекъ—неопровержимъ. Итакъ, вслѣдствіе развитія кооперативныхъ артелей, цѣна на трудъ падетъ, и всѣ тѣ сбереженія, какія получились отъ устраненія торговаго посредничества въ пользу бѣдняковъ—членовъ артелей, будутъ переходить въ руки предпринимателей, у которыхъ служатъ рабочіе, до тѣхъ поръ, пока трудъ не станетъ снова вознаграждаться въ размѣрѣ *minimum'a* жизненныхъ издержекъ. Конечно, примѣръ, нами приведенный, является крайнимъ размѣромъ, онъ указываетъ на послѣдствія факта, такъ сказать, повсемѣстнаго распространенія потребительныхъ артелей. Но, въ дѣйствительности, распространеніе потребительныхъ артелей не произойдетъ моментально, вдругъ; въ дѣйствительности потребительныя артели не сразу охватятъ всѣ рынки и, удешевивъ средства существованія, не сразу поставятъ представителей труда лицомъ къ лицу съ желѣзнымъ закономъ рабочей платы. Цѣна на трудъ будетъ падать постепенно. Очень также возможно, что самое количество потребностей работниковъ измѣнится, а слѣдовательно, измѣнится и *minimum* жизненныхъ издержекъ. Но во всякомъ случаѣ, роковой экономическій законъ вступитъ въ свои права, и есть основаніе предполагать, что вступитъ гораздо скорѣе, чѣмъ успѣетъ сколько нибудь существенно измѣниться количество потребностей рабочихъ. Такимъ образомъ, результатъ односторонняго развитія однихъ только потребительныхъ артелей можетъ сказаться совершенно ничтожнымъ для рабочихъ, хотя и могутъ быть въ ихъ существованіи моменты, когда ихъ благосостояніе будетъ нѣсколько возрастать. Въ иныхъ мѣстахъ это возрастаніе благополучія можетъ

быть, продержится настолько долго, что уровень потребностей рабочих будетъ выше, такъ что для удовлетворенія ихъ потребуются уже иной минимумъ платы. Но это, во 1) можетъ быть только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ мѣстностяхъ, а во 2) заработная ихъ плата, чрезъ извѣстный промежутокъ времени, должна будетъ начать падать до средняго уровня заработной платы данной страны, такъ какъ въ мѣстность, гдѣ заработная плата поднялась, прильютъ новыя рабочія руки и вступать въ конкуренцію съ прежними. Вслѣдствіе этого прилива рабочихъ рукъ, заработная плата падетъ, и общія польза для рабочихъ классовъ вообще, и частная польза для отдѣльных рабочихъ будетъ лишь временной и ничтожной. Но изъ всего этого слѣдуетъ только то, что потребительныя артели вовсе не должны ограничиваться одной торговой дѣятельностью. Онѣ непременно должны стремиться къ самому всестороннему освобожденію своихъ членовъ изъ зависимости отъ капитала и, при первой возможности, должны устраивать кредитныя и преимущественно производительныя общества. Президентъ „національнаго общества рудокоповъ“ въ Англіи, въ своей рѣчи, въ 1872 г., говорилъ, между прочимъ, что если бы рудоконы со всѣхъ концовъ страны соединились въ ассоціацію, то при помощи кооперации могли бы сами сдѣлаться предпринимателями и обладателями тѣхъ же самыхъ рудниковъ. Таковы могутъ быть результаты параллельнаго развитія и одновременнаго дѣйствія потребительныхъ, кредитныхъ и производительныхъ обществъ. Только при ихъ одновременномъ развитіи будетъ парализованъ и роковой законъ рабочей платы, какъ слѣдствіе антагонизма между трудомъ и капиталомъ; а разъ представители труда станутъ въ то же время и капиталистами и, слѣдовательно, разъ этотъ антагонизмъ существовать не будетъ,—безъ сомнѣнія, прекратится дѣйствіе и самаго закона рабочей платы. Тутъ можетъ быть только одна опасность отъ стремленія достигнуть всѣхъ результатовъ вмѣстѣ, и есть не мало примѣровъ того, какъ потребительныя артели, не устроивъ еще надлежащимъ образомъ своихъ дѣлъ, принимались за устройство производительныхъ артелей и тѣмъ губили свое дѣло. Таковъ примѣръ харьковскаго общества, устроившаго многочисленные производительныя філіалы, и многихъ другихъ обществъ.

До сихъ поръ мы говорили объ однихъ преимуществахъ артельного начала, о сбереженіяхъ, достигаемыхъ при помощи соединенія потребления, но въ чемъ именно состоитъ это послѣднее? Соединеніе потребления можетъ быть понимаемо собственно въ тройномъ смыслѣ. Въ самомъ обширномъ, подъ соединеніемъ потребления можетъ быть понимаемо артельное приобрѣтеніе оптомъ предметовъ потребления въ сыромъ видѣ. Затѣмъ подъ понятіе соединенія потребления мо-

жать быть отнесено артельное приготовленіе цѣнностей для потребленія въ окончательной формѣ. Наконецъ, подъ артельнымъ потребленіемъ въ тѣсномъ смыслѣ можетъ быть подразумѣваемо совмѣстное жилье и харчи. Что касается перваго, то, должно сказать, что при условіи артельнаго приобрѣтенія предметовъ потребленія и вслѣдствіе того возникающей возможности покупать ихъ оптомъ, только и можетъ осуществиться это устраненіе торговаго посредничества, а слѣдовательно и выгоды отъ того проистекающія. А выгоды эти могутъ быть очень значительны, доказательствомъ чего служатъ, такъ называемые, „Rohstoffvereine“, которые дѣйствуютъ въ своемъ основаніи, подобно потребительнымъ артелямъ. Изъ отчетовъ Шульце-Делича видно, что эти общества, закупаая для членовъ потребныя имъ сырыя матеріалы оптомъ, доставляютъ товары лучшаго качества, и дешевле, часто съ сбереженіемъ 10%—20%, причемъ выдаютъ еще, кромѣ того, дивидендъ. Помимо „Rohstoffgenossenschaft“, о сбереженіяхъ, достигаемыхъ благодаря оптовой закупкѣ, можно получить свѣденіе и изъ практики самихъ потребительныхъ артелей. Такъ, напр., общество орлеанской дороги сберегаетъ своимъ членамъ на дровахъ 45%, на угляхъ 64%, на картофелѣ 56%, уксусѣ 62%, на оливѣ 33%, на сельдяхъ 100%, на соли 115% и т. д., то есть въ общемъ дѣлаютъ жизнь вдвое дешевле.

Но оптовое приобрѣтеніе сырья далеко еще не все. Затѣмъ это сырье для того, чтобы сдѣлаться предметомъ потребленія, нуждается въ большинствѣ случаевъ въ извѣстномъ приспособленіи къ человѣческимъ потребностямъ, въ извѣстномъ приготовленіи. Сухо, напр., прежде чѣмъ сдѣлаться окончательно пригоднымъ служить потребности людей въ одеждѣ, должно побывать въ рукахъ портного. Отсюда возникаетъ необходимость артельнаго приготовленія цѣнностей для потребленія въ окончательной формѣ. Конечно, прежде всего принципъ артели можетъ быть приложенъ къ приготовленію предметовъ первой необходимости, предметовъ всѣдневнаго потребленія большинствомъ, такъ какъ на эти цѣнности существуетъ постоянный и болѣе или менѣе опредѣленный спросъ.

Потому-то первыми заведеніями, служащими для артельнаго приготовленія цѣнностей въ окончательной формѣ—были слѣдующія: пекарни, столовыя, кухни, швейныя и др. Очень многія германскія потребительныя артели открывали пекарни. Шульце-Деличъ въ отчетѣ за 1873 г. говоритъ, что пекарни преуспѣваютъ во всѣхъ артеляхъ. Дѣятельность нѣкоторыхъ изъ нихъ достигла громадныхъ размѣровъ.

Такъ, напр., боденбахская артель въ Богеміи, которая имѣетъ свою пекарню, продавала еще въ 70 г. до 69 50 хлѣбовъ. Пекарня

въ Альтлибихау за одинъ 73 г. приготовила 50.257 хлѣбовъ по $5\frac{1}{2}$ фунта каждый. Въ томъ же году моденшейдская артель отъ своей пекарни имѣла 25,228 марокъ выручки. Пекарня въ Альтальденслебенѣ продала въ 74 г.—88,259 хлѣбовъ. Чистый доходъ пекарни въ Эслингенѣ простирался до 18% съ оборотнаго капитала.

Весьма успѣшно дѣйствовали такіе-же учрежденія и въ Россіи.

Многія наши потребительныя общества открывали пекарни, которыя доставляли потребителямъ продукты лучшаго качества сравнительно съ продуктами, покупаемыми у частныхъ торговцевъ, по цѣнамъ ниже лавочныхъ. Такъ, напр., новгородское общество открыло торговлю печенымъ хлѣбомъ и продавало хлѣбъ лучшаго качества по 60 коп. пудъ ($1\frac{1}{2}$ к. за фунтъ), тогда какъ въ частныхъ лавкахъ пудъ стоилъ 80 коп. На каждый пудъ получалось такимъ образомъ сбереженія 20 к., и потому неудивительно, какъ говорится въ извѣстномъ „Сборникѣ матеріаловъ объ артеляхъ“, что огромная толпа ежедневно осаждала ларь общества. Кромѣ того, продавая по такимъ цѣнамъ, новгородское общество заставило и лавочниковъ понизить цѣны на хлѣбъ; а такъ какъ въ Новгородѣ, приблизительно, расходится ежедневно до 1.000 пуд. хлѣба, то общество, значить, сберегало для населенія около 200 р. въ день, или до 73 т. въ годъ.

Съ другой стороны, получалась очевидная и довольно значительная выгода отъ хлѣбной торговли и для общества. Пудъ муки стоилъ 70 к., выпечь пудъ хлѣба обходилось 5 коп. за пудъ. Изъ пуда муки, какъ извѣстно, выходитъ 60 фунт. хлѣба; слѣдовательно, продавая хлѣбъ по 60 к. за пудъ, у общества все-таки оставалось 15 к. съ пуда. Потребительное общество „Общая польза“ на Александровскомъ механическомъ заводѣ, одно изъ немногихъ нашихъ обществъ, которое дѣйствовало успѣшно, устроило у себя еще въ 1872 г. пекарню. Эта пекарня стала выпекать три сорта хлѣба: ситникъ, который продавался по 6 к. за фунтъ (вмѣсто 7 и 8 к. у частныхъ торговцевъ), пеклеванный по 4 к. (вмѣсто 5 к.), и черный ржаной хлѣбъ по $2\frac{1}{4}$ к. за фунтъ (вмѣсто 3 к.). Также успѣшно дѣйствовала пекарня потребительнаго общества рабочихъ невскаго механическаго завода.

Хлѣбъ, конечно, не единственный предметъ, къ приготовленію котораго можетъ быть съ успѣхомъ приложенъ принципъ артели. Размѣры выгодъ, достигаемыхъ различными заграничными кухнями и столовыми служить наилучшимъ тому подтвержденіемъ. Въ числѣ заведеній для артельного приготовленія цѣнностей въ окончательной формѣ, общественныя кухни и столовыя занимаютъ очень важное мѣсто въ виду той пользы и тѣхъ сбереженій, которыя онѣ могутъ доставить.

Выгода общественныхъ кухонъ, какъ извѣстно, заключается въ величинѣ оборота, который даетъ возможность сбереженій, какъ на надержкахъ по горючему матеріалу, необходимому для приготовления кушаній, такъ и на закупкахъ сырыхъ матеріаловъ для кухни, что дѣлается оптомъ, а потому и дешевле.

Какъ примѣръ такой общественной кухни можно привести основанное въ Греноблѣ гренобльскимъ мэромъ Толле потребителное общество, которое правильнѣе было бы назвать обществомъ дешевыхъ кухонъ, такъ какъ цѣль этой ассоціаціи заключалась въ томъ, чтобы доставлять немущимъ, по возможности, дешевую и здоровую пищу уже въ приготовленномъ видѣ—въ видѣ кушаній. Кушанья эти отпускались за самую дешевую плату, что можно видѣть изъ прилагаемой таблицы цѣнъ: супъ (порція—литръ) 10 сант.; говядина (130 граммовъ)—20 сант.; рыба (200 граммовъ)—20 сант.; овощи (полная тарелка)—10 сант.; вино ($\frac{1}{4}$ литра)—10 сант.; хлѣбъ (132 грамма)—5 сант.; десертъ (изъ свѣжихъ или варенныхъ плодовъ и т. п.)—10 сант.

Кушанья можно было получать съ утра до вечера; сѣдалься же они или въ особо устроенной общей столовой, или уносились домой, что предоставлялось на произволъ каждаго покупающаго обѣдъ. Для полученія ихъ покупались жетоны. Этими жетонамъ велся счетъ. Въ 1851 г., въ первомъ году существованія кухни, количество купленныхъ жетоновъ простиралось на сумму 87,154 франк. Въ 1856 г. ихъ было взято на 130,197 франк.

По вычисленію Эгесторфа (*Beschreibung der Speise-Anstalt in Linden bei Hannover*, стр. 4), для приготовления 1,000 порцій потребно то же количество горючаго матеріала и то же количество прислуги, какъ и приготовления 2,000 порцій. Очевидно, такая выгода исключительно можетъ быть приписана ассоціаціи. Но, кромѣ того, артель даетъ возможность устроить такіа удобства и ввести такіа усовершенствованія, которыя по своей стоимости недоступны для каждаго отдѣльнаго хозяина; напр., тотъ же Эгесторфъ ввелъ въ кухню своей ассоціаціи особыя машинки для чистки картофеля, замѣняющія 4-хъ рабочихъ, причемъ эти машинки срѣзаютъ съ картофеля кожу гораздо тоньше, чѣмъ это могутъ сдѣлать человѣческія руки, такъ что дѣлается сбереженіе и на самомъ продуктѣ. По-вѣрно, что такая машина, обеспечивающая значительныя выгоды въ большомъ хозяйствѣ, будетъ совершенно не цѣлесообразной въ маломъ. Наконецъ, нѣкоторыя усовершенствованія не всегда доступны для всякаго отдѣльнаго хозяина по своей дороговизнѣ. Такъ, напр., Эгесторфъ совѣтуетъ готовить кушанье при помощи пара, такъ какъ, по его мнѣнію, приготовленіе кушанья обыкновеннымъ путемъ

обходится дороже. Кроме того, приготовление кушанья при помощи пара имѣетъ на своей сторонѣ еще и другія преимущества; такъ, напр., кушанья не могутъ пригорать, и такимъ образомъ отдѣльныя порціи будутъ болѣе равномернаго качества; при приготовленіи паромъ является возможность соблюденія большей чистоты; но устройство паровика требуетъ большихъ издержекъ, которыя, конечно, если ихъ раздѣлить на значительное число долей, не будутъ чувствительны, но онѣ во всей своей совокупности могутъ быть не-посильны отдѣльному лицу.

Въ неразрывной связи съ учрежденіемъ кухни стоитъ устройство столовой, которая въ артели будетъ всегда чище, чѣмъ-то можетъ быть въ отдѣльномъ хозяйствѣ рабочаго, занимающаго одну комнату для всѣхъ службъ дня и ночи. Эггесторфъ такъ описываетъ учрежденію имѣ въ Ганноверѣ общественную столовую. Столовая занимаетъ просторную комнату, окрашенную въ желтую масляную краску, какъ самую прочную. Въ ней разставлены лакированные столы и скамьи. На столахъ опредѣленное число стеклянныхъ солоноекъ и нѣсколько большихъ кружекъ съ холодной водой и стаканами около нихъ. Кушанья подаются въ бѣлой фарфоровой посудинѣ, что придаетъ общей обстановкѣ видъ чистоты. Чтобы столовая могла вмѣщать въ себѣ все количество желающихъ ее посѣщать, что сдѣлать при ея ограниченныхъ размѣрахъ невозможно, постановлено, чтобы всякій тотчасъ послѣ окончанія своего обѣда оставлялъ свое мѣсто и уступалъ его другому. Это даетъ возможность достигнуть maximum'a тѣхъ выгодъ, какія можетъ доставить общественная столовая.

Не менѣе важны для артельного приготовленія цѣнностей въ окончательной формѣ швейныя мастерскія, такъ какъ потребность въ одеждѣ является одной изъ самыхъ насущныхъ. Приложение артельного принципа при приготовленіи одежды даетъ возможность еще болѣе значительныхъ сбереженій. Такъ, въ складѣ одежды въ Бордо сбереженія простирались до 49%; на бѣльѣ до 25%; на тканьяхъ въ кускахъ до 25%, на готовой одеждѣ отъ 35% до 40%; причѣмъ матеріалы, изъ которыхъ готовятся эти вещи, выписываются изъ извѣстѣйшихъ фабрикъ. Что касается до предметовъ торговли этого бордосскаго склада, то важнѣйшіе изъ нихъ по количеству сбыта слѣдующіе: въ годъ, 27,160 паръ ботинокъ, 3,726 штаниновъ, 5,467 штукъ верхней одежды, 5,211 сорочекъ, 35,002 носовыхъ платка и т. д. Вообще оборотъ магазина въ самомъ Бордо доходилъ до 719,788 франк.; а во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ до 544,443 франк. Относительно швейныхъ нужно еще замѣтить, что эти учрежденія, помимо выгодъ ими представляемыхъ, еще могутъ служить

къ обеспеченію семейной обстановки недостаточныхъ членовъ артели. Такъ, во французскихъ компаніяхъ южной и орлеанской желѣзныхъ дорогъ, гдѣ устроены подобныя швейныя мастерскія и склады одежды, малолѣтніе, женщины, калѣки и вообще тѣ лица, которыя неспособны къ активной службѣ при самой желѣзной дорогѣ, служатъ въ магазинахъ, рефектуарахъ, швейныхъ мастерскихъ, и получаютъ извѣстный заработокъ. Въ указанномъ выше складѣ въ Бордо этимъ способомъ занято было въ 1866 г. до 312 женъ работниковъ. Большая часть выкроекъ и шитье поручалось имъ.

Такія учрежденія встрѣчаются въ настоящее время и въ Россіи. Такъ „обществомъ доставленія дешевыхъ квартиръ“ устроена такая швейная мастерская; но она дала въ 1881 г. чистой прибыли всего 292 р. Валовой же доходъ составлялъ 9,382 р., и одной заработной платы выдано 7,680 р. Сверхъ того, въ новомъ домѣ общества было устроено бесплатное отдѣленіе швейной мастерской, имѣющее 14 швейныхъ машинъ. Оно открыто для приходящихъ работницъ, и въ прошломъ году здѣсь перебывало до 5,000 труженицъ. Нынѣ эта мастерская находится подъ покровительствомъ городской думы и переведена въ новое помѣщеніе.

Самое потребление можетъ быть также при извѣстныхъ условіяхъ производимо артельно. Въ такихъ условіяхъ находятся работающіе на фабрикахъ, служащіе на желѣзныхъ дорогахъ и т. п. Такъ, напр., на желѣзныхъ дорогахъ, особенно во Франціи, распространены поварскія заведенія для доставленія рабочимъ и служащимъ готовыхъ блюдъ. Такое обѣденное помѣщеніе (*réfectoire*) было открыто еще въ 1865 г., въ Бордо, южной французской желѣзной дорогой. Служащіе и рабочіе постоянно жаловались прежде на дороговизну продовольствія въ мелкихъ заведеніяхъ, расположенныхъ по близости вокзала. Вотъ почему компанія обратила одинъ досчатый балаганъ въ обѣденное помѣщеніе, гдѣ не только можно было обѣдать, но дозволялось уносить кушанья также и на домъ. Обѣденное помѣщеніе это раздѣлено на пять комнатъ. Кухня снабжена такимъ приборомъ и такою печью, что можетъ приготовить одновременно обѣдъ на 600 человекъ. Въ обширной комнатѣ расположено 24 стола, на 10 мѣстъ каждый, такъ что разомъ можетъ сѣсться обѣдать 240 рабочихъ. При всемъ помѣщеніи—12 человекъ прислуги. Столы обѣденныя убраны тарелками, графинами, солонками, перечницами и салфетками. За салфетки, которыя можно не требовать, взимается добавочная плата по 30 сант. въ недѣлю. Все устройство этого заведенія стоило 21 т. франкъ.

Порціи для рабочихъ приготовляются всегда заблаговременно и на то заведена посуда изъ кованнаго желѣза, съ двумя отдѣле-

ніями: въ нижнее номѣщается похлебка, въ верхнее говядина, съ сокомъ и овощами.

Раздача кушаній, уносимыхъ домой, совершается помощью особаго коловрата. Съ 18-го апрѣля 1865 г., когда это заведеніе было открыто, по 31-е октября 1866 г., было доставлено 184,863 обѣда на сумму въ 103,923 франк., слѣдовательно, по средней цѣнѣ въ 56 сант. за обѣдъ. Потребленіе обѣдовъ распредѣляется такимъ образомъ: 102,808 рабочихъ обѣдало въ рекетуарахъ на 46,203 фр., тамъ же обѣдало 80,223 служащихъ на 56,710 фр., отпущено на домъ 1,832 обѣда на 950 фр. Слѣдовательно, приходится по 348 обѣдовъ на день, а доходъ за нихъ по 196 фр. въ день. Составъ и цѣна обѣдовъ весьма различны. Обѣдая въ рекетуарѣ холостой служащій противъ самыхъ дешевыхъ мѣстныхъ кухмистерскихъ (repairs) берегаетъ на обѣдѣ около 240 фр. ежегодно. Сбереженія же для рабочихъ приблизительно доходятъ до 25% на каждомъ обѣдѣ.

Въ настоящее время и въ Россіи существуетъ подобнаго же рода учрежденіе. Общество доставленія дешевыхъ квартиръ, какъ это видно изъ отчета его за 1881 г., устроило въ своемъ домѣ дешевую, общую для всѣхъ живущихъ въ домѣ столовую. Цѣна обѣда, отпускаемаго изъ этой столовой, оставалась безъ намѣненія, не смотря на значительное повышеніе цѣнъ почти на всѣ продукты; обѣдъ изъ двухъ мясныхъ блюдъ стоилъ 20 к.; изъ мяснаго и мучнаго блюдъ 13 к.; а для живущихъ въ домѣ общества дѣтей полный обѣдъ отпускался за 5 к. Въ отчетномъ году полныхъ обѣдовъ было отпущено 46,981, сверхъ того, отдѣльныхъ порцій, а также пироговъ, чай, кофе и хлѣба 33,775, изъ которыхъ 1,431 обѣдъ выданы дѣтямъ бесплатно. При всемъ томъ въ приходѣ по столовой значится 9,665 р., а въ расходѣ показано 9,134 р., такъ что общество и при такихъ условіяхъ имѣло довольно значительный доходъ.

Что касается до другого предмета натурального довольствія, жилища, то для лицъ, принужденныхъ по своимъ занятіямъ постоянно присутствовать въ одномъ и томъ-же мѣстѣ,—каковы, напр., рабочіе на фабрикахъ,—для такихъ лицъ установленіе совмѣстнаго жилья можетъ имъ обезпечить весьма значительныя выгоды.

На этотъ вопросъ обратилъ вниманіе въ началѣ настоящаго столѣтія Робертъ Овенъ, устроившій для рабочихъ бумаго-ткацкой фабрики въ New-Lanark, New-Institution. Что же касается до выгодъ, какія рабочіе могутъ имѣть отъ совмѣстнаго жилья, то можно сказать, что при тѣхъ же издержкахъ на этотъ предметъ, какія они дѣлаютъ теперь, рабочіе могутъ пользоваться, при условіи совмѣстнаго жилья, такими удобствами и даже комфортомъ, какіе не мыслимы при другихъ условіяхъ. Доказательствомъ можетъ служить построен-

ный Годенъ-Лемеромъ „фамилистеръ“, имѣющій въ своемъ основаніи идею совмѣстнаго жилья. Хотя осуществленіе этой идеи въ „фамилистерѣ“ проведено по казарменной системѣ, которая во многихъ отношеніяхъ уступаетъ системѣ коттеджей, но при всемъ томъ тѣ удобства и та обстановка, которыми пользуются обитатели „фамилистера“, немислимы для рабочихъ, если бы они пожелали жить вполне самостоятельно и раздѣльно.

„Фамилистеръ“ представляетъ три огромныхъ четырехъ-этажныхъ зданій съ просторными флигелями, гдѣ помѣщаются службы. Со всѣхъ сторонъ широкіе фасады. Предъ ними обширные дворы. Свѣта достаточно повсюду. Общее расположеніе построекъ образуетъ обширные прямоугольные внутренніе дворы (20 метровъ ширины и отъ 30 до 45 метровъ длины), крытые стекланнымъ сводомъ. Входы въ дворъ въ квартиры вѣтъ, а всѣ квартиры имѣютъ двери, выходящія на вѣншія галереи, окружающія зданія со всѣхъ сторонъ. Подъ всѣми зданіями устроены хорошіе погреба и стоки. Кромѣ того, подземныя галереи проводятъ воздухъ какъ для общей вентиляціи внутреннихъ дворовъ, такъ и для вентиляціи каждаго отдѣльнаго помѣщенія. Воздухъ проводится туда чрезъ проходы, устроенные въ стѣнахъ рядомъ съ дымовыми трубами.

Въ зданіи „фамилистера“ помѣщается около 1.000 рабочихъ. Всѣ помѣщенія съ перегородками и въ два свѣта. Широкія и высокія окна переднихъ комнатъ выходятъ на внутренніе дворы. Помѣщенія въ „фамилистерѣ“ различны, отъ 2 до 5 комнатъ. Чтобы избѣжать загроможденія квартиры предметами, необходимыми въ хозяйствѣ, при каждомъ помѣщеніи есть особыя кладовыя. При „фамилистерѣ“ устроены прачешная, сушильня, баня и другія приспособленія. Всѣми этими удобствами обитатели „фамилистера“ пользуются за цѣну вдвое низшую, противъ цѣны, платимыхъ рабочими въ окрестностяхъ. И сверхъ того за вычетомъ всѣхъ расходовъ Годенъ-Лемеръ имѣетъ еще на свой капиталъ 3%, какъ то видно изъ данныхъ отчетовъ „фамилистера“. Именно (по отчету за 1866 г.): земля, на которой построенъ „фамилистеръ“, занимаетъ 6½ гектаровъ и стоитъ 60 т. фр. Устройство „фамилистера“, сады, постройки въ 1866 г. стоили 760 т. фр. и того 820 т. фр. Это составляетъ основной затраченный капиталъ „фамилистера“.

Доходы „фамилистера“: плата за квартиры. Плата эта различна, смотря по величинѣ и въ какомъ этажѣ помѣщается квартира:

За кв. метръ въ нижнемъ этажѣ платится въ мѣсяцъ . . .	27 сент.
За кв. метръ бель-этажа	29 „
„ „ „ II-го „	27 „
„ „ „ III-го „	25 „
„ „ „ погреба или че.	10 „

Квартиры, выходящія на главный фасадъ 2-мя сент. дороже. Средняя квартира стоитъ 4½ фр. въ мѣсяцъ (тогда какъ обыкновенная цѣна квартиры для работника въ Гизѣ отъ 8 до 12 фр.). По этимъ цѣнамъ помещеніе въ „фамилистеръ“ даетъ доходу 2,835 фр. въ мѣсяцъ или 34,820 фр. въ годъ. Кроме этого, за наемъ земли и палисадниковъ „фамилистеръ“ получаетъ 860 фр.

Расходы „фамилистера“:

Расходы по содержанію, по вознагражденію администраціи и прислуги—7,162 фр. Налоги 1,617 фр. Страхование строеній 380 фр. Расходы по хозяйству—8,757 фр.

Исключивъ сумму расходовъ изъ суммы прихода, получимъ 26,123 фр., что составляетъ 3% на капиталъ. Такимъ образомъ, если бы Гендъ-Лемеръ пожелалъ имѣть на свой капиталъ средній вообще ° (5%) или даже 6%, то и при такомъ условіи рабочіе пользовались бы всѣми удобствами „фамилистера“ по той же цѣнѣ, по которой они пользуются и своими лачугами.

Правда, „фамилистеръ“ построенъ по казарменной системѣ, въ настоящее же время отдается предпочтеніе системѣ коттеджей, какъ болѣе соответствующей потребностямъ рабочихъ и гигиеническимъ условіямъ; потому теперь существуютъ цѣлыя рабочіе города, состоящія изъ небольшихъ домиковъ. Что и здѣсь соединеніе имѣетъ своимъ послѣдствіемъ удешевленіе жилья, доказательствомъ могутъ служить свѣденія Ludolf Parisius'a о домахъ для рабочихъ, построенныхъ гамбургской строительной артелью. Паризіусъ говоритъ, что Гамбургское строительное товарищество (первое въ Германіи) построило для 48 своихъ членовъ 48 домовъ на арендованной для этой цѣли землѣ въ 1,400 марокъ въ годъ. Постройка каждого дома обоилась въ 2200 марокъ. Дома построены такъ: 8 изъ 48 построенныхъ домовъ находятся на главной улицѣ, и притомъ 4 средніе дома подъ одной крышей, другіе же дома по два подъ одной. Остальные 40 домовъ расположены по поперечнымъ улицамъ. Каждый домъ имѣетъ позади садикъ 26 фут. ширины, 24 длины. Сады обсажены деревьями и разгорожены другъ отъ друга оградками. Каждый домъ въ 2 этажа, въ каждомъ этажѣ по 3 комнаты, по одной въ 2 окна и по двѣ въ одно окно. За наемъ дома, включая ° на погашеніе (наемщикъ черезъ 25 лѣтъ дѣлается собственникомъ дома) и арендную плату за землю платится 60—70 талеровъ въ годъ. Тогда какъ, говоритъ Parisius, тутъ же рядомъ въ колоніи такой же домъ отдается за 90—100 талеровъ, а въ самомъ городѣ за 120—160 талеровъ.

II.

Для разрѣшенія вопроса о томъ, какова должна быть внѣшняя обстановка потреб. артелей, такъ, чтобы соответствовать требованіямъ экономіи и цѣлесообразности, мы обратимся прежде всего къ разсмотрѣнію организаціи западно-европейскихъ артелей, именно въ этомъ отношеніи внѣшней обстановки.

Разсматривая существующія на западѣ потреб. общества со стороны этого вопроса, мы замѣтимъ здѣсь двѣ разновидности, именно: одни артели имѣютъ свои склады и приобрѣтаютъ средства потребления въ собственность предварительно артелямъ; другія же довольствуются тѣмъ, что заключаютъ условія съ поставщиками, съ тѣмъ, чтобы послѣдніе отпускали членамъ артели, такъ указано, наприм., въ уставѣ общества потребителей для моряковъ въ С. Петербургѣ „Бережливость“ (§ 11).

При практическомъ осуществленіи организаціи потребления артелями, громадное значеніе имѣетъ вопросъ о приложимости принципа потребительной артели при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ или условіяхъ. Въ числѣ такихъ условій на первомъ мѣстѣ стоитъ подборъ потребителей и затѣмъ вообще условія экономической мѣстной обстановки. Что касается до подбора потребителей, то, какъ показываетъ опытъ, наибольшее участіе въ потребительныхъ артеляхъ принимаютъ пока рабочіе, и въ ихъ средѣ потребительныя артели имѣютъ наибольшій успѣхъ.

Изъ отчетовъ Шульце-Делича видно, что почти половина лицъ, принимающихъ участіе въ потребительныхъ артеляхъ, принадлежитъ къ рабочему классу: въ 1874 г., рабочихъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова участвовало въ 130 артеляхъ 32,378 человекъ, такъ что среднимъ числомъ приходилось на каждую артель 249 человекъ, т. е. 50, 8% всѣхъ ея членовъ. То же самое явленіе встрѣчается и въ Англіи, и во Франціи. Самая идея потребительной артели возникла въ Англіи среди рабочихъ. Дорожа каждымъ трудовымъ грошомъ и больше другихъ испытывая на себѣ всю тяжесть злоупотребленій рынка, они, конечно, охотнѣе всѣхъ вступаютъ въ артель, которая избавляетъ ихъ отъ эксплуатаціи мелочныхъ торговцевъ, удешевляетъ ихъ жизнь и даетъ возможность скопить еще нѣкоторый капиталъ. Если въ русскихъ артеляхъ слышны были жалобы на равнодушіе членовъ, убившее эти артели, то это только потому, что русскія артели возникали въ такой средѣ, для которой онѣ не представляли живого интереса. Равнодушіе, прямо, непосредственно вытекало изъ того, что не было насущной потребности, не было тѣсной экономіи-

ческой связи между членами и артелью. А таковой связи не было потому, что потребительныя артели возникали у нас преимущественно въ средѣ привилегированныхъ классовъ, въ средѣ лицъ, материально обеспеченныхъ, которые потому не были склонны особенно заботиться о сохраненіи маленькихъ сбереженій. На западѣ же, гдѣ артели преимущественно основывались рабочими, тамъ онѣ шли весьма успѣшно: для рабочаго представляеть большой интересъ сберечь хотябы пятакъ отъ своей незначительной заработной платы. Но если рабочіе и вообще недостаточные классы являются средой, гдѣ наиболѣе приложимы потребительныя артели, то изъ этого не слѣдуетъ, что потребительныя артели не имѣютъ никакого значенія для достаточныхъ классовъ. Въ Германіи, по словамъ Рихтера (Richter, Consumvereine), потребительныя артели распространились теперь по всѣмъ классамъ населенія, хотя артели открываются преимущественно все-таки рабочими и для рабочихъ; но въ нихъ участвуетъ не мало членовъ и изъ другихъ классовъ, особенно изъ класса чиновниковъ. Въ Вѣнѣ существуетъ даже одна артель специально для чиновниковъ. Въ мюнхенской потребительной артели, въ числѣ 1000 ея членовъ насчитываютъ почти весь чиновничій классъ Мюнхена, много офицеровъ, дворянъ, очень мало рабочихъ и не болѣе полдюжины горожанъ. Подобное же явленіе повторяется и въ дюссельдорфской артели. Тамъ помимо почтовыхъ чиновниковъ и офицеровъ участвуетъ еще много художниковъ. Въ Майнцѣ и Липцѣ въ Австріи участвуетъ въ артели почти весь гарнизонъ. Люксамбургская артель существуетъ исключительно для семействъ находящагося тамъ прусскаго гарнизона. Но рабочіе первоначально не хотѣли допускать участія въ ихъ артеляхъ лицъ привилегированныхъ классовъ, что и до сихъ поръ находятъ себѣ одобреніе и оправданіе въ изслѣдованіяхъ артельного начала многими специалистами. Такъ Альбертъ Ланге, въ своемъ сочиненіи „Die Arbeiterfrage“, говоритъ: „независимость и характеръ самоволи терается тамъ, гдѣ въ артели рядомъ съ классомъ рабочихъ участвуютъ и другіе классы, хотя бы послѣдніе и представляли меньшинство; но вслѣдствіе своего превосходства въ развитіи это меньшинство становится обыкновенно руководителемъ, и съ рабочими поступаютъ часто, какъ съ дѣтьми. Рабочіе говорятъ своимъ діалектомъ, выражаются какъ это имъ удобнѣе, какъ это понятнѣе для ихъ со товарищей, оставляя всѣ формальности въ сторонѣ, такъ что пожалуй опытнымъ въ краснорѣчіи предсѣдателемъ могутъ быть лишены слова, особенно послѣ тонкихъ рѣчей предшествовавшихъ ораторовъ. Рабочіе помогутъ сами себѣ, какъ сумѣютъ, а то можетъ случиться, что у нихъ будутъ и очень удачныя мысли, но ихъ или не такъ поймутъ, или вовсе не поймутъ“.

Противъ такого односторонняго мнѣнія многіе возстаютъ, и не безъ основанія; Пфейферъ, указываетъ на то, что артель имѣетъ своей задачей также и возвышеніе умственнаго и нравственнаго уровня рабочаго класса. Характеръ исключительности, который носить на себѣ нѣкоторыя артели, онъ объясняетъ главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что открываются артели по большей части работодателями, фабрикантами и т. д., которые не хотятъ допускать къ участию въ открываемыхъ ими артеляхъ работниковъ, у нихъ не служащихъ. Въ такой исключительности лежитъ для рабочихъ скорѣе прямая опасность увеличить такимъ образомъ свою зависимость отъ работодателей. Такія замкнутыя артели гораздо легче могутъ подпасть подъ вліяніе руководящихъ лицъ, чѣмъ артели, открытыя для всѣхъ. Но есть еще одна причина исключительности для участія, а именно, въ артеляхъ, основанныхъ извѣстными классами, которые замыкаются по культурнымъ соображеніямъ, избѣгая допускать въ свою среду лицъ изъ классовъ, чуждыхъ всякой цивилизаціи. Такова вѣнская артель чиновниковъ, куда могутъ быть принимаемы только чиновники; но такія ограниченныя артели могутъ существовать только въ густо-населенныхъ городахъ.

Но кромѣ вопроса о подборѣ потребителей, есть еще и другія обстоятельства, обуславливающія приложимость потребительныхъ артелей. Весьма важное мѣсто занимаютъ между ними вообще условія мѣстной экономической обстановки. Та или другая степень развитости рынка и лавочныхъ заведеній, затѣмъ мѣстонахождение артели въ городѣ или въ селѣ, — все это играетъ весьма видную роль въ дѣлѣ приложимости артелей. Потребительныя артели первоначально возникли въ городахъ, но все потому, что въ деревнѣ менѣе въ нихъ надобности; въ городахъ новыя идеи вообще быстрѣе распространяются, и кромѣ того, вслѣдствіе большого количества населенія, тамъ легче найти достаточное число участниковъ. Но такъ это было въ первое время существованія артелей; впоследствии однако оказалось, что онѣ гораздо болѣе необходимы въ сельской обстановкѣ, нежели въ городской. Горожанинъ для своихъ покупокъ имѣетъ болѣе большой выборъ. Развитіе конкуренціи при значительномъ числѣ купцовъ въ городѣ, въ связи съ возможностью скорѣе распродать товаръ, доставляетъ ему и безъ того болѣе благоприятное положеніе, чѣмъ положеніе сельскаго жителя, который долженъ довольствоваться тѣмъ, что есть въ деревенской лавочкѣ, если онъ не имѣетъ ни времени, ни случая заѣхать въ городъ. И дѣйствительно, есть много теперь примѣровъ, что въ городахъ артели дѣйствуютъ съ меньшимъ успѣхомъ, нежели въ деревняхъ, и это явленіе наблюдается не только въ Германіи, но и у насъ. Въ то время,

когда такъ плохо идутъ русскія артели въ большихъ городахъ, — гораздо лучше положеніе тѣхъ, которыя возникли въ сельской средѣ. Таковы, напр., артельная лавка въ селѣ Чернятинскомъ (подольской губ.) и артель въ Спасскомъ Затонѣ (казанской губ.). Вообще кооперация въ жизни простого народа должна находить себѣ болѣе скорое примѣненіе, чѣмъ въ жизни городскихъ классовъ, что и вполнѣ естественно. Чернятинскій крестьянинъ, напр., который терпитъ и отъ торговцевъ-евреевъ и отъ своихъ православныхъ кулаковъ, конечно, съ охотою идетъ въ артельную лавку, какъ въ спасительное убѣжище и, конечно, не станетъ относиться равнодушно къ тому, что для него имѣетъ большое матеріальное значеніе.

Не меньшую пользу могутъ приносить артели, открываемыя при разныхъ промышленныхъ заведеніяхъ, фабрикахъ, заводахъ и т. д., такъ какъ всѣ эти учрежденія по большей части находятся или за городомъ, или же довольно далеко отъ городовъ, а потому такъ рабочіе поставлены въ условія деревенскихъ жителей.

Учрежденіе потребительныхъ артелей при промышленныхъ предприятияхъ можетъ быть въ то же время однимъ изъ наилучшихъ способовъ вспомошествованія и обезпеченія хозяйственной обстановки рабочихъ со стороны предпринимателей и хозяевъ. Такія артели, соединенныя съ промышленнымъ учрежденіемъ, замѣняютъ, всего удачнѣе долевою рабочую плату и всякіе способы опаснаго и необеспеченнаго участія работниковъ въ непостоянныхъ прибыляхъ предприятия. Въ то же время такія учрежденія не являются только, какъ благодѣанія со стороны хозяевъ; они служатъ въ качествѣ добавочнаго вознагражденія со стороны послѣднихъ за дѣйствительное усердіе, честность, бережность, съ которой рабочіе обращаются съ ввѣренными имъ орудіями и матеріалами. И чтобы возмѣстить ихъ стараніе, отъ котораго зависитъ не мало успѣхъ предприятия, возможно и слѣдуетъ установить такое добавочное вознагражденіе. Если предприниматель станетъ удѣлять часть своей прибыли въ пользу рабочихъ, то этимъ онъ достигнетъ того, что рабочіе будутъ считать себя извѣстнымъ образомъ обязанными по отношенію къ самому предприятию и не захотятъ разомъ оставить свою работу, или требовать непомѣрнаго возвышенія заработной платы. Между тѣмъ, связать наемныхъ работниковъ съ самимъ предприятиемъ и тѣмъ доставить послѣднему добросовѣстное и долготѣнее служеніе опытныхъ исполнителей — чрезвычайно важно. Если предприниматели, уже при началѣ оборотовъ, затрудняются достать способныхъ, знающихъ и привычныхъ къ дѣлу лицъ, то найдя ихъ, они, безъ сомнѣнія, должны дорожить ихъ опытностью и долготѣней службой. Конечно, такое стремленіе привязать рабочихъ къ предприятию можетъ иногда по-

ходить на пресловутую „truk system“, получившую свое названіе въ Англіи, но существующую безъ особеннаго названія и въ прочихъ странахъ,—систему наглої эксплуатаціи и закабаленія рабочихъ. Truk system, являясь весьма зловредной для одной стороны, далеко однако, не обеспечиваетъ выгоды и другой. Весьма, напр., сомнительно, чтобы такая система могла обеспечить добросовѣстныхъ рабочихъ эксплуатирующему ихъ предпринимателю. Учрежденія для вспомошествованія и обезпеченія хозяйственной обстановки рабочихъ т.е. несамостоятельныя ассоціаціи, а артели слиты съ извѣстными промышленными заведеніями и замѣняющія долевую рабочую плату не есть ничто существующее только въ теоріи, но является идеей, получившей и фактическое осуществленіе. Такъ, напримѣръ, западно-европейскія желѣзныя дороги, именно бельгійскія, и во Франціи—южная и орлеанская, дѣлали попытки оградить отъ хозяйственной несостоятельности своихъ служащихъ разными мѣрами, которыя въ видѣ какъ бы долевого вознагражденія за ихъ труды, обезпечивали бы ихъ благосостояніе. Особенную заботливость проявила компанія южная, и на ея дѣятельность мы имѣли случай указать не одинъ разъ.

Но, къ сожалѣнію, о всѣхъ такихъ несамостоятельныхъ ассоціаціяхъ мало существуетъ данныхъ, чтобы судить о значеніи ихъ и пользѣ, приносимой ими: большая часть ихъ ограничивается рукописными отчетами, которые представляются участникамъ такихъ зависимыхъ отъ хозяевъ артелей и не публикуются къ всеобщему свѣденію.

В. ЧЕРВИНСКІЙ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

САРАТОВЪ. — Апрель, 1884 г.

Въ послѣднее время не рѣдко приходится встрѣчаться съ жалобами на недостатокъ въ народѣ религиозно-нравственнаго воспитанія, съ которыми тѣсно связываютъ неудовлетворительное преподаваніе религиознаго начала въ школахъ.

Какъ и слѣдуетъ, въ настоящемъ случаѣ не отсталъ отъ общаго концерта и нашъ край; по поводу неудовлетворительности преподаванія закона Божія слышались протесты и у насъ: и въ земскихъ собраніяхъ, и на „торжественныхъ“ училищныхъ актахъ. Иначе говоря, пока молчали другіе—у насъ шло все прекрасно; заговорили на сторонѣ — и намъ стало нехорошо, и въ нашей школѣ обнаружился недостатокъ и упущенія. При этомъ, какъ бываетъ нерѣдко и въ другихъ случаяхъ,—до поразительной ясности усматривалась спица въ глазу другого и не замѣчалось бревна въ собственномъ. Причина всѣхъ причинъ отыскалась въ „попѣ“, и на его голову, часто не прикрытую ни скуфьей, ни камилавкой, посыпались обвиненія со всѣхъ сторонъ. Ревнители нравственнаго воспитанія, просвѣщая своихъ малолѣтковъ „Корневильскими колоколами“, негодуютъ послѣ того на то, что птенцы ихъ, обучаясь въ школѣ „вотъ уже годъ“, не знаютъ „въ разбивку“ заповѣдей, и скорбь ихъ въ этомъ направленіи была бы можетъ быть безгранична, если бы не умѣралась бойкими и твердыми пѣніемъ малолѣтками: „Смотрите здѣсь, глядите тамъ“...

Взглянемъ на дѣло безпристрастно, съ той лишь точки, которая въ данномъ случаѣ необходима, и насколько касается это извѣстной намъ мѣстности.

Начнемъ съ того, что и въ духовной семьѣ, конечно, не безъ уroda, точно такъ же, какъ встрѣчаются уроды въ семьяхъ и другихъ общественныхъ классовъ. Малѣйшее отступленіе отъ сложившагося въ понятіяхъ народа воззрѣнія на духовенство,—весьма строгаго, требовательнаго и не извиняющаго,—рѣзко бросается въ глаза, не касаясь другого, уже вслѣдствіе одной только виѣшности духовенства. Раскнутись человѣкъ, облеченный во фракную пару—никто не обратитъ на это вниманія, будто онъ совершаетъ необходимый, присвоенный его рангу подвигъ. Иначе не можетъ и быть. Священникъ, въ мнѣніи народа, есть пастырь и блюститель Христова стада, высшее существо, имѣющее власть духовно связывать и разрѣшать. Обставивъ его та-

кимъ ореоломъ, народное мнѣніе не допускаетъ священника спуститься съ этой высоты, не признаетъ въ немъ ни обыкновеннаго гражданина, ни общественнаго чловека, и каждый поступокъ его, въ этомъ послѣднемъ положеніи, трактуетъ съ неумолимою суровостію. По этому, казалось бы весьма послѣдовательнымъ требовать, чтобы священникъ на всякомъ мѣстѣ и во всякій часъ являлся не иначе какъ съ проповѣдью на устахъ; но въ дѣйствительности встрѣчаются примѣры открытаго ропота и жалобъ даже въ такихъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, продолжительное совершеніе священникомъ церковныхъ службъ.

Чѣмъ объяснить подобныя противорѣчія?

Пойдемъ дальше.

Жалобы на духовенство и обнаруженіе не совсѣмъ достохвальныхъ его поступковъ усилились въ недавнее время. Прежде большинство общества находилось, можно сказать, въ полномъ невѣденіи о положеніи сельскаго духовенства и воображало, что священникъ въ селѣ—авторитетъ, что онъ держитъ въ своихъ рукахъ и душевную, и умственную жизнь народа, и что направленіе этой жизни зависитъ всецѣло отъ него; но кто живалъ въ нашихъ селахъ въ тѣ времена и присматривался къ народному быту, тотъ никогда не согласился бы съ подобными выводами. Душевная связь между приходомъ и священникомъ наблюдается далеко не повсюду, иначе не могли бы имѣть мѣста и безчисленныя жалобы на духовенство, не всегда при томъ справедливыя. Большею частію къ священнику относятся, какъ къ лицу, необходимому въ извѣстныхъ случаяхъ жизни; но точно такъ же относятся, напримѣръ, къ волостному старшинѣ, къ любому изъ уѣздныхъ чиновниковъ, и, несмотря на это, требуютъ отъ духовенства несокрушимой святости и ангельской чистоты!

Пропускъ священникомъ уроковъ закона Божія дѣйствительно случается. Говорю объ этомъ такъ утвердительно потому, что въ прежнее время имѣлъ близкое отношеніе къ школѣ и отчасти знакомъ съ нею. Но и въ этомъ отношеніи необходимо взглянуть на дѣло тоже съ мѣстной точки зрѣнія.

Для примѣра, возьмемъ приходъ, состоящій изъ 3, 4 деревень, разбросанныхъ на значительномъ разстояніи, — такихъ приходо въ можно насчитать въ нашихъ краяхъ не мало, — и спросимъ: возможно ли для священника „неупустительное“ преподаваніе въ школѣ? Любопытный деревенцевъ отвѣтитъ на это отрицательно, и отвѣтъ его будетъ вполнѣ справедливъ. Собрался священникъ въ школу, а въ домъ къ нему крестьянинъ: „пожалуй, батюшка, съ требой!“ — Батюшка, разумѣется, отправляется и — урокъ въ школѣ пропущенъ. Выбора между урокомъ и „требой“ нѣтъ и быть не можетъ ни по-

совѣсти, ни по долгу, а кромѣ того исполненіе религіозныхъ требованій прихожанъ несравненно отвѣтственнѣе пропуска урока. За пропущенный урокъ онъ можетъ подвергнуться только матеріальному ущербу, а за неисполненіе „требы“ — опасности лишиться прихода, подпасть подъ страшный и безконечный консисторскій судъ и даже подвергнуться запрещенію священнослуженія.

Въ прежнее время, когда въ приходахъ существовали діаконъ, занятія въ школѣ, на время отсутствія священника, лежали на обязанности ихъ, діаконѣ; но теперь діаконъ назначается въ очень рѣдкія села, и замѣнить священника въ школѣ не кѣмъ, такъ какъ для исполненія болѣе части требъ необходимо участіе и псаломщика, который и отправляется вмѣстѣ съ настоятелемъ. Развѣ, что навѣститъ школу жена священника, если позволяютъ то семейныя обстоятельства; но въ такомъ случаѣ, чѣмъ же отличится урокъ ея отъ преподаванія закона Божія школьнымъ учителемъ, или другимъ лицомъ, тоже не духовнаго званія?

Къ числу причинъ, отвлекающихъ священника отъ школы, слѣдуетъ причислить и то, что каждый настоятель церкви есть въ то же время и секретарь ея, и бухгалтеръ, а главная работа по этимъ обязанностямъ совпадаетъ именно съ періодомъ самыхъ усиленныхъ занятій въ школѣ, т.-е. зимою. Наконецъ, священникъ, какъ семьянинъ, долженъ позаботиться и о домашнемъ, и о полевои хозяйствѣ, а средства его зачастую такъ не обширны, что ему иногда и черныи трудъ приходится исполнять своими руками.

Все сказанное мною обнимаетъ только ту часть вопроса, которая относится къ невозможности исправнаго посященія сельскимъ священникомъ школы; что же касается существа дѣла, т.-е. религіозно-нравственнаго воспитанія народа, то на этомъ пути необходимо натолкнемся и на другія препятствія, болѣе важныя и сильныя, способныя парализовать дѣятельность самаго ревностнѣйшаго пастыря. Въ виду этихъ-то задержекъ, о которыхъ — можно предположить — должно бы знать и мѣстнымъ обвинителямъ, справедливѣе было бы отнестись къ вопросу съ болѣшимъ безпристрастіемъ, и прежде, чѣмъ обвинять священника въ небрежности въ такому великому дѣлу, какъ воспитаніе народа, равному, на нашъ по крайней мѣрѣ взглядъ, пересозданію его, — необходимо взглянуть: среди какой обстановки священникъ живетъ, при какихъ разнообразныхъ влияніяхъ совершаетъ служеніе, и въ какихъ нравственныхъ и матеріальныхъ условіяхъ находится нива, на которой приходится ему сѣять сѣмена божественнаго слова. Условія эти, по своему капитальному значенію, заслуживаютъ очень глубокаго вниманія и серьезнаго изслѣдованія. При изученіи ихъ, добросовѣстный изслѣдователь прежде всего при-

нѣлъ бы въ соображеніе бытовую сторону и условія жизни избранной для изслѣдованія мѣстности, и на основаніи ихъ постарался бы отыскать—откуда именно, изъ какихъ источниковъ бьетъ струя, препятствующая воспитанію народа достигъ желаемыхъ результатовъ. За тѣмъ, онъ, конечно, прослѣдилъ бы исторію и этнографію, что дало бы возможность выяснитъ всѣ преданія старины, повѣрія и суевѣрія, воззрѣнія и пониманія, унаслѣдованныя отъ предковъ. Не ускользнули бы отъ его взгляда и тѣ многозначущія вліянія, которыя должны имѣть въ этомъ случаѣ—пришлый элементъ, въ лицѣ администраціи частныхъ имѣній, въ лицѣ арендатора, виноторговца и т. п. дѣятелей, а дальше — вліяніе сектантства и инородчества. Въ нашихъ предѣлахъ чисто русское племя составляетъ по счету одиннадцатый элементъ въ числѣ всѣхъ насельниковъ, такъ какъ здѣсь, кромѣ его, обитаютъ: малороссы, нѣмцы, мордва, татары, чуваша, цыгане, башкиры, киргизы, калмыки и были даже дагестанцы, высланные отсюда только минувшимъ лѣтомъ. Все это, обосновавшись прочно, имѣетъ въ неприкосновенной сохранности и свой нарядъ, и свой языкъ, и свои обычаи, обряды, вѣрованія и т. д. Можетъ ли быть, чтобы такая разнохарактерность „племенъ, нарѣчій, состояній“, слившись въ общую массу, не выразилась какою-либо особенностію въ направленіи ея ума и не наложила на него особаго отпечатка? Въ подтвержденіе этого, я могъ бы привести очень не мало фактовъ, весьма ярко освѣщающихъ проводимую мною мысль; но это не входитъ въ программу настоящаго письма.

Не иначе, какъ только послѣ подобнаго изслѣдованія, выяснилась бы возможность правильнаго сужденія о степени восприимчивости населенія къ религіозно-нравственному воспитанію, насадителями котораго являются только два лица—священникъ и школьный учитель. Но вѣдь церковь, а тѣмъ паче школа—далеко не въ каждомъ населенномъ мѣстѣ. Въ саратовской, напримѣръ, губерніи считается 2,340 селъ и деревень, а приходовъ около 1,000; сельскихъ же школъ всего только 610. Значитъ, принимая въ соображеніе только уѣзды и въ нихъ только православноисповѣдное населеніе, на 1.560 т. душъ приходится 1,610 просвѣтителей и учителей! Въ общей массѣ уѣзднаго населенія православныхъ насчитывается 84% и 16% другихъ исповѣданій. Стало быть, у священника множества дѣла и поминно школы.

Не далѣе, какъ минувшимъ лѣтомъ, саратовскіе граждане, въ улицахъ города, „онахивали“ чуму рогатаго скота языческимъ обрядомъ!! Положимъ, этимъ выразилась не болѣе какъ безъисходность положенія, можно сказать, порывъ отчаянія; но сколько же причинъ къ подобнымъ порывамъ въ деревнѣ?

Школьная опека, преслѣдующая только извѣстную программу, можетъ быть и права въ своихъ воззрѣніяхъ и требованіяхъ; однако же нельзя не замѣтить и того разлада, въ которомъ стоятъ эти требованія къ дѣйствительной жизни.

Вопросъ о томъ, что лучшимъ и важнѣйшимъ средствомъ для изученія народной жизни и производительныхъ силъ страны служать, въ числѣ другихъ отраслей науки, статистическія изслѣдованія, рѣшенъ уже давно. Чѣмъ подробнѣе и обстоятельнѣе подобныя изслѣдованія, тѣмъ съ болѣею яркостью отражается въ нихъ и самая жизнь, и тѣ условія, среди которыхъ она проходитъ. Значеніе статистики въ этомъ отношеніи неоспоримо и большинство оцѣниваетъ ея заслуги по достоинству. Но встрѣчаются люди и иныхъ взглядовъ, и эти люди, вслѣдствіе какой-то личной неприязни къ результатамъ статистическихъ выводовъ, находятъ возможнымъ заявлять объ этой неприязни публично, занимать подобными заявленіями цѣлое собраніе и отвлекать его отъ общепользующей работы.

Явленіе подобнаго рода пришлось наблюдать въ минувшую сессію саратовскаго губернскаго земскаго собранія.

Наше губернское земство уже давно пришло къ необходимости учредить при губернской управѣ „статистическое бюро“. Въ минувшую сессію управа представила собранію докладъ „о ходѣ статистическихъ работъ въ теченіе 1883 г.“, изъ котораго видно, что въ этотъ срокъ произведены мѣстныя изслѣдованія по двумъ уѣздамъ — саратовскому и царичинскому, и по первому составленъ и напечатанъ „Сборникъ“, приложенный тоже при докладѣ.

„Сборникъ“ этотъ настолько обширенъ по объему, что для подробнаго знакомства съ нимъ потребуетъ минимумъ мѣсяцъ времени, и прежде чѣмъ я расскажу, какъ трудъ этотъ былъ привѣтствованъ нѣкоторыми гласными, познакомлю васъ съ нѣкоторыми отдѣлами „Сборника“, способными характеризовать современное положеніе саратовскаго уѣзда.

Начну съ „поразрядной таблицы“, которая показываетъ, что со времени X ревизіи (1858 г.) крестьянское населеніе уѣзда увеличилось на 25%, такъ что во время статистическаго описанія въ 353 населенныхъ мѣстностяхъ сочтено всего 150,435 душъ, составляющихъ 27,957 домохозяйствъ. По среднему выводу на каждую семью приходится 2,6 мужч. и 3,1 женщ.; но собственно работниковъ (отъ 18 до 60-ти лѣтъ) только 36,561, значить 1,2 на домохозяйство; въ частности же рабочіе распределяются такъ: семей, вовсе не имѣю-

щихъ рабочихъ, 1,538, а ѣдоковъ въ нихъ 3,704; семей съ полурабочимъ 1,401; съ 1-мъ работникомъ—13,487; съ двумя—7,692; съ тремя—2,842; свыше трехъ—929.

Данныя эти, указывая между прочимъ и на движеніе по раздѣлу семей, убѣждаютъ также и въ безсиліи большей половины крестьянъ къ исправному веденію хозяйства, ибо для поддержанія его на уровнѣ, удовлетворяющемъ всѣмъ потребностямъ, необходимо по нашимъ мѣстамъ двухъ рабочихъ на семью. Безсиліе представится тѣмъ рельефнѣе, что 6,558 дворовъ не имѣютъ вовсе ни рабочаго скота, ни даже коровъ; дворовъ съ одною только лошадыю—7,849; съ двумя лошадьми—5,761; съ тремя лошадьми—3,335; свыше 3 лошадей—1,693; хозяйствъ, имѣющихъ рабочихъ воловъ—447.

Таковы рабочія силы уѣзда, а, между тѣмъ, въ распоряженіи этой силы находится: а) надѣльной удобной земли 228,218 десат. (въ томъ числѣ пашни—134,270); б) у 960 семей собственной земли—10,425 десат., и в) 16,215 семей арендуютъ—154,519 десат. Изъ всей этой массы земли ежегодно можетъ идти въ пашню болѣе 276 т. десат., т.-е. по общей сложности—7½ десат. на рабочаго человѣка и 6½ десат. на каждую голову рабочаго скота.

Общіе выводы эти къ частностямъ, конечно, не примѣнимы, такъ какъ мы видѣли выше, что не всѣ домохозяева имѣютъ рабочій скотъ, и, кромѣ того, изъ таблицы видно, что болѣе 4 тыс. рабочихъ мужчинъ уходятъ для заработковъ на-сторону.

Взглянемъ теперь, сколько эта сила должна ежегодно выработать, не говоря о прочемъ, на покрытіе обязательныхъ платежей. Вотъ эти цифры: а) на покрытіе государственныхъ, земскихъ, волостныхъ и міровыхъ сборовъ—527,386 р., и б) на уплату аренды за снимаемую землю—998,898 руб. Кромѣ того, въ таблицѣ показано, что къ 1 января 1882 г. состояло на крестьянахъ въ недомѣхъ продовольственной ссуды 225,738 руб.

Итогъ этихъ цифръ показываетъ, что на рабочаго падало тогда обязательнаго платежа—47 р. 92 к., а на каждую пахатную десатину—6 р. 34 коп.

Обработать для крестьянина 7½ десятинъ, при нѣкоторыхъ удобствахъ, конечно, возможно—и даже обработать хорошо. Но при какихъ условіяхъ совершается его трудъ? На это отвѣчаетъ намъ II-й отдѣлъ „Сборника“, озаглавленный: „крестьянскія аренды пашни“. Читая этотъ отдѣлъ, задумывались даже мы, туземцы, близко знакомые съ дѣломъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ условія, на основаніи которыхъ крестьяне снимаютъ землю въ частныхъ рукахъ. Условія этихъ приведено въ „Сборникѣ“ 20 образцовъ; но я для краткости, сдѣлаю изъ нихъ общій сводъ.

Неустойки за несвоевременный платежъ денегъ за снятую землю очень различны, напримѣръ: 2 к. съ рубля за просроченный мѣсяцъ, 5 к. съ рубля за недѣлю, 3 руб. за день съ общей договорной суммы въ 478 р., 100 р. съ договорной суммы въ 270 руб. Кромѣ того: а) до уплаты денегъ за землю съемщикъ можетъ свезти только половину хлѣба; другую же по окончаніи расчета, причемъ экономія не отвѣчаетъ, „если хлѣбъ почему-нибудь пропадетъ“; б) съемщикъ лишается убранныго, но несвезеннаго еще хлѣба; в) съемщикъ не допускается до уборки хлѣба, и владѣлецъ убираетъ его въ свою пользу; г) принадлежащій съемщику хлѣбъ отбирается владѣльцемъ земли по той цѣнѣ, какая у него „на мельницѣ“; д) съемщикъ не имѣетъ права жаловаться, если владѣлецъ „силою“ задержать хлѣбъ въ полѣ; е) исправность уплаты, въ случаѣ неурожая, обезпечивается всѣмъ имуществомъ съемщика; ж) при неуплатѣ, хлѣбъ поступаетъ въ пользу владѣльца, а денежный долгъ остается за съемщикомъ въ томъ же размѣрѣ; з) при съемѣ земли крестьяне выдаютъ владѣльцу векселя.

Съемщикъ платитъ за всю снятую землю, хотя бы засѣялъ только часть ея; за каждую невспаханную и незасѣянную десятину взымается штрафъ въ 5 руб.; за дурную обработку земли штрафъ по 2 р. съ десятины.

Если въ снятомъ участкѣ земли окажется менѣе показаннаго въ условіи числа десятинъ, и объ этомъ не будетъ заявлено конторѣ во время пашни, съемщикъ платитъ за все указанное въ условіи число десятинъ.

Съемщикъ не имѣетъ права передавать землю другому лицу, въ противномъ случаѣ посѣвъ поступаетъ въ пользу владѣльца земли, и уплаченные уже за землю деньги не возвращаются.

Если цѣнность урожая ниже договоренной за землю платы, то недостающую часть съемщикъ обязанъ доплатить и не имѣетъ права отговариваться неурожаемъ.

Не правда ли, очень замысловаты эти „въ случаѣ“ и „если“. Просматривая ихъ, невольно вспоминаемъ сказочнаго героя, остановившагося на распутьѣ и не знавшаго, по которой дорогѣ пойти,—на всѣхъ одинаково предстояло горе. Такъ и здѣсь. Сколько ни изворачивайся, а изъ неустойки не выпутаешься: деньги уплатилъ—такъ, можетъ быть, вспахалъ плохо; вспахалъ удовлетворительно—не сполна засѣялъ и т. д.

Да. Съ одной стороны—такія условія, а съ другой—сокрушеніе о слабомъ развитіи въ народѣ религіозно-нравственныхъ началъ!

Но вѣдь и это еще не все. Слѣдующія, напримѣръ, условія такъ замѣчательны, что выписываю ихъ подробнѣе.

„Уплата за землю производится тѣмъ хлѣбомъ, которымъ засѣяна земля: рожью—15 пуд. за десятину, пшеницей—8 пуд. и т. д. При неуплатѣ въ срокъ увеличивается число пудовъ хлѣба за 1 десятину, наприм., ржи на 2 пуда. Въ случаѣ неурожая, контора владѣльца „можетъ“ сдѣлать скидку съ означенной цѣны. Хлѣбъ долженъ быть доставленъ и ссыпанъ въ амбары владѣльца и, если окажется дурного качества, контора можетъ взять вмѣсто него по 200 сноповъ съ десятины; если же весь хлѣбъ обмолоченъ, требовать замѣны его тѣмъ, который оставили у себя съемщики. Для сличенія качества того и другого хлѣба, можетъ быть произведена конторою „повѣрка крестьянскихъ амбаровъ“ и въ случаѣ замѣченной разницы, неблагопріятной для владѣльца, взыскать съ виновнаго въ обманѣ штрафъ „по своему усмотрѣнію“.

Далѣе: „Каждое „общественное лицо“ производить расчетъ отдѣльно. Съ цѣлю своевременной доставки хлѣба (съемщикомъ земли въ владѣльческій амбаръ) сельскій староста „долженъ имѣть надъ ними внимательное понужденіе“ и ежедневно бывать въ конторѣ — для справокъ и содѣйствія конторѣ. Контора осматриваетъ амбары неисправныхъ доставщиковъ хлѣба и т. д. По окончаніи сѣва, конторѣ представляютъ списокъ съемщиковъ, и если „въ натурѣ“ окажется у кого-либо посѣвъ болѣе противъ показаннаго въ отчетѣ, то излишекъ посѣва поступаетъ въ пользу экономіи. Недоминики прежнихъ лѣтъ понуждаются исполнять въ экономіи разныя работы“.

„Сдается земля исполу (подъ посѣвъ овса); сѣмена владѣльческія, уборка и обработка съемщиковъ; урожай дѣлится пополамъ снопами; сѣмена возвращаются владѣльцу изъ доли съемщиковъ до свозки ея съ поля. Доля владѣльца должна быть доставлена къ нему на гумно, обмолочена, провѣяна и ссыпана въ амбаръ; работы должны производиться „по первому требованію владѣльца“. Сѣмена возвращаются даже и въ случаѣ полнаго неурожая“.

„13 десятинъ сдаются на годъ за 234 руб. Кромѣ того съемщикъ обязуется лѣтомъ, въ воскресные и праздничные дни, свезти владѣльца въ Саратовъ и обратно на своихъ лошадяхъ 4 раза: одинъ разъ на одной лошади и три раза на парѣ“.

А вотъ кое-что и къ неразрѣшенному вопросу „о рабочихъ“.

„Владѣлецъ нанимаетъ крестьянъ въ лѣтніе работники съ 1 апрѣля по 15 ноября за 40 р., причемъ деньги зачисляются въ счетъ долга за снятую ими землю“.

„Владѣлецъ нанимаетъ годового работника за 90 руб., причемъ обязуется ссудить наемнику сѣмянъ русской пшеницы на 2 десятины и обработать для него своимъ скотомъ 1 десят.; деньги не

выдаются работнику, но зачисляются въ счетъ его аренднаго долга владѣльцу". И т. д.

Беру „Отчетъ саратовскаго губ. статистическаго комитета“ за соотвѣтствующій земскому описанію 1882 годъ, и спрашиваю: какія цѣны на рабочія руки держались за это время по саратовскому уѣзду. Оказывается, что „на продовольствіи нанимателя“ цѣна рабочему „въ лѣто“ была 105 р., а въ годъ—125 р.

Сознаюсь: я утомилъ читателя этими выписками; но, на мой взглядъ, онѣ имѣютъ драгоцѣнное значеніе, если принять въ соображеніе положеніе нашего края какъ земледѣльческой территоріи.

Еще извлеченіе изъ I-го отдѣла „Сборника“ о землевладѣніи. Въ отдѣлѣ этомъ находится таблица, показывающая размѣръ владѣній за періодъ существованія земства, т.-е. за 1867 и 1883 годы. Приведу итоги этой таблицы:

	Число влад. Десятиныхъ 1867 г.		Число влад. Десятиныхъ 1883 г.	
Дворяне	835	308,708	254	267,207
Купцы	31	7,106	58	81,668
Поселане-собствен. . .	14	1,688	43	12,971
Мѣщане	36	1,704	76	5,573
Крестьяне	31	1,093	945	12,018
Духовн.	4	309	9	1,305
Разные	16	2,143	8	952
	467	322,746	1,393	331,692

Комментарія не дѣлаю. Положеніе ясно изъ самихъ цифръ.

Я не исчерпалъ и сотой доли „Сборника“; но для оцѣнки его достоинствъ, надѣюсь, достаточно и приведеннаго; однако же, повторяю, на земскомъ собраніи встрѣченъ онъ былъ нѣкоторыми г.г. гласными изъ землевладѣльцевъ, нельзя сказать, чтобы очень привѣтливо. Хотя мнѣ въ подробности извѣстны происходившія по этому предмету пренія, но я признаю болѣе удобнымъ ограничиться въ этомъ случаѣ извлеченіями изъ отчетовъ о засѣданіи собранія, помѣщенныхъ въ мѣстныхъ газетахъ, такъ какъ никакихъ возраженій на эти отчеты не было.

„Одинъ изъ гласныхъ („Сар. Дневникъ“ 1883 г., № 266), съ цѣлою кипюю официальныхъ документовъ по сининьской волости, доказывалъ неточность собранныхъ (статистиками) свѣденій, и по этому единичному факту признавалъ всѣ выводы статистическихъ таблицъ невѣрными, а затѣмъ и весь „Сборникъ“ ни къ чему не пригоднымъ. Но предсѣдатель управы заявилъ, что „документальная“ справедливость далеко не соотвѣтствуетъ фактической. Имѣя въ виду прошлогоднее нареканіе г. гласнаго на статистиковъ за неправильность собранныхъ свѣденій по сининьской волости, предсѣдатель

управы озаботился изслѣдовать этотъ вопросъ, для чего нарочно посылалъ статистика г. Истомина, который, опросомъ крестьянъ и мѣстныхъ землевладѣльцевъ, подтвердилъ цифры. Послѣ такого разъясненія, гласный просилъ записать слова предсѣдателя управы въ протоколъ. — „Я постараюсь повѣрить это — добавилъ онъ: — хотя бы мнѣ пришлось для того ходить съ понятными по избамъ мужиковъ“.

Другой гласный настаивалъ, чтобы статистиками собирались только цифры, безъ выводовъ и мотивовъ, которые могутъ дѣлать сами гласные.

Наконецъ, третій говорилъ ужъ какъ-то очень странно:

— Я заступлюсь за собранныя свѣденія; но заступлюсь въ смыслѣ общемъ. Что такое статистика? Статистика — жизнь государства... Жизнь не одного поколѣнія, а жизнь подвержена колебанію. Умираетъ лошадь, корова, индюкъ... все подвержено колебанію. Намъ нужно выяснить значеніе статистики общегосударственной и статистики земской. Я теперь становлюсь на почву полезности, и скажу: у насъ нѣтъ земской статистики. Намъ ослѣпляетъ манія къ статистикѣ и больше ничего! Полезнаго для себя мы отъ нея не видимъ. Намъ нужна частная статистика, изъ которой бы почерпали свѣдѣнія, нужныя губернскому собранію, а за ту статистику, которую мы теперь имѣемъ, я и платчка не дамъ!

Замѣчательно также, что и казачье войсковое правленіе отказало статистикамъ въ производствѣ изслѣдованій, на томъ основаніи, что на это „нѣтъ прямого закона“. Такъ, казачьи владѣнія и въ саратовскомъ, и въ царичинскомъ уѣздѣ, и не были описаны. А любопытство бы заглянуть и въ этотъ замкнутый міръ...

II. II.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое апрѣля, 1884.

Князь Бисмаркъ о парламентѣ.—Личная политика и ея слабости.—Дѣло о Ласкерѣ въ нѣмецкомъ и американскомъ парламентахъ.—Новая партія „свободномыслящихъ“.—Рѣчи имперскаго канцлера о свободѣ и социализмѣ.—Рабочій кризисъ во Франціи.—Политическій процессъ въ Норвегіи.—„Международный журналъ“ г. Де-Губернатиса.

Противники свободныхъ учреждений въ Европѣ привыкли ссылаться на князя Бисмарка, какъ на самаго авторитетнаго представителя реакціонныхъ идей въ настоящее время. Не всегда, однако, оправдываетъ онъ такую ссылку. Многія заявленія и дѣйствія его должны сильно смущать московскихъ охранителей застоя. „Я считаю парламентское содѣйствіе необходимымъ и полезнымъ,—говорилъ онъ, между прочимъ, въ засѣданіи имперскаго сейма 15 марта:—парламентъ долженъ быть въ состояніи противодействовать злу и устранять опасности, связанныя съ расточительностью, съ бюрократическою рутиною и канцелярскою ограниченностью, съ системою протекціи, мужеской и женской,—всему этому онъ долженъ противопоставлять свое вето. Онъ долженъ имѣть возможность препятствовать составленію дурныхъ законовъ и расточенію средствъ страны,—но управлять онъ не способенъ. Я не знаю, чѣмъ можно было-бы замѣнить парламентъ для предупрежденія опасностей, съ которыми неизбѣжно сопряжено правительство не-парламентское, безъ публичности, безъ свободы печати“. Упадокъ значенія парламента былъ-бы несчастьемъ для Германіи, по мнѣнію князя Бисмарка. А между тѣмъ германскій канцлеръ считается врагомъ парламентаризма вообще.

Какъ объяснить это противорѣчіе? Какимъ образомъ государственный человѣкъ, боровшійся столько лѣтъ съ народнымъ представительствомъ, можетъ признавать его необходимость и пользу для страны? Съ точки зрѣнія заурядныхъ политиковъ это должно казаться непонятнымъ. Князю Бисмарку было-бы, конечно, удобнѣе не имѣть дѣла съ парламентомъ, обходиться безъ публичнаго контроля, безъ назойливой оппозиціи, безъ свободной печати и безъ враждебныхъ рѣчей. Онъ могъ-бы тогда составлять какіе угодно законы и управлять нѣмцами по своему усмотрѣнію; онъ не тратилъ-бы времени на бесплодную борьбу и давно уже осуществилъ-бы свою социальную-политическую программу, при всеобщемъ вынужденномъ мол-

чаніи. Впрочемъ, если бы общество молчало, онъ не имѣлъ-бы даже надобности хлопотать о народныхъ интересахъ: когда народъ никакихъ требованій не заявляетъ и заявлять не можетъ, тогда естественно водворяется убѣжденіе въ его благополучіи и довольствѣ, и всякіе проекты реформъ разсматриваются какъ нарушеніе общественной тишины и спокойствія. Хлопотъ было бы меньше, нужды населенія не доходили-бы до правительства или доходили-бы въ превратномъ видѣ; казенныя средства распредѣлялись-бы съ большою свободою въ пользу вліятельныхъ кружковъ и классовъ; никто не чувствовалъ-бы стѣсненій въ своей дѣятельности, чиновничество отписывалось-бы по начальству, а народныя потребности и желанія, даже самыя настоятельныя, пребывали-бы подъ сукномъ, отыскивая себѣ какой-нибудь практической выходъ сквозь тяжелую кору канцеляризма. Подобныя идеалы, очевидно, чужды князю Бисмарку; онъ не можетъ раздѣлять ихъ уже потому, что видитъ дальше настоящей минуты и глубже многихъ современниковъ понимаетъ условія политической жизни. Самый гениальный министръ не можетъ претендовать на непогрѣшимость и всезнаніе; самый пронапательный правительственный взоръ безсиленъ замѣнить собою то непрерывное освѣщеніе, которое дается снизу и со всѣхъ сторонъ публичнымъ словомъ печати и общественныхъ собраній.

Германскій канцлеръ высказалъ все это какъ-бы мимоходомъ, какъ нѣчто понятное само собою, не нуждающееся въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ; но это мимоходное замѣчаніе чрезвычайно поучительно для недалекихъ его поклонниковъ, и раздражаетъ въ средѣ самоувѣреннаго прусскаго юнкерства. По натурѣ своей, князь Бисмаркъ не терпитъ противорѣчій; его раздражаетъ упорная оппозиція въ парламентѣ и въ журналистикѣ, — тѣмъ не менѣе онъ вполне сознаетъ необходимость широкаго общественнаго контроля для правильного хода государственныхъ дѣлъ. Ему не приходило еще въ голову ставить удобства правительственной власти выше общихъ и постоянныхъ интересовъ страны. Для временныхъ цѣлей виѣшней политики онъ обходилъ противниковъ, игнорировалъ ихъ возраженія и бралъ на свою отвѣтственность роковыя шаги, рискуя именемъ монарха; но во внутреннихъ вопросахъ онъ держался законныхъ путей, и не пытался насиловать общественное мнѣніе, хотя и прибѣгалъ къ разнообразнымъ и нерѣдко сомнительнымъ приемамъ для достиженія желаннаго результата. Громадная разница существуетъ между виѣшними и внутренними задачами: первыя рѣшаются иногда однимъ ловко рассчитаннымъ ударомъ, быстрымъ и неожиданнымъ натискомъ, тогда какъ вторыя не могутъ быть рѣшены иначе какъ путемъ осмотрительнаго публичнаго обсужденія; въ первыхъ воз-

моженъ скорый и осязательный успѣхъ, независимо отъ мнѣній общества, а вторыя—приносятъ плоды только при сознательномъ участіи общественныхъ силъ и симпатій. Ошибка князя Бисмарка заключается только въ томъ, что свою страстную дипломатическую тактику онъ примѣняетъ къ вопросамъ и разногласіямъ, требующимъ болѣе спокойнаго и основательнаго обсужденія. Его личный характеръ, его темпераментъ и привычки тянутъ его въ сторону реакціи; но здравый взглядъ государственнаго дѣятеля заставляетъ его дорожить тѣми учрежденіями и правами, которыя въ данное время служатъ помѣхою его планамъ и намѣреніямъ. Онъ не разъ увлекался до полной солидарности съ приверженцами личнаго, произвольнаго управленія; но эти вспышки проходили безслѣдно, въ нихъ видѣли лишь плоды раздражительности или приемы запугиванья, и не придавали имъ серьезнаго значенія. Притомъ современная нѣмецкая нація не такова, чтобы допускать сокращеніе своихъ правъ, даже въ угоду такому всеильному и заслуженному правителю, какъ князь Бисмаркъ: послѣдній имѣлъ достаточно случаевъ убѣдиться въ этомъ, со времени памятной всѣмъ попытки подѣйствовать на народъ мнимымъ выходомъ въ отставку.

Особенности личнаго характера канцлера выразились весьма ярко въ эпизодѣ съ покойнымъ Ласкеромъ. Рѣчь его по этому поводу въ одномъ изъ первыхъ засѣданій имперскаго сейма должна была произвести на всѣхъ крайне тягостное впечатлѣніе: вражда, не знающая мѣры и не останавливающаяся даже передъ свѣжею могилою, соперничаетъ тутъ съ поразительною нетерпимостью къ чужимъ мнѣніямъ и заслугамъ. Князь Бисмаркъ не можетъ допустить, чтобы кто-либо признавалъ дѣятельность Ласкера полезною для Германіи; такого рода заявленіе прошло въ вашигтонской палатѣ будто бы только потому, что американцы не знали Ласкера даже по имени, и что сочувственная ему резолюція имѣла лишь смыслъ выраженія дружбы къ нѣмецкому народу. Другими словами, американская палата торжественно заявила сочувствіе къ памяти человѣка, о которомъ не имѣла никакого понятія. Насколько это правдоподобно — судить не трудно. Нигдѣ политическая журналистика не достигла такого развитія и распространенія, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ: въ американскихъ газетахъ всегда печатались подробные отчеты о засѣданіяхъ нѣмецкихъ парламентовъ, въ томъ числѣ и многочисленныхъ рѣчахъ Ласкера и ихъ результатахъ; многія рѣчи самого Бисмарка, которыя уже несомнѣнно разносились телеграфомъ по всему міру, посвящены были специально полемикѣ съ Ласкеромъ; наконецъ, имя Ласкера въ теченіе болѣе десяти лѣтъ связано было съ важнѣйшими политическими событіями Германіи, за которыми внимательно

слѣдили во всемъ образованномъ мірѣ, въ томъ числѣ и въ Америкѣ, — и вдругъ, американцы не слыхали даже имени Ласкера до внесенія въ палату извѣстной резолюціи по поводу его смерти! Бисмаркъ даже не ставитъ этого незнанія въ вину американцамъ, ибо въ такомъ же положеніи очутились бы и нѣмцы, еслибы имъ предложили чествовать память какого-нибудь вашингтонскаго депутата, — они поневолѣ должны были бы повѣрить на слово автору предложенія. Ораторъ упустилъ при этомъ прибавить, что въ подобномъ случаѣ нѣмцы, какъ люди съ здравымъ смысломъ, не приняли бы предложенія, относящагося къ невѣдомому имъ иностранцу, хотя бы и весьма почтенному въ своемъ отечествѣ. Только громкая слава и общечеловѣческія заслуги могутъ вызывать сочувственныя рѣшенія чужихъ парламентовъ, — это до того ясно, что канцлеру оставалось бы только предположить американцевъ сумасшедшими, для доказательства своей мысли о ничтожествѣ и неизвѣстности Ласкера. Фраза о полезной дѣятельности покойнаго такъ сильно задѣла князя Бисмарка, что изъ-за нея онъ забылъ даже объ интересахъ дружбы съ великою американскою республикою. Ничего, кромѣ вреда, онъ не видитъ въ парламентской карьерѣ умершаго противника. „Я считаю себя безспорно компетентнымъ судьей, — говоритъ онъ, — въ вопросахъ о нѣмецкой политикѣ и о томъ, помогалъ ли намъ какой-либо депутатъ, содѣйствовалъ ли или препятствовалъ прочному устройству германской имперіи. Ласкеръ только разстраивалъ и нортилъ; онъ урѣзывалъ и ослаблялъ всякую поддержку, какой могло ожидать правительство отъ національно-либеральной партіи; своимъ зловерднымъ краснорѣчіемъ онъ исподоволь подготавливалъ отпаденіе значительной части этой партіи въ сторону прогрессистовъ. И за это я долженъ быть благодаренъ этому господину (sic)? Или я долженъ служить органомъ для официальнаго восхваленія его? Не говоря обо всемъ остальномъ, одно это уже не можетъ быть прощено ему. Также вся борьба противъ нашей экономической и общей политики была его дѣломъ, и вы не потребуете, чтобы я далъ себя привязать къ триумфальной колесницѣ покойника, который въ томъ немногомъ, что я могъ сдѣлать для Германіи, отравлялъ мнѣ жизнь больше того бы то ни было“.

Хорошо рисуетъ исторію князь Бисмаркъ! Онъ несомнѣнно „компетентный судья“, но кромѣ компетентности требуется еще безпристрастіе и чувство справедливости, — а этихъ двухъ качествъ не оказалось у него въ данномъ случаѣ. Что Ласкеръ мѣшалъ князю Бисмарку, противорѣчилъ ему и вообще „отравлялъ ему жизнь“, — это кажется канцлеру вполне убѣдительнымъ доводомъ противъ умершаго парламентскаго бойца. Но эти противодѣйствія и возра-

женія могли быть спасительны для народа, удерживая правительство отъ ошибокъ и промаховъ, — такъ что Ласкеръ, будучи непріятель лично князю Бисмарку, могъ оказывать громадные услуги отечеству своею удачною оппозиціонною политикою. Канцлеръ незамѣтно отождествляетъ себя и свое правительство съ Германіею вообще: кто не соглашается съ его воззрѣніями и оспариваетъ ихъ, тотъ вреденъ для Германіи; слѣдовательно, вредъ Ласкера для страны доказанъ вполне. Такъ смѣшивается имъ въ личныхъ вопросахъ правительство съ государствомъ и отечествомъ; оппозиція министру или канцлеру ради общественныхъ интересовъ объявляется чуть ли не преступною, хотя бы мотивы ея были какъ нельзя болѣе основательны. Ласкеръ не былъ дѣятелемъ оппозиціи по призванію; онъ принималъ видное участіе въ творческой законодательной работѣ и поддерживалъ политику канцлера въ парламентѣ, когда это было возможно ¹⁾. Но эта сторона его дѣятельности вычеркивается „компетентнымъ судом“, или также признается вредною. А когда одинъ изъ друзей покойнаго, депутатъ Генель, указалъ на неумѣстность этого односторонняго суда надъ умершимъ и напомнилъ о личныхъ отношеніяхъ Ласкера съ княземъ Бисмаркомъ, то послѣдній резко замѣтилъ: „Я нахожусь здѣсь не для того, чтобы обвиниваться сантиментальностями, а чтобы говорить о дѣлахъ“.

Печальное „дѣло“ объ оди́нѣ умершаго противника германскимъ канцлеромъ едва ли будетъ причислено къ полезнымъ заботамъ правительства и парламента. Въ Соединенныхъ-Штатахъ эта непріятная исторія надѣлала много шума; американцы не могутъ не чувствовать себя оскорбленными тѣмъ ироническимъ пренебреженіемъ, съ какимъ князь Бисмаркъ отнесся къ вашингтонской нападкѣ. Одинъ изъ членовъ этой палаты предложилъ выразить удивленіе по поводу того, что „личность, занимающая нынѣ постъ канцлера германской имперіи, позволила себѣ самовольно перехватить и отослать обратно сообщеніе, адресованное къ германскому парламенту, воплотивъ дружеское по содержанію и почтительное по формѣ, выражающее добрыя взаимныя чувства между двумя великими націями“. Въ болѣе дипломатической формѣ та же мысль сквозитъ въ официальном отвѣтѣ министра иностранныхъ дѣлъ Фрилингзена къ посланнику въ Берлинѣ Сардженту. „Постановленіе нашей палаты, — сказано въ этомъ письмѣ, — принято было съ самыми лучшими nam̄реніями, съ единственною цѣлью выразить симпатію соотвѣтственному учрежденію дружеской націи по поводу утраты одного изъ выдающихся его членовъ, скончавшагося въ предѣлахъ національной юрисдикціи кон-

¹⁾ См. „Иностранное Обозрѣніе“ въ № 2 за текущій годъ, стр. 828—834.

пресса. Относительно причинъ, помѣшавшихъ канцлеру передать резолюцію по назначенію, мнѣ не приходится высказывать какія-либо замѣчанія; могу только сказать, что я не вижу, какимъ образомъ передача постановленія могла бы означать одобреніе политическихъ взглядовъ Ласкера". Президентъ Арчеръ, сообщивъ всю эту переписку палатѣ депутатовъ, ограничился лишь краткимъ увѣдомительнымъ „посланиемъ", безъ всякихъ съ своей стороны комментариевъ; но вслѣдъ затѣмъ онъ отозвалъ изъ Берлина американскаго посланника и не торопится назначить на его мѣсто другого представителя. Вышло весьма щекотливое и нежелательное столкновеніе, которое оставитъ долгій слѣдъ въ чувствахъ американцевъ къ нынѣшней германской имперіи, — и все это безъ всякаго повода и основанія, исключительно вслѣдствіе чрезмѣрной нетерпимости и злопамятности князя Бисмарка. Чисто-личные побужденія берутъ иногда перевѣсъ надъ великими государственными интересами даже у такого патріота и дипломата, какъ германскій канцлеръ: такова сила долголѣтней привычки къ личному господству и къ личной политикѣ.

Каковы бы ни были рѣчи князя Бисмарка, онъ всегда однако возбуждаютъ общее вниманіе. На этотъ разъ появленіе его на парламентской трибунѣ, послѣ долгой отшельнической жизни въ Фридрихсруэ, получило характеръ событія: оно рѣшительно опровергло различные толки объ его болѣзни и показало его вновь такимъ же сильнымъ, блестящимъ ораторомъ, какимъ привыкли видѣть его издавна. Его участіе въ дебатахъ сразу оживило законодательную сессію имперскаго сейма, открывшуюся 6 марта. Передъ самымъ открытіемъ сессіи совершилось сліяніе двухъ либеральныхъ группъ, дѣйствовавшихъ понынѣ отдѣльно, — прогрессистовъ и „сецессионистовъ", подъ новымъ общимъ названіемъ „свободномыслящей партіи". Эта партія составитъ теперь наиболѣе многочисленную (болѣе 100 человекъ) компактную группу въ парламентѣ, подъ номинальнымъ руководствомъ умѣренно-либеральнаго баварскаго депутата, барона фонъ-Штауфенберга, при ближайшемъ содѣйствіи талантливыхъ ораторовъ — Рихтера, Форкенбека, Генеля, Вирхова, Бамбергера и Рикерта. Для князя Бисмарка эта комбинація была непріятною неожиданностью; имѣть дѣло съ небольшими разрозненными фракціями гораздо удобнѣе, чѣмъ съ обширными организованными партіями, могущими играть самостоятельную политическую роль и оказывать рѣшающее вліяніе на ходъ парламентской дѣятельности. Программа новой партіи, составленная въ выраженіяхъ довольно неопредѣленныхъ, содержитъ въ себѣ нѣкоторые устарѣлыя требованія отвлеченнаго либерализма, въ родѣ невмѣшательства въ экономическую жизнь и противодѣйствія социальнымъ реформамъ, — такъ что „свободномыслящіе" будутъ

представлять собою лишь средній классъ и едва ли приобрѣтутъ приверженцевъ въ болѣе многочисленныхъ слояхъ населенія. Въ качествѣ главной оппозиціонной силы, партія эта будетъ имѣть по преимуществу боевое значеніе, и то только до тѣхъ поръ, пока канцлеръ не сочтетъ нужнымъ привлечь умѣренныхъ либераловъ на свою сторону. При первой попыткѣ подобнаго рода обнаружится сама собою непрочность связей, соединяющихъ такіе несродные элементы, какъ баронъ Штауфенбергъ и Евгеній Рихтеръ.

Князь Бисмаркъ не преминулъ высказать нѣсколько остроумныхъ замѣчаній по поводу „свободномыслящихъ“ въ большой своей рѣчи о проектѣ страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, въ засѣданіи 15 марта. „Нѣтъ другого слова, которымъ бы такъ злоупотребили,—заявилъ онъ между прочимъ,—какъ словомъ „свободный“, и притомъ оно всегда имѣетъ въ себѣ еще большую прелесть, если его ставить передъ какимъ-либо другимъ прилагательнымъ. По моему опыту каждый подъ „свободою“ разумѣетъ свободу только для себя, а не для другихъ. Меня всегда раздражаетъ слово „свободный“, когда я читаю его передъ прилагательнымъ; — также и слово „свободномыслящій“: „мыслящій“—это еще ничего, но „свободномыслящій“ означаетъ честолюбіе, нетерпимость и черствость. Такъ или иначе, я не довѣряю этому слову на томъ основаніи, что никто не хочетъ свободы для всѣхъ, каждый хочетъ ее только для себя, въ томъ смыслѣ, чтобы другіе ему слѣдовали и повиновались. Я долженъ также возразить противъ названія, избраннаго этою фракціею. Я не думаю, чтобы одна какая-либо группа имѣла право заявлять исключительное притязаніе на образъ мыслей, въ которомъ мы всѣ имѣемъ одинаковое участіе. Я полагаю, что мы всѣ — свободномыслящіе, и называть себя спеціально этимъ именемъ — значитъ обижать другихъ. Партія могла бы съ такимъ же правомъ называться „честною“, что было бы равносильно обвиненію другихъ въ нечестности“. Канцлеръ горячо доказывалъ далѣе несостоятельность принципа невмѣшательства въ народно-хозяйственный дѣла. „Весь вопросъ въ томъ, обязано ли государство заботиться о безпомощныхъ своихъ гражданахъ или нѣтъ. Я утверждаю, что оно имѣетъ эту обязанность, и притомъ не только государство христіанское, но и всякое государство само по себѣ. Если мнѣ скажутъ, что это социализмъ, то я такого слова не избѣгаю. Нужно только опредѣлить, гдѣ лежитъ дозволенная граница государственнаго социализма, ибо безъ такой пограничной черты мы вообще не можемъ вести хозяйство. Всякій законъ о бѣдныхъ есть социализмъ. Не было ли социалистическимъ законодательство Гарденберга и Штейна, необходимость и справедливость котораго никѣмъ уже не подвергаются сомнѣнію? Нельзя себѣ

представить болѣе сильную долю государственнаго социализма, какъ то, когда законъ объявляетъ: отъ землевладѣльца отнимается опредѣленная часть владѣнія и передается поселянину, державшему эту часть въ своемъ пользованіи, и притомъ не по мѣрѣ потребностей поселянина, какъ это было въ Россіи, а сообразно размѣрамъ прежняго пользованія. Кто совершенно отвергаетъ государственный социализмъ вообще, тотъ долженъ также отвергнуть законодательство Штейна и Гарденберга; пришлось бы тогда отрицать право государства тамъ, гдѣ законъ и право образуютъ цѣпь, стѣсняющую наше дыханіе, дѣлать нарѣзъ ножомъ оператора для восстановленія новыхъ и здоровыхъ порядковъ“.

Предпринимать такіа важныя операціи позволительно только на основаніи серьезныхъ научныхъ данныхъ; а этого, повидимому, не признаетъ князь Бисмаркъ, сравнивающій себя съ художникомъ, и этимъ какъ бы оправдывающій свою рѣшимость стоять на почвѣ личнаго вдохновенія даже по спеціальнымъ и сложнымъ вопросамъ народно-хозяйственной жизни. „Политика—по его словамъ,—не есть наука, какъ воображаютъ многіе профессоры; она только искусство. Она столь-же мало наука, какъ скульптура и живопись. Можно быть превосходнымъ критикомъ и вовсе не художникомъ, и даже величайшій изъ критиковъ, Лессингъ, не взялся-бы создать Лаокоона“. Очевидно, сравненіе политики съ искусствомъ въ этомъ смыслѣ не можетъ быть отнесено къ той спеціальной области, которой касается проектъ страхованія рабочихъ;—искусство должно здѣсь необходимо имѣть за собою положительную науку, безъ которой оно можетъ наторить массу бѣдъ. Въ дѣлахъ народно-хозяйственныхъ и финансовыхъ, художественное творчество—руководитель весьма опасный и ненадежный. Вдохновеніе, умѣстное въ дипломатическомъ искусствѣ, должно уступить мѣсто осторожной наукѣ, когда дѣло идетъ о насущныхъ заботахъ и недугахъ народнаго быта.

При обсужденіи вопроса о продленіи дѣйствія закона противъ социалистовъ, въ засѣданіи 21 марта, князь Бисмаркъ упомянулъ и о причинахъ своей сравнительной неподготовленности къ экономическому реформаторству. „Такъ какъ международныя дѣла сами по себѣ достаточны для того, чтобы вполне поглотить дѣятельность одного человѣка, то для прочихъ внутреннихъ дѣлъ остается весьма немного времени. Я слѣдилъ за внутренними дѣлами, насколько позволяло мнѣ время. Только въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ я могъ въ *нѣкоторой степени* заниматься хозяйственными вопросами“. При такой недолгой и случайной подготовкѣ, предположенія канцлера дѣйствительно оказывались болѣе дѣломъ искусства, чѣмъ серьезною научною системою; видно было только одно желаніе сосредоточить

въ рукахъ правительства матеріальные интересы рабочаго класса. Одни проекты смѣнялись другими, и цѣль ихъ была настолько ясна, что сами рабочіе, въ лицѣ своихъ уполномоченныхъ, не рѣшались принимать предлагаемые имъ дары. Еслибы заинтересованные народные элементы ждали существеннаго облегченія отъ соціальныхъ реформъ князя Бисмарка, то правительство не было-бы принуждено три раза передѣлывать свой проектъ страхованія рабочихъ и три раза вносить его на разсмотрѣніе палаты, безъ замѣтнаго успѣха въ общественномъ мнѣніи. Объемъ преобразованія все болѣе суживался, какъ объясняетъ князь Бисмаркъ, только для того, чтобы съ уменьшеннымъ фронтомъ легче пройти черезъ горнило парламентской критики и достигнуть именно тѣхъ размѣровъ, при которыхъ дѣло можетъ наконецъ получить практическое осуществленіе въ виду настоящаго настроенія партій. Это объясненіе не совсѣмъ вѣрно, ибо значительныя урѣзки въ первоначальныхъ проектахъ произведены не въ томъ направленіи и не въ тѣхъ частяхъ, какъ это требовалось-бы указаніями оппозиціи. Наконецъ самые искренніе представители соціальной демократіи признавали проекты князя Бисмарка по меньшей мѣрѣ бесполезными для большинства рабочихъ. „Такъ называемая соціальная реформа имперскаго канцлера не есть дѣйствительная соціальная реформа,—говорилъ депутатъ Либкнехтъ въ засѣданіи 21 марта,—она ни въ какомъ случаѣ не устраняетъ тѣхъ глубокихъ общественныхъ золъ, которыя мы столько разъ изображали. Всѣ эти законы о кассахъ на случай болѣзни, о страхованіи и объ обѣщанномъ устройствѣ неспособныхъ къ труду и престарѣлыхъ рабочихъ—суть не что иное какъ полицейскіе законы для регулированія способовъ призванія бѣдныхъ и нищихъ. Люди, которыхъ хотѣтъ поддерживать этими законами, получали-бы поддержку и теперь по существующимъ правиламъ о бѣдныхъ. Не такими мѣрами совершается соціальная реформа. Еслибы мы имѣли государственнаго человѣка, который относился-бы къ политикѣ, не какъ къ искусству, а какъ къ наукѣ,—еслибы мы дѣйствительно имѣли такого государственнаго человѣка новой школы, который лучше понималъ-бы сущность соціального вопроса, то онъ легко могъ-бы предотвратить опасности соціального переворота. Но съ нынѣшними попытками поумѣрь мы никакой разумной цѣли не достигнемъ“. Въ такомъ же духѣ высказались Бебель, Газенклеверъ и фонъ-Волльмаръ. Когда такъ смотрять на дѣло наиболѣе популярныя въ народѣ вожди рабочаго класса, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что новѣйшій правительственный проектъ раздѣлитъ судьбу прежнихъ подобныхъ попытокъ.

Правительство потерпѣло чувствительную неудачу и въ вопросѣ о мѣрахъ противъ социалистовъ. Оно предлагало продлить дѣйстви-

исключительнаго закона еще на два года, и, несмотря на всё убѣжденіе князя Бисмарка и министра внутреннихъ дѣлъ фонъ-Путкаммера въ пользу безотлагательнаго рѣшенія этого вопроса, дѣло было передано въ особую комиссію, гдѣ оно пролежитъ не менѣе 5—6 недѣль, для собранія свѣдѣній о результатахъ примѣненія закона. Эта отсрочка считается признакомъ нежеланія палаты оставить въ силѣ законъ 1878 года; такой исходъ отчасти предвидѣлся заранее, и князь Бисмаркъ настаивалъ на немедленномъ рѣшеніи, быть можетъ, съ тою цѣлью, чтобы имѣть поводъ распустить палату и произвести новыя выборы подъ знаменемъ соціальной реформы. Правда, съ окончаніемъ нынѣшней парламентской сессіи истекаетъ срокъ полномочій палаты въ ея настоящемъ составѣ, и выборы не долго заставятъ себя ждать; но для правительства было выгодно открыть избирательную кампанію теперь же, пока новая, „свободномыслящая“ партія не успѣла еще организовать повсемѣстно свои избирательныя комитеты, и пока самый характеръ этой партіи не опредѣлился еще съ достаточною ясностью въ глазахъ населенія. Оппозиція разстроила этотъ планъ и обезпечила себѣ возможность спокойно готовиться къ будущимъ выборамъ.

Пренія о социалистахъ отличались значительною оживленностью. Ораторы говорили объ экономическихъ проектахъ канцлера въ связи съ преслѣдованіемъ соціаль-демократовъ. Признавать законность социализма и преслѣдовать его проповѣдниковъ—очевидное противорѣчіе, котораго не разъяснилъ удовлетворительно и князь Бисмаркъ. Опасными могутъ быть признаны только анархисты, но соціальная демократія не имѣетъ съ ними ничего общаго и отвергается отъ нихъ столь же рѣшительно, какъ и либералы. „Одно только несомнѣнно,—замѣтилъ либеральный депутатъ Зоннеманъ,—что законъ о социалистахъ значительно содѣйствовалъ усиленію анархистскихъ покушеній. Когда рабочихъ преслѣдуютъ за принадлежность къ извѣстной партіи, лишаютъ ихъ хлѣба, выгоняютъ на чужбину и ставятъ виѣ закона, то нужно ли удивляться, что нѣкоторые изъ этихъ людей ищутъ взаимнаго сближенія и наконецъ рѣшаются на злѣйшія посягательства? На упрекъ, что анархисты вышли изъ рядовъ соціаль-демократовъ, послѣдніе могутъ прямо отвѣчать: это сдѣлали вы сами съ вашимъ закономъ о социалистахъ. Соціальная демократія нисколько не уменьшилась подъ вліяніемъ исключительныхъ мѣръ, но образъ дѣйствій ея сталъ болѣе ожесточеннымъ“. По мнѣнію Либкнехта, „имперскій канцлеръ не долженъ былъ бы обвинять социалистовъ въ склонности къ насилію, ибо на поприщѣ силы онъ самъ сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ когда-либо могутъ сдѣлать революціонеры;—онъ, выставившій впервые политику крови и же-

лѣза, не долженъ быть настолько щепетильнымъ, чтобы бояться одного маленькаго слова". Наиболѣе характерно выразился депутатъ Бебель, одинъ изъ энергичнѣйшихъ вождей социальной демократіи: „по части социальныхъ реформъ мы—наставники, а князь Бисмаркъ—нашъ ученикъ". Канцлеръ отвѣтилъ на это съ обычною своею пронику: „я ученикъ, отъ котораго не поздоровится учителю". Депутатъ Газенклеверъ доказывалъ, что исключительныя мѣры только помогаютъ социально-демократическому движенію и распространяютъ его тамъ, гдѣ оно не существовало ранѣе, какъ, напр., въ Гамбургѣ и въ другихъ мѣстахъ. Что члены партіи собираются на совѣщанія за границею и недавно еще имѣли конгрессъ въ Копенгагенѣ,—это происходитъ не по недостатку патриотизма, какъ полагаетъ министръ Путкаммеръ: „отмѣните исключительный законъ, и мы не будемъ имѣть надобности собираться тайно; тогда министръ, какъ высшій начальникъ полиціи, могъ бы узнавать наши взгляды и стремленія вѣрнѣе, чѣмъ изъ газетъ".

Депутатъ фонъ-Волльмаръ рѣзко осуждалъ социальную политику канцлера, начавшуюся провозглашеніемъ обширныхъ плановъ и завершившуюся двусмысленнымъ, скромнымъ проектомъ. „Эти превращенія напоминаютъ мнѣ человѣка, который задумалъ постройку великолѣпнаго дворца, не имѣя для того средствъ,—планъ зданія сокращается постепенно, пока не доходитъ до размѣровъ небольшого мѣщанскаго домика". Весь новый законопроектъ направленъ къ сосредоточенію предпріятій въ рукахъ капиталистовъ, ибо только крупная промышленность въ состояніи удовлетворить требованіямъ закона; мелкіе промыслы будутъ подавлены съ устройствомъ предложенной „организациіи отдѣльныхъ отраслей производства на началахъ самоуправленія",—организациіи, искусственно пристегнутой къ дѣлу страхованія рабочихъ и могущей только усилить хозяевъ-предпринимателей. „Реформаторская политика,—продолжалъ фонъ-Волльмаръ,—въ основѣ которой не лежитъ честное намѣреніе улучшить положеніе рабочихъ и которая только дразнитъ ихъ, не можетъ вести ни къ чему хорошему. Повторяю: не играйте съ огнемъ. Для насъ это элементъ дружественный, но люди, не умѣющіе обращаться съ нимъ, могутъ легко вызвать пожаръ. Шесть лѣтъ вы имѣли предъ собою свободное поле для своихъ попытокъ, и до сихъ поръ вы доказали лишь ваше безсиліе". Съ иной точки зрѣнія нападали на проектъ либеральные ораторы, изъ которыхъ особенно многорѣчивый депутатъ Бамберггеръ въ сотый разъ излагалъ теорію пассивнаго бездѣйствія и твердой вѣры въ несуществующія „экономическія гармоніи".

Въ императорскомъ посланіи, которымъ открыта послѣдняя сессія

нѣмецкаго парламента, указаны еще другіе вопросы, занимающіе болѣе скромное мѣсто въ заботахъ общественнаго мнѣнія. Проектъ реформы устава объ акціонерныхъ компаніяхъ, состоящій изъ 255 параграфовъ, съ подробными объяснительными записками и приложеніями, представляетъ важный законодательный трудъ, который, вѣроятно, будетъ одобренъ палатою, послѣ необходимыхъ поправокъ. Мало затрудненій встрѣтятъ также дополнительные правила къ закону о вспомогательныхъ кассахъ, изданному въ 1876 году. Рассмотрѣніемъ этихъ двухъ проектовъ, вѣроятно, исчерпана будетъ положительная дѣятельность рейхстага за текущій годъ.

Во Франціи парламентъ и пресса также заняты теперь, главнымъ образомъ, рабочимъ вопросомъ. Парламентская коммиссія изъ 44 членовъ, подъ предсѣдательствомъ Спюллера, производитъ подробное разслѣдованіе причинъ экономическаго кризиса въ различныхъ отдѣлахъ французской промышленности. Усилившаяся конкуренція иностранныхъ производителей и уменьшеніе заграничнаго спроса на французскіе товары заставили многихъ сократить производство, вслѣдствіе чего масса рабочихъ осталась безъ дѣла, — о чемъ мы мы имѣли уже случай говорить въ одномъ изъ прежнихъ обзорѣній. Коммиссія палаты собираетъ свѣденія отъ заинтересованныхъ лицъ, выслушиваетъ въ своихъ засѣданіяхъ множество делегатовъ отъ рабочихъ и хозяевъ, вызываетъ свѣдущихъ лицъ и дѣйствуетъ вообще съ энергіею и съ знаніемъ дѣла. Результаты изслѣдованія будутъ во всякомъ случаѣ любопытны и приведутъ, быть можетъ, къ опредѣленію средствъ, способныхъ облегчить недугъ, обшчающій сдѣлаться хроническимъ.

Въ послѣднее время кризисъ коснулся богатѣйшаго района каменноугольныхъ копей на сѣверѣ, въ Анзенѣ. Компанія, разрабатывающая эти копи, существуетъ около полутора ста лѣтъ; въ совѣтъ ея засѣдали когда-то такіе люди, какъ Тьеръ, и понынѣ въ ней участвуютъ видные представители аристократіи, принадлежащіе къ партіи орлеанистовъ, какъ, напримѣръ, герцогъ Одифре-Пакъе. Дѣла компаніи отчасти разстроились отъ уменьшенія сбыта добываемаго угля, съ которымъ успѣшно соперничаетъ англійскій уголь; потребовались нѣкоторыя нововведенія въ эксплуатаціи копей, причемъ известное число рабочихъ оказалось излишнимъ. Увольненіе сотни рабочихъ, издавна занятыхъ въ копяхъ, произвело нѣчто въ родѣ бунта; всѣ вообще рабочіе отказались отъ работы и рѣшились продолжать забастовку до тѣхъ поръ, пока уволенные не будутъ при-

няты обратно и пока не возстановлены будутъ прежнія условія работы.

Анзенская стачка дала новый матеріалъ парижскимъ социалистамъ по профессіи; они ежедневно устраиваютъ публичныя собранія въ разныхъ мѣстахъ Парижа, гдѣ призванные и непризванные делегаты излагаютъ свои требованія, въ защиту которыхъ произносятся длинныя рѣчи. Главнымъ героемъ этихъ сходокъ является уполномоченный отъ анзенскихъ углекоповъ, гражданинъ Балі, котораго взялъ подъ свое специальное покровительство издатель „непримиримой“ газеты, графъ Рошфоръ де-Люси. Къ Рошфору присоединился другой аристократъ-радикалъ — маркизъ де-Талейранъ-Перигоръ, пожертвовавшій изъ своего крупнаго состоянія пять тысячъ франковъ на поддержку стачки. Рошфоръ и Талейранъ предприняли даже поѣздку въ Анзенъ, гдѣ имъ устроены были шумныя ованціи. На сцену выступили также „заслуженные“ дѣятели коммуны 1871 года, въ родѣ эксъ-генерала Эда и другихъ; безъ нихъ не обходится ни одинъ торжественный обрядъ рабочаго или социалистическаго движенія. Рѣчи этихъ ораторовъ, по своему общему теоретическому характеру, представляютъ, однако, мало интереса для рабочихъ; послѣдніе добиваются реальныхъ уступокъ и облегченій, которыя могутъ осуществиться только при практическомъ знаніи всѣхъ особенностей данной отрасли труда. Рѣшеніе уничтожить право частной собственности на рудники и копи, съ передачею ихъ въ распоряженіе рабочихъ, можетъ удовлетворять политиковъ социализма; но такой далекій „журавль на небѣ“ недостаточенъ еще для трудящагося населенія, лишеннаго работы. Законодательные вопросы, касающіеся права собственности, не легко рѣшаются въ такой странѣ, какъ Франція, гдѣ малѣйшая перемѣна въ гражданскомъ правѣ сопряжена съ громадными затрудненіями и приравнивается чуть ли не къ святотатству. Кодексъ 1810 года остается понынѣ неприкосновеннымъ, и если онъ подвергнется пересмотру, то едва ли въ тѣхъ частяхъ, которыя относятся къ основнымъ институтамъ юридическаго быта. Въ этомъ отношеніи радикальная республика мало чѣмъ отличается отъ прежнихъ режимовъ. Вотъ почему французскіе рабочіе перестали увлекаться заманчивыми формулами и требуютъ осязательной защиты своихъ интересовъ отъ эксплуатаціи предпринимателей. И это требованіе съ большимъ трудомъ пролагаетъ себѣ дорогу въ общественномъ мнѣніи, ибо среди господствующихъ классовъ все еще не утрачена вѣра въ спасительность принципа полнаго невмѣшательства. Даже въ составѣ парламентской комиссіи высказано была экономистомъ Пасси, что естественное теченіе вещей приведетъ въ порядокъ нарушенные интересы и что

слѣдовательно нужно ограничиться ролью спокойныхъ зрителей; на это Клемансѣ возразилъ, не безъ основанія, что въ такомъ случаѣ официальное изученіе кризиса не имѣло бы ни цѣли, ни смысла. Анзенская стачка отодвинула на задній планъ другія занятія комиссіи; дѣло идетъ теперь объ устройствѣ соглашенія между рабочими и компанією, при посредничествѣ комиссіи и при содѣйствіи министерства публичныхъ работъ.

Система практическаго разбора притязаній заинтересованныхъ сторонъ, усвоенная комиссією 44-хъ, должна принести благотворные плоды не только дѣйствительнымъ смягченіемъ кризисовъ, но и указаніемъ на надежный реальный путь къ предупрежденію ихъ на будущее время,—ибо знаніе причинъ есть уже на половину рѣшеніе вопроса.

Въ Норвегіи окончился недавно замѣчательный процессъ между королемъ Оскаромъ II и народнымъ представительствомъ. Въ монархической Европѣ это единственный въ своемъ родѣ примѣръ судебнаго рѣшенія чисто-конституціоннаго, политическаго вопроса. Споръ длился цѣлыхъ четыре года; обѣ стороны упорно отстаивали свои интересы, и наконецъ, состоялся приговоръ высшаго государственнаго суда, которымъ официальные совѣтники короля, министры, съ Сельмеромъ во главѣ, признаны виновными въ нарушеніи конституціи.

Норвежская палата депутатовъ (стортингъ) постановила, что министры должны присутствовать въ парламентѣ и отвѣчать на обращаемые къ нимъ запросы. Глава министерства Сельмеръ нашелъ, что это постановленіе касается основныхъ законовъ государства, относительно которыхъ королю принадлежитъ безусловное veto. Палата, напротивъ, утверждала, что королевское veto не можетъ имѣть абсолютной силы; а буквальный смыслъ конституціи допускаетъ различныя толкованія. Король Оскаръ II усмотрѣлъ въ рѣшеніи стортинга посягательство на свои верховныя права и распустилъ палату. Новые выборы дали значительное большинство въ пользу оппозиціи, и кризисъ принималъ все болѣе серьезный характеръ, благодаря давнишнему недовѣрію норвежцевъ къ шведамъ. Король не могъ уступить, такъ какъ дѣло шло о прерогативахъ и обаяніи королевской власти; норвежскій народъ еще менѣе думалъ объ уступкѣ, подъ вліяніемъ пробудившагося національнаго чувства. Союзъ между Швецією и Норвегією, представляемый единственно личностью короля, расшатывался въ своихъ основахъ; но съ обѣихъ сторонъ борьба вѣдена была строго легально, безъ всякихъ попытокъ насилія или произвола. Самый споръ былъ поставленъ на юри-

дическую почву; онъ неоднократно предлагался на рѣшеніе авторитетныхъ юристовъ и университетовъ, изъ которыхъ одни рѣшали въ пользу короля, а другіе—въ пользу стортинга. Между прочимъ, упсальскій юридическій факультетъ высказался за палату. Послѣ долгихъ пререканій, норвежскій парламентъ постановилъ предать суду министерство Сельмера въ полномъ составѣ, за упорное нежеланіе подчиниться опредѣленіямъ народнаго представительства. Высшій судъ приговорилъ виновныхъ къ отрѣшенію отъ должностей и къ уплатѣ штрафовъ и судебныхъ издержекъ. Король Оскаръ II формально протестовалъ противъ рѣшенія суда, но уже не могъ помѣшать законной силѣ самаго приговора, такъ какъ королевская санкція требуется только въ случаяхъ присужденія къ смертной казни. Король отпустилъ министровъ и назначилъ своего сына Густава вице-королемъ Норвегіи, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія безъ ущерба для своего личнаго авторитета. Такъ разрешился своеобразный политическій процессъ, казавшійся столь опаснымъ для спокойнаго внутренняго развитія Скандинавіи.

Съ конца прошлаго года выходитъ въ Италіи на французскомъ языкѣ „Международный журналъ“, поставившій себѣ весьма высокія и почетныя цѣли. Содѣйствовать умственному общенію народовъ, устранить взаимное непониманіе и недоувѣріе, стремиться къ водворенію добрыхъ чувствъ мира и дружбы между европейскими націями,—такова программа новаго литературнаго органа, издаваемого подъ редакцію извѣстнаго итальянскаго писателя, г. Анджело де-Губернатиса. Такъ какъ цѣли издателя имѣютъ политическій оттѣнокъ, то оцѣнка этого предпріятія можетъ быть включена въ кругъ задачъ иностраннаго обозрѣнія.

Какъ видно изъ первой книжки „Revue internationale“, въ немъ соединились „писатели всѣхъ странъ, вступившіе въ великій умственный союзъ“. По мнѣнію редакціи, такъ называемая литературная республика находится въ состояніи анархіи: „каждый писатель слѣдовалъ своею дорогою, не заботясь о другихъ; такимъ образомъ, они почти никогда не сходились между собою, а если встрѣчались, то часто для того, чтобы сражаться, какъ слѣпые, не знающіе другъ друга; поэтому мы предпочитали бы терминъ всеобщей представительной монархіи, истинный суверенъ которой—идеаль, а каждый высокомыслящій писатель—законный представитель. Мы хотѣли бы сдѣлать нашъ журналъ органомъ этой великой умственной монархіи“.

При всемъ сочувствіи къ намѣреніямъ автора приведенныхъ

строкъ, нельзя не замѣтить, что понятіе монархіи не соответствуетъ характеру литературы, особенно международной, и что проповѣдывать всеобщее единство вполне возможно безъ покушенія на традиціонную „республику печатнаго слова“. „Наша точка зрѣнія,—заявляетъ далѣе редакція,—не будетъ ни французская, ни итальянская; она будетъ всегда только человѣческая“. Безъ сомнѣнія, издатель не хотѣлъ этимъ сказать, что онъ полагаетъ отрѣшиться отъ природныхъ національныхъ симпатій и возвыситься до фантастической роли абстрактнаго человѣка; въ каждой точкѣ зрѣнія, и французской, и итальянской, заключается обще-человѣческое содержаніе.

Упомянувъ о парижскомъ „Revue des deux Mondes“, редакція превозноситъ этотъ журналъ до небесъ: „нѣтъ двухъ Олимповъ, нѣтъ другой французской академіи, и не можетъ быть другого „Revue“; всѣ изданія, пытавшіяся свергнуть царицу журналистики, съ величественнаго трона, напрасно потратили свои усилія“. Это восхваленіе звучитъ какъ-то странно въ настоящее время, когда „Revue des deux Mondes“ служитъ органомъ иныхъ дѣятелей, хотя попрежнему академическихъ, и когда наряду съ упадкомъ этой почтенной фирмы процвѣтаетъ болѣе бойко редактируемая „Nouvelle Revue“, превосходящая соперницу по богатству и живости содержанія. Если держаться не какой-либо спеціальной, а только „человѣческой“ мѣрки, то восторженные комплименты по адресу непопулярнаго нынѣ французскаго журнала являются первымъ невольнымъ отступленіемъ отъ абстрактнаго критерія, установленнаго редакціею.

Въ вышедшихъ понинѣ пяти книжкахъ журнала помѣщено не мало интересныхъ и прекрасныхъ статей; и нѣкоторыя увлеченія первоначальной политической программы, очевидно, исчезли на первыхъ же порахъ. Попытка обсуждать политическія дѣла съ человѣческой точки зрѣнія, не французской и не итальянской,—оказалась неосуществимою; пришлось совершенно прекратить политическую хронику. Литературная часть журнала ведется опытною рукою г. Анджело де-Губернатиса и не оставляетъ желать ничего лучшаго. Особенно богатъ и полезенъ отдѣлъ иностранныхъ корреспонденцій; тутъ мы находимъ письма не только изъ главныхъ городовъ Европы, но и изъ Бомбея, Шанхая, Бразиліи и даже изъ Говолулу. Отчеты о новыхъ романахъ и серьезныхъ книгахъ составляютъ съ достаточною полнотою. Изъ самостоятельныхъ статей укажемъ на эту же книжину Елены Кольцовой-Масальской (Доры д'Истрія) о Рюриковской легендѣ, статьи Макса Мюллера, проф. Гольцендорфа, Эмиля де-Лавеле, Сэнтсбюри и другихъ. Въ февральской книжкѣ напечатанъ „Случай“ графа Льва Толстого; тамъ же г. Ашкинази приводитъ нѣкоторыя свѣденія для характеристики Тургенева, какъ

искреннаго либерала старой школы. Въ мартовскомъ номерѣ обращаетъ на себя вниманіе статья г. Владиміра Ламанскаго о панславизмѣ, въ которой авторъ доказываетъ миролюбіе русскаго народа и отсутствіе всякихъ поводовъ къ столкновенію съ Германією; мимоходомъ выражена увѣренность, что „мы призваны создать культуру новую, разнообразную, богатую, оригинальную, распространить ее въ различныхъ краяхъ и привить (!) ее прочимъ народамъ земного шара; то, что есть солиднаго и замѣчательнаго въ нашихъ научныхъ завоеваніяхъ, въ нашемъ цвѣтѣ искусства и литературы, служить только слабымъ предвѣстникомъ того, что проявитъ русскій и славянскій геній, когда (?) онъ достигнетъ своей зрѣлости“.

Вотъ, какія воззрѣнія, свободныя во всѣ стороны, находятъ себѣ мѣсто на страницахъ новаго журнала, — должно быть, въ виду его международнаго характера. Въ этомъ смыслѣ журналъ производитъ впечатлѣніе не только республиканское, но даже анархическое—такъ что „литературная монархія“ всего меньше могла бы имѣть своихъ органовъ „Revue internationale“ г-на Анджело де-Губернатиса.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е апрѣля, 1884.

— Основанія классификаціи государствъ въ связи съ общимъ ученіемъ о классификаціи.—Методологическое изслѣдованіе *Н. Зетрева*. Москва, 1888.

Еще Гёте замѣтилъ, что „многія книги кажутся написанными не для того, чтобы научить чему-либо читателя, а только для обнаруженія познаній автора“. У насъ ученые трактаты не только „кажутся написанными“, но и дѣйствительно пишутся въ большинствѣ случаевъ только для доказательства начитанности авторовъ въ той или другой области знанія. Таковъ именно характеръ нашихъ университетскихъ диссертаций по наукамъ общественнымъ и политическимъ. Начинающіе ученые по необходимости обогащаютъ литературу своими трудами, которые обязательны для нихъ въ видахъ профессорской карьеры. Но самая цѣль этихъ работъ кладетъ на нихъ особый отпечатокъ бесплодности и придаетъ имъ значеніе ненужнаго балласта для науки вообще и для читающей публики въ частности. Мы не говоримъ, конечно, объ исключеніяхъ, которыя въ послѣдніе годы появляются все чаще и со временемъ обратятся, быть можетъ, въ общее правило. На ряду съ немногими дѣльными изслѣдованіями, касающимися вопросовъ общаго интереса, можно указать десятки ученыхъ книгъ, относительно которыхъ приходится лишь выразить полнѣйшее недоумѣніе: и выборъ темъ, и способъ ихъ разработки, поражаютъ своею отдаленностью отъ дѣйствительныхъ задачъ науки и отъ потребностей жизни. Теперь, правда, невозможны уже диссертации подъ такими удивительными заглавіями, какъ: „Государствовѣдѣніе Сенсавино и всемірныя реляціи Ботеро“ (сочиненіе, напечатанное пятнадцать лѣтъ тому назадъ однимъ изъ нынѣшнихъ профессоровъ политической экономіи, для полученія ученой степени). Предметы выбираются болѣе удобопонятныя для профановъ, но все-таки странные съ точки зрѣнія „русской науки“;

беспорядочный наборъ цитатъ изъ иностранныхъ книгъ, преимущественно нѣмецкихъ, выдается за научное изслѣдованіе. У насъ нѣтъ порядочнаго сочиненія о государствѣ вообще, о функціяхъ государственной власти и объ отношеніяхъ ея къ народу; а г. Звѣревъ посвящаетъ двадцать пять печатныхъ листовъ вопросу о томъ, какія названія слѣдуетъ присвоить различнымъ группамъ государственныхъ формъ, и какъ классифицировать эти формы сообразно требованіямъ абстрактной логики.

Г. Звѣревъ называетъ свой трудъ „методологическимъ изслѣдованіемъ“; въ сущности это вовсе не изслѣдованіе, а изложеніе взглядовъ различныхъ писателей, почти исключительно нѣмецкихъ и притомъ болѣею частью старыхъ, второстепенныхъ, выбранныхъ на удачу, безъ всякой связи съ новѣйшими успѣхами социальныхъ наукъ. Книга распадается на два отдѣла, не имѣющіе между собою ничего общаго по содержанію: первая часть (186 стр.) относится всецѣло къ логикѣ и составлена по существующимъ учебникамъ, въ томъ числѣ и русскимъ (гг. Владиславлева, Ушинскаго и др.); авторъ говоритъ тутъ и о способностяхъ разума, и о процессахъ сознанія, о классификаціи предметовъ и о многомъ другомъ, но все-таки считаетъ еще долгомъ оговориться, что „многіе вопросы первостепенной важности“ не затронуты имъ: „мы не касались, напр., капитальнаго вопроса объ участіи воли въ движеніяхъ нашего сознанія (!), на чемъ съ такою силою настаиваютъ Карпентеръ, Вундтъ, Владиславлевъ, Ушинскій, или о роли чувствованія въ этихъ движеніяхъ, на чемъ строить свою психологическую теорію Горвицъ, и о чемъ много говорить Льюисъ“. Какое отношеніе имѣетъ все это къ государственнымъ формамъ и къ ихъ классификаціи—остается неизвѣстнымъ.

Доказавъ кому-то свое знакомство съ сочиненіями по логикѣ и психологій, авторъ переходитъ къ предмету своей диссертациі. Въ этой второй части своего „изслѣдованія“ онъ обнаруживаетъ весьма недостаточныя и одностороннія свѣденія: богатая англійская литература по данному вопросу совершенно ему неизвѣстна; изъ массы французскихъ сочиненій упоминаются вкратцѣ только двѣ-три книги, а все вообще изложеніе посвящено разбору слабыхъ нѣмецкихъ попытокъ прежняго времени, надъ которымъ авторъ съ утомительнымъ многословіемъ практикуетъ свой „логическій методъ“. Взгляды какого-нибудь малознакомаго писателя тридцатыхъ годовъ, въ родѣ Дудена, излагаются подробно на тринадцати страницахъ, хотя они не имѣютъ ровно никакого научнаго значенія; теорія Велькера, писавшаго въ началѣ столѣтія, или Ромера, Цахаріэ, Роттека и другихъ разбираются весьма пространно, тогда какъ ученіе Гегеля упомянуто

лишь мимоходомъ въ примѣчаніи, въ видѣ „справки по книгѣ Сергіевича“. Авторъ ограничивается также „справками по Чичерину“ въ такихъ случаяхъ, когда требовалась бы самостоятельная провѣрка (напр., стр. 207). Трудно понять, чѣмъ руководствовался г. Звѣревъ въ выборѣ матеріала для своихъ логическихъ упражненій, — почему онъ возится столько съ Дуденомъ, Ромеромъ, Лео и другими, а ничего не говоритъ о писателяхъ, несравненно болѣе значительныхъ, или почему онъ ссылагся на психологію Спенсера, не относящуюся вовсе къ предмету диссертациі, а обходитъ молчаніемъ книгу того же Спенсера о „развитіи политическихъ учрежденій“ — книгу, переведенную на русскій языкъ и представляющую несомнѣнную важность для вопроса о классификаціи государственныхъ формъ.

Очевидно, литературный балластъ собранъ былъ авторомъ безъ сознательной системы. Въ сферѣ политическихъ наукъ нѣмецкая литература занимаетъ далеко не первое мѣсто; она во многихъ отношеніяхъ стоитъ еще на почвѣ схоластики, и пользоваться ею слѣдуетъ съ большою разборчивостью. Авторъ упустилъ изъ виду это обстоятельство, и потому обширный трудъ его оказывается совершенно безцѣльнымъ. Критическая работа можетъ считаться полезною только при двухъ условіяхъ, — если она касается ученій, достойныхъ критики, и если она основана на возможно-полномъ знаніи предмета въ его исторической обстановкѣ. Въ противномъ случаѣ даже самое правильное примѣненіе логическихъ правилъ приведетъ лишь къ напраснымъ словопреніямъ, лишеннымъ положительной основы. Г. Звѣревъ разсуждаетъ о способѣ классификаціи государствъ, какъ объ отвлеченной логической задачѣ, не справляясь ни съ исторіею, ни съ данными антропологіи и соціологіи. Такой методъ, ложный въ своемъ существѣ, сопровождается еще однимъ важнымъ неудобствомъ, которое особенно наглядно выступаетъ въ разбираемой книгѣ. Понятія не могутъ быть точны, когда они отдѣляются отъ своего реальнаго содержанія и пускаются въ оборотъ въ видѣ готовыхъ формулъ; поэтому, прежде, чѣмъ приступить къ вопросу о классификаціи государствъ, слѣдовало бы выяснить природу и значеніе государствъ. Нельзя классифицировать предметы безъ изученія ихъ существенныхъ признаковъ, сходствъ и различій, — и если авторъ счелъ нужнымъ безъ всякой надобности вдаваться въ длинные объясненія о томъ, что такое классификація вообще, то тѣмъ болѣе необходимо было объяснить, что такое государство, въ чемъ его характерныя черты и особенности. Въ виду избранной авторомъ тѣмы, вступительный трактатъ о государствахъ былъ бы гораздо болѣе уместенъ, чѣмъ разсужденіе о психологіи и о логикѣ. Между тѣмъ, авторъ

не останавливается вовсе на этомъ важномъ вопросѣ, и понятіе государства остается у него въ совершенномъ туманѣ. Мимоходомъ онъ бросаетъ фразу о государствахъ, какъ „самыхъ важныхъ общежительныхъ союзахъ“ (стр. 192); но такое опредѣленіе очевидно невѣрно. Государство, въ современномъ его видѣ, не есть общежительный союзъ; никакого общежитія не существуетъ между различными племенами, проникнутыми часто взаимною враждою и повинующимися общей центральной власти въ извѣстныхъ только вѣвшихъ отношеніяхъ. Венгерцы, славяне, нѣмцы и итальянцы входятъ въ составъ одного государства; но „общежительнаго союза“ между ними нѣтъ: каждая народность живетъ и стремится жить по своему, твердо охраняя свои права на самостоятельное развитіе. Неясность основного взгляда на государство уничтожаетъ всѣ усилія автора сказать что-либо вѣское по специальному вопросу о классификаціи.

Дойдя до конца книги и покончивъ съ логикою и критикою, г. Звѣревъ отводитъ нѣсколько страничекъ самостоятельному рѣшенію задачи, ради которой написана вся книга. Но тутъ онъ сталкивается съ вопросомъ, который нужно было поставить въ началѣ работы, и быстро рѣшаетъ его, чтобы не давать повода къ недоразумѣніямъ. Въ чемъ заключается основной признакъ государствъ—признакъ, по которому можно бы безошибочно распредѣлить ихъ на группы и виды? „Такимъ признакомъ,—спѣшитъ отвѣтить авторъ,—служитъ бесспорно верховная власть, съ появленіемъ или исчезновеніемъ которой появляются или исчезаютъ политическіе союзы: государство *немыслимо*, какъ скоро нѣтъ этого признака, точно такъ же какъ *немыслимъ* самый признакъ, какъ скоро нѣтъ государства. Верховная власть составляетъ *исключительную* принадлежность государства, выдѣляющую его изъ другихъ общественныхъ соединеній“ (стр. 372). Повидимому, это такъ; но на самомъ дѣлѣ возможно усомниться въ точности такого критерія. Предводитель арабовъ въ Суданѣ, „махди“, пользуется общепризнанною верховною властью въ значительной части страны; существуетъ ли, однако, государство даже въ тѣхъ владѣніяхъ „махди“, на которыя не простираются притязанія Египта и англичанъ? Римскій папа обладаетъ верховною властью въ сферѣ извѣстныхъ дѣлъ и интересовъ католическаго міра; гдѣ же папское государство? Съ другой стороны, временное отсутствіе верховной власти въ странѣ не означаетъ еще временного исчезновенія государства. Франція была государствомъ и во времена революціонной анархіи; она несомнѣнно была государствомъ въ такой періодъ времени, когда не было вовсе верховной власти, ни легальной, ни фактической, а именно отъ 4-го сентября 1870 года до обнародованія конституціи 25-го февраля 1875

года. При управленіи Тьера французы не знали еще, кому будетъ принадлежать верховная власть—королю ли Генриху V-му или самому народу; а до созыва національнаго собранія дѣйствовало правительство, не имѣвшее никакихъ законныхъ полномочій,—однако никто не сомнѣвался въ существованіи французскаго государства при Гамбеттѣ. Говорятъ иногда о „государственномъ кораблѣ“ и о направляющихъ его кормчихъ; придерживаясь такого общеупотребительнаго сравненія, можно бы, подобно г. Звѣреву, разсуждать слѣдующимъ образомъ: всякій корабль необходимо имѣетъ на себѣ капитана; присутствіе послѣдняго есть существенный признакъ корабля, и слѣдовательно, безъ капитана корабль немислимъ. Однако, корабли существуютъ и исполняютъ свое назначеніе подъ руководствомъ любого моряка,—точно такъ же какъ государство переживаетъ всякіе кризисы, мѣняетъ бонапартистовъ на Тьера и Гамбетту, переходитъ отъ застоя къ движенію и живетъ даже безъ правителей. Въ одномъ мѣстѣ авторъ въ двухъ словахъ отвергаетъ, какъ метафизическую доктрину, „господствовавшее въ то время (въ началѣ столѣтія) ученіе о народномъ верховенствѣ, — ученіе, по которому правительство, каково бы ни было его устройство, разсматривалось въ качествѣ повѣреннаго народа, дѣйствующаго по его порученію“ (стр. 209). Какова же именно роль правительства въ современныхъ государствахъ, — объ этомъ г. Звѣревъ не высказывается вовсе, будучи занятъ болѣе важными вопросами о Дуденѣ и Геренѣ.

Блужданія автора въ области логическихъ и критическихъ недомѣнъ приводятъ къ совершенно неожиданному результату: онъ просто смѣшалъ государства съ правительствами и вмѣсто обѣщанной въ заглавіи „классификаціи государствъ“ предлагаетъ классификацію формъ правленія. Двадцать-пять печатныхъ листовъ потребовалось автору для того, чтобы придти къ старинному, общеизвѣстному дѣленію государствъ на монархіи, аристократіи и демократіи. Это какая-то каррикатура на науку, — сплошное безцѣльное водотолченіе, съ приправою серьезныхъ словъ и цитатъ. Принимая правительство за государство, авторъ видитъ „напряженіе государственнаго начала“ тамъ, гдѣ напряжено только начало правительственное; онъ полагаетъ, что сила государственнаго начала возрастаетъ или убываетъ вмѣстѣ съ возрастаніемъ или сокращеніемъ специальныхъ интересовъ и полномочій правителей,—такъ-что, напримѣръ, въ древнихъ греческихъ демократіяхъ государственное начало было слабѣе, чѣмъ въ современной турецкой имперіи. Сосредоточенность власти смѣшивается съ государственностью, и такое смѣшеніе выдается за продуктъ „ученаго изслѣдованія“.

— Теорія денежнаго обращенія. Цѣнность и цѣна. *Н. Н. Коссовскаго*. Харьковъ, 1883.

Книга г. Коссовскаго имѣетъ значительныя достоинства: написана она легко и съ знаніемъ дѣла, но авторъ грѣшитъ неустановленностью взглядовъ и чрезмѣрною развязностью въ изложеніи. На одной изъ первыхъ же страницъ находимъ слѣдующій отзывъ объ Адамѣ Смитѣ: „исписавъ цѣлые томы, онъ не оговорился ни однимъ словомъ о приписываемомъ ему методѣ; чтобы объяснить себѣ эту печать молчанія на умѣющихъ говорить устахъ, необходимо допустить, что въ головѣ Смита происходила какая-то логическая драма или трагикомедія“ (??). Такихъ мѣстъ въ книгѣ очень много, и они портятъ впечатлѣніе даже въ тѣхъ случаяхъ, когда аргументація автора, кажется, основательною.

Г. Коссовскій отрицаетъ существованіе кризиса въ современной политической экономіи, вопреки общепринятому мнѣнію; кризисъ, говоритъ онъ, существуетъ не въ экономической наукѣ, а въ социально-экономическихъ явленіяхъ, не въ наукѣ, а въ самой жизни (стр. 4). Это утѣшительное увѣреніе опровергается, однако, самимъ же авторомъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. „Исписаны сотни томовъ,—заявляетъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—собраны груды статистическаго матеріала, а положеніе дѣлъ между тѣмъ таково, что лучшимъ его характеристикою можетъ служить извѣстное изреченіе: „quot homines, tot sententiae“. Наводя на грустныя размышленія о бессилии мысли въ области соціологическихъ изслѣдованій, фактъ этотъ, быть можетъ, достоинъ вниманія психолога“ (стр. 113). „Какъ ни невѣроятно, тѣмъ не менѣе фактъ на лицо, что политическая экономія въ настоящее время, даже въ лицѣ ея лучшихъ представителей, не имѣетъ одной общепринятой, твердо установленной теоріи мѣнливой цѣнности. Этого мало. Почти каждый экономистъ, не говоря о корифеяхъ науки, считаетъ какъ бы обязанностью преподавать свою собственную теорію цѣнности, аргументируя ее большею частью самымъ поверхностнымъ и произвольнымъ образомъ. Выходитъ такимъ образомъ, что у каждаго своя собственная наука или, что то же, что науки вовсе нѣтъ, а есть лишь господа ученые“ (стр. 37 и др.). Это ли еще не кризисъ?

Говоря о новѣйшихъ попыткахъ внести элементъ нравственности и права въ область экономическихъ интересовъ, авторъ рѣзко высказывается противъ такъ-называемыхъ катедеръ-соціалистовъ, хотя и соглашается, повидимому, съ ихъ принципами. „Катедеръ-соціалисты,—по его словамъ,—забывая свое положеніе вопіющаго въ пустынѣ, разыгрываютъ довольно забавную и двусмысленную исторію..

Забыли, что сила предшествуетъ праву, и удовольствовавшись платоническимъ преломленіемъ копій съ кликою эрудиціонной одичалости (?), воспѣли побѣдный гимнъ. Стараясь примирить дѣйствительность съ критикою социализма, новая школа съ полнымъ основаніемъ можетъ быть названа школою компромисса. Но компромиссъ въ теоріи—это лицемѣріе или *идіотизмъ*“ (стр. 7—9). Авторъ не кстати употребляетъ слишкомъ сильныя выраженія. Теоріи, касающіяся важныхъ практическихъ вопросовъ, не могутъ сохранить полную логическую прямолинейность; самъ же авторъ признаетъ, что „законы хозяйственныхъ явленій относительны, условны, измѣняются вмѣстѣ съ измѣненіемъ условій времени и мѣста“, вслѣдствіе чего и „выводы политической экономіи, устанавливаемыя ею начала, не суть категоріи логическія, а историческія“ (стр. 29). Такимъ образомъ, упрекъ въ лицемѣріи или *идіотизмѣ*, обращенный косвенно къ Эмилю де-Лавеле, остается только смѣшною выходкою, непростиительною для начинающаго экономиста. Воззрѣнія Лавеле считаются еще черезъ-чуръ радикальными въ господствующихъ во Франціи кругахъ экономической науки; недавно еще у насъ указывалось на строгое порицаніе его книги о „современномъ социализмѣ“ со стороны парижской академіи ¹⁾. Обвиняя Лавеле въ наклонности къ компромиссамъ, авторъ въ то же время видитъ „очень рѣдкое явленіе гражданской доблести“ (!?) въ томъ обстоятельстве, что не всѣ экономисты „отказываются въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ отъ трудовой стоимости, какъ отъ начала началъ всѣхъ социалистическихъ бредней“ (стр. 71). Между тѣмъ, понятіе о трудѣ, какъ основаніи и мѣрилѣ цѣнности,—идея очень старая, удобно уживающаяся съ самыми благонадежными экономическими взглядами.

Усвоивъ себѣ теоріи Родбертуса и Маркса, авторъ возлагаетъ большія надежды на принципъ трудовой стоимости. „Фактъ или идея, — замѣчаетъ онъ, — трудовая стоимость во всякомъ случаѣ полна будущности. Положенная въ основу социальна-экономическихъ отношеній, она пересоздастъ эти отношенія, обновитъ ихъ, обновляя и пересоздавая нынѣ существующій принципъ распредѣленія. Тогда появится иная политическая экономія, исчезнетъ желѣзный законъ заработной платы, исчезнетъ рента, землевладѣльческая и капиталистическая, исчезнетъ, однимъ словомъ, экономическое рабство и эксплуатація“ (стр. 100). Авторъ не всегда доказываетъ свои положенія, довольствуясь часто лишь утвердительными или отрицательными фразами, болѣе или менѣе категорическими. По поводу

¹⁾ См. „Иностранное Обозрѣніе“ въ февральской книгѣ за текущій годъ, стр. 841—2

метода, употребляемаго Марксомъ, онъ ограничивается замѣчаніемъ, что упрекать въ діалектическомъ приѣмѣ столь же справедливо, какъ „упрекать астронома въ томъ, что онъ не извоилъ взобраться на луну, прежде, чѣмъ говорить о формѣ ея поверхности“ (стр. 41). Можетъ быть, это и остроумно, но едва ли убѣдительно.

Въ книгѣ встрѣчаются также противорѣчія, довольно странныя. Г. Коссовскій недоволенъ классическимъ изслѣдованіемъ Тува и Ньюмарча по исторіи цѣнъ. „Кто далъ себѣ трудъ прочесть всѣ томы „Исторіи цѣнъ“ отъ первой до послѣдней страницы (едва ли кто совершилъ этотъ ненужный подвигъ, замѣтимъ мы отъ себя, ибо это шеститомное сочиненіе пригодно болѣе для справокъ, чѣмъ для чтенія), тотъ легко согласится, что Тукъ... не пришелъ ни къ одному научному выводу, сколько-нибудь важному и хотя бы отчасти соотвѣтствующему затраченнымъ имъ усиліямъ;—ни одного выдержаннаго принципа; *обобщеній никакихъ*; ни руководящихъ, хотя бы предвзятыхъ принциповъ въ началѣ, ни заключительныхъ выводовъ въ концѣ“ (стр. 20). А въ концѣ диссертациі говорится уже, что на основаніи массы данныхъ Тукъ открылъ новый законъ, совершенно противорѣчащій тому, какой господствовалъ до него (относительно вліянія товарныхъ цѣнъ на размѣры денежнаго обращенія). Затѣмъ „Тукъ пришелъ къ выводу еще болѣе общему, болѣе важному, изъ котораго вытекаетъ самъ собою, какъ простое логическое слѣдствіе, вышеприведенный законъ“; выводъ этотъ „едва ли не важнѣе всѣхъ другихъ его выводовъ“ (стр. 259). Какъ примирить это съ утвержденіемъ, что у Тува нѣтъ „никакихъ обобщеній“ и никакихъ „заключительныхъ выводовъ“?

Первая часть книги—о цѣнности—разработана не такъ обстоятельно, какъ вторая, болѣе обширная по объему,—о деньгахъ и кредитѣ. Во всякомъ случаѣ, несмотря на свои слабыя стороны, сочиненіе г. Коссовскаго можно назвать обѣщающимъ трудомъ, особенно если его взгляды успѣютъ на чемъ-нибудь установиться, вслѣдствіе чего сама собою пропадетъ тогда и его наивная развѣзность; онъ убѣдится, что, говоря, напримѣръ, о „трагикомедіи“ въ головѣ Адама Смита, онъ только рисковалъ своею собственною репутацію серьезнаго научнаго дѣятеля. Можно еще упрекнуть автора за пристрастіе къ излишнимъ цитатамъ на иностранныхъ языкахъ,—пристрастіе, доходящее до того, что изъ *англійской* книги Торнтона о трудѣ, существующей въ русскомъ переводѣ, дѣлается выписка на *нѣмецкомъ* (!) языкѣ (стр. 62). Но это ужъ общая слабость магистрантовъ, озабоченныхъ желаніемъ доказать свое знакомство съ иностранными литературами и языками.—Д. С.

— *Живописная Россія*. Отечество наше въ его земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи, подъ общей редакціей П. П. Семёнова, вице-предсѣдателя Имп. Русскаго Географическаго общества. Томъ одиннадцатый. Западная Сибирь. Съ 212 рисунками въ текстъ и 13 отдѣльными картинками, рѣзанными на деревѣ. Сиб. 1884. 4°.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, извѣстная издательская фирма Вольфа задумала изданіе, заглавіе котораго мы выписали. Изданіе было предположено въ двѣнадцать большихъ томахъ, обыкновеннаго большого формата иллюстрированныхъ журналовъ. До сихъ поръ, изъ двѣнадцати томовъ вышло пять, хотя не въ послѣдовательномъ порядкѣ, томовъ. Настоящій одиннадцатый томъ изданъ не въ очередь раньше, на томъ основаніи (по объясненію издателей), что оказалось необходимымъ описать азіатскія владѣнія Россіи, какъ территорію, наименѣе извѣстную русскому обществу и подверженную наиболѣе быстрымъ измѣненіямъ.

Изданіе „Живописной Россіи“ есть, конечно, дѣло очень сложное; не мудрено, что точный выходъ томовъ не легко было устроить, и потому, быть можетъ, изданіе не было правильно отмѣчаемо и рассматриваемо нашей критикой. Между тѣмъ оно вполне заслуживаетъ ея вниманія. Это есть весьма подробное описаніе Россіи, не въ сухомъ обзорѣ систематической географіи, а въ отдѣльныхъ очеркахъ разныхъ краевъ и уголковъ нашего отечества, — очерки эти составлены иногда извѣстными и очень авторитетными писателями и представляютъ обыкновенно живое и занимательное чтеніе, интересу котораго не мало помогаютъ многочисленные рисунки.

Настоящій томъ посвященъ Западной Сибири. Не знаемъ насколько нужно было поторопиться съ ея описаніемъ и предвидятся ли для нея „быстрые измѣненія“, — до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, Сибирь цѣлые десятки лѣтъ напрасно ждала измѣненій, какія уже произошли въ Европейской Россіи, и можно, пожалуй, опасаться, что настоящее описаніе еще долго не устарѣетъ. Въ описаніи Западной Сибири приняло участіе нѣсколько весьма компетентныхъ писателей, частью сибиряковъ родомъ. Здѣсь помѣщены статьи: В. В. Радлова — Древніе аборигены Сибири; нѣсколько статей Г. Н. Потанина — Завоеваніе и колонизація Сибири, Бараба, Сибирскіе казаки, Алтай, Инородцы Алтая, Сѣверныя предгорья Алтая (Ближняя тайга), Семипалатинскъ и другіе города Семипалатинской области; М. Н. Ядринцева — Западно-Сибирская низменность; А. А. Павлова — Хлѣбородная полоса Тобольской губерніи; Николая Латкина — Барское море; С. Полякова — Старинное и современное Лукоморье; С. Н. Шу-

бинскаго—Историческіе ссыльные; И. В. Мушкетова—Минеральныя богатства Алтая; А. Адрианова—Сѣверныя предгорья Алтая (Кузнецкій край); Л. К. Полторацкой—Южные склоны Алтая и Тарбагатайскій край; П. П. Семенова—Западная Сибирь въ ея современномъ экономическомъ состояніи. Г. Радловъ—извѣстный оріенталистъ, оказавшій наукѣ большую услугу изданіемъ текстовъ народной поэзіи южно-сибирскихъ инородцевъ; г. Потанинъ—извѣстный этнографъ и путешественникъ, въ настоящее время предпринявшій новую трудную экспедицію для изслѣдованія Монголіи, гдѣ онъ уже и раньше путешествовалъ; г. Поляковъ—не менѣе предприимчивый путешественникъ, который своими трудами принесть уже важныя вклады и въ русскую геологію, и въ археологію и этнографію; г. Ядринцевъ—одинъ изъ извѣстныхъ знатоковъ Сибири, авторъ вышедшей недавно книги „Сибирь, какъ колонія“ и издатель „Восточнаго Обзорія“; г. Мушкетовъ—извѣстный геологъ и предприимчивый путешественникъ. Какъ можно видѣть по заглавіямъ статей, описаніе обнимаетъ всѣ главныя географическія области Западной Сибири и касается также ея историческаго прошлаго. Кромѣ нѣсколькихъ спеціальныхъ эпизодовъ, какъ, напр., геологическія описанія и нѣкоторые чисто географическія и статистическія подробности (которыхъ, конечно, и нельзя было опустить въ подобномъ изданіи), книга представляетъ вообще весьма интересное чтеніе, а нѣкоторые изъ разсказовъ написаны съ истиннымъ мастерствомъ. Укажемъ, напр., на прекрасную статью г. Потанина о завоеваніи и колонизаціи Сибири, гдѣ весьма просто, образно и послѣдовательно представлена картина края до появленія русскихъ, первое завоеваніе Сибири и послѣдующее быстрое занятіе ея русскими колонистами-промышленниками, предприимчивость которыхъ обыкновенно шла впереди официальнаго зачисленія страны подъ русское господство. Такова, дальше, статья г. Полякова: намъ не случалось раньше читать такого живого, картиннаго и разнообразнаго описанія страны, лежащей по Оби, ея жителей, быта остатковъ, мѣстныхъ промысловъ и охоты и т. д. Таковы описанія Алтая, его природы и населенія, исторія золотопромышленности, разсказы о бытѣ различныхъ инородцевъ на сѣверѣ и югѣ Западной Сибири и т. д. Томъ заканчивается обзоромъ экономическихъ отношеній Западной Сибири,—принадлежащимъ такому опытному писателю, какъ г. Семеновъ. Въ цѣломъ, новый томъ „Жизнописной Россіи“ вноситъ въ нашу литературу чрезвычайно любопытный матеріалъ, одинаково важный и въ серьезно-научномъ отношеніи, и какъ чтеніе для большаго публики.

Остановимся на заключительныхъ словахъ статьи г. Семенова.

Выводомъ изъ оцѣнки экономическаго и культурнаго состоянія Сибири является у него то же убѣжденіе, какое давно высказывается лучшими людьми Сибири, убѣжденіе въ необходимости распространенія на Сибирь реформъ прошлаго царствованія, т.-е. судебной и земской, и въ необходимости усиленія образовательныхъ средствъ въ край. Авторъ объясняетъ, что эта необходимость столь же ясно понимается и въ метрополиі, но что послѣдняя, прошедши черезъ долгій и разнообразный опытъ управленія отдаленными окраинами, не менѣе ясно понимаетъ и всѣ затрудненія подобныхъ преобразованій при томъ незначительномъ количествѣ культурныхъ, т.-е. образованныхъ силъ относительно некультурныхъ, какія издавна представляетъ Сибирь. Авторъ выражаетъ тѣмъ не менѣе увѣренность, что недалеко то время, когда преобразованія будутъ совершены и въ Сибири; ему видится то, не очень далекое, будущее, когда при новомъ устройствѣ внутренняго быта Сибири, при желѣзныхъ путяхъ, при правильной организаціи переселеній, населеніе страны въ полъ-вѣка удвоится, и Сибирь получитъ достаточныя средства къ разработкѣ своихъ естественныхъ богатствъ, разработкѣ, которая не только удовлетворитъ потребностямъ мѣстнаго населенія, но и упрочитъ экономическое вліяніе 100-милліонной русской народности на 400-милліонный дальній востокъ Азіи. При этой блестящей перспективѣ тѣмъ прискорбіе видѣть, что замедляется дѣло, которое должно было бы увеличить процентъ культурныхъ силъ Сибири, именно устройство сибирскаго университета, а также и болѣе нормальное положеніе сибирской печати.

Далѣе, авторъ выражаетъ убѣжденіе, что „при этомъ, конечно, рѣшительно немислимо опасеніе, что самостоятельное экономическое и общественное развитіе естественной и культурно-исторической области, нами разсматриваемой, могло бы способствовать къ порванію органической связи между метрополией, населившею и продолжающею населять Западную Сибирь, и этою колоніею“. Основаніе къ этой увѣренности авторъ находитъ въ условіяхъ географическихъ и экономическихъ, именно въ томъ, что раздѣльною линіей между метрополией и Западной Сибирью служитъ Уральскій хребетъ; низкій и пересеченный желѣзною дорогою, онъ не только не раздѣляетъ прилежащихъ къ нему земель, какъ Альпы или Пиренеи, а, напротивъ, связываетъ ихъ, такъ какъ по обонимъ его склонамъ развилась горная промышленность которая одинаково нуждается въ средствахъ и Россіи, и Сибири, и служитъ экономически имъ общимъ. Авторъ прибавляетъ: „Нужно помнить, наконецъ, и то, что болѣе 90% населенія Западно-Сибирской области состоитъ изъ коренныхъ русскихъ, непре-

рывно пополняемыхъ свѣжимъ притокомъ никогда непрерывавшейся исключительно русской колонизаціи. Это еще болѣе укрѣпляетъ увѣренность, что населеніе страны, какъ бы оно ни было проникнуто тою трогательною любовью къ своей Сибири, которая характеризуетъ сибиряка, сбережетъ, какъ святыню, самую доблестную черту своихъ предковъ—свою вѣрность русской народности, у которой тяготѣніе къ единому русскому престолу и государству было всегда самымъ заветнымъ стремленіемъ.—Предположеніе, противъ котораго борется почтенный авторъ, кажется намъ довольно фантастическимъ, а особенно при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ онъ самъ изображаетъ положеніе Сибири. Эта страна, вѣроятно, и не помышляетъ о возможности такого предположенія, и если ей грозитъ какая-нибудь опасность политическаго характера, то, вѣроятно, совсѣмъ съ другой стороны: въ послѣдніе годы приходилось уже посылать эскадру для охраны русскихъ интересовъ на крайнемъ сибирскомъ востокѣ; нѣкогда русскія владѣнія простирались на цѣлый сѣверо-западный уголъ Америки, котораго мы не могли однако удержать по недостатку колонизаціонной и промышленной предпримчивости; какъ извѣстно, этотъ же недостатокъ преслѣдовалъ и до нынѣ преслѣдуетъ наши колонизаціонныя предпріятія на Амурѣ и въ Уссурийскомъ краѣ; слышатся уже опасенія относительно захватовъ сѣверо-американской торговли и промысла, относительно наплыва китайскихъ элементовъ, съ которыми не могутъ справиться мѣстныя уссурійскія власти. Эта неумѣлость въ колонизаціи, низкое состояніе собственной промышленности,—имѣющая, конечно, свою глубокую органическую причину,—если не будутъ приняты раціональныя мѣры противъ нихъ, могутъ стать въ послѣдствіи серьезнымъ затрудненіемъ и даже политической опасностью, т. е. опасностью внѣшняго, а не внутренняго характера, и эта опасность будетъ болѣе важна, чѣмъ нынѣшнія предположенія о разединеніи колоній отъ метрополій. Наконецъ, еслибы нужно было думать объ условіяхъ, которыя должны соединять органически Сибирь съ метрополіей, то, намъ кажется, такимъ условіемъ должно бы быть не столько географическое положеніе Уральскаго хребта и его заводская промышленность, сколько внутренняя связь сибирскаго народа и общества въ общихъ съ Россіей интересахъ разумно устроенной гражданственности, солидарность Сибири съ широкимъ развитіемъ русскаго образованія и общественной автономіи.

Прибавимъ еще одно замѣчаніе. Въ настоящей книгѣ мы не нашли указаній на одну сторону сибирской жизни, которая не однажды была отмѣчена у самихъ сибирскихъ писателей, и должна бы особенно потребовать вниманія при вопросѣ объ отношеніяхъ Россіи

и Сибири. Это—особенности самой русской народности въ Сибири. Съ самаго начала завоеванія и колонизаціи Сибири, дѣйствовавшій тамъ русскій элементъ подвергался новымъ разнообразнымъ вліяніямъ, которыя исходили изъ мѣстныхъ условій и не могли не наложить своей особенной печати на физическій и нравственный складъ русскаго населенія. Новыя условія климата и почвы; новая бытовая дѣятельность и обстановка; воспріятіе инородческихъ элементовъ; отдаленность отъ обновляющаго и объединяющаго дѣйствія національнаго центра; обильный притокъ ссыльных; вѣковое господство административныхъ неурядицъ, т.-е. попросту сказать, чиновническаго насилиія и грабежа и полная беззащитность противъ него; особенности сибирскихъ промысловъ, съ одной стороны удручающихъ рабочую массу, съ другой дающихъ большой просторъ, иной разъ смѣлой предпримчивости, иной разъ самому наглomu и жестокому кулачеству; наконецъ, крайній недостатокъ въ средствахъ образованія,—все это вмѣстѣ создало въ Сибири особую разновидность русской народности, часто весьма не похожую на основной типъ во внутренней Россіи. Мы не возьмемся опредѣлять его черты, но есть рассказы путешественниковъ и туземцевъ, рисующіе мало отрадные черты огрубѣнія, которымъ до сихъ поръ не находилось умственнаго и нравственнаго противоясія. Сибиряки, по словамъ г. Семенова, отличаются трогательною любовью къ своей родинѣ; по этому, безъ сомнѣнія, они и высказывали такъ горячо свои желанія, чтобы ихъ родина была, наконецъ, выведена изъ своего арханческаго состоянія, и приобрѣла въ учрежденіяхъ какое-нибудь обезпеченіе здоровой общественной жизни и просвѣщенія.

—*Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Исслѣдованіе Н. И. Дубасова. Два выпуска. Москва, 1888.*

Въ нашей литературѣ рѣдко являются книги, посвященныя мѣстной исторіи и исполненныя такого интереса, какъ книга г. Дубасова. Провинціальная исторія большею частію пишется у насъ такъ, что можетъ интересовать только мѣстную публику, или немногихъ спеціалистовъ,—разсказываетъ слишкомъ частныя и не очень важныя, мѣстные факты, описываетъ мѣстныя достопримѣчательности, которыя имѣютъ только отдаленное отношеніе къ исторіи цѣлаго русскаго общества или государства. Этотъ недостатокъ общаго интереса не

всегда, конечно, можно приписать дѣйствительному отсутствію интереснаго содержанія въ мѣстномъ бытѣ и исторіи, часто этотъ недостатокъ зависитъ совсѣмъ отъ другихъ причинъ—во-первыхъ, отъ неумѣнья мѣстныхъ историковъ найти живую историческую связь своего края съ цѣлой исторіей государства, а, во-вторыхъ, и въ томъ стѣсненіи, какое лежало и до нынѣ лежитъ на провинціальной печати. Относительно ея въ особенности „печатный листъ быть кажется святымъ“; по крайней мѣрѣ, онъ съ особенной ревностью оберегается отъ всякаго живого вліянія дѣйствительности и обезпечивается отъ профанирующаго присутствія правдивой исторіи и критики.—Автору настоящей книги удалось, однако, собрать немало матеріаловъ по мѣстной исторіи края, которые имѣютъ и большой общій интересъ. Нѣкоторые работы г. Дубасова по этому предмету помѣщались уже въ историческихъ журналахъ и мѣстныхъ изданіяхъ; теперь онъ является съ цѣльной книгой, которая вполнѣ заслуживаетъ вниманія не однихъ специалистовъ, но и всѣхъ любителей русской исторіи.

На первыхъ страницахъ своихъ очерковъ авторъ замѣчаетъ, что работа нашихъ историковъ, при всемъ богатствѣ достигнутыхъ ими до нынѣ результатовъ, еще далеко не кончена: „массы историческихъ матеріаловъ ждутъ еще своихъ изслѣдователей; ждетъ научнаго изслѣдованія въ особенности наша безграничная провинція, составляющая сущность народной жизни (?) и всячески питающая всероссійское отечество“. Авторъ полагаетъ, что задача нашихъ историковъ и не будетъ выполнена, пока наши первоклассные изслѣдователи не овладѣютъ вполнѣ провинціальными, архивными и иными источниками. Въ этомъ направленіи и повелѣ свои работы г. Дубасовъ. Онъ поставилъ себѣ цѣлю излѣдованіе исторіи тамбовскаго края по нетронутымъ источникамъ въ мѣстныхъ архивахъ, и въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, гдѣ собраны теперь и старые провинціальныя архивы.

Книга г. Дубасова состоитъ изъ ряда отдѣльныхъ очерковъ. Въ первомъ выпускѣ помѣщены слѣдующіе очерки: тамбовскій лѣтописецъ; въ исторіи тамбовской церкви; тамбовскія писцовыя книги; нравственно-бытovyя черты тамбовскаго края по мѣстнымъ документахъ XVIII и XIX столѣтій; противоцерковныя движенія въ тамбовской губерніи. Во второмъ выпускѣ: посольство шацкаго воеводы А. И. Зюзина въ Англію; крымское посольство стольника Приклонскаго; казацко-крестьянское движеніе Разина въ предѣлахъ тамбовскаго края; тамбовско-шацкіе монастыри; состояніе тамбовскаго края въ первой половинѣ прошлаго вѣка; пребываніе персидскаго посоль-

ства въ Тамбовѣ въ 1741 году; чума 1771 года въ тамбовской и шацкой провинціяхъ; пугачевщина въ тамбовско-шацкомъ краѣ; постепенное развитіе народнаго просвѣщенія въ тамбовскомъ краѣ; Бандевское дѣло.

Какъ видимъ, содержаніе очерковъ весьма разнообразно. Правда, что къ исторіи тамбовскаго края не относятся спеціально посольства въ Крымъ или въ Англію, но и безъ нихъ рассказы г. Дубасова чрезвычайно интересны. Рѣдко исторія провинціального захолустья рассказывалась у насъ съ такими живыми подробностями изъ быта разныхъ классовъ народа, и рассказы не лишены серьезнаго историческаго поученія. Авторъ начинаетъ исторію края съ первыхъ историческихъ свѣдѣній о появленіи русскаго элемента среди тамошнихъ аборигеновъ, мордвы и мещеряковъ; говоритъ потомъ о татарскомъ нашествіи, которое на многіе вѣка оторвало этотъ край отъ связей съ русскимъ государствомъ и народной жизнью; затѣмъ переходитъ къ новымъ вѣкамъ, когда, по сверженіи татарскаго ига, началось русское движеніе на югъ и востокъ, причѣмъ тамбовскій край долго, чуть не до конца XVIII вѣка, былъ юго-восточной украинной и сторожевой линіей противъ татаръ, кубанцевъ и калмыковъ; наконецъ, авторъ рассказываетъ о ближайшихъ временахъ, о жизни тамбовскаго края съ конца XVIII вѣка и до освобожденія крестьянъ.

Если-бы мы серьезно приняли слова автора, что наша провинція (въ данномъ случаѣ онъ, конечно, разумѣетъ именно свой тамбовскій край), представляетъ „сущность народной жизни“, то можно было бы съ полнымъ правомъ повторить сюда слова: „есть отчего въ отчаяніе придти!“ Въ самомъ дѣлѣ, эта исторія по-истинѣ ужасная и безотрадная. Первый ясный историческій фактъ—ужасы татарскаго нашествія; затѣмъ темное существованіе полуидиой мордвы и мещеры подъ татарскимъ господствомъ; далѣе, появленіе русскихъ въ качествѣ сторожевого пограничнаго населенія, которое съ XVI и до половины XVIII вѣка остается открытымъ для разбойничьихъ набѣговъ татаръ, горскихъ племенъ и калмыковъ, и часто не получающимъ никакой охраны отъ государства. Нѣсколько разъ въ подобныхъ случаяхъ московскія или петербургскія власти предписывали поставить край на военное положеніе, вооружить крѣпости и собрать военныя команды, и каждый разъ мѣстныя начальства отписывали, что военнаго положенія устроить нельзя, что крѣпости (въ Тамбовѣ, Шацкѣ) близки къ разрушенію и грозятъ больше самимъ жителямъ, нежели непріятелю, что годныхъ ружей не находится и военные люди только инвалиды; бывали случаи, что мужики выѣзжали пахать, вооружаясь чѣмъ могли, какъ бывало во времена

половцевъ. Установленіе „порядка“ сопровождалось дѣйствіемъ крѣпостного права, доходившимъ даже въ нашемъ столѣтіи до истиннаго безобразія. „Сущность народной жизни“ обнаруживалась въ крайней безпомощности, за которою слѣдовали жалкія надежды на Разина и Пугачева и свирѣпости противъ помѣщиковъ и начальства, оплаченныя послѣ сторицею. Администрація велась самымъ халатнымъ и вмѣстѣ грабительскимъ способомъ отъ временъ московскихъ до новѣйшихъ. Самъ авторъ, къ сожалѣнію, не объяснилъ, въ какихъ именно явленіяхъ рассказанной имъ исторіи высказалась „сущность народной жизни“, та сущность, которой, по его словамъ, не могутъ понять историки, не углубившіеся въ провинціальныя архивы.

Авторъ намѣревается продолжить свою исторію. Желаемъ ему всякаго успѣха, но обратимъ также его вниманіе на то, что если онъ полагаетъ столько почтеннаго труда на изслѣдованіе своего предмета, ему не мѣшало бы кромѣ архивныхъ источниковъ обратить вниманіе и на нѣкоторые другіе, напр., на существующую литературу старую и новую. Такъ, рассказывая о губернаторствѣ Державина въ Тамбовѣ, онъ, повидимому, не знаетъ обстоятельнѣйшей біографіи Державина, составленной Я. К. Гротомъ. Рассказывая по своимъ архивнымъ источникамъ о состояніи городовъ тамбовскаго края въ концѣ прошлаго вѣка, онъ сообщаетъ вещи невѣроятныя. Напр., за 1781 годъ онъ приводитъ статистическія цифры, по которымъ (беремъ случайно для примѣра) въ городѣ Тамбовѣ оказывается 354 двора и жителей 5,664 человѣка. Между тѣмъ по свѣденіямъ 1789 г., о которыхъ сейчасъ скажемъ, въ Тамбовѣ считалось обывательскихъ домовъ около 1,600, а въ нихъ жителей болѣе 10,000. Въ городѣ Усмани г. Дубасовъ за то же время указываетъ 6 (шесть) дворовъ и жителей 46 (сорокъ шесть) человѣкъ; между тѣмъ въ тѣхъ же свѣденіяхъ 1789 года, мы находимъ въ городѣ Усмани обывательскихъ дворовъ 472, и жителей насчитано до 1,300 человѣкъ. Не говоря объ этой удивительной разницѣ показаній на столь небольшомъ промежуткѣ времени, извѣстія г. Дубасова объ Усмани остаются непонятны и въ другомъ отношеніи: на 6 дворовъ и 46 человѣкъ жителей въ Усмани приходится: „земляная крѣпость и въ оной присутственныя мѣста; въ предмѣстьѣ города (изъ 6 дворовъ?) каменная соборная церковь, а приходскихъ церквей 2, каменная и деревянная (т.-е. по особой церкви на два двора?). Жители того предмѣстья имѣютъ торгъ разными мелкими, щепетильными товарами“. Упомянутыя цифры 1789 года находятся въ мѣсяцесловѣ на этотъ годъ. Въ мѣсяцесловахъ, издававшихся тогда при академіи наукъ, помѣщались тогда описательныя, статистико-географическія статьи: онѣ

собирались потомъ въ особый сборникъ, котораго авторъ напрасно не имѣеть въ виду: это— „Собраніе сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцослововъ на разные годы“ (часть VI, 1790, стр. 375—459: описаніе тамбовскаго намѣстничества, изъ мѣсяцослова на 1789 годъ). Быть можетъ, эти цифры г. Дубасова—простыя опечатки; мы сказали бы, что не слѣдуетъ допускать ихъ съ такой систематической правильностью; эта система—вообще непригодная. Далѣе, въ одномъ изъ очерковъ передаются дѣянія кн. Ю. Г.—на, какъ бы лица доселѣ неизвѣстнаго, — между тѣмъ объ этомъ лицѣ есть обстоятельныя и очень характерныя разсказы Герцена, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ *записки* этого Ю. Г.—на были напечатаны въ „Отечеств. Запискахъ“ съ полнымъ именемъ автора.

„Очерки“ г. Дубасова вообще нуждаются иногда въ болѣе точности, въ ближайшемъ указаніи источниковъ; желательно, чтобы кромѣ архивныхъ источниковъ не упускались изъ виду и печатные. Но при всемъ томъ книга г. Дубасова есть весьма пріятное явленіе нашей исторической литературы, и мы искренно желаемъ автору успѣха въ его дальнѣйшихъ трудахъ.

— *Похвала мутости*, сатира Эразма Роттердамскаго. Предисловіе и переводъ (съ латинскаго) А. Кирпичикова, профессора харьковскаго университета. Москва, 1884 г.

У насъ очень много говорилось въ послѣднее время о самобытности, о независимости отъ европейской мысли, о необходимости самостоятельной работы и самостоятельныхъ рѣшеній въ области научной и общественной. Желанія прекрасныя, и первое условіе для ихъ выполненія есть безспорно обладаніе тѣмъ содержаніемъ западной науки и общественности, которому мы хотимъ соревновать и которое желаемъ (по крайней мѣрѣ многіе желаютъ) превзойти. Чтобы обладать этимъ содержаніемъ, надо изучить его, и, конечно, изучить сколько можно шире и полнѣе, въ самыхъ разнообразныхъ его сторонахъ, безъ исключеній и умолчаній; и это изученіе должно совершаться не одними учеными, въ тиши и глуши ихъ кабинетовъ, но по возможности быть доступнымъ всей образованной массѣ общества, потому что въ концѣ концовъ въ сознаніи этой массы и лежитъ основаніе самобытности или несамобытности. Съ этой точки зрѣнія, между прочимъ, получаетъ большую важность переводная литература, когда она стремится пересадить къ намъ не эфемерныя

произведенія литературы, служащей однимъ развлеченіемъ, а характерныя произведенія современной науки и поэзіи, и старыя, знаменитыя произведенія разныхъ вѣковъ и народовъ. Такъ понимали это еще въ XVIII столѣтіи, и тогда было уже переведено множество знаменитыхъ произведеній европейскихъ литературъ, древнихъ и новѣйшихъ. Это стремленіе усвоить нашей литературѣ знаменитыя произведенія, отмѣтившія собою развитіе европейской мысли, сканывается иногда и теперь въ отдѣльныхъ литературныхъ предпріятіяхъ, заслуживающихъ полнаго сочувствія. Мы не переживали тѣхъ умственныхъ движеній, которыя олицетворяются знаменитыми произведеніями старой европейской литературы, но мы должны знать ихъ, если хотимъ получить точное понятіе о современномъ европейскомъ содержаніи: здѣсь его прошлое, и знакомство съ нимъ этимъ путемъ представляетъ само по себѣ величайшій интересъ. — Поэтому мы можемъ отнести только съ полнымъ сочувствіемъ къ предпріятію г. Кирпичникова передать на русскомъ языкѣ „Похвалу глупости“, одно изъ знаменитѣйшихъ произведеній всемірной литературы. Переводъ г. Кирпичникова, напечатанный сначала въ мало распространенномъ журналѣ, вышелъ теперь отдѣльной книжкой. Къ переводу присоединена обстоятельная біографія Эразма Роттердамскаго. Переводъ исполненъ весьма точно, какъ и слѣдовало ожидать отъ автора, хорошаго ученаго специалиста.

Не можемъ впрочемъ не высказать при этомъ одного большого сожалѣнія. Знаменитое произведеніе начала XVI вѣка (первое изданіе „Похвалы глупости“ вышло въ 1512 году), прочитанное въ свое время—т.е. больше трехъ съ половиной вѣковъ тому назадъ!—всѣми образованными людьми тогдашней Европы, не могло явиться у насъ въ своемъ цѣломъ видѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что это не есть вина почтеннаго переводчика, который, вѣроятно, первый пожалѣлъ объ этой неполнотѣ; вина лежитъ на обстоятельствахъ нашей литературы, — но если они таковы, то возможно ли говорить теперь о нашей самобытности, о нашей независимости, нашемъ умственномъ и общественномъ превосходствѣ надъ Европой? Видимо, наша мысль считается неспособной переваривать даже такія понятія, какими питалась Европа въ 1512 году... Проповѣдники самобытности могутъ сказать намъ, что они вовсе не раздѣляютъ того мнѣнія, что русскому обществу второй половины девятнадцатаго вѣка нельзя дать въ руки сочиненія Эразма Роттердамскаго; можетъ быть, — но существуетъ фактъ, что сочиненіе все-таки попадаетъ въ руки нашего общества урѣзаннымъ, по тому способу, какъ урѣзываютъ классическихкихъ писателей для употребленія школьникова. Фактъ, къ сожа-

лѣній, не единиченъ: не говоря о множествѣ другихъ случаевъ, нѣсколько лѣтъ назадъ совсѣмъ погибло, въ русскомъ переводѣ, еще болѣе знаменитое произведеніе половины XVII вѣка: „Левіаѳанъ“, Гоббса, и какъ говорятъ, донныѣ скитаются, не получая пристанища въ русской книгѣ, еще одинъ знаменитый европейскій писатель стараго времени... И если существуютъ эти факты, то позволительно спросить—возможна ли въ данную минуту серьезная рѣчь о нашей самобытности, и состоитъ ли настоящая забота объ ея приобрѣтеніи въ газетныхъ вопляхъ противъ „либерализма“ и „интеллигенціи?“— Намъ кажется, что забота состоитъ не въ этомъ.—А. Н.

ЗАМѢТКА.

По поводу „Открытаго письма“ г. Златовратскаго.

Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 48, 17 февраля) напечатано было „Открытое письмо“, адресованное на мое имя г. Златовратскимъ и направленное противъ моей статьи о народничествѣ. Сама редакція московской газеты, въ томъ же №, посвятила передовую статью разбору „Письма“ г. Златовратскаго и обстоятельно отвѣтила на его обвиненія противъ моей статьи. Въ этихъ замѣчаніяхъ редакціи изложено въ взглядъ на дѣло весьма близкій къ моему собственному взгляду, почти тождественный. Тѣмъ не менѣе я не желаю оставить „Письма“ безъ отвѣта, потому что исполнѣ сочувствую желанію его автора установить „болѣе примирительныя отношенія между общественными группами, одинаково преданными благу родины“, а также не желаю „накопленія еще большихъ недоразумѣній“. Письмо г. Златовратскаго, внушенное, думаю, дѣйствительно не личнымъ раздраженіемъ, а желаніемъ общественной правды, можетъ съ полнымъ правомъ ожидать отвѣта.

Впрочемъ, опредѣлить съ точностью предметъ обвиненій довольно трудно; они относятся не къ положительнымъ фактамъ, а къ общимъ опредѣленіямъ, „складу“, „идеѣ“, и т. п. Исходная точка моихъ сужденій о новѣйшемъ народничествѣ состоитъ именно въ томъ, что это направленіе до сихъ поръ весьма неясное, къ которому причисляютъ себя люди вовсе не похожіе другъ на друга, въ которомъ можно одинаково встрѣтить и мнѣнія чисто прогрессивныя, и совсѣмъ инныя, какъ будто очень близкія къ обскурантизму. Авторъ „Письма“ не одинъ разъ подтверждаетъ самъ мои замѣчанія (которые не были голословны) о различныхъ „неловкостяхъ“, какія дѣлались народниками по этому послѣднему пункту; тѣмъ не менѣе онъ винитъ меня въ невнимательномъ, поверхностномъ отношеніи къ дѣлу, и объясняетъ, что упомянутыя неловкости были исправлены въ (неуказанныхъ имъ) статьяхъ „Отечественныхъ Записокъ“ и „Дѣла“ другими народниками. Но о чемъ же я говорилъ, какъ не о томъ, что подъ именемъ народничества являются и разумныя, прогрессивныя мысли, и въ то же время щеголяютъ „неловкости“, доходяція на дѣлѣ до совер-

ипенихъ негѣностей. Авторъ „Письма“ замѣчаетъ, что я смѣшалъ въ одну кучу людей, которые, если бы ихъ свести вмѣстѣ, въ дѣйствительности были бы изумлены своей встрѣчей; авторъ не правъ—я, напротивъ, старался выдѣлять различные оттѣнки людей и мнѣній, но самъ приходилъ въ изумленіе, встрѣчая ихъ подъ одной фирмой.

Авторъ винить меня, что я собиралъ одни только промахи народничества и не оцѣнилъ его услугъ нашимъ общественнымъ понятіямъ о народѣ. Этотъ упрекъ мнѣ непонятенъ. Въ рядѣ моихъ прежнихъ статей объ изученіи народности я указывалъ, напротивъ, массу внимательныхъ изученій народнаго быта, какія сдѣланы были въ послѣдніа десятилѣтія и внушены были глубокимъ сочувствіемъ къ народу; извѣстная часть этихъ трудовъ могла отличаться и тѣмъ спеціальнымъ „народничествомъ“, о которомъ теперь идетъ рѣчь, но далеко не всѣ,—и я не имѣлъ никакого права и основанія причислять ихъ въ спеціальную фракцію, когда они отвѣчали цѣлому широкому интересу лучшей части литературы. Надѣюсь, что я отдавалъ полную справедливость важному значенію этихъ трудовъ и тому прекрасному народолюбивому чувству, какое ихъ внушало; но тѣмъ сильнѣе и поражали меня тѣ „неловкости“, которыя совершались патентованными друзьями народа, будто бы на его защиту, а на дѣлѣ въ несомнѣнный вредъ его интересамъ.

Авторъ „Письма“ упрекаетъ меня, что я отнесся къ исторіи народничества съ одной формальной стороны и не принялъ достаточно въ соображеніе того богатаго матеріала, который могъ быть у меня подъ руками; авторъ рекомендуетъ мнѣ, напримѣръ, „взглянуть въ біографію“ Шапова, Пемыловскаго, Рѣшетникова, Левитова и „многихъ другихъ, имена которыхъ трудно выговариваются въ наше время“. Авторъ не припомнилъ, во-первыхъ, что въ самомъ началѣ статьи (2-й) я не бралъ на себя задачи полного опредѣленія этого движенія, считая это мало удобнымъ въ настоящее время; далѣе, онъ называетъ мнѣ имена людей, которыхъ я лично, и частью очень близко, зналъ,—о Шаповѣ даже и не однажды писалъ при его жизни и по его смерти.

„Взглядывать въ біографію“ этихъ писателей мнѣ не было никакой надобности для моей цѣли,—ихъ дѣятельность такъ общеизвѣстна, что довольно было упомянуть о ней двумя словами, что я дѣлалъ теперь и прежде; а главное, ихъ дѣятельность имѣетъ свои особые историческіе оттѣнки (какъ напримѣръ, у Шапова) не всегда подходятъ къ новѣйшему типу народничества,—а я имѣлъ въ виду въ особенности это послѣднее, въ его нынѣшнемъ *statu quo*.

Если бы мы искали въ „Письмѣ“ точнаго опредѣленія новѣйшаго

народничества въ противоположность моему неточному, наше желаніе было бы все-таки мало удовлетворено. Мы остаемся при неясномъ иносказательномъ опредѣленіи, въ которомъ трудно найти точное теоретическое и историческое содержаніе. Авторъ даже исторически выдѣляетъ новѣйшее народничество отъ всякой связи съ прежними движеніями подобнаго характера,—не только тѣми, которыя въ старину находили себѣ выраженіе въ „Москвитининѣ“, „Маякѣ“, „Времени“, „Эпохѣ“, но выдѣляетъ отъ Добролюбова, хотя соглашается признать въ послѣднемъ „выразительнаго родоначальника народничества въ его время“. Новѣйшему народничеству авторъ даетъ иного родоначальника („не въ теоріи, а органически“): это былъ—разночинецъ, „тотъ разночинецъ, который явился ближайшимъ выразителемъ потребностей, интересовъ и чувствъ вѣками униженныхъ и угнетенныхъ массъ“.

Именно этотъ разночинецъ, по словамъ автора, „выдѣлилъ изъ расплывающихся рамокъ либерализма совершенно опредѣленную фракцію, нравственные мотивы и цѣли которой были вполне понятны (?). Разночинецъ, который такъ близко стоялъ къ народной массѣ, который вмѣстѣ съ нею испыталъ всѣ ужасы угнетенія и порабощенія, совершенно естественно и органически явился выразителемъ ея интересовъ и желаній (а не самозванно, какъ увѣряютъ многіе); онъ дѣйствительно постигалъ эти интересы всѣмъ существомъ, всѣмъ „нѣтромъ“ своимъ, и онъ же любилъ эту массу, радовался ея радостями, умилялся проявленіями въ ней человѣческаго достоинства и скорбѣлъ за ея недостатки,—онъ, этотъ разночинецъ, создалъ „народничество“ столь же органически и непосредственно, сколько и посредственно, при помощи великаго „нѣмецкаго еврея“...

„Русскія Вѣдомости“ уже замѣтили очень справедливо, что подобное опредѣленіе не совсѣмъ объясняетъ дѣло, что вопросъ о народѣ и его тягостяхъ поднятъ гораздо раньше новѣйшаго „разночинца“ и что „расплывшійся въ общихъ формулахъ либерализмъ“ имѣлъ, напротивъ, издавна весьма опредѣленные стремленія, что именно онъ и воспиталъ въ русскомъ обществѣ тѣ идеи, изъ которыхъ само нынѣшнее народничество почерпаетъ свои лучшія побужденія и свои наиболее сочувственныя черты.

Съ другой стороны, если, по словамъ самого автора „Письма“, народничество было созданіемъ одного класса, именно созданіемъ разночинца, то въ этомъ была не одна заслуга новѣйшаго народничества, но и его недостатокъ и ошибка.

Дѣло въ слѣдующемъ. Оспаривая мнѣніе, что народничество не внесло ничего новаго въ общественное сознаніе, авторъ „Письма“

утверждаетъ, напротивъ, что оно именно было ново и опредѣляетъ его такимъ образомъ (выписываемъ подлинныя слова): „новое заключается, мнѣ кажется, не въ томъ, что бы абсолютно не было извѣстно раньше,—а исключительно въ той „односторонности“, съ которою выдѣляется изъ массы *циркулирующихъ* идей и направленій одно и придается ему *премирующее* надъ другими значеніе. Въ этой *концентраціи* на одномъ пунктѣ, въ этомъ преимущественномъ выдѣленіи его изъ расплывающейся массы другихъ, въ этомъ напряженіи мысли и чувства въ данномъ направленіи,—которое опредѣляетъ весь умственный и нравственный складъ данной личности,—и заключается то „новое“, характерное, оригинальное, что придаетъ направленію опредѣленную фizioномію“. Не говоримъ о странности языка, къ которой опять должна прибѣгать теорія народничества, но эта „концентрація“ не даетъ, однако, понятія о какомъ-либо особенномъ *теоретическомъ* содержаніи народничества; это—указаніе *степени* интереса къ народному вопросу, но не его мысли. Степень интереса не подлежитъ спору и заслуживаетъ похвалы, какъ всякая преданность человѣка или кружка своему хорошему дѣлу, какъ всякая ревность въ стремленіи къ хорошей цѣли. Но въ томъ и дѣло, что дѣло и цѣль должны быть и правильно обдуманы, потому что иначе человѣкъ рискуетъ достигать не того, къ чему собственно стремится. Авторъ не можетъ сказать, чтобы въ моихъ сужденіяхъ о народничествѣ была отвергаема эта основная цѣль его стремленій; напротивъ, къ этой цѣли высказывалось мною полное сочувствіе, отмѣчались лучшія пріобрѣтенія народничества, отдавалась справедливость его ревностнымъ исканіямъ и усиліямъ,—но мнѣ именно казалось и кажется, что для успѣшной работы въ томъ великомъ и до чрезвычайности сложномъ вопросѣ, какой обозначается словомъ „народъ“, не только недостаточно этой „концентраціи“, но, напротивъ, она и бесполезна, потому что въ многосложномъ предметѣ будетъ видѣть одну сторону и не видѣть цѣлой связи явленій, въ которой предметъ только и можетъ быть понятъ правильно.

Такъ это и случилось съ народничествомъ въ его нынѣшней односторонней формѣ, которую защищаетъ г. Златовратскій... Забывъ или не видя этой связи явленій, онъ поднялъ, напримѣръ, войну противъ либерализма и — извѣстно, кому эта война была пріятна...

Передовая статья „Русскихъ Вѣдомостей“, очень справедливо и мѣтко указываетъ односторонность въ дѣятельности того „разночинца“, которому приписывается основаніе новѣйшаго народничества. „Разночинецъ можетъ относиться къ стремленіямъ и трудной борьбѣ

либерализма скептически, онъ можетъ считать себя ближайшимъ выразителемъ потребностей, интересовъ и чувствъ народныхъ массъ, но на дѣлѣ онъ является прежде всего выразителемъ интересовъ и чувствъ его самого—разночинца. . . . Онъ составляетъ только извѣстную фракцію, не исключаящую другихъ фракцій и не обнимающую собою совокупности потребностей, интересовъ и чувствъ многомилліоннаго историческаго народа. Разночинецъ принялъ безспорно дѣятельное участіе въ развитіи нашего общественнаго самосознанія; его усиленіе много обязано распространенію въ обществѣ интереса къ крестьянству. Но не слѣдуетъ забывать, что онъ явился уже на подготовленной почвѣ, что онъ воспользовался ранѣе сложившимися тенденціями и что въ концѣ-концовъ онъ довелъ ихъ до крайности, впалъ въ односторонность и возмнилъ, что эта-то односторонность и есть самая суть, единственная цѣль и заслуга историческаго развитія и прогресса."

Довольно характерно въ самомъ дѣлѣ, что народничество старается обособиться отъ прежнихъ направленій, съ которыми несомнѣнно имѣетъ историческую связь, и отъ современнаго либерализма, съ которымъ (въ своихъ лучшихъ представителяхъ) несомнѣнно имѣетъ связь нравственную и связь понятій. Это и есть именно точка зрѣнія фракцій, кружковъ, сектъ, точка зрѣнія самонадѣянной и исключительной нетерпимости; но такова не можетъ быть точка зрѣнія людей, которые могли бы дѣйствительно считаться выразителями народнаго интереса. Очевидно, что во взглядѣ разночинца еще нѣтъ настоящаго народнаго взгляда. Не будемъ много останавливаться на враждѣ народниковъ къ „интеллигенціи" и на странномъ пониманіи „европейской цивилизаціи": самъ авторъ признаетъ, что многіе народники своими „неловкостями" подавали поводъ къ недоумѣнію относительно этого пункта. Онъ съ нѣкоторымъ негодованіемъ отвергаетъ мысль, будто народники не умѣютъ цѣнить великихъ пріобрѣтеній западнаго просвѣщенія, и въ осужденіе мнѣ замѣчаетъ, что въ этомъ пунктѣ мои обвиненія противъ народничества „съ завиднымъ единодушіемъ сходятся съ газетными напаками послѣдняго времени". Очень возможно; но развѣ газетные фельетонисты не могутъ быть хоть иногда правы? Въ послѣднее время еще сохранились газеты весьма разумнаго характера, и въ настоящемъ случаѣ, на примѣръ, мнѣ пріятно было встрѣтить „единодушіе" въ редакціи „Русскихъ Вѣдомостей".—Соглашаясь, что народники бывали иногда въ этомъ пунктѣ безтактны, авторъ „Писемъ" все-таки старается оправдать ихъ условіями времени; но мы тѣмъ не менѣе и по-нынѣ не понимаемъ, какія условія могутъ оправди-

вать въ средѣ общества, каково наше, извращеніе и злоупотребленіе такихъ понятій, какъ просвѣщеніе и цивилизація. Другимъ народа такое злоупотребленіе не позволительно въ обществѣ, гдѣ интересы просвѣщенія еще такъ слабы и имѣютъ столько ожесточенныхъ враговъ.—Я не выдумывалъ своихъ обвиненій: я приводилъ подлинныя слова, и не моя вина, что въ этихъ словахъ были вещи, отъ которыхъ чурается авторъ „Письма“, и эти слова принадлежали, однако, завѣдомымъ народникамъ. Пусть его негодованіе обратится на тѣхъ другихъ народниковъ, которые позволяли себѣ это злоупотребленіе, и придется согласиться со мною, что народничество есть еще очень невнященное направленіе.

Я указывалъ въ своей статьѣ одинъ изъ недостатковъ народничества въ отсутствіи вниманія къ прошлой исторіи общества. Думаю, что этотъ недостатокъ не подлежитъ сомнѣнію и оказывается въ понятіяхъ народниковъ о современномъ положеніи общества: не оглядываясь на прошедшее, они не умѣютъ правильно оцѣнить современныя направленія общественной мысли, не знаютъ прошлаго своихъ собственныхъ идей, и, напр., повторяя съ чужихъ словъ нападки на либерализмъ, становятся въ очень странныя положенія—вооружаются противъ людей и направленій, всего болѣе близкихъ къ защищаемому ими самими дѣлу и иногда оказываются въ изумительномъ единогласіи съ людьми, которыхъ только очень простодушный человѣкъ можетъ принять за друзей народа.—Мы думаемъ, напротивъ, что вниманіе къ прошедшему—не лишнее и для всякаго образованнаго человѣка вообще, тѣмъ болѣе необходимо для людей, занятыхъ общественными вопросами: вопросы будутъ яснѣе, и направленіе, которое можетъ указать свое прошедшее, получить больше убѣдительности и авторитета для общества; для самихъ дѣателей цѣль ихъ стремленій будетъ опредѣленнѣе, общество узнаетъ въ ней жизненную черту своего историческаго развитія.

Въ настоящемъ спорѣ, какъ мы полагаемъ, только ярче выступило недоумѣніе, уже давно возбуждаемое въ обществѣ стремленіями народничества, и въ виду этого было бы очень желательно, чтобы компетентные представители этой точки зрѣнія опредѣлительнѣе высказали свой взглядъ, но крайней мѣрѣ на тѣ стороны общественной и народной жизни, которыя въ данную минуту доступны для литературнаго обсужденія и достаточно выяснились въ понятіяхъ самихъ народниковъ,—но повторимъ: представители компетентные, потому что, какъ соглашается и самъ авторъ „Письма“, до сихъ поръ въ этотъ вопросъ нерѣдко вмѣшивались, и даже назойливѣе другихъ кричали, такіе народники, указаніе на которыхъ приводитъ г. Зла-

товратскаго въ негодованіе. — Мы, по крайней мѣрѣ, встрѣтили бы такое опредѣлительное и обдуманное изложеніе идей народничества съ истиннымъ интересомъ.

А. ПИНИНЪ

ПО ДѢЛУ МЕЛЬНИЦКИХЪ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

По дѣлу Мельницкихъ, разсматривавшемуся на-дняхъ въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ правительствующаго сената, г. оберъ-прокуроръ Н. А. Неклюдовъ, въ своемъ заключеніи, выразилъ нѣсколько общихъ соображеній относительно защиты; такіа соображенія не должны быть, въ интересахъ серьезнаго отношенія къ судебному дѣлу, у насъ оставлены безъ отвѣта. Разбирая одинъ изъ доводовъ къ отрицателънѣмъ рѣшенія присяжныхъ засѣдателей, заключавшійся въ нарушеніи 611 ст. уст. уг. суд., г. Неклюдовъ высказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „и протестъ прокурорскаго надзора, и кассационная жалоба повѣреннаго гражданскаго истца одинаково указываютъ на нарушеніе предсѣдательствовавшимъ 611 ст., выразившееся въ дозволении защитѣ: опорочивать дѣйствія судебныхъ и правительственныхъ властей, принимавшихъ мѣры къ обнаруженію соучастниковъ О. Мельницкаго; подрывать довѣріе къ показаніямъ свидѣтелей, содѣйствовавшихъ своимъ наблюденіями обнаруженію мѣста храненія присвоенныхъ денегъ, и употреблять въ защитительныхъ рѣчахъ оскорбительныя сравненія и выраженія. Принимая во вниманіе, что въ протоколѣ судебного засѣданія не содержится *рѣшительно никакихъ* данныхъ по этому предмету, такъ какъ стороны о занесеніи въ протоколъ словъ защиты не просили, и не считая себя, вслѣдствіе этого, въ правѣ *ни утверждать, ни отрицать* приводимыхъ въ настоящемъ доводѣ указаній, — мнѣ не остается иного исхода, какъ оставить эти указанія на совѣсти дѣлающихъ ихъ лицъ, если они изложены несогласно или не вполне согласно съ истиною, а въ противномъ случаѣ, на совѣсти самой

защиты и того лица, которое, будучи облечено 611 ст. всею властью, необходимою для прекращенія подобныхъ злоупотребленій, не только не исполнило своей обязанности, но даже не разъяснилъ присяжнымъ засѣдателямъ значеніе подобныхъ уклоненій". Г-нъ Неклюдовъ, какъ оберъ-прокуроръ сената, обязанный возвышать силу публично произносимыхъ имъ словъ, не могъ выразиться болѣе опредѣленно о доводѣ, который, по его же собственному признанію, ничѣмъ въ дѣлѣ не былъ подтвержденъ. Если слова, приписываемыя защитѣ, были произнесены, тогда слова эти представляютъ собою злоупотребленіе—вотъ и все, что можетъ сказать лицо, облеченное такимъ званіемъ, какъ званіе оберъ-прокурора прав. сената, т.-е. лицо, которое не бросаетъ своихъ словъ на вѣтеръ и обязано понимать, что значить спокойное и безпристрастное, а главное, не легко-фельетонное отношеніе къ дѣлу. Но г. Неклюдовъ, какъ будто, не пожелалъ на этомъ остановиться, и воспользовался не подходящимъ къ дѣлу случаемъ, „распять“ защиту. Дѣло не особенно трудное: для этого нужно только слѣдовать попутному вѣтру, который давно уже дуетъ въ „Моск. Вѣд.“ и въ другихъ органахъ такъ-называемой консервативной печати.

Г-нъ Неклюдовъ предлагаетъ правительствующему сенату разъяснить, что для защиты долженъ существовать свой „modus in gerendis“, не позволяющій сторонѣ выставлять черное бѣлымъ, безнравственное — нравственнымъ, а преступное—дозволеннымъ или не преступнымъ, искажая для сего и законы религій, и законы общественной нравственности, и законы государственнаго строя". Вся эта тирада очень сильна, но зато вовсе не отличается новизною. Всѣ эти фразы, какъ фразы объ искаженіи законовъ религій и общественной нравственности и законовъ государственнаго строя, не двадцать и не сотни разъ на всѣ лады преподносились публичѣ извѣстными органами печати. Ново тутъ только то, что, какъ будто, языкомъ этихъ извѣстныхъ органовъ печати заговорилъ г. оберъ-прокуроръ прав. сената. На подобныя стереотипныя фразы можно было не обращать вниманія, пока ими пробавлялись на все и на вся негодующіе, озлобленные публицисты извѣстнаго зачала, или просто легкомысленные фельетонисты, отъ которыхъ нити не спросить отчета за выпаленныя ими слова. Другое дѣло, когда проносятся ихъ публично г. оберъ-прокуроръ прав. сената. Онъ вѣдь думаетъ о чемъ онъ говоритъ, онъ возвышаетъ свои слова, и если рѣшается ихъ выразить, значитъ, у него существуютъ доказательства, что „защита“ (читай: присяжная адвокатура) искажаетъ законы религій, нравственности и государственнаго строя.

Какія же доказательства представилъ тому г. Неклюдовъ? Отвѣтъ: ровно никакихъ! Онъ позаимствовалъ изъ кассационной жалобы и протеста по дѣлу Мельницкихъ нѣсколько фразъ, не подумавъ вовсе о томъ, что самъ же онъ, дѣлая разборъ довода, заключавшагося въ нарушении 611 ст., призналъ, что указанія кассаторовъ ничѣмъ въ дѣлѣ не подтверждены.

А если это такъ, если эти указанія ничѣмъ въ дѣлѣ не подтверждены, то позволительно ли, спрашивается, на основаніи такихъ, ничѣмъ не подтвержденныхъ указаній, выставить обвиненіе въ искаженіи законовъ религіи, нравственности и государственнаго строя не только противъ тѣхъ лицъ, которыя яко бы дозволили себѣ такіа злоупотребленія, но противъ дѣлаго института „защиты“.

Правда, эти ничѣмъ не подтвержденные выраженія, приписываемыя кассаторомъ защитникамъ по дѣлу Мельницкихъ, дали поводъ г. Неклюдову привести нѣсколько цитатъ изъ книги Бытія, изъ книги Исхода, изъ книги Премудрости, словомъ, дали возможность выставить на видъ свое знакомство съ Библіей, но такое знакомство вовсе не требуетъ ни особенной глубины, ни особаго таланта, чтобы ставить его кому-нибудь въ особую заслугу. Впрочемъ, найдутся, безъ сомнѣнія, люди, которымъ, благодаря именно этимъ цитатамъ, г. Неклюдовъ покажется основательнымъ.

Обвиненія защиты въ искаженіи законовъ религіи, нравственности и государственнаго строя, г. Неклюдову показалось мало: онъ пожелалъ усилить свою филиппику противъ этого института, и потому не задумался обвинить защиту „въ томъ, что она не желаетъ отличать правого отъ виноватаго, что она прибѣгаетъ къ однимъ и тѣмъ же средствамъ защиты и отъявленнаго злодѣя, и лица, случайно впавшаго въ преступленіе; что она настаиваетъ, во что бы то ни стало, отпустить ей ея Варавву, распявъ, ради его, и свидѣтелей, и потерпѣвшаго, и обвинительную вѣсть, и даже самый законъ...“ Опять сказано очень сильно! Но всѣ эти обвиненія только тогда перестали бы быть одною фразою, тирадой, если бы г. Неклюдовъ далъ себѣ трудъ иллюстрировать свои обвиненія защиты какими-нибудь примѣрами. Тогда можно было бы согласиться съ нимъ или не согласиться; но такъ какъ г. Неклюдовъ ограничился только повтореніемъ самыхъ избитыхъ фразъ нашихъ доморощенныхъ Катонъ, то остается только удивляться необычайной легкости, съ какою стали у насъ произносятся заключенія, даваемые оберъ-прокуроромъ правительствующаго сената.

Г-нъ Неклюдовъ, какъ это доказываетъ и самое заключеніе по дѣлу Мельницкихъ, причисляетъ себя къ самымъ горячимъ друзьямъ во-

ликой судебной реформы. Сомнѣваться въ томъ, что судебные уставы 20-го ноября 1864 г. имѣютъ себѣ преданнаго защитника въ г. Неклюдовѣ—никто не имѣетъ права, и мы менѣе чѣмъ кто-либо въ томъ сомнѣваемся. Можно, разумѣется, быть ревностнымъ защитникомъ судебной реформы и подвергать рѣзкому порицанію ту или другую неудавшуюся часть этой реформы; можно находить плохо выкованнымъ одно изъ звеньевъ той цѣпи, которая, взятая въ цѣломъ, вызываетъ удивленіе. Но другъ реформы тѣмъ и отличается отъ врага судебной реформы, что въ то время какъ послѣдній взводитъ самыя дикія обвиненія, не заботясь о томъ, основательны ли онѣ или нѣтъ,—первый никогда не рѣшится выставить бездоказательнаго обвиненія. Г-нъ Неклюдовъ другъ судебной реформы, но другъ опасный, котораго не знающіе его люди могутъ принять за врага. Обвинять не лица, а цѣлый институтъ „защиты“, эту неразрывную часть судебной реформы, въ искаженіи законовъ религіи, нравственности и государственнаго строя, обвинять фразами, а не фактами, не представляя ни одного тому доказательства — не значитъ ли это играть въ руку самымъ отъявленнымъ врагамъ судебной реформы.

Предъявляя правительствующему сенату ходатайство о разъясненіи „подъ страхомъ личной отвѣтственности указать тѣмъ, до кого это относится“, что защита не должна искажать законовъ религіи, нравственности и государственнаго строя, г. Неклюдовъ, очевидно, полагалъ, что правительствующій сенатъ удовлетворитъ его ходатайство. Исполнить ли правительствующій сенатъ желаніе г. Неклюдова, мы не можемъ предрѣшать, однако, отнюдь этого не полагаемъ. Мы вполне увѣрены, что если бы до свѣденія правительствующаго сената дошло, что кто-либо дозволилъ себѣ искажать законы религіи, нравственности и государственнаго строя, то правительствующій сенатъ не оставилъ бы такихъ поступковъ безъ вниманія и принялъ бы мѣры, возбуждая законнымъ порядкомъ преслѣдованіе виновнаго въ томъ лицѣ, дабы поступокъ его не остался безъ строгой кары. Разъяснять же, что воровать дурно, убивать не годится, подкапываться подъ существующіе законы преступно—вовсе не дѣло правительствующаго сената, назначеніе котораго слѣдить за точнымъ исполненіемъ законовъ. Если отдѣльное лицо судебного вѣдомства можетъ еще присвоивать себѣ неподходящую ему роль проповѣдника нравственныхъ началъ, то предлагать такую роль правительствующему сенату значитъ совсѣмъ не понимать назначенія этого высшаго органа судебной власти. Указывайте факты, и тогда прав. сенатъ не останется глухъ къ предложенію о преслѣдованіи всѣхъ тѣхъ, кто дозво-

лилъ себѣ поправіе законовъ религіи, нравственности и государственнаго строя.

Фактовъ, однако, г. Неклюдовъ не приваля. Почему же? да по одной очень понятной причинѣ: именно, той, что фактовъ, которые доказывали бы со стороны защиты поправіе законовъ религіи, нравственности и государственнаго строя, не должна существовать.

„Защита“, по крайней мѣрѣ присяжная адвокатура, о которой только и можетъ быть рѣчь, находится подъ контролемъ или совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ, и затѣмъ высшей инстанціи судебной палаты и прав. сената, или, гдѣ нѣтъ совѣтовъ, подъ контролемъ окр. судовъ и также судебной палаты и прав. сената.

Можно еще допустить предположеніе, что совѣтъ съвозъ пальцы смотреть на подобные проступки членовъ корпораціи, хотя такое предположеніе не встрѣчаетъ себѣ подкрѣпленія въ дѣйствительности; но такое предположеніе немислимо ни относительно окружныхъ судовъ, ни судебныхъ палатъ, ни прав. сената.

Дисциплинарныя производства возбуждаются противъ присяжныхъ повѣренныхъ, и по сообщеніямъ гг. предсѣдателей судовъ, и палатъ, и гг. прокуроровъ, наконецъ, и за прав. сенатомъ, каждый разъ, что онъ встрѣчается съ подобнымъ проступкомъ, остается не только право, но обязанность возбудить дисциплинарное производство.

Слѣдовательно, еслибы тѣ обвиненія, которыя такъ неожиданно предъявилъ г. Неклюдовъ противъ защиты, имѣли бы подъ собою почву, то нѣтъ сомнѣнія, что не трудно было бы подыскать подходящіе къ дѣлу случаи не только въ дисциплинарныхъ производствахъ совѣтовъ, окружныхъ судовъ или палатъ, но и въ уголовныхъ преслѣдованіяхъ противъ лицъ, дозволившихъ себѣ подкапываться подъ законы религіи, нравственности и государственнаго строя. Г-ну Неклюдову лучше чѣмъ кому-нибудь извѣстно, что и религія, и нравственность, и государственный строй, находятся подъ строгой охраной Улож. о Наказаніяхъ.

Безъ сомнѣнія, никто не станетъ утверждать, что защитой никогда на судѣ не произносилось ничего лишняго, не употреблялось рѣзкихъ выраженій, не допускалось неумѣстныхъ выходокъ; но въ такихъ проступкахъ виновна не одна защита, виновна точно также и обвинительная власть,—и лучшимъ доказательствомъ виновности въ томъ и прокурорскаго надзора служить самая рѣчь г. оберъ-прокурора, произнесенная въ засѣданіи правительствующаго сената по дѣлу Мельницкихъ. Промахи, излишества весьма естественно объясняются горячностью преній, неизбежно вносимую сторонами

во время прений,—и все это встрѣчается не только у насъ, но вездѣ, во всѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ гласный судъ съ участіемъ сторонъ. Но отъ промаховъ и излишествъ слова до искаженія законовъ религіи, нравственности и государственнаго строя—еще очень далеко.

Ничѣмъ необъяснимая страстность нападенія г. Неклюдова на защиту довела его до того, что онъ ставитъ ей въ преступленіе усиліе защитить злодѣя, или, какъ онъ выражается евангельскимъ языкомъ, „отпускать ей Варава“. Когда подобныя рѣчи раздаются со стороны людей, никогда не вдумывавшихся въ обязанности защиты, тогда становится только досадно, что легкомысленные люди рѣшаются публично говорить о вещахъ, въ которыхъ они ничего не понимаютъ. Но нынѣшній разъ лицо, обязанное вдуматься въ каждое свое слово, высказываетъ соображенія, неосновательность которыхъ должна быть очевидна, прежде всего, для него самого.

Неосновательность же такихъ соображеній доказывается очень легко. Что сказалъ бы тотъ же г. Неклюдовъ, еслибы по какому-нибудь дѣлу, по которому онъ давалъ заключеніе въ качествѣ оберъ-прокурора, онъ встрѣтился бы съ такимъ фактомъ: присяжный повѣренный, назначенный отъ суда защитникомъ несознающагося убійцы, хотя фактъ убійства несомнѣненъ, вмѣсто защитительной рѣчи ограничился бы словами: „по моему убѣжденію, человѣкъ этотъ виновенъ въ убійствѣ, пусть свершится правосудіе!“—какъ это и случилось разъ въ дѣйствительности, и г-ну Неклюдову хорошо извѣстно, что это нами говорится не для припѣва, а заимствовано изъ судебной практики, и что совѣтъ усмотрѣлъ весьма справедливо въ оборотѣ рѣчи защитника по назначенію—неисполненіе имъ возложенныхъ на него судомъ обязанностей. Едва ли возможно сомнѣваться, что даже и самъ г. Неклюдовъ потребовалъ бы въ данномъ случаѣ отиѣны рѣшенія присяжныхъ засѣдателей, доказывая весьма справедливо, что подсудимый лишенъ былъ при этомъ той гарантіи справедливаго суда, которая дана судебными уставами 1864 г. въ лицѣ защитника. Защита обязана защищать, и она защищаетъ и вора, и убійцу, защищаетъ каждого совершившаго преступленіе; г. Неклюдову не можетъ не быть извѣстно, что этимъ она исполняетъ свой долгъ предъ судомъ,—и тѣмъ не менѣе ради какихъ-то трудно-объяснимыхъ цѣлей, онъ ставитъ ей все это въ преступленіе. Развѣ сама прокуратура не чувствуетъ себя въ такомъ же положеніи, когда ей приходится, съ болѣе или менѣе сильнымъ ожесточеніемъ, по долгу своей службѣ, обвинять человѣка, впоследствии оказавшагося вполнѣ невиновнымъ. Развѣ такихъ случаевъ не бывало въ практикѣ суда? Но слѣдуетъ ли изъ этого для прокуратуры то, что вывелъ г. Неклюдовъ изъ аналогиче-

скаго положенія—для защиты? И что, наконецъ, лучше: „оправдать ли десять виновныхъ, или осудить одного невиннаго?“ Историческій отвѣтъ на этотъ вопросъ г-ну Неклюдову также не можетъ быть неизвѣстнымъ. А въ такомъ случаѣ, спросимъ мы, чей избытокъ усердія должно призывать также для общественной нравственности и для религіи?

О.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е апрѣля, 1884.

Дѣйствующая передвижная выставка. — Картина г. Рѣпина: „Не ждали“; портреты г. Ярошенко. — Вопросъ о направленіи въ живописи. — Шпильгагенъ въ Петербургѣ.

Есть вопросы, мимо которыхъ трудно пройти, какъ только вступишь въ область искусства. Они кажутся исчерпанными, давно разрѣшенными—разрѣшенными, конечно, не однимъ рѣшеніемъ, общимъ для всѣхъ, безусловно-непогрѣшимымъ, а множествомъ рѣшеній, изъ которыхъ каждый можетъ выбрать наиболѣе подходящее къ его вкусамъ или взглядамъ; и все-таки эти вопросы ставятся вновь, пересматриваются, перерѣшаются, то по поводу цѣлой отрасли творчества, то по поводу одного художника, то по поводу романа, статуи, картины. Таковъ, напримѣръ, вопросъ о тенденціи или тенденціозности въ искусствѣ, о правѣ ея на существованіе, о совместиости ея съ высшей художественной техникой. Еще недавно выдвинутый на сцену выходомъ въ свѣтъ полного собранія сочиненій Глѣба Успенскаго, этотъ вопросъ опять поднятъ передвижной художественной выставкой, въ особенности картиной г. Рѣпина: „Не ждали“. Передъ этой картиной всего дольше останавливались посѣтителы выставки; о ней всего болѣе говорили въ обществѣ и въ печати. И дѣйствительно, стоило только посмотрѣть ее хоть одинъ разъ, чтобы надолго остаться подъ ея впечатлѣніемъ, почти подъ ея гнетомъ. Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, мы точно видимъ передъ собою центральное лицо картины — исхудалое, болѣзненное, преждевременно состарѣвшееся лицо, съ его загадочнымъ выраженіемъ, съ его нищущимъ чего-то и еще не нашедшимъ взоромъ. Не знаемъ, правильно ли мы

понимаемъ намѣреніе автора—но намъ думается, что чувство томительной неизвѣстности, овладѣвающее зрителемъ, составляетъ основную ноту всей картины. Что означаетъ недоконченное движеніе пожилой женщины—безъ сомнѣнія, матери возвратившагося ¹⁾,—стоящей спиной къ зрителю? Хочетъ ли она броситься на шею къ сыну или отшатнуться отъ него? Колеблется ли она между двумя противоположными чувствами, или всецѣло подавлена силою одного изъ нихъ? Другое лицо—молодой женщины, сидящей у фортепіано (вѣроятно, сестры или жены нежданнаго гостя)—заслонено отъ насъ только отчасти; неожиданность впечатлѣнія и здѣсь, однако, не даетъ еще высказаться опредѣленному, яркому ощущенію счастья или тревоги. Рѣшительно порывается на-встрѣчу вошедшему одинъ только мальчикъ—братъ или сынъ его (дѣвочка, повидимому, его еще не узнала),—но вѣдь мальчику неизвѣстно то прошедшее, воспоминавіе о которомъ стоитъ, быть можетъ, стѣною между взрослыми членами семейства. Совершается ли передъ нами развязка тѣмелой, но извнѣ нагрѣнувшей бѣды, возвращается ли въ семью человекъ, отторгнутый отъ нея посторонней силою, но никогда не перестававшій мысленно жить съ нею и для нея—или мы видимъ только завязку новой драмы, болѣе интимной и болѣе мрачной, драмы семейнаго разлада, взаимнаго непониманія, взаимныхъ упрековъ?.. Намъ скажутъ, можетъ быть, что самая возможность такихъ сомнѣній—если, конечно, они дѣйствительно возбуждаются картиной, а не зависятъ отъ нашего неумѣнья правильно смотрѣть на нее—говорить противъ художника, что впечатлѣніе, производимое картиной, должно быть цѣльнымъ, яснымъ, ничего не оставляющимъ недосказаннаго. Едва ли это такъ. Задачи искусства столь же широки, какъ и сама жизнь. Радость свиданія, горячая, неудержимая, все освѣщающая своимъ блескомъ—благодарный, вѣчно юный сюжетъ для картины; но не всегда же она наполняетъ собою сердца людей, встрѣчающихся послѣ долгой разлуки—ощущенія свиданія не всегда же бываютъ столь элементарными, простыми, столь свободными отъ всякой примѣси. Чѣмъ сложнѣе душевное состояніе, лицомъ къ лицу съ которымъ стоитъ художникъ, тѣмъ труднѣе изобразить его такъ, чтобы

¹⁾ По мнѣнію одного изъ критиковъ, это не мать, а гувернантка сидищихъ рядомъ съ нею дѣтей; она обращается къ *нарушителю урока* съ вопросомъ: что вамъ угодно? Болѣе крупнаго непониманія картины нельзя себѣ и представить. Не говоря уже о позѣ старушки, выражающей нѣчто гораздо большее, чѣмъ удивленіе и любопытство,—на ней сосредоточено все вниманіе вошедшаго; отъ нея, именно отъ нея онъ ожидаетъ перваго рѣшительнаго слова. Да и до того ли, въ такую минуту, чтобы смотрѣть на постороннее лицо и думать объ отнѣсѣнн на банальный вопросъ?

все поняли его одинаково, чтобы въ хорѣ цѣнителей и судей не раздалось ни одного диссонанса; но изъ-за трудностей дѣла нечего отступать передъ его исполненіемъ. Картина, вся проникнутая однимъ чувствомъ, распространяющая его вокругъ себя, сразу увлекающая зрителя на широкую дорогу, рѣзко намѣченную и не допускающую уклоненій — столь же законна, *caeteris paribus*, какъ и та, которая заставляетъ остановиться въ раздумьѣ, которая долго еще носится передъ воображеніемъ, со всею настойчивостью нерѣшеннаго, наболѣвшаго вопроса. Тысячи впечатлѣній стоятъ, въ самый моментъ своего возникновенія, на рубежѣ между радостью и горемъ, между любовью и враждою. Что возьметъ перевѣсъ — это дѣло времени, измѣряемаго, можетъ быть, секундами; но картина обнимаетъ собою только *одну* секунду — какъ же быть, если въ эту секунду еще не окончена борьба, не рѣшена побѣда? Не выбирать такихъ тѣмъ, сосредоточиваться только на побѣдоносномъ чувствѣ, на заключительномъ фазисѣ сложнаго психическаго движенія? Но это значило бы стѣснять безъ всякой надобности сферу живописи, заранее отворачиваться отъ цѣлей, въ которыхъ нѣтъ ничего безусловно-недостижимаго. Неужели хороша только та картина, о герояхъ которой можно сказать съ *достоверностью*, что они, внезапно получивъ жизнь, сказали бы или сдѣлали бы въ слѣдующую затѣмъ минуту? Можемъ ли мы всегда угадать, чѣмъ разрѣшится данное положеніе въ дѣйствительности? Очевидно, нѣтъ; на какомъ же основаніи, въ такомъ случаѣ, требовать во что бы то ни стало послѣдняго слова отъ картины?

„Нежданный“ гость, на картинѣ Рѣпина, не увѣренъ въ томъ, можетъ ли онъ считать себя *званнымъ*. Онъ еще не знаетъ, чѣмъ разрѣшится оцѣпенѣніе, въ которомъ точно застыли его родные. Онъ остановился посреди комнаты; онъ не простираетъ рукъ къ пожилой женщинѣ, стоящей въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Его лицо серьезно, почти сурово; сквозь слѣды прошлыхъ страданій не проступаетъ сладкое волненіе. Трудно сказать, ожидаетъ ли онъ новаго счастья, надѣется ли даже на него. Быть можетъ, съ самой катастрофы, разразившейся надъ нимъ, онъ не слышалъ еще отъ своей семьи слова примиренья или прощенья; быть можетъ, ему предстоитъ самому сказать это слово. Намъ чудится, что послѣ его возвращенія прольется еще много слезъ, далеко не радостныхъ, что не согласіе и не тишину принесъ въ свою семью человекъ, котораго мы видимъ передъ собою. Какого рода бури угрожаютъ маленькому кружку, еще за нѣсколько минутъ столь спокойному, хотя можетъ быть и не счастливому — это сказать трудно; но не спокойствіемъ

вѣтъ отъ пришельца. Въ немъ чувствуется надломленная, но еще не сокрушенная сила; она будетъ искать себѣ выхода, насколько и пока это позволитъ изможденное тѣло. Можетъ быть, смутное предчувствіе грядущихъ тревогъ было именно первымъ ощущеніемъ, охватившимъ обѣихъ женщинъ при видѣ неожиданнаго гостя. Никакого желанія „произвести эффектъ“ мы въ немъ не замѣчаемъ. Онъ вошелъ быстро, выдержавъ, повидимому, маленькую стычку съ горничной, не хотѣвшей отворить ему дверь — но вошелъ быстро не потому, чтобы рассчитывалъ всѣхъ поразить и обрадовать своимъ появленіемъ; гораздо вѣроятнѣе, что онъ желалъ поскорѣе узнать свою участь. Просить о ласковомъ приѣмѣ онъ не станетъ, хотя очевидно нуждается въ немъ, намучившись и изстрадавшись гдѣ-то тамъ, далеко. Въ энергіи, поддерживающей его въ рѣшительную минуту, есть что-то вызывающее на сочувствіе. Мы не выдаемъ, конечно, всѣхъ нашихъ догадокъ за нѣчто неподлежащее спору; онѣ основаны только на впечатлѣніи, произведенномъ на насъ картиной, и при первомъ, бѣгломъ взглядѣ, и при внимательномъ, долгомъ изученіи. Спѣшимъ прибавить, что это впечатлѣніе вовсе не эксперта. Судить о степени мастерства, съ которымъ исполнена задача, мы не беремся; мы измѣраемъ значеніе картины однимъ только общимъ дѣйствіемъ ея — и изъ значительности этого дѣйствія заключаемъ о значительности произведенія. Не „боязнь силы“ (выраженіе одного изъ критиковъ) чувствуется нами въ сценѣ, нарисованной г. Рѣпнымъ, а наоборотъ, полнота силы, сдержанной, но глубокой. Достаточно ли „отпущено“ на картину солнечныхъ лучей, достаточно ли ярки ея краски, или она словно вся наполнена „какою-то песочною пылью“ (выраженіе другого критика) — это, въ нашихъ глазахъ, вопросъ по меньшей мѣрѣ второстепенный, потому что освѣщеніе картины и ея колоритъ ничуть не уменьшаютъ силы впечатлѣнія. Очень можетъ быть, что фигура горничной, стоящей у двери и все еще не пришедшей въ себя отъ изумленія, смѣшаннаго съ испугомъ, написана „точно водянными красками“ — но развѣ это мѣшаетъ ея лицу вѣзаться въ память, почти наравнѣ съ главнымъ лицомъ картины? Она полна выраженія и жизни, — а это, право, важнѣе, чѣмъ *сочность* красокъ.

Въ чемъ же заключается, однако, внутренняя связь между картиной г. Рѣпина и вопросомъ о тенденціи въ искусствѣ, поставленнымъ нами въ началѣ этихъ замѣтокъ? Произведеніемъ тенденціознымъ, въ собственномъ смыслѣ слова, „Не ждали“ назвать нельзя; основной его мотивъ — не политическій, не социальный, а чисто психологическій. За что былъ сосланъ или заключенъ въ тюрьму

герой картины—на это мы не видимъ въ ней самой никакихъ указаній, никакихъ намековъ. Фотографіи, висящія на стѣнахъ комнаты, свидѣлствуютъ только о степени развитія семьи, оставляя неразъясненнымъ ея настроеніе; о причинахъ драмы, разыгрывающейся передъ нашими глазами, можно сдѣлать столько же разнообразныхъ догадокъ, какъ и о дальнѣйшемъ ея развитіи. Все это, однако, не оградило картину г. Рѣпина отъ упрека въ тенденціозности. „Раздумывая о русскомъ жанрѣ“—говорить одинъ изъ критиковъ именно по поводу „Не ждали“—„сколько разъ мы кончали желаньемъ, чтобы наши *бытовые* художники, вмѣсто сюжетныхъ жанровъ, писали прямо съ натуры, довольствовались типами, картинами домашней жизни, бери примѣръ съ великихъ голландскихъ мастеровъ. Если природа не надѣлила ихъ воображеніемъ, по крайней мѣрѣ они развили бы свое мастерство, вѣтъ всякихъ задачекъ и мотивчиковъ, превращающихъ картины въ политипажныя иллюстраціи. Голландцы не переставали писать своихъ трактирщиковъ, фермеровъ, мастеровыхъ—и остались недосягаемыми образцами жанровой живописи. Отчего же бы и намъ не пойти по слѣдамъ Ванъ-Остаде, Теньерова и Герардова Дау?“ Признаемся, эта проповѣдь самоограниченія кажется намъ очень мало убѣдительною. Голландская школа живописи—великая, бессмертная школа; идти по ея стопамъ—прекрасная задача, но подѣ однимъ только условіемъ: чтобы художникъ, ищущій въ ней вдохновенія и образцевъ, былъ близокъ къ ней по духу, по роду таланта. Созерцательная, спокойная натура, посвятивъ себя объективному воспроизведенію будничныхъ сценъ и будничныхъ типовъ, почувствуетъ себя въ своей настоящей сферѣ и свободно развернетъ въ ней все свое дарованіе; но въ чему же замыкать въ эту область и тѣхъ, для кого она представляется слишкомъ узкой? Въ чему устанавливать шаблоны, обязательные для всѣхъ *бытовыхъ* художниковъ? Какъ между писателями, такъ и между живописцами, есть люди, горячо чувствующіе, сильно убѣжденные; посадить себя за работу, въ которой не могло бы отразиться ихъ чувство, ихъ убѣжденіе, значило бы для нихъ насиловать свое дарованіе—а противъ такого насилія предостерегалъ еще старикъ Лафонтенъ. Въ выборѣ сюжета и манеры живописца, какъ и писателя, не совершенно свободенъ; одно привлекаетъ его къ себѣ, другое отталкиваетъ, третье оставляетъ равнодушнымъ. Онъ можетъ, пожалуй, послушаться совѣта и взяться не за свое дѣло—но едва ли это принесетъ много пользы ему самому и искусству. *Сюжетные жанры*—вполнѣ законное достоинствѣ живописи; это соединительная нить между нею и современною жизнью,

такою сложною, такою захватывающею, такою требовательною, что не всѣмъ конечно дано сторониться отъ ея вліянія. Мы не возстаемъ противъ служенія *чистому искусству*; оно имѣетъ и вѣчно будетъ имѣть право на существованіе, лишь бы только оно не претендовало на исключительное господство, лишь бы только рядомъ съ его культамъ оставалось мѣсто и для другихъ. *Задачи и мотивы*, говорятъ намъ, превращаютъ картины въ политическія иллюстраціи; можетъ быть—но во всякомъ случаѣ этого нельзя сказать о *задачахъ и мотивахъ*, въ разрядъ которыхъ безспорно принадлежатъ сюжеты: „Не ждали“. Само собою разумѣется, что *одной* тенденціи, даже самой чистой и высокой, недостаточно для того, чтобы создать замѣчательное художественное произведеніе—все равно, въ области ли живописи или въ области литературы. Въ картинѣ г. Ярошенко: „Причины неизвѣстны“—тенденція или по крайней мѣрѣ „задача“ выступаетъ на видъ гораздо ярче, чѣмъ въ „Не ждали“—но недостатки исполненія не выкупаются въ ней внутренней силой, и она не оставляетъ въ насъ и тѣни того впечатлѣнія, которое производитъ картина г. Рѣпина.

Можетъ ли тенденція проникнуть въ область, повидимому, для нея чуждую—въ область портретовъ? Критикъ, уже цитированный нами, разрѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно, ссылаясь на портреты Г. И. Успенскаго и госпожи Стрепетовой, работы г. Ярошенко. Фактически онъ правъ, но едва ли справедливы тѣ выводы, которые онъ дѣлаетъ изъ подмѣченнаго имъ факта. „Это портреты съ подчеркнутыми особенностями, съ явнымъ преувеличеніемъ экспрессіи. Кто знаетъ Г. И. Успенскаго, тотъ согласится, что его лицо *очень часто* имѣетъ совсѣмъ другое выраженіе, болѣе мягкое, съ усмѣшкой добраго рта, съ лаской въ глазахъ. Оно вообще не такъ сурово, въ глазахъ нѣтъ этой неподвижности... Намъ сдается, что тутъ есть склонность довести извѣстную нервность лица до крайней степени, во вредъ правдѣ и жизненности тона... Портретъ госпожи Стрепетовой еще болѣе подчеркнутъ. Такой измощенной она появлялась только въ послѣднемъ актѣ „Около денегъ“. Но тамъ она совсѣмъ въ другомъ платьѣ. Для простаго портрета цвѣтъ лица—преувеличенно мертвенный, и все выраженіе—крайне истерическое. Въ нормальномъ состояніи здоровья у артистки, конечно, не такой видъ... Отъ всей этой интеллигентной живописи пахнетъ мертвечиной и психомомъ.“ Остановимся, прежде всего, на двухъ подчеркнутыхъ нами словахъ: *очень часто*. Обязательно ли для портретиста изображать свой оригиналъ непременно такимъ, какииъ онъ бываетъ часто, даже всего чаще—или же онъ можетъ быть пред-

старленъ и такимъ, какимъ бываетъ *иногда*, подъ вліяніемъ того или другого чувства? Намъ кажется, что двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ быть не можетъ. Свобода портретиста не должна быть стѣснена рѣшительно ничѣмъ, лишь бы только онъ оставался вѣрнымъ своему образцу, лишь бы только онъ не сочинялъ, а передавалъ то, что дѣйствительно видитъ или видѣлъ. Если г. Успенскій бываетъ такимъ, какимъ нарисовалъ его г. Ярошенко — а этого критикъ не отвергаетъ, — то обвиненіе художника въ нарушеніи правды падаетъ само собою. Остается только рѣшить, удачно ли онъ выбралъ минуту, остановился ли онъ на случайномъ, мимолетномъ выраженіи лица, или схватилъ одну изъ тѣхъ экспрессій, въ которыхъ отражаются главныя черты характера и душевнаго склада. Намъ кажется, что г. Ярошенко удалось, по отношенію къ Г. И. Успенскому, именно послѣднее. На выставкѣ есть прекрасный портретъ гр. Л. Н. Толстого, работы г. Ге. Знаменитый романистъ представленъ пишущимъ, погруженнымъ въ свои мысли; на лбу у него легла глубокая складка, выраженіе лица до крайности серьезно. Безъ сомнѣнія, гр. Толстой не всегда бываетъ такимъ — но онъ бываетъ и такимъ, а этого довольно для портретиста. Никто, сколько намъ извѣстно, не упрекалъ г. Ге за то, что онъ не показалъ намъ гр. Толстого веселымъ, улыбающимся. Столь же мало заслуживающимъ упрека кажется намъ и г. Ярошенко, какъ авторъ портретовъ, о которыхъ мы теперь говоримъ. Выраженіе лица, данное живописцемъ госпожѣ Стренетовой, дѣйствительно напоминаетъ отчасти ея игру въ драмѣ: „Около денегъ“ (скорѣе, впрочемъ, въ первомъ актѣ, чѣмъ въ послѣднемъ); но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы въ минуты глубокаго и невеселаго раздумья оно не могло быть именно такимъ и внѣ театра. Не „жертвиной“ и не „психомомъ“ пахнутъ оба портрета, а развѣ той горькой, печальной, мрачной правдой, которую такъ часто приходится изображать г. Успенскому и госпожѣ Стренетовой — одному въ литературѣ, другой на сценѣ.

Что бы ни говорили теоретики чистаго искусства — тенденціозность, идущая рука объ руку съ талантомъ, всегда производила и производитъ сильное впечатлѣніе на массу, и объясненіе этому едва ли слѣдуетъ искать исключительно въ слабомъ художественномъ развитіи послѣдней. Безспорно тонкое эстетическое чутье, воспитанное знаніемъ и долговременною привычкой, открываетъ доступъ въ такіе области красоты, которыя остаются мертвой буквой для неподготовленнаго слуха или глаза. Наслаждаться, напримѣръ, Флоберомъ гораздо труднѣе, чѣмъ Ж. Зандомъ, потому что главная сила автора „Сантиментальнаго воспитанія“ заключается въ отдѣлкѣ деталей,

въ шлифовкѣ и чеканкѣ слога, въ музыкѣ языка. Флоберъ писалъ для любителей и знатоковъ; Ж. Зандъ—для всякаго чувствующаго и мыслящаго человѣка. Отсюда не слѣдуетъ еще, однако, чтобы къ художественному произведенію всегда былъ примѣнимъ законъ обратной пропорціи, чтобы достоинство произведенія всегда росло по мѣрѣ того, какъ уменьшается число лицъ, способныхъ оцѣнить его.

Отзываясь на идею, занимающую умы, на стремление, двигающее людьми, искусство не сходить, по необходимости, съ своего пьедестала; расширяя сферу своего вліянія, оно не становится, собственно вслѣдствіе этого, менѣе высокимъ. Чѣмъ тревожиѣе переживаемое время, тѣмъ легче его шумъ проникаетъ и въ сферу искусства—и отражаясь оттуда въ гармоническихъ аккордахъ, тѣмъ обаятельнѣе дѣйствуетъ на сердца. Отсюда невольное сочувствіе къ писателямъ, своимъ и чужимъ, которые не остаются въ сторонѣ отъ „великихъ цѣлей вѣка“, не смотря свысока на волненія и битвы своихъ современниковъ. Между такими писателями и обществомъ образуется какая-то особенная близость; въ нихъ любишь, иногда, не только автора, но и человѣка. Здѣсь, по нашему мнѣнію, разгадка того приѣма, который былъ сдѣланъ Шпильгагену въ Петербургѣ. Приѣзжай къ намъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Ауербахъ, приѣзжай къ намъ теперь Фрейтагъ, они едва ли сдѣлались бы предметомъ такого вниманія со стороны русской публики, хотя по таланту, по мѣсту, занимаемому въ нѣмецкой литературѣ ни тотъ, ни другой, не уступаютъ Шпильгагену. Шпильгагенъ интересенъ для насъ прежде всего какъ историкъ нѣмецкаго общества, какъ человѣкъ, долго стоявшій въ самомъ разгарѣ политической борьбы и до сихъ поръ не совсѣмъ еще удалившійся въ свою палатку. Все, что было выдающагося въ нѣмецкой общественной жизни, почти за цѣлое полу столѣтіе—до-революціонный застой, движеніе 1848 года, реакція, эпоха конфликта, народная война, послѣдовавшій за нею внутренній кризисъ—все отразилось у него въ длинномъ рядѣ романовъ, далеко неравныхъ съ чисто-литературной точки зрѣнія, но почти всегда полныхъ горячаго чувства. Одинъ изъ нихъ, по меньшей мѣрѣ, возвысился до той ступени, на которой политическій романъ становится художественнымъ произведеніемъ. Если-бы Шпильгагенъ написалъ только „Про что пѣла ласточка“, или „Низину“, онъ былъ бы у насъ такъ же мало извѣстенъ, какъ Гаклендеръ, Левинъ Шюккингъ, Фанни Левальдъ и другіе, второстепенные и третьестепенные бытописатели нѣмецкаго домашнего очага и нѣмецкихъ салоновъ; если-бы онъ написалъ только „Загадочныя Натуры“ и „Гогенштейновъ“, его бы у насъ охотно читали, но не болѣе. „Одинъ въ полѣ

не воинъ", отчасти (въ гораздо меньшей степени), и три послѣдовавшіе затѣмъ большіе романа („Молотъ и Наковальня“, „Все впередъ“, „Бурный приливъ“), создали ему положеніе, напоминающее нѣсколько роль Ж. Занда въ сороковыхъ, роль Дикенса—въ пятидесятыхъ годахъ. Онъ сдѣлался точно *нашимъ* писателемъ; онъ точно отвѣчалъ на наши запросы, точно затрогивалъ струны, къ звукамъ которыхъ мы всего внимательнѣе прислушивались въ нашей родной литературѣ. Отсюда та исключительная роль, которая—по справедливому замѣчанію одного изъ говорившихъ на Шпильгагенскомъ обѣдѣ (П. А. Гайдебурова)—выпала у насъ на долю „In Reih und Glied“. Правда, непосредственнымъ свидѣтелемъ этой роли было поколѣніе шестидесятыхъ годовъ—но вѣдь оно не сошло еще со сцены, и именно оно доставило главный контингентъ русскихъ чествователей Шпильгагена. Ошибочно было бы думать, впрочемъ, что молодому поколѣнію неизвѣстны или чужды фигуры Лео, Сильвіи, Туски; онѣ не утратили своего значенія уже потому, что не забыть еще, и вѣроятно не скоро будетъ забыть, первообразъ Лео—Лассаль.

Положеніе дѣлъ, въ моментъ пріѣзда Шпильгагена въ Петербургъ, представлялось, такимъ образомъ, весьма простымъ. Между нами совершенно неожиданно долженъ былъ появиться человекъ, которому очень многіе изъ насъ были обязаны сильными, глубокими впечатлѣніями, имя котораго давно уже приобрѣло у насъ широкую популярность. Устроить ему радушный пріемъ было столь же естественно, какъ естественна любезная встрѣча хозяиномъ дорогаго, рѣдкаго гостя. Замѣтимъ, что таково было сначала мнѣніе и тѣхъ, которые нѣсколько дней спустя дошли до сравненія Шпильгагена съ Хлестаковымъ, до низведенія его на степень литературной посредственности. „Чествованіе нѣмецкаго романиста, говорилось еще 14 марта, было само по себѣ вліяніемъ весьма естественнымъ. Ограничѣся это чествованіе тѣми лицами или даже учрежденіями, которыя имѣютъ связи съ литературой—и, безъ всякаго сомнѣнія, ни одинъ крикъ неудовольствія или неодобренія не поднялся бы ни въ русскомъ обществѣ, ни въ русской печати..“ Упомянувъ объ удачномъ разрѣшеніи вопроса, возникшаго по поводу участія Думы въ чествованіи Шпильгагена, газета продолжаетъ: „мы радуемся этому, вдвойнѣ—за Думу и за г. Шпильгагена. Онъ можетъ теперь уѣхать изъ Россіи, довольный тѣми чествованіями, которыя были ему приготовлены людьми, уважающими его литературный талантъ, но въ которыхъ не было ничего принудительнаго, ничего навязаннаго случайно и ничего безтактнаго“. Что же случилось въ короткій промежутокъ времени между напечатаніемъ этихъ строкъ и 18-мъ марта—днемъ отъѣзда Шпильга-

гена? Прибавилось ли къ чествованію романиста что-нибудь новое, „принудительное“ или „безтактное“? Нѣтъ; оно завершилось, согласно программѣ, литературнымъ вечеромъ, устройство котораго принадлежало комитету литературнаго фонда—т.-е. одному изъ тѣхъ *учреждений*, за которыми заранѣе признавалось право чествовать Шпильгагена. Переѣмна тона произошла, очевидно, потому, что литературный вечеръ 16-го марта постигла внѣшняя, матеріальная неудача; онъ не привлекъ той массы публики, на которую рассчитывали распорядители, избирая для него громадную залу дворянскаго собранія. Не говоримъ уже о томъ, что въ другой залъ тоже число слушателей произвело бы совершенно другое впечатлѣніе; для насъ достаточно напомнить извилины пути, которымъ шла анти-шпильгагенская агитація.

Въ этой агитаціи было еще нѣсколько сторонъ, на которыхъ стоитъ остановиться. Въ нашей однообразной, безцвѣтной жизни праздники крайне рѣдки—а общество нуждается въ праздникахъ ни чуть не меньше, чѣмъ отдѣльное лицо. Всякій перерывъ безконечно-длинныхъ будней, всякое нарушеніе *des ewigen Einerlei*, имѣютъ свою несомнѣнную цѣну, разъ что въ основаніи его лежитъ не банальное веселье, надоевшее хуже черной работы, а соединеніе во имя общей мысли, общаго чувства. Чѣмъ меньше случаевъ для такого соединенія, тѣмъ сильнѣе становится въ немъ потребность. Національныя празднества въ родѣ Пушкинскаго составляютъ рѣдкое исключеніе; въ длинные промежутки между ними естественно ухватиться и за такое событіе, какимъ былъ пріѣздъ Шпильгагена въ Петербургъ. И дѣйствительно, на долю участниковъ чествованія выпало нѣсколько минутъ, изъ-за которыхъ стоило страхнуть съ себя обычную вялость. Рѣчь, произнесенная Шпильгагеномъ на вечерѣ 16 марта, носила на себѣ слѣды нѣкотораго утомленія—но рѣчь, сказанная имъ на торжественномъ обѣдѣ 13 марта, была мастерскимъ ораторскимъ произведеніемъ, какое слишкомъ рѣдко удается слышать русскому уху. Полная огня и блеска, она ставила съ замѣчательной силой вопросы, близкіе каждому изъ насъ; она касалась будущности поэзии, касалась трудностей, съ которыми долженъ, въ наше время, бороться писатель, задачъ, къ которымъ онъ долженъ стремиться. Какъ вѣрно, напримеръ, и какъ поэтично было сравненіе сложныхъ, запутанныхъ комбинацій современной общественной жизни съ морскими волнами (*Grund und Windwallen*), изъ которыхъ одиѣ несутся сплошными, но темными массами, а другія, поверхностныя и пѣнистыя, вздымаются вѣтрами, въ направленіи иногда противоположномъ главному теченію. Слушая Шпильгагена, мы узнавали въ немъ именно автора

„In Reih und Glied“; въ насъ пробуждалась надежда, что онъ не сказать еще послѣдняго своего слова, что отъ него можно ожидать еще могучаго отзыва на вопросы дня—или, лучше сказать, на важнѣйшій вопросъ нашей эпохи, уже затронутый имъ однажды въ образѣ Лео ¹⁾. Случалось ли вамъ, только что прослушавъ любимую оперу, наткнуться на шумъ и гамъ уличнаго скандала? Чѣмъ-то въ этомъ родѣ былъ контрастъ между впечатлѣніемъ отъ рѣчи Шпильгагена, отъ его бесѣды, и впечатлѣніемъ отъ нападеній, которыми онъ подвергался въ печати. Если цѣлью всѣхъ этихъ толковъ о неоплаченномъ золотомъ гѣннѣ, о роспискѣ, данной заднимъ числомъ и т. п. было возстановить какъ можно скорѣе обычное будничное настроеніе, то они привели къ желанному результату; не думаемъ, только, чтобы это былъ результатъ дѣйный и почетный. Всего больше удовольствія онъ доставилъ, безъ сомнѣнія, тѣмъ, въ чьихъ глазахъ Шпильгагенъ—неблагодѣтельный писатель; не даромъ даже литературный фондъ былъ пристегнутъ, въ одной газетѣ, къ „тому лагерю“, за сочувствіе къ автору *красныхъ* романовъ.

Насъ старались увѣрить, что Шпильгагена чествовать не слѣдовало съ одной стороны, потому, что онъ въ своемъ журналѣ игнорируетъ русскую литературу, съ другой—потому, что мы слишкомъ рѣдко чествуемъ своихъ родныхъ писателей. Система коммерческихъ или аптекарскихъ счетовъ, въ примѣненіи къ литературѣ, для насъ не совсѣмъ понятна; удивляясь или сочувствуя иностранному писателю, мы считаемъ совершенно лишнимъ справляться, удивляется ли и сочувствуетъ ли онъ, въ такой же мѣрѣ, русскимъ знаменитостямъ. Онъ можетъ, во-первыхъ, вовсе не знать ихъ, такъ какъ знакомство съ русской литературой только-что начинаетъ распространяться въ западной Европѣ; онъ можетъ, во-вторыхъ, быть настолько же слабымъ въ критикѣ, насколько сильнымъ въ творчествѣ. Нельзя забывать и того, что лучшія произведенія главныхъ западно-европейскихъ литературъ доступны многимъ изъ насъ въ оригиналѣ, а иностранцы, почти безъ исключенія, судятъ о нашихъ великихъ писателяхъ только по переводамъ, далеко не всегда и не вполне передающимъ прелесть подлинника. Взаимныя отношенія народовъ на литературной почвѣ регулируются, во всякомъ случаѣ, не двухстороннимъ договоромъ, тщательно взвѣшивающимъ взаимныя права и

¹⁾ Въ частномъ разговорѣ Шпильгагенъ сообщалъ, что тамъ для слѣдующаго своего романа онъ рѣшился избрать современное социалъ-демократическое движеніе въ Германіи. Онъ давно уже, по его словамъ, ходилъ около этой темы, но не зналъ, съ какой стороны подойти къ ней; теперь точка отправленія найдена, и ничто не мѣшаетъ ему приступить къ работѣ.

обязанности, не двойною бухгалтеріею дебета и кредита; они регулируются тою ролью, которую литература одного народа играла и играетъ для другого, тѣми чувствами, которыя она ему внушаетъ. Если мы многимъ обязаны нѣмецкой литературѣ, то для выраженія ей нашей благодарности и симпатіи незначѣтъ ждать того момента, когда нѣмцы, съ своей стороны, признаютъ себя чѣмъ-нибудь обязанными русской литературѣ. Что касается до нашихъ родныхъ писателей, то мы дѣйствительно чувствуемъ ихъ слишкомъ мало и рѣдко; но что же изъ этого слѣдовало по отношенію къ чествованію Шпильгагена? Только одно: оно должно было напомнить намъ о другихъ, неисполненныхъ нами обязанностяхъ. Легкимъ, однако, исполненіе этихъ обязанностей назвать никакъ нельзя. Удобно ли было бы, напримеръ,—не говоря уже о разныхъ постороннихъ преградахъ—устроить празднество въ честь писателя (большого, крупнаго писателя), тридцатипятилѣтній юбилей котораго, недавно миновавшій и почти никѣмъ не замѣченный, совпалъ съ самымъ упорнымъ и ожесточеннымъ отрицаніемъ его заслугъ, его значенія? Что дѣлать, если намъ не дается до сихъ поръ умѣнье цѣнить людей, составляющихъ нашу силу и нашу славу, умѣнье относиться къ нимъ хотя бы съ тѣмъ уваженіемъ, которое вездѣ въ Европѣ составляетъ бесспорное достояніе таланта! Провести чествованіе писателя до конца, безъ единой фальшивой ноты—задача крайне трудная; испортить его, на оборотъ, весьма легко, какъ это и показала исторія Шпильгагенскихъ празднествъ. Къ подобнымъ случаямъ вполне примѣнима поговорка о бочкѣ меду и ложкѣ дегтю.

Къ вопросу о чествованіи Шпильгагена применимъ, въ силу какого-то логическаго скачка, вопросъ о литературномъ фондѣ. Не дальше, какъ мѣсяцъ тому назадъ, намъ пришлось говорить о громадномъ долгѣ русскаго общества передъ русской литературой, о литературномъ фондѣ, какъ объ одномъ изъ посредниковъ въ уплатѣ этого долга. Сколько бы разъ и по какому бы поводу ни шла рѣчь объ этомъ предметѣ, лишней ее назвать нельзя, потому что у насъ о немъ еще слишкомъ мало и слишкомъ рѣдко помнятъ. Мы радуемся, поэтому, авторитетному призыву, раздавшемуся недавно на ту же тему—но все-таки должны сказать, что съ оваціями Шпильгагену онъ связанъ чисто внѣшнею связью. Еслибы русское общество, подъ вліяніемъ одного изъ тѣхъ порывовъ, которые овладѣваютъ имъ слишкомъ часто въ театальной сферѣ, стало бросать деньги на дорогой подарокъ Шпильгагену, тогда его встати было бы оставить напоминаніемъ о родныхъ забытыхъ труженикахъ пера и мысли. Ничего подобнаго не было на самомъ дѣлѣ; подписка на золотой

вѣнокъ была задумана и исполнена нѣмецкимъ петербургскимъ обществомъ, съ самымъ незначительнымъ развѣ участіемъ русскихъ, и затраты послѣднихъ ограничились взятіемъ билетовъ на торжественный обѣдъ и на литературный вечеръ. Какъ бы то ни было, если призывъ нашего знаменитаго писателя будетъ услышанъ, если чествованіе нѣмецкаго романиста приведетъ наше общество къ болѣе усердному исполненію его обязанностей по отношенію къ русской литературѣ, „Шпильгагенская недѣля“ останется памятной въ нашихъ лѣтописяхъ, и можно будетъ помириться даже съ тѣми прискорбными явленіями, которыми она была слишкомъ богата.

Но не одни труженики литературы имѣютъ право на вниманіе и поддержку со стороны общества; это право принадлежит и всѣмъ тѣмъ, слишкомъ еще малочисленнымъ, земскимъ или другимъ дѣтелямъ, которые въ глуши, въ безвѣстности, среди самыхъ тяжелыхъ условій, самоотверженно и безкорыстно служатъ обществу и народу. Вѣсти о такихъ людяхъ и ихъ подвижничествѣ появляются время отъ времени въ печати, большею частію—послѣ ихъ смерти. Глубокое впечатлѣніе производитъ разсказъ о цѣлой такой жизни, посвященной скромному, однообразному труду, ничего не обѣщающему лично для самого труженика, но въ высшей степени производительному для общества. Такова бываетъ, напримѣръ, жизнь земскаго врача, учителя народной школы; эти люди отдають не одно перо, а и самую жизнь на служеніе странѣ, и уменьшаютъ пропасть, раздѣляющую интеллигенцію и народъ, внушая послѣднему довѣріе къ первой. Имена такихъ тружениковъ, какъ Лукина, земскаго врача бѣлскаго уѣзда (тульской губ.), недавно умершаго жертвою своего усердія и любви къ ближнему, заслуживаютъ вѣчной памяти, и приглашаютъ къ усиленнымъ заботамъ объ обезпеченіи судьбы тѣхъ, которые стоятъ на томъ же пути. Нельзя не быть благодарнымъ К. Д. Кавелину за сообщеніе свѣдѣній о Лукинѣ и о тѣхъ поминкахъ, которыми справедливо почтилъ его память городъ Бѣлевъ (см. „Новости“ № 72). Такія лица служатъ не одному Бѣлеву и его уѣзду—они служатъ всей своей странѣ.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ТОМА.

МАРТЪ—АПРѢЛЬ, 1884.

Книга третья. — Мартъ.

	стр.
Пятихны дѣти.—Изъ чужихъ воспоминаній.—Тетрадь № 1.—А. И. ЭРТЕЛЯ.	5
Рихардъ Вагнеръ.—Біографическій очеркъ.—І. П.—П. А. ТРИФОНОВА . . .	46
Стихотворенія.—І. Пальма.—П. Пророку.—Ш. Ниночѣ.—С. МОСОЛОВА .	87
Жизля.—Изъ разсказовъ о золотѣ.—XV-XIX.—Д. Н. МАМИНА	91
Стихотворенія.—І. Сонеты.—П. Изъ путевыхъ замѣтокъ.—М. А.	143
Константинъ Аксаковъ.—1817—1860.—І.—А. Н. ПЫПИНА	145
Белинда.—Романъ, соч. Родн Браутоуъ.—Періодъ первый.—І.—А. Э. . . .	178
Стихотворенія.—Вѣчный сонъ.—Л. П.—ИНЪ	230
По Испаніи.—Изъ путешествія.—X-XV.—Окончаніе.—Д. Л. МОРДОВЦЕВА .	233
Негръ-пасторъ Джонъ Криди.—Разсказъ, съ англ.—А. Э.	271
Стихотворенія.—А. М.—ВЪ	288
Хроника.—Разлученіе супруговъ, какъ необходимый институтъ брачнаго права. —К. Е. АРСЕНЬЕВА	290
Внутреннее Овозрѣніе.—Мелкія починки въ земскомъ Положеніи, и крупныя земскія неурядицы.—Земская избирательная система, какъ главный ихъ источникъ.—Сословное прожектёрство, и его судьба.—Петербургское дворянское собраніе.—Сессія губернскихъ земскихъ собраній.—Но- въшія законодательныя мѣры.—М. Е. Ковалевскій †.	327
Завѣтные пахари.—Замѣтка.—Ө. Ө. ВОРОПОНОВА	345
Письма изъ провинціи.—Телегисъ.—Т.	362
Иностранное Овозрѣніе.—Особенности внѣшней политики въ Европѣ въ настоя- щее время.—Примущества отдаленныхъ экспедицій и колоніальныхъ заботъ.—Египетскія дѣла и англійская дипломатія.—Наладки на Глад- стона.—Общее положеніе дѣлъ въ континентальной Европѣ.—Кн. Бисмаркъ и Ласкеръ.—Оближеніе Германіи съ Россією.—Исклѣчительные законы въ Австріи.—Консерватизмъ въ Испаніи и Франціи	372
Литературное Овозрѣніе.—Сочиненія кн. П. А. Вяземскаго, т. IX.—Сочине- нія Козьмы Прутова.—Географическій словарь, Ял. Головацкаго.— А. Н.—О шлебисцитѣ въ международномъ правѣ, Л. Лодыженскаго.—О происхожденіи и сущности вѣчно-чиншевого права, Л. В. Гантовера, в. I. —Д. С.—Описаніе слямно-русскихъ книгъ, И. Каратаева.—М. П.-й. —Пованіе о власти и народѣ въ наказахъ 1789 г., В. Герье.—В. Але- ксандровъ, Задача и организація школьнаго дѣла въ уѣздѣ, кн. III.— Отчетъ о первомъ сѣздѣ учительницъ въ Твери, Д. Тихомірова.—К. Е. Замѣтка.—По поводу юбилея перваго русскаго печатника Ивана Федорова. —В. К.	386
Изъ Овѣстивной Хроники.—Продолженіе нападокъ на судн.—Дѣло г. Зографа и „Московскія Вѣдомости“.—Судъ, администрація и печать.—Вопросъ о правахъ незаконнорожденныхъ дѣтей въ юридическомъ обществѣ.— 25-лѣтіе литературнаго фонда.—Рѣчь г. Базиліи въ одесской думѣ.—Ли- тературный судъ чести.	413
Отъ редакціи.—По поводу письма въ редакцію П. А. Висковатого	420
Библиографическій Листокъ.—Хроника петербургскихъ театровъ, ч. III, А. И. Вольфа.—Очерки исторіи украинской литературы XIX стол., Н. И. Петрова.—Иллюстрація къ „Запискамъ сумасшедшаго“, К. Шалиро.— Соціальныя недуги, Г. Дальтона.—Хлѣбъ насущный, Н. Неплюева.— Война въ Туркменіи, т. III, Н. И. Гродекова.	485

Книга четвертая.—Апрѣль.

ОТР.

Изъ Сырокомли.—I. Прекъ статуей рыцаря.—II. Пѣсна жнецовъ.—III. Подражаніе Гомеру.—IV. Дѣти Гомера.—V. Счастье.—В. Н.—СКАЯ . . .	437
Рихардъ Вагнеръ. — Біографическій очеркъ. — III-IV. — Окончаніе. — П. А. ТРИФОНОВА . . .	442
Безъ мужей.—Повѣсть.—I-III.—II. Д. БОБОРЫКИНА . . .	488
Въ горюхъ обществѣхъ Каварди.—Изъ путешествія ВСЕВ. МИЛЛЕРА и МАКС. КОВАЛЕВСКАГО. . .	540
Ковстантинъ Аксаковъ.—1817-1860.—II.—Окончаніе А. Н. ПЫПИНА . . .	589
Полевая почта, во время войны 1877-78 гг. — Изъ воспоминаній.—I-VIII.—В. Д. КРЕНКЕ . . .	619
Жилка.—Изъ разсказовъ о золотѣ.—XX-XXVI.—Окончаніе.—Д. Н. МАМИНА . . .	658
Стихотворенія.—I. Скорбь.—II. Всталъ онъ бодрый.—Н. МИНСКАГО . . .	715
Белинда.—Романъ, соч. Роди Браунтъ.—IX-XIV.—Съ англ.—А. Э. . . .	717
Русскіе величисты новаго поколѣнія.—М. Альбовъ: Повѣсти. — Е. Варанцевичъ: Повѣсти и разказы.—Е. К. АРСЕНЬЕВА . . .	758
Хроника.—Внутреннее Овозраженіе. — Предостереженіе, данное председателю общественныхъ собраній. — Временныя правила о публичныхъ библиотекѣхъ и кабинетѣхъ для чтенія.—Новый фазисъ полемики о судѣ присяжныхъ. — Заключеніе оберъ-прокурора по дѣлу Мельницкихъ въ сенатѣ.—Проектъ новыхъ правилъ о питейной торговлѣ.—С.-Петербургское юридическое общество . . .	775
Потребительныя Артилы, ихъ организація и практика.—В. ЧЕРВИНСКАГО . . .	800
Письма изъ провинціи.—Саратовъ.—Н. И. . . .	820
Иностранное Овозраженіе.—Князь Бисмаркъ о парламентѣ.—Личная политика и ея слабости.—"Дѣло" о Ласкерѣ въ германскомъ и американскомъ парламентахъ. — Новая партія о свободномыслищихъ. — Рѣчи канцлера о свободѣ и социализмѣ.—Рабочій кризисъ во Франціи. — Политическій процессъ въ Норвегіи.—"Международный журналъ" г. Де-Губернатиса. . .	890
Литературное Овозраженіе.—Основаніе классификаціи государствъ, Н. Зѣбрева.—Теорія денежнаго обращенія, Н. Н. Коссовскаго.—Л. С.—Живописная Россія, пер. П. П. Семенова, т. XI.—Очеркъ изъ исторіи Тамбовскаго края, И. Н. Дубасова.—Похвала глупости, Эразма Роттердамскаго, пер. А. Кирилчичева. — А. Н. . . .	847
Замѣтка.—По поводу "Открытаго письма" г. Златоврадскаго.—А. Н. ПЫПИНА . . .	866
По дѣлу Мельницкихъ.—Письмо въ редакцію.—О. . . .	872
Изъ Общественной Хроники.—Дѣнадцатая передвижная выставка. — Картина г. Рѣпина: "Не ждали"; портреты г. Ярошенко. — Вопросъ о направленіи въ живописи.—Шпильгагенъ въ Петербургѣ . . .	878
Библиографическій Листокъ.—Полное собраніе стихотвореній Н. А. Некрасова, въ одномъ томѣ.—Реальный словарь классической древности, Фр. Любкера, пер. В. Молдстова.—Исторія реформациі въ Польшѣ, Н. Любвича.—Устройство плотинъ, Д. Д. Неелова.—По вопросу о мѣрахъ противъ пьанства, О. Н. Половинкова.—Законы о гражданскихъ договорахъ, В. И. Фармаковскаго. . .	

Полное собрание стихотворений Н. А. Некрасова, въ одномъ томѣ. 1842—77 г. Съ портретомъ, факсимиле и библиографическимъ очеркомъ. Изданіе третье. Спб. 1884. Стр. 446. Ц. 3 руб.

Настоящее изданіе Некрасова, воспроизводи предшествующее ему, заключается въ одномъ томѣ не только все, что вошло въ четыре тома посмертнаго изданія, 1879 г., но оно еще и дополнено; ему недостаетъ однихъ комментариев и вариантовъ, которыми было снабжено изданіе посмертное. Какъ видно изъ предисловія, покойная сестра поэта, заботамъ которой мы обязаны обстоятельностью и дешевизною изданія поэзіи ея брата, зашла весь доходъ отъ послѣдняго изданія раздѣлить между указанными ею лицами, а остатокъ отъ того передать частью новгородскому земству на народное училище въ память ея брата и литературному фонду.

Реальный словарь классической древности Фр. Любкера. Полный перев. п. р. проф. В. И. Модестова. Выпускъ первый. Спб. 1884. Стр. 320.

Самое заглавіе извѣстнаго труда Ф. Любкера говоритъ о той пользѣ, какую этотъ словарь можетъ принести въ школахъ, гдѣ классицизмъ не долженъ ограничиваться одними грамматическими формами языка древнихъ, но и знакомить учащагося съ бытовою стороною ихъ жизни и ея обстановкою и условіями. Потому нельзя не порадоваться, что этотъ трудъ сдѣлался доступнѣе и нашей школѣ, и притомъ въ прошедшемъ году появился одновременно въ двухъ изданіяхъ: кромѣ указываемаго нами перевода, подъ редакціей проф. В. И. Модестова, появился и другой переводъ „Общества классической филологіи и педагогикѣ“. Такая конкуренція весьма выгодна для школы, такъ какъ, вѣроятно, и та, и другая сторона возьмутъ на себя трудъ указывать сопернику его недостатки, и тѣмъ дадутъ взаимно средства къ исправленію труда, при дальнѣйшихъ изданіяхъ; а наконецъ, обѣ стороны позаботятся и о дешевизнѣ. Но ни никакъ не можемъ одобрить полученнаго нами циркуляра упомянутаго общества къ началу школы съ рекомендаціей своего изданія и съ голословнымъ указаніемъ, будто изданіе, руководимое проф. Модестовымъ, „во всѣхъ (?) отношеніяхъ много уступаетъ“ изданію, сдѣланному „Обществомъ классической филологіи“. Такой способъ конкуренціи мы считаемъ неудобнымъ для столь почтеннаго общества, каковымъ должно считать „общество классической филологіи“.

Исторія реформациі въ Польшѣ. Кальвинисты и антиринисты. Н. Любвича. Варшава, 1888. Стр. 847. Ц. 8 р.

Реформаціонное движеніе среди славянскихъ народовъ, за исключеніемъ Богеміи, мало изслѣдовано, быть можетъ, и потому, что протестантизмъ не укоренился ни у одного изъ славянскихъ народовъ; вслѣдствіе того, этотъ вопросъ не имѣетъ жизненнаго интереса и рѣдко находить для себя изслѣдователя. Причина неудачи протестантизма среди славянъ лежитъ, конечно, въ томъ, что съ нимъ рука объ руку являлся и германизмъ. Авторъ названнаго нами изслѣдованія задается мыслью объяснить причины своеобразнаго характера реформаціоннаго движенія въ Польшѣ и указать, почему до сихъ поръ могъ казаться загадочнымъ и быстрый успѣхъ рефор-

маціи въ этой странѣ, и столь же быстрое ея паденіе. Въ настоящемъ выпускѣ авторъ останавливается на 1562 годѣ, когда реформація достигла въ Польшѣ наивысшаго развитія. Его изслѣдованіе, какъ основанное на архивныхъ документахъ, представляетъ весьма серьезное научное значеніе и безъ сомнѣній обратитъ на себя вниманіе специалистовъ. Весьма было бы интересно, еслибъ авторъ, при дальнѣйшей разработкѣ вопроса, указалъ, можетъ ли быть установлена какая-нибудь связь между реформаціоннымъ движеніемъ въ Польшѣ того времени и не прекращающимся до сихъ поръ религіознымъ движеніемъ въ юго-западной Россіи, въ формѣ шугандовъ.

Устройство плотинъ. Въ трехъ частяхъ. Состав. Д. Д. Нееловъ. Спб. 1884. Ц. съ атласомъ чертежей 10 руб.

Обширный трудъ г. Неелова посвященъ распространенію между нашими сельскими хозяевами и заводчиками основательныхъ свѣдѣній о средствахъ, при помощи плотинъ, пользоваться даровымъ двигателемъ, который, въ виду истребленія лѣсовъ и дороговизны топлива, можетъ оказать существенныя услуги въ хозяйствѣ. Отсутствіе специалистовъ для сооруженія подобныхъ работъ можетъ быть возмѣщено настоящимъ трудомъ, весьма детальнымъ и обстоятельнымъ, гдѣ разсмотрѣны всѣ способы примѣненія плотинъ къ задачамъ какъ сельскаго хозяйства, такъ и заводскаго дѣла.

По вопросу о марахъ противъ пьянства, О. Н. Половинкова. С.-Петербургъ, 1884. Стр. 30.

Голосъ г. Половинкова, раздавшійся изъ Сибири, не прибавляетъ ничего особенно новаго къ питейному вопросу. Мѣры, предлагаемыя авторомъ—повиженіе питейнаго сбора для мелкихъ поселеній, уничтоженіе всякихъ ограниченій относительно числа питейныхъ домовъ, допущеніе къ продажѣ вина различной крѣпости, отмена дополнительнаго акциза съ извѣстныхъ водокъ—не могутъ быть названы даже палліативами; къ уменьшенію пьянства онѣ безъ сомнѣнія не привели бы. Опровергать самый фактъ пьянства средней цифрой выпиваемаго вина, значитъ впадать въ очевидную ошибку; важно не то, сколько всего выпивается вина, а то, какъ и когда оно выпивается.

Законы о гражданскихъ договорахъ и обязательствахъ, общедоступно изложенные и объясненные. Состав. имп. судья В. И. Фармаковский. Изд. 4-е, одобренное учен. ком. мин. варод. просвѣщенія (?). Спб. 1884. Стр. 275. Ц. 1 р. 25 к.

Составитель этой весьма полезной книги исходитъ изъ той справедливой мысли, что въ нашемъ обществѣ незнакомство съ основными понятіями о правѣ и даже съ азбучными знаніями закона переходить далеко за предѣлы возможнаго и извинительнаго: „акта правильно составленнаго,“ говоритъ онъ, „почти невозможно встрѣтить“. Чтобы облегчить обществу въ этомъ отношеніи, г. Фармаковский изложилъ общедоступно общіе законы для договоровъ всякаго рода, и законы о каждомъ договорѣ въ отдѣльности. Алфавитный указатель облегчаетъ каждому трудъ прискать все, что можетъ его интересовать въ данную минуту. Законъ излагается въ подлинномъ текстѣ, а толкованія основаны на взглядахъ сената.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

НА 1884 г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

Годъ: Полгода: Четверть:				Годъ: Полгода: Четверть:			
Безъ доставки . . .	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	Съ пересылкою . . .	17 » — »	10 »	6 »
Съ доставкою . . .	16 » — »	9 »	5 »	За-границей . . .	19 » — »	11 »	7 »

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за-границей — 3 руб.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается—въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала «Вѣстникъ Европы» въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Мелле, на Невскомъ проспектѣ;—въ Москвѣ: при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—Иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполне за точную и своевременную доставку городскихъ подписчикамъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые высылаютъ подписную сумму по почтѣ въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: или, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (не) доузнана выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожителства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к. изъ иногороднихъ въ городскіе—50 коп.; и изъ городскихъ или иногороднихъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногороднихъ, которые приложить къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

Digitized by Google

